Н. Карѣевъ.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ.

(Развитіе культурныхъ и соціальныхъ отношеній).

Томъ III.

«ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ» И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.
1893.

Н. Карѣевъ.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ.

(Развитіе культурныхъ и соціальныхъ отношеній).

Томъ III.

«ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ» И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.
1893.

2071

„ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ" И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.

Изученіе исторіи XVIII вѣка. — Государственный и общественный бытъ при «старомъ порядкѣ». — Общій характеръ «философіи» XVIII вѣка.—Ея главные представители и направленія.—Новыя общественныя идеи.—«Просвѣщенный абсолютизмъ», его дѣятели и ихъ преобразованія.—Франція при Людовикѣ XV и при Людовикѣ XVI.—Французская революція и произведенныя ею политическія и соціальныя измѣненія.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ III тому.

Въ общемъ предисловіи къ настоящему труду, помѣщенному въ первой его части, выяснены происхожденіе, характеръ и цѣль всего труда. Въ настоящемъ томѣ изложена западно-европейская исторія между 1715 и 1799 годами, хотя эти общія рамки не помѣшали автору, съ одной стороны, включить въ изложеніе кое-что и изъ болѣе раннихъ эпохъ, а съ другой—въ изложеніи исторіи нѣкоторыхъ странъ остановиться и раньше 1799 года до котораго, собственно говоря, доведена только исторія Франціи. Этого требовалъ общій планъ настоящаго тома, а вмѣстѣ съ тѣмъ и планъ дальнѣйшаго изображенія западно-европейской исторіи въ XIX в., дать которое читателю авторъ не теряетъ надежды. Подобно тому, какъ во II томѣ на первый планъ были выдвинуты Германія (въ XVI в.) и Англія (въ XVII в.), такъ въ настоящемъ томѣ самое большое мѣсто отведено Франціи. Въ исторіи XIX в. придется уже болѣе равномѣрно распредѣлить изложеніе между Англіей, Германіей, Италіей и Франціей, какъ, это впрочемъ, уже было сдѣлано въ I томѣ. Читатель замѣтитъ еще, что чѣмъ ближе къ современности подвигается изложеніе, тѣмъ оно становится полнѣе и подробнѣе и тѣмъ болѣе дѣлается указаній на историческую литературу. Того же принципа авторъ намѣренъ держаться и въ исторіи новѣйшаго времени.

Н. К.

24 февраля 1892 г.

7 марта 1893 г.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 113—114: Funck-Brentano. La question ouvrière sous l'ancien régime.—Babeau. L'ouvrier sous l'ancien règime.

Къ стр. 95: М. Ковалевскій. Крестьянское хозяйство во Франціи до революціи. (Рус. Бог., 1893).

Къ стр. 154—155: о Вольтерѣ недавно вышло въ свѣтъ соч. Edme Champion'a, автора книги о франц. революціи, названной на стр. 9, примѣч. 3.

Къ стр. 189—190: Chuquet. J. J. Rousseau.

Къ стр. 218: о д'Аламберѣ см. книжку Бертрана (въ Les grands écrivains français, какъ и предыдущая).

Къ гл. XV и XXVII: Wilibald Müller. Johann Leopold von Hay. Ein biographischer Beitrag zur Josephinischen Kirchenpolitik. Недавно было объявлено о имѣющей появиться по-русски диссертаціи (Петербургской дух. акад.) о церковномъ законодательствѣ Іосифа II.

Къ стр. 451: біографія Лафайета, предпринятая Барду, теперь закончена.

Къ стр. 626 и 634: M. Ferraz. Histoire de la philosophie pendant la révolution française.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вступленіе.

Французская революція.

ВСТУПЛЕНІЕ.

I. Изученіе исторіи XVIII вѣка.

Значеніе реформаціи и революціи въ новой западно-европейской исторіи.—Главныя явленія исторіи XVIII вѣка.—Общія обработки исторіи XVIII вѣка.—Исторіографія «просвѣщенія».—Неразработанность исторіи просвѣщеннаго абсолютизма.—Общій взглядъ на литературу по исторіи французской революціи.—Главные вопросы при изученіи эпохи.—Основные элементы ея движеній.—Государственное и личное начала въ исторіи новаго времени.—Политическая свобода и соціальная борьба.

Исторія западной Европы въ новое время можетъ быть раздѣлена на два большіе отдѣла по двумъ, такъ сказать, центральнымъ эпохамъ, сообщающимъ то или другое значеніе каждому изъ этихъ двухъ отдѣловъ въ цѣломъ культурно-соціальнаго развитія европейскихъ народовъ въ послѣдніе вѣка. Первенствующее мѣсто въ первомъ отдѣлѣ принадлежитъ религіозной реформаціи XVI в. со всѣми культурными и соціальными, церковными и политическими движеніями, которыя ей предшествовали, ее вызвали, ее сопровождали и осложняли, за нею послѣдовали и изъ нея вытекали. Въ серединѣ XVII в. реформаціонный періодъ кончается, и наступаетъ новый періодъ западно-европейской исторіи, характеризующійся господствомъ на материкѣ абсолютной монархіи, періодъ отъ вестфальскаго мира до начала французской революціи, т.-е. отъ 1648 по 1789 г.[1]), но подобно тому, какъ реформація XVI вѣка, начиная новый историческій періодъ, находится вмѣстѣ съ тѣмъ въ центрѣ эпохи, первая половина которой была временемъ ея подготовленія и ея предшественниковъ[2]), а вторая—временемъ ея развитія и обнаруженія ея слѣдствій, такъ и французская революція, съ коей начинается новѣйшая исторія западной Европы, можетъ быть разсматриваема, какъ событіе, къ ко-

---

[1]) Ср. т. II, стр. 1 и 383.
[2]) См. т. I, главы XXXVII—XL.

торому сходятся и отъ котораго расходятся всѣ главныя явленія предыдущей и послѣдующей исторіи. Мы имѣемъ право идти и далѣе въ этомъ сравненіи: въ концѣ XVIII в. Западная Европа вступила въ столь же бурную эпоху, какъ и въ началѣ XVI столѣтія, но какъ тогда общественныя движенія совершались подъ знаменемъ религіозныхъ идей, еще ранѣе высказывавшихся въ литературѣ, такъ и движеніямъ, начавшимся въ концѣ XVIII вѣка, предшествовала эпоха работы культурной мысли, направленной на вопросы философскіе, моральные и политическіе. Это явленіе и составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей XVIII столѣтія, вѣка „просвѣщенія" (siécle des lumieres, Zeitalter der Aufklärung) или философскаго вѣка, какъ его еще называютъ. Новое культурное направленіе, соединившее въ себѣ результаты гуманизма и протестантизма, унаслѣдовавшее свободомысліе и свѣтскій характеръ перваго и усвоившее заключавшіеся во второмъ элементы религіозной и политической свободы [1]), въ серединѣ XVIII вѣка овладѣло до извѣстной степени абсолютными монархами и ихъ совѣтниками, что породило характерное явленіе „просвѣщеннаго абсолютизма", или „просвѣтительнаго деспотизма", какъ его еще называютъ, характеризующаго цѣлые полстолѣтія передъ началомъ французской революціи (1740—1789). Какъ въ реформаціонный періодъ церковныя преобразованія совершались двоякимъ путемъ, т.-е. или сверху, путемъ дѣйствія государственной власти, или, наоборотъ, снизу, въ силу народнаго движенія, такъ и въ это время государственныхъ и общественныхъ реформъ послѣднія предпринимались либо по иниціативѣ правительствъ („просвѣщенный абсолютизмъ"), либо были, напротивъ того, результатомъ общественнаго движенія (революція), причемъ „просвѣщенные деспоты" являлись какъ бы предшественниками революціи, поскольку они и революціонные дѣятели ставили себѣ однѣ и тѣ же задачи и исходили изъ однѣхъ и тѣхъ же идей. Такимъ образомъ *главными явленіями культурно-соціальной исторіи XVIII вѣка нужно считать просвѣщеніе, просвѣщенный абсолютизмъ и французскую революцію.*

Подобно тому, какъ изложенію реформаціоннаго періода мы предпослали общее вступленіе съ указаніемъ на историческую литературу, такъ и теперь, переходя къ XVIII столѣтію, мы сдѣлаемъ краткій очеркъ изученія исторической наукою какъ всего XVIII в. въ цѣломъ, такъ и трехъ вышеназванныхъ явленій, оставивъ пока въ сторонѣ сочиненія менѣе общаго характера, чтобы сдѣлать на нихъ указанія въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

Само собою разумѣется, исторіи XVIII вѣка отводится почетное

---

[1]) Томъ II, глава XX (о принципахъ протестантизма).

мѣсто въ большихъ всемірныхъ исторіяхъ Шлоссера, Беккера и Вебера, равно какъ въ коллективной Allgemeine Weltgeschichte, въ коей новая исторія обработана Филиппсономъ, посвятившимъ XVIII вѣку большой томъ, далѣе въ сочиненіяхъ по философіи исторіи и по исторіи культуры [1]), но до сихъ поръ нѣтъ отдѣльнаго цѣльнаго труда по этой эпохѣ, который могъ бы замѣнить знаменитую „Исторію XVIII столѣтія и девятнадцатаго до паденія французской имперіи" Шлоссера, существующую и въ русскомъ переводѣ (въ восьми томахъ), но уже устарѣлую, такъ какъ этотъ трудъ былъ законченъ еще въ первой половинѣ истекающаго столѣтія. Послѣ Шлоссера уже никто не брался за такую задачу [2]). За то весьма обширна разработка исторіи отдѣльныхъ странъ, эпохъ и культурно-соціальныхъ явленій въ XVIII вѣкѣ, въ особенности же по исторіи самаго главнаго явленія—французской революціи съ ея причинами и умственнымъ движеніемъ, ее подготовившимъ. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать объ эпохѣ просвѣщеннаго абсолютизма, по которой нѣтъ ни одного цѣльнаго сочиненія.

„Просвѣщеніе" XVIII вѣка, подобно Возрожденію въ началѣ новаго времени, было явленіемъ, имѣвшимъ главное значеніе въ духовной жизни извѣстной части европейскаго общества и потому выражалось преимущественно въ литературныхъ произведеніяхъ эпохи, употребляя терминъ въ самомъ широкомъ смыслѣ. Поэтому факты, относящіеся къ исторіи „просвѣщенія", находятъ мѣсто обыкновенно въ исторіяхъ литературы и культуры, въ исторіяхъ философіи, моральныхъ доктринъ, политическихъ ученій, соціальныхъ наукъ, экономическихъ воззрѣній [3]). Наиболѣе удачною попыткою дать общій обзоръ умственнаго движенія XVIII вѣка (съ исхода предыдущаго столѣтія) нужно признать „Исторію всеобщей литературы XVIII вѣка" Геттнера, переведенную на русскій языкъ, но, какъ и исторія Шлоссера, успѣвшую уже устарѣть въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ. Съ точки зрѣнія общей исторіи наибольшую важность представляетъ собою второй томъ этого труда, посвященный фран-

[1]) Ср. т. I, стр. 3—4 и II, 16. Во Всеобщей Исторіи Георга Вебера, существующей въ русскомъ переводѣ, XVIII вѣкъ занимаетъ около трети 12-го тома (1700—1740) и весь 13-й.

[2]) Europäische Geschichte im XVIII. Jahrhundert Карла Нордена доведена въ трехъ томахъ едва до 1711 года и на этомъ остановилась за смертью автора. Vorlesungen aus der Geschichte des XVIII Jahrhunderts Франке есть не что иное, какъ собраніе читанныхъ авторомъ публичныхъ лекцій, не представляющее ничего цѣльнаго.

[3]) На русскомъ языкѣ по исторіи литературы см. изд. Корша и Кирпичникова, по исторіи философіи Льюиса, Ланге (Исторія матеріализма), Ибервега и др., по исторіи политическихъ ученій книгу Чичерина, по исторіи экономическихъ ученій см. ниже въ гл. XVI.

цузской литературѣ [1]). Далѣе могутъ быть названы здѣсь такія сочиненія, какъ „Философія XVIII в. и христіанство“ (La philosophie du XVIII siècle et le christianisme) Лорана, „Исторію англійскаго деизма“ (Geschichte des englischen Deismus) Лехлера, „Исторія моральныхъ и политическихъ идей во Франціи въ XVIII в.“ (Histoire des idées morales et politiques en France au XVIII siècle) Барни, „Церковь и философія XVIII в.“ (L'église et la philosophie du XVIII s.) Ланфре, „Восемнадцатый вѣкъ“ (Le dix-huitième siècle) Фаге, „Революціонный духъ до революціи“ (L'esprit révolutionnaire avant la révolution) Рокена, „Общественный духъ въ XVIII в.“ (L'esprit public au XVIII siècle) Обертена, „Германія въ XVIII в.“ (Deutschland im XVIII J.) Бидермана [2]), „Исторія литературы въ XVIII столѣтіи“ (History of the literature of the eighteenth century) Госса, „Исторія раціонализма въ Европѣ“ Лекки, „Исторія общественнаго движенія въ XVIII столѣтіи“ (Historya ruchu społecznego w XVIII stuleciu) Лимановскаго, „Исторія англійской мысли въ XVIII вѣкѣ“ (History of english thought in the XVIII-th century) Стефена, далѣе цѣлый рядъ монографій объ отдѣльныхъ писателяхъ, которыя будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ, наконецъ, отдѣлы такихъ сочиненій по исторіи французской революціи, каковы Луи Блана, Тэна, Сореля, посвященные обзорамъ философскихъ и соціальныхъ идей предшествующей эпохи. Всѣ эти сочиненія съ разныхъ сторонъ и въ разной мѣрѣ освѣщаютъ это замѣчательное время въ умственной исторіи западно-европейскаго общества. По своему свѣтскому характеру и общему критицизму „просвѣщеніе“ XVIII вѣка было какъ бы вторымъ Ренессансомъ, отъ котораго оно отдѣляется эпохою реформаціи съ преобладаніемъ религіозныхъ интересовъ и теологическаго мышленія, но вмѣстѣ съ этимъ оно восприняло изъ англійскаго реформаціоннаго движенія тѣ религіозныя и политическія идеи, которыя породили цѣлую литературу деизма и разсужденій объ источникѣ и предѣлахъ государственной власти. То, что называется „философіей XVIII вѣка“, собственно говоря, какъ и гуманизмъ есть явленіе общекультурное, а не спеціально-философское, вслѣдствіе чего, наприм., историки философіи отводятъ обыкновенно очень мало мѣста, если только вообще отводятъ, такимъ писателямъ, какъ Вольтеръ, Монтескье, Руссо, Дидро, Мабли, тогда какъ исто-

---

[1]) Кромѣ того, см. Hallam. Introduction to the literature of Europe in the XVI, XVII and XVIII centuries.

[2]) Собственно вторая часть труда, озаглавленная Deutschlands geistige, sittliche und gesellige Zustände im XVIII Jahrhundert. Отдѣлы о „просвѣщеніи“ въ разныхъ странахъ есть еще въ книгѣ Онкена „Das Zeitalter Friedrichs des Grossen“ (въ издаваемой имъ коллекціи).

рикъ культурно-соціальнаго развитія по ихъ непосредственному отношенію къ современной имъ общественной жизни, по ихъ прямому вліянію на умственное движеніе эпохи, наоборотъ, выдвигаетъ ихъ на первый планъ предпочтительно передъ философами-спеціалистами. „Просвѣщеніе“ XVIII в. касалось вопросовъ личной морали и соціальной жизни, тѣхъ самыхъ, которые занимали — съ весьма близкихъ къ ихъ воззрѣніямъ точекъ зрѣнія—гуманистовъ [1]), но съ тѣмъ различіемъ, что просвѣтители были гораздо болѣе, нежели гуманисты, заняты общественными вопросами, болѣе обнаруживали соціальнаго идеализма и стремленія къ политическому переустройству, и что присущій и имъ индивидуализмъ получалъ у нихъ болѣе практическій характеръ. Отсюда—развитіе въ XVIII в. политическаго мышленія, подвергавшаго во имя извѣстныхъ принциповъ критикѣ современное государство и общество, отсюда же—и болѣе широкая постановка всѣхъ относящихся сюда вопросовъ, благодаря чему возникаетъ цѣлая новая область соціальнаго знанія—политическая экономія. Гуманизму не удалось овладѣть общественнымъ движеніемъ: послѣднее пошло подъ религіознымъ знаменемъ церковной реформаціи, съ которою у „просвѣщенія“ есть одна общая черта, это—тотъ элементъ глубокой и искренней вѣры, въ данномъ случаѣ вѣры въ человѣческій разумъ, въ лучшее будущее, которою проникались наиболѣе видные представители движенія. Сила гуманизма была въ области мысли [2]), сила протестантизма—въ области чувства и воли, и „просвѣщеніе“ XVIII в. какъ бы сочетало въ себѣ характерные признаки обоихъ культурныхъ явленій. Поэтому оно могло овладѣть историческимъ движеніемъ, поставивъ государству новыя задачи и обществу новыя цѣли или придавъ новый характеръ старымъ задачамъ и цѣлямъ. Какъ въ XVI вѣкѣ королевская реформація отличалась отъ народной [3]), такъ и въ XVIII вѣкѣ существовала большая разница въ примѣненіи къ жизни новыхъ идей государями и подданными, но тѣмъ не менѣе нужно признать, что у просвѣщеннаго абсолютизма и революціи было много общаго, вслѣдствіе чего оба явленія можно подвести подъ одно общее понятіе преобразовательнаго движенія XVIII в. подъ знаменемъ общественныхъ идей этого столѣтія.

Къ сожалѣнію, нельзя, какъ было уже сказано, назвать историческаго труда, который былъ бы посвященъ спеціально разсмотрѣнію просвѣщеннаго абсолютизма, какъ явленія, имѣющаго свою, если позволено такъ выразиться, довольно опредѣленную физіономію и

---

[1]) Т. I, гл. XXXI—XXXII.
[2]) Т. I, гл. XXXIII.
[3]) Т. II, гл. XVII—XVIII.

характеризующаго цѣлую эпоху въ исторіи Европы. Дѣло вообще въ томъ, что въ разныя времена абсолютизмъ принимаетъ разный характеръ въ зависимости отъ общихъ историческихъ теченій: въ эпоху католической реакціи онъ былъ вѣроисповѣднымъ абсолютизмомъ испанскихъ и австрійскихъ Габсбурговъ; борьба съ аристократіей при Ришелье сообщила тогдашнему французскому абсолютизму характеръ по преимуществу антифеодальный, но при Людовикѣ XIV и его преемникахъ онъ могъ бы, пожалуй, называться придворнымъ, какъ прусскій— военно-хозяйственнымъ. Такъ и во второй половинѣ XVIII вѣка абсолютизмъ получаетъ совершенно особенный характеръ, благодаря воздѣйствію на него просвѣтительныхъ идей вѣка, и столько же отличается, наприм., отъ вѣроисповѣднаго абсолютизма Филиппа II Испанскаго или императора Фердинанда II, сколько и отъ реакціоннаго абсолютизма, время котораго настало главнымъ образомъ послѣ вѣнскаго конгресса, скорѣе сходствуя съ антифеодальнымъ абсолютизмомъ Ришелье и революціоннымъ—Наполеона I, хотя и сохраняя нѣкоторыя общія черты, характеризующія внутреннюю политику и всѣхъ Габсбурговъ, и всѣхъ Бурбоновъ, и Бонапарта. Есть, дѣйствительно, извѣстные признаки, позволяющіе намъ разсматривать внутреннюю политику абсолютныхъ монархій въ „вѣкъ Фридриха II“, этого „короля-философа“, какъ совокупность однородныхъ явленій, проникнутыхъ нѣкоторыми общими принципами, общими у нихъ и съ „просвѣщеніемъ“ XVIII в., и съ французской революціей, и этими-то явленіями характеризуется въ разныхъ странахъ одна и та же историческая эпоха. Ее, поэтому, весьма удобно было бы сдѣлать предметомъ особаго изслѣдованія, поставивъ вопросы о томъ, что́ въ указанной политикѣ было наслѣдіемъ и продолженіемъ стараго и что́ новаго привнесло въ нее культурное движеніе вѣка, въ какомъ отношеніи старое стояло къ новому, абсолютизмъ — къ просвѣщенію, какими принципами и интересами руководились преобразователи, какъ понимали они свои задачи, при какихъ условіяхъ дѣйствовали, какихъ результатовъ достигали. Между тѣмъ не только не существуетъ работъ, спеціально посвященныхъ „просвѣщенному абсолютизму“, какъ явленію, о которомъ можно говорить съ такимъ же правомъ, съ какимъ мы говоримъ о католицизмѣ, феодализмѣ, гуманизмѣ, реформаціи, революціи и т. п., но и самое понятіе о немъ нельзя считать прочно установившимся въ исторической наукѣ, хотя оно и довольно употребительно: во многихъ историческихъ трудахъ, гдѣ было бы у мѣста обозначать этимъ словомъ совокупность извѣстныхъ явленій, мы, наоборотъ, этого термина не находимъ, а въ другихъ сочиненіяхъ употребленіе его отличается нѣкоторою произвольностью и неопредѣленностью.

Въ виду отсутствія историческихъ трудовъ, спеціально посвя-

щенныхъ предмету, съ нимъ приходится знакомиться по сочиненіямъ, имѣющимъ къ нему то или другое, болѣе близкое или болѣе отдаленное отношеніе. Во-первыхъ, такими книгами являются всеобщія исторіи, когда въ нихъ отводятся особые отдѣлы для „преобразовательныхъ попытокъ государей и министровъ“ [1]), тогда какъ въ другихъ подобныхъ трудахъ (наприм., у Шлоссера) внутренняя политика представителей просвѣщеннаго абсолютизма даже не разсматривается въ одномъ мѣстѣ, а разбросана по разнымъ главамъ, такъ что, наприм., о внутренней дѣятельности Фридриха II говорится въ пяти мѣстахъ, а Іосифа II — въ шести. Изъ новѣйшихъ сочиненій слѣдуетъ здѣсь отмѣтить „Вѣкъ Фридриха II“ (Das Zeitalter Friedrichs des Grossen) Онкена (въ его коллекціи), книгу, хотя и посвященную преимущественно дипломатической и военной исторіи, но заключающую въ себѣ главы, которыя касаются нашего предмета (Despotismus und Aufklärung, Der reformirende Despotismus). Но особенно близокъ къ надлежащей постановкѣ предмета первый томъ недавно переведенной и по-русски книги Сореля „Европа и французская революція“ (L'Europe et la révolution française), о которой сказано ниже. Затѣмъ могутъ быть указаны соотвѣтственные отдѣлы въ исторіяхъ отдѣльныхъ странъ, гдѣ производились реформы государственною властью, отдѣльныхъ царствованій и т. п.

Неизмѣримо богаче литература по исторіи французской революціи. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ еще полной исторіографіи этого предмета, потому что всѣ существующія въ такомъ родѣ работы очень кратки, хотя и онѣ могутъ быть рекомендованы для желающаго нѣсколько оріентироваться въ предметѣ [2]). Исторію французской революціи начали писать еще нѣкоторые ея современники, но настоящее историческое къ ней отношеніе сдѣлалось возможнымъ лишь на нѣкоторомъ отдаленіи. Главнѣйшіе труды по эпохѣ принадлежатъ, конечно, французамъ, но каждый изъ нихъ для того, чтобы быть вполнѣ понятнымъ и надлежащимъ образомъ оцѣненнымъ, долженъ быть разсматриваемъ въ связи съ характеромъ времени, когда

---

[1]) Такъ въ „Курсѣ“ Г. Вебера (переводъ Е. и В. Корша, IV, 28—65). Въ большой „Всеобщей исторіи“ Вебера есть глава „Общественная жизнь подъ вліяніемъ идей просвѣщенія“. Но весьма часто для этого нѣтъ особаго отдѣла (Зевортъ. Исторія новаго времени, I, 481—530).

[2]) P. Janet. Philosophie de la révolution française. Статья К. К. Арсеньева, приложенная къ русскому переводу „Исторіи французской революціи“ Минье. Краткій обзоръ литературы, сдѣланный въ IV томѣ (стр. 122—143) „Лекцій по всеобщей исторіи“ Петрова (съ дополненіями проф. В. П. Безескула). Ср. мою статью „Новѣйшіе труды по исторіи французской революціи“ (Истор. Обозрѣніе, т. I). О Тэнѣ есть статьи проф. В. И. Герье (Вѣстн. Евр. 1878, 89 и 90)

его трудъ появился, и въ зависимости отъ политическихъ воззрѣній автора. Оставляя характеристику главныхъ воззрѣній на революцію до другого мѣста, мы назовемъ здѣсь главные труды съ указаніемъ на время ихъ появленія и на ихъ направленіе. Въ эпоху реставраціи Бурбоновъ, именно въ двадцатыхъ годахъ вышли въ свѣтъ двѣ исторіи французской революціи, одна бо́льшихъ размѣровъ—Тьера, другая—меньшихъ Минье (обѣ переведены по-русски), написанныя съ точки зрѣнія тогдашней либеральной оппозиціи въ защиту революціи. Эта оппозиція достигла своихъ цѣлей, благодаря іюльской революціи (1830 г.), но іюльская монархія вызвала противъ себя демократическую и соціалистическую оппозиціи, нашедшія выраженіе въ большихъ трудахъ по исторіи революціи—Мишле и Луи-Блана [1]), изъ коихъ одинъ былъ именно написанъ съ точки зрѣнія демократической, другой—съ соціалистической, и оба стали появляться отдѣльными томами не задолго до февральской революціи (1848 г.). Послѣ государственнаго переворота, совершеннаго Наполеономъ III, появились труды Кине (La révolution) и Токвиля „Старый порядокъ и революція“ (L'ancien régime et la revolution), переведенный и по-русски. Послѣднее сочиненіе начинаетъ собою совершенно новый періодъ въ изученіи французской революціи. Токвиль связалъ исторію этого событія съ предыдущей исторіей Франціи, доказывая, что первая была не разрывомъ съ второю, а естественнымъ ея продолженіемъ, и съ этого времени особенно сталъ изучаться „старый порядокъ“. Кине и Токвиль дополняютъ другъ друга, такъ какъ одинъ выдвигаетъ на первый планъ роль идеи равенства въ исторіи революціи, а другой—роль идеи свободы, но оба сравнительно съ предыдущими историками болѣе безпристрастны. Впрочемъ, ихъ книги не суть исторіи въ тѣсномъ смыслѣ, ибо Токвиль написалъ только введеніе къ неоконченному труду, а Кине—философскій обзоръ. Послѣдними крупными явленіями въ исторіографіи французской революціи были „Происхожденіе современной Франціи“ (Les origines de la France contemporaine) Тэна и „Европа и французская революція“ (LEurope et la révolution française) Сореля. Трудъ Тэна, первый томъ коего, посвященный „старому порядку“, переведенъ порусски, несмотря на выдающійся талантъ автора, страдаетъ крупнымъ недостаткомъ—одностороннимъ и пристрастнымъ отношеніемъ къ изображаемой эпохѣ: въ немъ мало обращено вниманія на соціологическую сторону исторіи и выдвигается на первой планъ то, что можно назвать патологическими явленіями эпохи. Сорель, напротивъ, отличается вполнѣ научнымъ безпристрастіемъ. Этотъ авторъ поставилъ себѣ цѣлью сдѣлать для всей Европы то, что Токвиль сдѣлалъ

[1]) Первый томъ переведенъ.—Это обширное историко-философское введеніе.

для Франціи, т.-е. установить связь потрясенія, испытаннаго всею Европою въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, съ предыдущею исторіей Европы, и показать, что и тутъ былъ не разрывъ, а продолженіе. Попытку разсмотрѣть всю европейскую исторію въ революціонную эпоху сдѣлалъ еще раньше (въ пятидесятыхъ годахъ) нѣмецкій историкъ Зибель въ своей переведенной и на русскій языкъ „Исторіи революціоннаго времени“ (Geschichte der Revolutionszeit), но Сорель исполнилъ свою задачу гораздо лучше, давъ предмету болѣе широкую постановку и отнесшись къ событіямъ и безъ того національнаго пристрастія, коимъ проникнутъ трудъ Зибеля [1]). Книга Токвиля, первый томъ труда Тэна и первый же томъ сочиненія Сореля могутъ быть разсматриваемы, какъ три наиболѣе подходящія книги для изученія „стараго порядка“ во Франціи (а книга Сореля и для остальной Европы, причемъ она даетъ понятіе и о „просвѣщенномъ абсолютизмѣ“). Для первоначальнаго знакомства съ эпохой могутъ служить или отмѣченное сочиненіе Минье, или нѣмецкая, переведенная и по-русски, книга Гейсера „Исторія французской революціи“ (Geschichte der französischen Revolution), представляющая изъ себя университетскій курсъ [2]). Этимъ, разумѣется, не исчерпывается все главное, что написано по исторіи французской революціи, такъ какъ и помимо трудовъ, не охватывающихъ всей эпохи, біографій и т. п. (на что дѣлаются указанія въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ), есть и цѣльные труды, не вошедшіе въ только что сдѣланный обзоръ [3]).

Французская революція не была явленіемъ мѣстнымъ, и въ ея универсальности заключается все ея значеніе: напр., сочиненія Зибеля и Сореля прямо и берутъ ее, какъ событіе общеевропейское. Въ этомъ отношеніи для времени послѣ 1789 г. во всей западной Европѣ она сдѣлалась тѣмъ же, чѣмъ была для другихъ странъ нѣмецкая реформація XVI вѣка. Если мы соединимъ съ революціонными движеніями

---

[1]) Ср. мое предисловіе къ русскому переводу книги Сореля.

[2]) Такимъ образомъ на русскій языкъ переведены книги Минье, Тьера, Луи-Блана (1 томъ), Токвиля, Тэна (1 томъ), Сореля (будетъ переведено все), Зибеля и Гейсера. Кромѣ того, былъ переведенъ первый томъ ист. фр. рев. Карлейля. Существующая на русскомъ языкѣ исторія франц. революціи Бертолотти—плохая компиляція.

[3]) Ср. библіографическій указатель въ моей книгѣ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.“ См. Chassin. Le génie de la révolution.—Champion. Esprit de la révolution française.—Laferrière. Histoire des principes, des institutions et des lois pendant la revolution française.—Laurent. Études sur l'hist. de l'humanité (т, XIII — XV).—Oncken Das Zeitalter der Revolution, des Kaiserreiches und der Befreiungskriege.—Rambaud. Histoire de la révolution и его же Hist. de la civilisation contemporaine.—Richter. Staats-und Gesellschaftsrecht der französischen Revolution и др.

и съ реформами, шедшими снизу, просвѣщенный абсолютизмъ и преобразованія, шедшія сверху, то будемъ въ состояніи воспользоваться тѣми общими вопросами, которые ставили для реформаціоннаго періода [1]. *Состояніе отдѣльныхъ странъ* въ эту эпоху было далеко не одинаково, а потому, какъ въ эпоху реформаціи, ходъ послѣдней въ разныхъ странахъ былъ различный въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, такъ и преобразовательное движеніе XVIII столѣтія проявлялось различнымъ образомъ у отдѣльныхъ народовъ [2]. За вопросомъ о состояніи страны, въ которой совершались политическія и общественныя преобразованія, слѣдуетъ вопросъ о томъ, *кому принадлежала ихъ иниціатива и кто ими воспользовался.* Съ этой точки зрѣнія особенно важное значеніе принадлежало въ тѣхъ случаяхъ, когда движеніе шло снизу, третьему сословію, исторія коего поэтому имѣетъ ближайшее отношеніе къ исторіи революціи. Мы знаемъ, далѣе, что реформаціонное движеніе на Западѣ совершалось *въ разные моменты* (въ Германіи въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, во Франціи въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ XVI в.), но и французская революція была только первымъ моментомъ въ исторіи движенія, охватившаго всю западную Европу, особенно при Наполеонѣ I и послѣ Наполеона, когда началась такая же реакція противъ этого движенія, какая возникла и противъ реформаціи; и какъ съ середины XVI в. началась борьба католицизма съ протестантизмомъ, опредѣлившая даже характеръ международной политики, такъ паденіе Наполеона открыло эпоху, въ коей главнымъ историческимъ содержаніемъ было столкновеніе реакціи съ либерализмомъ. Наконецъ, въ исторіи реформаціи большую роль играетъ *характеръ ученія, принятаго тою или другою страною и ученій, параллельно съ ними развивавшихся,* чѣмъ опредѣляется и историческое значеніе тѣхъ или другихъ личностей. И здѣсь было то же самое, и направленія просвѣщеннаго абсолютизма (Вольтеръ), конституціоннаго монархизма (Монтескье), республиканизма (Руссо), либерализма (Монтескье), радикализма (Руссо) и т. п. смѣняли одно другое и одно съ другимъ перекрещивались. Вопросы объ иниціативѣ реформъ и объ ихъ результатахъ, равно какъ о моментѣ движенія относятся уже къ самой исторіи этихъ послѣднихъ, но и она можетъ быть понятна только по разсмотрѣніи *старыхъ порядковъ,* коими опредѣлялось состояніе отдѣльныхъ странъ, и по ознакомленіи съ *новыми идеями,* подъ знаменемъ коихъ пошло движеніе. Какъ реформаціонный періодъ европейской исторіи не можетъ быть хорошо понятъ безъ обзора политическаго, соціальнаго, религіознаго и культурнаго состоянія, вызвавшаго рефор-

[1] Томъ II, стр. 7 и слѣд.

[2] Одно изъ достоинствъ книги Сореля состоитъ въ томъ, что въ ней разработана эта сторона дѣла.

маціонное движеніе со всѣми его осложненіями [1]), такъ и понять исторію политическихъ и соціальныхъ преобразованій болѣе близкаго къ намъ времени нельзя безъ ознакомленія съ культурно-соціальнымъ состояніемъ Европы передъ началомъ новой критической эпохи.

Въ обоихъ случаяхъ—и въ XVI, и въ XVIII в.—политическій вопросъ игралъ важную роль, но въ обоихъ же случаяхъ онъ осложнялся элементами нравственнымъ и экономическимъ [2]), причемъ первый касался религіи и церкви, второй—гражданскихъ правъ и соціальнаго строя. Религіозный, политическій и соціальный элементы обнаруживаются нами въ реформаціонномъ движеніи, но такимъ образомъ, что религіозный доминируетъ надъ соціальнымъ, тогда какъ къ эпохѣ новаго движенія соціальный сталъ доминировать надъ религіознымъ. Гуманизмъ выставилъ идею земного благополучія, но его крайне индивидуалистическій характеръ обусловливалъ то, что благополучіе на землѣ мыслилось, какъ личное, добываемое индивидуумомъ для себя и своими личными средствами, тогда какъ въ новѣйшее время выставленъ былъ идеалъ общественнаго благополучія, осуществляемаго реформами, на которыя указываетъ моральный принципъ справедливости. Но какъ бы ни распредѣлялись моральныя и экономическія причины, стремленія и слѣдствія эпохи государственныхъ и общественныхъ преобразованій, не слѣдуетъ забывать, что и тутъ, какъ и въ реформаціонную эпоху они дѣйствовали, проявлялись и осуществлялись такимъ образомъ, что весьма легко впасть въ ту или другую односторонность, выдвигая на первый планъ лишь одну категорію фактовъ [3]). Одностороннимъ будетъ и то идеалистическое представленіе революціи, какъ какого-то потока изъ нѣдръ народной жизни, одушевившейся высокими идеями равенства и свободы, какое мы находимъ особенно у Мишле, но не менѣе одностороння и та матеріалистическая концепція, какую мы встрѣчаемъ у Тэна, будто весь историческій смыслъ движенія заключался въ „переходѣ собственности“. Съ послѣдней точки зрѣнія пытались объяснить и реформацію, дѣйствительно дающую къ тому поводъ сопровождавшею ее секуляризаціей, но изъ того, что въ дѣло замѣшаны были матеріальные интересы, еще не слѣдуетъ, чтобы тутъ не оказывали дѣйствія и идеальные принципы.

Изложенію реформаціоннаго періода мы предпослали анализъ движенія, давшаго это имя періоду [4]), чтобы установить такую об-

---

[1]) Весь первый томъ нашего труда имѣетъ характеръ введенія въ новую исторію вообще и въ частности въ реформаціонный періодъ.

[2]) Ср. т. I, стр. 35—40.

[3]) Ср. т. II, стр. 16—18.

[4]) Т. II, стр. 3 и слѣд.

щую точку зрѣнія на предметъ, при которой наименѣе можно было бы подвергнуться опасности впасть въ односторонность. То же самое мы должны сдѣлать теперь и для новаго періода, исторію коего намъ предстоитъ изучать [1]).

Исторія новаго времени характеризуется на западѣ Европы развитіемъ двухъ началъ — государственнаго и личнаго — и въ обоихъ случаяхъ на счетъ началъ церковнаго и сословнаго, господствовавшихъ въ средневѣковой культурно-соціальной системѣ католицизма и феодализма, но сами индивидуализмъ и государственность весьма часто приходили въ столкновеніе между собою, такъ какъ ихъ стремленія очень нерѣдко оказывались противоположными. Поэтому въ главныхъ культурно-соціальныхъ процессахъ новаго времени мы наблюдаемъ, во-первыхъ, борьбу государства съ средневѣковыми католико-феодальными началами, борьбу съ ними же со стороны личности и исторіею взаимоотношеній между личностью и государствомъ.

Въ средніе вѣка государственный принципъ отрицался и церковью, когда она стремилась господствовать надъ государствомъ, ставя себя выше верховной власти въ отдѣльныхъ странахъ, отрицался также и землевладѣльческимъ сословіемъ, которое смотрѣло на верховную власть, какъ на право, связанное съ землевладѣніемъ. Государство росло и крѣпло въ борьбѣ съ католицизмомъ и феодализмомъ. Реформація освободила половину государствъ западной Европы отъ церковной опеки, но въ католическихъ странахъ въ эпоху реакціи между обѣими сторонами былъ заключенъ союзъ, установленъ извѣстный modus vivendi, который не всегда былъ выгоденъ для государства. Поэтому съ паденіемъ реакціоннаго направленія въ политикѣ, съвозникновеніемъ направленія просвѣтительнаго, старая борьба должна была возобновиться, что и произошло во второй половинѣ XVIII вѣка, когда католическія правительства задумали церковными реформами своими установить новыя отношенія въ этой области, причемъ какъ тѣ реформы, которыя производились абсолютными монархами, такъ и тѣ, которыя были предприняты впослѣдствіи дѣятелями революціи, имѣютъ много общаго между собою, главнымъ образомъ въ стремленіи поставить церковь подъ контроль государства и даже въ зависимое по отношенію къ нему положеніе. Съ другой стороны, государство новаго времени, побѣдивъ политическій феодализмъ, не тронуло феодализма соціальнаго, оставивъ существовать сословныя привилегіи и господство дворянства надъ сельскимъ населеніемъ, но и въ привилегіяхъ этихъ, и въ этомъ господствѣ для государства были невыгодныя стороны, и вотъ въ серединѣ XVIII в. государственная властьвпервые начинаетъ накладывать руку на

[1]) Дальнѣйшее представляетъ изъ себя нѣсколько общихъ выводовъ изъ I и II томовъ.

привилегіи и вмѣшиваться въ отношенія, созданныя соціальнымъ феодализмомъ, откуда цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ ограниченію дворянскихъ правъ и къ улучшенію быта крестьянъ: „просвѣщенный абсолютизмъ“ начинаетъ подкапываться подъ соціальный феодализмъ, революція ему наноситъ смертельный ударъ. Нивеллируя общество, оба направленія строятъ государство на развалинахъ мѣстной обособленности, нивеллируя и провинціи въ самой страшной централизаціи: и въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, только что указанныхъ (въ церковномъ и сословномъ), революція лишь довершала то, что было начато вообще абсолютизмомъ и въ особенности производилось абсолютизмомъ просвѣщеннымъ подъ вліяніемъ однѣхъ и тѣхъ-же идей. Мало того, среди дѣятелей революціи можно указать на партію, которая, подобно представителямъ абсолютизма, начиная еще съ Ришелье, ставила выше всего государственный принципъ, хотя она и воображала, что дѣйствуетъ во имя свободы: это были якобинцы.

Параллельно съ государственностью развивается и личное начало. Впервые съ особою силою проявляется оно въ новое время въ гуманизмѣ и протестантизмѣ, въ которыхъ ранѣе всего и были заявлены индивидуалистическіе принципы и зародились требованія личной свободы, преимущественно въ религіозной сферѣ. Права надъ личностью, принадлежавшія въ средніе вѣка церкви и оставшіяся за нею въ католическихъ странахъ, перенесло на себя въ странахъ протестантскихъ государство, которое стало, какъ и государство католическое, дѣйствовавшее въ союзѣ съ церковью, требовать отъ подданныхъ исповѣданія той или другой вѣры. Въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“ государство отказывается отъ такого права во имя идеи вѣротерпимости, но та же идея руководитъ и дѣятелями перваго періода революціи, пока борьба съ католическимъ духовенствомъ и старыя привычки государства, предписывавшаго вѣру своимъ подданнымъ, не увлекли вождей движенія на путь религіозныхъ преслѣдованій. Индивидуализмъ новаго времени, кромѣ того, выдвигалъ идею личнаго права, которое въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“ и революціи разсматривалось, какъ право естественное, прирожденное личности, но такому принципу противорѣчили сословныя привилегіи, стѣсненія личной свободы, вытекавшія изъ феодальныхъ отношеній, зависимость крестьянъ отъ сеньеровъ, крѣпостничество. Интересы государства сходились здѣсь съ требованіями индивидуализма, и „просвѣщенный абсолютизмъ“ началъ ту осводительную работу, которую въ бо̀льшихъ размѣрахъ совершала потомъ французская революція.

Но, находясь въ борьбѣ съ католико-феодальными началами, принципы государственности и индивидуализма и сами могли находиться въ противорѣчіи между собою. Это противорѣчіе съ особенною силою

проявилось, когда реформаціонное движеніе создало, съ одной стороны, государственныя церкви, требовавшія подчиненія себѣ со стороны подданныхъ, а съ другой,—личныя вѣрованія, опиравшіяся на принципъ свободы совѣсти. Правда, государство могло терпѣть иновѣріе по политическимъ соображеніемъ и, такъ сказать, изъ милости, но этимъ еще не утверждалось право индивидуальной совѣсти на свободу, которое считалось бы неотъемлемымъ правомъ индивидуума, не подлежащимъ нарушенію со стороны государства. Эта свобода совѣсти была лишь одною изъ тѣхъ свободъ (libertés), которыя вообще стали требоваться во имя индивидуальнаго начала, и этимъ особенно характеризуется первый періодъ революціи, тогда какъ во второмъ личной свободѣ, наоборотъ, наносился ударъ во имя государственной необходимости (правильно ли, или неправильно понятой, другой вопросъ). Но и „просвѣщенный абсолютизмъ“ въ извѣстныхъ границахъ, особенно въ области теоретическаго мышленія и даже въ области обнародованія своихъ мыслей былъ болѣе благопріятенъ личной свободѣ, чѣмъ предыдущіе режимы, хотя въ практическихъ сферахъ жизни отличался стремленіемъ къ опекѣ надъ индивидуальною дѣятельностью, особенно въ области промышленности, гдѣ равнымъ образомъ XVIII вѣкомъ былъ заявленъ принципъ свободы — въ томъ laisser passer, laisser faire, который былъ протестомъ противъ ограниченій, налагавшихся на личную самодѣятельность во имя невѣрно понятаго общественнаго интереса [1]). Во всякомъ случаѣ опредѣленіе отношеній между личностью и государствомъ, какъ теоретическое (въ литературѣ), такъ и практическое (въ законодательствѣ и дѣйствіяхъ правительства), играло видную роль въ исторіи этой эпохи.

Въ связи со всѣмъ этимъ стоятъ другія важныя явленія эпохи, одно—политическаго, другое—соціальнаго характера.

При феодальномъ устройствѣ, когда верховная власть раздѣлялась между крупными землевладѣльцами, государство, такъ сказать, растворялось въ обществѣ, и ростъ новаго государства заключался именно въ томъ, что оно не только получало независимую отъ землевладѣнія основу и нивеллировало общество, но и въ томъ, что лишало его самодѣятельности, подчиняя своему исключительному вѣдѣнію все, что раньше дѣлалось общественными силами. Въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“ государство въ этомъ отношеніи достигаетъ кульминаціоннаго пункта, но и общество начинаетъ стремиться къ самостоятельному участію въ государственной жизни. Въ реформаціонную эпоху

---

[1]) Понятное дѣло, современное ученіе о вмѣшательствѣ государства въ экономическую жизнь во имя огражденія интересовъ большинства имѣетъ мало общаго съ тѣмъ опеканіемъ промышленной дѣятельности, которое характеризуетъ „старый порядокъ“.

на Западѣ шла, какъ извѣстно, борьба между королевскою властью и сословно-представительными учрежденіями, а въ кальвинистической и индепендентской литературѣ проводилась идея народовластія. Англія въ XVII в. отстояла свою политическую свободу, и въ слѣдующемъ вѣкѣ ея конституція сдѣлалась для Франціи образцомъ, по которому и послѣдняя стала перестраивать свой государственный бытъ, съ чего и начинается конституціонное движеніе новѣйшаго времени, въ которомъ извѣстную роль играла и идея народовластія. Сама абсолютная монархія подготовила своею нивеллировкой сословій демократическій характеръ этого движенія, но если сословность, выросшая на почвѣ соціальнаго феодализма, пала, то индустріальное развитіе новаго времени въ связи съ дѣятельностью государства, оказывавшаго покровительство крупной промышленности и торговлѣ (меркантилизмъ), создало общественный классъ (буржуазію), который въ экономическомъ отношеніи возвышался надъ массою, дѣлаясь и культурнымъ слоемъ общества, занимая, однако, приниженное положеніе въ государствѣ вслѣдствіе существованія обидныхъ и тягостныхъ для этого класса аристократическихъ привилегій. Если нѣкоторыя изъ нихъ были невыгодны для государства (изъятіе изъ налоговъ) и противорѣчили идеѣ объ естественномъ равенствѣ людей, то особенно онѣ непріятны были третьему сословію, которое чувствовало свое значеніе и стремилось занять въ государствѣ болѣе соотвѣтственное этому значенію мѣсто: это сословіе и сдѣлалось тѣмъ соціальнымъ классомъ, въ коемъ были особенно сильны идеи свободы и равенства. „Старый порядокъ“ былъ, собственно говоря, соединеніемъ политическаго абсолютизма и соціальныхъ привилегій, а ставшіе въ оппозицію къ нему общественные элементы начали проникаться демократическими идеями народовластія и гражданскаго равенства. Подъ это знамя стали и низшіе классы общества, такъ какъ въ политическомъ отношеніи ихъ интересы сходились, хотя эти классы и особенно сельское населеніе тяготились не столько существовавшимъ государственнымъ строемъ, сколько остатками соціальнаго феодализма. По отношенію къ аристократіи буржуазія и народъ имѣли общіе интересы, но уже въ эпоху революціи обнаружилось и здѣсь расхожденіе интересовъ, сдѣлавшееся особенно сильнымъ уже въ XIX вѣкѣ. Подобно тому, какъ въ реформаціонный періодъ совершались народныя движенія съ соціальнымъ характеромъ, такъ и теперь повторилось то же самое, но вмѣсто идей религіозныхъ играли здѣсь роль знамени идеи политическія, пока уже въ XIX в. не стало вырабатываться и теоретическое направленіе, соотвѣтственное уже чисто соціальному движенію.

Итакъ, въ общемъ движеніи разсматриваемой эпохи мы наблюдаемъ явленія слѣдующаго рода: уничтоженіе государствомъ остат-

ковъ католико-феодальной системы, развитіе начала личной свободы въ соціальной жизни, стремленіе общественныхъ силъ къ непосредственному участію въ государственной жизни, наконецъ соціальную борьбу главнымъ образомъ съ сословными привилегіями. Многія изъ этихъ явленій наблюдаются нами и въ реформаціонномъ періодѣ, но въ немъ церковный вопросъ господствовалъ надъ государственнымъ, а тѣмъ сословіемъ, которое вызывало противъ себя соціальную оппозицію, было главнымъ образомъ не дворянство, а духовенство, что же касается до индивидуальной свободы, то и она преимущественно понималась въ смыслѣ свободы религіозной, да и все общественное движеніе (не исключая стремленія къ политической свободѣ) шло подъ знаменемъ теологическихъ ученій. Теперь отношенія къ Риму имѣли вообще менѣе острый характеръ (а для многихъ странъ они и не существовали), но за то сильно обострились внутреннія отношенія, политическія и соціальныя.

Основныя явленія эпохи могли комбинироваться между собою различнымъ образомъ, могли выдвигаться на первый планъ или отступать на задній, одни—болѣе въ одно время, другія—въ другое, но между ними была тѣсная связь въ той идеѣ новаго государства и общества, которая разрабатывалась „философіей" XVIII в. Весьма естественно, что самая сложность этихъ отношеній должна была породить одностороннія сужденія объ эпохѣ въ виду того, что послѣдняя дѣйствительно можетъ разсматриваться съ разныхъ сторонъ; мы это и видимъ въ посвященной эпохѣ исторической литературѣ, въ которой отдѣльными сочиненіями выдвигается на первый планъ отношеніе движенія или къ религіи и церкви (напр., у Лорана), или къ индивидуальной и политической свободѣ, или къ гражданскому равенству, или къ борьбѣ общественныхъ классовъ (напр., у Луи Блана). Каждая изъ такихъ точекъ зрѣнія имѣетъ raison d'être, но было бы въ высшей степени односторонне смотрѣть на цѣлую эпоху съ такимъ сложнымъ и разнообразнымъ содержаніемъ лишь съ одной какой-либо точки зрѣнія, когда само содержаніе это требуетъ именно принятія въ расчетъ разныхъ жизненныхъ отношеній, затронутыхъ движеніемъ эпохи [1].

---

[1]) Литература по отдѣльнымъ вопросамъ будетъ указана въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, равно какъ и исторія отдѣльныхъ странъ. Внутренняя исторія Польши въ XVIII вѣкѣ, которой нами посвящено отдѣльное сочиненіе („Польскія реформы XVIII вѣка"), и исторія ея паденія, объ исторіографіи коего нами написана книга „Паденіе Польши въ исторической литературѣ", не входятъ въ настоящій томъ, а потому отмѣчаемъ эти двѣ работы, гдѣ можно найти (равно какъ и въ польской исторіи Бобржинскаго) указанія на относящіяся къ предмету сочиненія.

СТАРЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПОРЯДКИ.

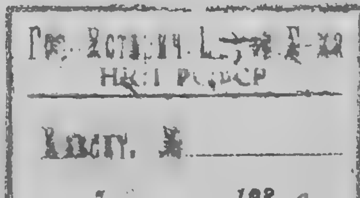
II. Сущность „старыхъ порядковъ“ [1]).

Общее понятіе объ «ancien régime».—Сущность дореволюціонныхъ порядковъ.—Историческое происхожденіе соціальныхъ привилегій и главное ихъ содержаніе.—Оппозиція противъ привилегій въ XVIII в.—Роль буржуазіи въ этой оппозиціи.—Аристократическій характеръ старыхъ учрежденій. — Стремленіе къ общественнымъ реформамъ и къ политической свободѣ при старомъ порядкѣ. — Отсутствіе свободы въ политическомъ быту XVIII в. — Противорѣчіе между господствующими идеями и господствующими порядками.—Внутреннее разложеніе «старыхъ порядковъ». — Значеніе французской исторіи XVIII в.

Въ современной исторической литературѣ прочно установился и получилъ весьма опредѣленное значеніе терминъ „ancien régime“ (обыкновенно переводимый по-русски словами: „старый порядокъ“), подъ которымъ разумѣется вся совокупность политическихъ и соці-

---

[1]) Кромѣ сочиненій Токвиля, Тэна и Сореля, указанныхъ выше, хорошій компендіумъ исторіи внутреннихъ отношеній во Франціи за послѣднія полтораста лѣтъ передъ революціей представляетъ собою второй томъ книги A. Rambaud „Histoire de la civilisation française“, краткій же очеркъ „стараго порядка“ можно еще найти также и въ I томѣ „Государственнаго права европейскихъ державъ“ А. Д. Градовскаго. Внутренняя исторія другихъ странъ съ точки зрѣнія противоположности между современнымъ обществомъ и „старыми порядками“ разработана не такъ обстоятельно, какъ французская. Для Германіи особенно важны труды Hanser'a (Deutschland nach dem dreissigjährigen Kriege), Perthes'a (Das deutsche Staatsleben vor der Revolution), Biedermann'a (Deutschlands geistige, sittliche und gesellige Zustände im XVIII Jahrhundert) и др., по русски статьи проф. А. С. Трачевскаго „Германія наканунѣ революціи“ въ „Вѣстн. Евр.“ за 1875 г. Изъ общихъ очерковъ разложенія старой Польши отмѣчу введеніе въ „Послѣднія годы Рѣчи Посполитой“ Н. И. Костомарова, книжку von der Brüggen'a—Polens Auflösung, а также и свой „Историческій очеркъ польскаго сейма“. По мѣрѣ надобности болѣе подробныя указанія даются ниже.

альныхъ отношеній дореволюціонной Франціи. Это понятіе „стараго порядка“ или лучше — „старыхъ порядковъ“ мы имѣемъ право распространить на аналогичныя явленія, представляемыя намъ внутреннею жизнью и другихъ народовъ въ XVIII вѣкѣ, ибо существенныя ихъ черты мы наблюдаемъ не въ одной Франціи. Не смотря на разнообразіе мѣстныхъ условій, придававшихъ исторіи каждой отдѣльной страны своеобразный характеръ, всѣ государства западной Европы шли въ своемъ историческомъ развитіи и по нѣкоторымъ общимъ путямъ, оказывая, кромѣ того, вліяніе одни на другія, вслѣдствіе чего въ ихъ внутреннемъ быту и мы находимъ много аналогичнаго [1]). „Старые порядки“, существовавшіе въ дореволюціонной Франціи, были болѣе или менѣе общи ей съ другими странами европейскаго материка потому, что они были результатомъ длиннаго историческаго процесса, основные элементы коего были одни и тѣ же повсемѣстно и только комбинировались различнымъ образомъ въ разныхъ странахъ. Сущность указаннаго процесса заключалась въ томъ, что въ сословномъ обществѣ, возникшемъ на феодальной почвѣ, образовалось государство, господствующею формою котораго сдѣлалась абсолютная монархія [2]): какъ мы еще увидимъ, „старые порядки“ главнымъ образомъ и могутъ быть поняты, какъ соединеніе соціальнаго феодализма среднихъ вѣковъ съ абсолютною монархіей новаго времени. Хотя, употребляя терминъ „ancien régime“, имѣютъ въ виду обыкновенно эпоху, непосредственно предшествующую великой революціи, въ сущности имъ слѣдуетъ обозначать вообще тотъ политическій и общественный строй, который, съ одной стороны, смѣнилъ собою болѣе старыя формы политическаго и соціальнаго быта, а съ другой—самъ началъ разрушаться въ революціонную эпоху, чтобы уступить мѣсто современному режиму (régime moderne), основывающемуся уже на иныхъ началахъ, чѣмъ тѣ принципы, на какихъ покоился дореволюціонный бытъ. Самое опредѣленіе „стараго порядка“ должно вытекать изъ сравненія его съ тѣмъ, что́ ему предшествовало, и съ тѣмъ, что́ за нимъ послѣдовало. Съ послѣдняго начать гораздо удобнѣе, потому что самое понятіе, обозначаемое словами „ancien régime“, образовалось путемъ сопоставленія дореволюціонныхъ порядковъ съ тѣми, которые стали господствовать въ XIX вѣкѣ подъ вліяніемъ французской революціи, въ свою очередь стремившейся провести въ жизнь извѣстные политическіе и соціальные принципы, несогласные съ принципами „стараго порядка“.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы прежде всего поставимъ вопросъ о

---

[1]) См. томъ I, стр. 10 и слѣд.

[2]) Ср. выше, стр. 12 и слѣд.

томъ, какія основныя идеи руководили историческимъ движеніемъ, ведущимъ свое начало изъ 1789 г., то увидимъ, что это были идеи свободы и равенства, составляющія и существенное содержаніе той литературной проповѣди новыхъ началъ общественной жизни, которая представляетъ собою одну изъ существенныхъ сторонъ философскаго „просвѣщенія" прошлаго вѣка: эти два принципа противополагались ею существовавшимъ тогда фактическимъ отношеніямъ; эти два принципа сдѣлались лозунгомъ оппозиціоннаго движенія, подготовившаго взрывъ 1789 г., легли въ основу преобразовательной дѣятельности, поставившей своею цѣлью созданіе новаго общества и государства, и наконецъ стали осуществляться въ политическихъ и соціальныхъ формахъ новѣйшаго времени, въ той политической свободѣ и томъ гражданскомъ равенствѣ, развитіемъ коихъ характеризуется исторія западной Европы въ XIX в. Сравнивая эти формы съ тѣми, которыя господствовали въ прошломъ столѣтіи, мы и видимъ главное отличіе новыхъ порядковъ отъ старыхъ въ томъ, что послѣдніе были отрицаніемъ тѣхъ самыхъ принциповъ, которые легли въ основу современныхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ европейскаго Запада. Съ этой точки зрѣнія, старые порядки сводятся къ отсутствію политической свободы и гражданскаго равенства, и, дѣйствительно, они были—и по тому, чѣмъ являлись на дѣлѣ, и по происхожденію своему—не чѣмъ инымъ, какъ *соединеніемъ политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями.* Въ самомъ дѣлѣ, хотя абсолютная монархія и не была исключительною государственною формой, существовавшею на Западѣ передъ революціей, тѣмъ не менѣе главныя страны континента и многочисленныя мелкія княжества были по своей формѣ абсолютными монархіями, такъ что преобладаніе принадлежало несомнѣннѣйшимъ образомъ королевскому абсолютизму надъ всѣми другими родами правительствъ, на какіе можно указать въ тогдашней Европѣ. Съ другой стороны, вездѣ общество имѣло сословный строй, т.-е. дѣлилось на разные классы, подчинявшіеся—въ своихъ отношеніяхъ какъ къ государству, такъ и между собою—разнымъ законамъ, поставленные одни надъ другими въ іерархическомъ порядкѣ и раздѣлявшіеся на привилегированные и непривилегированные, часто даже лишенные всякихъ правъ, причемъ въ наиболѣе выгодномъ положеніи находилось по отношенію къ государству, занимало первенствующее положеніе въ обществѣ, пользовалось самыми важными привилегіями и даже прямо господствовало надъ самою значительною частью населенія, т.-е. надъ крестьянами — дворянство, къ коему въ католическихъ странахъ нужно причислить и высшій клиръ [1]). Государство

[1]) Ср. т. I, гл. XVII.

„стараго порядка" всею своею силою охраняло и поддерживало этотъ общественный строй, и между абсолютнымъ королемъ, съ одной стороны, и свѣтскою и духовною аристократіей, съ другой, существовалъ своего рода тѣсный союзъ, наилучшимъ выраженіемъ котораго былъ столь развитой въ XVIII в. придворный бытъ, соединявшій на одной общей почвѣ короля съ его привилегированными подданными. Такое пониманіе сущности „стараго порядка", какъ соединенія абсолютной монархіи съ аристократическими привилегіями, находитъ подтвержденіе и въ разсмотрѣніи сущности историческаго процесса, приведшаго западную Европу къ указанному положенію. Разрушеніе политическаго феодализма и утвержденіе абсолютной монархіи на развалинахъ монархіи сословно-представительной съ существовавшими въ ней политическими правами отдѣльныхъ „чиновъ" государства сопровождалось сохраненіемъ феодализма соціальнаго и тѣхъ привилегій, коими сословія пользовались въ гражданскомъ быту, т.-е. *въ то время, какъ государство принимало форму абсолютной монархіи, общество продолжало сохранять свой феодальный характеръ*, и въ результатѣ должны были получиться тѣ политическія и соціальныя отношенія, которыя составляютъ сущность „стараго порядка" [1]). Королевская власть на Западѣ въ своей борьбѣ съ феодализмомъ односторонне понимала предстоявшую ей историческую задачу: разрушая феодализмъ политическій, она не только не считала въ своихъ интересахъ налагать руку на феодализмъ соціальный, но даже видѣла въ сохраненіи его, равно какъ и вообще въ привилегированномъ положеніи дворянства, — средство заставить это сословіе забыть утрату политическихъ правъ, вознаградить его за эту утрату, сдѣлать изъ него главную свою опору: отсюда долговременное невмѣшательство королевской власти во взаимныя отношенія дворянства и крестьянства, въ коихъ главнымъ образомъ и сохранялся въ своей неприкосновенности соціальный феодализмъ; отсюда же и дворянскія привилегіи не платить государственныхъ налоговъ, исключительно занимать извѣстныя военныя и гражданскія должности и т. п.; отсюда же стремленіе привлечь дворянство ко двору, гдѣ оно было бы всегда на виду, пріучалось бы смотрѣть на короля, какъ на единственный источникъ всякихъ благъ, и, проживая свои доходы, восполняло бы недостатокъ въ средствахъ постоянными и временными выдачами изъ королевской шкатулки. Каждый политическій порядокъ обыкновенно тѣсно соединенъ съ соціальнымъ преобладаніемъ какого-либо общественнаго класса, хотя бы послѣдній и не пользовался непосредственно властью. Такимъ классомъ въ XVIII в. было именно дворянство, хотя въ эту эпоху оно

---

[1]) См. т. II. гл. XXIX.

не имѣло ни суверенной власти, какъ это было во времена политическаго феодализма, ни того политическаго значенія, какое принадлежало ему въ сословно-представительной монархіи: за нимъ, кромѣ привилегій, ведшихъ свое начало главнымъ образомъ изъ феодальныхъ отношеній, было еще вліятельное положеніе въ государствѣ, какъ сословія, постоянно окружавшаго государей при тогдашнемъ развитіи придворной жизни, занимавшаго высшія должности въ государствѣ (и въ католическихъ странахъ и въ церкви), сильнаго своими мѣстными отношеніями по принадлежавшимъ ему землямъ и т. д. Абсолютная монархія нашла уже готовою, вполнѣ сложившеюся эту спеціальную силу и вступила съ нею въ союзъ, поскольку послѣдняя не мѣшала собственному ея развитію, такъ что дореволюціонный абсолютизмъ былъ далекъ отъ того демократическаго цезаризма, съ какимъ мы имѣемъ дѣло, напр., въ новѣйшей исторіи Франціи.

Характеризуя старые государственные и общественные порядки, какъ соединеніе политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями, мы должны видѣть наступленіе эпохи ихъ господства въ томъ историческомъ моментѣ, когда въ феодальномъ обществѣ утвердилась абсолютная монархія. Изъ двухъ составныхъ элементовъ „стараго порядка“ одинъ былъ гораздо старше другого, и именно *соціальныя привилегіи были много древнѣе политическаго абсолютизма*, ибо онѣ ведутъ свое начало съ очень давнихъ временъ. Въ самомъ дѣлѣ, различая въ средневѣковомъ феодализмѣ стороны политическую и соціальную, мы находимъ, что первая изъ нихъ не только раньше пала, но и возникла-то позже, такъ какъ основныя черты второй существовали еще во времена Римской имперіи [1]: сколько ни перемѣнилось на Западѣ послѣ паденія этой имперіи политическихъ режимовъ (варварскія королевства, имперія Каролинговъ, феодализмъ, сословно-представительная монархія, королевскій абсолютизмъ), всѣ эти государственныя перемѣны, принимая отъ нихъ ту или другую окраску, *пережилъ соціальный строй, основанный на гражданскомъ неравенствѣ, т.-е. на неодинаковости юридическаго положенія отдѣльныхъ слоевъ общества.* И въ средніе вѣка, и въ новое время европейское общество дѣлилось по своимъ правамъ на отдѣльныя сословія, причемъ на верху соціальной лѣстницы стояли привилегированные и власть имущіе представители крупнаго землевладѣнія, а внизу—безправное или неполноправное, въ той или другой формѣ подвластное имъ крестьянство, середину же занимали лишенные привилегій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ни отъ кого независимые люди, составлявшіе преимущественно городское населеніе. Въ XVIII в. сохранялись въ полной силѣ суще-

---

[1]) См. т. I, гл. IV.

ственныя черты этого соціальнаго строя: его элементами были—привилегированное дворянство, мѣщанство (bourgeoisie Bürgerthum) съ сильно по сравненію съ нимъ урѣзанными правами и крестьянство, находившееся въ зависимости отъ дворянъ и даже бывшее во многихъ случаяхъ еще въ крѣпостномъ состояніи. Но именно въ XVIII в. этому строю приходилъ конецъ. Соціальная исторія европейскаго Запада съ исхода среднихъ вѣковъ состояла, между прочимъ, въ медленномъ и постепенномъ, но все болѣе и болѣе упрочивавшемся процессѣ высвобожденія народной массы изъ-подъ власти феодальнаго дворянства, особенно въ ростѣ того средняго сословія, которое образовалось въ городахъ и экономически окрѣпло на занятіяхъ промышленностью и торговлею: это сословіе съ самаго начала явилось главнымъ антагонистомъ землевладѣльческой аристократіи, и шло впереди остальной народной массы въ борьбѣ съ соціальнымъ феодализмомъ [1]). Въ эпоху крушенія „стараго порядка" среднее сословіе, за коимъ упрочилось названіе буржуазіи, и составило главную соціальную силу, игравшую роль въ событіяхъ: въ немъ же и наибольшимъ успѣхомъ пользовались ученія XVIII в., говорившія о гражданскомъ равенствѣ.

Каждый политическій порядокъ не только различнымъ образомъ опирается на отдѣльные общественные интересы, но и различнымъ образомъ имъ служитъ. Государство „стараго порядка" имѣло такое устройство, какъ будто бы главнымъ его назначеніемъ было служить интересамъ привилегированныхъ сословій, въ то самое время, какъ не только развились и распространились болѣе высокія представленія о государствѣ, но и сложился общественный классъ, пользовавшійся матеріальнымъ благосостояніемъ, достигшій значительной умственной культурности, сознавшій свою соціальную силу: для него старый государственный строй, поддерживавшій и охранявшій аристократическія привилегіи, ставившій дворянство въ исключительно выгодное положеніе, какъ бы особенно служившій интересамъ этого сословія, могъ быть только предметомъ критики и нерасположенія. При тѣсной связи, существующей между соціальными отношеніями и другими внѣшними формами народнаго быта, всякія перемѣны въ послѣднихъ, будутъ ли онѣ касаться, напр., церкви или государства, всегда получаютъ—и по своимъ причинамъ, и по слѣдствіямъ своимъ — извѣстное соціальное значеніе. Изучая эпоху религіозной реформаціи, мы видимъ, что съ разнообразными причинами, заставлявшими цѣлыя націи и государства, равно какъ и отдѣльныя лица — быть недовольными средневѣковою церковью, дѣйствовало за одно и то нерасположеніе, съ какимъ относились разные классы свѣтскаго общества къ духовенству, какъ

---

[1]) См. томъ I, гл. V.

къ сословію, пользовавшемуся особыми преимуществами, привилегіями и правами, которыя въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ были непріятны, обидны, тяжелы для другихъ общественныхъ классовъ. Благодаря этому, стремленіе къ реформѣ церкви соединялось съ желаніемъ дать и духовенству иное положеніе въ государствѣ и обществѣ, отнявъ у него земельныя владѣнія, судебныя права и другія привилегіи; особенно же дѣятельнымъ антагонистомъ клира была свѣтская аристократія, болѣе всего и выигравшая матеріально отъ секуляризаціи церковной собственности [1]. Средневѣковая церковь наиболѣе благопріятствовала соціальной мощи одного общественнаго класса—класса своихъ служителей, и потому въ эпоху движенія, поставившаго своею задачею реформировать эту церковь, главнымъ объектомъ соціальной борьбы, сопровождавшей религіозное движеніе и шедшей тогда подъ его знаменемъ, было духовенство. Въ новое время церковь должна была уступить свое первенство государству, но это государство получило такія формы, что главныя выгоды отъ его существованія выпадали на долю феодальнаго дворянства, совершенно такъ же, какъ прежде старыя церковныя учрежденія служили преимущественно интересамъ духовенства. Послѣ реформаціонной эпохи, когда началось на Западѣ новое историческое движеніе съ опредѣленнымъ общественнымъ содержаніемъ, вопросъ о преобразованіи государства сдѣлался такимъ же жгучимъ вопросомъ, какимъ былъ въ прежнія времена вопросъ о церковной реформѣ, и подобно тому, какъ раньше главнымъ объектомъ соціальной борьбы было духовенство, такъ теперь въ подобной же роли явилась феодальная аристократія. Аналогія идетъ и далѣе. Хотя средневѣковой клиръ и вызывалъ противъ себя оппозицію со стороны разныхъ классовъ общества, но настоящее соціальное соперничество у него могло быть только съ дворянствомъ, что и отразилось потомъ на судьбѣ церковнаго землевладѣнія въ протестантскихъ странахъ. Совершенно такъ же и дворянство, привилегіями коего крестьяне должны были тяготиться гораздо болѣе, чѣмъ буржуазія, въ этой послѣдней именно и встрѣтило главнаго своего соперника. Другими словами, въ соціальной исторіи реформаціонной эпохи преимущественное вниманіе обращаетъ на себя тотъ антагонизмъ, въ какой свѣтскій землевладѣльческій классъ сталъ къ землевладѣльческому классу духовному, тогда какъ соціальною подкладкою политическихъ движеній, начавшихся въ 1789 г., былъ антагонизмъ соціальнаго класса, въ основѣ коего лежало движимое имущество (капиталъ), по отношенію къ сословію, главная

---

[1]) Обо всемъ этомъ см. въ обоихъ предыдущихъ томахъ.

экономическая сила коего заключалась въ недвижимой собственности [1]). Такъ какъ соціальный феодализмъ тяготѣлъ и надъ народомъ, и такъ какъ буржуазія и народъ въ политическомъ смыслѣ составляли одно цѣлое (tiers état во Франціи), то весьма естественно, что оппозиція буржуазіи противъ „стараго порядка“ получила демократическій характеръ.

Само собою разумѣется, что положеніе дворянства въ отдѣльныхъ странахъ было далеко неодинаково, но при всемъ разнообразіи отношеній была одна общая черта, дѣлавшая изъ дворянства главный правящій классъ во всей континентальной Европѣ XVIII вѣка, какъ ни разнообразились ея политическія формы. Страною, гдѣ дворянство было, дѣйствительно, всѣмъ, гдѣ крестьянинъ находился въ самой безусловной отъ него зависимости, гдѣ мѣщанинъ сталъ въ соціальномъ смыслѣ почти ничѣмъ, была польско-литовская шляхетская республика, въ которой одному этому сословію принадлежали полныя права гражданства и ему же одному (съ духовенствомъ)—вся поземельная собственность. Рѣчь Посполитая являлась однимъ изъ тѣхъ государствъ, въ коихъ не было абсолютной королевской власти, а политическая свобода,—плохо притомъ организованная,—проявлялась здѣсь въ строго аристократической формѣ, ибо одна только шляхта пользовалась политическими правами. Аристократическій характеръ имѣла и политическая свобода въ Швеціи, дворянство которой одно время безусловно господствовало надъ страною. Старыя республики, какъ федеративныя (Голландія, Швейцарія), такъ и унитарныя (Венеція, Генуя, вольные города) равнымъ образомъ были весьма далеки отъ демократическаго устройства. Тамъ, гдѣ еще сохранялись сословные чины (большею частью провинціальные), на нихъ преобладаніе принадлежало также привилегированнымъ. Съ другой стороны, широкая власть помѣщика надъ крѣпостнымъ населеніемъ его земли, съ особою силою развившаяся въ имѣніяхъ польской шляхты и во владѣніяхъ нѣмецкаго имперскаго рыцарства, существовала и тамъ, гдѣ дворянинъ былъ подданнымъ абсолютнаго короля или имперскаго князя (въ Германіи). Гдѣ существовало крѣпостное право (а оно существовало въ большей части континентальной Европы), тамъ дворянство видѣло въ своей власти надъ сельскимъ населеніемъ главную свою привилегію, которою особенно дорожило; когда, напр., передъ частью польской шляхты

---

[1]) На соціальную сторону французской революціи, какъ борьбы аристократіи и буржуазіи, указывали уже давно, но особенно рѣзко подчеркнулъ эту сторону Луи Бланъ, перенесши въ ту эпоху и борьбу пролетаріата съ буржуазіей своего времени. Въ видѣ образчика объясненія всѣхъ главныхъ событій эпохи съ такой точки зрѣнія можно указать на небольшую книжку K. Kautsky. Die Klassengegensätze von 1789.

явилась дилемма — или лишиться политической свободы, сохранивъ власть надъ своими хлопами, но перешедши въ подданство сосѣднихъ державъ, или отстаивать политическую независимость хотя бы съ рискомъ лишиться крѣпостныхъ, очень многіе паны предпочитали сдѣлаться подданными абсолютныхъ монарховъ при обезпеченіи за собою правъ надъ крестьянами. Гдѣ, наконецъ, уже не было настоящаго крѣпостнаго права, тамъ все еще сохранялись за сеньерами разныя феодальныя права, въ силу коихъ самая поземельная собственность дѣлилась на привилегированную и непривилегированную. *Въ этомъ аристократическомъ характерѣ старыхъ учрежденій новые общественные классы и видѣли главное зло существующихъ порядковъ.* Многіе историки отмѣчали уже тотъ фактъ, что прежде чѣмъ обнаружить стремленіе къ политической свободѣ, новые общественные классы желали только однѣхъ реформъ гражданскаго характера. Въ томъ культурномъ движеніи, которое охватило образованные классы въ XVIII в., отрицательное отношеніе къ абсолютизму далеко не было раннимъ, по времени возникновенія своего, явленіемъ. И въ обществѣ, и среди передовыхъ его людей, многіе желали только преобразованій въ соціальномъ быту, не касаясь политическаго вопроса, думая даже, что лишь одна абсолютная монархическая власть въ состояніи будетъ осуществить нужныя реформы, и только разочарованіе въ этомъ объясняетъ до извѣстной степени позднѣйшій походъ противъ абсолютизма, самыя же реформы эти мыслились, какъ уничтоженіе дворянскихъ привилегій, уравненіе гражданскихъ правъ, отмѣна феодальныхъ порядковъ, освобожденіе крѣпостныхъ и т. п. Самъ „просвѣщенный абсолютизмъ“, повидимому, дѣлалъ своею задачею осуществленіе подобной программы. Стремленіе къ политической свободѣ явилось позже, но въ ея пониманіи обнаружилось разногласіе между представителями стараго соціальнаго строя и новыми общественными классами: въ то время, какъ первые, бывшіе принципіальными противниками всѣхъ преобразованій въ гражданскомъ быту, которыя противорѣчили ихъ интересамъ и традиціямъ, — и самую политическую свободу понимали въ старыхъ, сословныхъ, аристократическихъ формахъ, другіе, наоборотъ, и въ данномъ отношеніи становились на сторону принципа демократическаго равенства.

Таковы были въ общихъ чертахъ соціальныя отношенія „стараго порядка“. Если онѣ вызывали противъ себя оппозицію средняго сословія и поддерживали постоянное недовольство въ народныхъ массахъ, то и другая сторона этого порядка съ теченіемъ времени стала обнаруживать свою несостоятельность. Политическій бытъ западной Европы XVIII в. былъ основанъ *на устраненіи изъ публичной жизни свободныхъ общественныхъ силъ и на подавленіи свободы индивидуаль-*

ной. Если въ феодализмѣ государство, такъ сказать, растворялось въ обществѣ, то, наоборотъ, дореволюціоннымъ государствомъ общество совершенно поглощалось. Періодъ равновѣсія обоихъ, когда общественныя силы въ государственномъ дѣлѣ проявлялись въ формѣ сословнаго представительства, миновалъ съ утвержденіемъ абсолютизма. Даже тогда, когда государство XVIII в., въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма", выступило съ реформаторскою дѣятельностью въ новомъ духѣ, оно относилось съ крайнимъ недовѣріемъ къ общественнымъ силамъ, полагаясь исключительно на одну бюрократію. Мы выяснимъ въ своемъ мѣстѣ причину этого явленія, но здѣсь отмѣчаемъ его, какъ одно изъ наиболѣе характерныхъ для стараго политическаго порядка. Понятное дѣло, что государственная власть не могла совершенно изолировать себя отъ общества, и послѣднее оказывало свое вліяніе на ея дѣятельность, но это было вліяніе случайное, неорганизованное, преимущественно шедшее со стороны того общественнаго слоя, который ближе всего стоялъ къ власти, такъ что иногда все общество въ данномъ случаѣ представлялось однимъ дворомъ. Между тѣмъ обстоятельства стали складываться такъ, что въ участіи общественныхъ силъ въ государственныхъ дѣлахъ стали видѣть главное условіе того, чтобы дѣла эти шли надлежащимъ образомъ и вершились къ общему благу, тѣмъ болѣе, что въ извѣстныхъ кругахъ общества не умирали совсѣмъ воспоминанія о тѣхъ временахъ, когда въ той или другой формѣ общественныя силы призывались къ политической дѣятельности. Но особенно давалъ себя знать недостатокъ свободы другого рода—свободы индивидуальной. Государство новаго времени, какъ уже указывалось раньше, сдѣлалось къ XVIII вѣку всемогущимъ, подчинивъ своей власти и своему контролю всѣ проявленія общественной и личной жизни, но и ростъ индивидуальнаго сознанія является однимъ изъ крупныхъ фактовъ новой исторіи, благодаря чему произволъ власти, характеризующій „старые порядки", долженъ былъ рано или поздно породить общественный протестъ, выразительницею коего и сдѣлалась просвѣтительная литература XVIII вѣка.

Если главными идеями популярной публицистики прошлаго столѣтія были свобода и равенство, тогда какъ господствовавшіе тогда порядки были, наоборотъ, основаны на отрицаніи этихъ принциповъ, то весьма естественно, что между тѣми и другими, т.-е. между идеями вѣка, съ одной стороны, и его внѣшними отношеніями, съ другой, должно было произойти враждебное столкновеніе. Хотя принципы свободы и равенства играли видную роль и въ болѣе раннихъ общественныхъ движеніяхъ, между прочимъ и въ реформаціонномъ, но *никогда прежде съ такою ясностью не было сознаваемо и съ такою*

силою не было выставляемо, какъ въ XVIII в., противорѣчіе между существовавшею политическою и соціальною дѣйствительностью, съ одной стороны, и принципами свободы и равенства, съ другой. Въ болѣе раннемъ историческомъ движеніи новаго времени, въ движеніи реформаціонномъ, раздвоеніе между тѣмъ, что считалось должнымъ, и тѣмъ, что собою представляла окружающая дѣйствительность, касалось главнымъ образомъ церковной сферы, такъ что главнымъ зломъ, разъѣдающимъ жизнь общества, представлялась такъ называемая порча церкви. Конечно, и тогда не было недостатка въ критикѣ современныхъ эпохѣ политическихъ и соціальныхъ порядковъ, но доминировала критика отношеній, возникавшихъ на почвѣ религіозной жизни, какъ, замѣтимъ кстати, въ XIX в. стала преобладать критика экономическаго строя, стоявшая на очень отдаленномъ планѣ и въ эпоху стремленій къ церковной реформѣ, и въ эпоху требованія преобразованій общественныхъ и государственныхъ. Подобно тому, какъ XVI в. пришелъ къ окончательному сознанію глубокаго противорѣчія между существовавшею тогда церковью и основными началами истинной вѣры, такъ и XVIII в. съ особенными ясностью и силою обнаружилъ несоотвѣтствіе между тогдашнею политическою и соціальною дѣйствительностью и тѣми общественными идеями, какія были выработаны предыдущимъ культурнымъ развитіемъ. Какъ всѣ тѣ силы, которыя находились въ оппозиціи къ средневѣковому католицизму, стали въ XVI в. подъ знамя идей реформаціи, такъ точно и идеи XVIII в. сдѣлались лозунгомъ движенія, поставившаго своею цѣлью разрушеніе „старыхъ порядковъ" въ государствѣ и обществѣ и увлекшаго за собою всѣ общественные элементы, которые были недовольны этими порядками и стремились ихъ измѣнить къ лучшему для себя. Каждый объективно существующій строй учрежденій, будетъ ли то средневѣковая церковь, или „старые порядки" государственной и общественной жизни, покоится, съ одной стороны, на извѣстныхъ фактическихъ отношеніяхъ, съ другой — на совокупности извѣстныхъ идей. Замѣна однѣхъ идей другими есть одно изъ необходимыхъ условій, чтобы въ этомъ строѣ произошло измѣненіе, другимъ же условіемъ являются и перемѣны, происшедшія въ самихъ фактическихъ отношеніяхъ. Совершенно такъ же, какъ въ исторіи религіозной реформаціи XVI в., рядомъ съ разнообразною оппозиціей, какую вызывала противъ себя средневѣковая церковь, большую роль играло и внутреннее разложеніе этой церкви, столь характерно называвшееся ея „порчею", такъ и въ томъ историческомъ движеніи, которое унесло съ собою старые государственные и общественные порядки, мы видимъ не только дѣйствіе оппозиціонныхъ силъ, ставшихъ подъ знамя новыхъ идей, но и результатъ внутренняго разложенія

этихъ порядковъ, а отсюда ихъ безсиліе бороться съ новыми идеями и съ складывающимися помимо ихъ фактическими отношеніями. Дѣло въ томъ, что *въ XVIII в. „старые порядки“ находились уже въ періодѣ своего внутренняго разложенія.* Еще разъ позволю себѣ тутъ обратиться къ аналогіи съ реформаціонной эпохой.

Средневѣковой католицизмъ въ XIV и XV вѣкахъ вступилъ въ періодъ одного изъ наиболѣе острыхъ кризисовъ, какіе когда-либо ему приходилось переживать: съ одной стороны, противъ него подымалось все то, что стояло внѣ церкви, понимаемой въ смыслѣ ея іерархіи, съ другой стороны, сама церковь находилась въ состояніи разложенія, въ состояніи деморализаціи и дезорганизаціи. Свѣтское общество, государство, личность— выростали изъ тѣхъ рамокъ, которыя созданы были другими временами, другими обстоятельствами и потому все болѣе и болѣе дѣлались анахронизмомъ, но и самыя рамки эти, т.-е. церковныя учрежденія католицизма стали негодными, такъ какъ представители католической системы жили въ противорѣчіи съ собственными своими принципами и, вмѣсто того, чтобы служить обществу, стремились только эксплуатировать его въ своекорыстныхъ видахъ. Въ XVIII в. европейское общество начало выростать изъ тѣхъ рамокъ, которыя налагались на него соединеніемъ политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями, бывшимъ однимъ изъ продуктовъ болѣе раннихъ историческихъ отношеній, но, кромѣ того, и самые порядки эти находились въ разложеніи: только послѣднее обстоятельство и объясняетъ намъ крушеніе ихъ во Франціи въ 1789 г., крушеніе ихъ въ другихъ западно-европейскихъ странахъ при столкновеніи ихъ съ революціонной Франціей. Каждый объективный строй переживаетъ эпохи зарожденія, полнаго развитія и упадка, и въ этомъ заключается смѣна однихъ порядковъ другими. Французская монархія, въ которой такъ рельефно сочетались королевскій абсолютизмъ съ аристократическими привилегіями, достигла своего апогея въ XVII в., когда всѣ другія старыя силы французской націи обнаружили свою несостоятельность, а новыя еще не народились, но въ XVIII столѣтіи, при Людовикахъ XV и XVI эта монархія находится уже въ разложеніи, напоминающемъ намъ ту „порчу церкви въ главѣ и членахъ“, которая вызывала религіозный протестъ реформаціонной эпохи: мѣсто папъ, забывшихъ свои обязанности, заступали короли, мѣсто духовенства и монашества, злоупотреблявшихъ своею властью и сдѣлавшихся въ тягость народу,—дворянство и чиновничество. Другія западныя монархіи позднѣе достигали своего апогея, какъ это было, напр., съ Пруссіей, достигшей кульминаціоннаго пункта своего существованія въ эпоху „старыхъ порядковъ“ лишь въ XVIII в., но и это государство обнаружило внутреннее свое безсиліе при столкновеніи съ Франціей и окрѣпло въ

XIX в. лишь благодаря общественнымъ и государственнымъ преобразованіямъ въ духѣ новѣйшаго времени.

Историческія явленія, имѣвшія въ свое время общеевропейское значеніе, далеко не одинаковы, т.-е. не вездѣ съ одною силою и въ одно и то же время обнаруживаются въ жизни отдѣльныхъ государствъ. Знакомясь съ тѣми политическими и соціальными порядками, которые были болѣе или менѣе общи всѣмъ главнымъ континентальнымъ странамъ, мы лучше всего наблюдаемъ ихъ на примѣрѣ дореволюціонной Франціи, тѣмъ болѣе, что научное изученіе французской революціи привело къ необходимости обстоятельнаго знакомства съ тѣмъ, чѣмъ былъ во Франціи l'ancien régime [1]), и что, благодаря этому существуетъ обширная литература объ относящихся къ нему предметахъ. Но и помимо того французскія отношенія XVIII в. весьма характерны. Франція была страною очень ранней и весьма широкой феодализаціи: а ея феодальное рыцарство и придворная аристократія сдѣлалась образцомъ, по которому складывались воззрѣнія и привычки дворянства въ другихъ странахъ. Своеобразное сочетаніе во Франціи старыхъ, феодальныхъ учрежденій съ новыми, монархическими, просуществовавшее до самой революціи [2]), заслуживаетъ также особаго вниманія. Сама абсолютная монархія развилась во Франціи съ наибольшею силою, такъ что въ правленіе Людовика XIV Франція сдѣлалась образцомъ, которому стали подражать и другія монархическія правительства, включая въ ихъ число и нѣмецкихъ имперскихъ князей. Съ другой стороны, нигдѣ такъ рано и такъ сильно не обнаружилось разложеніе стараго порядка, какъ опять-таки во Франціи въ XVIII в.; нигдѣ въ другомъ мѣстѣ на материкѣ не сложились такъ, какъ въ ней, и не проявили себя вовнѣ съ такою силою элементы новаго общества, весьма рано ставшіе здѣсь въ рѣзкую оппозицію съ „старыми порядками"; наконецъ, нигдѣ такъ не чувствовался и не выражался съ такою ясностью разладъ между тогдашнею дѣйствительностью и новыми общественными идеями, какъ во французской же литературѣ прошлаго вѣка, оказавшей притомъ практическое вліяніе не только на историческое движеніе въ самой Франціи, но и на культурно-соціальную жизнь другихъ странъ. Вотъ почему дѣлая выше общую характеристику старыхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ, и указывая на историческій процессъ ихъ образованія, мы должны имѣть въ виду преимущественно отношенія французскія.

---

[1]) См. выше, стр. 8—9 и 17 (прим.).
[2]) Ср. т. I, стр. 115 и слѣд.

III. Періодъ королевскаго абсолютизма [1]).

Періодъ абсолютной монархіи и отдѣльныя его эпохи. — Судьба сословно-представительныхъ учрежденій въ XVIII в.—Абсолютизмъ въ скандинавскихъ государствахъ.—Образованіе Прусской монархіи и утвержденіе въ ней абсолютизма.—Габсбурги и венгерская конституція.—„Просвѣщенный абсолютизмъ“ и народное представительство.—Принципъ безусловнаго верховенства королевской власти.—Бюрократическіе порядки и милитаризмъ.—„Полицейское государство“.— Административный произволъ и личная свобода.

Дѣля западно-европейскую исторію XVI, XVII и XVIII вв., т.-е. отъ начала религіозной реформаціи до начала французской революціи—на два большихъ періода до и послѣ вестфальскаго мира, присваивая первому изъ нихъ названіе реформаціоннаго, историки весьма часто обозначаютъ второй, какъ эпоху абсолютной монархіи, хотя названіе это и не охватываетъ такъ полно главнѣйшихъ проявленій исторической жизни во второй половинѣ XVII и въ XVIII в., какъ это можно сказать объ имени, присвоенномъ XVI в. и первой половинѣ XVII столѣтія. Если, однако, абсолютная монархія не характеризуетъ всѣхъ главныхъ сторонъ исторической жизни въ эпоху, обозначаемую ея именемъ, тѣмъ не менѣе въ такомъ названіи цѣлыхъ полутора вѣковъ заключается указаніе на важный историческій фактъ. Въ

---

[1]) См., между прочимъ, Laurent. La politique royale, X томъ его Etudes sur l'histoire de l'humanité, посвященный главнымъ образомъ, впрочемъ, внѣшней политикѣ. Литература по исторіи Франціи, Австріи и Испаніи въ эпоху установленія въ нихъ абсолютизма указана въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ второго тома. Въ настоящей главѣ рѣчь идетъ главнымъ образомъ о Даніи, Швеціи, Пруссіи и Венгріи. Особенно обширна и важна литература по исторіи Пруссіи. Stenzel. Geschichte des preussischen Staats (въ сборникѣ Геерена и Укерта).—Ranke. Zwölf Bücher preussischer Geschichte.—Droysen. Geschichte der preussischen Politik.—Eberty. Geschichte des preussischen Staats.—Cosel. Geschichte des preussischen Staates und Volkes.—Philippson. Geschichte des preussischen Staatswesens.—Pierson. Preussische Geschiche.—Tuttle. History of Prussia to the accession of Frederic the Great.—Lavisse. Études sur l'histoire de Prusse.—Orlich. Geschichte des preussischen Staats im XVII Jahrhundert.—Förster. Friedrich Wilhelm, der grosze Kurfürst, und seine Zeit.—Zwiedinek-Südenhorst. Deutsche Geschicte im Zeitraum der Gründung des preussischen Königthums.—Указанія на труды по исторіи Пруссіи въ XVIII в. сдѣланы ниже. По исторіи Швеціи см. сочин. Carlsson'а (продолжавшаго шведскую исторію Гейера, ср. II, 11), доведенное до начала XVIII в.—A. Fryxell. Gesch. Karls XII (переводъ съ шведскаго).—О Густавѣ III см. соч. Arndt'а, Posselt'а, Geffroy Léouzon Le Duc'а, de Nervo и др. Исторія Даніи—Allen'а (есть французскій переводъ).—Сочиненія по исторіи Австріи указаны будутъ въ своемъ мѣстѣ.

новое время всѣ политическія силы среднихъ вѣковъ склонились передъ государствомъ, преобладающею формою котораго сдѣлалась абсолютная монархія, наибольшаго же развитія своего она достигла именно въ періодъ времени между вестфальскимъ миромъ и французской революціей: „вѣкъ Людовика XIV“ въ первой половинѣ этого періода (1661—1715) и „вѣкъ Фридриха II“ во второй (1740—1786), отдѣленные одинъ отъ другого лишь двадцатью пятью годами, для которыхъ нѣтъ подходящаго названія въ этомъ же родѣ, были временами полнаго развитія и господства въ политической жизни Европы принциповъ абсолютизма, временами личнаго правленія неограниченныхъ монарховъ и всесильныхъ министровъ, временами наибольшаго упадка, въ какомъ когда бы то ни было находились съ исхода среднихъ вѣковъ западныя представительныя учрежденія. Разумѣется, всѣ хронологическія дѣленія имѣютъ чисто условное значеніе: такъ и въ данномъ случаѣ исторія абсолютизма на Западѣ не укладывается въ рамки 1648—1789 гг., такъ какъ и начинается она раньше, и кончается позже, но никогда абсолютной монархіи на континентѣ не принадлежало такого неоспоримаго господства и никогда она не обнаруживала такой жизненности, какъ въ указанную эпоху, хотя послѣдняя же была и началомъ разложенія созданнаго абсолютизмомъ политическаго строя, особенно по отношенію къ Франціи.

Родиной абсолютизма были итальянскія княжества въ исходѣ среднихъ вѣковъ. Изъ большихъ европейскихъ государствъ ранѣе всего онъ утвердился въ Испаніи Карла V и Филиппа II, такъ что въ XVI вѣкѣ Испанская монархія была главною представительницею этого начала въ политической жизни Европы. Въ слѣдующемъ столѣтіи Испанія была уже въ совершенномъ упадкѣ, истощенная внутреннимъ деспотизмомъ и внѣшними войнами, но это же столѣтіе было эпохою торжества абсолютизма во Франціи и преобладанія самой Франціи въ международной политикѣ. Съ „вѣкомъ Людовика XIV“ миновало, однако, это величіе: въ XVIII столѣтіи старая монархія во Франціи находится уже въ разложеніи, хотя страна и была далека отъ такого упадка, въ какомъ находилась Испанія, ранѣе Франціи игравшая первенствующую роль въ европейскомъ политическомъ мірѣ. Если въ XVIII в. отношенія этого міра и осложнились вступленіемъ въ него Россіи, тѣмъ не менѣе, ограничиваясь исторіей однѣхъ западныхъ странъ, мы можемъ сказать, что главною представительницею абсолютизма тогда сдѣлалась Пруссія, именно въ „вѣкъ Фридриха II“. Такъ въ исторіи западнаго абсолютизма слѣдуютъ одна за другою, какъ главныя ея представительницы, Италія съ ея княжескими тиранніями, Испанія Карла V и Филиппа II, Франція Генриха IV, Ришелье и Людовика XIV, Пруссія Фридриха Вильгельма I и особенно Фридриха

Великаго: гдѣ раньше, гдѣ позже это государственное начало достигало полнаго господства и становилось предметомъ подражанія въ другихъ странахъ, принимая тотъ или другой характеръ въ зависимости не только отъ мѣстныхъ условій, но и отъ общихъ историческихъ теченій: испанскій абсолютизмъ, напр., испыталъ на себѣ вліяніе католической реакціи, прусскій — вліяніе „просвѣщенія" XVIII вѣка. Благодаря тому, что однѣ страны отставали отъ другихъ на общемъ историческомъ пути, въ одно и то же время, именно въ XVIII в., исторіей котораго мы теперь заняты, мы можемъ наблюдать общее имъ явленіе — абсолютную монархію—въ разныхъ фазисахъ, какіе она переживала: во Франціи это было явленіе уже отживающее, разлагающееся, въ Пруссіи—новое, развивающееся, хотя и носящее уже зародыши своего будущаго паденія въ XIX вѣкѣ. Время отъ смерти Людовика XIV до революціи, и составляющее главнымъ образомъ „восемнадцатый вѣкъ", можно раздѣлить на двѣ части: въ первую, меньшую половину этого періода (1715—1740) продолжаютъ господствовать традиціи французскаго абсолютизма, какъ онѣ сложились при Людовикѣ XIV, во вторую, бо́льшую — общій тонъ задается Пруссіей, со вступленіемъ на престолъ которой Фридриха II начинается пора „просвѣщеннаго абсолютизма": это и составляетъ особый интересъ прусской исторіи въ XVIII вѣкѣ, не говоря уже о той роли, какую Пруссія играла въ международной политикѣ въ царствованіе этого великаго дипломата и полководца. „Вѣкъ Фридриха II" былъ такимъ образомъ вѣкомъ „просвѣщеннаго абсолютизма", исторіей коего мы займемся подробнѣе въ особомъ отдѣлѣ настоящаго тома, посвятивъ настоящую главу только общему обзору абсолютизма во всѣхъ странахъ, гдѣ онъ утвердился, и безъ различія его мѣстныхъ и временныхъ оттѣнковъ.

Форма монархіи, господствовавшая на Западѣ въ XVIII в., отличалась одинаково и отъ теперешней конституціонной монархіи и отъ болѣе ранней монархіи сословной [1])—устраненіемъ общественныхъ силъ отъ непосредственнаго участія въ государственной жизни. Не смотря на глубокое различіе, существующее между новыми парламентами и средневѣковыми государственными чинами, и тѣ, и другіе имѣютъ то общее между собою, что въ такой или иной формѣ ими давалось право націи участвовать въ законодательствѣ, вотировать налоги, контролировать администрацію, даже вліять нѣкоторымъ образомъ и на внѣшнюю политику. Если временемъ наибольшаго процвѣтанія старыхъ сословно-представительныхъ учрежденій были XIV и XV вв., то *XVIII столѣтіе было эпохой наибольшаго паденія учрежденій*

---

[1]) См. т. I, гл. VI.

въ которыхъ націи посредствомъ представителей своихъ ограничивали королевскую власть. Французскіе генеральные штаты собраны были въ послѣдній разъ въ 1614 году [1]), и послѣ этого во Франціи въ теченіе цѣлыхъ 175 лѣтъ ни разу не созывалось народное представительство. Испанскіе кортесы, сломленные деспотизмомъ Карла V и Филиппа II, и государственные сеймы во владѣніяхъ австрійскихъ Габсбурговъ также пришли въ полный упадокъ, такъ какъ и въ Испаніи, и въ Австріи очень рано утвердился совершенный абсолютизмъ [2]). Та же судьба постигла и собранія чиновъ въ отдѣльныхъ княжествахъ Германіи послѣ тридцатилѣтней войны. Извѣстно, что по вестфальскому миру князья сдѣлались почти совершенно независимыми отъ имперіи государями въ своихъ земляхъ, а, привыкши во время тридцатилѣтней войны назначать налоги и собирать войско, не спрашивая на то согласія земскихъ чиновъ, они и по окончаніи войны или совсѣмъ не созывали ландтаговъ, или не обращали никакого вниманія на ихъ рѣшенія и протесты: это была эпоха, когда абсолютизму Людовика XIV подражали не только государи болѣе крупныхъ странъ, но и очень незначительные владѣльцы, къ числу коихъ принадлежало и большинство нѣмецкихъ князей, жалобы на которыхъ въ рейхскаммергерихтъ были прямо запрещены ихъ подданнымъ тѣмъ же вестфальскимъ миромъ. Что касается до императора, то по избирательной капитуляціи онъ даже обязывался помогать князьямъ противъ ихъ подданныхъ. Бывали случаи, что ландтаги и вовсе переставали собираться или собирались только для виду, рѣдко гдѣ (какъ, напр., въ Брауншвейгѣ, Мекленбургѣ и Вюртембергѣ) сохранивъ еще нѣкоторое значеніе. Примѣромъ того, какъ обращались князья съ земскими чинами, можетъ служить такого рода случай въ исторіи Саксоніи при Августѣ Сильномъ: когда однажды „чины“ вздумали протестовать противъ поборовъ этого курфюрста, ихъ заперли въ залѣ ихъ совѣщаній и держали тамъ, пока они не смирились. Дворянство въ отдѣльныхъ княжествахъ превратилось въ придворную знать (Hofadel) и стало жить княжескими подачками, сохраняя подъ деспотическимъ правленіемъ своихъ государей всѣ старыя соціальныя привилегіи. Духовенство въ протестантскихъ земляхъ было въ полной зависимости отъ свѣтской власти и льстило своимъ князьямъ, доходя до того, что, напр., одинъ пасторъ объявилъ своему государю (ландграфу гессенскому), что если бы Господь Богъ не былъ Господомъ Богомъ, то никто на это не имѣлъ бы большаго права, чѣмъ его свѣтлость. Наконецъ, княжескіе города (въ отличіе

---

[1]) Объ ихъ исторіи см. т. I, стр. 63 и слѣд. и т. I, стр. 336 и слѣд., 397—399.
[2]) См. объ этомъ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ второго тома.

отъ городовъ имперскихъ) никогда не пользовались свободой и вліяніемъ. Понятно, что собранія, на которыхъ были представлены такіе общественные элементы [1]), и не могли играть самостоятельной политической роли. Мы еще увидимъ, какое значеніе имѣла борьба государя съ земскими чинами въ исторіи возвышенія Бранденбурга-Пруссіи.

Абсолютизму удалось утвердиться и въ двухъ скандинавскихъ государствахъ, гдѣ большую силу имѣла аристократія. Данія и Швеція, подобно Польшѣ, представляли собою страны съ ослабленною королевскою властью, съ широкими правами дворянства. Одной Польши не коснулись совершавшіяся повсюду перемѣны въ смыслѣ усиленія монархическаго начала, но Данія и Швеція испытали на себѣ то, что было общимъ явленіемъ эпохи. Особенно можно сказать это о первой изъ названныхъ странъ. Датская аристократія до середины XVII в. увеличивала свои права съ каждою перемѣною царствованія, такъ какъ королевская власть все болѣе и болѣе ограничивалась условіями избранія, которыя долженъ былъ подписывать новый король. Положеніе датскаго монарха стало походить на должность простого предсѣдателя государственнаго совѣта, а вся власть была въ рукахъ аристократіи, и послѣдняя пользовалась ею для того, чтобы расширить свои привилегіи и свои права надъ другими общественными классами, раздражая тѣмъ самымъ противъ себя и духовенство, и горожанъ, и крестьянъ, все болѣе и болѣе попадавшихъ въ крѣпостную зависимость отъ дворянства. Подобно тому, какъ и въ иныхъ странахъ, сословный антагонизмъ, питавшійся преимущественно высокомѣріемъ, властолюбіемъ и своекорыстіемъ дворянства, былъ однимъ изъ условій, благопріятныхъ для королевской власти, которая, опираясь на недовольные общественные элементы, достигала абсолютизма [2]), такъ и въ Даніи оппозиція, въ какую стали къ дворянству другія сословія, сдѣлалась почвою, на коей утвердился королевскій абсолютизмъ. Случилось это, какъ извѣстно, въ 1660 г. (за нѣсколько мѣсяцевъ до начала самостоятельнаго правленія Людовика XIV во Франціи) при Фридрихѣ III (1648—1670). Аристократическое хозяйничанье довело Данію до крайняго разстройства. Казна была пуста, коронные доходы незначительны, государство обременено долгами. На сеймѣ, собравшемся въ Копенгагенѣ осенью 1660 г., правительство поставило вопросъ о томъ, какъ выйти изъ финансовыхъ затрудненій: дворянство указало на другія сословія, какъ на плательщиковъ новыхъ налоговъ, но духовенство и горожане, наоборотъ, на-

---

[1]) Ср. томъ I, гл. VI.

[2]) Это явленіе съ особенною очевидностью наблюдается во Франціи.

пали на дворянство, на его изъятіе изъ обязанности платить налоги, на доходы, извлекаемые имъ изъ аренды доменовъ за дешевую плату, требуя вмѣстѣ съ этимъ ограниченія вообще дворянскихъ привилегій. Результатомъ возникшей отсюда распри былъ государственный переворотъ, лозунгомъ коего сдѣлались—наслѣдственность короны и отмѣна капитуляціи, подписанной королемъ при избраніи. Иниціатива этой перемѣны исходила отъ духовенства и горожанъ; дворянство, нéхотя, должно было подчиниться наслѣдственности королевской власти и уничтоженію той конституціи, какую представляла собою капитуляція. Переворотъ повлекъ за собою преобразованіе государственнаго совѣта и правительственныхъ коллегій, членами коихъ подѣланы были сторонники новаго порядка вещей и противники прежняго олигархическаго правленія. Особымъ „королевскимъ закономъ", дававшимъ окончательную санкцію совершившемуся перевороту, Фридрихъ III обязывалъ и преемниковъ своихъ блюсти на будущія времена свято и ненарушимо абсолютную королевскую власть: законъ этотъ, составленный (1665 г.) при участіи знаменитаго юриста Рейнкинга, былъ опубликованъ при коронованіи новаго короля, Христіана V, а копенгагенскій профессоръ Вандаль написалъ особый трактатъ о правахъ абсолютной королевской власти. Впрочемъ, представители новаго порядка стремились примирить съ нимъ аристократію сохраненіемъ за нею многихъ старыхъ привилегій и даже образованіемъ новыхъ, такъ что въ соціальномъ отношеніи датскій абсолютизмъ удерживалъ прежнее привилегированное положеніе дворянства.—Нѣсколько позже, чѣмъ Данія, но въ той же второй половинѣ XVII в. превратилась въ абсолютную монархію и Швеція, гдѣ равнымъ образомъ притязанія и стремленія дворянства вооружали противъ него другія сословія, а аристократическое правленіе оказалось несостоятельнымъ, доведши страну до серьезнаго внутренняго разстройства. Между прочимъ, знать расхитила здѣсь коронныя имущества, и одною изъ задачъ своего царствованія Карлъ XI (1660—1697) поставилъ отобраніе у дворянства земель, ранѣе принадлежавшихъ казнѣ. Въ данномъ случаѣ король опирался на сочувствіе и помощь другихъ сословій—духовенства, горожанъ и крестьянъ, а отчасти и низшаго дворянства, которое оттѣснялось на задній планъ знатью. Въ Швеціи, далѣе, существовалъ государственный совѣтъ, члены котораго принадлежали къ высшему дворянству, и который являлся учрежденіемъ, руководившимъ государственнымъ сеймомъ, ограничивая въ то же время королевскую власть; Карлъ XI сдѣлалъ изъ него простое совѣщательное учрежденіе подъ именемъ королевскаго совѣта, а сеймъ 1682 г. торжественно заявилъ, что королю въ Швеціи всецѣло принадлежитъ законодательная власть безъ участія государственныхъ чиновъ. Въ самомъ концѣ царствованія

Карла XI успѣхи королевской власти въ Швеціи завершились постановленіемъ сейма 1693 г., которымъ утверждались такія положенія: шведскій король—верховный глава и правитель страны, котораго никто не можетъ ограничивать или стѣснять въ его безспорномъ правѣ собственною своею властью издавать законы; король вовсе не обязанъ созывать сеймъ, ибо онъ имѣетъ право управлять государствомъ по личному своему усмотрѣнію, и потому онъ ни передъ кѣмъ не отвѣтственъ за то, какъ правитъ страною. Извѣстно, что абсолютизмъ въ Швеціи удержался, впрочемъ, не надолго. По смерти Карла XII, убитаго въ 1718 г. во время великой сѣверной войны, когда Швеція играла такую видную роль въ международной политикѣ, въ Стокгольмѣ произошелъ аристократическій переворотъ, сопровождавшій вступленіе на престолъ сестры покойнаго короля Ульрики Элеоноры, и Швеція превратилась въ государство, которое только по имени было монархіей: вся власть сосредоточилась въ рукахъ знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій, захватившихъ всѣ мѣста въ государственномъ совѣтѣ; послѣдній и сдѣлался настоящимъ правительствомъ страны и, благодаря этому, господствовалъ на сеймахъ, гдѣ собирались по прежнему представители четырехъ сословій. Но олигархическая конституція, введенная послѣ Карла XII, просуществовала лишь около пятидесяти лѣтъ: государственный переворотъ, совершенный въ 1772 г. Густавомъ III (1771—1792), вернулъ Швецію къ монархическимъ порядкамъ. Государственный совѣтъ превратился въ зависимое отъ короля совѣщательное учрежденіе; государственные чины должны были собираться только по приглашенію короля и заниматься лишь тѣми дѣлами, которыя имъ были предлагаемы; король ограничилъ себя лишь относительно права начинать наступательную войну безъ согласія сейма, позволенія котораго, однако, не требовалось для установленія налоговъ. За этимъ переворотомъ въ самый годъ начала французской революціи послѣдовалъ второй переворотъ—уже прямо въ смыслѣ установленія въ Швеціи абсолютизма: когда во время неудачной войны съ Россіей на сеймѣ, засѣдавшемъ весною 1789 г., король встрѣтилъ оппозицію, онъ распорядился арестовать главныхъ ея предводителей и заставилъ чины принять „актъ объединенія и охраненія“, коимъ отмѣнялся государственный совѣтъ и предоставлялось королю право начинать войну безъ согласія сейма. Въ обоихъ случаяхъ, т.-е. и въ 1772, и въ 1789 г. Густавъ III опирался на нерасположеніе народа къ дворянской олигархіи. Вообще исторія введенія абсолютизма въ Даніи и Швеціи показываетъ, что главною его противницею была аристократія, и что, утверждая свою власть, монархи опирались на народное неудовольствіе противъ дворянства.

Къ числу крупныхъ абсолютныхъ монархій XVIII в. мы должны

причислить и Пруссію, получившую титулъ королевства въ эпоху войны за испанское наслѣдство. Прусская монархія была и создана, и возвеличена абсолютизмомъ своихъ государей, а потому въ этомъ общемъ обзорѣ утвержденія абсолютизма на Западѣ нельзя не остановиться еще на примѣрѣ Пруссіи, которой пришлось играть столь важную роль въ исторіи XVIII и XIX вѣковъ. Напомнимъ прежде всего въ общихъ чертахъ, какъ составились территоріальныя владѣнія Гогенцоллерновъ, изъ коихъ образовалась прусская монархія [1]). Ядромъ этого государства было маркграфство Бранденбургское [2]), перешедшее въ началѣ XV в. въ руки Гогенцоллерновъ, родоначальникомъ коихъ (въ XIII в.) былъ бургграфъ нюрнбергскій Конрадъ [3]). Въ эпоху реформаціи одинъ изъ членовъ фамиліи Гогенцоллерновъ, Альбрехтъ Бранденбургскій, ввелъ лютеранство во владѣніяхъ тевтонскаго духовно-рыцарскаго ордена, гросмейстеромъ коего состоялъ, превративъ эти владѣнія въ свѣтское герцогство Пруссію въ ленной зависимости отъ Польши [4]). Въ 1618 г. Бранденбургъ и Пруссія соединились подъ властью одного государя (курфюрста Іоанна Сигизмунда), да кромѣ того, Гогенцоллерны пріобрѣли и нѣкоторыя другія, болѣе мелкія владѣнія въ Германіи. Истиннымъ основателемъ прусскаго государства былъ „великій курфюрстъ“, какъ его прозвали впослѣдствіи, Фридрихъ Вильгельмъ, вступившій на престолъ въ 1640 г. и правившій почти полвѣка (до 1688 г.). При немъ окончилась тридцатилѣтняя война и былъ заключенъ вестфальскій миръ, по которому Бранденбургъ пріобрѣлъ значительныя территоріальныя приращенія [5]). Ему удалось освободить герцогство Пруссію отъ ленной зависимости, въ какой оно находилось по отношенію къ Польшѣ (по оливскому трактату 1660 г. [6]). Наконецъ, рѣшительною побѣдою при Фербеллинѣ (1675) надъ шведами, бывшими въ союзѣ съ Людовикомъ XIV [7]), онъ поднялъ военное значеніе своего государства и положилъ начало роли Пруссіи въ международной политикѣ. Сынъ его Фридрихъ III пріобрѣлъ уже королевскій титулъ, данный ему по Пруссіи императоромъ Леопольдомъ I (какъ король прусскій, онъ сталъ называться

---

[1]) Объ этомъ спеціально см. Fix. Die Territorialgeschichte des preussischen Staates.

[2]) Brosien. Geschichte der Mark Brandenburg im Mittelalter.

[3]) L. Schmidt. Die älteste Geschichte der Hohenzollern.

[4]) Т. II, стр. 193.

[5]) Т. II, стр. 376.

[6]) Указанія на литературу по исторіи прусско-польскихъ отношеній см. въ „Исторіи Польши“ М. Бобржинскаго.

[7]) H. Peter. Der Krieg des grossen Kurfürsten gegen Frankreich.—Gansauge. Der Krieg in der Mark Brandenburg i. J 1675.—Witzleben und Hasselt. Fehrbellin (по случаю двухсотлѣтней годовщины въ 1875 г.).

Фридрихомъ I), послѣ чего Пруссія сдѣлалась одною изъ значительныхъ политическихъ силъ въ Европѣ. Главнымъ неудобствомъ, существовавшимъ въ этой монархіи, была черезполосность ея владѣній: сплошную территорію съ Бранденбургомъ составляли восточная часть Помераніи, архіепископство магдебургское и епископство гальберштадтское, пріобрѣтенныя имъ по вестфальскому миру, но герцогство прусское, присоединенный по тому же миру Минденъ и часть юлихъ-клевскаго наслѣдства [1]), доставшаяся Гогенцоллернамъ окончательно лишь въ 1666 г. (Клеве, Маркъ, Равенсбергъ), были отдѣлены отъ Бранденбурга чужими владѣніями и не имѣли съ нимъ ничего общаго ни по интересамъ, ни по традиціямъ. Въ этихъ разрозненныхъ частяхъ гогенцоллернской монархіи, бывшихъ раньше самостоятельными княжествами, существовали земскіе чины, отстаивавшіе мѣстную самобытность, а потому сплоченіе отдѣльныхъ земель въ единое государство могло произойти только въ борьбѣ съ ними и путемъ подавленія ихъ стремленій. Царствованіе „великаго курфюрста", положившаго начало военно-хозяйственной системѣ прусскаго правленія, было временемъ именно такой борьбы возникавшаго абсолютизма съ сословно-представительными учрежденіями отдѣльныхъ гогенцоллернскихъ земель и съ областнымъ сепаратизмомъ, весьма естественномъ при такомъ составѣ государства. Фридрихъ-Вильгельмъ жилъ въ эпоху, когда вообще абсолютизмъ дѣлалъ большіе успѣхи и уже утвердился въ такихъ монархіяхъ, какъ Испанія, Австрія, Франція, и когда происходило въ Германіи—послѣ тридцатилѣтней войны—значительное усиленіе власти имперскихъ князей, къ числу коихъ онъ и самъ принадлежалъ въ качествѣ курфюрста. Это одно опредѣляло его политику по отношенію къ земскимъ сеймамъ, но то обстоятельство, что послѣдніе отстаивали лишь мѣстные интересы, еще болѣе приводило его въ столкновеніе съ областными чинами. Охранять неприкосновенность и нераздѣльность гогенцоллернскихъ владѣній могло только большое войско, на содержаніе коего нужно было много денегъ, что заставляло курфюрста вводить новые, обременительные налоги. Бранденбургскій сеймъ воспротивился—было ихъ увеличенію, но Фридрихъ-Вильгельмъ сломилъ его оппозицію, подобно тому, какъ это дѣлали и другіе имперскіе князья, и послѣ 1653 г. въ маркграфствѣ болѣе не собирались Landstände. Герцогская власть въ Пруссіи также была стѣснена сеймомъ, состоявшимъ изъ дворянства и городскихъ депутатовъ, и ленная зависимость герцога отъ польскаго короля была одной изъ гарантій неприкосновенности правъ прусскаго сейма, такъ какъ послѣдній могъ жаловаться сюзерену своего герцога на притѣсненія и просить его, чтобы онъ заставлялъ

---

[1]) Т. II, стр. 363.

герцога, какъ своего вассала, соблюдать законы. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что прусскій сеймъ 1661 г. протестовалъ противъ отторженія герцогства отъ Польши, на которое притомъ не спросили его согласія. Отсюда между Фридрихомъ-Вильгельмомъ I и земскими чинами возникло острое столкновеніе. Курфюрстъ, сдѣлавшись независимымъ отъ польскаго короля государемъ въ странѣ, не хотѣлъ подтвердить старинныя права сейма и требовалъ себѣ присяги, но сеймъ на это не соглашался и настаивалъ на томъ, чтобы Фридрихъ-Вильгельмъ далъ обѣщаніе безъ согласія земскихъ чиновъ ни начинать войны, ни заключать союзовъ, ни вводить въ страну иностранныхъ войскъ, ни установлять новыхъ налоговъ, и чтобы собранія чиновъ происходили каждые два года и даже въ томъ случаѣ, если бы курфюрстъ самъ не сталъ ихъ созывать. Ко всему этому чинами прибавлялось, что разъ онъ будетъ нарушать права сейма, присяга, данная ему его подданными, не будетъ имѣть никакой силы. Въ герцогствѣ вообще жаловались на деспотизмъ курфюрста, который казался хуже турецкаго; говорили, что лучше идти въ подданство къ самому чорту, чѣмъ оставаться подъ такимъ игомъ; посылали даже въ Варшаву просьбу о помощи. Фридрихъ-Вильгельмъ вынужденъ былъ пойти на уступки, и въ 1663 г. состоялось примиреніе, но обѣщанія, данныя курфюрстомъ въ духѣ требованій сейма, имъ постоянно нарушались, что поселяло неудовольствіе въ Пруссіи и снова порождало мысль о возвращеніи въ вассальную зависимость отъ Польши. Въ болѣе мелкихъ владѣніяхъ, входившихъ въ составъ прусской монархіи, „великій курфюрстъ“ церемонился столь же мало съ давнишними ихъ правами и прилегіями [1]. Между прочимъ, еще въ началѣ своего правленія (въ пятидесятыхъ годахъ) онъ встрѣтилъ сильную оппозицію въ чинахъ герцогства Клеве, которые обращались съ жалобою на него къ имперскому сейму, но борьба окончилась не въ пользу земскихъ чиновъ: хотя („рецессомъ“ 1661 г.) за ними и было оставлено право вотированія налоговъ, на которые они впослѣдствіи всегда соглашались, курфюрстъ получилъ оспаривавшееся у него раньше право вербовать солдатъ и вводить извнѣ войско. Въ Маркѣ, Помераніи, Магдебургѣ и Гальберштадтѣ у чиновъ было отнято завѣдованіе финансами. Вообще въ XVIII вѣкъ Пруссія вступаетъ настоящей абсолютной монархіей. Мы еще вернемся къ гогенцоллернскому абсолютизму въ прошломъ столѣтіи.

Изъ всѣхъ владѣній австрійскихъ Габсбурговъ одна только Венгрія сохраняла еще послѣ тридцатилѣтней войны старыя свободныя учрежденія, тогда какъ въ другихъ земляхъ господствовалъ со-

[1]) Lancizolle. Königthum und Landstände in Preussen.

вершенный абсолютизмъ [1]), да Бельгія еще, доставшаяся австрійскимъ Габсбургамъ послѣ войны за испанское наслѣдство, еще пользовалась своими старинными вольностями. Намъ въ другомъ мѣстѣ придется говорить о нарушеніи этихъ вольностей при Іосифѣ II, вызвавшемъ этимъ цѣлую революцію, а здѣсь мы остановимся лишь на отношеніяхъ между Габсбургами и Венгріей, въ коихъ съ одной стороны обнаруживалось стремленіе къ абсолютизму, а съ другой—желаніе отстоять прежнюю конституцію [2]). Габсбургская монархія была въ сущности конгломератомъ земель, находившихся между собою въ личной уніи и весьма несхожихъ между собою въ разныхъ отношеніяхъ: у государя этихъ земель не было даже общаго титула, ибо императоромъ римскимъ онъ назывался, какъ избранный глава Священной Римской имперіи, а не какъ наслѣдственный обладатель земель, составлявшихъ „владѣнія Австрійскаго или Габсбургскаго дома". Въ числѣ этихъ владѣній было королевство Венгрія, по которому общій государь габсбурскихъ земель назывался королемъ венгерскимъ, совершенно такъ же, какъ онъ былъ королемъ богемскимъ по Чехіи и т. п.

Венгрія имѣла свою средневѣковую конституцію, въ основѣ коей лежала „золотая булла" (1222 г.) короля Андрея II, установлявшая ежегодное собраніе государственнаго сейма и дававшая магнатамъ право на вооруженное сопротивленіе въ случаяхъ нарушенія буллы [3]). Габсбургамъ Венгрія досталась при Фердинандѣ I, но своимъ деспотизмомъ и фанатизмомъ государи этой династіи такъ раздражали своихъ венгерскихъ подданныхъ, что послѣдніе за защитою обращались къ туркамъ, съ которыми и шла у Габсбурговъ долговременная борьба за обладаніе Венгріей [4]). Королевская власть въ этомъ государствѣ считалась избирательной, но именно только считалась, въ дѣйствительности же не была таковою, хотя венгры особенно дорожили своимъ правомъ избирать короля. Фердинандъ III, выбранный на престолъ венгерскій еще при жизни своего отца, предложилъ—было сейму 1655 г. сдѣлать венгерскую корону наслѣдственною, но это предложеніе было отвергнуто, хотя потому и сеймъ выбралъ въ преемники Фердинанду III его сына эрцгерцога Леопольда, который въ 1657 г. сдѣлался римскимъ императоромъ. Царствованіе этого государя было временемъ подавленія венгерскихъ вольностей, въ особенности же притѣсненій надъ протестантами, совершавшихся подъ защитою австрійскихъ военныхъ постоевъ. Заговоры и попытки возстанія со стороны

---

¹) Ср. т. II, стр. 357 и слѣд.

²) Ср. во второмъ томѣ стр., па коихъ идетъ рѣчь вообще о такихъ столкновеніяхъ.

³) Ср. т. I, стр. 86.

⁴) Ср. т. II, стр. 358 и др.

нѣкоторыхъ магнатовъ вызвали со стороны императора репрессію, распространившуюся на все населеніе Венгріи, преимущественно же на его протестантскую часть, и репрессія эта получила совершенно такой же характеръ, какой за полвѣка передъ тѣмъ имѣло подавленіе религіозной свободы и политическихъ правъ въ Чехіи. Наконецъ, національное недовольство разразилось цѣлымъ возстаніемъ подъ предводительствомъ Эммерика Тёкёля (Tököly) и въ союзѣ съ турками, которые въ 1683 г. сдѣлали нападеніе на Вѣну, отбитое только польскимъ королемъ Яномъ Собѣскимъ [1]). Возстаніе окончилось неудачею; виновные въ немъ подверглись суровымъ преслѣдованіямъ и казнямъ, особенно же сильно свирѣпствовала реакція противъ протестантовъ. Побѣдителю легко было вынудить у собраннаго въ 1687 г. въ Пресбургѣ сейма отказъ отъ права избранія королей и отъ права вооруженнаго сопротивленія, освященнаго золотою буллою. Война съ Турціей тоже была удачна, и по карловицкому миру (1699 г.) Габсбурги пріобрѣли ту часть Венгріи, которая до того времени составляла вассальное турецкое княжество (Трансильванію). Впрочемъ, формальнаго абсолютизма австрійскимъ государямъ не удалось установить въ Венгріи, какъ не былъ онъ введенъ и въ австрійскихъ Нидерландахъ, т.-е. въ Бельгіи. Только Іосифъ II сдѣлалъ попытку и тамъ, и здѣсь уничтожить старинныя вольности, но въ обѣихъ странахъ встрѣтилъ сильную оппозицію, перешедшую въ цѣлыя возстанія.

Такимъ образомъ періодъ времени между окончаніемъ тридцатилѣтней войны и началомъ французской революціи *характеризуется не только торжествомъ абсолютизма, тамъ гдѣ онъ развился ранѣе, но и утвержденіемъ его или попытками утвержденія въ странахъ, въ коихъ прежде его не было*, не исключая изъ ихъ числа и Англіи при двухъ послѣднихъ Стюартахъ. „Просвѣщенный абсолютизмъ“ второй половины XVIII в. также былъ принципіально враждебенъ народному представительству. Земскіе чины претили самой сущности этой властной системы чисто личнаго правленія. Отстаивавшійся ими мѣстный партикуляризмъ находился въ противорѣчіи съ тѣмъ стремленіемъ къ политической и административной централизаціи, которое повсюду сопровождало установленіе абсолютизма. Наконецъ, привилегированныя сословія, болѣе всего имѣвшія силы въ подобныхъ собраніяхъ, были въ большинствѣ случаевъ противъ преобразованій, замышлявшихся представителями государственной власти. Густава III, совершившаго государственный переворотъ въ Швеціи, причисляютъ къ представителямъ „просвѣщеннаго абсолютизма“. Несомнѣннымъ

---

[1]) Литературу см. въ Исторіи Польши М. Бобржинскаго.

выразителемъ его стремленій былъ Іосифъ II, нарушившій конституціи австрійскихъ Нидерландовъ и Венгріи. Даже областное и мѣстное самоуправленіе не пользовалось сочувствіемъ дѣятелей этой эпохи, повсюду стремившихся замѣнить общественныя силы бюрократіей. Въ 1740 г. Фридрихъ II сказалъ представителямъ герцогства Пруссіи, что государь, заботящійся о благѣ своихъ подданныхъ лучше всѣхъ гарантій, а въ слѣдующемъ году объявилъ чинамъ Силезіи, отнятой имъ у Австріи, что право налоговъ отходитъ отъ нихъ къ его коллегіи. Принципъ абсолютнаго верховенства королевской власти сдѣлался главнымъ принципомъ государственной жизни. Во Франціи еще накануне самой революціи (въ парламентскомъ засѣданіи 19 ноября 1787 г.) Людовикъ XVI заявлялъ, что онъ не допуститъ нарушенія или измѣненія принциповъ монархіи, принципы же эти, изложенные хранителемъ печати Ламуаньономъ, сводились къ тому, что „одному королю принадлежитъ верховная власть въ государствѣ“. Отецъ Фридриха II говорилъ, что онъ „господинъ и король и можетъ дѣлать все, что ему угодно“, и ту же мысль, только въ менѣе грубой формѣ, развивалъ и самъ Фридрихъ II [1]). Даже нѣмецкіе имперскіе князья, которые еще со второй половины XVII в. подражали Людовику XIV, смотрѣли на себя, какъ на неограниченныхъ монарховъ: не даромъ разсказываютъ объ одномъ изъ нихъ, что когда передъ нимъ произнесли слово—„отечество“, онъ сказалъ на это: „отечество?... я—отечество“.

Усиленіе королевской власти повсюду сопровождалось введеніемъ административной централизаціи и бюрократическихъ порядковъ, получившихъ особое развитіе во Франціи и въ Пруссіи [2]). Чиновничество повсюду вытѣсняло общественныя силы изъ дѣлъ управленія, ставя интересы государства выше интересовъ отдѣльныхъ сословій,—преимущественно дворянства,—которые были представлены въ старыхъ органахъ самоуправленія. Прусская бюрократія въ XVIII вѣкѣ была образцовымъ учрежденіемъ этого рода по той исполнительности, по той образцовой дисциплинѣ, которою она отличалась: все исходило изъ центра, отъ самого монарха или отъ правящаго министра, и чиновникамъ оставалось только исполнять доходившія до нихъ предписанія. Другою силою, на которую опирались правительства, были арміи,

---

[1]) Объ этомъ см. ниже въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Для Франціи см. ранѣе указывавшіяся (т. II) сочиненія: Chéruel'я, Dareste de la Chavanne, Maury, Frégier, Ricard, Arbois de Joubainville и др. Для Пруссіи—Isaacsohn. Geschichte des preussischen Beamtenthums.—Bornhak. Geschichte des preussischen Verwaltungrechtes и др. соч., касающіяся, главнымъ образомъ, царствованій Фридриха Вильгельма I и Фридриха II.

численность которыхъ впервые теперь достигаетъ своего апогея при „старыхъ порядкахъ". Послѣ періода феодальныхъ дружинъ и муниципальныхъ ополченій, послѣ періода кондотьерства, оканчивающагося эпохой Валленштейна, наступаетъ время большихъ постоянныхъ армій, получающихъ впервые правильную организацію. Многочисленныя войны, между прочимъ, за разныя наслѣдства, т.-е. войны династическаго характера—дѣлали необходимымъ содержаніе большихъ военныхъ силъ. Пруссія всѣми успѣхами своей политики въ періодъ своего возвышенія была обязана утвердившемуся въ ней милитаризму, который поглощалъ громадныя средства, тяжело достававшіяся еще не особенно большой и бѣдной монархіи. Даже нѣмецкія княжества средней величины стремились имѣть свои собственныя военныя силы; нѣкоторые изъ имперскихъ князей, какъ извѣстно, продавали солдатъ своихъ Англіи во время возстанія сѣверо-американскихъ колоній [1]). Въ Пруссіи, которая въ XVIII в. сдѣлалась на Западѣ образцомъ военнаго государства, духъ милитаризма проникъ и въ гражданскія отношенія, въ коихъ господствовали принципы субординаціи, дисциплины, исполненія безъ разсужденія.

Какъ отражались эти порядки на частной жизни, лучше всего показываетъ *терминъ „полицейское государство" (Polizeistaat), который употребляется въ нѣмецкой исторической и юридической литературѣ для обозначенія именно государства разсматриваемаго періода.* Что такое названіе возникло на нѣмецкомъ языкѣ, очень понятно: государство, все на себя берущее, всѣмъ завѣдующее, произвольно всѣмъ распоряжающееся, мелочно вмѣшивающееся въ частную жизнь,—вотъ та форма политическаго быта, которая была господствующею въ нѣмецкихъ княжествахъ прошлаго вѣка [2]). Образцомъ такого Polizeistaat стала именно Пруссія, особенно при Фридрихѣ Вильгельмѣ I, когда система правительственнаго вмѣшательства въ частную жизнь проводилась особенно грубо: это было, какъ мы еще увидимъ, правленіе величайшаго произвола, пріучившее пруссаковъ къ самой строгой дисциплинѣ. Самъ Фридрихъ II говорилъ, что ему „надоѣло царствовать надъ рабами". Но то, что нѣмцы называютъ „полицейскимъ государствомъ", было лишь частнымъ проявленіемъ той системы правительственной опеки, которая установилась на континентѣ въ разсматриваемую эпоху. Принципъ вездѣ былъ одинъ и тотъ же, и только внѣшнія формы, въ коихъ онъ проявлялся, разнообразились соотвѣтственно съ традиціями и учрежденіями отдѣльныхъ странъ. *Что особенно характеризуетъ полицейское государство, такъ это—неуваженіе къ*

---

[1]) Kapp. Ger Soldatenhandel deutscher Füreten nach America.

[2]) О Максимиліанѣ Баварскомъ, какъ его родоначальникѣ, см. т. II, стр. 363.

личнымъ правамъ: послѣднія были лишены какихъ бы то ни было гарантій, и въ этомъ отношеніи особенно характеристичны французскіе административные нравы прошлаго вѣка, lettres de cachet, произвольные аресты, конфискаціи, преслѣдованія иновѣрія, перлюстрація частной переписки, цензурныя запрещенія, сожженія книгъ рукою палача, гоненія, воздвигавшіяся на писателей и т. п. факты, на которые справедливо указываютъ, какъ на главную сторону старыхъ политическихъ порядковъ, наиболѣе соприкасавшуюся съ частною, индивидуальною жизнью [1]). Только въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма" духовная свобода личности и въ теоріи, и отчасти на практикѣ получила признаніе со стороны государства.

IV. Остатки феодальныхъ учрежденій [2]).

Сохраненіе феодальныхъ началъ и учрежденій въ государственномъ быту. — Парижскій парламентъ. — Борьба королевской власти съ парламентами въ XVIII вѣкѣ. — Феодальное смѣшеніе государственныхъ и частно-правовыхъ отношеній. — Централизація и провинціальныя привилегіи. — Феодальныя начала въ политическомъ строѣ Германіи. — Конгрессивность имперскаго сейма. — Паденіе центральныхъ учрежденій въ Германіи. — Мелкодержавіе и аристократическій строй. — Феодальное пониманіе свободы. — Республики и федераціи.

Королевскому абсолютизму на западѣ Европы пришлось утверждаться въ феодальномъ обществѣ. Мы видѣли, что въ новое время государство, принявшее форму абсолютной монархіи, сочеталось съ соціальнымъ строемъ, который основывался цѣликомъ на началахъ средневѣкового феодализма, и что въ этомъ сочетаніи неограниченной монархіи съ сословными, преимущественно съ аристократическими привилегіями и заключалась главная особенность порядковъ, разрушенныхъ французской революціей. Съ другой стороны, и *въ поли-*

---

[1]) Ср. ниже гл. VI.

[2]) Кромѣ соч., указанныхъ въ предыдущихъ главахъ, см. Voltaire. Histoire du parlement de Paris.—Simonnet. Lés parlements sous l'ancienne monarchie. — Flammermont. Chancelier Mopeou et le parlement.—Соч. по исторіи мѣстныхъ парламентовъ Floquet и Lair'a (Нормандія), Des Marches (Бургундія), Pillot (Фландрія), Em. Michel'я (Метцъ), Brives-Cazes (Бордо), Bascle de Lagrèze (Беарнъ), E. Lapierre, Dubédat (Тулуза). Исторіи французскаго права Laferrière, Paul Viollet, A. Gautier, Glasson'a, H. Beaune (Droit coutumier), Warnkönig und Stein (Franz. Staats—und Rechtsgeschichte) и др. Кромѣ того, во Франціи весьма хорошо разрабатывается провинціальная исторія: литература эта слишкомъ обширна, чтобы на нее здѣсь указывать, а потому отмѣтимъ только работы о провинціальныхъ штатахъ (De Carné — о Бретани, Filon — объ Артуа и др.).

тической сферѣ государственныя начала и формы новаго времени не вытѣснили окончательно феодальныхъ принциповъ и учрежденій. Примѣръ Франціи въ этомъ отношеніи особенно характеренъ, ибо до самой революціи старая французская монархія носила на себѣ слѣды своего феодальнаго происхожденія, и съ этой стороны французская исторія весьма поучительна, такъ какъ на ней съ особенною наглядностью наблюдается, какъ новая власть, возникшая среди устарѣлыхъ учрежденій, уживается съ этими послѣдними [1]). Французская династія происходила отъ феодальныхъ сеньеровъ, и принадлежавшіе къ ней короли до самаго конца „старыхъ порядковъ" продолжали считать себя главнымъ образомъ членами дворянскаго сословія, хотя въ принципѣ королевская власть представляла собою всю націю, все государство и возвышалась надъ отдѣльными общественными классами: какъ предокъ этой династіи былъ лишь „первый между равными", такъ и его потомки, царствовавшіе уже въ концѣ существованія старой монархіи, считали себя „первыми дворянами своего королевства", хотя и думали, что послѣднее цѣликомъ воплощается въ королевской особѣ Въ смыслѣ сохраненія въ государственной жизни Франціи учрежденій феодальнаго происхожденія въ эпоху полнаго господства абсолютизма весьма также интересна судьба парижскаго парламента [2]). Извѣстно, что это было образовавшееся еще въ XIII вѣкѣ высшее судебное учрежденіе съ наслѣдственностью должностей, возникшею изъ ихъ продажности, и съ довольно значительными привилегіями политическаго свойства: парламентъ вносилъ въ свои реестры (droit d'enregistrement) королевскіе ордоннансы и имѣлъ право дѣлать по ихъ поводу ремонстранціи (droit de remonstrance). Нерѣдко онъ отказывался даже отъ занесенія указовъ короля въ свои списки, и тогда королю оставалось только лично, въ торжественномъ засѣданіи (lit de justice) приказывать исполнить его волю. Хотя съ развитіемъ королевской власти права парламента и сильно сокращались, но онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ для расширенія своей власти. Въ XVII в. парижскій парламентъ съ другими верховными палатами сдѣлалъ даже попытку ограничить королевскую власть въ пользу чиновничьей олигархіи. Вообще съ тѣхъ поръ, какъ прекратились созывы генеральныхъ штатовъ, парламентъ смотрѣлъ на себя, какъ на народное представительство,—каковымъ онъ на самомъ дѣлѣ не былъ, — какъ на учрежденіе, ограничивающее королевскій произволъ, какъ на охранителя законности въ государствѣ.

Въ XVIII вѣкѣ, т.-е. при Людовикахъ XV и XVI *королевская*

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе см. въ томѣ I, стр. 115 и слѣд.

[2]) См. также т. I, стр. 121—125, а также во II томѣ стр. 404—405.

власть приходила весьма часто въ столкновенія съ парламентами, и это даже составляетъ весьма любопытную страницу въ исторіи Франціи при „старомъ порядкѣ“, указывая на то, какъ абсолютная монархія почти до самаго своего конца должна была терпѣть около себя учрежденіе, которое хотя и не было настолько сильно, чтобы ее ограничивать, но тѣмъ не менѣе создавало для нея не мало затрудненій. Между прочимъ, парламенты (ихъ было нѣсколько, такъ какъ существовали они и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, составлявшихъ независимые отъ парижскаго парламента судебные округи) являлись защитниками консервативныхъ интересовъ въ ту эпоху, когда французское правительство вздумало выступить на путь преобразованій. Царствованіе Людовика XIV было временемъ униженія парламента, и между прочимъ въ 1673 г. парламенту было запрещено дѣлать ремонстранціи, но со смертью этого короля названное учрежденіе снова начинаетъ играть политическую роль. Первымъ его шагомъ было кассировать духовное завѣщаніе Людовика XIV и сдѣлать регентомъ — за малолѣтствомъ Людовика XV—герцога Филиппа Орлеанскаго, который и возвратилъ ему le droit de remonstrance. Еще въ регентство герцога парламентъ прибѣгалъ къ этому своему праву, но это вызывало неудовольствіе правительства, и однажды парламенту было объявлено (1718 г.), что вмѣшиваться въ дѣла государственныя онъ не имѣетъ права, когда же президентъ и двое членовъ сдѣлали попытку сопротивленія приказамъ регента, послѣдній велѣлъ ихъ арестовать. Затѣмъ, произошло напр., столкновеніе въ началѣ тридцатыхъ годовъ. На этотъ разъ дѣло приняло такой оборотъ. Парламентъ, стоявшій на сторонѣ янсенистовъ [1]), протестовалъ противъ осуждавшей ихъ папской буллы (Unigenitus) и провозгласилъ въ особомъ постановленіи старые вольности галликанской церкви. Королевскій совѣтъ кассировалъ это постановленіе, а Людовикъ XV отказался принять ремонстранцію и даже велѣлъ ее разорвать въ присутствіи членовъ парламента, двое изъ коихъ были притомъ сосланы. Тогда парламентъ прекратилъ судебную дѣятельность, и многіе члены оставили свои занятія. Правительство отвѣчало на это новыми изгнаніями, но въ концѣ концовъ уступило и возвратило изгнанныхъ (1732 г.). Черезъ нѣсколько лѣтъ по поводу опять-таки упомянутой буллы парламентъ былъ въ полномъ составѣ изгнанъ и замѣненъ особою „королевской палатой“, но его скоро возвратили, ибо парламентъ нашелъ поддержку и въ другихъ центральныхъ учрежденіяхъ, гдѣ засѣдала наслѣдственная магистратура, и въ провинціальныхъ парламентахъ, и въ низшихъ судахъ, и даже въ па-

---

[1]) Т. II, стр. 284 и др.

рижскомъ населеніи, со стороны коего правительство боялось баррикадъ (1753 г.). Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, т.-е. уже въ концѣ царствованія Людовика XV, правительство рѣшилось на крайнюю мѣру — на совершенное уничтоженіе парламента, о чемъ рѣчь будетъ идти еще впереди, но однимъ изъ первыхъ распоряженій Людовика XVI было возстановить парламенты, со стороны коихъ ему, однако, также пришлось встрѣтить оппозицію и съ которыми у правительства произошла даже новая борьба въ самые послѣдніе годы существованія „стараго порядка“. Парламентъ возникъ во Франціи въ первые вѣка старой монархіи: вмѣстѣ они явились на свѣтъ и вмѣстѣ пали. Основою этого учрежденія была феодальная курія пэровъ Филиппа-Августа. Хотя главными его членами и сдѣлались легисты, но продажность должностей, основывавшаяся на феодальномъ началѣ смѣшенія государственныхъ и частно-правовыхъ отношеній, создавала изъ парламентской магистратуры особое аристократическое сословіе (noblesse de robe), привилегированную корпорацію, смотрѣвшую, какъ на частную свою собственность, на исполненіе своихъ функцій,—положеніе, совершенно несовмѣстимое съ бюрократическими порядками, вводившимися абсолютною монархіей. Прекращеніемъ своей дѣятельности эта корпорація ставила правительство въ затрудненіе, ибо, только нарушая права законной собственности, королевская власть могла назначить мѣсто на сопротивляющихся членовъ парламента другихъ судей. Вмѣстѣ съ парламентами, учрежденными въ другихъ частяхъ государства, парижскій парламентъ былъ главнымъ хранителемъ старины — сословныхъ и корпоративныхъ правъ, провинціальныхъ и муниципальныхъ привилегій, и въ этомъ отношеніи всѣ они проявили большую солидарность, когда, напримѣръ стали смотрѣть на себя, какъ на классы, т.-е. отдѣленія одного великаго цѣлаго, во главѣ коего стояла парижская магистратура.

Королевская власть разрушала во Франціи лишь тѣ остатки средневѣковой старины, которые мѣшали ея усиленію и безраздѣльному господству, даже охраняя то, что, наоборотъ, представлялось ей покоящимся на томъ же принципѣ, въ коемъ она видѣла собственное свое основаніе. При феодальномъ смѣшеніи понятій собственности и власти, французская династія смотрѣла на свои права, какъ на частную собственность королевской фамиліи, совершенно такую же, какую составляли феодальныя права дворянства или наслѣдственныя должности членовъ парламента. Такое же двойственное отношеніе съ ея стороны мы наблюдаемъ и по отношенію къ провинціальному быту. Франція складывалась постепенно изъ отдѣльныхъ феодальныхъ княжествъ, ставшихъ провинціями единаго госу-

дарства [1]), но *если всѣ эти провинціи одинаково были подчинены правительству, управлявшему ими посредствомъ своихъ интендантовъ, то въ другихъ отношеніяхъ онѣ представляли большое разнообразіе, какъ наслѣдіе феодальной обособленности.* Интенданта, управлявшаго французской провинціей (généralité), сравнивали въ XVIII в. съ персидскимъ сатрапомъ или турецкимъ пашею, ибо ему давалась самая широкая власть, самыя широкія полномочія, право вмѣшиваться во всѣ стороны провинціальной жизни, возможность величайшаго произвола. Въ этомъ отношеніи всѣ провинціи были приведены къ одному знаменателю, но тамъ, гдѣ областная жизнь не имѣла прямого отношенія къ правительству, оставались въ полной почти неприкосновенности старыя перегородки, остатокъ феодальнаго раздробленія. Въ самомъ дѣлѣ провинціальный бытъ Франціи представлялъ собою крайнее разнообразіе. Въ однѣхъ провинціяхъ были провинціальные штаты (états provinciaux), и онѣ назывались pays d'états, но число ихъ было незначительно [2]), такъ какъ въ большей части Франціи областное сословное представительство было уничтожено, да и значеніе такихъ штатовъ было ничтожно, такъ какъ положеніе интенданта оставалось то же самое, былъ ли онъ въ pays d'états, или въ pays d'élection, какъ назывались провинціи, лишенныя мѣстнаго представительства. Составъ провинціальныхъ штатовъ былъ средневѣковой, сословный съ преобладаніемъ аристократіи. Вмѣстѣ съ этимъ однѣ провинціи въ судебномъ отношеніи составляли округъ парижскаго парламента, другія имѣли собственные парламенты, заведенные большею частью во второй половинѣ XV и первой половинѣ XVI в. какъ бы въ утѣшеніе за потерю этими провинціями былой независимости. Какъ штаты тамъ, гдѣ они сохранились, главнымъ образомъ благодаря совершенной своей покорности, такъ и другія мѣстныя учрежденія, существовавшія въ разныхъ провинціяхъ, имѣли весьма неодинаковое устройство, напр., въ Бретани, въ Лотарингіи то, какое имѣли при прежнихъ герцогахъ, въ Артуа, во Франдріи, въ Руссильонѣ—изъ временъ испанскаго владычества. Въ юридическомъ отношеніи Франція дѣлилась на двѣ большія области: въ одной господствовало писаное право, римское (на югѣ), въ другой—обычное (на сѣверѣ), но подъ этимъ дѣленіемъ скрывалось великое разнообразіе „кутюмъ", или мѣстныхъ законовъ, число каковыхъ доходитъ чуть не до трехсотъ. По самымъ важнымъ вопросамъ гражданскаго права кутюмы отдѣльныхъ провинцій и болѣе

---

[1]) См. Mignet. Formation territoriale de la France (въ его Mém. hist.).

[2]) Languedoc, Provence, Bourgogne, Bretagne, Artois, Hainaut et Cambrésis, Flandre, затѣмъ четыре маленькія провинціи, составляющія нынѣ одинъ только департаментъ (Ain) и наконецъ мелкія провинціи на сѣверъ отъ Пиренеевъ.

мелкихъ дѣленій не сходились между собою: однѣ кутюмы не допускали существованія крѣпостного права въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дѣйствовали (coutumes franches), другія, наоборотъ, признавали серважъ, какъ законное состояніе (coutumes serves); по однѣмъ кутюмамъ каждый земельный участокъ предполагался находящимся въ зависимости отъ какого-либо сеньера, который имѣлъ извѣстныя надъ нимъ права, разъ участокъ лежалъ въ предѣлахъ территоріи, на которую простиралась юрисдикція сеньера, т.-е. признавалось феодальное правило: „nulle terre sans seigneur“ [1]), тогда какъ другія кутюмы этого правила не признавали и требовали, чтобы сеньеръ особымъ документомъ доказывалъ свое право на полученіе оброковъ и пошлинъ съ того или другого земельнаго участка (nul seigneur sans titre). Система налоговъ, ихъ величина равнымъ образомъ была различная въ разныхъ провинціяхъ. Напр., при существованіи соляной монополіи (la gabelle), отдававшейся на откупъ, и количество соли, которое обязанъ былъ купить каждый житель, и цѣна соли измѣнялись самымъ причудливымъ, самымъ непостижимымъ образомъ. Королевская централизація не уничтожала нѣкоторыхъ хорошихъ сторонъ въ этомъ развитіи мѣстной жизни, но многое представляло изъ себя феодальный анахронизмъ, напоминало тѣ времена, когда „гора была однимъ государствомъ, долина—другимъ“, не смотря на политическое и національное единство Франціи и ея населенія. Какъ устройство и права парламента, такъ и эта провинціальная обособленность были феодальными „переживаніями“ при полномъ развитіи королевскаго абсолютизма и административной централизаціи. Благодаря этому, *процессъ строенія новаго государства на новыхъ началахъ во Франціи не былъ завершенъ монархіей Бурбоновъ*: то, что сдѣлано было Ришелье и Генрихомъ IV, такъ на этомъ и остановилось—и какъ разъ въ ту эпоху, когда одною изъ задачъ „просвѣщеннаго абсолютизма“ было подвести къ одному знаменателю мѣстныя особенности. Во Франціи эта работа была произведена революціей, завершившей процессъ объединенія въ одно политическое цѣлое крупныхъ и мелкихъ провинцій, составлявшихъ когда-то феодальныя графства и сеньеріи.

Феодальная примѣсь была не чужда и другимъ абсолютнымъ монархіямъ, но *ни одна большая страна до такой степени не была проникнута феодальными началами въ своемъ политическомъ быту, какъ Германія*, или Священная Римская имперія нѣмецкой націи [2]): въ ея отдѣльныхъ княжествахъ утвердился настоящій абсолютизмъ, но въ цѣломъ это была чисто феодальная федерація, такъ какъ

---

[1]) См. т. I, стр. 165 и слѣд.
[2]) См. т. I, стр. 125 и слѣд. и т. II, стр. 19 и слѣд.

князья связаны были съ императоромъ (по крайней мѣрѣ, въ теоріи) узами вассальныхъ отношеній. Французская революція, нанесшая окончательный ударъ феодализму на своей родинѣ, въ побѣдоносномъ своемъ шествіи по Европѣ была тѣмъ толчкомъ, отъ котораго разсыпалось зданіе средневѣковой имперіи, бывшее настоящимъ анахронизмомъ въ XVIII вѣкѣ. Въ Германіи, разсматриваемой, какъ одно цѣлое, въ концѣ среднихъ вѣковъ восторжествовали начала феодальныя надъ государственными, хотя послѣднія и получили перевѣсъ надъ первыми въ отдѣльныхъ ея княжествахъ, по крайней мѣрѣ, наиболѣе крупныхъ, и главныя событія новой нѣмецкой исторіи— реформація въ XVI в. и тридцатилѣтняя война въ XVII столѣтіи только содѣйствовали дальнѣйшему разложенію Германіи. Вестфальскій міръ узаконилъ послѣднее окончательно, и съ середины XVII в. до разрушенія средневѣковой имперіи французами внутреннія политическія отношенія Германіи не испытывали существенныхъ измѣненій.

Изъ борьбы между центральною и территоріальными властями, перешедшей въ острый періодъ въ эпоху реформъ Максимиліана I [1]), побѣдителями вышли представители послѣдней, т.-е. князья. Вестфальскій миръ признал за ними полный суверенитетъ (Landeshoheit) съ правомъ заключать союзы между собою и съ иностранными державами, лишь бы союзы эти не были направлены противъ императора и имперіи. Германія сохранила имя имперіи, но въ дѣйствительности это была федерація великаго множества крупныхъ, среднихъ и мелкихъ владѣній—королевствъ, курфюршествъ [2]), герцогствъ, княжествъ, графствъ ландграфствъ, маркграфствъ, „окняженныхъ" (gefürstete) графствъ, архіепископствъ, епископствъ, пробствъ, аббатствъ, владѣній духовныхъ орденовъ, владѣній имперскаго рыцарства и вольныхъ городовъ, которые и составляли непосредственные (reichsunmittelbare) чины имперіи въ отличіе отъ чиновъ отдѣльныхъ земель, бывшихъ въ посредственномъ отношеніи къ имперіи: всѣхъ княжествъ было болѣе трехсотъ, имперскихъ городовъ въ XVIII в.—51, непосредственныхъ рыцарскихъ владѣній (главнымъ образомъ на западѣ Германіи, гдѣ вообще развилось мелкодержавіе)—около полуторы тысячъ. Въ этомъ политическомъ раздробленіи мы должны видѣть первый признакъ политическаго феодализма, вторымъ признакомъ коего является, какъ извѣстно, смѣшеніе власти государя съ властью помѣщика вслѣдствіе

---

[1]) Т. I, стр. 139 и т. II, стр. 23.

[2]) Ихъ было сначала семь, съ тридцатилѣтней войны восемь (прибавилась Баварія), съ 1692 г. девять (Ганноверъ), но съ 1777 г. опять восемь вслѣдствіе сліянія Баварія и Пфальца. Ср. т. I, стр. 133 и т. II, стр. 377.

перехода суверенитета къ крупнымъ землевладѣльцамъ [1]). И этотъ признакъ мы встрѣчаемъ въ Германіи XVIII в.: если болѣе крупныя владѣнія были государствами въ полномъ смыслѣ этого слова, то болѣе мелкія представляли ихъ себя настоящія феодальныя сеньеріи, и чѣмъ мельче были княжества и графства, тѣмъ болѣе походили онѣ на большія помѣстья, пока въ имѣніяхъ имперскихъ рыцарей мы не видимъ сохраненія самыхъ дробныхъ сеньерій, надъ коими существовала лишь призрачная власть императора. Наконецъ, что касается до третьяго элемента политическаго феодализма, т.-е. до ленной связи между отдѣльными владѣніями (и ихъ іерархіи), то и она обнаруживается въ политическомъ устройствѣ имперіи: всѣ непосредственные чины послѣдней находились по отношенію къ императору въ чисто вассальной зависимости, дѣлавшей изъ его власти простой призракъ (simulacrum inane) или, какъ выразился Іосифъ II, un fantôme d'une puissance honorifique. Императоръ былъ избранный курфюрстами; его права опредѣлялись и все болѣе и болѣе ограничивались избирательными капитуляціями; наиболѣе могущественные князья уклонялись отъ личнаго принесенія присяги, посылая, вмѣсто себя, замѣстителей, которые и участвовали въ церемоніи. Мало того: въ Германіи сохранилась еще одна черта средневѣкового феодализма. Если реформація нанесла ударъ церковному землевладѣнію вообще, а развитіе королевской власти поставило епископовъ и аббатовъ, сохранившихъ свои земли въ католическихъ странахъ,—въ положеніе подданныхъ, хотя бы и привилегированныхъ, то для католической Германіи до самой революціи какъ бы не бывало реформаціи, и не существовало новыхъ государственныхъ отношеній. Въ средніе вѣка епископы и аббаты были не только землевладѣльцами, но и феодальными сеньерами съ суверенною властью [2]), и такой политическій феодализмъ въ церкви сохранился только въ Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, среди ея княжествъ однѣ были свѣтскія, другія—духовныя, а между послѣдними находились три архіепископства съ курфюршескими правами—архіепископства майнцское, кёльнское и трирское. Все это несомнѣннѣйшимъ образомъ свидѣтельствуетъ о томъ, что *въ Германіи XVIII в. еще въ полной силѣ были принципы политическаго феодализма.*

При старыхъ феодальныхъ порядкахъ совмѣстное дѣйствіе территоріальныхъ властей возможно было лишь при взаимномъ ихъ соглашеніи. Поэтому онѣ собирались на съѣзды (сеймы), имѣвшіе характеръ международныхъ конгрессовъ: таково было, напр., и проис-

---

[1]) См. опредѣленіе феодализма, данное на стр. 41 и слѣд. перваго тома.
[2]) Томъ I, гл. XVII.

хожденіе французскихъ генеральныхъ штатовъ [1]), но въ то время, какъ послѣдніе все болѣе и болѣе превращались въ собраніе сословныхъ представителей единаго государства, нѣмецкій имперскій сеймъ (Reichstag) изъ съѣзда духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ имперіи, по мѣрѣ все большаго и большаго ея раздробленія, все болѣе и болѣе дѣлался конгрессомъ самостоятельныхъ государей. Вестфальскій миръ окончательно превратилъ имперскій сеймъ въ такой конгрессъ, для рѣшеній котораго (Reichsconclusum) требовалось единогласіе трехъ его палатъ, или курій—курфюршеской, княжеской и городской. Участвовали въ рейхстагѣ всѣ непосредственные члены имперіи, кромѣ имперскаго рыцарства, обладая (послѣ вестфальскаго мира) 230 голосами (8 курфюрстовъ, 69 духовныхъ князей, 96 свѣтскихъ, 51 имперскій городъ, 2 голоса неокняженныхъ прелатовъ, четыре голоса отъ всѣхъ графовъ и „господъ"). На сеймѣ были вѣчные раздоры, усложнявшіеся вѣроисповѣдными отличіями (corpus catholicorum и corpus evangelicorum) и частными союзами [2]). Въ 1663 г. имперскій сеймъ превратился въ постоянное учрежденіе (der immerwährende Reichstag), просуществовавшее до 1806 г., но въ немъ засѣдали уже не сами князья, а ихъ послы; мѣстомъ его засѣданій сдѣлался Регенсбургъ, и члены регенсбургскаго магистрата весьма часто брали на себя представительство другихъ имперскихъ городовъ. Безсиліе этого учрежденія, медленность его дѣлопроизводства, формализмъ, замѣнявшій собою живое дѣло, пустыя препирательства изъ-за этикета, все это въ XVIII в. дѣлало имперскій сеймъ посмѣшищемъ: Фридрихъ II сравнивалъ его съ собраніемъ собаченокъ, лающихъ на луну.

Въ ту эпоху, когда централизація всюду дѣлала большіе успѣхи, *въ Германіи центральныя учрежденія падали.* Императорская власть превратилась въ простое почетное званіе. Князья освободились и отъ военной службы имперіи, и не платили никакой дани императору: у послѣдняго, какъ таковаго (а не какъ у австрійскаго государя) не было войска, а доходы его упали до полутора десятка тысячъ гульденовъ, складываясь изъ взносовъ имперскаго рыцарства (charitatis subsidium), подати городовъ, еврейской пошлины и т .п. Общеимперская администрація, во главѣ коей стоялъ архіепископъ-курфюрстъ майнцскій, существовала болѣе на словахъ. Чѣмъ былъ имперскій сеймъ, обладавшій законодательною властью, мы только что видѣли, но и общеимперская судебная власть, представлявшаяся верховнымъ имперскимъ судомъ была не въ лучшемъ положеніи. Рейхскаммер-

---

[1]) Томъ I, гл. VI, особенно стр. 64 и слѣд.

[2]) Joachim. Die Entwickelung des Kleinbundes vom Jahre 1658.—Joachim und Pribram. Beitrag zur Gesch. des Kleinbundes von 1658.

герихтъ, засѣдавшій въ Вецларѣ, могъ разбирать споры вассаловъ и жалобы подданныхъ, но распаденіе имперіи совсѣмъ его обезсилило: во-первыхъ, еще раньше сталъ съ нимъ конкурировать имперскій надворный судъ (Reichshofrath), учрежденный въ Вѣнѣ для габсбургскихъ земель, но охотно принимавшій и не подвѣдомственныя ему дѣла [1]); во-вторыхъ, наиболѣе значительные князья пользовались привилегіями, освобождавшими ихъ отъ этого суда (privilegium de non evocando и privilegium de non appellando); втретьихъ, возможенъ былъ еще „рекурсъ“ недовольныхъ судебнымъ рѣшеніемъ, къ сейму.

На счетъ этого паденія центральныхъ учрежденій развились, на западѣ Германіи въ особенности, всѣ черты политическаго феодализма. Мелкодержавіе было главнымъ образомъ, сильно въ юго-западномъ ея углу, а болѣе всего по Рейну, Неккару, Майну и по Дунаю: здѣсь было наибольшее количество мелкихъ княжествъ и графствъ, духовныхъ владѣній, имперскихъ городовъ, здѣсь же существовала масса имперскаго рыцарства (reichsunmittelbare Ritterschaft) [2]), т.-е. феодальнаго дворянства, избѣжавшаго участи тѣхъ членовъ своего сословія, которые сдѣлались подданными князей (Landesadel), и имѣвшаго свою особую федеративную организацію съ рыцарскими съѣздами (Rittertag'и, Kreisconvent'ы и т. п.). Мелкіе князья и имперскіе рыцари были полновластными господами въ своихъ владѣніяхъ, подобно болѣе крупнымъ государямъ, и особенно въ отношеніи къ имперскимъ рыцарямъ, лишь теоретически признававшему надъ собою власть императора, было беззащитно крестьянство, жившее въ ихъ имѣніяхъ. Члены рыцарскаго сословія, подобно польской шляхтѣ, проводили время въ попойкахъ, въ охотѣ, въ раздорахъ между собою или служили при дворахъ князей, во владѣніяхъ коихъ были вкраплены, такъ сказать, ихъ помѣстья, и здѣсь разорялись на придворную роскошь, дѣлаясь должниками князей: послѣдніе часто за неуплаченныя ссуды отбирали у рыцарей ихъ земли, превращая самихъ владѣльцевъ въ безземельныхъ господчиковъ и пристраивая ихъ у себя на службѣ. Рыцарство было, кромѣ того, тѣмъ сословіемъ, изъ коего выходили и владѣтельные прелаты. Духовные князья правили своими землями при помощи соборныхъ капитуловъ и избирались изъ среды канониковъ, или соборныхъ господъ, какъ они назывались (Domherren), попадать же въ число послѣднихъ могли только лица изъ извѣстныхъ фамилій (stiftsfähige Familien), иногда съ обозначеніемъ необходимаго числа благородныхъ предковъ (16 въ Майнцѣ и Трирѣ), чтобы получить такое право. Въ сущности, за исключеніемъ крупныхъ князей, всѣ мелкіе державцы были суверенной аристократіей, стремившейся

---

[1]) Т. II, стр. 24.
[2]) Т. I, стр. 136 и т. II, стр. 77 и слѣд.

подражать настоящимъ государямъ, а въ ихъ владѣніяхъ самымъ нераздѣльнымъ образомъ соединялись черты патріархально-помѣщичьяго быта и хозяйскаго вмѣшательства въ жизнь крѣпостного крестьянства съ чертами полицейскаго государства и придворными нравами. Въ самой власти Гогенцоллерновъ въ Бранденбургѣ весьма сильны были черты помѣщичьяго управленія. Императоръ, сколько отъ него зависѣло, охранялъ мелкія княжества и имперское рыцарство отъ болѣе крупныхъ князей, не желая усиленія послѣднихъ.

Въ такомъ устройствѣ Германіи видѣли основу „нѣмецкой свободы" (deutsche Libertät), но подобное пониманіе свободы было чисто феодальнаго характера. Это была свобода мѣстной жизни отъ правительственнаго центра, хотя бы сама эта жизнь, какъ то и было въ Германіи при развитіи княжескаго абсолютизма, устраивалась на иныхъ началахъ, такъ какъ это была свобода лишь территоріальныхъ властей, а не всего населенія, свобода вассаловъ по отношенію къ сюзерену, а не свобода подданныхъ по отношенію къ князьямъ. Священной Римской имперіи приписывалось даже республиканское устройство, такъ какъ верховная власть принадлежала въ ней не одному монарху, а совокупности отдѣльныхъ „чиновъ", и съ этой стороны Германія, дѣйствительно, была такою же федеративною республикою, какую представляла собою „пресвѣтлѣйшая" (najjaśniejsza) Рѣчь Посполитая польская, бывшая федераціей республиканскихъ воеводствъ съ широкою свободою шляхты и совершеннымъ безправіемъ народа. Въ феодальномъ обществѣ свобода была вообще привилегіей одной аристократіи [1]), и этотъ же характеръ имѣла die deutsche Libertät XVIII в. И настоящія республики XVIII в. какъ муниципальныя, такъ и федеративныя не были демократіями: и въ нихъ свобода была аристократической привилегіей. Впервые демократическая республика была осуществлена только въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ на новыхъ же началахъ образовалась и политическая федерація [2]).

Вообще западно-европейскія республики, существовавшія еще въ XVIII в., носили на себѣ слѣды своего происхожденія въ феодальномъ строѣ. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны Нидерланды съ своими старинными штатами, въ коихъ представлены были сословно-корпоративные интересы: устройство ихъ было одинаково и въ той части, которая образовала изъ себя республику, и въ той, которая осталась за Испаніей, а въ XVIII в. перешла къ Австріи. Республика Соединенныхъ Штатовъ состояла изъ семи провинцій: Гельдерна,

---

[1]) Т. I, стр. 265 и слѣд.

[2]) По исторіи федерацій см. сочиненіе Freeman'a—History of federal government.

Голландіи, Зеландіи, Утрехта, Фрисландіи, Гренингена и Оберисселя, въ коихъ было чисто олигархическое правленіе съ преобладаніемъ буржуазіи надъ дворянствомъ. Штаты отдѣльныхъ провинцій выбирали депутатовъ, которые собирались въ Гагѣ въ качествѣ представителей республики передъ иностранными державами и рѣшали вопросы о войнѣ и мирѣ (leurs hautes puissances les états généraux). Но такіе же штаты существовали и въ отдѣльныхъ провинціяхъ, находившихся въ австрійскихъ Нидерландахъ (Бельгіи), гдѣ, напримѣръ, Брабантъ пользовался особенно большими привилегіями [1]). И здѣсь, и тамъ крайній партикуляризмъ провинцій, бывшихъ когда-то самостоятельными княжествами, страшное разнообразіе мѣстныхъ правъ и устройства, сословныя и корпоративныя привилегіи и т. п. были наслѣдіемъ политическаго феодализма, хотя одна часть Нидерландовъ входила въ составъ абсолютной монархіи, а другая составляла самостоятельную республику. Такимъ образомъ и старое республиканское устройство не уничтожало еще окончательно слѣдовъ феодализма.

V. Англійскій парламентъ въ XVIII в. [2]).

Законодательная власть въ континентальныхъ государствахъ XVIII вѣка.—Законодательная власть въ Англіи.—Общій взглядъ на парламентъ въ XVIII в.—Декларація правъ 1689 и актъ о престолонаслѣдіи 1701 г.—Англійскія политическія партіи и ихъ положеніе при Вильгельмѣ III и Аннѣ.—Возникновеніе конституціоннаго министерства и положеніе первыхъ двухъ Георговъ.—Господство виговъ и семилѣтній парламентъ.—Министерство Роберта Вальполя.—Что такое кабинетъ?—Взаимныя отношенія законодательной и исполнительной властей въ старыхъ конституціяхъ.—Система подкуповъ въ Англіи.—Отношеніе парламента къ политической прессѣ.—Ученіе Блэкстона о правахъ парламента.

Государственная жизнь для правильнаго своего теченія нуждается въ постоянной законодательной дѣятельности, для которой въ каждомъ государствѣ должны существовать особыя учрежденія, бу-

---

[1]) Т. II, стр. 318.

[2]) Въ настоящей главѣ исторія Англіи въ XVIII в. ограничивается лишь развитіемъ правъ парламента, прошлое котораго разсматривается въ гл. VII, VIII, IX перваго тома и тѣхъ отдѣлахъ второго, гдѣ рѣчь идетъ объ исторіи Англіи въ XVII в. (начиная съ гл. XXXVII). Тамъ же указана и литература. По исторіи Англіи въ XVIII в. вообще, кромѣ общихъ исторій Англіи или XVIII в. (между прочимъ у Онкена въ Das Zeitalter Friedrichs des Groszen, о коемъ выше на стр. 4), см. Г. Вызинскій. Англія въ XVIII столѣтіи.—Lecky. History of England in the XVIII century (нѣм. перев. Löwe).—Mahon. History of England, 1713—1783.—Maccarthy. A history of the four Georges.—Cornewal Lewis. Histoire gouvernementale de l'Angleterre depuis 1770 jusqu'à 1830

дутъ ли они зависѣть исключительно отъ главы государства или представлять собою общественныя силы. *Однимъ изъ крупныхъ недостатковъ государственной жизни XVIII в. было крайнее несовершенство учрежденій, вѣдавшихъ эту ея сторону*, и притомъ одинаково, какъ въ абсолютныхъ монархіяхъ, такъ и въ государствахъ, имѣвшихъ иныя политическія формы. Въ эпоху сословной монархіи законодательная власть дѣлилась между королемъ и государственными чинами [1]), но послѣдніе, какъ мы видѣли, или прекратили свое существованіе, или пришли въ упадокъ [2]), и королевская власть сдѣлалась единственнымъ источникомъ законовъ на основаніи принципа римскаго права: quod principi placuit legis habet vigorem. Переходъ законодательной власти къ королямъ возлагалъ на нихъ задачу создать зависимыя отъ нихъ учрежденія, чрезъ которыя они могли бы осуществлять это свое право, но именно указываемая задача была выполнена самымъ неудачнымъ образомъ. Съ другой стороны, на материкѣ существовали государства, въ коихъ законодательная власть принадлежала сеймамъ или штатамъ, но и въ этомъ случаѣ отправленіе ими законодательной функціи представляло большія несовершенства. Въ самомъ дѣлѣ, старая монархія не особенно заботилась о томъ, чтобы выработать правильный порядокъ законодательства. „Просвѣщенный абсолютизмъ“ показалъ, что въ данномъ случаѣ все зависѣло отъ энергіи и личнаго усмотрѣнія монарха или перваго министра, какъ это мы и увидимъ въ другомъ мѣстѣ. Во Франціи ордоннансы, эдикты, деклараціи и другіе акты, исходившіе отъ верховной власти, переходили черезъ руки канцлера, бывшаго обыкновенно и хранителемъ королевской печати (garde des sceaux), но это была чуть не единственная форма въ дѣлѣ законодательства, такъ какъ король рѣшалъ всѣ важныя дѣла самымъ различнымъ образомъ, совѣтуясь то съ одними лицами, то съ другими; причемъ королевскій или государственный совѣтъ (conseil du roy, conseil d'état) мѣнялся въ своемъ составѣ, смотря по роду разсматриваемыхъ дѣлъ, и даже получалъ различныя названія (для политическихъ дѣлъ conseil d'en haut, conseil étroit, conseil secret, conseil de cabinet), а нерѣдко замѣнялся частнымъ совѣщаніемъ двухъ-трехъ министровъ, особаго же учрежде-

---

(переводъ съ англ.).—Erskine May. Constitutional history of England, 1760—1860 (есть франц. и нѣм. переводы; сочиненіе это служитъ продолженіемъ труда Hallam'a, указаннаго во II т., стр. 417).—Alpheus Todd. Parlamentary government in England (нѣм. перев. Ассманна; сочиненіе это посвящено кабинету, объ образованіи коего см. еще въ новой книгѣ Dupriez „Les ministres dans les principaux pays d'Europe et d'Amérique“).

[1]) См. томъ I, стр. 66.

[2]) См. выше, стр. 397.

нія, которое вѣдало бы только одно законодательство, не существовало [1]). Нерѣдко, впрочемъ, образовывались особыя коммиссіи для выработки новыхъ законовъ, но все это не было регулировано какимъ-либо постояннымъ порядкомъ. Ненормальность въ устройствѣ этой части увеличивалась вслѣдствіе притязанія парламента на участіе въ законодательствѣ своимъ veto: право d'enregistrement и de remonstrance было тормазомъ, нерѣдко задерживавшимъ правильное теченіе дѣлъ, не говоря уже о томъ, что этими отношеніями создавалось какое-то странное двоевластіе—абсолютнаго короля и наслѣдственной магистратуры. Въ Священной Римской имперіи, бывшей республикой князей и автономныхъ городовъ, законодательная власть принадлежала имперскому сейму, раздѣленному на три коллегіи, и для изданія какого-либо закона требовалось единогласіе послѣднихъ, весьма рѣдко осуществлявшееся. Но въ особенномъ разстройствѣ была законодательная дѣятельность польскаго сейма: извѣстно учрежденіе liberum veto, въ силу коего сопротивленіе одного земскаго посла могло уничтожить не только любое постановленіе сейма, но и всѣ уже на данномъ сеймѣ состоявшіяся рѣшенія; извѣстно срываніе сеймовъ, которое было обычнымъ дѣломъ съ середины XVII до середины XVIII вѣка; менѣе извѣстно то, что земскіе послы были связаны инструкціями сеймиковъ, ихъ выбиравшихъ и требовавшихъ еще, чтобы дѣло, рѣшенное на сеймѣ, подвергалось еще разсмотрѣнію сеймиковъ, которые были вольны и не принимать сеймовыхъ постановленій [1]).

Правильный законодательный порядокъ выработался только въ Англіи. Уже къ концу среднихъ вѣковъ въ этой странѣ развилась законодательная иниціатива парламента посредствомъ такъ-называемыхъ биллей и утвердился извѣстный порядокъ при изданіи законовъ [2]). Въ XVII в. англійскому парламенту пришлось дважды вступать въ борьбу съ королевскою властью за свои права. Революція 1689 г. утвердила эти права и повела къ ихъ расширенію въ XVIII вѣкѣ, послѣ чего *конституціонныя учрежденія Англіи сдѣлались предметомъ для подражанія при организаціи законодательной власти и въ континентальныхъ государствахъ*. Дѣло въ томъ, что въ политическомъ строѣ Англіи осуществились совершенно новыя начала сравнительно съ другими странами, въ коихъ сохранились средневѣковые чины, и когда на материкѣ Европы началось движеніе въ пользу участія народа въ законодательствѣ, многія формы этого участія, вы-

---

[1]) Aucoc. Le conseil d'état avant et depuis 1789.

[2]) A. Pawiński. Rządy sejmikowe w Polsce. См. также нашъ „Историческій очеркъ польскаго сейма". Единогласіе требовалось по нѣкоторымъ дѣламъ и нидерландскими генеральными штатами.

[3]) См. т. I, стр. 107—108.

работанныя англійскимъ парламентомъ, оказались примѣнимыми и въ другихъ государствахъ. Англійская исторія совсѣмъ не развила замкнутыхъ сословій съ особыми правами и привилегіями, въ силу чего парламентъ не былъ сословнымъ представительствомъ, подобнымъ континентальнымъ государственнымъ сеймамъ, а съ другой стороны парламенту было чуждо начало конгрессивности, требовавшее единогласія депутатовъ, какъ это мы видимъ въ Польшѣ или Нидерландахъ, ибо здѣсь утвердилось право большинства не только на то, чтобы рѣшать законодательные вопросы, но и на то, чтобы выдѣлять изъ своей среды правительство страны въ лицѣ министровъ или вѣрнѣе—министерства. Опережая другія государства, Англія, однако, сохраняла и многія черты стараго быта. Новѣйшее общественное движеніе получило демократическій характеръ: хотя англійскій парламентъ и не былъ представительствомъ сословнымъ, но онъ далеко не былъ и учрежденіемъ демократическимъ, ибо, благодаря существованію имущественнаго ценза, дававшаго политическія права лишь одному классу, нижняя палата была открыта только для представителей этого общественнаго класса, [1]), не говоря уже о сохраненіи Англіей феодальнаго принципа въ законахъ, регулирующихъ поземельную собственность. Другія стороны избирательной системы, бывшія, какъ увидимъ, источникомъ большихъ золъ въ государственной жизни Англіи, вели свое происхожденіе прямо изъ среднихъ вѣковъ и стали требовать самымъ настоятельнымъ образомъ реформы, вопросъ о которой и былъ поставленъ во второй половинѣ XVIII в., чтобы впервые быть разрѣшеннымъ (да и то невполнѣ) только въ 1832 г. Наконецъ, самое правленіе, опиравщееся на большинство въ парламентѣ, искажалось на практикѣ тѣмъ, что министры создавали необходимое для нихъ большинство посредствомъ подкуповъ, а это имѣло результатомъ большую продажность членовъ парламента. Все это составляло и въ Англіи свои „старые порядки", за которые крѣпко держался правящій классъ. Но если Англія нуждалась въ реформѣ парламента, то послѣдняя отнюдь не касалась общихъ принциповъ, на коихъ основывался ея государственный строй: напротивъ того, основы этого строя получали дальнѣйшее развитіе; и англійская конституціонная монархія послужила образцомъ для политическихъ преобразованій, начавшихся въ западной Европѣ съ 1789 г.

Вторая англійская революція, низвергшая Іакова II и посадившая на престолъ Вильгельма III, была началомъ новой эпохи въ исторіи англійскаго парламента. „Декларація правъ" (declaration of rights) 1689 г. вмѣстѣ съ актомъ о „престолонаслѣдіи" (act of settlement), вскорѣ (1701) за нею послѣдовавшимъ, являются послѣдними великими законода-

---

[1]) Томъ I, стр. 97.

тельными памятниками, ограничившими королевскую власть въ Англіи: magna charta libertatum 1215 г. [1]) открываетъ собою, а act of settlement 1701 г. заключаетъ рядъ хартій, на коихъ зиждется англійская конституція. Декларація правъ, въ формѣ билля о правахъ (bill of rights) сдѣлавшаяся государственнымъ закономъ Англіи, содержала въ себѣ перечисленіе законовъ, нарушавшихся Стюартами, и подтвержденіе извѣстныхъ принциповъ англійскаго государственнаго права, какъ стоящихъ внѣ всякаго спора. Именно этотъ билль провозглашалъ незаконность суспенсивной и диспенсивной власти, на которую заявлялось притязаніе со стороны Стюартовъ, т.-е. объявлялось, что король не имѣетъ права ни останавливать дѣйствіе законовъ безъ согласія парламента, ни кого бы то ни было по своему усмотрѣнію освобождать отъ ихъ исполненія; далѣе, признавалась незаконность учрежденія всякихъ исключительныхъ, или чрезвычайныхъ судовъ, взиманія денегъ въ казну безъ согласія парламента или въ теченіе болѣе продолжительнаго срока и иными способами, нежели тѣ, какіе опредѣлялись парламентомъ; утверждалось право подданныхъ подавать петиціи, а какія бы то ни было по поводу ихъ преслѣдованія и аресты запрещались; запрещалось набирать и содержать въ королевствѣ постоянное войско въ мирное время безъ разрѣшенія парламента; парламентскіе выборы должны были быть свободны; вмѣстѣ съ этимъ обезпечивалась свобода рѣчи, преній и образа дѣйствій въ парламентѣ отъ всякаго посторонняго вмѣшательства, обезпечивалось и правильное и свободное дѣйствіе суда присяжныхъ; для уничтоженія злоупотребленій и для улучшенія законовъ парламенты должны были созываться какъ можно чаще. Въ декларацiи правъ была еще статья, коею объявлялось неспособнымъ къ царствованію въ Англіи всякое лицо римско-католическаго вѣроисповѣданія. Актъ о престолонаслѣдіи переносилъ право престолонаслѣдія въ Англіи по смерти Вильгельма III на его свояченицу Анну (вторую дочь Іакова II), а послѣ ея бездѣтной кончины—на курфюрстину ганноверскую Софію (внуку Іакова I по его дочери Елизаветѣ и дочь Фридриха V Пфальцскаго) съ ея протестантскимъ потомствомъ, но въ этотъ актъ были включены весьма важныя статьи, бывшія какъ бы дополненіями къ биллю о правахъ въ виду возможности перехода англійской короны къ иноземнымъ государямъ, т.-е. къ ганноверскимъ курфюрстамъ. Двѣ изъ этихъ статей (запрещеніе королю выѣзжать изъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи безъ разрѣшенія парламента и недозволеніе быть членомъ парламента всякому, кто имѣетъ отъ короля оплачиваемую жалованіемъ должность или получаетъ отъ короны содержаніе) были вскорѣ отмѣнены, а одна изъ

---

[1]) См. ея содержаніе въ I т., стр. 80—83.

нихъ замѣнена (1706) постановленіемъ, въ силу коего каждый членъ парламента, получающій какую-либо коронную должность, долженъ былъ слагать съ себя депутатскія полномочія и подвергаться новымъ выборамъ. Другія статьи сдѣлались основными законами: король долженъ принадлежать къ англиканской церкви; Англія не обязана была защищать постороннія владѣнія своего короля; всѣ дѣла, рѣшающіяся въ тайномъ совѣтѣ (privy council), по прежнему должны въ немъ рѣшаться, но такъ, чтобы каждое состоявшееся въ немъ постановленіе непремѣнно подписывалось тѣмъ членомъ тайнаго совѣта, который далъ не него свой совѣтъ и согласіе; отдѣльной статьей запрещалось поручать какія бы то ни было должности не англичанамъ; судьи, хорошо исполняющіе свою должность, признаны были несмѣняемыми, (а размѣръ ихъ жалованія долженъ былъ быть прочно и твердо установленъ), и только по представленію обѣихъ палатъ парламента могло происходить ихъ смѣщеніе; наконецъ, королевское помилованіе не должно было имѣть силы въ случаѣ обвиненія нижнею палатою парламента [1]). Впервые въ этомъ парламентскомъ актѣ поставлены были внѣ всякаго спора три важные принципа англійской конституціи: отвѣтственность министровъ за всѣ правительственныя дѣйствія, независимость судей отъ короны и исключительная юрисдикція парламента по отношенію къ министрамъ и судьямъ. Оба акта—и bill of rights, и act of settlement—создавали для парламента положеніе, какого онъ добивался раньше, т.-е. и въ концѣ среднихъ вѣковъ [2]), и въ первую революцію [3]), хотя сами эти акты и не осуществляли еще всего, къ чему стремился долгій парламентъ во время окончательнаго разрыва съ Карломъ I. Разъ королевская власть поставлена была въ строго ограниченныя рамки, парламентъ же привыкалъ дѣлать все, въ чемъ ему препятствовать корона болѣе не была въ состояніи, то и безъ новыхъ законодательныхъ актовъ, подобныхъ только что разсмотрѣннымъ, парламентъ могъ фактически получить и закрѣпить за собою въ силу своего рода обычнаго права, путемъ прецедентовъ—наиболѣе важныя изъ тѣхъ привилегій, которыхъ онъ напрасно добивался въ сороковыхъ годахъ XVII в. Въ числѣ требованій, предъявленныхъ тогда Карлу I, были между прочимъ, такія: никто не можетъ засѣдать въ совѣтѣ, кто непріятенъ парламенту; лишь тѣ дѣйствія короля могутъ имѣть силу, которыя прошли черезъ его совѣтъ и подписаны совѣт-

---

[1]) По исторіи воцаренія въ Англіи ганноверской династіи см. Schaumann. Geschichte der Erwerbung der Krone Grossbritaniens von seiten der Hauses Hannover.—Meinardus. Die Succession des Hauses Hannover in England.

[2]) См. т. I, стр. 109.

[3]) Напомнимъ 19 требованій 1642 г. (т. II, гл. XXXV).

никами; назначенія на важныя государственныя должности должны дѣлаться съ согласія парламента; новые перы быть могутъ создаваемы лишь съ согласія обѣихъ палатъ и т. д. Существенное изъ этихъ требованій, какъ мы увидимъ, исполнилось при первыхъ двухъ короляхъ изъ ганноверскаго дома—при Георгѣ I (1714—1727) и Георгѣ II (1727—1760), благодаря ловкости министра Роберта Вальполя, занимавшаго свой постъ въ теченіи двадцати слишкомъ лѣтъ (1721—1742) въ концѣ царствованія Георга I и въ первую половину царствованія Георга II [1]): въ это время и кладется начало тому порядку вещей, результатомъ коего было образованіе конституціоннаго министерства, или кабинета, сдѣлавшагося главною опорою парламентаризма.

Главными дѣятелями въ установленіи парламентскаго режима въ XVIII в. были виги. Эта партія, образовавшаяся, какъ и противоположная партія торіевъ, въ царствованіе Карла II, стояла на той точкѣ зрѣнія, что между королевскою властью и націей существуетъ договоръ, и что въ случаѣ нарушенія договора со стороны короны нація имѣетъ право сопротивленія. Революція 1689 г. совершилась во имя именно этого самаго принципа и потому должна была доставить перевѣсъ партіи, на немъ основывавшей свою политику. Возведеніе на престолъ Вильгельма Оранскаго и передача короны ганноверскому дому, декларація правъ и законъ о престолонаслѣдіи были какъ-разъ дѣломъ виговъ, тогда какъ крайніе торіи, державшіеся ученія о неотчуждаемости наслѣдственныхъ правъ династіи, прямо даже сдѣлались врагами новаго правительства и стали составлять противъ него заговоры и дѣлать попытки возстанія. Якобиты, сторонники короля, лишившагося англійской короны, а по его смерти ставшіе на сторону его сына (Іакова III), въ теченіе полувѣка не теряли надежды на реставрацію Стюартовъ: рядъ ихъ попытокъ тянется съ начала царствованія Вильгельма III до середины XVIII вѣка, когда внукъ Іакова II, принцъ Карлъ Эдуардъ съ большою отвагою предпринялъ отвоеваніе англійской короны у царствовавшаго тогда въ Англіи Георга II (1745—1746). Связь торизма съ якобитствомъ заставляла англійскихъ королей первой половины XVIII в., особенно же ганноверскую династію, видѣть въ вигахъ главную опору существующаго порядка. Хотя у Вильгельма III были столкновенія съ вигами, и хотя онъ охотно сближался съ болѣе умѣренными торіями, тѣмъ не менѣе главною опорою его царствованія были виги, имѣвшіе большинство въ парламентѣ. Энергичная борьба, которую этотъ король велъ противъ Людовика XIV, много содѣйствовала утвержденію парламентскаго вліянія въ духѣ вигистскихъ стремленій. Англичане

---

[1]) Старое (1816) соч. William Coxe. Memoirs of the life and administration of sir Robert Walpole, earl of Oxford. Новое о немъ соч. G. Morley'я.

были недовольны Вильгельмомъ III, находя, что онъ слишкомъ стремится къ личному правленію и что интересы Голландіи, гдѣ онъ былъ наслѣдственнымъ штатгальтеромъ, онъ ставитъ выше интересовъ Англіи, и думая, что послѣдніе вовсе не требовали войны съ Людовикомъ XIV, но, съ другой стороны якобитскіе происки и покушенія заставляли англичанъ видѣть въ Вильгельмѣ III охранителя ихъ политическихъ вольностей и національной независимости. Съ своей стороны, нуждаясь постоянно въ новыхъ средствахъ для предпринятой имъ борьбы противъ Людовика XVI, и самъ король не ограничивался одними убѣжденіями палаты общинъ въ необходимости войны съ Франціей, но дѣлалъ ему и уступки. Члены парламента стали выбираться лишь на три года (законъ 1694 г.); парламенты стали собираться ежегодно; контроль палаты общинъ надъ государственнымъ бюджетомъ сдѣлался дѣйствительнѣе. Вильгельмъ III противился, однако, тому, чтобы быть за-одно исключительно съ вигами, и стремился соблюдать равновѣсіе между обѣими партіями, ища поддержки преимущественно между болѣе умѣренными представителями торизма и вигизма и дѣлая своими совѣтниками какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Но уже тогда парламентское большинство постоянно нападало на неугодныхъ ему министровъ, и уже намѣтился тотъ выходъ изъ мелочной политической борьбы, который заключался *въ установленіи солидарности между парламентскимъ большинствомъ и министерствомъ посредствомъ назначенія министровъ изъ господствующей партіи, чѣмъ достигалась и однородность* (*homogeneity*) *министерства*. Королева Анна, наслѣдовавшая Вильгельму III (1702—1714), вынуждена была опираться на виговъ, несмотря на свои торійскія сочувствія и на то, что вообще держалась принципа, по которому королевская власть не должна быть слугою одной какой-либо партіи, а обязана поддерживать равновѣсіе между всѣми партіями, чтобы надъ ними господствовать. Сила вещей заставляла, однако, королеву идти во внѣшней политикѣ заодно съ вигами, требовавшими продолженія борьбы съ Людовикомъ XIV (война за испанское наслѣдство), и только завѣдываніе внутренними государственными дѣлами она не отдавала исключительно въ ихъ руки. Извѣстно, что на сторону виговъ склоняла Анну и ея пріятельница, имѣвшая на нее большое вліяніе, леди Мальборо, знаменитый мужъ которой игралъ такую выдающуюся роль въ войнѣ за испанское наслѣдство, и лишь въ концѣ своего царствованія королева отдѣлалась отъ этого вліянія и открыто перешла на сторону торіевъ, которые, впрочемъ, независимо отъ этого получили и большинство въ парламентѣ подъ вліяніемъ недовольства затянувшеюся войною. На мѣсто павшаго Мальборо, осужденнаго притомъ парламентомъ за утайку ввѣренныхъ ему денегъ, сталъ Болингброкъ [1]), образовавшій торійское министерство (1710)

[1]) Moritz Brosch. Lord Bolingbroke und Whigs und Tories seiner Zeit.

и заключившій выгодный для Англіи утрехтскій миръ (1713); это былъ первый примѣръ замѣны одного однороднаго министерства другимъ такимъ же, хотя и не въ исключительной зависимости отъ перемѣны въ парламентскомъ большинствѣ. *Устанавливавшаяся однородность министерствъ сообщала бо́льшую силу правительству, какъ представителю исполнительной власти, но вмѣстѣ съ этимъ вела къ подчиненію министровъ парламентскому большинству.* Установленіе новыхъ отношеній между совѣтниками короны и парламентомъ—главный фактъ въ исторіи развитія англійскихъ политическихъ учрежденій въ XVIII вѣкѣ. Мало по малу министры, бравшіеся изъ парламентскаго большинства, сдѣлались и его вождями, а оппозиціонное меньшинство, прибѣгавшее раньше къ заговорамъ и возстаніямъ, обратилось къ легальнымъ способамъ борьбы, дававшимся парламентскою жизнью, и превратило въ столь же законную „оппозицію его величества", сколь законно было и существованіе „министерства его величества". Анна, при которой еще произошло сліяніе (1707) Англіи и Шотландіи въ одну Великобританію съ участіемъ шотландцевъ въ лондонскомъ парламентѣ, умерла въ 1714 г., и на англійскій престолъ вступила ганноверская династія.

Первые два Георга были въ Англіи иностранцами, привязанными къ своему родовому Ганноверу, плохо понимавшими внутреннія отношенія своего новаго королевства, чувствовавшими себя въ немъ одинокими, боявшимися якобистскихъ происковъ, заговоровъ и возстаній; притомъ еще это были люди, лишенные способностей и энергіи. Возведеніе ихъ на англійскій престолъ было дѣломъ виговъ, и весьма естественно, что первые два короля изъ ганноверской династіи должны были видѣть главную опору своего престола въ этой партіи, которая, кромѣ того, пользовалась сочувствіемъ большинства націи, съумѣла прочно организоваться въ сплоченную политическую силу и выставила нѣсколькихъ замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей. Лишь при восшествіи на престолъ Георга I должны были получить силу главныя статьи акта о престолонаслѣдіи, ибо онѣ и были составлены главнымъ образомъ въ виду возможности перехода короны къ иностранному государю, хотя когда онѣ писались, никто еще не могъ предвидѣть, когда это случится, при какихъ обстоятельствахъ, при какихъ отношеніяхъ между партіями. Незадолго до смерти Анны пало, какъ было упомянуто, министерство Мальборо, принявшее вигистскій характеръ: однимъ изъ видныхъ его дѣятелей былъ молодой еще въ то время человѣкъ (род. 1776) Робертъ Вальполь, сдѣлавшійся членомъ парламента и примкнувшій къ вигамъ еще въ 1701 г. Преслѣдованіемъ, какому онъ подвергся со стороны торіевъ, и борьбою съ ними, онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, а въ парламентѣ 1714 г. былъ однимъ изъ самыхъ главныхъ бойцовъ оппозиціи. Минута для партіи была рѣшительная

королева Анна мечтала о передачѣ короны своему брату Іакову III; ожидался билль объ отмѣнѣ акта о престолонаслѣдіи 1701 г.; якобиты готовы были къ тому, чтобы прямо вести войну за права своего претендента. Смерть королевы разстроила всѣ приготовленія, дѣлавшіяся къ новой реставраціи Стюартовъ, и первымъ дѣломъ новаго короля было образованіе министерства изъ членовъ партіи, поддерживавшей его права на престолъ, что было уже настоящимъ началомъ организованнаго правленія партій въ англійской государственной жизни. Не зная англійскаго языка, Георгъ I не могъ лично заниматься дѣлами съ своими министрами, не могъ самъ произнести и тронную рѣчь при открытіи парламента. Съ своей стороны, министерство (Townshend-Stanhope) обратилось къ избирателямъ съ прокламаціей, приглашая прислать въ парламентъ людей, остававшихся вѣрными протестантскому престолонаслѣдію, когда оно подвергалось опасности; выборы 1715 г. дали дѣйствительно перевѣсъ вигамъ, отнявъ значительную часть мѣстъ у торіевъ, коимъ принадлежало большинство въ предъидущемъ парламентѣ. Съ самаго же начала побѣдители задумали упрочить свое господствующее положеніе, продолживъ свои полномочія въ парламентѣ съ трехъ лѣтъ, установленныхъ закономъ 1694 г., на семь лѣтъ (1716), и они имѣли на это полное право: Англія не знаетъ различія между конституціонными и обыкновенными законами, и то, что законно постановлено было однимъ парламентомъ, столь же законно другимъ парламентомъ можетъ быть отмѣнено [1]). Вмѣстѣ съ этимъ виги отмѣнили ту статью акта о престолонаслѣдіи, по которой король безъ разрѣшенія парламента не могъ отлучаться изъ страны: Георга I постоянно тянуло въ родной Ганноверъ, тѣмъ болѣе, что съ сыномъ онъ жилъ не въ ладахъ и боялся усиленія его значенія въ Ганноверѣ во время своего отсутствія, и обѣ англійскія партіи единогласно согласились на то, чтобы король ѣздилъ въ Ганноверъ, когда ему будетъ угодно.

Въ 1721 г. наконецъ сдѣлался первымъ министромъ Робертъ Вальполь, а парламентскіе выборы слѣдующаго года дали опять вигамъ громадное большинство. Еще въ тронной рѣчи 1721 г. Вальполь начерталъ программу своей будущей дѣятельности: это было расширеніе англійской торговли, облегченіе вывоза англійскихъ мануфактурныхъ продуктовъ и ввоза сырья, необходимаго для выдѣлки фабрикатовъ, уничтоженіе вывозныхъ и ввозныхъ пошлинъ и увеличеніе флота, т.-е. торговые и промышленные интересы выдвигались на первый планъ передъ всѣми церковными и политическими вопросами, волновавшими англійскую націю до того времени. Въ этой тронной рѣчи отъ имени короля провозглашалось,

---

[1]) См. доказательства у Дайси (Государственное право Англіи, рус. пер. подъ ред. П. Г. Виноградова).

что торговля и богатство его народа суть золотые плоды принадлежащихъ ему вольностей и лучшее украшеніе короны. Мы еще увидимъ, что популярность такой правительственной программы возможна была въ Англіи, лишь благодаря тому, что старую землевладѣльческую аристократію вытѣснила къ этому времени аристократія денежная, которая и стала дѣлаться правящимъ классомъ въ Англіи въ эту эпоху. Мы увидимъ также, что этотъ классъ, парламентскимъ вождемъ коего и былъ Робертъ Вальполь, превратился въ настоящую олигархію, сдѣлавъ изъ денегъ прямое орудіе власти посредствомъ системы подкуповъ, которую напрасно ставили въ упрекъ исключительно одному Вальполю. Для насъ здѣсь, однако, особенно важно то, что этотъ министръ, каковы бы ни были его личныя качества и политическія средства, положилъ прочное основаніе парламентаризму, прибѣгая даже къ подкупу членовъ парламента для того, чтобы имѣть на своей сторонѣ большинство, безъ котораго уже мудрено было теперь оставаться у власти. Положеніе Вальполя сдѣлалось-было весьма затруднительнымъ съ воцареніемъ Георга II: еще наслѣдникомъ престола онъ ненавидѣлъ министра своего отца; англійскія отношенія онъ зналъ лучше, нежели покойный король, такъ что при немъ много труднѣе было первому министру оставаться хозяиномъ въ правленіи государствомъ; наконецъ, онъ говорилъ по-англійски и могъ лично вести дѣла съ министрами. Вальполь тѣмъ не менѣе удержался: чрезъ него можно было имѣть деньги, и только онъ могъ пообѣщать, что парламентъ увеличитъ королевское содержаніе (цивильный листъ) и назначитъ вдовью пенсію королевѣ, имѣвшей вліяніе на супруга. Поддерживаемый парламентскимъ большинствомъ и склонивъ на свою сторону новаго короля, „великій коммонеръ“ оставался господиномъ положенія, стоя во главѣ однороднаго министерства, до самаго своего паденія въ 1742 г. Внѣшняя политика Вальполя, коею онъ старался угодить двору [1]), вызвала противъ него въ концѣ концовъ оппозицію въ парламентѣ, распущенномъ весною 1741 г., а новый парламентъ, собравшійся зимою того же года, уже въ преніяхъ по поводу отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь сдѣлалъ нападеніе на министерскую политику, послѣ чего голосованіе оставило Вальполя въ меньшинствѣ. Первый министръ покинулъ тогдасвой постъ; и съ тѣхъ поръ сдѣлалось общимъ правиломъ для министровъ, не имѣющихъ большинства,—отказываться отъ своихъ должностей (если только они не предпочитали обратиться къ странѣ, распустивъ парламентъ и назначивъ новые выборы).

---

[1]) Это было въ началѣ войны за австрійское наслѣдство, въ коей Англія выступила защитницей прагматической санкціи въ связи съ ганноверскими интересами.

Министерство Роберта Вальполя такимъ образомъ *было первымъ парламентскимъ кабинетомъ въ новомъ смыслѣ, т.-е. въ смыслѣ исполнительнаго комитета парламентскаго большинства, управляющаго государствомъ и пользующагося правами, которыя обыкновенно называются правами короны.* Этого учрежденія еще не знаетъ государственное право Англіи, вышедшее изъ революціи 1689 г. Хотя уже давно установился въ Англіи принципъ, по которому король не можетъ быть несправедливымъ (the king cannot wrong), и всѣ незаконныя дѣйствія короля вмѣняются въ вину его дурнымъ совѣтникамъ [1]), тѣмъ не менѣе настоящая отвѣтственность министровъ установилась въ Англіи лишь въ XVIII вѣкѣ. Мы знаемъ, что для законности актовъ, исходящихъ отъ королевской власти, законъ 1701 г. требовалъ подписи подъ ними министровъ, не заключая въ себѣ, впрочемъ, прямого указанія на ихъ отвѣтственность [2]). Въ 1711 году палата лордовъ положительнымъ образомъ утвердила принципъ, что глава государства не отвѣтствуетъ лично за правительственные акты, но что отвѣтственность за нихъ падаетъ на министровъ, а потому, говорилось далѣе, прерогатива короны не подлежитъ критикѣ или совѣту парламента. Это было весьма важное заявленіе: дѣлаясь неотвѣтственною за свои дѣйствія, корона въ Англіи лишалась всякой власти надъ министрами и парламентомъ, ибо она могла пользоваться теперь своею прерогативою лишь въ зависимости отъ содѣйствія ей со стороны отвѣтственныхъ министровъ и какъ бы подъ условіемъ согласія со стороны парламента, передъ которымъ министры были отвѣтственны. Благодаря этому, *вся исполнительная власть перешла въ руки министерства, послѣднее же сдѣлалось только правительственнымъ комитетомъ большинства нижней палаты парламента.* Это хорошо понималъ уже Георгъ II. Когда во время одного политическаго столкновенія въ 1745 г. тогдашній лордъ-канцлеръ въ разговорѣ съ королемъ сказалъ, что назначенные имъ министры суть только орудія его власти, Георгъ II съ горькою усмѣшкою возразилъ на это: „въ здѣшней странѣ королемъ — министры“. Это было первое признаніе новаго политическаго положенія со стороны англійскаго монарха, но вызвано оно было если и первымъ, то далеко не послѣднимъ случаемъ, когда королевская власть должна была мириться съ прямо навязываемой ей системой правленія. Такимъ образомъ къ серединѣ XVIII вѣка окончательно консолидировались права парламента, благодаря именно образованію конституціоннаго кабинета.

---

[1]) Вспомнимъ процессъ Страфорда въ эпоху первой революціи (т. II, стр. 465).

[2]) См. выше, стр. 59—60.

Положеніе королевской власти въ Англіи невольно напрашивается на сравненіе съ ея положеніемъ въ Польшѣ. И тамъ эта власть дошла до послѣдней степени ограниченія, но если въ Англіи прерогатива короны перешла къ кабинету, представляющему собою парламентское большинство, которому въ свою очередь фактически стали принадлежать всѣ права суверенитета, то въ Польшѣ ограниченіе королевской власти, наоборотъ, не сопровождалось перенесеніемъ ея правъ на какое-либо учрежденіе, зависящее отъ сейма. Самъ сеймъ не получилъ притомъ полной верховной власти, не съумѣвъ подчинить себѣ сеймики отдѣльныхъ воеводствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не поставилъ въ зависимость отъ себя министровъ, которые могли совершенно произвольно распоряжаться— каждый въ своей области, ибо не создалъ солидарнаго и отвѣтственнаго министерства, которое опиралось бы на сеймовое большинство. Англія весьма удачно *разрѣшила для себя вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ законодательной и исполнительной власти въ государствѣ*, и въ этомъ заключался главнѣйшій результатъ ея парламентской жизни въ XVIII вѣкѣ. Между тѣмъ указанный вопросъ, ставившійся и въ политической литературѣ XVIII вѣка, былъ однимъ изъ наиболѣе трудныхъ для практическаго рѣшенія въ тогдашнихъ государствахъ, еще сохранявшихъ представительныя учрежденія съ законодательною властью. Въ Польшѣ, выступившей на путь внутреннихъ реформъ въ царствованіе Станислава Августа (1764—1795 гг.), установленіе правильныхъ отношеній между законодательною властью сейма и исполнительною властью короны съ зависящими отъ нея министрами было одною изъ важныхъ задачъ внутренняго политическаго переустройства [1]). Въ Голландіи все не знали, въ какія взаимныя отношенія поставить генеральные штаты и штатгальтерство. Неудовлетворительнымъ было отношеніе обѣихъ властей и въ шведской конституціи, дѣйствовавшей въ 1720—1772 гг., такъ какъ сеймъ, коему принадлежала законодательная власть, собирался лишь разъ въ три года, и аристократическій государственный совѣтъ въ сущности распоряжался безконтрольно дѣлами государства. Эти старыя конституціи одна за другою пали во второй половинѣ XVIII вѣка, но англійская, наоборотъ, продолжала развиваться далѣе на началахъ, установившихся въ первой половинѣ вѣка, хотя въ началѣ новаго царствованія (Георга III) и заявлена была программа уничтожить узурпацію королевскихъ правъ кабинетомъ, какъ это видно изъ одной оффиціозной брошюры 1761 года.

Рядомъ съ успѣхами парламентаризма въ исторіи Англіи этой эпохи нужно отмѣтить и дурныя стороны ея политическаго быта.

---

[1]) См. мою книгу „Польскія реформы XVIII вѣка".

Выше было указано на подкупы, возведенные въ систему при составленіи необходимаго для министерства большинства. Это явленіе стоитъ въ тѣсной связи съ переходомъ политическаго вліянія къ торгово-промышленному классу, видѣвшему въ парламентскомъ правленіи средство проводить въ жизнь свои интересы, и съ дурной выборной системой, унаслѣдованной отъ среднихъ вѣковъ. Крупные капиталисты подкупали избирателей деньгами, чтобы попадать въ члены парламента, а тамъ продавали свои голоса министерству, между прочимъ, за разныя концессіи, монополіи и уступки ихъ интересамъ. Съ другой стороны, само избирательное право принадлежало лишь ограниченному числу лицъ, особенно въ городахъ, и голоса на выборахъ сравнительно легко было покупать, не говоря уже о томъ, что весьма часто высылались въ парламентъ лица, просто угодныя вліятельному въ данной мѣстности ленлорду. Такъ-называемыя „гнилыя мѣстечки", незначительныя поселенія, сохранившія отъ среднихъ вѣковъ право посылать депутатовъ въ нижнюю палату, въ то время, какъ этого права были лишены многіе болѣе важные города,—указываются даже въ краткихъ учебникахъ, какъ главное зло избирательной системы, господствовавшей въ Англіи до 1832 г., когда произошла первая парламентская реформа [1]). Единственными сдержками при господствѣ подкупа членовъ парламента могли быть общественное мнѣніе и его органъ—пресса, но съ послѣднею парламентъ былъ въ болѣе или менѣе постоянной борьбѣ; у него было даже для этой борьбы весьма сильное средство, ибо считалось нарушеніемъ привилегіи (breach of privilege) парламента со стороны всякаго опубликованіе чего-либо запрещеннаго большинствомъ членовъ парламента. Въ 1714 г. Вальполю пришлось выступить защитникомъ одного члена парламента (Steele), автора брошюры „Англичане и кризисъ" котораго торіи предали суду какъ человѣка, ставшаго поперекъ ихъ дороги, и Вальполь, ссылаясь на свободу прессы, ставилъ вопросъ, какъ можетъ одна часть законодательной власти (палата общинъ) наказывать въ качествѣ преступленія то, что вовсе не называется преступленіемъ въ законахъ, изданныхъ всею законодательною властью. Тѣмъ не менѣе подсудимый былъ признанъ виновнымъ и исключенъ изъ парламента. Такое право палатъ было страшнымъ орудіемъ въ рукахъ господствующей партіи для того, чтобы принуждать къ молчанію оппозиціонные элементы. Такою же своею привилегіей парламентъ считалъ засѣдать при закрытыхъ дверяхъ, безъ постороннихъ слушателей и какихъ бы то ни было публичныхъ отчетовъ о преніяхъ и голосованіяхъ. Въ этомъ смыслѣ дѣлались

---

[1]) Къ этой сторонѣ англійской политической жизни въ XVIII вѣкѣ мы возвратимся подробнѣе въ четвертомъ томѣ.

спеціальныя постановленія, грозившія строгой карой авторамъ, издателямъ, книгопродавцамъ и типографщикамъ, причастнымъ опубликованію письменныхъ и печатныхъ отчетовъ о засѣданіяхъ обѣихъ палатъ, и оппозиція на дѣло смотрѣла совершенно такъ же, какъ и правящая партія. Однимъ словомъ, парламентъ ставилъ свои дѣйствія выше какой бы то ни было критики, что не оставалось мертвой буквой. Въ началѣ царствованія Георга III (1760—1820 гг.), какъ извѣстно, склонившагося къ торійскимъ принципамъ произвело большой шумъ дѣло члена парламента Джона Вилькса (Wilkes), подвергшагося преслѣдованію за статью въ оппозиціонномъ журналѣ (North Briton) именно за критику правительственныхъ дѣйствій: при этомъ были нарушены всѣ законы страны, а министерство, начавшее преслѣдованіе автора, типографщика и издателя, нашло поддержку въ парламентѣ. Вильксъ долженъ былъ удалиться въ Парижъ, и этимъ палата общинъ прямо воспользовалась, чтобы исключить его изъ числа своихъ членовъ и даже объявить его внѣ закона (outlawed), такъ какъ онъ не предсталъ передъ парламентомъ для своей защиты. Этимъ дѣло тогда еще не кончилось, о чемъ рѣчь будетъ идти у насъ въ другомъ мѣстѣ [1]).

Процессъ Вилькса имѣлъ принципіальное значеніе. Нижняя палата въ интересахъ партіи и въ союзѣ съ дворомъ, правительствомъ и верхней палатой, какъ это было на самомъ дѣлѣ, нарушила свободу печати и одобрила произвольныя дѣйствія министерства, признанныя незаконными со стороны суда, какъ противныя habeas corpus act'у. На парламентъ смотрѣли всегда, какъ на охрану противъ королевскаго деспотизма, и теперь являлся вопросъ о томъ, кто же будетъ охранять націю отъ деспотизма самого парламента. Дѣло Вилькса разыгралось въ 1764—65 годахъ, а въ 1765 г. вышли въ свѣтъ „Комментаріи къ законамъ Англіи“ (Commentaries on the laws of England) Вильяма Блэкстона, какъ разъ учившаго о томъ, что парламенту принадлежитъ неограниченная верховная власть или, какъ онъ прямо выражается, абсолютная деспотическая власть (absolute despotic power), которая должна же кому-либо принадлежать во всякомъ государственномъ устройствѣ. Ссылаясь на историческіе примѣры и правовые прецеденты, онъ доказывалъ, что парламентъ имѣетъ право распорядиться престолонаслѣдіемъ, измѣнить установленную религію, совершить преобразованія въ государственномъ устройствѣ и въ своей собственной организаціи: по его словамъ, всемогущество (omnipotence) парламента распространяется рѣшительно на все, кромѣ невозможнаго по природѣ вещей (naturally impossible), и нѣтъ силы на землѣ, ко-

[1]) См. слѣдующую главу (въ концѣ).

торая могла бы раздѣлать (no authority upon earth can undo) то, что разъ имъ сдѣлано. Вмѣстѣ съ этимъ Блэкстонъ называетъ власть парламента безусловной и безотвѣтственной (absolute and without control), возражая Локку, который признавалъ, что верховная власть всегда остается у народа и что тѣмъ самымъ законодательное собраніе подлежитъ его контролю. Для Блэкстона парламентъ есть въ то же время безапелляціонный верховный судъ. Только высшая исполнительная власть (supreme executive power), по его представленію, принадлежитъ королю, который пользуется неотвѣтственностью, будучи неспособнымъ дѣлать несправедливое (the king is... incapable doing wrong), а кабинетъ, какъ онъ образовался къ эпохѣ Блэкстона, совсѣмъ не упоминается въ его „Коментаріяхъ“ [1]). *Фактически, дѣйствительно, англійскій парламентъ достигъ такой „абсолютной деспотической власти“*, но въ Англіи было еще сознаніе индивидуальной свободы, не мирящейся ни съ какимъ деспотизмомъ, кому бы ни принадлежала возможность дѣлать все, что только терпитъ природа вещей. Англія и стала тою страною, гдѣ въ наибольшемъ объемѣ и наиболѣе прочнымъ образомъ осуществилась индивидуальная свобода [2]), сдѣлавшаяся предметомъ общественнаго стремленія и на материкѣ Европы. Нельзя, однако, оставить безъ вниманія тотъ фактъ, что въ XVIII в. англійскій парламентъ самъ еще нарушалъ принципы свободы, особенно во второй половинѣ столѣтія, когда возвратилась къ власти торійская партія и стала подготовляться реакція, усилившаяся, благодаря французской революціи. Одно изъ нарушеній свободы подданныхъ англійскихъ колоній повело къ отторженію Сѣверо-американскихъ Штатовъ (1776 г.), а демократическій характеръ французской революціи поселилъ въ правящемъ классѣ Англіи опасенія за собственную власть. Если въ политическомъ отношеніи Англія и не знала континентальнаго абсолютизма, пользуясь своимъ парламентскимъ строемъ, то въ соціальномъ старые порядки материка находили здѣсь соотвѣтствіе въ томъ положеніи, какое занималъ правящій классъ, обѣ партіи коего были одинаково враждебны демократіи. Отношенія Великобританіи къ Ирландіи также представляютъ собою темную сторону англійской исторіи [3]).

---

[1]) Вообще значеніе кабинета, какъ постояннаго комитета палатъ, завѣдующаго всею политикой государства, выяснено только въ XIX в. и главнымъ образомъ Bagehot'омъ (The english constitution; есть франц. и нѣм. пер.).

[2]) Вопросъ о томъ, какъ въ Англіи, благодаря господству права, всемогущество парламента соединяется съ широкимъ развитіемъ личной свободы, разработанъ въ указывавшейся ранѣе (т. II, стр. 389 и въ настоящемъ томѣ стр. 64) книгѣ Дайси.

[3]) О послѣднемъ рѣчь будетъ идти въ IV томѣ.

VI. Личная и общественная свобода въ XVIII вѣкѣ [1]).

Условія, въ какія были поставлены личныя права при старыхъ взглядахъ и порядкахъ.—Обстоятельства, служившія поводомъ къ ограниченію личныхъ правъ.—Отсутствіе гарантій личной свободы. — Положеніе во Франціи протестантовъ.—Положеніе во Франціи печати. — Иновѣріе и общественное мнѣніе въ другихъ государствахъ.—Контрастъ между Англіей и материкомъ. — Свобода совѣсти и свобода печати въ Англіи.—Дѣло Вилькса и «Письма Юніуса».

При сословномъ строѣ общества, когда личныя права опредѣляются принадлежностью къ извѣстному сословію и потому имѣютъ характеръ привилегій, *сама личная свобода была также одною изъ такихъ привилегій*, и степень ея была различная въ разныхъ общественныхъ слояхъ. Въ этомъ отношеніи однимъ изъ наиболѣе поразительныхъ примѣровъ неравенства личныхъ правъ представляетъ собою общественный строй старой Польши, гдѣ при крайней неразвитости средняго сословія было только два класса—шляхта и крестьянство: въ то именно время, какъ послѣднее находилось въ самомъ жалкомъ рабствѣ у своихъ господъ, всѣ лица шляхетскаго званія пользовались, наоборотъ самою широкою свободою, какую только можно себѣ представить, можно прямо сказать, полною свободою личнаго произвола, приводившею къ политической анархіи. Но въ Польшѣ, благодаря разложенію государства, лишь въ самой рѣзкой формѣ проявилось то, что было вообще принадлежностью старыхъ общественныхъ порядковъ: сословный строй, сословныя привилегіи создавали разную мѣру свободы, какою пользовались лица различныхъ общественныхъ классовъ, существованіе же крѣпостничества или его остатковъ было равносильно отрицанію наиболѣе элементарныхъ правъ у большинства или значительной части населенія. Обращаясь опять къ той же Польшѣ, мы видимъ, что политическая свобода ея господствующаго сословія дополнялась еще въ XVI в. весьма широкою свободою религіозною, которой, однако, пришелъ конецъ съ наступленіемъ католической реакціи, благодаря чему мѣра личныхъ правъ стала опредѣляться въ Рѣчи Посполитой и принадлежностью къ

---

[1]) Ср. въ томѣ I главу XXI (Положеніе личности въ обществѣ). Факты, о коихъ идетъ рѣчь въ этой главѣ, разсматриваются обыкновенно въ юридической литературѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. въ литературѣ по государственному, международному, церковному, полицейскому, гражданскому праву и между прочимъ въ общихъ руководствахъ по этимъ наукамъ; ниже въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ дѣлаются лишь самыя важныя указанія на спеціальныя сочиненія.

тому или другому вѣроисповѣданію [1]). И это опять-таки не было явленіемъ исключительнымъ: реформація, создавшая на Западѣ религіозный расколъ, положила начало государственнымъ церквамъ, требовавшимъ подчиненія себѣ отъ всѣхъ классовъ населенія, лишая противящихся—принадлежавшихъ имъ правъ или умаляя послѣднія [2]), такъ что *личныя права опредѣлялись, кромѣ принадлежности къ извѣстному сословію, и принадлежностью къ извѣстному вѣроисповѣданію.* Въ послѣднемъ отношеніи политическая форма ничего не значила: одними и тѣми же принципами руководились и абсолютный король Людовикъ XIV, уничтожая нантскій эдиктъ, и свободный англійскій парламентъ, признававшій полную правоспособность лишь за лицами англиканскаго вѣроисповѣданія, и анархическая польская шляхта, изгонявшая антитринитаріевъ [3]), притѣснявшая вообще диссидентовъ. Во всѣхъ этихъ и многихъ подобныхъ случаяхъ государство держалось принципа: cujus regio, ejus religio, но примѣненіе этого принципа было лишь однимъ изъ частныхъ проявленій *той неограниченной власти, какую государство самыхъ разнообразныхъ устройствъ пріобрѣтало вообще надъ личностью.* Мы видѣли, что оно игнорировало личную свободу гражданъ, особенно въ эпоху развитія такъ называемаго полицейскаго государства [4]), да и въ самомъ обществѣ было мало развито сознаніе личной свободы. Такъ какъ послѣдняя основывалась на сословныхъ привилегіяхъ, т.-е. не была тѣмъ, что философія XVIII в. называла „естественнымъ правомъ", то понятно, что и обезпечиваться лучше всего она могла лишь тамъ, гдѣ сословія сохраняли политическія права. *Паденіе политическаго значенія сословій сопровождалось вообще умаленіемъ личной свободы ихъ членовъ по отношенію къ государственной власти.* Польская шляхта даже крѣпко держалась за свою анархію (безнарядье, nierząd), видя въ ней основу всѣхъ своихъ правъ (Polska nierządem stoi) и полагая, что сильное правительство несовмѣстимо съ ея „золотою вольностью", подъ которою разумѣлось и право свободно располагать имуществомъ и жизнью хлоповъ. Личная свобода, безъ которой индивидуальная жизнь не имѣетъ полноты, и власть, безъ коей не можетъ существовать жизнь государственная, равно необходимы въ существованіи общества, но при старыхъ порядкахъ одна приносилась въ жертву другой. Польша представляетъ собою примѣръ страны, гдѣ принципъ власти прямо даже отрицался во имя индивидуальной свободы, не говоря уже о томъ, что послѣдняя по-

---

[1]) См. т. II, стр. 295 и слѣд.
[2]) См. т. II, въ разныхъ мѣстахъ.
[3]) См. т. II, стр. 296.
[4]) См. выше, стр. 43.

нималась въ смыслѣ произвола и исключительнаго права одного сословія, державшаго въ крѣпостной зависимости народную массу. Въ другихъ государствахъ, наоборотъ, развитіе принципа власти вело за собою отрицаніе правъ личной свободы, за каковою часто не признавалось даже никакихъ гарантій.

Пользованіе личными правами *опредѣлялось еще принадлежностью къ извѣстной расѣ или національности.* Въ колоніяхъ европейскихъ государствъ развилось рабовладѣльчество, и негры считались расою, обреченною самимъ Богомъ на рабство, какъ во времена Аристотеля грекамъ казалось, будто сама природа предназначала ихъ самихъ къ свободѣ, а варваровъ къ рабству. Извѣстно также совершенно безправное положеніе евреевъ, начиная еще съ среднихъ вѣковъ. Далѣе, по старому международному праву иностранцы не пользовались тѣми правами, какія за ними признаются современными законодательствами. Во Франціи существовало старинное право d'aubaine. Обеномъ (aubain или forain) считался въ эпоху феодальнаго раздробленія всякій чужой человѣкъ, приходившій въ извѣстную мѣстность, и если онъ тутъ умиралъ, то его имущество переходило къ сеньеру, какъ имущество раба. Въ XVIII в. droit d'aubaine было уже давнымъ давно правомъ королевскимъ, въ силу котораго король дѣлался наслѣдникомъ ненатурализованныхъ иностранцевъ, умиравшихъ во Франціи. Правда, еще съ XVI вѣка начались изъятія изъ этого суроваго правила въ формѣ привилегій, дававшихся извѣстнымъ категоріямъ лицъ (напр., купцамъ, пріѣзжавшимъ на французскія ярмарки), и стали облегчать натурализацію иностранцевъ, а въ XVIII в. съ большею частью государствъ были заключены трактаты, уничтожавшіе на началахъ взаимности droit d'aubaine, но принципъ сохранялъ свою силу: такъ какъ, напр., съ Россіей подобнаго трактата не было, то дѣти русскаго не наслѣдовали своему отцу, оставлявшему движимое или недвижимое имущество во Франціи.

Все это показываетъ, что *за личностью, какъ таковою, старое государство не признавало права на свободу*, и весьма естественно потому, что тамъ, гдѣ государственный принципъ получилъ наибольшее развитіе, *законодательство не создавало и гарантій личной свободы.* Средневѣковыя сословныя привилегіи обставляли извѣстными условіями задержаніе и наказаніе всякаго, на кого только простирались эти привилегіи, и тѣмъ создавались для личности извѣстныя судебныя гарантіи, находившіяся въ полномъ упадкѣ въ XVIII в. Въ этомъ отношеніи наиболѣе характерные факты даетъ намъ опять-таки старая Франція, гдѣ полицейскій произволъ конкурировалъ съ правильнымъ правосудіемъ, и знаменитыя lettres de cachet, дававшія администраціи безъ какой бы то ни было судебной процедуры право сажать кого угодно

въ Бастилію и другія государственныя тюрьмы, сдѣлались вмѣстѣ съ Бастиліей—символомъ личной необезпеченности, тѣмъ болѣе, что и частныя лица или по знакомству, или за деньги добывали себѣ такіе бланки объ арестѣ. Далѣе, во Франціи съ правильными судами конкурировали еще чрезвычайныя коммиссіи, коимъ совершенно произвольно отдавались на разсмотрѣніе тѣ или другія дѣла. Но и правильная уголовная юстиція была организована безъ соблюденія условій, коими бы обезпечивались права подсудимаго. Это была вообще эпоха полнаго развитія инквизиціоннаго процесса: обвиняемаго сажали въ одиночное заключеніе; ему не сообщали того, что противъ него возбуждалось; его лишали совѣтовъ адвоката; его подвергали пыткѣ, если онъ не хотѣлъ признать себя виновнымъ; судъ надъ нимъ не былъ гласнымъ; приговоръ часто постановлялся безъ достаточной мотивировки; казни отличались особенною жестокостью. Въ XVIII в. подъ вліяніемъ вообще гуманныхъ идей и особенно подъ вліяніемъ принциповъ, выставленныхъ великимъ криминалистомъ вѣка, итальянцемъ Беккаріей (1738—1794), авторомъ трактата о преступленіяхъ и наказаніяхъ (Dei delitti e delle pene), началось смягченіе уголовныхъ законовъ въ разныхъ государствахъ, но Франція до самой революціи держалась старыхъ началъ уголовнаго судопроизводства. И здѣсь противоположность Франціи (да и вообще всему континенту) представляетъ собою Англія, гдѣ habeas corpus act, подсудность однимъ присяжнымъ [1]), независимость судей отъ произвола администраціи, отсутствіе пытки въ уголовномъ судопроизводствѣ, заключали въ себѣ гарантіи личной неприкосновенности. Охрана послѣдней общимъ господствомъ права и была тою почвою, на которой при всемогуществѣ парламента выработались такія права англійскихъ гражданъ, какъ свобода совѣсти, свобода мысли, свобода слова, свобода печати, свобода общественныхъ собраній, т.-е. все то, что было совершенно чуждо идеямъ, порядкамъ и нравамъ континентальнаго полицейскаго государства [2]). Въ то время, какъ „просвѣщенный абсолютизмъ“ въ нѣкоторыхъ странахъ (и лишь въ извѣстныхъ отношеніяхъ и ограниченной мѣрѣ) начиналъ признавать нѣкоторыя изъ этихъ правъ, заключающихъ въ себѣ и элементы общественной свободы, дореволюціонная Франція оставалась вѣрною традиціямъ системы, установившейся при Людовикѣ XIV.

Со времени отмѣны названнымъ королемъ нантскаго эдикта существованіе протестантовъ во Франціи оффиціально не признавалось. Мѣры, которыя предшествовали отмѣнѣ нантскаго эдикта, ее сопро-

[1]) По исторіи суда присяжныхъ въ Англіи см. соч. Brunner'а и Biener'а. О Беккаріи соч. Amato-Amati и др.

[2]) Ср. выше, стр. 43—44.

вождали и за нею слѣдовали,—дополнялись въ XVIII в. новыми эдиктами, строго приводившимися въ исполненіе: „дурно обращенныхъ“ (les mauvais convertis), т.-е. тайныхъ протестантовъ, наказывали плетьми, тюрьмою, каторгою на галерахъ. Правительство въ этомъ отношеніи поддерживалось духовенствомъ, которое усматривало опасность для алтаря и трона въ простомъ существованіи иновѣрцевъ, и напр. еще Людовикъ XVI, коронуясь въ Реймсѣ, давалъ торжественную присягу церкви въ томъ, что всѣми зависящими отъ него средствами будетъ искоренять еретиковъ въ своихъ владѣніяхъ. Право на эмиграцію за протестантами во Франціи не признавалось съ самыхъ временъ Людовика XIV. Королевская декларація 1778 г. запрещала „вновь обращеннымъ“ отчуждать недвижимыя свои имущества и распродавать всю свою движимость безъ разрѣшенія короля или интенданта. Крещеніе и бракъ, не совершенные католическимъ священникомъ, не признавались за законные, т.-е. жены и дѣти протестантовъ, не желавшихъ подчиняться закону, не пользовались правами своего семейнаго положенія, и протестантскій бракъ даже приравнивался иногда къ безнравственному и соблазнительному сожительству, каравшемуся уголовнымъ закономъ. Хотя вестфальскій миръ обезпечивалъ за доставшимся Франціи Эльзасомъ свободу вѣроисповѣданія, послѣдняя тѣмъ не менѣе и тамъ стѣснялась: запрещалось селиться въ Эльзасѣ некатоликамъ (1662); запрещалось самимъ эльзасцамъ-протестантамъ жительствовать въ католическихъ округахъ страны (1762); кальвинистамъ, не имѣвшимъ своего духовенства въ данной мѣстности, не позволялось обращаться къ лютеранскимъ пасторамъ, и предписывалось въ такихъ случаяхъ вѣнчаться, крестить дѣтей и т. д. у католическихъ священниковъ. Сами католики подчинены были строгому режиму гражданскихъ законовъ при малѣйшемъ отступленіи отъ церковныхъ правилъ. На трактирщиковъ, дававшихъ скоромныя кушанья въ постные дни, налагался штрафъ (въ триста ливровъ), на работниковъ, трудившихся по воскресеньямъ и праздникамъ,—штрафъ (въ 25 ливровъ) и т. п.

Печать во Франціи подчинена была строжайшей цензурѣ, правами которой пользовались весьма различныя учрежденія, между прочимъ Сорбонна и парламентъ, т.-е. ученое и судейское сословія. Въ XVIII в. подтверждались неразъ болѣе раннія правительственныя распоряженія, направленныя противъ авторовъ, типографщиковъ, издателей, продавцовъ мятежныхъ пасквилей. Исторія французской литературы въ XVIII в. наполнена отдѣльными случаями преслѣдованія писателей и сожженія книгъ въ родѣ „Философскихъ писемъ“ и др. сочиненій Вольтера, „Письма о слѣпыхъ“ и иныхъ произведеній Дидро, трактата Гельвеція „De l'esprit“, „Эмиля“ Руссо, „Философской исторіи обѣихъ Индій“ Рэйналя и т. п. Разумѣется, такіе порядки были

сильнымъ препятствіемъ для развитія періодической прессы съ политическимъ характеромъ [1]), сдѣлавшей большіе успѣхи только въ Англіи. Между тѣмъ во Франціи создавалось уже общественное мнѣніе и развилась весьма вліятельная литература, многія произведенія которой увидѣли свѣтъ въ печати, впрочемъ, опять-таки лишь благодаря заграничнымъ (голландскимъ, англійскимъ, швейцарскимъ) типографіямъ. Страдали отъ этого и научныя занятія, между прочимъ, въ области исторіи, по скольку ею могли освѣщаться политическіе вопросы эпохи.

Это отсутствіе индивидуальной свободы, которое прежде всего проявляется въ свободѣ совѣсти и свободѣ прессы, заключающейся въ безпрепятственномъ выраженіи общественнаго мнѣнія путемъ печатнаго слова, какъ было уже сказано раньше, не были явленіями, характеризующими лишь одну Францію. Страны католической реакціи и политическаго абсолютизма были въ обоихъ отношеніяхъ враждебны иновѣрію и свободному общественному мнѣнію, но онѣ и находились въ сильномъ культурномъ упадкѣ. Напр., это можно сказать объ Австріи XVIII в. Протестантизмъ здѣсь преслѣдовался, и когда правительство, нуждаясь въ людяхъ и не находя ихъ среди собственныхъ подданныхъ, выписывало ихъ изъ-за-границы, т.-е. изъ другихъ частей Германіи, то отъ протестантовъ требовался хотя бы наружный переходъ въ католическую церковь. Съ другой стороны, это правительство съ величайшимъ подозрѣніемъ относилось къ нѣмецкимъ книгамъ, печатавшимся въ другихъ частяхъ Германіи и запрещало ввозъ ихъ въ Австрію. Что касается до внутренней цензуры, то она какъ здѣсь, такъ и въ другихъ католическихъ государствахъ, находилась въ рукахъ духовенства, и index librorum prohibitorum [2]), составлявшійся въ Римѣ, руководилъ отношеніемъ мѣстныхъ властей къ книгамъ. Инквизиція дополняла мѣры, направленныя къ подавленію духовной свободы и свободнаго общественнаго мнѣнія, которое и не могло развиться подъ такимъ режимомъ.

Когда въ двадцатыхъ годахъ XVIII в. образованные французы (Вольтеръ, Монтескье) стали ѣздить въ Англію, ихъ сильно поразилъ контрастъ англійскихъ порядковъ съ тѣми, которые существовали на ихъ родинѣ. Впечатлѣнія, вынесенныя изъ трехлѣтняго своего

---

[1]) См. старое (1819) соч. Hoffmann'a—Geschichte der Büchercensur—старое же (1832) соч. Peignot—Essai sur la liberté d'écrire depuis le XV siècle.—Hatin. Histoire de la presse en France.—Sachse. Anfänge der Büchercensur in Deutschland.—Для исторіи англійской прессы: Grant. Newspaper press.—Duboc. Geschichte der englischen Presse (краткое изложеніе работы Гранта).—Fox-Bourne. English Newspapers.

[2]) См. т. II, стр. 259.

пребыванія въ Англіи, Вольтеръ изложилъ въ знаменитыхъ „Философскихъ письмахъ", или „Письмахъ объ англичанахъ", какъ они чаще называются (1734), сожженныхъ во Франціи рукою палача: автора привлекала свобода религіознаго вѣрованія и печатнаго выраженія мыслей въ Англіи. Черезъ нѣсколько лѣтъ (1748) въ „Духѣ законовъ" Монтескье прославлялъ англійскую конституцію за ту индивидуальную свободу, которую она обезпечиваетъ за каждымъ гражданиномъ [1]). И Фридрихъ Великій въ своей „Histoire de mon temps" (1746) воздаетъ хвалу религіозной свободѣ Англіи. Дѣйствительно, *Англія, несмотря на всѣ исключительныя права, установленныя государственною церковью и на всемогущество парламента, сдѣлалась страною, гдѣ въ XVIII в. полнѣе всего осуществлялись и свобода совѣсти, и свобода печати.*

Переворотъ 1689 г. имѣлъ, какъ извѣстно, антикатолическій характеръ, что и выразилось между прочимъ въ заявленіяхъ великихъ государственныхъ актовъ 1689 и 1701 г. объ исключеніи католиковъ изъ права на англійскій престолъ [2]). Второю англійскою революціей не отмѣнялись ни „актъ объ единообразіи" (act of uniformity), коимъ запрещалось иное публичное богослуженіе, кромѣ англиканскаго [3]), ни „актъ о присягѣ" (test-act), лишавшій права на занятіе должностей лицъ неангликанскаго вѣроисповѣданія. Въ то время въ Англіи было, однако, много людей, стоявшихъ за вѣротерпимость, и какъ Вильгельмъ III, такъ и парламентское большинство дали обѣщаніе, что не будетъ преслѣдованій за вѣру. Въ Шотландіи власть Вильгельма III и Маріи была признана подъ условіемъ возстановленія въ странѣ національной пресвитеріанской церкви, причемъ и шотландцы съ своей стороны дали увѣреніе въ томъ, что пресвитеріане вовсе не имѣютъ въ виду преслѣдовать приверженцевъ епископальной церкви. Самъ Вильгельмъ III отличался вѣротерпимостью, которой еще все-таки не было въ достаточной мѣрѣ ни въ англійскомъ, ни въ шотландскомъ обществѣ и духовенствѣ, такъ что этому королю приходилось защищать представителей иновѣрія въ обѣихъ странахъ отъ фанатиковъ государственныхъ церквей. Однимъ изъ характеристическихъ признаковъ вигизма въ началѣ XVIII вѣка сдѣлалось отсутствіе въ партіи, носившей это имя, какого бы то ни было религіознаго фанатизма, ибо борьба виговъ съ ирландскимъ католицизмомъ вызывалась чисто политическими причинами: это было весьма благопріятно для англійскихъ диссидентовъ, и только въ послѣдніе годы царство-

---

[1]) Объ этомъ см. ниже, гл. XIII.
[2]) См. выше, стр. 58 и слѣд.
[3]) Онъ былъ изданъ въ царствованіе Елизаветы, о чемъ см. т. II, стр. 226.

ванія Анны, когда у власти стояла партія торіевъ, диссидентовъ подвергали стѣсненіямъ, но послѣднія прекратились съ возвращеніемъ виговъ къ власти, старые законы противъ иновѣрія болѣе не примѣнялись, а два изъ нихъ, изданные въ концѣ царствованія Анны (въ 1711 и 1713 гг.) и совсѣмъ были отмѣнены. Ни лордъ Стенгопъ, ни Вальполь не смогли или не рѣшились, впрочемъ, настоять на отмѣнѣ test-act'а и corporationact временъ Карла II, но просто-на-просто эти законы часто не соблюдались, благодаря тому, что парламентъ ежегоднымъ bill of indemnity освобождалъ отъ наказанія должностныхъ лицъ, которыя въ законный срокъ по занятіи своихъ мѣстъ на государственной службѣ, (бывшій прежде трехмѣсячнымъ, потомъ ставшій полугодичнымъ) не причащались по англиканскому обряду въ доказательство принадлежности своей къ установленной церкви, хотя законъ и продолжалъ соблюдаться вплоть до 1828 г. по отношенію ко всѣмъ выборнымъ должностямъ. Вальполь даже покровительствовалъ диссидентамъ, среди коихъ было много занимавшихся промышленностью и торговлею, но онъ не хотѣлъ очень вооружать противъ себя представителей и сторонниковъ „высокой церкви", что непремѣнно случилось бы, если бы онъ сталъ настаивать на уравненіи правъ послѣдователей всѣхъ вѣроисповѣданій. Вольтеръ посѣтилъ Англію какъ разъ въ ту эпоху, когда во главѣ парламентскаго правленія стоялъ Вальполь, и англійская правительственная политика по отношенію къ диссидентамъ должна была обратить на себя его особенное вниманіе по ея противоположности съ тѣмъ, что дѣлалось съ протестантами во Франціи. Такая правительственная политика совпала съ развитіемъ въ Англіи религіознаго вольномыслія, о коемъ у насъ говорится въ другомъ мѣстѣ. Англія, писалъ Вольтеръ, есть страна сектъ, ибо „въ домѣ Отца Моего обителей много", и каждый англичанинъ идетъ на небо по той дорогѣ, какая ему нравится. Такъ какъ этихъ сектъ три десятка, то и живутъ онѣ въ мирѣ, чего не было бы, если бы существовалъ одинъ только нетерпимый англиканизмъ или если бы рядомъ съ нимъ былъ лишь одинъ еще болѣе нетерпимый пресвитеріанизмъ. Тотъ же Вольтеръ удивлялся еще и тому, съ какою свободою въ Англіи трактовали основные вопросы христіанской религіи. Не было, однако, издано въ Англіи спеціальнаго закона, которымъ обезпечивалась бы свобода совѣсти, какъ таковая, и особенно не было закона, коимъ установлялось бы свободное выраженіе мнѣній и мыслей, какъ естественное право личности. Мало того, до сихъ поръ въ Англіи существуютъ законы, карающіе то, что называется распространеніемъ богохульственныхъ пасквилей (the misdemeanor of publishing a blasphemous libel), причемъ подъ понятіе это подводится неуваженіе, напр., къ общему служебнику (com-

mon prayerbook [1]), и тѣмъ не менѣе разъ только судъ присяжныхъ можетъ карать людей, преступающихъ уголовные законы, то при состояніи общественнаго мнѣнія, склоннаго къ допущенію наибольшей свободы, фактически въ Англіи существуетъ самая широкая свобода въ дѣлѣ выраженія мнѣній и мыслей, касающихся религіи.

Свобода печати, которой напрасно добивался Мильтонъ во время первой англійской революціи [2]), равнымъ образомъ стала устанавливаться въ Англіи въ XVIII в., хотя здѣсь политической прессѣ пришлось выдержать борьбу съ парламентомъ, видѣвшимъ нарушеніе своей привилегіи въ публикаціи и обсужденіи извѣстій о его дѣятельности [3]). Обыкновенно уничтоженіе цензуры въ Англіи относятъ къ самому концу XVII вѣка. Дѣло въ томъ, что въ эпоху реставраціи (1662) цензурѣ, существовавшей въ Англіи и ранѣе, было придано строго законное основаніе парламентскимъ статутомъ 13 и 14 г. царствованія Карла II, поддерживавшимся и послѣдующими парламентскими актами, но въ 1695 г. палата общинъ отказалась продолжить дѣйствіе акта, коимъ давалось разрѣшеніе печатать книги отъ королевскаго имени (licencing act). Раньше право печатанія книгъ давалось правительствомъ, какъ особая привилегія, которою пользовалась только гильдія книгопродавцевъ (company of stationers), но палата общинъ 1695 г. нашла нужнымъ отмѣнить такой порядокъ, исходя, однако, изъ соображеній, не имѣющихъ ничего общаго съ принципомъ свободы печати, какъ одного изъ видовъ свободнаго обмѣна мнѣній и мыслей, составляющаго право личности: палата просто-на-просто нашла, что прежній порядокъ создаетъ массу неудобствъ, такъ какъ даетъ обществу книгопродавцевъ возможность вымогать деньги у издателей, даетъ право правительственнымъ агентамъ дѣлать домашніе обыски въ силу общихъ приказовъ, стѣсняетъ иностранную торговлю посредствомъ мелочныхъ таможенныхъ правилъ (ибо, напр., таможенные чиновники часто задерживали ящики съ товарами, опасаясь, что въ нихъ имѣются книги, открывать же такіе ящики они имѣли право лишь въ присутствіи цензоровъ и т. п.). Эти соображенія оказались болѣе дѣйствительными, чѣмъ принципіальная защита Мильтономъ свободы печати за полстолѣтіе передъ тѣмъ, но главная причина была въ томъ, что „актъ о разрѣшеніи“ противорѣчилъ общему духу англійскихъ законовъ. „Сотни англичанъ, говоритъ Дайси, которые ненавидѣли терпимость и мало заботились о свободѣ

---

[1]) См. т. II, стр. 226. Замѣтимъ вообще, что по исторіи такъ-называемыхъ преступленій противъ религіи на русск. яз. есть соч. проф. Бѣлогрицъ-Котляревскаго.

[2]) Areopagitica, см. т. II. 476.

[3]) См. выше, стр. 68.

слова, постоянно ревниво и недружелюбно смотрѣли на произволъ и твердо держались рѣшенія подчиняться только закону страны": уничтоженіе права контролировать печать было лишь уничтоженіемъ привилегіи, противорѣчившей общей тенденціи права. Правда, привилегія самого парламента, о которой было упомянуто выше, была сильной помѣхой для того, чтобы принципъ свободы прессы примѣнялся къ обсужденію текущихъ политическихъ вопросовъ, но сила общественнаго мнѣнія взяла верхъ, и политическая пресса мало-по-малу достигла большого могущества и значенія въ общественной жизни Англіи. Впервые это обнаружилось съ достаточною ясностью въ новомъ дѣлѣ, съ коимъ опять было связано имя Вилькса, осужденнаго парламентомъ 1764 г. за статью политическаго содержанія [1]). Въ 1768 г. Вильксъ возвратился въ Англію, поставилъ свою кандидатуру въ члены парламента и получилъ значительное большинство голосовъ, а затѣмъ судъ королевской скамьи, передъ который онъ явился, постановилъ, что объявленіе его внѣ закона (outlawry) было незаконно и потому должно быть отмѣнено, и такимъ образомъ возстановилъ Вилькса въ его правахъ. Тѣмъ не менѣе за свой проступокъ въ печати (перепечатку своей статьи) онъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію и большому денежному штрафу. Вильксъ подчинился приговору, но онъ былъ избранъ въ члены парламента и пользовался большою популярностью: толпа на себѣ везла экипажъ, въ которомъ онъ ѣхалъ изъ суда въ тюрьму, а когда открылись засѣданія парламента, явилась къ мѣсту его заключенія, чтобы съ тріумфомъ проводить его оттуда въ Вестминстеръ. Его, однако, не выпустили изъ тюрьмы, такъ что произошла даже свалка, когда же по требованію правительства нижняя палата исключила Вилькса изъ членовъ парламента и назначила новые выборы въ той мѣстности, которая его выслала, то его опять тамъ выбрали и на этотъ разъ единогласно. Палата отвергла это избраніе, но Вилькса выбрали и въ третій разъ и лишь на четвертыхъ выборахъ правительственный кандидатъ получилъ около 300 голосовъ противъ почти 1150, которые были поданы за Вилькса: палата тѣмъ не менѣе признала выбраннаго меньшинствомъ голосовъ (1769). Когда Вильксъ отбылъ тюремное заключеніе, Лондонъ отпраздновалъ это иллюминаціей, а затѣмъ Вильксъ послѣдовательно занималъ должности альдермена, шерифа и лорда-мера столицы, сдѣлался подконецъ членомъ парламента и всегда оставался вліятельнымъ лицомъ въ лондонской Сити. Противъ поведенія парламента въ этомъ дѣлѣ, поднялись протестаціи въ формѣ адресовъ къ королю, требовавшихъ между прочимъ распущенія пар-

---

[1]) См. выше, стр. 69.

ламента. Но особенное впечатлѣніе произвели начавшія появляться открытыя письма, подписанныя псевдонимомъ Junius, адресованныя къ разнымъ лицамъ (между прочимъ къ Блэкстону, къ самому королю и т. д.): на отличномъ англійскомъ языкѣ, съ превосходнымъ знаніемъ людей и обстоятельствъ и съ большою силою жаловался въ нихъ неизвѣстный авторъ на правительственную систему, установившуюся вообще съ 1760 г. (т.-е. съ воцаренія Георга III), въ частности на нарушеніе парламентомъ правъ избирателей [1]). Это было цѣлое обличеніе всей неправды, какая гнѣздилась въ правительствѣ, защита праваго дѣла, попраннаго имъ и парламентомъ, сатира на парламентскіе порядки. „Письма Юніуса“ имѣли громадный успѣхъ въ публикѣ не только благодаря всеобщему интересу, какой возбуждало къ себѣ дѣло Вилькса, но и благодаря тому, что въ нихъ затрогивались общіе вопросы внутренней политики, помимо уже литературныхъ достоинствъ этого памфлета. Во всемъ дѣлѣ, вызвавшемъ „Письма Юніуса“, равно какъ и въ ихъ успѣхѣ выразилась сила общественнаго мнѣнія, и въ самомъ парламентѣ раздался въ 1770 г. голосъ лорда Чатама, осуждавшій нарушеніе парламентомъ правъ избирателей. Съ этого времени возвышается и политическая пресса въ Англіи, которая наконецъ и пріобрѣтаетъ право давать публикѣ постоянные и обстоятельные отчеты о засѣданіяхъ парламента съ обозначеніемъ, кто что говорилъ, хотя и послѣ „Писемъ Юніуса“ это произошло далеко не сразу [2]).

Разсмотрѣвъ политическія отношенія стараго порядка и, между прочимъ, то положеніе, какое они отводили личности въ обществѣ, мы перейдемъ теперь къ общему обзору отношеній соціальныхъ, коими равнымъ образомъ опредѣлялись личныя права и обязанности.

---

[1]) Письма эти писались до 1772 г., когда были изданы и отдѣльной книгой (The letters of Junius), впослѣдствіи перепечатывавшейся много разъ (нѣм. пер. Ruge). См. о нихъ Fr. Brockhaus. Die Briefe des Junius. Авторомъ писемъ былъ sir Philipp Francis, какъ это сдѣлалось извѣстнымъ только въ XIX вѣкѣ.

[2]) Въ двухъ послѣднихъ главахъ мы остановились изъ англійской исторіи лишь на фактахъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи политической и индивидуальной свободы, идеямъ которой пришлось играть такую видную роль въ исторіи французской революціи. Другіе факты изъ того же XVIII в. будутъ изложены далѣе и между прочимъ въ IV томѣ, гдѣ будетъ сдѣлана и характеристика царствованія Георга III. Ср. прим. на стр. 68.

VII. Аристократія и буржуазія въ XVIII в. [1]).

Старый соціальный строй и антагонизмъ между дворянствомъ и горожанами. — Сословный строй Франціи.—Духовенство.—Дворянство.—Что такое буржуазія?— Положеніе городовъ.—Городъ и деревня.—«Третье сословіе», буржуазія и народъ. — Буржуазія въ роли правящаго класса въ Голландіи и Англіи. — Общій взглядъ на соціальную исторію Англіи. — Торговое и колоніальное могущество Англіи. — Торговые интересы и политика виговъ.

Въ сословномъ обществѣ, ведущемъ свое начало изъ феодальной эпохи, первенствующее положеніе принадлежало представителямъ крупнаго землевладѣнія. Отношеніе церкви къ государству въ средніе вѣка и весь средневѣковой строй жизни выдвигали на первое мѣсто въ обществѣ клиръ, но силѣ этого сословія былъ нанесенъ страшный ударъ реформаціей. Церковное землевладѣніе осталось только въ странахъ, которыя сохранились за католицизмомъ, но въ сущности въ правахъ своихъ, вытекавшихъ изъ землевладѣнія, духовенство ничѣмъ не отличалось отъ дворянства и вмѣстѣ съ нимъ составляло одинъ привилегированный классъ, рѣзко выдѣлявшійся изъ остальной массы населенія. Но и эта масса не была однородной. Во-первыхъ, она дѣлилась на городское и сельское населеніе, причемъ первое являлось привилегированнымъ сравнительно со вторымъ, ибо въ то время, какъ въ городахъ давно возобладали принципы личной и имущественной свободы, въ деревняхъ, наоборотъ, господствовали еще феодальные порядки, ставившіе и личность, и имущество крестьянина въ бо́льшую или меньшую зависимость отъ сеньера [2]). Горожане главнымъ образомъ и вы-

---

[1]) Для настоящей главы см. въ I томѣ особенно главы V (Муниципальный бытъ) и XIX (Денежное хозяйство). По исторіи городского сословія во Франціи существуетъ весьма большая литература. Кромѣ указанныхъ въ I томѣ (стр. 50) сочиненій Aug. Thierry, Demolins, Luchaire, А. Смирнова и многочисленныхъ исторій отдѣльныхъ городовъ, см. Perrens. La démocratie en France au moyen âge.—Giraud-Teulon. La royauté et la bourgeoisie.—Bardoux. La bourgeoisie française.—A. Babeau. La ville sous l'ancien régime.—Положеніе дворянства въ соч. Ch. Louandre. La noblesse sous l'ancienne monarchie. Кромѣ того, для соціальнаго строя Франціи въ XVIII в. важны общія сочиненія объ ancien régime, указанныя выше, на стр. 17, и многія другія, которыя отмѣчаются у насъ ниже, въ началѣ отдѣла о французской революціи. Факты изъ англійской исторіи, заключенные въ этой главѣ, также имѣютъ свою литературу, о которой см. ниже въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Изъ русскихъ соч. отмѣтимъ для экономической исторіи Англіи книгу проф. И. И. Янжула „Англійская свободная торговля", и добавленія проф. И. В. Лучицкаго къ Исторіи новаго времени, Зеворта, между коими см. параграфъ объ англійской торговлѣ и торговой политикѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ.

[2]) Т. I, стр. 52.

дѣлили изъ своей среды тотъ общественный классъ, который называли прежде среднимъ сословіемъ, а теперь называютъ буржуазіей въ отличіе отъ народа, какъ городского, такъ и сельскаго, живетъ ли эта буржуазія сама въ городѣ или деревнѣ. Этотъ классъ въ новой исторіи сталъ дѣлаться значительной соціальной силой, основаніемъ коей были развитіе оптовой торговли, крупной промышленности, денежнаго хозяйства, капитала [1]). Между горожанами и феодальной аристократіей борьба завязалась еще во второй половинѣ среднихъ вѣковъ [2]), но лишь къ XVIII вѣку—и прежде всего въ Голландіи и Англіи—городское сословіе настолько окрѣпло, что представители его прямо стали соперничать съ землевладѣльческимъ классомъ и даже брать надъ нимъ перевѣсъ. Подобно тому, какъ въ соціальной исторіи реформаціонной эпохи видную роль играетъ антагонизмъ между духовенствомъ и дворянствомъ [3]), такъ и *съ политической исторіей XVIII—XIX вв. тѣсно связанъ соціальный антагонизмъ между аристократіей и буржуазіей*, только въ XIX в. стушевавшійся передъ другимъ классовымъ антагонизмомъ—представителей капитала и труда. *Соціальное значеніе, какого достигла въ XVIII в. буржуазія, находилось въ противорѣчіи съ ея политическимъ положеніемъ*, и это было причиною того, что городское сословіе стремится съ этой эпохи къ гражданскому равенству, къ политическимъ правамъ и даже прямо къ власти, въ то самое время, какъ старые государственные порядки, наоборотъ, держали ее въ приниженіи передъ духовною и свѣтскою аристократіей. Изъ всѣхъ континентальныхъ странъ ранѣе всего во Франціи выступила буржуазія на путь политической оппозиціи во имя гражданскаго равенства и политической свободы и съ рѣшительною борьбою противъ аристократическихъ привилегій. Французская буржуазія имѣетъ длинную исторію, хорошо разработанную, благодаря тому, что историки XIX в. отождествили—и не безъ основанія [4])—исторію этого сословія съ исторіей политической свободы во Франціи: въ концѣ XVIII в. буржуазія выступила въ роли передового класса націи и достигла разрушенія феодальнаго строя общества, хотя ей и не удалось сразу установить свободную форму государства.

Сословный строй Франціи передъ революціей можетъ служить образцомъ того, какъ вообще на материкѣ Европы были устроены соціальныя отношенія. Оффиціально населеніе Франціи дѣлилось на три сословія (ordres): духовенство, дворянство и третье сословіе (tiers état). Въ

---

[1]) Т. I, гл. XIX.
[2]) Т. I, 56 и слѣд.
[3]) Ср. выше стр. 23.
[4]) См. объ этомъ въ IV томѣ.

сущности это дѣленіе не вполнѣ совпадало съ фактическими отношеніями. Въ духовномъ сословіи между высшимъ и низшимъ клиромъ была громадная разница, и, собственно говоря, по своему положенію высшее духовенство, члены коего были притомъ большею частью изъ дворянъ и само дворянство сливались въ одинъ аристократическій классъ привилегированныхъ (privilegiés), тогда какъ низшее духовенство тяготѣло къ третьему сословію. Между этимъ привилегированнымъ классомъ и остальною массою населенія существовала глубокая пропасть: лица третьяго сословія были для „благородныхъ" (nobles) ротюрьерами [1]), даже canaille; это былъ податной классъ (taillables), и въ немъ было не мало людей, подвластныхъ (justiciables) духовенству и дворянству (каковы были именно крестьяне, подчиненные сеньерьяльному суду), ихъ вассаловъ и даже „подданныхъ" (sujets), подъ которыми подразумѣвались преимущественно крѣпостные. Съ другой стороны, само третье сословіе дѣлилось на буржуазію и народъ, причемъ въ составъ буржуазіи (городской и сельской) входили не только представители промышленности, торговли и денежнаго капитала или крупные землевладѣльцы и сельскіе хозяева (арендаторы) изъ третьяго сословія, но и люди либеральныхъ профессій, составлявшіе непривилегированную интеллигенцію страны, каковы ученые, писатели, адвокаты, врачи, судьи, чиновники и т. п. Въ народѣ между городскимъ населеніемъ, свободнымъ отъ всякой феодальной власти, и сельскимъ людомъ, подчинявшимся еще многимъ остаткамъ феодализма, также существовала разница общественныхъ положеній, тѣмъ болѣе, что крестьяне раздѣлялись еще на лично свободныхъ и крѣпостныхъ.

Особыми привилегіями пользовалось духовенство. Правда, болонскій конкордатъ 1516 г. [2]) отдавалъ его вполнѣ въ зависимость отъ короны, но за то оно одно сохранило во Франціи право политическихъ собраній, на коихъ вотировало свой „добровольный даръ" (don gratuit), замѣнявшій всѣ налоги, и составляло жалобы (doléances) приносившіяся къ подножію трона. Духовенство считалось, далѣе, первымъ сословіемъ государства и, составляя одну только корпорацію (corps), охватывавшую все государство [3]), пользовалось многими почетными преимуществами, не упоминая уже о его судебной власти, хотя и ограниченной. Далѣе, духовенство владѣло большими имѣніями и получало сеньерьяльные оброки, какъ и дворянство: его земли составляли одну пятую, если не цѣлую четверть [4]) всей поземельной собственности и приносили дохода около

---

[1]) Roturier, ruptuarius=qui rumpit terram, т. е. пахотникъ.

[2]) Томъ I, стр. 120 и 311.

[3]) Кромѣ провинцій, присоединенныхъ послѣ 1516 г.

[4]) Тэнъ полагаетъ, что по одной пятой принадлежало королю, клиру, дворянству, буржуазіи и народу.

125 милліоновъ ливровъ, да немного меньше (100 милліоновъ) давали феодальныя права. Кромѣ того, духовенство взимало въ видѣ десятины (dîme) со всѣхъ земель немного менѣе 125 милліоновъ, такъ что доходы его съ имѣній, феодальныхъ правъ и десятины простирались до 350 милліоновъ ливровъ. Наконецъ, духовенство обладало и денежными капиталами, такъ какъ имѣло свою особую казну (casse du clergé), обогащавшуюся разнаго рода операціями и ссужавшую самого короля, который передъ революціей былъ долженъ ей около ста милліоновъ ливровъ. Эти громадные доходы, которые слѣдуетъ утроить или учетверить для того, чтобы получить настоящую сумму по теперешней стоимости денегъ, доставались главнымъ образомъ высшему клиру и монастырямъ, нѣкоторые изъ коихъ сдѣлались своего рода дворянскими (женскими) общежитіями или просто доходными статьями для свѣтскихъ аббатовъ изъ дворянъ же; да и епископства давались передъ революціей преимущественно придворной знати, за исключеніемъ трехъ-четырехъ какихъ-нибудь „лакейскихъ епархій“ (évêchés de laquais) съ малыми доходами, уступавшихся ротюрьерамъ. Приходское, особенно сельское духовенство находилось, наоборотъ, въ печальномъ экономическомъ состояніи.

Къ духовенству непосредственно примыкало дворянство, въ коемъ тоже существовало два класса: высшее придворное и служебное (noblesse de robe) дворянство было весьма богато, низшее, деревенское большею частью находилось въ разореніи. Политической роли въ XVIII в. французская знать уже не имѣла, да и мѣстное ея вліяніе было незначительно: крупные землевладѣльцы не жили въ своихъ помѣстьяхъ пріѣзжали въ родовые замки скорѣе въ качествѣ дачниковъ, но кромѣ этого „абсентеизма“ причиной ослабленія мѣстнаго значенія дворянъ было и общее паденіе мѣстнаго самоуправленія, на счетъ коего все болѣе и болѣе развивалась административная опека. Французская монархія вообще всячески ослабляла политическое значеніе дворянства, оставляя за нимъ почетъ и привилегіи, но не довѣряя ему даже правительственныхъ должностей съ вліяніемъ и властью (напр., должности интенданта, отдававшейся или ротюрьерамъ, или незнатнымъ и небогатымъ дворянамъ) и сильно содѣйствуя тому, чтобы въ своихъ владѣніяхъ сеньеры превратились просто въ знатныхъ жителей безъ вліянія на населеніе: интендантъ обыкновенно смотрѣлъ на сеньера какой-либо деревни, какъ на ея перваго обывателя (premier habitant). Дворянство служило при дворѣ, въ церкви, въ арміи, въ чиновникахъ, но занятіе нѣкоторыхъ чиновничьихъ мѣстъ считалось несовмѣстимымъ съ дворянскимъ званіемъ, какъ и занятіе промышленностью или торговлею, лишавшее дворянства (derogation). Многія особенно почетныя или доходныя (напр., въ церкви) должности давались только представителямъ стараго дворянства, къ которому не примѣшива-

лась плебейская кровь въ теченіе извѣстнаго числа поколѣній [1]). Вмѣстѣ съ духовенствомъ (и горожанами) дворянство участвовало въ провинціальныхъ штатахъ, гдѣ таковые сохранились [2]); вмѣстѣ съ нимъ оно было освобождено отъ большей части налоговъ; вмѣстѣ съ нимъ оно владѣло чуть не половиною поземельной собственности и сохраняло феодальныя права, многія изъ коихъ приносили большіе доходы. Вездѣ въ гражданскихъ отношеніяхъ дворянство было на первомъ планѣ и пользовалось привилегіями, многія изъ которыхъ были унизительны и обидны для людей плебейскаго происхожденія, но принадлежавшихъ къ зажиточному и образованному классу. Людовикъ XIV запретилъ, напр., людямъ „неблагороднаго рожденія" вызывать дворянъ на дуэль, и извѣстно, какъ поступилъ съ плебеемъ Вольтеромъ одинъ аристократъ, котораго тотъ вызвалъ на дуэль. Для дворянина даже сокращался срокъ университетскаго ученія. Аристократія была сама преисполнена гордости, и въ ней утвердилось даже воззрѣніе одного изъ ея историковъ (Boulainvilliers), по которому ея предки были завоеватели-франки, а третье сословіе представляло собою потомство завоеванныхъ жителей римской провинціи Галліи.

Въ общей массѣ населенія Франціи, доходившаго до 25 милліоновъ, привилегированныхъ было около 250 тысячъ (130 т. духовныхъ и 140 т. дворянъ). Между привилегированными и народомъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова находилось „среднее сословіе", буржуазія, складывавшаяся изъ людей разныхъ профессій и сама пользовавшаяся нѣкоторыми привилегіями. *Однимъ изъ важныхъ процессовъ въ исторіи Франціи является ростъ этого класса, но въ процессѣ этомъ нужно отличать двѣ разныя стороны*: возникновеніе соціальнаго класса капиталистовъ и развитіе образованія среди свѣтскаго общества, появленіе такъ называемой теперь интеллигенціи. Въ XVIII в. во Франціи буржуазія и интеллигенція сливалась, такъ сказать, въ одно цѣлое, хотя, конечно, съ одной стороны, образованные люди встрѣчались и среди привилегированныхъ, а съ другой, и среди буржуазіи образованіе было распространено далеко неравномѣрно. Въ этомъ отношеніи отдѣльныя страны западной Европы находились въ неодинаковомъ положеніи. Во-первыхъ, хотя вездѣ было городское сословіе, не вездѣ оно было одинаково зажиточно и пользовалось одинаковымъ положеніемъ въ обществѣ и государствѣ. Въ Польшѣ, напр., процентъ городского населенія былъ самый незначительный, и населеніе это состояло большею частью изъ евреевъ; промышленность и торговля были развиты мало; юридическое положеніе „мѣщанъ" (отъ miasto—городъ) было незавидное.

---

[1]) Ср. выше стр. 53.

[2]) См. выше, стр. 48.

Въ Германіи болѣе развитое бюргерство мы находимъ только въ имперскихъ городахъ, но послѣдніе въ XVIII в. находились въ упадкѣ, а ихъ населеніе отличалось узкимъ партикуляризмомъ. Въ Англіи, наоборотъ, буржуазія въ XVIII в. была уже весьма большою силою. Во-вторыхъ, и въ культурномъ отношеніи мѣщанство разныхъ странъ стояло не на одномъ уровнѣ, какъ и самыя страны, въ коихъ оно жило. Ранѣе всего образованное гражданство, первообразъ современнаго культурнаго класса, или интеллигенціи, возникло въ Италіи [1]), именно въ эпоху Возрожденія, хотя тутъ же и въ ту же эпоху было положено начало и той придворно-дворянской культурѣ, которая достигла наибольшаго блеска во Франціи при Людовикѣ XIV и была однимъ изъ выдающихся явленій въ общественной жизни другихъ странъ Европы въ XVIII в. Во Франціи въ прошломъ столѣтіи, благодаря тогдашнимъ условіямъ экономическаго быта и экономической политикѣ государства, покровительствовавшаго крупной промышленности и торговлѣ, равно какъ благодаря финансовой его системѣ (откупамъ), буржуазія обогатилась и выдвинулась, какъ передовой общественный классъ, чему особенно содѣйствовало развитіе въ ней образованности, сохранявшей еще въ XVII в. придворно-дворянскій характеръ. Буржуазія стремится въ это время занять и соотвѣтственное положеніе въ обществѣ рядомъ съ аристократіей: она роднится съ дворянами посредствомъ браковъ, бывшихъ для дворянъ мезальянсами, хотя и очень выгодными, пріобрѣтаетъ должности, дававшія дворянство, покупаетъ земли разорившихся дворянъ, беретъ въ аренду феодальныя права и т. д.

Хотя буржуазія появилась въ эту эпоху и въ сельскомъ быту, тѣмъ не менѣе настоящимъ мѣстомъ ея дѣйствія былъ городъ. Судьбы городского сословія и города его Франціи не совпадали между собою еще въ средніе вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, когда города перестаютъ быть суверенными коммунами и вообще лишаются самоуправленія, сословіе горожанъ (bourgeoisie du roy) не одного какого-либо города, а всей Франціи, наоборотъ, вызвышается [2]). То же было и въ XVIII в. Городскія общины во Франціи были настоящими олигархіями, такъ какъ въ каждой было нѣсколько богатыхъ семействъ, часто находившихся между собою въ родствѣ, опиравшихся на зависимыхъ отъ нихъ людей и смотрѣвшихъ на муниципальныя должности, какъ на свое достояніе. Это было, впрочемъ, общимъ правиломъ средневѣкового муниципальнаго быта, и тамъ, гдѣ города въ XVIII в. сохраняли еще республиканскую свободу, ихъ устройство было олигархическое,

---

[1]) См. т. I, стр. 249 и 365.

[2]) Томъ I, стр. 59 и и 121. Это было отмѣчено для среднихъ вѣковъ еще Гизо.

между прочимъ, напр., и въ Германіи, имперскіе города коей были маленькими олигархическими республиками съ весьма деспотическою властью городского начальства надъ остальнымъ населеніемъ. Во Франціи города лишились своего самоуправленія, подпавъ подъ административную опеку, вызванную злоупотребленіями муниципальныхъ властей и господствующаго класса, но государственный контроль, который въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ являлся положительною необходимостью, превратился мало-по-малу въ средство извлекать деньги изъ тѣхъ отношеній, какія установились между центральнымъ правительствомъ и городомъ. Выборныя городскія должности въ 1692 г. были замѣнены должностями, которыя подобно парламентскимъ мѣстамъ [1]) продавались за деньги; при такомъ порядкѣ бывали случаи, что города сами покупали эти должности и потомъ уже отъ себя ихъ замѣщали выборными лицами, но это не спасало такіе города отъ новой отмѣны выборовъ или отъ новыхъ выкуповъ у правительства отнятыхъ должностей. Такимъ образомъ города утратили во Франціи послѣдніе слѣды своей самостоятельности. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сохранились провинціальные штаты, т.-е. въ такъ-называемыхъ pays d'états [2]), города одни продолжали представлять собою третье сословіе, тогда какъ въ генеральныхъ штатахъ уже съ конца XV в. представляемы были и деревни. Насколько эти штаты имѣли мѣстное значеніе, настолько города пользовались своимъ представительствомъ для того, чтобы вообще облегчить для себя лежавшія на провинціи податныя тяжести, сваливая ихъ на деревни. Но и безъ того *городъ находился въ привилегированномъ положеніи сравнительно съ деревнею,* кромѣ указаннаго отсутствія въ городахъ остатковъ феодальнаго режима [3]). Въ самомъ дѣлѣ, незначительному фермеру приходилось платить, напримѣръ, таліи 300 л., капитаціи (своего рода подоходный налогъ) 150, добавочныхъ сборовъ столько же, хотя бы его ферма вся не стоила болѣе 10 т. ливровъ, тогда какъ самый богатый городской купецъ, ведшій торговлю на милліонъ и, получавшій въ годъ, по крайней мѣрѣ, 10% на свой капиталъ, платилъ капитаціи только 300 ливровъ да еще, пожалуй, промыслового сбора (taille d'industrie) ливровъ 100. Многіе города пользовались особыми льготами и привилегіями, уменьшавшими налоги, которые должны были падать на ихъ жителей. Такъ какъ въ иныхъ случаяхъ имущественный налогъ взимался съ лица по мѣсту его жительства, а не по мѣсту нахожденія его иму-

---

[1]) Т. I, стр. 125.

[2]) См. выше, стр. 48.

[3]) См. въ моей книгѣ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка“ главу II (буржуазія и крестьянство).

щества, богатые деревенскіе собственники изъ третьяго сословія, продолжая жить внѣ города, устраивали фиктивно свое мѣстопребываніе въ городѣ, дабы платить меньше выпадавшаго на ихъ долю налога. Весьма естественно поэтому, что интересы горожанъ и поселянъ рѣзко расходились, и что передъ самой революціей, когда уже рѣшено было собрать генеральные штаты, существовала мысль о необходимости рядомъ съ тремя сословіями, на нихъ представленными, учредить четвертое—orde des paysans или прямо „четвертое сословіе“ (le quatrième état), какъ „сословіе бѣдныхъ“. Въ это время *уже создавалось то представленіе о противоположности между буржуазіей и народомъ*, которое стало вытѣснять всѣ другія соціальныя различенія въ XIX вѣкѣ. Хотя весьма часто третье сословіе (tiers état), обозначавшее всю націю, за исключеніемъ привилегированныхъ, смѣшиваютъ съ буржуазіей и самое выраженіе „tiers (третье) état“ переводятъ словами „среднее сословіе“, что совсѣмъ невѣрно, въ сущности подъ tiers état именно разумѣлось среднее сословіе. Еще въ XVI вѣкѣ Сейсель въ „La grande monarchie de France“ [1]) различаетъ le tiers état и le menu peuple. Loiseau въ своемъ „Traité des ordres et dignités“ (1636 г.) говоритъ, что „подлыя особы“ (les viles personnes) изъ простого народа (du menu peuple) не имѣютъ права именоваться горожанами (bourgeois), къ числу коихъ онъ относитъ перечисленные нами выше разряды людей. Мирабо („другъ людей“) отождествляетъ съ буржуазіей людей, живущихъ собственнымъ имуществомъ (gens qu'on appelle vivans de leur bien), а для народной массы это были люди, живущіе по барски (vivant noblement). Въ крестьянскихъ наказахъ (cahiers) 1789 г. мы находимъ равнымъ образомъ такія обозначенія общественныхъ состояній во Франціи: „благородные, церковники, буржуа и обыватели“ (habitants) или „церковникъ, благородный, привилегированный (=буржуа) и народъ“. Буржуазія, дѣйствительно, занимала привилегированное положеніе по отношенію къ простонародью. Поэтому совершенно невѣрно утвержденіе нѣкоторыхъ историковъ (особенно Мишле), будто во время революціи не было ни малѣйшаго различія (aucune distinction possible) между народомъ и буржуазіей: во многомъ ихъ интересы совпадали, но во многомъ и расходились. Къ крупной буржуазіи примыкала мелкая, которая въ деревняхъ была представлена поднявшимися изъ крестьянства собственниками и фермерами, въ городахъ—цеховыми мастерами: послѣдніе также были своего рода привилегированнымъ сословіемъ.

Старые политическіе и соціальные порядки, бывшіе соединеніемъ государственнаго абсолютизма съ сословными привилегіями, представ-

---

[1]) См. т. II, стр. 245.

ляли собою сильное препятствіе къ тому, чтобы буржуазія могла сдѣлаться — при развитіи, конечно, денежнаго хозяйства въ странѣ — первенствующею общественною силою или, по крайней мѣрѣ, стать въ уровень съ аристократіей. Только тамъ, гдѣ сословный строй не получилъ развитія или гдѣ муниципальный бытъ поглотилъ въ себѣ бытъ феодальный, и гдѣ вмѣстѣ съ этимъ развивалась политическая свобода, *денежная аристократія превращалась въ правящій классъ*. Въ исходѣ среднихъ вѣковъ мы видимъ это въ Италіи. Съ перенесеніемъ главныхъ путей всемірной торговли [1]), съ упадкомъ Испаніи и Португаліи, равно какъ — въ эпоху тридцатилѣтней войны — нѣмецкихъ имперскихъ городовъ, первыми торговыми странами сдѣлались Голландія и Англія. Въ обоихъ этихъ государствахъ усилилось значеніе торгового класса, и благодаря тому, что первая была федеративной республикой, а вторая парламентарной монархіей, *буржуазія въ Голландіи и въ Англіи сдѣлалась правящимъ классомъ, раздѣливъ это значеніе съ классомъ землевладѣльческимъ, благодаря паденію въ обѣихъ же странахъ средневѣковыхъ сословныхъ перегородокъ*. Особеннаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ Англія.

Извѣстно, что въ Англіи не выработалось такого сословнаго строя, какой существовалъ на материкѣ Европы; что весьма рано мѣсто континентальныхъ сословій заняли здѣсь соціальные классы, т.-е. юридическія различія стушевались передъ экономическими; что право посылать представителей въ парламентъ опредѣлялось съ конца среднихъ вѣковъ имущественнымъ цензомъ; что по средневѣковымъ экономическимъ условіямъ этимъ цензомъ обладали главнымъ образомъ землевладѣльческіе классы, тогда какъ города и денежная буржуазія развиты были мало; что тѣмъ не менѣе въ Англіи ранѣе, нежели во многихъ странахъ материка, общество стало рѣзко дѣлиться на имущихъ и неимущихъ, благодаря обезземеленію крестьянской массы; что въ новое время рядомъ съ земледѣльческими классами среди имущихъ выросла богатая денежная знать; что уже въ первую англійскую революцію она уже отчасти проявляла себя, какъ силу, независимую отъ поземельной аристократіи, и что въ XVIII вѣкѣ, при первыхъ короляхъ ганноверской династіи торговые интересы выдвинулись на первый планъ въ государственной жизни Англіи [2]). Особенно эпоха реставраціи Стюартовъ была временемъ быстраго роста городского

---

[1]) См. т. I, стр. 247.

[2]) Объ этомъ см. въ разныхъ мѣстахъ I и II томовъ, гдѣ говорится объ Англіи, а въ III т. ср. стр. 65. По исторіи промышленности въ Англіи соч. Gibbins'а, Toynbee и Held'а, по исторіи торговли Levi (Hist. of britisch Commerce). Цѣльное представленіе даетъ новая книга Cunningham'а The growth of english industry and commerce (томъ II съ царствованія Елизаветы).

населенія, временемъ развитія промышленности, торговли, денежнаго капитала, коммерческихъ компаній, увеличенія торговаго флота, таможенныхъ пошлинъ, почтовой корреспонденціи, расширенія иностраннаго вывоза и ввоза и торговыхъ сношеній съ разными европейскими и внѣевропейскими странами, съ Голландіей, Франціей, Испаніей, Португаліей, Италіей, Германіей, прибалтійскими государствами, съ сѣверной Америкой, Остъ-Индіей, Левантомъ и восточной Африкой. Населеніе Англіи въ началѣ XVIII в. было около семи милліоновъ, а между тѣмъ Лондонъ уже заключалъ въ себѣ 600 тысячъ жителей, когда Парижъ въ концѣ вѣка при двадцатипятимилліонномъ населеніи Франціи имѣлъ немногимъ больше, а о такихъ городахъ, какъ Бристоль, Норвичъ, Манчестеръ и др., можно сказать, что они въ самое короткое время прямо удвоили свое населеніе, тогда какъ Ливерпуль, имѣвшій въ началѣ вѣка 5 т. жителей, въ концѣ насчитывалъ ихъ 56 т. Такому росту городовъ способствовало вообще и обезземеленіе сельскаго населенія [1]). Военный флотъ Англіи, состоявшій въ началѣ XVII в. изъ сорока кораблей, въ концѣ его имѣлъ уже ихъ 200, а въ началѣ XVIII столѣтія болѣе 250, тогда какъ коммерческій флотъ заключалъ почти 3300 судовъ. Въ 1700 г. въ лондонскій портъ входило 839 англійскихъ судовъ въ 80,000 тоннъ и 496 иностранныхъ въ 76,995 тоннъ; въ 1750 г. первыхъ — 1,498 (въ 198 т. тоннъ), въ 1796 г. — 2,145 (въ 431,890 т.) при 1,116 судахъ иностранныхъ (въ 149,205 тоннъ). Объ избыткѣ капиталовъ свидѣтельствуетъ пониженіе процента, съ 8% на 6%. Извѣстно и колоніальное могущество Англіи въ эту эпоху [2]). Уже въ концѣ царствованія Елизаветы (1600) составилась для торговли съ внѣевропейскими странами большая компанія лондонскихъ купцовъ, успѣхъ которой побудилъ впослѣдствіи образовать и другую подобную (плимутскую) компанію, но въ началѣ XVIII в. (1708) обѣ онѣ слились въ одну Соединенную Остъ-Индскую компанію. Послѣдняя, благодаря данному ей при Іаковѣ II (1686 г.) праву вести войны съ нехристіанскими государствами въ Индіи, превратилась въ политическое учрежденіе. Мало-помалу Англія все болѣе и болѣе утверждалась въ Индіи, гдѣ еще

---

[1]) См. т. I, стр. 209, равно какъ гл. XXXVII второго тома и ниже главу объ аграрныхъ отношеніяхъ.

[2]) Старое (1820 г.) соч. James Mill'я The history of british India. — Neumann. Geschichte des englischen Reiches in Asien. — Barchou de Penhoen. Histoire de la conquéte de l'Inde par l'Angleterre. — Для исторіи французскихъ колоній: Pauliat. Louis XIV et la Compagnie des Indes. — Malleson. Histoire des Français dans l'Inde. — Saint Priest. La perte de l'Inde sous Louis XV. О соперничествѣ Франціи и Англіи въ Америкѣ. Parkman. France and England in North-America.

раньше ея завели свои колоніи португальцы, голландцы и французы. Съ ними Англіи пришлось вступить въ соперничество, особенно съ Франціей, которая по парижскому миру (1763), окончившему семилѣтнюю войну, должна была представить Англіи преобладаніе въ Индіи. Колонизація Сѣверной Америки также началась въ царствованіе Елизаветы и шла весьма успѣшно въ XVII в., когда, съ одной стороны, религіозныя и политическія смуты и преслѣдованія, съ другой, обезземеленіе сельской массы заставляли массу англичанъ покидать родину. Кромѣ семилѣтней войны, и война за испанское наслѣдство, въ коей затронуты были коммерческіе интересы Англіи [1]), содѣйствовала своимъ исходомъ англійскому колоніальному могуществу, равно какъ и семилѣтняя война утвердила Англію не только въ Остъ-Индіи, но и въ Сѣверной Америкѣ. Только война за независимость Соединенныхъ Штатовъ (1775 — 1783) остановила колоніальные успѣхи Англіи, что было, впрочемъ, наверстано англичанами въ эпоху французской революціи и наполеоновскихъ войнъ. Такимъ образомъ, въ XVIII в. Великобританія все болѣе и болѣе расширяла свое колоніальное могущество. *Разъ, однако, уже и въ самомъ началѣ столѣтія она была сильною морскою, колоніальною и торговою державою, это не могло не отозваться на ея соціальномъ строѣ и внутреннихъ политическихъ отношеніяхъ.* При Вильгельмѣ III, когда правительство нуждалось въ большихъ денежныхъ суммахъ для войны съ Людовикомъ XIV, крупные капиталисты явились въ роли кредиторовъ государства. Дѣло въ томъ, что военные расходы не покрывались налогами и что потому понадобились займы. Разумѣется, заимодавцы хотѣли имѣть гарантіи въ томъ, что проценты будутъ имъ уплачиваться правильно, и что правильно же будетъ погашаться и капитальная сумма, и вотъ въ качествѣ посредника между капиталистами и правительствомъ явился банкъ, организованный по образцу генуэзскаго и утвержденный парламентомъ въ 1694 году, хотя землевладѣльческій классъ былъ противъ банка, опасаясь, что онъ будетъ только содѣйствовать переходу политическаго вліянія къ денежной знати, какъ это въ дѣйствительности и произошло. Англійскій банкъ весьма скоро принялъ на себя веденіе счетовъ по взиманію налоговъ, храненіе и выдачу казенныхъ денегъ, посредничество при заключеніи государственныхъ займовъ, а также и вообще сдѣлался центральнымъ учрежденіемъ въ денежномъ хозяйствѣ Англіи, упрочивъ кредитъ, какъ государственный, такъ и коммерческій, что, конечно, не могло не содѣйствовать еще большему развитію не только торговли, но и значенія торговыхъ лю-

---

[1]) Я. Гуревичъ. Происхожденіе войны за испанское наслѣдство и коммерческіе интересы Англіи. Въ этомъ сочиненіи указана и литература.

дей [1]). Коммерческій кредитъ и ассоціація капиталовъ посредствомъ компаній были двѣ главныя силы, которыя создавали тогда огромныя богатства, и все, что имѣло средства, стремилось попытать счастья при ихъ помощи въ заморскихъ предпріятіяхъ. Послѣднія становились прямо иногда рискованными, являлись спекуляціями, расчитанными на легковѣріе публики, вслѣдствіе чего нерѣдко могли происходить крушенія цѣлыхъ компаній. Напр., около того же времени, какъ во Франціи лопнула знаменитая „система“ Лоу, и въ Англіи былъ страшный кризисъ, вслѣдствіе спекулятивной горячки, съ одною торговою компаніей, дѣла которой въ концѣ-концовъ разстроились [2]).

Въ Англіи не было сословныхъ привилегій, которыя отчуждали бы землевладѣльческое дворянство отъ денежной знати, хотя, разумѣется, между ними и долженъ былъ существовать соціальный антагонизмъ. Англійскіе лорды, однако, теперь вступали въ бракъ съ богатыми купчихами изъ лондонской Сити, отдавали своихъ младшихъ сыновей въ науку къ коммерсантамъ, да и вообще власть денегъ получила по отношенію къ нимъ притягательную силу. Если торизмъ вербовалъ своихъ приверженцевъ среди землевладѣльческой аристократіи, то *новая денежная знать и та часть знати старой, которая такъ или иначе съ нею сближалась, стояли на сторонѣ виговъ*. Капиталисты внесли въ политику свои денежные расчеты, обращая главное вниманіе на то, какое правительство вѣрнѣе и аккуратнѣе будетъ выплачивать проценты по государственному долгу или содѣйствовать интересамъ промышленности, торговли, коммерческаго флота, колоніальнаго развитія: это-то особенно хорошо понялъ Вальполь, когда въ тронной рѣчи 1721 года изложилъ программу своего будущаго правленія въ духѣ интересовъ торговаго класса [3]). Политика виговъ заинтересовывала въ своихъ успѣхахъ и неуспѣхахъ всѣхъ, у кого были деньги, у кого было какое бы то ни было имущество, стоющее денегъ, ибо уже тогда политическія событія, какъ и теперь, оказывали вліяніе на цѣнность всякаго рода „фондовъ“, и вотъ какъ бы въ одномъ общемъ дѣлѣ соединялись интересы вигизма, ганноверскаго дома, англійскаго банка и денежной аристократіи въ то время, когда якобиты еще не покидали надежды произвести реставрацію Стюартовъ [4]). Торіи все еще продолжали держаться того принципа, что ве-

---

[1]) Объ англійскомъ банкѣ Rogers (The first 9 years of the b. of England), И. Кауфманъ (Кредитъ, банки и денежное обращеніе) и др.

[2]) Максъ Виртъ. Исторія торговыхъ кризисовъ въ Европѣ и Америкѣ. О системѣ Лоу ниже.

[3]) См. выше, стр. 64—65.

[4]) См. выше, стр. 63—64.

личіе Англіи зиждется на землевладѣніи и сельскомъ хозяйствѣ, а не на деньгахъ и торговлѣ, и даже думали охранить прежнее преобладаніе землевладѣльческой аристократіи особымъ закономъ [1]) въ концѣ царствованія королевы Анны. Но старыя основы англійскаго землевладѣнія были разстроены, и само сельское хозяйство, благодаря развитію фермерства, получило денежный характеръ, что объединяло интересы капиталистовъ вообще, куда бы ни прилагали они свои капиталы, т.-е. къ торговлѣ и промышленности или же къ земледѣлію и скотоводству. Особенную же помощь англійской буржуазіи оказывала дурная организація выборнаго права, создавшая возможность покупки мѣстъ въ парламентѣ за деньги [2]). Вальполь опирался на эту вигистскую буржуазію, проводя выгодные для нея законы въ парламентѣ [3]), но ему важно было отвлечь и землевладѣльческій классъ отъ торизма, чѣмъ, напр., объясняется пониженіе въ его правленіе поземельнаго налога съ 4 шиллинговъ (законъ 1692 г.) на 1 шиллингъ (1731 и 1732) съ фунта стерлинговъ и т. п. Но и помимо единичныхъ мѣръ, самою силою вещей въ Англіи *совершилось сліяніе аристократіи и буржуазіи въ одинъ правящій классъ, который былъ въ концѣ XVIII в. сильно встревоженъ демократическими принципами американской, а еще болѣе французской революціи.* До такого положенія въ государствѣ, какое занимала англійская буржуазія было далеко буржуазіи французской, но и она въ XVIII в. уже начинала сильно вытѣснять аристократію въ области экономическихъ отношеній, между прочимъ, скупая дворянскія земли. „Система“ Лоу, разорившая многихъ аристократовъ и обогатившая, наоборотъ, рантьеровъ, сильно содѣйствовала перемѣщенію имуществъ въ новыя руки.

Въ концѣ XVIII в. изобрѣтеніе разныхъ машинъ и вызванное ихъ примѣненіемъ небывалое развитіе крупной промышленности еще болѣе содѣйствовали усиленію буржуазіи [4]), но пока существовало старое гражданское неравенство, пока были въ силѣ аристократическія привилегіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, пока буржуазія была лишена возможности при посредствѣ національнаго представительства оказывать вліяніе на внутреннюю и внѣшнюю политику, до тѣхъ поръ она не имѣла на континентѣ возможности развиться въ такую соціальную силу, какую представляли собою денежные люди въ Англіи. Переходимъ теперь къ сельской массѣ.

---

[1]) Landed property qualification act 1711 г.
[2]) См. выше, стр. 65.
[3]) См. выше, стр 64.
[4]) Объ этомъ рѣчь будетъ идти въ IV томѣ.

VIII. Крестьянскія отношенія въ XVIII вѣкѣ [1]).

Неудовлетворительное состояніе крестьянства въ XVIII в. и его причины.— Соціальный феодализмъ, денежное хозяйство и фискальныя требованія въ ихъ отношеніяхъ къ сельскому быту.—Остатки крѣпостничества во Франціи.—Феодальныя кутюмы —Сеньерьяльныя права.—Мелкая собственность и мелкое хозяйство.—Половничество и фермерство.—Общинныя земли и общинные сервитуты.—Отношеніе государства къ крестьянамъ.—Тяжесть налоговъ.—Нищета французскихъ крестьянъ.—Сравненіе французскаго хозяйства съ англійскимъ.—Англійскія аграрныя отношенія.—Помѣщичье хозяйство въ Германіи.—Нѣмецкіе крестьяне въ новое время.—Юридическая теорія крѣпостничества.

XVIII вѣкъ имѣетъ двоякое значеніе въ исторіи западно-европейскаго крестьянства: съ одной стороны, лишь съ этого столѣтія начинается публицистическая разработка крестьянскаго вопроса и дѣлаются первые шаги на пути освобожденія крѣпостныхъ по почину старой государственной власти, пока французская революція не подаетъ примѣръ совершенной ликвидаціи соціальнаго феодализма, но съ другой стороны, *XVIII в. былъ временемъ наиболѣе бѣдственнаго состоянія*

---

[1]) Въ I т. см. главы XIII—XIV. Кромѣ литературы, приведенной въ этихъ главахъ, см. мою книгу „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка" (съ указаніями на предыдущую спеціальную литературу) и двѣ послѣднія главы „Очерка исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 г.". Babeau. Le village sous l'ancien régime.— Его же. La vie rurale dans l'ancienne France.—A. de Calonne. La vie agricale sous l'ancien régime dans le nord de la France.—Chassin. L'église et les derniers serfs.—Для Германіи: Knapp. Die Bauer-Befreiung und der Ursprung der Landarbeiter in der älteren Theilen Preussens.—Рошеръ. Наука о народномъ хозяйствѣ въ отношеніи къ земледѣлію (Roscher. Nationaloekonomik des Ackerbaues). Для Англіи, кромѣ трудовъ Роджерса (см. I), Prothero. Pioneers and Progress of englisch farmers.—К. Марксъ. Капиталъ (K. Marx. Das Kapital, заключаетъ исторію обезземеленія сельскаго населенія въ Англіи).—По исторіи крестьянъ въ Польшѣ В. Мякотинъ. Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху раздѣловъ (съ краткимъ разборомъ существующей литературы).— T. Korzon. Wewnętrzne dzieje Polski za St.-Augusta.—Много данныхъ о фактическомъ положеніи крестьянъ есть и въ сочиненіяхъ по исторіи отмѣны крѣпостничества и по исторіи крестьянскаго вопроса. Sugenheim. Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft in Europa.—Lorenz Stein. Die Entwehrung in Deutschland, Frankreich und England. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (1878) проф. И. В. Лучицкій началъ печатать въ Кіевскихъ „Унив. Извѣстіяхъ" большую „Исторію крестьянской реформы въ Западной Европѣ съ 1789 г.", которая не была окончена и возобновилась только въ послѣдніе годы въ рядѣ статей, помѣщавшихся въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ". Ср. также прибавленія проф. Лучицкаго къ русскому переводу Новой Исторіи Зеворта.

крестьянской массы. О постановкѣ крестьянскаго вопроса въ литературѣ у насъ будетъ рѣчь еще идти впереди, равно какъ о реформахъ, производившихся въ крестьянскомъ быту государственною властью до революціи, здѣсь же мы остановимся лишь на характерныхъ чертахъ этого быта.

Разсматривая сельскія юридическія и экономическія отношенія стараго режима, мы *наблюдаемъ въ нихъ, съ одной стороны, остатки стариннаго соціальнаго феодализма, съ другой—болѣе новые порядки, которые были результатомъ примѣненія къ деревенскому быту денежнаго хозяйства.* Эти двѣ системы находились въ весьма различныхъ отношеніяхъ между собою, то рѣшительно преобладая одна надъ другою, то взаимно одна другую дополняя. Напр., въ старой Польшѣ денежное хозяйство было развито весьма мало, преобладало хозяйство натуральное въ томъ видѣ, какъ оно повсемѣстно существовало при феодальномъ режимѣ (хотя Польша и не знала политическаго феодализма): землевладѣніе было дворянское (притомъ исключительно дворянское), хозяйство—крестьянское, т.-е. мелкое, и земледѣлецъ въ качествѣ крѣпостного былъ прикрѣпленъ къ землѣ. Англія, наоборотъ, давнымъ-давно уже вышла изъ такого быта, ибо въ ней сельское населеніе было свободно, но вмѣстѣ съ этимъ мелкое крестьянское хозяйство все болѣе и болѣе исчезало, уступая мѣсто крупнымъ фермамъ, обрабатывавшимся наемными рабочими, т.-е. обезземеленными поселянами, которые переходили теперь на положеніе батраковъ. Въ другихъ странахъ мы наблюдаемъ, далѣе, соединеніе—въ разныхъ пропорціяхъ и съ мѣстными особенностями—обѣихъ системъ или такія формы, которыя могутъ разсматриваться, какъ переходныя отъ одной системы къ другой. Въ этомъ отношеніи весьма характерны многія особенности французскаго крестьянскаго быта: съ одной стороны, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ массою остатковъ и слѣдовъ соціальнаго феодализма, съ другой—съ множествомъ фактовъ, указывающихъ на зарожденіе денежнаго хозяйства въ сельскомъ быту, хотя вмѣстѣ съ этимъ во Франціи и крѣпостная обработка земли, какъ въ Польшѣ, Австріи, Пруссіи, другихъ частяхъ Германіи и т.д., и фермерство, какъ въ Англіи, представляютъ изъ себя исключенія, первая—какъ остатокъ стариннаго быта, изъ котораго Франція уже вышла, второе—какъ лишь первые признаки наступленія другихъ условій существованія. Но если крѣпостничество во Франціи было исключеніемъ, то, наоборотъ, многія другія стороны соціальнаго феодализма составляли въ ней все еще общее правило, и равнымъ же образомъ если фермерство опять-таки было въ ту эпоху во Франціи явленіемъ исключительнымъ, то иныя отношенія, возникавшія на почвѣ денежнаго хозяйства, были хорошо знакомы и французскому крестьянству. Вотъ почему исторія послѣдняго въ XVIII в. представляетъ особый интересъ, такъ какъ

именно здѣсь мы имѣемъ дѣло *съ своеобразнымъ соединенiемъ соцiальнаго феодализма среднихъ вѣковъ и денежнаго хозяйства новаго времени.* Но есть и другiе поводы выдвинуть эту исторiю на первый планъ. Кромѣ старыхъ феодальныхъ повинностей, лежавшихъ на крестьянствѣ, и новыхъ условiй хозяйства, отражавшихся на его экономическомъ быту, *весьма рано на него легла и вся тяжесть государственныхъ налоговъ,* которая во Францiи была весьма значительна. Результатомъ этого было страшное разоренiе народа, такъ что при сравненiи XVIII столѣтiя съ XIV вѣкомъ въ исторiи французскаго крестьянина приходится говорить не объ улучшенiи его быта въ новое время, а объ ухудшенiи. Но и въ другихъ государствахъ, гдѣ сословныя привилегiи оставались неприкосновенными, сильное возрастанiе государственныхъ расходовъ, совершалось на счетъ экономическаго благосостоянiя народной массы, не говоря уже о томъ, что и тутъ надъ крестьяниномъ тяготѣли феодальныя права или начиналось его обезземеленiе. Какъ это ни странно, именно въ новое время усилилось крѣпостничество въ Германiи (послѣ подавленiя крестьянскаго возстанiя 1524—25 гг. и послѣ тридцатилѣтней войны [1]), въ Польшѣ (съ исхода XV в.), въ Венгрiи (съ 1514 г. [2]), въ Данiи (въ эпоху аристократическаго режима [3]): не забудемъ, что и въ Россiи эпохою развитiя крѣпостныхъ отношенiй были XVII и XVIII вѣка. Крестьянская масса была главною плательщицею государственныхъ налоговъ, что одно требовало отъ нея извѣстныхъ операцiй съ деньгами. Наконецъ, не забудемъ, что въ католическихъ странахъ на ней же лежала и тяжесть церковной десятины, которая, какъ мы это видѣли по отношенiю къ Францiи, была приблизительно такъ же велика, какъ и доходы клира съ прямо принадлежавшихъ ему земель. Все это, вмѣстѣ взятое, т.-е. и крѣпостничество, и феодальные поборы, и обезземеленiе, и невыгодныя стороны новыхъ хозяйственныхъ отношенiй, и церковная десятина, и тяжесть налоговъ—объясняютъ намъ упадокъ, въ какомъ въ XVIII в. находилось матерiальное благосостоянiе народныхъ массъ. Правительства прошлаго вѣка наконецъ обратили вниманiе на крестьянскiй бытъ и приступили къ реформамъ съ цѣлью его улучшенiя, но именно во Францiи почти ничего не дѣлалось въ пользу крестьянъ вплоть до революцiи. Самая революцiя въ значительной мѣрѣ была вызвана печальнымъ состоянiемъ народной массы, которая и заявила себя въ самомъ же началѣ переворота повторенiемъ жакерiи XIV в. или даже великой крестьянской войны 1524—25 г.

---

[1]) Т. II, стр. 102 и 377.
[2]) Т. I, стр. 198.
[3]) См. выше, стр. 34—35.

Общимъ юридическимъ правиломъ въ быту французскихъ крестьянъ передъ революціей была свобода лица. Большая часть провинціальныхъ кутюмъ не признавала крѣпостничества, т.-е. это были coutumes franches, и лишь въ меньшей части провинцій дѣйствовали такъ-называемыя coutumes serves или mainmortables [1]), изъ чего, однако, не слѣдуетъ, чтобы все крестьянское населеніе такихъ провинцій находилось въ крѣпостномъ состояніи. Извѣстно только, что упорнѣе всего держались остатки серважа въ имѣніяхъ духовенства, и вообще предполагаютъ, что изъ сельскаго населенія Франціи, доходившаго до 18 милліоновъ, въ этомъ состояніи было около полутора милліона, т.-е. немного болѣе 8%. Притомъ положеніе сервовъ было неодинаково: одни (hommes de corps, gens de poursuite, mainmortables) находились въ servitude personnelle, т.-е. были прикрѣплены къ землѣ и состояли въ личной зависимости отъ господъ своихъ (таково было положеніе сервовъ монастыря св. Клавдія въ Юрѣ, за которыхъ заступался Вольтеръ, о чемъ ниже), другіе же состояли въ servitude réelle, т.-е. подчинялись всѣмъ условіямъ крѣпостничества, пока продолжали жить на извѣстныхъ наслѣдственныхъ участкахъ земли: покидая свои земли, они становились лично свободными. Повидимому, „реальныхъ" сервовъ было болѣе, нежели личныхъ, способъ же освобожденія ихъ изъ крѣпостной зависимости стоитъ въ связи съ тѣмъ общимъ фактомъ, что еще съ среднихъ вѣковъ *раскрѣпощеніе крестьянъ сопровождалось ихъ обезземеленіемъ*,—явленіе, особенно характерное для англійской исторіи. Надъ сервами обѣихъ категорій сеньеры продолжали пользоваться тѣми же правами, что и въ средніе вѣка [2]).

Кутюмы, опредѣлявшія личныя и имущественныя права сельскаго населенія, весьма разнообразныя въ отдѣльныхъ провинціяхъ, были составлены въ XV—XVI вв. и лишь очень немногія позже, но всѣ онѣ одинаково закрѣпляли старыя юридическія нормы феодализма: въ сущности гражданское право Франціи въ XVIII в. было тоже, что и въ исходѣ среднихъ вѣковъ [3]). Земли дѣлились на благородныя (nobles), изъятыя отъ налога, называвшагося таліей (taille), и на подлыя (roturières), подчиненныя таліи. Благородною собственностью были по преимуществу феоды (fiefs), коихъ во Франціи насчитывалось около 70 тыс., изъ коихъ 3 тыс. было титулованныхъ (герцогства, графства, маркизаты, бароніи, châtellenies) и въ силу этого обладавшихъ высшею и среднею юстиціей, ограниченной, правда, королевскими судами, тогда какъ владѣльцы простыхъ феодовъ имѣли право лишь на низшую

---

[1]) См. объ этомъ выше, стр. 49.

[2]) См. т. I, стр. 179, 194, 208 и слѣд.

[3]) Карасевичъ. Обычное право во Франціи.

юстицію (basse justice). Послѣдняя разрѣшала гражданскіе споры „подданныхъ“ (sujets), т.-е. крестьянъ въ предѣлахъ 60 су и могла налагать штрафы въ 10 су; средняя юстиція вѣдала дѣла бо́льшей важности и могла налагать штрафы въ 60 су, а высшая составляла апелляціонную инстанцію и была компетентна приговаривать своихъ justiciables къ тюрьмѣ, тѣлеснымъ наказаніямъ и—съ утвержденія королевскаго суда—къ смертной казни, въ знакъ чего сеньеръ, бывшій haut justicier, имѣлъ право ставить висѣлицу передъ воротами своего замка. Сеньерьяльная юстиція отправлялась особыми судьями, находившимися въ зависимости отъ своихъ сеньеровъ. Всѣ ротюрныя земли, т.-е. участки, не бывшіе феодами, зависѣли отъ того или другого феода въ силу правила: nulle terre sans seigneur [1]). Это правило существовало въ большей части кутюмъ и лишь немногими признавалось другое правило: nul seigneur sans titre [2]). Т.-е. по первому принципу каждый участокъ земли, лежавшій въ предѣлахъ извѣстной сеньеріи, считался частью феода, уступленною его владѣльцемъ держателю (tenancier), которому принадлежалъ dominium utile въ отличіе отъ сеньерьяльнаго dominium directum, тогда какъ второе правило требовало отъ сеньера документа, который доказывалъ бы его право на dominium directum надъ каждымъ участкомъ въ отдѣльности, въ противномъ же случаѣ участокъ считался алодомъ (alleu), т.-е. былъ полною, свободною собственностью. Послѣдняя представляла собою рѣдкія исключенія: *общимъ правиломъ аграрнаго быта Франціи была несвобода земли, надъ которою тяготѣли разныя феодальныя права.* Всѣ земли во Франціи, кромѣ рѣдкихъ дворянскихъ и крестьянскихъ алодовъ, были или феоды, или цензивы (censives), какъ назывались ротюрные участки. Наслѣдственный собственникъ цензивы могъ ее заложить, продать, подарить и т. п., но надъ нею всегда оставались извѣстныя права сеньера, ни въ какомъ случаѣ не подлежавшія выкупу. Самое названіе свое цензивы получила отъ ценза, или чинша (cens), т.-е. оброка, платившагося сеньеру, да и самъ держатель былъ по тому самому цензитаріемъ (оброчникомъ). Съ правомъ на полученіе ценза были соединены и многія другія права du seigneur censier. Онъ имѣлъ право возвратить цензиву себѣ, если цензитарій ее дегерпировалъ, т.-е. отказывался ею владѣть; когда цензива перемѣняла владѣльца по праву наслѣдованія, новый владѣлецъ формальнымъ актомъ признавалъ свою цензуальную зависимость; покупщикъ цензивы долженъ былъ представить сеньеру купчую крѣпость и заплатить ему особую пошлину (lods et ventes), но сеньеръ сохранялъ право цензуальнаго выкупа (retrait censuel), въ силу коего могъ по своему произволу уничтожить актъ

---

[1]) Томъ I, стр. 165.

[2]) См. выше, стр. 49.

продажи, внесши покупщику заплаченныя имъ за цензиву деньги и оставивъ землю за собою или уступивъ ее третьему лицу; въ нѣкоторыхъ случаяхъ сеньерамъ принадлежало право наложенія штрафовъ и даже конфискованія, когда не уплачивались во время оброки и пошлины. По образцу этихъ отношеній создавались и другія, когда сами цензитаріи отъ себя уступали за вѣчную ренту части своихъ земель другимъ, но тутъ уже не могло быть мѣста для развитія такихъ правъ, какими пользовался настоящій сеньеръ; такая отдача цензитаріемъ земли въ вѣчную аренду только усложняла аграрныя отношенія и обременяла землю новыми повинностями. Денежный цензъ былъ обыкновенно невеликъ, но за то весьма тяжелъ былъ соединявшійся съ нимъ шампаръ (champart), въ силу коего сеньеръ получалъ съ цензивныхъ участковъ извѣстную долю (около четверти) жатвы, отбывавшей, кромѣ того, и десятину (dîme) въ пользу церкви. Въ обезпеченіе исправнаго платежа сеньерьяльныхъ повинностей цензивная собственность подвергалась разнымъ ограниченіямъ, но послѣднія вытекали и изъ другихъ правъ сеньера. Въ силу исключительнаго права охоты (droit de chasse), принадлежавшаго дворянству, собственникъ цензивы не могъ истреблять дичи, портившей его посѣвы, не могъ косить траву или жать хлѣбъ, пока куропатка не выведетъ своихъ цыплятъ, не могъ убивать ни голубей, коихъ держали сотнями въ своихъ замкахъ сеньеры въ силу droit de colombier, ни кроликовъ, содержавшихся въ заповѣдныхъ гареннахъ, хотя и птицы эти, и эти звѣрьки наносили большой вредъ сельскому хозяйству. Тѣмъ же правиломъ: nulle terre sans seigneur пользовались владѣльцы феодовъ, чтобы отбирать у крестьянъ земли, бывшія въ общинномъ пользованіи цѣлыхъ деревень, каковы пустоши, пастбища, лѣса и т. п. Споліація общинъ началась еще въ XVI в., и хотя въ XVII в. правительство вооружилось противъ этого зла, случаи отобранія у крестьянъ общинныхъ угодій продолжались и въ XVIII в. до самой революціи, какъ это видно изъ многочисленныхъ крестьянскихъ наказовъ (cahiers de doléances) 1789 г., напоминающихъ въ этомъ отношеніи жалобы нѣмецкихъ крестьянъ въ эпоху ихъ возстанія въ началѣ XVI в. [1]). Цензуальныя и общинныя отношенія въ XVIII в. служили предметомъ разорительныхъ процессовъ вслѣдствіе несправедливыхъ притязаній сеньеровъ, запутанности феодальнаго права, продажности и зависимости сеньерьяльныхъ судовъ, и потому, что вообще вся аграрная система находилась въ полномъ разстройствѣ. Особенно *тяжело отзывалось и на народномъ благосостояніи, и на сельскомъ хозяйствѣ обремененіе земли феодальными поборами, съ которымъ были связаны и разныя стѣснительныя ограниченія права непривилегированной собственности въ*

---

[1]) Томъ II, стр. 104 и слѣд. О наказахъ 1789 г. будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

пользу сеньеровъ. Но послѣдніе, какъ свѣтскіе, такъ и духовные, продолжали пользоваться надъ сельскимъ населеніемъ,—лично, какъ мы видѣли, въ громадномъ большинствѣ случаевъ свободнымъ,—и нѣкоторыми другими правами феодальнаго происхожденія, но не имѣвшими аграрнаго характера, что *ставило и свободное крестьянство подъ извѣстнаго рода опеку привилегированнаго землевладѣльческаго сословія.* Во-первыхъ, мы видѣли, что за сеньерами оставалась деревенская юстиція. Правда, имъ принадлежало только право назначенія судей, судебныхъ приставовъ и т. п., но они пользовались этимъ правомъ, имѣя въ виду лишь свои выгоды, т.-е. назначая на эти должности преданныхъ или зависимыхъ людей, иногда своихъ же управляющихъ или откупщиковъ феодальныхъ правъ. Сеньерамъ принадлежала, далѣе, полиція въ ихъ владѣніяхъ, принадлежало право дѣлать распоряженія относительно времени уборки хлѣба, винограда и т. п. Особую категорію составляли сеньерьяльныя монополіи, извѣстныя подъ названіемъ баналитетовъ (banalités): бывали банальныя мельницы, печи, точила, въ коихъ крестьяне обязаны были молоть свои зерна, печь свой хлѣбъ, выжимать сокъ изъ своего винограда, хотя бы мельница была далеко, за печеніе хлѣба брали дорого, а точило не всегда было свободно, хотя бы все это удобнѣе, дешевле и скорѣе можно было сдѣлать на посторонней мельницѣ или у себя дома. Обыкновенно баналитеты отдавались на откупъ, и арендная плата, поступавшая къ сеньерамъ, составляла для нихъ все-таки извѣстнаго рода доходъ, сильно обременяя массу сельскаго населенія лишними расходами. Наиболѣе распространеннымъ былъ, впрочемъ, только баналитетъ печи. Въ пользу сеньеровъ поступали еще разныя дорожныя, мостовыя, рыночныя пошлины или откупныя деньги, замѣнявшія разныя натуральныя повинности, въ родѣ починки замка или дворовой стражи, равно какъ, напр., платившіяся за отмѣну баналитета. Въ отдѣльныхъ провинціяхъ или кантонахъ, въ отдѣльныхъ сеньеріяхъ существовали особенные еще поборы съ крестьянъ, разные виды натуральныхъ повинностей (въ родѣ пяти дней барщины въ году) или отдѣльные droits ridicules, какъ называли въ XVIII в. нѣкоторыя обязанности крестьянъ, въ родѣ пуганія по ночамъ лягушекъ въ прудахъ, окружавшихъ сеньерьяльное жилье, чтобы своимъ кваканьемъ эти животныя не безпокоили сна его обитателей и т. п. Новыя сеньерьяльныя права даже устанавливались еще въ XVIII вѣкѣ, что влекло за собою весьма часто разорительные для крестьянъ процессы. Сравнивая то, что намъ извѣстно объ юридической сторонѣ личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ въ сельскомъ быту наканунѣ революціи съ тѣмъ, что эти же отношенія представляли изъ себя въ XV—XVI в. [1]), мы

[1]) См. т. I, стр. 163 и слѣд., 185 и слѣд.

видимъ, что *особенно большихъ измѣненій въ этой области народной жизни во Франціи не произошло за три столѣтія, отдѣляющія исходъ среднихъ вѣковъ отъ революціи.*

Итакъ, лично крестьяне во Франціи въ большинствѣ случаевъ были свободны, но ихъ земли находились въ феодальной зависимости а сами они были обложены въ пользу сеньеровъ массою разныхъ поборовъ. Освобожденіе изъ крѣпостного состоянія, начавшееся во Франціи еще въ концѣ среднихъ вѣковъ, сопровождалось обезземеленіемъ освобожденныхъ сервовъ, но *если лишь нѣкоторая, притомъ меньшая часть крестьянъ владѣла мелкою собственностью (разумѣется, цензивною), то большинство крестьянъ все-таки состояло изъ мелкихъ хозяевъ,* снимавшихъ землю въ аренду у крупныхъ землевладѣльцевъ какъ дворянскаго званія, такъ и ротюрьеровъ. Въ XVIII в. сельская масса во Франціи раздѣлялась на самостоятельныхъ хозяевъ (laboureurs), сидѣвшихъ на своихъ цензивахъ или на арендованныхъ участкахъ, и на батраковъ (manoeuvres, manouvriers), представлявшихъ изъ себя наемныхъ сельскихъ рабочихъ, жившихъ въ услуженіи у сельскихъ хозяевъ или промышлявшихъ поденною работою. Не революція, какъ думали прежде, создала во Франціи мелкую крестьянскую собственность, ибо послѣдняя существовала и раньше, а революція лишь освободила ее отъ феодальныхъ повинностей, но на этотъ видъ землевладѣнія приходилась во Франціи едва одна четверть всей почвы, быть можетъ, даже одна пятая, во всякомъ случаѣ менѣе одной трети [1]). Не всѣ мелкіе хозяева изъ крестьянъ,—а таковыми были опять-таки далеко не всѣ крестьяне, часть коихъ превратилась въ наемныхъ рабочихъ, иногда не имѣвшихъ даже никакой осѣдлости,—не всѣ мелкіе хозяева были собственниками обработывавшихся ими земель, ибо многіе изъ нихъ кормились, снимая землю у сеньеровъ и богатыхъ ротюрьеровъ въ аренду. Во Франціи до революціи вообще было сильно развито мелкое хозяйство, хотя и не вездѣ, такъ что все государство въ этомъ отношеніи дѣлили на „pays de petite culture", гдѣ существовало, между прочимъ, мелкое фермерство, и на „pays de grande culture", гдѣ особенно было въ ходу батрачество. Мелкое фермерство, однако, рѣдко представляло собою денежную аренду: въ громадномъ большинствѣ случаевъ это было половничество (metayage), при которомъ половникъ (métayé) получалъ ферму (métairie) за обязанность уплачивать ея владѣльцу половину продукта. Можно сказать, что *это было наиболѣе типическое отношеніе французскаго крестьянина къ почвѣ въ XVIII в.*: во-первыхъ, области мелкаго хозяйства преобладали надъ областями хозяйства крупнаго, да и тамъ, гдѣ велось послѣднее, дѣло безъ половниковъ не обходи-

---

[1]) Ср. выше, стр. 84, примѣч. 4.

лось, а во-вторыхъ, бо́льшая часть французскихъ крестьянъ, не жившая исключительно заработною платой, снимала земли исполу, даже въ томъ случаѣ, если у половника былъ и собственный клочекъ земли, такъ какъ послѣднiй весьма часто оказывался слишкомъ малымъ для того, чтобы кормить своего владѣльца съ его семействомъ. Половничество было свободнымъ контрактомъ между свободнымъ крестьяниномъ, у котораго не было своей земли, и землевладѣльцемъ, лишившимся крѣпостного труда: оно было новою формою соединенiя крупнаго землевладѣнiя съ мелкимъ хозяйствомъ (характерный признакъ феодальнаго устройства [1]), но новою только въ юридическомъ смыслѣ, а не въ экономическомъ отношенiи, такъ какъ при этой формѣ крестьянинъ былъ уже человѣкъ свободный, а не крѣпостной, какъ раньше. Можно сказать, что бо́льшая часть средневѣковыхъ сервовъ, получившихъ личную свободу, превратилась въ половниковъ, утративъ, однако, ту крѣпкую связь съ землею, какая существовала между сервомъ, прикрѣпленнымъ къ извѣстному участку, и этимъ участкомъ, закрѣпленнымъ въ свою очередь за сервомъ, т.-е. потеря сеньеромъ права на личность крестьянина сопровождалась потерею со стороны крестьянина—права на наслѣдственное пользованiе землею. Правда, крестьянинъ не сгонялся съ земли и продолжалъ платить обычную натуральную ренту, но это происходило лишь потому, что никто не давалъ за „метерiю“ (половническую ферму) больше того и притомъ въ видѣ денежной платы. Появленiе капиталиста, который предлагалъ денежную плату и, конечно, уже не могъ, удовольствоваться маленькой „метерiей“, а желалъ соединить нѣсколько метерiй въ одну большую ферму, должно было начать разложенiе половничества. Фермерство впервые дѣлается во Францiи замѣтнымъ въ XVI вѣкѣ, но настоящее его усиленiе происходитъ съ двадцатыхъ годовъ XVIII столѣтiя. Если половничество было въ экономическомъ отношенiи остаткомъ соцiальнаго феодализма и характеризуется, какъ одна изъ формъ натуральнаго хозяйства, то фермерство, гораздо ранѣе уже сильно развившееся въ Англiи [2]), было результатомъ примѣненiя къ земледѣлiю денежнаго хозяйства. Сначала французскiе фермеры брали въ аренду большiя имѣнiя лишь для того, чтобы потомъ раздавать ихъ небольшими участками половникамъ, т.-е. являлись простыми посредниками, но мало-по-малу они начали сами заниматься сельскимъ хозяйствомъ, превращая постепенно половниковъ въ наемныхъ рабочихъ. Съ другой стороны, сеньеры предпочитали получать опредѣленный денежный доходъ, а не невѣрную половину продукта, и имѣть дѣло съ однимъ зажиточнымъ фермеромъ, а не съ десяткомъ или двумя нищихъ половниковъ. *Замѣна*

---

[1]) Т. I, стр. 44.
[2]) Т. I, стр. 209.

нѣсколькихъ мелкихъ фермъ одною крупною и натуральной ренты денежною является однимъ изъ процессовъ, вызывающихъ въ XVIII в. жалобы крестьянъ. Такимъ образомъ въ XVIII в. мы встрѣчаемъ у сельскаго населенія и рабскіе участки земли, обладаніе коими превращало людей въ крѣпостныхъ, и мелкую собственность, находившуюся въ феодальной зависимости и обложенную натуральными оброками, иногда впрочемъ слишкомъ мелкую (домъ съ огородомъ), чтобы быть основою самостоятельнаго хозяйства, и мелкую аренду съ натуральною рентою, всё разныя формы средневѣкового пользованія землею,—а рядомъ съ ними и крупную ферму на короткій срокъ и съ уплатою денежной ренты, что, однако, во Франціи было исключеніемъ, а въ Англіи сдѣлалось къ концу вѣка общимъ правиломъ.

Сельская масса во Франціи такимъ образомъ далеко не была однородна. Въ однихъ отношеніяхъ расходились между собою интересы самостоятельныхъ хозяевъ и земледѣльческихъ наемныхъ рабочихъ, въ другихъ сближались интересы мелкихъ собственниковъ съ интересами фермеровъ и интересы половниковъ съ интересами батраковъ. Послѣднее касалось, напр., общинныхъ земель и сервитутовъ въ родѣ права выпаса (droit de vaine pâture), т.-е. права высылать свой скотъ пастись по землямъ цѣлой деревни, когда хлѣбъ съ нихъ снимался. Фермеры и собственники тяготились подобными сервитутами и стремились завладѣть общинною землею, исключивъ изъ права пользоваться ею всѣхъ жителей, не имѣвшихъ собственнаго хозяйства, а безземельные и малоземельные крестьяне, напротивъ, отстаивали свои права, ибо съ лишеніемъ послѣднихъ они уже совсѣмъ не могли бы содержать скота, имѣть молоко и т. п. Между тѣмъ въ XVIII в. во многихъ мѣстахъ дѣлились общинныя земли, уничтожались общіе выгоны для скота, загораживались поля и исключались такимъ образомъ ихъ vaine pâture, что весьма дурно отзывалось на бѣднѣйшихъ жителяхъ деревень, лишавшихся возможности имѣть свое молоко, свое мясо и т. п., а это въ свою очередь вызывало внутреннія распри среди однодеревенцевъ, возмущенія, процессы.

Французское крестьянство переживало въ XVIII в. трудную эпоху перехода отъ старыхъ экономическихъ отношеній къ новымъ, а между тѣмъ на немъ лежала еще непомѣрная тяжесть дурно организованной податной системы. Абсолютная монархія Бурбоновъ совершенно забыла „курицу въ горшкѣ крестьянина", о которой заботился Генрихъ IV, и *смотрѣла на крестьянъ глазами Ришелье, думавшаго, что народу не должно быть слишкомъ хорошо*, дабы онъ не выходилъ изъ границъ покорности [1]. Съ одной стороны, эта монархія была тѣсно связана съ аристо-

[1]) См. т. II, стр. 402.

кратіей, за которою она признала всѣ ея феодальныя права надъ сельскимъ людомъ [1]), съ другой, государство новаго времени держалось экономической политики меркантилизма, т.-е. покровительства торговлѣ и обрабатывающей промышленности, а съ ними и общественному классу, который имѣлъ въ своихъ рукахъ и ту, и другую [2]), часто въ ущербъ сельскому хозяйству и земледѣльческимъ классамъ. Податныя привилегіи духовенства и дворянства извѣстны, но кое-какими привилегіями пользовались и горожане, особенно крупные коммерсанты и фабриканты—уже прямо ради вящшаго поощренія ихъ дѣятельности, считавшейся наиболѣе выгодною для обогащенія государственной казны. Налоги во Франціи въ XVIII в. возростали съ страшною быстротою безъ соотвѣтственнаго увеличенія національнаго богатства, во всякомъ случаѣ безъ соотвѣтственнаго подъема платежныхъ силъ крестьянскаго населенія, главнѣйшаго плательщика налоговъ какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ, падавшихъ на самые необходимые предметы потребленія [3]). Крестьянинъ платилъ государству—налоги, духовенству—десятину, землевладѣльческой аристократіи—феодальные оброки, повинности, пошлины, собственникамъ земли, какого бы званія они ни были,—ренту. Въ наилучшемъ положеніи былъ крестьянинъ-собственникъ, но такъ какъ земля его была ротюрная, то она главнымъ образомъ платила налогъ, отъ коего была свободна „земля благородная“ (la terre noble), и такъ какъ эта ротюрная земля была цензивною, то она же несла на себѣ шампаръ, не говоря уже о томъ, что на ней, какъ и на всѣхъ земляхъ вообще, лежала еще церковная десятина. Положеніе половника было, разумѣется, не лучше, ибо разъ не самъ сеньеръ велъ хозяйство на своей землѣ, участокъ, отданный имъ въ аренду, платилъ поземельный налогъ; если же половникъ снималъ ротюрную землю, то онъ же выплачивалъ и феодальные сборы. Чуть не весь чистый доходъ съ очень мелкихъ хозяйствъ уходилъ на уплату налоговъ, феодальныхъ повинностей и десятины, а съ бóльшихъ хозяйствъ—половина. Многіе мелкіе собственники прямо дегерпировали [4]) свои земли, т.-е. возвращали ихъ сеньерамъ или отдавали сборщикамъ податей. Само собою разумѣется, сельское хозяйство при такихъ порядкахъ находилось въ упадкѣ; земля дурно обрабатывалась или пустовала; голодные годы повторялись весьма часто, и хлѣба или не хватало, или онъ былъ очень дорогъ; крестьяне, оторванные отъ земледѣлія вслѣдствіе невозможныхъ условій, въ какія оно было поставлено, устремлялись

---

[1]) См. выше, стр. 20.

[2]) Томъ II, стр. 414 и слѣд.

[3]) Подробности въ книгѣ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи“.

[4]) См. выше, стр. 99.

за заработками въ города, гдѣ ихъ часто, однако, не находили,—нищенствовали, бродяжничали, нерѣдко разбойничали или производили безпорядки, поводомъ къ которымъ былъ обыкновенно недостатокъ хлѣба, т.е. грабили булочныя, хлѣбные амбары, транспорты муки (troubles à cause des grains), какъ это происходило повсемѣстно и постоянно [1]). Была какая-то страшная несообразность во всемъ сельско-хозяйственномъ быту Франціи: жаловались постоянно на недостатокъ хлѣба, а между тѣмъ множество земель пустовало, между прочимъ такихъ, которыя прежде обрабатывались; жаловались, далѣе, на недостатокъ рабочихъ рукъ, которыя можно было бы приложить къ пустующимъ землямъ, а между тѣмъ въ городахъ и деревняхъ не знали, какъ отдѣлаться отъ разныхъ праздношатающихся, не находившихъ себѣ работы и потому нищенствовавшихъ; жаловались на это самое нищенство, а между тѣмъ положеніе тѣхъ, которые работали на землѣ, было не лучше, ибо весьма часто половники питались хлѣбомъ и засѣвали поля зерномъ, взятыми въ долгъ у землевладѣльца, весьма часто всякій вообще земледѣлецъ долженъ былъ покупать хлѣбъ на рынкѣ у барышника (accapareur) или агента какой-либо хлѣботорговой фирмы, если только было, на что купить, и если только былъ еще продажный хлѣбъ. *Нищета была удѣломъ громаднаго большинства сельскаго населенія Франціи*: объ этомъ свидѣтельствуютъ оффиціальныя данныя прошлаго вѣка, литературныя произведенія всякаго рода, свидѣтельствуютъ свои и чужіе, а между послѣдними нашъ Фонвизинъ, посѣтившій Францію въ семидесятыхъ годахъ и писавшій оттуда письма гр. Панину, особенно же англійскій агрономъ Артуръ Юнгъ, изъѣздившій всю Францію въ эпоху революціи (1787—1790) и оставившій весьма цѣнное описаніе своего путешествія, всего имъ самимъ видѣннаго и слышаннаго [2]) Свидѣтельствуютъ объ этомъ и собственныя жалобы крестьянъ въ 1789 г.

Когда во второй половинѣ XVIII в. бѣдственное положеніе народа и сельскаго хозяйства обратило на себя вниманіе общества, причину зла многіе увидѣли не только въ феодальныхъ правахъ, лежавшихъ тяжелымъ бременемъ на землѣ, но и въ той системѣ хозяйства, которая практиковалась во Франціи, и даже, пожалуй, второй причинѣ приписывали бо́льшее значеніе, чѣмъ первой: для экономической школы физіократовъ было даже несомнѣннымъ, что Франція должна перейти отъ мелкаго, половническаго хозяйства къ крупному, фермерскому, какое существовало въ Англіи. Успѣхи, сдѣланные англійскимъ земледѣ-

---

[1]) Самымъ любопытнымъ эпизодомъ такого рода была „мучная война" при Тюрго, о чемъ ниже. По вопросу о хлѣбной торговлѣ см. новое соч. Г. Е. Аѳанасьева „Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII в.".

[2]) Arthur Young, соч. коего есть и во франц. переводѣ.

ліемъ, находившимся въ иныхъ условіяхъ, бросались въ глаза не однимъ физіократамъ, и мысль о томъ, что мелкая культура должна уступить крупной, что большинство крестьянъ должно превратиться въ земледѣльческихъ рабочихъ, служащихъ по найму у сельскохозяйственныхъ предпринимателей, была ходячею во Франціи. Упомянутый Артуръ Юнгъ постоянно сравниваетъ посѣщенную имъ Францію съ Англіей, своимъ отечествомъ, чтобы каждый разъ отмѣчать агрономическую отсталось французовъ. Сельское хозяйство во Франціи, дѣйствительно, находилось въ самомъ печальномъ состояніи, указанія же на англійскіе порядки, какъ на нѣчто противоположное французскимъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что *въ Англіи XVIII вѣка можно назвать уже завершившимся процессъ перехода сельскаго хозяйства изъ крестьянскихъ рукъ въ руки фермеровъ съ превращеніемъ сельскаго населенія въ безземельныхъ земледѣльческихъ рабочихъ*,—процессъ, первые признаки коего намѣчаются уже въ исходѣ среднихъ вѣковъ. Въ сущности Франція шла въ сельскомъ своемъ быту по той же экономической дорогѣ, что и Англія, но съ тѣмъ различіемъ, что аналогичные процессы, представляемые соціальною исторіей обѣихъ странъ, совершались въ Англіи и раньше, и полнѣе, ибо Франція до сихъ поръ еще сохранила и мелкую собственность, и мелкую культуру, давнымъ-давно исчезнувшія въ Англіи, а въ XVIII в. въ сравненіи съ послѣднею, страною денежнаго хозяйства (капитализма) и въ сельскомъ быту, Франція оставалась страною соціальнаго феодализма, хотя послѣдній былъ уже въ полнѣйшей дезорганизаціи [1]). Существованіе сеньерьяльныхъ правъ даже было одною изъ причинъ, задерживавшихъ во Франціи тотъ процессъ, который совершался и въ ея экономическомъ быту.

Ко второй половинѣ XVIII в. въ Англіи, дѣйствительно, завершился процессъ обезземеленія народной массы. Еще въ началѣ предыдущаго вѣка около третьей части населенія состояло изъ копигольдеровъ. Въ концѣ того же столѣтія около седьмой части населенія (160—180 т. человѣкъ съ ихъ семьями, что составитъ около милліона) находилось въ положеніи фригольдеровъ, не считая многочисленныхъ еще (около 750 т. душъ) мелкихъ съемщиковъ помѣщичьихъ земель. Но уже въ семидесятыхъ годахъ XVIII в. Артуръ Юнгъ говоритъ о классѣ мелкихъ землевладѣльцевъ, какъ о совершенно исчезнувшемъ въ Англіи. Во-первыхъ, огораживаніе общинныхъ угодій продолжало въ этомъ столѣтіи производиться съ особою энергіей, и напр., въ промежутокъ времени между 1719 и 1760 гг. было огорожено около

---

[1]) Объ этомъ см Maine. Des causes de la décadence de la propriété féodale en France et en Angleterre.

350 т. акровъ, хотя, собственно говоря, еще быстрѣе пошелъ этотъ процессъ особенно въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. Поводомъ для этого была главнымъ образомъ невозможность сельско-хозяйственныхъ улучшеній на земляхъ, подлежавшихъ общинному пользованію: напр., всѣ лучшіе агрономы эпохи были противъ остатковъ стараго поземельнаго устройства. Лишая крестьянъ прежнихъ выгодъ, это огораживаніе ставило ихъ еще и въ полную иногда невозможность продолжать хозяйство на привычныхъ основаніяхъ, тѣмъ болѣе вдобавокъ, что развитіе въ это же время и фабричнаго производства, убило дополнительные доходы сельскаго населенія, заключавшіеся въ заработкахъ, какіе доставлялись ему прежними кустарными промыслами, въ сельскомъ же хозяйствѣ мелкимъ земледѣльцамъ было трудно конкурировать съ крупными предпринимателями. И вотъ незначительные участки земли усиленно сбываются, находя цѣлый классъ покупщиковъ, жадно набрасывающихся на пріобрѣтеніе недвижимой собственности въ графствахъ: это были богатые мануфактуристы и коммерсанты, стремившіеся стать въ ряды джентри съ ея мѣстнымъ вліяніемъ, вытекавшимъ изъ землевладѣнія, съ ея политическимъ господствомъ, опиравшимся на мѣстное вліяніе. Агенты такихъ скупщиковъ прямо иногда заводили разорительные для мелкихъ владѣльцевъ процессы, нарочно запутывали ихъ въ неоплатные долги или просто повышали предлагаемую цѣну за намѣченный для покупки участокъ въ томъ расчетѣ, что въ новыхъ рукахъ онъ будетъ приносить бо́льшій доходъ. Новые владѣльцы уже заботились о томъ, чтобы не выпускать изъ своихъ рукъ попавшіе къ нимъ участки, и однимъ изъ средствъ для этого была заповѣдность имѣній и система пожизненныхъ владѣній: разъ установлялась заповѣдность, тѣмъ самымъ ограничивались права на землю всѣхъ наслѣдниковъ, находившихся въ живыхъ при этомъ установленіи, т.-е. имъ предоставлялось лишь пожизненное пользованіе, но отнималось у нихъ право продажи земли. Впервые заповѣдныя имѣнія установлены были въ царствованіе Эдуарда I, но суды постоянно боролись съ этою системою, и тѣмъ не менѣе въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій она успѣла настолько упрочиться, что рядомъ съ причинами, которыя вели къ уничтоженію мелкаго землевладѣнія, нужно поставить и это условіе, создававшее неотчуждаемость крупныхъ имѣній. Наконецъ, къ концу XVIII в. въ этихъ имѣніяхъ существовали большею частью уже однѣ крупныя фермы, бывшія въ рукахъ предпринимателей, которые обладали агрономическими знаніями, усовершенствованными орудіями и отличнымъ скотомъ, ведя хозяйство на раціональныхъ основаніяхъ (плодоперемѣнный сѣвооборотъ), но уже исключительно при помощи наемныхъ рабочихъ. Во второй половинѣ XVIII в. возника новая наука—политическая экономія, и первые ея

представители относились весьма сочувственно къ англійскимъ поземельнымъ и сельско-хозяйственнымъ отношеніямъ, имѣя въ виду агрономическій прогрессъ: французскіе физіократы, какъ мы увидимъ, сдѣлались поклонниками фермерской обработки земли, которую рекомендовали и своему отечеству, вмѣсто распространеннаго въ немъ мелкаго крестьянскаго хозяйства, какъ не дававшаго хорошихъ результатовъ. Англійскій агрономъ Артуръ Юнгъ, посѣтившій Францію въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII в., въ своемъ описаніи путешествія по этой странѣ равнымъ образомъ постоянно отмѣчаетъ отсталость мелкаго французскаго крестьянскаго хозяйства въ сравненіи съ фермерскимъ, установившимся на его родинѣ: по его словамъ, первое находилось еще какъ бы въ X вѣкѣ. Этотъ же соціальный строй, въ основѣ коего лежали отдѣленіе землевладѣнія (лендлордовъ) отъ непосредственнаго пользованія землею (фермерами), а послѣдняго—отъ дѣйствительнаго земледѣльческаго труда (наемныхъ рабочихъ) и былъ, такъ сказать, нормальнымъ строемъ, изучая который Ад. Смитъ положилъ начало новой школѣ политической экономіи.

Собственно говоря, Англія въ веденіи своего сельскаго хозяйства, замѣняя прежніе способы держанія земли системою временной аренды съ образованіемъ крупныхъ фермъ и установленіемъ денежной ренты, вмѣсто натуральнаго оброка, лишь опережала другія страны, гдѣ вообще еще въ XVI в. начались аналогичныя перемѣны, конечно, съ разными мѣстными отличіями. Между прочимъ, напр., въ Германіи, гдѣ въ исходѣ среднихъ вѣковъ преобладало мелкое хозяйство, съ XVI в. начинаютъ развиваться помѣщичьи фольварки (Vorwercke), и уже въ этомъ же столѣтіи были мѣстности, гдѣ земли, на коихъ велось крестьянское хозяйство, вдвое сократились сравнительно съ тѣми, которыя находились въ непосредственномъ завѣдованіи помѣщика (прежде, напр., $^2/_3$ крестьянскихъ, $^1/_3$ помѣщичьихъ, потомъ поровну тѣхъ и другихъ, наконецъ $^1/_3$ крестьянскихъ и $^2/_3$ помѣщичьихъ). Вмѣстѣ съ этимъ улучшались техническіе способы веденія хозяйства, и, благодаря имъ, земля давала гораздо лучшіе доходы, чѣмъ прежде, такъ что съ крупными имѣніями въ этомъ отношеніи не могла конкурировать мелкая крестьянская культура земли. Обезземеленіе крестьянъ въ Германіи, начавшееся въ концѣ среднихъ вѣковъ и сильно содѣйствовавшее взрыву войны 1524—25 гг. [1]), продолжалось и въ слѣдующіе вѣка, причемъ юристы, примѣнявшіе къ германскимъ аграрнымъ отношеніямъ понятія римскаго права, не переставали смотрѣть на помѣщиковъ (Grundherren), какъ на истинныхъ собственниковъ и крестьянской земли (Bauerngüter), а на тѣ участки, коими

¹) См. т. I, стр. 193 и слѣд. и т. II, стр. 87 и слѣд.

владѣли крестьяне, или какъ на римскій эмфитевзисъ [1]) или же какъ на временную аренду (Zeitpacht), не переставали прилагать и къ личнымъ отношеніямъ между господиномъ и крестьяниномъ понятія, связанныя съ римскимъ институтомъ рабства, т.-е. установляли въ теоріи неограниченную власть помѣщиковъ надъ крестьянами, donec probatur contrarium, т.-е. пока не будетъ представлено несомнѣнныхъ доказательствъ въ личной свободѣ того или другого лица, ибо во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ (in dubio) вопросъ рѣшался обыкновенно не въ пользу крестьянина. Это вело за собою превращеніе всѣхъ зависимыхъ (Hörige) въ крѣпостныхъ (Leibeigene), и многочисленныя Bauernordnungen XVI и XVII вв. *устанавливали въ Германіи два права помѣщика—право собственности надъ крестьянскою землею и неограниченную власть его надъ личностью крестьянина*. Ландтаги, въ коихъ главную роль играло дворянство, весьма сильно содѣйствовали такого рода законодательнымъ постановленіямъ, подобно тому какъ и во Франціи въ созданіи кутюмнаго права, коимъ регулировались поземельныя отношенія, доля участія падаетъ на провинціальные штаты. Своими новыми правами дворянство пользовалось особенно сильно по отношенію къ общиннымъ землямъ, какъ это было болѣе или менѣе повсемѣстно, во Франціи [2]), въ Англіи [3]), въ другихъ государствахъ.

Крестьянскія возстанія въ Германіи въ концѣ XV и началѣ XVI вв. были наиболѣе подходящимъ для дворянъ поводомъ, чтобы закрѣпостить сельское населеніе, особенно въ виду того, что въ это время землевладѣльческое сословіе стало покидать свой прежній военный бытъ и изъ рыцарей превращаться въ сельскихъ хозяевъ [4]), какъ это было, впрочемъ, не въ одной Германіи, но, напр., и въ Польшѣ. Иногда закрѣпощеніе совершалось, такъ сказать, сразу, подобно тому, какъ это было въ Венгріи, гдѣ въ 1514 г. сеймъ однимъ постановленіемъ ввелъ крѣпостничество [5]), но чаще всего оно было результатомъ медленнаго ухудшенія въ положеніи крестьянъ, которые раньше уплачивали лишь опредѣленный чиншъ (Zins, census) и отбывали опредѣленныя же натуральныя повинности, оставаясь лично свободными. Утверждалась постепенно и власть помѣщика надъ землею. Напр., въ Бранденбургѣ установился такъ-называемый Legen der Bauern или Auskaufen der Bauern, сущность коего заключалась въ

---

[1]) Ср. т. I, стр. 153—154, 193—194.
[2]) Т. I, стр. 194.
[3]) Т. I, стр. 211.
[4]) Т. II, стр. 102.
[5]) Т. I, стр. 198.

томъ, что крестьяне должны были сносить свои дворы и очищать занимаемые участки, какъ только помѣщикъ пожелаетъ на нихъ устроить новый хуторъ, хотя при этомъ крестьянинъ и получалъ нѣкоторое вознагражденіе. Кромѣ того, помѣщикъ могъ изгонять непокорнаго крестьянина изъ его двора и даже изъ деревни. Вотчинная юстиція и полиція, бывшая въ рукахъ помѣщичьяго класса, облегчала это дѣло, и благодаря сносу (Legen) крестьянскихъ дворовъ образовалось въ Бранденбургѣ большое количество крупныхъ и богатыхъ помѣщичьихъ хозяйствъ. Этотъ процессъ продолжается и въ XVIII в., вызывая противъ себя законодательныя мѣры прусскихъ королей, но уже въ XVI в. онъ успѣлъ сдѣлать многое. Извѣстно, напр., что деревня Рангдорфъ въ XIV в. состояла изъ однихъ крестьянъ, владѣвшихъ 25 гуфами; въ 1536 г. сносятся два крестьянскихъ двора, владѣвшіе пятью гуфами, въ 1586 г. еще одинъ дворъ съ тремя гуфами, и вмѣсто трехъ дворовъ образуется одинъ хуторъ. Или еще: въ деревнѣ Бритцъ помѣщику принадлежало 18 гуфъ, но путемъ Legen'а къ нимъ были присоединены въ 1583 г. три гуфы, въ 1584 г. еще три, въ 1589 г. опять три, въ 1615 г. двѣ, такъ что составилось помѣстье въ 29 гуфъ. Расширяя площадь земель, находившихся въ личномъ завѣдованіи владѣльцевъ или отдававшихся въ аренду, нѣмецкое дворянство стремилось обезпечить за собою и даровой трудъ, стѣсняя свободу передвиженія крестьянъ, свободу ихъ распоряжаться собственнымъ трудомъ, прикрѣпляя ихъ къ землѣ, установляя барщину. Постановленія ландтаговъ на этотъ счетъ были весьма разнообразны, но общая тенденція ихъ была одна — сдѣлать помѣстное дворянство распорядителемъ крестьянскаго труда. Къ концу XVII в., къ началу XVIII столѣтія этотъ процессъ завершается, *и никогда германскій крестьянинъ не находился въ такомъ угнетеніи, какъ именно въ прошломъ вѣкѣ*: въ Германіи его обезземеленіе не сопровождалось даже, какъ то было въ Англіи и Франціи, установленіемъ личной свободы. Совсѣмъ наоборотъ: *обезземеленіе и закрѣпощеніе шли рука объ руку*, т.-е. соціальный феодализмъ получалъ здѣсь иной характеръ, чѣмъ во Франціи, гдѣ его экономическая основа (соединеніе мелкаго хозяйства съ крупнымъ землевладѣніемъ) отрѣшилась отъ юридической формы (крѣпостная зависимость крестьянина), тогда какъ въ Германіи послѣдняя развилась и сдѣлалась господствующею, но уже въ интересахъ болѣе крупнаго хозяйства, вытѣснявшаго собою крестьянскую культуру. Во многихъ мѣстностяхъ Германіи крѣпостныхъ крестьянъ стали обмѣнивать и продавать, гонять каждый день на барщину, подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ за дурную работу и т. п., т.-е. начали обращаться съ ними, какъ съ настоящими рабами. Для оправданія этихъ отношеній въ XVII и XVIII вв. создавались юридическія теоріи. Если

во Франціи аристократическая исторіографія (Boulainvilliers [1]) выводила права и привилегіи дворянства изъ завоеванія его предками (франками) всей страны, то нѣмецкіе юристы XVII в. выводили отношенія между помѣщиками и крестьянами изъ договора (какъ и самое государство выводилось изъ договора), создающаго права и обязанности контрагентовъ и становящагося подъ охрану принудительной власти государства. Знаменитый Пуффендорфъ, отказывавшійся понимать устройство Священной Римской имперіи [2]), не встрѣчалъ затрудненій при объясненіи крѣпостничества. Крестьяне закрѣпощались-де, нуждаясь въ защитѣ сильныхъ и богатыхъ людей и въ пропитаніи, которое послѣдніе, какъ захватившіе всю поземельную собственность [3]), только и могли имъ дать, такъ что крѣпостное состояніе, по Пуффендорфу, есть не что иное, какъ обязательство платить постоянными услугами за постоянное и вѣрное пропитаніе (do alimenta perpetua, ut praestes operas perpetuas), но такъ какъ землевладѣлецъ прокармливаетъ не только родителей, но и дѣтей, то право господина распространяется и на потомство людей, ставшихъ въ крѣпостныя отношенія. Предполагалось еще, что соглашеніе происходило и съ военноплѣнными, разъ съ нихъ снимали оковы и они обязывались въ качествѣ рабовъ работать на господина. Такимъ образомъ *старая юридическая наука заключала въ себѣ теоріи, крайне неблагопріятныя для крестьянъ,* разрабатывали ли ее февдисты (знатоки феодальнаго права, бывшіе во Франціи защитниками сеньерьяльныхъ правъ), или легисты, изучавшіе римское право, или же, наконецъ, философы, теоретики естественнаго права. Нормы феодальнаго права, толкованіе римскихъ законовъ не въ пользу крестьянъ, теоретическія соображенія оставалось только подкрѣпить исторіей, ея фактами и выводами, за чѣмъ дѣло также не стало. Историческое построеніе Буленвилье не стояло особнякомъ во Франціи, гдѣ сеньерьяльныя права выводились изъ условной передачи земли завоевателями-франками (дворянствомъ) покореннымъ галлоримлянамъ (третьему сословію), но и въ Германіи имѣло свои аналогіи, когда въ XVIII в. юристы, напр., утверждали, что современныя имъ крестьянскія отношенія существовали испоконъ вѣка, что земля всегда принадлежала благородному сословію, что всѣ крестьяне состояли ихъ крѣпостными (Leibeigene). Такъ какъ въ XVIII в. были сдѣланы первыя попытки реформы крестьянскихъ отношеній, то признано весьма важнымъ знать, были ли эти отношенія основаны на какомъ-либо правѣ,

---

[1]) См. выше, стр. 86.

[2]) См. т. II, стр. 387.

[3]) Право собственности вообще выводилось изъ первоначальнаго захвата (jus primae occupationis, primi occupantis).

или, наоборотъ, представляли собою результатъ отдѣльныхъ правонарушеній, ибо отъ этого могъ зависѣть самый ходъ реформы. Къ сожалѣнію, въ Германіи получила авторитетъ и наибольшее распространеніе историческая теорія профессора гиссенскаго университета Іоанна Георга Эстора и его многочисленныхъ сторонниковъ, хотя теорія эта и не оставалась безъ возраженій. Небольшой трактатъ названнаго юриста „De praesumptione contra rusticos in causis operarum harumque redemptione" (1734) былъ однимъ изъ первыхъ въ этой литературѣ, сводъ которой сдѣланъ былъ въ 1775—1784 гг. въ восьмитомной „Economia forensis" Бенкендорфа, гдѣ давалась цѣлая картина историческаго прошлаго нѣмецкаго крестьянства въ смыслѣ исконности дворянскихъ правъ на землю и крѣпостного состоянія крестьянъ. Историческая наука, которой принадлежитъ такая роль въ современной жизни, тогда еще не существовала, и возражать съ исторической точки зрѣнія Эстору и его школѣ было невозможно; поэтому вся полемика велась на почвѣ идеи естественнаго права, какъ мы это видимъ уже въ брошюрѣ юриста Гаушильда „Opusculum historico-juridicum de praesumptione pro libertate naturali in causis rusticorum" (1738). Французскіе февдисты становились на ту же точку зрѣнія договорнаго происхожденія сеньерьяльныхъ правъ. Въ 1720 г. Поке де Ливоньеръ въ „Трактатѣ о феодахъ" доказывалъ это по отношенію главнымъ образомъ къ баналитетамъ, другіе распространили ту же теорію и на иныя сеньерьяльныя права. Это ученіе сдѣлалось во Франціи даже оффиціальнымъ, ибо его взяли подъ свою защиту парламенты.

Намъ придется еще вернуться къ западно-европейскому крестьянству XVIII в. и по поводу теоретической постановки крестьянскаго вопроса въ литературѣ, и по поводу реформъ какъ „просвѣщеннаго абсолютизма", такъ и французской революціи.

IX. Разложеніе цеховой организаціи [1]).

Крестьянскій и рабочій вопросы.—Мелкое хозяйство на землѣ и цеховое устройство.—Меркантилизмъ и крупная промышленность.—Упадокъ нѣмецкой промышленности въ XVII и XVIII в.—Злоупотребленія въ нѣмецкихъ цехахъ.—Неодинаковость интересовъ внутри цеха и ея послѣдствія.—Разложеніе французскихъ цеховъ въ новое время.—Цехи и государственная власть во Франціи.—Французскій цехъ въ XVII в.—Характеръ правительственной регламентаціи.—Англійская промышленность въ средніе вѣка и въ новое время.—Цехи и фабрики въ Англіи XVIII вѣка.—Заключительныя замѣчанія.

Въ XVIII в. былъ поставленъ и въ жизни, и въ ея выраженіи—литературѣ крестьянскій вопросъ, къ рѣшенію коего и приступили

[1]) Для этой главы см. въ томѣ I главы XVIII (о цехахъ) и XIX (о денежномъ

нѣкоторыя европейскія правительства, хотя дѣло это шло весьма туго, пока французская революція и распространеніе ея идей и учрежденій, въ эпоху войнъ республики и имперіи Наполеона I, по всей почти западной Европѣ не дали новаго толчка этому дѣлу. Это былъ главный соціальный вопросъ прошлаго вѣка. Въ XIX в. его мѣсто занялъ такъ-называемый рабочій вопросъ, порожденный развитіемъ капиталистическаго производства, появленіемъ рабочаго пролетаріата, бѣдствіями пауперизма, особенно послѣ того переворота въ обрабатывающей промышленности который произошелъ въ концѣ вѣка, благодаря изобрѣтенію великаго множества машинъ и—рядомъ съ этимъ—благодаря отмѣнѣ старыхъ формъ организаціи рабочаго класса, которыя сами отжили свое время и нуждались въ коренной реформѣ. Имѣя здѣсь въ виду не то новое, которое зарождалось [1]), но то старое, которое разлагалось, требовало реформы или должно было пасть въ общемъ крушеніи „старыхъ порядковъ", мы ограничимся лишь немногими фактами изъ затрогиваемой здѣсь стороны экономическаго быта, получившей особенно важное историческое значеніе въ XIX вѣкѣ.

Между земледѣльческимъ и ремесленнымъ бытомъ въ средніе вѣка существовала аналогія: и въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ обрабатывающей промышленности преобладалъ мелкій производитель, каковымъ являлся или крестьянинъ, обрабатывавшій за оброкъ свой наслѣдственный надѣлъ, или цеховой мастеръ, хозяинъ маленькаго ремесленнаго заведенія: какъ у одного, такъ и у другого было въ обладаніи все необходимое для труда—своя земля, свое помѣщеніе для занятія ремесломъ, свой скотъ и свои сѣмена, свой матеріалъ, шедшій въ работу, свои земледѣльческія орудія, свои станки и инструменты. Развитіе денежнаго хозяйства въ обоихъ случаяхъ шло рука объ руку, во-первыхъ, съ развитіемъ крупнаго фермерскаго хозяйства (въ Англіи) и крупныхъ мануфактуръ, во-вторыхъ съ распаденіемъ земледѣльческаго и промышленнаго классовъ на предпринимателей, снимающихъ или покупающихъ землю, строящихъ фабрики и заводы, обладающихъ скотомъ, земледѣльческими орудіями, машинами и т. п., и на рабочихъ, живущихъ исключительно трудами рукъ своихъ. Подобно тому, какъ денежное хозяйство не сразу вытѣснило мелкую земледѣльческую

хозяйствѣ), гдѣ есть общія указанія и на литературу. См. также дополненія проф. И. В. Лучицкаго къ рус. пер. Новой исторіи Зеворта, между коими есть главы о состояніи промышленности въ З. Европѣ въ XVI, XVII и XVIII вв. Levasseur. Histoire des classes ouvrières en France.—Babeau. Les artisans et les bourgeois d'autrefois.—Clément. Histoire du système protecteur en France depuis Colbert.

[1]) Объ этомъ рѣчь будетъ идти въ IV томѣ; ср. выше, примѣчаніе въ концѣ VII главы, стр. 94.

культуру, такъ не сразу оно вытѣснило и мелкіе цеховые промыслы, и подобно тому, какъ крестьянское хозяйство тѣсно было связано съ отношеніями средневѣковаго соціальнаго феодализма, такъ и мастерства всякаго рода, которыя еще не перешли къ фабричному устройству, сохраняли корпоративныя формы, столь вообще развитыя въ средневѣковой жизни, когда при безсиліи государства человѣку изъ народа нужно было или найти себѣ какого-либо сеньера, или соединиться съ другими людьми въ корпорацію—въ гильдію, цехъ, коммуну. Каждая средневѣковая корпорація стремилась обыкновенно строго отдѣлить себя отъ всего, что не принадлежало къ ея составу, но и въ замкнутомъ цѣломъ развивались привилегіи, вносившія въ него внутреннее разложеніе, особенно если этому способствовали еще и извнѣ. Въ XVIII в. цехъ не былъ уже единственной формой организаціи обрабатывающей промышленности, да и внутри его совершалось разложеніе, происходило разстройство, многое являлось устарѣлымъ, ждавшимъ только наступленія той минуты, когда должна была придти окончательная гибель.

Въ экономической политикѣ западная Европа перешла изъ XVII в. въ XVIII при господствѣ той системы, которая получила названіе меркантилизма [1]. Только въ серединѣ XVIII столѣтія новая экономическая теорія, извѣстная подъ названіемъ физіократіи, наноситъ ему сильный ударъ, за которымъ послѣдовалъ вскорѣ (1776) другой—появленіе „Богатства народовъ“ Адама Смита [2]. Теорія и практика Кольбера нашла подражателей не въ одной Франціи и доводилась въ другихъ странахъ, напр., въ Германіи, въ эпоху развитія полицейскаго государства, до такихъ крайностей, какихъ умѣла избѣгать на родинѣ. Эта экономическая политика *была въ высшей степени благопріятна для развитія крупной промышленности, которой она всячески покровительствовала*, такъ что меркантилизмъ, т.-е. система, выдвигавшая на первый планъ торговые интересы, была синонимомъ протекціонизма.

Не одна Франція, благодаря Кольберу, развила у себя крупныя мануфактуры; онѣ появились и въ другихъ странахъ, особенно въ Англіи, которая въ XVIII в. сдѣлалась главною страною промышленности и торговли. Крупная промышленность, коей въ концѣ XVIII в. суждено было вступить въ новую фазу развитія, благодаря главнымъ образомъ изобрѣтенію машинъ, *уже въ значительной мѣрѣ вытѣснила къ тому времени мелкое цеховое производство*. Какъ и

---

[1]) Т. I, стр. 247 и т. II, стр. 414 и гл. XL (вторая половина). См. также ниже указанія на исторію политической экономіи.

[2]) Объ этомъ ниже.

всѣ экономическіе процессы, такъ и разложеніе средневѣковой цеховой системы происходило медленно и постепенно, въ разныхъ странахъ въ разное время, въ однихъ отношеніяхъ ранѣе, чѣмъ въ другихъ, подъ вліяніемъ массы причинъ, столь, повидимому, несхожихъ между собою, какъ несхожи причины, убивавшія всякую вообще промышленность (напр., тридцатилѣтняя война для Германіи), и наоборотъ, причины, способствовавшія процвѣтанію промышленной дѣятельности, но въ то же время выводившія ее на новую дорогу крупнаго производства. Въ Германіи цеховая жизнь достигаетъ высшей точки своего развитія въ вѣкъ гуманизма и реформаціи, когда нѣмецкій народъ переживалъ лучшую пору своей новой исторіи, хотя уже и тогда складывались неблагопріятныя условія для всего послѣдующаго культурнаго и соціальнаго развитія страны. *Въ XV и XVI вѣкахъ нѣмецкій цехъ, такъ сказать, отливается въ свою окончательную форму,* въ то самое время, какъ цеховая организація охватываетъ все большее и большее количество промысловъ, такъ что, наконецъ, даже врачи, учителя, нотаріусы, цирульники, музыканты, гробокопатели также организуются на цеховыхъ началахъ. И муниципальныя власти имперскихъ городовъ, и княжескія правительства, все болѣе и болѣе начинавшія вообще вмѣшиваться въ разнообразныя сферы общественной жизни, оставляли основы цеховой организаціи въ неприкосновенности, хотя и начинали регламентировать отдѣльныя ея стороны. Конечно, не всѣ промыслы одинаково процвѣтали, что зависѣло отъ массы крайне разнообразныхъ причинъ, и уже во второй половинѣ XVI в. нѣкоторыя отдѣльныя отрасли нѣмецкой промышленности стали приходить въ упадокъ, но главнымъ образомъ тридцатилѣтняя война нанесла ударъ матеріальному благосостоянію нѣмецкой націи: вмѣстѣ съ земледѣліемъ, страшно пострадавшимъ въ эту эпоху, и торговлею, которая совершенно пала и изъ имперскихъ городовъ Германіи переселилась въ Голландію и Англію,—пришла въ упадокъ и промышленность. Съ вестфальскаго мира княжеская власть дѣлается почти исключительнымъ, чуть не единственнымъ самостоятельнымъ факторомъ въ общественной жизни. Старые имперскіе города, въ коихъ процвѣтали когда-то промышленность и торговля, уступили мѣсто княжескимъ резиденціямъ, до того времени не игравшимъ никакой роли, особенно столицамъ болѣе значительныхъ государей, носившихъ даже по своимъ внѣ германскимъ владѣніямъ королевскій титулъ: таковы были Дрезденъ, Берлинъ, Ганноверъ, ибо курфюрстъ саксонскій былъ королемъ польскимъ, бранденбургскій—прусскимъ, ганноверскій—англійскимъ. Прежняя общественная самодѣятельность, выражавшаяся въ формѣ разныхъ союзовъ и породившая цеховую организацію промышленности, должна была склониться передъ развитіемъ княжескаго чиновничества, создавшаго своею дѣятельностью полицей-

ское государство прошлаго вѣка. Правительственная регламентація промышленности исходила изъ идей, діаметрально противоположныхъ старымъ традиціямъ цеховъ, заботившихся о томъ, чтобы выгодами отъ ремесла пользовалось наибольшее количество людей, имъ занимающихся: это вѣдь и поддерживало цеховую форму промышленности— небольшія мастерскія, хозяева коихъ работали сами съ небольшимъ числомъ подмастерьевъ и учениковъ. Первыми въ Германіи піонерами новой формы промысловъ, т.-е. фабрикъ, составляющихъ собственность предпринимателей, которые ведутъ свое дѣло трудомъ наемныхъ рабочихъ и постоянно ищутъ правительственной поддержки, были съ конца XVII в. французскіе эмигранты, именно гугеноты послѣ отмѣны нантскаго эдикта, большею частью коммерсанты и фабриканты, которые нашли пріютъ въ Бранденбургѣ, Гессенѣ, Мекленбургѣ и Голштиніи. Общая картина, представляемая германскою промышленностью въ XVIII в., самая печальная; ремесленное сословіе было немногочисленно, бѣдно, лишено техническихъ знаній, часто едва влачило свое жалкое существованіе, не смотря на всѣ заботы отдѣльныхъ правительствъ, направленныя къ поднятію мѣстной промышленности, пока не явилась мысль о томъ, что сами цехи—вредное учрежденіе тормозящее индустріальное развитіе, хотя при этомъ никто не зналъ, что же поставить на мѣсто упраздненныхъ цеховъ. Послѣдніе, дѣйствительно, требовали реформы, ибо въ ихъ жизнь проникли разнаго рода злоупотребленія, противъ коихъ боролись съ перемѣннымъ успѣхомъ и старые цеховые уставы. Жалобы на злоупотребленія усиливаются съ конца XVI в., дѣлаются благовиднымъ предлогомъ для систематическаго ограниченія прежняго цехового самоуправленія въ пользу княжеской администраціи, которая, однако, не столько заботилась объ устраненіи цеховыхъ золъ, сколько объ общихъ интересахъ государства, такъ или иначе понимаемыхъ,—и служатъ основою для враждебнаго отношенія къ цехамъ въ XVIII в., а вмѣстѣ съ тѣмъ и предметомъ разныхъ законодательныхъ мѣръ. Злоупотребленія, о коихъ идетъ рѣчь, возникали на почвѣ конкурренціи между отдѣльными цехами, особенно если они занимались близкими между собою ремеслами, на антагонизмѣ между мастерами и ихъ „товарищами (Gesellen), т.-е. подмастерьями и т. п. Въ эпоху процвѣтанія цеховъ злоупотребленія были, такъ сказать, болѣзненными наростами на здоровомъ тѣлѣ, устранявшимися съ большею или меньшею легкостью, но въ эпоху упадка старой организаціи ремесленнаго сословія они превратились во внутренній хроническій недугъ, не поддававшійся никакому лѣченію, тѣмъ болѣе, что и лѣченіе было не особенно умѣло.

Цехъ былъ учрежденіемъ очень сложнымъ, въ образованіи и развитіи коего участвовали факторы самаго несходнаго значенія, начиная съ нравственно-религіозныхъ воззрѣній и кончая техническими

условіями производства, да включая еще въ число этихъ факторовъ моменты экономическіе, юридическіе и политическіе. Поэтому и въ цехахъ заинтересованы были, кромѣ его членовъ, разные соціальные элементы— производители сырья и потребители продуктовъ, купцы, представители городского самоуправленія, сама государственная власть и т. п., и каждая такая общественная сила стремилась приспособить цеховую организацію къ своимъ интересамъ, разумѣется, средствами, ей, этой общественной силѣ, доступными. Неодинаковы были интересы и отдѣльныхъ членовъ цеха, но одна изъ raisons d'être той регламентаціи, коей подчинялъ цехъ личную дѣятельность своихъ членовъ, того стѣсненія ихъ свободы, какое лежало въ основѣ его уставовъ, заключалась въ томъ, чтобы не дать однимъ членамъ ремесленнаго сословія возвыситься надъ другими, предоставить всѣмъ по возможности одинаковый заработокъ, открыть доступъ младшимъ членамъ сословія (ученикамъ и подмастерьямъ) къ званію мастера и, слѣдовательно, къ хозяйственной самостоятельности, примирить такимъ образомъ интересы отдѣльныхъ группъ ремесленниковъ одной и той же спеціальности. Пока цехи были вѣрны этимъ принципамъ, они были явленіемъ жизненнымъ, *внутреннее же разложеніе цеховъ въ томъ и заключалось, что они измѣняли своему назначенію, не только налагая на свободу личности ненужныя стѣсненія, но и создавая внутреннее неравенство въ ремесленномъ сословіи* путемъ предоставленія привилегій меньшинству въ ущербъ правамъ и интересамъ большинства. Это былъ длинный процессъ, и въ немъ играли роль весьма сложныя причины, но существо дѣла состояло въ томъ, что параллельно съ затрудненіями, которыя создавались уже съ конца XVI и начала XVII в. для всѣхъ, желавшихъ вступать въ цехи, увеличивалась и требовательность по отношенію къ прохожденію цеховыхъ степеней, безъ котораго нельзя было сдѣлаться мастеромъ. Мало-помалу право на самостоятельный ремесленный трудъ стало разсматриваться, какъ выгодная привилегія, и лица, ею обладавшія, т.-е. мастера стали всѣми способами ограничивать число привилегированныхъ ремесленниковъ и стремиться къ тому, чтобы передавать свое право по наслѣдству вдовамъ и сыновьямъ или дочерямъ своимъ, затрудняя доступъ къ званію мастера посредствомъ строгаго отношенія къ пробной работѣ (Meisterstück), если ищущее званія лицо не дѣлало большого взноса или не устраивало дорогостоющихъ угощеній для своихъ судей, и вообще обставляя всю внутреннюю жизнь цеха разнаго рода формальностями. Между мастерами и подмастерьями и ранѣе существовалъ своего рода антагонизмъ, происходили конфликты, но отношенія эти до извѣстной степени регулировались тѣмъ, что подмастерья заключали между собою союзы, съ общимъ же паденіемъ про-

мышленности, съ утратою общественными силами ихъ прежней самостоятельности вслѣдствіе роста бюрократическаго управленія, союзы эти потеряли свое значеніе.

Еще въ большемъ разложеніи, чѣмъ въ Германіи, былъ цеховой строй во Франціи, гдѣ уже въ XVI столѣтіи между мастерами и подмастерьями шла борьба, сопровождавшаяся стачками послѣднихъ и даже насильственными съ ихъ стороны дѣйствіями. Нерѣдко мастера сами не занимались ремесломъ, живя просто доходами съ своихъ заведеній, передававшихся отъ отца къ сыну и часто отдававшихся внаймы подмастерьямъ, которые никакъ не могли сами попасть въ мастера. И здѣсь очень рано стали создаваться затрудненія для желающихъ добиться званія мастера, и бывали случаи, что мастера не учили, какъ слѣдуетъ, своихъ учениковъ, дабы они не могли представить надлежащей пробной работы (chef—d'oeuvre). Съ другой стороны, за деньги и мастеромъ легко можно было сдѣлаться раньше всѣхъ законныхъ сроковъ, безъ хорошаго знанія своего ремесла, безъ собственной пробной работы, которую за кандидата въ мастеры дѣлалъ какой-либо мастеръ, тогда какъ отъ бѣднаго человѣка требовали труднаго, дорого стоющаго образцоваго произведенія. Среди самихъ мастеровъ уже въ XVI в. возникли еще отличія, такъ какъ они дѣлились на молодыхъ, новыхъ и старыхъ (jeunes, modernes et anciens) съ разными правами въ корпоративной жизни, и потому цехъ все болѣе и болѣе получалъ олигархическое устройство. Въ цеховыя должности выбирались только самые привилегированные мастера, платившіе за свое избраніе подарками и пирушками, ибо на должностяхъ этихъ можно было наживаться взяточничествомъ и разнаго рода обычными доходами, въ родѣ пошлины, платившейся всякимъ вновь принятымъ мастеромъ или при переходѣ мастеровъ изъ низшихъ категорій въ высшія. Всѣ эти злоупотребленія очень рано стали служить поводомъ для королевскаго вмѣшательства въ цеховую жизнь, но и оно получало очень часто только фискальный характеръ, когда короли, напр., продавали за деньги и отдѣльныя цеховыя должности, и самое званіе мастера. Благодаря тому, что мастеромъ можно было сдѣлаться по королевскому патенту или lettre de maîtrise (еще съ Людовика XI), въ цехи вступали люди, совершенно имъ чуждые, незнакомые съ своимъ ремесломъ, и такіе люди облагались при вступленіи особою пошлиною въ пользу должностныхъ лицъ цеха. Духъ независимости, коимъ отличались многія французскія ремесленныя корпораціи, заставлялъ королевскую власть равнымъ образомъ слѣдить за тѣмъ, что происходило въ ихъ средѣ, всячески устраняя изъ ихъ жизни все, что было хотя бы намекомъ на политическое значеніе, на самоуправленіе, но оставляя неприкосновенными всѣ основы цехового быта, какъ орга-

низаціи промышленнаго труда, даже покровительствуя олигархическому характеру, какой она принимала: только вопіющія злоупотребленія находили отпоръ въ законодательствѣ. Та регламентація производства, которая въ средніе вѣка принадлежала самимъ цехамъ, дѣлавшимъ ее все болѣе и болѣе мелочною и придирчивою, перешла въ XVI в. въ руки государства, но оно, продолжая въ этомъ отношеніи прежнюю дѣятельность самихъ ремесленныхъ корпорацій, преслѣдовало преимущественно цѣли или фискальныя, или политическія: король одинъ можетъ дѣлать мастеровъ, король одинъ имѣетъ право создавать монополіи, вотъ тѣ принципы, коими руководствовалось французское правительство, передѣлывая цеховые уставы или вмѣшиваясь въ отдѣльныя проявленія цеховой жизни, тогда какъ, наоборотъ, само ремесленное сословіе крѣпко держалось за свои традиціи. Между прочимъ, цехи отстаивали свои монопольныя права противъ новыхъ способовъ производства, вводившихся во Франціи въ XVII в., особенно въ эпоху Кольбера, который сильно регламентировалъ цеховую промышленность и *разными привилегіями, субсидіями и поощреніями создавалъ небывалыя до того времени во Франціи отрасли индустріи и крупныя предпріятія фабричнаго характера*. Въ XVIII в. регламентація промышленности усилилась до-нельзя, и всѣ мелочи производства подлежали вѣдѣнію спеціальныхъ правительственныхъ инспекторовъ, не смотря на то, что старыя основы ремесленнаго быта со всѣми злоупотребленіями, сдѣлавшимися въ немъ хроническими, оставались въ полной силѣ.

Французская ремесленная корпорація представляется намъ въ XVIII в. въ слѣдующемъ видѣ. Ея полноправными членами по прежнему являются мастера (maîtres), но сдѣлаться мастеромъ можно или по королевской грамотѣ, купивъ ее за деньги и даже освободившись тѣмъ самымъ отъ необходимости представленія ремесленнаго chef—d'oeuvre, или по наслѣдству отъ стараго мастера, будучи его сыномъ, женившись на его вдовѣ, получивъ званіе и заведеніе въ приданое за его дочерью, съ обязательствомъ, однако, представленія пробной работы и подъ условіемъ, взносовъ и угощенія. Ремесленная аристократія была своего рода замкнутой кастой и, чтобы не пускать чужихъ въ свою среду, нерѣдко покупала королевскіе патенты на званіе мастера, дабы ихъ не могли пріобрѣсти посторонніе кандидаты. Подмастерью, по прежнему называвшемуся товарищемъ (compagnon), уже трудно было теперь выбиться изъ своего положенія: ему оставалось вѣчно быть простымъ рабочимъ, разъ не было такой вдовы или дочери мастера, на которой онъ могъ бы жениться. Положеніе „компаньона“ все болѣе и болѣе приближалось къ тому, какое занялъ наемный рабочій на большой фабрикѣ, возникшей въ XVIII

вѣкѣ: между нимъ и хозяиномъ (patron) большая разница; хозяинъ по своему произволу можетъ прогнать рабочаго, оставивъ его безъ крова и куска хлѣба; противъ хозяина у рабочихъ одно средство— стачка, грозящая ему невозможностью исполнить взятыя на себя обязательства. Подмастерья, дѣйствительно, прибѣгали къ этому средству. Положеніе учениковъ въ цехѣ было еще болѣе безотвѣтное. Срокъ ученія былъ длинный: ученикъ могъ сдѣлаться хорошимъ работникомъ и тѣмъ не менѣе пользоваться отъ своего мастера лишь однимъ содержаніемъ, не получая никакого жалованія, т.-е. не переходя въ званіе подмастерья. Управлялся цехъ особымъ совѣтомъ, носившимъ названіе jurande по имени своихъ членовъ, которые назывались juré's, т.-е. присяжными; ихъ было обыкновенно въ каждой корпораціи четверо или шестеро, и выбирались они изъ мастеровъ, причемъ право избирать присяжныхъ иногда принадлежало только старымъ мастерамъ, иногда самому присяжному совѣту, который такимъ образомъ пополнялся самъ собою, если только присяжныхъ не назначали муниципальныя власти или королевскіе чиновники, иногда даже сеньерьяльные агенты. Въ компетенцію жюранды входило дѣлать оцѣнку пробной работѣ, наблюдать за исполненіемъ уставовъ и регламентовъ съ правомъ наложенія штрафовъ на отступающихъ отъ предписанныхъ правилъ, иногда раскладывать прямые налоги между членами цеха, смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ городѣ лицо, постороннее цеху, не занималось ремесломъ, чтобы въ окрестныхъ деревняхъ равнымъ образомъ не смѣли имъ заниматься. Ремесленные регламенты касались даже мелочей производства, опредѣляя, напр., ширину ткани, длину каждаго отдѣльнаго ея куска, число нитокъ въ ея основѣ, предписывая, какимъ инструментомъ выдѣлывать ту или другую вещь, запрещая отступать отъ установленныхъ образцовъ, фасоновъ и т. п. Но и отъ этихъ регламентовъ можно было избавиться посредствомъ пріобрѣтенія новой привилегіи — титуловаться поставщикомъ короля или принца крови и какого-либо важнаго сеньера. Регламенты разграничивали области промышленности между отдѣльными цехами, но предвидѣть все было трудно, и отсюда возникали постоянные процессы между отдѣльными корпораціями, обходившіеся одному Парижу въ цѣлый милліонъ ливровъ ежегодно. Одинъ такой процессъ тянулся чуть не черезъ все XVIII столѣтіе, такъ какъ судьи никакъ не могли рѣшить вопросъ объ основательности претензій спорящихъ сторонъ и постановить рѣшеніе, которое удовлетворило бы и ту, и другую, сторонами же этими были портные и тряпичники, занимавшіеся починкою стараго платья. *Старыя формы цеховой жизни совсѣмъ не соотвѣтствовали потребностямъ новой жизни*: онѣ уже не служили тѣмъ интересамъ, которые ихъ создали, а между тѣмъ дробныя подраздѣ-

ленія ремеслъ и рутина, поддерживаемая регламентаціей, мѣшали техническому совершенствованію, требовавшему часто соединенія въ однѣхъ рукахъ двухъ разныхъ по закону производствъ или введенія новыхъ пріемовъ работы, новыхъ образцовъ, развитія личной иниціативы, дѣланія опытовъ; что же касается до рѣзкой замкнутости цеха, имѣвшей смыслъ только подъ условіемъ допущенія къ самостоятельному ремеслу людей, дѣйствительно, способныхъ вести его, знающихъ свое дѣло, опытныхъ въ немъ, добросовѣстныхъ, то ничего уже этого не было во французскомъ цехѣ XVIII в. Старые уставы ограничивали число учениковъ или подмастерьевъ одного и того же мастера ради того, чтобы установить между мастерами равенство, но ограниченное число учениковъ и подмастерьевъ было и однимъ изъ условій для того, чтобы всякій впослѣдствіи могъ расчитывать сдѣлаться мастеромъ: теперь эти ограниченія получали иной смыслъ, ибо цехи смотрѣли на себя, какъ на привилегированныя корпораціи, доступъ въ которыя нужно затруднять всяческими путями. Однимъ словомъ, французскіе цехи имѣли характеръ учрежденій, отжившихъ свое время, несоотвѣтствовавшихъ условіямъ вѣка остатковъ средневѣковой старины. Кромѣ фискальныхъ поборовъ, отъ которыхъ терпѣли ремесленныя корпораціи Франціи, онѣ погибали матеріально и отъ внутренняго своего разстройства, на что указываетъ и страшная ихъ задолженность.

Правительственная регламентація промышленности, въ силу которой создавались должности особыхъ фабричныхъ инспекторовъ (1670) для наблюденія за шириной и длиной тканей, наложенія на нихъ клеймъ и т. п., или особыхъ контролеровъ надъ цеховыми присяжными (inspecteurs et contrôleurs dans les communautés des arts et métiers) и т. п., коснулась въ XVIII в. и взаимныхъ отношеній между предпринимателями и рабочими. Когда первыми были исключительно мастера, а вторыми ихъ „компаньоны“ и когда послѣдніе могли расчитывать на то, чтобы со временемъ самимъ сдѣлаться хозяевами ремесленныхъ заведеній, взаимныя отношенія тѣхъ и другихъ не обострялись до такой степени, какъ теперь, тѣмъ болѣе, что они усложнились развитіемъ новой формы—крупныхъ мануфактуръ. Заботы правительства о правильномъ ходѣ фабричныхъ предпріятій заставляли его, начиная со временъ Кольбера, *придумывать мѣры къ тому, чтобы, такъ сказать, прикрѣпить рабочаго къ заведенію, въ коемъ онъ работалъ*, наложеніемъ штрафовъ за самовольный уходъ, и поставить рабочаго лицомъ къ лицу съ предпринимателемъ посредствомъ запрещенія какихъ-либо рабочихъ союзовъ въ родѣ старыхъ союзовъ подмастерьевъ: въ такомъ именно смыслѣ былъ изданъ въ 1749 году общій рабочій регламентъ, опредѣлявшій при соблюденіи ка-

кихъ условій ремесленникъ могъ покинуть своего патрона. Рабочій, получившій впередъ деньги отъ хозяина, этимъ регламентомъ отдавался ему во власть и могъ быть вытребованъ въ случаѣ ухода черезъ полицію даже тогда, когда съ нимъ дурно обращались у того хозяина, коего онъ покидалъ. Стремленіе все регламентировать не касалось, однако, положенія самихъ рабочихъ, уже вышедшихъ изъ патріархальныхъ условій стараго цехового быта. Впрочемъ, вопросу объ отношеніяхъ между фабрикантами и рабочими пришлось выдвинуться впередъ лишь въ XIX в. послѣ того, какъ введеніе машинъ въ концѣ прошлаго вѣка произвело цѣлый промышленный переворотъ, сильно отразившійся и на соціальныхъ отношеніяхъ.

Извѣстно, что родиной, мѣстомъ перваго проявленія этого переворота была Англія. Въ средніе вѣка въ этой странѣ, городская жизнь, обрабатывающая промышленность, цеховая организація ремеслъ (такъ-называемыя гильдіи), самостоятельность ремесленныхъ союзовъ, были развиты весьма мало, и ранѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, *государственная власть начала здѣсь заниматься по собственному почину организаціей и регламентаціей зарождавшейся промышленности*, въ то время, какъ во Франціи и Германіи, гдѣ въ соотвѣтствующія эпохи среднихъ вѣковъ и государство было слабѣе, и городская жизнь получила широкую автономію, цехи были результатомъ самодѣятельности самихъ ремесленниковъ. Взявъ на себя завѣдованіе такимъ сложнымъ дѣломъ, какъ промышленность, англійская государственная власть заботилась главнымъ образомъ о томъ, чтобы воспрепятствовать образованію крупной промышленности, отъ которой могли бы пострадать интересы рабочихъ классовъ, почему, напр., законъ не допускалъ соединенія въ однѣхъ рукахъ нѣсколькихъ производствъ, ограничивалъ число учениковъ и помощниковъ у одного и того же ремесленника, запрещалъ даже вводить нѣкоторыя техническія усовершенствованія въ родѣ сукноваленъ, въ коихъ работала вода, какъ въ мельницѣ, а не руки рабочихъ, т.-е. дѣлалъ все то, обратное чему происходило въ той же Англіи позднѣе, когда въ ней создались большія и сложныя производства, съ массою рабочихъ рукъ, отнятыхъ отъ сельскаго хозяйства обезземеленіемъ крестьянства, съ разнообразными машинами, замѣняющими человѣческій трудъ, но и со всѣми ужасами рабочаго пауперизма. Въ новое время въ странѣ развились многія отрасли промышленности, но всѣ онѣ долго находились въ рукахъ отдѣльныхъ ремесленниковъ, хотя мало-по-малу въ экономическую жизнь и начинало проникать и крупное производство, коему было впослѣдствіи суждено сдѣлаться господствующимъ. Въ Англіи процессъ этотъ совершился съ особенною быстротою, т.-е. если въ промышленномъ отношеніи она прежде отставала отъ Германіи и

Франціи, то впослѣдствіи она опередила и ту, и другую и именно на поприщѣ крупнаго производства. На первыхъ порахъ зарожденія въ Англіи промышленнаго капитала *крупныя предпріятія были рѣдкими исключеніями, но за то весьма часты были случаи, когда за промышленность брались обладатели небольшихъ капиталовъ,* вызывая тѣмъ неудовольствіе со стороны прежнихъ ремесленниковъ, работавшихъ не на коммерческихъ началахъ, какъ работаютъ теперь русскіе деревенскіе кустари, т.-е. ради собственнаго пропитанія, тогда какъ небольшіе капиталисты имѣли въ виду уже обогащеніе. Въ XVI в. Англія была еще страною земледѣльческою, въ XVIII столѣтіи она сдѣлалась, наоборотъ, страною торговою и промышленною: этому, между прочимъ, содѣйствовали переселенія въ нее континентальныхъ ремесленниковъ и промышленниковъ изъ протестантовъ, гонимыхъ на родинѣ, обезземеленіе крестьянъ, заставлявшее ихъ искать городскихъ заработковъ и др. подобныя причины, позднѣе изобрѣтеніе машинъ. *Страшное обогащеніе торговлею одного класса общества и увеличеніе числа лицъ, ищущихъ заработка внѣ земледѣльческихъ занятій, должны были способствовать съ особою силою созданію фабричной дѣятельности,* съ которою не могла конкурировать прежняя кустарная форма производства, когда, напр., бумажныя ткани выдѣлывались такимъ образомъ: мастерскою служилъ коттеджъ ткача, который былъ главою работавшей вмѣстѣ съ нимъ семьи, такъ какъ пряжу для него приготовляли тутъ же его жена и дочери, да и онѣ же сами и чесали хлопчатую бумагу особыми ручными чесальными щетками. Первые признаки будущаго капитализма, которые существовали въ XVI в. въ видѣ болѣе богатыхъ мастеровъ, къ концу XVIII в. уже достигли сильной степени развитія. Это отразилось и на исторіи англійскихъ цеховъ въ новое время.

Уже въ началѣ XVII в. *англійскій цехъ получилъ характеръ общества капиталистовъ.* Въ немъ различались наиболѣе богатые члены (livery), обыкновенные мастера (householders) и всѣ остальные рабочіе (freemen, yeomanry или bachelors); управленіе дѣлами цеха было въ рукахъ особаго совѣта (court of assistants), состоявшаго лишь изъ членовъ перваго класса; права младшихъ членовъ были ограничены, и сами они должны были подчиняться строгимъ уставамъ подъ страхомъ разныхъ наказаній. Доступъ рабочихъ къ званію мастера былъ затрудненъ уже тѣмъ, что для самостоятельнаго занятія ремесломъ по тогдашнимъ условіямъ можно было, лишь обладая извѣстнымъ капиталомъ, а младшіе члены цеховъ составляли свои собственные союзы, такъ какъ мастера и ихъ притѣсняли. Но и сами цехи должны были приходить въ упадокъ вслѣдствіе того, что *у мастеровъ явились опасные для нихъ конкуренты въ лицѣ разбога-*

тѣвшихъ купцовъ, которые стали прилагать свои капиталы къ промышленности. Другими словами, если въ нѣдрахъ самихъ цеховъ кореннымъ образомъ разошлись интересы старшихъ и младшихъ членовъ и первые составили изъ себя классъ мелкихъ капиталистовъ, вполнѣ подчинившихъ себѣ классъ простыхъ рабочихъ, то извнѣ, старую цеховую организацію подтачивали крупные капиталисты, ведшіе свое промышленное дѣло внѣ цеховой организаціи и прямо въ ущербъ старой формѣ мелкаго производства. И то, и другое было неблагопріятно для большинства рабочаго класса, среди коего стали поэтому возникать стачки, происходить возмущенія, а въ концѣ XVIII в. образовываться особые союзы, или клубы, подаваться петиціи въ парламентъ съ жалобами на фабрикантовъ, находившихъ, однако, въ немъ поддержку.

Однимъ словомъ, старая цеховая организація въ XVIII в. не соотвѣтствовала болѣе ни лучшимъ изъ своихъ прежнихъ принциповъ, ни условіямъ и потребностямъ времени: *она монополизировала занятія ремеслами въ рукахъ привилегированной цеховой аристократіи; она не выдерживала конкуренціи съ системою крупнаго фабричнаго производства; она была тормазомъ для техническихъ усовершенствованій; наконецъ, она стѣсняла личную иниціативу и вообще индивидуальную свободу* въ индустріальныхъ занятіяхъ. Между тѣмъ это была единственная, признававшаяся закономъ форма рабочей ассоціаціи, выгодами которой, однако, громадное большинство рабочаго класса не пользовалось по той причинѣ, что цехи сдѣлались корпораціями, въ коихъ господствовали принципы олигархіи, попытки же подмастерьевъ, а впослѣдствіи и фабричныхъ рабочихъ устраиватьстачки или образовывать болѣе прочные союзы встрѣчали противодѣйствіе со стороны государства.

X. Связь „старыхъ порядковъ“ съ внѣшней политикой [1]).

Связь между внѣшнею политикой и внутренней исторіей въ новое время.— Эпохи реформаціи и революціи.—Внѣшняя политика въ XVIII в.—Вліяніе внутренняго строя государства на внѣшнюю политику.—Абсолютная монархія и династическіе интересы —Внѣшняя политика и коммерческіе интересы.—Колоніальная политика и колоніальныя войны. — Начало народности. — Международный взглядъ на политическія формы и революціи. — Замѣчаніе о книгѣ Сореля. — Разложеніе «стараго порядка».

Исторія внѣшней политики и международныхъ отношеній не входитъ въ задачу нашего обзора развитія внутреннихъ—культурныхъ,

---

¹) Laurent. La politique royale (ср. стр. 30). — Сорель. Европа и французская революція, т. I. Политическіе нравы и традиціи (ср. выше, стр. 7—9).— Himly. Histoire de la formation des états de l'Europe centrale. Указанная въ

соціальныхъ и политическихъ—отношеній въ исторической жизни западно-европейскихъ народовъ [1]), но весьма часто внѣшняя политика, война и миръ между государствами, ихъ взаимные интересы и союзы или, наоборотъ, раздоры находятся въ тѣснѣйшей связи съ политикою внутреннею, съ господствующими историческими теченіями въ жизни отдѣльныхъ народовъ. Такъ было, напр., въ эпоху реформаціи и католической реакціи, когда однимъ изъ главныхъ внутреннихъ вопросовъ былъ вопросъ вѣроисповѣдный и когда внѣшняя политика государствъ въ значительной мѣрѣ опредѣлялась тѣмъ, какое рѣшеніе въ томъ или другомъ изъ нихъ получалъ указанный внутренній вопросъ. Другими словами, это было время, когда борьба между католицизмомъ и протестантизмомъ велась не только въ отдѣльныхъ странахъ, вызывая въ нихъ даже междоусобія, но и въ международной политикѣ, выражаясь въ образованіи католическихъ и протестантскихъ союзовъ, которые вели между собою продолжительныя войны, закончившіяся въ первой половинѣ XVII в. общеевропейскимъ столкновеніемъ между католиками и протестантами. Тотъ или другой исходъ подобной войны не только усиливалъ или ослаблялъ извѣстныя государства, не только обусловливалъ разныя территоріальныя измѣненія, не только создавалъ новыя международныя комбинаціи, но и отражался на судьбахъ культурныхъ направленій, находившихся между собою въ борьбѣ. Такой же характеръ получили международныя отношенія новѣйшаго времени, т.-е. съ войнъ французской революціи, начавшихся въ 1792 г.: во враждебномъ столкновеніи тогдашней Франціи съ Европою была принципіальная сторона, ибо здѣсь происходила борьба между „старымъ порядкомъ“, для защиты коего образовывались цѣлыя коалиціи, и революціей, пропагандою которой занялась Франція. Хотя утвержденіе въ этой странѣ военной диктатуры Наполеона и было своего рода контръ-революціей, но только для Франціи, ибо для старой Европы и побѣдоносная имперія продолжала быть революціей, съ которою Европа, правда, вынуждена была уже вступать въ сдѣлки. Паденіе имперіи Наполеона привело ее къ реакціи, происходившей не только внутри отдѣльныхъ государствъ, но и въ международной политикѣ: стоитъ только вспомнить легитимистическій характеръ вѣнскаго конгресса, реакціонный духъ священнаго союза, случаи вмѣшательства въ внутреннія дѣла южно-романскихъ народовъ по общеевропейскому уполномоченію для подавленія революціонныхъ движеній, происшед-

I т. (стр. 4) историческая географія Фримана (переведенная въ настоящее время по-русски подъ ред. проф. И. В. Лучицкаго). Кромѣ того, обширная литература по исторіи международнаго права, дипломатіи и войнъ. Ср. еще нѣкоторыя замѣчанія главы XL второго тома.

[1]) См. т. I, гл. III.

шихъ у этихъ народовъ. Внутреннему раздѣленію политическихъ партій въ отдѣльныхъ государствахъ соотвѣтствовало и раздѣленіе самихъ государствъ на два лагеря, особенно обострившееся послѣ іюльской революціи 1830 г.

Намъ уже не разъ приходилось указывать на то, что во внутренней исторіи западно-европейскаго общества въ новое время самыми крупными событіями были реформація и революція [1]), а потому весьма естественно, что *и международныя отношенія реформаціонной и революціонной эпохъ, вслѣдствіе отмѣченной связи между внѣшней политикой и внутренней исторіей, получаютъ особый интересъ и по отношенію къ этой послѣдней,* чего нельзя сказать о международныхъ отношеніяхъ въ тѣ эпохи, когда дипломатія и война рѣшали вопросы, вытекавшіе изъ разнообразныхъ интересовъ отдѣльныхъ государствъ, но лишенные того принципіальнаго значенія, какое имѣли вопросы религіи и политики въ эпоху реформаціи и католической реакціи или въ эпоху революціи и равнымъ образомъ реакціи, наступившей послѣ паденія имперіи Наполеона I, а сказать это именно и можно обо всей почти внѣшней политикѣ европейскихъ государствъ съ конца тридцатилѣтней войны до начала революціонныхъ войнъ, за исключеніемъ развѣ той связи, въ какой находилась вторая англійская революція съ исторіей европейскихъ коалицій противъ Людовика XIV: войны и союзы второй половины XVII и всего XVIII в. возвышали одни государства (напр., Пруссію), ослабляли другія (напр., Францію), даже дѣлались опасными для ихъ существованія (напр., для Австріи въ войну за австрійское наслѣдство, для Пруссіи въ семилѣтнюю войну), а одно изъ нихъ (Польшу) довели до исчезновенія съ политической карты Европы; разоряли, далѣе, однѣ страны, способствовали своими результатами обогащенію другихъ (напр., Англіи), отражали на себѣ смѣны лицъ, стоявшихъ у власти или побѣды и пораженія правительственныхъ партій и т. п., но у этихъ союзовъ и войнъ *не было такой принципіальной подкладки, какую имѣли международныя отношенія и раньше, когда происходила борьба между католицизмомъ и протестантизмомъ, и позже, когда началась борьба стараго порядка и революціи,* перешедшая послѣ паденія наполеоновой имперіи въ борьбу реакціи съ либерализмомъ. Конечно, въ XVIII в. дѣйствовали во внѣшней политикѣ тѣ же силы, что и въ реформаціонную эпоху, проявлялись тѣ же политическіе интересы, вліяли тѣ же національныя традиціи, что и до наступленія этой эпохи, и впослѣдствіи, но ко всему этому и раньше, и позже присоединялось еще нѣчто такое, что международной борьбѣ придавало характеръ борьбы за извѣстнаго рода принципы,

---

[1]) См., напр., начало настоящаго тома.

за религіозную или политическую свободу, за ту или другую форму церковной или государственной жизни, за такія или иныя культурныя и общественныя идеи. Въ международныхъ отношеніяхъ двухъ выше отмѣченныхъ эпохъ рядомъ съ традиціями національной политики и съ соображеніями государственнаго интереса, рядомъ съ принципами собственно международнаго права (въ родѣ началъ политическаго равновѣсія, естественныхъ границъ и т. п.) важную роль играютъ нача́ла, по коимъ устроется внутренняя жизнь народовъ, и если ужъ говорить вообще о безпринципности въ области внѣшней политики, то съ наибольшимъ правомъ это можно говорить о полутора вѣкахъ, отдѣляющихъ окончаніе тридцатилѣтней войны отъ начала революціонныхъ войнъ (1648—1792). Вотъ почему періодъ этотъ въ исторіи международныхъ отношеній не представляетъ такого интереса съ точки зрѣнія развитія внутреннихъ отношеній, какъ періодъ, ему предшествовавшій, и періодъ, за нимъ послѣдовавшій, хотя дипломатіи и войнѣ—при полномъ почти отсутствіи внутреннихъ движеній въ эту эпоху—принадлежитъ важное значеніе въ исторіи вѣка, который открывается войнами за испанское наслѣдство (1701—1714) и великою сѣверною (1700—1721), имѣвшими такой же европейскій характеръ, какъ и войны за австрійское наслѣдство (1740—1748) и семилѣтняя (1756—1763), — вѣка, когда дипломатіи удалось произвести раздѣлъ между сосѣдями цѣлаго большого государства, вѣка, наконецъ, когда на политической сценѣ появились новыя могущественныя державы, Россія Петра Великаго и Екатерины II, Пруссія Фридриха II [1]).

[1]) Исторія дипломатіи и войнъ, бывшая одно время, такъ сказать, основою общей исторіи, разработана весьма тщательно. За указаніями на литературу отсылаемъ къ I вып. четвертаго тома „Лекцій по всемірной исторіи“ Петрова, отмѣтивъ здѣсь лишь наиболѣе важное. По исторіи войны за испанское наслѣдство пособія указаны у насъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ II тома. Внѣшняя политика въ періодъ отъ 1715 по 1789 г. излагается, кромѣ общихъ исторій XVIII вѣка, въ исторіи отдѣльныхъ странъ и царствованій въ эту эпоху, о чемъ см. ниже. Кромѣ того, спеціально по внѣшней политикѣ Франціи, кромѣ устарѣвшаго (1811) соч. Flassan'а (Hist. générale de la diplomatie française) и вступительныхъ главъ къ отдѣльнымъ томамъ новаго „Recueil des instructions aux ambassadeurs de France“ (1648—1789), труды Broglie (Le secret du roi и Frédéric II et Louis XV), Boutaric'а (Correspondance secrète de Louis XV), Pajot (Guerres de Louis XV), Vandal'я (Louis XV et Elisabeth de Russie) и др. Особенно много соч. по исторіи внѣшней политики Фридриха II, о чемъ свидѣтельствуютъ длинные списки книгъ и статей объ отдѣльныхъ его войнахъ у Baumgarten'а (Uerzeichniss der Literatur über Friedrich den Grossen). Литература по польскимъ раздѣламъ указана въ моей книгѣ „Паденіе Польши“. Что касается до американской войны за независимость, то она имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ внутренней исторіи з. Европы, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Связь между внутреннею исторіей и внѣшней политикой государствъ не ограничивается, однако, указанными отношеніями, т.-е. тѣми случаями, когда и во внутреннихъ движеніяхъ, происходящихъ въ отдѣльныхъ странахъ, и въ международныхъ союзахъ или распряхъ проявляются общія направленія, обнаруживается дѣйствіе однѣхъ и тѣхъ же идей, происходитъ борьба между такими противоположными принципами, каковы принципы протестантизма и католицизма въ XVI в. или принципы либерализма и реакціи въ XIX в. У каждаго государства есть своя національная традиція, свой политическій интересъ:—это-то, что составляетъ самое бытіе государства среди другихъ, большею частью враждебныхъ ему державъ. Обыкновенно эти традиціи, эти интересы суть традиціи и интересы власть имѣющихъ лицъ и правящихъ классовъ. Смотря по тому, кому принадлежитъ политическая власть въ государствѣ и кто оказываетъ на нее вліяніе, *внѣшняя его политика измѣняется, такъ какъ она служитъ до извѣстной степени выраженіемъ стремленій власти или правящаго класса.* Въ эпоху господства политическаго феодализма войны были предпріятіями бароновъ, стремившихся къ завоеваніямъ, и оканчивались тѣмъ, что покоренныя страны становились ихъ добычею, дѣлились между ними на ленныя владѣнія. Такъ было съ завоеваніемъ Англіи Вильгельмомъ Нормандскимъ, который привелъ съ собою массу бароновъ, чуть не со всей Франціи, хотя главнымъ образомъ все-таки изъ своего герцогства, и подѣлилъ между ними земли, введши въ Англію феодальную систему. Около того же времени такіе же сеньеры, которые были въ войскѣ Вильгельма Завоевателя, начали покореніе Неаполя и Сициліи, а позднѣе утвердились въ Португаліи. Такой же характеръ имѣли крестовые походы, когда западные христіане завоевывали страны на Востокѣ и основывали въ нихъ феодальныя государства, каковыми были Іерусалимское королевство и Латинская имперія. Однимъ словомъ, въ эту эпоху война служила стремленіямъ и интересамъ феодальнаго дворянства. Возвышеніе королевской власти, превращеніе сословной монархіи въ абсолютную сопровождалось усиленіемъ войнъ, имѣвшихъ династическій характеръ, войнъ изъ за такъ-называемой всемірной монархіи, войнъ ради славы престола: походы Карла VIII, Людовика XII и Франциска I въ Италію въ концѣ XV и началѣ XVI в., стремленія Габсбурговъ въ XVI и первой половинѣ XVII в., войны Людовика XIV во второй половинѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій, всѣ эти войны прошлаго вѣка, которыя такъ и называются войнами за разныя наслѣдства и т. п., знаменуютъ собою цѣлый періодъ въ исторіи международныхъ отношеній, когда династическія права монарховъ, ихъ честолюбивыя стремленія, желаніе увеличить свои владѣнія на счетъ сосѣдей и покрыть себя

славою побѣды, играли чуть не первенствующую роль въ дѣлахъ войны и мира. Конечно, этимъ однимъ нельзя объяснять всего въ столь сложномъ дѣлѣ, какъ причины войнъ и союзовъ, но указанный факторъ замѣтно выдвигается впередъ въ разсматриваемую эпоху, особенно послѣ того, какъ съ окончаніемъ тридцатилѣтней войны вѣроисповѣдныя отношенія потеряли свою силу въ международной политикѣ. Что такъ это было, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, разъ мы примемъ въ расчетъ, что *династическіе интересы въ области внѣшней политики вполнѣ гармонировали съ тѣмъ характеромъ, какой получила королевская власть во внутренней жизни западноевропейскихъ государствъ*. Подобно тому, какъ въ итальянскихъ княжествахъ конца среднихъ вѣковъ возникла впервые на Западѣ монархическая власть новаго типа, предшественница королевскаго абсолютизма въ другихъ странахъ, такъ и начало политическаго равновѣсія, заставлявшее европейскихъ монарховъ составлять коалиціи противъ всякаго чрезмѣрнаго усиленія кого-либо изъ нихъ, впервые стало систематически примѣняться въ Италіи, откуда родомъ была и вся дипломатія новаго времени. Государство, воплощавшееся, по словамъ Людовика XIV, въ особѣ короля, до такой степени отождествлялось съ послѣднею, что личные интересы монарха или его притязанія и права, какъ члена извѣстной династіи, являлись какъ бы интересами, стремленіями и правами самого государства. Вотъ почему англійскій парламентъ, призывая на престолъ ганноверскихъ курфюрстовъ, стремился обезпечить Англію отъ опасности быть втянутою въ какую-либо войну изъ-за Ганновера [1]), хотя то, что въ предупрежденіе этого было сдѣлано, оказалось недостаточнымъ [2]). Династическія права, вызывавшія войны за всевозможныя наслѣдства (испанское, польское, австрійское, баварское), служили въ иныхъ случаяхъ и основою для сплоченія разнородныхъ земель въ одно государственное цѣлое. Такова была Испанская монархія Карла I [3]); таковы были владѣнія австрійскаго дома (les états de la maison d'Autriche), не имѣвшія даже общаго имени, ибо, называя ихъ Австріей въ XVI, XVII и XVIII в., мы допускаемъ анахронизмъ; такова была и монархія прусская, составившаяся, кромѣ Бранденбурга и завоеванныхъ земель, изъ наслѣдствъ прусскаго и клевскаго [4]). Общій монархъ, владѣющій разными странами по своимъ династическимъ правамъ, былъ единственною связью между разнородными и часто

---

[1]) См. выше, стр. 60.
[2]) См. выше, стр. 65, прим.
[3]) Т. II, стр. 40.
[4]) См. выше, стр. 37 и слѣд.

черезполосными странами, не соединявшимися въ одно цѣлое посредствомъ учрежденій или общихъ интересовъ. Указывая на то, что династическій характеръ внѣшней политики прошлаго вѣка вполнѣ соотвѣтствовалъ одной сторонѣ „стараго режима", мы не можемъ сдѣлать того же по отношенію къ другой его сторонѣ: если въ политическомъ отношеніи династическая политика и королевскій абсолютизмъ между собою тѣсно связаны, то *нельзя сказать, чтобы существовала такая же связь между соціальнымъ феодализмомъ, въ коемъ коренились аристократическія привилегіи, составлявшія другую сторону „стараго порядка", съ иностранною политикою государства*, поскольку она служила инымъ, не-династическимъ интересамъ. Дѣло въ томъ, что, кромѣ династическихъ стремленій во внѣшней политикѣ европейскихъ государствъ проявлялись и интересы коммерческіе, изъ-за которыхъ равнымъ образомъ возникали войны, но въ такомъ случаѣ онѣ служили интересамъ не дворянства, а буржуазіи, которая даже прямо направляла внѣшнюю политику такихъ государствъ, какъ Англія и Голландія, прямо въ своихъ видахъ. Разъ внѣшняя политика въ дѣлахъ мира и войны особенно заботилась о торговыхъ интересахъ, то въ случаяхъ удачи главный выигрышъ доставался торговымъ людямъ, капиталистамъ, буржуазіи. Дворянство считало военную службу своею профессіею, но *войны новаго времени служили не дворянскимъ интересамъ, какъ то было въ феодальную эпоху, а интересамъ народившагося коммерческаго сословія*, благодаря чему въ процессѣ соціальныхъ измѣненій, переживавшихся западною Европою въ новое время, именно въ процессѣ перехода соціальнаго вліянія отъ аристократіи къ буржуазіи—немалую роль играла мирная и военная дѣятельность государства по отношенію къ другимъ государствамъ. Реформація съ секуляризаціей церковной и монастырской собственности была послѣднимъ крупнымъ событіемъ, отъ котораго дворянство получило выгоду, присвоивъ себѣ часть секуляризованныхъ имѣній, во внѣшней же политикѣ государственная власть, руководимая воззрѣніями меркантилизма [1]), работала въ интересахъ общественнаго класса, основывавшаго свое благополучіе не на наслѣдственныхъ привилегіяхъ и землевладѣніи, а на предпріимчивости и денежномъ капиталѣ.

Не касаясь болѣе отдаленныхъ временъ [2]), ограничиваясь однимъ XVIII в., мы видимъ, что въ династическихъ войнахъ этого времени при защитѣ европейскаго равновѣсія имѣлись въ виду и торговые

---

[1]) См. т. II, гл. XL (вторая половина).

[2]) Въ XVII в. напомнимъ англо-голландскія столкновенія изъ-за торговыхъ интересовъ.

интересы. Въ вопросѣ объ испанскомъ наслѣдствѣ значительную роль играли соображенія о томъ, что сдѣлалось бы съ торговлею Голландіи и Англіи, если бы испанская монархія съ ея колоніями досталась Франціи. Большая война между Австріей и Пруссіей (за австрійское наслѣдство и вскорѣ за нею послѣдовавшая семилѣтняя), въ которую были втянуты наиболѣе крупныя державы Европы, велась не въ одной Европѣ, такъ какъ ее сопровождали враждебныя дѣйствія воюющихъ сторонъ въ заморскихъ колоніяхъ. Войны, династическія въ Европѣ, *становились колоніальными въ другихъ частяхъ свѣта.* Извѣстно [1]), какія выгоды пріобрѣла Англія, благодаря этимъ войнамъ, отнявъ въ разныхъ частяхъ свѣта колоніи у ихъ прежнихъ владѣльцевъ, но это были лишь частные случаи того общаго соперничества изъ-за колоній, которое началось гораздо ранѣе. Колоніи [2]), которыя стали основываться въ другихъ частяхъ свѣта послѣ великихъ географическихъ открытій конца XV и начала XVI вѣка, были не только предметомъ враждебныхъ столкновеній между государствами, но и вообще предметомъ правительственныхъ заботъ, считались самымъ лучшимъ средствомъ для подъема государственнаго могущества и увеличенія національнаго богатства, которыя, по меркантилистической доктринѣ, создавались торговлею, мореплаваніемъ, промышленностью. Колоніи основывались большею частью самими правительствами, регулировавшими всѣ ихъ внутреннія отношенія и стремившимися выжать изъ нихъ все, что только можно было, къ выгодѣ метрополіи, но дѣлалось это на частныя средства капиталистовъ и торговыхъ компаній, пріобрѣтавшихъ отъ государственной власти разныя привилегіи и монополіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обогащавшихъ казну разными своими взносами и платежами. Погоня за наживою одинаково овладѣвала правительствами и націями, и внѣшней политикѣ это сообщало нерѣдко чисто коммерческій характеръ. Такимъ образомъ, если во внутренней политикѣ разсматриваемый нами періодъ характеризуется союзомъ между государственною властью и дворянствомъ, то въ политикѣ внѣшней государство самымъ рѣшительнымъ образомъ отстаивало интересы капиталистовъ. Это обнаруживалось не въ однѣхъ войнахъ, но и при заключеніи международныхъ договоровъ, среди коихъ особое мѣсто стали занимать торговые трактаты. Все искусство въ данномъ случаѣ заключалось въ томъ, чтобы выговорить побольше выгодъ въ собственную пользу, т.-е. побольше разныхъ преимуществъ купцамъ извѣстнаго государства при ввозѣ въ него и вывозѣ изъ него товаровъ. Такихъ трактатовъ въ XVIII в. было за-

---

[1]) См. выше, стр. 92.

[2]) Леруа-Больё. О колонизаціи у новыхъ народовъ (Leroy-Beaulieu. De la colonisation chez les peuples modernes).

ключено очень много, и всѣ они имѣли цѣлью *поставить подъ охрану международнаго права интересы національной промышленности и торговли,* т.-е. въ сущности на первомъ планѣ капиталистовъ страны, которые поощрялись и мѣрами, зависѣвшими отъ ея собственнаго правительства, т.-е. монополіями, привилегіями, субсидіями, регламентаціей рабочихъ въ пользу предпринимателей. Особенно Англія выдвигалась, какъ страна, въ которой національный интересъ открыто отождествлялся съ интересами торговаго и промышленнаго класса, когда на материкѣ онъ все еще не могъ выйти изъ-подъ опеки интереса династическаго. Такимъ образомъ, говоря вообще, въ эпоху, когда сгладились вѣроисповѣдныя противоположности періода религіозныхъ войнъ XVI и XVII в., и еще не возникли политическія противоположности времени, начинающагося съ французской революціи, мѣсто принциповъ въ международной политикѣ занимали интересы государственные и національные, но притомъ такъ, что подъ первыми разумѣлись преимущественно династическія притязанія, а подъ вторыми торговыя выгоды. И здѣсь, значитъ, *политическій абсолютизмъ соединялся съ интересами извѣстнаго сословія,* хотя въ данномъ случаѣ сословіемъ этимъ было не дворянство, а буржуазія. Начало народности (національности) въ области международной политики и государственнаго права не было еще заявлено, потому что народъ разсматривался, лишь какъ матеріальная основа государства, но не какъ моральная личность. Сама государственная территорія съ ея народонаселеніемъ разсматривалась, какъ частная собственность династіи, приносящая извѣстный доходъ: она подлежала отчужденію, промѣну на другую территорію, передачѣ по духовному завѣщанію и раздѣлу. Войны за наслѣдства были соединены съ дѣлежами: испанскую монархію дѣлили ранѣе, чѣмъ открылось самое наслѣдство; Австрію тоже грозили раздѣлить, едва только открылось наслѣдство, на которое явилось нѣсколько претендентовъ; Пруссія въ случаѣ неудачи для нея семилѣтней войны подвергалась бы также раздѣлу; въ три пріема раздѣлили Польшу. Начало національности отступало на задній планъ передъ династическимъ правомъ во внѣшней политикѣ совершенно такъ же, какъ во внутренней—народъ былъ ничто передъ властью, которая, наоборотъ, была все. Только французская революція вызвала къ жизни тѣ національныя стремленія и народныя силы, которыя въ XIX в. произвели объединеніе Италіи, объединеніе Германіи, освобожденіе славянъ. Вслѣдствіе того, что Италія, бывшая въ культурномъ отношеніи единой націей, политически представляла изъ себя лишь географическое понятіе, или вслѣдствіе того, что и нѣмецкій народъ лишь по имени представлялъ изъ себя имперію, будучи въ сущности конгломератомъ королевствъ, курфюршествъ,

княжествъ, вольныхъ городовъ и т. п., и отдѣльныя части однѣхъ и тѣхъ же національностей находились между собою въ международныхъ отношеніяхъ. Особенно были важны послѣднія въ Германіи, гдѣ уже въ XVIII в. возникло соперничество между Австріей и Пруссіей изъ-за гегемоніи, но эти отношенія представляютъ особый интересъ въ исторіи объединенія Германіи, совершившагося уже въ XIX вѣкѣ [1]).

Противополагая періодъ между вестфальскимъ миромъ и началомъ революціонныхъ войнъ эпохѣ религіозныхъ войнъ и той, которая наступила съ момента вооруженной борьбы европейской коалиціи противъ французской революціи, мы должны коснуться еще одного вопроса, имѣющаго прямое отношеніе къ этому противоположенію. Когда на Западѣ происходила религіозная реформація и послѣдовавшая за нею реакція, протестантскіе государи стремились дать перевѣсъ своему исповѣданію и въ чужихъ земляхъ, тогда какъ католическіе, наоборотъ, дѣлали попытки возвратить римской церкви отпавшія отъ нея страны, хотя бы и не бывшія подъ ихъ властью, и въ томъ же смыслѣ дѣйствовали вообще протестанты и католики, сражавшіеся за то, чтобы предоставить торжество своему исповѣданію и внѣ собственнаго отечества. Другими словами, весьма нерѣдко внѣшняя политика государства направлялась стремленіемъ къ торжеству того или другого религіознаго принципа и въ другихъ странахъ. То же мы видимъ и въ эпоху революціонныхъ войнъ и реакціи, когда происходила пропаганда революціи внѣ Франціи и международная ея репрессія. Ни того, ни другого не было въ разсматриваемый періодъ, ибо по отношеніи къ религіи международная политика отличалась терпимостью, освященною вестфальскими трактатами, т.-е. отказалась отъ прежнихъ руководящихъ началъ, а по отношенію къ политикѣ, наоборотъ, не пріобрѣла еще той нетерпимости, которая была результатомъ французской революціи, т.-е. не думала еще о томъ, чтобы навязывать отдѣльнымъ государствамъ тѣ или иныя формы. Только французская революція положила начало различенію между этими формами, получившему такой же характеръ непримиримости, какимъ отличались въ эпоху реформаціи католицизмъ и протестантизмъ: они считались у своихъ противниковъ — одинъ „суевѣріемъ" и „идолопоклонствомъ", другой „ересью" и „дьявольскимъ навожденіемъ". „Всѣ формы правленія, говоритъ Сорель [2]), существовали въ Европѣ и всѣ онѣ считались равно законными... Идея приписать какому бы то ни было государственному устройству абсолютное превосход-

---

[1]) Поэтому мы ихъ и не разсматриваемъ въ настоящемъ томѣ, кромѣ того, что объ этомъ кратко говорится въ главѣ о Фридрихѣ II.

[2]) Рус. пер., т. I, стр. 11—12.

ство надъ другими, возможность идеальной конституціи, которая была бы примѣнима ко всякой странѣ, и въ особенности идея сдѣлать изъ нея предметъ пропаганды не приходила на умъ государственнымъ дѣятелямъ. Слова республика и демократія не связывались съ идеей переворота. Полагали, что республика и демократія пригодны только для небольшихъ государствъ: онѣ вели за собою мирные права и сдержанную политику... Республики, бывшія передъ глазами, находились болѣе или менѣе въ состояніи упадка; многія, повидимому, подвергались опасности, но ни одна не казалось опасной"... Дѣйствительно, общею мыслью было то, что республики не склонны къ завоевательной политикѣ, что превращеніе монархіи въ республику выгодно для другихъ государствъ, такъ какъ ведетъ ее къ ослабленію, и при этомъ указывали на примѣры Польши и Швеціи въ эпоху господства въ ней олигархіи. „Революцій, говоритъ тотъ же историкъ въ другомъ мѣстѣ [1]), было не мало въ Европѣ, но никто даже не воображалъ, чтобы можно было выдѣлить идею революціи изъ частныхъ событій, среди которыхъ происходили всѣ эти прежнія революціи". Вотъ почему европейскія правительства смотрѣли на внутренніе перевороты въ сосѣднихъ государствахъ, какъ на частные политическіе кризисы, имѣющіе такія-то и такія-то причины, но не связанныя какимъ-либо общимъ принципомъ, какъ связаны были, напр., одною основною идеей церковныя реформы XVI в., въ силу которыхъ цѣлыя страны отторгались отъ католической церкви. Дѣло въ томъ, что религіозная реформація XVI в. складывалась изъ однородныхъ явленій, одновременно происходившихъ во всѣхъ странахъ Европы, хотя не вездѣ съ одинаковою интензивностью и не одинаковымъ успѣхомъ, и у всѣхъ этихъ явленій былъ одинъ и тотъ же общій принципъ, въ силу чего реформація получила характеръ событія универсальнаго и принципіальнаго. Другое дѣло—прежніе политическіе переворорь: они происходили то здѣсь, то тамъ, иногда даже одновременно (около середины XVII в. революція въ Англіи, фронда во Франціи, отложеніе Португаліи отъ Испаніи, возстаніе Мазаньелло въ Неаполѣ, казацкая война въ Польшѣ, бунты въ Московскомъ государствѣ), но у нихъ не было общаго принципа, который объединялъ бы причины народнаго недовольства, проявлявшагося въ этихъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 43. Сорель дѣлаетъ, однако, тотъ выводъ, что правительства конца XVIII в. поступали по отношенію къ революціи „совершенно такъ же", какъ правительства XVI в. съ реформаціей (стр. 46), съ чѣмъ согласиться нельзя, но Сорель въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ трактаты 1648 г., т.-е. время, когда какъ-разъ принципы были оттѣснены интересами.

движеніяхъ, тогда какъ раньше, въ эпоху реформаціи былъ именно такой принципъ, подъ знамя котораго становились всѣ общественные элементы, имѣвшіе причины и поводы находиться въ оппозиціи къ церкви. Конечно, и въ XVI в. бывали случаи, когда въ международной политикѣ свѣтскіе интересы ставились выше вѣроисповѣдныхъ принциповъ, и, напр., преслѣдуя протестантовъ у себя, государи помогали реформаціонному движенію за границей [1]), но это были факты исключительные, не такіе, которые даютъ общій колоритъ эпохѣ; въ разсматриваемую же нами эпоху *правительства не только считали выгоднымъ для себя, если у сосѣдей возникали бунты и междоусобія, но даже сами поддерживали и вызывали такія внутреннія замѣшательства,* ослаблявшія иностранныя государства, въ чемъ весьма цинично признавались сами, видя въ такомъ поведеніи политическую мудрость. Такъ держала себя Франція по отношенію къ первой англійской революціи, Испанія—по отношенію къ фрондѣ во Франціи, т.-е. абсолютныя монархіи сочувствовали возмущеніямъ подданныхъ въ сосѣднихъ государствахъ противъ собственныхъ своихъ королей. Извѣстно, что поддержка въ Польшѣ ея уродливаго государственнаго устройства, бывшаго причиной вѣчной анархіи, сдѣлалась въ XVIII в. политическимъ правиломъ, и сосѣднія монархіи являлись защитницами республиканскаго строя и шляхетскихъ политическихъ вольностей въ этой странѣ, такъ что, Екатерина II даже заявляла, что она не допуститъ въ Польшѣ „самодержавія", подъ коимъ она разумѣла даже незначительное усиленіе королевскаго правительства. То же самое происходило и по отношенію къ Швеціи въ эпоху ея олигархическаго правленія: въ шестидесятыхъ годахъ русская императрица и прусскій король, дѣйствовавшіе вполнѣ солидарно по отношенію къ Польшѣ, обязались трактатами не допускать возстановленія самодержавія въ Швеціи, и послѣ переворота 1772 г. [2]) Густавъ III долженъ былъ оправдываться передъ петербургскимъ и версальскимъ дворами. Франція, одобрявшая стокгольмскій монархическій переворотъ, держала себя иначе по отношенію къ Англіи, когда въ ея американскихъ владѣніяхъ произошла республиканская революція, но поддерживая тамошнихъ демократовъ, она, наоборотъ, оказывала помощь женевской олигархіи, когда противъ послѣдней возстала мѣстная демократія. Или вотъ еще примѣръ. Мы увидимъ послѣ, какъ Іосифъ II нарушеніемъ вольностей, которыми пользовались его бельгійскіе подданные, вызвалъ противъ себя въ австрійскихъ Нидерландахъ возмущеніе, а одновременно съ этимъ и въ другой части Нидерландовъ, т.-е. въ Голландіи

---

[1]) См. у насъ во II т., стр. 193.

[2]) Ср. выше стр. 36.

республиканцы находились въ столкновенiи съ штатгальтеромъ, стремившимся къ диктатурѣ (1787 г.). Какъ же отнеслись къ этому иностранныя правительства? Абсолютная французская монархiя была на сторонѣ оппозицiи въ обѣихъ странахъ, конституцiонная Англiя—на сторонѣ честолюбиваго принца, стремившагося къ подавленiю вольностей Голландiи, Пруссiя—на сторонѣ бельгiйскихъ революцiонеровъ, коимъ посылала деньги, и на сторонѣ голландскаго штатгальтера, которому оказывала даже военную помощь. Совершенно такъ же, т.-е. вполнѣ безпринципно отнеслись иностранные дворы сначала и къ французской революцiи, видя въ ней мѣстный кризисъ, на который нужно такъ или иначе смотрѣть не съ точки зрѣнiя какихъ-либо общихъ принциповъ, а съ точки зрѣнiя интересовъ даннаго государства, т.-е. выгодно ли ему или невыгодно, чтобы во Францiи происходили внутреннiя смуты, которыя ее ослабляли бы, какъ извѣстнаго рода силу въ международной политикѣ. Не сразу поняли, что этотъ переворотъ имѣлъ принципiальный характеръ и могъ получить универсальное значенiе. Революцiя внесла измѣненiе въ международныя отношенiя: принципы, на коихъ основывались внутреннiя отношенiя государствъ, стали играть роль и во внѣшней политикѣ. Французской революцiи были противопоставлены монархическiя коалицiи конца прошлаго вѣка, съ ея слѣдствiями послѣ паденiя имперiи Наполеона I боролся священный союзъ, хотя французскiя побѣды, особенно при Наполеонѣ I, заставили многихъ забыть принципы и идти на сдѣлки съ Францiей и участвовать въ дѣлежѣ Европы съ революцiоннымъ узурпаторомъ, какимъ былъ съ легитимистической точки зрѣнiя императоръ французовъ.

Въ первомъ томѣ замѣчательной книги Сореля „L'Europe et la révolution française", разсматривающемъ „политическiе нравы и традицiи" стараго режима, съ большимъ искусствомъ обобщены факты международной политики, свидѣтельствующiе объ этой общей ея безпринципности. „Государственная польза, какъ основанiе и конечная цѣль, говоритъ онъ, интрига, вмѣсто средства, сила, вмѣсто закона, вотъ все, что остается отъ общественнаго права". Это было разложенiе старой Европы въ ея цѣломъ, но то же разложенiе было и внутри отдѣльныхъ государствъ. Сорель очень хорошо связываетъ одно и другое, стараясь объяснить, съ одной стороны, и то, какъ это разложенiе вызывало революцiю, и то, какъ, благодаря ему, эта революцiя не могла быть подавлена вооружившимися противъ нея коалицiями, которыя продолжали поступать по старому обычаю, и то, какъ сама революцiя унаслѣдовала многiя злоупотребленiя стараго порядка.

Старый порядокъ, дѣйствительно, разлагался и во внутренней жизни государствъ и въ международной политикѣ. Наканунѣ 1789 г. европейскiй политическiй мiръ представлялъ собою то же, что и ка-

толическая церковь наканунѣ 1517 г.: и въ цѣломъ католическомъ мірѣ, и въ отдѣльныхъ странахъ церковная жизнь передъ реформаціей находилась въ разстройствѣ, которое напоминаютъ намъ внѣшнія и внутреннія политическія отношенія передъ революціей; въ обоихъ случаяхъ дѣло кончилось переворотами, измѣнившими и общій видъ Европы, и внутреннее состояніе разныхъ государствъ. Общія причины въ обоихъ случаяхъ были однѣ и тѣ же, т.-е. внутреннее разложеніе каждой изъ этихъ системъ, заключавшееся, между прочимъ, въ противорѣчіи, какое наблюдалось между дѣйствительностью и идеей, въ одномъ случаѣ идеей церкви, въ другомъ—идеей государства, и рядомъ съ этимъ внутреннимъ разложеніемъ несоотвѣтствіе самыхъ принциповъ, на коихъ основывались обѣ системы, съ выросшими наперекоръ имъ новыми отношеніями [1]). Внутреннее разложеніе вызывало въ обоихъ случаяхъ мысль о реформѣ, причемъ, конечно, не могъ быть обойденъ вопросъ о принципахъ этой реформы: новыя фактическія отношенія, разумѣется, требовали и новыхъ принциповъ. И тутъ, какъ и въ случаѣ реформаціоннаго движенія, было важно, откуда выйдетъ и какими силами будетъ осуществлена реформа, какія фактическія отношенія въ каждой отдѣльной странѣ будутъ обусловливать ея ходъ и опредѣлять ея результаты и во имя какихъ принциповъ реформа станетъ совершаться [2]). Мы и перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію новыхъ идей, которыя были отрицаніемъ старыхъ порядковъ въ государствѣ и обществѣ, и которыми руководились при созиданіи новыхъ отношеній.

---

[1]) Ср. конецъ I тома и начало II въ нашей книгѣ.

[2]) Ср. выше, стр. 12 и слѣд.

НОВЫЯ КУЛЬТУРНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ ИДЕИ.

XI. Происхожденіе и общій характеръ „просвѣщенія“ XVIII в. [1]).

Несоотвѣтствіе старыхъ порядковъ, санкціонированныхъ правомъ и охранявшихся публичною силою, съ новымъ культурно-соціальнымъ состояніемъ.—Генезисъ «просвѣщенія» XVIII в. изъ гуманизма и отличіе перваго отъ послѣдняго. — Самостоятельная философская мысль и развитіе естествознанія.—Общественный характеръ литературы XVIII в.—Различіе между французскимъ и нѣмецкимъ «просвѣщеніемъ».—Оптимизмъ просвѣтительной литературы.—Идея прогресса и просвѣщенія.—Подготовка «просвѣщенія» въ протестантизмѣ.—Отношеніе исторической науки къ просвѣтительной литературѣ. —. Раціоналистическій характеръ этой литературы, ея сильныя и слабыя стороны —Разобщенность теоріи и практики.—Причины успѣха французскихъ писателей XVIII в.—Главныя направленія французской просвѣтительной литературы.

Отдѣльныя стороны исторической жизни не могутъ находиться долгое время въ разладѣ между собою, въ разладѣ, который самъ по

---

[1]) См. т. I, гл. XXXI—XXXIV и т. II, гл. XX и послѣдняя. Общая литература указана выше (стр. 3—4). По исторіи новой философіи, кромѣ общихъ курсовъ, см. Ибервегъ Гейнце. Исторія новой философіи (переводъ одной части соч. Fr. Ueberweg'a Grundriss der Geschichte der Philosophie съ подробными указаніями на литературу).—Windelband. Geschichte der neueren Philosophie in ihrem Zusammenhang mit der allgemeinen Kultur und der besonderen Wissenschaften.—Куно Фишеръ. Исторія новой философіи (Kuno Fischer. Geschichte der neueren Philosophie).—Русскія соч. о Декартѣ—проф. Н. А. Любимова, о Лейбницѣ проф. В. И. Герье. По исторіи наукъ есть сочиненія общія и для каждой науки въ отдѣльности. Изъ первыхъ см. Уевель. Исторія индуктивныхъ наукъ (Whewell. History of the inductive sciences).—Cournot. Considérations sur les marche des idées et des événements dans les temps modernes.—См. также у Бокля въ его „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ соотвѣтственные отдѣлы, въ коихъ онъ, впрочемъ, преувеличиваетъ ту роль, какую играло естествознаніе въ перемѣнахъ, происходившихъ въ общественномъ сознаніи. Общія исторіи культуры (см. томъ

себѣ возможенъ, естественъ и даже необходимъ, такъ какъ разныя стороны общественнаго быта развиваются неравномѣрно, опережая однѣ другія или однѣ отъ другихъ отставая и становясь потому однѣ съ другими въ противорѣчіе. Наибольшею косностью отличаются тѣ отношенія, которыя санкціонируются правомъ и охраняются публичною силою, такъ какъ право по самому существу своему стремится наложить печать неизмѣнности на данныя отношенія, а публичная сила, призванная охранять то, что освящено правомъ, тѣмъ самымъ осуществляетъ это стремленіе. Старые порядки, съ которыми мы познакомились, именно санкціонировались правомъ и охранялись публичною силою. Въ свое время, когда эти порядки возникали, они вполнѣ соотвѣтствовали общему настроенію умовъ и состоянію общества: общепризнаннымъ правомъ не могло сдѣлаться то, что шло бы въ разрѣзъ съ общимъ настроеніемъ умовъ, какъ не могло получить охрану со стороны публичной силы, что не соотвѣтствовало бы состоянію общества. Въ силу косности, присущей порядкамъ, получающимъ юридическую санкцію и политическую охрану, они обыкновенно отстаютъ отъ культурнаго и соціальнаго развитія, и иногда дѣло доходитъ до того, что юридико-политическія нормы оказываются въ полномъ разладѣ съ современнымъ имъ культурнымъ и соціальнымъ состояніемъ, т.-е. то, что при прежнемъ умонастроеніи считалось правомъ, при новомъ состояніи умовъ перестаетъ разсматриваться какъ таковое, и то, что при прежнемъ состояніи общества было основою публичной силы, уже не можетъ играть этой роли при измѣнившихся соціальныхъ отношеніяхъ. Другими словами, объективное право перестаетъ совпадать съ субъективнымъ, и внѣшнія формы общества не соотвѣтствуютъ болѣе взаимоотношенію, фактически существующему между его элементами. Конечно, объективное право, разъ возникшее въ обществѣ, продолжаетъ существовать какъ бы собственными своими силами, но дѣйствительно сильно оно лишь тогда, когда совпадаетъ съ правомъ субъективнымъ, когда, по крайней мѣрѣ, послѣднее не становится къ нему въ рѣзкое противорѣчіе. Но и этого мало для того, чтобы формы общества, ох-

---

I, стр. 4) также обращаютъ большое вниманіе на исторію спеціальныхъ наукъ. Указанія на исторіи политическихъ ученій см. въ I и II томахъ. Здѣсь прибавимъ еще только что вышедшую книгу (лекціи) проф. С. А. Бершадскаго „Очерки исторіи философіи права", въ I выпускѣ которыхъ изложеніе доводится до Монтескье (включительно). Нужно указать и на то, что общія характеристики умственнаго движенія въ XVIII в. (съ весьма различныхъ часто точекъ зрѣнія) дѣлаютъ и историки французской революціи, каковы Токвиль, Тэнъ, Сорель, Луи Бланъ, въ первомъ томѣ большого труда коего (пер. по-русски) есть цѣлые отдѣлы, посвященные такимъ писателямъ, какъ Вольтеръ, Монтескье, Руссо, Мабли, Дидро и т. д. (см. также нѣкоторыя главы въ трудѣ Онкена Das Zeitalter Friedrichs des Grossen).

раняемыя объективнымъ правомъ, признавались сами правомъ, а не безправіемъ: нужно еще, чтобы эти формы соотвѣтствовали дѣйствительнымъ отношеніямъ, а не были чѣмъ-то насильственно навязываемымъ обществу, ибо въ первомъ случаѣ онѣ бываютъ прочны уже вслѣдствіе одного того, что имѣютъ подъ собою реальную почву фактическихъ отношеній между отдѣльными членами общества, допускающихъ или даже прямо создающихъ именно данныя формы, тогда какъ въ случаѣ несоотвѣтствія порядковъ, поддерживаемыхъ публичною силою, съ фактическими отношеніями, развивающимися независимоотъ этихъ порядковъ, все, что должно было бы имѣть значеніе законнаго примѣненія силы, получаетъ въ сознаніи общества какъ разъ значеніе насилія. Между политико-юридическимъ строемъ западной Европы, вырабатывавшимся въ старыя времена при извѣстныхъ культурно-соціальныхъ состояніяхъ, и тѣмъ настроеніемъ умовъ и взаимоотношеніемъ общественныхъ классовъ, какое существовало въ XVIII в., не было болѣе соотвѣтствія: объективное право, охраняемое публичною силою, казалось безправіемъ; публичная сила, охраняющая объективное право, представлялась насиліемъ. Новое умонастроеніе нашло органъ свой въ литературѣ XVIII в., принявшей рѣзко оппозиціонный характеръ, а ея успѣхъ въ обществѣ указывалъ на то, что въ немъ выросли и развились элементы, которые недовольны были мѣстомъ, отведеннымъ имъ въ соціальной жизни старыми формами. Въ самомъ дѣлѣ, послѣднія были происхожденія феодальнаго и насильно поддерживались въ то время, какъ жизнь ихъ опередила, выдвинувъ впередъ новыя соціальныя силы, съ которыми прежняя политика, пожалуй, могла и не считаться, но которыя теперь начинали чувствовать свое значеніе. Съ другой стороны, принципы, освящавшіе политическіе и соціальные порядки, утверждались еще въ тѣ времена, которыя „просвѣщеніе" XVIII в. обозначало, какъ „готическія", какъ „варварскія", какъ времена умственнаго мрака и невѣжества. Такимъ образомъ, съ старыми политическими и соціальными порядками находились въ разладѣ и культурное, и соціальное состояніе общества, т.-е. то, что составляетъ истинную основу исторіи [1]). Въ частности къ XVIII в. весьма значительною общественною силою сдѣлалась буржуазія и сдѣлалась ею въ двоякомъ отношеніи, т.-е. и благодаря своей экономической мощи, и благодаря умственному развитію, благодаря чему становились для нея особенно ненавистными привилегіи дворянства. Стала также большою силою и свѣтская философія, благодаря тому, что сняла старыя, схоластическія оковы съ разума и, уже въ силу одного этого, подвергнувъ своей критикѣ старые государственные и общественные порядки, нашла хорошій пріемъ и под-

---

[1]) Ср. т. I, стр. 35 и слѣд.

держку въ общественномъ мнѣніи, осуждавшемъ эти порядки. То, что она основывалась на дѣятельности отвлеченнаго разума и обращалась не къ одному какому-либо народу, а ко всему человѣчеству, придавало ей характеръ универсальности, ибо она разсматривала вопросы личной и общественной жизни съ самыхъ отвлеченныхъ точекъ зрѣнія и въ своихъ рѣшеніяхъ этихъ вопросовъ давала разъясненія на тѣ недоумѣнія, которыя въ разныхъ націяхъ порождались несоотвѣтствіями между старыми порядками и новыми требованіями жизни.

То, что называется „философіей" или „просвѣщеніемъ" (Aufklärung) XVIII в.,—вѣка, въ свою очередь именуемаго философскимъ или вѣкомъ просвѣщенія (siècle des lumières),—было естественнымъ результатомъ умственнаго развитія, совершавшагося въ европейскомъ обществѣ, благодаря усиліямъ индивидуальной мысли. *По своему свѣтскому характеру умственное движеніе XVIII в. было какъ бы продолженіемъ движенія гуманистическаго*, на время прервавшагося вслѣдствіе того, что западно-европейскимъ обществомъ въ XVI вѣкѣ овладѣло другое движеніе, имѣвшее характеръ религіозный [1]). Церковная реформація XVI столѣтія оживила религіозное чувство, оживила интересъ къ теологическимъ занятіямъ и направила развитіе общественной мысли по иному руслу, нежели то, которое прокладывалось для нея гуманистическимъ направленіемъ, но мало-по-малу реформаціонная горячка улеглась, жизнь выдвинула на первый планъ не тѣ вопросы, которые болѣе всего волновали церковныхъ преобразователей и общественные слои, принимающіе наиболѣе активное участіе въ исторической жизни, и общія причины, уже разъ вызвавшія къ жизни свѣтскій гуманизмъ, создали и свѣтское „просвѣщеніе" XVIII вѣка. Хотя въ прошломъ столѣтіи объ исторіи Возрожденія имѣли весьма смутное понятіе, и честь выясненія сущности этого историческаго явленія принадлежитъ лишь исторической наукѣ второй половины XIX в., тѣмъ не менѣе тогдашніе просвѣтители чувствовали, что между ними и гуманистами существуетъ внутреннее родство. *Умственное направленіе XVIII в. было въ сущности тѣмъ же гуманизмомъ*, который сдѣлался самымъ выдающимся явленіемъ умственной жизни въ XIV вѣкѣ, *но съ значительными видоизмѣненіями и осложненіями*. Хотя для гуманистовъ античная литература была только опорою въ ихъ стремленіяхъ къ выработкѣ новаго міросозерцанія, тѣмъ не менѣе они сильно зависѣли отъ воззрѣній классическаго міра: гуманистическая философія была лишь возобновленіемъ стоицизма и эпикуреизма, платонизма и аристотелизма, въ XVIII же вѣкѣ европейскій умъ стоитъ тверже на собственныхъ ногахъ, и однимъ изъ

[1]) См. т. I, стр. 442 и слѣд. и т. II, стр. 233 и слѣд.

признаковъ этого было то, что въ Европѣ еще въ XVII в. зародилась своя собственная философія, родоначальниками коей были Бэконъ (1561—1629), авторъ знаменитаго „Novum organum“ (1620) и Декартъ (1596—1650), изложившій цѣлое міросозерцаніе въ своихъ „Principia philosophiae“ (1644). Въ выработкѣ новаго міросозерцанія приняло, далѣе, большое участіе естествознаніе, находившееся почти въ пренебреженіи у гуманистовъ. Цѣлый рядъ открытій, начавшихся съ конца XV в., имѣлъ своимъ результатомъ образованіе новаго взгляда на вселенную: путешествія Колумба и первое кругосвѣтное плаваніе (Магеллана около 1520 г.) окончательно утвердили мысль о шарообразности земли; великій трудъ Коперника „О вращеніи небесныхъ тѣлъ“ (De revolutionibus orbium coelestium) доказалъ, что земля вовсе не есть центръ вселенной, какъ думали раньше, и тѣмъ разрушилъ геоцентрическую систему, господствовавшую съ Птолемея, а въ XVII в. труды его продолжали Кеплеръ (ум. 1630 г.) и Галилей (ум. 1642 г.), открывшіе законы движенія небесныхъ тѣлъ; въ годъ смерти Галилея родился Ньютонъ, завершившій выработку новой астрономической системы своимъ закономъ тяготѣнія и своими „Математическими основами естественной философіи“, вышедшими въ свѣтъ въ самомъ концѣ XVII вѣка. Это столѣтіе *было вообще эпохой блестящаго развитія естествознанія*, интересъ къ коему началъ усиливаться еще въ XVI вѣкѣ, хотя оно могло стать на свои ноги лишь тогда, когда перестали знакомиться съ природою лишь по однѣмъ книгамъ, а обратились къ ея изслѣдованію путемъ наблюденія и опыта. Въ XVI в. Парацельсъ (1493—1541), отецъ химіи, началъ съ того, что бросилъ книги и обратился къ непосредственномуизученію природы, путешествуя по новымъ странамъ, собирая факты, наблюдая и дѣлая опыты, хоть и продолжая раздѣлять средневѣковыя научныя суевѣрія. Основатель анатоміи Везаль(1514—1564), авторъ „Фабрики человѣческаго тѣла“ (1543) занялся трупосѣченіемъ, которое тогда еще считалось грѣхомъ, такъ что онъ могъ предаваться своимъ изслѣдованіямъ лишь тайкомъ, воруя необходимый для нихъ матеріалъ. Бэконъ возвелъ въ систему опытъ и наблюденіе, вооружившись противъ авторитетовъ классической древности въ области естествознанія и понявъ исторію человѣческаго ума, какъ исторію изобрѣтеній. Благодаря новымъ задачамъ, какія ставила себѣ наука, и новымъ методамъ, къ коимъ она стала прибѣгать, и благодаря развитію математики, занимавшей философовъ вѣка (Декарта и Лейбница), получили развитіе самыя различныя отрасли естествознанія, и „просвѣщеніе“ XVIII в., занявшееся, какъ и гуманизмъ, выработкою новаго міросозерцанія, могло опираться не на однихъ классиковъ, но и на новыя науки о природѣ. Такимъ образомъ, *съ одной стороны, самостоятельное философское развитіе*,

а съ другой—успѣхи естествознанія создавали для просвѣтителей XVIII в. такія опоры, коихъ лишены были гуманисты, и въ этомъ отношеніи XVII в. былъ для XVIII в. эпохой подготовки. Стоитъ только назвать наиболѣе выдающіяся имена изъ исторіи философіи и науки и заставить себя припомнить, чѣмъ обязана новая образованность всѣмъ этимъ мыслителямъ и изслѣдователямъ,—какъ извѣстно, часто подвергавшимся гоненіямъ и лишеніямъ,—чтобы понять, на чьихъ плечахъ стояли просвѣтители XVIII в.: Бэконъ, Декартъ, Кеплеръ, Галилей, Гарвей (открывшій кровообращеніе въ 1619 г), Спиноза (1632—1677), Ньютонъ, Гоббзъ, Локкъ, Лейбницъ (1646—1716) были самыми крупными дѣятелями чисто философскаго и научнаго движенія въ XVII вѣкѣ.

Другою особенностью просвѣтительной литературы въ ея отличіе отъ литературы гуманистической *былъ ея общественный характеръ* [1]). Эпоха Ренессанса была въ Италіи временемъ полнаго паденія свободной политической жизни и равнодушія къ общественнымъ вопросамъ, и основной ея характеръ былъ индивидуалистическій [2]), т.-е. на первый планъ ставился индивидумъ и его развитіе, тогда какъ просвѣтительная литература занялась вопросомъ объ обществѣ и государствѣ, выдвинувъ цѣлый рядъ политическихъ писателей и теоретиковъ общественныхъ преобразованій. За немногими исключеніями, политическія и соціальныя движенія шли въ предыдущіе вѣка подъ знаменемъ идей религіозныхъ, но въ XVIII в. вопросы, къ коимъ весьма часто гуманисты оставались равнодушными, а въ эпоху реформаціи протестанты и католики подходили съ вѣроисповѣдными точками зрѣнія,—сдѣлались, освободившись отъ теологическихъ и схоластическихъ вліяній, одними изъ наиболѣе главныхъ и существенныхъ, какими только занималась литература, значительно опередивъ и чисто ученую разработку политики, и права въ XVI и XVII вв. такими людьми, какъ въ XVI в. Макіавелли [3]), Бюде, или Будей, Кюжасъ, или Куяцій, Боденъ [4]), въ XVII столѣтіи родоначальникъ государственнаго и международнаго права Гуго Гроцій, жившій между 1573—1645 гг., авторъ книги „О правѣ войны и мира“, Пуффендорфъ, авторъ „Естественнаго права“ и др. XVIII вѣкъ положилъ еще начало новой общественной наукѣ—политической экономіи. Впрочемъ, такой *общественный характеръ принадлежитъ преимущественно французской литературѣ, тогда какъ нѣмецкое „просвѣщеніе“ было болѣе индивидуалистично*, являясь въ этомъ от-

---

[1]) Объ общественномъ содержаніи литературы ср. т. I, гл. XX.
[2]) См. т. I, стр. 399 и слѣд.
[3]) Т. I, стр. 419 и слѣд.
[4]) Т. II, стр. 391 и слѣд.

ношеніи какъ бы повтореніемъ итальянскаго гуманизма, ограничивавшаго кругъ своихъ интересовъ вопросами знанія, морали, эстетики и педагогіи, такъ что на общее историческое движеніе французская литература оказала гораздо больше вліянія, чѣмъ нѣмецкая, которая сама испытывала на себѣ дѣйствіе французскихъ идей. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, какъ французская „философія" прошлаго вѣка была протестомъ противъ разнаго рода общественныхъ несправедливостей и проповѣдью политической перестройки, нѣмецкая литература даже въ самый разгаръ „періода бури и натиска" (Sturm und Drangperiode) отличалась характеромъ чистаго индивидуализма. „Эпоха, въ которую мы жили, говоритъ Гёте, можетъ быть названа эпохою требованій, потому что тогда и отъ себя, и отъ другихъ требовали того, чего никто еще не сдѣлалъ. Именно у лучшихъ мыслящихъ и чувствующихъ умовъ явился лучъ сознанія, что непосредственный оригинальный взглядъ на природу и основанная на этомъ взглядѣ дѣятельность есть лучшее, чего человѣкъ можетъ желать... Духъ свободы и природы каждому сладко шепталъ въ уши, что безъ большихъ внѣшнихъ вспомогательныхъ средствъ у него довольно матеріала и содержанія въ самомъ себѣ, и все дѣло лишь въ томъ, чтобы достойно развить его". Эти слова великаго поэта, извѣстнаго своимъ политическимъ индифферентизмомъ, весьма характерны для тогдашняго нѣмецкаго настроенія. „Нѣмецкая дѣйствительность XVIII в., писали мы въ другомъ мѣстѣ [1]), была неприглядна, раздвоеніе между дѣйствительностью и идеаломъ чувствовалось и здѣсь, какъ и во Франціи, но если французъ стремился поднять дѣйствительность до идеала, то нѣмецъ, менѣе политически развитой, болѣе индивидуалистичный, предпочелъ просто-напросто отвернуться отъ пошлой дѣйствительности, ища матеріала и содержанія въ самомъ себѣ. Раздвоеніе идеи и дѣйствительности свелось здѣсь на антитезу желанія единицы, какъ поэзіи, и общественныхъ правилъ, какъ прозы, а не на антитезу индивидуальной свободы противъ традиціонной соціальной необходимости... То направленіе, которое господствовало въ Германіи, необходимо вело къ идеальнымъ требованіямъ отъ личной только жизни" [1]). Съ такимъ характеромъ нѣмецкая литература переходитъ и въ XIX вѣкъ [2]).

Выгодно отличалась просвѣтительная литература отъ гуманистической,—беря послѣднюю въ Италіи, гдѣ она получила начало и наибольшее развитіе,—*бо́льшею также моральною силою и бо́льшимъ убѣжденіемъ*. Итальянскіе гуманисты не вступали въ общественную борьбу,

---

[1]) Основные вопросы философіи исторіи, т. I, стр. 203 (по 2 изд.). См. тамъ же и стр. 200—208, гдѣ объ этомъ вообще говорится подробнѣе.

[2]) Объ этомъ будетъ еще говориться въ IV томѣ.

предпочитая приспособленіе къ даннымъ обстоятельствамъ, весьма часто были лишены твердаго убѣжденія, не думали о коренныхъ преобразованіяхъ общественнаго быта и въ концѣ приходили къ весьма пессимистическимъ выводамъ о природѣ человѣка, что проявилось особенно замѣтно въ политическомъ ученіи Макіавелли. Другое дѣло—просвѣтители, выступившіе въ роли смѣлыхъ борцовъ за личную и общественную свободу, за человѣческое достоинство и гражданское равенство, критиками несовершенствъ окружавшей ихъ политической и соціальной дѣйствительности, авторами разнообразныхъ плановъ государственной и общественной реформы, пророками, говорившими о наступленіи лучшихъ временъ, впервые формулировавшими оптимистическуюмысль о прогрессѣ, какъ о настоящей цѣли исторической жизни человѣчества [1]). Въ нихъ былъ силенъ оптимизмъ, не тотъ, который прославляетъ дѣйствительное, а тотъ, который основывается на чаяніи лучшаго будущаго, осуществляемаго усиліями человѣка. Античный міръ завѣщалъ человѣчеству идею прогресса умственнаго, предполагая, что въ нравственномъ отношеніи человѣкъ, наоборотъ, скорѣе падаетъ, а въ соціальномъ совершаетъ вѣчное круговращеніе, переходя изъ однихъ состояній въ другія лишь для того, чтобы отъ новаго опять возвращаться къ старому. Только христіанство внесло въ міръ идею прогресса нравственнаго на почвѣ новыхъ моральныхъ идеаловъ, предъявленныхъ имъ человѣчеству. Классическое Возрожденіе вернуло мысль къ точкѣ зрѣнія античнаго міра, и успѣхи человѣческаго ума въ XVI, XVII и XVIII вв. особенно утверждали въ той мысли, что исторія осуществляетъ интеллектуальный прогрессъ, увеличиваетъ сумму человѣческихъ знаній, заставляетъ природу выдавать ея тайны и усиливаетъ власть человѣка надъ природою: проповѣдниками такого воззрѣнія въ XVII в. были Бэконъ и Декартъ, а Паскаль предлагалъ смотрѣть на человѣчество, какъ на одного человѣка, который постоянно учится. На моральную и соціальную сторону исторіи продолжали, однако, смотрѣть глазами древнихъ, и даже Руссо и Вольтеръ въ этомъ отношеніи были какъ-бы представителями, первый—той идеи, что умственное совершенствованіе сопровождается нравственнымъ упадкомъ, а второй—того, что въ этомъ мірѣ все остается по прежнему, кромѣ успѣховъ ума; особеннымъ же защитникомъ теоріи круговорота общественныхъ формъ выступилъ итальянскій мыслитель Вико [2]) въ своей „Новой наукѣ“ (La scienza nuova, 1726). Честь распространенія

---

[1]) За подробностями отсылаю къ статьѣ своей „Исторія и философское значеніе идеи прогресса“ (Сѣв. Вѣст., 1891, XI—XII).

[2]) О немъ существуетъ большая литература, указанная въ нашихъ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи“.

идеи прогресса на нравственную сферу—и уже на основахъ чисто философскихъ—принадлежитъ Тюрго, который въ 1750 году выступилъ съ двумя рѣчами историко-философскаго содержанія: во второй половинѣ XVIII в. идея прогресса сдѣлалась уже весьма популярною. Великій нѣмецкій философъ, Кантъ (1724—1804) въ своей небольшой статьѣ 1784 г., подъ заглавіемъ „Идея о всеобщей исторіи съ космополитической точки зрѣнія“ (Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlichen Absicht) прямо говоритъ о необходимости пониманія исторіи, какъ процесса, ведущаго человѣчество къ совершенному гражданскому обществу, чѣмъ впервые постановилъ на очередь вопросъ о прогрессѣ соціальномъ: такимъ образомъ идея прогресса соціальнаго обязана своимъ происхожденіемъ XVIII в. Кромѣ Тюрго и Канта, наиболѣе видными проповѣдниками вѣры въ прогрессъ были Лессингъ (1729—1781 въ сочинении Die Erziehung des Menscheng Geschlechts, 1780), Гердеръ (1744—1803, Ideen über Philosophie der Gschichte 1784) [1]), Кондорсе (Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain 1793), и всѣ они въ просвѣщении своего вѣка видѣли ручательство того, что человѣчество достигнетъ высшаго умственнаго, нравственнаго и общественнаго совершенства,—полагая вмѣстѣ съ тѣмъ, что это-то просвѣщеніе и составляетъ главную движущую силу исторіи. Эта идея прогресса вселяла своего рода религіозную вѣру въ побѣду добра надъ зломъ и призывала людей къ работѣ для доставленія этой побѣды добру, для того же, чтобы человѣкъ дѣйствительно былъ просвѣщеннымъ, Кантъ въ своей статьѣ о томъ, „что такое просвѣщеніе“ (Beantwortung der Frage: was ist Anfklärung?) требовалъ отъ него самостоятельнаго мышленія, а не перениманія того, что сказано другими. Этотъ философскій оптимизмъ, эта вѣра въ высокое предназначеніе человѣка на землѣ, это уваженіе къ просвѣщенію необходимо соединялись съ великодушными чувствами, съ требованіемъ гуманности въ человѣческихъ отношеніяхъ, которая должна истребить всякую неправду, всякое рабство, всякую вражду—расовую, національную, вѣроисповѣдную, сословную. Такія идеи одушевляли лучшихъ поэтовъ, среди коихъ особенно Шиллеръ (1759—1805) долженъ быть названъ поэтомъ гуманности, какъ Гете (1749—1832)—поэтомъ новаго философскаго духа.

На такомъ характерѣ философіи XVIII в. сказались и вліянія, шедшія изъ реформаціонной эпохи. *Будучи по свѣтскому характеру своему продолженіемъ гуманизма, по моральной своей силѣ и по непосредственному своему вліянію на жизнь оно, было скорѣе, наслѣдіемъ протестантизма.* Въ одномъ отношеніи связь культурныхъ идей XVIII в. съ реформаціоннымъ движеніемъ несомнѣнна: французская философ-

[1]) О Гердерѣ см. соч. Наут'а, переведенное и по-русски.

ская (деистическая) и политическая литература XVIII в. опирается на английскую XVII столѣтія, а послѣдняя выросла на почвѣ реформаціи [1]); почти религіозная вѣра въ силу разума и въ достижимость идеаловъ, а также сознаніе своего долга [2]) содѣйствовать общему благу, напоминаютъ намъ крѣпкую вѣру и непоколебимый ригоризмъ реформаціонной эпохи, ибо даже тѣ мыслители, которые объявляли, что въ основѣ всѣхъ поступковъ человѣка лежитъ эгоизмъ, въ дѣйствительности одушевлялись въ своей дѣятельности принципами, имѣвшими для нихъ значеніе религіозныхъ заповѣдей; унаслѣдовавъ отъ гуманистовъ свободу мысли и стремленіе къ выработкѣ міросозерцанія на чисто свѣтскихъ основахъ, просвѣтители XVIII в. сдѣлались защитниками той свободы совѣсти, которою, какъ и политическою свободою, мало интересовались гуманисты, вполнѣ даже ее игнорируя, и которая впервые была выставлена протестантскимъ движеніемъ [3]). Поэтому у философіи XVIII в. есть точки соприкосновенія не только съ гуманизмомъ, но и съ протестантизмомъ, что и было причиною всеобъемлющаго значенія, какое получило въ культурной и соціальной жизни западной Европы умственное движеніе XVIII вѣка.

Къ „философіи“ XVIII в. образовалось въ исторической литературѣ два отношенія: преклоняясь передъ успѣхами человѣческаго ума, XVIII в. гордился своими завоеваніями въ области мысли, но подъ вліяніемъ французской революціи, ужасы которой стали цѣликомъ сваливаться на „ложную философію“ эпохи, произошла реакція, и „просвѣщеніе“ XVIII в. подверглось огульному осужденію. Но историческая наука среди противоположныхъ мнѣній, которыя стали высказываться о XVIII в., должна была стать на точку зрѣнія анализа явленій, дѣлающаго невозможными ни восторженную хвалу, ни огульную хулу, должна была обратиться къ критикѣ отдѣльныхъ фактовъ, обнаружить ихъ неоднородность, показать, какъ къ истинѣ примѣшивалось заблужденіе и какъ въ самихъ заблужденіяхъ было зерно истины, т. е. должна была, однимъ словомъ, отнестись къ просвѣтительной литературѣ, какъ и ко всякому другому историческому явленію. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ совокупностью принциповъ, коимъ суждено было играть роль историческихъ факторовъ рядомъ съ другими факторами идейнаго и неидейнаго характера, въ связи съ характерами, страстями, привычками и интересами самихъ дѣйствующихъ лицъ [4]),

---

[1]) См. т. II, послѣдняя глава.

[2]) Ученіе о долгѣ особенно было развито Кантомъ, понявшимъ долгъ, какъ „категорическій императивъ“.

[3]) Т. II, стр. 235 и слѣд.

[4]) Т. II, стр. 231.

не ставя принципамъ въ исключительную заслугу или въ исключительную вину того, что дѣлалось другими факторами, и помня, что историческое объясненіе есть прежде всего объясненіе генетическое. т.-е. такое, которое имѣетъ главнымъ своимъ предметомъ происхожденіе извѣстныхъ явленій и ихъ участіе въ порожденіи другихъ явленій [1]).

XVIII в. былъ героическимъ вѣкомъ раціонализма [2]), и въ этомъ именно заключаются и сила, и слабость „философіи" прошлаго столѣтія. Когда мы говоримъ о раціонализмѣ, мы прежде всего противополагаемъ его направленію, основывавшемуся на вѣрѣ во внѣшніе авторитеты: раціонализмъ ничего, повидимому, не принимаетъ на вѣру, для всего требуетъ разумныхъ доказательствъ, все подвергаетъ анализу и критикѣ съ точки зрѣнія началъ разума, но и въ этомъ отрицаніи всего традиціоннаго, какъ не выдерживающаго провѣрки разума, заключается глубокая и сильная вѣра, именно вѣра въ самый разумъ, въ его могущество, въ возможность все объяснить и все создать силою разума, въ прогрессъ, обусловливаемый просвѣщеніемъ, основаннымъ на дѣятельности разума. Говоря о раціонализмѣ, мы можемъ еще противопоставлять его всякому направленію, полагающемуся не столько на отвлеченную дѣятельность разума, сколько на данную дѣйствительность, на опытъ и наблюденіе: раціонализму свойственно объяснять вещи и построять знаніе, исходя изъ извѣстныхъ идей и идя чистологическимъ путемъ, т. е. дѣйствуя, такъ сказать, идеологически и діалектически. Ничего не принимая на вѣру, что не оправдывалось разумомъ, отвергая, какъ предразсудки,—преданія, коими жило общество, а съ ними и все исторически сложившееся, разъ послѣднее не выводилось изъ началъ разума, эта философія была глубоко антиисторична, противоположивъ всему созданному исторіей, какъ чему-то искусственному, простыя идеи разума, какъ согласныя съ законами природы, какъ начала естественныя. Идея естественнаго (въ условномъ смыслѣ) доминировала въ этой философіи: деисты противополагали естественную религію религіи, основанной на откровеніи и преданіи; юристы и политики говорили объ естественноль правѣ, которое противопоставляли положительному законодательству [3]), объ естественной свободѣ, и равенствѣ, противополагавшихся существующимъ соціальнымъ формамъ, и объ основанномъ на общемъ согласіи порядкѣ, который признавался естественнѣе того, какой сложился историческимъ путемъ; экономисты равнымъ образомъ стремились открыть естественный порядокъ хозяйственной

[1]) См. ниже, въ началѣ гл. XVI.

[2]) О зарожденіи раціонализма см. въ т. I, стр. 321 и слѣд. и въ т. II, стр. 76—77, 184 и слѣд., 237 и слѣд.

[3]) См. Th. Jouffroy. Le droit naturel.

жизни, затемненной и искаженной вмѣшательствомъ въ эту сферу человѣческихъ установленій, и самое названіе экономической школы „физіократовъ“ указываетъ на то, что своимъ принципомъ она ставила господство природы, ибо физіократія и значитъ господство природы, господство естественнаго закона; наконецъ, Руссо прямо ставилъ вопросъ о томъ, какъ возвратить человѣка и общество къ естественности, а изъ своего „естественнаго состоянія“ сдѣлалъ даже какой-то золотой вѣкъ или рай, утраченный человѣчествомъ. Во всемъ этомъ были и слабыя, и сильныя стороны. Дѣйствіе этой философіи по силѣ своей можетъ быть сравниваемо только съ дѣйствіемъ религіи, ибо основывалась эта философія на глубокой вѣрѣ въ разумъ, ибо она брала человѣка въ самомъ себѣ безъ осложненій, создаваемыхъ въ его жизни исторической обстановкою, и разсматривала права и обязанности людей, какъ таковыхъ, а не какъ французовъ или англичанъ, нѣмцевъ или итальянцевъ и т. п., кладя въ основу своихъ ученій отвлеченное пониманіе природы человѣка, ибо, наконецъ, благодаря этому, она получала наиболѣе универсальный характеръ и способность къ весьма широкому распространенію. При всемъ томъ она подняла массу вопросовъ, указала новые пути для ихъ рѣшенія, освободила мысль отъ массы схоластическихъ традицій и множества всякаго рода предразсудковъ, порождала благородныя чувства, порывы и стремленія и одушевляла на дѣятельность въ пользу общаго блага. Слабую сторону этой философіи составляла ея идеологія: признавая естественнымъ лишь то, что основывалось на чистыхъ идеяхъ разума, отождествляя законы природы съ тѣми или другими положеніями, выведенными діалектически изъ извѣстныхъ идей, она не считалась въ достаточной мѣрѣ, съ дѣйствительностью, мало обращала вниманія на то, что было естественно на самомъ дѣлѣ въ силу настоящихъ законовъ природы, открываемыхъ опытомъ и наблюденіемъ, лишена была поэтому историческаго чутья, а подчасъ и чувства дѣйствительности, преувеличивала значеніе индивидуальныхъ силъ, не соразмѣряла ихъ съ условіями, обстоятельствами, препятствіями, создаваемыми мѣстомъ и временемъ, иногда даже дѣлала свои построенія, не принимая въ расчетъ того, какіе результаты могло бы дать ихъ примѣненіе къ дѣйствительной жизни. Если благодаря своимъ сильнымъ сторонамъ, „философія“ XVIII в. ставила обществу высокія цѣли, поселяла въ немъ благородныя стремленія, одушевляла его на борьбу во имя идей, то вслѣдствіе присущихъ всему направленію недостатковъ дѣлались ошибки при выборѣ средствъ, игнорировались реальныя условія, съ коими нужно было считаться, не различались вещи, непосредственно достижимыя, отъ тѣхъ, которыя могутъ быть только конечнымъ идеаломъ культурно-соціальнаго прогресса. И эта сила идей, какъ факторовъ, опредѣлявшихъ собою поведеніе истори-

ческихъ дѣятелей, и это безсиліе отвлеченнаго разума передъ громадною задачею сразу преобразовать дѣйствительность по даннымъ идеямъ, одинаково проявились во время французской революціи. Одною изъ причинъ такого явленія было, кромѣ главнымъ образомъ свойствъ самой раціоналистической философіи, еще и то обстоятельство, что вслѣдствіе тогдашнихъ условій политической жизни, лишавшихъ общество малѣйшей самодѣятельности, для него открыта была одна только теоретическая дѣятельность ума и закрыта, наоборотъ, всякая практическая дѣятельность въ сферѣ тѣхъ вопросовъ и отношеній, которые наиболѣе интересовали тогдашній культурный слой: теорія, касавшаяся вопросовъ практической жизни, но не смѣвшая и думать о томъ, чтобы примѣнять ихъ на практикѣ или изъ самостоятельной практики почерпать для себя новыя указанія, естественно и необходимо должна была отдалиться отъ жизни, замкнуться въ отвлеченностяхъ, совершенно оградиться отъ области реальныхъ фактовъ, составлявшей монополію однихъ власть имущихъ. Поэтому иногда занятіе наиболѣе важными въ практическомъ отношеніи вопросами дѣлалось совершенно абстрактнымъ, нравясь только, какъ занятіе ума, но не вызывая мысли о практическомъ примѣненіи идей, къ которымъ теоретически приходилъ тотъ или другой мыслитель. Мало того, бывало и такъ, что ради литературнаго успѣха писатель высказывалъ мысли, въ сущности не бывшія настоящимъ выраженіемъ того, что онъ думалъ на самомъ дѣлѣ объ извѣстныхъ предметахъ. Морелле, одинъ изъ этихъ писателей, говоритъ, напр., что „тогда все казалось невиннымъ въ этой философіи, оставшейся замкнутою въ своихъ границахъ и искавшей въ наиболѣе смѣлыхъ своихъ заявленіяхъ (dans ses plus grandes hardiesses) лишь мирнаго упражненія для ума“. Другой писатель, Мармонтель, самъ признается, что въ пятидесятыхъ годахъ онъ не зналъ, чего хотѣлъ достигнуть своей философіей. „Всю жизнь свою, писалъ Рэйналь національному собранію въ началѣ революціи,—всю жизнь свою я размышлялъ о тѣхъ идеяхъ, которыя вы теперь прилагаете къ возрожденію королевства,—я размышлялъ о нихъ въ тѣ времена, когда онѣ, отвергнутыя всѣми общественными учрежденіями, всѣми предразсудками, имѣли только привлекательность утѣшающаго желанія. Тогда не было у меня никакого побужденія ни прилагать ихъ, ни предугадывать ихъ слѣдствія“. Въ 1780 г. Бриссо, впослѣдствіи одинъ изъ дѣятелей революціи, издалъ „Философскія разысканія о правѣ собственности и кражи“, гдѣ теоретически разрушалъ собственность, но потомъ онъ называлъ это свое сочиненіе „болтовнею ученика, который упражняется надъ парадоксомъ“ и указывалъ на то, что не слѣдуетъ примѣнять къ гражданскому состоянію взгляды, высказанные имъ о состояніи естественномъ. Многія тирады въ сочиненіяхъ Неккера, которыя Луи

Бланъ, напр., принимаетъ за чистую монету, какъ выраженіе соціалистическихъ воззрѣній этого финансиста, были расчитаны просто на литературный успѣхъ. Лишь мало-по-малу теорія стала стремиться перейти въ практику, но и тогда опять-таки представлялось, что для реализаціи новыхъ идей не существуетъ никакихъ препятствій, кромѣ сопротивленія со стороны двора, духовенства и знати. Благодаря тому, что между отвлеченною мыслью и дѣйствительною жизнью не было тѣсной связи, „философія" XVIII в. пользовалась успѣхомъ и въ такихъ кругахъ общества, которые впослѣдствіи сдѣлались самыми ярыми ея врагами. „Мы, говоритъ де Сегюръ въ своихъ воспоминаніяхъ,—мы, аристократическая молодежь Франціи, безъ сожалѣнія о прошедшемъ, безъ опасенія за будущее весело шли по цвѣтущему лугу, подъ которымъ скрывалась пропасть. Есть удовольствіе сходить внизъ, когда думаешь, что снова можно подняться, и безъ предусмотрительности мы вкушали выгоды патриціата и прелести плебейской философіи. Такимъ образомъ хотя это были наши привилегіи, жалкій остатокъ нашего могущества, которыя подкапывались подъ нашими ногами, намъ нравилась эта маленькая война. Мы не испытывали ея ударовъ, передъ нами развертывалось только ея зрѣлище. Это были битвы лишь на словахъ и на бумагѣ, и намъ не казалось, чтобы онѣ могли поколебать то высокое положеніе, которое мы занимали и которое намъ казалось несокрушимымъ, такъ какъ мы обладали имъ столько столѣтій. Мы смѣялись надъ тревогой стараго двора и духовенства, возставшихъ противъ этого духа нововведеній. Мы апплодировали республиканскимъ сценамъ на нашихъ театрахъ, философскимъ рѣчамъ нашихъ академій, смѣлымъ сочиненіямъ нашихъ литераторовъ". Такимъ образомъ *и раціоналитическій характеръ самой философіи, ставившей свои вопросы совершенно отвлеченно, и разобщенность теоріи съ практикой, зависѣвшая отъ политическихъ условій времени, были причиною того, что когда наступила пора примѣненія новыхъ идей къ дѣйствительной жизни, надежды, возлагавшіяся на всеобщую приложимость этихъ идей, не оправдались,* хотя идеи эти и сослужили свою службу.

Произведенія философовъ XVIII в. пользовались громаднымъ успѣхомъ. Дворъ Людовика XIV, бывшій какъ бы громаднымъ салономъ для всей Франціи, который задавалъ тонъ въ литературѣ, разбился въ XVIII в. на массу настоящихъ салоновъ, въ коихъ протекала жизнь свѣтскаго интеллигентнаго общества. Старыя идеи были убиты въ этомъ обществѣ самимъ Людовикомъ XIV, поставившимъ королевскій деспотизмъ на мѣсто всѣхъ традицій, какія прежде пользовались уваженіемъ въ обществѣ, но собственная его система вызвала критику и даже среди аристократіи: послѣдняя въ общемъ была довольна оппозиціоннымъ ха-

рактеромъ новой литературы, хотя причины ея собственнаго оппозиціоннаго настроенія были иныя нежели тѣ, коими опредѣлялся характеръ литературы. Для интеллигентныхъ и зажиточныхъ круговъ третьяго сословія, идеи свободы и равенства, развивавшіяся въ этой литературѣ, не были пустыми словами и были приняты ими съ наибольшею искренностью. Способствовали успѣху произведеній, выходившихъ изъ подъ пера просвѣтителей, и чисто литературныя достоинства, ихъ отличающія. Какъ бы мы ни смотрѣли на французскую изящную словесность „вѣка Людовика XIV", никто не рѣшится отнять у нея ея формальныя преимущества: ясность и прозрачность мысли, точность и силу выраженія, гармоничность частей, а то, что съ Людовика XIV французскій языкъ сдѣлался языкомъ дипломатіи, придворнаго быта и высшаго общества во всей Европѣ, и что литература другихъ странъ долгое время находилась въ зависимости отъ французской, обезпечивало французскимъ книгамъ широкій сбытъ внѣ самой Франціи. Философы XVIII в. были свѣтскими людьми и умѣли писать для свѣтскаго общества, излагать свои мысли въ популярной формѣ и изящнымъ языкомъ, привлекать къ себѣ читателей живостью непринужденной бесѣды, игрою остроумія, задоромъ сатиры, насмѣшки, сарказма и ироніи. Они овладѣли всѣмъ образованіемъ эпохи и сдѣлались господами въ области мысли. Ихъ вліянію подчинились даже коронованныя особы по примѣру Фридриха II, который, еще бывши наслѣднымъ принцемъ, вступилъ въ переписку съ Вольтеромъ, занимавшимъ въ XVIII в. такое же положеніе, какое въ XIV принадлежало Петраркѣ, а въ XVI—Эразму. Отдѣльные факты, свидѣтельствующіе о томъ почетѣ, какимъ пользовались французскіе писатели XVIII в. у монарховъ и у государственныхъ людей, будутъ еще приведены послѣ.

Само собою разумѣется, что нельзя представлять себѣ „просвѣщеніе" XVIII в., какъ нѣчто однородное. Мы видѣли, напр., что въ Германіи оно отличалось инымъ характеромъ, чѣмъ во Франціи [1]); съ другой стороны, въ самой Франціи *нужно различать разныя эпохи и разныя направленія этого умственнаго движенія.* Приблизительно до 1750 г. главнымъ предметомъ нападенія была католическая церковь, и указывалась необходимость гражданскихъ реформъ, но еще не предъявлялось требованія политической свободы. Во второй половинѣ XVIII в. стали подвергаться критикѣ государственныя учрежденія и соціальныя отношенія и начала выдвигаться на первый планъ идея политической свободы. Еще большую разнородность представитъ намъ собою это движеніе, если мы ближе подойдемъ къ отдѣльнымъ

¹) См. выше, стр. 144—145.

его направленіямъ. Въ области философіи господствовалъ сначала занесенный изъ Англіи деизмъ, принимавшій у Вольтера характеръ разсудочности и скептицизма, у Руссо—характеръ сантиментальности и идеализма, но рядомъ съ деизмомъ во второй половинѣ XVIII в. развивается матеріализмъ, одинъ изъ видныхъ представителей коего, Дидро, самъ началъ, однако, съ деизма. Въ морали деисты охотно становились на точку зрѣнія врожденныхъ нравственныхъ идей, тогда какъ матеріалисты проповѣдовали теорію эгоистичности всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, и если для идеалистической философіи (развившейся особенно въ Германіи) человѣкъ былъ вѣнцомъ творенія, носящимъ въ своемъ разумѣ искру Божества, то для матеріалистическаго взгляда исчезала почти всякая разница между человѣкомъ и животнымъ. Далѣе, рядомъ съ весьма часто встрѣчающеюся привычкою противополагать свой просвѣщенный вѣкъ „готическому" варварству прежнихъ временъ мы имѣемъ въ этой литературѣ и примѣръ возведеннаго въ систему противопоставленія здороваго естественнаго состоянія—испорченной цивилизаціи, т.-е. тому самому просвѣщенію, которымъ такъ гордился философскій вѣкъ. Въ вопросахъ политическихъ и общественныхъ то же разнообразіе: Вольтеръ—сторонникъ „просвѣщеннаго абсолютизма" и аристократизма интеллигенціи, Монтескье стоитъ на точкѣ зрѣнія конституціонной монархіи и дворянскихъ привилегій, Руссо—республиканецъ и демократъ. Самая идея свободы понимается то въ смыслѣ свободы индивидуальной, то въ смыслѣ полнаго народовластія, и въ то время, напр., какъ Монтескье ищетъ гарантій для личной свободы, Руссо не хочетъ знать никакихъ ограниченій власти державнаго народа надъ отдѣльнымъ членомъ общества. Это разнообразіе направленій воплотилось въ нѣсколькихъ типическихъ личностяхъ, которыя, кромѣ того, оказали и наибольшее вліяніе на культурную и политическую жизнь своихъ современниковъ и ближайшаго потомства.

XII. Жизнь и идеи Вольтера [1]).

Общее значеніе Вольтера.—Жизнь Вольтера до путешествія въ Англію.—Англійское вліяніе на Вольтера.—Время сожительства Вольтера съ маркизой дю-Шатле.—Вольтеръ въ Пруссіи. — Ферней и борьба съ католицизмомъ.—Отношеніе Вольтера къ мѣстному духовенству.—Поѣздка въ Парижъ и смерть Вольтера.—Оцѣнка современниками значенія Вольтера.—Защита имъ вѣротерпимости и личной свободы.—Политическія и общественныя воззрѣнія Вольтера.—Деизмъ и его оттѣнки.—Религіозные взгляды Вольтера.—Отношеніе Вольтера къ философскимъ вопросамъ.—Литературная дѣятельность Вольтера и его вліяніе на другихъ писателей.

Вольтеръ былъ несомнѣнно главнымъ представителемъ „философіи" XVIII в., первымъ вождемъ въ томъ умственномъ движеніи,

[1]) О Вольтерѣ существуетъ значительная литература. Кондорсе. Жизнь

которое характеризуетъ эпоху: такъ смотрѣли на него современники, такъ оцѣнивали его значенiе сторонники этого движенiя и его враги, такъ, наконецъ, смотритъ на его личность и современная историческая наука. „Мы думаемъ, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ его бiографовъ [1]), что вольтерiанизмъ во Францiи имѣетъ въ нѣкоторой степени такое же значенiе, какъ католицизмъ, эпоха Возрожденiя и кальвинизмъ“, такъ какъ „онъ является одною изъ основъ, на которыхъ зиждется умственное освобожденiе новаго поколѣнiя“. Конечно, въ исторiи философiи, какъ особой отрасли знанiя, гдѣ блещутъ имена Платона и Аристотеля, Бэкона и Декарта, Спинозы и Канта и т. д., имя Вольтера едва только упоминается; онъ не дѣлалъ никакихъ открытiй въ области естествознанiя, гдѣ его имя никакъ не можетъ стоять рядомъ съ именами Коперника, Галилея, Ньютона и т. п.; въ исторiи политическихъ ученiй равнымъ образомъ онъ не можетъ идти въ сравненiе съ современниками своими—Монтескье, Руссо, Мабли, физiократами—и вотъ потому Вольтеръ представляется намъ не особенно крупною величиною, разъ мы становимся на какую-либо спецiальную точку зрѣнiя, даже, пожалуй, на точку зрѣнiя исторiи изящной литературы, въ которой онъ былъ, въ качествѣ представителя классицизма (или ложноклассицизма, какъ предпочитаютъ у насъ выражаться по примѣру нѣмцевъ) равнымъ образомъ далеко не тѣмъ, чѣмъ въ свое время были Буало, Корнель и Расинъ. Но, становясь на самую общую точку зрѣнiя исторiи культуры, мы можемъ сказать, что никто изъ его современниковъ, играющихъ первыя роли въ исторiи философiи, науки и литературы, *не выражалъ въ своей дѣятельности такъ полно и такъ всесторонне духъ XVIII в., какъ именно Вольтеръ*. Его долгая жизнь (1694—1778), особенно благодаря тому, что онъ рано сдѣлался писателемъ и до конца дней своихъ не покидалъ литературной дѣятельности, охватываетъ почти весь перiодъ отъ конца царствованiя Людовика XIV до кануна революцiи; масса имъ написаннаго,

---

Вольтера (Condorcet. Vie de Voltaire).—Дж. Морлей (J. Morley). Вольтеръ (пер. съ англ.).—Strauss. Voltaire (Vorträge).—Desnoiresterres. Voltaire et la société au XVIII siècle (4 тома). Его же Voltaire et J. J. Rousseau.—Mährenholz. Voltaire, sein Leben und seine Werke.—Bungener. Voltaire et son temps.—Everiste Bavoux. Voltaire à Ferney. Для сочиненiй Вольтера и о Вольтерѣ см. G. Bengesco. Voltaire, bibliographie des ses oeuvres и Quérard. Bibliographie Voltairienne. Въ русскихъ журналахъ были помѣщены за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ статьи о Вольтерѣ Н. К. Михайловскаго (От. Зап. 1870), Шашкова (Дѣло. 1879), В. Ѳ. Корша (Вѣстн. Евр.), Э. А. Радлова (Вопросы фил. и псих. 1880), изъ коихъ статьи Михайловскаго и Корша были перепечатаны въ собранiяхъ ихъ сочиненiй.

[1]) Морлей, на первой же страницѣ своей книги.

едва укладывающаяся въ цѣлые десятки томовъ [1]), свидѣтельствуетъ о необычайной энергіи его ума, а громадный успѣхъ его сочиненій— о томъ вліяніи, какое онъ въ теченіе десятковъ лѣтъ оказывалъ на общество; крайнее разнообразіе его литературной дѣятельности указываетъ на его широкій энциклопедизмъ и на то, что онъвліялъ на общество многосторонне и самыми разнообразными средствами, такъ какъ онъ выступалъ въ литературѣ въ качествѣ поэта и романиста, философа и популяризатора естественно-историческихъ знаній, моралиста и публициста, литературнаго критика и историка, оставивъ послѣ себя великое множество одъ, поэмъ, трагедій, повѣстей, разсказовъ, трактатовъ, журнальныхъ статей, памфлетовъ, полемическихъ произведеній, историческихъ работъ и т. п., и все это было отмѣчено не только печатью самобытной переработки идейнаго матеріала, какой Вольтеръ находилъ въ книгахъ, но и неистощимаго личнаго творчества, не только печатью широкаго ума, но и необыкновеннаго литературнаго таланта. Это была еще притомъ натура боевая, не сносившая никакой тиранніи, и удары, которые сыпались изъ-подъ пера Вольтера на враговъ представлявшагося имъ направленія были особенно мѣтки, сильны и потому страшны. Въ личномъ характерѣ, въ нравственныхъ качествахъ „короля философовъ" были значительные недостатки, весьма часто представляющіеся, какъ полный контрастъ его замѣчательному уму, но если онъ въ своей дѣятельности ставилъ главною цѣлью эманципацію человѣческаго разума, то отъ торжества истины онъ никогда не отдѣлялъ торжества справедливости въ междулюдскихъ отношеніяхъ. Въ послѣднемъ смыслѣ Вольтеръ былъ воплощеніемъ гуманистическаго индивидуализма, какъ защитникъ человѣческаго разума, инстинктовъ человѣческой природы, личнаго достоинства человѣка, его права на свободу отъ тиранніи, главнымъ образомъ, однако, все-таки какъ защитникъ разума, ибо вопросъ о соціальныхъ преобразованіяхъ не былъ его настоящею спеціальностью. Впрочемъ, и въ этой сферѣ дѣло не обошлось безъ вліянія Вольтера, такъ какъ онъ былъ главнымъ дѣятелемъ въ выработкѣ того орудія, безъ котораго не могла бы дѣйствовать критика соціальнаго строя, т.-е. все безъ того же самаго разума. *Вольтеріанизмъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ раціонализмомъ, нашедшимъ блестящее воплощеніе въ геніи отдѣльнаго человѣка.*

Фамилія „Вольтеръ" была литературнымъ псевдонимомъ [2]). На-

---

[1]) Напр., изданіе Бодуэна, выходившее въ свѣтъ въ 1824—34 гг., заключаетъ въ себѣ около ста томовъ, а другія изданія состоятъ изъ 70, 75 и т. п. томовъ.

[2]) Анаграмма изъ Arouet l. j. (=le jeune), причемъ *u* принято за *v*, а j— за i. (Arovetli = Voltaire).

стоящее имя Вольтера было Аруэ (Arouet, François Marie). Его отецъ происходилъ изъ третьяго сословія и занималъ должность нотаріуса, такъ что по рожденію своему онъ былъ плебеемъ. Окончивъ курсъ въ іезуитскомъ коллежѣ, онъ весьма рано проявилъ свои дарованія и получилъ доступъ въ большой свѣтъ: смѣлость мысли, какую онъ обнаружилъ въ школѣ, вызвала даже предсказаніе одного изъ его учителей, что онъ сдѣлается корифеемъ деизма во Франціи, а крестный его отецъ, аббатъ Шатонёвъ, ввелъ его въ веселые и беззаботные свѣтскіе кружки Парижа, въ которыхъ онъ познакомился и съ старухою Нинонъ де л'Анкло, когда-то знаменитою куртизанкою, отличавшеюся большимъ умомъ и поразившеюся раннимъ развитіемъ Вольтера; она даже отказала ему по духовному завѣщанію небольшую денежную сумму на покупку книгъ. Отецъ былъ крайне недоволенъ средою раззолоченной молодежи, въ которую попалъ его сынъ, а тутъ еще въ скоромъ времени съ молодымъ человѣкомъ случилась большая непріятность. Послѣ смерти Людовика XIV, совпавшей съ тяжкими временами, стало ходить по рукамъ много эпиграммъ и другого рода произведеній, среди коихъ особое вниманіе обратили на себя „Les j'ai vu“, гдѣ описывалось въ мрачныхъ краскахъ рабство французскаго народа и говорилось авторомъ, что ему еще нѣтъ двадцати лѣтъ, а онъ уже видѣлъ всѣ эти бѣдствія (j'ai vu ces maux et je n'ai pas vingt ans). Молодого Вольтера, уже тогда прославившагося стихами, заподозрили въ авторствѣ и засадили въ Бастилію, хотя въ данномъслучаѣ онъ ни въ чемъ не былъ виноватъ, и такимъ образомъ, едва вступивъ въ жизнь, онъ на собственномъ опытѣ познакомился съ административнымъ произволомъ, лишавшимъ во Франціи личную свободу всякихъ гарантій. Въ Бастиліи Вольтеръ продолжалъ свои литературныя занятія, задумавъ свою эпическую поэму „Генріаду“, въ которой прославлялъ Генриха IV, какъ представителя вѣротерпимости. Около того же времени онъ написалъ трагедію „Эдипъ“, которая въ 1718 г. была поставлена на сцену и имѣла успѣхъ. Время чистаго искуства въ исторіи французской драмы миновало, и уже здѣсь Вольтеръ далъ волю своему оппозиціонному направленію, высказавъ ту мысль, что „наши жрецы совсѣмъ не то, что о нихъ думаетъ народъ“, и что „лишь наше легковѣріе составляетъ всю ихъ мудрость“. Въ Бастиліи Вольтеру пришлось провести тогда почти годъ, но черезъ нѣсколько времени ему было суждено вторично познакомиться съ этою тюрьмою и на этотъ разъ пострадать не отъ одного административнаго произвола, но и отъ аристократическаго высокомѣрія одного вельможи, съ которымъ у него вышло столкновеніе. Въ домѣ герцога Сюлли онъ встрѣтился однажды съ шевальеде-Роганомъ, который позволилъ себѣ дерзкую по отношенію къ нему выходку, вызвавшую полный достоинства отвѣтъ Вольтера. Аристократъ

не снесъ этого и велѣлъ черезъ нѣсколько дней слугамъ палками приколотить молодого поэта, который, съ своей стороны, думалъ теперь о дуэли, казавшейся, однако, де-Рогану унизительной, такъ какъ его противникъ былъ плебей, и вотъ дѣло кончилось тѣмъ, что вліятельные де-Роганы добились приказанія посадить Вольтера опять въ Бастилію, откуда онъ былъ выпущенъ лишь съ приказаніемъ немедленно оставить Парижъ. Двѣ главныя стороны „старыхъ порядковъ" такимъ образомъ дали себя почувствовать писателю, которому суждено было сдѣлаться героемъ вѣка, защитникомъ свободы и равенства: немудрено, что чувства личной безопасности заставляло его впослѣдствіи постоянно мѣнять мѣсто жительства, искать связей у сильныхъ міра сего, отказываться иногда отъ авторства тѣхъ или другихъ произведеній, за которыя можно было бы снова попасть въ Бастилію.

Въ 1726 г. Вольтеръ поѣхалъ въ Англію. Эта поѣздка имѣла рѣшительное вліяніе на его дѣятельность, да *и вообще Англія, гдѣ установились порядки, столь несходные съ французскими* [1]), *и гдѣ къ началу XVIII в. сдѣланы были громадные успѣхи въ философіи, наукѣ и политической литературѣ* [2]), была тогда страною, оказывавшею большое вліяніе на французовъ, совершавшихъ даже своего рода паломничества въ это царство личной, умственной, религіозной и политической свободы. Время, когда Вольтеръ посѣтилъ Англію, было замѣчательное: ея умственная жизнь находилась подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ тѣхъ толчковъ, которые исходили отъ Локка (ум. 1704) и Ньютона (ум. 1727); Шэфтсбери и Болингброкъ стояли еще въ главѣ свободныхъ мыслителей. Подъ вліяніями, шедшими отъ новой общественной обстановки, отъ новой умственной среды, Вольтеръ изъ поэта, только лично склоннаго къ вольномыслію, превратился въ философа, поставившаго общественную цѣль своей литературной дѣятельности— „разрушить всѣ тѣ предразсудки, рабомъ коихъ было его отечество", какъ выразился Кондорсе въ своей небольшой біографіи Вольтера. Деистическая философія и политическая литература, развивавшая идею свободы, были двумя наслѣдіями, завѣщанными Англіей XVII вѣка Англіи XVIII столѣтія, и Вольтеръ проникся основными ихъ принципами, оставшись вѣрнымъ имъ до конца жизни: уже въ глубокой старости онъ благословилъ маленькаго внука американскаго патріота Франклина, возложивъ руку на голову мальчика со словами: „Богъ и свобода" (God and liberty). Все въ Англіи было ново для живого француза, и тѣмъ болѣе еще были новы для Франціи тѣ идеи, которые Вольтеръ сталъ въ ней популяризировать, когда его отечество, напр., въ

---

[1]) См. выше, стр. 76 и слѣд.

[2]) См. т. II, въ концѣ.

философіи и наукѣ продолжало придерживаться устарѣлыхъ воззрѣній Декарта, какъ будто на свѣтѣ еще не было ни Локка, ни Ньютона. Поразилъ Вольтера и тотъ почетъ, какой правительствомъ и обществомъ оказывался въ Англіи мыслителямъ и ученымъ, поразила и та свобода, которою пользовались авторы, типографщики и книгопродавцы. Въ Англіи, такъ сказать, Вольтеръ окончательно увѣровалъ въ разумъ, въ присущую ему силу открывать тайны природы, въ его побѣду надъ суевѣріями и предразсудками, въ необходимость для него свободы, въ его могущественное вліяніе на общественную жизнь, наконецъ въ то, что мыслители, ученые, писатели призваны быть вождями общества. Разные контрасты, какіе представляла Англія двадцатыхъ годовъ XVIII в. съ тогдашнею Франціей, также бросались въ глаза наблюдательному путешественнику. Всѣ свои впечатлѣнія Вольтеръ обобщилъ и изложилъ въ знаменитыхъ „Lettres sur les Anglais", вышедшихъ въ свѣтъ лишь черезъ нѣсколько лѣтъ (1734) послѣ его возвращенія на родину: хотя онъ и урѣзывалъ себя въ этой книгѣ и долженъ былъ выжидать времени для его опубликованія, тѣмъ не менѣе она по необходимости получила характеръ критики на французскіе порядки, тѣмъ болѣе, что Вольтеръ не отказывалъ себѣ въ удовольствіи дѣлать кое-гдѣ сопоставленія чужаго съ своимъ. Извѣстно, что парижскій парламентъ приговорилъ книгу къ публичному сожженію рукою палача. Главнымъ, что поразило Вольтера въ Англіи, была все-таки духовная свобода. Монтескье, посѣтившій Англію вскорѣ послѣ того, какъ Вольтеръ ее покинулъ, сдѣлался горячимъ сторонникомъ уже ея политическихъ формъ, какъ обезпечивающихъ личную и политическую свободу. Еще позднѣе, для физіократовъ Англія сдѣлалась страною самыхъ образцовыхъ хозяйственныхъ порядковъ (чего на дѣлѣ не было, но что было справедливо сравнительно съ Франціей). Вольтеръ и былъ первый изъ французовъ, открывшихъ путь англійскому вліянію во Францію, и то, что этого многосторонняго человѣка не интересовали ни политическія формы, ни экономическій строй, указываетъ, съ одной стороны, еще на слабость политическаго интереса въ началѣ просвѣтительнаго движенія (который таковымъ и остался въ Германіи), а съ другой стороны, на чисто отвлеченный, индивидуалистическій и раціоналистическій источникъ этого движенія.

Возвратившись изъ Англіи, Вольтеръ приступилъ къ тому, что сталъ считать главною задачею всей его жизни, опираясь на обширныя знанія, пріобрѣтенныя имъ еще до поѣздки за границу и вывезенныя изъ посѣщенной имъ страны, и пользуясь орудіемъ злой, колкой, убійственной насмѣшки, рѣзкими характеристиками людей и вещей, всѣми другими способами, чтобы заставить себя читать и говорить о себѣ и во Франціи, и внѣ Франціи, въ то же время ссорясь и вступая въ мелочную

подчасъ полемику съ своими противниками и завистниками. Мѣняя сначала по своему обыкновенію мѣсто жительства, онъ въ 1735 г. надолго поселился въ замкѣ Сире, съ владѣтельницей коею, маркизой дю-Шатле, близко сошелся за два года передъ этимъ, и продолжалъ тамъ жить до самой ея смерти въ 1749 г. Эта недюжинная женщина, изучавшая Ньютона, много помогала Вольтеру въ его литературныхъ занятіяхъ, которыя поглощали почти все время неутомимаго писателя, все шире и шире въ эту пору жизни развивавшаго свою дѣятельность поэта, мыслителя и историка, есси только его работы не прерывались только любимыми имъ путешествіями, тѣмъ болѣе, что иногда Вольтеру просто нужно было уѣжать въ виду опасеній за свою свободу. Между прочимъ маркиза, какъ и самъ Вольтеръ, конкурировали въ академіи наукъ по одному научному вопросу (объ условіяхъ горѣнія), предложенному на премію, и вообще въ эту пору Вольтеръ много занимался естествознаніемъ, дѣлая даже самъ разнаго рода опыты [1],—черта, которую мы встрѣчаемъ и у другихъ писателей XVIII в., не бывшимъ, однако, спеціалистами естествознанія (напр., у Монтескье). Въ годы сожительства съ маркизой дю-Шатле Вольтеръ написалъ особенно много, находясь въ это время уже на верху своей славы. Благодаря покровительству г-жи Помпадуръ, любовницы Людовика XV, который самъ терпѣть не могъ Вольтера, онъ получилъ даже придворную должность (gentilhomme ordinaire de la chambre du roi) и былъ сдѣланъ исторіографомъ Франціи, и около того же времени (1746) его выбрали въ члены французской академіи, хотя для всего этого ему нужно было написать пьесу для придворнаго театра, посвятить папѣ Бенедикту XIV своего Магомета и публично заявить свою преданность той самой церкви, на которую онъ постоянно нападалъ.

Въ 1750 г., по смерти маркизы Вольтеръ отправился въ Пруссію, къ Фридриху II, который, еще бывши наслѣднымъ принцемъ, вступилъ съ нимъ въ переписку и затѣмъ звалъ его къ себѣ. Вольтеръ поселился во дворцѣ, получивъ должность камергера, орденъ pour le mérite и 20 т. ливровъ ежегодной пенсіи, но извѣстно, что эти два самые замѣчательные человѣка своего времени, Вольтеръ и Фридрихъ II, не ужились другъ съ другомъ. Существуетъ цѣлая анекдотическая исторія пребыванія Вольтера при прусскомъ дворѣ, сущность коей сводится къ тому, что по своимъ характерамъ и Вольтеръ, и Фридрихъ II не могли ужиться другъ съ другомъ, чему помогали еще добрые люди, передававшіе одному о дру-

---

[1]) Dubois-Reymond. Voltaire als Naturforscher.—E. Saigey. Les sciences au XVIII siècle. Physique de Voltaire. Вольтеръ важенъ и какъ популяризаторъ философіи Ньютона во Франціи своимъ сочиненіемъ Éléments de la phil. de Newton (1738).

гомъ оскорбительныя вещи. То Вольтеръ узнавалъ, что король сравнилъ его съ лимономъ, который бросаютъ, когда выжмутъ изъ него сокъ, то, наоборотъ, Фридриху II говорили, какъ философъ жалуется на то, что король поручаетъ ему стирать свое грязное бѣлье, называя такимъ образомъ стихи, которые Фридрихъ II любилъ писать и отдавалъ Вольтеру для поправокъ. Были и другія причины взаимнаго неудовольствія. Между прочимъ, Вольтеръ весьма зло осмѣялъ подъ именемъ „доктора Акакіи"—президента королевской академіи въ Берлинѣ, французскаго ученаго Мопертюи, который выводился имъ на сцену съ болѣе, нежели странными научными планами, въ родѣ того, что хорошо было бы провертѣть дыру до центра земли, или производить анатомированіе мозга у живыхъ людей, дабы узнать, какъ дѣйствуетъ душа, или еще построить особый городъ, гдѣ всѣ говорили бы по латыни, и гдѣ такимъ образомъ можно было бы учиться латинскому языку. Фридрихъ II самъ смѣялся злой сатирѣ, когда она была еще въ рукописи, но не желалъ, чтобы она была напечатана. Вольтеръ, однако, издалъ ее въ Голландіи. Прусскій король вступился тогда за честь президента своей академіи, и произведеніе, осмѣивавшее Мопертюи, по королевскому приказанію, было публично сожжено: о крайнемъ раздраженіи Фридриха II свидѣтельствуютъ и тѣ слова, въ которыхъ онъ высказываетъ свой взглядъ на Вольтера, какъ на мартышку, которую нужно было бы отодрать за ея продѣлки, или какъ на низкую душонку и т. п. Вольтеръ также былъ оскорбленъ: онъ отослалъ королю камергерскій ключъ, орденъ, патентъ на пенсію при записочкѣ, въ которой сравнивалъ эти вещи съ сувенирами, которые покинутый любовникъ возвращаетъ своей возлюбленной. Хотя между ними и произошло наружное примиреніе, но Вольтеръ въ концѣ концовъ (весною 1753 г.) оставилъ Пруссію. Въ скоромъ времени ему пришлось, однако, подвергнуться новому оскорбленію: уѣзжая изъ Пруссіи, онъ захватилъ съ собою томъ стихотвореній Фридриха II, среди коихъ были и непристойныя, и неудобныя въ политическомъ отношеніи, такъ какъ прусскій король давалъ въ нихъ волю своему злому языку на счетъ нѣкоторыхъ коронованныхъ особъ. Въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ къ философу явился прусскій резидентъ, потребовавшій у Вольтера возвращенія стиховъ, а такъ какъ чемоданъ, въ коемъ они были спрятаны, находился не при Вольтерѣ и пришлось ждать, пока всѣ его вещи не будутъ привезены, то и владѣльцу злополучнаго чемодана пришлось подвергнуться своего рода аресту болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ, хотя Франкфуртъ былъ имперскимъ городомъ и, слѣдовательно, прусскіе чиновники не имѣли права въ немъ распоряжаться да еще съ французскимъ подданнымъ. Несмотря на этотъ инцидентъ, переписка между Фридрихомъ II и Вольтеромъ продолжалась и впослѣдствіи: даже

изданное имъ сочиненіе о частной жизни прусскаго короля, бывшее крайне неблагопріятнымъ для Фридриха II, не отняло у автора этой книги пенсіи, назначенной ему обиженнымъ королемъ.

Посѣтивъ нѣкоторые нѣмецкіе дворы, Вольтеръ въ 1755 г. появился въ Женевѣ, не желая и даже опасаясь возвратиться во Францію. „Я боюсь монарховъ и епископовъ“,—такъ объяснялъ онъ выборъ мѣстожительства въ республиканскомъ и протестантскомъ городѣ. Вскорѣ, однако, онъ купилъ себѣ—уже на французской территоріи, неподалеку отъ Женевы—знаменитый Ферней, помѣстье, въ коемъ онъ прожилъ послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни: помѣстье представляло своего рода удобство, ибо изъ Женевы въ Ферней и изъ Фернея въ Женеву было близко и въ случаѣ преслѣдованій можно было быть въ нѣкоторой безопасности [1]). Вольтеру было уже 64 г., когда онъ поселился въ Фернеѣ; онъ былъ болѣзненнымъ и слабымъ старикомъ и тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ работать съ прежнею неутомимостью, иногда по восемнадцати часовъ въ сутки, занимаясь даже по ночамъ, едва поспѣвая оканчивать начатыя работы при помощи секретарей. Къ этому періоду его жизни главнымъ образомъ и относится его борьба противъ католицизма, девизомъ коей сдѣлались слова, столь часто встрѣчающіяся въ его письмахъ: écrasez l'infâme. То было время, когда во Франціи, несмотря на изгнаніе іезуитовъ, общее направленіе внутренней политики отличалось большою нетерпимостью: преслѣдовали не только новую философію въ лицѣ ея представителей (напр. Руссо) и въ томъ ихъ предпріятіи, которое носитъ имя Энциклопедіи, но и протестантовъ. Въ Лангедокѣ, напр., повѣсили одного протестантскаго пастора за то, что онъ исполнялъ обязанности своего сана, и три молодыхъ протестанта были обезглавлены за то, что пришли съ оружіемъ по звуку набатнаго колокола, оповѣщавшаго объ арестѣ еретическаго пастыря. Въ Тулузѣ жилъ одинъ протестантъ Жанъ Каласъ, младшій сынъ коего перешелъ въ католицизмъ. Когда старшій его сынъ, ведшій безпутную жизнь, покончилъ съ собою самоубійствомъ, обвинили отца въ томъ, будто онъ умертвилъ сына, не желая видѣть и его перехода въ католицизмъ, и несмотря не только на отсутствіе какихъ бы то ни было уликъ, несчастный старикъ былъ колесованъ по приговору мѣстнаго парламента, а его жена и дѣти были подвергнуты пыткѣ и только съ большимъ трудомъ спаслись въ Женеву къ Вольтеру, въ то самое время, какъ самоубійцу фанатики объявили мученикомъ и даже говорили о чудесахъ, совершающихся на его могилѣ (1762). Это дало Вольтеру поводъ написать трактатъ о вѣротерпимости, заинтересовать въ дѣлѣ

[1]) Вольтеръ былъ весьма богатый человѣкъ, наживъ свое состояніе отчасти разными денежными спекуляціями.

Парижъ, Францію, Европу, добиться пересмотра процесса, результатомъ чего была реабилитація казненнаго и выдача его семьѣ большой пенсіи. Три года занимало Вольтера это дѣло: ни разу, говоритъ онъ, за это время улыбка не показывалась на его лицѣ, ибо онъ счелъ бы ее за несправедливость. Въ одинъ годъ съ дѣломъ Каласа епископъ кастрскій насильно отнялъ у протестанта Сирвена дочь и помѣстилъ ее въ женскомъ монастырѣ для воспитанія въ католической вѣрѣ. Дѣвушка сошла съ ума, бѣжала изъ монастыря и утопилась въ колодцѣ. Сирвена обвинили въ смерти дочери, но онъ спасся отъ участи Каласа только бѣгствомъ, потерявъ среди лишеній труднаго пути свою жену и нашедши пріютъ лишь у Вольтера. Между тѣмъ тулузскій парламентъ приговорилъ бѣглеца къ смертной казни и конфискаціи имущества. Вольтеръ и тутъ выступилъ защитникомъ праваго дѣла, заинтересовалъ въ судьбѣ Сирвена европейскихъ монарховъ (между прочимъ Екатерину II, съ которою онъ находился въ перепискѣ) и добился пересмотра процесса. Нѣсколько лѣтъ спустя (1766) въ Аббевиллѣ двое восемнадцатилѣтнихъ юношей, де ла Барръ и д'Эталондъ, были обвинены въ томъ, будто изломали распятіе, по доносу, не имѣвшему никакой фактической подкладки, кромѣ сплетни, выросшей на почвѣ фанатизма и личной злобы. Д'Эталондъ спасся бѣгствомъ и по рекомендаціи Вольтера получилъ мѣсто у Фридриха II, а де ла Барръ былъ приговоренъ амьенскимъ судомъ къ отсѣченію руки и языка и къ сожженію на кострѣ, но парижскій парламентъ замѣнилъ такую казнь отсѣченіемъ головы. Эти и другіе подобные факты объясняютъ намъ ту страстную ненависть, которую проявлялъ Вольтеръ по отношенію къ католицизму. Здѣсь же, въ Фернеѣ, узналъ Вольтеръ о бѣдственномъ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, принадлежащихъ монахамъ монастыря св. Клавдія въ Юрскихъ горахъ, и написалъ по поводу ихъ рабства нѣсколько небольшихъ статей. Слухъ объ этомъ дошелъ до забитыхъ сервовъ, и они готовы были замѣнить въ церковной нишѣ статую святого статуей заступившагося за нихъ Вольтера.

Въ Фернеѣ Вольтеръ выстроилъ новый замокъ, привлекъ въ свое помѣстье небольшое населеніе,—преимущественно изъ часовщиковъ, которымъ доставлялъ заказы,—устроилъ театръ и сдѣлался „трактирщикомъ цѣлой Европы", такъ какъ Ферней сталъ навѣщаться множествомъ посѣтителей разныхъ національностей. Фернейскою жизнью интересовались даже иностранные дворы, а императоръ Іосифъ II во время путешествія во Францію даже посѣтилъ это помѣстье, но ограничился прогулкою по парку и уѣхалъ, не повидавшись съ хозяиномъ въ угоду своей благочестивой матери. Изъ Фернея Вольтеръ переписывался съ Фридрихомъ II, съ Екатериною II и другими государями. Христіанъ VII Датскій считалъ нужнымъ оправдываться передъ нимъ въ томъ, что

ему не подъ силу сразу сокрушить все препятствующее гражданской свободѣ его народа. Густавъ III Шведскій относился къ Вольтеру съ большимъ почтеніемъ и гордился, какъ наградою, его интересомъ къ дѣламъ Сѣвера. Обращались къ Вольтеру и старые, и начинающіе писатели и разныя высокопоставленныя особы, въ родѣ маршаловъ и епископовъ, и многія частныя лица, прося у него совѣтовъ, указаній, ставя вопросы, напр., о существованіи Бога и о безсмертіи души, какъ это, напр., сдѣлалъ какой-то бургомистръ изъ Мидльбурга, или о правильности нѣкоторыхъ оборотовъ рѣчи, съ каковымъ вопросомъ обратились къ нему однажды два поспорившіе между собою кавалериста. Вольтеръ имѣлъ обыкновеніе отвѣчать на всѣ письма, и его корреспонденція по своему объему достойна занять мѣсто рядомъ съ его сочиненіями; она достойна, впрочемъ, вниманія и по содержанію своему, и по литературной формѣ. Боясь преслѣдованій и, напр., по этой причинѣ не рѣшаясь съѣздить въ Италію, Вольтеръ нерѣдко и теперь издавалъ наиболѣе смѣлыя свои сочиненія ананонимно или приписывалъ ихъ умершимъ авторамъ, иногда отъ нихъ отрекался и готовъ былъ на многое, чѣмъ только могъ надѣяться примирить съ собою властныхъ и опасныхъ людей. Какъ фернейскій помѣщикъ, онъ выстроилъ, напр., на своей землѣ церковь съ горделивою надписью: „Богу воздвигъ Вольтеръ“ (Deo erexit Voltaire) и держалъ у себя 13 лѣтъ капуцинскаго монаха Адама, о которомъ говорилъ, что онъ хоть и не первый человѣкъ, но тѣмъ не менѣе человѣкъ хорошій. Но по поводу освященія церкви, во время котораго Вольтеръ, какъ патронъ храма, произнесъ нѣчто въ родѣ проповѣди противъ воровства, у него вышло столкновеніе съ духовенствомъ. Епископъ той епархіи, гдѣ былъ Ферней, увидѣлъ во всемъ поведеніи Вольтера въ этомъ дѣлѣ кощунство и сталъ настаивать, чтобы фернейскій владѣлецъ былъ изгнанъ изъ Франціи. Вольтеръ счелъ тогда нужнымъ примириться съ церковью и поэтому говѣлъ въ своей церкви на Пасху 1768 г., что вызвало со стороны епископа крайне суровое письмо, на которое Вольтеръ отвѣчалъ вопросомъ, почему исполненіе такой христіанской обязанности встрѣчено было со стороны епископа только бранью по его адресу. Но не одинъ епископъ, знавшій религіозныя воззрѣнія Вольтера, былъ въ негодованіи по этому поводу: и друзья Вольтера отнеслись съ порицаніемъ къ его поступку, а философъ оправдывался тѣмъ, что, не желая горѣть на кострѣ, онъ въ этомъ поступкѣ видѣлъ средство заставить замолчать всякаго рода шпіоновъ. Между тѣмъ епископъ запретилъ фернейскому священнику впредь исповѣдовать и причащать своего помѣщика. Со стороны Вольтера это вызвало стремленіе досадить непріятелю и разными правдами и неправдами онъ добился-таки того, что настоятель фернейской церкви преступилъ повелѣніе епископа, хотя Вольтеру для этого нужно было

прибѣгнуть къ помощи нотаріуса. Мало того, онъ выхлопоталъ для себя санъ почетнаго попечителя ордена капуциновъ, который ему доставили вліятельные люди, и его очень забавляло писать письма епископу и подписываться такъ: „† Voltaire, capucin indigne“.

Вольтеръ дожилъ до начала царствованія Людовика XVI и привѣтствовалъ наступленіе эры реформъ съ назначеніемъ философа и экономиста Тюрго въ министры (1774 г.), хотя ему же пришлось видѣть и паденіе Тюрго (1776), повергнувшее „фернейскаго отшельника“ въ отчаяніе. Тогда же еще онъ сталъ хлопотать, чтобы ему было позволено побывать въ Парижѣ, но только весною 1778 г. ему разрѣшено было пріѣхать въ столицу Франціи. Торжественная встрѣча, сдѣланная ему на улицахъ и оваціи во Французской академіи, а затѣмъ въ театрѣ, гдѣ поставили одну изъ его пьесъ, сильно потрясли старика, которому шелъ уже девятый десятокъ лѣтъ, и здѣсь въ Парижѣ 30-го мая 1778 г. онъ скончался всего за нѣсколько лѣтъ до начала той революціи, которая была подготовлена новыми культурными идеями и общимъ духомъ вольтеріанизма. Въ эпоху великаго переворота прахъ Вольтера былъ перенесенъ въ церковь св. Женевьевы, обращенную въ Пантеонъ, какъ усыпальницу великихъ людей Франціи, и на гробницѣ его сдѣлана была надпись, характеризующая отношеніе къ Вольтеру современниковъ его дѣятельности. „Поэтъ, историкъ, философъ, онъ возвеличилъ человѣческій разумъ и научилъ его быть свободнымъ. Онъ защищалъ Каласа, Сирвена, де ла Барра и Монбальи. Онъ опровергалъ атеистовъ и фанатиковъ. Онъ проповѣдывалъ терпимость. Онъ возстановлялъ права человѣка противъ рабства феодализма“. Кондорсе, самъ одинъ изъ философофъ XVIII в., а впослѣдствіи видный дѣятель революціи, такъ опредѣлялъ значеніе Вольтера въ своей біографіи послѣдняго [1]): „русская императрица, короли прусскій, датскій и шведскій старались заслужить похвалу Вольтера; во всѣхъ странахъ вельможи, министры, стремившіеся къ славѣ, искали расположенія фернейскаго философа и повѣряли ему свои надежды на успѣхи разума, свои планы относительно распространенія просвѣщенія и уничтоженія фанатизма. Онъ основалъ во всей Европѣ союзъ, душой котораго былъ самъ. Девизъ этого голоса гласилъ: разумъ и терпимость!“

Дѣйствительно, *словами „разумъ и терпимость“ опредѣляется главное содержаніе проповѣди Вольтера.* Онъ, напр., самъ объясняетъ, почему онъ примкнулъ къ англійскому деизму: „секту англійскихъ деистовъ, пишетъ онъ, упрекаютъ въ томъ, что она слушается голоса разума и свергаетъ иго вѣры, но во всякомъ случаѣ это единственная

---

[1]) „Жизнь Вольтера“ Кондорсе есть въ русскомъ переводѣ г. Чуйко.

секта, которая никогда не нарушала спокойствія и мира человѣческаго общества безплодными спорами. Эти люди согласны со всѣми иными въ почитаніи единаго Бога; они отличаются только тѣмъ, что у нихъ нѣтъ никакихъ твердыхъ положеній ученія и никакихъ храмовъ, и что они, вѣря въ Божіе правосудіе, одушевлены величайшею терпимостью". Защита вѣротерпимости составляетъ видную сторону въ дѣятельности Вольтера: религіозный фанатизмъ духовенства былъ главною причиною его нападокъ на христіанство, которое въ его умѣ отождествлялось преимущественно съ нетерпимымъ католицизмомъ. Его вмѣшательство въ дѣла Каласа, Сирвена, де ла Барра, занимавшія его по нѣскольку лѣтъ, показываетъ, какъ дорога была ему идея религіозной свободы, которая вызвала и нѣкоторыя изъ лучшихъ его произведеній. Онъ не могъ не обобщить такихъ случаевъ, какъ названныя дѣла, а изъ того, что онъ писалъ по поводу каждаго изъ нихъ, не могла не возникнуть принципіальная защита терпимости въ его замѣчательномъ „Essai sur la tolérance" (1763). Требованія Вольтера въ этомъ отношеніи были весьма умѣренны: онъ довольствовался только тѣмъ, чтобы протестантамъ во Франціи предоставили то положеніе, какимъ католики пользовались въ Лондонѣ, т.-е. чтобы имъ была дана охрана ихъ естественныхъ правъ, чтобы признавалась ихъ личная свобода, законность протестантскихъ браковъ и дѣтей, происходящихъ отъ такихъ браковъ, право наслѣдовать имущество своихъ отцовъ, но пусть ужъ у нихъ, какъ у лондонскихъ католиковъ, не будетъ ни публичнаго богослуженія, ни права занимать общественныя и государственныя должности, не говоря уже о какихъ-либо places de sûreté [1]). Преслѣдованія, коимъ протестанты уже цѣлое столѣтіе подвергались во Франціи, дѣлали необходимою эту борьбу, и если Вольтеру своимъ „Опытомъ о терпимости" не удалось достигнуть того, чтобы были отмѣнены строгіе законы о протестантахъ, онъ все-таки предупредилъ, по крайней мѣрѣ, общее гоненіе на протестантовъ, которое замышлялось тогда во Франціи. Именно въ 1763 г. во время переговоровъ о мирѣ между Англіей и Франціей герцогъ Бедфордъ отъ имени архіепископа кентерберійскаго просилъ герцога Шуазеля, чтобы были освобождены 37 протестантовъ, томившихся на галерахъ, и 20 протестантокъ, которыя засажены были въ одинъ монастырь, на что Шуазель согласился, но другой министръ (Saint Florentin), къ которому онъ обратился по этому поводу, не только объявилъ, что считаетъ неудобнымъ это сдѣлать, но прямо заявилъ Шуазелю, что нужно возобновить строжайшія мѣры, дабы окончательно истребить протестантовъ; это намѣреніе стало уже приводиться въ исполненіе, но

---

[1]) О places de sureté по нантскому эдикту см. т. II стр. 349.

вскорѣ же само правительство отъ него отказалось, боясь возбудить этимъ противъ себя общественное мнѣніе. Среди такихъ-то обстоятельствъ и появился „Essai sur la tolérance“ Вольтера. Интересно сравнить мотивы борьбы противъ католицизма у всѣхъ болѣе раннихъ его противниковъ—у легистовъ и моралистовъ, у гуманистовъ и реформаторовъ [1]) — съ тѣми мотивами, которые дѣйствовали на просвѣтителей XVIII в.: никогда такъ ясно и опредѣленно не ставилась въ вину католицизму его нетерпимость и столь твердо и прочно не отстаивались права разума. Другое явленіе, которое равнымъ образомъ вооружало противъ себя Вольтера, было точно также средневѣкового происхожденія: *это было крѣпостничество, въ коемъ Вольтеръ видѣлъ нарушеніе самыхъ элементарныхъ естественныхъ правъ,* какъ бы оскорбленіе человѣческаго достоинства, и такимъ образомъ въ Вольтерѣ „просвѣщеніе“ XVIII в. протестовало противъ всѣхъ переживаній средневѣковой католико-феодальной старины, представлявшихъ изъ себя посягательства на индивидуальную свободу. Выше было упомянуто, что Вольтеръ вступился за крѣпостныхъ крестьянъ монастыря св. Клавдія, познакомивъ министровъ и образованную публику съ печальнымъ положеніемъ этихъ крестьянъ, томившихся въ неволѣ у монаховъ. Непосредственнаго практическаго значенія все то, что по этому поводу написалъ Вольтеръ, не имѣло, и крѣпостничество просуществовало во Франціи до самаго 1789 г.

Будучи главнымъ образомъ борцомъ за духовную свободу и за человѣческое достоинство, Вольтеръ довольно далекъ былъ отъ того, чтобы желать свободы политической и стремиться къ какому-либо перевороту. Прославляя Англію, описывая жизнь англичанъ, онъ менѣе всего обратилъ вниманія на ихъ политическія права и конституціонныя учрежденія, хотя бы и не разъ высказывалъ (болѣе платоническое, впрочемъ) уваженіе къ англійскому парламенту и англійскимъ порядкамъ, при которыхъ „у короля руки свободны, чтобы дѣлать добро, и связаны, чтобы дѣлать зло“. Въ героическій періодъ своей жизни, въ эпоху борьбы за вѣротерпимость и за свободу отъ рабства онъ писалъ д'Аржансону, что не такой переворотъ нуженъ, какъ во времена Лютера и Кальвина, а другой—именно переворотъ въ умахъ людей, призванныхъ къ тому, чтобы управлять народами. *Политическое міросозерцаніе Вольтера—„просвѣщенный абсолютизмъ“*, неограниченная власть монарха, умѣряемая терпимостью и просвѣщеніемъ: его взорамъ рисовался союзъ королей и философовъ, и онъ говорилъ, что у тѣхъ и у другихъ главные враги священники, которые нѣсколько разъ возставали противъ государей, тогда какъ философы съ ними жили всегда

[1]) См. въ разныхъ мѣстахъ I и II томовъ.

въ мірѣ; передъ нимъ было всемогущее государство, слушающееся голоса разума, и онъ уже видѣлъ залогъ будущихъ побѣдъ терпимости и просвѣщенія въ томъ уваженіи, съ какимъ относились къ нему самому, бойцу за эти идеи, прусскій король, русская императрица, другіе государи и князья. *Вольтеръ ждалъ общественныхъ преобразованій сверху, а не снизу,* мало довѣряя массѣ: когда чернь пускается разсуждать, все потеряно, говорилъ онъ, и въ данномъ случаѣ въ его взглядахъ *выражался своего рода аристократизмъ интелигентности и обезпеченности,* въ силу котораго онъ и вообще дѣлалъ строгое различіе между просвѣщенными людьми и чернью. Разумъ, писалъ онъ, напр., д'Аламберу, восторжествуетъ у порядочныхъ людей (les honnêtes gens), а сволочь (la canaille) вовсе не для него создана. Обратите вниманіе на католицизмъ, писалъ онъ Дидро: его нужно уничтожить у порядочныхъ людей, оставивъ его у сволочи. Порицая „ворчливыхъ бѣдняковъ, кричащихъ противъ роскоши“, онъ находилъ нужнымъ, чтобы въ государствѣ существовали люди, у коихъ были бы лишь руки да охота работать при свободѣ продавать свой трудъ, такъ какъ эта свобода должна замѣнить имъ собственность. „Я понимаю, говоритъ онъ еще, подъ народомъ чернь (populace), у которой есть руки, чтобы жить. Я опасаюсь, что этотъ народъ никогда не будетъ имѣть времени и способности научиться; мнѣ кажется даже необходимымъ, чтобы существовали невѣжды“. Тѣмъ не менѣе Вольтеръ хотѣлъ, чтобы этотъ народъ былъ свободенъ отъ „ненавистнаго и унизительнаго рабства“, подъ понятіе коего онъ подводилъ и столь же несправедливое различіе между благородными и ротюрьерами: онъ говорилъ напр., что лишь тогда увѣруетъ въ божественное право рыцарей, когда увидитъ, что крестьяне рождаются на свѣтъ съ сѣдлами на спинахъ, а рыцари со шпорами на ногахъ. Не довѣряя невѣжественной массѣ, Вольтеръ и ждалъ всего хорошаго только отъ государственной власти, слушающейся голоса разума, проникнутой идеями просвѣщенія. Свобода, въ честь которой онъ написалъ извѣстную оду и которую онъ прославлялъ, какъ необходимое условіе благосостоянія, опредѣлялась имъ, какъ зависимость отъ однихъ, равныхъ для всѣхъ законовъ, но его не интересовалъ вопросъ о внѣшнихъ гарантіяхъ свободы: онъ вѣрилъ въ силу просвѣщенія, думая, что оно одно въ состояніи избавить человѣчество отъ рабства, произвола власти, насилій и несправедливостей, и въ духовной свободѣ, т.-е. въ свободѣ мысли, совѣсти, слова, печати видѣлъ лучшее средство къ тому, чтобы восторжествовалъ разумъ. Кто хочетъ познакомиться съ тѣмъ, чего желалъ Вольтеръ отъ властей въ смыслѣ упорядоченія общественныхъ отношеній, долженъ обратиться къ статьѣ о законахъ въ его „Философскомъ словарѣ“ (Dictionnaire philosophique): въ требованіяхъ, какія Вольтеръ предъявляетъ тутъ къ законамъ, мы

узнаемъ въ сущности программу „просвѣщеннаго абсолютизма“. Это—равенство гражданъ передъ закономъ, обязанность всѣхъ платить налоги, пропорціонально распредѣляемые, единство законовъ, мѣры и вѣса, ограниченіе законодательной власти церкви, подчиненіе духовенства государству, уничтоженіе духовныхъ судовъ и десятины и т. п., т.-е. другими словами, *все, что въ общественныхъ отношеніяхъ оставалось еще отъ средневѣковыхъ католицизма и феодализма, нашло противника въ лицѣ Вольтера*, который, возставая противъ этихъ остатковъ во имя разума, просвѣщенія, терпимости и человѣческаго достоинства, и *указывалъ абсолютной монархіи, выросшей на развалинахъ католико-феодальнаго строя, задачу—построить новое государство и новое общество на началахъ разума.* Во Франціи это было общимъ желаніемъ до середины XVIII в., когда вообще хотѣли только реформъ, но еще не стремились къ политической свободѣ; во второй же половинѣ столѣтія, когда внѣ Франціи стала проводиться программа „просвѣщеннаго абсолютизма“, въ самой Франціи уже большіе успѣхи сдѣлала въ умахъ идея политической свободы. Когда въ 1774 г. Людовикъ XVI назначилъ министромъ Тюрго, Вольтеръ радостно привѣтствовалъ это событіе, какъ восходъ блестящей зари лучшихъ дней, какъ наступленіе новой эпохи, какъ время, когда „царственная философія (l'auguste philosophie), которую такъ долго преслѣдовали, начинаетъ диктовать свои торжествующіе законы“, хотя радость Вольтера была непродолжительна. Предчувствовалъ ли Вольтеръ революцію, которая разразилась черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ его смерти? Указываютъ на одно мѣсто въ его сочиненіяхъ, какъ на выраженіе именно такого предчувствія. „Французы, писалъ онъ однажды, всегда поздно достигаютъ цѣли, но все-таки достигаютъ. Свѣтъ все болѣе и болѣе распространяется, и при первомъ удобномъ случаѣ произойдетъ страшная кутюрьма. Счастливъ тотъ, кто молодъ: онъ увидитъ еще прекрасныя вещи“.

Таковы были политическія и общественныя воззрѣнія Вольтера, въ которыхъ дальше его ушли два другіе крупные представителя литературы XVIII вѣка—Монтескье и Руссо. Въ области философіи, сдѣлавшейся во Франціи второй половины прошлаго столѣтія, какъ бы синонимомъ матеріализма, *Вольтеръ равнымъ образомъ представлялъ собою до конца дней своихъ—деизмъ*, вынесенный имъ изъ Англіи. Вольтеръ полемизировалъ одинаково и противъ откровенной религіи, противопоставляя ей „религію естественную“, и противъ атеистовъ, коимъ онъ возражалъ, доказывая бытіе Верховнаго Существа. Христіанскій деизмъ первыхъ англійскихъ послѣдователей этого направленія былъ, какъ извѣстно, своего рода—по ихъ же собственному представленію—завершеніемъ религіозной реформаціи, и только у

позднѣйшихъ писателей того же направленія онъ дѣлается антихристіанскимъ: на этой-то ступени и усвоилъ его Вольтеръ, который изъ арсенала англійскихъ деистовъ заимствовалъ всѣ свои аргументы противъ откровенія, Библіи и чудесъ. Но этотъ деизмъ—христіанскій или антихристіанскій, сентиментальный, какъ у Руссо, или разсудочный, какъ у Вольтера—*былъ не чѣмъ инымъ, какъ раціоналистической религіей*, и съ этой точки зрѣнія вѣрованія фернейскаго философа являются лишь частнымъ случаемъ, хотя и весьма характернымъ—того раціонализма въ религіи, зачатки коего мы находимъ у гуманистовъ и у протестантскихъ сектантовъ [1]), но который достигаетъ полнаго развитія лишь въ XVIII в. и притомъ не у однихъ англійскихъ или французскихъ деистовъ, но и у многихъ нѣмецкихъ философовъ XVIII в.; у послѣднихъ только сильнѣе были элементы вѣры и привязанность къ христіанству, хотя ему и давались раціоналистическія объясненія (напр., у Канта). Раціоналистическая религія нѣмецкихъ философовъ была предметомъ настоящаго и глубокаго убѣжденія, не особенно нуждавшагося въ доказательствахъ бытія Бога и безсмертія души, и за этими доводами Кантъ отрицалъ даже всякую силу, вовсе не думая тѣмъ колебать религіозной вѣры. Англійскій деизмъ въ послѣдней стадіи своего развитія представлялъ собою систему болѣе скептическую: Богъ вложилъ въ человѣка разумъ, отъ признанія которымъ только и зависитъ истинность того или другого мнѣнія, и Богъ же сотворилъ природу, а она уже сама создала міръ,—такъ что воззрѣніемъ этимъ значительно ослаблялась идея Бога, какъ это и случилось въ дальнѣйшемъ развитіи такой концепціи у французскихъ матеріалистовъ. Вольтеръ стоялъ, такъ-сказать, посерединѣ. Его вѣра не была продуктомъ религіознаго чувства, а вытекала изъ требованій его мысли и была постулатомъ морали: ему нуженъ былъ Творецъ міра и Верховный Судья человѣческихъ дѣлъ. „Философія, писалъ онъ, говоритъ намъ, что есть Богъ, но она не въ состояніи сказать, что такое Онъ есть, почему Онъ дѣйствуетъ, существуетъ ли Онъ во времени и пространствѣ, дѣйствовалъ ли Онъ только одинъ разъ или Онъ дѣйствуетъ постоянно. Нужно было бы стать самимъ Богомъ, чтобы знать все это“. Вѣра въ откровеніе, вѣра, основанная на религіозномъ чувствѣ, не требуетъ доказательствъ бытія Божія, но въ философской религіи Вольтера утвержденіе этого бытія доводами разума играетъ, наоборотъ, первостепенную роль. Онъ ссылался охотно на всеобщее согласіе (consensus omnium gentium), которое, какъ доказательство, было опровергаемо Локкомъ, и пользовался другими доводами, ранѣе его существовавшими, а впослѣдствіи разбиравшимися Кантомъ. Первое—то, что мысль наша, восходя по

---

[1]) Т. I и т. II, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

ряду причинъ, останавливается передъ конечною, самобытною причиною, которая и есть Богъ, причина разумная и сознательная, разъ существуемъ мы, разумныя и сознательныя существа: Vous existez, donc il y a un Dieu. Второе—то, что цѣлесообразность въ природѣ предполагаетъ Высшій Разумъ, какъ часы предполагаютъ сдѣлавшаго ихъ часовщика: матерія вѣчна, но создалъ изъ нея гармоническій міръ только Великій Зодчій. Но самымъ главнымъ доказательствомъ Вольтера было моральное: идея Бога есть основаніе нравственности, залогъ справедливости и возмездія. Вольтеръ не раздѣлялъ воззрѣнія Бэйля на возможность существованія государства атеистовъ. „Настоящая, говоритъ онъ, главная причина, почему вѣра въ Бога необходима, заключается, по моему мнѣнію, не въ метафизическихъ основаніяхъ, но въ томъ, что для общаго блага необходимъ Богъ, вознаграждающій и карающій. Кто признаётъ, что вѣра въ Бога удерживаетъ хоть нѣсколькихъ людей отъ преступленія, тотъ признаётъ, что эта вѣра должна быть принята всѣмъ человѣчествомъ". Эту свою мысль съ ссылкою на доказательства иной категоріи Вольтеръ выразилъ въ извѣстномъ двустишіи: „если бы Бога не было, Его нужно было бы выдумать, но вся природа свидѣтельствуетъ о томъ, что Онъ существуетъ" (si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer, mais toute la nature crie, qu'il existe). Откровенная религія объясняетъ существованіе зла въ мірѣ, религія философская нуждалась въ своихъ объясненіяхъ того, какимъ образомъ Всеблагое Существо допускаетъ бытіе зла, т. е. нуждалась въ теодицеѣ, или оправданіи Божества. Такихъ теодицій писалось много, а наиболѣе извѣстными были принадлежавшія англійскому поэту Попу (1688—1744) и нѣмецкому философу Лессингу, пока Кантъ особымъ сочиненіемъ о тщетѣ всякихъ попытокъ теодицеи не положилъ конца этого рода попыткамъ: по воззрѣнію Попа, Богъ создалъ много міровъ, представляющихъ собою разныя ступени совершенства, и земля есть лишь одна изъ этихъ ступеней, а по Лейбницу, Богъ могъ создать только одинъ міръ, гдѣ добро превышаетъ зло, въ силу чего нашъ міръ есть наилучшій изъ возможныхъ. Эта проблемма сильно занимала Вольтера, и онъ ей посвятилъ „Discours sur l'homme", гдѣ, ставъ на оптимистическую точку зрѣнія, возражаетъ Паскалю, утверждавшему, что въ мірѣ болѣе зла, чѣмъ добра,—посвятилъ также свои романы „Задигъ" и „Мемнонъ", въ коихъ становится на точку зрѣнія Попа. Страшное лиссабонское землетрясеніе 1755 г. поколебало оптимизмъ Вольтера: оно не могло быть карой за грѣхи, ибо въ такомъ случаѣ Богъ скорѣе покаралъ бы Парижъ. Вольтеръ по случаю этого бѣдствія написалъ оду и объявилъ, что мы должны надѣяться на то, что все будетъ впослѣдствіи хорошо, но что было бы самообманомъ распространять это и на настоящее (Un jour tout sera bien—voilà notre espérence; tout est bien aujourd'hui—

voilà l'illusion). Романъ Вольтера „Кандидъ" уже представляетъ собою осмѣяніе оптимизма: честный герой разсказа терпитъ незаслуженныя несчастья, но остается безъ опредѣленнаго мнѣнія по спорному вопросу рядомъ съ пессимистомъ Мартиномъ и доктринеромъ оптимизма Панглоссомъ. Между прочимъ, по поводу казни еретиковъ въ Португаліи спрашивается, что же дѣлается въ другихъ мірахъ, если такія вещи совершаются „въ семъ наилучшемъ изъ міровъ". Вольтеръ часто возвращался къ мысли о злѣ въ мірѣ и высказывалъ предположеніе, что Богъ или не хотѣлъ, или не могъ устроить совершеннаго міра, какъ не могъ сдѣлать такъ, чтобы сумма угловъ трехъугольника была больше двухъ прямыхъ или чтобы организмъ могъ существовать безъ себялюбія. Вообще Вольтеръ постоянно колебался въ своихъ отвѣтахъ на философскіе вопросы, рѣшеніе коихъ его занимало (напр., по вопросамъ о свободѣ воли, о врожденныхъ идеяхъ), такъ что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ *онъ часто являлся представителемъ скептицизма и даже прямо невѣрія.* Онъ и теоретически защищалъ скептицизмъ, называя истинными философами лишь тѣхъ, которые не знаютъ, чтó существуетъ, но прекрасно знаютъ, чего не существуетъ, и по частнымъ вопросамъ, часто, впрочемъ, въ зависимости отъ настроенія духа, высказывая скептическія мысли объ отношеніи Бога къ міру, о благости Божіей, о провиденціальномъ міроправленіи и т. п., такъ что самый деизмъ его отличался большими непослѣдовательностями. Особенному сомнѣнію подвергался Вольтеромъ вопросъ о безсмертіи души, вѣра въ которое была вторымъ кардинальнымъ пунктомъ „естественной религіи". Разсужденія о природѣ души казались Вольтеру вопросомъ одного слѣпца другому о томъ, что такое свѣтъ, и онъ осмѣялъ метафизическіе споры на эту тему въ „Микромегасѣ", гдѣ одинъ ученый говоритъ, что душа есть аристотелева энтелехія, хотя смыслъ этого слова ему неизвѣстенъ, но что онъ всегда прибѣгаетъ къ греческому языку, когда чего-либо не понимаетъ. Матеріалистическій взглядъ на душу вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, не удовлетворялъ Вольтера, и онъ говорилъ, что „не всегда у лучшихъ желудковъ бываютъ лучшія головы".

Мы видѣли, что литературная дѣятельность Вольтера была весьма разнообразная, и что онъ пользовался всѣми литературными родами и формами въ стихахъ и прозѣ, одами и трагедіями, романами и повѣстями, философскими трактатами и памфлетами, часто не совсѣмъ пристойными произведеніями (въ родѣ Pucelle d'Orléans), чтобы пропагандировать свои идеи въ обществѣ, но особенно удачны были въ этомъ отношеніи его романы и повѣсти, въ коихъ онъ являлся одновременно и моралистомъ, и сатирикомъ и публицистомъ [1]). Нельзя не указать и на историческіе труды Вольтера,

[1]) Есть русскій переводъ романовъ и повѣстей Вольтера.

сохраняющіе свои литературныя достоинства и по настоящее время (Исторія Карла XII, Петра Великаго, парижскаго парламента, Анналы имперіи, Вѣкъ Людовика XIV, Людовика XV), но наиболѣе важное значеніе имѣетъ его „Опытъ о духѣ и нравахъ народовъ“ (Essai sur les moeurs et l'esprit des nations, 1757), которымъ онъ положилъ начало философской исторіи культуры: для Вольтера придворная, дипломатическая и военная исторія уже не была главнымъ содержаніемъ исторіи, и въ этомъ отношеніи его вліяніе сказалось не только на французахъ, бравшихся послѣ него за исторію, но и на великихъ англійскихъ историкахъ XVIII в., каковы Гиббонъ (History of the decline and fall of the roman empire, 1776—1788), Робертсонъ (History of Charles V, 1769), Юмъ (History of England, 1752—1763) Фергюссонъ (Essai on the history of civil society, 1767), хотя, конечно, на нихъ во многомъ (особенно на Юмѣ) сказался только общій духъ французскаго просвѣщенія, а кромѣ того, на Робертсонѣ и Фергюссонѣ видны слѣды вліянія и Монтескье, который равнымъ образомъ содѣйствовалъ тому, чтобы исторіографія вышла на новую дорогу, сдѣлавшись исторіей общества и соединившись съ философіей и политикой. Самъ Вольтеръ, впрочемъ, въ своемъ „Опытѣ о духѣ и нравахъ народовъ“ находился отчасти подъ вліяніемъ „Духа законовъ“ Монтескье.

Главный недостатокъ историко-философскаго міросозерцанія Вольтера заключается въ томъ, что онъ научную критику замѣнялъ простымъ здравымъ смысломъ и не умѣлъ относиться объективно ко многимъ явленіямъ прошлаго, стараясь, наприм., всячески унизить христіанство и просто, какъ историческое явленіе.

Вольтеръ оказывалъ вообще весьма сильное вліяніе на другихъ писателей XVIII в., которые были моложе его годами. Руссо, напр., самъ говоритъ, что первой книгой, заставившей его серьезно поработать и возбудившей въ немъ стремленіе къ умственному труду, были „Lettres sur les anglais“, и что переписка Вольтера съ наслѣднымъ принцемъ прусскимъ (впослѣдствіи Фридрихомъ II) внушила ему желаніе выработать себѣ такой же стиль, какъ у Вольтера. Дидро, бывшій тоже моложе фернейскаго философа, такъ относился къ нему: „если, говоритъ онъ именно, я назову его величайшимъ человѣкомъ, какого только произвела природа, найдутся люди, которые согласятся со мною; но если я скажу, что природа еще никогда не производила и, вѣроятно, никогда снова не произведетъ столь необыкновеннаго человѣка, то только одни его враги станутъ противорѣчить мнѣ“. Весьма естественно, что Вольтеръ представлялся своему вѣку патріархомъ философовъ.

XIII. Монтескье и его политическая теорія. [1])

Жизнь Монтескье.—«Персидскія письма».—Раннія политическія воззрѣнія Монтескье.—Его деизмъ.—Значеніе «Разсужденія о причинахъ величія и упадка римлянъ».—Двоякое значеніе «Духа законовъ».—Философская и ученая сторона «Духа законовъ».—Ученіе Монтескье о формахъ правленія вообще, о монархіи въ частности и о наслѣдственномъ дворянствѣ.—Ученіе Монтескье о свободѣ.—Раздѣленіе и равновѣсіе властей.—Изображеніе англійской конституціи въ «Духѣ законовъ».—Изложеніе конституціонной теоріи Монтескье.—Его взглядъ на современныя ему монархіи.—

Монтескье принадлежалъ къ тому же поколѣнію, что и Вольтеръ. Разница въ ихъ годахъ была самая незначительная: Монтескье, родившійся въ годъ второй англійской революціи (1689), былъ только пятью годами старше Вольтера, который, однако, пережилъ его на двадцать три года, такъ какъ Монтескье умеръ въ томъ самомъ году, когда Вольтеръ переселился на жительство въ Женеву и ея окрестности. Оба почти одновременно даже и выступили на литературное поприще, Вольтеръ — только немного ранѣе автора „Духа Законовъ“, который выпустилъ въ свѣтъ первое свое замѣчательное сочиненіе („Персидскія письма“) въ 1721 г., черезъ три года послѣ того, какъ былъ поставленъ на сцену вольтеровъ Эдипъ. Вліяніе Монтескье на свое время не было такъ сильно и многосторонне, какъ вліяніе его младшаго современника, за то онъ былъ *наиболѣе глубокимъ и вдумчивымъ политическимъ мыслителемъ своего вѣка, вліяніе котораго сказалось главнымъ образомъ на политическихъ событіяхъ, наступившихъ черезъ полвѣка послѣ его смерти.*—Біографія Монтескье несложна и не представляетъ такого интереса, какъ біографія Вольтера или Руссо, и ее можно разсказать въ двухъ-трехъ словахъ. Карлъ-Людовикъ Монтескье де ла Бредъ происходилъ изъ старой дворянской фамиліи. По наслѣдству отъ своего дяди онъ получилъ мѣсто въ бордосскомъ парламентѣ, гдѣ былъ сначала совѣтникомъ (1714 г.); а потомъ президентомъ (1716), но онъ впослѣдствіи оставилъ эту должность, продавъ ее за

---

[1]) Vian. Histoire de Montesquieu.—A. Sorel. Montesquieu.—Въ исторіяхъ политическихъ ученій и философіи права Монтескье отводится обыкновенно много мѣста, а „Духъ законовъ“ вызвалъ многочисленные комментаріи. Однимъ изъ самыхъ послѣднихъ трудовъ (1892), посвященныхъ ученію Монтескье, является книга J. Schvarcza подъ заглавіемъ „Montesquieu und die Verantwortlichkeit der Räthe des Monarchen in England, Aragonien, Ungarn, Siebenbürgen und Schweden.

деньги (1726). Въ 1728 г. онъ сдѣлался членомъ французской академіи и отправился путешествовать по Европѣ, посѣтилъ Германію, Австрію, Венгрію, Италію, Швейцарію и Англію, оказавшую на него особенно сильное вліяніе. Возвратившись на родину, онъ жилъ главнымъ образомъ, какъ кабинетный ученый, работая надъ важнѣйшимъ своимъ трудомъ, „Духомъ Законовъ", появленію коего въ свѣтъ (въ 1748 г.) предшествовало другое важное его сочиненіе о „причинахъ величія и паденія римлянъ" (1737 г.). Въ 1755 г. Монтескье умеръ, достигши шестидесятилѣтняго возраста. Въ послѣдніе годы жизни онъ почти ничего не писалъ, наслаждаясь европейскою славою, какую доставило ему его главное сочиненіе, сдѣлавшееся настольною книгою государственныхъ людей эпохи, хотя они и не понимали всего значенія высказанныхъ въ ней идей.

Первымъ замѣчательнымъ произведеніемъ Монтескье были „Lettres persanes" [1]), представляющія изъ себя сборникъ писемъ, которыя яко бы были написаны персидскими путешественниками по Европѣ. Это—сатира на современное общество, своего рода „Похвала глупости" [2]) XVIII столѣтія: „одно меня удивляло, говоритъ Монтескье въ своемъ предисловіи къ письмамъ, какъ могли эти персіане такъ хорошо изучить нравы и обычаи французской націи,... и какъ могли они подмѣтить такія вещи, которыя навѣрно ускользнули отъ вниманія нѣмцевъ, путешествовавшихъ по Франціи",—а въ изображеніи какъ нравовъ и обычаевъ французовъ, такъ и другихъ сторонъ ихъ жизни и заключается главнымъ образомъ содержаніе этого сатирическаго произведенія. Персіане путешествуютъ въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV и въ первые годы регентства, что даетъ Монтескье поводъ высказаться о системѣ покойнаго короля. „Французскій король—самый могущественный государь во всей Европѣ... Къ тому же, этотъ король искусный чародѣй: онъ властвуетъ даже надъ умами своихъ подданныхъ и заставляетъ ихъ думать все, что ему угодно... Онъ увѣрилъ ихъ даже въ томъ, что однимъ своимъ прикосновеніемъ можетъ излѣчить ихъ отъ всевозможныхъ болѣзней, до такой степени сильна его власть надъ всѣми умами... Не разъ слыхали, какъ онъ говорилъ, что турецкое государство и царство нашего августѣйшаго султана было бы ему больше по вкусу, чѣмъ всѣ другія государства въ свѣтѣ; такъ онъ высоко ставитъ восточную политику" и т. д. [3]) „Королевская милость, пишетъ еще одинъ персіанинъ, счи-

---

[1]) Есть въ русскомъ переводѣ (1892 г.). Выдержки сдѣланы по этому переводу.

[2]) Т. I, стр. 482 и слѣд.

[3]) Письма XXIV и XXXVII.

тается у французовъ самымъ главнымъ божествомъ. Министръ не что иное, какъ великій жрецъ, приносящій ему многочисленныя жертвы. Его приближенные не носятъ бѣлыхъ одеждъ: то они ему приносятъ жертвы, то приносятъ въ жертву ихъ самихъ и они поклоняются своему идолу наравнѣ съ прочимъ народомъ... Въ Европѣ государственное право лучше извѣстно, чѣмъ въ Азіи, а между тѣмъ можно сказать, что страсти государей, долготерпѣніе народовъ и лесть сочинителей извратили его основные принципы. Теперь это право не что иное, какъ наука, которая учитъ государей тому, насколько они могутъ нарушать правосудіе безъ ущерба своимъ интересамъ... Неограниченная власть нашихъ высокихъ султановъ, которая не руководится никакими посторонними соображеніями, порождаетъ не болѣе чудовищъ, чѣмъ это недостойное искусство, которое стремится извратить справедливость, хотя она должна быть непреклонной“ [1]). „Говорятъ, что характеръ западнаго короля только тогда можетъ опредѣлиться, когда онъ пройдетъ черезъ два великія испытанія: любовницу и духовника“,—слова, которыя оказались отчасти пророческими по отношенію къ Людовику XV. Изображая французскую монархію, какъ восточную деспотію, Монтескье въ одномъ мѣстѣ высказываетъ республиканскія воззрѣнія, отъ которыхъ позже онъ отказался. Въ письмахъ XI—XIV излагается исторія троглодитовъ, убившихъ своего короля, перебившихъ всѣхъ сановниковъ и наконецъ истребившихъ другъ друга: остались только два добродѣтельныхъ человѣка, отъ которыхъ произошло новое, добродѣтельное же племя, жившее долго въ невинности и благочестіи; когда троглодиты размножились, они выбрали въ короли одного добродѣтельнаго старца, на котораго такой ихъ поступокъ произвелъ тягостное впечатлѣніе, и онъ, даже заплакалъ, собираясь умереть съ горя, что ему пришлось видѣть какъ троглодиты, которые были свободны, когда онъ родился, попадаютъ въ неволю (de les voir assujettis.). Такимъ образомъ Монтескье, который впослѣдствіи доказывалъ, что лишь въ однѣхъ монархіяхъ возможна свобода, въ эпоху „Персидскихъ писемъ“ отождествлялъ установленіе королевской власти съ введеніемъ политическаго рабства. Онъ даже сомнѣвался въ возможности существованія монархіи, которую, какъ мы увидимъ, понималъ въ смыслѣ старой монархіи сословной“. Большая часть европейскихъ государствъ, сказано въ письмѣ стовторомъ, суть государства монархическія, или по крайней мѣрѣ, такъ называются; не знаю, существовали ли они и въ самомъ дѣлѣ, но во всякомъ случаѣ трудно себѣ представить, чтобы они надолго сохранили монархическое устройство во всей его чистотѣ. Это острое состояніе всегда переходитъ въ деспотизмъ или республику. Власть

[1]) Письма LXXXVIII и XCIV.

никогда не можетъ быть поровну раздѣлена между народомъ и государемъ; она непремѣнно усиливается на сторонѣ одного и уменьшается на сторонѣ другого; но обыкновенно преимущество на сторонѣ государя, такъ какъ онъ стоитъ во главѣ войска". Обращаясь къ современной ему дѣйствительности, Монтескье и находитъ, что европейскіе короли „обладаютъ такой властью, какой сами захотятъ".

Таковы были раннія политическія воззрѣнія Монтескье, насколько они выразились въ „Персидскихъ письмахъ". Отмѣтимъ еще, что въ этомъ произведеніи онъ является въ религіозномъ отношеніи деистомъ, не мало разсѣявъ отдѣльныхъ замѣчаній о религіи вообще, о христіанствѣ, папствѣ, духовенствѣ, религіозныхъ преслѣдованіяхъ, богословскомъ комментаторствѣ и т. п. въ деистическомъ или скептическомъ духѣ.

Вторымъ крупнымъ произведеніемъ Монтескье было „Разсужденіе о причинахъ величія и паденія римлянъ", написанное на историческую тему, но съ точки зрѣнія политика. Въ исторіи политическаго мышленія, бывшаго въ XVIII в. раціоналистическимъ, Монтескье, также заплатившій свою дань раціонализму, былъ, однако, человѣкомъ, впервые задумавшимъ поставить политическую науку на историческую почву. Исходя изъ той идеи, что у людей во всѣ времена были однѣ и тѣ же страсти, онъ хотѣлъ найти основныя причины историческихъ перемѣнъ, какъ бы послѣднія ни разнились между собою, и думалъ достигнуть этого, именно изучая дѣйствіе страстей въ исторіи. Своей концепціей общихъ причинъ (causes générales), проявляющихся въ жизни народовъ, Монтескье значительно способствовалъ развитію научнаго духа въ исторіографіи. Въ этомъ отношеніи онъ раздѣляетъ съ Вольтеромъ [1]) честь стоять во главѣ новѣйшей исторической науки. То, что было сдѣлано „Разсужденіемъ", было дополнено главнымъ трудомъ Монтескье—„Духомъ законовъ", на который *можно смотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнія: какъ на ученое изслѣдованіе, занимающее весьма важное мѣсто въ развитіи исторической науки, государствовѣдѣнія, юриспруденціи, и какъ на политическій трактатъ, оказавшій большое вліяніе на самую политическую жизнь.* По общему характеру нашего изложенія, второе значеніе „Духа законовъ" должно быть выдвинуто впередъ, но и съ чисто научной стороны этотъ важнѣйшій трудъ Монтескье заслуживаетъ вниманія [2]).

Надъ „Esprit des lois" Монтескье работалъ цѣлыя двадцать лѣтъ, начавъ эту свою книгу въ 1729 г. и выпустивъ ее въ свѣтъ въ 1748 г. Монтескье собралъ громадный историческій и этнографиче-

---

[1]) См. выше, стр. 173.

[2]) „Esprit des lois" былъ переведенъ по-русски въ началѣ нынѣшняго столѣтія подъ заглавіемъ „Разумъ законовъ".

скій матеріалъ, на основаніи коего строилъ свои заключенія или коимъ иллюстрировалъ и доказывалъ свои положенія. Онъ стремился открыть законы или „необходимыя отношенія, вытекающія изъ природы вещей“, для человѣческаго общества и въ этомъ отношеніи былъ однимъ изъ предшественниковъ новѣйшей соціологіи, хотя слово „законъ“ употреблялось у него въ далеко ненаучномъ смыслѣ, такъ какъ въ одномъ и томъ же понятіи смѣшивалъ законы разума, законы природы и законы въ юридическомъ смыслѣ. Общая точка зрѣнія Монтескье — раціоналистическая: „есть первичный разумъ, и законы суть отношенія, существующія между нимъ и разными существами, и взаимныя отношенія этихъ существъ;.... нужно признать отношенія справедливости, предшествующія положительному закону, который ихъ устанавливаетъ“—вотъ заявленія чисто раціоналистическаго характера. „Законъ вообще, говоритъ еще Монтескье, есть человѣческій разумъ, поскольку онъ управлялъ всѣми народами земли, а политическіе и гражданскіе законы каждой націи должны быть лишь частными случаями приложенія этого человѣческаго разума“. Въ сущности, однако, Монтескье дѣлаетъ изъ политическихъ и гражданскихъ законовъ какъ бы продукты разныхъ условій, въ зависимости отъ коихъ слагается историческая жизнь народа: по его представленію, законы возникаютъ не по человѣческому произволу, а суть результатъ дѣйствія многихъ факторовъ, каковы природа страны, ея климатъ (вліяніе климата—любимая тема Монтескье), образъ жизни ея населенія, нравовъ, обычаевъ, правительственной формы, религіи (которую Монтескье разсматриваетъ, какъ всякое другое учрежденіе) и т. п. Совокупность всѣхъ этихъ отношеній онъ и назвалъ „Духомъ законовъ“. Въ частности онъ является здѣсь историкомъ и юристомъ: нѣкоторыя части книги, не говоря уже объ отдѣльныхъ мѣстахъ историческаго характера, суть прямо небольшія историческія изслѣдованія (напр., въ концѣ разсужденія о „варварскихъ правдахъ“ и феодальномъ правѣ), кромѣ того, Монтескье касается практическихъ вопросовъ права государственнаго и международнаго, гражданскаго и уголовнаго, полицейскаго и финансоваго, такъ что „Духъ законовъ“, дѣйствительно, долженъ былъ сдѣлаться настольною книгою для государственныхъ людей XVIII в. (какъ въ XVI в. „Государь“ Макіавелли): недаромъ, напр., Екатерина II, составляя свой знаменитый „Наказъ“, обобрала, какъ она сама выражается, президента Монтескье, повторивъ въ своемъ произведеніи множество мѣстъ изъ его „Духа законовъ“. Но мы будемъ разсматривать Монтескье не какъ философа, историка и юриста, а какъ публициста, политическія воззрѣнія котораго интересны съ двухъ точекъ зрѣнія: съ одной стороны, мы познакомимся съ тѣмъ, какъ смотрѣлъ Монтескье на современную ему Францію, и каковъ

былъ его государственный идеалъ, съ другой, узнаемъ тѣ идеи, подъ вліяніемъ которыхъ происходило конституціонное движеніе, начавшееся въ эпоху французской революціи. Для этой цѣли намъ нужны будутъ книги вторая, третья, пятая, восьмая, одиннадцатая и двѣнадцатая „Духа законовъ“ [1]).

Въ своемъ политическомъ ученіи Монтескье *является сторонникомъ монархіи въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала въ эпоху сословно-представительныхъ учрежденій или въ современной ему Англіи.* Дѣля всѣ государства на республиканскія, монархическія и деспотическія, онъ разумѣетъ подъ монархіей такое правленіе, гдѣ „правитъ одинъ, но на основаніи опредѣленныхъ и установленныхъ законовъ“ (II, 1), которые и называются у него les lois fondamentales, причемъ, по его мнѣнію, для того, чтобы образовать монархическое правленіе, нужны еще „посредствующія, подчиненныя и зависимыя власти“. Такую власть Монтескье видитъ прежде всего въ сословіи, къ которому принадлежалъ самъ: „самымъ естественнымъ“ онъ признаетъ, чтобы это мѣсто занималось въ государствѣ дворянствомъ (noblesse), считая, что „гдѣ нѣтъ монарха, тамъ нѣтъ дворянства, и гдѣ нѣтъ дворянства, тамъ нѣтъ монарха, а есть только деспотъ“: „уничтожьте въ монархіи, говоритъ онъ, прерогативы (т.-е. привилегіи) сеньеровъ, духовенства, дворянства и городовъ, и у васъ скоро будетъ или демократія (un état populaire), или деспотія“. Кромѣ дворянства, онъ считалъ нужнымъ въ монархіи существованіе „хранилища законовъ“ (un dépôt de lois) въ видѣ политическихъ корпорацій, которыя объявляютъ законы, когда они изданы (lorsqu'elles sont faites), и напоминаютъ о нихъ, если они забываются. „Невѣжество, свойственное дворянству,—говоритъ онъ,—его нерадѣніе, его презрѣніе къ гражданской службѣ, требуютъ, чтобы существовала корпорація, которая постоянно извлекала бы законы изъ-подъ пыли, подъ коею въ противномъ случаѣ они были бы погребены“ (II, 5). Не называя учрежденія, Монтескье здѣсь разумѣетъ, конечно, парламенты, въ одномъ изъ коихъ онъ самъ занималъ должности совѣтника и пре-

---

[1]) II. Des lois qui dérivent directement de la nature du gouvernement.—III. Des principes des trois gouvernements.—V. Les lois que le legislateur donne doivent être relatives au principe du gouvernement.—VIII. De la corruption des principes des trois gouvernements.—XI. Des lois qui forment la liberté politique dans son rapport avec la constitution. — XII. Des lois qui forment la liberté politique dans son rapport avec le citoyen. Всѣхъ „книгъ“ въ „Духѣ законовъ“ тридцать одна, но скорѣе это главы, а главы—параграфы, состоящіе иногда изъ нѣсколькихъ строкъ. Внѣшняя форма сочиненія вообще своеобразная. Въ ссылкахъ нашего текста римская цифра обозначаетъ книгу, арабская—главу.

зидента. Далѣе отъ сущности, или природы (nature) того или другого образа правленія онъ отличаетъ его принципъ, противополагая данному устройству (structure particulière) тѣ силы, которыя приводятъ его въ движеніе, и разумѣя подъ послѣдними извѣстныя человѣческія страсти (III, 1). По его мнѣнію, не нужно большой честности (probité) для поддержки монархіи или деспотіи: въ первой сила законовъ, въ другой „всегда поднятая рука государя“ все приводятъ въ порядокъ, но „въ демократіи, говоритъ Монтескье, нужна еще лишняя пружина“, каковою онъ считаетъ доблесть, la vertu (III, 3), замѣняемую имъ въ аристократіи умѣренностью въ пользованіи властью (III, 4). Въ монархіи мѣсто указанныхъ принциповъ заступаетъ чувство чести (l'honneur), которое Монтескье опредѣляетъ, какъ извѣстный „предразсудокъ“ (préjugé) каждаго лица или каждаго состоянія (III, 6), что связывается у него прямо съ ученіемъ о дворянствѣ, какъ необходимой принадлежности монархіи: дѣло въ томъ, что „монархическое правленіе, по его опредѣленію, предполагаетъ извѣстныя преимущества, ранги и даже наслѣдственное дворянство (noblesse d'origine)“, а „сущность чувства чести и заключается въ томъ, чтобы требовать предпочтеній и отличій: и вотъ по самому существу вещи оно и находится (est placé) въ этомъ государственномъ устройствѣ. Честолюбіе (ambition), продолжаетъ Монтескье, гибельно въ республикѣ, но оно приноситъ хорошіе результаты въ монархіи: оно даетъ жизнь этому правленію, и выгода здѣсь заключается въ томъ, что честолюбіе тутъ неопасно, такъ какъ можетъ постоянно быть подавляемо“ (III, 7). Наконецъ, принципомъ деспотіи Монтескье считаетъ страхъ (III, 9). Въ особой „книгѣ“ (V) онъ доказываетъ, далѣе, что законы должны сообразоваться съ принципомъ даннаго государственнаго устройства. Именно съ той точки зрѣнія, дѣлавшей принципомъ монархіи чувство чести, онъ требовалъ, чтобы законы поддерживали (travaillent à soutenir) дворянство, такъ сказать, порождаемое честью и ее рождающее. „Нужно, прибавляетъ онъ, чтобы законы сдѣлали наслѣдственнымъ это званіе, не для того, чтобы оно отдѣляло могущество государя отъ слабости народа, но чтобы служить между обоими связью“. Въ данномъ случаѣ Монтескье *является защитникомъ дворянскихъ привилегій, основанныхъ на соціальномъ феодализмѣ*: „дворянскія земли (les terres nobles), говоритъ онъ, должны пользоваться привилегіями, какъ и лица благороднаго происхожденія. Нельзя отдѣлить достоинство монарха отъ достоинства его королевства, и равнымъ образомъ нельзя разлучить достоинство дворянина (d'un noble) отъ достоинства его феода“ (de son fief). Съ этой точки зрѣнія Монтескье допускаетъ лишь въ монархіяхъ учрежденіе маіората (V, 9). Или, напр., Монтескье не допускалъ, чтобы въ республикахъ можно было отказы-

ваться отъ предлагаемой должности, видя въ предложенiи должности знака довѣрiя къ доблести гражданина, долженствующаго жить, дѣйствовать и думать только ради отечества, но онъ думалъ, что въ монархiяхъ отказываться отъ предлагаемыхъ должностей можно, какъ отъ „свидѣтельствъ чести“, ибо таково ужъ странное свойство (la bizarrerie) чувства чести, что оно принимаетъ лишь то, что хочетъ, и тѣмъ способомъ, какимъ хочетъ. Тутъ же имъ выражается и та мысль, что продажность должностей (существовавшая, какъ извѣстно, во Францiи) „хороша лишь въ государствахъ монархическихъ, ибо она заставляетъ исполнять въ качествѣ фамильнаго ремесла то, что не стали бы дѣлать вслѣдствiе доблести, предначертываетъ каждому его обязанность и позволяетъ распоряженiямъ государства быть болѣе прочными“ (V, 19). Такимъ образомъ Монтескье защищалъ и наслѣдственность мѣстъ въ парламентѣ; уже Вольтеръ обратилъ вниманiе на то, что самъ авторъ „Духа законовъ“ получилъ по наслѣдству такую должность отъ своего дяди. Въ этой же „книгѣ“ Монтескье даетъ такое изображенiе деспотизма: „когда дикари Луизiаны хотятъ сорвать съ дерева плодъ, они срубаютъ дерево и срываютъ плодъ,—таково и деспотическое правленiе“ (V, 13). „Въ деспотическомъ правленiи, говоритъ еще Монтескье, власть цѣликомъ переходитъ въ руки того, кому ее вручаютъ. Визирь самъ является деспотомъ, и каждый отдѣльный чиновникъ (officier) есть визирь. Въ монархическомъ правленiи власть примѣняется не такъ непосредственно: вручая ее, монархъ ее и умѣряетъ. Онъ такъ распредѣляетъ свой авторитетъ, что никогда не отдаетъ кому-либо одну его часть, не удерживая за собою другой, бо̀льшей“ (V, 16). Каждое правленiе приходитъ въ упадокъ, когда искажается (se corromp) его принципъ, но „принципъ деспотизма постоянно портится, ибо онъ испорченъ въ самомъ своемъ существѣ“ (VIII, 10). Что касается до другихъ формъ правленiя, то прежде всего „принципъ демократiи искажается не только когда утрачивается духъ равенства, но и когда происходитъ крайнее развитiе самого равенства и каждый хочетъ быть равнымъ тѣмъ, кого онъ выбираетъ для начальствованiя надъ собою“ (VIII, 2). Точно также и „аристократiя искажается, когда власть благородныхъ дѣлается произвольною: въ такомъ случаѣ не можетъ быть уже доблести ни въ управляющихъ, ни въ управляемыхъ“ (VIII, 5). „Какъ демократiи гибнутъ, когда народъ лишаетъ сенатъ, сановниковъ и судей ихъ должностей, такъ и монархiи портятся, когда отнимаютъ постепенно прерогативы сословiй (corps) и привилегiи городовъ... Монархiя гибнетъ, когда государь, относя все исключительно къ самому себѣ, притягиваетъ все государство къ столицѣ, столицу къ своему двору, а дворъ къ собственной своей особѣ“ (VIII, 6). Въ данномъ

мѣстѣ Монтескье разумѣлъ Людовика XIV, на что указываетъ одно аналогичное замѣчаніе въ „Персидскихъ письмахъ".

Монархистъ и аристократъ, Монтескье былъ вмѣстѣ съ тѣмъ *проповѣдникомъ индивидуальной и политической свободы*. Этому предмету онъ посвятилъ XI и XII „книги" „Духа законовъ", разсмотрѣвъ въ одной „законы, образующіе политическую свободу въ ея отношеніи къ государственному устройству (constitution)", а въ другой—отношеніе свободы къ гражданину. Въ послѣднемъ смыслѣ свобода, по его опредѣленію, заключается въ личной безопасности (sûreté) или въ увѣренности (opinion) касательно этой безопасности (XII, 1): все содержаніе XII „книги" относится къ огражденію личныхъ правъ, и съ этой же точки зрѣнія Монтескье разсматриваетъ свободу и въ ея отношеніи къ государственному устройству. Указавъ на то, что слову „свобода" даются самыя разнообразныя значенія, онъ предостерегаетъ отъ смѣшенія власти народа (le pouvoir du peuple) съ свободою народа (la liberté du peuple). „Свободу, говоритъ онъ, обыкновенно помѣщаютъ въ республикахъ, и думаютъ, что ея не существуетъ въ монархіяхъ (XI, 2). Дѣйствительно, продолжаетъ онъ, въ демократіяхъ народъ повидимому, дѣлаетъ все, что хочетъ, но политическая свобода вовсе не въ томъ заключается, чтобы дѣлать все, что захочешь. Въ государствѣ, т.-е. въ обществѣ, имѣющемъ законы, свобода можетъ состоять лишь въ томъ, чтобы имѣть возможность дѣлать то, чего должно хотѣть, и не быть принуждаемымъ къ дѣланію того, чего не должны хотѣть... Свобода есть право дѣлать все, что дозволяютъ законы, и если бы гражданинъ могъ дѣлать то, что ими запрещается, не могло бы больше быть свободы, ибо и другіе точно также имѣли бы подобную власть" (XI, 3). Давъ такое опредѣленіе свободы, Монтескье высказываетъ мысль, что возможною бываетъ она лишь въ монархіяхъ. „Демократія и аристократія, говоритъ онъ, не суть государства свободныя по самой своей природѣ. Политическая свобода встрѣчается лишь при умѣренныхъ правленіяхъ. Но она и не всегда бываетъ въ умѣренныхъ государствахъ: она существуетъ въ нихъ лишь тогда, когда не происходитъ злоупотребленія властью". Разсуждая такимъ образомъ, Монтескье имѣлъ въ виду античныя и современныя ему республики, въ коихъ *не было раздѣленія и равновѣсія властей, считавшагося имъ за главную гарантію свободы*. „Дабы не могло быть злоупотребленія властью, продолжаетъ онъ, нужно, чтобы вслѣдствіе самаго расположенія вещей одна власть сдерживала другую (le pouvoir arrête le pouvoir). Государственное устройство можетъ быть таково, что никто не будетъ принуждаемъ дѣлать вещи, которыхъ законъ не обязываетъ его дѣлать,—и никому не будутъ препятствовать дѣлать то, что законъ ему разрѣшаетъ". Ученіе о равновѣсіи отдѣленныхъ одна отъ другой властей—центральный

пунктъ политической теоріи Монтескье: эту-то мысль онъ и развиваетъ въ знаменитой шестой главѣ XI „книги", носящей титулъ—„объ англійской конституціи". Хотя уже давно указывали на то, что большую часть изложенныхъ здѣсь принциповъ авторъ „Духа законовъ" заимствовалъ изъ „Трактата о правительствѣ" Локка [1]), хотя, кромѣ того, для ученія Монтескье находили и иные источники—во всякомъ случаѣ въ Англіи, гдѣ, дѣйствительно, оно имѣетъ свое начало [2]), тѣмъ не менѣе полное свое развитіе оно получило лишь въ „Духѣ законовъ Монтескье" и не только было принято отъ него въ многія книги по государственному праву, какъ самое основное правило политики, не только послужило самимъ англичанамъ руководящею идеей при разработкѣ теоріи ихъ конституціи, но даже *легло въ основу политическаго законодательства въ эпоху французской революціи*, когда было даже заявлено, что государство безъ раздѣленія властей не имѣетъ конституціи (въ томъ новомъ значеніи, какое получило тогда послѣднее слово [3]). Мы и перейдемъ теперь къ изложенію указанной кн. XI, гл. 6 „Духа законовъ".

Было время, когда сами англичане думали, что изображеніе англійской конституціи, сдѣланное Монтескье на нѣсколькихъ страницахъ указанной главы, вполнѣ совпадаетъ съ дѣйствительностью, но въ настоящую минуту историки сильно критикуютъ „Духъ законовъ" съ этой стороны, имѣя на то, дѣйствительно, весьма вѣскіе доводы. Указавъ въ главѣ 5, что есть въ мірѣ нація, ставящая прямою цѣлью своей конституціи политическую свободу, Монтескье обѣщаетъ разсмотрѣть принципы, на коихъ она основывается, но онъ не даетъ при этомъ подробнаго описанія этой конституціи, не разсказываетъ ея исторіи, не приводитъ ея главныхъ законоположеній, не иллюстрируетъ своихъ тезисовъ историческими примѣрами, ходячими формулами англійскаго государственнаго права, заявленіями государственныхъ людей и писателей Англіи о ея конституціи или отдѣльныхъ частяхъ и сторонахъ послѣдней. Монтескье не только проглядѣлъ многія важныя особенности англійскаго государственнаго устройства, но и представилъ его, какъ цѣлое, не въ томъ свѣтѣ, какъ слѣдуетъ, потому что списывалъ свое изображеніе не съ самаго предмета, а съ политической теоріи Локка, которая, конечно, не одно и то же, что дѣйствительная англійская конституція. Не приступая еще къ пересказу воззрѣній Монтескье, мы отмѣтимъ,

---

[1]) См. т. II, въ послѣдней главѣ.

[2]) См. т. II, стр. 505 и слѣд. Проф. М. М. Ковалевскій въ своихъ статьяхъ, указанныхъ на стр. 460 второго тома, приводитъ аналогичныя мнѣнія защитниковъ англійскаго парламента въ первой половинѣ XVII в. Кромѣ того, есть одно сочиненіе (H. Iannsen. Montesquieu's Theorie von der Dreitheilung der Gewalten im Staate auf ihre Quelle zurückgeführt), въ коемъ доказывается, что Монтескье обязанъ своей теоріей Свифту.

[3]) Обо всемъ этомъ ниже.

что онъ проглядѣлъ коронныхъ судей, дѣйствующихъ рядомъ съ присяжными, проглядѣлъ парламентарное министерство, т. е. кабинетъ, какъ комитетъ большинства „законодательнаго учрежденія“, пользующійся исполнительною властью [1]), проглядѣлъ англійское мѣстное самоуправленіе, играющее такую роль въ исторіи англійской политической свободы [2]), а многое изъ того, что онъ проглядѣлъ или чего не зналъ, какъ-разъ противорѣчитъ его общему представленію о строгомъ раздѣленіи властей въ Англіи. Вопреки завѣреніямъ Монтескье въ этой странѣ скорѣе произошло сосредоточеніе верховной власти въ парламентѣ: послѣднему принадлежала законодательная власть, въ извѣстныхъ случаяхъ онъ пользовался властью судебною, а исполнительная власть, которую Монтескье отдаетъ королю, была на дѣлѣ въ рукахъ министровъ, зависѣвшихъ отъ парламентскаго большинства [3]). Но если изображеніе англійской конституціи, сдѣланное въ „Духѣ законовъ“, не соотвѣтствовало дѣйствительности, то въ немъ дана была цѣлая система принциповъ, оказавшихъ сильное вліяніе на политическую мысль и политическое законодательство. Въ ней Монтескье выдвигаетъ на самый первый планъ ту идею, что правильное государственное устройство должно гарантировать личную неприкосновенность. Эта же система принциповъ кажется Монтескье приложимою всюду, и именно то обстоятельство, что авторъ „Духа законовъ“ изображалъ не настоящую англійскую конституцію со всѣми ея корнями въ прошломъ націи, со всѣми ея основаніями въ соціальномъ строѣ страны, нравахъ и привычкахъ англичанъ, а совершенно абстрактную схему, какъ бы продиктованную самимъ разумомъ,—и было причиною того, что его изображеніе конституціи могло сдѣлаться предметомъ пропаганды. Если отступленіе французской монархіи отъ ея „традиціонной конституціи“ [4]) должно было разсматриваться, какъ ея порча, ведущая къ деспотизму, то и съ точки зрѣнія теоріи, изложенной къ кн. XI, гл. 6 „Духа законовъ“, абсолютная королевская власть во Франціи должна была казаться узурпаціей.

Таковъ характеръ главы, которую мы теперь изложимъ, по возможности словами подлинника.

„Въ каждомъ государствѣ говоритъ Монтескье, есть троякаго рода власть: власть законодательная, власть исполнительная въ дѣлахъ, относящихся къ области международнаго права, и власть исполни-

---

[1]) См. выше, стр. 66.

[2]) См. т. I, стр. 86.

[3]) См. по всѣмъ этимъ пунктамъ выше, стр. 69—70 и 66. О томъ, что раздѣленіе властей есть признакъ лишь федеральной системы правленія, см. у Дайси, стр. 116 и др.

[4]) Т. II, стр. 399.

тельная въ дѣлахъ, касающихся гражданскаго права". Эту послѣднюю власть онъ предлагаетъ назвать судебною, а предшествующую ей просто исполнительной властью въ государствѣ. „Политическая свобода въ гражданинѣ, продолжаетъ Монтескье, есть то спокойствіе духа, которое происходитъ отъ увѣренности каждаго въ своей безопасности, а для того, чтобы обладать этой свободой, надо, чтобы правительство было таково, чтобы ни одному гражданину не пришлось бояться другого. Если въ рукахъ одного и того же лица или учрежденія власть законодательная соединена съ исполнительной,—свободы не существуетъ, такъ какъ можно бояться, чтобы одинъ и тотъ же монархъ или одинъ итотъ же сенатъ не создавали тиранническихъ законовъ для того, чтобы самимъ же ихъ приводить въ исполненіе тиранническимъ образомъ. Нѣтъ свободы и въ томъ случаѣ, если власть судебная не отдѣлена отъ законодательной и исполнительной. Если бы она была соединена съ законодательною властью,—власть надъ жизнью и свободой гражданъ была бы произвольной: ибо судья былъ бы законодателемъ. Если бы она была соединена съ исполнительною властью, судья могъ бы имѣть силу притѣснителя. Все было бы потеряно, если бы одинъ и тотъ же человѣкъ, или одна и та же корпорація начальниковъ, или знати, или народа распоряжалась всѣми тремя видами власти: властью создавать законъ, властью приводить въ исполненіе общественныя рѣшенія и властью судить преступленія и разрѣшать тяжбы частныхъ лицъ". Вотъ теоретическія основанія всей системы Монтескье. Судебную власть онъ прямо не совѣтуетъ „вручать постоянному сенату: она должна находиться въ рукахъ людей, взятыхъ изъ среды народа въ опредѣленное время года, способомъ, предписаннымъ закономъ, для образованія суда, который дѣйствовалъ бы лишь столько времени, сколько требуетъ необходимость. Такимъ образомъ, говоритъ Монтескье, судебная власть, которая кажется такой страшной въ глазахъ людей, не будучи болѣе исключительнымъ достояніемъ ни извѣстнаго сословія, ни извѣстной профессіи, становится, такъ-сказать, незамѣтной и несуществующей (invisible et nulle): судей постоянно предъ глазами нѣтъ, и начинаютъ бояться учрежденія, а не лицъ, его составляющихъ. Нужно даже, чтобы, въ случаѣ особенно важныхъ обвиненій, обвиняемый самъ выбиралъ своихъ судей, или, по крайней мѣрѣ, чтобы онъ могъ отвести настолько значительное число изъ нихъ, чтобы оставшіеся могли считаться судьями по его выбору". Вотъ здѣсь мы и видимъ изображеніе англійскаго суда присяжныхъ съ полнымъ отсутствіемъ коронныхъ судей. Что касается до двухъ другихъ видовъ власти, то Монтескье ихъ отдаетъ въ руки „постоянныхъ правительственныхъ лицъ или учрежденій, такъ какъ эти виды власти не затрогиваютъ интересовъ частнаго лица, представляя изъ себя

не что иное, какъ первый—только общую волю государства, а второй—исполненіе этой воли“. Первая отдается имъ народному представительству, вторая—монарху. „Такъ какъ, разсуждаетъ Монтескье, въ свободномъ государствѣ всякій, имѣющій свободную душу, долженъ былъ бы быть управляемъ самъ-собою, то слѣдовало бы, чтобы весь народъ въ полномъ своемъ составѣ обладалъ законодательной властью; но такъ какъ это невозможно въ большихъ государствахъ, а въ маленькихъ сопряжено со множествомъ неудобствъ, то нужно, чтобы народъ при посредствѣ своихъ представителей дѣлалъ то, чего самъ дѣлать не въ состояніи. Люди знаютъ нужды собственнаго города гораздо лучше, чѣмъ нужды другихъ городовъ, и о способности своихъ сосѣдей судятъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ о способностяхъ другихъ своихъ соотечественниковъ. Поэтому не слѣдуетъ, чтобы члены законодательнаго учрежденія были взяты безразлично изъ всей націи: надо, чтобы въ каждомъ главномъ мѣстѣ жители выбирали себѣ представителя... Всѣ граждане, говоритъ Монтескье нѣсколько далѣе, въ различныхъ округахъ должны пользоваться правомъ голоса при выборѣ представителя, за исключеніемъ тѣхъ, которые находятся въ такомъ приниженіи (dans un tel état de bassesse), что не могутъ считаться имѣющими собственную волю“. Но въ Англіи, кромѣ палаты общинъ, которую въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду Монтескье, есть еще верхняя палата, которая должна была соотвѣтствовать и аристократическимъ его симпатіямъ, и вотъ какъ онъ мотивируетъ ея существованіе. „Въ каждомъ государствѣ есть люди, отличающіеся своимъ происхожденіемъ, богатствомъ или почестями; если бы они были смѣшаны съ народомъ, и если бы у нихъ, наравнѣ со всѣми другими, былъ только одинъ голосъ, общая свобода сдѣлалась бы ихъ рабствомъ, и у нихъ не было бы никакого интереса ее защищать, такъ какъ бóльшая часть рѣшеній была бы противъ нихъ. Поэтому участіе ихъ въ законодательствѣ должно быть пропорціонально прочимъ преимуществамъ, которыми они пользуются въ государствѣ, а это произойдетъ, если они образуютъ особое учрежденіе, которое имѣло бы право останавливать предпріятія народа, подобно тому, какъ народъ имѣетъ право останавливать ихъ предпріятія... Корпорація знати должна быть наслѣдственной. Она наслѣдственна, во-первыхъ, по самому своему существу, и во-вторыхъ, необходимо, чтобы она имѣла очень большой интересъ въ сохраненіи своихъ прерогативъ, ненавистныхъ самихъ по себѣ, а въ свободномъ государствѣ тѣмъ болѣе подверженныхъ постоянной опасности“. Наконецъ, исполнительная власть отдается у Монтескье монарху, „такъ какъ эта часть правленія, требуя почти всегда быстраго дѣйствія, завѣдуется лучше однимъ человѣкомъ, чѣмъ многими, тогда какъ то, что зависитъ отъ законодательной власти, часто лучше ведется многими,

чѣмъ однимъ. Если бы не было монарха, и исполнительная власть была бы вручена извѣстному числу лицъ, взятыхъ изъ законодательнаго учрежденія, свободы бы больше не существовало, такъ какъ обѣ власти были бы соединены вслѣдствіе того, что одни и тѣ же лица принимали бы иногда и всегда могли бы принимать участіе въ обѣихъ". Вотъ въ этомъ разсужденіи Монтескье и видно, что онъ совсѣмъ не обратилъ вниманія на кабинетъ, существованіе котораго въ Англіи, ни малѣйшимъ образомъ не противорѣчащее политической свободѣ, опровергаетъ разсужденіе Монтескье.

Указавъ на необходимость періодическихъ созывовъ законодательнаго учрежденія и на необходимость періодическихъ обновленій его состава, Монтескье говоритъ далѣе о взаимныхъ отношеніяхъ обѣихъ властей. „Законодательное учрежденіе, говоритъ онъ, отнюдь не должно собираться само-собою, ибо всякое учрежденіе только тогда считается имѣющимъ волю, когда оно находится въ сборѣ, и если бы оно не собиралось единодушно, нельзя бы было сказать, которая изъ его двухъ частей составляетъ настоящее законодательное собраніе: та ли, которая бы находилась въ сборѣ, или другая. Если бы оно имѣло право само себя отсрочивать, то могло бы случиться, что оно никогда бы себя не отсрочивало, а это было бы опаснымъ въ томъ случаѣ, если бы оно сдѣлало покушеніе противъ исполнительной власти... Поэтому необходимо, чтобы исполнительная власть опредѣляла время засѣданія и продолжительность собраній, сообразно съ обстоятельствами, которыя ей извѣстны. Если исполнительная власть не имѣетъ права останавливать предпріятія законодательнаго учрежденія, послѣднее будетъ деспотическимъ; ибо такъ какъ оно будетъ въ состояніи дать себѣ всю ту власть, какая ей можетъ вздуматься, то она уничтожитъ всѣ остальныя власти. Но не слѣдуетъ, чтобы законодательная власть съ своей стороны имѣла право останавливать исполнительную: такъ какъ исполнительная власть, по самой сущности своей, есть власть ограниченная, то ее ограничивать безполезно, не говоря уже о томъ, что исполнительная власть дѣйствуетъ только по отношенію къ вещамъ преходящимъ. Но если въ свободномъ государствѣ законодательная власть не должна имѣть право останавливать власть исполнительную, она имѣетъ право и должна имѣть возможность слѣдить за тѣмъ, какимъ образомъ законы, которые она создала, были приведены въ исполненіе... Каковъ бы, однако, ни былъ этотъ контроль, законодательное учрежденіе ни въ какомъ случаѣ не должно имѣть права судить личность, а слѣдовательно и поведеніе того, который исполняетъ. Его особа должна быть священна, ибо она необходима государству для того, чтобы законодательное учрежденіе не сдѣлалось въ немъ тиранническимъ: съ того момента, когда она была бы предана обвиненію и суду, свободы больше

не существовало бы. Въ подобнаго рода случаяхъ государство было бы не монархіей, но несвободной республикой. Но такъ какъ тотъ, кто исполняетъ, не можетъ ничего дурно исполнять безъ дурныхъ совѣтниковъ, которые ненавидятъ законы, какъ министры, хотя эти законы и защищаютъ ихъ, какъ людей, послѣдніе (т.-е. эти совѣтники) могутъ разыскиваться и наказываться"... „Исполнительная власть, — говоритъ Монтескье нѣсколько далѣе,—должна принимать участіе въ законодательствѣ черезъ свое право останавливать; безъ этого она скоро будетъ лишена своихъ прерогативъ. Но если законодательная власть принимаетъ участіе въ исполненіи, исполнительная власть равнымъ образомъ погибнетъ. Если бы монархъ принималъ участіе въ законодательствѣ черезъ право постановлять, свободы болѣе не существовало бы. Но такъ какъ тѣмъ не менѣе необходимо, чтобы онъ для своей защиты имѣлъ участіе въ законодательствѣ, надо, чтобы онъ принималъ въ немъ участіе чрезъ право останавливать"... „Вотъ основное устройство того правленія, о которомъ мы говоримъ,—читаемъ мы въ заключительной части главы,—законодательное учрежденіе составлено изъ двухъ частей, которыя, въ силу права останавливать другъ друга, будутъ другъ друга удерживать. Обѣ будутъ связаны исполнительною властью, которая, съ своей стороны, будетъ связана законодательною. Эти три власти должны бы были находиться въ состояніи покоя или бездѣйствія, но такъ какъ неизбѣжнымъ ходомъ вещей онѣ будутъ принуждены идти впередъ, онѣ будутъ принуждены идти въ согласіи. Такъ какъ исполнительная власть,—прибавляетъ еще Монтескье,—составляетъ часть законодательной власти только въ силу своего права останавливать, она не можетъ входить въ обсужденіе дѣлъ. Даже не необходимо, чтобы она предлагала, такъ какъ, имѣя всегда возможность не одобрить рѣшенія, она можетъ отклонить рѣшенія тѣхъ предложеній, проведенія которыхъ она не хотѣла бы",—и опять тутъ Монтескье высказываетъ принципы, совершенно идущіе въ разрѣзъ съ дѣйствительной англійской конституціей. Но вотъ въ чемъ онъ вѣрно схватилъ сущность дѣла. „Если,—говоритъ онъ,—исполнительная власть дѣлаетъ постановленія о взиманіи налоговъ иначе, какъ въ силу согласія народа, свободы больше не будетъ, ибо исполнительная власть сдѣлается законодательной въ самомъ важномъ пунктѣ законодательства. Если законодательная власть дѣлаетъ постановленіе о наложеніи податей не изъ года въ годъ, а навсегда, то она рискуетъ лишиться свободы, потому что исполнительная власть не будетъ болѣе зависѣть отъ нея; а когда пользуются подобнаго рода правомъ навсегда, то довольно безразлично, пользуются ли имъ въ силу собственной власти, или въ силу чужой. То же самое будетъ и въ томъ случаѣ, когда законодательная власть постановляетъ не изъ

года въ годъ, а разъ навсегда касательно сухопутныхъ и морскихъ силъ, которыя она должна ввѣрить исполнительной власти".

Такова въ представленіи Монтескье система, которую англичане, какъ онъ думалъ, нашли въ лѣсахъ тацитовской Германіи. „Не мнѣ изслѣдовать,—говоритъ онъ,—пользуются ли англичане въ дѣйствительности этою свободою или нѣтъ, ибо мнѣ достаточно сказать только, что она установлена ихъ законами, и болѣе я ничего не ищу". Вопросу о современныхъ ему монархіяхъ Монтескье посвящаетъ едва нѣсколько строкъ, составляющихъ слѣдующую главу: „онѣ, — говоритъ онъ,—имѣютъ своею цѣлью не свободу, а славу гражданъ, страны и государя. Три власти въ нихъ не распредѣляются по способу изображенной конституціи. Въ каждомъ государствѣ существуетъ свое особое распредѣленіе, вслѣдствіе чего они болѣе или менѣе приближаются къ политической свободѣ, и если бы они не приближались, монархія выродилась бы въ деспотію". По Монтескье, Францiя именно шла по пути къ послѣдней формѣ, и онъ думалъ водворить въ ней свободу, вдохнувъ жизнь въ старыя феодальныя учрежденія, въ дворянство и въ парламентъ, имѣя въ то же время передъ глазами образецъ англійской конституціи, обезпечивавшей ту индивидуальную свободу, которой удивлялись въ Англіи и онъ, и Вольтеръ, и многіе другіе французы. Аристократическій характеръ теоріи Монтескье сдѣлалъ то, что на нее ссылались не только прогрессивные элементы французскаго общества, но и консервативные, когда имъ пришлось защищать старыя привилегіи. Тѣмъ не менѣе на Монтескье можно смотрѣть, какъ *на родоначальника политическаго либерализма новѣйшаго времени.*

XIV. Руссо, его характеръ и идеи [1]).

Вольтеръ, Монтескье и Руссо.—Причины большого вліянія Руссо.—Его дѣятельность и окружавшая его среда.—Революціонное и реакціонное значеніе Руссо.—Связь его жизни съ его произведеніями. — Біографія Руссо до первой диссертаціи.—Дижонская академія и ея конкурсныя темы. — Руссо въ періодъ своей литературной дѣятельности.—Ссора его съ философами.—Послѣдніе годы жизни Руссо.—Его диссертаціи о наукахъ и искусствахъ и о причинахъ неравенства.—Значеніе «Эмиля».—«Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія». — Раціоналистическая основа «Общественнаго договора».—Ученіе Руссо о договорномъ происхожденіи государства и о верховной власти народа.—Отсутствіе гарантій личной свободы.—Гражданская религія.—Взглядъ Руссо на представительство и на раздѣленіе властей.—Правительство и формы правленія.—Республиканская монархія Руссо.

Жанъ-Жакъ Руссо (1712—1778) занималъ совершенно особое мѣсто среди писателей XVIII в. и равнымъ образомъ оказывалъ на

[1]) Литература о Руссо очень обширна: Moreau. Jean-Jacques Rousseau

современниковъ и на ближайшее потомство совсѣмъ особенное вліяніе. И съ Вольтеромъ, и съ Монтескье у него было мало общаго, съ первымъ — въ характерѣ и философскомъ міросозерцаніи, со вторымъ—въ методѣ политическаго мышленія и въ политическихъ воззрѣніяхъ. Вольтеръ — человѣкъ разсудка, оружіемъ коего была злая и колкая насмѣшка, Руссо—человѣкъ душевныхъ эмоцій, смотрящій на міръ Божій совсѣмъ иными глазами, чѣмъ ферпейскій философъ: въ характерѣ Руссо было что-то вѣчно ноющее, ипохондрическое, вполнѣ противоположное тому, что составляетъ суть характера Вольтера; онъ и въ жизни былъ несчастливъ, притомъ часто по собственной винѣ, и то же самое сказалось на его литературной дѣятельности. Въ сравненіи съ реалистомъ Вольтеромъ, бодро смотрящимъ на окружающую дѣйствительность, Руссо является мечтателемъ, на которомъ болѣзненно отзывается разладъ этой дѣйствительности съ идеаломъ и у котораго несовершенства жизни вызываютъ не смѣхъ или негодованіе, а угнетенное состояніе духа, выражавшееся въ страстной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и риторической декламаціи. И Вольтеръ, и Руссо были деисты, но ихъ деизмъ имѣлъ различный характеръ: „естественная религія“ одного была чисто разсудочною, у другого она удовлетворяла извѣстной потребности сердца и получала оттѣнокъ сантиментальности. Своей задачей Вольтеръ поставилъ освобожденіе человѣческаго ума отъ всего, что стѣсняло свободную его дѣятельность, и онъ высоко цѣнилъ просвѣщеніе своего вѣка, которое, наоборотъ, встрѣтило въ лицѣ Руссо страстнаго обличителя, такъ какъ для него всѣ успѣхи ума были ничто въ сравненіи съ огорчавшимъ его паденіемъ „добродѣтели“ въ томъ условномъ смыслѣ, въ какомъ онъ употреблялъ это слово, впадая при этомъ въ нѣсколько слащавый тонъ. Въ сравненіи съ Руссо, Вольтеръ лишь вскользь затрогивалъ соціальные и политическіе вопросы, а они то и были однимъ изъ любимыхъ предметовъ Руссо: въ послѣднемъ отношеніи онъ стоитъ ближе къ Монтескье, съ которымъ другими сторонами онъ такъ рѣзко вообще расходился. У Вольтера была нѣкоторая доля презрѣнія къ непросвѣщенной черни, тогда какъ Руссо, самъ вышедшій изъ народа, его, наоборотъ, идеализировалъ, противополагая ему культурные классы общества, какъ тронутые порчей цивилизаціи: защита трудящагося

---

et le siècle philosophe.—Saint-Marc Girardin. Jean Jacques Rousseau, sa vie et ses ouvrages.—J. Grand Cartaret. Rousseau jugé par les Français d'aujourd'hui.—Въ соч. Депуартерра о Вольтерѣ (см. выше, стр. 155) томъ II: Voltaire et Jean-Jacques Rousseau.—Brockerhoff. Rousseau's Leben uud Werke.—Морлей (Morley) Руссо (пер. съ англ.).—Грей Грэхэмъ (Grey Graham). Ж. Ж. Руссо, его жизнь, произведенія и окружающая среда.—Проф. Алексѣевъ. Этюды о Ж. Ж. Руссо.—Проф. В. И. Герье. Понятіе о народѣ у Руссо (Рус. Мысль. 1882).

люда была даже одною изъ наиболѣе сильныхъ по своему дѣйствію на умы темъ Руссо. Съ Вольтеромъ онъ сходился въ томъ, что оба они интересовались вопросами индивидуальнаго бытія, сравнительно мало занимавшими Монтескье, писателя политическаго по преимуществу, и Руссо даже обратилъ особое вниманіе на вопросы воспитанія и образованія, создающіе человѣческую личность, и здѣсь онъ положительно превосходилъ Вольтера: извѣстно, какое громадное вліяніе имѣли въ свое время педагогическія воззрѣнія Руссо. Еще болѣе, какъ было уже замѣчено, интересовался онъ вопросами общественными, и въ данномъ отношеніи онъ пошелъ гораздо далѣе и Монтескье. Вольтеръ, такъ сказать, принималъ существовавшую въ его время форму государства и общества, изъ внѣшнихъ учрежденій нападая главнымъ образомъ лишь на одну церковь; Монтескье сталъ въ оппозицію къ абсолютизму, который долженъ былъ для него отождествляться съ деспотизмомъ, но онъ не скрывалъ своихъ аристократическихъ стремленій и прямо отстаивалъ сословный строй общества; наоборотъ, Руссо нападаетъ на этотъ самый строй, какъ на несправедливый, и не только проповѣдуетъ политическое равенство, но и высказываетъ такія идеи, которыя позволили соціальнымъ реформаторамъ XIX в. видѣть въ немъ одного изъ своихъ предшественниковъ прошлаго столѣтія [1]). Аристократизмъ Монтескье сказался на его сочувствіи къ старой феодальной монархіи и къ дворянскимъ привилегіямъ: Руссо—страстный противникъ всякаго неравенства, и его идеаломъ является не англійская конституція, которою восхищался Монтескье, а античная демократія, не считавшаяся авторомъ „Духа законовъ" за свободное устройство государства. И свободу оба эти политическіе писателя понимали различнымъ образомъ, одинъ—болѣе въ новомъ смыслѣ индивидуальной свободы, для огражденія коей отъ правительственнаго произвола онъ придумываетъ свою систему одна отъ другой отдѣленныхъ и одна другую сдерживающихъ властей, предупреждая, что „не нужно смѣшивать свободу народа съ властью народа", другой же—именно исходя изъ такого смѣшенія понятій, т.-е. беря свободу въ античномъ смыслѣ и создавая въ своемъ представленіи государство, вполнѣ поглощающее личность, подобно государству Гоббза. Политическая теорія Руссо была цѣликомъ построена на отвлеченныхъ идеяхъ разума: ни въ чьемъ мышленіи такъ характерно не отразился раціонализмъ XVIII в., какъ на мышленіи именно Руссо, и наоборотъ, если кто изъ политическихъ писателей прошлаго столѣтія менѣе другихъ былъ раціоналистомъ, болѣе другихъ пытался строить политическую теорію на данныхъ историческаго опыта, такъ это былъ какъ-разъ авторъ

[1]) См., напр., взглядъ Луи Блана въ I т. „Исторіи французской революціи".

„Духа законовъ“. И по направленію своего ума, и по характеру своего образованія Руссо, наоборотъ, меньше всего былъ способенъ къ историческому пониманію дѣйствительности, составляющему сильную сторону Монтескье. Послѣдній былъ однимъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени, систематически собиравшимъ матеріалъ для своего капитальнаго труда, а Руссо былъ въ сущности самоучка, хватавшій знанія на лету и приступавшій къ работѣ не съ готовымъ запасомъ фактическаго матеріала, а съ предвзятою идеей, которую оставалось только логически развить. Какъ ни несходны были, однако, между собою оба писателя, они дѣйствовали въ одномъ направленіи, проповѣдуя, что законодательная власть во Франціи должна быть взята изъ рукъ короля, и что за нимъ должно было бы быть оставлено лишь значеніе власти исполнительной. Въ политическомъ вопросѣ Монтескье и Руссо расходились между собою, какъ представители либерализма и радикализма, но оба они являлись противниками абсолютизма.

Руссо оказывалъ могущественное вліяніе на современниковъ: страстный тонъ его рѣчи, столь несхожій съ холоднымъ сарказмомъ Вольтера или спокойной ироніей Монтескье, его настроеніе, невольно подчинявшее себя чувство читателя, тогда какъ Вольтеръ и Монтескье дѣйствовали больше на одинъ умъ, его умѣніе затрогивать самыя больныя стороны индивидуальной и соціальной жизни въ то время, какъ Вольтеръ и Монтескье или касались менѣе захватывающихъ общій интересъ вопросовъ, или разсматривали ихъ съ болѣе отвлеченныхъ точекъ зрѣнія, наконецъ, самый демократизмъ Руссо въ обществѣ, въ которомъ плебейскіе элементы начинали играть уже болѣе видную роль, вотъ что, собственно говоря, создавало Руссо то вліятельное положеніе, какое онъ занялъ среди писателей XVIII в. Однимъ словомъ, Вольтеръ былъ философъ, Монтескье — политикъ, а Руссо прежде всего моралистъ, а вопросы морали вѣдь всегда больше привлекаютъ къ себѣ людей, чѣмъ вопросы знанія и вопросы политики. Предметомъ размышленій Руссо былъ прежде всего самъ человѣкъ, какъ у родоначальниковъ гуманизма: съ ними Руссо раздѣляетъ нерасположеніе къ отвлеченной метафизикѣ и къ теоретическому естествознанію, хотя онъ и сильно любилъ природу, доведя свое субъективное отношеніе къ ней до чувствительности, но онъ зато не раздѣлялъ съ гуманистами соціальнаго индифферентизма. Моралистъ Руссо не ограничиваетъ этической сферы одною индивидуальною жизнью, съ этической точки зрѣнія онъ разсматриваетъ и самое гражданское общество, подходя къ нему не съ вопросомъ, что такое оно есть, а чѣмъ оно должно быть. *Сила Руссо и заключалась въ его моральномъ и соціальномъ идеализмѣ*, дѣйствовавшемъ не на одни умы, склонные къ философіи или политикѣ, но и на ту большую публику, которая ищетъ прежде всего отвѣтовъ не на вопросы отвле-

ченнаго знанія и не на вопросы высшей политики, а на вопросы о томъ, въ чемъ заключается назначеніе человѣка и какъ люди должны жить между собою. Настроеніе Руссо передавалось въ тонѣ его сочиненій, то страстномъ, то задушевномъ, то элегическомъ, всегда убѣжденномъ, да и внѣшняя форма, которою Руссо также хорошо владѣлъ, способствовала распространенію его сочиненій, быть можетъ, между прочимъ даже та самая риторика, какую мы встрѣчаемъ во всемъ, что было имъ написано. Разсматривая причины моральнаго вліянія одной личности на цѣлое общество, мы должны отвлекать свое вниманіе отъ логическихъ противорѣчій, обнаруживаемыхъ болѣе пристальнымъ изученіемъ воззрѣній данной личности, и не должны касаться проявленій ея характера въ жизни: привычка къ анализу читаемаго, а тѣмъ болѣе къ анализу, лежащему въ основѣ научнаго изученія, вообще весьма мало развита въ большихъ кругахъ читателей, воспринимающихъ лишь то, что поражаетъ ихъ воображеніе или что наиболѣе соотвѣтствуетъ ихъ собственному настроенію, а кромѣ того авторъ въ книгѣ и человѣкъ въ жизни—далеко не одно и то же. Въ настоящее время критиковать Руссо очень легко, такъ какъ многія его воззрѣнія суть совершеннѣйшіе парадоксы, между отдѣльными его взглядами встрѣчаются противорѣчія, въ его сочиненіяхъ довольно много риторики, даже въ чувствахъ его немало напускного, въ личномъ же характерѣ Руссо есть черты крайне несимпатичныя, въ лучшемъ случаѣ объясняемыя его болѣзненностью, но его нужно разсматривать въ его исторической обстановкѣ, а не лицомъ къ лицу съ отвлеченною критикою, которой, обобщая слабыя стороны его ума, образованія, таланта и характера, пожалуй, и не трудно было бы показать, что Руссо былъ только софистъ-самоучка и риторъ-неудачникъ. Историки и біографы нерѣдко въ оцѣнкѣ историческаго значенія того или другого дѣятеля исходятъ изъ разсмотрѣнія его духовныхъ свойствъ, тогда какъ въ подобныхъ случаяхъ объясненіе вліянія, оказаннаго имъ на современниковъ, нужно искать прежде всего въ идеяхъ, носителемъ коихъ онъ былъ: не всегда самые умные, самые нравственные и самые сильные волей люди занимаютъ вліятельное положеніе въ обществѣ, и очень даже часто человѣкъ только потому выдвигается впередъ и оказываетъ вліяніе на общество, что съ особою убѣжденностью, страстностью и силою высказываетъ идеи, которыя должны быть встрѣчаемы съ наибольшимъ сочувствіемъ въ данномъ обществѣ. Съ Руссо такъ именно и случилось: въ извѣстныхъ соціальныхъ слояхъ, въ коихъ уже сильна была политическая и соціальная оппозиція противъ абсолютизма и привилегій, *идеи свободы и равенства, проповѣдникомъ коихъ сдѣлался Руссо, должны были найти особенно сочувственный пріемъ*, тѣмъ болѣе, что свобода являлась у Руссо безъ сословныхъ

привилегій, сопровождающихъ ее у Монтескье, и равенство представлялось не только, какъ равенство передъ закономъ, но и какъ равенство во власти: какъ теорія Монтескье льстила аристократическимъ стремленіямъ, такъ теорія Руссо подходила къ настроенію буржуазіи.

Какъ проповѣдникъ новыхъ политическихъ и общественныхъ идей, Руссо былъ такимъ же теоретическимъ предвѣстникомъ революціи, какъ и другіе писатели XVIII в., былъ даже первымъ между ними по своему сильному и многостороннему вліянію на дѣятелей революціи и на общество той эпохи, но онъ же былъ предвѣстникомъ и той реакціи, которая наступила послѣ революціи противъ всего XVIII в. „Будучи, говоритъ Морлей, первымъ открыто-революціоннымъ мыслителемъ въ политикѣ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ самымъ горячимъ реакціонеромъ въ религіи. Его вліяніе отразилось не только на Робеспьерѣ, но и на Шатобріанѣ, не только на якобинцахъ, но и на католицизмѣ реставраціи. Такимъ образомъ онъ болѣе чѣмъ кто-либо другой далъ направленіе первымъ эпизодамъ революціи и далъ свои силы первому эпизоду реставраціи". Это замѣчаніе одного изъ лучшихъ авторовъ, писавшихъ о Руссо, можно обобщить. Одною изъ характерныхъ чертъ философіи XVIII вѣка, какъ было сказано, является ея культурный оптимизмъ, на почвѣ коего выросла идея прогресса [1]): золотой вѣкъ еще впереди, и человѣчество, руководимое просвѣщеніемъ, шествуетъ къ этому золотому вѣку. Напротивъ, для Руссо послѣдній былъ далеко позади, въ первобытномъ „естественномъ состояніи", просвѣщеніе же прямо являлось зломъ. Основною мыслью всего философствованія Руссо было именно возвращеніе къ естественному состоянію, когда человѣкъ былъ яко-бы невиненъ и наивенъ, и во имя этого возвращенія онъ объявлялъ войну разуму, ставя на его мѣсто чувство, которое вообще играетъ такую роль въ его философіи. Руссо, дѣйствительно, замѣнялъ здравое и положительное философское мышленіе, представителями коего было большинство писателей этого вѣка, чувствительностью, такъ сильно дѣйствовавшею на современныхъ ему читателей: въ такомъ его способѣ рѣшать жизненные вопросы заключалась одна изъ приманокъ его философіи для громаднаго большинства читателей, но въ то же время онъ шелъ въ разрѣзъ съ умственными стремленіями, бывшими въ ходу въ XVIII в. и ставившими на первый планъ здравый смыслъ, а не чувство. Такимъ образомъ политическій революціонеръ былъ культурнымъ реакціонеромъ. Въ послѣднемъ отношеніи онъ ближе подходилъ къ массѣ общества, жившей болѣе эмоціями, чѣмъ разсудкомъ, и эта масса лучше его понимала, чѣмъ кого-либо другого изъ писателей XVIII в., все-

---

[1]) См. выше, стр. 146.

таки ушедшихъ отъ нея далеко впередъ. Руссо ставилъ передъ глазами своихъ современниковъ новыя политическія цѣли, но не только не научалъ ихъ новымъ умственнымъ методамъ, а прямо, наоборотъ, поддерживалъ въ нихъ привычку жить не столько разсудкомъ, сколько чувствомъ. Своею проповѣдью онъ, несомнѣнно, возбуждалъ благородныя чувства, интересъ и сострадaніе обезпеченныхъ классовъ къ оскорбленнымъ и униженнымъ, и указывалъ обществу на новыя задачи въ этой области, но почти исключительное развитіе чувства было реакціей противъ той умственной дисциплины, которую создавала философія XVIII в., тѣмъ болѣе, что вдобавокъ методъ разсужденій Руссо былъ какъ разъ наиболѣе рельефнымъ проявленіемъ того, что составляло самую слабую сторону въ мышленіи прошлаго столѣтія, разсматриваемомъ съ точки зрѣнія нашихъ современныхъ требованій отъ научности: въ вѣкъ развивавшейся критики Руссо былъ наиболѣе догматикомъ, дававшимъ абсолютныя рѣшенія самыхъ жгучихъ вопросовъ жизни на основаніи чисто логическихъ построеній и заставлявшимъ вѣрить въ непреложную истинность этихъ рѣшеній. Въ этомъ и заключалась его сила надъ умами современниковъ, но въ этомъ же заключалась и слабая его сторона, разъ онъ ставилъ страсть на мѣсто яснаго сознанія.

Понимать произведенія такого писателя, какъ Монтескье, можно, почти совсѣмъ не касаясь его біографіи: работа мыслителя, имѣющаго строго научный характеръ или наиболѣе подходящая къ такому характеру, по самой своей сущности не можетъ имѣть такого близкаго отношенія къ чисто личной жизни писателя, какъ творчество поэта или вообще автора, болѣе или менѣе ярко проявляющаго въ своихъ произведеніяхъ собственную субъективность, а Руссо именно принадлежалъ къ людямъ послѣдней категоріи. Дѣйствительно, его сочиненія находятъ лучшій свой комментарій въ его личномъ характерѣ и жизненной судьбѣ, какъ извѣстно, имъ самимъ изображенныхъ въ знаменитой „Исповѣди“. Конечно, на тѣхъ немногихъ страницахъ, которыя мы можемъ посвятить Руссо, немыслимо разсмотрѣть его біографію съ такой точки зрѣнія, но краткій очеркъ его жизни будетъ все-таки нелишнимъ.

Отецъ Руссо былъ простой женевскій часовщикъ, страстно увлекавшійся чтеніемъ романовъ и передавшій эту привычку своему сыну, когда послѣдній былъ еще совсѣмъ ребенкомъ. Кромѣ романовъ, отецъ и сынъ зачитывались Плутархомъ, котораго первый еще патетически комментировалъ рѣчами о любви къ отечеству и гражданской доблести. Такимъ образомъ уже въ ребенкѣ развивались фантазія, нѣсколько приподнятое настроеніе и книжное отношеніе къ дѣйствительности. Отецъ бросилъ маленькаго Жанъ-Жака на произволъ судьбы, когда мальчику едва исполнилось десять лѣтъ, и ему, избалованному въ семьѣ теткою, которая

заступала для него мѣсто матери, умершей при его рожденіи, скоро пришлось испытать несправедливое и суровое обращеніе со стороны чужихъ людей; оно-то впервые и породило въ душѣ Руссо то чувство протеста противъ всякой неправды, которое впослѣдствіи исторгло изъ его души не одну краснорѣчивую тираду въ его сочиненіяхъ. Тогда же началась скитальческая жизнь Руссо, сопровождавшаяся постоянными перемѣнами профессій. Довольно долго онъ былъ вмѣстѣ съ другими мальчиками ученикомъ у гравера, грубо обращавшагося съ подросткомъ, что ожесточило его противъ людей вообще и, какъ онъ самъ признается, даже развратило, сдѣлавъ его лгуномъ, обманщикомъ, воришкой и порядочнымъ трусомъ. Шестнадцати лѣтъ онъ, однако, бѣжалъ отъ своего хозяина, боясь наказанія за одну провинность и мечтая осуществить свои вычитанныя изъ романовъ фантазіи на полной свободѣ. Началась настоящая жизнь бездомнаго бродяги: въ это время Руссо обратили въ католицизмъ, но не пристроили ни къ какому дѣлу, на мѣстахъ же слуги, на которыя попадалъ мальчикъ, онъ не уживался. Болѣе всего привлекало его самого бездѣлье на лонѣ природы и сильнѣе всего дѣйствовали на его впечатлительную душу простота жизни и участливое къ нему отношеніе крестьянъ, когда ему приходилось скитаться по деревнямъ. Только одно время, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, онъ прожилъ около трехъ лѣтъ спокойно у пріютившей его г-жи Варенсъ, посвятивъ это время изученію латинскаго языка и философіи: тогда только-что вышли въ свѣтъ „Lettres sur les Anglais" Вольтера, произведшія на юношу весьма сильное впечатлѣніе. Послѣ этого Руссо по прежнему мѣнялъ профессіи, учительствовалъ, занимался музыкой, ѣздилъ въ Венецію въ качествѣ секретаря къ французскому посланнику и т. п., пока не поселился въ Парижѣ и не завелъ знакомства въ литературныхъ кругахъ, въ которыхъ онъ, однако, страшно разочаровался. Къ этому же времени относится его сближеніе съ Терезой Левассеръ, которая была простою служанкой въ гостинницѣ, гдѣ онъ поселился; приживавшихся отъ этого союза дѣтей отдавали въ воспитательный домъ. Самый выборъ въ подруги жизни—неразвитой женщины изъ простонародья,—съ которою Руссо, однако, прожилъ потомъ весь свой вѣкъ,—нѣкоторые біографы объясняютъ его презрѣніемъ къ научному образованію и къ свѣтскому обращенію. и нужно замѣтить, что въ свои отношенія къ Терезѣ онъ не вносилъ той подозрительности, желчности и раздражительности, которыя портили его отношенія къ другимъ людямъ.

Такова была жизнь Руссо, когда онъ написалъ первую свою знаменитую диссертацію. Она, какъ извѣстно, была вызвана дижонской академіей, предложившею отъ себя одну тему для сочиненія на премію. Во Франціи середины XVIII в. умственные интересы были довольно

сильны и въ провинціальныхъ городахъ, что доказывается возникновеніемъ въ эту пору научно-литературныхъ обществъ, принимавшихъ названіе академій. Дижонская была одною изъ старѣйшихъ, и въ ней былъ развитъ нѣкоторый интересъ къ философскимъ предметамъ. Въ 1742 году она, наприм., возбудила вопросъ, могутъ ли естественные законы привести общество къ совершенству безъ помощи законовъ политическихъ. Въ 1749 г. ея темой, на которую и писалъ Руссо, былъ вопросъ: „способствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ очищенію нравовъ"? Черезъ нѣсколько лѣтъ та же академія снова объявила конкурсную тему о происхожденіи неравенства между людьми, и Руссо, ободренный успѣхомъ первой диссертаціи, которая была увѣнчана преміей, писалъ и на эту тему. Оба эти вопроса какъ нельзя болѣе отвѣчали настроенію Руссо и его тайнымъ думамъ: онъ самъ разсказываетъ въ „Исповѣди" съ обычнымъ преувеличеніемъ своихъ душевныхъ волненій, какъ поразилъ его вопросъ о вліяніи наукъ и искусствъ на нравственность, когда онъ случайно прочиталъ въ газетѣ объявленіе о дижонской темѣ,—разсказываетъ именно, что на него внезапно нашло что-то въ родѣ вдохновенія, совершенно его опьянившее, что отъ волненія онъ залился слезами, самъ того не замѣчая, и что еслибы онъ могъ записать хотя бы лишь четвертую часть тѣхъ мыслей, которыя въ безпорядкѣ пронеслись въ его головѣ, то онъ съ очевидностью для всѣхъ доказалъ бы всѣ противорѣчія въ нашихъ учрежденіяхъ, портящихъ человѣка, который по природѣ своей, однако, хорошъ. Выходомъ въ свѣтъ перваго разсужденія Руссо на тему дижонской академіи открывается періодъ его литературной дѣятельности, бывшій весьма непродолжительнымъ, если считать только самыя крупныя и вліятельныя его произведенія, какъ то можно видѣть изъ слѣдующихъ датъ: первая диссертація вышла въ свѣтъ въ 1750 г., вторая—въ 1754 г.; въ 1761 г. появилась „Новая Элоиза", а въ 1762 г.—„Эмиль" и „Общественный договоръ". Между всѣми этими сочиненіями есть внутренняя связь, и всѣ они были порождены настроеніемъ, аналогичнымъ тому душевному состоянію, какое Руссо испыталъ, когда его такъ сильно поразилъ вопросъ, поставленный дижонской академіей. Въ указанные годы Руссо былъ одною изъ знаменитостей и имѣлъ мѣсто, которое его обезпечивало, но онъ не могъ сжиться съ окружавшимъ его свѣтскимъ обществомъ и даже какъ бы нарочно, чтобы ему досадить, разыгрывалъ роль чудака и циника. Его сильно тяготила такая жизнь, онъ мечталъ о томъ, чтобы поселиться въ Женевѣ, возвративъ себѣ права гражданина этой республики посредствомъ отказа отъ римской церкви и торжественнаго принятія протестантизма: среди женевскихъ богослововъ было не мало такихъ, которые склонялись къ христіанскому деизму, и съ ними Руссо очень сблизился, противополагая ихъ симпатичную

для него религіозность парижскому вольномыслію, коего онъ, напротивъ, не выносилъ. Руссо уѣхалъ даже изъ Парижа, но поселился, однако, не въ Женевѣ, а недалеко отъ Монморанси, въ сельскомъ уединеніи, Эрмитажѣ, устроенномъ ему одною изъ его почитательницъ и покровительницъ: здѣсь онъ нашелъ одиночество и природу, которую онъ любилъ съ какою-то болѣзненною впечатлительностью, совершенно, такъ сказать, „опростился", продолжая тѣмъ не менѣе свои занятія; разсорившись спустя нѣкоторое время съ владѣлицей Эрмитажа, онъ нанялъ себѣ квартиру въ томъ же Монморанси. Онъ все болѣе и болѣе расходился съ философами, хотя и поддерживалъ съ ними сношенія, пока наконецъ не разсорился съ ними открыто незадолго до выхода въ свѣтъ „Новой Элоизы", „Эмиля" и „Общественнаго договора". Въ открытомъ письмѣ къ д'Аламберу онъ даже предостерегалъ своихъ согражданъ-женевцевъ отъ грозившей имъ опасности со стороны французскаго просвѣщенія.

Изданіе „Эмиля" стоило Руссо гоненія, воздвигнутаго на него парижскимъ парламентомъ. Когда явился приказъ сжечь книгу, а автора арестовать, оставалось только бѣжать въ Швейцарію. Здѣсь, однако, равнымъ образомъ онъ не могъ найти спокойствія. Женевскій городской совѣтъ тоже велѣлъ сжечь „Эмиля", прибавивъ къ нему и „Общественный договоръ", и отдалъ приказъ арестовать автора при первомъ его появленіи на территоріи республики. Бернскій сенатъ изгналъ его изъ кантона, и Руссо нашелъ убѣжище лишь въ Невшательскомъ княжествѣ, принадлежавшемъ Фридриху II Прусскому, гдѣ и поселился въ одной деревушкѣ. Но и отсюда онъ долженъ былъ выѣхать вслѣдствіе нелѣпыхъ слуховъ, ходившихъ о немъ среди крестьянъ, и, не имѣя возможности вернуться въ Женеву, отъ гражданства которой онъ торжественно отказался, онъ уѣхалъ въ Англію на зовъ философа Давида Юма (1766). Весьма скоро и съ Юмомъ онъ поссорился и, вообразивъ, будто его заманили въ Англію, чтобы погубить, бѣжалъ во Францію и лишь послѣ долгихъ скитаній могъ снова поселиться въ Парижѣ, гдѣ прожилъ еще около восьми лѣтъ, бѣдствуя въ матеріальномъ отношеніи и уже почти совсѣмъ не занимаясь литературой. Незадолго до смерти по приглашенію одного изъ друзей онъ переѣхалъ въ его помѣстье, гдѣ и скончался скоропостижно вскорѣ послѣ смерти Вольтера: ходили слухи о томъ, что внезапная смерть Руссо была самоубійствомъ (1778). Еще въ Англіи онъ началъ писать свою „Исповѣдь", которую кончилъ незадолго до смерти.

Изъ сочиненій Руссо мы должны были бы остановиться главнымъ образомъ на его „Contrat social", оказавшемъ сильное вліяніе на политическое міросозерцаніе французовъ, но и его отношеніе къ цивилизаціи, равно какъ педагогическія и религіозныя идеи также заслуживаютъ вни-

манія; только по общему характеру нашего обзора мы не будемъ разсматривать ни значенія Руссо, какъ романиста („Новая Элоиза"), ни тѣхъ произведеній, которыя имѣютъ уже болѣе частный характеръ [1]).

Въ 1749 г. дижонская академія предложила вопросъ историческій, а Руссо сдѣлалъ изъ него вопросъ философскій: служатъ ли вообще науки и искусства очищенію нравовъ? Отвѣтъ, данный имъ въ разсужденіи на эту тему, былъ отрицательный: въ этомъ-то и заключалась его оригинальность. Появленіе въ печати разсужденія Руссо произвело сильную сенсацію въ обществѣ и вызвало немало возраженій, изъ коихъ одно принадлежало польскому королю Станиславу Лещинскому; Руссо на нѣкоторыя возраженія отвѣчалъ, по возможности смягчая и умѣряя рѣзкости своей брошюры. О содержаніи этого произведенія лучшее понятіе могутъ дать нѣкоторыя отдѣльныя мѣста. Руссо приступилъ къ своему предмету, какъ моралистъ, обличающій испорченность своихъ современниковъ: откуда же происходитъ порча? „Гдѣ, говоритъ Руссо, нѣтъ никакого слѣдствія, нѣтъ надобности и искать причину, но здѣсь слѣдствіе очевидно: это—настоящее развращеніе и наши души портились по мѣрѣ того, какъ наши науки совершенствовались. Быть можетъ, скажутъ, что это лишь несчастье нашего времени. Нѣтъ, господа: бѣдствія, причиняемыя нашимъ пустымъ любопытствомъ, столь же стары, какъ самъ міръ... Всегда можно было видѣть, какъ добродѣтель убѣгала по мѣрѣ того, какъ свѣточъ наукъ и искусствъ восходилъ надъ нашимъ горизонтомъ, и это явленіе наблюдалось во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ". Образованнымъ націямъ Руссо противополагаетъ „небольшое число народовъ, которые, будучи предохранены отъ этой заразы пустыхъ знаній, своими доблестями создали собственное счастье и послужили примѣромъ для другихъ народовъ". Таковы были персы, скиѳы, германцы временъ Тацита и сами римляне „во времена своей бѣдности и невѣжества". Руссо приводитъ далѣе разные примѣры въ доказательство того положенія, что „роскошь, распущенность и рабство были всегда наказаніемъ за наши надменныя усилія выйти изъ счастливаго невѣденія (l'heureuse ignorance), въ которое насъ поставила вѣчная мудрость... Народы, восклицаетъ Руссо, узнайте разъ навсегда, что природа хотѣла васъ предохранить отъ науки, какъ мать вырываетъ опасное оружіе изъ рукъ своего ребенка, что каждая скрываемая ею отъ васъ тайна есть какое-либо зло, отъ котораго она васъ оберегаетъ, и что тотъ трудъ, съ какимъ дается вамъ наука, долженъ считаться однимъ

---

[1]) Первая диссертація Руссо на тему дижонской академіи въ русскомъ переводѣ помѣщена въ приложеніи къ книгѣ Грэхэма (стр. 241—279) вмѣстѣ съ отвѣтомъ Руссо на возраженія польскаго короля Станислава Лещинскаго (стр. 281—313). Переводъ нельзя назвать совершенно удовлетворительнымъ.

изъ самыхъ значительныхъ ея благодѣяній". Руссо ссылается на старинное сказаніе, перешедшее изъ Египта въ Грецію, по которому изобрѣтателемъ наукъ было божество, враждебно относившееся къ спокойствію людей. „Науки и искусства обязаны происхожденіемъ нашимъ порокамъ": астрономія—суевѣрію, краснорѣчіе—честолюбію, ненависти, лести и лжи, геометрія — жадности, физика — пустому любопытству и т. д., и „такое низкое происхожденіе (le défaut de leur origine) наукъ особенно ярко отражается на ихъ предметахъ. Что стали бы мы дѣлать съ искусствами безъ роскоши, ихъ питающей? Безъ людской несправедливости къ чему служило бы правовѣдѣніе? Что сталось бы съ исторіей, если бы не было тиранновъ, войнъ, заговорщиковъ?.. Если науки пусты по предметамъ, которые себѣ ставятъ, то еще болѣе онѣ опасны по своимъ слѣдствіямъ. Рожденныя праздностью, онѣ въ свою очередь ее питаютъ, и непоправимая потеря времени есть первый ущербъ, какой онѣ наносятъ обществу... Отвѣтьте мнѣ, знаменитые философы, вы, благодаря коимъ мы знаемъ, какимъ образомъ тѣла взаимно притягиваются въ пустомъ пространствѣ, каковы въ обращеніяхъ планетъ отношенія пройденныхъ пространствъ къ временамъ,... отвѣтьте мнѣ, говорю я, вы, отъ кого мы получили столько возвышенныхъ знаній: если бы вы не научили насъ ни одной изъ этихъ вещей, развѣ насъ отъ этого стало бы меньше, развѣ бы мы хуже управлялись, были менѣе грозны, не такъ процвѣтали бы или сдѣлались бы порочнѣе?" Если уже работы наиболѣе просвѣщенныхъ ученыхъ безполезны, то произведенія „неизвѣстныхъ писакъ и праздныхъ литераторовъ" прямо вредны: безъ нихъ „нравы были бы здоровѣе и общество пользовалось бы бо́льшимъ спокойствіемъ. Но эти пустые и легкомысленные говоруны приходятъ со всѣхъ сторонъ, вооруженные своими пагубными парадоксами, подкапывая основы вѣры и уничтожая добродѣтель. Они встрѣчаютъ презрительными улыбками старыя слова—*отечество* и *вѣра* и пользуются своими талантами и своей философіей въ цѣляхъ истребленія и униженія всего, что только есть самаго священнаго между людьми". Уже здѣсь мы встрѣчаемся у Руссо съ идеализаціей естественнаго состоянія. „Нельзя, по его словамъ, размышляя о нравахъ, не вызывать въ своемъ умѣ образъ простоты первобытныхъ временъ. Глаза постоянно обращаются къ прекрасному берегу, украшенному рукою одной природы, и сожалѣешь, что отъ него удаляешься". Въ другомъ мѣстѣ Руссо ставитъ вопросъ, „откуда же происходятъ бѣдствія человѣчества, какъ не отъ пагубнаго неравенства, введеннаго между людьми отличіемъ талантовъ и униженіемъ добродѣтелей. Вотъ самое очевидное дѣйствіе нашего ученія и самое опасное изъ его слѣдствій. О человѣкѣ болѣе не спрашиваютъ,

честенъ ли онъ, но есть ли у него таланты, и не спрашиваютъ о книгѣ, полезна ли она, но хорошо ли она написана. Награды расточаются остроумію, а добродѣтель остается безъ почета... У насъ есть физики, геометры, химики, астрономы, поэты, музыканты, живописцы, но у насъ нѣтъ болѣе гражданъ, а если и есть еще граждане, разсѣянные по нашимъ покинутымъ деревнямъ, то они тамъ погибаютъ въ бѣдности, презираемые всѣми". Руссо думаетъ, что если только потомки наши „не будутъ безумнѣе насъ, они воздѣнутъ руки къ небу и съ горечью въ сердцѣ своемъ скажутъ: „всемогущій Боже, держащій въ десницѣ своей всѣ души наши! освободи насъ отъ просвѣщенія и гибельныхъ искусствъ нашихъ отцовъ и возврати намъ невѣжество (l'ignorance), невинность и бѣдность, единственныя блага, способныя создать наше счастье и имѣющія цѣну предъ лицемъ Твоимъ!" Разсужденіе Руссо оканчивается такимъ воззваніемъ къ добродѣтели: „о добродѣтель, возвышенная наука простыхъ душъ! Нужно ли столько труда и подготовки, чтобы тебя познать? Развѣ твои правила не начертаны во всѣхъ сердцахъ? Развѣ недостаточно для усвоенія твоихъ законовъ уйти въ самого себя и прислушиваться къ голосу совѣсти, когда умолкаютъ страсти? Вотъ истинная философія, съумѣемъ же довольствоваться ею! и т. д."

Нельзя было болѣе принципіально вооружиться противъ научнаго образованія. Если Руссо, какъ моралистъ, и высказалъ немало горькихъ истинъ просвѣщенному обществу своего времени, если впослѣдствіи онъ и смягчалъ свою мысль, доказывая даже, что истребленіе наукъ лишь привело бы къ еще худшему варварству, если въ своемъ отвѣтѣ польскому королю, а еще больше во второмъ своемъ разсужденіи онъ и винитъ въ общественномъ злѣ уже не самыя науки и искусства, а неравенство, установившееся въ гражданскомъ состояніи, то все-таки въ разсмотрѣнномъ произведеніи выразилось вполнѣ его отношеніе къ научному образованію, *его протестъ не противъ одной пустоты и испорченности свѣтскаго общества, но и противъ господства ума во всей духовной жизни эпохи*, его нерасположеніе къ направленію, какое было принято умственнымъ движеніемъ вѣка, его симпатія къ инстинктивной жизни населенія заброшенныхъ деревень и идеализированнаго первобытнаго состоянія. Все это мы найдемъ и во второмъ его разсужденіи—о причинахъ неравенства между людьми [1]).

Когда дижонская академія предложила свою вторую тему, Руссо тѣмъ болѣе долженъ былъ за нее ухватиться, что уже въ первомъ разсужденіи однимъ изъ наиболѣе опасныхъ слѣдствій образованія онъ поставилъ неравенство, возникающее изъ того, что талантъ предпочи-

---

[1]) Greifenhagen. J. J. Rousseau's Schrift über die Ungleichheit etc.

тается добродѣтели, а въ отвѣтѣ польскому королю уже объявилъ неравенство источникомъ всѣхъ общественныхъ золъ: отъ него произошло богатство, отъ богатства—роскошь и праздность, а отъ послѣднихъ—науки и искусства. Исходнымъ пунктомъ второго трактата Руссо служитъ положеніе о равенствѣ всѣхъ людей по естественному праву, ибо если по природнымъ свойствамъ или возрасту и существуютъ неравенства въ естественномъ состояніи, то они не влекутъ еще здѣсь за собою тѣхъ послѣдствій, каковыми являются богатство, почести и власть. Въ этомъ сочиненіи Руссо сдѣлалъ попытку изобразить первобытное состояніе людей и возникновеніе гражданскаго общества: всѣ его симпатіи на сторонѣ перваго, а второе рисуется, наоборотъ, какъ какое-то паденіе, какъ утрата человѣкомъ его первоначальнаго блаженства, соединеннаго съ жизнью лишь одною животною стороною людской природы и одними естественными ощущеніями и инстинктами: въ естественномъ состояніи всѣ добродѣтели, въ гражданскомъ—одни пороки. По мнѣнію Руссо, отъ животныхъ человѣкъ отличается не столько разумомъ, сколько свободною волею, да способностью къ совершенствованію, которую Руссо, однако, считаетъ источникомъ всѣхъ бѣдствій рода человѣческаго: безъ этой роковой способности человѣкъ вѣчно пользовался бы „спокойными и невинными днями" первобытнаго состоянія. Само сознательное существованіе (état de réflexion) казалось Руссо противоестественнымъ, и человѣкъ, который разсуждаетъ,—извращеннымъ животнымъ (un animal dépravé). Авторъ въ трактатѣ о неравенствѣ въ такихъ чертахъ и такими красками изобразилъ жизнь первобытныхъ людей, еще мало отличавшихся отъ животныхъ, и жизнь современныхъ намъ дикарей, что заставилъ Вольтера шутливо пожелать чуть не стать на четвереньки и убѣжать въ лѣсъ. „Первый, говоритъ Руссо, объясняя возникновеніе общества, — первый кто, огородивъ кусокъ земли, выдумалъ назвать его своимъ и нашелъ такихъ простаковъ, которые ему повѣрили, былъ истиннымъ основателемъ гражданскаго общества. Сколько преступленій, сколько войнъ, сколько убійствъ, сколько бѣдствій и ужасовъ отвратилъ бы отъ человѣческаго рода тотъ, кто, вырвавши шесты и засыпавши канаву, закричалъ бы себѣ подобнымъ: берегитесь слушать этого обманщика: вы погибли, разъ вы забудете, что плоды принадлежатъ всѣмъ, а земля никому... Пока, читаемъ мы нѣсколько далѣе, люди довольствовались грубыми хижинами, пока они пользовались, какъ одеждой, звѣриными шкурами, сшиваемыми при помощи рыбьихъ костей, украшали себя перьями и раковинами, расписывали свое тѣло разными красками,.. словомъ, пока они предавались работамъ, которыя могли дѣлаться однимъ человѣкомъ, и довольствовались искусствами, не требовавшими соединенія мно-

гихъ рукъ, они жили свободными, здоровыми, добрыми и счастливыми, насколько были къ этому способны отъ природы, и продолжали пользоваться прелестью независимыхъ взаимныхъ отношенiй; но лишь только одинъ человѣкъ почувствовалъ нужду въ другомъ, лишь только стали примѣчать, что хорошо одному располагать пищею для двоихъ, равенство исчезло, водворилась собственность, обширные лѣса превратились въ веселыя поля, которыя нужно было теперь орошать пóтомъ людей и на которыхъ вскорѣ увидѣли всходы рабства и нищеты, возроставшie вмѣстѣ съ посѣвами хлѣба". Въ числѣ слѣдствiй такого переворота, создавшаго неравенство богачей и бѣдняковъ, Руссо указываетъ на всеобщую войну и необезпеченность, когда, наконецъ, „богатый, вынужденный необходимостью, создалъ самый обдуманный, какой только когда-либо приходилъ въ человѣческую голову, планъ—употребить въ свою пользу силы какъ-разъ тѣхъ людей, которые на него нападали, превратить въ своихъ защитниковъ прежнихъ противниковъ, внушить имъ иныя правила и дать имъ другiя учрежденiя, которыя были бы настолько же для него благопрiятны, насколько, наоборотъ, было противъ него естественное право". И вотъ Руссо вкладываетъ богачу въ уста такого рода слова: „соединимся, чтобы защищать слабыхъ отъ притѣсненiй, обуздывать честолюбцевъ и обезпечить за каждымъ то, что ему принадлежитъ; установимъ правила правосудiя и мира, съ которыми всѣ должны были бы сообразоваться;... соединимъ свои силы въ одной высшей власти, чтобы она нами управляла на основанiи мудрыхъ законовъ, охраняла и защищала всѣхъ членовъ союза, отражала общихъ враговъ и поддерживала между нами общее согласiе". Но, думаетъ Руссо, выгодную сторону соединенiя увидѣли всѣ, а то, что можно было обратить во зло, предусмотрѣли лишь тѣ самые люди, которые могли извлекать выгоды какъ разъ изъ опасной стороны союза. „Таково было или должно было быть происхожденiе общества и законовъ, приготовившихъ новыя путы для слабаго и давшихъ богатому новыя силы, безвозвратно разрушившихъ естественную свободу, установившихъ навсегда законъ собственности и неравенства, сдѣлавшихъ неоспоримое право изъ ловкаго захвата и подчинившихъ на вѣки ради выгоды нѣсколькихъ честолюбцевъ весь родъ человѣческiй труду, рабству и нищетѣ". Мрачными красками описываетъ далѣе Руссо послѣдствiя установленiя гражданскаго общества и въ одномъ мѣстѣ такъ резюмируетъ свою общую мысль: „слѣдя за развитiемъ неравенства во всѣхъ этихъ переворотахъ, мы увидимъ, что установленiе закона и права собственности было первымъ шагомъ, учрежденiе начальства (magistrature)—вторымъ, а третьимъ и послѣднимъ — превращенiе законной власти во власть произвольную, такъ что въ пер-

вую эпоху было узаконено существованіе богатыхъ и бѣдныхъ, во вторую—различіе между сильнымъ и слабымъ, а въ третью—положенія господина и раба, т.-е. высшая ступень неравенства и предѣлъ, до котораго доходятъ всѣ другія неравенства". Общій выводъ Руссо тотъ, „что законамъ природы противорѣчитъ состояніе, при которомъ возможно, чтобы ребенокъ повелѣвалъ старцу, глупецъ управлялъ мудрымъ, и чтобы небольшая часть людей утопала въ изобиліи, когда голодная масса нуждается въ самомъ необходимомъ".

Это сочиненіе, къ которому, какъ къ произведенію публицистическому, конечно, менѣе всего можно прилагать мѣрку научнаго изслѣдованія или философскаго разсужденія, произвело весьма сильное впечатлѣніе на современниковъ. Хотя дижонская академія на сей разъ отказала Руссо въ преміи, но это не помѣшало автору издать свой трудъ, и слава его поднялась еще выше прежняго. Если въ первой диссертаціи Руссо явился, такъ сказать, культурнымъ реакціонеромъ, то во второй, не сходя съ занятой раньше позиціи, онъ выступилъ уже въ роли политическаго революціонера и даже предшественника соціалистовъ, хотя самъ онъ не распространялъ свой принципъ политическаго равенства на экономическую сферу. Своимъ разсужденіемъ о неравенствѣ Руссо, кромѣ того, создалъ своего рода противовѣсъ тому положительному методу изслѣдованія въ политическихъ наукахъ, который былъ введенъ „Духомъ законовъ" Монтескье: въ научномъ отношеніи это былъ шагъ назадъ, ибо, вмѣсто собиранія фактовъ, какъ перваго условія научной работы, Руссо, такъ сказать, рекомендовалъ чистую идеологію, и, напр., подъ его вліяніемъ, аб. Мабли (1709—1785), о которомъ еще рѣчь будетъ у насъ впереди, сначала изучавшій политику по методу Монтескье, сталъ, какъ самъ онъ выражается, „для уясненія себѣ обязанностей законодателя заглядывать въ тайники своего сердца и изучать свои чувства".

Мы не будемъ долго останавливаться на философскомъ романѣ Руссо „Эмиль или о воспитаніи". Руссо имѣлъ не только политическое, но и культурное вліяніе на современниковъ, между прочимъ еще своею „Новою Элоизой, "которою внушалъ влеченіе къ простому образу жизни, любовь къ природѣ и деревнѣ, гуманныя чувства къ народу, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы приглашалъ отказаться отъ дѣятельнаго пользованія умственными способностями, дабы предаваться мечтательному созерцанію. Но кто хочетъ именно познакомиться съ моральною проповѣдью Руссо, тотъ долженъ обратиться главнѣйшимъ образомъ къ „Эмилю". Руссо вообще стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что все прекрасно, когда только-что вышло изъ рукъ Творца, и все искажается въ рукахъ человѣка, т. е. что человѣкъ по природѣ своей хорошъ, но что жизнь его всегда портитъ: задача воспитанія въ томъ и состоитъ, чтобы ослабить эту порчу, отнюдь не въ томъ, чтобы искоренять есте-

ственныя наклонности человѣка. „Эмилемъ,“ въ теоретической своей сторонѣ опирающимся на Локка, нанесенъ былъ ударъ старой педагогикѣ и открыты въ этой области новыя перспективы. Книга Руссо, бывшая, по словамъ Гете „das Naturevangelium der Erziehung“, оказала вліяніе не только на матерей, которыя въ то время, по выраженію Мишле, были всѣ беременны Эмилемъ, но и на теоретиковъ педагогіи, изъ которыхъ особенное вниманіе обращаетъ на себя знаменитый Песталоцци. Однимъ изъ интересныхъ эпизодовъ книги является знаменитое „Исповѣданіе вѣры савойскаго викарія“, важное для характеристики религіозныхъ воззрѣній Руссо. Его религія—деизмъ, но не разсудочный деизмъ Вольтера, а деизмъ, вытекающій изъ потребностей сердца, и связь идеи Бога съ моралью у Руссо иная, чѣмъ у Вольтера, считавшаго вѣру въ Бога необходимою санкцію нравственности съ чисто общественной точки зрѣнія, такъ какъ, по его мнѣнію, трудно и даже невозможно было бы управлять государствомъ, состоящимъ изъ атеистовъ: у Руссо на первомъ планѣ сама совѣсть, этотъ „инстинктъ души“. Вольтеръ выступалъ врагомъ христіанства съ раціоналистической точки зрѣнія, для Руссо святость Евангелія была „аргументомъ, говорившимъ его сердцу“, ибо въ христіанской морали онъ находилъ „привлекательность и чистоту“, находилъ „трогательную прелесть въ поученіяхъ“ этой книги, „возвышенность въ ея принципахъ и глубокую мудрость въ ея бесѣдахъ“, т.-е. критеріемъ истины и здѣсь для Руссо было чувство. Подобными заявленіями онъ не удовлетворилъ, однако, вѣрующихъ, а со стороны невѣрующихъ встрѣтилъ вражду, такъ какъ для первыхъ онъ слишкомъ рѣзко примыкалъ къ деизму, нападая на вѣроисповѣдную исключительность и католицизма, и протестантизма, а по отношенію ко вторымъ появленіе „Исповѣданія савойскаго викарія“ въ самый разгаръ матеріалистическихъ стремленій было своего рода вызовомъ на борьбу. Нужно, однако, замѣтить, что эта религія сердца, эта индивидуальная вѣра не имѣетъ ничего общаго съ тою гражданской религіей, которую Руссо устанавляетъ въ „Общественномъ договорѣ“: вообще у него, какъ у человѣка чувства, мы встрѣчаемъ массу противорѣчій, и если онъ, напр., рекомендуетъ въ „Эмилѣ“ домашнее воспитаніе, какъ наилучшимъ образомъ ведущее къ цѣли создать естественнаго человѣка, то тамъ, гдѣ онъ разсматриваетъ не индивидуумъ, а общество, онъ, наоборотъ, стоитъ за воспитаніе гражданское. Между прочимъ, и его „Contrat social“ заключаетъ въ себѣ крупное противорѣчіе: исходя изъ той идеи, что человѣкъ рождается и долженъ оставаться свободнымъ, Руссо создаетъ тѣмъ не менѣе политическую теорію, въ которой личность совершенно приносится въ жертву обществу и поглощается государствомъ, какъ у Гоббза [1]).

[1]) См. т. II, послѣдняя глава.

„Общественный договоръ“—весьма важный для уразумѣнія духа XVIII в. политическій трактатъ: *онъ можетъ служить образцомъ того чисто раціоналистическаго и абстрактнаго отношенія къ обществу*, которое характеризуетъ философію эпохи. Съ другой стороны, онъ имѣлъ громадное вліяніе на политическое воспитаніе французскаго общества, чрезъ что идеи этого трактата сдѣлались руководящими принципами революціи, особенно во второмъ фазисѣ ея развитія.

Въ самомъ дѣлѣ основа „Общественнаго договора“ чисто раціоналистическая [1]). „Человѣкъ, по Руссо, родился свободнымъ и вездѣ онъ въ цѣпяхъ“, а общественный порядокъ „не дается природою, слѣдовательно онъ основанъ на соглашеніяхъ (conventions), потому весь вопросъ въ томъ, чтобы узнать, въ чемъ заключаются эти соглашенія“ (I, 1). Свободно-рожденный человѣкъ, изъ отвлеченнаго понятія о которомъ такимъ образомъ исходитъ Руссо, является у него вмѣстѣ съ тѣмъ существомъ преимущественно разумнымъ, т.-е. имъ не принимаются въ расчетъ ни тѣ отношенія зависимости человѣка отъ другихъ людей, среди которыхъ человѣкъ является на свѣтъ, ни то обстоятельство, что далеко не всѣ люди поступаютъ разумно, и что вообще не одинъ разумъ руководитъ человѣческими поступками: какъ разъ самые ревностные послѣдователи Руссо дѣйствовали впослѣдствіи, руководимые прежде всего страстью. Взявъ за исходный пунктъ своего разсужденія отвлеченную личность, а не реальнаго человѣка, Руссо думалъ, однако, что онъ беретъ людей таковыми, каковы они суть на самомъ дѣлѣ, и даже ставилъ это на видъ читателю въ началѣ своего трактата. И вотъ у него люди, эти вполнѣ разумныя существа, совершенно сознательно и вполнѣ добровольно вступаютъ въ союзъ на основаніи взаимнаго договора, а затѣмъ и государство является именно такимъ союзомъ, имѣющимъ своею цѣлью общее благо, которое, по Руссо, не только для всѣхъ одинаково, но и всѣми одинаково понимается. Ученіе о договорномъ происхожденіи государства существовало ранѣе Руссо: за цѣлое до него столѣтіе Гоббзъ [2]) уже отрицалъ общежительную природу человѣка, признававшуюся древними, а изъ новыхъ, напр., Гроціемъ (appetitus societatis), но за то Руссо совершенно по своему понялъ содержаніе этого договора, не говоря уже о томъ, что у него рѣчь идетъ не о такомъ договорѣ между правительствомъ и народѣ, о коемъ учили кальвинистическіе и индепендентскіе писатели XVI и XVII вв. [3]), ибо Руссо даже совершенно отрицалъ подобный договоръ. Въ силу договора у него создается верховная власть народа (souveraineté du

---

[1]) Ссылки въ текстѣ относятся къ книгамъ (римскія цифры) и главамъ (арабскія цифры) трактата.

[2]) Т. II, послѣдняя глава.

[3]) Т. II, стр. 246 и въ послѣдней главѣ.

peuple), и хотя опять-таки въ ученіи о народовластіи Руссо имѣлъ многочисленныхъ предшественниковъ въ средніе вѣка и новое время [1]), однако и тутъ онъ особеннымъ образомъ понялъ идею, превративъ прежнее чисто идеальное представленіе прямо въ какую-то реальную величину, ибо вся совокупность народа является у него какъ-бы единственной инстанціей, опредѣляющею всю будущую дѣятельность государства. Содержаніе самого общественнаго договора у Руссо выражено въ слѣдующихъ словахъ: „найти такую форму соединенія (association), которая защищала бы и охраняла всею своею общею силою личность и имущество каждаго своего члена (associé) и посредствомъ которой каждый, соединяясь со всѣми, повиновался бы, однако, лишь самому себѣ, оставаясь столь же свободнымъ какъ и раньше". Другими словами, по Руссо, человѣкъ долженъ былъ бы сохранять въ государствѣ всю свободу естественнаго состоянія, но въ той же самой главѣ (I, 6), откуда приведены эти слова, основнымъ условіемъ договора считается „совершенное отчужденіе личностью всѣхъ своихъ правъ въ пользу общества" (l'aliénation totale de chaque associé avec tous ses droits à toute la communauté) и притомъ отчужденіе безъ какихъ бы то ни было ограниченій (sans réserve), ибо,— говоритъ Руссо, — „если бы у частныхъ лицъ оставались какія-либо права, то въ виду отсутствія высшаго трибунала, который могъ бы разрѣшать споры между нимъ и обществомъ (le public), каждый, будучи нѣкоторымъ образомъ собственнымъ судьею, вообразилъ бы себя скоро и судьею всѣхъ". Руссо думаетъ, впрочемъ что, „когда каждый отдаетъ себя въ распоряженіе всѣхъ, онъ въ сущности не отдается никому" (I, 6). „Разъ,—разсуждаетъ онъ еще,—носитель верховной власти (le souverain, т.-е. народъ) состоитъ изъ образующихъ его частныхъ лицъ, у него нѣтъ и быть не можетъ интересовъ, противоположныхъ ихъ интересамъ, и слѣдовательно нѣтъ надобности, чтобы верховная власть была обставлена гарантіями со стороны подданныхъ, ибо невозможно, чтобы тѣло захотѣло вредить всѣмъ своимъ членамъ" (I, 7), какъ будто бы, можно было бы возразить Руссо, большинство не могло бы нарушать правъ меньшинства или единичныхъ лицъ. Во всякомъ случаѣ *индивидуальная свобода въ государствѣ Руссо ничѣмъ не обезпечивается.* Далѣе, прежнія ученія о народовластіи оставляли за правительствомъ самостоятельное значеніе, но у Руссо суверенитетъ народа понимается не въ смыслѣ первичной основы власти, а въ смыслѣ самаго непосредственнаго ею пользованія, причемъ державный народъ, какъ совокупность всей массы гражданъ, проявляетъ непосредственно законодательную власть. У Гоббза народъ передаетъ абсолютную власть надъ собою правительству, у Руссо, наоборотъ, эта власть сохраняется всецѣло наро-

[1]) Т. I, стр. 317 и т. II, стр. 245 и слѣд., 280 и слѣд., особенно въ отдѣлѣ объ Англіи въ XVII в.

домъ: эта верховная власть народа неотчуждаема, недѣлима, непогрѣшима, неограничима. Вотъ какъ самъ Руссо говоритъ обо всемъ этомъ. „Верховная власть, будучи лишь проявленіемъ (exercice) общей воли, никогда не можетъ быть отчуждаема, и государь (le souverain, т.-е. носитель верховной власти, а у Руссо это—весь народъ), какъ существо собирательное (être collectif), можетъ быть представляемъ только самимъ собою: власть (le pouvoir) можетъ еще передаваться, но не воля (II, 1)... По той же причинѣ, по которой верховная власть неотчуждаема, она и недѣлима, ибо воля есть общая или ея нѣтъ, т.-е. она есть воля всего народа или его части". Руссо дѣлаетъ здѣсь примѣчаніе такого рода: „для того, чтобы воля была общей, нѣтъ надобности, чтобы она всегда была единодушна, но необходимо, чтобы всѣ голоса были сосчитаны"; вообще опредѣленіе общей воли у Руссо весьма неясно, и если онъ отличаетъ ее (la volonté générale) отъ воли всѣхъ (la volonté de tous), то онъ все-таки не показываетъ, какимъ образомъ можетъ возникнуть общая воля тамъ, гдѣ существуютъ разные классы, партіи и частные интересы, образующіе неодинаковыя воли. „Общая воля,— думаетъ онъ далѣе,—всегда права и постоянно стремится къ общественной пользѣ... Народъ всегда желаетъ собственнаго блага, но не всегда его видитъ: никогда нельзя подкупить народъ, но его можно обмануть, и лишь тогда кажется, будто онъ желаетъ того, что дурно" (II, 3). „Какъ природа, наконецъ, даетъ каждому человѣку абсолютную власть надъ всѣми его членами, общественный договоръ (le pacte social) даетъ политическому тѣлу надъ всѣми его членами такую же абсолютную власть, и она-то, направляемая общею волею, носитъ названіе верховной власти" (II, 4). Однимъ словомъ, государственный абсолютизмъ, отдаваемый Гоббзомъ правительству, у Руссо переносится на весь народъ: *свободу народа онъ смѣшиваетъ съ властью народа, а равенство понимаетъ не въ смыслѣ равенства гражданскихъ правъ, а въ смыслѣ равенства во власти*, такъ что цѣлью его у Руссо дѣлается не пользованіе индивидуальною свободою и способностями, а непосредственное участіе во власти, т.-е. лишь бы всѣ были равны во власти, а тамъ пускай послѣдняя будетъ безпредѣльна, какъ бы Руссо при этомъ ни оговаривалъ, будто общая воля, руководимая разумомъ, и потребовать не можетъ, чтобы на личность были наложены безполезныя цѣпи. Между прочимъ, въ концѣ трактата есть глава (IV, 8) о гражданской религіи: находя, что христіанство, отрывая сердца людей отъ всего земного, отрываетъ ихъ и отъ государства, Руссо находитъ нужнымъ, чтобы верховная власть установила чисто гражданское исповѣданіе вѣры съ правомъ изгнанія изъ государства всякаго, кто не станетъ вѣрить въ ея заповѣди, какъ человѣка, непригоднаго къ общественной жизни, а „если кто-либо, публично признавъ догматъ этой религіи, будетъ

вести себя такъ, какъ будто онъ въ нихъ не вѣритъ, то долженъ быть наказанъ смертью, какъ человѣкъ, совершившій величайшее преступленіе, солгавъ передъ законами". Въ число догматовъ этой религіи (вѣра въ Бога, въ безсмертіе души, въ загробное воздаяніе, въ святость общественнаго договора и законовъ) Руссо включаетъ запрещеніе нетерпимости, въ силу чего тотъ, кто вѣритъ, что внѣ церкви нѣтъ спасенія, долженъ быть прямо изгоняемъ изъ государства. Врагъ нетерпимости, Руссо не замѣчаетъ, какъ онъ самъ вводитъ нетерпимость въ свою государственную религію. Такимъ образомъ *его политическая теорія, проповѣдуя самое широкое народовластіе, соединяетъ послѣднее въ сущности съ отрицаніемъ индивидуальной свободы.*

Эта теорія существеннымъ образомъ отличается отъ ученія Монтескье. Авторъ „Духа законовъ" признаетъ за народомъ право участія въ законодательствѣ, но въ формѣ представительства и подъ условіемъ раздѣленія властей [1]), тогда какъ Руссо былъ сторонникомъ непосредственнаго народовластія и неограниченности государственной власти античныхъ республикъ. Монтескье отказывался признавать чистыя демократіи древняго міра свободными республиками, но *на политическомъ мышленіи Руссо, какъ и на другихъ политическихъ писателяхъ эпохи сильно сказывалось вліяніе именно классическихъ образцовъ*, и та самая Англія, которая авторомъ „Духа законовъ" ставилась въ примѣръ свободнаго государственнаго устройства, у Руссо и у другихъ политиковъ того же направленія (напр., у Мабли) являлась, наоборотъ, примѣромъ, коего слѣдуетъ остерегаться. „Верховная власть,—говоритъ Руссо,—не можетъ быть представляема", а потому „депутаты народа не могутъ быть его представителями, ибо они суть только его приказчики (commissaires), не имѣющіе права дѣлать окончательныхъ постановленій. Всякій законъ, не утвержденный непосредственно народомъ, не имѣетъ силы; это и не законъ вовсе. Англійскій народъ воображаетъ себя свободнымъ и глубоко заблуждается: онъ свободенъ лишь во время выборовъ въ парламентъ, но едва только выборы кончаются, онъ дѣлается рабомъ, онъ ничто. Въ короткія минуты своей свободы онъ пользуется ею такъ, что вполнѣ заслуженно ее теряетъ" (III, 15). Съ точки зрѣнія непосредственнаго народовластія Руссо даже оправдываетъ въ античномъ мірѣ существованіе рабства (III, 15). Кромѣ того, признавая недѣлимость верховной власти, онъ вооружается противъ извѣстнаго намъ ученія Монтескье. Наши политики,—говоритъ онъ,—„дѣлаютъ изъ суверена существо фантастическое, какъ бы составленное изъ разныхъ кусковъ, какъ если бы они стали составлять человѣка изъ многихъ тѣлъ, изъ коихъ у одного были бы лишь глаза, у другого

[1]) См. выше, стр. 185–186.

руки, у третьяго ноги и больше ничего. Разсказываютъ, что японскіе фокусники разрубаютъ ребенка на глазахъ зрителей, бросаютъ въ воздухъ его члены одинъ за другимъ и получаютъ въ свои руки ребенка живымъ и невредимымъ. Таковы приблизительно и фокусъ-покусы нашихъ политиковъ: расчленивъ общественное тѣло чудеснымъ способомъ, достойнымъ показыванія на ярмаркахъ, они опять соединяютъ его куски неизвѣстно какимъ образомъ" (II, 2).

Все дѣло въ томъ, далѣе, что у Монтескье исполнительная власть пользуется самостоятельностью по отношенію къ власти законодательной, а у Руссо исполнительная власть, или правительство, является лишь вполнѣ зависимымъ приказчикомъ сувереннаго народа. Если, съ другой стороны, у Гоббза народъ отказывается въ пользу правительства цѣликомъ отъ своей верховной власти, то у Руссо послѣдняя, какъ было сказано, остается за народомъ. Авторъ „Общественнаго договора" считаетъ поэтому деспотіей всякую государственную форму, при которой верховная власть не принадлежитъ народу, и называетъ республикой всякое государство, гдѣ сувереномъ является народъ, хотя бы правительство было монархическое, разумѣется, если монархъ есть лишь простой исполнитель воли державнаго народа. И классификація формъ правленія у Руссо (III, 3) отличается отъ общеупотребительной тѣмъ, что въ ея основу положено не то, кому принадлежитъ верховная власть, а то, изъ кого состоитъ правительство: съ этой точки зрѣнія демократическимъ правленіемъ было бы такое, при которомъ всѣ граждане, имѣя законодательную власть, пользовались бы еще правомъ приводить въ исполненіе законы, но самъ же Руссо находитъ, что „если бы существовалъ народъ боговъ, то онъ управлялся бы демократически", но что „такое совершенное правленіе не подходитъ къ людямъ" (III, 4). Другими словами, правительствомъ не можетъ быть весь народъ. Различая въ государствѣ законодательную и исполнительную власти, какъ волю и силу, Руссо вообще называетъ „правительствомъ, или высшей администраціей законное пользованіе исполнительною властью, а правителемъ (prince) или магистратомъ лицо или учрежденіе, на которое возложена эта администрація" (III, 1). Онъ не признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ договора между народомъ и правительствомъ, ибо есть только одинъ первоначальный договоръ, и всякій другой могъ бы быть лишь его нарушеніемъ (III, 17). Дѣлая весь народъ единственнымъ носителемъ неограниченной верховной власти по отношенію къ отдѣльной личности, Руссо, наконецъ, лишаетъ и правительство не только всякой самостоятельности по отношенію къ суверенному народу, но и всякой устойчивости. Дабы правительство не могло захватить верховную власть и сдѣлаться деспотическимъ, Руссо совѣтуетъ именно, чтобы народъ время отъ времени самъ собою собирался и чтобы на его собраніяхъ непре-

мѣннѣйшимъ образомъ ставились и пускались на голоса два вопроса: желаетъ ли державный народъ сохранить данную правительственную форму и желаетъ ли онъ оставить исполнительную власть въ рукахъ лицъ, коимъ она ввѣрена? Мало того: народъ всегда можетъ нарушить и самый договоръ, на коемъ основано государство. Такимъ образомъ однѣми сторонами своей теоріи узаконяя деспотизмъ государства надъ личностью, другими сторонами Руссо вводитъ въ государственную жизнь начало анархіи,—до такой степени въ немъ уживались противорѣчія, —и его теорія поэтому была не столько теоріей государства, сколько теоріей революціи. Нужно замѣтить еще, что Руссо не отрицалъ монархію или королевскую власть, какъ государственную форму, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже предпочитая ее коллективному правительству, но его монархъ—не государь (souverain), а республиканскій сановникъ, хотя и называющійся королемъ. Подобная королевская власть съ верховенствомъ сувереннаго народа существовала въ Польшѣ, гдѣ роль такого народа играла шляхта, владѣвшая крѣпостнымъ крестьянствомъ. По просьбѣ поляковъ, Руссо написалъ объ ихъ государственномъ устройствѣ особое сочиненіе („Considérations sur le gouvernement de Pologne"), въ которомъ онъ вообще выразилъ сочувствіе польской республиканской монархіи [1]). Во Франціи эта идея равнымъ образомъ сдѣлалась популярной, и если конституція 1791 г. заимствовала у Монтескье представительную систему и—принципъ раздѣленія властей, то въ основу конституціи все-таки были положены именно идеи Руссо о народовластіи и о монархіи въ смыслѣ учрежденія, существующаго лишь для исполненія воли сувереннаго народа.

О нѣкоторыхъ воззрѣніяхъ Руссо намъ придется упомянуть и дальше.

XV. Дидро и энциклопедисты [2]).

Эпоха наибольшаго развитія французской оппозиціонной литературы.—Условія, среди коихъ она развивалась.—Правительство и писатели.—Духовенство и новая литература.—Гуманисты и просвѣтители.—Дидро и его значеніе.—Исторія «Энциклопедіи».—Ея общій характеръ.—Энциклопедисты и ихъ воззрѣнія.—Идеи Дидро.—Гельвецій, Гольбахъ и Рейналь, ихъ идеи и значеніе ихъ книгъ.—

Въ тѣхъ рамкахъ, которыхъ приходится держаться нашему изложенію исторіи „просвѣщенія" XVIII вѣка, нѣтъ возможности останавли-

---

[1]) См. въ указанныхъ выше (стр. 16 и 17) книгахъ моихъ по польской исторіи въ прошломъ вѣкѣ.

[2]) Кромѣ ранѣе указывавшихся сочиненій (между прочимъ, переведенной и по-русски „Исторіи матеріализма" Ланге), см. особенно: Дж. Морлей. Дидро и энциклопедисты (J. Morley. Diderot and the encyclopedists).—K. Rosenkranz.—Diderots Leben und Werke.—Duprat. Les encyclopédistes.—Scherer. Diderot.

ваться съ такими же подробностями на другихъ выдающихся писателяхъ XVIII в., какъ это было сдѣлано относительно Вольтера, Монтескье и Руссо. Послѣдніе два писателя имѣли рѣшительное вліяніе на выработку политическихъ воззрѣній французскаго общества въ послѣднія десятилѣтія передъ революціей 1789 г., а Руссо сверхъ того сильно содѣйствовалъ и образованію особаго настроенія ума и чувства въ этомъ обществѣ, особенно рельефно проявившагося уже въ эпоху самой революціи, тогда какъ Вольтеръ своею дѣятельностью наиболѣе способствовалъ перевороту въ общемъ міросозерцаніи эпохи. Другіе писатели того времени равнымъ образомъ или, какъ Вольтеръ, были представителями преимущественно умственной оппозиціи, направленной главнымъ образомъ противъ католической церкви, или дѣятелями политическаго и соціальнаго протеста противъ несправедливостей старыхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ. Въ исторіи „просвѣщенія" XVIII в. нужно вообще различать эти два періода—періодъ борьбы за духовную свободу, бывшій подготовительнымъ по отношенію къ другому періоду, и этотъ другой періодъ—теоретическаго разрушенія старыхъ политическихъ и соціальнымъ принциповъ и порядковъ и проповѣди новыхъ идей, на основаніи которыхъ должно было впослѣдствіи совершиться преобразованіе государства и общества. *Гранью между эпохой, когда философія XVIII вѣка имѣла характеръ преимущественно только умственнаго протеста, и тою, когда новыя начала стали прилагаться къ вопросамъ политики и соціальныхъ отношеній, можно считать 1750 г.* Въ самомъ дѣлѣ, „Духъ законовъ", положившій начало развитію французской политической литературы XVIII в., вышелъ въ свѣтъ лишь въ 1748 г.; только въ 1749 г. было написано первое разсужденіе Руссо, въ коемъ онъ сдѣлалъ нападеніе на современную цивилизацію, а его „Общественный договоръ" относится лишь къ 1762 г.; „Энциклопедія", въ которой объединились духовная оппозиція и оппозиція политическая, задумана была въ концѣ сороковыхъ годовъ, но первый ея томъ вышелъ въ свѣтъ въ 1751 г.; къ 1755 г. относится „Кодексъ природы" аб. Морелле; не ранѣе 1758 г., когда между прочимъ появилась и книга Гельвеція „De l'esprit", началось развитіе экономической литературы, направлявшей свои удары на тѣ принципы, которые лежали въ основѣ старыхъ хозяйственныхъ порядковъ. Шестидесятые и начало семидесятыхъ годовъ были вообще временемъ, когда философія XVIII в. сказала свое послѣднее слово; въ 1762 г., кромѣ „Contrat social", появился и „Эмиль" Руссо; въ 1765 г. была окончена „Энциклопедія"; черезъ пять лѣтъ послѣ этого вышла въ свѣтъ „Система природы" Гольбаха (1770,) за которою черезъ два года послѣдовала весьма вліятельная въ свое время „Философская и политическая исторія европейскихъ колоній и европейской торговли въ обѣ-

ихъ Индіяхъ“ Рэйналя (1772) и одновременно съ этимъ была закончена вполнѣ „Энциклопедія“ изданіемъ 11 томовъ гравюръ. Съ конца семидесятыхъ годовъ дѣятели этой литературы начинаютъ уже сходить со сцены: въ 1778 г. умираетъ не только Вольтеръ, достигшій восьмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, но и Руссо, бывшій моложе его почти на двадцать лѣтъ, а наиболѣе видные изъ энциклопедистовъ, какъ стали называться послѣдователи новой философіи по своему громадному литературному предпріятію, были большею частью сверстниками Руссо, родившагося въ 1712 г.: Дидро, глава энциклопедистовъ, родился въ 1713 г., его главный сотрудникъ д'Аламберъ—въ 1717 г., Гельвецій—въ 1715 г., Кондильякъ—въ 1715 г. и т. д, Въ восьмидесятыхъ годахъ передъ революціей сходитъ со сцены: Тюрго (ум. 1781), д'Аламберъ (1783), Дидро (1784), Мабли (1785), Гольбахъ (1789) и др. Къ 1789 г. старое поколѣніе теоретиковъ смѣнилось новымъ поколѣніемъ практическихъ дѣятелей, изъ коихъ лишь очень немногіе могутъ быть причислены къ крупнымъ писателямъ въ духѣ философіи XVIII в.: изъ нихъ можно здѣсь назвать Кондорсэ (род. 1743), еще очень молодымъ человѣкомъ принимавшаго участіе въ „Энциклопедіи“, а въ зрѣломъ возрастѣ игравшаго роль въ революціи, и Мирабо (род. 1749), который, еще до своего выступленія въ роли трибуна, прославилъ свое имя, между прочимъ, какъ авторъ „Опыта о деспотизмѣ“.

Хронологія выхода въ свѣтъ главнѣйшихъ произведеній французской просвѣтительной литературы показываетъ, что *наиболѣе боевымъ періодомъ въ ея исторіи были пятидесятые и шестидесятые годы, къ коимъ нужно прибавить еще самый конецъ сороковыхъ и начало семидесятыхъ*. Эта четверть вѣка, на которую приходится и фернейскій, „героическій“ періодъ жизни Вольтера и все время литературной дѣятельности Руссо, была именно второю половиною царствованія Людовика XV: въ 1774 г. онъ умеръ, а со вступленіемъ на престолъ Людовика XVI начались новыя времена, когда умственное движеніе предыдущихъ десятилѣтій стало переходить и, наконецъ, перешло въ движеніе политическое. Чтобы понять боевой характеръ французской литературы въ третьей четверти XVIII в., нужно лишь припомнить условія, въ какія она была поставлена въ эти годы. Въ то время, какъ французскіе писатели были въ большемъ почетѣ у правительствъ другихъ странъ, въ то время, какъ Фридрихъ II, а съ шестидесятыхъ годовъ и Екатерина II были съ ними въ дружбѣ, переписывались съ ними и оказывали имъ покровительство, на родинѣ они подвергались всякаго рода стѣсненіямъ, гоненіямъ и преслѣдованіямъ, что заставляло не одного Вольтера издавать свои сочиненія за-границей или тайно, безъ обозначенія имени автора, или подъ чужимъ именемъ, иногда съ невѣрными указаніями на годъ и мѣсто напечатанія книги, а при слу-

чаѣ и отрекаться отъ авторства, чтобы не нажить себѣ непріятностей; чуть ли не одинъ только Руссо въ этомъ отношеніи не подражалъ примѣру своихъ товарищей. Самимъ писателямъ грозила Бастилія или другія подобныя тюрьмы, ихъ книгамъ — конфискація, сожженіе, а издателямъ и книгопродавцамъ—разнаго рода штрафы и наказанія. Правительство накладывало руку и на самое право литературной собственности, когда книга не была ему непріятна, но авторъ ея уже не былъ въ живыхъ, и въ 1777 г. королевскій совѣтъ декретировалъ, что литературная собственность есть привилегія, воспользоваться которою можно только съ разрѣшенія короля, т.-е. правительство готово было и къ литературѣ примѣнить систему, практиковавшуюся имъ въ промышленности, когда оно хотѣло дѣлать мастеровъ въ цехахъ и изъ торговли патентами извлекать доходы. Типографіи и книжная торговля были подчинены не только строжайшему надзору, но и цеховому устройству и разнымъ стѣсненіямъ въ родѣ, напр., права содержать въ Парижѣ заведенія, имѣющія отношенія къ книжному дѣлу только въ одномъ Латинскомъ кварталѣ [1]), что породило продажу книгъ въ разносъ, а затѣмъ и сильную контрабанду, такъ какъ разносчики или сами стали тайно перепечатывать книги уже и безъ авторскаго даже разрѣшенія, или начали покупать ихъ у заграничныхъ контрафакторовъ. Впрочемъ, все это, пожалуй, только способствовало распространенію запрещенныхъ изданій по очень дешевымъ цѣнамъ, хотя авторы и терпѣли отъ этого матеріальные убытки. Въ XVIII в. французское правительство было весьма часто во враждебныхъ столкновеніяхъ съ духовенствомъ и парламентами [2]),; послѣдніе въ свою очередь, представляя собою янсенистскую оппозицію, жили въ ссорѣ съ іезуитами и духовенствомъ, но за то по отношенію къ новой литературѣ правительство, духовенство, парламенты, іезуиты и янсенисты дѣйствовали весьма единодушно, и особенно именно клиръ выступалъ враждебно по отношенію къ новымъ направленіямъ въ литературѣ. Въ то время, какъ въ другихъ странахъ принимался принципъ вѣротерпимости, и Фридрихъ II съ Екатериною II прославлялись за то, что вступились за попранныя права польскихъ диссидентовъ и наказали первымъ раздѣломъ фанатическую республику, французская монархія была представительницей католической реакціи въ духѣ тѣхъ мѣръ, которыми сопровождалась отмѣна нантскаго эдикта [3]). Вспомнимъ дѣла Рошета, Каласа и Сирвена для того, чтобы имѣть примѣры той нетерпимости, какую проявляла католическая церковь во Франціи [4]): мы видѣли, что для Воль-

[1]) Ср. т. I, стр. 242.
[2]) См. выше, стр. 46—47.
[3]) См. выше, стр. 75 и т. II, гл. XLIII.
[4]) См. выше, стр. 162—163.

тера католицизмъ и казался главною крѣпостью фанатизма и предразсудковъ, которую прежде всего слѣдовало разрушить. Но нетерпимый, фанатически преслѣдовавшій все живое и новое, католицизмъ находился во Франціи вдобавокъ въ союзѣ съ деспотическимъ правительствомъ, не смотря на ссоры, происходившія между духовенствомъ и свѣтской властью, и потому очень понятное, если въ церкви писатели XVIII в. видѣли какъ бы основу и воплощеніе всѣхъ золъ, съ коими они считали себя призванными бороться. Французскій клиръ той эпохи не могъ внушать къ себѣ ни уваженія, ни расположенія: своею нравственною испорченностью, роскошнымъ образомъ жизни, легкомысліемъ и порочностью аристократическіе прелаты и свѣтскіе аббаты, коихъ подозрѣвали даже въ невѣріи, напоминають намъ развращенное итальянское духовенство передъ реформаціей, но въ то же самое время оно отличалось еще властолюбіемъ, нетерпимостью и жестокостью, переносящими насъ въ эпоху католической реакціи. Государство, поддерживавшее всѣ притязанія этого сословія, лишь бы только они не затрогивали непосредственныхъ интересовъ власти, уже по одному тому должно было сдѣлаться предметомъ нападокъ со стороны писателей, подобно Вольтеру, дорожившихъ особенно духовной свободой. Но мысль не могла остановиться на той точкѣ, далѣе коей почти не шелъ протестъ Вольтера, какъ мы это видимъ на примѣрахъ Монтескье и Руссо, и умозрительное направленіе оппозиціонной литературы должно было перейти въ направленіе прямо общественнаго характера.

Мы уже знаемъ, что въ своей оппозиціи католицизму „просвѣщеніе" XVIII в. въ лицѣ Вольтера стало на иную точку зрѣнія, нежели всѣ тѣ, на какія становились всѣ предыдущія культурныя движенія [1]). Оппозиція католицизму въ болѣе раннія времена была или свѣтская, или религіозная, чему въ культурной сферѣ соотвѣтствовали гуманизмъ и протестантизмъ. „Просвѣщеніе" XVIII в. являлось продолженіемъ гуманизма, но продолженіемъ, осложненнымъ новыми пріобрѣтеніями человѣческаго ума и новыми вліяніями исторической жизни [2]). Гуманизмъ сталъ въ разрѣзъ съ средневѣковымъ католическимъ міросозерцаніемъ преимущественно въ области индивидуальной морали, но его мало интересовали физическій міръ и общественныя отношенія [3]), снисходительная же терпимость церкви къ неправовѣрнымъ воззрѣніямъ гуманистовъ не давала повода къ тому, чтобы послѣдніе возставали противъ нея на той почвѣ, которую историческая реакція создала для борьбы противъ церкви со стороны свободныхъ мыслителей XVIII в. „Просвѣтители" прошлаго столѣтія были такъ же, какъ и гуманисты XIV—XV вв.,

---

[1]) См. выше, стр. 167.
[2]) См. выше, стр. 142 и слѣд.
[3]) Т. I, гл. XXXII—XXXIII.

противниками аскетизма, защитниками инстинктовъ человѣческой природы, проповѣдниками необходимости слѣдовать естественнымъ влеченіямъ, не только принципіально отстаивали независимость человѣческаго разума, свободу мысли, проявившуюся уже и въ дѣятельности гуманистовъ, но выступили еще на сцену въ качествѣ людей, которые *не ограничивались въ области міросозерцанія одною моралью, въ области же практической жизни—одними вопросами индивидуальнаго бытія, но захватывали въ кругъ своихъ умозрѣній и внѣшнюю природу, и общественныя отношенія.* Въ первомъ отношеніи они опирались на успѣхи естествознанія, во второмъ отражали на себѣ ту неудовлетворенность старыми государственными и общественными порядками, которая искала только проявленія въ общественной мысли и должна была найти его, разъ на помощь къ чувству недовольства пришла критическая мысль. Въ то самое время, какъ въ умѣ замѣчательнаго натуралиста эпохи, Бюффона (1707—1788), возникла мысль въ одной книгѣ („Естественная исторія") охватить жизнь всей природы на основаніи новыхъ научныхъ выводовъ и гипотезъ, порвавшихъ всякую связь съ прежними традиціями въ этой области (около 1750 г.), и въ то время, какъ Руссо набрасывалъ на бумагу первыя мысли, сдѣлавшіяся исходнымъ пунктомъ его соціальнаго протеста, одинъ изъ писателей эпохи соединялъ въ себѣ научно-философскіе интересы Бюффона съ морально-соціальными интересами Руссо, и то, что особенно прославило имя этого человѣка, было его *предпріятіемъ, въ коемъ всѣ выдающіеся писатели эпохи должны были соединить свои усилія, чтобы провести въ общество новыя воззрѣнія на міръ, на человѣка, на общество.* Этимъ человѣкомъ былъ Дидро, а предпріятіе называлось „Энциклопедіей", которая сдѣлалась главнымъ памятникомъ XVIII в., какъ литературный протестъ противъ не только стараго міросозерцанія, но и противъ стараго порядка.

Нѣкоторые писатели (напр., Ог. Контъ [1]) оспариваютъ у Вольтера право считаться главнымъ представителемъ французской философіи XVIII в., считая величайшимъ геніемъ этого столѣтія именно Дидро. Другіе, устраняя Монтескье, сфера вліянія коего на общественную жизнь была ограничена лишь областью вопросовъ государственнаго права и законодательства, также ставятъ имя Дидро рядомъ съ именами Вольтера и Руссо: хотя онъ и уступалъ имъ по силѣ литературнаго таланта, но превосходилъ ихъ въ томъ, что у него одного изъ этого тріо была въ умѣ идея о научномъ методѣ, которой лишены были и Вольтеръ съ своимъ блестящимъ и проницательнымъ раціонализмомъ и Руссо, вдохновлявшійся страстью и чувствомъ (Морлей). Нравственными ка-

---

[1]) Cours de philosophie positive, два послѣдніе тома (V и VI) коей представляютъ собою цѣлую исторію умственнаго развитія.

чествами своими Дидро положительно стоялъ выше обоихъ корифеевъ философіи XVIII в.; въ этомъ отношеніи его даже сравниваютъ съ Сократомъ. Почти всю жизнь Дидро приходилось, подобно Руссо, бѣдствовать и перебиваться, не бросая ремесла независимаго литератора, и съ замѣчательнымъ стоицизмомъ выдерживать разныя непріятности и гоненія (заключеніе въ венсенскомъ замкѣ, преслѣдованія „Энциклопедіи"), не впадая въ озлобленіе; его добрыя душевныя качества снискивали ему друзей, его безкорыстіе, доброта, отсутствіе всякаго фанатизма и независимость мнѣній—уваженіе. Способности Дидро были блестящія, литературная дѣятельность живая, многосторонняя: между прочимъ онъ писалъ романы, а своими драматическими произведеніями думалъ даже произвести переворотъ въ этой отрасли литературы. Извѣстно, что Дидро пользовался покровительствомъ Екатерины II: узнавъ о его бѣдственномъ матеріальномъ положеніи, она купила у него его библіотеку за 16 т. ливровъ и сдѣлала его пожизненнымъ ея хранителемъ, уплативъ ему впередъ и жалованіе за нѣсколько лѣтъ, что было большимъ подспорьемъ при его денежныхъ затрудненіяхъ: вынужденный въ молодости писать за гроши по заказамъ книгопродавцевъ, онъ и во время веденія „Энциклопедіи", издававшейся компаніей книгопродавцевъ, получалъ за свой громадный трудъ, вложенный въ это дѣло, очень малое вознагражденіе. Въ 1773—74 гг. Дидро самъ пріѣзжалъ въ Петербургъ [1]), гдѣ часто видѣлся и бесѣдовалъ съ императрицей, написавъ между прочимъ для нея записку о народномъ образованіи въ Россіи. „Еслибы,—разсказывала потомъ Екатерина,—я послушалась Дидро, мнѣ пришлось бы все перевернуть въ моей имперіи вверхъ дномъ, пришлось бы совершенно преобразовать и законодательство, и администрацію, и финансы, дабы очистить мѣсто для невозможныхъ теорій". Умеръ Дидро въ Парижѣ въ 1783 г., достигнувъ семидесятилѣтняго возраста. Передъ смертью его часто навѣщалъ приходскій священникъ, думавшій его обратить, но Дидро не охотно поддерживалъ богословскіе разговоры, не уклоняясь отъ нихъ, впрочемъ, когда священникъ особенно настаивалъ. Однажды оба они пришли къ убѣжденію, что стоятъ на одной и той же почвѣ въ вопросахъ, касающихся нравственности и добрыхъ дѣлъ, чѣмъ собесѣдникъ воспользовался для того, чтобы предложить Дидро сдѣлать письменное изложеніе своихъ прекрасныхъ правилъ съ легкимъ отреченіемъ отъ своихъ прежнихъ сочиненій, такъ какъ это на всѣхъ произвело бы очень хорошее впечатлѣніе. „Я полагаю,—отвѣчалъ Дидро,—что впечатлѣніе было бы хорошее, господинъ священникъ, но согласитесь съ тѣмъ, что я поступилъ бы, какъ безстыдный лжецъ". Правдивость

---

[1]) Объ этомъ см. В. А. Бильбасовъ. Дидро въ Петербургѣ.

была однимъ изъ выдающихся качествъ Дидро, и вся его жизнь шла словно нарочно въ разрѣзъ съ его матеріалистической теоріей нравственности; это, впрочемъ, можно распространить и на тѣ случаи, когда другіе энциклопедисты, провозглашая, что эгоизмъ есть единственный источникъ человѣческаго поведенія, весьма непослѣдовательно дѣлали отсюда выводы въ смыслѣ необходимости имѣть въ виду прежде всего общее благо.

Дидро стоялъ во главѣ предпріятія, объединившаго силы почти всего литературнаго міра Франціи въ годы наиболѣе напряженной культурной борьбы. Мысль о томъ, что всѣ человѣческія знанія составляютъ изъ себя одно цѣлое, не была новою; въ средніе вѣка даже дѣлались попытки объединенія въ одномъ цѣломъ всѣхъ существовавшихъ тогда человѣческихъ познаній, попытки, повторявшіяся и въ новое время, но та идея, которая одушевляла Дидро, всецѣло принадлежала основателю индуктивной философіи Бэкону, а первообразомъ французской „Энциклопедіи“ XVIII в. была англійская „Cyclopaedia or universal dictionary of the arts and sciences“ Чемберса, вышедшая въ свѣтъ въ 1727 г. Сначала возникла мысль перевести эту книгу на французскій языкъ, но книгопродавецъ ЛеБретонъ, выхлопотавшій у правительства разрѣшеніе на изданіе перевода энциклопедіи Чемберса, не съумѣлъ справиться съ этимъ дѣломъ и обратился къ Дидро который, ухватившись за предложеніе взять на себя литературную часть предпріятія, расширилъ первоначальную идею, понявъ, какъ удобно будетъ воспользоваться формою энциклопедіи для того, чтобы собрать въ одно цѣлое всѣ идеи и знанія своего времени. На новое предпріятіе было выхлопотано новое разрѣшеніе, и для веденія изданія къ Ле-Бретону примкнуло еще три книгопродавца, а Дидро привлекъ къ сотрудничеству съ собою знаменитаго математика д'Аламбера. Этотъ ученый принадлежалъ равнымъ образомъ къ философическимъ кружкамъ Парижа и былъ человѣкомъ, думавшимъ во многомъ сходно съ Дидро и, какъ и онъ, дорожившимъ особенно положеніемъ независимаго литератора: его, напр., Екатерина II приглашала въ воспитатели къ своему сыну, обѣщая ему сто тысячъ ливровъ жалованья, но онъ отказался отъ этого мѣста, какъ отказался и отъ президентства въ берлинской академіи, предложеннаго ему Фридрихомъ II. Дидро и д'Аламберъ, стоявшіе въ первые годы рядомъ во главѣ предпріятія, придали ему характеръ общаго дѣла, совмѣстной работы всѣхъ литературныхъ направленій, отшатнувшихся отъ старой рутины на какомъ бы то ни было поприщѣ мысли и знанія. Въ „Энциклопедіи“ принимали участіе,—бóльшее или меньшее,—Вольтеръ, Монтескье, Руссо, Бюффонъ, основатель физіократіи Кенэ и самый выдающійся ея представитель Тюрго, Гольбахъ и т. д. Самымъ старымъ сотрудникомъ „Энциклопедіи“ былъ Лангле де-Френуа, родив-

шійся еще въ 1674 г., самымъ молодымъ, выступившимъ въ дополнительныхъ томахъ 1776 г. — Кондорсэ, бывшій почти на семьдесятъ лѣтъ его моложе, послѣднимъ же изъ сотрудниковъ умеръ Морелле, дожившій до 1819 г. [1]). Проспектъ, въ коемъ объявлялось объ изданіи, былъ написанъ самимъ Дидро, вступительная статья — д'Аламберомъ. Первый томъ „Энциклопедіи" появился въ 1751 г., за нимъ слѣдовалъ въ 1752 г. второй томъ, но тутъ-то и начались разныя препятствія и затрудненія. Духовенство съ самаго начала отнеслось враждебно къ предпріятію философовъ, и особенно недовольны были ученые іезуиты, коихъ даже не пригласили составлять статьи богословскаго характера. Они напали прежде всего на одного аббата (де-Прада), писавшаго для „Энциклопедіи" статьи по теологіи, и лишеннаго потомъ по ихъ проискамъ ученой степени, которой онъ добивался въ Сорбоннѣ: его диссертація была объявлена вредной, и по ея поводу парижскій архіепископъ написалъ пастырское посланіе, въ коемъ осуждались тезисы аббата и дѣлались намеки на нечестивую „Энциклопедію", вслѣдствіе чего аббату пришлось даже спасаться бѣгствомъ къ Фридриху II. (Другіе два аббата, участвовавшіе въ „Энциклопедіи", тоже подверглись гоненіямъ: Ивонъ долженъ былъ эмигрировать, Морелле былъ посаженъ въ Бастилію.) Принадлежавшій къ противоположной церковной партіи янсенистовъ, епископъ Оксерскій уже прямо сдѣлалъ нападеніе на „Энциклопедію", на Бюффона и на Монтескье, что вызвало со стороны Дидро сильную отповѣдь, въ коей онъ указывалъ на то, что поведеніе духовенства за послѣднія десятилѣтія создало гораздо болѣе невѣрующихъ, чѣмъ всѣ философскія сочиненія, вмѣстѣ взятыя. Вскорѣ затѣмъ, по настоянію духовенства, королевскимъ совѣтомъ было декретировано уничтоженіе первыхъ двухъ томовъ „Энциклопедіи", какъ содержащихъ въ себѣ ученія, противныя религіи и королевской власти, и была даже мысль о томъ, чтобы дальнѣйшее веденіе дѣла передать іезуитамъ. Третьему тому, вышедшему въ свѣтъ въ 1753 г., д'Аламберъ предпослалъ краснорѣчивую апологію своего дѣла и защиту своего товарища, но его и его сотрудниковъ продолжали преслѣдовать разными клеветами и инсинуаціями, указывая на то, будто Дидро, д'Аламберъ, Вольтеръ, Руссо и Бюффонъ составили шайку съ цѣлью ниспроверженія всѣхъ общественныхъ установленій. Когда въ седьмомъ томѣ, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1757 г., появилась статья д'Аламбера, ѣздившаго около этого времени къ Вольтеру въ Женеву, о женевскомъ духовенствѣ, которое онъ похвалилъ за его социніанскія вѣрованія (чѣмъ крайне разобидѣлъ женевскихъ пасторовъ) и за ихъ нравственную жизнь и терпимость, французское духовенство не безъ основанія

---

[1]) Сопоставленіе Морлея, который по этому случаю замѣчаетъ: „съ рожденія Лангле до смерти Морелле—сколь многому научилась западная Европа"!

приняло статью на свой счетъ, а тутъ еще въ 1758 г. появилась книга Гельвеція „О духѣ", и буря разыгралась не на шутку. Въ 1758—59 гг. съ Дидро разошелся Руссо, начавшій отзываться о „гольбаховцахъ" (Holbachiens), какъ о врагахъ человѣческаго рода и распространителяхъ самыхъ ядовитыхъ идей; его покинулъ и д'Аламберъ, котораго утомила травля „Энциклопедіи", и который совѣтовалъ Дидро также бросить дѣло; противъ „Энциклопедіи" и книги Гельвеція, считавшейся извлеченіемъ изъ этого изданія, возбуждено было судебное преслѣдованіе въ парламентѣ, и независимо отъ этого государственный совѣтъ декретировалъ (1759 г.) отмѣну выданной издателямъ привилегіи, воспрещеніе продажи вышедшихъ семи томовъ и печатанія новыхъ. Правда, „Энциклопедія" продолжала печататься, ибо правительство Людовика XV особенною твердостью не отличалось, а его отношенія къ духовенству были весьма измѣнчивы: то ссорились, то мирились, то опять ссорились. Дидро оставался непоколебимымъ въ своей увѣренности, что доведетъ дѣло до конца въ самомъ Парижѣ, хотя Вольтеръ убѣждалъ его или бросить работу, или перенести ее въ какое-либо иностранное государство, переселиться въ Лозанну или Лейденъ, уѣхать въ Берлинъ или Петербургъ, гдѣ ему предлагалось убѣжище царственными покровителями новой философіи. Дидро рѣшился выпустить сразу всѣ остальные томы и семь лѣтъ работалъ неустанно надъ веденіемъ такого сложнаго дѣла, имѣя еще непріятности съ издателемъ, такъ какъ послѣдній тайно отъ Дидро выкидывалъ изъ подписанныхъ имъ къ печати корректуръ всѣ сомнительныя мѣста, напуганный декретомъ 1759 г. Въ 1765 году были изданы послѣдніе томы, не считая одиннадцати томовъ гравюръ, которые были готовы только къ 1772 г. На заглавномъ листѣ новыхъ томовъ стояла помѣтка *Невшатель* и самые экземпляры раздавались тайно. Духовенство думало обнародовать декретъ, запрещающій изданіе, но парламентъ, бывшій въ ссорѣ съ духовенствомъ, на это не согласился, правительство же потребовало отъ владѣльцевъ „Энциклопедіи" представленія ихъ экземпляровъ въ полицію, гдѣ изъ нихъ только вырѣзали нѣкоторыя мѣста. Извѣстный разсказъ о томъ, будто „Энциклопедія" была спасена тѣмъ, что Людовикъ XV узналъ изъ нея о приготовленіи пороха, а г-жа Помпадуръ—о разныхъ сортахъ румянъ, заимствованъ изъ одной статьи Вольтера, передавшаго въ ней то, что ему разсказывалъ одинъ придворный лакей. „Энциклопедія" тотчасъ по выходѣ стала перепечатываться за границей, въ Женевѣ, въ Лозаннѣ, въ Ливорно и Луккѣ.

Въ „Энциклопедіи" Дидро нужно отличать двѣ стороны: это была не только исполинская осадная машина, не только арсеналъ, изъ котораго можно было брать оружіе для разрушительной работы, акъ очень часто характеризуютъ „Энциклопедію", это была еще—и

главнымъ притомъ образомъ—цѣлая сокровищница положительныхъ знаній, практическихъ свѣдѣній и научнаго духа на той ступени его развитія, на какой онъ стоялъ полтораста лѣтъ тому назадъ: „выдавать „Энциклопедію“, по словамъ Морлея, за евангеліе отрицанія значило бы упускать изъ виду четыре пятыхъ ея содержанія“. Несомнѣнно, однако, что метафизика и психологія энциклопедистовъ, совершенно матеріалистическія и сенсуалистическія, подрывали всѣ тѣ идеи, на коихъ созидалось старое религіозное, физическое, моральное и соціальное міросозерцаніе, а идеи терпимости, гуманности и общаго блага, бывшія весьма дорогими главному редактору, направляли мысль на тѣ общественные недуги, отъ которыхъ страдала Франція, и, слѣдовательно, заставляли относиться съ отрицаніемъ къ политическому и соціальному строю, ихъ вызывавшему. Такія слова, какъ земледѣліе, барщина (corvée), габель (соляной налогъ), поденщикъ, цехи (maîtrises), привилегія, талія (taille, главный налогъ, падавшій на населеніе) и т. п. давали поводъ сотрудникамъ говорить о бѣдственномъ положеніи французскаго народа, о нуждахъ трудящейся массы, какъ большинства націи, о необходимости болѣе равномѣрнаго распредѣленія прибылей отъ труда. *Выработаннаго политическаго ученія „Энциклопедія“ въ себѣ*, однако, *не заключала*, да и трудно было требовать отъ нея чего-либо подобнаго при крайнемъ разнообразіи направленій, въ ней представленныхъ; только общій духъ изданія былъ оппозиціонный, и какъ по отношенію къ тиранніи всякаго рода, такъ и по отношенію къ фанатизму, языкъ „Энциклопедіи“ былъ враждебенъ и рѣзокъ. Въ философскомъ смыслѣ „Энциклопедія“ представляла собою не столько догматическій атеизмъ, сколько раціоналистическій скептицизмъ, тѣмъ болѣе, что авторы статей теологическаго характера всегда имѣли въ виду цензуру, и самъ д'Аламберъ говорилъ, что лишь время научитъ различать то, что они хотѣли сказать, отъ того, что говорили. Болѣе опредѣленныхъ взглядовъ на эти вопросы, упрочившихъ за энциклопедистами извѣстную характеристику, нужно искать скорѣе въ ихъ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, но и въ статьяхъ „Энциклопедіи“ проявлялся *тотъ же оппозиціонный духъ и по отношенію къ церкви*, поскольку ея ученія и установленія противорѣчили, по мнѣнію авторовъ, общему благу. Идея общаго блага опредѣляетъ и отношеніе энциклопедистовъ, особенно самого Дидро, *къ положительной наукѣ, которая разсматривается, какъ великое орудіе для матеріальнаго и моральнаго улучшенія общества*, причемъ главными условіями правильнаго знанія д'Аламберъ въ своей вступительной статьѣ ставилъ пренебреженіе къ авторитетамъ и воздержаніе отъ преждевременнаго построенія какихъ бы то ни было системъ, другими словами, самостоятельное изслѣдованіе и подробное и всестороннее обсужденіе подлежащихъ рѣшенію вопросовъ. Самъ

Дидро былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ вкладчиковъ статей въ „Энциклопедію“: онѣ занимаютъ цѣлые четыре тома въ полномъ собраніи его сочиненій и касаются вопросовъ крупныхъ и мелкихъ, предметовъ возвышенныхъ и обыденныхъ, часто вещей самыхъ несходныхъ между собою. Между прочимъ, Дидро самъ бралъ уроки разныхъ ремеслъ, для того чтобы имѣть возможность писать о нихъ въ „Энциклопедіи“, такъ что и съ этой стороны онъ главнымъ образомъ выносилъ на своихъ плечахъ все предпріятіе [1]).

Подъ именемъ энциклопедистовъ разумѣютъ преимущественно группу людей, которые въ философскомъ отношеніи стояли особенно близко къ Дидро и были представителями скептицизма и матеріализма (или сенсуализма). Скептическая точка зрѣнія особенно характеризуетъ д'Аламбера, для котораго изреченіе Монтаня (Montaigne): „que sais-je?“ казалось единственно вѣрнымъ въ философіи: „относительно существованія Высшаго Разума, писалъ онъ, напр., Фридриху II, я думаю, что отвергающіе его заходятъ гораздо далѣе, нежели въ состояніи доказать свою мысль, и что скептицизмъ есть единственная разумная точка зрѣнія“. Представителемъ сенсуализма является главнымъ образомъ Кондильякъ (род. 1715), учившій, что единственнымъ источникомъ человѣческихъ знаній является чувственное воспріятіе (sensation), изложивъ это ученіе въ „Опытѣ о происхожденіи человѣческихъ знаній“ (1746) и „Трактатѣ о чувственномъ воспріятіи“ (1754), напечатанныхъ въ Амстердамѣ и Лондонѣ во избѣжаніе непріятностей. Чисто матеріалистическое ученіе излагалъ Ламеттри (род. 1709), военный врачъ, который въ своихъ сочиненіяхъ, появившихся еще въ сороковыхъ годахъ („Естественная исторія души“, „Человѣкъ-машина“, „Человѣкъ-растеніе“), доказывалъ, что мысль есть свойство организованной матеріи, и что цѣль жизни заключается въ удовлетвореніи чувственности. Въ сущности Ламеттри не принадлежалъ къ группѣ энциклопедистовъ: вынужденный бѣжать изъ Франціи, онъ одно время жилъ въ Лейденѣ и умеръ при дворѣ Фридриха II въ годъ выхода въ свѣтъ перваго тома энциклопедіи (1751). Двое изъ писателей родственнаго направленія, Гельвецій и Гольбахъ, особенно прославились своими книгами: „О духѣ“ и „Система природы“, о которыхъ рѣчь будетъ идти ниже, равно какъ о книгѣ Рэйналя по исторіи обѣихъ Индій, въ коей также выразилось

---

[1]) Полный заголовокъ „Энциклопедіи“, которая съ дополнительными томами дошла до 37 томовъ, былъ таковъ: Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, recueilli des meilleurs auteurs et particulierement des dictionnaires anglais de Chambers, d'Harris, de Dyche, etc. par une société de gens de lettres. Mis en ordre et publié par M. Diderot et quant à la partie mathématique par M. d'Alembert.

оппозиціонное настроеніе энциклопедистовъ. Общее у этихъ писателей — скептицизмъ по отношенію къ метафизикѣ и сенсуалистическая психологія или прямой матеріализмъ. Скептицизмъ былъ въ духѣ времени, и имъ сильно была проникнута философія деиста Вольтера, а сенсуализмъ былъ дальнѣйшимъ развитіемъ теоріи познанія Локка, матеріализмъ же выросталъ на почвѣ особаго толкованія, которому подверглась философія Ньютона: открытіемъ закона тяготѣнія тотъ великій мыслитель положилъ начало воззрѣнію на міръ, какъ на движеніе, но движеніе косной матеріи предполагаетъ нематеріальное существо, которое сообщило ей первый толчокъ, и на такой точкѣ зрѣнія стоялъ Вольтеръ, тогда какъ младшіе его современники пошли далѣе и стали разсматривать самое движеніе, какъ неотъемлемое свойство матеріи, отрицаніе же ими врожденныхъ идей приводило ихъ къ догматическому атеизму, поскольку предшествовавшіе мыслители неразрывно связывали между собою врожденную идею о Богѣ и бытіе Божіе. Не всѣ названные писатели соединяли съ своими отвлеченно-философскими или моральными воззрѣніями и взгляды политическаго или общественнаго характера: въ послѣднемъ отношеніи, кромѣ Дидро, изъ ихъ среды слѣдуетъ выдвинуть только Гельвеція, Гольбаха и Рэйналя.

Дидро выступилъ на литературное поприще незадолго до начала „Энциклопедіи“ въ качествѣ переводчика („Принципы философіи“ Шэфтсбери 1745) и автора „Философскихъ мыслей“ (1746 г.) въ скептическомъ духѣ, но съ деистическими идеями. Эта книга была переведена на нѣмецкій и итальянскій языки, но въ Парижѣ сожжена по приказанію парламента. Продолженіемъ (1747) послѣдняго труда Дидро было небольшое сочиненіе въ коемъ онъ доказывалъ, какъ значится въ заголовкѣ (De la suffisance de la religion naturelle), достаточность одной естественной религіи. За „Письмо о слѣпыхъ для зрячихъ“ (Lettre sur les aveugles à l'usage de ceux qui voient, 1749) Дидро попалъ въ Бастилію, хотя, кажется, главнымъ образомъ по той причинѣ, что задѣлъ въ этомъ сочиненіи любовницу одного министра. Названный трактатъ Дидро имѣлъ цѣлью показать, что человѣческое знаніе относительно, что мысль не можетъ быть критеріемъ бытія и что ясность какого-либо тезиса не есть доказательство его истинности, причемъ изслѣдуется, въ какой мѣрѣ отсутствіе одного изъ пяти чувствъ измѣняетъ обыкновенныя понятія людей, обладающихъ всѣми пятью чувствами, и имѣетъ ли напр., слѣпецъ такія же основанія вѣрить въ бытіе Божіе, какъ и зрячій, т.-е. идея относительности человѣческаго мышленія распространяется на самое понятіе Божества. Но полнѣе всего изложилъ Дидро свои философскія воззрѣнія въ „Pensées sur l'interprétation de la nature“ (1754): на эти „Мысли“ мы можемъ смотрѣть, какъ на раннее проявленіе тѣхъ идей, которыя были обобщены въ XIX в. Огюстомъ

Контомъ, идей о томъ, что философія должна отказаться отъ многихъ проблеммъ и строить свое знаніе исключительно на научныхъ данныхъ. Раннія философскія воззрѣнія Дидро были смѣсью скептизма съ деизмомъ, но впослѣдствіи онъ рѣшительнѣе высказывалъ матеріалистическіе взгляды („Разговоръ между д'Аламберомъ и Дидро", „Сонъ д'Аламбера" и др., 1769), хотя и продолжалъ весьма идеалистически понимать человѣческую природу, приписывая ей самоотверженныя побужденія и страсти, направленныя на благо ближняго, нравственность и добродѣтель, любовь къ благодѣянію и ненависть къ злу, эти вѣчные источники высокихъ подвиговъ доблести, ведущихъ къ единственному безсмертію—къ посмертной славѣ. Дидро никогда не оставляло извѣстнаго рода религіозное настроеніе: „люди, писалъ онъ, между прочимъ, въ „Pensées philosophiques", изгнали Божество изъ своей среды; они заключили его въ святилище; стѣны храма скрываютъ Его отъ взоровъ; внѣ Оно не существуетъ. Безумцы! разрушьте препоны, съуживающія ваши идеи; дайте просторъ Божеству (élargissez Dieu); вы должны видѣть Его повсюду, гдѣ Оно есть, или ужъ говорите, что Оно не существуетъ". Но онъ былъ противникомъ католицизма, говоря, что онъ гораздо хуже лютеранизма, какъ послѣдній хуже кальвинизма, этотъ—социніанизма, а тотъ—деизма. Политическіе взгляды Дидро, излагавшіеся имъ въ разныхъ статьяхъ для „Энциклопедіи" (autorité, pouvoir, représentants, souverain), не заключаютъ въ себѣ ничего оригинальнаго и выработаннаго: въ нихъ въ сущности повторяются идеи Монтескье и др. писателей. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ лишь его мнѣніе о представительствѣ. Въ этомъ вопросѣ онъ придерживается мнѣнія Монтескье и думаетъ, что такъ какъ собственность создаетъ гражданъ, то выборное право должно быть предоставлено лишь однимъ собственникамъ, хотя самъ же говоритъ, что каждый разрядъ гражданъ долженъ имѣть представителями людей, на дѣлѣ знакомыхъ съ его нуждами, наиболѣе же нуждающимися являются самые бѣдные. Дидро, впрочемъ, и не ставитъ вопроса о томъ, какъ примирить необходимость участія народной массы въ дѣлахъ управленія съ той характеристикой этой массы, какую онъ самъ дѣлаетъ, говоря, что толпѣ не слѣдуетъ довѣряться ни въ области знанія, ума и вкуса, ни въ области чувствъ. Кромѣ того, уже по смерти Дидро издана была его „Политика государей" (1784) съ крайне оппозиціоннымъ содержаніемъ.

Вліянію Дидро и даже его непосредственному участію приписывали появленіе трехъ книгъ, въ которыхъ наиболѣе рельефно выразились воззрѣнія энциклопедической школы. Это были: „De l'Esprit" Гельвеція, „Système de la nature" Гольбаха и „L'histoire philosophique

et politique des établissement et du commerce dans les deux Indes" аб. Рэйналя, вышедшіе въ 1758, 1770 и 1772 гг.

Гельвецій былъ богатый откупщикъ, бросившій свою профессію тридцатипяти лѣтъ отъ роду и посвятившій себя занятію философіей. Кромѣ надѣлавшей въ 1758 г. шуму книги, онъ написалъ еще другую подъ заглавіемъ „О человѣкѣ", но она была издана (въ 1774 г.) лишь послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1771 году. Его сочиненіе „О духѣ" имѣло громадный успѣхъ, выдержало въ короткій срокъ пятьдесятъ изданій, было переведено на разные европейскіе языки, произвело сенсацію среди самихъ философовъ, вызвало рѣзкое порицаніе Руссо, несочувствіе со стороны Тюрго, не вполнѣ одобрительный отзывъ Дидро, вооружило противъ себя правительство, духовенство, іезуитовъ, янсенистовъ, парламентъ, было сожжено рукою палача на одномъ кострѣ съ поэмой Вольтера объ естественной религіи, а цензоръ, давшій разрѣшеніе на пропускъ книги, былъ отставленъ, самъ же Гельвецій не могъ болѣе показываться при дворѣ и провелъ потомъ нѣсколько лѣтъ въ Англіи и въ гостяхъ у Фридриха II. Распространенію книги въ читающей публикѣ сильно содѣйствовала ея легкая и пріятная форма, смахивающая на остроумный фельетонъ, и, напр., англійскій философъ Юмъ рекомендовалъ ее прочесть Адаму Смиту, отцу политической экономіи, прямо ради пріятнаго изложенія Гельвеція. Содержаніемъ книги объясняется произведенная ею сенсація, тѣмъ болѣе, что авторъ былъ извѣстенъ за человѣка благороднаго, честнаго, гуманнаго и добраго, и Руссо даже говорилъ, что умъ Гельвеція свидѣтельствуетъ противъ его принциповъ, а его добродѣтельное сердце отвергаетъ его ученіе. Дѣло въ томъ, что это была попытка построить мораль не на основахъ теологіи и не на принципахъ философской религіи съ ея врожденными идеями, а на опытѣ, свидѣтельствующемъ о томъ, что человѣкъ стремится къ вещамъ пріятнымъ и избѣгаетъ вещей непріятныхъ, откуда, по ученію Гельвеція, основой справедливости является интересъ, мотивомъ послѣдняго—удовольствіе, что же касается до людскихъ характеровъ, то они цѣликомъ суть продукты внѣшнихъ вліяній—воспитанія, законовъ и т. п. Съ научной точки зрѣнія книга была одностороння, не говоря о массѣ парадоксовъ и рѣзкостей, коими она была наполнена: Гельвецій призналъ существованіе только однихъ эгоистическихъ влеченій, совсѣмъ не обративъ вниманія на противоположныя имъ влеченія (симпатію, альтруизмъ), а совершенно вѣрно указывая на силу воспитанія и обстановки въ образованіи индивидуальныхъ характеровъ, совсѣмъ не хотѣлъ принимать въ расчетъ тѣ врожденныя человѣку свойства, которыя тѣсно связаны съ его органическими особенностями. Впрочемъ, поверхностная психологія Гельвеція, какъ и вообще вся отвлеченная фило-

софія его книги, лишенная глубины и основательности, сама по себѣ не такъ его занимала, *какъ примѣненіе новыхъ началъ къ политикѣ.* Та идея, на которой основывался Гельвецій, впослѣдствіи была развита Бентамомъ [1]), родоначальникомъ утилитаризма, сдѣлавшимъ ее исходнымъ пунктомъ также своей юриспруденціи и законодательныхъ реформъ: это—*принципъ общей пользы, коему суждено было лечь въ основу демократической философіи, значительно отличающейся отъ вытекавшей изъ принциповъ Руссо.* Вотъ какъ выражается самъ Гельвецій: для установленія взаимной связи законовъ между собою „необходимо возвести ихъ всѣ къ одному принципу—къ принципу общей пользы, т.-е. пользы самаго большого числа людей“. По словамъ автора книги „De l'esprit“, въ этомъ принципѣ заключены „вся нравственность и все законодательство“, но, разумѣется, что съ этой точки зрѣнія онъ не могъ иначе отнестись къ тогдашнему французскому законодательству, какъ отрицательно. Съ другой стороны, теорія о томъ, что индивидуумъ есть всецѣло продуктъ общества, должна была указывать на необходимость улучшенія общественныхъ отношеній: только хорошіе законы создаютъ добродѣтельныхъ людей, и все искусство законодателя заключается въ томъ, чтобы заставить людей изъ чувства себялюбія быть справедливыми одинъ къ другому, хотя Гельвецій и не видитъ трудности, представляемой необходимостью, чтобы законодатель (хотя бы правящіе классы) подавилъ въ себѣ чувство себялюбія. Въ книгѣ Гельвеція, вслѣдствіе крайней неумѣлости его мышленія, сочетались весьма плодотворныя истины съ прискорбными заблужденіями, вызывавшими въ свое время протестъ: во всякомъ случаѣ въ ней былъ указанъ принципъ будущихъ демократическихъ реформъ, хотя послѣднія исходили не изъ того источника общей пользы, на который указывалъ Гельвецій.

Еще бóльшую сенсацію произвела вышедшая въ свѣтъ черезъ 12 лѣтъ книга „Système de la nature“, написанная Гольбахомъ, хотя публика въ большинствѣ случаевъ не знала, кто былъ авторъ книги. Пфальцскій баронъ Гольбахъ, совершенно офранцузившійся въ Парижѣ, собиралъ у себя въ назначенные дни философовъ, т.-е. у него былъ одинъ изъ тѣхъ литературныхъ салоновъ, которые тогда такъ процвѣтали въ Парижѣ и, между прочимъ, прославили имена такихъ дамъ, какъ г-жи Тансенъ, Жоффренъ, дю-Деффанъ и дѣвица де-л'Эспинасъ. Это былъ одинъ изъ наиболѣе образованныхъ людей своего времени, славился своей библіотекой, картинной галлереей, естественно-историческимъ кабинетомъ, своимъ гостепріимствомъ, радушнымъ и простымъ обращеніемъ, искренностью и добротою, любилъ веселую компанію,

---

[1]) О Бентамѣ (1748—1832) рѣчь будетъ идти у насъ въ IV т.

кормилъ на славу парижскихъ философовъ и иностранныя знаменитости, попадавшія въ Парижъ, и былъ въ особенно тѣсной дружбѣ съ Дидро. И вотъ этотъ человѣкъ издаетъ книгу, которую читаютъ на расхватъ, ужасаясь, однако, ея содержаніемъ, и противъ которой вооружаются даже Вольтеръ и Фридрихъ II и оба берутся за перо для ея опроверженія. Дѣло въ томъ, что Вольтеръ вообще воздерживался отъ нападокъ на правительство, а Фридрихъ II шелъ рука объ руку съ философіей XVIII в., пока она не дѣлала нападеній на принципъ власти, все же *значеніе книги Гольбаха заключалось въ томъ, что онъ страстно напалъ на правителей*, заговоривъ о нихъ языкомъ, какимъ до него еще не говорили, и провозгласивъ необходимость общественнаго освобожденія, ставившагося имъ вдобавокъ въ зависимость отъ замѣны деизма натурализмомъ. Съ большою догматическою самоувѣренностью Гольбахъ изложилъ въ книгѣ цѣлое матеріалистическое міросозерцаніе съ прямыми нападками на всѣ спиритуалистическія ученія. Подобно Гельвецію, онъ основываетъ нравственность на личномъ благополучіи, но это дѣлается только на словахъ, въ дѣйствительности же и онъ полагаетъ основу морали въ благополучіи большинства. По его словамъ, наприм., хорошій человѣкъ— тотъ, кто понимаетъ, что его собственный интересъ заключается въ такомъ образѣ дѣйствій, который долженъ нравиться другимъ ради ихъ собственныхъ интересовъ, ичто лишь путемъ добродѣтели достигается довѣріе другихъ, безъ коего жить нельзя, а быть добродѣтельнымъ значитъ находить наслажденіе въ пользѣ и радостяхъ, доставляемыхъ нами другимъ. Теоретическая сторона такихъ разсужденій могла быть несостоятельна, но практическіе выводы, дѣлавшіеся отсюда, совпадали съ требованіями соціальной справедливости, которыя въ свою очередь вели къ требованіямъ политическаго характера. Гольбахъ безъ фантастическихъ аллегорій какой-нибудь „Утопіи“)[1] и безъ расплывчатыхъ отвлеченностей Руссо указывалъ на всѣ бѣдствія современной ему общественной жизни, ставя ихъ въ вину преимущественно неспособнымъ, нравственно испорченнымъ, равнодушнымъ къ своимъ обязанностямъ, жаднымъ, властолюбивымъ и несправедливымъ правителямъ, образцомъ коихъ, дѣйствительно, былъ Людовикъ XV, а рѣзкость языка, какимъ говорилъ Гольбахъ, испугавшая самого короля-философа, была началомъ той революціонной фразеологіи, въ которую черезъ двадцать лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ книги Гольбаха стала облекаться политическая философія Руссо. Основныя идеи своего труда авторъ „Системы природы“ изложилъ въ 1772 г. въ небольшой книжкѣ „Здравый смыслъ или натуральныя понятія въ противоположность сверхъестественнымъ“, за которыми послѣдовали другіе подобнаго рода маленькіе трактаты.

---

[1]) Т. I, стр. 425 и слѣд.

Большого шуму надѣлала въ 1772 г. и книга аб. Рэйналя „Философская исторія обѣихъ Индій“. Аб. Рэйналь, родившійся въ 1711 г. въ большой бѣдности, какимъ-то непонятнымъ образомъ разбогатѣлъ и между прочимъ сталъ тратить свои деньги на то, чтобы путемъ премій за ученыя сочиненія содѣйствовать прогрессу знаній и улучшенію общества. Подобно другимъ философамъ, онъ ѣздилъ къ Фридриху II, но былъ принятъ имъ не очень благосклонно за нѣсколько своихъ строкъ объ этомъ монархѣ въ „Исторіи обѣихъ Индій“. Рэйналю пришлось увидѣть революцію, такъ какъ онъ умеръ только въ 1796 г. въ самой крайней бѣдности. Въ 1791 г. онъ обратился съ письмомъ въ національное собраніе [1]), въ коемъ были такія слова: „я долго имѣлъ смѣлость напоминать королямъ объ ихъ обязанностяхъ, а теперь позвольте мнѣ указать народу на его заблужденія, представителямъ же его—на угрожающія всѣмъ намъ опасности“, и въ его критикѣ тогдашнихъ обстоятельствъ было много справедливаго. „Исторія обѣихъ Индій“ по духу своему принадлежитъ къ энциклопедической школѣ: не даромъ ее, подобно „Системѣ природы“, приписывали Дидро. Какъ и другія сочиненія энциклопедистовъ, трудъ Рейналя, не смотря на свои большіе размѣры, читался публикой съ охотою, благодаря и чисто внѣшней своей занимательности, а также благодаря смѣлости мысли и рѣзкости тона, заставившимъ даже одного изъ его почитателей сдѣлать изъ книги выборку наиболѣе пикантныхъ мѣстъ и издать ее подъ заглавіемъ „L'esprit de Raynal“: такія хрестоматіи тогда были въ большомъ ходу. Въ короткое время книга выдержала двадцать изданій. Ею восхищались Франклинъ, Гиббонъ, Робертсонъ, Фридрихъ II — пока не дошелъ до тѣхъ страницъ, гдѣ авторъ обращается къ нему съ нотаціями. Теперь это сочиненіе, разсказывающее исторію открытій и европейской колонизаціи въ заморскихъ странахъ, не выдержало бы весьма снисходительной критики, но не съ ученой стороны его главнымъ образомъ цѣнили современники. Французовъ оно должно было особенно занять, вышедши въ свѣтъ вскорѣ послѣ того какъ семилѣтняя война изгнала ихъ изъ Канады и изъ Остъ-Индіи [2]), а еще болѣе общему настроенію эпохи соотвѣтствовала тенденція книги. Ко всѣмъ старымъ нападкамъ на религію Рэйналь прибавилъ новыя, изобразивъ жестокость христіанъ европейцевъ по отношенію къ истреблявшимся ими и обращавшимся въ рабство дикарямъ, бытъ коихъ, наоборотъ, расцвѣчивался всѣми красками благополучія и добродѣтели въ духѣ идилліи естественнаго состоянія Руссо: большая публика впервые узнала изъ этой книги, какъ поступали европейцы въ Америкѣ, и впервые же

---

[1]) Ср. выше, стр. 151.

[2]) См. выше, стр. 91—92.

эта книга ввела низшія расы въ семью человѣчества, связанную общими узами правъ и долга, а иллюстраціи, сдѣланныя въ началѣ каждаго тома и представляющія, напр., дикое избіеніе индѣйцевъ, подневольную работу негровъ и т. п., должны были усиливать впечатлѣніе. Эта книга попала въ руки негра Туссена-Лувертюра и произвела свое дѣйствіе [1]). Разсказы Рэйналя пересыпаны наконецъ сентенціями и разсужденіями, въ коихъ съ точки зрѣнія человѣколюбія дѣлаются нападки на католицизмъ, пуританизмъ, государственныя учрежденія и законы, производящіе или допускающіе несправедливости и притѣсненія. *Философія энциклопедистовъ вліяла на общество главнымъ образомъ, какъ философія моральнаго и политическаго протеста, искавшаго опоры въ новомъ натуралистическомъ міросозерцаніи*, но и внѣ связи съ послѣднимъ литература второй половины XVIII в. имѣла рѣзко оппозиціонный въ политическомъ отношеніи характеръ.

XVI. Политическія ученія и общественныя идеи XVIII в. [2]).

Характеръ политической философіи XVIII в. и критическое къ ней отношеніе.— Причины, породившія интересъ къ общественнымъ вопросамъ, и условія, опредѣлившія общій характеръ ихъ рѣшенія.—Отношеніе этой литературы къ французской монархіи.—Демократическая монархія маркиза д'Аржансона.—Мабли и его политическія идеи.—Взгляды писателей XVIII в. на исторію Франціи.—Классическіе идеалы.—Начало политической экономіи.—Физіократы и физіократія.— Ученіе физіократовъ сравнительно съ принципами Адама Смита.—Коммунистическія идеи и соціальныя утопіи въ XVIII в.

Отличіе французской просвѣтительной литературы XVIII в. отъ итальянской гуманистической XIV—XV вв. заключается въ альтру-

---

[1]) Негръ Туссенъ Лувертюръ былъ предводителемъ возстанія рабовъ.

[2]) По исторіи политическихъ ученій см. сочиненія, указывавшіяся раньше. Исторія политической экономіи: Бланки. Исторія политической экономіи (Blanqui. Histoire de l'économie politique).—Kautz. Theorie und Geschichte der Nationalœkonomik.—Dühring. Kritische Geschichte der Nationalœkonomik und des Socialismus.—Ингрэмъ. Исторія политической экономіи.—Einsenhart. Geschichte der Nationalœkonomik.—Только что вышли еще въ свѣтъ лекціи по „Исторіи политической экономіи" проф. А. И. Чупрова, представляющія въ краткомъ очеркѣ (231 страницъ) не только исторію экономическихъ идей, но и исторію экономическихъ формъ быта, начиная съ ср. вѣковъ (особенно въ Англіи). Физіократамъ посвящены стр. 120—125.—Сочиненія по исторіи политической экономіи спеціально послѣ Ад. Смита здѣсь не указываются. Кромѣ того, существуетъ значительная литература по исторіи политической экономіи во Франціи въ XVIII в.—Гейссманъ. О сущности физіократическаго ученія и о значеніи его въ исторіи политической экономіи.—Daire. Introduction sur les

истическомъ и соціальномъ характерѣ, какой она принимаетъ, тогда какъ гуманизмъ былъ слишкомъ эгоистиченъ и индифферентенъ по отношенію къ вопросамъ общественной жизни [1]). Эта философія XVIII в. отличается и отъ философіи XVII в. тѣмъ, что не только не ограничивается отвлеченными вопросами о Богѣ, душѣ, знаніи, морали, природѣ, но рѣшительно подчиняетъ свои рѣшенія этихъ вопросовъ соображеніямъ о благѣ человѣка, о благѣ общества, а изъ вопросовъ политическихъ, соціальныхъ, юридическихъ и экомическихъ дѣлаетъ предметъ изслѣдованія, нестолько ради объясненія того, какъ возникаютъ, чѣмъ бываютъ и какимъ цѣлямъ служатъ учрежденія и законы, сколько ради того, чтобы узнать, чѣмъ они должны быть не въ одной лишь теоріи и какъ можно внести истину и справедливость въ людскія отношенія, въ нравы и законы, въ общественныя формы и государственныя установленія. И проповѣдуются выводы этой новой общественной философіи не въ спеціально-ученыхъ трактатахъ, а въ самыхъ разнообразныхъ литературныхъ формахъ, ибо просвѣтители заботятся не объ одномъ томъ, чтобы удовлетворить свою любознательность или просто открыть истину, что тоже доставляетъ личное удовольствіе, но и о томъ, чтобы распространить образованіе въ обществѣ, сдѣлать другихъ просвѣщеннѣе, нравственнѣе, болѣе „добродѣтельными“, какъ любили выражаться въ XVIII в., болѣе счастливыми и чтобы измѣнить къ лучшему законодательство и правительство. Въ XIX в. общественныя и историческія знанія, науки политическія, юридическія и экономическія сдѣлали громадные успѣхи сравнительно съ XVIII столѣтіемъ, но именно мыслителями прошлаго вѣка были подготовлены всѣ эти успѣхи, а нѣкоторыя книги, вышедшія изъ-подъ пера философовъ

---

doctrines des physiocrates (въ Collection des principaux économistes). — Horn. L'économie politique avant les physiocrates.—Kellner. Zur Geschichte des Physiocratismus.—Lavergne. Les économistes français du XVIII siècle.—Vroil. Étude sur Clicquot-Blervache, économiste du XVIII siècle. — См. также особый § въ моей книгѣ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи“.—Сюда же нужно отвести нѣкоторыя сочиненія о Тюрго, на которыя ссылка сдѣлана ниже при исторіи его министерства. По исторіи соціальныхъ ученій, кромѣ общихъ трудовъ по исторіи политической экономіи, см. Sudre. Histoire du communisme.—Thonissen. Le socialisme depuis l'antiquité jusqu'à la constitution de 1852.—Villegardelle. Histoire des idées sociales avant la révolution française. — Le Faure. Le socialisme pendant la révolution française.—Graham. Socialism new and old.—Д. Щегловъ. Исторія соціальныхъ системъ.—Указанія на сочиненія объ отдѣльныхъ авторахъ въ своихъ мѣстахъ. Въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ въ XVIII в. начали обращаться къ исторіи. О развитіи исторической науки во Франціи G. Monod. Du progrès des études historiques en France depuis le XVI siècle (въ Revue historique, т. I), а объ историческихъ взглядахъ XVIII в. A. Thierry. Considérations sur l'histoire de France.

[1]) Т. I, гл. XXXI—XXXII.

XVIII в., даже оказали особенно сильное вліяніе на развитіе научнаго знанія въ области философіи общества, исторіи, политики, юриспруденціи и народнаго хозяйства. Съ точки зрѣнія современнаго состоянія этихъ наукъ, конечно, легко критиковать политическую литературу XVIII в., открывать въ ней серьезные недостатки, но нужно принимать въ расчетъ, въ какомъ состояніи были тогдашнія знанія, тогдашніе методы, отъ какой массы ненаучныхъ традицій и предразсудковъ приходилось очищать писателямъ прошлаго вѣка науку о человѣкѣ и обществѣ. Если съ современныхъ точекъ зрѣнія многія теоретическія основанія тогдашней соціологіи, дѣйствительно, не выдерживаютъ критики, то столь же легко обнаруживаются теперь недостатки этой соціологіи и въ ея практическихъ выводахъ послѣ того, какъ историческій опытъ показалъ людямъ XIX в., что примѣненіе тѣхъ или другихъ идей къ дѣйствительности не дало тѣхъ результатовъ, которые отъ нихъ ожидались, или что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ результаты были совсѣмъ противоположнаго свойства, нежели предполагалось, но и въ этомъ отношеніи ошибки людей, еще не имѣвшихъ историческаго опыта, были простительны. Конечно, всесторонняя историческая критика въ примѣненіи къ политическимъ и общественнымъ идеямъ прошлаго вѣка не можетъ не производить, даже должна производить ихъ оцѣнку съ точки зрѣнія ихъ научной основательности и того опыта, который заключается въ исторіи ихъ примѣненія, но остановиться на одномъ этомъ значило бы впасть въ односторонность и,—позабывъ тогдашнее состояніе теоріи общества и что лишь позднѣйшій опытъ могъ обнаружить многія ошибки, тогда сдѣланныя, —упустить изъ виду стремленія, породившія эти ученія, условія, повліявшія на ихъ характеръ, положительныя пріобрѣтенія, сдѣланныя, благодаря имъ, развитіемъ научной мысли и то обстоятельство, что многое и очень многое хорошее, вошедшее въ жизнь за послѣднія сто лѣтъ, было результатомъ примѣненія какъ разъ нѣкоторыхъ изъ этихъ идей. Конечно, въ настоящей книгѣ не можетъ быть мѣста для такой всесторонней оцѣнки, особенно съ спеціальной точки зрѣнія исторіи науки, и общую оцѣнку приходится замѣнить отдѣльными замѣчаніями по одиночнымъ поводамъ, тѣмъ не менѣе это небольшое разсужденіе было необходимо въ виду того, что въ новыхъ историческихъ трудахъ политическая философія XVIII в. критикуется чуть не исключительно или съ точки зрѣнія современныхъ теорій, или же съ точки зрѣнія историческаго опыта, одинаково обнаруживающихъ теоретическіе и практическіе недостатки этой философіи, какъ будто мы имѣемъ дѣло съ современными намъ теоріями, требующими именно такой критики по отношенію къ идеямъ и задачамъ нашего времени, а не съ воззрѣніями, коимъ болѣе ста лѣтъ, и для коихъ уже наступила исторія. Историческая оцѣнка идей должна быть основана именно на изученіи отношенія этихъ идей къ

ихъ времени, къ причинамъ ихъ возникновенія и условіямъ, среди коихъ имъ пришлось развиваться.

Все до сихъ поръ нами изложенное изъ исторіи новыхъ идей XVIII в., указываетъ на то, что *умственное настроеніе, создавшее просвѣтительную литературу, заключалось не только въ теоретическомъ интересѣ ко всему человѣческому, отличавшемъ и итальянскихъ гуманистовъ, но и въ сердечномъ участіи къ человѣчеству, заставлявшемъ желать уничтоженія всѣхъ общественныхъ порядковъ, которые мѣшаютъ людскому благополучію*, чего какъ-разъ у гуманистовъ почти не было. Съ такой-то именно точки зрѣнія они сдѣлали нападеніе на искаженную религію, на испорченное государство, на несправедливые законы. Въ настоящее время легко объяснять отрицательное отношеніе просвѣтителей къ дѣйствительности изъ одного раціоналистическаго принципа тогдашней философіи [1]), но въ этомъ мы должны видѣть лишь одну сторону дѣла, ибо настоящій источникъ нерасположенія философовъ къ исторически сложившемуся порядку вещей заключался въ чувствѣ негодованія на то, что этотъ порядокъ былъ отрицаніемъ элементарнѣйшихъ правъ личности и заставлялъ страдать народныя массы. Однимъ словомъ, интересъ, возбуждавшійся въ мыслителяхъ прошлаго вѣка явленіями общественной жизни, не былъ отвлеченный интересъ знанія, пониманія и изслѣдованія и не былъ непосредственный интересъ, заставляющій пріобрѣтать тѣ или другія свѣдѣнія о государствѣ, правѣ, народномъ хозяйствѣ, необходимыя въ практической жизни: этотъ интересъ былъ глубоко проникнутъ этическимъ началомъ, и *подобно тому, какъ всѣ попытки построить новое міросозерцаніе на отвлеченныхъ идеяхъ разума или на данныхъ естествознанія взамѣнъ началъ теологическихъ имѣли цѣлью дать новую основу для морали, такъ самая мораль разсматривалась только, какъ основа для теоріи общества и общественнаго идеала.* Философія XVIII в. знаменуетъ собою въ исторіи этическихъ ученій [2]) наступленіе новой эпохи—эпохи, когда *идея индивидуальной нравственности расширяется въ идею нравственности соціальной*, и этого нельзя не принимать въ расчетъ, дѣлая оцѣнку этой философіи. Съ другой стороны, разложеніе стараго политическаго и соціальнаго строя вызывало естественное стремленіе къ перемѣнамъ. Франція передъ 1789 г. удивительно напоминаетъ намъ Германію наканунѣ двадцатыхъ годовъ XVI в., когда государственный строй и общественныя отношенія прежняго времени были

---

[1]) Ср. выше, стр. 149 и слѣд.

[2]) По исторіи этики см., между прочимъ, Iodl. Geschichte der Ethik in der neueren Philosophie.—А. Смирновъ. Англійскіе моралисты XVII вѣка.

расшатаны и всѣми чувствовалась необходимость выйти изъ тягостнаго положенія, вслѣдствіе чего тогда возникла цѣлая публицистика, содержаніемъ которой были жалобы на настоящее, проекты реформъ и надежды на будущее [1]). И въ Германіи передъ реформаціей, и во Франціи передъ революціей католическое міросозерцаніе не удовлетворяло образованнаго общества, а церковь возбуждала къ себѣ ненависть и вслѣдствіе чисто моральныхъ мотивовъ въ обоихъ же случаяхъ, въ то самое время какъ и государство, и взаимныя отношенія общественныхъ элементовъ вызывали къ себѣ одну только непріязнь. И сочинители памфлетовъ реформаціонной эпохи въ Германіи, и авторы политической литературы во Франціи были лишь выразителями того, что болѣе или менѣе накипѣло на душѣ у каждаго, кто только имѣлъ поводы жаловаться на „порчу церкви“ или на старый порядокъ. Но политическіе писатели XVIII в. не были простые разрушители, ибо они хотѣли замѣнить дурные порядки хорошими, и уже другой вопросъ, насколько была тогдашняя общественная наука на высотѣ своей задачи—руководить людьми въ отысканіи новыхъ путей въ политической и общественной жизни и насколько общество, воспитанное старыми порядками, способно было перевоспитаться въ новомъ духѣ для того, чтобы съ успѣхомъ перестроить формы своей жизни.

Кромѣ Монтескье и Руссо, оказавшихъ своими „Духомъ законовъ“ и „Общественнымъ договоромъ“ большое вліяніе на политическую жизнь, кромѣ энциклопедистовъ, сильно содѣйствовавшихъ теоретическому разрушенію „стараго порядка“, Франція въ XVIII в. выставила еще цѣлый рядъ писателей, дѣлавшихъ предметомъ своихъ размышленій и изслѣдованій государство и общество и также оказавшихъ немалое вліяніе на исторію политической мысли и жизни. Этихъ писателей можно раздѣлить на три категоріи: 1) публицисты или политическіе писатели въ тѣсномъ смыслѣ, 2) экономисты вообще и въ частности физіократы и 3) соціальные реформаторы съ коммунистическимъ оттѣнкомъ.

Во французской политической литературѣ XVIII в. въ виду того, что она развивалась въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“, находившаго сочувствіе у многихъ философовъ, начиная съ Вольтера и кончая Тюрго, но преимущественно въ виду событій, наступившихъ въ 1789 г., особый интересъ представляетъ вопросъ о королевской власти. Мы уже знаемъ, что Монтескье, сторонникъ средневѣковой сословной монархіи и англійской конституціи, видѣлъ въ монархѣ главнымъ образомъ власть исполнительную, хотя и съ извѣстною долею участія въ законодательствѣ, отдававшемся этимъ писателемъ народ-

---

[1]) Т. I, стр. 258 и слѣд. и т. II, стр. 26.

ному представительству совмѣстно съ аристократической корпораціей въ родѣ англійской верхней палаты [1]). Руссо, стоявшій на той точкѣ зрѣнія, что верховная власть принадлежитъ непосредственно народу, признавалъ необходимость—для извѣстныхъ случаевъ—монархическаго правительства, но такъ какъ правительство вообще у него только исполнитель народной воли, то весьма естественно, что и монархъ Руссо является обладающимъ лишь одною исполнительною властью, делегированною ему народомъ [2]). Такова была и точка зрѣнія еще одного политическаго писателя XVIII в., хотя и менѣе извѣстнаго, чѣмъ Руссо, но оказавшаго, какъ и онъ, большое вліяніе на политическія воззрѣнія революціонной эпохи, именно аб. Мабли, о которомъ рѣчь будетъ идти впереди. Со всѣхъ этихъ точекъ зрѣнія, которыя отдѣльные писатели стремились подтвердить и исторически, *многія права, коими пользовалась во Франціи королевская власть, казались узурпированными у сословій или у націи*, смотря по тому, имѣлся ли при этомъ въ виду старый сословный строй или новое понятіе націи. Съ другой стороны, и тѣ *писатели, которые оставались сторонниками абсолютной монархіи, совершенно иначе понимали ея значеніе и призваніе, нежели понимали это сами представители власти*: во-первыхъ, одни, какъ Вольтеръ, приглашали ее къ союзу съ философіей [3]), что до извѣстной степени и осуществилось внѣ Франціи, а вовторыхъ, ее стремились разлучить съ привилегіями сословій и превратить въ монархію демократическую. Мы еще увидимъ, какъ въ этомъ духѣ думалъ и даже начиналъ дѣйствовать Тюрго, философъ, сдѣлавшійся министромъ; но идея демократической монархіи имѣла и теоретическаго защитника въ литературѣ.

Одинъ изъ министровъ Людовика XV, отставленный отъ своей должности въ 1748 г., маркизъ д'Аржансонъ [4]), отличавшійся большою проницательностью, выступилъ именно теоретикомъ демократической монархіи. О его проницательности свидѣтельствуетъ, напр., то, что еще въ 1733 г., т.-е. за цѣлое полустолѣтіе онъ предсказывалъ, что сѣвероамериканскія колоніи отложатся отъ Англіи и сдѣлаются независимой республикой, подобно тому какъ это случилось съ Голландіей по отношенію къ Испаніи, а въ началѣ пятидесятыхъ годовъ онъ очень ясно предвидѣлъ возможность во Франціи общей революціи. Будучи послѣдователемъ извѣстнаго аб. де Сентъ-Пьера, мечтавшаго о вѣчномъ мирѣ и о внутреннихъ преобразованіяхъ въ государствѣ, желавшаго

---

[1]) См. выше, стр. 185 и слѣд.
[2]) См. выше, стр. 211.
[3]) См. выше, стр. 167.
[4]) E. Zévort. Marquis d'Argenson et le ministère des affaires étrangères.

„такой философіи, которая не заключала бы въ себѣ ничего не нужнаго (vain) и отвлеченнаго, а улучшала бы разныя отношенія (conditions) жизни“ [1]), д'Аржансонъ еще въ тридцатыхъ годахъ XVIII в. составилъ для бывшаго тогда первымъ министромъ кардинала Флери планъ государственныхъ реформъ, въ коемъ встрѣчаются многія идеи, осуществленныя потомъ только учредительнымъ собраніемъ 1789—91 гг. Предвидя возможность дворянской оппозиціи, такъ какъ планъ велъ къ сліянію аристократіи съ народомъ путемъ уничтоженія ея привилегій, д'Аржансонъ замѣчаетъ, что дворянство можно принудить къ молчанію, разъ облагодѣтельствованный народъ будетъ на сторонѣ правительства, да, наконецъ, король могъ бы и прямо опереться на генеральные штаты. Главная идея маркиза была та, что новый порядокъ долженъ осуществить во Франціи гражданское равенство (égalité entre citoyens): онъ рекомендовалъ уничтоженіе привилегій, освобожденіе крѣпостныхъ, отмѣну феодальныхъ правъ, дабы всѣ земли сдѣлались свободными (franc aleu roturier) и т. д., ибо равенство есть un pouvoir inné, какъ выражается д'Аржансонъ, и изъ него выходитъ свобода не только для отдѣльныхъ лицъ, но и для всѣхъ общинъ, на которыя онъ хотѣлъ раздѣлить всю Францію,—свобода, которая есть мать всякихъ благъ, разъ она сочетается съ справедливостью. Д'Аржансонъ — сторонникъ наименьшаго правительственнаго вмѣшательства въ жизнь, полагая, что „pour gouverner mieux il faudrait gouverner moins“. „Вся власть въ рукахъ одного лица (toute autorité à un seul homme),—такова основная мысль д' Аржансона,—все дѣйствіе въ рукахъ многихъ, демократія въ монархіи (la démocratie dans la monarchie); всѣ власти выборныя, временныя, отнюдь не пожизненныя, еще того менѣе наслѣдственныя [2]), вотъ какъ, прибавляетъ онъ, я представляю себѣ хорошее правленіе“. Сочиненіе д'Аржансона долго ходило по рукамъ въ рукописи, пока не было издано въ 1764 г. въ Амстердамѣ, подъ заглавіемъ „Considérations sur le gouvernement ancien et présent de la France“. Та административная децентрализація Франціи, которая введена была учредительнымъ собраніемъ черезъ четверть вѣка послѣ выхода этой книги въ свѣтъ, имѣетъ удивительное сходство съ „демократіей въ монархіи“ д'Аржансона.

Къ числу видныхъ политическихъ писателей нужно отнести еще аб. Мабли, слишкомъ позабытаго историками XIX в., не смотря на то, что онъ предсказывалъ революцію и вліялъ на политическія идеи, которыя стали осуществляться въ 1789 г., какъ это сознавали сами современники переворота [3]). О немъ говорили еще,

---

[1]) Онъ умеръ въ 1743 г.

[2]) Вспомнимъ французскую продажность должностей.

[3]) Заслуга указанія на значеніе Мабли, какъ политическаго мыслителя

какъ объ историкѣ Франціи, но особенно какъ объ одномъ изъ соціальныхъ утопистовъ [1]), но прежде всего онъ былъ именно моралистъ и политическій писатель, ибо само его соціальное ученіе было логическимъ выводомъ изъ его моральной доктрины, а въ своихъ „Considérations sur l'histoire de France" онъ въ сущности только доказывалъ свой политическій тезисъ. „Особенно, говоритъ В. И. Герье, политическое ученіе Мабли должно было бы интересовать историковъ. Между Монтескье и Руссо, между двумя великими теоретиками конституціонной монархіи и абсолютной демократіи Мабли занимаетъ особое мѣсто. Какъ и Руссо, онъ—сторонникъ принципа равенства, но онъ отвергаетъ политическую теорію общественнаго договора, основывающуюся на непосредственномъ законодательствѣ народа; какъ Монтескье, онъ хочетъ основать свою политическую систему на народномъ представительствѣ и раздѣленіи властей; но совершенно такъ же, какъ и Руссо, онъ относится съ презрѣніемъ къ англійской конституціи; однимъ словомъ, въ своей теоріи Мабли болѣе всего приближается къ системѣ, осуществленной въ 1789 г.". И среди своихъ современниковъ Мабли стоялъ одиноко, находясь въ ссорѣ съ главными представителями умственнаго движенія эпохи, которыхъ не щадила его критика, съ Вольтеромъ, съ энциклопедистами, съ Руссо. Мабли началъ съ историческаго труда „Parallèle des Romains et des Français par rapport, au gouvernement" (1740), откуда впослѣдствіи вышли его „Observations sur les Romains" и „Considérations sur l'histoire de France" (1751 и 1765); къ нимъ примыкаютъ и его „Observations sur les Grecs" (1748), а кромѣ того, онъ написалъ, „Droit public de l'Europe fondé sur le traités" (1748). Главными моральными и политическими трактатами его являются: „Entretiens de Phocion" (1763) и „De la législation ou principes des lois" (1776), не считая написанной по просьбѣ поляковъ

принадлежитъ проф. В. И. Герье, который въ 1886 г. издалъ по-французски книгу „L'abbé de Mably, moraliste et politique; étude sur la doctrine morale du jacobinisme puritain et sur le développement de l'esprit républicain au XVIII siècle par M. W. Guerrier". Тому же предмету авторъ посвятилъ статьи, помѣщенныя въ „Вѣстникѣ Европы" за 1887 г. Въ доказательство того, что Мабли былъ совсѣмъ забытъ, какъ политическій писатель, можно привести то, что онъ остался неизвѣстенъ одному изъ лучшихъ историковъ Польши во второй половинѣ XVIII в. (Kalinka. Sejm czteroletni), несмотря на то, что писалъ политическіе совѣты полякамъ. См. тѣ же мои книги, которыя названы по поводу политическихъ совѣтовъ полякамъ, написанныхъ Руссо (выше, стр. 16 и 17). Кстати нужно замѣтить, что Мабли отнесся къ польскимъ порядкамъ съ большею критикой, чѣмъ Руссо, и давалъ польскимъ патріотамъ болѣе благоразумные совѣты. О немъ см. еще въ т. III Истор. Полит. уч. Б. Н. Чичерина.

[1]) Во всѣхъ изложеніяхъ соціальныхъ ученій XVIII в., а изложеніе его соціальной доктрины см. въ книгѣ о немъ Rochery.

книги „Du gouvernement et des lois de la Pologne“ и др. соч. Въ концѣ жизни онъ издалъ свои „Principes de morale“ (1784) и уже по его смерти (1785) вышли въ свѣтъ его „Les droits et les devoirs du citoyen“, въ самый годъ начала революціи. Наконецъ, онъ полемизировалъ еще съ физіократами въ своемъ сочиненіи „Doutes proposées aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques“ (1768). Однимъ словомъ, это былъ писатель весьма плодовитый. Не излагая здѣсь политической теоріи Мабли въ ея цѣломъ, мы отмѣтимъ лишь его отношеніе къ Монтескье и Руссо. Мабли былъ сторонникомъ раздѣленія властей и защищалъ этотъ принципъ отъ нападокъ на него физіократа Мерсье де ла Ривьера, но въ сущности онъ проповѣдовалъ не конституціонную монархію и республику. Уже Монтескье косвенно содѣйствовалъ развитію республиканизма, давъ республикѣ высшій „принципъ“ (добчесть) сравнительно съ монархіей (чувство чести) и назвавъ королевскую власть просто исполнительною, что заключало въ себѣ нѣкоторое ея приниженіе передъ законодательною властью народныхъ представителей, хотя самъ же онъ желалъ, чтобы король своимъ veto имѣлъ долю и въ законодательствѣ [1]), и вотъ съ легкой руки Монтескье все болѣе и болѣе стала утверждаться мысль о томъ, что королевская власть есть un pouvoir exécutif. У него, кромѣ того, высказывалось и нѣкоторое недовѣріе къ этой власти, разъ онъ рекомендовалъ смотрѣть на королевскихъ совѣтниковъ, какъ на людей, совершенно чуждыхъ законодательному учрежденію, хотя онъ опять-таки защищалъ прерогативы короны, какъ средство къ тому, чтобы государство не превратилось въ „несвободную республику“ [2]). Мабли, отстаивая принципъ равновѣсія властей и ссылаясь на англійскую конституцію въ доказательство его возможности, въ сущности, однако, понималъ это отношеніе въ смыслѣ простого подчиненія исполненія законодательству, ибо между обоими, по его мнѣнію, должно быть полное согласіе, безъ чего непремѣнно явилась бы анархія. Съ другой стороны, онъ рекомендовалъ ослабить исполнительную власть раздѣленіемъ ея между разными независимыми однѣ отъ другихъ администраціями. Мабли былъ въ сущности противникомъ англійской конституціи („Critique de gouvernement d'Angleterre“) и противополагалъ ей шведскую какъ разъ за то, что въ ней были принижены монархическая власть и королевское достоинство [3]): по его мнѣнію, это было образцовое произведеніе новаго законодательства, ибо шведскій сеймъ, гораздо болѣе мудрый, чѣмъ англійскій парламентъ, присвоилъ себѣ всю законодательную власть, а

---

[1]) См. выше, стр. 187.
[2]) См. выше, стр. 188.
[3]) См. выше, стр. 36.

исполнительную власть отдалъ королю совмѣстно съ сенатомъ, приложеніе печати котораго замѣняло подпись короля въ отсутствіе послѣдняго или если онъ заставлялъ долго ожидать подписи, пока не было введено, чтобы въ случаѣ королевскаго отказа такая подпись была замѣняема приложеніемъ штемпеля. Тѣмъ не менѣе Мабли былъ сторонникъ монархіи, въ которой видѣлъ гарантію противъ тиранніи какого-либо сословія или какой-либо партіи. Полякамъ онъ даже совѣтовалъ ввести у себя наслѣдственную королевскую власть, вмѣсто избирательной, и объявить особу монарха священною и неприкосновенною; тѣмъ не менѣе онъ и имъ доказывалъ, что королю и сенату не нужно давать ни малѣйшаго участія въ законодательной власти: „всякій законодатель долженъ, говоритъ онъ, исходить изъ того принципа, что исполнительная власть была, есть и вѣчно будетъ врагомъ власти законодательной“. Такимъ образомъ Мабли весьма категорически высказывается противъ королевскаго veto, которому Монтескье, наоборотъ, приписывалъ большое значеніе.

Что касается до законодательной власти, то она, по Мабли, должна принадлежать народу; онъ напр., полемизировалъ противъ физіократа Мерсье де ла Ривьера, который доказывалъ, что естественная склонность людей къ несправедливости и тиранніи мѣшаетъ имъ быть законодателями. Мабли, однако, желалъ, чтобы при народномъ верховенствѣ гражданинъ могъ не повиноваться несправедливымъ законамъ и имѣлъ право поэтому подвергать законы своей критикѣ. Здѣсь онъ рѣзко отличается отъ Руссо, но еще важнѣе другая разница: авторъ „Общественнаго договора“ былъ противникомъ представительной системы, которая для Мабли, наоборотъ, является единственнымъ средствомъ основать политическую свободу, ибо, говоритъ онъ, когда самъ народъ создаетъ свои законы, ему ничего не стоитъ относиться къ нимъ съ презрѣніемъ, а потому законодательная власть должна быть ввѣрена лицамъ, выбраннымъ для того, чтобы представлять народъ. Въ чистой демократіи, пишетъ онъ, „на площади создаются постановленія столь-же несправедливыя и нелѣпыя, какъ и въ диванѣ“. При такомъ государственномъ устройствѣ каждый гражданинъ можетъ предлагать свои фантазіи (rêveries), чтобы превращать ихъ въ законы, а свойства толпы таковы, что всѣ дѣла рѣшаются въ ней въ безразсудномъ порывѣ (par vertige). Здѣсь, говоритъ онъ еще, „гражданинъ, всегда склонный къ смѣшенію своеволія и свободы, боится наложить на себя слишкомъ тяжелое ярмо посредствомъ собственныхъ же законовъ, и видитъ въ сановникахъ лишь слугъ (ministres) своихъ страстей. Народъ знаетъ, что ему въ дѣйствительности принадлежитъ верховная власть (qu'il est véritablement souverain), и у него будутъ потакатели и

льстецы и, слѣдовательно, всѣ предразсудки и пороки деспота... Демократія сообщаетъ душѣ импульсы, создающіе героизмъ, но при отсутствіи правилъ и просвѣщенія эти импульсы дѣйствуютъ вмѣстѣ съ предразсудками и страстями. Не ищите у этого народа-государя (ce peuple-prince) характера, ибо у него найдете только легкомысліе и непостоянство... Всѣ установленія, всѣ законы, коими онъ будетъ стараться сохранить свою свободу, будутъ въ сущности лишь новыми ошибками, которыми онъ будетъ поправлять старыя ошибки, а потому онъ всегда рискуетъ быть обманутымъ ловкимъ тиранномъ или подпасть подъ власть сената съ введеніемъ аристократіи въ перспективѣ". Особенно эту идею онъ развиваетъ въ одномъ своемъ посмертномъ трудѣ, оставшимся мало извѣстнымъ (Du cours et de la marche des passions de la société): противъ чистой демократіи Мабли приводитъ, кромѣ соображеній психологическаго характера, и историческія свидѣтельства, заимствованныя изъ изученія класическаго міра. Нельзя не согласиться съ новѣйшимъ изслѣдователемъ политической доктрины Мабли [1]), что *его политическій идеалъ былъ чѣмъ-то среднимъ между конституціонной монархіей Монтескье и законодательствующей демократіей Руссо*; ибо онъ одинаково не довѣрялъ и честолюбивымъ стремленіямъ представителей исполнительной власти, и страстямъ невѣжественной толпы: между прочимъ, онъ совѣтовалъ, чтобы представительное собраніе законодателей было обставлено разными формальностями, которыя не позволяли бы возникновенію въ немъ опасныхъ увлеченій, а въ частности желалъ введенія положительныхъ инструкцій (mandats impératifs) представителямъ со стороны избирателей. Впрочемъ, и у Мабли, какъ и у Руссо, было немало противорѣчій: коммунистическій утопистъ, какимъ онъ былъ въ своихъ соціальныхъ воззрѣніяхъ [2]), въ качествѣ политика онъ находилъ возможнымъ ввѣрять политическія права лишь земельнымъ собственникамъ, ссылаясь на упадокъ Аѳинъ, когда онѣ стали „республикой, управляемой рабочими" (la république gouvernée par les ouvriers). Или, напр., разрѣшая гражданамъ въ извѣстныхъ случаяхъ оказывать сопротивленіе законамъ и властямъ, онъ въ то же время находилъ, что законодатель, дабы сдѣлать людей добродѣтельными и общество счастливымъ, имѣетъ право прибѣгать къ „священному насилію" (la sainte violence), исторгающему ихъ противъ ихъ воли (par la force) изъ-подъ власти ихъ пороковъ. Если *конституція 1791 г. ближе всего соотвѣтствуетъ политическому идеалу Мабли*, то въ его заявленіяхъ о правѣ гражданъ сопротивляться несправедливымъ законамъ и о правѣ государства употреблять „священное насиліе" нельзя не

[1]) Проф. В. И. Герье.

[2]) См. ниже, въ концѣ главы.

видѣть своего рода принциповъ, санкціонировавшихъ все то, что было наиболѣе анархическаго и деспотическаго въ событіяхъ французской революціи. Мабли былъ прежде всего моралистъ, и его желаніе установить въ обществѣ нравственность, такъ сказать, законодательнымъ порядкомъ необходимо вело къ деспотизму власть имѣющихъ (въ чьихъ бы рукахъ она ни была) надъ единичною личностью, свободу которой онъ однако, хотѣлъ охранить отъ произвола.

Мабли и исторически хотѣлъ оправдать свою теорію указаніемъ на то, будто такая, о какой онъ говоритъ, республиканская монархія есть исконное достояніе французскаго народа [1]). Примыкая къ „Франко-Галліи“ Готмана [2]), онъ излагалъ политическую исторію своей родины, какъ будто германцы временъ Тацита, франки, пришедшіе съ Хлодвигомъ, были „souverainement libres“, а въ смѣнѣ Меровинговъ Каролингами онъ видѣлъ прямо возстановленіе исконной верховной власти французскаго народа: даже Карлъ Великій рисуется у него въ видѣ республиканскаго монарха въ духѣ его собственной теоріи, ибо извѣстные обще-государственные съѣзды при этомъ монархѣ казались ему національными собраніями съ суверенною властью, а самъ Карлъ—королемъ, никогда не препятствовавшимъ тому, чтобы постановленія этихъ собраній дѣлались законами. Генеральные штаты онъ считаетъ лишь слабымъ подобіемъ національныхъ собраній Карла Великаго. Въ „Etude de l'histoire“ [3]),—написанномъ для одного принца, который ахенскимъ миромъ былъ призванъ на тронъ Пармы, и для старшей дочери Людовика XV,—Мабли прямо рекомендуетъ правителямъ отдать верховную власть въ руки генеральныхъ штатовъ или собраній народныхъ представителей.

Нужно вообще замѣтить, что во Франціи многіе *уже начинали прибѣгать къ исторіи для оправданія своихъ политическихъ взглядовъ*, хотя сама исторія была еще весьма плохо разработана. Въ 1734 г. вышла въ свѣтъ книга аб. Дюбо подъ заглавіемъ „Критическая исторія водворенія французской монархіи въ Галліи“ (Histoire critique de l'établissement de la monarchie française dans les Gaules), написанная противъ теоріи Буленвилье, доказывавшаго, что привилегіи дворянства и приниженное состояніе третьяго сословія во Франціи суть законные результаты завоеванія галловъ франками [4]). Въ своей книгѣ Дюбо доказываетъ, что правле-

---

[1]) См. выше, стр. 226.

[2]) См. т. II, стр. 245.

[3]) Написанъ около 1767 г., но напечатанъ былъ позднѣе (въ первые годы Людовика XVI).

[4]) См. выше, стр. 86. Сочиненіе Буленвилье называется Hist. de l'ancien gouvernement de France (1727).

ніе французскихъ королей было непосредственнымъ продолженіемъ власти римскихъ императоровъ, которые формальнымъ трактатомъ передали имъ власть. Маркизъ д'Аржансонъ, съ своей стороны, смотритъ на феодальныя права, какъ на узурпацію, доказывая вмѣстѣ съ тѣмъ вредъ аристократіи. Если бы, разсуждалъ онъ, королевская власть не раздавила феодализма, Франція сдѣлалась бы другою Польшею, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ жалѣлъ, что короли, протянувъ руку демократіи, не довели своего дѣла до конца и, укрѣпивъ собственную власть, соединились съ дворянствомъ. Они ничего не выиграли отъ введенія неограниченной власти, ибо всѣ выгоды отъ нея достались аристократіи же. Пусть правительство создастъ новый порядокъ вещей, предоставивъ веденіе всѣхъ внутреннихъ дѣлъ общинамъ съ выборными властями, по возможности само меньше вмѣшиваясь, ибо „демократія всегда была настолько же сильнымъ другомъ монархіи, насколько аристократія являлась ея врагомъ". Такимъ образомъ, прибавивъ къ этому еще воззрѣнія Монтескье, порицавшаго весь новѣйшій періодъ французской исторіи [1]), мы можемъ сказать, что *наиболѣе популярные историческіе взгляды на прошлое и современное состояніе Франціи были направлены противъ того характера, какой получила королевская власть, и противъ остатковъ соціальнаго феодализма.* Если Монтескье является еще сторонникомъ аристократіи, то другіе писатели выражаютъ главнымъ образомъ демократическія идеи.

Говоря о политическихъ воззрѣніяхъ писателей XVIII в., нельзя не указать на *вліяніе на нихъ—республиканскихъ идеаловъ античнаго міра:* никогда, если можно такъ выразиться, классицизмъ въ политикѣ не былъ такъ силенъ, какъ въ разсматриваемую эпоху и позднѣе, во время французской революціи. Увлеченіе древностью, которымъ корятъ итальянскихъ гуманистовъ, никогда не было такъ сильно, какъ въ XVIII в., по крайней мѣрѣ, въ области политическихъ стремленій. Руссо, властвовавшій надъ умами, былъ поклонникомъ Спарты, Аѳинъ и республиканскаго Рима, прославлялъ ихъ учрежденія, преклонялся передъ ихъ законодателями. Другіе писатели, напр., Мабли равнымъ образомъ пріучали общество проникаться воззрѣніями и даже настроеніемъ античныхъ республиканцевъ, насколько это настроеніе представлялось читателямъ въ сочиненіяхъ древнихъ авторовъ съ извѣстною примѣсью морализирующихъ разсужденій или риторическихъ украшеній, относившихся къ такимъ понятіямъ, какъ „отечество", „доблесть", „гражданинъ" и т. п. Жизнеописанія Плутарха дѣлались такимъ же источникомъ нравствен-

[1]) См. выше, стр. 181.

наго и политическаго назиданія, какимъ была, напр., Библія для англійскихъ пуританъ временъ первой революціи. Читались еще Тацитъ и Светоній, и по нимъ учились ненавидѣть деспотизмъ. Этотъ республиканскій классицизмъ дѣйствовалъ и на подростающее поколѣніе, особенно на будущихъ дѣятелей революціи. „Еще ребятами, писалъ одинъ изъ нихъ въ концѣ вѣка, мы вращались въ обществѣ Ликурга, Солона, обоихъ Брутовъ и удивлялись имъ, а достигши зрѣлаго возраста, мы о томъ лишь и думали, чтобы имъ подражать".—

Въ XVIII в. область общественныхъ наукъ расширилась, благодаря возникновенію новой науки—политической экономіи. Настоящимъ ея основателемъ считаютъ обыкновенно Адама Смита, автора „Богатства народовъ" (Wealth of nations), вышедшаго въ свѣтъ въ 1776 г., но уже за десять лѣтъ передъ тѣмъ (1766) Тюрго въ небольшомъ сочиненіи подъ заглавіемъ „Размышленія объ образованіи и распредѣленіи богатствъ" (Reflexions sur la formation et la distribution des richesses) сдѣлалъ первую попытку систематическаго изложенія естественныхъ законовъ, управляющихъ народнымъ хозяйствомъ, *мысль же о самихъ этихъ законахъ принадлежитъ вообще школѣ физіократовъ*, родоначальникомъ которыхъ былъ придворный врачъ Людовика XV, Кенэ (Quesnay). Вотъ почему французы весьма естественно видятъ начало политической экономіи въ школѣ физіократовъ, предшественниками же ихъ ученій называютъ Вобана и Буагильбера, писавшихъ въ концѣ царствованія Людовика XIV [1]). Дальнѣйшее развитіе политической экономіи принадлежитъ вообще главнымъ образомъ XIX вѣку, въ которомъ экономическимъ отношеніямъ и вопросамъ предстояло занять такое важное мѣсто въ исторіи государства, общества и теоретической мысли [2]), XVIII же вѣкъ былъ вѣкомъ физіократіи. Къ этой школѣ принадлежали всѣ наиболѣе выдающіеся экономическіе писатели передъ французской революціей. Основатель физіократіи, Кенэ, родившійся въ одномъ году съ Вольтеромъ (1694) и умершій въ одномъ году съ Людовикомъ XV (1774), участвовалъ въ „Энциклопедіи", гдѣ ему принадлежатъ двѣ статьи, а въ 1758 г. издалъ въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ „Tableau économique", гдѣ изложилъ основы своей теоріи, затѣмъ слѣдовали „Общія правила экономическаго правленія въ земледѣльческомъ государствѣ". Къ школѣ, какъ только-что было упомянуто, принадлежалъ Тюрго, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей XVIII вѣка, экономистъ,

---

[1]) См. т. II, гл. XLII.

[2]) Объ этомъ рѣчь будетъ въ IV томѣ.

философъ и государственный человѣкъ, жизнь коего впервые описалъ Кондорсэ (1786). Дюпонъ де-Немуръ, издатель сочиненій Кенэ, напечаталъ въ 1778 г. „Физіократію или естественное устройство наиболѣе выгоднаго для человѣческаго рода правленія“ (Physiocratie ou constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain). Далѣе слѣдуетъ назвать Мерсье де-ла-Ривьера, автора „Естественнаго и существеннаго порядка политическихъ обществъ“ (L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques). Однимъ изъ рьяныхъ приверженцевъ физіократіи сдѣлался также Мирабо, отецъ знаменитаго дѣятеля революціи, еще ранѣе Кенэ высказывавшій многія физіократическія мысли и примкнувшій къ его школѣ, авторъ періодическаго „Друга людей“ (Ami des hommes), сдѣлавшагося его собственнымъ прозвищемъ [1]). Физіократическія воззрѣнія стали обращать на себя вниманіе правительствъ. Баденскій маркграфъ Карлъ Фридрихъ даже самъ сдѣлался физіократомъ, составивъ на французскомъ языкѣ „Сокращеніе принциповъ политической экономіи“ (1772) и поручивъ нѣмецкому физіократу Шлетвейну сдѣлать опытъ примѣненія экономическихъ принциповъ школы къ тремъ селеніямъ [2]). Со вступленіемъ Тюрго въ министерство, въ коемъ этому философу-экономисту принадлежала руководящая роль, физіократіи на короткое время (менѣе двухъ лѣтъ въ 1774—1776 гг.) былъ предоставленъ случай примѣнить свои принципы на практикѣ. На экономическое законодательство французской революціи эта теорія оказала также значительное вліяніе. Съ другой стороны, ея тезисы вызывали сильную полемику, вращавшуюся особенно около вопроса о хлѣбной торговлѣ, ставшаго животрепещущимъ во Франціи XVIII в. [3]), но нерѣдко высказывалось несогласіе и съ основными принципами физіократіи.

„Физіократія“ значитъ господство природы. Это названіе возникло въ связи съ общимъ стремленіемъ къ отысканію естественныхъ началъ въ религіи, морали, правѣ и политикѣ [4]): физіократія была „естественнымъ устройствомъ правленія“, „естественнымъ порядкомъ обществъ“ (какъ значилось въ приведенныхъ заглавіяхъ физіократическихъ книгъ), „естественнымъ теченіемъ хозяйственной жизни“, которое противополагалось тогдашней экономической политикѣ. *Это*

[1]) Объ этой замѣчательной личности см. Loménie. Les Mirabeau. Въ новѣйшихъ біографіяхъ Мирабо сына (Штерна, Русса, Мезьера) удѣляется мѣсто и Мирабо-отцу, о коемъ (по Ломени) есть и русская статья въ „Этюдахъ“ В. Корша.

[2]) См. въ отдѣлѣ о просвѣщенномъ абсолютизмѣ.

[3]) См. книгу Г. Е. Аѳанасьева: „Условія хлѣбной торговли во Франціи XVIII в.“ Тамъ указана и литература предмета.

[4]) См. выше, стр. 149—150.

была реакція противъ меркантилизма, съ которымъ новая экономическая доктрина расходилась по всѣмъ пунктамъ. Меркантилизмъ выше всего ставилъ торговлю и промышленность, тогда какъ физіократы, какъ бы повторяя мысль Сюлли, *выдвигали на первый планъ земледѣліе* [1]), ибо считали землю и заключенныя въ ней силы природы единственнымъ источникомъ богатствъ (la terre est l'unique source des richesses): по ихъ теоріи, лишь одинъ трудъ на землѣ приноситъ „чистый доходъ" (le produit net), этотъ плодъ естественныхъ силъ, коего не даютъ ни обрабатывающая промышленность, ни торговля, а потому лишь одни землевладѣльцы, улучшающіе почву, и земледѣльцы, ее обрабатывающіе, составляютъ настоящій „производительный" классъ общества, тогда какъ всѣ остальные, получающіе плату за свои услуги изъ „чистаго дохода", создаваемаго сельскимъ хозяйствомъ, суть классы „непроизводительные". Еще при жизни главныхъ физіократовъ Адамъ Смитъ положилъ начало болѣе правильному воззрѣнію на эти предметы, доказавъ, что факторами производства вмѣстѣ съ землею (т.-е. естественными силами природы) являются капиталъ (т.-е. сбереженія, безъ коихъ немыслимо никакое производство) и трудъ, создавъ, далѣе, болѣе широкое понятіе народнаго хозяйства, охватывающее и земледѣліе съ скотоводствомъ, и промышленность, и торговлю, и, наконецъ, заявивъ болѣе вѣрный принципъ для причисленія тѣхъ или другихъ людей къ производительнымъ классамъ. Въ одномъ отношеніи, однако, Адамъ Смитъ стоялъ на точкѣ зрѣнія физіократовъ, именно *возставая противъ правительственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь.* Меркантилизмъ былъ системою правительственной регламентаціи промышленности и торговли: ни производство, ни отмѣнъ продуктовъ не были предоставлены свободной инициативѣ, тогда какъ и физіократы, и Адамъ Смитъ стояли за экономическую свободу. Это было какъ бы примѣненіе къ промышленности того принципа, который былъ высказанъ д'Аржансономъ: хорошо управлять значитъ управлять какъ можно меньше. Одинъ изъ французскихъ экономистовъ, не принадлежавшихъ къ физіократіи, Гурнэ, выразилъ стремленіе къ экономической свободѣ въ знаменитомъ изреченіи „laissez passer, laissez faire", т.-е. дайте свободу производству, дайте свободу торговлѣ. Физіократы, какъ и Адамъ Смитъ, требовали, чтобы хозяйственная жизнь была предоставлена своему естественному теченію, чтобы частная инициатива ничѣмъ не стѣснялась, полагая, что личный интересъ—лучшій указатель для каждаго, что и какъ ему дѣлать, и вѣря въ то, что свобода конкурренціи служитъ общественному интересу: только позднѣйшій опытъ [2]) показалъ, что въ такихъ

---

[1]) См. т. II, стр. 407.
[2]) Объ этомъ въ IV т.

расчетахъ сдѣланы были ошибки, хотя въ отрицательной части своего ученія, нападавшаго на тогдашніе порядки, экономисты XVIII в. были правы. Роль правительства въ экономической жизни физіократы понимали не въ томъ смыслѣ, чтобы оно должно было законодательствовать, а въ томъ, чтобы признавать и провозглашать „естественные законы". Въ этомъ отношеніи весьма любопытенъ разговоръ Екатерины II съ Мерсье де-ла-Ривьеромъ, котораго она приглашала въ Петербургъ для совѣта съ нимъ о законодательствѣ. „Какихъ правилъ, спросила императрица, слѣдуетъ держаться, чтобы дать наиболѣе подходящіе законы для народа?—Давать или создавать законы—такая задача, государыня, которой Богъ никому не предоставлялъ,—отвѣчалъ Мерсье де-ля-Ривьеръ, чѣмъ вызвалъ новый вопросъ Екатерины: къ чему же онъ сводитъ науку правленія? Свою основную мысль физіократъ выразилъ тогда въ слѣдующихъ словахъ: наука правленія сводится „къ признанію и проявленію законовъ, начертанныхъ Богомъ въ организаціи людей, желать же идти дальше было бы большимъ несчастьемъ и черезъ-чуръ смѣлымъ предпріятіемъ".

Естественный порядокъ казался физіократамъ и единственно разумнымъ, такъ какъ онъ былъ наиболѣе выгоднымъ для людей. Принципы школы находились въ противорѣчіи не только съ теоріей и практикой меркантилизма, но и съ массой другихъ сторонъ стараго порядка: физіократы были противниками привилегій, феодальныхъ правъ, стѣснявшихъ сельское хозяйство, цеховыхъ монополій, старой финансовой системы (рекомендуя замѣнить всѣ налоги однимъ поземельнымъ, который падалъ бы на „чистый доходъ" націи) и пр. и пр., такъ что *физіократы являлись принципіальными противниками того экономическаго порядка, который господствовалъ тогда во Франціи.* Между прочимъ, ихъ ученіе играетъ важную роль въ постановкѣ крестьянскаго вопроса, о чемъ будетъ еще говориться ниже. Что касается до политическихъ воззрѣній физіократовъ, то у нихъ мы встрѣчаемся съ сочувствіемъ къ просвѣщенному абсолютизму и, напр., многія свои идеи Мабли высказалъ въ полемикѣ съ Мерсье де-ла-Ривьеромъ, стоявшимъ за despotisme légal, какъ онъ выражался [1]).

Въ XVIII в. явилось и нѣсколько писателей, въ которыхъ можно видѣть предшественниковъ коммунизма и соціализма XIX в., но ихъ идеи не получали практическаго примѣненія, кромѣ попытки, извѣстной подъ именемъ заговора Бабёфа [2]). Нѣкоторые причисляютъ къ этой категоріи писателей Руссо, но это невѣрно, и уже не разъ за-

---

[1]) Ср. выше, стр. 233—234, а также въ гл. XIX.
[2]) См. ниже, въ отдѣлѣ о французской революціи.

мѣчали, что Руссо вѣрнѣе обозначилъ бы суть своего ученія, еслибы назвалъ свой „Договоръ“ не общественнымъ (Contrat social), а государственнымъ (Contrat politique). Хотя въ его сочиненіяхъ и есть мѣста, толкуемыя въ коммунистическомъ смыслѣ [1]), но не нужно забывать, какую роль у Руссо играетъ фраза, и что въ „Contrat social“ онъ признаетъ частную собственность, хотя и отличаясь отъ физіократовъ по вопросу о ея происхожденіи: послѣдніе именно стояли на точкѣ зрѣнія Локка, относившаго ее къ естественному праву, Руссо— на точкѣ зрѣнія Гоббса, видѣвшаго въ ней созданіе государства [2]), хотя при общей несогласованности идей Руссо у него же въ статьѣ „Политическая экономія“, помѣщенной въ „Энциклопедіи“, мы находимъ опредѣленіе собственности, какъ истиннаго основанія общества и самаго священнаго права гражданина. Но въ XVIII в. были и настоящіе писатели въ духѣ коммунизма. О сочиненіи одного изъ нихъ, Бриссо (Recherches philosophiques sur le droit de propriété et de vol) и о настоящемъ отношеніи его автора къ выраженнымъ въ немъ идеямъ пришлось упоминать выше [3]): нужно только прибавить, что, нападая на право индивидуальной собственности, онъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ жестокіе уголовные законы, карающіе бѣдняка, который крадетъ, чтобы не умереть съ голода, а вовсе не какое-либо соціальное переустройство. Съ другой стороны, въ исторіи нерѣдки примѣры соціальныхъ утопій, большею частью бывшихъ простыми „упражненіями ума“ [4]) или особаго рода „государственными романами“ [5]), вовсе не расчитанными на непосредственное примѣненіе къ жизни. Если и дѣлались раньше попытки дѣйствительнаго примѣненія идей, родственныхъ коммунизму и соціализму, то только въ религіозномъ сектантствѣ [6]), что же касается до литературныхъ произведеній въ родѣ „Утопіи“ Томаса Мора [7]), или подобнаго же произведенія Кампанеллы, то часто они имѣли значеніе лишь моральнаго обличенія современныхъ порядковъ или идеалистическихъ мечтаній о золотомъ вѣкѣ на землѣ. Только въ XIX в. сенсимонисты и фурьеристы выступили на путь практическаго осуществленія своихъ утопій, отъ которыхъ, какъ таковыхъ, вообще отказались позднѣйшіе представители соціализма, направивъ и теорію, и практику общественнаго переустройства на иные пути. Представителемъ утопіи въ XVIII в. былъ аб. Морелли, который въ своей „Ба-

---

[1]) См. выше, стр. 202.

[2]) См. т. II, гл. XLVI.

[3]) См. выше, стр. 151.

[4]) Ср. выше, стр. 151.

[5]) Выраженіе Роберта Моля.

[6]) См. т. I, стр. 542, т. II, стр. 109 и слѣд., 527.

[7]) См. т. I, стр. 425.

зиліадѣ“ (Iles flottantes ou la Basiliade 1753) и въ своемъ „Кодексѣ природы“ (Code de la nature“) проповѣдуетъ коммунистическое устройство общества, напоминающее то, которое мы находимъ въ знаменитой „Утопіи“ XVI в. Самымъ, однако, виднымъ *представителемъ того направленія критической мысли во Франціи, которое касалось вопросовъ общественнаго устройства, былъ уже извѣстный намъ аб. Мабли* [1]). Этотъ моралистъ, политикъ и историкъ былъ вообще однимъ изъ главныхъ представителей общественной идеи равенства, которое онъ восхвалялъ преимущественно, какъ состояніе выгодное для человѣческой нравственности, видя въ неравенствѣ, наоборотъ, первое звено въ цѣпи всѣхъ человѣческихъ пороковъ и ссылаясь при томъ же и на естественное право. Такъ какъ въ основѣ неравенства состояній лежитъ неравенство имущественное, и такъ какъ личный интересъ, принимавшійся Мабли за основу морали, заставляетъ человѣка стремиться къ пріумноженію своего матеріальнаго достатка, остается, по его мнѣнію, лишь одно средство основать общественную нравственность на личномъ интересѣ и въ то же время сдѣлать людей счастливыми, уничтоживъ именно самый поводъ къ любостяжанію: этимъ средствомъ Мабли считаетъ не что иное, какъ общность имуществъ. И онъ ссылался въ доказательство своего положенія и на естественное состояніе, и на историческіе примѣры, конечно, въ извѣстномъ толкованіи, такъ какъ въ XVIII в. съ исторіей обращались довольно произвольно, а такъ называемое общинное землевладѣніе, исторіей и теоріей коего усердно занялась лишь наука XIX в., тогда еще не было извѣстно такъ, какъ теперь.

XVII. Отношеніе публицистики XVIII в. къ народу [2]).

Общій характеръ отношенія литературы XVIII в. къ народу.—Гуманность ея принциповъ и плохое знаніе дѣйствительныхъ отношеній.—Крестьянскій вопросъ и его постановка въ XVIII в.—Походъ противъ феодальныхъ правъ.—Отношеніе литературы XVIII в. къ рабству и крѣпостничеству.—Вопросъ о земельномъ обезпеченіи крестьянъ.—Физіократія и ея отношеніе къ крестьянамъ.—Агрономическая литература.—Оппоненты физіократовъ.—Важность крестьянскаго вопроса въ XVIII вѣкѣ.

Въ литературѣ XVIII в. особаго вниманія заслуживаетъ ея отношеніе къ народу: впервые литература, которая всегда отражаетъ на

[1]) См. выше, стр. 235 и слѣд.

[2]) Даннаго вопроса мы уже касались въ книгѣ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII вѣка“. По крестьянскому вопросу въ разныхъ странахъ см. работу проф. И. В. Лучицкаго (ср. выше,

себѣ преимущественно жизнь интеллигентныхъ и обезпеченныхъ слоевъ общества, *обратила особое вниманіе на народную массу только въ XVIII столѣтіи,* чѣмъ положено было начало тому интересу, съ какимъ особенно въ XIX в. стали относиться къ народу, къ его матеріальнымъ нуждамъ и духовнымъ потребностямъ, къ его экономическому быту и его міровоззрѣнію. Ни средневѣковой католицизмъ, ни гуманизмъ, ни протестантизмъ не обнаруживали такого участливаго отношенія къ народной массѣ, какъ „просвѣщеніе" XVIII в., а въ иныхъ случаяхъ даже прямо проникались взглядами, не вполнѣ благопріятными для народа. Средневѣковой католицизмъ, мирившійся на практикѣ съ крѣпостничествомъ, выгодами коего пользовалось само духовенство, съ своей аскетической точки зрѣнія не придавалъ особаго значенія матеріальному благосостоянію народа [1]). Въ гуманизмѣ было слишкомъ много умственнаго аристократизма и слишкомъ мало альтруистическаго настроенія, чтобы онъ могъ обратить серьезное вниманіе на народныя нужды [2]). Религіозное движеніе XVI в. ближе стояло къ народу и само въ нѣкоторыхъ государствахъ, охватило народныя массы, но за исключеніемъ всюду подавлявшагося сектантства, получившаго демократическій характеръ [3]), протестантизмъ былъ далекъ отъ того, чтобы взять подъ свое покровительство низшіе классы общества, тѣмъ болѣе, что самъ онъ нерѣдко принималъ аристократическій характеръ, какъ мы это видимъ въ Польшѣ и Франціи, гдѣ кальвинизмъ принимался почти исключительно дворянствомъ [4]), и даже въ такихъ странахъ, какъ Шотландія, въ коихъ реформація увлекала и народную массу [5]). Въ частности стоитъ вспомнить отношеніе Лютера къ крестьянскому возстанію [6]) или то, какъ смотрѣли на народъ политическіе писатели изъ кальвинистовъ и даже индепендентовъ [7]). Правда, и въ XVIII в. мы можемъ указать на Вольтера съ его презрительнымъ отношеніемъ къ непросвѣщенной черни, но тотъ же Вольтеръ горячо возставалъ противъ крѣпостничества [8]). Правда, Монтескье былъ сторонникъ соціальнаго феодализма [9]), но у того же Монтескье

стр. 59). Вообще по данному предмету многое заключается въ указывавшейся раньше литературѣ.

[1]) См. т. I, гл. XVII и XVIII.

[2]) См. т. I, стр. 417.

[3]) См. т. II, стр. 109 и слѣд., 525.

[4]) См. т. II, стр. 209.

[5]) См. т. II, стр. 215.

[6]) См. т. II, стр. 99—100.

[7]) См. т. II, стр. 168.

[8]) См. выше, стр. 246.

[9]) См. выше, стр. 180.

мы встрѣчаемся съ осужденіемъ невольничества. Но главное то, что *въ литературѣ XVIII в. много альтруистическаго чувства*, той филантропіи или гуманности, которая, что особенно важно, позволяла ей *съ нравственной точки зрѣнія обсуждать общественныя формы*. Это настроеніе играетъ именно особенно важную роль въ виду того, что при другомъ настроеніи тѣ же самые отвлеченные принципы не приводили къ тѣмъ же заключеніямъ, какіе дѣлались изъ нихъ только благодаря извѣстной подкладкѣ, данной въ развитомъ нравственномъ чувствѣ. Средневѣковой католицизмъ считалъ себя продолженіемъ того высокаго религіознаго ученія, по которому всѣлюди—братья, всѣ—дѣти единаго Отца, но принципъ этотъ оставался въ немъ мертвой буквой. И та же идея естественнаго права, во имя коего просвѣтителями XVIII в. отрицалось несправедливое неравенство, не мѣшала вѣдь Пуффендорфу считать вполнѣ совмѣстнымъ съ нею существованіе крѣпостничества [1]). Все дѣло какъ разъ въ той филантропіи, въ томъ человѣколюбіи, которымъ все болѣе и болѣе проникалась литература XVIII в. и которое диктовало ей ея гуманные принципы. Но, конечно, отъ заявленія благородныхъ чувствъ до разработки вопроса о томъ, въ чемъ же заключается зло и какими средствами можно его уврачевать на практикѣ, еще очень далеко: эта литература въ сущности *очень плохо знала народъ, его дѣйствительное положеніе, его нужды, общія условія, при какихъ было бы возможнымъ его благосостояніе*, т.-е. она обличала вопіющія, бросающіяся въ глаза несправедливости, но мало изучала бытъ народа, его исторію. Вина въ этомъ лежала отчасти въ самой литературѣ, но это была вина, вытекавшая не изъ умственной лѣни писателей XVIII в., а изъ молодости самой литературы, впервые представившей себѣ общественное зло во всемъ его объемѣ. Другая доля вины падаетъ и на тогдашнія политическія условія: многихъ вопросовъ литература не смѣла касаться, и если ей удавалось, наприм., высказывать даже весьма смѣлыя отвлеченныя теоріи, то нигдѣ она не была такъ стѣснена, какъ въ обсужденіи реальныхъ отношеній настоящаго. Революція 1789 г. застала французское общество въ такомъ состояніи, что великому множеству вращавшихся въ немъ идей совершенно не соотвѣтствовало такого же количества фактическихъ знаній. Напр., до кануна революціи совсѣмъ не разработывался вопросъ о томъ, что представляли изъ себя феодальныя права и какимъ путемъ ихъ можно было бы отмѣнить: брошюра Бонсерфа „О неудобствѣ феодальныхъ правъ“ (Les inconvénients des droits fèodaux, 1776) была чуть не единственнымъ произведеніемъ, гдѣ былъ поставленъ вопросъ такого рода, но и она была сожжена рукою палача по предписанію парижскаго парламента. Вообще не

---

[1]) См. выше, стр. 112.

только писатели XVIII в., но и само правительство съ зависѣвшими отъ него органами администраціи весьма плохо знали фактически старые порядки, съ коими самимъ же имъ приходилось имѣть дѣло. Токвиль въ своей замѣчательной книгѣ „L'ancien régime et la révolution" говоритъ, что революція унесла съ собою знаніе тѣхъ порядковъ, которые существовали передъ нею во Франціи, но недавно одинъ историкъ весьма убѣдительно доказалъ, что и въ XVIII в. эти порядки знали не лучше, нежели и въ XIX столѣтіи, пока не приступили, благодаря Токвилю, къ ихъ научному изслѣдованію [1]). Весьма естественно, что при недостаточномъ знакомствѣ съ дѣйствительностью и не могло создаваться въ литературѣ такихъ сложныхъ вопросовъ, обобщающихъ въ себѣ массу вопросовъ болѣе частнаго свойства, какимъ въ XIX в. сдѣлался, напр., вопросъ рабочій. Если, положимъ, во Франціи существовали всѣ элементы для возникновенія вопроса крестьянскаго, то всѣ они были страшно разрознены, ибо общая связь между частными вопросами, входящими въ составъ этого широкаго соціальнаго вопроса, не была ясна, какъ я старался доказать это въ своей книгѣ, посвященной разсматриваемому предмету.

Въ самомъ дѣлѣ, при общемъ органическомъ разстройствѣ Франціи невозможно было закрывать глаза на постоянный дефицитъ въ ея финансовомъ хозяйствѣ, на вѣчныя недоимки, на ослабленіе платежныхъ силъ страны, на упадокъ земледѣлія и промышленности, на недостатокъ рабочихъ рукъ, на развитіе нищенства, на частое повтореніе голодныхъ годовъ, на умноженіе преступленій, на безпрестанные бунты; „просвѣщенный" вѣкъ не могъ не обратить вниманія на тѣ внутреннія противорѣчія, которыми страдала общественная жизнь: недоставало хлѣба, а земли пустовали за недостаткомъ рукъ, которыя могли бы ихъ обработывать; не было рабочихъ рукъ, а города и деревни были переполнены разными праздношатающимися, не находившими себѣ работы и потому нищенствовавшими и, наконецъ, тѣ, силы которыхъ были приложены къ производству хлѣба, часто кормились какъ разъ не своимъ, а взятымъ въ долгъ или купленнымъ на рынкѣ хлѣбомъ [2]). Эти патологическія явленія, эти противорѣчія, дѣйствительно, обратили на себя вниманіе общества и правительства, которыя сами такъ или иначе терпѣли отъ общаго разстройства. Искорененіе нищенства дѣлается поэтому вопросомъ, разсматривавшимся во множествѣ произведеній тогдашней публицистики, предметомъ желанія всѣхъ сословій и особеннаго вниманія со стороны правительственныхъ органовъ. Улучшеніе сельскаго хозяйства становится по той же причинѣ другою задачею времени, о которой

---

¹) Chérest. La chute de l'ancien régime.

²) См. выше, стр. 8.

толкуетъ пресса, общество, которая дѣлается предметомъ особой заботливости правительства. Потомъ идутъ проекты реформъ финансовыхъ, разсужденія о хлѣбной торговлѣ, о привлеченіи рабочихъ рукъ къ земледѣлію и пр., и пр. Но все это совершалось какъ-то разрозненно: на искорененіе нищенства смотрѣли съ точки зрѣнія полиціи нравовъ; въ вопросахъ сельскаго хозяйства господствовали вопросы одной техники; экономисты не обращали вниманія на отношенія юридическія; юристы игнорировали хозяйственную сторону правовыхъ отношеній,—словомъ, не было ничего объединяющаго: *крестьянскій вопросъ ставился и рѣшался по частямъ.* Понятно, что при такой постановкѣ вопроса сами крестьяне являлись чѣмъ-то второстепеннымъ при рѣшеніи спеціальныхъ вопросовъ: для финансистовъ это были лишь плательщики налоговъ, для агрономовъ—только рабочая сила и т. д. Какъ причина возникновенія крестьянскаго вопроса, такъ и свойства вообще соціологическаго метода, господствовавшаго въ XVIII в., и въ частности особенности физіократической политической экономіи, какъ реакціи противъ меркантилизма, были такого рода, что ни политики, ни экономисты не могли поставить крестьянскаго вопроса во всей его полнотѣ: одни были слишкомъ отвлеченны, слишкомъ мало думали о практическомъ примѣненіи своихъ ученій, чтобы не только съумѣть поставить крестьянскій вопросъ, но хотя бы оказать своими теоріями какое-либо вліяніе на его постановку; другіе слишкомъ увлеклись своей полемикой съ меркантилизмомъ и взяли изъ окружающей дѣйствительности для изображенія своего идеальнаго общественнаго строя—слишкомъ много такихъ чертъ, которыя характеризовали тогдашнія аграрныя отношенія, весьма на дѣлѣ ненормальныя: физіократы раздѣляли точку зрѣнія агрономовъ, у которыхъ на первомъ планѣ стояло хозяйство, а не хозяинъ. Борцы XVIII в. инстинктивно стояли за народъ всюду, гдѣ они могли понять его страданія, но всѣ привычки жизни и мысли отталкивали ихъ отъ вѣрнаго и всесторонняго пониманія причинъ народныхъ бѣдствій. Притомъ у нихъ было столько вопросовъ, волновавшихъ ихъ собственный кругъ, культурный слой общества, что только порывами, случайно они становились на защиту страдающаго народа, которому были чужды всѣми частностями своей культуры. Тѣмъ не менѣе можно указать на цѣлый рядъ писателей и во Франціи, и внѣ Франціи, которые по частямъ разбирали вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ, причемъ у нихъ *главнымъ образомъ подвергались осужденію феодальныя права, тяготѣвшія надъ земледѣльцами,* хотя юристы продолжали еще отстаивать ихъ право на существованіе, и хотя экономическіе писатели главную причину зла видѣли нерѣдко только въ фискальномъ

гнетѣ [1]). Походъ противъ феодальныхъ правъ—явленіе, вообще характеризующее эпоху. Въ Италіи противъ нихъ вооружаются неаполитанцы: Броджія, авторъ „Трактата о налогахъ“ (Trattato dei tributi, 1748) и Дженовези, бывшій первымъ профессоромъ (съ 1755 г.) политической экономіи въ Европѣ (Lezioni di economia civile), затѣмъ знаменитый Беккарія, не менѣе извѣстный Филанджіери [2]) (въ Leggi economiche и издававшейся съ 1780 по 1785 г. Scienza della legislazione), во Франціи—упомянутые выше Дюбо, д'Аржансонъ [3]), физіократы, Бонсерфъ, предлагавшій въ названной раньше брошюрѣ выкупъ феодальныхъ правъ, отчасти въ Германіи (гдѣ юристы дольше всего отстаивали феодальныя права и даже такіе юристы, какъ Томазій)—Едеръ (Oeder, авторъ брошюры „Bedenken über die Frage, wie dem Bauernstande Freiheit und Eigenthum in den Ländern, wo ihm beydes fehlet, verschaffet werden könne, 1769), Юсти (Abhandlungen von der Vollkommenheit der Landwirthschaft und der höchsten Cultur der Länder, 1761), даже въ Испаніи. Замѣтимъ, однако, что весьма нерѣдко критика феодальныхъ порядковъ не была ни достаточно всеобъемлюща, ни достаточно смѣла, рекомендуя, напр., во многихъ случаяхъ лишь нѣкоторыя передѣлки въ отношеніяхъ между помѣщикомъ и крестьяниномъ, а не радикальную ихъ реформу. Во всякомъ случаѣ тѣмъ не менѣе прежней исключительной защитѣ юристами феодальныхъ правъ былъ нанесенъ ударъ уже однимъ тѣмъ, что поставленъ былъ о нихъ вопросъ и даже намѣчались практическіе способы ихъ отмѣны. Въ концѣ-концовъ возобладало то мнѣніе, что феодальныя права, вытекавшія по историко-юридической теоріи XVIII в. изъ уступокъ крестьянамъ земель сеньерами, подлежали выкупу, а тѣ, которыя были результатомъ лишенія крестьянъ личной свободы, должны были быть отмѣнены безвозмездно, хотя такое рѣшеніе вопроса казалось еще слишкомъ радикальнымъ.

Вообще о личной свободѣ крестьянъ XVIII в. выражался рѣшительнѣе, объявивъ походъ противъ рабства и между прочимъ противъ невольничества въ колоніяхъ. Идея естественнаго равенства всѣхъ людей возникла еще въ античномъ мірѣ, но *впервые XVIII в. потребовалъ широкой реализаціи этой идеи.* Въ древности учили о равенствѣ всѣхъ людей стоики, но для нихъ болѣе важное значеніе имѣла внутренняя свобода отъ порабощенія страстями, чѣмъ свобода внѣшняя, и, совѣтуя рабамъ подняться духомъ выше своего состоянія, которое въ глазахъ мудреца должно быть безразличною случайностью,

---

[1]) См. въ указанной работѣ проф. Лучицкаго гл. первую (Крестьянскій вопросъ въ экономической литературѣ XVIII в.).

[2]) См. слѣдующую главу.

[3]) См. выше, 234 и слѣд.

неспособною угнетать его духъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ говорили, что ихъ ученіе не клонится къ уничтоженію рабства. Ученіе стоиковъ, какъ извѣстно, повліяло на римскихъ юристовъ, заявлявшихъ, что по естественному праву всѣ люди рождаются свободными, но они и не думали о реализаціи этой свободы, признавая вмѣстѣ съ правомъ положительнымъ, т.-е. съ гражданскимъ правомъ самого Рима (jus civile) и съ правомъ общенароднымъ (jus gentium) фактическое существованіе рабства. Христіанское равенство было также понято лишь въ смыслѣ равенства всѣхъ передъ Богомъ въ грѣхѣ и искупленіи, не мѣшающаго тому, чтобы одни были господами, а другіе рабами, хотя вѣрный инстинктъ подсказывалъ и въ средніе вѣка, и въ новое время, что внѣшнее рабство не совмѣстимо съ христіанской свободой [1]). Такимъ образомъ и моральная философія прежнихъ временъ, признававшая человѣческое достоинство и въ рабѣ, и юриспруденція, основывавшаяся на идеѣ естественнаго права, и сама религія, провозгласившая братское равенство всего рода человѣческаго передъ общимъ Небеснымъ Отцомъ, останавливались передъ юридическимъ освобожденіемъ рабовъ, стоя на точкѣ зрѣнія свободы моральной, и такого освобожденія впервые потребовала философія XVIII в. Въ самомъ дѣлѣ, и въ новое время ни гуманисты, ни протестанты (кромѣ сектантовъ) не возставали рѣшительнымъ образомъ противъ рабства, а моралисты обходили какъ бы молчаніемъ этотъ пунктъ; очень боялись прикоснуться къ нему и польскіе социніане [2]). Юристы, изучавшіе римское право, прямо даже содѣйствовали закрѣпощенію народа въ Германіи [3]), а польская шляхта, строя свой политическій бытъ на quasi-римскихъ началахъ, прямо переносила на крестьянъ Рѣчи Посполитой римскія идеи о рабствѣ [4]). Ученая юриспруденція XVII в., не смотря на то, что въ XVI в. противъ рабства высказывался Боденъ, защищала этотъ институтъ, какъ мы то видѣли на примѣрѣ Пуффендорфа [5]). Въ Германіи подобныя идеи были сильны и въ XVIII в., когда, напр., начальникъ берлинской полиціи Филиппи, пользовавшійся расположеніемъ короля-философа, рекомендовалъ отдать крестьянъ въ совершенно рабскую зависимость отъ землевладѣльцевъ. Въ самой Франціи въ 1765 г. нѣкто Ренодонъ издалъ „Историческій и практическій трактатъ о сеньерьяльныхъ правахъ“, гдѣ защищалъ и серважъ, а экономистъ Летронъ преспокойно заявлялъ, что „смотритъ на негровъ,

---

[1]) См. т. I, стр. 256 и т. II, стр. 97.
[2]) См. т. II, стр. 243.
[3]) См. т. I, стр. 193 и т. II, стр. 90.
[4]) См. т., стр. 199.
[5]) См. выше, стр. 112 и 249.

какъ на животныхъ, употребляемыхъ при обработкѣ земли", и что „весьма многіе смотрятъ на нихъ не иначе", а потому „интересъ колоній, употребляющихъ этихъ животныхъ, заключается въ томъ, чтобы покупать ихъ какъ можно дешевле", откуда выводъ—допустить свободную конкурренцію при ввозѣ невольниковъ во французскія колоніи. Наконецъ, и того не нужно еще забывать, что наибольшее количество крѣпостныхъ во Франціи въ XVIII в. сохранилось на церковныхъ земляхъ, и это Вольтеръ также могъ поставить въ пассивъ католицизму.

Однимъ изъ первыхъ заговорилъ противъ рабства въ прошломъ вѣкѣ Монтескье, за которымъ послѣдовали другіе (и между ними Рэйналь). Съ убійственной ироніей писалъ онъ въ „Духѣ законовъ" (кн. XV, гл. 5), что еслибы ему предстояло защищать право на обращеніе негровъ въ рабовъ, то онъ сказалъ бы слѣдующее: „такъ какъ народы Европы истребили американскія племена, то должны были поработить африканскія—для расчистки земли. Сахаръ былъ бы очень дорогъ, если бы не заставляли рабовъ воздѣлывать растеніе, которое его производитъ. Тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь, черны съ ногъ до головы, и у нихъ такой приплюснутый носъ, что ихъ почти нельзя жалѣть... Нельзя себѣ вообразить, чтобы премудрый Господь вложилъ душу и особенно хорошую душу въ черное тѣло... Невозможно предположить, чтобы они были людьми, потому что если бы мы ихъ вообразили людьми, о насъ стали бы думать, что мы не христіане. Мелкіе умы слишкомъ преувеличиваютъ несправедливость, дѣлаемую африканцамъ, ибо если бы она была такою, какъ говорятъ, то не пришло ли бы въ голову европейскимъ государямъ, которые заключаютъ между собой столько безполезныхъ договоровъ, заключить общій договоръ въ пользу состраданія и милосердія"? Но касаясь вопроса, какъ освободить рабовъ, Монтескье находилъ что сразу освобождать опасно: надо сперва подготовить людей къ принятію свободы.

Въ XVIII в. существовалъ вообще взглядъ, по которому не слѣдовало сразу общимъ узаконеніемъ освобождать рабовъ. Во Франціи это касалось главнымъ образомъ колоніальныхъ негровъ, но для другихъ странъ и собственныхъ крѣпостныхъ крестьянъ. Съ другой стороны, тогда еще подвергалось сомнѣнію право государства безвозмездно отнимать у господъ ихъ власть надъ рабами и крѣпостными, и, напр., Вольтеръ въ своей защитѣ сервовъ монастыря св. Клавдія [1]) иронически замѣчаетъ, что, вѣроятно, придется подождать нѣсколько столѣтій, пока государство не уплатитъ своихъ долговъ, чтобы можно было выкупить свободу

---

[1]) См. выше, стр. 163.

крѣпостныхъ. Самъ же Вольтеръ, однако, отвѣчалъ въ 1765 г. такъ петербургскому Вольно-экономическому обществу на вопросъ поставленный послѣднимъ относительно крѣпостничества: „справедливость требуетъ, чтобы государь освобождалъ только церковныхъ сервовъ и своихъ собственныхъ: крѣпостныхъ, принадлежащихъ церкви, потому что она не должна ихъ имѣть, своихъ же потому, что отъ этого онъ выигрываетъ, создавая себѣ дѣятельныхъ подданныхъ и обогащаетъ себя, дѣлая добро. Что касается сеньеровъ, которымъ давнее пользованіе предоставило крѣпостныхъ въ вотчину, то кажется нельзя, не сдѣлавъ несправедливости, принудить ихъ измѣнить сущность ихъ наслѣдственнаго имѣнія. Они должны имѣть право освобождать ихъ по собственному своему усмотрѣнію. Это ужъ ихъ дѣло—послѣдовать ли примѣру государя. Они должны быть приглашены къ этому, но не обязаны“. Этой идеи держался и Людовикъ XVI, когда, по совѣту Неккера, освобождалъ сервовъ въ своихъ доменахъ. „Справедливо тронутые такими обстоятельствами, гласилъ его эдиктъ (1779 г.), мы хотѣли бы отмѣнить безъ различія слѣды этого тягостнаго феодализма; но такъ какъ состояніе нашихъ финансовъ не дозволяетъ намъ выкупить это право изъ рукъ сеньеровъ и такъ какъ мы будемъ во всѣ времена питать уваженіе къ законамъ собственности, въ коихъ мы видимъ самое твердое основаніе порядка и справедливости, то мы можемъ, не нарушая этого принципа, осуществить только часть блага, которое имѣемъ въ виду, уничтожая рабское право во всѣхъ нашихъ доменахъ“.

Извѣстно, что и Руссо не стоялъ вполнѣ на высотѣ идей XVIII в., когда говорилъ о рабствѣ. Хотя въ началѣ „Contrat social“ онъ и восклицаетъ съ горечью о томъ, что „человѣкъ родится свободнымъ, а между тѣмъ онъ вездѣ въ цѣпяхъ“, хотя онъ и посвятилъ много мѣста опроверженію разныхъ теорій, оправдывавшихъ рабство, тѣмъ не менѣе, когда ему пришлось говорить о томъ, что античная политическая свобода, которой онъ такъ поклонялся, была основана на рабствѣ, онъ написалъ при этомъ (кн. III, гл. 15) слѣдующія строки: „Какъ! свобода не можетъ иначе поддерживаться, какъ опираясь на рабство?— Можетъ быть. Крайности сходятся. Все, что неестественно, имѣетъ свои неудобства и гражданское равенство—болѣе, чѣмъ все остальное. Есть такія несчастныя положенія, въ которыхъ нельзя иначе сохранить свою свободу, какъ опираясь на рабство. Таково было положеніе Спарты. Что же касается до васъ, новые народы, вы не имѣете рабовъ, но вы сами — рабы, вы платите за ихъ свободу своею. Вы находите превосходнымъ это преимущество, а я нахожу въ немъ больше подлости, чѣмъ человѣчности“. Или еще когда къ Руссо обратились поляки, прося его совѣтовъ для Польши, онъ написалъ, какъ мы видѣли,

особое объ этомъ сочиненіе. „Свобода, заявляетъ онъ и здѣсь, свобода— пища доброcочная, но трудная для пищеваренія; нужны крѣпкіе желудки, чтобы ее вынести. Я смѣюсь надъ тѣми погрязшими въ униженіи народами, которые, наущенные демагогами, умѣютъ говорить о свободѣ, не имѣя о ней никакого понятія, и съ сердцемъ, исполненнымъ всѣми пороками рабовъ, воображаютъ, что для того, чтобы стать свободными, достаточно быть бунтовщиками. Гордая и святая свобода! Если бы эти бѣдные люди могли тебя узнать, если бы они вѣдали, какою цѣною тебя можно пріобрѣсти и сохранить, если бы они чувствовали, до какой степени твои законы строже самаго тяжелаго ига тиранновъ, ихъ слабыя души—рабыни страстей—боялись бы тебя въ тысячу разъ больше, нежели рабства“. Поэтому онъ совѣтуетъ не освобождать тѣла польскихъ крѣпостныхъ, пока не освободятся ихъ души. Можно освобождать только тѣхъ, кто заслужитъ свободы хорошимъ поведеніемъ. Руссо какъ будто забылъ свой основной тезисъ, и свобода является у него тутъ уже не правомъ каждаго, правомъ, котораго никто не можетъ отнять, а наградой за примѣрное поведеніе.

Приведенныя мѣста указываютъ, до какой степени еще колебалась мысль самихъ философовъ XVIII в., разъ передъ ними становился практическій вопросъ о томъ, какъ уничтожить рабство и прекратить крѣпостныя отношенія. Они требовали реализаціи естественной свободы, но обставляли эту реализацію разными условіями; они учили о всемогуществѣ государства и о прирожденномъ правѣ человѣка на личную свободу, а между тѣмъ сомнѣвались въ правѣ государства возвратить свободу рабамъ безъ вознагражденія тѣхъ, которые несправедливо отнимаютъ у людей ихъ свободу, или разсматривали, какъ своего рода награду за хорошее поведеніе то, что было въ сущности — по ихъ же ученію — неотъемлемымъ правомъ личности. Съ такимъ трудомъ часто рождаются истины, которыя потомъ кажутся столь простыми!

При общемъ благожелательномъ къ народу отношеніи просвѣтительной литературы XVIII в. она такимъ образомъ *не всегда достаточно внимательно входила въ вопросы, касавшіеся отдѣльныхъ сторонъ народнаго быта*. То же самое можно сказать и о ея отношеніи къ вопросу объ обезпеченіи крестьянъ землею. Главную причину народной нищеты въ XVIII в. съ легкой руки Вобана видѣли въ тяжести и неравномѣрномъ распредѣленіи налоговъ, а не въ томъ, что крестьяне пользовались землею на крайне невыгодныхъ для себя условіяхъ, если не имѣть въ виду феодальныхъ правъ, подвергавшихся также осужденію, на томъ основаніи, что и они въ сущности были обременительными повинностями. Теоретики крестьянскаго вопроса, большею частью экономисты, желали свободы личности,

труда и имущественныхъ договоровъ, отмѣны феодальныхъ повинностей, лежавшихъ на землѣ, реформы въ системѣ налоговъ съ болѣе правильнымъ ихъ распредѣленіемъ и съ уничтоженіемъ всѣхъ податныхъ изъятій, и хотя все это было важно и было необходимо, этимъ дѣло крестьянской реформы не исчерпывалось. Юридическое освобожденіе крестьянъ, уже совершившееся къ XVIII в. въ значительной части Европы, не только не сопровождалось ихъ экономическимъ обезпеченіемъ, но даже вело прямо къ противоположному результату, бывшему слѣдствіемъ того, что личная эманципація соединялась съ обезземеленіемъ [1]). Среди писателей, касавшихся крестьянскаго быта, нѣкоторые были на сторонѣ развитія крестьянской собственности (д'Аржансонъ, Мирабо-отецъ, Гельвецій, Гольбахъ, особенно Филанджіери, аб. Васко изъ Пьемонта, авторъ трактата „La felicità pubblica considerata nei coltivatori di terre proprie", написаннаго въ отвѣтъ на вопросъ петербургскаго вольно-экономическаго общества въ 1667 г. о томъ, что полезнѣе для общественнаго блага—существованіе крестьянъ-собственниковъ или крестьянъ безземельныхъ, далѣе нѣмецъ Бенцель, написавшій „Gedanken über willkürliche Zertheilung der Bauerngüter, 1795 и др.), но господствующимъ мнѣніемъ—особенно у физіократовъ—сдѣлалось то, что наилучшая форма поземельныхъ отношеній и сельскаго хозяйства — англійская, т.-е. крупное фермерство, соединенное съ обработкою земли наемными рабочими, хотя девизомъ родоначальника физіократіи, Кенэ, эпиграфомъ его книги и было изреченіе: „pauvres paysans — pauvre royaume, pauvre royaume, pauvre roi", т.-е. если бѣдны крестьяне, бѣдно королевство, если бѣдно королевство, бѣденъ и король.

Мы знаемъ, что физіократія была реакціей противъ меркантилизма. Въ своемъ увлеченіи господствомъ природы въ народномъ хозяйствѣ физіократы называли только одинъ классъ земледѣльцевъ (laboureurs) производительнымъ, окрестивъ всѣхъ городскихъ жителей названіемъ безплоднаго класса: въ основу своего ученія они положили дѣленіе общества не на основаніи положенія отдѣльныхъ классовъ, какъ получающихъ ренту собственниковъ, извлекающихъ процентъ изъ своихъ оборотовъ капиталистовъ и живущихъ платой за свой трудъ рабочихъ, а на основаніи существованія въ обществѣ различныхъ занятій; физіократы были представителями сельскаго хозяйства въ его противоположеніи къ обрабатывающей промышленности и потому представителями всего сельскаго населенія въ противоположеніи горожанамъ. По этой причинѣ крестьянскій вопросъ, какъ таковой, не могъ быть выдѣленъ ими изъ вопроса агрономическаго: вѣдь земледѣліемъ, или вѣрнѣе

---

[1]) См. т. I, стр. 179 и 208; т. II, стр. 425 и др. и т. III, стр. 98, 107 и слѣд.

сельскимъ хозяйствомъ занимались лица очень различнаго положенія въ обществѣ. Это было капитальнымъ промахомъ физіократовъ, что видно изъ того, какой экономическій строй считали они и другіе экономисты XVIII вѣка за нормальный и желательный. Физіократія была именно проповѣдью крупнаго хозяйства: уже Кенэ считалъ нормальнымъ такой порядокъ вещей, при которомъ земли, обработывающіяся подъ посѣвы, соединяются въ большія фермы, находящіяся въ рукахъ богатыхъ землевладѣльцевъ (de riches cultivateurs); только богатые фермеры составляютъ, по его мнѣнію, силу и могущество націи, только они могутъ дать занятіе рабочимъ рукамъ и удержать въ деревнѣ жителей; причемъ Кенэ объясняетъ, что подъ словами „богатый фермеръ" не слѣдуетъ понимать работника, который самъ пашетъ, а именно хозяина, имѣющаго наемныхъ рабочихъ; всѣ мелкіе хозяева должны были поэтому превратиться въ батраковъ, работающихъ на крупныхъ фермеровъ, которые и суть „истинные земледѣльцы". По словамъ другого экономиста (аб. Бодо), „въ обществѣ, истинно благоустроенномъ на основахъ экономическихъ принциповъ", должны существовать простые земледѣльческіе рабочіе, которые жили бы только своимъ трудомъ. Подобнаго взгляда держались и не-экономисты, наприм., Вольтеръ [1]). Отождествляя нерѣдко землю и землевладѣльца, интересы земледѣлія и интересы сельскихъ хозяевъ, экономисты часто, говоря объ интересахъ производительнаго класса, имѣютъ въ виду именно только фермеровъ. Отсюда недалеко было до особенной заботливости о послѣднихъ, и дѣйствительно, уже Кенэ совѣтуетъ правительству наградить фермеровъ всякими привилегіями, такъ какъ въ противномъ случаѣ, благодаря своему богатству, они могутъ приняться за другія занятія, а правительство должно поощрять ихъ въ занятіи земледѣліемъ. Заботясь объ увеличеніи національнаго дохода, который для физіократовъ заключался въ суммѣ доходовъ отдѣльныхъ сельскихъ хозяевъ, они признавали необходимость благосостоянія рабочихъ едва лишь не потому только, что для пользы націи продукты должны потребляться какъ можно въ большемъ количествѣ. Однако, содѣйствовать увеличенію рабочей платы они не были намѣрены: Кенэ совѣтуетъ для жатвы брать пришлыхъ савойскихъ рабочихъ, которые берутъ меньше своихъ,—ибо отъ этого уменьшаются расходы производства и увеличиваются доходы собственниковъ и короля, а съ ними возрастаютъ могущество націи и фондъ рабочей платы. Этотъ фондъ (le revenu disponible, по физіократической терминологіи) доставитъ рабочимъ возможность существовать лучшимъ образомъ, думали экономисты, видѣвшіе вокругъ себя часто просто недостатокъ въ хлѣбѣ для про-

---

[1]) См. выше, стр. 168.

кормленія народа; только они не съумѣли отдѣлить общаго накопленія капиталовъ отъ обогащенія въ частности землевладѣльцевъ и крупныхъ фермеровъ: наблюдая вокругъ себя одну бѣдность, желая поднять національное богатство, они обращали вниманіе исключительно на массу предметовъ, находящихся въ странѣ, безъ всякаго отношенія къ ихъ распредѣленію. Необходимость капиталовъ на ихъ языкѣ переводилась въ необходимость капиталистовъ. Крестьянинъ-хозяинъ рисовался имъ либо въ видѣ мелкаго собственника, едва существующаго доходами со своей землицы, либо въ видѣ половника, вѣчно находящагося въ долгу у своего землевладѣльца, а тутъ еще рядомъ съ ними жилъ безземельный батракъ, которому ни тотъ, ни другой не могли доставить работы: по мнѣнію физіократовъ крупное фермерство, обогащая государство, лучше всего и могло занять свободныя руки безземельнаго крестьянства. Что касается до нищеты послѣдняго, то причину ея физіократы видѣли исключительно въ финансовомъ гнетѣ.

Физіократы сходились въ этомъ отношеніи съ весьма многими агрономическими писателями, которые указывали на то, что мелкое хозяйство крестьянъ-собственниковъ и половниковъ, невѣжественныхъ и бѣдныхъ, не въ состояніи служить основою для тѣхъ улучшеній въ способахъ обработки земли, которыя требуются необходимостью поднять ея производительность, вслѣдствіе чего агрономами одобрялось также уничтоженіе общинныхъ сервитутовъ и угодій,—которыя мѣшали введенію интенсивнаго хозяйства,—но при этомъ не обращалось вниманія на то, что отъ лишенія права выпаса (vaine pâture) или раздѣла общинныхъ угодій страдали интересы бѣднѣйшихъ жителей деревень [1]).

Физіократы вообще вѣрили въ то, что „господство природы“, „естественный порядокъ“, свобода экономическихъ отношеній при наиболѣе выгодномъ способѣ пользованія землею въ смыслѣ улучшенія системы хозяйства и увеличенія чистаго дохода создадутъ всеобщее благосостояніе, какъ вѣрили Адамъ Смитъ и его школа, что для достиженія общаго блага нужна только свобода частнаго интереса и свободная конкуренція. Экономическая жизнь Англіи въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. далеко не оправдала подобныхъ ожиданій [2]), но уже и въ прошломъ столѣтіи были люди, скептически относившіеся къ надеждамъ физіократовъ. На эту школу напали, напр., венеціанскій монахъ Джаммаріа Ортесъ и французскій публицистъ Ленгэ (Théorie des lois civiles), которые доказывали весьма убѣдительно неосновательность физіократическихъ теорій по отношенію къ надеждамъ, возлагавшимся на ихъ примѣненіе, но они не находили ничего лучшаго, какъ феодализмъ и раб-

---

[1]) См. выше, стр. 104.

[2]) См. объ этомъ въ IV томѣ.

ство: на сторонѣ перваго стоялъ Ортесъ, полагавшій, что лучшихъ порядковъ, чѣмъ существующіе, и придумать нельзя, тогда какъ Ленгэ цинически рекомендовалъ предпочесть рабство свободнымъ отношеніямъ предпринимателя и наймита, такъ какъ у рабовладѣльца есть прямой расчетъ беречь своего раба, и невольникъ по одному этому никогда не умретъ съ голоду. Въ число оппонентовъ физіократовъ нужно поставить и аббата Мабли, который въ своихъ „Сомнѣніяхъ объ естественномъ и существенномъ порядкѣ обществъ“ (Doutes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés, 1768) пришелъ къ иному способу избѣжать послѣдствій, связанныхъ съ экономическимъ идеаломъ физіократовъ, именно къ отрицанію частной собственности. Въ спорахъ физіократовъ съ ихъ противниками крестьянскій вопросъ переходилъ уже въ вопросъ соціальный въ томъ смыслѣ, какъ онъ былъ поставленъ въ XIX вѣкѣ, на сей разъ на почвѣ вопроса рабочаго, возникшаго въ связи съ переворотомъ, который къ концу XVIII в. произошелъ въ области обрабатывающей промышленности.

Какіе бы недостатки ни обнаруживались въ постановкѣ и теоретическихъ рѣшеніяхъ крестьянскаго вопроса въ XVIII в., не нужно забывать, что онъ возникъ главнымъ образомъ именно въ литературѣ этого столѣтія, благодаря не только ея общественному характеру и этическимъ началамъ, коими она была проникнута, но благодаря и тому, что крестьянскій бытъ, все болѣе и болѣе приходившій въ разстройство, которое отражалось на упадкѣ сельскаго хозяйства и платежной способности массы, на трудности увеличенія налоговъ и т. п., обращалъ на себя также вниманіе правительствъ и государственныхъ людей. Крестьянскому вопросу принадлежитъ поэтому видное мѣсто не только въ исторіи публицистики XVIII в., но и въ исторіи законодательства, правительственныхъ мѣропріятій и т. п. Уже старое государство было вынуждено обратить вниманіе на положеніе сельской массы: „просвѣщенный абсолютизмъ“ начинаетъ, революція кончаетъ въ XVIII вѣкѣ разрушеніе соціальнаго феодализма, а имперія Наполеона пропагандируетъ новые гражданскіе порядки, созданные революціей, на всемъ Западѣ, и только реакція, наступившая въ 1815 г., останавливаетъ на время это историческое движеніе. Крестьянскому вопросу суждено было перейти и въ XIX в., который практически рѣшалъ его и въ зависимости отъ обстоятельствъ (1830 и 1848 гг. сильно ему содѣйствовали), и въ зависимости отъ теоретическихъ отвѣтовъ, которые давались публицистикой и наукой.

XVIII. „Просвѣщеніе“ XVIII в. внѣ Франціи [1]).

Общеевропейскій характеръ «просвѣщенія».—Господство французской цивилизаціи въ XVIII вѣкѣ.—Національзмъ и космополитизмъ.—Взаимныя отношенія англійской и французской цивилизацій.—Умственная жизнь Германіи въ XVIII вѣкѣ.—Новыя направленія въ теологіи, философіи, морали, педагогикѣ и общественныхъ наукахъ въ Германіи.—Вліяніе французской литературы на нѣмецкую.—Новыя идеи въ другихъ странахъ.—Общее значеніе распространенія французскихъ идей.

Въ исторіи культурныхъ и политическихъ идей, характеризующихъ „просвѣщеніе“ XVIII вѣка, первое значеніе принадлежитъ французской литературѣ: можно даже сказать, что XVIII в. въ умственной исторіи Европы былъ по преимуществу французскимъ вѣкомъ, такъ какъ нигдѣ съ такою силою и съ такимъ разнообразіемъ не проявились въ прошломъ столѣтіи новыя историческія стремленія, какъ именно во Франціи, и никогда вообще умственная жизнь остальной Европы не находилась подъ столь сильнымъ французскимъ вліяніемъ, какъ въ XVIII вѣкѣ. Тогдашняя французская литература была по истинѣ литературою всей Европы, и *„просвѣщеніе“, органомъ котораго она была, имѣло само общеевропейскій характеръ.* Разсматривая культурную и соціальную исторію Западной Европы, какъ исторію одного историческаго міра, мы наблюдаемъ тотъ общій фактъ, что историческія явленія и движенія, имѣющія общеевропейскій характеръ, про-

[1]) По исторіи вліянія Франціи на Европу вообще см. старыя сочиненія: Rühs. Historische Entwickelung des Einflusses Frankreichs und der Franzosen auf Deutschland und die Deutschen (1815).—Sugenheim. Frankreichs Einfluss auf und Beziehungen zu Deutschland seit der Reformation bis zur ersten französischen Staatsumwälzung (1845).—Cf. Honegger. Kritische Geschichte der französischen Kultureinflüsse in den letzten Jahrhunderten.—См. также отдѣльныя главы въ соч. Сореля, которое вообще важно въ указанномъ отношеніи (въ т. I подъ заглавіемъ „Вліяніе французскаго духа“), Рамбо (во II томѣ глава Eclat de la civilisation française an XVIII siècle) и т. п. О французской литературѣ внѣ Франціи есть книга Sayous (Hist. de la littérature à l'étranger depuis le commencement du XVII siècle.—Le dix-huitième siècle à l'étranger). По исторіи культуры и литературы XVIII в. въ Англіи и Германіи см. указанныя соч. Геттнера, Стефена, Бидермана и др. (см. выше, стр. 4), а также Wilhelm Scherer. Geschichte der deutschen Literatur.—Zeller. Geschichte der deutschen Philosophie seit Leibniz.—Julian Schmidt. Geschichte des geistigen Lebens in Deutschland.—Rob. von Mohl. Gesch. und Literatur der Staatswissenschaften.—Roscher. Die Geschichte der Nationaloekonomik in Deutschland.—Sierke. Schwärmer und Schwindler zu Ende des XVIII Jahrhunderts.—Wegele. Geschichte der deutschen Historiographie.

являются съ наибольшею силою лишь въ нѣкоторыхъ странахъ: получая поэтому въ извѣстной степени характеръ мѣстный, они тѣмъ не менѣе не утрачиваютъ и общеевропейскаго характера [1]). Такъ родиной гуманизма и страною, гдѣ съ наибольшею силою развилось это направленіе была Италія. Въ исторіи реформаціи—въ первый ея періодъ—главная роль принадлежитъ Германіи. Такъ и „просвѣщеніе" XVIII в. есть преимущественно достояніе Франціи. Никогда, однако, раньше мѣстное культурное движеніе не принимало сразу и на столь продолжительное время, а также столь исключительнымъ образомъ общеевропейскій характеръ, какъ то, которое совершалось во Франціи въ XVIII столѣтіи. Это объясняется и свойствомъ французскихъ идей тогдашняго времени, и превосходствомъ французской цивилизаціи надъ всѣми другими національными цивилизаціями эпохи. *Французскія идеи прошлаго столѣтія отличаются именно своею отвлеченностью и универсальностью*, и въ этомъ заключается одна изъ причинъ ихъ успѣха, другая же была въ томъ, что и прочія европейскія страны страдали отъ тѣхъ же золъ, что и Франція, и вотъ благодаря этому *французскій протестъ могъ найти сочувствіе въ образованномъ обществѣ и иныхъ національностей*. Не всегда народы умѣютъ своимъ домашнимъ дѣламъ придать такой характеръ, чтобы заинтересовать въ этихъ дѣлахъ весь міръ; то же самое позволительно сказать и объ идеяхъ: примѣромъ можетъ служить Англія въ XVII в., пережившая двѣ революціи, развившая у себя религіозно-философскую и соціально-политическую литературу и тѣмъ не менѣе не оказавшая такого непосредственнаго вліянія на Европу, какое имѣла Франція въ своемъ умственномъ движеніи XVIII в., въ коемъ многимъ она была обязана той же Англіи, и въ своей великой революціи. Дѣло въ томъ, что англійскіе мыслители и политическіе дѣятели и говорили, обращаясь къ англичанамъ, и дѣйствовали, имѣя въ виду англичанъ же, тогда какъ французы XVIII в. брали человѣка въ самомъ себѣ безъ всякихъ осложненій, вытекающихъ изъ отношеній національныхъ и политическихъ, и имѣли въ виду какъ бы весь человѣческій родъ. Отвлеченно-универсальнымъ характеромъ отличались и идеи итальянскаго гуманизма, но французская философія своимъ соціальнымъ содержаніемъ превосходила и его, такъ какъ проповѣдовала не только освобожденіе индивидуума отъ всего традиціоннаго, какъ это дѣлали итальянскіе гуманисты, не только нравственное перевоспитаніе личности, бывшее главною темою нѣмецкихъ „просвѣтителей" прошлаго вѣка, но и общественное переустройство, что придавало особое значеніе французской проповѣди. Подъ живыми импульсами, шедшими со сто-

---

[1]) См. т. I, стр. 10 и слѣд.

роны родной дѣйствительности, французы, благодаря методу своей раціоналистической философіи, обобщали и уясняли передъ сознаніемъ другихъ народовъ тѣ общественныя отношенія, которыя были болѣе или менѣе общими во всей западной Европѣ, вслѣдствіе чего совершенно отвлеченныя положенія, навѣянныя притомъ французскою дѣйствительностью, находили откликъ въ душѣ и нѣмца, и итальянца, и всякаго другого европейца.

Конечно, *этому распространенію французскихъ идей способствовало и превосходство французской образованности*, заставлявшее подчиняться ея вліянію другія страны. Въ Италіи, которая когда-то стояла во главѣ европейскаго образованія, католическая реакція убила всякую умственную жизнь, и если въ XVIII в. началось нѣкоторое оживленіе итальянской мысли, то главнымъ образомъ подъ вліяніемъ французскаго же просвѣщенія. Въ Германіи равнымъ образомъ образованность, съ такимъ блескомъ начавшая развиваться въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, погубили и то направленіе, какое приняла реформація, и католическая реакція, за ней послѣдовавшая, и неудача общественнаго движенія, давшаго только усилиться княжескому деспотизму, и наконецъ, особенно тридцатилѣтняя война. Другія страны всегда болѣе или менѣе отставали отъ Италіи, Германіи и Франціи на континентѣ Европы, и одна лишь Франція развила у себя великую литературу въ то время, когда итальянская и нѣмецкая находились въ упадкѣ: французскій классицизмъ вѣка Людовика XIV сдѣлался предметомъ подражанія во всей Европѣ. Напр., нѣмецкая литература начала становиться на свои ноги лишь во второй половинѣ XVIII вѣка, когда французская достигла уже своего апогея. Изящная литература XVII столѣтія проложила путь философской литературѣ XVIII вѣка, а распространеніе французскаго языка въ придворныхъ сферахъ и въ образованномъ обществѣ всей Европы создало для французскихъ писателей громадную международную публику, которой у нея не могли оспаривать писатели другихъ національностей—ни англичане, ни итальянцы, ни нѣмцы. Французская наука также сдѣлала въ прошломъ столѣтіи громадные успѣхи и достигла первенства въ Европѣ, такъ что французскій языкъ, бывшій дотолѣ языкомъ дипломатіи, придворной жизни и изящной литературы, сдѣлался какъ бы и языкомъ науки. На немъ пишутъ многіе внѣ Франціи, какъ нѣкогда писали по-латыни, имѣя въ виду международную публику читателей. Нѣмецкій философъ Лейбницъ философствуетъ по-французски; на томъ же языкѣ сочиняетъ свои произведенія Фридрихъ II Прусскій; нѣмецкій политическій писатель Билефельдъ на французскомъ же языкѣ составляетъ на поученіе германскимъ князьямъ свои „Institutions politiques“. Великій англійскій историкъ Гиббонъ написалъ первое свое сочиненіе

по-французски. Отъ этого, конечно, страдаютъ національныя литературы: предпочитаются почти повсюду французскія книги или переведенныя съ французскаго, и, напр., Фридрихъ II такъ-таки до конца своей жизни и не нашелъ нужнымъ познакомиться съ нѣмецкой литературой, влачившей еще жалкое существованіе въ его молодые годы. Въ 1783 г. берлинская академія наукъ даже предложила написать на премію сочиненіе, въ коемъ должно было быть выяснено, „что́ собственно сдѣлало французскій языкъ всемірнымъ“, и премія была выдана французу Риваролю, который развилъ ту мысль, что „точный, общественный и разумный, языкъ этотъ пересталъ быть французскимъ, сдѣлавшись языкомъ всего человѣчества“. Мы отчасти уже видѣли и еще увидимъ, въ какомъ почетѣ при нѣкоторыхъ европейскихъ дворахъ были ученые французы и французскіе писатели, но, кромѣ того, масса французовъ распространяется по Европѣ въ качествѣ людей разныхъ профессій и между прочимъ наставниковъ юношества. „Настало время сказать: французскій міръ“, говоритъ упомянутый Ривароль. „Я съ удовольствіемъ вижу, писалъ Вольтеръ въ 1767 г., что въ Европѣ образуется громадная республика просвѣщенныхъ умовъ“: вся эта республика читала и даже думала по-французски.

Общимъ идеямъ свойственно объединять народы, создавать между ними извѣстную солидарность на почвѣ духовной жизни, побѣждать національную исключительность. Извѣстно, что послѣ Александра Македонскаго наступила такъ-называемая эпоха эллинизма, когда распространеніе греческой образованности сгладило національныя различія въ извѣстныхъ кругахъ общества и слово „эллинъ“ какъ бы стало обозначать не столько грека по происхожденію, сколько вообще образованнаго человѣка [1]). Католицизмъ создалъ для средневѣковой Европы такое же духовное единство народовъ. Гуманизмъ равнымъ образомъ сблизилъ между собою ученыхъ всѣхъ странъ Европы, образовавъ изъ нихъ единую „rempublicam litterarum“ съ своими особыми духовными интересами, и то же самое слѣдуетъ сказать о кальвинизмѣ, получившемъ характеръ международнаго протестантизма (при болѣе національномъ характерѣ лютеранизма). Въ XVIII в. господство въ Европѣ французской философіи съ ея отвлеченными идеями, доступными пониманію всѣхъ народовъ, съ ея филантропическою и космополитическою проповѣдью было такимъ же международнымъ цементомъ для образованныхъ людей во всѣхъ странахъ Европы. Въ сравненіи съ XIX столѣтіемъ, въ которомъ общественное настроеніе сдѣлалось болѣе националистиче-

---

[1]) Слова Исократа: τὸ τῶν Ἑλλήνων ὄνομα μηκέτι τοῦ γένους, ἀλλὰ τῆς διανοίας εἶναι, καὶ μᾶλλον Ἕλληνας καλεῖσθαι τοὺς τῆς παιδεύσεως ἡμετέρας, ἢ τοὺς τῆς κοινῆς φύσεως μετέχοντας.

скимъ, *прошлый вѣкъ былъ вѣкомъ космополитическимъ*, въ чемъ были и свои сильныя, и свои слабыя стороны. Послѣднія заключались въ томъ, что на почвѣ поверхностнаго „міровового гражданства" въ образованномъ обществѣ развивалось пренебреженіе къ собственной народности, что правителями и дипломатами совершенно игнорировалось начало національности въ политической жизни и т. п., но, съ другой стороны, не было въ тогдашнемъ обществѣ и духа той національной исключительности, которая въ XIX в. нерѣдко заставляла забывать не только благородныя чаянія прошлаго вѣка о наступленіи временъ братскаго единенія всѣхъ народовъ, но и принадлежность европейскихъ націй къ единому христіанскому міру, къ религіи, которая двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ провозгласила законъ общечеловѣческой солидарности. Станемъ даже преувеличивать слабыя стороны космополитическаго настроенія, господствовавшаго въ XVIII в., и, наоборотъ, умалять значеніе того, что въ немъ было благороднаго и благотворнаго, фактъ все-таки останется фактомъ: XVIII в. былъ вѣкомъ гуманнаго космополитизма, въ которомъ были и свои хорошія, и свои дурныя стороны. Династическія столкновенія, даже войны, въ коихъ бывали затронуты политическіе и матеріальные интересы, не вооружали другъ противъ друга народовъ, не дѣлали изъ нихъ смертельныхъ враговъ. Никогда не была такъ популярна, какъ въ XVIII в., идея вѣчнаго мира. Если XVII в. создалъ международное право въ лицѣ Гуго Гроція (Jus pacis et belli, 1625) и Пуффендорфа (De jure naturae et gentium, 1672), учившихъ придерживаться извѣстныхъ принциповъ по отношенію къ другимъ націямъ даже во время войны, то прошлое столѣтіе уже мечтало о прекращеніи войнъ, о такъ-называемомъ вѣчномъ мирѣ (la paix perpetuelle). Извѣстно, какую славу стяжалъ себѣ аббатъ де С. Пьеръ своимъ сочиненіемъ на эту тему [1]). Довольно распространеннымъ было тогда убѣжденіе, что главными виновниками войнъ бываютъ обыкновенно честолюбивые правители, стремящіеся къ завоеваніямъ и славѣ, но что интересы народовъ не расходятся до такой степени, чтобы нужно было браться за оружіе и истреблять другъ друга. Въ то самое время, какъ меркантилистическая политика была основана на стремленіи какъ можно болѣе вредить торговымъ интересамъ другихъ странъ, физіократы, наоборотъ, учили, что вовсе не слѣдуетъ основывать собственное благополучіе на счетъ разоренія другихъ странъ. Особенно космополитическимъ характеромъ отличалась въ XVIII в. общественная мысль въ Германіи. Религіозная реформація XVI в., раздѣлившая нѣмцевъ на католиковъ и протестантовъ, политическое раздробленіе страны на

---

[1]) Saint-Pierre (1758—1743), гуманный писатель первой половины XVIII в., авторъ сочиненія „Projet de paix perpetuelle" (1713).

множество государствъ, въ коихъ вырабатывался свой мѣстный патріотизмъ, общее паденіе культуры и литературы, утратившей-было даже общегерманскій характеръ, все это содѣйствовало ослабленію въ нѣмецкомъ народѣ сознанія о національномъ единствѣ. Уже во время войнъ Людовика XIV нѣмцы съ восточныхъ окраинъ имперіи относились къ военнымъ событіямъ, происходившимъ на западныхъ ея границахъ, какъ къ чему-то, словно ихъ самихъ и не касающемуся. Въ XVIII в. при общемъ идеалистическомъ настроеніи идея единаго человѣчества, всемірнаго гражданства и т. п. была уже одною изъ наиболѣе популярныхъ въ Германіи. Всѣ крупные дѣятели нѣмецкой литературы стояли на космополитической точкѣ зрѣнія. Выше уже пришлось упомянуть о Кантѣ, какъ авторѣ брошюры о всемірной исторіи съ космополитической точки зрѣнія (Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht), гдѣ между прочимъ проводится та мысль, что цѣль историческаго процесса—ein allgemeiner weltbürgerlicher Zustand, но это лишь одно изъ незначительныхъ проявленій его космополитическаго настроенія [1]. Шиллеръ предлагалъ своимъ соотечественникамъ не стремиться къ тому, чтобы образовать націю, а удовольствоваться просто званіемъ людей. Фихте,—тотъ самый Фихте, который въ началѣ XIX в. своими „Рѣчами къ нѣмецкой націи“ сильно содѣйствовалъ пробужденію въ нѣмцахъ національнаго духа и, благодаря этой книжкѣ, сдѣлался родоначальникомъ новѣйшаго національизма, опирающагося иногда на историко-философскихъ соображеніяхъ о превосходствѣ извѣстнаго народнаго духа надъ другими націями,—до порабощенія нѣмцевъ Наполеономъ держался противоположнаго воззрѣнія и дѣлалъ заявленія въ рѣзко космополитическомъ духѣ. Въ сочиненіи своемъ „Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters“ онъ поставилъ, наприм., вопросъ о томъ, гдѣ находится отечество истинно просвѣщеннаго европейца его времени, и отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что прежде всего это—Европа, а потомъ самое цивилизованное государство Европы: для земнородныхъ отечество—въ землѣ, рѣкахъ, горахъ, но родственный солнцу духъ непреоборимо влечется и обращается туда, гдѣ свѣтъ и вселенная. „И въ этомъ,—прибавляетъ Фихте,—всемірно-гражданскомъ чувствѣ (Weltbürgersinne) мы можемъ быть совершенно спокойными за себя и за своихъ потомковъ до конца дней, относительно дѣяній и судебъ отдѣльныхъ государствъ“. Къ числу нѣмецкихъ проповѣдниковъ космополитизма (Weltbürgerthum) нужно отнести и Гердера. Во Франціи настроеніе было подобнаго же рода, и не существовало, напр., ненависти ни къ Фридриху II даже послѣ Рос-

---

[1]) Кантъ также писалъ о вѣчномъ мірѣ (Zum ewigen Frieden), гдѣ онъ разсматриваетъ установленіе всемірнаго союза государствъ, какъ непремѣнное требованіе права.

баха, при которомъ онъ разбилъ французовъ, ни къ англійскому министру Питту, даже послѣ потери Франціей части ея прежнихъ колоній. Прусскій король пользовался даже особою популярностью во Франціи, а сынъ Питта, пріѣхавъ въ Парижъ, былъ очень хорошо принятъ публикой.

Одна Англія держала себя особнякомъ и не раздѣляла космополитическихъ увлеченій. Да и англійская литература въ XVIII в. была свободнѣе отъ увлеченія французскими идеями, и тѣмъ не менѣе не смотря на свою самостоятельность въ нѣкоторыхъ отрасляхъ (романъ, комедія, ораторское искусство, исторіографія, періодическая пресса и т. п.), она, съ одной стороны, не оказывала особенно большого вліянія на иностранныя литературы, а съ другой сама не избѣжала французскихъ вліяній. Путешествія, предпринятыя въ Англію Вольтеромъ и Монтескье, какъ извѣстно, были весьма важны для умственнаго развитія самой Франціи, гдѣ англійскую литературу до того времени совершенно игнорировали, благодаря постоянному соперничеству между обѣими націями, но мало-по-малу сами англичане стали интересоваться развитіемъ французской мысли, и нѣкоторые англійскіе писатели, какъ отчасти уже пришлось видѣть [1]), прямо заимствовали у французскихъ авторовъ ихъ идеи. Самое поразительное въ данномъ случаѣ явленіе, это—то, что свою собственную конституцію они понимаютъ по Монтескье, книга котораго сдѣлалась настольною и у англійскихъ государственныхъ людей. У него явились даже ученики среди англичанъ, пользовавшихся до него своей конституціей, не подвергая ея анализу. Блэкстонъ основывается на идеяхъ Монтескье, когда излагаетъ государственное устройство Англіи [2]), а всѣ послѣдующіе комментаторы конституціи основываются на Блэкстонѣ. Даже та часть англійской націи, которая возстала въ сѣверо-американскихъ колоніяхъ противъ метрополіи, была знакома съ его политическими идеями, и ихъ вліяніе на конституцію Сѣверо-американскихъ штатовъ не можетъ подлежать сомнѣнію, какъ и то, что въ предназначенной для европейскаго общественнаго мнѣнія деклараціи о своей независимости американцы повторяли идеи, составлявшія главное содержаніе „Общественнаго договора“ Руссо. На нѣкоторыхъ англійскихъ писателяхъ XVIII в., особенно на Юмѣ, Гиббонѣ и Робертсонѣ сильно сказывается французское вліяніе, и напр., Гиббонъ, поддерживавшій дружескія отношенія съ Вольтеромъ, самъ писавшій по-французски, въ своей знаменитой „History of decline and fall of roman empire“ [3]) вполнѣ

[1]) См. выше, стр. 173 и др.

[2]) См. выше, стр. 183.

[3]) „Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи“ есть въ русскомъ переводѣ.

усвоилъ взглядъ Вольтера на христіанство, на которое возложилъ всю вину за гибель античной цивилизаціи, противопоставлявшуюся имъ мрачному варварству среднихъ вѣковъ. (Вообще нужно замѣтить, что „просвѣщеніе“ XVIII в. было крайне враждебно ко всему средневѣковому, и реабилитація этой эпохи въ жизни Европы начата была лишь историками начала XIX в.). Несмотря, однако, на взаимодѣйствіе англійской и французской литературы, между обѣими націями была большая разница: многое изъ того, что во Франціи было только идеей, въ Англіи было фактомъ, но когда французское движеніе приняло и въ области фактовъ демократическій и антирелигіозный характеръ, это отшатнуло отъ него англичанъ. Дѣло въ томъ, что правящій классъ въ Англіи, въ которомъ воедино сливались аристократія и буржуазія, не имѣлъ основаній увлекаться французскими демократическими идеями, а вольномысліе и невѣріе были только въ немногихъ кружкахъ, масса же джентри и буржуазіи оставалась глубоко вѣрующею; если что и шло здѣсь въ разрѣзъ съ ученіями оффиціальной церкви, такъ только многочисленныя секты, а всякій, кто стремился къ какой-либо перемѣнѣ, ссылался не на естественныя права человѣка, а на св. писаніе, какъ это было во времена индепендентства. Самое образованіе демократической партіи въ Англіи фактъ довольно поздняго происхожденія.

Духовная жизнь въ Германіи XVIII в. также имѣла свои особенности, которыя ее отличали отъ французскаго движенія умовъ въ ту же эпоху. Мы уже видѣли, что нѣмецкое „просвѣщеніе“ отличалось болѣе индивидуалистическимъ направленіемъ сравнительно съ соціальнымъ содержаніемъ французской философіи [1]). Но не въ одномъ этомъ заключалась разница: новыя идеи, которыя проповѣдовала нѣмецкая литература, не имѣли такого разрушительнаго характера, какъ французскія, тѣмъ болѣе, что самое смѣлое умозрѣніе въ ней такъ и оставалось умозрѣніемъ, не требуя, чтобы его, хотя бы и на бумагѣ только, прилагали къ практической жизни, не смотря на всю страстность языка, съ какою часто говорили и нѣмецкіе писатели въ періодъ „бури и натиска“ (Sturm und Drangperiode). Общее настроеніе нѣмецкаго общества было такое, что въ немъ замѣчается болѣе стремленія мирить вѣру съ знаніемъ, чѣмъ отрицать первую во имя второго, болѣе стремленія реформировать существующее на основаніи новыхъ началъ, нежели совсѣмъ его ниспровергать, и вообще въ этомъ настроеніи было много мѣста для такихъ чувствъ, которыя въ французской литературѣ были представлены развѣ однимъ лишь Руссо, почему онъ, помимо своего политическаго радикализма, такъ и пришелся по сердцу

---

[1]) См. выше, стр. 145.

нѣмцамъ XVIII в. Правда, лютеранское духовенство, раболѣпствовавшее передъ деспотическими князьями, подрывало въ образованныхъ кругахъ общества уваженіе къ установленной религіи, но это не уничтожало самой религіозности, и даже тѣ писатели, которые становились на точку зрѣнія деизма или развивали родственныя ему религіозныя воззрѣнія, все-таки вносили въ естественную религію болѣе потребности въ вѣрѣ, чѣмъ той разсудочности, которую мы находимъ, напр., у Вольтера и которая граничила съ скептицизмомъ,—если только не вела прямо къ невѣрію. И въ политическомъ отношеніи передовые умы Германіи ближе всего подходятъ къ тому, что на практикѣ было „просвѣщеннымъ абсолютизмомъ“: они ждутъ реформъ сверху, отъ государей, и если находятъ послѣднихъ недостаточно „просвѣщенными“, то не дѣлаютъ отсюда общихъ выводовъ о монархической власти, а относятъ свое недовольство къ образу дѣйствія отдѣльныхъ личностей, возлагая надежды на то, что ихъ преемники будутъ править въ большемъ согласіи съ просвѣщеніемъ вѣка. Притомъ нѣмецкая литература стала и позже приходить къ новымъ идеямъ, чѣмъ литературы англійская и французская. Первый нѣмецкій писатель, дѣйствовавшій совершенно въ новомъ духѣ, былъ Лессингъ (1729—1781), только родившійся около того времени, когда Вольтеръ и Монтескье уже были извѣстными писателями и посѣтили Англію. Виландъ былъ моложе его лишь на четыре года. Гердеръ (1744—1803) и Гете (1749—1832) родились въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія [1]), когда Монтескье окончилъ свой „Духъ законовъ“, Дидро приступалъ къ „Энциклопедіи“, Руссо выступилъ съ своею первою диссертаціей. Шиллеръ (1759—1805) также явился на свѣтъ уже послѣ того, какъ Монтескье умеръ, когда „Энциклопедія“ уже успѣла вполнѣ проявить свой характеръ, всего лишь за три года до выхода „Эмиля“ и „Общественнаго договора“ Руссо. Кантъ (1724—1804), бывшій на пять лѣтъ старше Лессинга, только въ шестидесятыхъ годахъ вступилъ на ту дорогу, которая привела его къ „Критикѣ чистаго разума“, вышедшей въ свѣтъ только за восемь лѣтъ до начала французской революціи. Мы видѣли, что къ началу семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка французская просвѣтительная литература уже заканчивала свое развитіе, сказавъ послѣднія свои слова [2]), но для Германіи это была лишь пора разцвѣта ея литературы, въ которой притомъ первенствующая роль принадлежала не пу-

[1]) Куно-Фишеръ. Лессингъ (перев. съ нѣм.) E. Schmidt. Lessing.—Льюисъ. Жизнь Гете (пер. съ англ., есть и нѣмецкій).—А. Шаховъ. Гете и его время.—Куно-Фишеръ—Публичныя лекціи о Шиллерѣ.—Minor. Schiller.—Гаймъ. Гердеръ (пер. съ нѣмецкаго).

[2]) См. выше, стр. 212.

блицистикѣ, а поэзіи: главныя поэтическія произведнія Гёте начинаютъ появляться съ семидесятыхъ годовъ („Вертеръ", относящійся еще къ юношеской порѣ его творчества, вышелъ въ свѣтъ въ 1774); къ этимъ же годамъ относятся драмы Лессинга („Натанъ Мудрый", 1779); въ концѣ того же десятилѣтія начинается ранняя поэтическая дѣятельность Шиллера („Разбойники" были написаны въ 1777 г.). Извѣстно, что это и была эпоха, окрещенная названіемъ Sturm und Drangperiode.

Отвлеченно-индивидуалистическій характеръ нѣмецкой литературы XVIII вѣка, ея неоригинальность въ большей части вѣка, поздній ея разцвѣтъ да и то главнымъ образомъ въ области поэзіи (Гете и Шиллеръ) и философскаго умозрѣнія (Кантъ), въ то время, когда готовились важные политическіе перевороты, все это объясняетъ намъ, почему нѣмецкое „просвѣщеніе" не играло такой роли въ исторіи эпохи, какая выпала на долю французской философіи. Притомъ умственная жизнь Германіи долгое время оставалась неизвѣстною за предѣлами нѣмецкаго племени, и, напр., французы, только переживъ свою революцію и успѣвши произвести переворотъ во всей западной Европѣ, узнали изъ книги г-жи Сталь „О Германіи" (De l'Allemagne) о томъ могучемъ духовномъ развитіи, которое къ тому времени произошло въ Германіи. Сами нѣмцы нерѣдко не подозрѣвали, какія сокровища заключаетъ въ себѣ ихъ литература, и, напр., Фридрихъ II такъ и сошелъ въ могилу съ тѣмъ общимъ представленіемъ о родной словесности, какое естественно у него должно было сложиться въ его молодые годы. Правда, этотъ поздній разцвѣтъ нѣмецкой литературы подготовлялся всѣмъ движеніемъ XVIII в., который и въ Германіи съ самаго же начала обѣщалъ нарожденіе новыхъ умственныхъ явленій.

Прежде всего это было замѣтно въ области теологіи, стремившейся въ Германіи съ самаго начала реформаціи и паденія свѣтскаго гуманизма [1]) господствовать во всѣхъ областяхъ умственной жизни, какъ это было въ средніе вѣка. XVIII в. былъ для нѣмцевъ какъ разъ эпохой постепеннаго освобожденія отъ теологической опеки: хотя продолжаются еще богословскіе споры, хотя въ чисто теологическую полемику вмѣшиваются писатели, главное значеніе коихъ было въ области философіи (напр., Вольфъ) или литературы (напр., Лессингъ), и т. п., тѣмъ не менѣе, съ одной стороны, различныя сферы умственной дѣятельности начали порывать связи съ схоластическими традиціями, въ духѣ коихъ теологія пріучала обсуждать вопросы философіи, морали, политики и права, а съ другой, сами богословскія занятія стали проникаться новымъ

---

[1]) См. т. II, стр. 232 и слѣд., 355.

духомъ отчасти подъ иноземными, именно деистическими вліяніями [1]), отчасти въ силу дальнѣйшаго развитія тѣхъ началъ, которыя возникли на нѣмецкой же почвѣ. Въ Германіи сухой формализмъ лютеранскаго богословія сначала вызвалъ реакцію въ видѣ такъ-называемаго піетизма, основателемъ коего былъ пасторъ Шпенеръ (1635—1705), стремившійся возвратить религію къ сердечности, исчезнувшей изъ нея, благодаря сектантской нетерпимости богослововъ, а вышедшій изъ его школы Готфридъ Арнольдъ (1666—1714) въ своей „Безпристрастной исторіи церкви и ересей" доказывалъ—къ великому соблазну правовѣрныхъ лютеранъ, что во всѣ времена господствующая церковь менѣе воодушевлялась настоящими христіанскими чувствами, чѣмъ преслѣдовавшіяся и угнетавшіяся секты. Піетизмъ былъ только первымъ проявленіемъ сердечнаго недовольства состояніемъ тогдашней теологіи, но она вызывала и умственный протестъ, который выразился ранѣе всего у отца нѣмецкой философіи Лейбница (1646—1716), правда, весьма тщательно избѣгавшаго противорѣчій съ откровеніемъ, но учившаго, что отличительными признаками истинной религіи являются просвѣщеніе и добродѣтель. Систематизировавшій его философію Вольфъ (1679—1754) впервые создалъ въ Германіи цѣлую школу, цѣлое направленіе (вольфіанизмъ), поставившее своею задачею доказать и утвердить неопровержимо такъ-называемую естественную теологію, предоставивъ уже самимъ богословамъ приводить ее въ соглашеніе съ откровеніемъ. Подъ такими умственными вліяніями въ Германіи въ серединѣ XVIII в. возникло особое умѣренное направленіе теологіи, бывшее чѣмъ-то среднимъ между правовѣріемъ и раціонализмомъ, между историческимъ христіанствомъ и деизмомъ. Это была какъ бы новая религіозная реформація, продолжавшая дѣло Лютера, но уже скорѣе на началахъ Эразма. Въ св. писаніи различали существенное отъ несущественнаго (напр., относя сюда слогъ и грамматику, которые не считались боговдохновенными), и къ изученію Библіи прилагались пріемы филологической, литературной, археологической и исторической критики. Догмату о первородномъ грѣхѣ давали толкованія, смягчающія его суровость. Понятія покаянія, обращенія, вѣры оправданія и т. п. замѣнялись понятіями невинности, добродѣтели, разума, просвѣщенія, нравственнаго исправленія, совершенствованія и т. п. Идея гуманности все болѣе и болѣе проникала въ вырабатывавшееся такимъ образомъ религіозное міросозерцаніе, въ атмосферѣ коего складывались религіозныя воззрѣнія и такихъ людей, какъ Лессингъ, Гердеръ и Кантъ, ставившіе чистоту помысловъ, нрав-

---

[1]) Произведенія англійской деистической литературы охотно переводились на нѣмецкій языкъ.

ственную силу, любовь къ ближнему выше церковной догматики. Эта новая теологія была, однако, въ борьбѣ съ англійскимъ вольнодумствомъ и французскимъ матеріализмомъ. На ея почвѣ развивались въ тогдашней нѣмецкой философіи и метафизика, и этика, и на совершенно новую дорогу эта философія была выведена только къ концу разсматриваемаго періода Кантомъ. Особенно сильно сказалось стремленіе къ нравственно совершенной личности, сдѣлавшейся предметомъ нѣмецкаго умозрѣнія и творчества, въ сферѣ педагогіи, съ точки зрѣнія коей Лессингъ и Гердеръ понимали самую исторію человѣчества, какъ исторію его воспитанія — къ достиженію человѣчности [1]). XVIII в. выставилъ въ Германіи нѣсколько крупныхъ дѣятелей на поприщѣ педагогической реформы, каковы были Базедовъ (1723—1790), думавшій о перевоспитаніи всего міра на основахъ идей, заимствованныхъ имъ у извѣстнаго чешскаго педагога Яна Коменскаго 1592—1671) и у Руссо, главнымъ образомъ именно въ духѣ естественности, филантропіи и космополитизма, и Песталоцци (1745—1827), указывавшій на великое значеніе демократизаціи образованія чрезъ его развитіе въ народныхъ массахъ, какъ на средство общаго улучшенія жизни. Это была единственная область, въ которой нѣмецкая мысль прошлаго вѣка съ особымъ рвеніемъ прилагала новыя идеи къ вопросу о средствахъ улучшить жизнь человѣчества, что вполнѣ соотвѣтствовало и болѣе индивидуалистическому направленію всего нѣмецкаго „просвѣщенія". Но если своею разработкою общественныхъ вопросовъ, бывшей вообще весьма слабою въ нѣмецкой литературѣ XVIII в., Германія не оказала вліянія на политическую жизнь эпохи, то и въ этой области все-таки развивались новыя идеи. Правда, здѣсь долго еще приходилось бороться съ теологической схоластикой и оффиціально признанными политическими догматами, продолжавшими находить защитниковъ въ лицѣ видныхъ ученыхъ [2]), и даже крупные представители независимаго направленія не всегда стояли на высотѣ своего положенія [3]), тѣмъ не менѣе старыя начала все-таки теряли подъ собою почву. Уже во второй половинѣ XVII в. Пуффендорфъ освободилъ нѣмецкую юриспруденцію отъ теологіи, объявивъ, что основами законодательства должны служить разумъ и человѣческая природа, а не откровеніе, и что государство должно предоставлять всякому вѣроисповѣданію свободу культа. Пуффендорфъ утверждалъ также, что королевская власть не происходитъ

---

[1]) См. выше, стр. 147. Ср. также наши „Основные вопросы философіи исторіи", т. I, стр. 204 (по 2 изд.).

[2]) Напр., систематикъ имперскаго права Іоганнъ, Стефанъ Пюттеръ (1725—1807) и особенно страшный консерваторъ Юстусъ Мёзеръ (1720—1794), желавшій, однако, улучшенія крестьянскаго быта.

[3]) Ср. о Пуффендорфѣ выше, стр. 144.

непосредственно отъ Бога, а другъ Вольфа Томазій (1655—1728) впервые рѣшившійся читать лекціи на нѣмецкомъ, а не на латинскомъ языкѣ и нанесшій ударъ весьма частымъ до того времени процессамъ по обвиненію въ колдовствѣ, даже написалъ сочиненіе (Искреннія мысли), навлекшее на него непріятности за то, что въ немъ онъ напалъ на одного датскаго проповѣдника за защиту имъ божественнаго происхожденія власти. Въ серединѣ XVIII в. Фридрихъ Карлъ Мозеръ (1723—1798), занимавшій разныя государственныя должности, въ цѣломъ рядѣ сочиненій публицистическаго характера („Господинъ и слуга“, „Политическія мысли“, „О правленіи властителей и о министрахъ“) вооружался противъ деспотизма князей, произвола бюрократіи, придворной испорченности, общественнаго раболѣпства, дурныхъ сторонъ административной системы и судопроизводства, стоя, однако, на той точкѣ зрѣнія, что просвѣщенные правители могутъ осуществить благо подданныхъ безъ участія общественныхъ силъ. На той же точкѣ зрѣнія стоялъ неустрашимый публицистъ и историкъ Августъ Людвигъ Шлецеръ (1735—1809), издатель періодическихъ публикацій, обличавшій несправедливыя дѣйствія и злоупотребленія властью нѣмецкихъ князей, особенно порядки въ духовныхъ владѣніяхъ, а также и дурное внутреннее управленіе въ имперскихъ городахъ: въ лицѣ Шлецера передъ самой революціей зарождалась въ Германіи политическая печать.

Таковы были новыя направленія въ духовной жизни Германіи. Французская литература не могла не оказать на нее своего вліянія, хотя нѣкоторыя стороны этой литературы (главнымъ образомъ, напр., матеріализмъ и сенсуализмъ, идея народовластія и т. п.) не прививались къ нѣмцамъ, а въ области поэзіи, начиная съ Лессинга, было прямо выражено стремленіе освободиться отъ подражательности французамъ. Во многихъ, однако, отношеніяхъ французскіе писатели оказывали вліяніе на нѣмецкихъ, напр., въ области политической экономіи, такъ какъ физіократія нашла сторонниковъ и въ Германіи. Особенно сильное вліяніе оказывалъ на духовную жизнь Германіи Руссо съ своимъ призывомъ къ природѣ, къ естественности, съ своею чувствительностью и свободолюбіемъ. Юношескіе годы Гете (эпоха „Вертера“) и Шиллера (эпоха „Разбойниковъ“) прошли подъ вліяніемъ этого настроенія, которое можно назвать предтечею позднѣйшаго романтизма, и преимущественно на поэзіи Шиллера продолжалось это вліяніе и впослѣдствіи. Гердеръ, въ бытность свою въ Парижѣ сошедшійся со многими тамошними писателями (особенно съ Дидро), заимствовалъ прямо у Руссо идеализацію народной массы, сентиментальный взглядъ на простоту естественнаго состоянія. „Эмиль“ Руссо вдохновлялъ нѣмецкихъ педагоговъ: для Базедова онъ былъ цѣлымъ откровеніемъ; его идеями былъ проникнутъ и Песта-

лоцци. Самъ Кантъ въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ примыкаетъ къ женевскому гражданину, вмѣстѣ съ которымъ онъ признаетъ первобытный договоръ, какъ актъ образующій изъ народа государство, какъ идею, являющуюся критеріумомъ правомѣрности политическаго порядка, хотя, съ другой стороны, Кантъ уже въ духѣ теоріи Монтескье раздѣляетъ всѣ образы правленія на республиканскій и демократическій, смотря по тому, отдѣлена ли въ государствѣ исполнительная власть отъ законодательной или нѣтъ, и полагая, что болѣе всего къ деспотизму клонится демократія, тогда какъ легче всего совершить отдѣленіе исполнительной власти отъ законодательной въ монархіи [1]). Даже на отдаленную сѣверную Америку въ эпоху ея борьбы за независимость (1776—1783) оказали свое вліяніе политическія воззрѣнія Руссо, ибо изъ его сочиненій заимствовали американскіе колонисты идеи и выраженія великихъ актовъ, которыми основывались новые штаты. Это относится одинаково и къ деклараціи 1776 г., и къ конституціямъ отдѣльныхъ штатовъ. „Государство, говорится во введеніяхъ къ конституціямъ Пенсильваніи и Массачусетса, есть общественный договоръ, черезъ который весь народъ соглашается съ каждымъ отдѣльнымъ гражданиномъ, а каждый гражданинъ—съ цѣлымъ народомъ, что всѣ будутъ управляемы извѣстными законами для общей пользы“. Французамъ даже могло показаться, что самое возникновеніе великой заатлантической республики было лишь простымъ примѣненіемъ къ жизни ихъ политической философіи.

Новыя идеи изъ Франціи проникали повсюду. Миланецъ Беккаріа (1738—1794) въ своемъ трактатѣ „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“ возставалъ противъ варварскаго уголовнаго судопроизводства, противъ пытокъ, противъ смертной казни. Неаполитанецъ Филанджіери (1752—1788), писавшій подъ вліяніемъ Монтескье, въ своей „Наукѣ о законодательствѣ“ (Scienza della legislazione 1780) указывалъ на необходимость просвѣщеннаго правительства, которое обезпечивало бы матеріальное благосостояніе и духовную свободу за гражданами, нападалъ на церковную іерархію и феодализмъ, требовалъ свободы печати, преобразованія уголовнаго суда и наказаній и т. п. Идеи Монтескье и Беккарія легли въ основу знаменитаго „Наказа“ Екатерины II. Польская политическая литература второй половины XVIII в., въ которой былъ поставленъ и крестьянскій вопросъ, была проникнута

---

[1]) Государственное ученіе Канта не оказало вліянія на политическую жизнь и потому, не излагая его подробно, мы лишь отмѣчаемъ здѣсь тотъ фактъ, что и тутъ сказалось вліяніе Руссо.

французскими политическими идеями, и особенно было много написано въ духѣ Руссо [1]).

Господство французской цивилизаціи подчиняло всѣ континентальныя націи тѣмъ культурнымъ и политическимъ вліяніямъ, которыя шли изъ Франціи. То, что разъединяло европейскіе народы и дѣлало ихъ непохожими одинъ на другой, вскрылось и получило силу лишь впослѣдствіи, но именно общность моральныхъ и соціальныхъ идей при однородности старыхъ порядковъ должна была создавать нѣкоторую общую почву, стоя на которой образованное общество въ разныхъ странахъ болѣе или менѣе одинаково смотрѣло на многія вещи. Вотъ почему, когда во Франціи началось примѣненіе новыхъ идей къ жизни, къ нему отнеслись сочувственно передовые люди всѣхъ странъ, хотя впослѣдствіи ихъ настроеніе и измѣнилось: особенно нѣмецкіе поэты и филантропы прославляли начавшуюся революцію, видя въ ней зарю новыхъ дней для всего человѣчества. Сами французы понимали дѣло не иначе. Стоя во главѣ „просвѣщенія", какъ общепризнанные его вожди, они привыкли смотрѣть на себя, какъ на націю, проливающую свѣтъ на всю Европу, и потому неудивительно, если во время революціи они были убѣждены, что все пріобрѣтаемое Франціей, отстаивающей свободу, равенство и права человѣка, тѣмъ самымъ пріобрѣтается и для всего человѣчества. Отсюда и тотъ универсальный характеръ, какой получила революція, въ коей европейскія правительства на первыхъ порахъ видѣли, наоборотъ, только мѣстную неурядицу, даже выгодную для многихъ государствъ по причинявшемуся ею ослабленію французской монархіи [2]). Но новыя идеи повліяли не на одно общество (притомъ далеко не въ равной степени въ разныхъ странахъ), но и на правительства, и прежде чѣмъ французская революція стала перестраивать старые государственные и общественные порядки на новыхъ началахъ, абсолютными монархами или ихъ всесильными министрами уже производились разныя преобразованія въ духѣ философіи XVIII в.

---

[1]) Указанія на литературу см. въ моей книгѣ „Польскія реформы въ XVIII в.".

[2]) Мы не останавливаемся здѣсь на масонствѣ, иллюминатахъ и т. п., коимъ приписывается нѣкоторыми историками подготовка къ принятію революціонныхъ идей, ибо во всемъ этомъ много преувеличеній, хотя и несомнѣнно, напр., что масоны, организація коихъ была распространена по всей Европѣ, мало-по-малу отъ религіозно-нравственныхъ интересовъ и обратились къ интересамъ соціально-политическимъ.

ПРОСВѢЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМЪ.

XIX. Общій характеръ „просвѣщеннаго абсолютизма“ [1]).

Эпохи въ исторіи западно-европейскаго абсолютизма.—Общій взглядъ на «просвѣщенный абсолютизмъ» въ отличіе отъ предыдущей королевской политики.—Права и обязанности государственной власти.—Традиціи абсолютизма и просвѣщеніе.—Хронологическіе предѣлы эпохи «просвѣщеннаго абсолютизма».—Монархи и философы.—Вольтеръ и физіократы.—Государство и общественная самодѣятельность въ эпоху «просвѣщеннаго абсолютизма».—Отношеніе его къ историческому и естественному праву.—Противорѣчія «просвѣщеннаго абсолютизма».

Мы уже проводили аналогію между реформаціоннымъ движеніемъ XVI в. и эпохою государственныхъ и общественныхъ преобразованій, которыя начались въ западно-европейскихъ государствахъ около середины XVIII в.: между прочимъ, уже было обращено вниманіе на то, что и въ XVI, и въ XVIII вѣкѣ преобразовательныя стремленія или обнаруживались среди представителей государственной власти и тогда осуществлялись путемъ реформъ, шедшихъ сверху, или же возникали въ болѣе или менѣе широкихъ кругахъ общества, въ народныхъ массахъ и въ такомъ случаѣ принимали революціонный характеръ [2]). Мало того, за исключеніемъ реформаціоннаго движенія въ

---

[1]) О литературѣ по исторіи „просвѣщеннаго абсолютизма“ см. общія замѣчанія, сдѣланныя во вступительной главѣ этого тома. Здѣсь укажемъ, для исторіи Германіи въ эту эпоху, на новыя сочиненія: Wenck. Deutschland vor hundert Jahren (Politische Meinungen und Stimmungen bei Ansbruch der Revolutions zeit.—Levy-Brühl. L'Allemagne depuis Leibnitz. — Изъ старыхъ отмѣтимъ: Bruno Bauer. Gesch. der Politik, Cultur und Aufklärung des XVIII Jahrhundert. Исторія Германіи отъ вестфальскаго мира до Фридриха II излагается въ новомъ трудѣ Эрдмансдёрфера (въ коллекціи Онкена).

[2]) См. выше, стр. 2.

Германіи, которое съ самаго начала сдѣлалось революціоннымъ,— мы замѣчаемъ еще и другое сходство, состоящее въ томъ, что церковныя преобразованія, шедшія сверху, предшествовали въ XVI в. тѣмъ преобразованіямъ, которыя шли снизу [1]), и что въ такомъ же отношеніи находились между собою преобразовательныя стремленія XVIII вѣка, т.-е. сначала они обнаружились у представителей государственной власти, позднѣе проявились въ различныхъ слояхъ общества. Мы можемъ даже хронологически отмѣтить, когда кончается одно явленіе и начинается другое: гранью между двумя эпохами долженъ служить 1789 г., когда во Франціи вспыхнула великая революція, такъ сильно потрясшая весь европейскій Западъ и, между прочимъ, совершенно измѣнившая политическое направленіе монархическихъ правительствъ, до того момента дѣйствовавшихъ въ духѣ идей XVIII в. Дѣло въ томъ, что въ послѣднія пять десятилѣтій, протекшихъ до начала французскаго переворота, въ большей части западно-европейскихъ государствъ совершались преобразовательныя попытки по иниціативѣ абсолютныхъ монарховъ или ихъ всесильныхъ министровъ и въ направленіи, на коемъ сказывалось вліяніе „просвѣщенія" XVIII в., и вотъ это-то даетъ намъ *право говорить о цѣлой эпохѣ западно-европейской исторіи, которую по всей справедливости можно назвать эпохой «просвѣщеннаго абсолютизма»*. Намъ и раньше приходилось указывать на то, что въ исторіи западно европейскаго абсолютизма можно различать разныя эпохи, между прочимъ, въ зависимости отъ тѣхъ культурныхъ началъ, которыя господствовали въ то или другое время въ исторической жизни [2]). Абсолютизмъ, утвердившійся ранѣе всего въ итальянскихъ княжествахъ конца среднихъ вѣковъ, по существу своему былъ совершенно свѣтскимъ: теоретическое его обоснованіе было заимствовано у античнаго міра, сначала въ формѣ ученія римскихъ юристовъ о томъ, что благоугодное государю имѣетъ силу закона (quod principi placuit legis habet vigorem), такъ какъ на государя народъ переноситъ все свое право и всю свою державную власть (omne suum jus et omne imperium), позднѣе—въ формѣ античной тиранніи, главнымъ теоретикомъ которой сдѣлался Маккіавели [3]), такъ что на обра-

---

[1]) См. т. II, гл. XVII—XVIII.

[2]) См. т. II. стр. 399—400 и др. Ср. интересную статью R. Koser'a Die Epochen der absoluten Monarchie in der neueren Geschichte въ Hist. Zeitschrift Зибеля за 1889 годъ. Наше представленіе, впрочемъ, отличается отъ того, которое даетъ объ этомъ предметѣ Козеръ, не совпадая въ то же время и съ представленіемъ дѣла у Рошера (въ Gesch. der National-Oekonomik in Deutschland и въ System der Volkswirthschaft), подвергшемся критикѣ со стороны названнаго автора.

[3]) Т. I, стр. 113 и 419 и слѣд.

зовавшемся этимъ путемъ понятіи объ абсолютной власти отразился свѣтскій и классическій Ренессансъ, политическая традиція коего, представленная въ XVI в. Боденомъ [1]), завершилась въ XVII стол. государственною теоріей Гоббза, положившаго въ основу абсолютизма свѣтскую же идею естественнаго права, столь характеристичную и для раціонализма XVIII в. [2]). Религіозная реформація и послѣдовавшая за нею католическая реакція дали политической мысли иное направленіе, и абсолютизмъ получилъ вѣроисповѣдную окраску, выразившуюся, быть можетъ, лучше всего въ формулѣ: „cujus regio, ejus religio“ [3]); цѣлый и притомъ весьма длинный періодъ европейской исторіи характеризуется этой формой абсолютизма и если, напримѣръ, французская монархія при Генрихѣ IV и кардиналѣ Ришелье, повидимому, вступала на иную дорогу [4]), то Людовикъ XIV снова вернулъ ее на путь абсолютизма конфессіональнаго [5]). Эпоха „просвѣщеннаго абсолютизма“ тѣмъ и отличается, что *государственная власть въ это время начинаетъ отрѣшаться отъ традицій, коими она главнымъ образомъ и жила съ реформаціи и реакціи.* Во-первыхъ, ученіе о божественномъ происхожденіи королевской власти, развитое въ XVII в. въ сочиненіяхъ Боссюэта и Фильмера [6]), уступаетъ снова мѣсто тѣмъ свѣтскимъ политическимъ идеямъ, которыя формулировались юристами, Макіавелли, Боденомъ, и мы имѣемъ полное право смотрѣть на Гоббза именно какъ на родоначальника политической идеи „просвѣщеннаго абсолютизма“, поскольку теорія послѣдняго основывалась не на теологическихъ соображеніяхъ, а на понятіяхъ раціоналистической философіи естественнаго права. Во-вторыхъ, обнаруживая наклонность къ вѣротерпимости, за которую ратовала та же философія XVIII в., абсолютизмъ второй половины этого столѣтія возвращался къ политикѣ Генриха IV и кардинала Ришелье. Такимъ образомъ въ „просвѣщенномъ абсолютизмѣ“ выразилась та идея свѣтскаго государства, которая въ разныхъ формахъ и раньше выступала одинаково и противъ средневѣковаго католицизма, и противъ конфессіональной политики XVI и XVII вѣковъ. Какъ вѣроисповѣдный абсолютизмъ,—все-равно, католическій или протестантскій,—отразилъ на себѣ идеи религіозной реформаціи и послѣдовавшей за ней католической реакціи, такъ „просвѣщенный абсолютизмъ“ второй половины XVIII в. былъ проникнутъ воззрѣніями раціоналистической философіи этой эпохи. Вотъ почему

[1]) Т. II, стр. 391 и слѣд.
[2]) Т. II, стр. 609 и слѣд. и выше, стр. 149.
[3]) Т. II, стр. 148, 228, 243 и др.
[4]) Т. II, стр. 348 и слѣд., 400.
[5]) Т. II, стр. 559 и слѣд.
[6]) Т. II, стр. 550 и 608.

мы считаемъ возможнымъ давать это имя не вообще нѣкоторому направленію, подъ которое историки подводятъ иногда мыслителей и дѣятелей разныхъ эпохъ (напр., Ришелье, Страффорда, Валленштейна или Макіавелли и Гоббза), а только опредѣленной эпохѣ, именно періоду отъ вступленія на прусскій престолъ Фридриха II до начала французской революціи: этотъ періодъ прямо характеризуется своего рода союзомъ между абсолютною государственною властью и раціоналистическимъ просвѣщеніемъ вѣка, союзомъ, которому притомъ ставились извѣстныя преобразовательныя цѣли (бывшія, наприм., чуждыми политической философіи Гоббза).

Это одна сторона дѣла, обращающая на себя наше вниманіе при разсмотрѣніи „просвѣщеннаго абсолютизма“. Другая заключается вотъ въ чемъ. Абсолютизмъ новаго времени былъ однимъ изъ воплощеній государственной идеи, пришедшей на смѣну средневѣковымъ принципамъ католицизма и феодализма. Прежде всего эта идея мыслилась, какъ право государственной власти, заслонявшее собою понятіе о соединенныхъ съ пользованіемъ этою властью обязанностяхъ. То, что можно назвать практическимъ макіавеллизмомъ въ политикѣ новаго времени, вытекало естественно и необходимо изъ взгляда, по которому у короля были права, но не было обязанностей. Само общее понятіе государства представлялось уму главнымъ образомъ со стороны совокупности тѣхъ правъ, коимъ оно надѣлено по природѣ вещей или по изначальному договору, лежащему въ его основѣ: только позднѣе на государство возлагается обязанность служить высшимъ цѣлямъ человѣческой жизни. Въ двухъ разныхъ формулахъ выразилось поэтому различіе въ пониманіи того отношенія, въ какомъ должны находиться между собою носитель государственной власти и само государство: одна формула дѣлала изъ особы короля воплощеніе государства, подчиняла второе первой, именно знаменитое — „l'état c'est moi“ Людовика XIV, тогда какъ другая дѣлала изъ монарха „перваго слугу государства“, по выраженію Фридриха II, тѣмъ самымъ налагая на королевскую власть извѣстныя обязанности по отношенію къ государству. Эпохѣ „просвѣщеннаго абсолютизма“ принадлежитъ болѣе высокое пониманіе государства, нежели то, съ какимъ мы имѣемъ дѣло на протяженіи всего времени, протекшаго отъ Макіавелли до Гоббза, этихъ главныхъ теоретиковъ свѣтскаго абсолютизма. По ихъ представленію задачи государства исчерпываются охраною внутренняго мира и внѣшней безопасности, а Ришелье прямо находилъ ненужнымъ, даже вреднымъ, чтобы народу было хорошо [1]), но къ XVIII вѣку мы встрѣчаемся уже съ болѣе широ-

[1]) Т. II, стр. 402.

кимъ пониманіемъ государственной идеи. Уже извѣстный Томазій училъ, что цѣлями государства являются эвдемонія и антаркія: первая есть гражданское благополучіе (bürgerliche Glückseligkeit), состоящее въ продолжительности и счастливомъ теченіи человѣческой жизни, и все это достигается второю, т. е. достаточностью внѣшнихъ благъ и предметовъ,—вотъ ради достиженія этой-то цѣли и существуетъ государство, которому потому должно принадлежать высшее господство. Такой взглядъ, служившій оправданіемъ полицейскому государству [1]), въ то же время подготовлялъ собою взглядъ, по которому *государство должно было сдѣлаться главнымъ органомъ улучшенія человѣческой жизни*. Другой знаменитый нѣмецкій философъ первой половины XVIII вѣка, Вольфъ находилъ, что нравственный и естественный законъ предписываетъ человѣку совершенствоваться и способствовать совершенствованію другихъ. Понимая самосовершенствованіе не только въ моральномъ смыслѣ, но и въ смыслѣ улучшенія внѣшнихъ условій людского существованія, Вольфъ указывалъ на то, что единичными силами человѣкъ не въ состояніи достигнуть такой цѣли, откуда выводилъ необходимость и обязательность взаимной помощи, ложащейся въ основу государства. Такимъ образомъ послѣднему прямо указывается цѣль способствовать совершенствованію человѣческой жизни. Насколько можно говорить о теоріи просвѣщеннаго абсолютизма, въ ней безграничная власть государства и оправдывалась, какъ единственное средство создать земное благополучіе и усовершенствовать внутреннія отношенія общества.

Разъ государство стало признавать за собою не одни права, но и обязанности, оно теоретически должно было наложить на себя извѣстныя ограниченія. Съ точки зрѣнія послѣднихъ исторія западно-европейскаго абсолютизма можетъ быть раздѣлена на три періода [2]). Въ болѣе раннюю эпоху онъ былъ болѣе практическаго, чѣмъ принципіальнаго свойства: характернѣйшимъ проявленіемъ такого абсолютизма была королевская диктатура Тюдоровъ въ Англіи, мирившаяся съ существованіемъ парламента [3]), но можно указать и на другіе примѣры государственныхъ и земскихъ чиновъ, продолжавшихъ собираться, хотя и безъ важнаго политическаго значенія при полномъ развитіи абсолютизма, какъ это было, напр., въ нѣмецкихъ княжествахъ отъ тридцатилѣтней войны до французской революціи [4]). Теоретикомъ такого абсолютизма былъ во Франціи въ

---

[1]) См. выше, стр. 43. Ср. взглядъ Мозера, на стр. 273

[2]) Ср. вышеуказанную (стр. 277) статью Козера.

[3]) Т. II, гл. XXXII.

[4]) См. выше, стр. 33.

XVI в. Боденъ [1]), который полагалъ, что генеральные штаты, въ то время еще собиравшіеся во Франціи, отнюдь не ограничиваютъ королевской власти. Или еще напр., въ XVII в. Стюарты въ Англіи, стремясь къ абсолютизму, думали видѣть его основу въ той же самой конституціи, которою признавался и парламентъ [2]). Даже въ XVIII в. во Франціи абсолютизмъ Людовика XV и Людовика XVI существовалъ рука объ руку съ парламентами [3]). Но этотъ первоначально скорѣе практическій, нежели принципіальный абсолютизмъ все болѣе и болѣе дѣлался прямо принципіальнымъ, выразившись наилучшимъ образомъ въ извѣстныхъ политическихъ заявленіяхъ Людовика XIV [4]): съ исчезновеніемъ или крайнимъ упадкомъ сословно-представительныхъ учрежденій [5]) на западѣ Европы и восторжествовала эта форма. „Просвѣщенные деспоты“ (despotes éclairés) XVIII в. не менѣе ревниво, чѣмъ Людовикъ XIV, относились къ своей власти и не менѣе его были принципіальными противниками сословнаго представительства, но тѣмъ не менѣе они умѣряли свою власть, налагали на нее извѣстныя ограниченія (по крайней мѣрѣ, въ теоріи), сами *становясь на точку зрѣнія договорнаго происхожденія государства,* какъ налагающаго на монарховъ извѣстныя обязанности: этимъ умѣряющимъ абсолютизмъ факторомъ признавалось „просвѣщеніе“ которое, кромѣ того, указывало государственной власти на ея задачи въ культурной и соціальной жизни.

Но и этимъ еще не исчерпывается вопросъ объ основныхъ признакахъ „просвѣщеннаго абсолютизма“ второй половины XVIII вѣка. Воплощая въ себѣ государственную идею новаго времени, королевская власть выросла въ борьбѣ съ средневѣковыми силами католицизма и феодализма или, говоря вѣрнѣе, съ политическою стороною того и другого. Но у католицизма была еще сторона культурная, у феодализма—сторона соціальная, и абсолютизмъ новаго времени, нанесши ударъ клиру и аристократіи, какъ политическимъ силамъ, въ то же время вступилъ съ ними въ союзъ и взялъ ихъ подъ свое покровительство, самъ въ то же время подчинившись ихъ вліянію, какъ это особенно рельефно выразилось въ конфессіональномъ и придворномъ абсолютизмѣ Филиппа II и Людовика XIV, беря наиболѣе видныхъ его представителей въ XVI и XVII вв. [6]). Политика „просвѣщеннаго абсолютизма“ была *возобновленіемъ прекра-*

---

[1]) Т. II, стр. 391—393.
[2]) Т. II, стр. 451.
[3]) См. выше, стр. 46—47.
[4]) Т. II, стр. 547 и слѣд.
[5]) См. выше, стр. 33 и слѣд.
[6]) Т. II, стр. 298 и слѣд.; 533 и слѣд.

тившейся-было борьбы новаго государства съ католицизмомъ и феодализмомъ и на этотъ разъ не только въ политической ихъ сторонѣ, но и *въ культурно-соціальныхъ ихъ проявленіяхъ.* Продолжая такимъ образомъ старую антикатолическую и антифеодальную традицію государственной власти съ исхода среднихъ вѣковъ, политика второй половины XVIII в. отражала на себѣ одновременно и идеи тогдашняго „просвѣщенія", отстаивавшаго право общества на свободное культурное развитіе, право личности на религіозное самоопредѣленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ вооружавшагося противъ сословныхъ привилегій, которыя выросли на феодальной почвѣ, равно какъ противъ несвободы лица и земли въ сельскомъ быту, наиболѣе удерживавшемъ остатковъ средневѣкового феодализма. Весьма и весьма многія мѣропріятія „просвѣщеннаго абсолютизма" были направлены противъ двухъ сословій, представлявшихъ собою старыя католическія и феодальныя традиціи, чѣмъ между прочимъ и объясняется глухая, а иногда и открытая вражда клира и аристократіи противъ представителей новой политики. Въ этомъ отношеніи „просвѣщенный абсолютизмъ" началъ дѣйствовать въ томъ же направленіи, въ какомъ продолжала революція, и тѣ же общественные классы, которые явились врагами „просвѣщеннаго абсолютизма, сдѣлались впослѣдствіи врагами и революціи. Такъ какъ послѣдняя, кромѣ того, приняла республиканскій характеръ, то въ вызванной ею реакціи абсолютизмъ сблизился именно съ тѣми самыми общественными классами, съ коими онъ находился въ натянутыхъ отношеніяхъ во второй половинѣ XVIII в.

Все, что было сказано до сихъ поръ, имѣло цѣлью показать, что на „просвѣщенный абсолютизмъ" мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на историческое явленіе, характеризующее собою именно извѣстную эпоху въ политической и культурно-соціальной исторіи Западной Европы, а не какъ на общее понятіе, которое можетъ безразлично прилагаться всюду, гдѣ только встрѣтятся нѣкоторые его признаки [1]). Другими словами, этотъ терминъ долженъ былъ бы имѣть такое же значеніе, какъ Ренессансъ, реформація, католическая реакція, т.-е. служить названіемъ для опредѣленной эпохи. Вмѣстѣ съ этимъ на основаніи сказаннаго мы имѣемъ право и точнѣе опредѣлить границы эпохи „просвѣщеннаго абсолютизма": начало ея слѣдуетъ отнести къ 1740 г., когда вступилъ на престолъ Фридрихъ II, „король-философъ" и именно философъ въ духѣ XVIII в., т.-е. вольтеріанецъ, а конецъ, какъ было сказано, къ 1789 году, около котораго сходятъ со сцены и наиболѣе видные дѣятели эпохи, самъ Фридрихъ II

[1]) Приходилось встрѣчаться даже съ зачисленіемъ сюда царствованія Людовика XIV, такъ какъ этотъ король былъ „покровитель наукъ и искусствъ".

(ум. въ 1786 г.) и его младшій современникъ Іосифъ II (ум. въ 1790). На эти полвѣка приходится царствованія—Карла III Испанскаго (1759—1788), при которомъ дѣйствовалъ министръ Аранда, Іосифа-Эмануила Португальскаго и его министра Помбаля (1750—1777), упомянутаго Карла III и его сына Фердинанда IV въ Неаполѣ съ министромъ Тануччи, Леопольда въ Тосканѣ (1765—1790), Христіана VII въ Даніи (1766—1807) съ министромъ Струензе (1769—1772), Густава III въ Швеціи (1771—1792), Карла-Фридриха въ Баденѣ, а къ этимъ представителямъ „просвѣщеннаго абсолютизма" во многихъ отношеніяхъ можно причислить и Екатерину II, назвавъ рядомъ со всѣми ими и польскаго короля Станислава Понятовскаго (1764—1795), который хотя и не былъ абсолютнымъ монархомъ, но также выступилъ въ роли реформатора [1]).

Тѣсная связь между абсолютизмомъ и просвѣщеніемъ въ эту эпоху доказывается между прочимъ тѣми отношеніями, какія существовали тогда между монархами и философами, и тѣми надеждами, которыя послѣдними возлагались на первыхъ. Мы уже знаемъ, что Фридрихъ II, еще будучи кронпринцемъ, вступилъ въ переписку съ Вольтеромъ, и съ этого времени началось *сближеніе между представителями государственной власти и представителями философіи*, примѣры коего нами неоднократно приводились выше [2]). Насколько были искренни отношенія между тѣми и другими, это вопросъ особый, но фактъ все-таки тотъ, что государи и министры второй половины XVIII в. раздѣляли многія воззрѣнія философовъ, сообщали имъ свои предположенія, искали у нихъ сочувствія и популярности, оказывали имъ поддержку, приглашали ихъ къ себѣ на службу и вступали съ ними въ переписку. Около 1765 г. Дидро не безъ основанія писалъ поэтому, что тогда въ Европѣ не было ни одного монарха, который вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ бы философомъ. Со своей стороны „просвѣтители" прошлаго столѣтія *возлагали большія надежды на абсолютную монархическую власть, какъ на ту политическую силу, которая одна только могла дать побѣду въ жизни новымъ идеямъ*. Въ этомъ союзѣ монарховъ и философовъ совершалось сближеніе между началами государственности, нашедшей свое воплощеніе въ абсолютизмѣ, и раціонализма, бывшаго самою характерною чертою „философіи" XVIII вѣка: государство должно было слѣдовать указаніямъ разума. Въ своемъ мѣстѣ мы отмѣтили, что на точкѣ зрѣнія такого „просвѣщеннаго абсолютизма" стоялъ самъ Вольтеръ [3]). Его поли-

[1]) См. мою книгу „Польскія реформы XVIII в.".
[2]) См. стр. 153, 160, 163—164, 178, 213, 217, 218, 222, 228, 243, 245 и др.
[3]) См. выше, стр. 167—168.

тическій идеалъ можно опредѣлить, какъ деспотизмъ, умѣряемый „терпимостью“ и „просвѣщеніемъ“, и онъ думалъ, что все дѣло не во внѣшнемъ переворотѣ, а въ измѣненіи мыслей тѣхъ, которые призваны управлять людьми. Кондорсе въ своей біографіи Вольтера защищаетъ его отъ обвиненія „въ слишкомъ большой любви къ единоличному правленію“. Вмѣсто того, говоритъ онъ, чтобы объявить войну деспотизму прежде, чѣмъ разумъ сдѣлается достаточно сильнымъ, и призывать народы къ свободѣ прежде, чѣмъ они ее узнаютъ и полюбятъ“, философъ долженъ „указать какъ имъ, такъ и ихъ владыкамъ на злоупотребленія, въ уничтоженіи которыхъ одинаково заинтересованы и повелѣвающіе и повинующіеся“ [1]). Но Вольтеръ хотѣлъ сочетать политическій абсолютизмъ съ культурною свободою, съ свободою совѣсти, мысли и слова, какъ устнаго, такъ и печатнаго. Вотъ почему онъ привѣтствовалъ вступленіе въ министерство философа и экономиста Тюрго [2]), а Тюрго самъ стоялъ на точкѣ зрѣнія „просвѣщеннаго абсолютизма“. Защищая „просвѣщеніе“ отъ католическаго фанатизма, Вольтеръ въ духовенствѣ видѣлъ и главнаго врага государственной власти, указывая представителямъ послѣдней на то, что имъ всегда приходилось выдерживать борьбу со стороны властолюбивыхъ священниковъ, тогда какъ философы никогда не становились на дорогѣ монарховъ, а потому между тѣми и другими, имѣющими въ клирѣ общаго врага, долженъ былъ быть заключенъ тѣсный союзъ, отъ котораго только и могло бы произойти общее благо. На точкѣ зрѣнія „просвѣщеннаго абсолютизма“ стояла и школа физіократовъ. Уже Кенэ, мечтая о реализаціи своей экономической системы, нуждался въ такой власти, которая могла бы совершить эту реализацію: онъ требовалъ поэтому полнаго единства и безусловнаго господства верховной власти, возвышающейся во имя общаго блага надъ противоположными интересами частныхъ лицъ. Мерсье де-ла-Ривьеръ, одинъ изъ наиболѣе вѣрныхъ истолкователей принциповъ физіократіи, въ сочиненіи своемъ „Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques“ развивалъ ту мысль, что „законный деспотизмъ“ (le despotisme légal), какъ онъ выражался, одинъ въ состояніи осуществить общее благо, установивъ естественный общественный порядокъ, чѣмъ, какъ мы знаемъ, онъ вызвалъ полемику со стороны Мабли [3]). Физіократъ, нападая на теорію раздѣленія и равновѣсія властей, или ученіе о политическихъ противовѣсахъ, разсуждалъ такимъ образомъ: если основы хорошаго правленія очевидны

---

[1]) Рус. пер. (В. В. Чуйко), стр. 149.

[2]) См. выше, стр. 169.

[3] См. выше, стр. 235 и слѣд.

для власти, и она захочетъ поступать сообразно съ ними на благо общества, то „контрофорсы“ могутъ лишь помѣшать ей въ этомъ дѣлѣ, и наоборотъ, въ нихъ нѣтъ надобности, разъ основы хорошаго правленія остаются неизвѣстными власти, такъ что напрасно изъ боязни, что правитель можетъ быть невѣжественнымъ, ему противопоставляютъ людей едва умѣющихъ управлять самими собою. Мы еще увидимъ, почему къ числу литературныхъ защитниковъ „просвѣщеннаго абсолютизма“ нужно причислить и Тюрго, реформаторская дѣятельность коего въ царствованіе Людовика XVI можетъ разсматриваться, какъ одно изъ частныхъ проявленій системы. И Вольтеръ, и физіократы съ министромъ-реформаторомъ Тюрго вовсе не думали о политическомъ переустройствѣ, надѣясь, что для желаемыхъ ими реформъ „le despotisme légal“ былъ вполнѣ подходящею формою государственной власти. Несовершенство тѣхъ учрежденій, въ коихъ въ тогдашней Европѣ осуществлялся принципъ политической свободы [1]), могло лишь служить для нихъ лишнимъ аргументомъ въ пользу ихъ основной идеи, тѣмъ болѣе, что сословно - представительныя учрежденія, выросшія на католико-феодальной почвѣ, защищали тѣ самые интересы, которые „философія“ XVIII в. желала подчинить идеѣ общаго блага. Защищая Вольтера отъ упомянутаго обвиненія въ пристрастіи къ единоначалію, Кондорсе замѣчаетъ, что философа „никогда не обманывали ни французская магистратура (парламенты), ни шведскіе и польскіе дворяне, называвшіе свободой иго, подъ которымъ они хотѣли давить народъ“. Вольтеръ желалъ прежде всего культурныхъ измѣненій, физіократы—соціальныхъ, и ихъ противниками были два общественныхъ класса, противъ коихъ пришлось выступить и государственной власти. Фридрихъ II не менѣе физіократовъ былъ противникомъ теоріи раздѣленія властей, развитой въ „Духѣ законовъ“ Монтескье.

И теоретики, и практики „просвѣщеннаго абсолютизма“ *относились съ величайшимъ недовѣріемъ къ общественнымъ силамъ*, такъ что ихъ девизомъ могло бы быть изреченіе: „все для народа и ничего посредствомъ народа“. Ихъ системѣ пришлось дѣйствовать въ наиболѣе отсталыхъ странахъ, гдѣ правительство шло впереди общества, продолжавшаго жить конфессіонально-сословными традиціями, и если абсолютизмъ встрѣчалъ здѣсь какую-либо оппозицію, то главнымъ образомъ со стороны консервативныхъ элементовъ. Южно-романскія страны находились въ полномъ культурномъ упадкѣ, и то же самое можно сказать объ Австріи: всѣ онѣ испытали на себѣ слѣдствія католической реакціи. Въ Даніи деспотизмъ былъ не лучше

[1]) См. выше, стр. 56 и слѣд.

турецкаго, какъ выражается Шлоссеръ. Пруссія второй половины XVIII в. могла даже своею косностью вызвать у Фридриха II признаніе въ томъ, что ему „надоѣло царствовать надъ рабами". Въ обществѣ такихъ странъ не могло быть преобразовательной иниціативы,—могла быть, наоборотъ, лишь оппозиція противъ начинаній, затрогивавшихъ консервативные интересы. Реформа шла сверху, отъ государственной власти, на сторонѣ которой была сила и которая считала себя въ правѣ дѣйствовать посредствомъ силы во имя принципа: „salus populi suprema lex". Все дѣлалось путемъ власти, ничего не оставлялось на долю общественной самодѣятельности. Впрочемъ, послѣдняя, выражавшаяся раньше въ феодальныхъ, муниципальныхъ и сословно-представительныхъ формахъ, давно находилась въ упадкѣ, такъ сказать, совершенно почти изсякла въ то время, наоборотъ, когда государство, сдѣлавшись первѣйшею силою, въ сознаніи именно этой своей силы считало себя въ правѣ разсматривать само общество, какъ чисто пассивный матеріалъ, подлежащій обработкѣ со стороны власти и зависящихъ отъ нея органовъ управленія. Притомъ всякое участіе общественныхъ силъ въ дѣлахъ правленія, принимая характеръ ограниченія власти, не только казалось несоотвѣтствующимъ тѣмъ правамъ, которыя должны были принадлежать послѣдней, но и вреднымъ, поскольку со стороны консервативно настроенныхъ общественныхъ силъ можно было скорѣе ожидать не содѣйствія, а противодѣйствія преобразовательнымъ начинаніямъ: дѣйствительно, тамъ, гдѣ сохранялись еще „чины", они проявляли оппозиціонное отношеніе ко многимъ мѣропріятіямъ, коихъ требовала новая государственная политика. Часто между новымъ и старымъ сдѣлки быть не могло, и въ монархіи Іосифа II распря дошла до насильственнаго образа дѣйствій со стороны короля, сдѣлавшагося „революціонеромъ на тронѣ", и до возстанія подданныхъ, которые защищали вмѣстѣ съ отжившими культурно-соціальными принципами и политическую свободу. Наконецъ, государство стремилось къ централизаціи, къ ослабленію провинціальной обособленности, особенно бывшей сильною въ такихъ монархіяхъ, какъ Пруссія и Австрія, а отвлеченная идея государства, развивавшаяся въ политической литературѣ XVIII в., прямо была враждебна какимъ бы то ни было областнымъ отличіямъ, основывавшимся на историческомъ правѣ; между тѣмъ разные ландтаги были именно проникнуты духомъ провинціализма.

Мы уже видѣли, что раціонализмъ, отличающій „просвѣщеніе" XVIII в., былъ самъ по себѣ направленіемъ антиисторическимъ [1]);

---

[1]) См. выше, стр. 149.

абсолютизмъ равнымъ образомъ былъ противникомъ историческаго права сословій и областей, вступивъ въ борьбу съ привилегіями духовенства и дворянства и съ провинціальнымъ сепаратизмомъ, опиравшимися на историческое свое право, и *этому послѣднему онъ противопоставилъ естественное право тогдашней философіи*, на коемъ основывалась и сама государственная власть въ новыхъ политическихъ теоріяхъ. Неблагопріятная исторически сложившемуся соціальному строю идея естественнаго права была, наоборотъ, весьма благопріятна для личной свободы. „Просвѣщенный абсолютизмъ" относился весьма двойственно къ этому предмету: поскольку онъ самъ былъ лишь примѣненіемъ къ жизни—государственной идеи Гоббза [1], а главное—былъ лишь видоизмѣненіемъ „полицейскаго государства [2], постольку онъ не давалъ свободы проявленію индивидуальныхъ силъ, но это касалось, преимущественно тѣхъ сферъ, въ коихъ заинтересована была сама государственная власть; но въ другихъ отношеніяхъ, гдѣ права личности ограничивались не въ интересахъ этой власти, а въ силу традиціонныхъ культурныхъ и соціальныхъ отношеній, *„просвѣщенный абсолютизмъ" содѣйствовалъ эманципаціи личности*, главнымъ образомъ именно установляя вѣротерпимость, вводя въ извѣстной мѣрѣ принципъ свободы въ духовную жизнь общества, содѣйствуя его эманципаціи отъ клерикальной опеки, стремясь къ отмѣнѣ крѣпостного права или вообще къ ослабленію и ограниченію помѣщичьей власти и т. п. Эта двойственность, впрочемъ, должна считаться лишь однимъ изъ проявленій тѣхъ противорѣчій, которыми вообще отличается система „просвѣщеннаго абсолютизма". Будучи одновременно продолженіемъ старой королевской политики и примѣненіемъ новой государственной идеи въ духѣ свѣтскаго абсолютизма Гоббза, система эта не всегда жила въ ладу не только съ старыми историческими силами, но и новыми требованіями „просвѣщенія", поскольку послѣднее защищало права личности и общества, не говоря уже о томъ, что консервативная оппозиція часто вынуждала представителей власти прибѣгать прямо къ насилію для утвержденія началъ просвѣщенія, терпимости и гуманности. Этими противорѣчіями исполнена и дѣятельность двухъ наиболѣе видныхъ представителей „просвѣщеннаго абсолютизма", съ которыми мы познакомимся подробнѣе, и тѣ же противорѣчія встрѣтимъ въ теоріи революціи.

---

[1]) Т. II, стр. 610 и слѣд.
[2]) См. выше, стр. 49.

XX. Страны „просвѣщеннаго абсолютизма" и его представители.

Англія, Польша и Франція въ эпоху «просвѣщеннаго абсолютизма».—Протестантскія и католическія страны въ эту эпоху.—Сравненіе между Пруссіей и Австріей.—Фридрихъ II и Іосифъ II.—Швеція при Густавѣ III.—Данія въ XVIII в.—Два недостатка системы.—Абсолютные государи и всесильные министры.—Португалія при Помбалѣ.—Испанія при Карлѣ III.—Тануччи.—Нѣсколько общихъ замѣчаній.

„Просвѣщенный абсолютизмъ" былъ явленіемъ общеевропейскаго характера: представляя изъ себя совершенно особый моментъ въ культурно-соціальной исторіи западно-европейскаго государства, сбрасывавшаго съ себя средневѣковыя клерикально-феодальныя формы, онъ не былъ порожденъ условіями какой-либо одной страны, какъ ни различно проявлялся онъ въ каждой изъ нихъ въ отдѣльности. Изъ общаго правила были, конечно, исключенія. Первымъ изъ нихъ была, разумѣется, Англія и понятно—по какой причинѣ: во-первыхъ, въ ней въ XVIII в. побѣдила окончательно конституціонная монархія; во-вторыхъ, многія изъ тѣхъ отношеній, которыя въ другихъ странахъ только еще предстояло установить (вѣротерпимость, освобожденіе общества отъ клерикальной опеки, уничтоженіе крѣпостничества и т. п.), въ Англіи были осуществлены раньше, и если „просвѣщенный абсолютизмъ" былъ далекъ отъ какого бы то ни было намѣренія подражать англійскому политическому режиму, то, наоборотъ, культурный и соціальный бытъ Англіи былъ какъ разъ тѣмъ, что въ концѣ концовъ должно было бы сдѣлаться результатомъ системы, если бы только она проводилась послѣдовательно, полно и достаточно продолжительно. Затѣмъ мы не видимъ „просвѣщеннаго абсолютизма" въ Польшѣ и опять понятно, почему это такъ: во-первыхъ, и тутъ не было абсолютной королевской власти, а во-вторыхъ, здѣсь прямо господствовали два сословія, духовенство и дворянство (шляхта), противъ которыхъ направлялась бо́льшая часть культурныхъ и соціальныхъ мѣропріятій „просвѣщеннаго абсолютизма." Тѣмъ не менѣе, правда, Польша особенно нуждалась въ такихъ реформахъ, какъ вѣротерпимость и уничтоженіе крѣпостничества, и общій духъ преобразовательной дѣятельности второй половины XVIII в. коснулся и этой страны при ея послѣднемъ королѣ, Станиславѣ Понятовскомъ. Если Англія переросла необходимость „просвѣщеннаго абсолютизма", то Польша, наоборотъ, не доросла до того, чтобы принять просвѣтительныя преобразованія,

такъ какъ ея культурный слой былъ настроенъ и нетерпимо, и крѣпостнически. Во Франціи, главномъ очагѣ „просвѣщенія,“ весьма значительная часть зажиточнаго и образованнаго класса, напротивъ того, желала реформъ въ духѣ новыхъ идей, но хотя въ этой странѣ существовала абсолютная королевская власть, однако, и здѣсь система „просвѣщеннаго абсолютизма“ не примѣнялась, впослѣдствіи же, не получивъ желательныхъ реформъ, французское общество уже прямо стало добиваться политической свободы. Почему случилось такъ, т.-е. почему Франція XVIII в. не знала „просвѣщеннаго абсолютизма,“ это мы еще увидимъ послѣ, но причины этого явленія не совпадаютъ съ тѣми, которыя дѣйствовали въ Англіи и въ Польшѣ: страна была абсолютной монархіей, нуждалась въ реформахъ, коихъ Англіи уже было ненужно, и обладала прогрессивнымъ общественнымъ классомъ, какого не было въ Польшѣ. Въ послѣднемъ отношеніи дѣло реформъ во Франціи находилось въ лучшемъ положеніи, чѣмъ въ другихъ монархіяхъ: въ буржуазіи французское правительство могло бы имѣть живую силу, весьма важную опору, какой были лишены правительства другихъ странъ, встрѣчавшія больше несочувствія, чѣмъ сочувствія въ обществѣ, такъ какъ въ послѣднемъ преобладали клерикальные и аристократическіе элементы и было весьма слабо развито среднее сословіе. Во Франціи реформа, задержанная сверху, пошла поэтому снизу, и въ числѣ странъ, на которыя французская революція оказала вліяніе, была и Польша.

За указанными исключеніями всѣ главныя западно-европейскія государства въ большей или меньшей степени испытали на себѣ дѣйствіе „просвѣщеннаго абсолютизма.“ Но и въ нихъ общее начало системы разнообразится въ своихъ примѣненіяхъ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Прежде всего *нужно различать между протестантскими и католическими странами.* Въ эпоху религіозной реформаціи въ первыхъ изъ нихъ произошло освобожденіе государства отъ внѣшней власти папы, подчиненіе правительству національнаго духовенства, ослабленіе его соціальнаго значенія посредствомъ секуляризаціи церковной собственности и т. д., и въ XVIII в. этимъ странамъ ничего уже не приходилось существеннымъ образомъ измѣнять въ церковной области, тогда какъ католическія правительства эпохи вынуждены были, не касаясь существа религіи, реформировать церковно-политическія и церковно-общественныя отношенія какъ разъ въ томъ же духѣ, въ какомъ это сдѣлано было протестантскими государствами уже въ реформаціонную эпоху. Представительницей протестантскихъ странъ въ XVIII в. можетъ служить Пруссія, представительницей католическихъ—Австрія: первая изъ нихъ въ реформаціонную эпоху достигла того, къ чему вторая только еще стремилась при Іосифѣ II, желав-

шемъ освободить государство и общество отъ опеки курiи и клира и превратить духовенство въ зависимое отъ правительства чиновничество.

Мы главнымъ образомъ и остановимся на этихъ двухъ нѣмецкихъ державахъ въ занимающую насъ эпоху, тѣмъ болѣе, что два самые крупные представителя „просвѣщеннаго абсолютизма" были Фридрихъ II Прусскій и Іосифъ II Австрійскій. Между Пруссіей и Австріей существовало не только одно вѣроисповѣдное различіе, дѣлавшее далеко неодинаковыми задачи государственной власти въ той и другой странѣ, но были и различія иного рода. Во-первыхъ, хотя Прусская монархія и составилась изъ разныхъ княжествъ [1]), тѣмъ не менѣе здѣсь гораздо легче было провести централизацію, чѣмъ въ государствахъ габсбургскаго дома, которыя мы теперь лишь анахронически называемъ Австріей [2]): въ то самое время, какъ въ составъ Пруссіи входили земли съ нѣмецкимъ населеніемъ, габсбургская монархія состояла изъ разныхъ національностей, изъ коихъ нѣкоторыя (Венгрія, Бельгія) отстаивали свои историческія права противъ всеуравнивавшей централизаціи. Наконецъ, *Австрія была страною, и болѣе феодальною, чѣмъ Пруссія,* и власть здѣсь встрѣтила болѣе сильныя препятствія, чѣмъ въ государствѣ Фридриха II, особенно въ области соціальныхъ преобразованій, къ коимъ главнымъ образомъ относилось измѣненіе крестьянскаго быта. Пруссія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могла быть прямо образцомъ, коему болѣе отсталая Австрія должна была подражать, независимо отъ того, что Фридрихъ II и по личнымъ своимъ качествамъ дѣлался предметомъ подражанія. Обѣ страны, кромѣ того, жили въ постоянномъ политическомъ антагонизмѣ, причемъ уже тогда намѣчался разладъ между ними по вопросу о томъ, кому играть первенствующую роль въ Германіи, т.-е. по тому вопросу, который разрѣшился лишь въ 1866 г.; но это относится уже къ исторіи объединенія Германіи, которую мы теперь не разсматриваемъ.

Сравненіе между прусской и австрійской исторіями въ XVIII в. любопытно и въ другомъ отношеніи. Фридрихъ II, этотъ „король-философъ", и Іосифъ II, бывшій «революціонеромъ на тронѣ», являются двумя «просвѣщенными деспотами» совершенно различнаго характера. Одинъ не измѣнялъ существеннымъ образомъ династическимъ традиціямъ Гогенцоллерновъ, ихъ военно-хозяйственному режиму, другой, наоборотъ, пошелъ въ разрѣзъ съ консервативной, клерикально-феодальной политикой габсбургской династіи. Отношеніе обоихъ къ философіи XVIII в. также было различное: одинъ проникался больше ея раціонализмомъ, усвоивъ себѣ ея скептическую сторону, на другого силь-

---

[1]) См. выше, стр. 37.

[2]) См. выше, стр. 40 и 51. Ср. 130.

нѣе дѣйствовала филантропія, гуманная сторона философіи. Одинъ былъ реалистъ, другой — идеалистъ, и если одинъ, какъ практикъ, проявлялъ свою дѣятельность преимущественно въ мѣропріятіяхъ техническаго характера, то другой, наоборотъ, исходя изъ теоріи, ставилъ вопросы внутренней политики ребромъ, принципіально. Въ Пруссіи, какъ мы видѣли, и измѣнять приходилось меньше, чѣмъ въ Австріи, да и король прусскій менѣе былъ склоненъ къ крутымъ перемѣнамъ, равно какъ и общество было вообще пассивнѣе, тогда какъ въ Австріи консервативная оппозиція была сильнѣе, и личный характеръ монарха толкалъ его на путь болѣе радикальныхъ реформъ: если въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ прямо существуетъ родство между „просвѣщеннымъ абсолютизмомъ" и французской революціей, то оно, главнымъ образомъ, касается Іосифа II. Между нимъ и Фридрихомъ II приблизительно такая же разница, какая была между Руссо и Вольтеромъ, между этими „сердцемъ" и „головой" XVIII в.: это — двѣ историческія фигуры, отлично дополняющія одна другую, столь же рельефно представляющія собою двѣ различныя стороны новой политики, какъ Вольтеръ и Руссо представляли собою два разные полюса «философіи» XVIII в.

Такимъ образомъ, на примѣрѣ Пруссіи и Австріи весьма легко познакомиться съ очень разнообразными видоизмѣненіями „просвѣщеннаго абсолютизма", и потому другія страны могутъ быть привлечены къ разсмотрѣнію лишь для сравненія и для бо́льшей полноты общей картины. Къ числу этихъ странъ нужно отнести два скандинавскія государства —Швецію и Данію. Въ первой изъ нихъ въ 1772 г. Густавъ III произвелъ государственный переворотъ, усилившій королевскую власть, которая передъ тѣмъ, находилась въ совершенномъ упадкѣ [1]). Поступокъ Густава III, спасшаго Швецію отъ судьбы Польши, встрѣтилъ одобреніе со стороны просвѣтителей XVIII в., но причины ихъ сочувствія заключались не въ томъ, что король избавилъ страну отъ губившей ее анархіи, а въ томъ, что, считая Густава III однимъ изъ своихъ, сторонникомъ „просвѣщенія", они расчитывали на него, какъ на будущаго сокрушителя суевѣрій и несправедливостей. Воспитанникъ гр. Тессина, бывшаго прежде шведскимъ посланникомъ въ Парижѣ, большого почитателя французской литературы, Густавъ III освоился съ ея идеями, хотя далеко не проникался ими настолько, чтобы не на однихъ только словахъ быть ученикомъ Вольтера и Монтескье.

---

[1]) См. выше, стр. 36. См. Gejer. Des Königs Gustav III nachgelassene Papiere (перев. съ шведскаго). — Geffroy. Gustave III et la cour de France. — Léouzon le Duc. Gustave III, roi de Suède. — Odhner. Sveriges politisca under Gustaf III's regering.—De Nervo. Gustave III, roi de Suède et Anckarström.

Вольтеру было извѣстно, что будущій шведскій король принадлежитъ къ числу поклонниковъ философіи, и потому онъ возлагалъ большія надежды на его царствованіе. Съ своей стороны, наслѣдный принцъ шведскій, еще своему отцу совѣтовавшій совершить государственный переворотъ, видѣлъ въ сочувствіи „философовъ“, задававшихъ тонъ общественному мнѣнію, своего рода поддержку въ задуманномъ имъ дѣлѣ. Въ 1770 г. онъ совершилъ путешествіе на континентъ и посѣтилъ Парижъ, съ коимъ уже раньше находился въ литературныхъ сношеніяхъ. Вотъ почему и Густава III мы можемъ причислить къ „просвѣщеннымъ деспотамъ“ XVIII в. Хотя переворотъ 1772 г. не уничтожилъ въ Швеціи государственнаго сейма, но значеніе послѣдняго было донельзя ограничено: король могъ не созывать сейма, въ случаѣ нужды могъ устанавливать налоги безъ его согласія, и у сословій не было законодательной иниціативы. Можно сказать, что конституція 1772 г. позволяла Густаву III править Швеціей совершенно неограниченно. Не обращая никакого вниманія на то, что по конституціи для изданія новыхъ законовъ требовалось согласіе государственныхъ чиновъ, Густавъ III предпринялъ рядъ реформъ, подобныхъ тѣмъ, которыя вводились въ другихъ странахъ „просвѣщеннаго абсолютизма“. Правда, въ его преобразовательной дѣятельности многое было расчитано только на показъ, такъ какъ онъ добивался прежде всего популярности среди вождей общественнаго мнѣнія за границей, а внутри страны онъ болѣе гнался за пышностью и блескомъ, такъ что по существу дѣла онъ былъ скорѣе ученикомъ версальскаго двора, чѣмъ „просвѣтителей“ XVIII вѣка. Притомъ онъ хотѣлъ удивить міръ громкими подвигами, уже прославившими имена его предковъ—Карла XII и Густава-Адольфа, что было не по средствамъ такой бѣдной страны, какъ Швеція. Густавъ III вооружилъ противъ себя дворянство, но не съумѣлъ расположить въ свою пользу народъ; духовенство также было имъ недовольно, а все это заключало въ себѣ сѣмена реакціи противъ короля, который самъ, въ свою очередь, сдѣлался въ концѣ своей жизни однимъ изъ главныхъ представителей монархической реакціи противъ французской революціи. Глубокаго значенія преобразовательная дѣятельность Густава III, кромѣ совершеннаго имъ переворота, не имѣла: его „просвѣщенный абсолютизмъ“ былъ болѣе внѣшній и поверхностный, но во всякомъ случаѣ, такъ ли, иначе ли, и Швеція при этомъ королѣ вступила въ число странъ, на которыя было оказано вліяніе общимъ духомъ новой политики абсолютизма.

Нѣсколько раньше, чѣмъ Швеція, подверглась дѣйствію новаго направленія и Данія. Абсолютизмъ, установившійся въ этомъ государствѣ въ 1660 г., соединялся съ рѣзкою лютеранскою исключительностью,

особенно при Христіанѣ VI (1730—1746 [1]). Но уже преемникъ этого короля, Фридрихъ V (1746—1766), началъ дѣйствовать въ духѣ „просвѣщеннаго абсолютизма“, имѣя опытнаго и образованнаго совѣтника въ лицѣ ганноверскаго уроженца графа Бернсторфа, ставшаго проводникомъ нѣмецкаго культурнаго вліянія въ Даніи. Впрочемъ, настоящимъ представителемъ новой политики сдѣлался здѣсь въ царствованіе слѣдующаго короля, Христіана VII, Струензе, по происхожденію также нѣмецъ [2]). Человѣкъ недюжинныхъ способностей и обширнаго образованія, врачъ по профессіи, большой притомъ честолюбецъ, строившій, однако, планы, отъ исполненія коихъ онъ самъ ожидалъ общаго блага, Струензе, не въ примѣръ Бернсторфа, чуждавшагося французской культуры, былъ поклонникомъ энциклопедистовъ. Овладѣвъ довѣріемъ молодого, нравственно испорченнаго и лѣниваго короля, сдѣлавшись любовникомъ королевы (англійской принцессы Матильды), онъ скоро взялъ въ свои руки бразды правленія, вытѣснивъ Бернсторфа (1769). Съ самыми прекрасными намѣреніями — просвѣтить и осчастливить Данію, Струензе, къ сожалѣнію, не соединялъ правительственной опытности, а кромѣ того, ему много мѣшали нѣкоторыя его личныя слабости, какъ, напр., надменное обращеніе, пустое чванство своимъ вліяніемъ и т. п. Понятное дѣло, что человѣкъ, начавшій ограничивать дворянскія привилегіи и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовавшій въ духѣ вольномысленнаго „просвѣщенія“, долженъ былъ возбудить противъ себя аристократическую и піэтистическую оппозицію, которая воспользовалась введенною Струензе свободою печати для того, чтобы бороться путемъ прессы противъ его нововведеній и противъ него самого. Простой народъ не могъ сразу понять, что многія правительственныя мѣропріятія имѣли цѣлью облегченіе его положенія, а нѣкоторыя ошибки Струензе прямо эксплуатировались во вредъ министру, тѣмъ болѣе, что временщикъ былъ нѣмецъ, не считавшій даже нужнымъ переводить податски королевскія распоряженія, и обогащалъ на казенный счетъ своихъ родныхъ и приспѣшниковъ. Всеобщее недовольство заставило Струензе,—получившаго титулъ графа и должность кабинетъ-министра, подпись котораго была равносильна королевской, — дѣйствовать посредствомъ насилія. Противъ министра - реформатора, въ теченіе полутора лѣтъ издавшаго около шестисотъ новыхъ распоряженій, составился заговоръ, у слабохарактернаго короля вынудили приказъ объ арестѣ Струензе, и этотъ представитель „просвѣщеннаго абсолютизма“ кончилъ жизнь на эшафотѣ, обвиненный въ государственной

---

[1]) L. Koch. Kong Christian den Siettes Historie.

[2]) Jensen-Tusch. Die Verschwörung gegen Karoline-Mathilde und Struensee.— K. Wittich. Struensee.

измѣнѣ и преступленіи противъ религіи. Реформы Струензе были отмѣнены и только лишь послѣ того, какъ наслѣдный принцъ (впослѣдствіи Фридрихъ VI) вынудилъ у короля для себя регентство (1784), Данія снова выступила на путь либеральныхъ реформъ, проводившихся на этотъ разъ Бернсторфомъ Младшимъ (племянникомъ вышеназваннаго) съ большею осмотрительностью.

Болѣе или менѣе внѣшнее, поверхностное отношеніе Густава III къ просвѣщенію XVIII в. и отсутствіе всякой опытности и осмотрительности въ преобразовательной дѣятельности Струензе не составляютъ собою единичныхъ исключеній: *не всѣ дѣятели „просвѣщеннаго абсолютизма“ были глубоко и искренне проникнуты новыми общественными идеями, а, подчиняясь имъ болѣе или менѣе, на самомъ дѣлѣ не всегда обнаруживали умѣлость въ проведеніи ихъ на практикѣ.* Мы увидимъ еще, что въ первомъ отношеніи Густавъ III былъ лишь наиболѣе рѣзкимъ представителемъ тѣхъ государственныхъ людей XVIII в., которые, стараясь заслужить похвалу „философовъ“, были весьма далеки отъ того, чтобы руководствоваться преимущественно „философіей“ въ своемъ политическомъ поведеніи: изъ числа такихъ дѣятелей былъ именно и Фридрихъ II. То, что можно поставить въ укоръ Струензе, равнымъ образомъ характеризуетъ, напр., Іосифа II: и у него страшно развитая самонадѣянность и деспотизмъ въ проведеніи недостаточно обдуманныхъ мѣропріятій соединялись съ самыми благими намѣреніями и съ бóльшею, чѣмъ у Фридриха II или Густава III, зависимостью отъ „просвѣщенія“, хотя бы вліяніе послѣдняго на самую личность прусскаго короля было и большее по сравненію съ Іосифомъ II. Весьма часто тѣ или другія мѣры „просвѣщеннаго абсолютизма“ болѣе объясняются абсолютизмомъ съ его старыми традиціями, чѣмъ духомъ вѣка, вслѣдствіе чего онѣ становились нерѣдко даже въ противорѣчіе съ идеями „просвѣщенія“. Да и самонадѣянность эта, вѣра въ собственную непогрѣшимость, какою отличалось, пожалуй, большинство представителей системы, выросли на почвѣ стараго абсолютизма, и уже прямо отъ склада ума и личнаго характера того или другого дѣятеля зависѣло, насколько дѣло, имъ на себя одного бравшееся, соотвѣтствовало его уму, способностямъ, знаніямъ, опытности и умѣнію.

На примѣрѣ Даніи въ эпоху Струензе мы видимъ, кромѣ того, что *иниціатива преобразовательной дѣятельности въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“ не всегда принадлежала самой королевской власти*, такъ какъ въ реформахъ, задуманныхъ и проведенныхъ Струензе, Христіанъ VII былъ ни при чемъ. И это опять-таки не единственный случай. Гораздо раньше того времени, когда духъ „просвѣщеннаго абсолютизма“ коснулся скандинавскихъ государствъ, новое полити-

ческое направленіе дѣйствовало уже въ южно-романскихъ странахъ, въ Португаліи, въ Испаніи и въ Неаполитанскомъ королевствѣ, и вездѣ въ роли просвѣщенныхъ деспотовъ выступили не сами царствовавшіе тогда короли, а всемогущіе министры. Въ эпоху полнаго развитія абсолютизма не всѣ носители верховной власти обладали иниціативой и энергіей, и въ такихъ случаяхъ фактически управляли государствомъ первые министры въ родѣ кардинала Ришелье при Людовикѣ XIII. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если въ разсматриваемую эпоху въ однихъ государствахъ въ роли реформаторовъ выступаютъ сами государи, а въ другихъ эту роль берутъ на себя министры менѣе способныхъ и менѣе дѣятельныхъ королей. Такъ было въ Даніи, гдѣ притомъ Струензе удалось продержаться во главѣ правленія лишь очень короткое время,—фактъ, опять-таки находящій аналогію въ другихъ странахъ въ томъ смыслѣ, что положеніе такихъ временщиковъ не отличалось особою прочностью.

Исторія „просвѣщеннаго абсолютизма" въ Португаліи связана съ именемъ маркиза Помбаля [1]). Въ первой половинѣ XVIII в. въ этой странѣ,—съ XVI в. находившейся во власти католической реакціи,—царствовалъ Іоаннъ V (1706—1750), получившій отъ куріи названіе „самаго вѣрнаго короля" (rex fidelissimus), ибо въ его правленіе господство клира достигло въ странѣ своего апогея. Уже при немъ будущій министръ-реформаторъ обратилъ на себя вниманіе своими способностями и ученостью и сталъ получать важныя дипломатическія порученія. Преемникъ Іоанна V, Іосифъ I (1750—1777) сдѣлалъ Помбаля сначала министромъ иностранныхъ дѣлъ, но весьма скоро и вообще все правленіе сосредоточилось въ рукахъ этого министра, поставившаго своею задачею освободить Португалію отъ всякаго политическаго вліянія извнѣ, а государственную власть—отъ церковнаго соправительства. Мы еще увидимъ, къ какимъ мѣрамъ обратился Помбаль, чтобы достигнуть своей цѣли утвердить права свѣтскаго государства и отнять народное просвѣщеніе изъ рукъ духовенства, отмѣтивъ здѣсь только то, что именно онъ подалъ примѣръ изгнанія іезуитовъ (1759), примѣръ, коему послѣдовали черезъ нѣсколько лѣтъ другія католическія правительства. Въ своей преобразовательной дѣятельности, задѣвавшей также и интересы дворянства, Помбаль встрѣтился съ сильной оппозиціей, противъ которой сталъ дѣйствовать съ несокрушимой энергіей и даже жестокостью: недаромъ еще Іоаннъ V разгадалъ въ немъ „щетинистое сердце". Старому порядку, поддерживавшему культурное господство духовенства и соціальныя привилегіи дворянства, онъ про-

---

[1]) Старое (1843) соч. John Smith. Memoirs of the Marquis of Pombal. См. также Schäfer. Geschichte von Portugal (томъ V).

тивопоставилъ иную систему, сложившуюся подъ вліяніемъ „философіи“ XVIII в., и, опираясь на довѣріе короля, началъ сокрушать все, что встрѣчалъ на своемъ пути къ достиженію указанной цѣли. По общему характеру этой дѣятельности Помбаль былъ настоящій деспотъ, не останавливавшійся передъ средствами и не обращавшій никакого вниманія ни на то, что считалось правомъ, ни на общественное мнѣніе, враждебное ему, разъ въ этомъ мнѣніи находили свое выраженіе консервативные интересы, ни на препятствія, лежавшія въ нравахъ, привычкахъ, предразсудкахъ націи: его преобразовательная дѣятельность, глубоко шедшая въ культурную и соціальную жизнь націи, охватывавшая церковь и народное образованіе, право и финансы, промышленность и торговлю и т. п., напоминаетъ намъ, напр., властное пересозданіе русской жизни Петромъ Великимъ. Противъ Помбаля при дворѣ велась постоянная интрига, но король крѣпко держался министра, поднявшаго Португалію изъ упадка, въ какомъ прежде она находилась. Когда по смерти Іосифа I на престолъ вступила его дочь Марія, министръ, въ то время почти уже восьмидесятилѣтній старикъ (род. въ 1699 г.), подалъ въ отставку, присоединивъ къ прошенію отчетъ о своемъ управленіи. Королева, женщина слабоумная, и ея супругъ Донъ Педро, отличавшійся ханжествомъ, согласились на эту отставку, и затѣмъ началась реакція противъ всего того, что сдѣлано было Помбалемъ. Враги бывшаго министра, многіе изъ которыхъ сидѣли въ тюрьмахъ за участіе въ заговорахъ или за противодѣйствіе реформамъ, стали получать важныя и вліятельныя должности, а затѣмъ стали одно за другимъ отмѣняться и мѣропріятія Помбаля. Самого реформатора пытались обвинить въ казнокрадствѣ, но онъ доказалъ неосновательность такого обвиненія. Затѣмъ на него посыпались печатныя обвиненія разнаго рода, на которыя онъ также отвѣчалъ печатно же. Наконецъ, надъ нимъ наряжено было слѣдствіе, которое признало его виновнымъ въ разныхъ преступленіяхъ, но королева помиловала престарѣлаго министра, пережившаго только на пять лѣтъ свою отставку (ум. въ 1782 г.). Побѣда реакціи надъ „просвѣщеннымъ абсолютизмомъ“ выразилась между прочимъ въ томъ, что въ число наиболѣе чествуемыхъ святыхъ были тогда включены папа Григорій VII, провозгласившій ученіе о главенствѣ церкви надъ государствомъ, и Игнатій Лойола, основатель изгнаннаго изъ Португаліи Помбалемъ ордена іезуитовъ. Эта реакція—явленіе общее всѣмъ странамъ Европы: реформы „просвѣщеннаго абсолютизма“ вызывали противъ себя клерикально-аристократическую оппозицію, съ которою приходилось необходимо считаться преобразователямъ, и эта же оппозиція была предшественницей и той реакціи, которая наступила послѣ французской революціи.

Въ Испаніи ту же роль, что Помбаль въ Португаліи, игралъ

Аранда при королѣ Карлѣ III (1759—1788). Когда умеръ второй испанскій король изъ дома Бурбоновъ, Фердинандъ VI, наслѣдовавшій своему отцу Филиппу V, но самъ дѣтей не оставившій, испанскій престолъ достался его сводному брату Карлу, королю неаполитанскому, который, отъѣзжая въ Испанію, передалъ Неаполь своему младшему сыну Фердинанду, назначивъ регентомъ своего министра Тануччи. Новый испанскій король окружилъ себя людьми новаго образа мыслей: не даромъ въ своемъ прежнемъ королевствѣ онъ возвысилъ Тануччи, одного изъ дѣятельныхъ представителей „просвѣщеннаго абсолютизма". Въ числѣ этихъ людей особенно выдвигался арагонскій грандъ гр. Аранда, человѣкъ рѣшительнаго характера и ревностный поклонникъ французскихъ просвѣтителей, съ коими онъ даже находился въ сношеніяхъ, между прочимъ съ Вольтеромъ. Карлъ III подобно своему португальскому современнику, былъ ревностнымъ католикомъ, но это не мѣшало ему отстаивать права свѣтской власти отъ притязаній куріи и духовенства, какъ то дѣлалъ за двѣсти лѣтъ передъ нимъ даже такой фанатикъ католицизма, какимъ былъ Филиппъ II [1], —и въ такомъ смыслѣ Карлъ II уже дѣйствовалъ раньше въ Неаполѣ, руководимый Тануччи. Съ этимъ стремленіемъ короля совпадали и намѣренія, какія должны были относительно католической церкви сложиться у Аранды уже подъ вліяніемъ идей XVIII в. Сначала нѣкоторое время Карлъ III пользовался совѣтами двухъ итальянцевъ, привезенныхъ имъ изъ Неаполя, Сквилаче и Гримальди, но они возбудили противъ себя народное неудовольствіе, разыгравшееся цѣлымъ бунтомъ (1766), въ коемъ замѣшаны были іезуиты. Аранда, сдѣлавшійся послѣ этого первымъ министромъ, нанесъ (1767) ордену такой же ударъ, какой постигъ его незадолго передъ тѣмъ въ Португаліи, и ввелъ многія реформы, напоминающія мѣропріятія Помбаля. И подъ испанскаго реформатора постоянно подкапывалась консервативная оппозиція. Наконецъ, духовнику Карла III, монаху-доминиканцу, удалось убѣдить этого короля въ томъ, что, держа такого министра, какъ Аранда, можно попасть въ адъ, да и похвалы, какія расточались министру энциклопедистами, только вредили ему въ мнѣніи набожнаго короля. Аранда былъ удаленъ изъ министерства на постъ испанскаго посла въ Парижѣ (1773). Послѣ этого уже трудно было держаться и сторонникамъ Аранды въ Испаніи, а такихъ было нѣсколько. Однимъ изъ нихъ былъ Кампоманесъ, продолжавшій и по удаленіи Аранды дѣйствовать въ духѣ новыхъ идей, съ бо́льшею только осторожностью. Реакція все болѣе и болѣе поднимала голову, что можно видѣть на судьбѣ одного изъ помощниковъ Аранды. Это былъ Олавидесъ, человѣкъ новаго образованія, котораго всесиль-

---

[1]) См. гл. II, стр. 303.

ный министръ сдѣлалъ генералъ-интендантомъ Андалузіи. Новый губернаторъ этой провинціи задумалъ колонизировать пустынную Сіерру Морену иностранными выходцами, обѣщавъ имъ свободу вѣроисповѣданія, но дѣло велось крайне неумѣло, въ страну явилось много разнаго сброда, неспособнаго ни къ какой работѣ, пріѣхали ремесленники и фабричные рабочіе, когда нужны были прежде всего пахари, а протестантскіе выходцы изъ Германіи и Голландіи были вдобавокъ обмануты относительно вѣротерпимости. Послѣ паденія Аранды Олавидесъ былъ обвиненъ передъ инквизиціей въ томъ, что привлекъ въ святую, католическую Испанію всякаго рода еретиковъ и что вмѣстѣ съ тѣмъ дружилъ еще съ французскими безбожниками, и вотъ Олавидеса сажаютъ въ тюрьму, подвергаютъ черезъ два года суду и приговариваютъ къ пожизненному монастырскому заключенію, изъ котораго онъ, впрочемъ, бѣжалъ въ Парижъ.

Между министрами реформаторами южно-романскихъ странъ видное мѣсто принадлежитъ и Тануччи. Какъ юристъ, занимавшій прежде каѳедру въ пизанскомъ университетѣ, онъ былъ большимъ знатокомъ публичнаго права; какъ монархистъ душою и тѣломъ, онъ былъ противникомъ клерикально-аристократическаго строя, нарушавшаго, по его мнѣнію, права абсолютной монархіи. Карлъ III привезъ его съ собою въ Неаполь, сдѣлалъ первымъ министромъ, и около двадцати лѣтъ Тануччи былъ главнымъ помощникомъ и совѣтникомъ этого короля. Когда послѣдній уѣхалъ въ Испанію, оставивъ въ Неаполѣ своего малолѣтняго сына, Тануччи былъ сдѣланъ регентомъ, но и по достиженіи совершеннолѣтія Фердинанда IV онъ продолжалъ еще стоять во главѣ правленія, дѣйствуя въ „духѣ просвѣщеннаго абсолютизма“. Этотъ министръ-реформаторъ опирался на партію патріотовъ, видѣвшихъ въ монархическихъ реформахъ зарю лучшаго будущаго для Неаполя, но ихъ надежды не оправдались въ виду того деспотическаго характера, какой приняло дальнѣйшее царствованіе Фердинанда IV. При Тануччи совершилось изгнаніе іезуитовъ и изъ королевства обѣихъ Сицилій (1767).

Такимъ образомъ въ Неаполѣ, въ Португаліи, въ Испаніи и Даніи просвѣтителями и преобразователями явились не сами монархи, а министры. Повидимому, Франціи предстояло вступить на тотъ же путь при герцогѣ Шуазелѣ, равнымъ образомъ изгнавшемъ изъ Франціи іезуитовъ (1764), а еще болѣе при Тюрго, имѣвшемъ цѣлый планъ реформъ, которыя должны были возродить государство къ новой жизни, но положеніе министровъ-реформаторовъ при слабыхъ короляхъ, подчинявшихся клерикально-аристократическимъ вліяніямъ, было весьма непрочно: свидѣтельствуютъ объ этомъ и вышеприведенные факты, и судьбы реформаціонныхъ попытокъ во Франціи при Людовикахъ XV

и XVI. Изъ западно-европейскихъ монарховъ XVIII в. „просвѣщенный абсолютизмъ“ могъ увлечь только тѣхъ, которые способны были отречься отъ конфессіонально-сословной внутренней политики, характеризующей старый порядокъ, но рядомъ съ ними существовали другіе, которые сами, по собственной инициативѣ, частью вслѣдствіе отсутствія необходимой энергіи, частью вслѣдствіе вліянія на нихъ старыхъ традицій, не предприняли бы преобразованій, затрогивавшихъ интересы привилегированныхъ сословій. Во всякомъ случаѣ всѣ наиболѣе предпріимчивые и энергичные государи эпохи дѣйствовали въ новомъ духѣ, хотя бы и можно было сомнѣваться въ ихъ искренности или отмѣчать непослѣдовательности и противорѣчія въ ихъ поведеніи, и въ свою очередь короли, охотно отдававшіе власть министрамъ, находили почти постоянно такихъ людей, которые равнымъ образомъ дѣйствовали или стремились дѣйствовать въ духѣ „просвѣщеннаго абсолютизма“. Государства западной Европы какъ бы переживали такой моментъ, когда силою вещей правительства вынуждались на внутреннюю политику извѣстнаго рода, а общее вліяніе „просвѣщенія“ придавало этой политикѣ особый характеръ. Конечно, нельзя отрицать и того, что примѣръ однихъ дѣйствовалъ на другихъ. Изъ монарховъ этой эпохи Фридрихъ II былъ образцомъ, которому подражали многіе правители, и Іосифъ II въ концѣ періода во многомъ шелъ уже по проторенньмъ путямъ. Помбаль въ Португаліи показалъ, изгоняя іезуитовъ, примѣръ, коему послѣдовали Шуазель, Аранда, Тануччи. Людовикъ XVI, дѣлая „философа“ Тюрго министромъ, думалъ идти по стопамъ другихъ государей эпохи. Когда въ разныхъ мѣстахъ возникаютъ одинаковыя задачи, когда повсюду распространяются однѣ и тѣ же идеи, когда люди начинаютъ присматриваться къ тому, какъ тотъ или другой вопросъ разрѣшается у сосѣдей, и ищутъ въ этомъ указанія для того, какъ поступать у себя дома, тогда создается нѣкоторое общее направленіе, и рядомъ съ крупными его представителями являются другіе, менѣе замѣтные, но своею многочисленностью свидѣтельствующіе о томъ, что извѣстное направленіе не есть нѣчто случайное. Намъ пришлось бы значительно пополнить нашъ списокъ именъ государей и министровъ, болѣе или менѣе подчинявшихся новому духу, если бы мы захотѣли назвать и болѣе второстепенныхъ дѣятелей, коихъ коснулось „просвѣщеніе“ XVIII в., какъ культурное направленіе, призывавшее правителей къ воздѣйствію на жизнь общества во имя новыхъ соціальныхъ идей. При систематическомъ обзорѣ реформъ намъ придется встрѣтиться и съ новыми именами дѣятелей эпохи.

XXI. Фридрихъ II и прусская политика [1]).

Политическое значеніе царствованія Фридриха II въ общеевропейской, общенѣмецкой и прусской исторіи.—Важность его роли для внутренней исторіи Пруссіи.—Фридрихъ II въ нѣмецкой исторической литературѣ.—Вопросъ о «просвѣщенномъ абсолютизмѣ» Фридриха II.—Прусская династическая традиція.—Военно-хозяйственное управленіе Великаго курфюрста и Фридриха Вильгельма I.—Абсолютизмъ и сословность. — Идея правительственнаго долга.—Нвобходимость ознакомленія съ личностью Фридриха II.

Второй половинѣ XVIII в. до начала французской революціи нерѣдко усвоивается названіе „вѣка Фридриха Великаго". Это обозначеніе цѣлаго историческаго періода именемъ одного государя,—подобно тому, какъ это было и по отношенію къ вѣку Людовика XIV и, пожалуй, въ еще большей степени,—возникло главнымъ образомъ на почвѣ военной и дипломатической исторіи, въ которой знаменитый прусскій король игралъ, дѣйствительно, первенствующую роль. Въ первую половину своего царствованія Фридрихъ II велъ двѣ войны [2]), войну за австрійское наслѣдство (1740—1748) и семилѣтнюю (1756—1763), прославившія его, какъ первостепеннаго полководца, увеличившія Пруссію присоединеніемъ Силезіи, поднявшія значеніе этого государства до степени первоклассной державы въ Европѣ и опасной соперницы Габсбургской монархіи въ Германіи. Хотя эти войны имѣли обще-европейскій характеръ, такъ какъ въ нихъ участвовали въ разныхъ комбинаціяхъ всѣ главныя государства Европы, тѣмъ не менѣе въ общихъ исторіяхъ изложеніе этихъ войнъ пріурочивается обыкновенно именно къ разсмотрѣнію прусской исторіи въ царствованіе

---

[1]) Литературу по исторіи Пруссіи до начала XVIII в. см. выше, стр. 30, 37, 39. Кромѣ того, Cavaignac. La formation de la Prusse contemporaine, гдѣ разсказана и ранняя исторія Пруссіи. Reimann. Neuere Gesch. des preusz. Staates vom Hubertsburger Frieden bis zum Wiener Congress (доведена до ст. Фридриха II). Указанія на литературу о Фридрихѣ см. въ слѣдующей главѣ, кромѣ нѣкоторыхъ сочиненій (не относящихся къ Фридриху II вообще и ко всему его царствованію), отмѣченныхъ въ настоящей главѣ.

[2]) Bernhardi. Fr. der Gr., als Feldherr. Литература по исторіи войнъ Фридриха II весьма обширна, въ чемъ можно убѣдиться изъ книги Baumgart'a, о коей см. въ началѣ слѣдующей главы. Срр. также примѣч. на стр. 93—95 четвертаго выпуска „Лекцій по всемірной исторіи" Петрова, гдѣ проф. Бузескулъ далъ перечень главнѣйшихъ сочиненій. Кромѣ общихъ трудовъ по исторіи Фридриха II, указанныхъ въ началѣ слѣд. главы, равно какъ соч. по исторіи Людовика XV, Маріи Терезіи и Елизаветы Петровны, Петра III и Екатерины II, см. главнымъ образомъ duc de Broglie. Frédéric II et Marie Thérèse—и его же Frédéric II et Louis XV.

Фридриха II: война за австрійское наслѣдство началась нападеніемъ прусскаго короля на Силезію, которую онъ задумалъ отнять у Габсбургскаго дома; семилѣтняя война начата была опять-таки Фридрихомъ II, противъ котораго составилась грозная европейская коалиція; самыя блестящія побѣды въ этихъ войнахъ одерживались прусскимъ же королемъ, который потерпѣлъ и немало страшныхъ пораженій въ борьбѣ со всею Европой, съ коалицей, ставившей себѣ задачею раздробленіе Пруссіи; однимъ словомъ, Фридрихъ II былъ настоящимъ героемъ этихъ войнъ и въ военномъ, и въ политическомъ отношеніяхъ. Уже въ концѣ первой изъ нихъ Вальполь долженъ былъ признаться, что равновѣсіе Европы находится въ рукахъ у прусскаго короля, и что измѣнить этого нельзя, какъ бы то ни было непріятно для Англіи, но особенно возвысила значеніе Пруссіи и ея монарха борьба Фридриха II съ европейской коалиціей. Во вторую половину своего царствованія Фридрихъ II пользовался плодами своихъ военныхъ и политическихъ успѣховъ, чтобы путемъ дипломатіи еще болѣе способствовать усиленію прусской монархіи. Двѣ главныя части послѣдней—Бранденбургъ и Пруссія были отдѣлены одна отъ другой польскими землями, представлявшими изъ себя легкую добычу при тогдашнемъ расшатанномъ состояніи Рѣчи Посполитой [1]). Польшу отъ раздѣловъ берегло тогда соперничество ея сосѣдокъ: между прочимъ, если въ прежнія времена Московское государство стремилось отторгнуть отъ Рѣчи Посполитой русскія области, то въ XVIII в., съ Петра Великаго задачею Россіи сдѣлалось сохраненіе территоріальной неприкосновенности шляхетской республики подъ условіемъ политическаго въ ней господства Россіи. Такое направленіе русской политики было невыгодно для Пруссіи, жизненные интересы коей, наоборотъ, требовали, чтобы уничтожена была черезполосность ея двухъ главныхъ частей путемъ отторженія отъ Польши ея владѣній по нижнему теченію Вислы. Первый раздѣлъ Рѣчи Посполитой (1772), отдавшій Пруссіи эти владѣнія (кромѣ Данцига и Торна) и такимъ образомъ еще болѣе увеличившій ея территорію, былъ настоящею дипломатическою побѣдою Фридриха II надъ Екатериною II, которая долго сопротивлялась комбинаціи, придуманной прусскимъ королемъ. Кстати и Австрія вознаграждалась за потерю Силезіи пріобрѣтеніемъ Галиціи, что для Пруссіи было небезвыгодно, такъ какъ Австрія плохо мирилась съ утратою одной изъ своихъ провинцій. Наконецъ, получивъ Бѣлоруссію, Россія могла и не искать иного вознагражденія за свои побѣды надъ турками, встревожившія Австрію и подготовлявшія столкновеніе двухъ имперій, между кото-

---

[1]) О литературѣ по польскимъ раздѣламъ см. въ указанной выше книгѣ „Паденіе Польши“.

торыми прусской монархіи опять пришлось бы очень плохо, какъ плохо, впрочемъ, могло бы быть и въ случаѣ ихъ союза безъ Пруссіи, вслѣдствіе чего и былъ непріятенъ Фридриху II такъ-называемый „греческій проектъ" Екатерины II, т. е. планъ раздѣла Турціи между нею и Іосифомъ II.

Послѣднимъ важнымъ дѣломъ прусскаго короля было устройство такъ-называемаго союза князей (Fürstenbund) въ Германіи [1]). Въ это время уже намѣчалось въ Германіи будущее поглощеніе ея княжествъ Австріей или Пруссіей и образовывались партіи великогерманская и малогерманская, употребляя термины XIX в., или цесаріанцы и конфедераты, какъ называли ихъ прежде. Фридрихъ II и нѣмецкіе князья не симпатизировали другъ другу. Прусскій король относился къ нимъ насмѣшливо („point d'argent, point de prince d'Allemagne"; это—„позоръ вѣка"; нужно за нихъ краснѣть; имперскій сеймъ—собраніе собаченокъ, лающихъ на луну и т. п.), а князья относились къ нему съ ненавистью, какъ къ „измѣннику", „Маккіавелю" своего времени и т. п. Но когда Іосифъ II составилъ планъ обмѣна Бельгіи на Баварію, что чуть было не повело къ началу общегерманской войны, Фридрихъ II превратился въ защитника нѣмецкой свободы (deutsche Libertät) отъ усиленія императорской власти, въ защитника того устройства, которое было дано Германіи вестфальскимъ миромъ [2]). Фридриху II тогда удалось составить „союзъ князей", просуществовавшій два года передъ его смертью, и это опять-таки было крупной дипломатической побѣдой не только надъ Австріей, коей была противопоставлена прусская унія, но и надъ недовѣріемъ князей. Хотя для тогдашняго времени союзъ и не имѣлъ значенія, да и прочнымъ быть не могъ, разъ приходилось, по выраженію его организатора, „надѣть одну шапку на столько головъ" (mettre tant de têtes sous un chapeau), тѣмъ не менѣе сдѣланъ былъ первый опытъ объединенія Германіи подъ прусской гегемоніей, что клало основу совершенно новой системѣ въ имперіи: послѣдняя освобождалась окончательно отъ служенія габсбургскимъ интересамъ, а Гогенцоллерны, наоборотъ, дѣлались представителями національныхъ стремленій нѣмецкаго народа [3]). Уже

---

[1]) Ranke. Die deutschen Mächte und der Fürstenbund.—А. Трачевскій. Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Іосифа II. Ср. A. Schmidt. Preussens deutsche Politik и Geschichte der preussich-deutschen Unionsbestrebungen.

[2]) См. т. II, 376 и выше, стр. 49 и слѣд.

[3]) Литература по исторіи объединительныхъ стремленій въ Германіи (Klüpfel. Die deutschen Einheitsbestrebungen in ihrem geschichtlichen Zusammenhang.—Levy-Bruhl. L'Allemagne depuis Leibnitz. Essai sur le développement

побѣда Фридриха II надъ французами при Росбахѣ (1757), смывавшая съ нѣмцевъ позоръ прежнихъ постоянныхъ пораженій со стороны западной сосѣдки, сдѣлалъ изъ прусскаго короля нѣмецкаго національнаго героя, и вся его послѣдующая германская политика, завершившаяся основаніемъ прусскаго союза князей, лишь поддерживала представленіе о томъ, что главной выразительницей и защитницей нѣмецкихъ національныхъ интересовъ является Пруссія. Не даромъ и Мирабо въ сочиненіи своемъ „De la monarchie prussienne“ совѣтуетъ нѣмцамъ держаться этого государства.

Говоря коротко, значеніе Фридриха II въ политической исторіи эпохи заключалось въ томъ, что *онъ возвысилъ Пруссію, увеличивъ ея территорію, сдѣлавъ изъ нея соперницу Австріи въ Германіи, намѣтивъ будущее объединеніе послѣдней подъ прусской гегемоніей и превративъ свое небольшое государство въ первоклассную державу*, *которая въ теченіе полувѣка играла при немъ самую видную роль въ международныхъ отношеніяхъ.* Мы сдѣлали краткій очеркъ внѣшней политики Фридриха II и резюмировали главные ея факты въ этихъ немногихъ словахъ, имѣя въ виду двѣ цѣли: именно, внѣшняя политика Фридриха II сильно отражалась—не съ принципіальной, впрочемъ, стороны [1]—на внутренней его дѣятельности, какъ одного изъ представителей „просвѣщеннаго абсолютизма,“ а кромѣ того, значеніе Фридриха II, какъ творца прусской мощи и какъ національнаго нѣмецкаго героя, сильно повліяло на изображеніе его личности и дѣятельности въ нѣмецкой исторіографіи. Въ самомъ дѣлѣ, обсуждая внутреннюю политику короля-философа въ вѣкъ „просвѣщеннаго абсолютизма,“ мы постоянно должны имѣть въ виду, что *въ дѣятельности Фридриха II, создавшаго новую великую державу, должны были преобладать цѣли и интересы внѣшней политики*, передъ которыми всѣ внутренніе распорядки должны были играть роль средствъ, ведущихъ къ этимъ цѣлямъ и служащихъ этимъ интересамъ, такъ что и общее благо, которое должно было осуществляться государствомъ, само мыслилось скорѣе какъ опора внѣшней силы, чѣмъ какъ вещь, сама по себѣ важная. Пруссія, слабая и черезполосная, поставленная среди сильныхъ монархій, въ вѣкъ, когда замышлялись всякіе раздѣлы [2] нуждалась для своего сохраненія главнымъ образомъ въ арміи и въ деньгахъ, а военно-хозяйственное управленіе, созданное предшественниками Фридриха II, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало этой потребности въ войскѣ и финансахъ, такъ что королю-философу не было и надоб-

---

de la conscience nationale en Allemagne и др.) будетъ указана въ исторіи объединенія Германіи.

[1]) См. выше, стр. 127.

[2]) Ср. выше стр. 133.

ности выдумывать какую-либо новую систему. Мы и увидимъ, что въ организаціонной работѣ Фридрихъ II и не проявилъ большого творчества, поддержавъ только и улучшивъ старую систему, въ силу чего *съ этой стороны онъ наименѣе можетъ быть названъ представителемъ „просвѣщеннаго абсолютизма,“* разъ послѣдній мы понимаемъ, какъ разрывъ съ прошлымъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ среди европейскихъ правителей той эпохи не было ни одного другого, кто былъ бы такъ проникнутъ духомъ „просвѣщенія.“

Особое значеніе Фридриха II въ нѣмецкой исторіи вообще и въ частности въ исторіи прусской объясняетъ намъ также весьма многое и во взглядахъ на прусскаго короля, съ которыми мы встрѣчаемся въ германской исторической литературѣ. Однимъ изъ недостатковъ нѣмецкихъ историковъ, особенно изъ пруссаковъ или симпатизирующихъ Пруссіи ученыхъ, является крайній націонализмъ, выражающійся въ напыщенномъ тонѣ всего, что говорится о Германіи и ея великихъ дѣятеляхъ, и въ надменномъ отношеніи ко всему, что касается другихъ странъ, равно какъ въ пристрастномъ и искаженномъ — въ ту или другую сторону—изображеніи родной или чужой дѣйствительности. Господствующее отношеніе въ нѣмецкой исторіографіи къ личности и дѣятельности Фридриха II панегирическое: замѣчательныя способности короля-философа, его военные, дипломатическіе и правительственные таланты, доходящіе до геніальности, его импонирующая личность, проницательный умъ, сильный характеръ, тяжелыя испытанія, посылавшіяся ему судьбой, наконецъ, его популярность у подданныхъ, слава у современниковъ и потомства,—все это только даетъ пищу для стремленія сдѣлать изъ Фридриха II главнаго героя своего вѣка, надѣливъ его всѣми совершенствами, освободивъ его отъ всего, что, наоборотъ, могло бы вызвать порицаніе. Такое настроеніе весьма неблагопріятно для критики, для анализа: слова принимаются за дѣла; малымъ дѣламъ приписывается большое значеніе; крупныя ошибки стушевываются; всякія противорѣчія замалчиваются или оправдываются натянутыми объясненіями и т. п. Между прочимъ, представленіе о Фридрихѣ II, какъ героѣ, переносится и на внутреннюю исторію Пруссіи его времени, какъ государства высшей культуры, будто бы опередившаго всѣ другія страны Европы. Впрочемъ, такое отношеніе къ Фридриху II особенно господствуетъ лишь въ прусской исторіографіи, тогда какъ нѣмецкіе ученые, не имѣющіе особенной надобности быть пруссаками, относятся къ Фридриху II объективнѣе, съ большей критикой.

Къ числу вопросовъ, имѣющихъ особенно важное значеніе при изученіи эпохи, относится вопросъ о томъ, какое мѣсто занимаетъ Фридрихъ II среди „просвѣщенныхъ деспотовъ“ XVIII в. Мы только

что видѣли, какъ сильно должны были опредѣлять внутреннюю политику Пруссіи условія ея международнаго положенія и ея стремленія въ этой области, и замѣтили при этомъ, что старая гогенцоллернская организація государства хорошо служила главнымъ цѣлямъ всей внѣшней политики Фридриха II. Достиженіе этихъ цѣлей требовало, массы жертвъ со стороны общества и народа: весьма часто вновь возникавшія потребности и стремленія не могли удовлетворяться именно по той причинѣ, что государственная цѣль требовала, наоборотъ, сохраненія старыхъ отношеній, какъ бы они ни осуждались съ теоретической точки зрѣнія. При всей своей прогрессивности въ области отвлеченныхъ идей королю-философу на практикѣ приходилось быть консерваторомъ, держаться старыхъ гогенцоллернскихъ традицій, хотя бы онѣ шли въ разрѣзъ съ усвоенной „философіей", и это вообще такъ бросается въ глаза безпристрастному наблюдателю, что одинъ иностранный историкъ Фридриха II далъ ему такого рода характеристику: „на словахъ онъ былъ французскій философъ, а на дѣлѣ—прусскій деспотъ". Сказать это, конечно, легко, однако, нужно объяснить, почему это такъ было. Разумѣется, кое-что объясняется личной психологіей Фридриха II, его прирожденнымъ характеромъ, условіями воспитанія, вліяніемъ окружающей обстановки, но многаго нужно искать въ самóмъ историческомъ положеніи Фридриха II. При немъ для Пруссіи ставился вопросъ — „быть или не быть" [1]), для благополучнаго разрѣшенія коего нужны были войско и деньги; старая прусская система давала и то и другое, а потому ея нужно было держаться; держаться старой системы и слѣдовать традиціонной политикѣ значитъ одно и то же, но традиціонная политика Гогенцоллерновъ въ сущности была далека отъ требованій „просвѣщенія": Фридрихъ II, который въ культурномъ отношеніи былъ вполнѣ монархомъ во вкусѣ Вольтера, въ соціальномъ, наоборотъ, наименѣе могъ бы удовлетворить его программѣ, и это происходило отъ того, что, усвоивъ, какъ человѣкъ, культурныя идеи вѣка, *онъ, какъ правитель, продолжалъ слѣдовать старымъ гогенцоллернскимъ традиціямъ.*

Выше намъ уже пришлось — въ другой только связи — бросить бѣглый взглядъ на возникновеніе прусской монархіи [2]). Мы видѣли, что истиннымъ ея основателемъ былъ Великій Курфюрстъ, царствовавшій за сто лѣтъ до Фридриха II. Но, говоря объ этомъ родоначальникѣ Пруссіи, мы обратили главное вниманіе на сдѣланныя при немъ территоріальныя пріобрѣтенія и на его отношеніе къ земскимъ чинамъ въ отдѣльныхъ частяхъ монархіи, только упомянувъ о началѣ

---

[1]) Ср. въ соч. Онкена „книгу VII", такъ и озаглавленную: „Der Weltkrieg um Preussens Sein und Nichtsein".

[2]) См. выше, стр. 37—39.

военно-хозяйственнаго режима Пруссіи при этомъ государѣ. Послѣдній и долженъ теперь насъ занять на нѣкоторое время, какъ одна изъ характерныхъ особенностей монархіи Гогенцоллерновъ и въ частности внутренней дѣятельности самого Фридриха II.

Одною изъ отличительныхъ чертъ династіи Гогенцоллерновъ было именно ихъ скопидомство. Получивъ бургграфство нюрнбергское, они въ XIII и XIV вв. скопили довольно много денегъ, и одинъ изъ нихъ (Фридрихъ VI) пріобрѣлъ отъ императора Сигизмунда, вѣчно нуждавшагося въ деньгахъ, Бранденбургское маркграфство сначала по закладной (1411), а потомъ (1415) и въ полное владѣніе съ курфюршескимъ достоинствомъ. Бранденбургская „украина“ (марка) была страна негостепріимная, равнина, покрытая лѣсами и болотами, и въ ней предстояла очень большая работа потомству нюрнбергскихъ маркграфовъ, поставившихъ своею задачею культивировать новое свое владѣніе. Съ другой стороны, въ XIV вѣкѣ здѣсь развился феодализмъ, воплотившійся въ буйномъ и пьяномъ „юнкерствѣ“, которое высокомѣрно смотрѣло на своего перваго князя изъ Гогенцоллерновъ (Фридриха VI=I), какъ на „нюрнбергскую дрянь“; но это рыцарство было бѣдно и неорганизовано, и Фридриху I удалось весьма скоро съ своими франконцами положить конецъ его грабительствамъ. Такимъ образомъ, въ Бранденбургѣ сталъ устанавливаться хозяйственный режимъ, создававшій матеріальныя средства, безъ коихъ трудно было бы изъ разныхъ кусковъ, попадавшихъ впослѣдствіи въ руки Гогенцоллерновъ, сколотить единое государство. Сложилось такое государство вполнѣ, какъ мы сказали, при Фридрихѣ Вильгельмѣ, получившемъ имя „Великаго Курфюрста“, въ эпоху тридцатилѣтней войны, когда все спасеніе мелкихъ земель было въ государственномъ объединеніи. Мы знаемъ, что послѣ этого повсюду стали падать земскіе чины, и князья начали заводить крѣпости и войска: государственное объединеніе гогенцоллернскихъ владѣній могло произойти только путемъ принужденія—противъ провинціальнаго партикуляризма, поддерживавшагося земскими чинами, и удержать подъ единою властью черезполосныя земли представлялось возможнымъ, лишь обладая очень хорошей арміей, на содержаніе коей нужны были матеріальныя средства, земскіе же чины скорѣе мѣшали, чѣмъ помогали гогенцоллернскому военно-хозяйственному режиму. Послѣдній, какъ и сама прусская монархія, сложился окончательно при Великомъ Курфюрстѣ.

Фридрихъ Вильгельмъ въ молодости жилъ въ Голландіи и даже учился въ лейденскомъ университетѣ. Это обстоятельство имѣетъ весьма важное значеніе. Въ XVII вѣкѣ Голландія, счастливо вышедшая изъ борьбы съ Испаніей, была страною богатою и образованною, и Фридрихъ Вильгельмъ насмотрѣлся въ ней на многое такое, что

счелъ нужнымъ ввести и въ своихъ владѣніяхъ, бѣдныхъ, разоренныхъ войною, отсталыхъ въ культурномъ отношеніи. Но то, что въ нидерландской республиканской федераціи было результатомъ народной самодѣятельности, у себя онъ хотѣлъ ввести путемъ своей власти, такъ сказать, предвосхищая политику „просвѣщеннаго абсолютизма“ съ его стремленіемъ дѣлать „все для народа“, но „ничего посредствомъ народа“. Курфюрстъ копилъ деньги, устраивалъ финансы страны на новыхъ началахъ, поощрялъ промышленность, привлекалъ въ свои владѣнія полезныхъ работниковъ, охотно принималъ французскихъ гугенотовъ послѣ отмѣны нантскаго эдикта, — ихъ въ Пруссію переселилось около 200 т., — содѣйствовалъ подъему народнаго образованія и т. п., такъ что Бранденбургъ при немъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе благоустроенныхъ нѣмецкихъ государствъ, благодаря экономіи и дисциплинѣ, положеннымъ въ основу его режима. Мы видѣли уже, что Великій Курфюрстъ былъ въ антагонизмѣ съ земскими чинами, но и вообще онъ не терпѣлъ независимыхъ элементовъ въ странѣ, да ихъ почти и не было. Протестантское духовенство находилось въ подчиненіи у свѣтской власти, городское сословіе было развито очень слабо, а сломить политическія права „юнкерства“,—что и сдѣлалъ Фридрихъ-Вильгельмъ,—не представлялось особенно труднымъ. Опираясь на чиновничество и войско, вводя систему бюрократической опеки и внутренняго милитаризма, курфюрстъ, однако считалъ нужнымъ не раздражать дворянства и, отнявъ у него остатки политическихъ правъ, онъ утвердилъ за нимъ его привилегіи и оставилъ въ неприкосновенности его судебно-полицейскія права надъ крестьянствомъ. Однимъ словомъ, *военно-хозяйственный абсолютизмъ, консолидированный Великимъ Курфюрстомъ, соединялся съ поддержкою соціальнаго феодализма*, и эта система была унаслѣдована преемниками Великаго Курфюрста, въ ихъ числѣ и Фридрихомъ II. Въ этомъ отношеніи гогенцоллернская Пруссія была одной изъ представительницъ „старыхъ порядковъ“, во Франціи уже разлагавшихся, здѣсь, наоборотъ, только что вступившихъ въ фазисъ полной своей силы. Но въ другомъ отношеніи *Пруссія пошла по иному пути, отказавшись отъ вѣроисповѣдной исключительности*, столь характерной для „ancien régime“ во Франціи. Судьбы прусской монархіи тѣсно связаны съ исторіей реформаціи и протестантизма. Образованіемъ своимъ герцогство Прусское обязано секуляризаціи владѣній тевтонскаго ордена (1525), а другая изъ главныхъ составныхъ частей монархіи, Бранденбургъ, сдѣлался однимъ изъ главныхъ оплотовъ германскаго протестантизма, благодаря введенію и здѣсь реформаціи (1539). Въ обѣихъ земляхъ протестантизмъ былъ введенъ въ лютеранской формѣ, но въ началѣ XVII в. курфюрстъ бранденбургскій (Іоаннъ-Сигизмундъ, 1608—1618),

сдѣлавшійся вмѣстѣ съ тѣмъ и герцогомъ прусскимъ, перешелъ въ реформатство, что сопровождалось эдиктомъ о взаимной терпимости обѣихъ евангелическихъ церквей въ гогенцоллернскихъ земляхъ, подъ угрозою наказанія лютеранскимъ духовнымъ, которые стали бы нападать на иновѣріе (1614). Великій Курфюрстъ, воспитавшійся въ Голландіи, былъ также чуждъ нетерпимости, и въ концѣ его царствованія масса французскихъ кальвинистовъ нашла пріютъ среди лютеранскаго населенія Бранденбурга. Фридрихъ II только слѣдовалъ въ этомъ отношеніи политикѣ своихъ предковъ, совпадавшей съ требованіями „философіи" XVIII в., но у него явился и лишній мотивъ быть вѣротерпимымъ: уже въ началѣ своего царствованія онъ отнялъ у Австріи Силезіюсъ католическимъ населеніемъ, и присоединеніе этой провинціи къ монархіи лишило послѣднюю строго протестантскаго характера, а кромѣ того, защита вѣротерпимости въ Польшѣ, гдѣ такъ фанатически преслѣдовали диссидентовъ, была хорошимъ поводомъ для вмѣшательства во внутреннія дѣла республики, у которой прусскій король стремился отнять нужную ему для „округленія" государства область.

Въ ряду Гогенцоллерновъ, придерживавшихся экономіи и терпимости, столь отличавшихъ прусскую внутреннюю политику отъ французской, дѣдъ и отецъ Фридриха II составляли, впрочемъ, исключеніе, первый (Фридрихъ III, царствовавшій отъ 1688—1713, принявшій съ королевскимъ титуломъ имя Фридриха I [1]), какъ одинъ изъ подражателей Людовика XIV, тщеславный и расточительный, но терпимый государь, второй (Фридрихъ Вильгельмъ I [2]), бережливый до скаредности хозяинъ [3]), солдатъ въ душѣ, вмѣстѣ съ этимъ нетерпимый гонитель новаго просвѣщенія. Въ исторіи военно-хозяйственнаго режима прусской монархіи роскошное царствованіе Фридриха I было только эпизодомъ: строгая экономія и суровая дисциплина вполнѣ утвердились въ жизни страны при Фридрихѣ Вильгельмѣ I, который вполнѣ осуществилъ идею полицейскаго государства своимъ вмѣшательствомъ въ частную жизнь подданныхъ. Утверждая свой суверенитетъ, „какъ скалу изъ бронзы", признавая за собою право дѣлать все, что угодно, Фридрихъ Вильгельмъ I, однако, понималъ свои обязанности по отношенію къ государству, и какъ ни тяжко было жить подъ его режимомъ, все-таки во всей Германіи не было другого государства, которое

---

¹) Waddington. L'acquisition de la couronne royale de Prusse par les Hohenzollern.

²) О немъ см. соч. Förster'a, Droysen'a и др.

³) R. Stadelmann. Friedrich Wilhelm in seiner Thätigkeit für die Landeskultur Preuszens.

⁴) Ed. Zeller. Wolfs Vertreibung aus Halle.

могло бы поспорить съ Пруссіей относительно порядка въ управленіи, въ финансахъ и въ военномъ дѣлѣ. Сочетаніе абсолютизма съ сословностью получило въ Пруссіи своеобразный характеръ: на дворянство тоже былъ возложенъ долгъ—поставлять офицеровъ въ армію и помогать королю въ дѣлѣ управленія. Военная дисциплина вносилась и въ соціальныя отношенія: помѣщики распоряжались крестьянами, помѣщиками—король, и крестьянинъ, повиновавшійся въ обыденной жизни дворянину, поступая въ армію, долженъ былъ повиноваться тому же дворянину, какъ офицеру. По типу той же военной дисциплины управлялись церковь, чиновничество, судьи: все подчинялось идеѣ долга. Такова была атмосфера, въ которой воспитался Фридрихъ II, бывшій въ сущности только „вторымъ изданіемъ“ своего отца, унаслѣдовавшій отъ него тотъ же деспотизмъ, ту же бережливость, ту же страсть къ военному быту, но вмѣстѣ съ тѣмъ и идею долга, сдѣлавшуюся одною изъ основныхъ чертъ всей династіи, какъ бы узко и односторонне ни понимался иногда самый долгъ этотъ отдѣльными представителями династіи. Вотъ одинъ анекдотъ, указывающій на то, какъ рано идея правительственнаго долга сдѣлалась правиломъ политическаго поведенія Гогенцоллерновъ. Въ 1668 году, т.-е. около того времени, когда формулировалось знаменитое „государство, это — я“ Людовика XVI, Фридрихъ Вильгельмъ Бранденбургскій продиктовалъ своимъ сыновьямъ латинскую сентенцію, за переводъ которой тому, кто его сдѣлаетъ, обѣщалъ денежный подарокъ; сентенція же эта заключала въ себѣ указаніе на то, что князь долженъ управлять, имѣя въ виду, что это есть дѣло народное, а не частное дѣло князя: sic gesturus sum principatum, ut sciam, rem populi esse non meam privatam. Интересно сопоставить эту фразу съ правилами, внушавшимися французскимъ королямъ—даже въ прописяхъ, гдѣ говорилось, что имъ всецѣло принадлежитъ государство. Положимъ, отецъ Фридриха II былъ неспособенъ возвыситься до того пониманія, какое обнаружилъ Великій Курфюрстъ,—и смотрѣлъ на Пруссію, не иначе какъ помѣщикъ на свое имѣніе, но и онъ видѣлъ въ прусскомъ королѣ какое-то идеальное существо, по отношенію къ коему онъ самъ былъ лишь „фельдмаршаломъ и министромъ финансовъ короля прусскаго“, и потому вся его система была построена на идеѣ долга, въ требованіяхъ коего онъ воспитывалъ и своего сына, во многомъ бывшаго потомъ только послѣдователемъ его принциповъ [1]).

Цѣлью этой главы было собрать нѣкоторыя данныя для того, чтобы имѣть историческую основу для сужденія о характерѣ царство-

---

[1]) V. Breda. Friedrich der Grosze als Erbe der Regierungsmaximen Friedrichs Wilhelms I.

ванія Фридриха II, но однѣхъ этихъ данныхъ, т.-е. внѣшнихъ факторовъ, опредѣлявшихъ политическое поведеніе Фридриха II, еще недостаточно для объясненія его правительственной системы. Не одни только общія условія, въ какія была поставлена Пруссія, и не однѣ гогенцоллернскія династическія традиціи, направляли умъ и волю Фридриха II: онъ жилъ еще въ вѣкъ „просвѣщенія" и самъ былъ весьма одаренною личностью, выдававшеюся надъ общимъ уровнемъ своею оригинальностью. Если, съ одной стороны, многое въ немъ объясняется тѣми или другими условіями тогдашней прусской дѣйствительности, тѣми или другими правилами гогенцоллернской политики, то съ другой стороны, несомнѣнно, что Фридрихъ II съ своимъ умомъ и своей волей не могъ быть пассивнымъ исполнителемъ плана, заранѣе предначертаннаго предыдущей исторіей прусскаго государства и политикой его предшественниковъ, и, относясь сознательно къ своему историческому положенію, не могъ не внести въ свою работу того, что должно разсматриваться, какъ вліяніе „философіи" XVIII в. Сама личность короля-философа, его воспитаніе, его міросозерцаніе заслуживаютъ поэтому вниманія.

XXII. Воспитаніе и характеръ Фридриха II [1]).

Отецъ Фридриха II. — Его надежды на сына. — Происхожденіе столкновенія между отцомъ и сыномъ.—Воспитаніе Фридриха II.—Мать и старшая сестра Фридриха II.—Попытка бѣгства Фридриха II и судъ надъ нимъ.—Служба въ кюстринской военной и доманіальной палатѣ.—Примиреніе отца и сына.—Характеръ Фридриха II въ молодые годы.—Фридрихъ II и Вольтеръ.—Первые шаги царствованія Фридриха II.

Фридрихъ II родился въ 1712 г. за годъ и мѣсяцъ до вступленія на престолъ его отца Фридриха Вильгельма I, второго короля прусскаго. Мы уже представили себѣ въ общихъ чертахъ, чѣмъ былъ этотъ король, соединявшій въ себѣ свойства хозяйственнаго помѣщика (скажемъ даже—старосвѣтскаго помѣщика) съ свойствами пе-

[1]) Литература о Фридрихѣ II громадная. Все, что было написано о немъ до 1886 г. (столѣтняя годовщина его смерти), перечислено въ книгѣ M. Baumgart'a „Die Literatur des Jn- und Auslandes über Friedrich den Grossen". Изъ соч. о немъ извѣстны труды Preusz'a, Fr. Kugler'a (перев. по-англ., по-франц. и по-русски), Campbell'я (давшаго поводъ Маколею написать свою извѣстную статью о Фридрихѣ II; рус. пер. въ XIV т. Сочиненій), Carlyle (перев. по-нѣмецки), Klopp'a, Duncker'a (Aus der Zeit Fr. des Gr. und Fr. Wilh. II), Oncken'a (Das Zeitalter Friedrichs des Grossen, въ извѣстной коллекціи Онкена, ср. выше, стр. 4), Cauer'a (Zur Geschichte und Charakteristik Friedrichs des Grossen), Dove (Das

дантическаго фельдфебеля: прибавимъ къ этому весьма ограниченный умъ и значительную долю самодурства, чтобы закончить самую общую характеристику этого короля, принадлежащаго къ числу тѣхъ историческихъ личностей, при имени которыхъ тотчасъ вспоминаются какіе-либо анекдоты болѣе или менѣе забавнаго содержанія [1]), хотя можно указать и на многія почтенныя качества въ его характерѣ—сознаніе своего долга, большое трудолюбіе, неустанную заботливость о государствѣ. Вообще это была очень грубая натура, которой не могла задѣть ни утонченность придворнаго быта, столь развитого во всей Европѣ послѣ Людовика XIV, ни тѣмъ болѣе философія и наука, бывшія для него одна—Windmacherei, а другая—тоже пустое дѣло. Мало того: если противъ придворнаго блеска была его скупость, то противъ философіи и науки возставало въ немъ и нѣчто иное: знаменитаго философа Вольфа онъ изгналъ изъ Галле [2]) подъ страхомъ висѣлицы, какъ человѣка, ученіе коего противно откровенной религіи, и это произошло подъ вліяніемъ людей, увѣрившихъ короля, что, основываясь на теоріи о предустановленной гармоніи, могли бы разбѣжаться безъ зазрѣнія совѣсти всѣ потсдамскіе гренадеры. Была у него и извѣстная доля презрѣнія къ ученымъ: Гундблинга, отличавшагося большою ерудиціей и неменьшею страстью къ вину, Фридрихъ Вильгельмъ держалъ постоянно при себѣ чѣмъ-то въ родѣ юрисконсульта и придворнаго шута, спрашивалъ у него практическихъ совѣтовъ и потѣшался надъ штуками, которыя онъ выдѣлывалъ въ пьяномъ видѣ, и этого же Гундблинга онъ сдѣлалъ церемонійместеромъ въ видѣ насмѣшки надъ придворными чинами и президентомъ общества наукъ, созданнаго Фридрихомъ I по совѣту Лейбница. Удовольствія этого короля были также грубы: извѣстны его засѣданія съ пріятелями въ табачномъ коллегіумѣ съ трубками и кружками пива за разсказами и шутками самаго вульгарнаго свойства. Фридрихъ

Zeitalter Fr. des Grossen und Josephs II, шестой томъ его Deutsche Geschichte), Koser'a (König Fr. der Gr.); Miscellaneen zur Gesch. Fr. d. Gr., а также отдѣльныя статьи (и брошюры) о Фр. II. такихъ писателей, какъ Маколей (см. выше), Тренделенбургъ (въ Kleine Schriften), Гейсеръ (Häusser. Zur Beurtheilung Fr. des Grossen), Ранке (Sämmtl W.), Блунчли, Дройзенъ (Zur Charakteristik Preussens, 1740—1750) и т. п. За послѣднее время вышли въ свѣтъ важныя работы о молодости Фридриха II: Koser. Fr. des Gr., als Kronprinz.—Bratuschek. Die Erziehung Fr. des Gr. Lavisse. La jeunesse du grand Frederic. Изъ новѣйшихъ изданій см. также Reimann. Abhandlungen zur Geschichte Fr. des Gr.—K. Bleibtreu. Fr. der Gr. und die Revolution (по военной исторіи). Сочиненія объ отдѣльныхъ сторонахъ его дѣятельности указаны выше (стр. 300, 302 и 309) и будутъ указываться въ надлежащихъ мѣстахъ.

[1]) См. напр.. В. И. Герье. Борьба за польскій престолъ.

[2]) Ср. примѣч. на стр. 308

Вильгельмъ I еще любилъ музыку, но, напр., и тутъ забавлялся, слушая нарочно для него сочиненный секстетъ хрюкающихъ свиней. Его занимали также фарсы и театръ маріонетокъ. И въ обращеніи король былъ грубъ, не умѣлъ сдерживать своей досады и раздраженія, то и дѣло прибѣгая къ собственноручной палочной расправѣ, которая нерѣдко происходила на улицахъ Берлина во время королевскихъ прогулокъ. На Фридриха Вильгельма I по временамъ что-то даже „находило,“ и тогда самодурству его въ домашней и публичной жизни не было предѣловъ, а впадалъ онъ въ такое состояніе, когда что-либо ему не удавалось, что-либо плохо шло, и онъ яростно тогда вымещалъ свою досаду на семьѣ, на приближенныхъ, на всякомъ встрѣчномъ-поперечномъ. Личное самодурство въ соединеніи съ его представленіемъ о неограниченности королевской власти порождало страшный деспотизмъ: самыя жестокія и притомъ произвольныя наказанія налагались этимъ королемъ, который, напр., вмѣшивался въ ходъ правосудія не для того, чтобы смягчать участь или миловать, а чтобы усиливать наказанія съ замѣною болѣе легкихъ прямо смертною казнью. Даже иностранные посланники чувствовали себя не совсѣмъ по себѣ, когда король приходилъ въ состояніе особой раздражительности. Самая строгая, самая суровая дисциплина, которой онъ подчинялъ все—и свою семью, и армію, и чиновничество, и духовенство, равно какъ народное образованіе, промышленность и торговлю, вполнѣ гармонировала съ деспотическимъ нравомъ короля, только усилившимъ то, что было въ духѣ „полицейскаго государства“ эпохи вообще, въ духѣ гогенцоллернскаго военно-хозяйственнаго режима въ частности. Можно сказать, что этотъ король-самодуръ выдрессировалъ пруссаковъ и подготовилъ для своего сына тотъ матеріалъ, который тотъ пустилъ въ дѣло.

Фридрихъ Вильгельмъ I въ своемъ увлеченіи солдатами, казармами, парадами и смотрами доходилъ до настоящей маніи. Но Пруссія была маленькая и бѣдная, едва прокармливала населеніе, не доходившее до двухъ милліоновъ, а между тѣмъ все честолюбіе короля заключалось въ томъ, чтобы имѣть армію не меньшую австрійской, хотя въ монархіи Габсбурговъ было жителей въ десять разъ больше; къ своему войску онъ относился, впрочемъ, какъ скупой рыцарь —къ своему золоту,—любовался имъ, но не пускалъ въ ходъ: онъ не любилъ рисковать, да и извѣстныя нравственныя правила у него были, ибо онъ былъ по своему религіозенъ и боялся Бога [1]). Унаслѣдовавъ отъ отца любовь къ военному дѣлу, Фридрихъ II, наоборотъ, проя-

---

[1]) Фр. Вильг. велъ двѣ войны (съ Швеціей и участвовалъ въ войнѣ за польское наслѣдство), но безъ большой энергіи.

вилъ и наклонность къ риску, и весьма малую охоту считаться съ своею совѣстью, если что плохо лежало. Фридрихъ Вильгельмъ I готовилъ для своего сына: „курфюрстъ Фридрихъ Вильгельмъ, писалъ онъ въ 1722 въ инструкціи для своего наслѣдника, возвеличилъ нашъ домъ; мой отецъ пріобрѣлъ ему королевское достоинство; я привелъ въ порядокъ войско и страну, а уже преемнику моему надлежитъ сохранить то, что намъ принадлежитъ, и добыть новыя земли, которыя должны принадлежать намъ отъ Бога и по нашему праву". „Вотъ кто отмститъ за меня", сказалъ онъ однажды, указывая на кронпринца. Для него „прусскій король" былъ какое-то идеальное существо, на службѣ у котораго находился онъ самъ, реальный король, будучи сыномъ и отцемъ другихъ такихъ же королей. Считая себя какъ бы фельдмаршаломъ и министромъ финансовъ этого „прусскаго короля", сосредоточивая въ одномъ высшемъ учрежденіи, такъ сказать, министерства военное и финансовъ (General-Ober-Finanz-Kriegs-und Domänen-Directorium), требуя отъ чиновниковъ соединеннаго вѣдомства „такой работы, какая только въ силахъ человѣческихъ", видя въ подданныхъ прежде всего податную силу и источникъ для пополненія арміи [1]), Фридрихъ Вильгельмъ I не выдѣлялъ самого себя отъ государства, чтобы поставить себя внѣ его и выше его, и весьма естественно, что его преемникъ, на котораго онъ возлагалъ надежды, какъ на будущаго пріобрѣтателя новыхъ земель и мстителя за всѣ обиды, когда либо наносившіяся Пруссіи, долженъ былъ нести также на себѣ общую тяготу, общую службу государству. Въ этомъ механизмѣ, въ коемъ главными колесами были разнаго рода канцеляріи, вѣдавшія финансовое и военное дѣло вмѣстѣ съ королевскими доменами и дѣйствовавшія прежде всего съ точностью и аккуратностью, не смѣя разсуждать (nicht raisonnieren), нужно было и самое главное колесо, приводящее другія въ движеніе, разсуждающее и имѣющее свою волю: „вы, говорилъ король членамъ своей высшей военно-хозяйственной директоріи, вы каждый разъ и по каждому дѣлу должны прилагать ваши мнѣнія съ ихъ основаніями, но я остаюсь господиномъ и королемъ и дѣлаю, что хочу" (wir bleiben doch der Herr und König und thun was wir wollen). Такому самому главному колесу административной машины работы было много, и кронпринцъ долженъ былъ приготовиться именно къ тому, чтобы сдѣлаться такимъ „господиномъ и королемъ", какимъ хотѣлъ быть и въ дѣйствительности былъ Фридрихъ Вильгельмъ I.

Этимъ взглядомъ на наслѣдника престола опредѣлялся весь планъ воспитанія, даннаго королемъ кронпринцу Фридриху: послѣдній, да и

---

[1]) Для характеристики этой системы см. также Riedel. Der brand.—preusz. Staatshaushalt in den letzten beiden Jahrhunderten.

другія дѣти должны были воспитываться не такъ, какъ принцы и принцессы или хотя бы Людовикъ XV, о коемъ французскія газеты трубили на весь свѣтъ, а какъ дѣти обыкновенныхъ смертныхъ, — на то была воля короля. Для Фридриха Вильгельма I, какъ для человѣка съ узкимъ умственнымъ кругозоромъ и какъ для государя, проникнутаго сознаніемъ важности королевскихъ обязанностей, одинаково должно было быть непріятнымъ, еслибы его сынъ не раздѣлялъ его взглядовъ, а маленькому Фрицу едва исполнилось двѣнадцать лѣтъ, когда отецъ сталъ сомнѣваться въ томъ, что сынъ пойдетъ по его стопамъ. „Хотѣлъ бы я знать,—сказалъ онъ однажды, показывая на мальчика,—что творится въ этой головкѣ. Я знаю, что онъ не такъ думаетъ, какъ я (dasz nicht so denckt wie ich); есть негодяи, внушающіе ему не такія чувства, какъ мои, и учатъ его все ругать". Потомъ онъ обратился къ сыну съ совѣтомъ не думать о пустякахъ, а „держаться только реальнаго" (halte dich an das Reelle), т.-е. „имѣть хорошее войско и много денегъ, ибо въ нихъ и слава, и безопасность государя",—и заключилъ этотъ совѣтъ лаской, окончившейся странно: начавъ слегка хлопать мальчика по щекамъ, король сталъ усиливать удары и чуть не дошелъ до настоящихъ пощечинъ. Извѣстное столкновеніе между отцомъ и сыномъ начиналось, когда сынъ былъ еще ребенкомъ. Какъ въ дѣлѣ несчастнаго дона-Карлоса [1]), какъ въ дѣлѣ неменѣе несчастнаго царевича Алексѣя, и тутъ, подобно Филиппу II или Петру Великому, отецъ боялся, что сынъ не будетъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ быть, что сынъ не пойдетъ по дорогѣ отца, разстроитъ дѣло, на которое положено столько усилій. Какъ бы ни смотрѣть на столкновеніе между Фридрихомъ Вильгельмомъ I и его сыномъ, во всякомъ случаѣ у прусскаго короля не было ничего похожаго на циническое „послѣ насъ хоть потопъ" Людовика XV. Фридрихъ Вильгельмъ I былъ неохотникъ до иностранцевъ, а между тѣмъ поручилъ воспитаніе своего сына французамъ. Самого его воспитывала одна француженка, и ей же, своей старой боннѣ, онъ ввѣрилъ кронпринца, а потомъ взялъ къ нему въ учителя, или „информаторы" молодого офицера Дюганъ-де-Жандена (Duhan de Jandun), отецъ котораго, одинъ изъ многочисленныхъ гугенотовъ, спасшихся въ Бранденбургѣ, былъ секретаремъ Великаго Курфюрста. Дѣло въ томъ, что къ своей старой боннѣ, женщинѣ не лишенной образованія и даже серьезныхъ умственныхъ интересовъ, король чувствовалъ искреннюю привязанность, а „информаторъ" понравился ему храбростью во время осады Штральзунда, причемъ Фридрихъ Вильгельмъ и не подозрѣвалъ, что молодой прусскій офицеръ изъ французовъ былъ человѣкомъ большого и разно-

---

[1]) Т. II, стр. 307.

сторонняго образованія. Рядомъ съ ними были поставлены въ качествѣ дядекъ двое уже настоящихъ прусскихъ офицера: они должны были дать военное воспитаніе кронпринцу. Такимъ образомъ Фридрихъ II росъ подъ двойнымъ вліяніемъ французской образованности и прусскаго милитаризма. Этимъ воспитателямъ и учителямъ дана была королемъ инструкція: латыни не нужно; учить по-нѣмецки и по-французски; древнюю исторію пройти слегка, но самымъ подробнымъ образомъ изучить исторію послѣднихъ полутораста лѣтъ и въ особенности исторію Бранденбурга съ указаніями на то, что сдѣлано было хорошо и что дурно; математика нужна больше всего для фортификаціи; главное дѣло—внушать принцу мысль, что въ ремеслѣ солдата единственный путь къ славѣ. Система, расчитанная на то, чтобы приготовить „Фрица" прямо къ практической жизни, дополнялась частыми экзаменами въ присутствіи короля и всего двора. Въ изученіе военнаго дѣла мальчикъ былъ введенъ игрою въ солдатики: уже для шестилѣтняго кронпринца была организована рота изъ 131 мальчугана. Но вѣчно эта забава продолжаться не могла. Фридрихъ II развился весьма рано, да и Дюганъ отступалъ отъ королевской инструкціи, хотя Фридрихъ Вильгельмъ I постоянно слѣдилъ за выполненіемъ своей программы. Напр., въ фоліантахъ „Theatrum Europaeum", по коимъ принцъ учился новой исторіи, учитель началъ-было отмѣчать лишь наиболѣе замѣчательныя событія, но король потребовалъ, чтобы сынъ заучивалъ всѣ событія; Дюганъ находилъ нужнымъ, чтобы Фридрихъ больше разсуждалъ о событіяхъ, а отецъ настаивалъ, чтобы все заучивалось на память. Учитель былъ неуступчивъ и особенно не могъ пожертвовать исторіей грековъ и римлянъ, которая „ни къ чему не нужна", какъ думалъ король: уже одно чтеніе „Телемака" давало учителю постоянные поводы говорить ученику о древнихъ, а потомъ и самъ воспитанникъ сталъ зачитываться классиками во французскихъ переводахъ, правда, украдкою, вставая по ночамъ и такимъ образомъ пріучаясь къ нарушенію воли отца, который не потерпѣлъ бы такого ослушанія.

Когда кронпринцъ сталъ подростать, все болѣе и болѣе обнаруживалась противоположность между его стремленіями, вкусами и настроеніемъ и тѣмъ, что особенно характеризовало короля. Послѣдній былъ до скаредности скупъ, а кронпринцъ обнаруживалъ наклонность къ роскоши; отецъ любилъ солдатчину, сынъ находилъ военныхъ грубыми и смѣшными; Фридрихъ Вильгельмъ I считалъ себя прежде всего хорошимъ христіаниномъ, а по отношенію къ Фридриху II придворный законоучитель имѣлъ право выражать нѣкоторое неудовольствіе: юноша интересовался всѣми науками, но плохо учился закону Божію. Къ тому же еще мать и старшая сестра вооружали его

противъ отца: королева Софія Доротея не сходилась во вкусахъ съ своимъ супругомъ, а принцесса Вильгельмина, связанная съ братомъ узами самой тѣсной дружбы, была даже одной изъ особенныхъ виновницъ обостренія отношеній между этимъ самымъ братомъ и отцомъ. Между прочимъ Софія Доротея мечтала выдать замужъ старшую дочь за внука англійскаго короля Георга I и женить сына на его внучкѣ, а у Фридриха Вильгельма I были свои планы на этотъ счетъ.—Въ 1727 году учебные годы кронпринца окончились, но его продолжали держать подъ самымъ строгимъ надзоромъ, и юношѣ еще болѣе приходилось таиться съ своими стремленіями. Онъ, напр., завелъ себѣ большую библіотеку (болѣе чѣмъ въ три тысячи томовъ), но держалъ ее въ наемной квартирѣ неподалеку отъ дворца, лишь украдкою заглядывая въ свое книгохранилище, въ которомъ были и „Государь“ Макіавелли, и „Утопія“ Моруса, и „Республика“ Бодена, и „Вѣчный миръ“ аб. де С. Пьера. [1]) Поѣздка въ 1728 г. въ Дрезденъ, къ самому блестящему двору въ Германіи, гдѣ шестнадцатилѣтняго Фридриха чествовали, какъ настоящаго принца, особенно дала ему почувствовать несносность его положенія, и уже въ слѣдующемъ 1729 году онъ задумалъ добиться свободы отъ тяжкаго домашняго гнета посредствомъ бѣгства въ Англію, къ родственникамъ своей матери, ганноверской принцессы. Два молодые человѣка, находившіеся на прусской службѣ, Кейтъ и Катте, были посвящены въ этотъ планъ, который долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе при первомъ удобномъ случаѣ. Въ 1730 г., когда кронпринцу было уже 18 лѣтъ, король предпринялъ путешествіе въ свои прирейнскія владѣнія, взявъ съ собою и Фридриха, который и рѣшился воспользоваться этимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, чтобы бѣжать. Братъ Кейта, пажъ, однако, открылъ заговоръ королю, и Фридрихъ былъ задержанъ. Отцовскій гнѣвъ не зналъ предѣловъ, но юный „арестантъ“ обнаружилъ во всей этой исторіи замѣчательную сдержанность и хладнокровіе съ не менѣе замѣчательною изворотливостью. Уже ранѣе онъ былъ пріученъ—строгостью своего отца—къ притворству и лжи: теперь ему пришлось также пуститься на хитрости, чтобы смягчить свою судьбу и выпутать изъ дѣла своихъ пособниковъ. Возвратившись въ Берлинъ, Фридрихъ Вильгельмъ I впалъ въ самое неистовое состояніе, однимъ ударомъ повалилъ на полъ принцессу Вильгельмину и хотѣлъ растоптать ее ногами, ругался съ пѣною у рта и велѣлъ начать самое строгое слѣдствіе по дѣлу сына. Къ вопроснымъ пунктамъ, предъявленнымъ судьями „арестанту“, король прибавилъ нѣсколько своихъ, въ которыхъ шла рѣчь о томъ, можетъ ли дезертиръ наслѣдовать

---

[1]) Обо всѣхъ этихъ, соч. см. Т. I. стр. 423 и слѣд.; т. II. 391 и слѣд. и выше, стр. 265.

тронъ и не предпочелъ ли бы Фридрихъ сохранить жизнь, отказавшись отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ. Придавая себя милосердію короля и не считая себя въ правѣ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, кронпринцъ съ большимъ достоинствомъ заявилъ, что онъ не признаетъ себя человѣкомъ, нарушившимъ долгъ чести, и что жизнью онъ не дорожитъ, хотя и не думаетъ, что его королевское величество дойдетъ до послѣднихъ предѣловъ строгости; въ заключеніе Фридрихъ просилъ прощенія. Король былъ раздраженъ хладнокровіемъ отвѣтовъ сына и велѣлъ подвергнуть его самому тяжкому заключенію. Между тѣмъ была открыта тайная библіотека кронпринца, которую онъ надѣялся со временемъ перевести въ Англію: король велѣлъ отправить всѣ книги въ Гамбургъ и тамъ ихъ продать, а Дюганъ, завѣдывавшій библіотекой, былъ сосланъ въ Мемель. Самое дѣло казалось Фридриху Вильгельму I болѣе серьезнымъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности: онъ подозрѣвалъ кронпринца въ преступныхъ сношеніяхъ съ иностранцами, въ государственной измѣнѣ, въ заговорѣ на его собственную жизнь. Ходили слухи о томъ, что Фридрихъ будетъ подвергнутъ казни, и иностранныя правительства ходатайствовали передъ прусскимъ королемъ за его сына [1]). Одно время Фридрихъ Вильгельмъ I, повидимому, думалъ о томъ, чтобы лишить кронпринца права ему наслѣдовать на прусскомъ престолѣ, относясь съ величайшимъ недовѣріемъ къ его просьбамъ о прощеніи. Какъ бы тамъ ни было, поступокъ своего сына король квалифицировалъ, какъ дезертирство, и потому отдалъ дѣло на разсмотрѣніе военнаго суда. Вмѣстѣ съ кронпринцемъ былъ преданъ суду и Катте, не успѣвшій спастись бѣгствомъ. Судьи постановили повергнуть кронпринца высочайшему и отеческому милосердію короля, заключить Катте на вѣчныя времена въ крѣпость, а Кейта казнить in effigie. Фридрихъ Вильгельмъ I остался недоволенъ приговоромъ и потребовалъ его пересмотра, но судьи объявили, что, постановивъ приговоръ по чистой совѣсти, они болѣе не считаютъ себя въ правѣ дѣлать въ немъ какія либо измѣненія. Тогда король самъ измѣнилъ то, что ему не нравилось въ приговорѣ: пожизненное заключеніе въ крѣпости было для Катте замѣнено смертною казнью—передъ окномъ, къ которому, по приказанію короля, былъ подведенъ плѣнный кронпринцъ; самому Фридриху жизнь была, правда, дарована, но ему предстояло еще выдержать цѣлый рядъ испытаній до полученія полнаго помилованія. Началось съ пасторскихъ увѣщаній, которыя должны были обратить молодого человѣка на путь истины. Потомъ онъ былъ освобожденъ изъ заклю-

---

[1]) Спасеніе Фридриха II отъ смерти отцомъ Маріи Терезіи нужно отнести къ числу историческихъ легендъ. Lavisse, 313.

ченія, но долженъ былъ жить въ крѣпости (Кюстринѣ), которая дѣлалась какъ бы только болѣе просторною тюрьмою и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстомъ его служенія въ должности аудитора бывшей тамъ военной и доманіальной палаты.

Исторія съ бѣгствомъ и судомъ оставила сильный слѣдъ на характерѣ Фридриха II: уже и безъ того привыкшій притворяться и скрытничать, теперь еще болѣе онъ вынуждался всею этою передрягою къ тому, чтобы быть неискреннимъ, лицемѣрить. Тяжелое испытаніе закалило восемнадцатилѣтняго юношу, но въ то же время сдѣлало его еще болѣе черствымъ и озлобленнымъ. Наказаніе, наложенное на кронпринца королемъ, въ свою очередь, имѣло также весьма важное значеніе въ жизни Фридриха II. Въ качествѣ мелкаго чиновника административнаго учрежденія онъ, по предписанію своего отца, долженъ былъ работать наравнѣ съ другими служащими, а въ свободное отъ обязательныхъ занятій время—изучать старыя дѣла палаты, хранившіяся въ ея архивѣ, или вести бесѣды съ старшими о словѣ Божіемъ, устройствѣ государства, администраціи, финансахъ, судѣ, мануфактурахъ, но „отнюдь не о войнѣ и мирѣ и другихъ политическихъ дѣлахъ“. Пребываніе Фридриха II въ Кюстринѣ было для него *практической школой, въ которой онъ познакомился съ системой прусскаго военно-хозяйственнаго управленія.* У молодого человѣка нашлись здѣсь хорошіе, опытные учителя, съумѣвшіе его заинтересовать въ финансовыхъ и коммерческихъ вопросахъ, ставя ихъ въ связь съ возвышеніемъ Бранденбурга: еще здѣсь будущій герой двухъ войнъ, которыя велись за Силезію, узналъ изъ бесѣдъ о прусской торговлѣ, какъ важна была для послѣдней названная габсбургская провинція. Съ другой стороны, и отца своего Фридрихъ расчитывалъ расположить въ свою пользу, занявшись вопросами государственнаго хозяйства. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ кронпринцъ былъ повышенъ въ рангѣ и могъ посѣщать свое присутственное мѣсто лишь три раза въ недѣлю: ему позволено было даже отлучаться изъ крѣпости, доводя объ этомъ каждый разъ до свѣдѣнія коменданта, но бывать въ окрестности Кюстрина онъ долженъ былъ главнымъ образомъ для того, чтобы посѣщать королевскіе домены и присматриваться къ тому, какъ въ нихъ ведется хозяйство. Среди такихъ занятій Фридриха, однако, не покидали философскіе интересы: если, напр., впослѣдствіи съ Вольтеромъ онъ обсуждалъ весьма охотно вопросъ о свободѣ человѣческой воли, то этотъ же самый вопросъ въ его богословской формѣ интересовалъ Фридриха еще раньше уже, чѣмъ онъ попалъ въ Кюстринъ, такъ что старый король уже принималъ свои мѣры, чтобы выбить изъ его головы фаталистическую „ересь“ о предопредѣленіи. Кронпринца интересовали также и вопросы физики и механики; поэзія попрежнему была однимъ изъ его любимыхъ занятій.

Своему отцу Фридрихъ писалъ письма, въ коихъ посылалъ ему хозяйственные отчеты о своихъ поѣздкахъ по сосѣднимъ доменамъ, и, сильно начинавъ наконецъ скучать въ провинціальномъ захолустьѣ просилъ „не изъ желанія угодить, а отъ чистаго сердца,“ чтобы ему позволили снова сдѣлаться солдатомъ. Король все не вѣрилъ искренности сына и высказывалъ въ отвѣтныхъ письмахъ огорченіе по поводу того, что не съумѣлъ ему внушить любви къ военному дѣлу. „Гренадеры, конечно, въ твоихъ глазахъ только сволочь, писалъ, напр., Фридрихъ Вильгельмъ I, а вотъ франтики, французики, остротцы да музычка (ein Musiquechen) только и кажутся чѣмъ-то благороднымъ, королевскимъ, digne d'un prince. Сдѣлаться снова солдатомъ! Но вѣдь прежде нужно быть хорошимъ хозяиномъ: Карлъ XII былъ храбрый воинъ, но расточалъ деньги и, разъ побѣжденный, не имѣлъ средствъ выставить новое войско“. Мало-по-малу Фридрихъ Вильгельмъ I долженъ былъ, однако, убѣдиться, что его наслѣдникъ будетъ хорошимъ хозяиномъ: въ своихъ письмахъ къ отцу кронпринцъ дѣлался все болѣе и болѣе обстоятельнымъ и даже сообщалъ разныя предположенія объ улучшеніи торговли; отвѣтныя письма короля становились, въ свою очередь, болѣе ласковыми. Моментъ окончательнаго примиренія приближался, но кронпринцу нужно было принести еще одну жертву суровому нраву отца—жениться на выбранной имъ невѣстѣ, принцессѣ Браунвейгъ-Бевернской, заранѣе, однако, рѣшившись не связывать себя ничѣмъ въ будущей жизни съ женою. Послѣ свадьбы Фридрихъ, которому въ то время (1733) былъ 21 годъ, получилъ отъ отца полкъ въ Ней-Руппинѣ (недалеко отъ Берлина), а вскорѣ затѣмъ помѣстье Рейнсбергъ, близъ мекленбургской границы, что позволило ему зажить счастливою жизнью—подальше отъ „Юпитера“, располагая своимъ временемъ уже по своему усмотрѣнію. Въ послѣдніе годы старый король имѣлъ утѣшеніе видѣть, что изъ его когда-то непокорнаго сына вышелъ хорошій хозяинъ и хорошій солдатъ,—и уже мирился съ тѣмъ, что въ своей частной жизни „Фрицъ“ отступалъ отъ того, что было обычаемъ при тогдашнемъ берлинскомъ дворѣ.

Суровая школа, которую прошелъ Фридрихъ II въ свои молодые годы, какъ было сказано, отразилась на его характерѣ. Когда онъ изъ Кюстрина пріѣзжалъ въ Берлинъ на свадьбу своей старшей сестры, выданной замужъ за маркграфа Байрейтскаго, Фридриха едва узнавали близкія лица: даже самоё Вильгельмину поразила его необыкновенная сдержанность. Кронпринцъ многому научился, но многое прежнее такъ-таки въ немъ и осталось. Весьма интересную характеристику Фридриха II во время его кюстринской жизни можно составить на основаніи писемъ Гилле, служившаго въ одномъ съ нимъ присутственномъ мѣстѣ: Гилле отмѣтилъ нѣкоторыя черты, которыя и впослѣдствіи характе-

ризовали великаго короля. Молодой человѣкъ уже тогда гнался за тѣмъ, что французы называютъ esprit, и находилъ, что нѣмцы не соотвѣтствуютъ его идеалу цивилизованнаго человѣка, увлекаясь французами, которыхъ онъ представлялъ себѣ такъ, какъ сами они изображали себя въ своихъ книгахъ, думая, что лично ему знакомые французы уже немного попорчены своимъ общеніемъ съ нѣмцами. Далѣе кронпринцъ, въ минуты недовольства уже тогда (1731) похожій на Громовержца, былъ изысканно вѣжливъ, но это была вѣжливость grand-seigneur'a: онъ былъ проникнутъ сознаніемъ своего превосходства надъ всѣми окружающими въ качествѣ кронпринца и въ качествѣ дворянина, относился съ пренебреженіемъ къ разночинцамъ, къ числу каковыхъ принадлежалъ и самъ Гилле. Вѣчно насмѣшливый, онъ въ то же время нерѣдко скандализировалъ своихъ собесѣдниковъ заявленіями, заставлявшими ихъ качать головою относительно его нравственныхъ правилъ. Гилле находилъ также, что кронпринцу нужно было бы имѣть больше благочестія, но на этотъ счетъ онъ могъ бы выразиться и гораздо сильнѣе. Иногда, впрочемъ, Фридрихъ для краснаго словца преувеличивалъ свои недостатки и подсмѣивался надъ тѣмъ, къ чему въ душѣ относился серьезно. Напр., въ 1731 г., онъ рисовалъ свой торжественный въѣздъ въ Берлинъ верхомъ на ослѣ и въ предшествіи цѣлыхъ стадъ свиней, овецъ и быковъ и т. п., но въ сущности къ „экономіи" онъ относился уже весьма серьезно. Впрочемъ, эта экономія интересовала его преимущественно съ политической стороны: особенно его занималъ вопросъ о торговлѣ съ Силезіей, о которой онъ бесѣдовалъ съ Гилле и впослѣдствіи написалъ цѣлый планъ для своего отца. Въ воображеніи молодого человѣка уже тогда носилась Пруссія, увеличенная новыми пріобрѣтеніями — въ силу, какъ тогда уже выражался Фридрихъ II, „политической необходимости". Не всѣ, однако, люди, имѣвшіе возможность наблюдать молодого кронпринца, вѣрно о немъ судили. Иные, плохо понимавшіе, что выйдетъ изъ двадцатилѣтняго юноши, думали, что по вступленіи на престолъ онъ будетъ только предаваться служенію музамъ и удовольствіямъ, предоставивъ управленіе для блага народа министрамъ, и что воина изъ него не выйдетъ. Нѣчто подобное думалъ въ 1740 г. и Вольтеръ, съ которымъ Фридрихъ II незадолго передъ тѣмъ вступилъ въ переписку. Но это была большая ошибка.

По мѣрѣ того, какъ кронпринцъ больше и лучше знакомился съ хозяйственнымъ управленіемъ и военною силою Пруссіи, тѣмъ все болѣе проникался онъ уваженіемъ и къ своему отцу, и къ прусскому устройству, что отразилось и на письмахъ его къ Вольтеру, и на „Mémoires de Brandebourg". Въ прусской исторіи XVIII в. Фридрихъ II былъ лишь продолженіемъ своего отца, но онъ умѣлъ соче-

тать свою приверженность къ унаслѣдованной отъ отца системѣ съ поклоненіемъ генію Вольтера, съ коимъ онъ вступилъ въ переписку изъ Рейнсберга двадцатипятилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ. Взаимныя отношенія Фридриха II и Вольтера были разсмотрѣны нами выше [1]), но мы не можемъ еще не коснуться интеллектуальнаго сходства, существующаго между этими двумя крупными представителями XVIII вѣка. Дѣйствительно, у обоихъ было немало общаго: оба, одинаково великіе честолюбцы, были прежде всего людьми большого ума, который господствовалъ у нихъ надъ всѣми другими душевными способностями: обоихъ живо интересовали важнѣйшія проблемы знанія, но оба въ сущности оставались скептиками, умѣя лучше всего во всѣхъ явленіяхъ жизни подмѣчать лишь отрицательную ихъ сторону, но не думая о коренной ломкѣ существующихъ порядковъ во имя какого-либо отвлеченнаго идеала, и потому оба принимали дѣйствительность, какъ она есть. Вольтеръ и Фридрихъ II были какъ бы созданы другъ для друга, раздѣляя одни и тѣ же моральные и политическіе взгляды: прусскій король былъ какъ бы призванъ исполнять программу Фернейскаго философа [2]), хотя и нельзя сказать, чтобы эта послѣдняя была выполнена: программа Вольтера была сама по себѣ, а гогенцоллернская традиція сама по себѣ, и когда между тою и другою Фридриху II приходилось выбирать, онъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ оказывался въ гораздо большей степени сыномъ Фридриха-Вильгельма I, чѣмъ другомъ Вольтера. Во всякомъ случаѣ, для „просвѣщеннаго абсолютизма“ въ Пруссіи весьма характерно то, что въ завязавшейся между двумя крупнѣйшими людьми XVIII в. перепискѣ, философъ дѣйствовалъ на честолюбіе будущаго прусскаго короля, привлекая его на сторону „просвѣщенія“, а этотъ будущій король изображалъ съ хорошей стороны старый военно-хозяйственный режимъ своего отца. Проповѣдуя союзъ философовъ и монарховъ, Вольтеръ готовъ былъ представлять себѣ будущую прусскую политику царствомъ музъ, тѣмъ болѣе, что самъ Фридрихъ II вводилъ его въ заблужденіе своими заявленіями: старый король былъ дальновиднѣе, ибо не чувствуй онъ, что „Фрицъ“ пойдетъ по его стопамъ, онъ не могъ бы умереть спокойно, а Фридрихъ-Вильгельмъ I, именно съ полною вѣрою въ своего сына передалъ ему власть, вызвавъ его передъ смертью своею въ Потсдамъ.

Нѣкоторые ожидали, что новый прусскій король будетъ государь миролюбивый и что онъ передастъ всѣ дѣла министрамъ. Ничего не было болѣе ошибочнаго, какъ такое ожиданіе. Молодой, честолюбивый и энергичный монархъ, еще чуть не мальчикомъ думав-

---

[1]) Стр. 160—161 и ниже, стр. 324, прим. 2.

[2]) Ср. выше, стр. 169—170.

шій о расширеніи предѣловъ Пруссіи, получившій въ наслѣдство богатую казну и хорошую армію, до тонкости понимавшій выгодныя стороны тогдашняго политическаго положенія Европы, тотчасъ по вступленіи на престолъ увеличилъ армію на 16 баталіоновъ пѣхоты, 5 эскадроновъ гусаръ и эскадронъ гвардіи и въ томъ же году началъ войну съ Австріей. Мудрено было расчитывать и на то, чтобы такой человѣкъ, ради служенія музамъ, отказался отъ власти: Фридрихъ II не только не передалъ правленіе министрамъ, но самъ сдѣлался первымъ и единственнымъ своимъ министромъ, превративъ совѣтниковъ въ простыхъ секретарей, которые должны были только исполнять его предначертанія [1]). Не ошибся Вольтеръ, только въ томъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ—тамъ именно, гдѣ, не затрогивалось существо старой прусской системы и ничто не грозило авторитету власти—*Пруссія, дѣйствительно, должна была вступить на новый путь, указывавшійся „философіей" той эпохи.* Не прошло, напр., мѣсяца со дня вступленія Фридриха II на престолъ, какъ изъ уголовнаго судопроизводства исчезла пытка, отмѣнены были нѣкоторыя стѣсненія при вступленіи въ бракъ, введена была вѣротерпимость, дозволявшая каждому „спасаться auf seiner Façon" и указывавшая на государство, какъ на такую силу, которая можетъ заставить жить въ мирѣ разныя вѣроисповѣданія, еслибы они вздумали ссориться. Пожалуй, и царство музъ наступило: Фридрихъ II окружилъ себя образованными и учеными французами, съ которыми любилъ бесѣдовать, сталъ покровительствовать берлинской академіи, возвратилъ Вольфа [2]) на его каѳедру, не преслѣдовалъ газетъ, самъ, наконецъ, занимался поэзіей и философіей, хотя все это не мѣшало Пруссіи Фридриха II оставаться Пруссіей Фридриха-Вильгельма I, т.-е. государствомъ, въ которомъ все должно было ходить по стрункѣ и вездѣ былъ виденъ хозяйскій глазъ, которое во многихъ отношеніяхъ могло считаться по своему времени образцовымъ, но въ которомъ было очень тяжело жить.

---

[1]) Существуютъ отдѣльныя біографіи лицъ, окружавшихъ Фридриха II, начиная съ его жены Елизаветы Христины (Hahnke, Ziethe) и кончая генералами. См. именно работы о дипломатѣ Герцбергѣ (Lehmann'a), о министрѣ нар. просв. Цедлицѣ (Decker'a, Rethwisch'a), о великомъ канцлерѣ Кокцеи (Trendelenburg'a) и т. п. См. также недавно вышедшую книгу Natzmer'a „Lebensbilder aus dem Jahrhundert nach dem grossen deutschen Kriege". Можно, однако, сказать, что исторія сподвижниковъ Фридриха II, все-таки недостаточно разработана, кромѣ развѣ военныхъ дѣятелей.

[2]) См. выше, стр. 311.

XXIII. Политическія идеи и правительственная дѣятельность Фридриха II.

Фридрихъ II, какъ писатель. — Фридрихъ II и нѣмецкая литература. — Фридрихъ II и «философія» XVIII в.—Отношеніе Фридриха II къ религіи.—Его политическая теорія.—Allgemeines Landrecht.—Прусская государственная традиція и раціоналистическая философія. — Отношеніе Фридриха II къ сословному строю Пруссіи.—Правительственныя преобразованія Фридриха II.—Прусская монархія и «старый порядокъ».—Мирабо о прусской монархіи.—Впечатлѣніе, произведенное Фридрихомъ II, какъ правителемъ на современниковъ.

Фридрихъ II оставилъ послѣ себя весьма обширное литературное наслѣдство, являющееся богатымъ историческимъ матеріаломъ для характеристики его личности, его взглядовъ, его дѣятельности. Его сочиненія и его переписка наполняютъ собою цѣлые томы [1]), которые уже изучались весьма многими историками. Если въ обширной литературѣ о Фридрихѣ II бо́льшая часть работъ разсматриваетъ его, какъ полководца и дипломата и, къ сожалѣнію, лишь меньшая—какъ правителя [2]), то все-таки рядомъ съ этими трудами, для коихъ Фрид-

[1]) Соч. Фридриха II издавались не разъ. См. Oeuvres de Frédéric le Grand въ тридцати томахъ, изд. 1846 — 1857 гг. Первые семь томовъ заключаютъ въ себѣ историческія сочиненія (Mém. pour servir à l'histoire de la maison de Brandebourg, Hist. de mon temps, Hist. de la guerre de sept ans и др.), слѣдующіе два—сочиненія философскія (между прочимъ Antimachiavel, Miroir des princes, Dissertation sur les raisons d'établir ou d'abroger les lois, Examen critique du Système de la nature, Discours de l'utilité der sciences et des arts dans un État, Exposé du gouvernement prussien, Essai sur les formes du gouvernement et sur les devoirs des souverains, Lettres sur l'amour de la patrie), шесть томовъ—поэтическія, двѣнадцать — письма Фридриха II и три тома — сочиненія военнаго содержанія. Ср. изданную въ 1878 г. Verzeichniss sämmtlicher Ausgaben und Uebersetzungen der Werke Fr d. Gr. Въ 1879 г. предпринято изданіе политической переписки Фр. Вел. Значеніе источника для характеристики личности Фр. II имѣютъ также Unterhandlungen mit Fr. dem Grossen. Memoiren und Tagebücher von H. de Catt.

[2]) Историческихъ работъ о правительственной дѣятельности Фридриха II весьма мало сравнительно съ тѣмъ, что писалось о немъ, напр., какъ о полководцѣ и дипломатѣ. Кромѣ общихъ трудовъ (и сборниковъ статей) и очень устарѣлыхъ сочиненій (Бюшинга, Герцберга, Ад. Мюллера Рёденбека и др.) см. Beheim-Schwarzbach. Fr. der Gr. als Gründer deutscher Colonien in dem im Jahre 1772 erworbenen Landen. — Lippe. Westpreuszen unter Fr. d. Gr. — Stadelmann. Fr. d. Gr. in seiner Thätigkeit für den Landbau Preussens. —Второй томъ его же Preussens Könige in ihrer Thätigkeit für die Landescultur.— Seidel. Fr. d. Gr... und die Volksschule.-Grünhagen. Schlesien unter Fr. d. Gr. — Ring. Asiatische Handelskompanien Fr. d. Gr.—Schmoller. Die Einfüh-

рихъ II прежде всего — государственный дѣятель, можно указать немало трудовъ, изучающихъ этого короля въ его сочиненіяхъ, изучающихъ его, какъ писателя [1]). Фридрихъ II не только много писалъ, но и писалъ въ самыхъ различныхъ родахъ, стихами и прозой, по философіи и исторіи, по политикѣ и военному дѣлу и т. п. Само собою разумѣется, что съ той точки зрѣнія, съ какой мы здѣсь разсматриваемъ великаго короля, особое значеніе должны имѣть для насъ философскія и главнымъ образомъ политическія сочиненія Фридриха II. Мы знаемъ уже, что у него интересъ къ философскому знанію пробудился очень рано: нужно прибавить, что онъ никогда и не покидалъ „короля-философа". Фридрихъ II и среди тревогъ военной жизни, и среди правительственныхъ заботъ находилъ время бесѣдовать и переписываться съ философами и писать разсужденія на философскія темы. Его метафизическія, религіозныя, моральныя и педагогическія воззрѣнія уже давно дѣлались предметомъ изученія, равно какъ его отношенія къ современнымъ ему философамъ [2]). Вдвигая его въ число

---

rung der franz. Regie.—Stadelmann. Aus der Regierungsthätigkeit Fr. des Gr. и нѣкоторыя другія. Между тѣмъ предметъ этотъ интересовалъ уже современниковъ Фридриха II, лучшимъ доказательствомъ чего является надѣлавшая много шуму книга (1788) Мирабо „De la monarchie prussienne sous Frédéric le Grand", о которой см. ниже. Понятно, что правительственной дѣятельности Фридриха II касаются и спеціальныя сочиненія по ист. прусской администраціи, права, финансовъ и т. п., каковы указазанныя выше соч. Bornhak'a, Isaaksohn'a (стр. 42, прим. 2), Niebuhr. Gesch.d. kön. Bank in Berlin. — Poschinger. Bankwesen und Bankpolitik in Preussen.—Riedel. Der brandenburgisch-preussische Staatshaushalt.—W. Schultze. Gesch. der preussischen Regieverwaltung.— Stephan. Gesch. der preuss. Post. — A. Stölzel. Brandenburg—preuss. Rechtsverwaltung und Rechtsverfassung.—Его же.—Fünfzehn Vorträge aus der brandenburg—preuss. Rechts- und Staatsgeschichte и др.

[1]) Preuss. Fr. d. Gr. als Schriftsteller (1837).—Biedermann. Fr. d. Gr. und sein Verhältniss zur Entwickelung des deutschen Geistesleben.—Th. Droz. Fr. le Gr. et ses écrits.—Boretius. Fr. d. Gr. in seinen Schriften.—Merkens. Gedanken Fr. d. Gr. aus seinen Schriften gesammelt.—Pröhle. Fr. d. Gr. und die deutsche Literatur. Jacoby (съ тѣмъ же заглавіемъ, что и предыдущая). — M. Posner. Zur literarischen Thätigkeit Fr. des Gr.

[2]) Rigollot. Frédéric II philosophe. — Merkens. Fr. d. Gr. Philosophie, Religion und Moral (брошюра). — Ed. Zeller. Fr. d. Gr. als Philosoph (издано въ столѣтнюю годовщину смерти Фридриха II). См. также сочиненіе объ отношеніи Фридриха II къ Вольтеру (Thiériot. Voltaire en Prusse.—Schulthess. Fr. und Volt. in ihren persönnlichen und litterarischen Wechselverhältnisse), д'Аламберу (Aug. Boeckh. D'Alembert und Fr. der Grosse über das Verhältniss der Wissenschaft zum Staat), Монтескье (Edm. Meyer въ Zeitschr. für preuss. Gesch. за 1879 г.), Руссо (Du Bois Reymond въ Deutsche Rundschau за 1879 г.) и т. п. О религіозныхъ воззрѣніяхъ Фридриха II см. Tersteegens. Gedanken über die relig. Ansichten Fr. des Gr. und den rationalistischen Geist überhaupt.—

писателей въ духѣ идей XVIII в., мы должны обратить особое вниманіе на то, что, будучи не только „просвѣщеннымъ“ монархомъ, но и „просвѣтителемъ“, Фридрихъ II является не однимъ лишь практическимъ представителемъ „просвѣщеннаго абсолютизма“, но и теоретикомъ этого направленія, такъ какъ написалъ нѣсколько сочиненій, въ коихъ изложилъ свои взгляды на государство, на его права и задачи, на обязанности государей и т. п., что равнымъ образомъ послужило для многихъ писателей весьма благодарною темою—выяснить политическое міросозерцаніе одного изъ наиболѣе крупныхъ представителей „просвѣщеннаго абсолютизма“ [1]).

Фридрихъ II получилъ чисто французское образованіе, писалъ почти исключительно по-французски, и только письма къ отцу долженъ былъ писать по-нѣмецки. Въ его молодые годы нѣмецкая литература влачила жалкое существованіе и не могла идти въ сравненіе съ блестящей литературой французской, и Фридрихъ II такъ и остался при томъ мнѣніи, что нѣмецкіе писатели не заслуживаютъ большого вниманія. Не задолго до своей смерти онъ написалъ (1780) статью „De la littérature allemande“, въ которой разсматриваетъ нѣмецкую литературу, какъ дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, хотя въ эту пору Германія уже имѣла нѣсколько замѣчательныхъ писателей, имѣла уже Лессинга, Гердера, Гете и др. Между королемъ-философомъ и нѣмецкими авторами его времени существовало своего рода взаимное отчужденіе; многіе историки даже думаютъ, что это спасло нѣмецкую литературу отъ королевскаго меценатства, которое могло бы лишить ее благородной независимости, ее отличающей, тогда какъ другіе, наоборотъ, предполагаютъ, что сближеніе между Фридрихомъ II и нѣмецкими писателями эпохи могло бы освободить послѣднихъ отъ безпочвеннаго космополитизма, содѣйствовать тому, чтобы они прониклись болѣе національнымъ духомъ, и способствовать раз-

---

F. Nippold. Religion und Kirchenpolitik Fr. d. Gr.—Ср. M. Lehmann. Preussen und die kath. Kirche Set 1640. О педагогическихъ взглядахъ Фридриха II есть работа Meyer'а, въ которой разсматриваются и его школьныя реформы.

[1]) Воззрѣнія Фридриха II на государство давно сдѣлались предметомъ обработки. Изъ старыхъ соч. см. Demophilos. Fr. d. Gr. Gedanken über den Staat, Kirche, Fürsten und Volk (1833).—Wolff. Fr. des Grossen Staatsrechtliche Grundsätze (1840) и др., а изъ болѣе новыхъ: E. Kauer. Fr. des Grossen Gedanken über die fürstliche Gewalt (ср. выше, стр. 310, гдѣ указанъ сборникъ статей Кауера).—W. Herbst. Fr. des Gr. Antimachiavel.—См. также отдѣльныя статьи (напр., въ сборникѣ статей Реймана, гдѣ есть статья и о философскихъ и религ. воззрѣніяхъ Фридриха II, ср. выше, стр. 311) или главы въ соч. болѣе общаго характера (напр. въ соч. Э. Целлера о Фридрихѣ II, какъ философѣ, гл. 6, занимающая стр. 89—124).

витію у нихъ политическаго интереса [1]). Конечно, весьма трудно рѣшить, какое вліяніе произвело бы на нѣмецкую литературу иное отношеніе къ ней Фридриха II, тѣмъ болѣе, что космополитическія ея стремленія и отсутствіе въ ней политическихъ интересовъ объясняются болѣе глубокими причинами, чѣмъ невнимательность къ ней прусскаго короля, но фактъ самъ по себѣ заслуживаетъ быть отмѣченнымъ: *Фридрихъ II совершенно пренебрегалъ нѣмецкой литературой,* будучи, такъ сказать, съ головы до ногъ представителемъ спеціально французскаго просвѣщенія.

Нѣкоторое время, въ тридцатыхъ годахъ Фридрихъ II увлекался еще философіей Вольтера, которую ему переводили, однако, на французскій языкъ. Подъ ея вліяніемъ онъ начиналъ „замѣчать возможность существованія у себя души и даже возможность ея безсмертія". Въ духѣ вольфіанскаго оптимизма онъ даже сочинялъ по французски оды о „Благости Божіей" и о „Любви къ Богу". „Такіе, какъ вы, философы, писалъ онъ тогда Вольфу, учатъ тому, что должно быть, а короли существуютъ лишь для того, чтобы приводить въ исполненіе ваши идеи". И въ своихъ письмахъ къ Вольтеру Фридрихъ II, въ то время еще кронпринцъ, равнымъ образомъ хвалилъ Вольфа, а по восшествіи своемъ на престолъ тотчасъ возвратилъ философа на каѳедру, отнятую у послѣдняго покойнымъ королемъ. Но скоро Фридрихъ II охладѣлъ къ Вольфу, метафизика котораго мало соотвѣтствовала складу ума Фридриха II и тому вліянію, какое на него уже успѣлъ оказать Вольтеръ: „Богъ, писалъ онъ однажды, далъ намъ достаточно разума, чтобы умѣть себя, какъ слѣдуетъ, вести, но слишкомъ мало, чтобы еще знать: того, чего не могли найти ни Декартъ, ни Лейбницъ, никто и не найдетъ". Подобно Вольтеру [2]), онъ не сомнѣвается въ бытіи Бога, но отказывается отъ познанія сущности Божества. Скептическое отношеніе Фридриха II къ метафизическимъ вопросамъ заставляло его особенно дорожить философіей Бэйля [3]), котораго онъ называлъ „княземъ европейскихъ діалектиковъ", считая себя главнымъ образомъ его ученикомъ. Въ 1765 г. Фридрихъ II составилъ даже краткое изложеніе идей этого скептика; переиздаетъ его вторично въ 1767 г. и въ предисловіи называетъ философію Бэйля „бревіаріемъ здраваго смысла". Королю-философу, конечно, некогда было вырабатывать стройную и послѣдовательную систему, но у него все-таки было извѣстное философское міросозерцаніе болѣе эклекти-

---

[1]) О космополитизмѣ нѣмецкихъ писателей и объ ихъ невниманіи къ политическимъ вопросамъ, ср. выше, стр. 144—145 и 265.

[2]) См. выше, стр. 169 и слѣд.

[3]) Т. II, стр. 600.

ческаго, чѣмъ синтетическаго характера, которое его удовлетворяло и сближало съ представителями передовой мысли XVIII в. *По своему образу мыслей онъ наиболѣе подходитъ къ Вольтеру, но энциклопедисты въ общемъ были ему антипатичны*, особенно, когда касались политическихъ и общественныхъ вопросовъ: между представителемъ „просвѣщеннаго абсолютизма" и „предшественниками революціи" не могло быть согласія. Фридрихъ II даже полемизировалъ со многими возрѣніями энциклопедистовъ. Въ одномъ изъ его сочиненій говорится, между прочимъ, напр., слѣдующее: „неужели, господинъ философъ, покровитель нравственности и добродѣтели, вы не знаете, что хорошій гражданинъ долженъ уважать ту форму правленія, подъ какою живетъ? Или вамъ неизвѣстно, что частному лицу не подабаетъ оскорблять власти (insulter les puissances)?.. Развѣ могутъ судить тѣхъ, кому дано правитъ міромъ, неизвѣстные люди, стоящіе далеко отъ дѣлъ, видящіе лишь совокупность событій, но не знающіе, что ихъ производитъ, видящіе дѣйствія, но не понимающіе ихъ мотивовъ, почерпающіе свои политическія свѣдѣнія изъ газетъ?"—„Философъ не станетъ кричать, что все идетъ дурно, не показавъ, а какъ же можно было бы устроить все хорошо; его голосъ не будетъ служить призывомъ къ неповиновенію, къ образованію союза недовольныхъ, предлогомъ для возстанія. Онъ съ уваженіемъ будетъ относиться къ обычаямъ, установленнымъ и освященнымъ націей, къ правительству, къ лицамъ, его составляющимъ и защищающимъ". Особенно антипатиченъ былъ для Фридриха II Гольбахъ, съ которымъ онъ охотно полемизировалъ, написавъ между прочимъ разборъ его „Системы природы" [1]. Король-философъ бралъ подъ свою защиту старую французскую монархію, на которую нападалъ Гольбахъ,—и указывалъ на то, что еслибы этотъ писатель хоть нѣсколько мѣсяцевъ поуправлялъ какимъ-нибудь маленькимъ городкомъ, онъ лучше понималъ бы людей, чѣмъ на основаніи всѣхъ своихъ пустыхъ умозрѣній. Руссо равнымъ образомъ не могъ приходиться по вкусу Фридриха II, и король-философъ не очень высоко его ставилъ въ своемъ „Разсужденіи о государственной пользѣ наукъ и искусствъ" (1772), хотя и не называетъ здѣсь по имени—женевскаго философа. Свое общее отношеніе къ современнымъ философамъ Фридрихъ II весьма недурно выразилъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „я покровительствую только такимъ свободнымъ мыслителямъ, у которыхъ приличныя манеры и разсудительныя воззрѣнія" (idées raisonnables). Одна изъ основныхъ чертъ „просвѣщеннаго абсолютизма" въ томъ и заключалась, что *государственная властъ охотно признавала и поддерживала свободу мысли, поскольку*

---

[1]) См. выше, стр. 226—227.

свободная мысль держала себя далеко отъ политики: короли и философы должны были размежеваться, и если первые предоставляли полную свободу вторымъ въ ихъ области, то и эти послѣдніе, съ своей стороны, не должны были вмѣшиваться съ своею критикою въ государственныя дѣла. Этимъ въ общемъ опредѣлялась и та мѣра свободы, какою пользовалась въ Пруссіи печать при Фридрихѣ II.

Въ дѣлѣ религіознаго вольнодумства король-философъ даже самъ подавалъ примѣръ. Отношеніе Фридриха II къ религіи напоминаетъ намъ отношеніе къ ней Вольтера. Какъ Вольтеръ возражалъ Бэйлю, считавшему возможнымъ существованіе государства атеистовъ, такъ и Фридрихъ II полемизировалъ противъ Гольбаха, совѣтовавшаго упразднить религію, хотя послѣдняя въ народныхъ массахъ и казалась королю необходимо связанною съ суевѣріемъ. Въ одномъ изъ частныхъ своихъ писемъ онъ даже прямо писалъ: „il n'y a pas d'idée plus extravagante que de voloir détruire la superstition". Вмѣстѣ съ другими писателями XVIII в. и онъ видѣлъ въ религіяхъ дѣло жрецовъ, придумавшихъ ихъ для управленія людьми. Вмѣстѣ съ этимъ Фридрихъ II былъ далекъ и отъ мысли о религіозномъ единообразіи: и старая гогенцоллернская политика [1]), и новыя условія, въ коихъ очутилось прусское государство послѣ присоединенія земель съ католическимъ населеніемъ, и современная идея вѣротерпимости, и собственное міровоззрѣніе Фридриха II заставляли его, какъ онъ выражался, держаться нейтралитета между Римомъ и Женевой, позволять всякому спасаться auf seiner Façon. Такимъ образомъ его *абсолютизмъ отрѣшался отъ вѣроисповѣдной точки зрѣнія*,—одна, какъ мы видѣли, изъ главныхъ чертъ „просвѣщеннаго абсолютизма". Соотвѣтственно съ этимъ и политическая теорія Фридриха II покоилась не на богословскихъ основаніяхъ, а на идеяхъ той раціоналистической философіи, которая господствовала въ XVIII в. при рѣшеніи теоретическихъ вопросовъ политики. За два года до вступленія своего на престолъ, Фридрихъ II написалъ „Considérations sur l'état présent du corps politique de l'Europe", гдѣ самымъ рѣзкимъ образомъ заявилъ свое несогласіе съ тѣмъ воззрѣніемъ на королевскую власть, которое рельефнѣе всего было выражено Людовикомъ XIV [2]). „Вотъ въ чемъ,—писалъ тогдашній прусскій кронпринцъ,—заблуждается бо́льшая часть государей. Они воображаютъ, что Богъ нарочно и изъ особаго вниманія къ ихъ величію, благополучію и гордости создалъ ту массу людей, попеченіе о коей имъ ввѣрено, и что подданные предназначаются лишь къ тому, чтобы быть орудіями и слугами ихъ нравственной распущен-

---

[1]) См. выше, стр. 307—308.

[2]) См. т. II, стр. 547 и слѣд.

ности.“ На той же точкѣ зрѣнія онъ стоялъ и позднѣе. „Нашъ врагъ королей, писалъ онъ, полемизируя съ Гольбахомъ,—увѣряетъ, что власть государей вовсе не имѣетъ божественнаго происхожденія, и мы отнюдь не намѣрены придираться къ этому пункту“. Дѣло въ томъ, что Фридрихъ II представлялъ себѣ королевскую власть, какъ чисто человѣческое учрежденіе, необходимость коего онъ доказывалъ соображеніями раціоналистическаго свойства, бывшими тогда въ ходу. Вообще *политическая теорія Фридриха II весьма характерна для „просвѣщеннаго абсолютизма“.*

Еще ребенкомъ Фридрихъ II, упражняясь въ „сочиненіяхъ“, написалъ нѣсколько строкъ подъ заглавіемъ „Manière de vivre d'un prince d'une grande naissance“. Вопросъ объ обязанностяхъ монарха и впослѣдствіи его занималъ, когда онъ уже не въ качествѣ благонравнаго ребенка, воспитаннаго въ евангелической вѣрѣ, а въ качествѣ „философа“, какимъ онъ сталъ считать себя еще съ пятнадцатилѣтняго возраста, разсуждалъ о томъ, какъ подобаетъ вести себя человѣку его рожденія. Вольтеръ внушалъ ему свою идею „просвѣщеннаго абсолютизма“; самъ онъ писалъ Вольфу, что короли должны осуществлять предначертанія мыслителей, а старая гогенцоллернская традиція подсказывала кронпринцу, что король долженъ быть первымъ слугою (le premier domestiqne, позднѣе le premier serviteur) государства. Эту мысль Фридрихъ II высказываетъ въ первыхъ своихъ политическихъ сочиненіяхъ, написанныхъ не задолго до вступленія на престолъ, въ упомянутыхъ „Considérations sur l'état présent de l'Europe“ и въ „Опроверженіи макіавелліева *Государя*.“ Если весь практическій макіавеллизмъ вытекаетъ изъ того представленія, что у королей есть только права̀ и нѣтъ обязанностей, то Фридрихъ II, наоборотъ, противопоставлялъ ему идею монархическаго долга, исходя изъ того представленія, что люди избрали короля, возложивъ на него извѣстнаго рода обязанности. „Народы, пишетъ Фридрихъ II въ своемъ „Anti-Machiavel'ѣ“, нашли нужнымъ ради спокойствія и сохраненія своего имѣть судей для разрѣшенія возникающихъ между людьми тяжбъ, защитниковъ, которые охраняли бы ихъ отъ враговъ“, и вотъ „они избрали изъ своей среды тѣхъ, кого считали наиболѣе мудрыми, наиболѣе безкорыстными, наиболѣе человѣчными, наиболѣе храбрыми, чтобы эти люди ими управляли“. Впослѣдствіи, уже королемъ, въ другихъ своихъ сочиненіяхъ Фридрихъ II развиваетъ мысли, высказанныя впервые въ этихъ раннихъ его произведеніяхъ. Нигдѣ, впрочемъ, не приводя доказательствъ, почему, съ его точки зрѣнія, королевская власть должна быть наслѣдственною (какъ онъ, напр., заявлялъ это въ полемикѣ съ Гольбахомъ), король-философъ особенно настаивалъ на необходимости предоставленія королю неограниченной власти,

какъ единственномъ условіи, при которомъ онъ можетъ надлежащимъ образомъ исполнять свои обязанности. Въ своемъ „Опытѣ о формахъ правленія и объ обязанностяхъ государей“ (1777 г.) Фридрихъ II говоритъ, что только сумасшедшій можетъ представить себѣ людей, которые сказали бы себѣ подобному человѣку такія слова: мы ставимъ тебя надъ собою потому, что намъ нравится быть рабами, и мы даемъ тебѣ власть направлять наши мысли по своему усмотрѣнію. Напротивъ того, продолжаетъ Фридрихъ II, вотъ что̀ они сказали: мы нуждаемся въ тебѣ для поддержанія законовъ, коимъ мы хотимъ повиноваться, для мудраго нами управленія, для нашей защиты, а за всѣмъ тѣмъ мы требуемъ, чтобы ты уважалъ нашу свободу.—Государь, написавшій эти строки, въ извѣстной мѣрѣ, хотя и весьма ограниченной, дѣйствительно, уважалъ свободу своихъ подданныхъ—въ области вопросовъ совѣсти и отвлеченной мысли, но самое опредѣленіе мѣры этой свободы принадлежало ему самому, какъ представителю неограниченной власти государства, видѣвшему, что̀ совмѣстимо и что̀ несовмѣстимо съ общимъ благомъ. Идеѣ государства должно было подчиниться и поведеніе самого его главы. „Государь, писалъ Фридрихъ II въ томъ же самомъ „Опытѣ“,—есть только первый слуга государства, обязанный поступать добросовѣстно, мудро и вполнѣ безкорыстно, какъ будто бы каждую минуту онъ долженъ былъ быть готовымъ дать отчетъ согражданамъ своимъ въ своемъ управленіи“. Если, думалъ Фридрихъ II, государи ведутъ себя иначе, то лишь по той причинѣ, что мало размышляютъ о своемъ званіи (institution) и вытекающихъ изъ него обязанностяхъ. По его идеѣ правильно понимаемые интересы монарха и интересы подданныхъ неразлучны. Въ другомъ своемъ сочиненіи (Lettres sur l'amour de la patrie, 1779) Фридрихъ II сравниваетъ государство съ машиной, въ которой главное колесо—королевская власть. „Король, говоритъ онъ, не деспотъ, руководящійся лишь своимъ капризомъ: его нужно представлять себѣ, какъ центральную точку, къ которой сходятся всѣ линіи отъ окружности.“ Кромѣ того, Фридрихъ II сравниваетъ здѣсь хорошо управляемое государство съ семьей, въ которой монархъ есть отецъ, а подданные—дѣти: „у нихъ добро и зло одни и тѣ же, ибо государь не можетъ быть счастливъ, когда несчастны его народы“. Или еще одно сравненіе: „государь для общества, имъ управляемаго, то же самое, что голова для тѣла: онъ долженъ смотрѣть, думать и дѣйствовать за все общество, дабы доставлять ему всѣ выгоды, какія оно только можетъ получить“. Въ своемъ „Политическомъ завѣщаніи“ король-философъ уподобляетъ идеальное государство (un gouvernement bien conduit) философской системѣ, гдѣ все между собою тѣсно связано: правительство также должно имѣть свою систему, „дабы всѣ мѣропріятія были хорошо обдуманы, и чтобы

финансы, политика и военное дѣло стремились къ одной и той же цѣли, которая заключается въ укрѣпленіи государства и въ увеличеніи его могущества" (l'affermissement de l'état et l'accroissement de sa puissance). Послѣднія слова заключаютъ въ себѣ указаніе на истинную цѣль всѣхъ политическихъ стремленій Фридриха II. *Король-философъ былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ въ исторіи представителей государственной идеи*, въ ея отвлеченіи отъ непосредственнаго блага народа. Хотя онъ и заявлялъ, что государство существуетъ для блага всѣхъ его жителей, и что государь во всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ долженъ имѣть въ виду, что̀ о нихъ скажетъ большинство населенія, коего они касаются, тѣмъ не менѣе на практикѣ общее благо—и именно благосостояніе мѣщанства и крестьянства, составлявшихъ большинство подданныхъ,—приносилось въ жертву государственнымъ потребностямъ, самъ же Фридрихъ II въ дѣйствительности менѣе всего думалъ о томъ, какъ понимаютъ это общее благо его подданные, полагая, что онъ одинъ схватываетъ все своимъ умомъ и знаетъ, что̀ имъ нужно и чего не нужно. Выше всего государственный интересъ, судить о коемъ можетъ только самъ государь,—вотъ правительственная формула Фридриха II, слѣдуя коей, онъ считалъ даже излишнимъ обсуждать дѣла въ совѣтѣ министровъ.

Заботясь о томъ, чтобы въ правительственной системѣ все было тѣсно между собою связано, какъ въ системѣ философской, Фридрихъ II между прочимъ предпринялъ составленіе общаго кодекса (Allgemeines Landrecht), надъ которымъ работали наиболѣе видные государственные люди и юристы тогдашней Пруссіи. Хотя этотъ кодексъ былъ обнародованъ лишь въ 1794 г., при преемникѣ Фридриха II (Фридрихѣ Вильгельмѣ II, его племянникѣ), тѣмъ не менѣе по своему происхожденію и по своимъ принципамъ онъ принадлежитъ еще вѣку короля-философа и иллюстрируетъ его политическую теорію. *Вліяніе философіи на законодательство—одна изъ любопытныхъ чертъ XVIII вѣка* и притомъ не только для „просвѣщеннаго абсолютизма" [1]), но и для французской революціи. Послѣдняя въ своей знаменитой „деклараціи правъ человѣка и гражданина" перевела на языкъ законодательнаго акта философію естественнаго права, утверждавшаго принципы индивидуальной свободы и народовластія. Исходя изъ той же самой раціоналистической философіи, прусское „Общее земское право", задуманное въ духѣ политической теоріи Фридриха II, сдѣлалось, по удачному опредѣленію одного историка, „настоящей деклараціей правъ государства и государя". Въ основу этого законодательнаго памятника положены были нѣкоторыя общія идеи, выраженныя въ философской

---

[1]) Вспомнимъ „Наказъ" Екатерины II.

и отвлеченной формѣ. Благо государства и его жителей есть цѣль существованія общества и граница закона. Законы могутъ ограничивать свободу и права гражданъ лишь въ цѣляхъ общей пользы. Каждый членъ государства обязанъ работать для общаго блага сообразно съ своимъ положеніемъ и достаткомъ. Права отдѣльныхъ личностей должны отступать на задній планъ передъ государственнымъ интересомъ.—Кодексъ ничего не говоритъ о наслѣдственномъ правѣ короля и о правахъ королевской фамиліи, но высказываетъ зато нѣсколько положеній о правахъ частныхъ лицъ, поскольку эти права не должны преклоняться передъ общей пользой. Самыя права эти основываются кодексомъ на естественной свободѣ дѣлать себѣ добро, не вредя другимъ; поэтому всѣ дѣянія, не запрещаемыя естественнымъ или положительнымъ закономъ, нужно считать дозволенными; каждый житель имѣетъ право, чтобы государство защищало его личность и собственность, и пользуется правомъ самообороны, разъ государство не приходитъ къ нему на помощь. Считая государство представителемъ общества и подчиняя государству права частныхъ лицъ, кодексъ въ то же время дѣлаетъ государя единственнымъ представителемъ государства, передавая ему всѣ права, которыя признаются имъ за обществомъ. Король есть глава государства, и въ силу этого ему одному принадлежитъ право производить общее благо, эту единственную цѣль человѣческаго общежитія; одинъ онъ уполномоченъ направлять всѣ дѣйствія отдѣльныхъ лицъ къ этой цѣли, одинъ законодательствуетъ, установляетъ налоги, управляетъ при помощи чиновниковъ, приказаніямъ коихъ нужно такъ же повиноваться, какъ и его собственнымъ. Кое-что изъ того, что упомянутая французская декларація считала неотъемлемымъ правомъ человѣка и гражданина, въ этомъ кодексѣ подвергалось уголовной карѣ; это-то и расположило въ его пользу реакціонно настроеннаго преемника Фридриха II: непочтительная критика правительственныхъ дѣйствій наказывалась; авторы, издатели и продавцы опасныхъ сочиненій равнымъ образомъ подвергались гоненію; право публичныхъ собраній (до банкетовъ и маскарадовъ включительно) стѣснялось и т. п. Есть еще одна замѣчательная черта въ кодексѣ: онъ возлагаетъ на государство серьезную обязанность—заботиться о матеріальномъ благосостояніи тѣхъ, которые не могутъ сами пропитываться.

Основное содержаніе политическихъ трактатовъ Фридриха II и „Общаго земскаго права“—одно и то же: и тутъ, и тамъ утверждаются права государства и государя. *Традиціи прусскаго абсолютизма облеклись въ сочиненіяхъ Фридриха II въ философскую форму, а положенія политической философіи переводились въ законодательный актъ, задуманный въ духѣ этихъ традицій.* Фридрихъ II уна-

слѣдовалъ общее представленіе о государствѣ и государѣ отъ своихъ преемниковъ и возвелъ его на степень философской идеи при помощи ученія объ естественномъ правѣ, на которомъ основывались и всѣ теоретики государственности, начиная въ Гоббза [1]). Въ данномъ отношеніи между Фридрихомъ-королемъ и Фридрихомъ-философомъ не было никакого противорѣчія: практическій дѣятель и теоретикъ шли рука объ руку. Тѣмъ не менѣе великій монархъ не всегда былъ послѣдователенъ, когда изъ теоретическихъ посылокъ слѣдовало дѣлать практическіе выводы даже при полной поддержкѣ основныхъ принциповъ старой традиціи и новой философіи, совпадавшихъ между собою. Отвлеченное государство раціоналистической философіи XVIII вѣка,—мыслилось ли оно въ формѣ абсолютной монархіи, какъ у Фридриха II, или въ формѣ демократической республики, какъ у Руссо,— было отрицаніемъ традиціоннаго, исторически-сложившагося государства, какъ естественное право было отрицаніемъ права историческаго [2]): государство въ идеѣ не было ни сословнымъ, ни вѣроисповѣднымъ, ни состоящимъ изъ самостоятельныхъ областныхъ частей. Провозглашая въ религіозномъ отношеніи вѣротерпимость, политическая философія XVIII в. требовала во имя идеи государственнаго единства и общаго блага –устраненія областныхъ и сословныхъ перегородокъ, что лучше всего и проявилось въ томъ примѣненіи этой философіи къ жизни, которое мы наблюдаемъ въ законодательствѣ французской революціи. Если вѣроисповѣдная политика Фридриха II совпадала съ гогенцоллернской традиціей и съ требованіемъ „просвѣщенія“, если создавая единое централизованное государство, въ коемъ долженъ былъ исчезнуть областной сепаратизмъ, этотъ король продолжалъ дѣло своихъ предшественниковъ и осуществлялъ отвлеченную идею единаго государства (одушевлявшую впослѣдствіи якобинцевъ во время французской революціи), то въ отношеніи къ сословному строю прусскаго государства, исторически сложившемуся, но осуждавшемуся философіей XVIII в., Фридрихъ II держался не новыхъ идей, а старыхъ традицій. *По отношенію къ прежнему соціальному строю Фридрихъ II оказался консерваторомъ*, не внесшимъ въ этотъ строй никакихъ измѣненій. Въ прусскомъ государствѣ, какъ и вездѣ вообще въ XVIII вѣкѣ, за дворянствомъ сохранялись соціальныя привилегіи въ видѣ вознагражденія за лишеніе политическаго значенія, а потомъ и за службу въ арміи, такъ какъ дворянство поставляло офицеровъ, плохо оплачивавшихся государствомъ и потому нуждавшихся въ доходахъ съ крестьянъ. Фридрихъ II не только сохранилъ этотъ порядокъ вещей,

---

[1]) Т. II, стр. 610 и выше, стр. 205 и слѣд.
[2]) См. выше, стр. 149.

но и самъ смотрѣлъ на дворянство, какъ на людей высшей расы. Уже въ роли аудитора кюстринскаго присутственнаго мѣста онъ высказывалъ аристократическія воззрѣнія, а сдѣлавшись королемъ, продолжалъ думать, что только дворянамъ присущи чувство чести и храбрость и что поэтому лишь они одни способны занимать офицерскія мѣста. То же самое Allgemeines Landrecht, которое основывало государство на служеніи общему благу, а права гражданъ —на естественной свободѣ, охраняло дворянскія привилегіи, рѣзко противополагая привилегированное сословіе всѣмъ остальнымъ: ему одному открыты были почетныя мѣста, одно оно имѣло доступъ ко двору (было hoffähig), за его имѣніями признавались разныя льготы; чиновничество было поставлено ниже дворянства, потому что не могло занимать высокихъ мѣстъ, пріобрѣтать рыцарскія имѣнія, появляться при дворѣ; чтобы дворянинъ не ронялъ своего достоинства, ему запрещалось занятіе промыслами и торговлею, запрещались такъ называемые мезальянсы и т. п. Только податныхъ изъятій не существовало въ Пруссіи для дворянства, что опять-таки было введено ранѣе Фридриха II. Подобно очень строгой границѣ, проводившейся прусскимъ правомъ между дворянствомъ и чиновничествомъ, существовала не менѣе рѣзкая граница между этимъ послѣднимъ и бюргерствомъ, не говоря уже о приниженномъ положеніи крестьянства. Потребности государства, удовлетворявшіяся старымъ военно-хозяйственнымъ режимомъ, часто заставляли Фридриха II смотрѣть на бюргергское и крестьянское населеніе Пруссіи, какъ на податную массу, нуждающуюся прежде всего въ строгой государственной и помѣщичьей дисциплинѣ. Объ отношеніи Фридриха II къ крѣпостному состоянію сельскаго населенія рѣчь будетъ еще идти впереди, а здѣсь мы отмѣтимъ, что философскій Landrecht позволялъ помѣщикамъ наказывать неисправныхъ крестьянъ палочными ударами.

Однимъ словомъ, въ общемъ Фридрихъ II не былъ преобразователемъ, дѣятельность котораго была бы направлена къ коренному измѣненію внутреннихъ отношеній страны, и если тѣмъ не менѣе по своему относительному благоустройству прусская монархія занимала первое мѣсто среди континентальныхъ странъ, то этимъ она была обязана порядкамъ, заведеннымъ еще до Фридриха II, имъ только поддержаннымъ и усовершенствованнымъ. Реформы короля-философа касались главнымъ образомъ администраціи, финансовъ, суда, взаимныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами при полномъ сохраненіи старыхъ основъ политическаго и соціальнаго строя. *Многія изъ такихъ преобразованій Фридриха II сдѣлались предметомъ подражанія для другихъ правительствъ* и между прочимъ для Австріи. Однимъ изъ важныхъ его дѣлъ въ этомъ отношеніи была судебная

реформа, главнымъ дѣятелемъ коей явился канцлеръ Самуилъ фонъ Кокцеи, ученый юристъ, державшійся доктрины естественнаго права. Фридриху II не удалось ввести задуманное имъ общее земское право, но онъ реформировалъ судоустройство и судопроизводство и способствовалъ созданію въ Пруссіи хорошаго судебнаго персонала [1]). Установленіе правильнаго порядка вмѣсто прежняго произвола въ судахъ вполнѣ соотвѣтствовало болѣе высокому пониманію задачъ государства. Генеральная директорія [2]) въ одномъ году (1748) съ судебной реформой получила новую инструкцію, вносившую улучшеніе въ ея дѣятельность, но притомъ такъ, что одновременно расширялась компетенція королевскихъ чиновниковъ насчетъ земскихъ чиновъ въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ они еще сохранялись. Особенно развивалъ Фридрихъ II свою правительственную дѣятельность въ области государственнаго и народнаго хозяйства. У него была своя собственная экономическая теорія, въ существенныхъ своихъ частяхъ меркантилистическая, сводившаяся къ тому, чтобы удерживать золото и серебро въ странѣ, покровительствуя развитію промышленности въ самой Пруссіи, но въ то же время охраняя и улучшая сельское хозяйство. Фридрихъ II заботился о колонизаціи малонаселенныхъ земель, объ осушкѣ болотъ, о введеніи новыхъ культуръ, объ основаніи заводовъ и фабрикъ, объ облегченіи кредита, объ улучшеніи путей сообщенія и условій торговли, объ увеличеніи государственной казны и т. п., и во всемъ этомъ достигъ весьма многаго, хотя въ то же время надѣлалъ не мало крупныхъ ошибокъ. Заботы Фридриха II распространились и на народное образованіе. Въ 1763 г. онъ издалъ указъ о сельскихъ школахъ (General-Land-Schul-Reglement), во введеніи къ которому говорится о невѣжествѣ деревенскихъ жителей, какъ о великомъ злѣ, и потому о необходимости просвѣщенія народныхъ массъ, а комментаріемъ къ этому регламенту могли бы служить нѣкоторыя мѣста въ сочиненіяхъ самого Фридриха, свидѣтельствующія о томъ, какъ вѣрно судилъ онъ о значеніи „воспитанія юношества“ съ точки зрѣнія общаго блага. Регламентомъ 1763 г. посѣщеніе первоначальныхъ школъ дѣтьми поселянъ дѣлалось обязательнымъ (Schulzwang), и за несоблюденіе этого правила должны были отвѣчать родители, опекуны и помѣщики. Правительственная дѣятельность Фридриха II, направленная на подъемъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ страны, представляетъ изъ себя одно изъ капитальнѣйшихъ явленій прусской исторіи XVIII в., но

---

[1]) Project des Codicis Fridericiani Marchici oder eine, nach Sr. Kön. Majestät von Preussen Selbst vorgeschriebenem Plan entworfene Kammer-Gerichts-Ordnung nach welche alle Processe in einem Jahr durch alle drey Instanzen zum Ende gebracht werden sollen und müssen. 1748.

[2]) См. выше, стр. 313.

сохраненіе старой политической и соціальной организаціи задерживало эти силы. Если во многихъ отношеніяхъ, какъ выражаются нѣмецкіе историки, Фридрихъ II и пересоздавалъ прежнее полицейское государство (Policeistaat) въ государство культурное (Kulturstaat) новѣйшаго времени, то это нисколько не измѣняетъ главнаго факта: старые государственные и общественные порядки, состоящіе въ соединеніи политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями, *пережили въ Пруссіи эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“*, но черезъ двадцать лѣтъ по смерти великаго короля эти порядки не выдержали первой серьезной пробы, когда одна битва въ войнѣ съ Наполеономъ I привела монархію Фридриха Великаго на край гибели и когда для спасенія будущности Пруссіи пришлось начать реформы именно въ той сферѣ внутреннихъ отношеній, въ которой король-философъ былъ прежде всего консерваторомъ. Вскорѣ послѣ смерти великаго короля и незадолго до начала французской революціи Мирабо издалъ свою знаменитую книгу „De la monarchie prussienne“, въ которой прославлялась Пруссія Фридриха II и восхвалялся самъ этотъ король. Будущій дѣятель революціи, игравшій самую видную роль въ ея началѣ, написалъ, собственно говоря, апологію личнаго правленія, разъ оно было въ рукахъ великаго короля, но и онъ видѣлъ, какъ все величіе Пруссіи держалось на этой личности. Совѣтуя „гражданамъ Германіи“ признать въ бранденбургскомъ знамени палладіумъ своей свободы, онъ, между прочимъ, высказываетъ ту мысль, что ни одна страна въ Европѣ не созрѣла въ такой степени, какъ Пруссія, къ тому, чтобы осуществить идеалъ свободы—гражданской свободы всѣхъ подданныхъ, свободы промышленнаго труда, свободы торговли, свободы религіи, свободы мысли, свободы печати, свободы всѣхъ вещей и людей. Конечно будущій народный трибунъ увлекался, но самое увлеченіе его Пруссіей и ея королемъ весьма характерно для такого политическаго дѣятеля, какимъ былъ Мирабо: въ сравненіи съ тѣмъ застоемъ, который царствовалъ въ правительственной дѣятельности его собственной родины, прусскія отношенія должны были казаться чѣмъ-то необычайнымъ. Онъ думалъ даже, что если Пруссія погибнетъ, то искусство управлять государствомъ, пожалуй, вернется къ младенческому состоянію.

Не одинъ Мирабо преклонялся передъ правительственною дѣятельностью прусскаго короля. Его прославляли Вольтеръ, Рейналь, и даже Руссо, „врачъ королей обѣщалъ умереть у подножія его трона“, если онъ „дастъ, наконецъ, счастье народу въ своемъ государствѣ и сдѣлается его отцомъ“. Фридрихъ II поразилъ умы современниковъ, ожидавшихъ счастія народовъ отъ великихъ монарховъ, какимъ онъ былъ признанъ уже въ началѣ своего царствованія.

Нѣмецкіе и иностранные государи и ихъ министры равнымъ образомъ видѣли въ Фридрихѣ идеалъ правителя и преобразователя, и изъ этихъ дѣятелей самымъ увлекающимся ученикомъ короля-философа оказался „римскій" императоръ Іосифъ II, другая интересная фигура изъ эпохи „просвѣщеннаго абсолютизма", несравненно болѣе Фридриха II изъ двухъ основныхъ элементовъ этого направленія—старой государственной традиціи и новой философской концепціи—отразившій на своей дѣятельности стремленіе вѣка сдѣлать изъ неограниченной монархической власти орудіе радикальнаго преобразованія государства и общества.

XXIV. Марія-Терезія и Іосифъ II [1]).

Консервативный и прогрессивный абсолютизмъ въ Австріи и въ Пруссіи.—Династическія традиціи австрійскихъ Габсбурговъ.—Австрія при вступленіи на престолъ Маріи-Терезіи.—Марія-Терезія и значеніе ея преобразованій.—Ея помощники.—Ея мужъ и сынъ, какъ ея соправители.—Взаимныя отношенія Маріи-Терезіи и Іосифа II.—Характеръ и воспитаніе Іосифа II.—Іосифъ II въ эпоху соправительства.—Іосифъ II во Франціи.

Въ исторіи отдѣльныхъ западно-европейскихъ странъ и въ разныя эпохи королевскій абсолютизмъ игралъ далеко не одинаковую роль. Возникши въ католико-феодальномъ обществѣ, онъ долженъ

---

[1]) Для предъидущей исторіи Австріи см. т. II, стр. 38 и слѣд., 351—378 и выше, стр. 39—41, 290. По общей исторіи Австріи см. соч. Mailat'a, Mayer'a, Krones'a, Leger'a (по франц.), Huber'a Asseline (по фр., съ 1780 г.) и др., а также Biedermann. Gesch. der œsterreichischen Gesammtstaatsidee. Кромѣ того общія исторіи Германіи въ XVIII в., каковы, напр., Эрдмансдёрфера (до 1740), Дове, Гейсера и др. Для эпохи Маріи-Терезіи особенно много сдѣлано Arneth'омъ, авторомъ десятитомной исторіи ея царствованія и издателемъ переписки ея и ея дѣтей, и Wolf'омъ (Geschtliche Bilder aus Oesterreich. II Bd.: Aus dem Zeitalter des Absolutismus und der Aufklärung.—Hist. Skizzen aus Oesterreich-Ungarn.—Aus dem Hof-Leben Maria-Theresia's.—Oesterreich unter Maria-Theresia, Joseph II und Leopold—послѣдній трудъ въ коллекціи Онкена) По исторіи Іосифа II, кромѣ старой (1835) книги Гроссъ-Гоффингера (Lebens—und Regierungsgeschichte Josephs II), см. монографіи Meynert'a, J. Wendrinsky, A. Beer'a, S. Brunner'a, Ritter'a (см. ниже), Jäger'a (см. ниже) и др. Столѣтняя годовщина со дня смерти Іосифа II оживила интересъ къ его царствованію и вызвала нѣсколько небольшихъ работъ объ Іосифѣ, изъ коихъ наиболѣе цѣннымъ являются „Josephina" проф. Вольфа. Въ Gesch. der neueren Zeit Филиппсона (III, 635) вѣрно замѣчено: eine wirklich genügende aktenmäszige Darstellung der Reformthätigkeit Kaiser Josephs steht noch aus. Cf. Lustkandl. Die Josephinischen Ideen und ihr Erfolg.—A. Brunner. Der Humor in der Diplomatie und die Regierungskunde.—Die Theologische Dienerschaft. —Die Mysterien der Aufklärung. Сочиненія болѣе частнаго характера называются ниже.

былъ дѣйствовать на этотъ строй разлагающимъ образомъ, служа государственной идеѣ: прусскій военно-хозяйственный режимъ при всѣхъ своихъ сдѣлкахъ со старыми соціальными отношеніями былъ именно проникнутъ началомъ государственности, и вотъ почему традиціонная политика Гогенцоллерновъ такъ хорошо подготовляла собою „просвѣщенный абсолютизмъ" Фридриха II. Будучи продуктомъ роста государства, абсолютизмъ, однако, могъ употреблять свою силу на охрану старыхъ католико-феодальныхъ отношеній, и тогда онъ являлся силою консервативною: таковъ былъ въ сравненіи съ прусскимъ военно-хозяйственнымъ режимомъ—клерикально-аристократическій духъ австрійской династической традиціи. Если системою Фридриха II было возведеніе на степень философской идеи стараго гогенцоллернскаго взгляда на государство, то для младшаго его современника, Іосифа II Австрійскаго, выступить въ роли „просвѣщеннаго деспота" значило порвать съ политикой своихъ предшественниковъ въ одномъ изъ наиболѣе важныхъ ея пунктовъ. Когда этотъ императоръ вступалъ въ управленіе габсбургскими наслѣдственными землями, прошло цѣлыхъ два вѣка съ тѣхъ поръ, какъ австрійскіе Габсбурги сдѣлались ревностными сторонниками католической реакціи: между тѣмъ Іосифъ II былъ проникнутъ одной изъ самыхъ важныхъ идей XVIII в., идеей вѣротерпимости—къ великому прискорбію своей матери, которая боялась, что ея сынъ не будетъ добрымъ католикомъ, совершенно такъ же, какъ Фридрихъ-Вильгельмъ I опасался, что его Фрицъ не будетъ ни хорошимъ хозяиномъ, ни хорошимъ солдатомъ. Фридрихъ II не измѣнилъ общему духу гогенцоллернской политики, но Іосифъ II среди габсбургскихъ государей, своихъ предшественниковъ и своихъ преемниковъ, явился какимъ-то революціонеромъ, какъ-бы занесшимъ руку на все прошлое Австріи. Дѣятельность Фридриха II достаточно объясняется предыдущею исторіею Пруссіи, дѣятельность Іосифа II прежде всего—духомъ времени. Та сторона, которою „просвѣщенный абсолютизмъ" роднится съ „философіей" XVIII в., съ особою силою выразилась въ реформахъ Іосифа II, но у „просвѣщеннаго абсолютизма" была и другая сторона—продолженіе или возобновленіе прежней государственной политики, разлагавшей средневѣковыя культурно-соціальныя формы и удовлетворявшей новымъ потребностямъ общества, и вотъ эту сторону, присутствія коей нельзя, конечно, отрицать въ дѣятельности Іосифа II, мы уже наблюдаемъ въ царствованіе его матери Маріи-Терезіи, вовсе не бывшей хорошо расположенной къ идеямъ XVIII в. И въ Австріи между матерью и сыномъ не было такой пропасти, какая можетъ представиться съ перваго взгляда: будучи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ „революціонеромъ на тронѣ" подъ вліяніемъ „философіи" своего вѣка, въ другихъ Іосифъ II продолжалъ дѣло своей ма-

тери, а если послѣдняя, ненавидѣвшая вольнодумство и вольнодумцевъ своего времени, явилась въ роли преобразовательницы нѣкоторыхъ внутреннихъ отношеній, то это лишь указываетъ намъ на происхожденіе многихъ реформъ, совершавшихся государственною властью во второй половинѣ XVIII в., не изъ отвлеченныхъ идей философіи, а изъ реальныхъ потребностей политики, которыя заставляли правительства оставлять прежнее охранительное направленіе своей дѣятельности.

Разсматривая исторію Австріи въ новое время, нужно всегда помнить нѣкоторыя особенности политическаго существованія этого государства. Во-первыхъ, наслѣдственный государь габсбургскихъ земель былъ въ то же время и избирательнымъ главою Священной Римской имперіи и, слѣдовательно, представителемъ одной изъ совершенно уже отжившихъ средневѣковыхъ идей, что, однако, клало печать своего рода архаичности на весь характеръ власти австрійскихъ монарховъ. Идея Священной Римской имперіи была идея католическая: религіозная реформація XVI в. разрушила религіозно-политическое единство западной Европы, и въ реакціи, ею вызванной, католическая церковь и Австрія, какъ представительница имперіи, шли рука объ руку,—достаточно вспомнить хотя бы одну тридцатилѣтнюю войну. Поддержка католицизма, поддержка старины, *сдѣлалась главной традиціей габсбургской династіи въ Австріи*, причемъ у этой династіи была постоянная союзница въ лицѣ Испаніи, гдѣ царствовала старшая линія Габсбурговъ. Вліяніе мрачнаго испанскаго фанатизма стало чувствоваться при вѣнскомъ дворѣ съ Рудольфа II, получившаго въ Мадридѣ чисто іезуитское воспитаніе. Другая основная черта въ австрійской исторіи—та, что само государство, которое мы теперь называемъ Австріей, въ сущности не было единымъ государствомъ, а представляло изъ себя лишь „владѣнія Габсбургскаго или Австрійскаго дома“, находившіяся между собою въ извѣстнаго рода уніи, имѣвшія общаго монарха, который, однако, какъ ихъ государь, не имѣлъ общаго титула, будучи императоромъ лишь по Германіи и затѣмъ именуясь королемъ Венгріи, королемъ Чехіи, графомъ Тироля и пр. и пр. Такой составъ Габсбургскаго государства изъ самостоятельныхъ земель съ разнымъ устройствомъ и историческимъ прошлымъ, съ разноплеменнымъ притомъ населеніемъ *менѣе всего соотвѣтствовалъ идеѣ единой монархіи* и обязывалъ правителей считаться съ историческими правами отдѣльныхъ владѣній, тѣмъ болѣе, что въ защиту этихъ правъ не разъ подымались возстанія, изъ коихъ наиболѣе важными были чешское [1])

[1]) Т. II, стр. 361 и слѣд.

и венгерское [1]), одно въ началѣ, другое въ концѣ XVII вѣка. Наиболѣе мудрой политикой Габсбурговъ было поддерживать statum quo: ихъ политика должна была и по этой причинѣ быть консервативной, и основнымъ ея мотивомъ должна была быть боязнь всякаго движенія, дабы государство, такъ сказать, застыло въ своей неподвижности, дабы то устойчивое равновѣсіе, какое создавалось для „владѣній Австрійскаго дома“ династическою между ними связью, не было нарушено какимъ-либо кореннымъ измѣненіемъ въ существующихъ отношеніяхъ. Правда, основныя стремленія абсолютизма находились въ противорѣчіи съ необходимостью держаться такой политики, и вѣнское правительство не всегда ей слѣдовало, но обстоятельства постоянно заставляли къ ней возвращаться: та же вѣдь политическая необходимость и въ первой половинѣ XIX в., въ эпоху Меттерниха заставляла Австрію быть оплотомъ консерватизма въ центрѣ Европы. Поддерживать statum quo значило не только дѣлать уступки областному сепаратизму, но и тѣмъ общественнымъ классамъ, на которыхъ этотъ сепаратизмъ держался: затронуть въ Габсбургскихъ владѣніяхъ аристократическія привилегіи и соціальный феодализмъ значило вызвать противъ себя не только консервативную оппозицію, но и сепаратистическія стремленія. Такимъ образомъ, самъ по себѣ консервативный, *абсолютизмъ австрійскихъ Габсбурговъ былъ, дѣйствительно, какъ мы сказали выше, клерикально-аристократическимъ*. Въ духѣ этихъ традицій воспитывались поколѣнія габсбургскихъ государей, повидимому, унаслѣдовавшихъ отъ своей прабабки (Іоанны Безумной) наклонность къ меланхолической бездѣятельности. Старшая, испанская линія Габсбурговъ вымерла при самомъ переходѣ въ XVIII в.: однимъ изъ кандидатовъ на „испанское наслѣдство“ [2]), какъ извѣстно, былъ младшій сынъ императора Леопольда I (1657—1705) Карлъ, который по смерти своего старшаго брата императора Іосифа I (1705—1711) сталъ самъ австрійскимъ государемъ, но со смертью его прекратилась и младшая линія Габсбурговъ (1740), въ силу чего открывалось „австрійское наслѣдство“, и единство монархіи ставилось подъ знакъ вопроса.

Дочери и преемницѣ Карла VI, Маріи Терезіи, вышедшей замужъ за Франца Стефана Лотарингскаго *предстояла двойная задача— охранить „наслѣдство“ отъ расхищенія и вмѣстѣ съ тѣмъ внести въ жизнь подвластныхъ земель необходимыя перемѣны*. Не имѣя потомства мужескаго пола, Карлъ VI составилъ подъ названіемъ „прагматической санкціи“ государственный актъ, въ силу котораго всѣ

[1]) См. выше, стр. 41.
[2]) Т. II, стр. 586—587.

области, находившіяся подъ его властью, должны были составить одно нераздѣльное цѣлое, съ переходомъ правъ на корону къ его дочери. Въ 1720 г. этотъ актъ былъ принятъ сеймами австрійскихъ и чешскихъ земель, въ 1722 г.—сеймами венгерскимъ и трансильванскимъ, а потомъ поставленъ подъ гарантію и иностранныхъ державъ. Извѣстно, что „прагматическая санкція“ не обезпечила вполнѣ цѣлости монархіи, которой пришлось вести тяжелую борьбу, лишившись Силезіи—добычи Фридриха II. Враги Маріи-Терезіи прямо думали о дѣлежѣ, а ни одно другое государство по своему пестрому составу не представляло столько удобствъ въ этомъ отношеніи, какъ монархія Габсбурговъ. Австрія, однако, уцѣлѣла, благодаря особенно содѣйствію мадьяръ, привилегіи коихъ были подтверждены Маріей Терезіей, но при этомъ пострадала Чехія, лишившаяся трети земель своей „короны“ (Силезія) и многихъ областныхъ вольностей. Съ другой стороны, государство нуждалось въ реформахъ: успѣхи Фридриха II въ войнѣ за австрійское наслѣдство до очевидности показывали, что оставаться при устарѣлыхъ формахъ было болѣе невозможно. Австрія была одною изъ наиболѣе отсталыхъ странъ, и даже сама нѣмецкая національность, въ ней первенствовавшая въ культурномъ отношеніи, не стояла на томъ уровнѣ цивилизаціи, какого она достигала въ другихъ нѣмецкихъ странахъ. Католическая реакція сдѣлала свое дѣло. Школа и печать, находившіяся въ рукахъ іезуитовъ, были постоянно дѣйствовавшими орудіями этой реакціи. Культура протестантской Германіи почти не проникала въ Австріи. Общій упадокъ выразился между прочимъ въ томъ, что въ странѣ, какъ говорится, „людей не было“, приходилось выписывать нужныхъ людей изъ другихъ нѣмецкихъ земель, и если пріѣзжіе были протестанты, то отъ нихъ требовали—хотя бы и чисто наружнаго—обращенія въ католицизмъ, дабы они могли жить въ Австріи и находиться на службѣ у ея правительства. Культурному упадку соотвѣтствовало и полное разстройство въ управленіи. Габсбурги словно тронуть боялись старые порядки въ администраціи, судѣ, финансовомъ вѣдомствѣ и потому сквозь пальцы смотрѣли на злоупотребленія чиновниковъ, которые многому тогда могли бы съ пользою для государства поучиться у прусской бюрократіи.

Когда въ 1740 г. умеръ Карлъ VI, его наслѣдницѣ было 23 года (род. 1717 г.). Молодая женщина проявила необычайную энергію въ защитѣ своихъ правъ и съ честью вышла изъ борьбы съ Фридрихомъ II, вступившимъ на прусскій престолъ въ одномъ съ нею году. Марія Терезія была, дѣйствительно, великой монархиней. Хотя отецъ держалъ ее далеко отъ государственныхъ дѣлъ, къ великому ея огорченію, но, не смотря на свою молодость и неопытность, она нашлась среди трудныхъ обстоятельствъ, въ которыя ее поставила война за австрійское

наслѣдство. Весьма естественно, что къ Фридриху II она воспылала страшною ненавистью, причиною коей было не одно то, впрочемъ, что прусскій король лишилъ ее Силезіи: „королева венгерская и богемская, эрцгерцогиня австрійская“, получивъ строго-католическое воспитаніе, была ревностною дочерью римской церкви, видѣвшею въ Фридрихѣ II злого безбожника. Тѣмъ не менѣе она считала возможнымъ учиться у этого врага и, дѣйствительно, у него училась, вводя преобразованія въ своемъ государствѣ. У Маріи-Терезіи совсѣмъ не было того, что отличало впослѣдствіи ея сына, не было страсти къ нововведеніямъ, но она понимала, что по старому внутреннія дѣла въ ея владѣніяхъ идти уже не могли. *Въ преобразовательной дѣятельности Маріи-Терезіи мы встрѣчаемся со многими чертами «просвѣщеннаго абсолютизма»*, хотя государыня эта ни въ какомъ отношеніи не можетъ считаться представительницей или сторонницей новыхъ идей. Дѣло, конечно, въ томъ, что не однѣ новыя отвлеченныя идеи были источникомъ реформъ XVIII в., но реальныя потребности, которыя сами порождали нерѣдко и самыя эти идеи или, по крайней мѣрѣ, придавали имъ жизненную силу. Въ австрійской политикѣ, какъ и во всякой другой, боролись между собою два теченія — консервативное и инноваторское, при большемъ или меньшемъ преобладаніи перваго изъ нихъ. Разсматривая преобразованія Маріи-Терезіи, мы имѣемъ полное право сопоставить ихъ со всѣми тѣми мѣропріятіями въ другихъ государствахъ и въ другія времена, со всѣми тѣми нововведеніями, которыя имѣли своею цѣлью бóльшую централизацію, упорядоченіе администраціи и финансовъ, улучшеніе судебныхъ порядковъ и подъемъ народнаго богатства. Реформы Маріи-Терезіи не коснулись только Венгріи, которая, какъ мы видѣли [1]), выговорила себѣ сохраненіе старыхъ отношеній, чѣмъ и объясняется энергичная поддержка мадьяръ, помогшая Маріи-Терезіи отстоять свою монархію въ борьбѣ за наслѣдство.

Въ своей правительственной дѣятельности Марія-Терезія нашла выдающихся помощниковъ. Главнымъ организаторомъ бюрократическаго правленія въ Австріи былъ силезскій графъ Фр.-Вильг. Гаугвицъ, значеніе коего сама монархиня опредѣлила такимъ образомъ въ письмѣ къ его вдовѣ послѣ его смерти, послѣдовавшей въ 1765 г.: „онъ одинъ водворилъ въ государствѣ порядокъ, вмѣсто хаоса“ (confusion). Въ области финансовъ особенно много сдѣлалъ для Австріи чешскій графъ Руд. Хотэкъ: лишь благодаря его умѣлому направленію финансами, могла Марія-Терезія вести семилѣтнюю войну. Во главѣ иностранной политики стоялъ графъ, впослѣдствіи (съ 1764 г.)

---

[1]) См. выше, стр. 341.

князь Венцель Кауницъ, самая крупная личность въ тогдашнемъ австрійскомъ мірѣ. Между прочимъ, въ должности канцлера и перваго министра онъ создалъ въ 1760 г. для нѣмецкихъ и богемскихъ земель государственный совѣтъ (Staatrsrath), главное орудіе централистическаго абсолютизма при Маріи-Терезіи и Іосифѣ II, учрежденіе, вносившее извѣстное единство и порядокъ въ веденіе дѣлъ [1]). Къ числу помощниковъ Маріи-Терезіи нужно отнести и мужа ея Франца-Стефана Лотарингскаго, который вмѣстѣ съ Хотэкомъ управлялъ финансами. Извѣстно, что по вѣнскому миру (1738) Францъ-Стефанъ уступилъ Лотарингію Станиславу Лещинскому, получивъ взамѣнъ Тоскану, гдѣ прекратилась династія Медичи,—затѣмъ въ началѣ царствованія своей супруги сдѣлался ея соправителемъ по Богеміи, какъ курфюршеству, а въ 1745 г. былъ выбранъ въ римскіе императоры по смерти Карла VII (Карла Альбрехта Баварскаго, одного изъ претендентовъ на „наслѣдство"), принявъ послѣ этого имя Франца I [2]). Самъ по себѣ это былъ человѣкъ, сильно любившій удовольствія, игру, охоту и, пожалуй, еще больше—деньги, что и дѣлало его спеціалистомъ въ области финансовъ, такъ что онъ создалъ и лично для себя большое состояніе. Францъ I умеръ въ 1765 г. Отъ брака съ нимъ Марія-Терезія имѣла 16 человѣкъ дѣтей, старшимъ изъ коихъ и былъ Іосифъ, родившійся въ 1741 г. По смерти отца онъ, имѣя тогда 24 года отъ роду, сдѣлался императоромъ, и тогда же мать назначила его своимъ соправителемъ, ограничивъ, впрочемъ, его дѣятельность придворными, военными и финансовыми дѣлами, да и тутъ не давая ему полной самостоятельности. Съ этого времени въ австрійскихъ высшихъ сферахъ образовалось два направленія: одно было направленіе матери, враждебное французскому „просвѣщенію", главнымъ представителемъ коего среди государей былъ Фридрихъ II, а къ другому принадлежалъ сынъ, который былъ сторонникомъ новыхъ идей и преклонялся передъ прусскимъ королемъ. Какъ ни противоположны были стремленія Маріи-Терезіи и Іосифа II, между ними было и много общаго: ихъ раздѣляли преимущественно вопросы, въ коихъ особенно ярко выступали идеи „просвѣщенія", но ихъ сближала общая почва политики абсолютизма. Іосифъ II постоянно представлялъ своей матери проекты реформъ, и нѣкоторые изъ нихъ были осуществлены, именно въ военномъ дѣлѣ, въ которомъ образцомъ для императора служилъ Фридрихъ II, и въ области фи-

---

[1]) K. Hock und Herm. Ign. Biedermann. Der oesterreichische Staatsrath (1760—1848). Шесть седьмыхъ этого обширнаго труда (около 700 стр.) посвящено исторіи государственнаго совѣта при Маріи-Терезіи и Іосифѣ II. Сочиненіе это важно особенно для детальной исторіи реформъ въ эти два царствованія.

[2]) H. Meynert. Kaiser Franz I.

нансовъ, гдѣ сдѣланы были нѣкоторыя улучшенія. Въ большинствѣ случаевъ реформаторскія стремленія Іосифа II поселяли, однако, въ его матери тревогу, и сынъ, не находя у нея сочувствія, охотно соглашался на то, чтобы сложить съ себя соправительство. Только во внѣшней политикѣ Іосифъ II умѣлъ настаивать на проведеніи своихъ идей [1]).

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между Маріей-Терезіей и Іосифомъ II имѣетъ весьма большой интересъ для опредѣленія характера и значенія реформаторской дѣятельности Іосифа II. Говоря это, мы имѣемъ въ виду не материнскія и сыновнія чувства, которыя касаются ихъ обоихъ, какъ частныхъ людей, а ихъ правительственныя программы. Дѣло, конечно, не въ томъ, что Марія-Терезія отличалась добродѣтелями хорошей семьянинки, и что самъ Іосифъ II былъ добрымъ сыномъ, искренне, напр., опечаленнымъ смертью матери и видѣвшемъ большое несчастье въ невозможности называться болѣе сыномъ: главный вопросъ въ томъ, какъ можно опредѣлить отношеніе царствованія Іосифа II, уже при жизни матери носившагося съ планами крупныхъ реформъ, къ царствованію Маріи-Терезіи, которая также прославила себя преобразовательною дѣятельностью. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что императоръ порвалъ съ старыми габсбургскими традиціями и на австрійскомъ тронѣ явился настоящимъ революціонеромъ, но этимъ еще не рѣшается вопросъ, насколько эта революціонная дѣятельность вытекала исключительно изъ отвлеченныхъ идей „философіи" XVIII в., для которой ошибки и неудачи Іосифа II снискали —въ отношеніи къ его внутренней политикѣ—названіе безпочвенной идеологіи [2]). Императору-преобразователю ставятъ часто въ вину то, что вся его дѣятельность вытекала изъ отвлеченнаго умозрѣнія, совершенно отрѣшившагося отъ условій и потребностей жизненной практики, — упрекъ, который нерѣдко дѣлается и многимъ дѣятелямъ французской революціи,—а ошибки Іосифа II и неудачи, которыя ему пришлось претерпѣть, играютъ роль доказательствъ того, что вся его дѣятельность была безсодержательна. Ему вообще противополагаютъ болѣе умѣлую и успѣшную политику Фридриха II, менѣе зараженнаго духомъ раціоналистической идеологіи; противополагаютъ Іосифу II и его мать, которая своими мѣропріятіями лишь удовлетворяла назрѣв-

---

[1]) По первому польскому раздѣлу Австрія пріобрѣла Галицію (1772), захватила Буковину (1775) и отняла у Баваріи такъ называемый Innviertel, (между Зальцбургомъ и Нассау). См. между прочимъ Gross-Hoffinger. Die Theilung Polens und die Geschichte der österreichischen Herrschaft in Galizien. —Biedermann. Die Bukowina unter oesterreichischen Verwaltung.

[2]) Ср. А. Ону. Іосифъ II и „философія" XVIII вѣка (Истор. Обозрѣніе т. II). Статья эта, основанная на главнѣйшихъ источникахъ и на новѣйшей литературѣ предмета, заключаетъ въ себѣ разборъ этого вопроса.

шимъ потребностямъ, не забѣгая впередъ. Что Іосифъ II не отличался тою практичностью, которая характеризуетъ Фридриха II и Марію-Терезію, что многое начато имъ было неумѣло и не увѣнчалось успѣхомъ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію, но отсюда еще далеко до утвержденія, будто всѣ его начинанія не имѣли ничего общаго съ потребностями времени. Двумя главными дѣлами своего царствованія онъ считалъ введеніе вѣротерпимости и уничтоженіе крѣпостничества. Не смотря на католическую реакцію, въ Габсбургской монархіи все-таки еще были протестанты [1]), и сама политика требовала, чтобы силы протестантскихъ подданныхъ государства не пропадали для него даромъ вслѣдствіе тѣхъ стѣсненій, какимъ они подвергались: этотъ мотивъ такъ сильно дѣйствовалъ на Іосифа II, что, по представленію одного историка [2]), мотивъ этотъ и былъ главнымъ въ дѣлѣ введенія императоромъ вѣротерпимости. Что касается до крестьянскаго вопроса, сильно интересовавшаго Іосифа II, то это было больное мѣсто не въ одной Австріи, да и въ ней самой Марія-Терезія, которую никто не обвиняетъ въ реформаторскомъ зудѣ, своими мѣропріятіями въ этой области положила начало крестьянскимъ реформамъ сына. Іосифъ II могъ быть неумѣлъ и непредусмотрителенъ, могъ больше полагаться на вѣрность основной идеи и на силу своей власти, чѣмъ это допустимо въ политической дѣятельности, требующей бо́льшей внимательности къ реальнымъ условіямъ и бо́льшей выработки практическихъ средствъ, но все это имѣетъ значеніе для характеристики пріемовъ его дѣятельности, а не ея цѣлей. *То, къ чему стремился Іосифъ II, въ сущности не противорѣчило задачѣ, какую ставила себѣ Марія-Терезія*— возвысить государство надъ всѣми остатками старины, столь сильными въ Австріи, ввести въ него начала централизаціи и бюрократическаго правленія, поставивъ ихъ на мѣсто областного сепаратизма и сословнаго самоуправленія: это была старая задача абсолютизма, которую разрѣшали многіе государи и правители новаго времени. Различіе между Іосифомъ II и его матерью заключается лишь въ томъ, что онъ шелъ къ своей цѣли прямѣе и открытѣе, дѣйствовалъ рѣшительнѣе, но и неосмотрительнѣе, думая быстрыми и крупными мѣрами осуществить то, чего Марія-Терезія хотѣла достигнуть исподволь и болѣе ловкостью, чѣмъ примѣненіемъ силы. Все дѣло было въ темпераментѣ императора и въ томъ, что у него былъ своего рода фанатизмъ, именно фанатизмъ идеи „просвѣщеннаго абсолютизма“, роднящій его съ такими революціонными государственниками, какими были якобинцы: и Іосифъ II, подобно этимъ послѣднимъ, былъ убѣжденъ, что счастье

[1]) G. Wolf. Die Protestanten in Oesterreich unter der Kaiserin Maria-Theresia.

[2]) A. Wolf. Iosephina.

народовъ зависитъ отъ осуществленія государственной идеи, да и общее благо, взятое въ наиболѣе реальномъ своемъ пониманіи—благосостоянія отдѣльныхъ личностей, было, дѣйствительно, однимъ изъ стимуловъ дѣятельности императора. Не нужно, наконецъ, забывать того, что Іосифъ II жилъ въ самомъ концѣ періода „просвѣщеннаго абсолютизма“: во многихъ отношеніяхъ ему не приходилось прокладывать новыхъ путей, и на него дѣйствовали не только бывшія тогда въ ходу идеи, но и примѣръ другихъ правительствъ, что, напримѣръ, касается его церковныхъ реформъ, наиболѣе подвергавшихся критикѣ.

Уже ребенкомъ Іосифъ II обнаруживалъ тѣ свойства, которыя отличали его, какъ взрослаго человѣка. Въ немъ не было и слѣда меланхолической подавленности его мужскихъ предковъ съ матерней стороны: это былъ мальчикъ-непосѣда, съ которымъ его воспитателямъ трудно было справляться и изъ котораго выросъ впослѣдствіи весьма подвижной политическій дѣятель. Хваля голову императора, Фридрихъ II, какъ извѣстно, выражалъ сожалѣніе, что онъ дѣлаетъ второй шагъ, не сдѣлавъ перваго: характеристика была весьма удачна, но она именно указываетъ на натуру, одаренную большимъ запасомъ воли, стремленія къ дѣйствію. Такіе люди бываютъ обыкновенно упрямы и нетерпѣливы: и то, и другое можно сказать объ Іосифѣ II, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Однажды, напр., онъ упорно въ теченіе нѣсколькихъ дней отказывался ѣсть подававшіяся ему кушанья, желая другихъ, и сломить это проявленіе своенравія удалось, только напугавъ его крикомъ одного лица, которое заранѣе было спрятано подъ столъ, чтобы при повтореніи отказа отъ пищи напугать мальчика. Изъ маленькаго упрямца выросъ впослѣдствіи большой деспотъ, а ребяческая нетерпѣливость перешла со временемъ въ своего рода радикализмъ, отличающій законодательную дѣятельность Іосифа II. Человѣкъ нервнаго темперамента, онъ еще въ дѣтствѣ отличался, кромѣ того, чувствительностью, сдѣлавшеюся почвою, на которой особенно хорошо прививались гуманныя, филантропическія идеи „философіи“ XVIII в. Къ матери у него были самыя нѣжныя отношенія, и его привязанность къ ней не поколебали ни теоретическія разногласія, ни столкновенія эпохи соправительства. Его первый бракъ съ Изабеллой Пармской былъ бракъ счастливый: Іосифъ II очень привязался къ своей женѣ, слишкомъ рано умершей. Доброжелательное отношеніе къ людямъ, стремленіе осчастливить своихъ подданныхъ и вѣра въ то, что это вполнѣ въ его власти, но рядомъ съ нею и убѣжденіе въ томъ, что сами люди плохо понимаютъ собственное благо, что для этого блага нужно иногда дѣйствовать наперекоръ ихъ желаніямъ и что правительство въ этомъ отношеніи всемогуще,—все это создавало въ характерѣ и поведеніи Іосифа II массу противорѣчій. Оказывали вліяніе на его поведеніе

и нѣкоторые недостатки его воспитанія. Самъ Іосифъ II впослѣдствіи относился къ вѣнской придворной жизни, какъ къ школѣ подлости и раболѣпства, а Фридрихъ II удивлялся, что, родившись при дворѣ ханжей, императоръ отбросилъ суевѣріе и, получивъ учителей-педантовъ, съумѣлъ цѣнить Вольтера. Главнымъ воспитателемъ Іосифа II въ очень еще раннемъ возрастѣ былъ венгерскій графъ Батьяни, грубый солдатъ, думавшій по-военному дисциплинировать своенравнаго мальчика, но научныя занятія считавшій излишними: нерѣдко онъ попросту прогонялъ учителей, приходившихъ на урокъ, или во время урока предлагалъ мальчику идти гулять. Учителями Іосифа II были іезуиты, офицеры и юристы, нагонявшіе на него нерѣдко только скуку схоластическою ученостью или наполнявшіе его голову однѣми отвлеченностями. Общій планъ ученія Іосифа II былъ выработанъ статсъ-секретаремъ Бартенштейномъ, составившимъ между прочимъ историческое руководство въ 15 томовъ, въ коемъ, напр., больше говорилось о гуннахъ и аварахъ, чѣмъ о судьбахъ Венгріи подъ габсбургскою властью. Педантическое преподаваніе исторіи не могло внушить ни любви къ ней, ни историческаго знанія, хотя Бартенштейнъ сознавалъ важность послѣдняго въ образованіи будущаго государя. Въ юридическихъ занятіяхъ принца изученіе положительнаго (гражданскаго и церковнаго) права было отодвинуто на задній планъ и на первый планъ выдвинуто ознакомленіе съ правомъ естественнымъ. Годы ученія дали такимъ образомъ Іосифу II въ сущности весьма поверхностное образованіе, основу коего составляли скорѣе отвлеченныя идеи естественнаго права, чѣмъ фактическія знанія изъ области исторіи и юриспруденціи, и тѣмъ самымъ будущему государю-реформатору была привита слабая сторона философіи XVIII в. [1]). Система естественнаго права, которую ему преподавалъ Мартини, находилась въ полномъ противорѣчіи съ правовыми отношеніями, сложившимися историческимъ путемъ, и Іосифъ II смотрѣлъ ея глазами не только на все окружающее вообще, но и на правительственную систему своей матери. Еще двадцатилѣтнимъ юношей (1761 г.) онъ началъ принимать участіе въ дѣлахъ только-что созданнаго тогда государственнаго совѣта, а черезъ четыре года, какъ было сказано, сдѣлался соправителемъ матери и помогалъ ей до самой ея смерти въ теченіе 15 лѣтъ.

Съ 1765 г. Іосифу II такимъ образомъ пришлось играть двойную роль: преемника своего отца на престолѣ римско-католической имперіи и соправителя своей матери въ австрійскихъ наслѣдственныхъ земляхъ. Нося высшій монархическій титулъ самаго древняго происхожденія, Іосифъ II не пользовался, однако, дѣйствительною властью. Импе-

---

[1]) Ср. выше, стр. 149 и слѣд.

раторство, по собственному его выраженію, было un fantôme d'une puissance honorifique [1]). Новый императоръ сдѣлалъ-было попытку внести духъ жизни въ дряхлое тѣло имперіи, желая, по крайней мѣрѣ, истребить злоупотребленія, господствовавшія въ центральныхъ учрежденіяхъ имперіи, но у него не было въ распоряженіи никакихъ средствъ, которыя вели бы къ этой цѣли, а притомъ значительная часть князей, съ Бранденбургомъ и Ганноверомъ во главѣ, была противъ какихъ-либо измѣненій въ существовавшихъ отношеніяхъ, не сочувствуя укрѣпленію имперской власти. Неудача, постигшая Іосифа II въ этомъ дѣлѣ, отозвалась горечью въ его сердцѣ. Въ Австріи, на его взглядъ, дѣла также шли не такъ, какъ слѣдовало. Соправитель думалъ измѣнить въ ней очень многое, Марія-Терезія сдерживала его порывы и стѣсняла его самостоятельную дѣятельность. Іосифъ II съ самаго же начала проникся идеей долга передъ государствомъ, работать на пользу котораго онъ считалъ самою священною своею обязанностью, и ему было досадно, что его идеи не получали хода въ правительственной дѣятельности матери. Тѣмъ не менѣе онъ дѣлалъ, что могъ. Получивъ въ наслѣдство отъ отца нѣсколько милліоновъ гульденовъ, онъ подарилъ ихъ казнѣ, дабы можно было уменьшить цифру лежавшихъ на ней долговъ. Придворные расходы были сокращены. Подвижной и дѣятельный, съ гуманными стремленіями и мало расположенный къ удовольствіямъ, императоръ искалъ работы и, не довольствуясь тѣмъ, что предоставлено ему было дѣлать, живя въ столицѣ, объѣзжалъ разныя части монархіи, дабы видѣть все собственными глазами. „Провидѣніе, писалъ онъ еще до начала своей правительственной дѣятельности, — не милліоны создало для государя, а государя поставило на то, чтобы онъ всецѣло посвящалъ себя служенію этимъ милліонамъ". Одною изъ любимыхъ идей его была идея вѣротерпимости, но какъ разъ она-то была и непонятна, и несимпатична католичкѣ-императрицѣ. Въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ (1772) Марія-Терезія жаловалась, что у ея сына „слишкомъ много антипатіи къ старымъ нравамъ и духовенству и слишкомъ свободные принципы въ морали". „Я слишкомъ стара, писала она еще (1775), чтобы обратиться къ такимъ принципамъ, и молю Бога, чтобы къ нимъ никогда не обратился мой преемникъ". Іосифу II пришлось объяснять своей матери, что дарованіе свободы вѣроисповѣданія протестантамъ не есть еще личная измѣна католической церкви, но Марія-Терезія стояла на своемъ: „дѣло идетъ о вашемъ спасеніи, писала она ему въ одномъ изъ своихъ писемъ (1777);... все это происходитъ отъ ложныхъ сужденій и отъ дурныхъ книгъ". Кромѣ того, Іосифъ II настаивалъ на необходимости болѣе энергичнаго вмѣша-

[1]) См. выше, стр. 51.

тельства во взаимныя отношенія между помѣщиками и крестьянами. Иногда между императрицей и соправителемъ дѣло доходило до настоящаго столкновенія. Іосифъ II даже отказывался отъ соправительства. И это, какъ и неудачная попытка болѣе дѣятельной политики въ имперіи, раздражало будущаго реформатора, а завѣдываніе военными дѣлами, предоставленное ему матерью, наоборотъ, пріучило его повелѣвать, требовать повиновенія безъ разсужденія, держать подчиненныхъ въ строгой дисциплинѣ. Понятно, что когда смерть Маріи-Терезіи сдѣлала его полновластнымъ распорядителемъ въ габсбургскихъ земляхъ, тогда все, что сдерживало порывы Іосифа II, исчезло, и онъ съ увлеченіемъ бросился въ дѣятельность реформатора.

Отмѣтимъ изъ этой эпохи еще одно изъ заграничныхъ путешествій Іосифа II: въ 1777 г. онъ посѣтилъ Францію, гдѣ была замужемъ за королемъ (Людовикомъ XVI) его сестра (Марія-Антуанета). Іосифъ II пріѣхалъ сюда incognito, подъ именемъ гр. Фалькенштейна и главное вниманіе обратилъ на парижскія благотворительныя учрежденія, художественныя собранія, промышленныя заведенія и, наоборотъ, не только не обнаружилъ большого интереса къ придворной версальской жизни, но даже высказалъ по ея поводу не мало горькихъ истинъ. Своимъ пребываніемъ въ столицѣ Франціи Іосифъ II воспользовался и для того, чтобы ближе познакомиться и съ умственною жизнью страны въ ея представителяхъ: онъ видѣлся съ Руссо, д'Аламберомъ, Тюрго, Мармонтелемъ, Бюффономъ, Неккеромъ. Ему хотѣлось повидаться и съ Вольтеромъ, жившимъ тогда въ своемъ Фернеѣ, но Марія-Терезія самымъ настоятельнымъ образомъ потребовала отъ сына, чтобы онъ во время своего путешествія не вздумалъ посѣтить этого защитника вѣротерпимости. Дорога путешествующаго императора лежала черезъ Ферней; когда мѣняли лошадей на станціи, Іосифъ гулялъ въ саду, расчитывая случайно встрѣтить философа, но Вольтеръ не вышелъ, повидимому, ожидая, что императоръ будетъ къ нему въ гости самъ; оба обманулись въ своихъ надеждахъ, и Іосифъ II продолжалъ путь, такъ-таки и не повидавшись съ философомъ. У сына Маріи-Терезіи не было такого стремленія къ разрѣшенію отвлеченныхъ вопросовъ и не образовалось такихъ прочныхъ связей съ „просвѣтителями" XVIII в., какъ у Фридриха II, но общій духъ ихъ философіи былъ вообще ему симпатиченъ, и онъ считалъ ихъ идеи наиболѣе годными для того, чтобы осчастливить человѣчество. Во время своего путешествія онъ посѣтилъ нѣсколько странъ, много видѣлъ и возвратился съ желаніемъ многое изъ того, что видѣлъ, пересадить на родную почву. На его сторону склонялся и Кауницъ, бывшій въ личныхъ сношеніяхъ съ французскими философами.

Въ 1780 г. Марія-Терезія умерла, и Іосифъ II сдѣлался правите-

лемъ Австріи. „Voilà un nouveau ordre des choses", воскликнулъ Фридрихъ II при этомъ извѣстіи.

XXV. „Іозефинизмъ" и консервативная оппозиція [1]).

Общій характеръ реформаторской дѣятельности Іосифа II.—Его правительственная система и ея сходство съ революціей.—„Іозефинизмъ".—Національная оппозиція централистической политикѣ Іосифа II. — Венгрія, Чехія, Нидерланды. — Событія въ Бельгіи и Венгріи и французская революція. — Іосифъ II и католическая церковь.—Вѣротерпимость Іосифа II. — Аристократическая оппозиція при Іосифѣ II.—Внутреннія затрудненія, встрѣченныя Іосифомъ II. — Его реформаторская дѣятельность и внѣшняя политика.

Царствованіе Іосифа II въ Австріи было непродолжительно: вступивъ на престолъ въ концѣ 1780 г., онъ умеръ въ началѣ 1790. Для Австріи эти девять лѣтъ съ тремя мѣсяцами были эпохой, когда, повидимому, сразу должны были сдвинуться съ мѣста вѣковые устои ея историческаго бытія. Преобразовательная дѣятельность императора отличалась по-истинѣ лихорадочнымъ характеромъ. Разсматривая его реформы въ цѣломъ, мы можемъ, однако, сказать, что Іосифъ II, съ одной стороны, продолжалъ—только ускореннымъ темпомъ—преобразованія своей матери, а съ другой—спѣшилъ перенести въ Австрію то, что уже сдѣлано было представителями „просвѣщеннаго абсолютизма" въ другихъ странахъ, болѣе, чѣмъ кто-либо, серьезно думая о томъ, чтобы „сдѣлать философію законодательницею своего государства", управлять государствомъ по собственнымъ принципамъ и сообщить Австріи совершенно новый видъ. *Его реформы, дѣйствительно, охватывали всѣ стороны гражданской жизни*, духовную культуру и соціальныя отношенія, церковь, школу и внѣшнее положеніе печати, правительственныя учрежденія, судоустройство, право, сословный строй, крестьянскій бытъ, промышленность и торговлю. Подробнѣе объ этихъ преобразованіяхъ Іосифа II

---

[1]) Сочиненія по исторіи Венгріи и Бельгіи при Іосифѣ II: Krones. Ungarn unter Maria Theresia und Joseph II.—Ziglauer. Die politische Reformbewegung in Siebenbürgen in der Zeit Josephs II und Leopolds II.—О Венгріи при Іосифѣ II есть еще соч. Marczali на венгерскомъ языкѣ.—O. Lorenz. Joseph II und die belgische Revolution.—L. Delplace. Joseph II et la révolution brabançonne.—Juste. Hist. du règne de Joseph II et la révolution belge. — О церковныхъ реформахъ Іосифа II значительная литература. H. Schmid. Gesch. der Kathol. Kirche Deutschlands von der Mitte des XVIII Jahrhunderts. — Ritter. Kaiser Joseph II und seine kirchl. Reformen.—A. Riehl und Reinöhl. Joseph II als Reformator auf kirchlichem Gebiete. — A. Wolf. Die Aufhebung der Klöster in Innerösterreich.—G. Frank. Das Toleranzpatent Josefs II.—E. v. Münch. Gesch. des Emser Kongresses und seiner Punktata. Менѣе разработана исторія другихъ реформъ.

мы будемъ говорить послѣ, въ другой связи, именно сопоставляя однородныя правительственныя мѣропріятія въ разныхъ странахъ, здѣсь же мы ограничимся общею характеристикой этой дѣятельности и разсмотрѣніемъ причинъ ея неудачи.—Попытку Іосифа II *преобразовать Австрію въ духѣ идей XVIII в. можно назвать революціей, произведенною сверху:* если существуетъ извѣстнаго рода сродство между „просвѣщеннымъ абсолютизмомъ“ и французской революціей, при всей той противоположности, какая прежде всего бросается въ глаза, когда мы ихъ сопоставляемъ, то особенно замѣтнымъ образомъ это сродство проявляется въ царствованіи Іосифа II. Всеобъемлемость реформы, ея радикализмъ, вѣра въ силу правительственнаго декрета, желаніе осуществить по возможности въ чистомъ видѣ принципы общественной философіи вѣка, извѣстнаго рода фанатизмъ въ преслѣдованіи разъ поставленныхъ цѣлей, деспотическое отношеніе ко всякому противорѣчію,—вотъ общія черты, наблюдаемыя при сравненіи цѣлей и пріемовъ дѣятельности Іосифа II и, напр., якобинцевъ, такихъ же, какъ онъ, притомъ государственниковъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что австрійскій монархъ исходилъ изъ идеи абсолютизма, а якобинцы — изъ идеи народовластія, одинъ, какъ „просвѣщенный деспотъ“, осуществлялъ идею Вольтера, а тѣ, наоборотъ, шли подъ знаменемъ Руссо. У императора существовала въ головѣ цѣлая система, согласно съ которою должна была быть перестроена жизнь Австріи: ея исходнымъ пунктомъ была идея всевѣдущаго и всемогущаго государства, всему дающаго жизнь и движеніе, все устроивающаго и все направляющаго, надъ всѣмъ господствующаго и все объединяющаго, а конечною цѣлью представлялось искорененіе всякихъ золъ, пользованіе каждымъ человѣкомъ его естественною свободою, народное благополучіе. Церкви, какъ политической силѣ, духовенству, какъ сословію, держащему народъ въ духовномъ рабствѣ, остаткамъ феодализма, какъ соперника государственности, дворянству, держащему народъ въ крѣпостной зависимости, какъ крестьянскую массу, этою системою объявлялась война, какъ объявлялась она во имя идеи единаго и нераздѣльнаго государства и областному сепаратизму. Система эта, бывшая въ сущности *возведеніемъ на степень идеи изначальной государственной практики въ ея отношеніяхъ къ католицизму, феодализму и провинціальной обособленности*, вызвала противъ себя оппозицію со стороны всего, что только могло опираться на историческое право, оппозицію всѣхъ консервативныхъ силъ, подобно тому, какъ это произошло во Франціи въ эпоху революція, но тамъ эта оппозиція была сломлена, ибо движеніе шло снизу и выдвигало на сцену новые общественные классы, тогда какъ въ Австріи иниціатива движенія принадлежала одному монарху съ небольшимъ кругомъ лицъ, ему сочувствовавшихъ или на него

вліявшихъ: реформаторы надѣялись исключительно на силу отвлеченнаго разума и на силу государственной власти, а общество въ однихъ своихъ слояхъ было враждебно реформѣ, въ другихъ—относилось съ пассивностью и инертностью, присущими мало развитымъ массамъ. Своей системы императоръ, дѣйствительно, придалъ совершенно личный характеръ: „государство, въ которомъ я царствую, должно управляться по моимъ принципамъ“, — писалъ Іосифъ II, начертывая въ одномъ письмѣ свою правительственную программу. Его принципы были окрещены его именемъ, и его направленіе получило названіе „іозефинизма“ [1]). Можно вообще сказать, что этотъ „іозефинизмъ“ былъ квинтъэссенціей „просвѣщеннаго абсолютизма“, соединеніемъ всего, что было въ абсолютной монархіи новаго времени противнаго средневѣковому католико-феодальному строю и мѣстной автономіи, со всѣмъ тѣмъ, въ чемъ система естественнаго права становилась въ разрѣзъ съ правомъ историческимъ отдѣльныхъ сословій и областей, но можно также сказать, что „іозефинизмъ“ былъ лишь монархическою формой того государственнаго принципа, республиканскую форму котораго представлялъ собою французскій революціонный якобинизмъ.

Мы еще увидимъ, что во Франціи революція вообще завершила процессъ централизаціи, надъ которымъ работала, но котораго не довела до конца старая монархія. Во Франціи правительственной дѣятельности въ этомъ отношеніи весьма много помогало національное единство ея населенія, но въ Австріи монарху-централизатору пришлось имѣть дѣло съ разнороднымъ національнымъ матеріаломъ, и одною изъ силъ, о которыя разбилась іозефинская централизація, *была національная оппозиція главныхъ частей, изъ коихъ складывалась габсбургская монархія.* Іосифъ II хотѣлъ сразу совершить то, чего не могли сдѣлать его предки въ теченіе вѣковъ, не смотря на удачныя подавленія національныхъ возстаній. Въ единой монархіи долженъ былъ господствовать единый языкъ. Іосифа II часто выставляютъ германизаторомъ въ духѣ націоналистическихъ тенденцій нашего времени. Это менѣе всего похоже на космополитическій XVIII в., и тѣмъ не менѣе стремленія Іосифа II нельзя иначе опредѣлить, какъ словомъ „германизація“. Дѣло въ томъ, однако, что въ данномъ случаѣ Іосифъ II дѣйствовалъ не какъ нѣмецъ, а какъ монархъ, желавшій, чтобы въ его государствѣ господствовалъ одинъ языкъ, которымъ „естественнѣе всего“ было быть языку нѣмецкому. Мадьяры были недовольны замѣною латинскаго языка нѣмецкимъ въ правительственныхъ учрежде-

---

[1]) Мы здѣсь придаемъ этому выраженію вообще болѣе широкій смыслъ: объ „іозефинизмѣ“ говорятъ главнымъ образомъ по отношенію къ церковной политикѣ Іосифа II.

ніяхъ, и Іосифъ II писалъ по этому случаю одному венгерскому магнату: „каждое представленіе должно основываться на неопровержимыхъ доводахъ разума. Нѣмецкій языкъ есть общій языкъ моей имперіи. Я императоръ Германіи; владѣнія, мнѣ принадлежащія, суть лишь провинціи, образующія единое цѣлое съ государствомъ, во главѣ котораго я стою. Еслибы королевство венгерское было самымъ главнымъ изъ моихъ владѣній, я не задумался бы ввести его языкъ и въ другія земли“. Іосифу II, какъ представителю прежде всего идеи единой Австріи, важно было, чтобы въ государственныхъ дѣлахъ употреблялся одинъ языкъ,—нѣмецкій ли, мадьярскій, это былъ уже вопросъ второстепенный. На практикѣ, конечно, его требованіе влекло за собою германизацію разноплеменнаго состава монархіи, хотя Іосифъ только будилъ такими мѣрами дремавшее національное чувство своихъ ненѣмецкихъ подданныхъ. Въ системѣ естественнаго права съ ея отвлеченной идеей государства совсѣмъ не находилось мѣста для національнаго элемента, а абсолютизмъ уже ранѣе выработалъ принципъ религіознаго единообразія, который легко было перенести изъ внутренней сферы совѣсти во внѣшнюю сферу языка.

Австрійская монархія имѣла характеръ федераціи нѣкогда самостоятельныхъ государствъ подъ скипетромъ одного и того же монарха, продолжавшихъ сохранять извѣстную степень автономіи. Наибольшими правами пользовались Венгрія, привилегіи коей подтвердила Марія-Терезія, и австрійскіе Нидерланды, т.-е. Бельгія, присоединенная къ монархіи послѣ войны за испанское наслѣдство [1]). Обособленное владѣніе составляла также Чехія, лишившаяся своихъ прежнихъ правъ еще въ эпоху тридцатилѣтней войны [2]) и еще болѣе подчиненная центральному правительству послѣ войны за австрійское наслѣдство [3]). Іосифъ II *поставилъ своею задачею, такъ сказать, привести всѣ свои владѣнія къ одному знаменателю.* Венгрія для него не была особымъ государствомъ. Онъ не только не захотѣлъ короноваться короной св. Стефана, но даже велѣлъ (1784) перевезти этотъ священный символъ венгерской независимости въ Вѣну, гдѣ корона должна была храниться вмѣстѣ съ другими фамильными драгоцѣнностями. Оффиціальнымъ языкомъ въ земляхъ короны св. Стефана былъ латинскій; Іосифъ II приказалъ замѣнить его нѣмецкимъ, давъ на это сроку лишь полтора года (съ мая 1784 г. по ноябрь 1785 г.). Венгерскій сеймъ пересталъ созываться, а затѣмъ были уничтожены и собранія отдѣльныхъ комитатовъ, на которые распадалась Венгрія, причемъ страна была раздѣ-

[1]) Т. II, стр. 569.
[2]) Т. II, стр. 366—367.
[3]) См. выше, стр. 341.

лена на десять округовъ, во главѣ коихъ были поставлены особые начальники, какъ и въ другихъ частяхъ монархіи. Іосифъ II не захотѣлъ также короноваться и чешской короной, которая еще возлагалась въ Прагѣ на голову Маріи-Терезіи, но тотчасъ вслѣдъ за этимъ была перевезена въ Вѣну,—отчасти изъ опасенія за судьбу этой короны въ войнѣ за австрійское наслѣдство. Уже Марія-Терезія вводила нѣмецкій языкъ въ чешскія присутственныя мѣста и школы, какъ единственный оффиціальный языкъ, а Іосифъ II лишь продолжалъ это дѣло съ особымъ рвеніемъ. При немъ Прага лишилась названія резиденціи (Residenzstadt), которое было сохранено за одною Вѣною. Права мѣстнаго сейма были сокращены. Однимъ словомъ, Венгрія и Богемія должны были превратиться въ простыя австрійскія провинціи. Іосифъ II прямо раздѣлилъ свои владѣнія на 13 губерній съ подраздѣленіемъ на округи, во главѣ каждаго изъ коихъ былъ поставленъ особый начальникъ (Kreishauptmann). Эта система была дополнена реформой центральныхъ учрежденій, заключавшеюся въ томъ, что однородныя учрежденія отдѣльныхъ частей монархіи сливались воедино [1]). Кстати, нужно замѣтить, что мало-по-малу государственный совѣтъ лишился при Іосифѣ II прежняго значенія, такъ какъ императоръ предпочиталъ или рѣшать дѣла безъ совѣтниковъ, или совѣщаться лишь частнымъ образомъ съ отдѣльными членами государственнаго совѣта. Въ эту общую систему управленія должны были быть втянуты и черезполосные австрійскіе Нидерланды. Генералъ-губернаторство въ этихъ провинціяхъ было въ рукахъ сестры Іосифа II, Маріи-Христины, [2]) и ея мужа, герцога Альберта Саксенъ-Тешенскаго, но императоръ безъ ихъ вѣдома рѣшалъ важнѣйшія дѣла, касавшіяся провинцій, чрезъ своего министра въ Брюсселѣ, графа Бельджойозо. Реформы Іосифа II въ области церковныхъ и школьныхъ дѣлъ, сильно уже раздражили клерикальное населеніе страны, но еще болѣе возрасло недовольство, когда въ 1787 г. началась реформа внутренняго управленія Нидерландовъ на централистически-бюрократическихъ началахъ взамѣнъ старыхъ принциповъ федераціи и сословнаго самоуправленія. Брабантскіе и генегаускіе чины протестовали и отказались платить налоги; въ странѣ произошло возстаніе, которое пришлось подавлять силой, причемъ Іосифъ II объявилъ (1789) уничтоженіе старой бельгійской конституціи, послѣ чего „брабантская“ революція весьма скоро слилась съ революціей французской, начавшейся въ томъ же году. Хотя осенью 1789 г. Іосифъ II и взялъ назадъ свои указы, но въ началѣ слѣдующаго года, незадолго до смерти императора, бельгійцы объявили себя независимыми „соеди-

[1]) D'Elvert. Zur oesterreichischen Verwaltungsgeschichte.
[2]) A. Wolf. Marie-Christine, Erzherzogin von Oesterreich.

ненными штатами“ подъ властью сувереннаго конгресса. „Просвѣщенный абсолютизмъ“ Іосифа II имѣлъ для этой части Нидерландовъ такіе же результаты, какъ и католико-реакціонный деспотизмъ Филиппа II Испанскаго для другой части—за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ. Въ то же время происходило и враждебное Іосифу II движеніе въ Венгріи: мадьярскіе вельможи прямо уже думали объ отложеніи отъ Габсбурговъ и у Фридриха Вильгельма II Прусскаго просили—короля и гарантіи ихъ конституціи, и имъ уже указывался кандидатъ въ лицѣ Карла Августа Саксенъ-Веймарскаго, впрочемъ, отклонившаго эту честь. Іосифъ II на смертномъ одрѣ взялъ назадъ всѣ свои нововведенія и въ Венгріи (кромѣ вѣротерпимости и освобожденія крестьянъ), хотя и не созвалъ сейма. Преемнику Іосифа II, его брату Леопольду II (1790—1792) пришлось умиротворять недовольныя провинціи отмѣною распоряженій своего предшественника [1]).

Есть извѣстіе, что Іосифъ II сочинилъ для себя такую эпитафію: „здѣсь покоится государь, намѣренія котораго были чисты, но который былъ несчастливъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ.“ *«Іозефинизмъ“ разбился о консервативную оппозицію*, наиболѣе рѣзкимъ образомъ проявившуюся въ бельгійской революціи и сепаратистическихъ стремленіяхъ Венгріи. Помогать разрушенію дѣла Іосифа II для спасенія цѣлости монархіи довелось его брату Леопольду, который передъ этимъ четверть вѣка управлялъ Тосканою (1765—1790) самъ въ „духѣ“ просвѣщеннаго абсолютизма. Революціонное движеніе въ габсбургской монархіи совпало по времени съ началомъ французской революціи: одно было направлено противъ „просвѣщеннаго абсолютизма“ во имя попиравшагося имъ историческаго права, другая начиналась противъ абсолютизма клерикально-аристократическаго и во имя права естественнаго. Духовенство и дворянство стояли во главѣ революціоннаго движенія въ монархіи Іосифа II, французская революція совершалась какъ разъ противъ этихъ двухъ сословій, но въ обоихъ случаяхъ борьба велась за политическую свободу, приходилось ли отстаивать старую конституцію, какъ то было въ Бельгіи и Венгріи, или еще только завоевывать новую, какъ это было во Франціи. Какъ бы тамъ ни было, *консервативная оппозиція противъ «просвѣщеннаго абсолютизма» въ австрійской монархіи пошла подъ знаменемъ національной независимости и политической свободы.* Іосифъ II не только централизировалъ и бюрократизировалъ свое государство, но своими церковными и сословными реформами наносилъ ударъ католическому духовенству и феодальному дворянству.

---

[1]) Jäger. Kaiser Ioseph II und Leopold II. Reform und Gegenreform.— Huber. Die Politik Kaiser Iosephs, beurtheilt von seinem Bruder Leopold.

Въ отношеніи къ католической церкви Іосифъ II былъ, во-первыхъ, преемникомъ и послѣдователемъ тѣхъ правителей, которые защищали права свѣтскаго государства отъ теократической и клерикальной опеки, во-вторыхъ, однимъ изъ представителей „философіи" XVIII в.: въ немъ соединялись *абсолютизмъ и «просвѣщеніе» въ ихъ отрицательномъ отношеніи къ традиціямъ властолюбиваго и нетерпимаго католицизма.* Въ этой области Іосифъ II отчасти продолжалъ политику своей матери, отчасти дѣйствовалъ наперекоръ ей: продолжалъ въ тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя касались взаимныхъ отношеній между церковью и государствомъ, дѣйствовалъ наперекоръ, сходя съ дороги безусловнаго подавленія иновѣрія. Преобразованія Іосифа II въ области церковныхъ отношеній, какъ мы увидимъ, были однородны съ тѣми, какія производились Тануччи въ Неаполѣ, Помбалемъ въ Португаліи, Арандой въ Испаніи, и въ сущности тѣ же принципы лежали въ основѣ „гражданскаго уложенія о духовенствѣ" французской революціи. Уже въ началѣ своего царствованія онъ начерталъ программу своихъ отношеній къ католицизму: „презирая, по собственнымъ его словамъ, суевѣріе и саддукеевъ", онъ поставилъ себѣ задачу „освободить отъ нихъ народъ свой". Принципы монашества онъ разсматривалъ, какъ „противные человѣческому разуму", и смотрѣлъ на монаховъ, какъ на самыхъ опасныхъ и безполезныхъ членовъ государства": у него они даже обозначались, какъ „факиры". „Въ Римѣ, писалъ онъ своему посланнику при куріи, сочтутъ, пожалуй, вмѣшательствомъ въ права Божіи", если его предначертанія „исполнятся безъ одобренія раба рабовъ Божіихъ",—и, пожалуй, будутъ жаловаться на паденіе Израиля, если „законъ запретитъ левитамъ присвоивать себѣ монополію человѣческаго разума". Желая безраздѣльно господствовать въ своемъ государствѣ, Іосифъ II стремился къ тому, чтобы ограничить права куріи областью „догмата и души." Но и тутъ онъ не хотѣлъ предоставлять безусловной власти римской куріи надъ совѣстью своихъ подданныхъ. Уже подъ конецъ своего царствованія (1787) онъ въ письмѣ къ одному ихъ своихъ сподвижниковъ [1]) объяснялъ, почему онъ снялъ съ протестантскихъ своихъ подданныхъ „ярмо, тяготѣвшее надъ ними": „въ началѣ своего царствованія я рѣшился украсить корону свою народною любовью... и издалъ законы вѣротерпимости... Пусть въ моихъ владѣніяхъ на будущее время фанатизмъ будетъ извѣстенъ лишь по питаемому мною къ нему презрѣнію... Никто впредь не будетъ принуждаемъ къ исповѣданію государственнаго евангелія, разъ оно противорѣчитъ его убѣжденію... Вѣротерпимость рождена благотворнымъ просвѣщеніемъ, озаряющимъ Европу, въ основѣ коего лежитъ фило-

---

[1]) Г. фанъ Свитену, о коемъ см. соч. W. Müller'a.

софія, а виновниками являются великіе люди. Она ясно доказываетъ, что умъ человѣческій идетъ впередъ, пролагая смѣло себѣ чрезъ царство суевѣрія дорогу,... ставшую, къ счастью для человѣчества и путемъ монарховъ."

Такіе принципы Іосифа II и первыя же его мѣропріятія въ духѣ этихъ принциповъ сильно встревожили духовенство габсбургскихъ владѣній и самоё римскую курію. Первое думало подѣйствовать на императора просьбами, представленіями и увѣщаніями, вторая также сначала выступила-было на путь увѣщанія, но когда Кауницъ на бреве папы Пія VI, поддержанное представленіями папскаго нунція, отвѣчалъ весьма рѣшительно въ томъ смыслѣ, что государство никогда не поступится своими правами въ дѣлахъ чисто человѣческаго происхожденія, Пій VI рѣшился даже самъ пріѣхать въ Вѣну, гдѣ его приняли съ почетомъ, но не сдѣлали ему ни малѣйшей уступки. Это было въ 1782 г., а въ слѣдующемъ 1783 г. Іосифъ II посѣтилъ папу въ Римѣ уже прямо съ цѣлью войти съ нимъ въ соглашеніе по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ, въ коихъ курія должна была уступить настойчивому императору. Посѣщеніе Вѣны Піемъ VI дало пищу для сатирическаго изображенія папскаго пребыванія при австрійскомъ дворѣ въ многочисленныхъ памфлетахъ, выходившихъ изъ вѣнскихъ типографій. Враждебныя клиру реформы продолжались, и было даже опасеніе, что императоръ, не измѣняя догмата и обряда, отторгнется отъ власти папы. Во всякомъ случаѣ *въ вліятельномъ и могущественномъ клирѣ Іосифъ II создалъ для себя опаснаго врага.*

Эдиктъ о вѣротерпимости, изданный Іосифомъ II, равнымъ образомъ не могъ снискать ему сочувствія въ клерикалахъ. Нужно замѣтить, что Іосифъ II, въ своемъ эдиктѣ далъ гораздо менѣе, чѣмъ, повидимому, считалъ нужнымъ въ принципѣ: передъ изданіемъ этого указа онъ писалъ Екатеринѣ II, что, къ сожалѣнію, не можетъ выполнить „все то, что казалось ему справедливымъ и разумнымъ". Мы еще увидимъ, что въ законодательствѣ своемъ онъ былъ далекъ отъ религіозной свободы, такъ какъ терпимость распространялась имъ лишь на протестантизмъ и на православіе, да и то послѣдователи этихъ двухъ исповѣданій не могли пользоваться такою же свободою вѣроисповѣданія, какъ католики, что было причиною недовольства и съ ихъ стороны. Государство объявляло, что оно будетъ терпѣть такія-то и такія-то исповѣданія, но оно не объявляло свободы совѣсти. Въ сущности Іосифъ II не умѣлъ возвыситься до истиннаго пониманія тѣхъ слѣдствій, которыя должны были вытекать изъ его либеральныхъ принциповъ; поэтому онъ позволилъ себѣ вмѣшаться во внутреннюю жизнь самой католической церкви, задумавъ реформировать своею

властью ея культъ, ея обрядовую сторону, чѣмъ далъ только лишнее оружіе противъ себя въ руки своихъ клерикальныхъ враговъ и поселилъ противъ своихъ мѣръ неудовольствіе и въ народной массѣ, дорожившей внѣшними формами богослуженія.

Мы здѣсь коснулись религіозной политики Іосифа II лишь настолько, насколько это было нужно для объясненія клерикальной оппозиціи, которую онъ противъ себя вызвалъ. Тоже мы сдѣлаемъ и по отношенію *къ оппозиціи аристократической, возбужденной другой категоріей реформъ Іосифа II.* Императоръ былъ противникомъ сословныхъ привилегій и стремился къ установленію гражданскаго равенства среди своихъ подданныхъ, главнымъ шагомъ къ чему должна была служить отмѣна крѣпостничества. Крестьяне были разочарованы тою свободою, какую имъ давало законодательство Іосифа II, но особенно негодовало дворянство, недовольное еще тѣмъ, что императоръ, какъ послѣдователь физіократическаго ученія [1]), стремился перевести всѣ налоги на землю, уравнять по отношенію къ податной обязанности всѣ сословія.. Особенно враждебно относилось къ гражданскимъ реформамъ Іосифа II дворянство венгерское, въ „вѣчномъ рабствѣ“ у котораго по сеймовому постановленію 1514 г. [2]) находилась крестьянская масса. Дворяне боялись только народнаго возстанія, а вспышки неудовольствія среди сельскихъ жителей встрѣчались время отъ времени въ Габсбургской монархіи: въ Трансильваніи возмутилось сельское населеніе противъ своихъ господъ, крестьяне въ самой Венгріи волновались, и дворянство должно было на время смириться, пока въ концѣ царствованія Іосифа II и внѣшнія обстоятельства, и собственныя ошибки императора не позволили дворянской оппозиціи снова поднять голову.

Причина неудачи, постигшей реформаторскую дѣятельность Іосифа II, лежала, впрочемъ, не въ одной оппозиціи консервативныхъ элементовъ общества, но и *въ особенностяхъ его собственной политики.* Императоръ самъ создавалъ себѣ затрудненія—и въ двоякомъ отношеніи. Прежде всего въ общемъ его преобразованія были плохо обдуманы, не соединены въ ясную и прочную систему, приводились въ исполненіе въ формѣ частныхъ мѣропріятій, которыя могли находиться въ противорѣчіи между собою, въ несоотвѣтствіи съ практическими условіями или оказывались трудно осуществимыми, такъ что, дѣйствительно, Іосифъ II нерѣдко „дѣлалъ“ второй шагъ, не сдѣлавъ перваго. Беря слишкомъ много на личную иниціативу, слишкомъ мало, наоборотъ, заботясь о законодательной выработкѣ своихъ мѣропріятій,

---

[1]) Ср. выше, стр. 243 и слѣд.

[2]) Т. I, стр. 198.

дѣлая потому нерѣдко ошибки и нуждаясь затѣмъ въ поправкахъ и передѣлкахъ разъ сдѣланнаго, не всегда понимая хорошо реальныя отношенія, подлежавшія реформированію, императоръ вдобавокъ не имѣлъ достаточнаго количества исполнителей своей воли, которые понимали бы его желанія и умѣли бы осуществлять ихъ на дѣлѣ. Оскорбивъ національное чувство и историческія традиціи отдѣльныхъ частей своей монархіи, вооруживъ противъ себя представителей католико-феодальнаго строя, *онъ не съумѣлъ создать себѣ прочную поддержку въ народной массѣ*, въ чемъ виноваты были многія его же собственныя ошибки, ловко эксплуатировавшіяся его врагами.

Съ другой стороны, грандіозная внутренняя реформа требовала внѣшняго мира, а *Іосифъ II и въ международной политикѣ носился съ широкими планами*, требовавшими напряженія всѣхъ силъ государства [1]). Еще при жизни своей матери, послѣ перваго польскаго раздѣла, давшаго Австріи Галицію [2]), и послѣ присоединенія Буковины отъ Турціи Іосифъ II стремился увеличить свои владѣнія „баварскимъ наслѣдствомъ", открывшемся со смертью послѣдняго отпрыска виттельсбахскаго дома (курфюрста Максимиліана-Іосифа), но въ этомъ ему помѣшалъ Фридрихъ II: начавшаяся-было война скоро окончилась тешенскимъ миромъ, по которому Австрія пріобрѣла т. н. Innviertel (1779). Въ 1785 г. Іосифъ II задумалъ промѣнять Бельгію курфюрсту Пфальцскому, къ которому перешло „баварское наслѣдство", на это послѣднее, но ему опять помѣшалъ Фридрихъ II своимъ „союзомъ князей". [3]) Другой планъ Іосифа II состоялъ въ томъ, чтобы въ союзѣ съ Екатериною II, съ которою онъ видѣлся во время ея новороссійскаго путешествія изгнать турокъ изъ Европы и подѣлить между собою ихъ владѣнія. Поэтому онъ вмѣшался во вторую турецкую войну Екатерины II, но какъ разъ во время этой войны, на которую ушло немало силъ и средствъ возстала Бельгія, да и Венгрія, пользуясь затрудненіями императора, стала оказывать неповиновеніе.

Тяжелое наслѣдство осталось послѣ Іосифа II его брату Леопольду II, но ко всѣмъ старымъ затрудненіямъ присоединилось но-

---

[1]) Соч. по внѣшней политикѣ Іосифа II, кромѣ другихъ, указывавшихся раньше (польскіе раздѣлы, союзъ князей и т. п.): Reimann. Gesch. des bayerischen Erbfolgekrieges.—A. Tratschevsky. La France et l'Allemagne sous Louis XVI.—Beer. Die orientalische Politik Oesterreichs seit dem Iahre 1774.—A. Sorel. La question d'Orient au XVIII siècle.—Gerson Wolf. Oesterreich und Preussen 1780—1790.

[2]) Литературу по исторіи польскихъ земель подъ австрійскимъ владычествомъ см. въ „Исторіи Польши" М. Бобржинскаго (т. II).

[3]) См. выше, стр. 302.

вое: преемнику Іосифа II пришлось выступить въ роли противника революціонной Франціи.

XXVI. Реформы въ области администраціи, финансовъ, суда и умственной жизни.

„Государственный интересъ“ и „общее благо“ въ реформахъ XVIII в.—Законодательство и администрація.—Экономическая политика и финансы.—Право и судебная часть.—Народное образованіе и печать.—Благотворительныя учрежденія.—Нѣсколько заключительныхъ замѣчаній.

Общій очеркъ „просвѣщеннаго абсолютизма“ мы закончимъ сравнительнымъ обзоромъ его реформъ, представивъ послѣднія въ извѣстной системѣ. Нами уже не разъ указывалось на то, что *исторія «просвѣщеннаго абсолютизма» есть не что иное, какъ одинъ изъ моментовъ въ развитіи на западѣ Европы государственнаго начала.* Многія правительственныя реформы этой эпохи имѣли своею цѣлью укрѣпленіе государства и такимъ образомъ вызывались и оправдывались государственною необходимостью. Государственныя соображенія (raison d'état) стояли всегда и во всемъ на первомъ планѣ у Фридриха II, задававшаго тонъ почти всей тогдашней эпохѣ. Прусское бюрократическое управленіе, прусская армія, прусскіе финансы, были предметомъ зависти и образцомъ для подражанія, и сама консервативная Австрія при воспитанной въ старинѣ Маріи-Терезіи выступила на путь преобразованій именно потому, что Австріи это нужно было для собственнаго ея спасенія. Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы старались доказать, что изъ соображеній подобнаго же порядка исходили и первые польскіе реформаторы XVIII в.: Рѣчь Посполитая приходила въ упадокъ, утрачивала свою самостоятельность, дѣлалась добычей сосѣдей, и вотъ нужны были особыя мѣры для того, чтобы укрѣпить и тѣмъ спасти это государство. Только съ теченіемъ времени польскіе преобразователи оставили исключительную точку зрѣнія „государственнаго интереса“, чтобы поставить реформамъ, которыя ими замышлялись, и *другую цѣль, независимую отъ укрѣпленія государства, а именно «общее благо» въ непосредственномъ смыслѣ народнаго благосостоянія,* важнаго самого по себѣ, не въ качествѣ простой основы государственнаго могущества, т.-е. дѣйствительное благополучіе входящихъ въ составъ государства людей. И вообще въ эту эпоху, вездѣ, гдѣ проводились преобразованія, послѣднія имѣли цѣлью, кромѣ укрѣпленія государства, стоявшаго, впрочемъ, на первомъ планѣ, и общее благосостояніе: недаромъ новыя культурныя и соціальныя идеи

[1]) Н. Карѣевъ. Польскія реформы XVIII в.

благопріятствовали во имя „естественнаго права" и человѣколюбія— и свободѣ отдѣльной личности, и улучшенію быта народныхъ массъ. Отсюда двѣ категоріи реформъ XVIII в.: однѣ совершаются во имя государства, другія—во имя человѣка; однѣ совершаются въ области администраціи, финансовъ, войска и т. п., другія — во всѣхъ тѣхъ сферахъ, гдѣ затрогивается непосредственно жизнь личности и общества съ ея интересами и правами. Государство новаго времени выросло въ борьбѣ съ католицизмомъ и феодализмомъ: въ исторіи этой борьбы эпоха „просвѣщеннаго абсолютизма" также составляетъ отдѣльный моментъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютизмъ борется съ старыми, отжившими силами не только ради „государственнаго интереса", но и во имя „общаго блага", понимаемаго въ смыслѣ личной свободы и народнаго благосостоянія. Разсмотрѣвъ реформы, коими государство укрѣпляло себя и осуществляло идею общаго блага, мы остановимся нѣсколько подробнѣе на церковныхъ и сословныхъ реформахъ, посредствомъ коихъ „просвѣщенный абсолютизмъ" содѣйствовалъ разложенію католико-феодальныхъ отношеній, завѣщанныхъ новой Европѣ средневѣковою ея исторіей.

Въ области реформъ, имѣвшихъ главнымъ образомъ государственное значеніе, обращаютъ на себя вниманіе мѣропріятія, касавшіяся администраціи, финансовъ и арміи. Весьма любопытно то обстоятельство, что „просвѣщенный абсолютизмъ" *слишкомъ мало заботился о правильной организаціи законодательной дѣятельности государства.* Главную роль въ послѣдней играли личный починъ и личная воля монарха или, какъ это было въ нѣкоторыхъ странахъ, первенствующаго министра [1]). Только австрійскій государственный совѣтъ, организованный въ серединѣ царствованія Маріи-Терезіи, игралъ роль законодательнаго учрежденія въ эту эпоху преобразованій, хотя Іосифъ II въ иныхъ случаяхъ обходился и безъ его помощи [2]). *Гораздо болѣе обращено было вниманія на учрежденія административныя,* по отношенію къ коимъ главныя преобразованія имѣли цѣлью бюрократическую централизацію, все болѣе и болѣе уничтожавшую остатки сословнаго самоуправленія [3]). Наиболѣе важною задачею чиновничьяго управленія ставилось содѣйствіе тѣмъ мѣрамъ правительства, которыя имѣли въ виду увеличеніе государственнаго дохода, причемъ въ расходѣ одно изъ первыхъ мѣстъ занимало содержаніе войска. Далѣе государство стремилось и къ подъему производительныхъ силъ—главнымъ образомъ въ духѣ меркантилистической системы, хотя уже начиналось

[1]) См. выше, стр. 56 и 294.
[2]) См. выше, стр. 343 и 354
[3]) Объ этомъ см. выше, стр. 42.

на экономической политикѣ эпохи сказываться вліяніе и физіократіи, особыми сторонниками коей были маркграфъ баденскій Карлъ-Фридрихъ [1]) и Іосифъ II. Не забудемъ, что физіократія сама возникла лишь въ эту эпоху и потому не могла еще значительно повліять на дѣятельность государственныхъ людей, которые воспитались въ идеяхъ меркантилизма. Особенно же важно то обстоятельство, что физіократія была проповѣдью экономической свободы [2]), тогда какъ государство XVIII в. стремилось къ тому, чтобы удержать за собою завѣдываніе всѣми отраслями народной жизни, и весьма далеко было отъ того, чтобы отказаться отъ вмѣшательства въ торговлю, промышленность и земледѣліе. Въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма" *государство усиленно содѣйствовало и покровительствовало производительной дѣятельности народа, но въ то же время ее опекало и своею силою насаждало новые промыслы*, такъ что многія страны въ это время переживали ту же эпоху въ своей индустріальной исторіи, какая была во Франціи за сто лѣтъ передъ тѣмъ, т.-е. при Кольберѣ [3]). Эта правительственная дѣятельность весьма часто имѣла въ виду преимущественно фискальные интересы, а не интересы производителей и потребителей: сознавая, что источникомъ государственныхъ доходовъ является народное хозяйство, правительства и заботились объ улучшеніи послѣдняго. Физіократическая литература должна была произвести впечатлѣніе уже по одному тому, что обращала особое вниманіе на эту сторону дѣла. Необходимо прибавить, что правительства этой эпохи не были односторонне расположены въ пользу одной торговли и обрабатывающей промышленности, — обращалось вниманіе и на сельское хозяйство, и вотъ между прочимъ чисто экономическія или финансовыя соображенія, въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, заставляли правительства позаботиться о томъ, чтобы смягчить, по крайней мѣрѣ, феодальныя права и крѣпостничество, задерживавшія экономическое развитіе деревень. *Соціальный феодализмъ оказывался несовмѣстимымъ съ правильнымъ удовлетвореніемъ матеріальныхъ нуждъ государства*, а нужды эти росли съ развитіемъ бюрократическаго управленія и увеличеніемъ военныхъ силъ, не говоря о войнахъ эпохи, поглотившихъ большія средства. Обративъ большое вниманіе на увеличеніе производительныхъ силъ въ интересахъ государства, въ тѣхъ же интере-

---

[1]) Ср. выше, стр. 243. A. Kleinschmidt. Karl-Friedrich von Baden.— Erdmannsdörfer. Politische Korrespondenz Karl-Friedrichs von Baden. Особенно новѣйшее изданіе: K. Knies. Karl-Friedrichs von Baden brieflicher Verkehr mit Mirabeau und Dupont, bearb. und engeleitet durch einen Vortrag zur Vorgeschichte der ersten französischen Revolution und der Physiocratie.

[2]) См. выше. стр. 244.

[3]) Т. II, стр. 536 и слѣд.

сахъ тогдашнія правительства должны были заняться и улучшеніемъ государственнаго хозяйства, изыскивая новые источники налоговъ, придумывая лучшіе способы ихъ распредѣленія и взиманія, заботясь объ упорядоченіи казенныхъ расходовъ и т. п. Въ этой области народнаго и государственнаго хозяйства главнымъ образцомъ для подражанія была прусская система: Фридриху II во второй половинѣ его царствованія (1763—1786) предстояла трудная задача залѣчить раны, нанесенныя Пруссіи семилѣтнею войною, и онъ, дѣйствительно, исполнилъ эту задачу съ большимъ умѣніемъ. На его системѣ легко познакомиться и съ положительными, и съ отрицательными сторонами той экономической политики, родоначальникомъ которой считаютъ Кольбера. Направляя всю свою дѣятельность къ тому, чтобы накопить денегъ въ казнѣ (Фридрихъ II оставилъ послѣ себя 70 милліоновъ талеровъ) и искусственно создать несуществовавшія раньше отрасли промышленности, не всегда нужныя и даже возможныя въ такой странѣ, какъ Пруссія (напр., шелководство), Фридрихъ II доводилъ платежныя силы населенія до крайняго напряженія, жертвуя вмѣстѣ съ тѣмъ частными интересами исключительнымъ надобностямъ казны. Косвенные налоги на самые необходимые предметы доходили до чудовищныхъ размѣровъ, сокращая потребленіе, напр., соли, пива, кофе и т. п. Монополіи порождали контрабанду и шпіонство. Особенно ненавистна была такъ-называемая „régie", или „генеральная администрація акцизовъ и пошлинъ", организованная Фридрихомъ II вопреки мнѣнію „генеральной директоріи" [1]) и отданная въ завѣдованіе французамъ: это учрежденіе, къ которому пристроились разнаго рода проходимцы, въ самомъ дѣлѣ увеличило королевскіе доходы, но къ крайнему отягощенію и неудовольствію народа, подвергавшагося всякаго рода поборамъ, притѣсненіямъ и т. п. Любопытно, что, организуя одновременно (1766) и почтовое вѣдомство на новыхъ началахъ, и тутъ Фридрихъ II на первый планъ выдвинулъ французовъ. Для возникавшей школы физіократіи экономическая политика прусскаго короля доставляла не мало поводовъ высказываться неодобрительно, но практическіе дѣятели ей подражали, а къ ихъ числу можно отнести съ бо́льшимъ или меньшимъ правомъ всѣхъ представителей „просвѣщеннаго абсолютизма".

Другою заботою „просвѣщеннаго абсолютизма" было *улучшеніе правосудія, причемъ уже прямо имѣлись въ виду частные интересы подданныхъ*, страдавшихъ отъ дурныхъ и устарѣлыхъ законовъ, отъ ихъ безсистемности, отъ плохихъ судебныхъ порядковъ. Въ Пруссіи правосудіе передъ вступленіемъ Фридриха II на престолъ представляло изъ себя самую отсталую часть управленія. Одною изъ первыхъ

[1]) См. выше, стр. 313.

мѣръ новаго царствованія была отмѣна пытки въ уголовномъ процессѣ [1]. Первымъ условіемъ для общей реформы было добиться привилегіи de non appellando [2], коею изъ всѣхъ прусскихъ земель пользовалось только одно Бранденбургское курфюршество: освободивши всѣ владѣнія отъ подчиненія имперскому судоустройству, Фридрихъ II только и могъ начать свои преобразованія. Король въ принципѣ стоялъ за полную независимость суда отъ администраціи и прямо въ противоположность идеямъ и практикѣ своего отца [3]) находилъ, что судьи „не должны обращать вниманія на рескрипты, хотя бы они выходили изъ королевскаго кабинета". Реформированные суды прониклись этой идеей, и прусская юстиція справедливо стала считаться образцовой по независимости и добросовѣстности судей. Извѣстенъ анекдотъ о мельникѣ, не желавшемъ снести свою мельницу, чего требовалъ король, которому она мѣшала въ его резиденціи Сансуси; упрямый мельникъ пригрозилъ жалобою въ судъ, и король уступилъ: „il y a des juges à Berlin", сказалъ онъ, узнавъ о смѣлости мельника. Но исторія съ другимъ мельникомъ, Арнольдомъ, показываетъ, какъ властный нравъ Фридриха II плохо мирился съ его собственной доктриной: королю показалось, что высшій судъ несправедливо рѣшилъ дѣло этого Арнольда, и вотъ онъ отмѣняетъ приговоръ и сажаетъ судей въ крѣпость. Въ свое время эта исторія надѣлала не мало шуму [4].—Въ дѣлѣ организаціи судебной части Фридриху II, какъ мы видѣли [5], помогалъ Кокцеи, положившій начало также выработкѣ матеріальнаго и процессуальнаго права. Работу надъ этимъ дѣломъ продолжали фонъ-Кармеръ (съ 1779 г. канцлеръ) и особенно помощникъ его Сварецъ [6], но она была, какъ извѣстно [7], окончена лишь въ слѣдующее царствованіе, когда и была опубликована (1794) подъ названіемъ „Allgemeines Landrecht". Нѣкоторые прусскіе писатели ставили ее впослѣдствіи выше „гражданскаго кодекса", созданнаго французской революціей, но если между обоими есть сродство по вліянію на нихъ идей естественнаго права, то не нужно забывать, что прусскій кодексъ все-таки еще освящалъ общественное неравенство, отъ котораго не осталось и слѣда во французскомъ сводѣ.

Судебныя реформы происходили и въ Австріи—еще при Маріи-Терезіи. Въ 1749 г. она выдѣлила судебную часть въ особое вѣдомство (die oberste Justizstelle), независимое отъ общей администраціи.

---

[1]) См. выше, стр. 322.
[2]) См. выше, стр. 53.
[3]) См. выше, стр. 312 и 317.
[4]) Она разсказывается во всѣхъ подробныхъ біографіяхъ Фр. II.
[5]) См. выше, стр. 335.
[6]) О чемъ есть соч. Stölzel'я.
[7]) См. выше, стр. 331.

Въ 1753 г. была учреждена коммиссія для кодификаціи общеавстрійскаго гражданскаго и уголовнаго права (Kompilationskommission), выработавшая крайне несовершенный „Codex Theresianus“ (1767), который потребовалъ дальнѣйшихъ кодификаціонныхъ работъ по мысли Іосифа II. Рядомъ съ этой работой слѣдуетъ поставить уголовный кодексъ (1768), дѣйствовавшій подъ названіемъ „Nemesis Theresiana“ или „Constitutio criminalis Theresiana“ до 1788 г. Съ измѣненіями, внесенными въ него въ 1776 г. (отмѣна пытки, ограниченіе смертной казни), Іосифъ II, потерпѣвшій неудачу въ реформѣ имперскаго суда [1]), въ Австріи продолжалъ дѣло, начатое матерью, поставивши своею цѣлью создать по возможности независимый и для всѣхъ равный судъ. Не дожидаясь общей кофидикаціи, онъ издалъ частные уставы (брачное право по „Ehepatent“'у 1783 г., наслѣдственное по „Erbfolgeordnung“ 1786 г., что вмѣстѣ составило первую часть „Josephinischen Gesetzbuchs“, общее уложеніе о наказаніяхъ 1787 г. и общій судебный уставъ 1788 г.), но кодификація въ Австріи завершилась лишь въ 1811 г., когда появился „Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch“. *Отдѣленіе суда отъ администраціи, независимость судей, кодификація гражданскаго и уголовнаго права, улучшеніе законовъ въ духѣ гуманныхъ идей*—таковы были задачи, которыя поставилъ „просвѣщенный абсолютизмъ“ практической юриспруденціи, и нельзя не признать, что лучшее судоустройство и судопроизводство имѣли для общества и воспитательное значеніе. Судебныя реформы предпринимались и въ другихъ странахъ. Отмѣтимъ здѣсь, напр., что Помбаль въ Португаліи отдѣлилъ судъ отъ администраціи и издалъ сводъ законовъ, который въ свое время былъ предметомъ удивленія юристовъ. Тануччи тоже помышлялъ о кодификаціи. Вездѣ, кромѣ того, государственному суду *приходилось еще конкурировать съ остатками суда феодальнаго*, но начало государственности повсюду утверждалось въ области суда. Наконецъ законодательство проникалось все бо́льшимъ и бо́льшимъ уваженіемъ къ человѣческой личности: независимость суда была все-таки одною изъ гарантій, а уничтоженіе пытки, смягченіе уголовныхъ наказаній, ограниченіе случаевъ смертной казни (и намѣреніе Іосифа II ее совсѣмъ прекратить) представляли собою результатъ дѣйствія гуманныхъ началъ въ области уголовнаго права въ духѣ теоретическихъ требованій извѣстнаго Беккаріи.

Государство въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“ беретъ на себя и задачу народнаго образованія, что и понятно въ вѣкъ просвѣтительства. Въ католическихъ странахъ къ общему сознанію важности этого дѣла присоединились еще двѣ причины — стремленіе государ-

---

[1]) См. выше, стр. 348.

ственной власти ослабить вліяніе духовенства на народъ посредствомъ секуляризаціи школы и необходимость замѣнить государственными училищами іезуитскія учрежденія послѣ уничтоженія ордена папою. Мы видѣли, какое важное значеніе приписывалъ народной школѣ Фридрихъ II [1]). Къ сожалѣнію, на практикѣ его идея осуществлялась плохо. Законъ объ обязательномъ посѣщеніи начальной школы оставался мертвою буквою; учителя были мало подготовленные, часто ими были отставные унтеръ-офицеры, коимъ учительство замѣняло пенсію; Фридрихъ II даже скупился выдавать деньги на дѣло образованія. Въ Пруссіи школьное дѣло еще не выдѣлилось въ особое вѣдомство народнаго просвѣщенія (какъ это было уже введено въ сосѣдней Польшѣ, гдѣ возникла особая „эдукаціонная коммиссія"), и роль министра народнаго просвѣщенія игралъ министръ юстиціи фонъ-Цедлицъ [2]). Пожалуй, гораздо больше сдѣлано было въ Австріи Маріей-Терезіей и Іосифомъ II. Здѣсь главнымъ дѣятелемъ въ этой сферѣ въ оба царствованія былъ Гергардъ фанъ-Свитенъ [3]). Марія-Терезія реформировала гимназіи, создала высшія школы (Терезіанумъ, восточную и „рыцарскую" академіи) и положила начало образованію простого народа (Schulordnung 1774 г.), доведши общее число школъ до 6 тысячъ. При Іосифѣ II существовало особое учебное вѣдомство (Studienhofkommission), коему ввѣрена была и цензура книгъ. Особенно Іосифъ II заботился о развитіи народной школы, для которой онъ установилъ обязательное обученіе. Относительно высшаго образованія онъ держался утилитарной точки зрѣнія и видѣлъ въ университетахъ главнымъ образомъ высшія школы для подготовки чиновниковъ [4]). Изъ другихъ дѣятелей эпохи особаго вниманія въ области народнаго просвѣщенія заслуживаетъ Помбаль, который своими низшими, средними и высшими училищами съ новыми предметами и методами преподаванія, съ многочисленнымъ штатомъ хорошо подготовленныхъ преподавателей, съ вновь написанными учебниками и т. п. хотѣлъ превзойти старыя іезуитскія школы. Правда, все это было только начало болѣе широкаго развитія западно-европейскаго школьнаго дѣла, только въ XIX в. ставшаго на ноги, но уже самое заявленіе о государственной важности народнаго образованія было дѣло новое, указывавшее правительствамъ на новую задачу—содѣйствовать просвѣщенію общества и народа. Культурное значеніе указанныхъ начинаній не подлежитъ сомнѣнію.

---

[1]) См. выше, стр. 335.

[2]) Rethwisch. Der Staatsminister v. Zedlitz und Preussens höheres Schulwesen im Zeitalter Friedrichs des Grossen.

[3]) См. выше, стр. 356, примѣч.

[4]) G. Wolf. Das Unterrichtswesen in Oesterreich unter Joseph II.

Заговоривъ о школѣ, нельзя не коснуться литературы и прессы. Если исключить отношеніе правителей XVIII в. къ французскимъ писателямъ, то нельзя будетъ говорить объ ихъ меценатствѣ въ духѣ Людовика XIV, а съ другой стороны, они все-таки предоставляли больше свободы печати, чѣмъ то вообще бывало прежде съ самаго начала абсолютизма, хотя, съ другой стороны, нерѣдко въ данномъ случаѣ—какъ то можно сказать и о Фридрихѣ II, и объ Іосифѣ II—относительная свобода, какою пользовалась печать, была результатомъ не признанія ея, какъ одного изъ правъ личности, а того презрительнаго отношенія къ прессѣ, какое являлось у государей, чувствовавшихъ свою силу и видѣвшихъ все безсиліе прессы въ странахъ, гдѣ общественное мнѣніе не играло еще такой роли, какую играло въ Англіи и начинало играть во Франціи. Во всякомъ случаѣ *государство снимало клерикальную опеку съ печати:* свѣтская цензура была не такъ строга, какъ духовная, и давала болѣе простора свободному выраженію мысли, особенно, когда дѣло шло не о политическихъ вопросахъ. Въ католическихъ странахъ мѣры государства, касавшіяся духовной цензуры, имѣли весьма важное значеніе, входя въ общую систему борьбы съ клиромъ. Изъ всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій эпохи, направленныхъ на положеніе печати, наиболѣе либеральнымъ былъ цензурный уставъ (1781) Іосифа II, постоянно говорившаго объ ограниченіи цензурныхъ стѣсненій, не смотря на то, что введеніемъ относительной свободы печати въ Австріи воспользовались враги императора для того, чтобы напасть на его реформы и выставить ихъ въ ненавистномъ свѣтѣ. Въ другихъ государствахъ цензура, наоборотъ, была очень строга—особенно по отношенію къ католическому духовенству, разъ оно расчитывало вести путемъ печати борьбу съ государственною властью. При низкомъ культурномъ уровнѣ общества въ странахъ, гдѣ католическая реакція подавила всякое свободное умственное движеніе, снятіе съ печати прежнихъ ограниченій не могло, конечно, сразу вывести ее на новую дорогу, и, напр., въ Австріи при Іосифѣ II новыми условіями воспользовались не столько для изданія серьезныхъ трудовъ, сколько для того, чтобы наводнить книжный рынокъ всякаго рода пустяками.

Реформы въ области администраціи, финансовъ, народнаго хозяйства, суда, школьнаго дѣла и внѣшняго положенія печати имѣютъ немаловажное значеніе въ исторіи эпохи: онѣ показываютъ, что государственная власть почувствовала серьезную необходимость измѣнить дотолѣ существовавшія отношенія. Нельзя, однако, сказать, чтобы всѣ ея начинанія были одинаково энергичны и успѣшны: на то были многочисленныя причины. Отмѣтимъ наиболѣе важныя изъ нихъ. Во-первыхъ, не всегда принципіальная сторона реформъ вполнѣ отчетливо и ясно представлялась реформаторамъ: многое, напр., что

имѣетъ не одно политическое, но и культурное значеніе, разсматривалось съ односторонне-государственной точки зрѣнія. Кромѣ того, и техническая сторона преобразованій оказывалась неудовлетворительною: спеціальныя дисциплины, которыя существуютъ въ наше время, какъ предметы научнаго изслѣдованія и университетскаго преподаванія, или вовсе тогда не существовали, или только-что зарождались, а что касается до практическаго опыта, то нерѣдко и его не было, и потому часто приходилось, пролагая новые пути, идти, такъ сказать, ощупью, не говоря уже о томъ, что вообще законодательная подготовка реформъ въ большинствѣ случаевъ была крайне неудовлетворительна. Наконецъ, у государства не всегда были въ достаточномъ количествѣ матеріальныя средства, необходимыя при всякомъ преобразованіи, особенно, если были другія нужды, казавшіяся болѣе настоятельными, а притомъ и исполнители не всегда были на высотѣ своего призванія, лучшихъ же взять было негдѣ: такъ и случалось нерѣдко, что новизна оставалась только на бумагѣ, на практикѣ же продолжала господствовать старина, всячески мѣшавшая притомъ обновленію преобразуемыхъ порядковъ. Нѣкоторыя изъ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ оказывали свое вліяніе и на тѣ реформы, которыя совершались во Франціи въ эпоху революціи. Когда разсматриваются какія бы то ни было преобразованія съ исторической точки зрѣнія, слѣдуетъ принимать въ расчетъ не только то, что хотѣли и чего не хотѣли сдѣлать люди, и нетолько то, что имъ подобало бы дѣлать, но особенно условія времени, т.-е. то, что они могли и чего не могли. Во всякомъ случаѣ, имѣя въ виду намѣренія преобразователей, мы должны сказать, что ихъ цѣлью было главнымъ образомъ все-таки *одно укрѣпленіе государства безъ соотвѣтственнаго развитія внутренней свободы.*

XXVII. Государственная власть и католическая церковь во второй половинѣ XVIII в. [1]).

Значеніе эпохи „просвѣщеннаго абсолютизма“ въ исторіи взаимныхъ отношеній церкви и государства на западѣ Европы.—Изгнаніе іезуитовъ изъ разныхъ странъ и уничтоженіе ордена папой.—Международное давленіе на папство.—Враждебныя отношенія между церковью и государствомъ. — Церковныя реформы въ южно-романскихъ странахъ. — Церковная политика Маріи-Терезіи и Леопольда Тосканскаго. — Теоретическая разработка церковно-политическихъ вопросовъ.— Церковныя реформы Іосифа II.

Одною изъ наиболѣе видныхъ сторонъ въ дѣятельности католическихъ правительствъ эпохи была ихъ борьба съ римской куріей и

[1]) См. нѣкоторыя изъ названныхъ выше общихъ и спеціальныхъ сочи-

мѣстнымъ клиромъ. Въ протестантскихъ государствахъ не существовало тѣхъ отношеній, которыя обострились въ католическихъ странахъ около середины XVIII в. Въ цѣлой половинѣ Западной Европы реформація уничтожила всякій поводъ къ тому, что должно было произойти въ другой ея половинѣ: въ протестантскихъ странахъ государи освободились отъ иноземной власти папы, подчинили себѣ мѣстное духовенство, лишили его прежней силы, отобравъ у него его земли, тогда какъ въ католическихъ государствахъ попрежнему продолжали существовать отношенія, коими свѣтская власть сильно тяготилась уже съ исхода среднихъ вѣковъ. Мало того, католическая реакція создала особый органъ, получившій большое политическое и культурное значеніе,—орденъ іезуитовъ, подчинившій своему вліянію и государственную власть, и духовную жизнь общества [1]). Во второй половинѣ XVIII в. католическія государства въ своей церковной политикѣ выступаютъ на новую дорогу—*устраненія всего того, что было результатомъ католической реакціи, и даже пріобрѣтенія многаго изъ того, что протестантскимъ странамъ дано было реформаціей*. Въ первомъ отношеніи особаго вниманія заслуживаетъ изгнаніе іезуитовъ изъ отдѣльныхъ католическихъ странъ, за коимъ послѣдовало по настоянію католическихъ правительствъ и уничтоженіе самаго ордена, во второмъ же отношеніи важны тѣ мѣропріятія указанныхъ правительствъ, которыя имѣли цѣлью оградить государство отъ чрезмѣрной власти куріи, подчинить клиръ свѣтской власти и сломить его культурно-соціальное могущество. Въ длинной исторіи западно-европейскихъ отношеній между церковью и государствомъ эпоха „просвѣщеннаго абсолютизма" имѣетъ свое особое значеніе: антагонизмъ между духовною и свѣтскою властью былъ явленіемъ старымъ, хотя особенно обострялся онъ только по временамъ, а въ новой исторіи (исключая новѣйшую) *двумя эпохами наибольшаго обостренія была эпоха религіозной реформаціи и эпоха „просвѣщеннаго абсолютизма"*. Въ XVI в. опредѣленіе отношеній между церковью и государствомъ на новыхъ началахъ сопровождалось преобразованіями въ самой религіи, чего не было въ XVIII в., когда внутреннее существо вѣры не затрогивалось

неній (стр. 295, 337, 345 и 350). По исторіи уничтоженія ордена іезуитовъ, кромѣ нѣкоторыхъ общихъ исторій ордена, гдѣ говорится и объ этомъ (напр., въ книгѣ Губера, названной на стр. 263 второго тома), см. старое соч. De Saint-Priest. Histoire de la chute des Jésuites.—Crétineau-Joly. Clément XIV et les Jésuites.—Theiner. Geschichte des Pontificates Clemens XIV.—Fr. Masson. Le cardinal de Bernis. Кромѣ того, конечно, исторія уничтоженія ордена іезуитовъ разсказывается и въ общихъ трудахъ по исторіи XVII в. (между прочимъ въ не разъ указывавшемся трудѣ Онкена о „вѣкѣ Фридриха Великаго").

[1]) Обо всемъ этомъ см. въ I и II томахъ.

само по себѣ, а лишь измѣнялись внѣшнія отношенія. Послѣднее происходило подъ соединеннымъ дѣйствіемъ двухъ факторовъ—абсолютизма, утверждавшаго государственное начало, и „просвѣщенія", враждебнаго теократіи и клерикализму. Общій духъ эпохи сказался въ этомъ отношеніи на судьбѣ ордена іезуитовъ.

„Общество Іисуса" было главнымъ продуктомъ и главнымъ орудіемъ католической реакціи съ середины XVI в. [1]). Орденъ противодѣйствовалъ не одному протестантизму, но и вообще духу новаго времени, работая въ цѣляхъ возстановленія средневѣковой церковной опеки надъ государствомъ и образованіемъ. Іезуиты создали громадную международную организацію, игравшую весьма видную роль въ политической и культурной исторіи Запада,—организацію, имѣвшую характеръ международнаго тайнаго общества, громаднаго заговора противъ самостоятельности государства и общества: члены ордена дѣйствовали на нихъ въ качествѣ духовниковъ и вообще руководителей королей, въ качествѣ проповѣдниковъ, преподавателей, ученыхъ и писателей. Въ каждой католической странѣ орденъ былъ какъ-бы государствомъ въ государствѣ, сосредоточивая въ то же время въ своихъ рукахъ и школьное дѣло. *Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ третьей четверти XVIII в. орденъ терпитъ пораженіе за пораженіемъ*: въ 1759 г. іезуиты изгоняются изъ Португаліи, и имущества ихъ конфискуются; въ 1764 г. та же судьба постигаетъ іезуитовъ французскихъ; въ 1767—1768 гг. примѣру двухъ странъ, уничтожившихъ у себя орденъ, слѣдуютъ Испанія, Неаполь, Парма; въ Австріи дѣло не дошло до этого по той лишь причинѣ, что здѣсь тогда правилъ не Іосифъ II; впрочемъ, и Марія Терезія вынуждена впослѣдствіи была поступить такъ же, когда въ 1773 г. самъ папа Климентъ XIV подъ давленіемъ со стороны католическихъ дворовъ совсѣмъ уничтожилъ орденъ. Отъ изгнанія іезуитовъ изъ Португаліи до уничтоженія ордена папой прошло полтора десятка лѣтъ, и это были, какъ намъ извѣстно, годы, когда просвѣтительная литература приняла наиболѣе боевой характеръ, хотя нѣкоторые изъ видныхъ дѣятелей литературы и не одобряли пріемовъ, употреблявшихся свѣтскою властью въ борьбѣ съ іезуитами.

Португалія была одною изъ первыхъ странъ, давшихъ пріютъ іезуитамъ [2]), и здѣсь они получили особую силу. Между прочимъ въ XVIII в. они пользовались большимъ вліяніемъ на Іоанна V [3]). Португальскіе іезуиты занимали высшія должности въ государствѣ, сдѣлали изъ народнаго образованія свою монополію, стояли во главѣ промышлен-

---

[1]) Т. II, гл. XXII.
[2]) Т. II, стр. 270—271.
[3]) Для всего послѣдующаго см. выше, стр. 295.

ленныхъ и коммерческихъ предпріятій и даже владѣли цѣлой страной въ Новомъ Свѣтѣ (Парагваемъ и Урагваемъ), лишь номинально зависѣвшей отъ лиссабонскаго правительства. Между этимъ государствомъ въ государствѣ и министромъ-реформаторомъ Помбалемъ возникла борьба: министръ стремился къ поднятію государственной власти и освобожденію свѣтскаго общества отъ клерикальной опеки, а это было противно интересамъ іезуитовъ. Воспользовавшись впечатлѣніемъ, произведеннымъ на суевѣрный народъ страшнымъ лиссабонскимъ землетрясеніемъ 1755 г. [1]), іезуиты стали агитировать противъ Помбаля и даже возмущать народъ. Министръ отвѣтилъ на эти козни удаленіемъ отъ двора іезуитскихъ духовниковъ короля, королевы и принцевъ съ запрещеніемъ имъ возвращаться назадъ (1757), а португальскій посланникъ при куріи предъявилъ папѣ доказательства того, что члены ордена занимаются политическими интригами, контрабандой, ростовщичествомъ, торговлей рабами въ колоніяхъ. Папа Бенедиктъ XIV велѣлъ кардиналу Сальданья произвести ревизію и реформу ордена въ португальскихъ владѣніяхъ, и іезуитамъ было запрещено заниматься торговлею (1758). Іезуиты, однако, ловко обошли преемника названнаго папы (Климента XIII), который въ угоду имъ потребовалъ новаго слѣдствія по дѣлу, возбужденному Помбалемъ. Въ томъ же году на жизнь португальскаго короля было произведено покушеніе. Всѣ враги министра поплатились, будучи привлечены къ обвиненію въ заговорѣ противъ правительства. Начался настоящій терроръ—пытки, казни, конфискаціи, заключенія въ тюрьму, и между заподозрѣнными оказалось немало іезуитовъ. Принимались мѣры и противъ всего ордена. Пославъ Клименту XIII просьбу нарядить слѣдствіе надъ іезуитами и подвергнувъ жизнь и дѣятельность всѣхъ членовъ ордена въ Португаліи крайнимъ стѣсненіямъ, Помбаль готовился къ нанесенію удара. Во всѣхъ странахъ Европы, гдѣ только были іезуиты, стали писаться и издаваться памфлеты противъ португальскаго министра, а кардиналы и епископы обратились къ папѣ съ просьбою, чтобы онъ заступился за орденъ. Узнавъ, что отвѣтъ папы былъ составленъ не особенно уступчиво, Помбаль посовѣтовалъ Іосифу Эммануилу не принимать его, и затѣмъ издалъ указъ, по которому всѣ португальскіе іезуиты были схвачены, посажены на корабли и отправлены въ Чивитта-Веккію, гавань Рима, кромѣ тѣхъ, которые содержались подъ арестомъ, какъ заговорщики и ихъ пособники. Хотя Іосифъ Эммануилъ и былъ ревностный католикъ, Помбаль съумѣлъ застращать его іезуитскими кознями. Дѣло дошло до разрыва съ Римомъ, до прекращенія дипломатическихъ сношеній, до высылки изъ Папской области португальскихъ подданныхъ и изъ Португаліи—папскихъ, что, со-

---

[1]) См. выше, стр. 171.

провождалось и литературной полемикой съ обѣихъ сторонъ, такъ какъ Помбаль стремился оправдать свою крутую мѣру и передъ общественнымъ мнѣніемъ (1760). Въ 1761 г. была совершена въ Португаліи конфискація всѣхъ орденскихъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, и въ томъ же году Помбаль не остановился передъ сожженіемъ — по приговору инквизиціи — восьмидесятилѣтнаго патера Малагриды, замѣшаннаго въ заговорѣ и обвиненнаго въ ереси. Во время этой борьбы Помбаль дѣйствовалъ еще изданіемъ новыхъ законовъ противъ куріи и клира и терроромъ противъ враговъ своей политики. Буллою „Apostolicum pascendi munus" Климентъ XIII взялъ орденъ подъ свое покровительство (1765), но булла не была принята въ Португаліи, правительство которой уже тогда вступило съ Франціей, а потомъ и съ Испаніей, въ переговоры относительно полнаго уничтоженія ордена, чего рѣшено было добиться отъ папы: обѣ страны уже слѣдовали — каждая сама по себѣ — примѣру Португаліи. Между тѣмъ и среди самого португальскаго духовенства возникло движеніе въ пользу большей самостоятельности отъ Рима. Въ 1768 г., по иниціативѣ Помбаля, посланники бурбонскихъ дворовъ, поддержанные военными демонстраціями своихъ правительствъ, настойчиво потребовали у Климента XIII уничтоженія ордена.

Въ это время іезуиты были уже изгнаны и изъ другихъ странъ. Дѣло происходило такимъ образомъ. Французскій іезуитъ Лавалеттъ, ведшій обширную торговлю, занялъ въ одномъ марсельскомъ торговомъ домѣ громадную сумму денегъ, которую обязался уплатить колоніальными товарами, но когда его грузъ былъ во время войны захваченъ англичанами, орденъ, въ пользу коего Лавалеттъ велъ свои предпріятія, отказался уплатить долгъ и, расчитывая на свои связи при дворѣ, рѣшился сопротивляться приговору суда, состоявшемуся въ пользу истцовъ. При Людовикѣ XV былъ духовникомъ одинъ іезуитъ, Перюссо, возбудившій ненависть въ королевской метрессѣ г-жѣ Помпадуръ своимъ требованіемъ, чтобы она была удалена отъ двора, а она имѣла весьма сильное вліяніе на короля, и даже благодаря ей, въ то время первенствующій постъ во французскомъ правительствѣ занималъ герцогъ Шуазёль, сторонникъ „философовъ" эпохи и особенный поклонникъ Вольтера. Общественное мнѣніе во Франціи также было настроено враждебно къ іезуитамъ. Парламентъ, куда былъ перенесенъ искъ противъ Лавалетта, давно находился по своему янсенистскому духу [1]) во враждѣ съ орденомъ, и приговоръ, имъ постановленный въ пользу кредиторовъ Лавалетта, публикою былъ встрѣченъ съ восторгомъ. Мало того: парламентъ потребовалъ у іезуитовъ уставы ихъ ордена и

[1]) Т. II, стр. 284 и 558.

назначилъ коммиссію для ихъ разсмотрѣнія, по докладу которой объявилъ о несовмѣстимости ихъ съ государственными законами и призналъ поведеніе іезуитовъ безнравственнымъ. На помощь парламенту пришла пресса: съ ея стороны на іезуитовъ посыпались разныя обвиненія и обличенія. Даже лица, относившіяся невраждебно къ ордену, находили нужнымъ его реформировать. Наконецъ Людовикъ XV уступилъ общему желанію и перестаъ покровительствовать іезуитамъ. Сначала онъ потребовалъ отъ генерала ордена Риччи, чтобы онъ назначилъ для Франціи особаго намѣстника и согласился на нѣкоторыя измѣненія въ уставахъ, но Риччи отказалъ знаменитой фразой: „sint ut sunt, aut non sint“. Поддерживаемые своимъ начальствомъ, французскіе іезуиты не хотѣли подчиниться королевскимъ распоряженіямъ, собственно говоря, уничтожавшимъ ихъ организацію (1762), а потому были изгнаны, послѣ чего орденъ былъ объявленъ упраздненнымъ во Франціи (1764). Это было дѣломъ преимущественно Шуазёля. Риччи выхлопоталъ у папы упомянутую буллу „Apostolicum pascendi“, но этимъ только еще болѣе раздражилъ французское правительство.

И въ Испаніи въ 1765 г., когда появилась эта булла, въ полномъ разгарѣ была борьба министра-реформатора Аранды [1]) съ іезуитами, столь же могущественными и вліятельными, какъ въ Португаліи, такъ и тамъ, бунтовавшими народъ, какъ вездѣ, наконецъ, издававшими памфлеты противъ правительства, которое пошло по новой дорогѣ; и здѣсь друзья преобразованій отвѣчали своими обличеніями. Въ 1766 г. въ Мадридѣ вспыхнуло народное возстаніе, подготовленное и руководимое іезуитами, чѣмъ и воспользовался Аранда, чтобы покончить съ орденомъ: въ одну ночь (4 апрѣля 1767 г.) всѣ испанскіе іезуиты, число коихъ доходило до пяти тысячъ, были схвачены и на кораблязъ высланы въ Папскую область, и только тогда, когда этотъ ударъ былъ нанесенъ, былъ обнародованъ королевскій манифестъ объ уничтоженіи ордена. Совершенно такъ же и въ томъ же году поступилъ въ Неаполѣ Тануччи [2]). Производившіяся въ это время реформы въ Пармѣ, которую курія считала папскимъ леномъ, вызвали со стороны Климента XIII предостереженіе герцогу съ угрозою отлученія отъ церкви, но управлявшій герцогствомъ за малолѣтствомъ дона-Фернандо, бурбонскаго принца, французскій дворянинъ дю-Тилло, отвѣтилъ на угрозу уничтоженіемъ ордена іезуитовъ и въ Пармѣ—съ высылкою самихъ іезуитовъ изъ предѣловъ герцогства и конфискаціей ихъ имуществъ (1768). Тогда же дядя дона-Фернандо, Карлъ III Испанскій, заступился за своего племянника, склонивъ бурбонскіе Францію и Неаполь къ

---

[1]) См. выше, стр. 297.

[2]) См. выше, стр. 298.

совмѣстному давленію на курію какъ въ этомъ дѣлѣ, такъ и въ вопросѣ объ уничтоженіи іезуитовъ.

Помбаль, которому принадлежала инициатива всей борьбы съ орденомъ, особенно настаивалъ на необходимости добиться уничтоженія Общества Іисуса, опасаясь возможности его возстановленія въ Португаліи, но Шуазель совѣтовалъ отложить это до вступленія на престолъ новаго папы. Между тѣмъ испанское правительство устроило соглашеніе бурбонскихъ дворовъ для дѣйствія на папу въ указанномъ смыслѣ. Климентъ XIII вскорѣ послѣ этого умеръ (1769), и въ Римѣ посланники бурбонскихъ державъ,—къ коимъ присоединился и португальскій, возвратившійся на свой постъ послѣ смерти Климента XIII,—стали дѣйствовать въ пользу избранія на папскій престолъ прелата, который удовлетворилъ бы ихъ требованіямъ. Выборъ палъ на францисканца Лоренцо Ганганелли, принявшаго имя Климента XIV. Новый первосвященникъ пошелъ на уступки, примирилъ папство съ Португаліей (1770), предпринялъ изслѣдованіе ученія и дѣятельности іезуитовъ и, рѣшивъ наконецъ, что орденъ долженъ быть уничтоженъ, своимъ бреве „Dominus ac Redemptor" (1773) объявилъ о томъ всему католическому міру. Въ слѣдующемъ 1774 г. Климентъ XIV скончался, и въ смерти его винили іезуитовъ, будто бы его отравившихъ. Только Фридрихъ II и Екатерина II дозволили іезуитамъ существовать въ своихъ владѣніяхъ, въ католической Силезіи и въ окатоличенной Бѣлоруссіи, только-что пріобрѣтенной Россіей отъ Польши. Орденъ просуществовалъ 233 года (1540—1773) и былъ снова возстановленъ послѣ сорокалѣтняго перерыва—въ эпоху реакціи, наступившей за паденіемъ имперіи Наполеона I.

Уничтоженіе іезуитовъ папою было *результатомъ похода на нихъ, получившаго международный характеръ.* Правительства Португаліи, Франціи, Испаніи и Неаполя дѣйствовали солидарно, ибо Помбаль, Шуазель, Аранда и Тануччи, какъ руководящіе министры, одинаковыми глазами смотрѣли на орденъ. Совокупному давленію этихъ державъ на папу много помогало то обстоятельство, что три королевскихъ трона занято было Бурбонами, между коими Шуазель въ 1761 г. устроилъ тѣсный фамильный союзъ (pacte de famille), между прочимъ заступившійся за бурбонское герцогство Парму, когда оно подверглось нападенію со стороны папы [1]). Коалиція католическихъ королей, носившихъ почетные титулы Fidelissimus (португальскій), Catholicus (испанскій) и Christianissimus (французскій), противъ главы церкви, бывшаго въ то же время и свѣтскимъ государемъ, была однимъ изъ наибо-

---

[1]) У Онкена глава объ уничтоженіи ордена такъ и называется „Die Verschwörung der Bourbonen gegen die Jesuiten" etc.

лѣе любопытныхъ эпизодовъ международной политики XVIII в. Когда Климентъ XIII сталъ грозить герцогу Пармскому отлученіемъ отъ церкви, Франція и Неаполь заняли папскія владѣнія, одна—Авиньонъ и Венессенъ, другой—Беневентъ и Понте-Корво, заявивъ, что лишь по исполненіи требованій, предъявленныхъ папѣ, будутъ очищены эти земли. Только по упраздненіи ордена папство получило обратно оккупированныя владѣнія. Этотъ фактъ нужно разсматривать въ тѣсной связи съ общей исторіей отношеній католическихъ монарховъ къ церкви. Въ своей борьбѣ съ остатками старины „просвѣщенный абсолютизмъ“ самаго опаснаго своего врага долженъ былъ видѣть въ куріи и клирѣ, вдобавокъ весьма богатомъ, когда государственная казна была пуста. Столкновеніе съ папствомъ по поводу іезуитовъ было лишь эпизодомъ въ той войнѣ, которую католическія государства XVIII в. объявили церкви во имя тѣхъ же принциповъ, какіе защищались свѣтскою властью въ реформаціонную эпоху. Передъ нѣкоторыми дѣятелями разсматриваемаго времени носились идеалы галликанизма, т.-е. тѣхъ сравнительно наиболѣе благопріятныхъ для государства условій, въ какихъ находилась католическая церковь во Франціи [1]), а иные шли и далѣе, мечтая и о большей независимости. Между Португаліей и папствомъ произошелъ формальный политическій разрывъ, продолжавшійся цѣлыя десять лѣтъ (1760—1770), и въ Португаліи начали уже подумывать объ отдѣленіи отъ Рима: былъ даже подвергнутъ изслѣдованію вопросъ о главенствѣ папы и высказывалась мысль о томъ, что мѣстный епископатъ можетъ быть вполнѣ самостоятеленъ. При Іосифѣ II существовало опасеніе, какъ бы Австрія не вступила на такую же дорогу. Братъ Іосифа II, Леопольдъ, великій герцогъ тосканскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ императору, говоря объ упрямствѣ папы, припоминалъ древнія времена, когда папа былъ только первый между равными. Такія же натянутыя отношенія, какія существовали между католическими монархами и папствомъ въ XVIII в., повели въ XVI вѣкѣ къ образованію чисто государственныхъ церквей, но тогда дѣйствовалъ могучій культурный факторъ, коего не было въ XVIII в. и безъ коего въ XVI столѣтіи не могло произойти отторженія отъ Рима: факторъ этотъ—народно-религіозное движеніе, выразившееся въ протестантизмѣ и сектантствѣ. *Антицерковное направленіе въ XVIII в. сильно было лишь въ правительствахъ, руководившихся государственными интересами*, тогда какъ въ народныхъ массахъ не совершалось никакого новаго религіознаго броженія.

Въ первый періодъ эпохи „просвѣщеннаго абсолютизма“ въ области церковныхъ (католическихъ) отношеній, особенно обра-

[1]) Т. I, стр. 310—312, т. II, стр. 191—192 и 557—558 и выше, стр. 84.

щаетъ на себя вниманіе преобразовательная дѣятельность южно-романскихъ правительствъ. Въ Португаліи, Испаніи и Италіи власть церкви была особенно сильна и, слѣдовательно, государству предстояла и наиболѣе упорная борьба. Возведеніе на престолы Испаніи, Неаполя и Пармы бурбонскихъ принцевъ имѣло результатомъ перенесеніе на почву этихъ странъ французской церковной политики, никогда не бывшей благопріятною политической мощи куріи и клира. Борьба съ іезуитами только обострила отношенія. Южно-романскія правительства создали немало прецедентовъ и для той преобразовательной дѣятельности въ области церковныхъ отношеній, которая закипѣла въ Австріи при Іосифѣ II, т.-е. уже къ концу разсматриваемой эпохи. Безъ всякаго вліянія со стороны „философіи" государство XVIII в. дѣлало здѣсь свое дѣло, какъ дѣлало его и раньше и помимо напр., религіозныхъ идей, породившихъ реформацію XVI в., но если тогда тѣмъ не менѣе нѣкоторыя правительства въ своей политикѣ пошли подъ знаменемъ этихъ идей, то и теперь такимъ знаменемъ сдѣлалась „философія"—особенно для Іосифа II. Мы и разсмотримъ сначала церковныя реформы въ южно-романскихъ странахъ, потомъ коснемся принципіальной постановки вопроса въ литературѣ и, наконецъ, укажемъ на реформы Іосифа II.

Когда въ 1734 г. Карлъ III воцарился въ Неаполѣ и привезъ съ собою Тануччи [1]), страна была въ полной власти духовенства: здѣсь было на четыре милліона жителей около 115 т. духовенства, по 28 на каждую тысячу населенія, т. е.: около 3 %, и въ самой столицѣ насчитывалось духовныхъ $16^1/_2$ т.: однихъ архіепископовъ (22) и епископовъ (116) было въ этой небольшой странѣ 138, а монашествующихъ мужчинъ (31,800) и женщинъ (25,600) болѣе 57 тысячъ, такъ что ихъ число превышало число бѣлаго духовенства, не доходившаго до послѣдней цифры ($56^1/_2$ т.); въ рукахъ этого сословія находилось по приблизительному исчисленію около двухъ третей всей поземельной собственности, за исключеніемъ королевскихъ доменовъ; духовныя лица не подлежали свѣтскому суду, ихъ жилища, наравнѣ съ церквами и часовнями, пользовались правомъ убѣжища отъ полицейскаго и судебнаго преслѣдованія, ихъ земли не несли на себѣ государственныхъ налоговъ,—однимъ словомъ, *въ Неаполѣ въ началѣ XVIII в. были вполнѣ осуществлены притязанія средневѣкового католицизма* [2]). Вотъ въ какой средѣ пришлось дѣйствовать Тануччи, „легисту", проникнутому идеей государственной власти, правъ государства. Онъ поручилъ одному аббату (Дженовези) подробно

[1]) Ср. выше, стр. 298. Coletta. Storia del reame del Napoli.
[2]) Т. I, гл. XXII.

изобразить невозможность такого положенія дѣлъ, и министръ тотчасъ же нашелъ сочувствіе среди горожанъ столицы. Въ смыслѣ необходимости реформы тогдашнему папѣ (Клименту XII) сдѣланы были представленія отъ имени короля, но курія начала по этому поводу длиннѣйшіе переговоры, окончившіеся лишь при новомъ папѣ, Бенедиктѣ XIV, вступившемъ на св. престолъ въ 1740 г. Съ нимъ Неаполь заключилъ конкордатъ, по которому курія согласилась отмѣнить изъятіе церковныхъ имуществъ изъ обязанности платить налоги, затруднить пріобрѣтеніе церковью новыхъ земель и поступленіе въ духовное званіе, ограничить епископскую юрисдикцію и сохранить право убѣжища за однѣми только церквами, да и то по отношенію лишь къ лицамъ, не совершившимъ тяжкихъ преступленій. Опираясь на этотъ конкордатъ, неаполитанское правительство пошло и дальше, принявъ со второй половины сороковыхъ годовъ рядъ новыхъ мѣръ. У папскихъ буллъ, не утвержденныхъ королемъ, было отнято всякое юридическое значеніе. Были объявлены не имѣющими силы церковныя наказанія, налагавшіяся епископами на людей, которые исполняли лишь королевскую волю или законы государства. Клиръ былъ подчиненъ свѣтскимъ судамъ. Было постановлено, чтобы не приходилось болѣе десяти духовныхъ на одну тысячу душъ населенія. Былъ предпринятъ общій кадастръ для опредѣленія того, что принадлежитъ церкви и что частнымъ лицамъ, и для правильнаго обложенія церковныхъ имуществъ. Кромѣ того, было закрыто въ Неаполѣ инквизиціонное судилище. При Фердинандѣ IV, вступившемъ на престолъ въ 1759 г., Тануччи пошелъ еще дальше, уничтоживъ немалое количество монастырей, имѣнія коихъ были отобраны въ казну, запретивъ дѣлать завѣщанія въ пользу всякихъ духовныхъ учрежденій, расширивъ права свѣтскихъ судовъ, отдавъ на ихъ рѣшеніе брачныя дѣла,—въ коихъ было примѣнено понятіе гражданскаго договора,—подчинивъ постановленія духовной цензуры контролю свѣтской власти, нанесши, наконецъ, ударъ ордену іезуитовъ.

Въ Испаніи еще до перехода (1759) на ея престолъ Карла III, при которомъ въ Неаполѣ началось ограниченіе правъ куріи и клира, именно еще въ послѣдніе годы Фердинанда VI начата была подобная же работа. Въ 1753 г. Испанія заключила съ Бенедиктомъ XIV конкордатъ, уступавшій коронѣ право замѣщенія большей части церковныхъ должностей и сократившій папскіе доходы съ Испаніи. Карлъ III перенесъ и въ новое свое королевство систему, уже примѣнявшуюся при немъ въ Неаполѣ, и, какъ извѣстно, нашелъ помощниковъ, изъ коихъ самыми выдающимися были Аранда и Кампоманесъ [1]).

[1]) См. выше, стр. 297.

Послѣдній спеціально занимался, какъ и Тануччи, вопросомъ объ отношеніи между церковью и государствомъ и доказывалъ экономическую несостоятельность церковнаго землевладѣнія. На испанскомъ престолѣ Карлъ III чувствовалъ себя даже сильнѣе, чѣмъ въ Неаполѣ, считавшемся папскимъ леномъ и сосѣдившимъ съ церковною областью. Папскія буллы и бреве и здѣсь не могли болѣе обнародываться безъ разрѣшенія короля. Власть иноземныхъ генераловъ надъ испанскими монастырями была ограничена. Инквизиція была превращена въ полицейское учрежденіе, и монастыри были подчинены полицейскому надзору. Приняты были мѣры къ тому, чтобы ограничить церковное землевладѣніе, которое, кромѣ того, было обложено податями. У монаховъ было отнято почти исключительное право заниматься воспитаніемъ юношества. Наконецъ, и въ Испаніи, какъ мы видѣли, былъ отмѣненъ орденъ іезуитовъ.—По стопамъ большихъ бурбонскихъ державъ шла и маленькая Парма, гдѣ правительство такъ называемой „прагматической санкціей“ сильно ограничило папскія права. Распоряженія папы нуждались въ герцогскомъ одобреніи. Запрещалось переносить судъ по духовнымъ дѣламъ въ Римъ. Положенъ былъ предѣлъ увеличенію церковнаго землевладѣнія. Имущества духовенства должны были участвовать въ платежѣ налоговъ. Мы уже видѣли, что за все папа пригрозилъ Пармѣ отлученіемъ, но за нее заступились бурбонскія державы.

Еще болѣе рѣзкимъ характеромъ отличалась политика Помбаля, подавшаго примѣръ изгнанія іезуитовъ и доведшаго Португалію до дипломатическаго разрыва съ Римомъ. Уже въ 1751 г. онъ отнялъ у „священнаго судилища“ (инквизиціи) его права и отмѣнилъ auto da fe, а затѣмъ подчинилъ приговоры духовныхъ судовъ свѣтскимъ. Буллы и бреве, опубликованныя безъ королевскаго разрѣшенія, были объявлены незаконными, и особенно іезуитская булла „La cœna Domini“. Духовенству было запрещено отлучать отъ церкви государственныхъ чиновниковъ. Клерикальная печать была подчинена королевской цензурѣ, и пастырское посланіе одного епископа было предано публичному сожженію; самого епископа отрѣшили отъ должности и посадили въ тюрьму. Изданы были распоряженія, долженствовавшія остановить ростъ церковнаго землевладѣнія: поступая въ монастырь, нужно было отказаться отъ правъ на наслѣдство; лишь извѣстную часть имущества разрѣшалось завѣщать церкви на поминъ души. Было уничтожено немалое число монастырей, и безъ разрѣшенія короля запрещено было постригаться въ монахи моложе двадцати лѣтъ. Что особенно отличаетъ дѣятельность Помбаля, такъ это его заботы о народномъ образованіи, которое онъ задумалъ исторгнуть изъ рукъ клира. Это былъ громадный трудъ, завершенный въ 1772 г. реформою коимбрскаго университета.

Сравнивая дѣятельность министровъ-реформаторовъ по церковному

вопросу въ Неаполѣ, Испаніи, Пармѣ, Португаліи, мы находимъ, что вездѣ она имѣла однородный характеръ, и мѣры, принимавшіяся въ одномъ государствѣ, были часто какъ бы скопированы съ того, что дѣлалось въ другомъ. Всѣ ихъ стремленія сводились къ тому, чтобы освободить свѣтскую власть отъ теократической опеки и подчинить клиръ государству, но при этомъ очень мало обращалось вниманія на культурные интересы общества. Благочестіе такихъ государей, какъ Іосифъ Эммануилъ, не мѣшало имъ санкціонировать дѣйствія ихъ министровъ, направленныя противъ католической церкви. Въ этомъ отношеніи и набожная Марія-Терезія не отставала отъ движенія вѣка, когда сталкивались права короны съ клерикальными притязаніями, хотя никакъ не хотѣла допустить вѣротерпимости. Поэтому въ сферѣ церковно-политическихъ отношеній Марія-Терезія, весьма часто, впрочемъ, дѣйствовавшая подъ вліяніемъ „партіи просвѣщенія", была предшественницей своего сына-реформатора. И другой ея сынъ, Леопольдъ Тосканскій ограничивалъ права куріи и клира въ своемъ владѣніи: его реформы, которыя во многомъ совпадаютъ съ тѣмъ, что дѣлалось въ названныхъ выше католическихъ государствахъ, прямо вытекали изъ того убѣжденія, что государство должно господствовать надъ церковью.

Господство государства надъ церковью проповѣдовалось многими писателями XVIII в. Вольтеръ, напр., находилъ, что нація достигаетъ силы и могущества, когда „государство приказываетъ религіи". Рэйналь не хотѣлъ признавать иныхъ соборовъ, кромѣ совѣщаній министровъ. Руссо проповѣдовалъ необходимость „гражданской религіи", установляемой государствомъ [1]. Сами ученые канонисты эпохи разрѣшали спорные вопросы церковно-политическихъ отношеній въ пользу преобладанія свѣтской власти. Таковы были Тануччи и Кампоманесъ, таковъ былъ Іог.-Ник. фонъ Гонтгеймъ, викарій трирскій, издавшій въ 1765 г. подъ псевдонимомъ Юстина Февронія книгу „О современномъ состояніи церкви и о законной власти римскаго первосвященника",— книгу, которая, благодаря изложенію въ ней каноническаго права, какимъ оно было до тридентскаго собора, сдѣлалась весьма популярной и нѣсколько разъ переиздавалась даже въ Италіи, Испаніи и Португаліи. На нее между прочимъ, ссылался Кампоманесъ, составляя опроверженіе папскаго бреве противъ герцога пармскаго. Впослѣдствіи на нее же опирался и Іосифъ II, производя свои церковныя реформы. Февроній былъ притомъ не одинъ: другіе канонисты защищали его теорію или писали въ томъ же духѣ („Доводы за и противъ привилегій духовенства" Верекунда фонъ-Лохштейна, подъ именемъ коего скрывался нѣкій Петръ фонъ-Остер-

[1]) Ср. выше, стр. 208—209.

вальдъ). Іезуиты,—коими стали тяготиться въ это время и нѣкоторые нѣмецкіе католическіе князья, стремившіеся къ усиленію своей власти на счетъ правъ церкви,—вели интригу противъ книги Февронія и, напр., добивались у Маріи-Терезіи, чтобы она запретила ненавистное сочиненіе, но фанъ-Свитенъ убѣждалъ ее, что въ качествѣ государыни она должна, наоборотъ, защищать книгу Февронія. Оппозиція противъ папства проникла даже въ духовныя княжества Германіи. Архіепископъ кельнскій (младшій братъ Іосифа II и Леопольда) раздѣлялъ воззрѣнія своихъ братьевъ. Въ 1785 г. духовные курфюрсты объявляютъ папѣ, что они не намѣрены поступаться своими правами и желаютъ, чтобы папскія буллы поступали на ихъ утвержденіе, грозя въ противномъ случаѣ созывомъ національнаго собора.

Особенно интересны церковныя реформы Іосифа II. Опираясь на примѣры предшественниковъ своихъ въ другихъ странахъ, на новое каноническое право (февроніанизмъ), на государственную идею эпохи, онъ выступилъ въ концѣ періода „просвѣщеннаго абсолютизма" въ качествѣ самаго радикальнаго реформатора изъ монарховъ, сдѣлавшись самъ *непосредственнымъ предшественникомъ церковной политики перваго французскаго національнаго собранія во время революціи, издавшаго знаменитую constitution civile du clergé*. Это „гражданское уложеніе о духовенствѣ" и церковныя реформы Іосифа II какъ бы выросли на одной почвѣ, подъ одними и тѣми же вліяніями и были потому проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ. И здѣсь, и тамъ церковное законодательство исходило изъ идеи о неограниченномъ правѣ государства устраивать собственною властью церковные порядки, поскольку послѣдніе не затрогивали существа вѣры, и въ обоихъ же случаяхъ государственная власть переступила эту границу и тѣмъ самымъ нарушала принципъ религіозной свободы (не признанный, правда, законодательствомъ Іосифа II, но провозглашенный французской революціей).

Церковныя реформы Іосифа II мы можемъ раздѣлить на три категоріи. Первая заключаетъ въ себѣ тѣ мѣры, коими императоръ стремился *установить нѣкоторую независимость Австріи по отношенію къ Риму*. Законами второй категоріи онъ хотѣлъ *ослабить силу духовенства въ самой Австріи и подчинить его государству*. Наконецъ третья категорія—та, гдѣ Іосифъ II *допустилъ съ своей стороны прямое вмѣшательство во внутренніе распорядки самой церкви*. Каждую изъ этихъ категорій мы и разсмотримъ теперь въ отдѣльности.—Въ мѣрахъ Іосифа II, касавшихся взаимныхъ отношеній между Австріей и куріей, не было по существу дѣла ничего такого, чего не дѣлали бы представители государственной власти въ другихъ странахъ въ видахъ ограниченія папскихъ правъ. И Іосифъ II не до-

пускалъ публикованія папскихъ буллъ безъ правительственнаго одобренія, такъ какъ онѣ часто имѣли политическій характеръ; между прочимъ съ этой точки зрѣнія было пересмотрѣно прежнее папское законодательство, и нѣкоторыя буллы были признаны не имѣющими силы въ Австріи. Нельзя было также принимать папскія награды безъ разрѣшенія правительства, ибо въ противномъ случаѣ награжденными духовными лицами могли бы оказаться такія, которыя противодѣйствовали свѣтской власти. Была измѣнена епископская присяга въ томъ смыслѣ, что въ новой ея формулѣ заняло надлежащее мѣсто обѣщаніе быть вѣрнымъ императору: прежняя формула выдвигала на первый планъ вѣрность папѣ. Для установленія большей независимости австрійскаго клира по отношенію къ куріи расширялась диспенсаціонная власть епископовъ, и монашескіе ордена освобождались отъ исключительной власти генераловъ, жившихъ въ Римѣ. Наконецъ, молодымъ людямъ, ѣздившимъ учиться въ римскій Collegium Germanicum для приготовленія къ духовному званію, было запрещено на будущее время туда отправляться, и для нихъ была даже основана особая школа въ Павіи.

Вторая категорія мѣръ Іосифа II имѣла болѣе радикальный характеръ. Смотря на духовенство, какъ на сословіе, долженствующее проповѣдовать евангеліе, отправлять богослуженіе, совершать таинства и наблюдать за церковною жизнью, но вовсе не къ тому предназначенное, чтобы пользоваться исключительными правами и господствовать надъ обществомъ,—Іосифъ II, съ одной стороны, не хотѣлъ, чтобы въ его государствѣ были люди, не приносящіе никакой пользы и даже вредные, какими ему представлялись монахи, а съ другой—желалъ, чтобы духовенство находилось въ такомъ же подчиненіи у свѣтской власти, какъ и всѣ другіе подданные. „Мнѣ, писалъ Іосифъ II къ арх. зальцбургскому, предстоитъ сдѣлать трудное дѣло—сократить армію монаховъ, превратить въ людей этихъ факировъ, передъ бритыми головами коихъ простонародье становится на колѣна и которые господствуютъ надъ умами гражданъ съ такою силою, какъ никто никогда не вліялъ на душу человѣка". Сами католическіе писатели, неблагосклонно судящіе Іосифа II, соглашаются, что монастырей въ Австріи, дѣйствительно, было слишкомъ много и что они приносили очень мало пользы. Сама Марія-Терезія начала уже сокращать ихъ число. Но у Іосифа II былъ еще тотъ взглядъ, что, подчиняясь иноземнымъ генераламъ, монастыри опасны даже въ политическомъ отношеніи, почему онъ и изъялъ ихъ изъ-подъ иноземной власти; кромѣ того, онъ видѣлъ въ монахахъ классъ людей, ничего не производящій, но много потребляющій. Изъ цѣлаго ряда мѣръ, коими онъ началъ ограничивать монашество, отмѣтимъ лишь наиболѣе крупныя. Въ началѣ 1782 г. императоръ издалъ указъ,

коимъ уничтожались въ его владѣніяхъ всѣ монашескіе ордена созерцательной жизни, т.-е. которые не содержали школъ или больницъ, не проповѣдовали и не были духовниками, не предавались и научнымъ занятіямъ и т. д.; все ихъ имущество поступало въ казну. Всѣхъ монастырей было, такимъ образомъ, уничтожено 788 и распущено—для поступленія въ другіе монастыри или для перехода въ бѣлое духовенство, а не то такъ и для того, чтобы вступить въ частную жизнь или уѣхать за границу—36 т. человѣкъ; но за всѣмъ тѣмъ оставалось еще 1324 монастыря съ 27 т. монаховъ и монахинь, подчиненныхъ теперь весьма строгому надзору. Кромѣ того, было распущено 642 религіозныя братства и отобранное у нихъ имущество пошло на дѣла благотворительности и на школы. Эти мѣры вызвали страстную борьбу въ печати: одни стояли на сторонѣ императора и прославляли его, какъ, напр., авторъ сатирической »Монахологіи“, или капуцинскій монахъ Игн. Фесслеръ подвергшійся клерикальнымъ преслѣдованіямъ, онъ уѣхалъ въ Силезію, гдѣ принялъ протестантизмъ, а оттуда въ Россію [1]); съ другой стороны, раздавались голоса, обвинявшіе Іосифа II въ нечестіи, въ нарушеніи права собственности, въ алчности. Упрекъ въ алчности императоръ получилъ незаслуженнымъ образомъ, ибо многіе весьма ботатые монастыри были нетронуты, а затѣмъ бо̀льшая часть средствъ, добытыхъ изъ секуляризаціи, пошла на нужды самой церкви и школы. Если и случалось, что монастырскія зданія превращались иногда въ казармы и въ фабрики, то все-таки главнымъ ихъ назначеніемъ было сдѣлаться воспитательными домами, благотворительными учрежденіями, училищами, а доходы уничтоженныхъ монастырей и братствъ шли въ такъ называемый государственный «религіозный и школьный фондъ“, расходовавшій деньги на устройство новыхъ приходовъ, на дѣла благотворенія, на народное образованіе. Конечно, въ такомъ дѣлѣ, какъ уничтоженіе 738 монастырей и секуляризація ихъ собственности, было сдѣлано немало ошибокъ, да и исполнители понагрѣли себѣ руки около церковныхъ богатствъ, что дало немалую пищу католическимъ историкамъ „іозефинизма“. Не всегда, далѣе, съ должнымъ выборомъ уничтожали и оставляли монастыри; цѣнныя библіотеки продавались за безцѣнокъ; старыя рукописи и печатныя изданія XV в., какъ никуда яко-бы негодный хламъ, шли въ макулатуру; драгоцѣнныя вещи пропадали или оказывались во владѣніи чиновниковъ, производившихъ отобраніе монастырскихъ имуществъ, и т. п.; но подобныя же некрасивыя вещи совершались и въ эпоху реформаціонной секуляризаціи XVI в.—Сила духовенства была еще ослаблена и тѣмъ, что Іосифъ II отнялъ у духовенства книжную цензуру и школу. Запрещалось печатать только то,

---

[1]) Ign. Fessler. Rückblick auf meine siebzigjährige Pilgerschaft.

что противно христіанству и добрымъ нравамъ, а также пасквили, но критика правительственныхъ мѣръ разрѣшалась, и этимъ какъ разъ воспользовалась клерикальная оппозиція, чтобы нападать на Іосифа II. Въ Австріи даже университеты были учрежденія чисто церковныя, но монархъ-реформаторъ придалъ системѣ образованія свѣтскій характеръ, хотя и подчинилъ школьное дѣло самой мелочной бюрократической регламентаціи. Учебная система Іосифа II продержалась въ Австріи до середины XIX в. Реформа коснулась и спеціально духовныхъ школъ, готовившихъ церковныхъ пастырей. Эти училища должны были воспитывать будущихъ клириковъ въ духѣ іозефинскихъ идей. Для императора они должны были быть прежде всего наставниками народа и хорошими гражданами: первая цѣль достигалась новыми учебниками, составленными на основахъ того раціоналистическаго католицизма XVIII в., который сводилъ религію на моральную философію, а вторая цѣль—обученіемъ новому церковному праву, въ коемъ выдвигались на первый планъ права государства и внушалось слѣпое повиновеніе свѣтской власти. Воспитанный въ новыхъ принципахъ священникъ долженъ былъ сдѣлаться своего рода духовнымъ чиновникомъ, и судьями въ церковныхъ дѣлахъ должны были быть свѣтскіе чиновники. Въ австрійскомъ епископатѣ нашлись люди іозефинскаго образа мыслей или просто угождавшіе правительству, но большинство вступило въ борьбу. Эта оппозиція дѣйствовала и на школьную молодежь. Противъ новой системы духовнаго образованія протестовали въ Бельгіи епископы, а когда въ Лувенѣ появились новые профессора съ новыми руководствами, тамошніе студенты теологіи подняли цѣлый бунтъ.

Всѣ эти реформы касались, главнымъ образомъ, духовенства, и народная масса относилась къ нимъ спокойно, пока нѣкоторыми необдуманными мѣрами Іосифъ II не затронулъ ея религіознаго чувства, вмѣшавшись въ обрядовую сторону вѣры. Государственная власть считала для себя все позволительнымъ и возможнымъ, но при этомъ не принималось въ соображеніе, что вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла самой религіи нарушались права вѣрующей совѣсти, которыя брала подъ свою защиту идея терпимости. Іосифъ II признавалъ своимъ правомъ безъ соглашенія съ церковными властями измѣнять границы епархій и приходовъ, учреждать новые, основывать капитулы и производить преобразованія въ культѣ. Ему хотѣлось упростить богослуженіе, а потому онъ уничтожилъ нѣкоторые праздники, запретилъ разныя процессіи, велѣлъ удалять изъ церквей лишнія иконы, статуи и украшенія (чѣмъ, напр., вызвалъ сопротивленіе крестьянъ въ Тиролѣ), сталъ вводить новый служебникъ съ гимнами, въ коихъ усматривали протестантскій характеръ, измѣнилъ—было обрядъ погребенія, прика-

завъ хоронить въ холщевыхъ мѣшкахъ въ общихъ ямахъ, заливаемыхъ известью, такъ какъ на гробы выходило много дерева, а подъ кладбищами пропадало много земли и т. п., но народъ былъ всѣмъ этимъ очень недоволенъ. У Іосифа II, исходившаго изъ одной идеи правъ государства, не было настоящаго уваженія къ чужой совѣсти, хотя въ принципѣ онъ и высказывался въ смыслѣ религіозной свободы. Самый эдиктъ о вѣротерпимости не признавалъ за православными и протестантами права имѣть церкви съ колокольнями, звономъ и входными дверями съ улицы; затѣмъ, кромѣ названныхъ исповѣданій, другія не допускались. Въ Чехіи, напр., была секта абраамитовъ, и вотъ Іосифъ II приказалъ каждаго, кто заявилъ бы свою къ ней принадлежность, наказывать двадцатью-четырьмя палочными ударами „не потому, что онъ деистъ (такъ именовались сектанты), а потому, что онъ претендуетъ быть чѣмъ-то такимъ, чего и самъ не понимаетъ" (weil er vorgiebt etwas zu seyn, von dem er nicht weiss, was es ist). Абраамитская община воспротивилась слиться съ однимъ изъ главныхъ исповѣданій, и была раскассирована Съ тѣмъ же малымъ уваженіемъ относился Іосифъ II и къ протесту католической совѣсти. Однажды католики не хотѣли допустить похоронъ крестьянина-гусита на своемъ кладбищѣ, но Іосифъ II увидѣлъ въ этомъ нетерпимость и велѣлъ, выкопавъ мертвеца изъ могилы, похоронить его непремѣнно на католическомъ кладбищѣ, для чего было послано изъ пражскаго гарнизона 600 пѣхотинцевъ и 30 кавалеристовъ, дабы не было сопротивленія. Такими распоряженіями Іосифъ II возбуждалъ противъ своихъ мѣръ и народную массу. Если Фридрихъ II въ своемъ государствѣ позволялъ каждому спасаться nach seiner Façon, то Іосифъ II все еще былъ проникнутъ принципомъ „cujus regio, ejus religio". Преемнику его, Леопольду II, разнаго рода уступками пришлось поправлять дѣло, испорченное ошибками монарха, который не съумѣлъ сочетать въ дѣлахъ религіи правъ государственной власти съ правами вѣрующей совѣсти. Не умѣли этого сдѣлать, какъ мы еще увидимъ, и дѣятели французской революціи, которая въ началѣ объявила религіозную свободу, а кончила религіозными преслѣдованіями. Но, разсматривая эти отношенія, не нужно забывать, что католическая церковь представляла изъ себя политическую силу, борьба съ которою часто увлекала государственную власть гораздо далѣе той границы, переступивъ которую приходилось уже нарушать принципъ свободы совѣсти, съ такимъ трудомъ пролагавшій путь къ своему признанію.

XXVIII. Реформы въ области сословныхъ отношенiй и крестьянскаго быта [1]).

«Просвѣщенный абсолютизмъ» и соцiальный феодализмъ.—Борьба съ аристократическими привилегiями въ разныхъ государствахъ.—Iосифъ II и дворянство.—Физiократы и ихъ влiянiе на государственныхъ людей.—Неблагопрiятныя условiя крестьянской реформы.—Разный ея характеръ въ разныхъ странахъ.—Отзывъ Мирабо объ отношенiи Фридриха II къ крестьянству.—Прусское законодательство XVIII в. въ крестьянскомъ вопросѣ.—Крестьянскiй вопросъ въ нѣмецкихъ княжествахъ.—Крестьянскiя реформы Марiи-Терезiи и Iосифа II.—Савойская реформа.—Заключенiе.

Церковныя реформы „просвѣщеннаго абсолютизма" были предпринимаемы во имя государственной идеи противъ одной изъ основъ средневѣкового быта, которая пережила въ католическихъ странахъ эпоху реформацiи, положившей конецъ средневѣковымъ отношенiямъ между церковью и государствомъ въ странахъ протестантскихъ. Другою основою средневѣкового быта былъ феодализмъ, соцiальная сторона коего сохранилась въ сословномъ строѣ и въ юридической зависимости сельскаго населенiя отъ крупныхъ землевладѣльцевъ, духовныхъ и свѣтскихъ. Мы уже знаемъ [2]), что соцiальный феодализмъ пережилъ феодализмъ политическiй, ибо королевская власть разрушала старыя права аристократiи тамъ, гдѣ эти права ее стѣсняли, гдѣ ей приходилось дѣлиться своими собственными правами; но, ревниво оберегая послѣднiя и даже ихъ расширяя, короли оставляли неприкосновенными аристократическiя привилегiи, тяготѣвшiя надъ народною массою: такая политика только и сдѣлала возможными порядки, господствовавшiе въ XVIII в. Однако, въ томъ же XVIII в. *началось разрушенiе соцiальнаго феодализма сверху, прежде нежели совершилось его паденiе подъ напоромъ народнаго движенiя.* Общее направленiе внутренней политики XVIII в. было враждебно главнымъ остаткамъ соцiальнаго феодализма. Государство было вынуждено вмѣшаться въ эту область, которая долго не подлежала сколько-нибудь энергичному, постоянному и систематическому воздѣйствiю со стороны правительства. Государство видѣло въ народной массѣ податную силу, которую нужно было оберегать отъ излишнихъ поборовъ со стороны господъ, а тутъ еще

---

[1]) См. соч. Sugenheim'a, L. Stein'a, Knapp'a, проф. Лучицкаго и др., указанныя на стр. 95. Указанiя на болѣе спецiальную литературу можно найти въ названныхъ сочиненiяхъ.

[2]) См. выше, гл. II.

за послѣдними сохранялись многія такія права, которыя были своего рода узурпацiей правъ государства въ области суда и полиціи. Къ этому присоединилось еще дѣйствіе новыхъ идей: ученіе естественнаго права въ концѣ концовъ дѣлалось проповѣдью гражданской свободы, гражданскаго равенства, коимъ противорѣчило крѣпостничество, а идея государства, какъ учрежденія, существующаго для общаго блага, приводила къ мысли объ уравненіи правъ населенія и въ другихъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ *реальныя потребности государства и общественная философія эпохи одинаково участвовали въ исторіи законодательства, имѣвшаго своимъ предметомъ реформу соціальныхъ отношеній.* Въ общемъ, однако, и въ этой области, какъ и въ реформахъ административно-финансовыхъ [1]), и въ мѣропріятіяхъ, касавшихся церковныхъ отношеній [2]), на первый планъ выдвигается интересъ государства, какъ такового. По отношенію къ свободѣ личности отъ феодальныхъ правъ и въ частности отъ крѣпостничества и теорія, и практика эпохи оказались довольно робкими и нерѣшительными. Выше было показано, что всемогущее государство не было твердо увѣрено въ своемъ правѣ осуществить силою своей власти требованіе естественной свободы посредствомъ законодательнаго акта о безвозмездномъ уничтоженіи крѣпостничества [3]). Было также упомянуто, что Фридрихъ II въ сущности не внесъ никакого измѣненія въ сословный строй Пруссіи, который во всей неприкосновенности былъ даже освященъ философскимъ „Allgemeines Landrecht“ [4]). Если въ комъ изъ представителей „просвѣщеннаго абсолютизма“ и выразилась съ особою силою освободительная идея вѣка, то именно въ Іосифѣ II, который, менѣе чѣмъ за десять лѣтъ до начала французской революціи, объявилъ крѣпостное состояніе отмѣненнымъ въ своихъ владѣніяхъ. Подобно тому, какъ его церковное законодательство находитъ аналогію въ „гражданскомъ уложеніи о духовенствѣ“, изданномъ французскимъ учредительнымъ собраніемъ, такъ и его попытку уничтожить крѣпостничество можно до извѣстной степени поставить рядомъ съ декретами 4 авг. 1789 г., посредствомъ коихъ французская революція отмѣняла весь феодальный режимъ. Но даже законодательство Іосифа II не рѣшило крестьянскаго вопроса, *и XVIII вѣкъ, впервые его поставившій, завѣщалъ этотъ вопросъ слѣдующему столѣтію,* когда ему пришлось получить рѣшеніе уже при измѣнившихся условіяхъ [5]).—Въ настоящей главѣ мы разсмотримъ законодательство

---

[1]) См. выше, стр. 360 и слѣд.
[2]) См. выше, стр. 369 и слѣд.
[3]) См. выше, стр. 254 и слѣд.
[4]) См. выше, стр. 333—334 и 364.
[5]) Подробнѣе этого предмета мы коснемся въ исторіи XIX в.

XVIII в. въ области сословныхъ отношеній вообще и крестьянскаго вопроса въ частности.

Въ политической исторіи XVIII в. замѣчается одно явленіе, которое должно обратить на себя особенное наше вниманіе: это—стремленіе абсолютной монархіи сократить и ограничить аристократическія привилегіи, бывшія наслѣдіемъ феодальной эпохи, которое сохранялось, благодаря тому именно, что ранѣе, наоборотъ, королевская власть была въ союзѣ съ аристократіей, подобно тому, какъ была въ союзѣ и съ клиромъ, съ коимъ, однако, вступила въ борьбу въ серединѣ XVIII в. Если во Франціи старые общественные порядки оставались неприкосновенными до самой революціи, и если въ Пруссіи король-философъ былъ самымъ строгимъ консерваторомъ въ отношеніи къ соціальному строю своего государства [1]), то въ другихъ странахъ, наоборотъ, *шла упорная борьба государственной власти противъ остатковъ феодальной старины*. Это наблюдается, прежде всего въ южно-романскихъ странахъ, гдѣ министры-реформаторы ограничивали права не однихъ только духовныхъ, но и дворянъ. Португальское дворянство занимавшее всѣ важнѣйшія должности въ государствѣ, расхищавшее домены, отличавшееся крайнимъ своеволіемъ, притѣснявшее народъ, увидѣло въ лицѣ Помбаля энергичнаго врага, который подчинилъ дворянъ правительственному контролю и положилъ предѣлъ расширенію ихъ поземельной собственности въ ущербъ доменамъ и мелкому землевладѣнію свободнаго крестьянства, въ то же время покровительствуя среднему сословію, какъ общественному классу, занятому промышленностью и торговлею. Въ Неаполѣ подобнымъ образомъ дѣйствовалъ Тануччи, видѣвшій въ привилегіяхъ духовенства и дворянства узурпацію королевскихъ правъ. На дворянскіе суды была установлена аппелляція къ королевскимъ судьямъ, или же эти суды и совсѣмъ отмѣнялись. Правительство дѣятельно вмѣшивалось въ тяжбы, происходившія между феодальными землевладѣльцами и сельскимъ населеніемъ и разрѣшало спорные пункты въ пользу послѣдняго. Испанскіе министры-реформаторы равнымъ образомъ сдерживали дворянство, хотя и не предпринимали какихъ-нибудь особенно рѣшительныхъ мѣръ. Въ Тосканѣ преобразованія великаго герцога Леопольда, исходившія изъ новыхъ государственныхъ идей, были направлены прямо противъ феодализма [2]). Въ Даніи, гдѣ еще Бернсторфъ стремился къ облегченію участи

---

[1]) См. выше, стр. 333.

[2]) См. C. Tiravoni. L'Italia prima della rivoluzione francese.—Reumont. Gesch. Toscana's.—G. Capponi. Storia di Pietro Leopoldo.—Ferd. Hirsch. Leopold II als Grossherzog von Toscana (въ Hist. Zeitschr. Зибеля, т. 40).

крестьянъ, особымъ врагомъ дворянскихъ привилегій выступилъ Струензе.

Нигдѣ, однако, взаимныя отношенія между правительствомъ и дворянствомъ не обострились въ эту эпоху до такой степени, какъ въ Австріи при Іосифѣ II. Феодальная знать въ габсбургской монархіи, не игравшая, какъ то было въ Пруссіи, роли служилаго сословія, представляла изъ себя весьма значительную соціальную силу, съ которою власть должна была постоянно ладить. Новое бюрократическое государство, устроивавшееся въ Австріи въ XVIII в. и вербовавшее своихъ слугъ изъ разночинцевъ, стало приходить въ столкновеніе съ этимъ сословіемъ, и Іосифъ II, любившій ставить ребромъ вопросы внутренней политики, содѣйствовалъ лишь обостренію новыхъ возникавшихъ отношеній. Для этого государя значеніе монархической власти заключалось въ томъ, чтобы быть нейтральною между сословіями и приходить на помощь лишь къ тому, которое по слабости своей въ этомъ наиболѣе нуждалось. Съ такой точки зрѣнія его весьма сильно занимали сословныя отношенія: въ качествѣ государственника, желавшаго сдѣлать счастливыми своихъ подданныхъ, онъ былъ врагомъ разнаго рода привилегій, поскольку ими нарушались интересы государства и большинства его жителей. Между прочимъ онъ задумалъ уничтожить податныя изъятія дворянства, ссылаясь на другія страны, гдѣ это сословіе не было освобождено отъ налоговъ, и потому онъ ввелъ поземельный налогъ, падавшій вообще на всѣхъ землевладѣльцевъ. Гр. Хотэкъ, канцлеръ чешско-австрійской придворной канцеляріи, возражалъ противъ этой мѣры, ссылаясь на то, что отъ нея потеряетъ дворянство: „но зато выиграютъ крестьяне", возражалъ императоръ. Іосифъ II и съ практической точки зрѣнія убѣждалъ Хотэка: „не лучше ли будетъ, если мы что-либо уступимъ крестьянамъ, чѣмъ ждать, что они не дадутъ намъ ничего"? Хотэкъ возражалъ, что бояться этого нечего, такъ какъ можно и силою принудить платить. „Силою?! воскликнулъ Іосифъ II,—но вѣдь перевѣсъ физической силы находится на сторонѣ третьяго сословія. Повѣрьте мнѣ, что если мужикъ не захочетъ платить, всѣмъ намъ придется идти прочь" (Glauben Sie mir, wenn der Bauer nicht will, sind wir alle pritsch). Гр. Хотэкъ оставилъ свое мѣсто: „моя совѣсть, написалъ онъ императору, не позволяетъ мнѣ подписать свое имя подъ распоряженіемъ, которое причиняетъ дворянству такую несправедливость". Въ этомъ дѣлѣ оппозицію Іосифу II оказывали не только духовенство и дворянство, но и его собственные министры и совѣтники, защищавшіе интересы привилегированныхъ сословій или указывавшіе на практическія неудобства задуманной мѣры. Императоръ настаивалъ на ея проведеніи, но эта крупная реформа была совершена безъ достаточной выработки подробностей, и

указъ Іосифа II о налогахъ (1789) былъ отмѣненъ Леопольдомъ II. Въ сословномъ вопросѣ Іосифъ II былъ полною противоположностью Фридриху II. То же самое обнаружилось и въ ихъ отношеніяхъ къ крестьянству.

До XVIII в. на западѣ Европы государственная власть почти ничего не предпринимала, чтобы покончить съ соціальнымъ феодализмомъ и снять съ крестьянства узы крѣпостничества. Въ XVIII столѣтіи, какъ мы видѣли, и реальныя нужды государства, и новая общественная философія, въ коей важное значеніе принадлежало экономической доктринѣ физіократовъ [1]), впервые заставили власть взяться за разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Если физіократы явились сторонниками абсолютной монархіи [2]), то между прочимъ это объясняется ихъ взглядомъ, по которому государство должно было возстановить „естественный порядокъ“ хозяйственной жизни, а это лучше всего могла бы сдѣлать всемогущая королевская власть. Экономисты не переставали взывать къ правительствамъ, указывая на необходимость отмѣны сословныхъ различій и привилегій, отмѣны личной зависимости крестьянъ и отмѣны феодальныхъ повинностей, на нихъ лежащихъ, и т. п., а затѣмъ уже предполагалось, что экономическому быту будетъ предоставлена полная свобода развиваться по законамъ, присущимъ „естественному порядку“ [3]). Экономисты заинтересовывали государственную власть въ этомъ дѣлѣ, доказывая, что предлагаемыя ими мѣры повлекутъ за собою подъемъ народнаго благосостоянія и, какъ результатъ этого, обогащеніе казны [4]). До сихъ поръ подъ вліяніемъ меркантилистической теоріи правительства думали объ обогащеніи главнымъ образомъ путемъ содѣйствія обрабатывающей промышленности и торговлѣ, но физіократія указывала на землю, на сельское хозяйство, на крестьянскій трудъ. Воззванія экономистовъ не были напрасными. Государственнымъ дѣятелямъ новаго направленія требованія физіократіи не казались вовсе опасными для существовавшаго политическаго строя, какъ ни расходились эти требованія съ тѣмъ, что составляло основу внутренней королевской политики въ предыдущія времена. Сами физіократы, отрицавшіе пригодность какихъ бы то ни было иныхъ политическихъ формъ, кромѣ монархіи, дѣйствующей на основаніи экономическихъ принциповъ (monarchie économique аб. Бодо), располагали тѣмъ самымъ въ свою пользу монархическія правительства. Въ эпоху финансовыхъ неурядицъ, отъ коихъ страдали почти всѣ

---

[1]) См. выше, стр. 243 и слѣд., 257 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 245, 284—285.

[3]) См. разговоръ Мерсье де ла Ривьера съ Екатериною II, см. выше, стр. 245.

[4]) Ср. знаменитое выраженіе Кенэ, выше на стр. 257.

тогдашнія государства, ученіе физіократовъ не только привлекало своими обѣщаніями всякаго рода благъ, но и давало высшую санкцію тѣмъ реформамъ, которыя предпринимало государство. *Цѣлый рядъ правителей XVIII в. съ полною вѣрою въ успѣхъ своихъ начинаній подчиняется ученію физіократовъ.* Леопольдъ въ Тосканѣ былъ ревностнымъ сторонникомъ Кенэ, Іосифъ II въ Австріи считался послѣдователемъ аб. Бодо и Мерсье де ла Ривьера. Густавъ III Шведскій создалъ орденъ Вазы для поощренія сельскаго хозяйства и однимъ изъ первыхъ украсилъ имъ Мирабо-отца, извѣстнаго своими физіократическими сочиненіями, и друга Карла Фридриха Баденскаго, тоже поклонника физіократовъ [1]. Екатерина II приглашала къ себѣ для совѣтовъ Мерсье де ла Ривьера [2]. Во многихъ государствахъ управленіе дѣлами отдавалось экономистамъ или ихъ послѣдователямъ, и нѣкоторые дѣятели „просвѣщеннаго абсолютизма“ были особенными сторонниками физіократіи. Испанскій министръ Кампоманесъ, равно какъ Флорида Бланка, писали физіократическіе трактаты. При савойскомъ правительствѣ игралъ важную роль экономистъ Солера, въ Неаполѣ Филанджіери и Пальміери. Въ Баденѣ министерскій постъ занималъ экономистъ Шлеттвейнъ. Тюрго во Франціи былъ наиболѣе знаменитымъ представителемъ физіократіи на посту руководящаго министра.

Широкое вліяніе физіократіи на правительственныя сферы было благопріятно для освобожденія сельскаго населенія и земли отъ феодальнаго гнета. Впервые подъ этимъ вліяніемъ правительства сколько-нибудь серьезно взялись за крестьянскую реформу, но у послѣдней были и неблагопріятныя условія разнаго рода—между прочимъ сбивчивое представленіе о правахъ государственной власти въ этой области [3] и соображеніе о томъ, что всякое измѣненіе, произведенное властью въ соціальныхъ отношеніяхъ, будетъ нарушеніемъ частной собственности. Слѣды феодальнаго происхожденія самого государства и сильная консервативная оппозиція также были условіями неблагопріятными для рѣшенія крестьянскаго вопроса. Отсюда *многія реформы въ крестьянскомъ быту имѣли значеніе лишь полумѣръ*, да и тѣ нерѣдко предпринимались нерѣшительно, проводились медленно, въ исполеніи оказывались совсѣмъ ужъ незначительными, тѣмъ болѣе, что и въ чисто теоретической постановкѣ крестьянскаго вопроса были крупные недостатки [4].

---

[1]) См. выше, стр. 243 и 262.
[2]) См. выше, стр. 245.
[3]) См. выше, стр. 254 и слѣд.
[4]) См. выше, стр. 251—252, 257 и слѣд.

Исторія крестьянской реформы въ XVIII в. представляетъ большое разнообразіе въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Въ однихъ государствахъ производилось меньше, въ другихъ больше измѣненій; въ однихъ случаяхъ эти измѣненія обусловливались преимущественно практическими потребностями государства, какъ онѣ понимались правителями эпохи, въ другихъ—новыми экономическими ученіями. Примѣромъ государства, въ коемъ рѣшительнаго ничего не предпринималось, была Пруссія Фридриха II въ отличіе отъ Австріи Іосифа II, гдѣ, наоборотъ, задумана была болѣе радикальная реформа. Та же Пруссія можетъ служить примѣромъ того, какъ главныя мѣропріятія относительно крестьянъ диктовались практическими соображеніями государственной пользы, тогда какъ небольшой Баденъ является типическою страною осуществленія физіократическихъ принциповъ.

Изъ правителей XVIII в. вообще наименѣе подчинился общему духу физіократической теоріи Фридрихъ II. Знаменитый Мирабо-сынъ, посвятившій свою книгу о прусской монархіи своему отцу физіократу, изложивъ собственные взгляды на экономическую политику, выражаетъ сожалѣніе, что великій король не слѣдовалъ такимъ правиламъ: „увы! еслибы онъ ихъ зналъ, онъ былъ бы имъ неизмѣнно вѣренъ, но ихъ не было въ его время, ибо развѣ можно чему-либо научиться на верху славы и къ старости“? Тотъ же Мирабо неразъ указываетъ на то, какъ мало сдѣлалъ Фридрихъ II для крестьянъ. Онъ называетъ его „вѣрнымъ великому правилу измѣнять поменьше“ (fidèle à la grande maxime de trés peu changer), правилу „оставлять все на прежнихъ основаніяхъ“ (de laisser tout sur les bases qu'il avait trouvées ou posées), и во многихъ мѣстахъ возвращается къ вопросу о крестьянахъ. Онъ очень хорошо опредѣлилъ всю прусскую политику въ этомъ отношеніи: „прусскіе государи не желали задѣвать дворянъ (choquer les nobles) уничтоженіемъ крѣпостничества, но оніи очень хорошо понимали свои собственные интересы для того, чтобы не заключить крѣпостничество въ тѣсныя рамки“. „Фридрихъ II, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, вовсе не хлопоталъ о томъ, чтобы измѣнить такое положеніе. Какъ изъ всего явствуетъ, онъ не видѣлъ въ свободѣ крестьянина великаго средства процвѣтанія, но еслибы и видѣлъ, многія соображенія остановили бы его передъ такимъ шагомъ, особенно въ Помераніи. Въ этой провинціи бѣднаго дворянства масса. Могъ ли онъ рисковать d'aliéner la noblesse poméranienne, en lui ôtant un droit“ и т. д.?.. То же самое отмѣчаетъ Мирабо и еще въ одномъ мѣстѣ: „безъ сомнѣнія, онъ (Фридрихъ II)могъ бы заставить всѣхъ крупныхъ собственниковъ своей страны освободить крестьянъ,... но такимъ актомъ власти (coup d'autorité) онъ не хотѣлъ отвратить дворянство, въ коемъ онъ нуждался для своей арміи“. Выразивши

удивленіе (on doit s'étonner), что „столь просвѣщенный государь не сдѣлалъ попытки уничтожить барщину, замѣнивъ ее оброкомъ", Мирабо въ другомъ мѣстѣ уже безъ всякаго изумленія замѣчаетъ, что „этотъ великій монархъ не пытался отмѣнить барщину и крѣпостничество: онъ чувствовалъ, безъ сомнѣнія, что такой переворотъ (une telle révolution) выходитъ за предѣлы всей его власти, всего его могущества, какъ бы велики они ни были". Эти отзывы о Фридрихѣ II одного изъ крупнѣйшихъ людей XVIII в. заключаютъ въ себѣ вѣрную характеристику отношенія короля-философа къ крестьянскому вопросу.

Тѣмъ не менѣе Пруссія была одна изъ первыхъ государствъ, въ коихъ правительство обратило вниманіе на крестьянскую массу. Заботы прусскаго правительства въ этомъ отношеніи ограничивались улучшеніемъ быта крестьянъ при сохраненіи стараго строя. Уже первый прусскій король, вскорѣ послѣ полученія новаго титула, выразилъ желаніе (1702) освободить всѣхъ крѣпостныхъ въ королевскихъ доменахъ, съ чѣмъ соединялся цѣлый планъ и хозяйственнаго быта крестьянъ, но у него не хватило характера привести въ исполненіе свои намѣренія. Кромѣ того, Фридрихъ I въ 1709 г. издалъ указъ въ защиту крестьянъ отъ дурного обхожденія господъ. Фридрихъ-Вильгельмъ I оказался нѣсколько энергичнѣе. Въ 1719 и 1720 гг. для привлеченія новыхъ жителей въ малонаселенную Восточную Пруссію онъ отмѣнилъ въ тамошнихъ королевскихъ доменахъ крѣпостничество, надѣливъ крестьянъ наслѣдственными участками земли. Подобная же мѣра была задумана и по отношенію къ прусской Помераніи, но встрѣтила затрудненія со стороны самихъ же крестьянъ, привыкшихъ подозрительно относиться ко всѣмъ нововведеніямъ, тѣмъ болѣе, что въ сущности предполагавшаяся отмѣна крѣпостничества сводилась лишь къ нѣкоторому его смягченію. Важнѣе былъ указъ 1739 г., запрещавшій сносъ (Legen) крестьянскихъ дворовъ [1]), а за годъ передъ этимъ король вооружился строгими наказаніями противъ жестокаго обращенія съ крѣпостными. Какъ мало, однако, дѣйствовали королевскія запрещенія, видно изъ того, что Фридриху II пришлось дважды подтверждать указъ о сносѣ дворовъ (1749 и 1764) подъ угрозою все бо́льшихъ и бо́льшихъ штрафовъ, и что не разъ ему представлялся случай выступать противъ особенно вопіющихъ злоупотребленій помѣщичьею властью. Чиновники сами являлись притѣснителями народа, какъ будто, говорилось по этому поводу въ одномъ указѣ короля-философа, крестьяне были совсѣмъ ихъ крѣпостными людьми. Указъ 1749 г. грозилъ чиновнику, побившему крестьянина палкою, не менѣе какъ шестилѣтнимъ заключеніемъ въ крѣпости, хотя и это не устранило грубыхъ насилій всѣхъ

---

[1]) См. выше, стр. 110—111.

власть имущихъ надъ крестьянами: знаменитая прусская бюрократическая дисциплина была безсильна противъ того, что глубоко вкоренилось въ нравы общества. Дворянство и чиновничество не только не исполняли королевскихъ предписаній, разъ дѣло шло о крестьянахъ, но и мѣшали всячески новымъ мѣропріятіямъ. Послѣ губертсбургскаго мира, коимъ окончилась разорительная семилѣтняя война, Фридрихъ II предпринялъ-было реформу крестьянскихъ отношеній въ Помераніи, гдѣ положеніе сельской массы было особенно жалкое. Въ 1763 г. померанская доманіальная и военная палата получила такого рода предписаніе: „абсолютно и безъ малѣйшаго разсужденія (absolut und ohne das geringste Raisonniren) должны быть немедленно совершенно освобождены всѣ крѣпостные въ деревняхъ королевскихъ, дворянскихъ и принадлежащихъ городамъ“, но когда этотъ указъ былъ сообщенъ мѣстнымъ чинамъ, послѣдніе единогласно объявили, что волю монарха совершенно нельзя исполнить, и послали королю представленіе, въ коемъ говорилось слѣдующее: въ провинціи крѣпостничества, собственно говоря, нѣтъ, а существуетъ лишь „благодѣтельная“ и „весьма выгодная“ для крестьянина (zum wichtigen Beneficio) „связь“ (Verbindung) между нимъ и землевладѣльцемъ, и лишить провинцію этой связи значитъ подвергнуть ее обезлюденію (Depeuplirung), дороговизнѣ и еще одной очень большой опасности; дѣло въ томъ, что означенная „Verbindung“ доселѣ служила средствомъ удерживать крестьянъ въ странѣ и поставлять рекрутъ въ королевскую армію, такъ какъ помѣщики всячески разыскиваютъ уклоняющихся отъ вербовки, а это можетъ прекратиться, разъ старый порядокъ будетъ отмѣненъ. Послѣдній аргументъ подѣйствовалъ на Фридриха II, и изданная черезъ годъ для Помераніи „Bauernverordnung“ не заключала въ себѣ никакихъ измѣненій въ крѣпостническихъ отношеніяхъ провинціи. Только въ области, отнятой у Польши, Фридрихъ II пришелъ на помощь къ сельскому населенію, находившемуся въ еще болѣе печальномъ положеніи, чѣмъ въ старыхъ частяхъ монархіи, смягчивъ рабство, въ какомъ оно находилось у своихъ господъ [1]). Даже въ собственныхъ доменахъ Фридрихъ II былъ безсиленъ добиться точнаго исполненія своей воли. Въ 1756 и 1763 гг. онъ издалъ распоряженіе, по которому сыновья доманіальныхъ крестьянъ должны были наслѣдовать надѣлы своихъ отцовъ, разъ хозяйство на нихъ ведется хорошо, но чиновники продолжали преспокойно отдавать участки умершихъ крестьянъ, кому вздумается, и въ 1777 г.

[1]) Gr. Lippe-Weissenfeld. Westpreussen unter Friedrich dem Grossen.— „Въ з. Пруссіи, писалъ Фридрихъ II Вольтеру, я уничтожилъ рабство (esclavage) и преобразовалъ варварскіе законы“.

король еще разъ подтвердилъ свой указъ для мѣстностей, гдѣ онъ не былъ приведенъ въ исполненіе (an allen Orten, wo noch nicht geschehen). По смерти Фридриха II Пруссія оставалась крѣпостною, а опубликованный послѣ его смерти преемникомъ его „Allgemeines Landrecht" лишь измѣнилъ не существо дѣла, а названіе, когда, вмѣсто стараго термина „крѣпостничество" (Leibeigenschaft) ввелъ другой — „наслѣдственное подданничество" (Erbunterthänigkeit). Впрочемъ, и въ остальныхъ нѣмецкихъ земляхъ дѣлалось то же самое. Исключеніе составляетъ Баденъ, гдѣ маркграфъ Карлъ-Фридрихъ, не разъ уже упоминавшійся поклонникъ физіократіи [1]), въ 1783 г. безвозмездно отмѣнилъ крѣпостное состояніе крестьянъ и разныя повинности, кромѣ барщины. Маркграфъ былъ такъ проникнутъ идеями физіократовъ, что сталъ даже дѣлать опыты сельскохозяйственнаго устройства по этимъ идеямъ. Это единственный примѣръ освобожденія крѣпостныхъ нѣмецкимъ княземъ передъ французской революціей. Уже послѣ этого событія, имѣвшаго вообще громадное значеніе въ исторіи паденія соціальнаго феодализма, отмѣнили у себя безвозмездно крѣпостничество незначительные князья Вольфгангъ-Эрнстъ Изенбургскій (1795) и Германъ-Фридрихъ Гогенцоллернъ-Гехингенскій (1798). *Дальнѣйшее освобожденіе нѣмецкаго крестьянства отъ крѣпостной зависимости совершалось уже подъ вліяніемъ событій, вызванныхъ французской революціей.*

Въ Австріи не было недостатка въ иниціативѣ въ дѣлѣ улучшенія быта крестьянъ и освобожденія отъ крѣпостной зависимости, но и здѣсь дворянство было противъ крестьянской реформы, а чиновничество плохо исполняло мѣропріятія правительства. Уже Марія-Терезія начала вносить измѣненія въ дотолѣ существовавшіе порядки. Окружные начальники, учрежденные въ ея царствованіе, должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы между помѣщиками и крестьянами были „правомѣрныя и Богу угодныя" отношенія, и чтобы бѣднымъ не чинилось обидъ. Со времени соправительства Іосифа II, весьма сильно интересовавшагося крестьянскимъ вопросомъ еще при жизни матери, правительственная дѣятельность усиливается въ этомъ направленіи, но императоръ сначала надѣялся на то, что можно будетъ достигнуть полюбовнаго соглашенія между помѣщиками и крестьянами относительно обоюдныхъ правъ и обязанностей. Въ 1769 г. была ограничена уголовная юстиція господъ. Принимались мѣры противъ обезземеленія крестьянъ помѣщиками. Особенно много правительство Маріи-Терезіи занималось вопросомъ о барщинахъ или „Roboten", какъ онѣ назывались въ габсбургской монархіи. До этого времени господа могли большею частью требовать какого имъ было угодно барщиннаго труда,

[1]) См. выше, стр. 390.

хотя бы и по шести дней въ недѣлю, а когда барщина была ограниченная, то все-таки она была не менѣе трехдневной. Въ 1771 г. была назначена особая коммиссія для пересмотра барщинныхъ повинностей, такъ какъ Марія-Терезія рѣшилась собственною властью регулировать эти повинности. Результатомъ работъ коммиссіи были такъ-называемые „Robot-und Urbarial-Patente“ для отдѣльныхъ провинцій. Первый патентъ былъ изданъ для Богеміи, но и мѣстное дворянство, и мѣстное крестьянство создали не мало затрудненій правительству при его проведеніи. Дворяне сдѣлали представленіе, что этимъ-де нарушается ихъ законная собственность и что патентъ противорѣчитъ коронаціонной присягѣ государыни, да и вредъ одинъ только принесетъ, ибо крестьянинъ начнетъ лѣниться и разоритъ своего помѣщика. Крестьяне, съ своей стороны, поняли дѣло не въ смыслѣ ограниченія барщины тремя днями, а въ смыслѣ полной ея отмѣны, а иные еще утверждали, что въ Чехію присланъ, не настоящій патентъ, а подложный: крестьяне отказывались ходить на барщину, требовали себѣ вольныхъ грамотъ и кончили возстаніемъ (1775). Глухое броженіе проникло и въ другія земли. Издавая „Robot-Patent“ для Моравіи, Марія-Терезія оговаривается въ немъ, что ея мѣра есть только нѣкоторое „облегченіе крестьянина“, отнюдь не полная или частичная отмѣна этихъ повинностей (Schuldigkeiten), за которыя стоятъ законы страны о правѣ собственности. Въ Венгріи своею Urbarial-Ordnung 1764 г. Марія-Терезія также нѣсколько смягчила настоящее рабство, въ какомъ находился народъ съ начала XVI в. Іосифъ II между тѣмъ сильно раздражался тѣмъ направленіемъ, какое принимало крестьянское дѣло. Онъ все болѣе и болѣе приходилъ къ мысли о томъ, что рѣшить его можетъ лишь авторитетъ власти (Machtspruch). Мысль о полной отмѣнѣ крѣпостничества не чужда была самой Маріи-Терезіи, и тѣмъ болѣе она ее лелѣяла, что злоупотребленія господскими правами вызывали въ Австріи въ послѣдніе годы ея царствованія частыя народныя волненія. Она даже жаловалась, что Іосифъ II недостаточно ее поддерживаетъ въ этомъ дѣлѣ и даже ей мѣшаетъ, такъ какъ министры, которые сами изъ землевладѣльцевъ, колеблютъ рѣшимость императора. По смерти матери Іосифъ II не задумался, однако, авторитетомъ своей власти отмѣнить крѣпостничество. Осенью 1781 г. императоръ издалъ указъ о подданничествѣ (Unterthanspatent) и указъ о наказаніяхъ (Strafpatent), коими для австрійско-богемскихъ провинцій уничтожалась произвольная помѣщичья власть надъ крестьянами, тяжбы между ними и господами должны были рѣшаться государственными чиновниками, отнимались у помѣщиковъ принудительныя средства по отношенію къ крестьянамъ, запрещались денежные штрафы и т. п. За этими мѣрами въ 1782 и 1785 гг. послѣдовала отмѣна и самого крѣпостного состоянія. Оно существовало въ Чехіи, Моравіи,

Крайнѣ, Галиціи и Лодомеріи, и здѣсь еще было отмѣнено указомъ 15 января 1782 г., послѣ чего оно еще удерживалось только въ Венгріи, гдѣ было уничтожено черезъ три съ половиною года (1 авг. 1785 г.), хотя въ сущности „Leibeigenschaft" замѣнялась здѣсь болѣе сносной „Hörigkeit", какая существовала въ эрц. Австріи. Крестьяне получали право вступать въ бракъ безъ разрѣшенія господъ, свободу передвиженія и труда, право пріобрѣтать собственность и т. д.; но они должны были отбывать барщинныя повинности и подчиняться, хотя и ограниченной, патримоніальной юстиціи. Дворянство было страшно раздражено на Іосифа II, но и народъ не былъ вполнѣ доволенъ, такъ какъ мечталъ о бо́льшей свободѣ, да и аграрныя отношенія не были вполнѣ разработаны въ новомъ законодательствѣ [1]). По смерти Іосифа II началась реакція, и его крестьянская реформа погибла въ смутахъ, начавшихся еще при его жизни.

Крестьянскій вопросъ былъ поставленъ, и даже начали приступать къ его рѣшенію. Между прочимъ, жизнь выдвинула его на весьма видное мѣсто и въ шляхетской Рѣчи Посполитой польской [2]). Онъ, какъ увидимъ, получилъ еще очень важное значеніе и въ исторіи французской революціи, дѣятелямъ которой, впрочемъ, приходилось рѣшать его совсѣмъ заново, такъ какъ въ эпоху его окончательной постановки во Франціи только одно савойское законодательство въ крестьянскомъ вопросѣ обращало на себя вниманіе, какъ наиболѣе подходившее къ тогдашней Франціи, поскольку соціальныя отношенія въ обѣихъ странахъ были сходны и поскольку крестьянская реформа, произведенная герцогомъ савойскимъ, казалась нѣкоторымъ публицистамъ примѣромъ, достойнымъ подражанія. Въ 1762 г. Карлъ-Эммануилъ III освобождалъ безвозмездно сервовъ въ доменахъ и отказывался отъ своей части выкупной цѣны, какую получали сеньеры съ освобождавшихся крѣпостныхъ. Эдиктъ 1771 г. обязывалъ сельскія общины выкупать лица и земли изъ сеньерьяльныхъ правъ. Еще два эдикта (1773 и 1778 г.) устанавливали правила этого выкупа. Не входя въ подробности законодательства Карла-Эммануила III, можно сказать, что такимъ образомъ и въ Савойѣ начиналась ликвидація соціальнаго феодализма.

Съ Фридрихомъ II и Іосифомъ II сходили со сцены почти одновременно самые видные представители „просвѣщеннаго абсолютизма". Въ тѣ же годы начиналось во Франціи политическое движеніе, которое вскорѣ получило значеніе общеевропейское, начавъ такимъ образомъ новый періодъ во всемірной исторіи. Старые порядки расшатались. Общая реформа

---

[1]) Одною изъ наиболѣе извѣстныхъ брошюръ противъ Іосифа II была брошюра: „Warum wird der Kaiser Joseph von Seinem Volke nicht geliebt?".

[2]) См. соч. В. А. Мякотина, указ. на стр. 95.

была необходима, что и выразилось въ почти повсемѣстной преобразовательной дѣятельности второй половины XVIII в. Перевороту, который начался во Франціи въ 1789 г., предшествовала и здѣсь попытка реформы путемъ власти, причемъ явился и министръ-реформаторъ въ лицѣ физіократа Тюрго; но и здѣсь реформа встрѣчена была консервативною оппозиціей, которая выступила-было противъ государственной власти, но которую потомъ сломили новыя общественныя силы.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ [1]).

XXIX. Мѣстное и европейское значеніе революціи.

Старая и новая Франція въ XVIII в.—Положеніе между ними французскаго правительства.—Двоякое отношеніе революціи къ старой монархіи.—Политическое воспитаніе французскаго общества. — Судьба политической свободы во Франціи.—Общеевропейское значеніе революціи.

Въ теченіе XVIII в. въ соціальной жизни Франціи совершался глубокій внутренній процессъ. Старая Франція Людовика XIV продолжала сохранять свои прежнія формы, не затрогиваемая никакими серьезными преобразованіями, которыя бы измѣнили ихъ замѣтнымъ образомъ; но въ этихъ старыхъ формахъ развивалась новая жизнь, правда, сдерживаемая обветшалыми рамками, но все сильнѣе и сильнѣе ихъ расшатывавшая, пока подъ напоромъ новыхъ силъ старыя формы не подались, и на развалинахъ прежнихъ отношеній не сформировался новый общественный строй, подготовленный предыдущимъ развитіемъ. Система Людовика XIV продолжала въ общемъ господствовать въ оффиціальной жизни Франціи, но что рядомъ съ Франціей оффиціальной, Франціей королевской власти и двора, католическаго духовенства и феодальнаго дворянства, существовала другая Франція, самымъ рельефнымъ проявленіемъ этого была ея литература съ принципами, діаметрально противоположными тѣмъ, которые лежали въ основѣ системы Людовика XIV: во французской литературѣ XVIII в. самыми популярными идеями были идеи духовной и политической свободы и гражданскаго равенства. Порвавъ связь съ традиціями прошлаго, эта замѣчательная литература сдѣлалась органомъ совсѣмъ новаго общества,

---

[1]) Общія указанія на литературу см. выше на стр. 7—9. На болѣе частные и спеціальные труды ссылки дѣлаются ниже въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ.

въ которомъ главную роль играли не представители стараго католико-феодальнаго строя, а иныхъ общественныхъ слоевъ, люди либеральныхъ профессій разнаго званія и люди промышленно-торговыхъ предпріятій. Интеллигентная буржуазія XVIII в. сдѣлалась главною сторонницею поступательнаго движенія впередъ и въ требованіи реформъ заняла поэтому положеніе передового класса націи. Въ первой половинѣ XVIII в. она пошла бы за правительствомъ, которое выступило бы на поприще преобразовательной дѣятельности,—и оказала бы ему поддержку, какой, напр., не имѣлъ въ Австріи „просвѣщенный абсолютизмъ" Іосифа II: выразителемъ новыхъ стремленій былъ тогда Вольтеръ. Между тѣмъ на сцену не являлось ни монарха, ни министра, подобныхъ позднѣйшимъ реформаторамъ въ другихъ странахъ. Правительство поддерживало старыя отношенія, и представители старой Франціи не думали, чтобы имъ откуда-нибудь угрожала опасность, кромѣ развѣ вольнодумной литературы, да и та увлекала немало людей изъ тѣхъ общественныхъ слоевъ, подъ которые она подкапывалась. Новая Франція между тѣмъ росла и дѣлалась болѣе требовательною: съ средины XVIII в. ее не удовлетворяла уже программа Вольтера, т.-е. реформы всякаго рода, но безъ политической свободы, и вотъ послѣдняя, проповѣдниками коей являются Монтескье, Руссо, Мабли и нѣкоторые энциклопедисты, дѣлается одною изъ наиболѣе популярныхъ политическихъ идей, одинаково раздѣлявшихся передъ 1789 г. и буржуазіей, и привилегированными. Когда умеръ Людовикъ XV, двѣ Франціи уже стояли одна противъ другой, готовыя къ борьбѣ: вопросъ былъ только въ томъ, на чьей сторонѣ будетъ государственная власть и уступитъ ли она новымъ вліяніямъ времени. Революція 1789 г. была побѣдою новой Франціи надъ старою, но старая не умерла, и когда палъ властелинъ, самъ побѣдившій революцію, чтобы дѣйствовать въ духѣ своего рода „просвѣщеннаго абсолютизма", она сдѣлала отчаянную попытку клерикально-аристократической реакціи противъ новыхъ общественныхъ слоевъ, поднявшихся въ XVIII в. изъ прежняго униженія [1]).

Однимъ словомъ, *французской націи предстояло выйти на новую дорогу, но французскіе правители оказались не на высотѣ своего положенія.* Въ эпоху, когда троны другихъ великихъ державъ занимали Фридрихъ II, Марія-Терезія, Іосифъ II, Екатерина II,—во Франціи, царствовали совершенно опустившійся Людовикъ XV (1715—1774) и слабохарактерный Людовикъ XVI. Они оказались неспособными къ

---

[1]) Для исторіи „стараго порядка" во Франціи см. соч. Eug. Guglia. Die konservativen Elemente Frankreichs am Vorabend der Revolution (Zustände und Personen), а также соч. Chérest. La chute de l'ancien régime, имѣющее своимъ содержаніемъ также исторію консервативной оппозиціи.

роли иниціаторовъ реформъ, вытекавшихъ изъ практическихъ нуждъ государства, и это было въ обществѣ, которое, наоборотъ, не такъ, какъ въ другихъ странахъ, само требовало реформъ. Своею привязанностью къ старымъ формамъ и неспособностью осуществить желанія общества названные короли поселяли недовѣріе къ власти, носителями коей являлись: то, чего не могла совершить старая монархія, должна была взять на себя „нація", замѣнившая въ сознаніи передовой части общества прежнія сословія (états). Правда, и положеніе французскихъ правителей было болѣе затруднительнымъ, чѣмъ гдѣ-либо: въ странахъ „просвѣщеннаго абсолютизма" правительствамъ приходилось имѣть дѣло съ одною консервативной оппозиціей, но такая оппозиція существовала и во Франціи, имѣя органомъ своимъ парламенты [1]), но рядомъ съ нею существовала еще и оппозиція либеральная, какой не было въ другихъ странахъ, да и она видѣла въ тѣхъ же парламентахъ учрежденіе, обезпечивающее права націи посредствомъ ограниченія произвола власти. Съ разныхъ точекъ зрѣнія обѣ эти оппозиціи,—старая и новая Франція,—могли быть и бывали недовольны правительствомъ, но обѣ сходились на почвѣ идеи политической свободы, хотя понимали ее различно, одни—въ аристократическихъ формахъ Монтескье, другіе—въ демократическихъ формахъ Руссо и Мабли, одни—думая объ участіи въ правленіи для охраны своихъ привилегій, другіе—стремясь къ власти, чтобы, обладая ею, измѣнить общественный строй въ духѣ новыхъ идей. Все это ставило правительственную власть между двухъ огней: и консервативная, и преобразовательная политика вызывали или ту, или другую оппозицію, а разъ правительство рѣшалось на сколько-нибудь крутую мѣру, противъ него готовы были соединиться обѣ оппозиціи. При такихъ обстоятельствахъ во главѣ Франціи должны были бы стоять не такіе люди, какими были Людовикъ XV и Людовикъ XVI—съ большею частью ихъ совѣтниковъ и руководителей, тѣмъ болѣе, что и реформы требовались не однимъ общественнымъ мнѣніемъ, которое еще кто-нибудь могъ бы обвинять въ несоотвѣтствіи съ реальными нуждами страны, а общимъ разстройствомъ и полнѣйшею негодностью старой системы. Французская монархія, взявшая подъ свою опеку общественныя силы, пріучила націю смотрѣть на себя, какъ на нѣчто всемогущее, какъ на силу, во власти коей находится осчастливить или сдѣлать несчастною всю страну: привыкши ожидать всего отъ власти, ей преимущественно и стали ставить въ вину—и не безъ основанія—печальное положеніе государства. Монархія Людовика XV и Людовика XVI въ сущности охраняла консервативные интересы, но это не мѣшало духовенству и дворянству наканунѣ взрыва 1789 г. мечтать объ ограниченіи благосклоннаго для

[1]) См. выше, стр. 45—47.

нихъ абсолютизма и тѣмъ самымъ идти вмѣстѣ съ буржуазіей, которая не отдѣляла политической свободы отъ соціальной реформы. Бѣдственное положеніе народной массы, бывшее источникомъ смуты, и революціонныя идеи, органомъ коихъ стала пресса, дѣйствовали въ томъ же направленіи, подготовляя насильственный переворотъ [1]).

Этотъ переворотъ, разрушившій „старый порядокъ" (l'ancien régime) и создавшій современную Францію, не могъ уничтожить вполнѣ консервативные элементы прежней Франціи,—которые заняли по отношенію къ нему оппозиціонное положеніе, а послѣ 1814 г. стали во главѣ католико-феодальной реакціи,—и въ то же время не могъ быть полнымъ разрывомъ съ прошлымъ, отъ котораго революціонная Франція весьма многое унаслѣдовала и по отношенію къ которому революція весьма часто являлась не переломомъ, а завершеніемъ предыдущаго развитія. Въ самомъ дѣлѣ, революція, разрушившая прежній строй, *во многомъ лишь завершала работу старой монархіи, остановившейся, такъ сказать, на полдорогѣ* [2]). Работа эта заключалась въ разрушеніи старыхъ католико-феодальныхъ основъ быта и производилась совмѣстно королевскою властью и народною массою, союзъ коихъ—одинъ изъ крупнѣйшихъ фактовъ въ исторіи Франціи; но въ общемъ старая монархія исполняла эту работу лишь настолько, насколько прежніе порядки были неудобны и стѣснительны для самой королевской власти, сдѣлавшейся даже, наоборотъ, охранительницей тѣхъ сторонъ въ этихъ порядкахъ, которыя были невыгодны и тягостны для одной народной массы. Еслибы королевская власть и нація шли вмѣстѣ, рука объ руку, Франція должна была бы пережить свой періодъ „просвѣщеннаго абсолютизма" и притомъ съ болѣе широкимъ значеніемъ и съ болѣе глубокимъ вліяніемъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было; но французская исторія приняла другое направленіе, и работа, начатая, но не оконченная старой монархіей, была завершена уже новыми силами. Централизируя страну, королевская власть привела къ одному знаменателю, поскольку дѣло касалось ея самой, отдѣльныя провинціи Франціи, но онѣ продолжали сохранять во всемъ остальномъ такія особенности, которыя стояли въ полномъ противорѣчіи съ національнымъ единствомъ страны, какъ результатомъ объединительной политики королей. Нивеллируя общественные классы, старая монархія и здѣсь по отношенію къ власти поставила все въ одинаково безправное положеніе и тѣмъ не менѣе сохранила всѣ сословныя перегородки, съ коими плохо мирилось новое въ политическомъ отношеніи нивеллированное общество.

---

[1]) См. особенно Rocquain. Esprit révolutionnaire avant la révolution.

[2]) См. главнымъ образомъ соч. Токвиля и Сореля, названныя выше, на стр. 8—9.

Болѣе чѣмъ гдѣ-либо въ другой католической странѣ, во Франціи монархіи удалось поставить церковь въ положеніе особенно благопріятное для государства, и вмѣстѣ съ тѣмъ католическій клиръ пользовался здѣсь привилегіями, которыя давали ему особую силу надъ культурно-соціальной жизнью страны, сдѣлавшейся главнымъ очагомъ свободнаго свѣтскаго просвѣщенія, между прочимъ потому, что само же государство не допускало крайностей католической реакціи, до какихъ послѣдняя доходила въ другихъ странахъ. Многое изъ того, что во Франціи фактически существовало въ отношеніяхъ между государствомъ, съ одной стороны, и его областями, его сословіями и католическою церковью, съ другой стороны, въ иныхъ странахъ въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“ было лишь цѣлью, которой нужно было еще достигнуть. Но если королевская власть не чувствовала здѣсь неудобствъ со стороны областныхъ, сословныхъ и церковныхъ привилегій, ея не затрогивавшихъ, и потому сама по себѣ такимъ образомъ не нуждалась въ измѣненіи этихъ отношеній, то нигдѣ, наоборотъ, въ такой степени, какъ во Франціи не тяготился указанными привилегіями народъ, выдвинувшій впередъ зажиточное и образованное среднее сословіе, которое все болѣе и болѣе проникалось новыми общественными взглядами. Остановившись въ своей исторической работѣ, французская династія, такъ сказать, отстала отъ развитія, совершившагося въ націи, и послѣдняя своими силами и средствами завершила процессъ, въ коемъ прежде такую дѣятельную роль играла старая монархія,— завершила объединительную, всеуравнивающую и устраняющую всякій дѣлежъ власти работу государства надъ разрозненными областями, надъ обособленными сословіями, надъ притязаніями клира. Взявъ на себя окончаніе невыполненныхъ задачъ, ставившихся старой власти общественнымъ ростомъ Франціи, *революція унаслѣдовала у низвергнутой ею монархіи и многіе пріемы, посредствомъ коей та достигала своихъ цѣлей.* И съ этой стороны новая Франція не совсѣмъ порвала свои связи съ Франціей старой.

Во многихъ отношеніяхъ „просвѣщенный абсолютизмъ“ и французская революція были явленіями одной и той же категоріи, представляя изъ себя два разные момента или двѣ разныя формы въ процессѣ перехода западно-европейскихъ народовъ отъ средневѣкового соціальнаго строя къ строю новѣйшаго времени. Но между ними была и существенная разница. Одно направленіе было направленіемъ по преимуществу правительственнымъ и государственнымъ: реформы исходили отъ власти безъ участія общественныхъ силъ и совершались прежде всего во имя государства. Переворотъ, совершившійся во Франціи, ставилъ своею цѣлью достиженіе свободы въ двухъ смыслахъ этого слова, т.-е. свободы политической, какъ участія націи въ

правленіи, и свободы индивидуальной, какъ эманципаціи личности изъ-подъ безграничной опеки государства. Старый порядокъ во Франціи являлся полнымъ отрицаніемъ свободы въ обоихъ этихъ смыслахъ, и благодаря этому, *французское общество въ XVIII в. было воспитано въ привычкахъ, наименѣе благопріятствовавшихъ дѣйствительному установленію свободы при новыхъ порядкахъ.* Въ Англіи и въ Сѣверной Америкѣ, въ коихъ французы искали для себя политическихъ поученій, то, что было цѣлью стремленій французовъ, являлось результатомъ долгаго историческаго процесса, во время котораго принципы свободы входили постепенно въ привычки, въ нравы, въ жизненную практику народа и тѣмъ самымъ создавалось уваженіе къ чужой свободѣ, безъ коего желаніе свободы только для себя не въ состояніи осуществить настоящую свободу въ жизни. Исторія протестантизма показываетъ, съ какимъ трудомъ пролагалъ себѣ дорогу принципъ свободы совѣсти, не смотря на то, что въ теоріи права индивидуальной совѣсти были поставлены выше всякой принудительной силы уже родоначальниками движенія: воспитанные въ извѣстнаго рода привычкахъ, создававшихся старою церковною жизнью, они переносили эти привычки и въ новую церковную жизнь. То же было и во Франціи: привычки и нравы, привитые обществу прежнимъ режимомъ, пережили этотъ режимъ и породили многія явленія, бывшія лишь перелицовкою старыхъ. Къ тому же для значительной части передового общества, свобода народа понималась въ смыслѣ власти народа: будь власть въ рукахъ народа и будь всѣ равны во власти, послѣдняя могла быть, пожалуй, и безпредѣльной. Такова была государственная идея Руссо [1]), а этотъ писатель былъ однимъ изъ главныхъ политическихъ воспитателей французскаго общества въ XVIII в. Все это было крайне неблагопріятно для того порыва къ свободѣ, какой ощутила вся Франція въ 1789 г. Но было тутъ еще и нѣчто другое.

Исполнить то дѣло, которое не было совершено старой монархіей, т. е. осуществить новую государственную идею значило во многихъ отношеніяхъ прямо продолжать чисто правительственную и государственную политику монархіи. Революція встрѣтилась съ консервативной оппозиціей, противъ которой она вооружилась всѣми средствами власти. *Защита новаго строя, основаннаго на гражданскомъ равенствѣ, требовала усиленія власти и отодвигала на задній планъ интересы свободы.* Новому строю грозили не только внутренніе враги, но и враги внѣшніе: чрезвычайныя обстоятельства требовали чрезвычайныхъ мѣръ, особенно когда Франціи угрожало иноземное завоеваніе. Изъ этихъ всѣхъ затрудненій Франція вышла побѣдительницей, но не достигнувъ желан-

[1]) См. выше, стр. 208.

ной свободы. Имперія Наполеона I была своего рода „просвѣщеннымъ абсолютизмомъ“ въ обществѣ, снявшемъ съ себя феодальную оболочку. Тѣмъ не менѣе попытка основанія свободнаго государства, сдѣланная французами въ 1789 г. и на первыхъ порахъ окончившаяся, собственно говоря, неудачей, не осталась безслѣдной въ исторіи какъ самой Франціи, такъ и другихъ западно-европейскихъ народовъ. Первая французская конституція (1791 г.) просуществовала самое короткое время, но тѣ принципы, которые были положены въ ея основу, сдѣлались руководящими при созданіи послѣдующихъ конституціонныхъ учрежденій во Франціи и внѣ Франціи.

Таково значеніе революціи въ самой французской исторіи. Но событіе это получило громадное значеніе въ исторіи другихъ западно-европейскихъ государствъ. Подобно тому, какъ нѣмецкая реформація въ XVI в., объясняясь изъ мѣстныхъ причинъ и въ свою очередь объясняя дальнѣйшую исторію Германіи, вмѣстѣ съ тѣмъ находилась въ тѣсной связи съ болѣе общими условіями всей западно-европейской исторіи и потому оказала сильное вліяніе на другія страны,—такъ и французская революція, имѣя особое отношеніе къ мѣсту своего происхожденія, получаетъ и болѣе общій смыслъ съ точки зрѣнія всей западно-европейской исторіи. Вотъ тѣ два главные историческіе факта, къ коимъ она имѣетъ отношеніе: *разрушеніе феодализма, поскольку послѣдній господствовалъ въ соціальной сферѣ и даже окрашивалъ отношенія политическія*, съ одной стороны, и *внесеніе въ государственную и общественную жизнь началъ свободы политической и индивидуальной*, съ другой. Постепенное разрушеніе феодализма—одинъ изъ основныхъ фактовъ западно-европейской исторіи, другой не менѣе важный фактъ—ростъ личнаго и общественнаго самосознанія, соединенный съ стремленіемъ къ самоопредѣленію въ сферахъ индивидуальной и національной жизни. То, что вытекало во Франціи изъ условій, общихъ для нея и для другихъ странъ Западной Европы, и что по мѣстнымъ причинамъ, совершилось въ ней ранѣе, чѣмъ въ этихъ другихъ странахъ (хоть и позднѣе, чѣмъ въ Англіи), должно было — въ иныхъ только формахъ—произойти вездѣ, гдѣ историческая жизнь развивалась изъ такихъ же точно основъ. Но въ исторіи дѣйствуетъ еще и примѣръ: распространеніе французскихъ идей среди разныхъ народовъ подготовило почву для того, чтобы и примѣръ приложенія этихъ идей къ жизни, поданный Франціей, могъ также найти подражаніе. Такимъ образомъ, общія условія быта и общія политическія идеи сами по себѣ были условіями для перехода движенія, начавшагося изъ Франціи, въ другія страны, подобно тому, какъ это уже было съ переходомъ реформаціи изъ Германіи къ разнымъ народамъ католической Европы. Но въ данномъ случаѣ на сцену выступилъ и еще одинъ факторъ.

Въ 1792 г. между революціонной Франціей и монархической Европой началась война, почти безпрерывно продолжавшаяся около четверти вѣка. Въ этой борьбѣ побѣда была на сторонѣ Франціи: въ концѣ-концовъ она отстояла свои новыя учрежденія и произвела цѣлый переворотъ въ самой этой Европѣ, принудивъ даже ея монархическія правительства вступать въ сдѣлки съ правительствомъ, вышедшимъ изъ нѣдръ революціи. *Французская революція была началомъ цѣлаго ряда крупныхъ перемѣнъ:* въ періодъ, о которомъ идетъ рѣчь, не только была передѣлана политическая карта Европы, но и во внутренней жизни разныхъ государствъ подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ Франціи происходили значительныя измѣненія. Вся новѣйшая западно-европейская исторія развивается поэтому въ направленіи, которое ей далъ толчекъ, вышедшій изъ Франціи. „Великая“ революція разрушала не только старую Францію, но и вообще старую Европу. Борьба между новыми началами и стариною тотчасъ же получила международный характеръ, какъ то было и въ эпоху борьбы реформаціи и католической реакціи. Однимъ изъ ближайшихъ результатовъ французскаго переворота было то, что королевская власть и клерикально-феодальные элементы, не особенно между собою ладившіе въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“, теперь одинаково подвергаясь опасности со стороны конституціоннаго и демократическаго движенія, начинаютъ сближаться между собою. Союзъ этотъ одерживаетъ побѣду въ 1814 г.; но побѣдою этою онъ былъ обязанъ новой силѣ, впервые проявленной опять-таки Франціей, силѣ націй, пробудившихся къ исторической жизни подъ вліяніемъ все тѣхъ же великихъ событій эпохи. Старый феодальный строй разлагалъ націи на обособленныя сословія, а при политическомъ режимѣ новаго времени нація поглощалась въ государствѣ, но и для этихъ отношеній наступали новыя времена [1]).

Время отъ начала французской революціи до паденія имперіи Наполеона I (1769—1815), составляя особый періодъ западно-европейской исторіи, можетъ быть подраздѣленъ на два періода—эпоху французской революціи (1789—1799) и эпоху консульства и имперіи или наполеоновскую (1799—1815). Каждый изъ нихъ мы разсмотримъ отдѣльно, но прежде мы должны сдѣлать очеркъ внутренней исторіи Франціи отъ 1715 г. до 1789 г.

---

[1]) Laurent. Les nationalités (X т. его „Etudes sur l'histoire de l'humanité“).

XXX. Царствованіе Людовика XV [1]).

Общее значеніе царствованія Людовика XV.—Личный характеръ Людовика XV.—Уничтоженіе завѣщанія Людовика XIV.—Ссылки на права націи.—Нравственное разложеніе высшаго французскаго общества.—Система Лоу и значеніе ея исторіи.—Разложеніе стараго общества и литература XVIII в. — Роль парламентовъ при Людовикѣ XV.—Министерство Террэ и Мопу.—Борьба съ парламентами въ концѣ царствованія Людовика XV.—Дѣло Бомаршэ и памфлеты противъ Мопу.—Необходимость реформы.

Исторія долгаго царствованія Людовика XV была исторіей слабаго, малодѣятельнаго, нерадиваго правительства, исторіей постепеннаго упадка и разложенія старыхъ порядковъ, но за то и исторіей роста новыхъ общественныхъ силъ и нарожденія новыхъ общественныхъ идей. Уже въ концѣ царствованія Людовика XIV Франція находилась въ весьма тяжеломъ состояніи и нуждалась въ энергичныхъ реформахъ [2]), и тогда уже зарождалось во французской литературѣ оппозиціонное направленіе. Изъ предыдущаго изложенія „старыхъ порядковъ“ и „новыхъ идей“ мы познакомились съ наиболѣе важными сторонами быта дореволюціонной Франціи и съ главнѣйшими направленіями французской оппозиціонной литературы. Изученіе исторіи царствованія Людовика XV показываетъ, какъ мало при немъ измѣнились въ существѣ дѣла старые порядки и какъ мало имѣли практическаго значенія новыя идеи. Чѣмъ неподвижнѣе было само правительство, и чѣмъ далѣе уходили впередъ новыя требованія, предъявлявшіяся государству; чѣмъ неизмѣннѣе оставались дряхлѣвшіе порядки, и чѣмъ быстрѣе происходило общественное развитіе, тѣмъ все болѣе и болѣе увеличивалась пропасть между практикой и теоріей, между объективною и субъективною сторонами жизни. Еще въ концѣ царствованія Людовика XIV намѣчался будущій разладъ. Эпоха Людовика XV ничего не сдѣлала для устраненія старыхъ золъ, ставшихъ совершенно очевидными, и для удовлетворенія новыхъ потребностей, явившихся результатомъ измѣненій въ самой глубинѣ соціальной жизни: пропасть все

[1]) О состояніи Франціи при Людовикѣ XV см. выше, стр. 45—49, 73—76 83—89, 98—106, 119—124, равно какъ указанія на литературу по „старому порядку“ во Франціи на стр. 8, 17, 24, 42, 44, 57, 82, 91, 95, 98, 106, 114. О Людовикѣ XV и его царствованіи: A. Jobez. La France sous Louis XV.—H. Bonhomme. Louis XV et sa famille.—Соч. De Broglie, Boutaric, Pajot, Vandal'я (выше, стр. 128) и др. Кромѣ того, въ соч. Онкена о „Вѣкѣ Фридриха Великаго“ см. отдѣльныя мѣста, посвященныя Франціи при Людовикѣ XV.

[2]) Т. II, стр. 569.

увеличивалась въ своихъ размѣрахъ. Конечно, это должно было отразиться и на общемъ ходѣ дѣлъ въ государственномъ организмѣ, гдѣ все такъ было тѣсно связано между собою. Народное и государственное хозяйство, земледѣліе, промышленность, финансы, были въ разстройствѣ, администрація и правосудіе—также, законодательная дѣятельность—равнымъ образомъ. *Франція досталась Людовику XVI въ такомъ видѣ, что требовалась самая радикальная реформа:* такъ все обветшало, расшаталось и разстроилось, такъ все было запущено, благодаря безпечности и бездѣятельности верховной власти.

Людовикъ XV вступилъ на престолъ пятилѣтнимъ ребенкомъ. Воспитатели съумѣли ему внушить то представленіе о безграничныхъ правахъ королевской власти, которое сдѣлалось оффиціальнымъ политическимъ догматомъ Франціи Людовика XIV [1]), но не внушили мальчику-королю ни малѣйшаго понятія о королевскомъ долгѣ. Въ циническихъ заявленіяхъ, приписываемыхъ Людовику XV: „на нашъ вѣкъ хватитъ" (après nous le déluge) и „будь я на мѣстѣ моихъ подданныхъ, я сталъ бы бунтовать", — были, такъ сказать, формулированы логическіе выводы изъ принциповъ, внушавшихся ему въ дѣтствѣ. Ему было только пять лѣтъ, когда его гувернеръ Вильруа, показывая ему на народъ, собравшійся подъ окнами дворца, говорилъ: „государь! все, что вы видите,—ваше" (tout ce que vous voyez est à vous). До тринадцатилѣтняго возраста Людовикъ XV находился подъ регентствомъ своего родственника, герцога Филиппа Орлеанскаго (1715 — 1723), прославившагося страшнымъ развратомъ. Пришедши въ возрастъ, самъ Людовикъ XV оказался человѣкомъ также порочныхъ наклонностей, легко подчинявшимся вліянію своихъ любовницъ и развратныхъ собутыльниковъ, очень мало интересуясь дѣлами. Сначала послѣдними завѣдовалъ герцогъ Бурбонъ, потомъ кардиналъ Флери (до 1743 года), послѣ чего въ политику стали вмѣшиваться королевскія фаворитки: герцогиня де-Шатору и маркиза де-Помпадуръ (ум. въ 1764 г.), при коей возвысился герцогъ Шуазель, а подъ конецъ царствованія—графиня дю-Барри, добившаяся отставки и ссылки Шуазеля [2]). Сначала къ Людовику XV французы относились съ большою преданностію, называя его возлюбленнымъ (le Bien-aimé); напр., опасная его болѣзнь во время войны за австрійское наслѣдство (въ коей Франція была противъ Австріи) повергла страну въ искреннюю печаль, которая смѣнилась шумною радостью, когда молодой король выздоровѣлъ. Мало-по-малу,

---

[1]) Т. II, стр. 546 и слѣд.

[2]) О m-me de Pompadour соч. Capefigue, Compardon и др., о дю-Барри—соч. Ch. Vatel'я; объ обѣихъ еще писали братья E. et J. Goncourt. Люд. XV былъ женатъ на Маріи Лещинской, о которой есть соч. графини de Ségur.

однако, это чувство перешло въ ненависть и презрѣніе, вызывавшіяся зазорнымъ поведеніемъ Людовика XV и его дурнымъ правленіемъ, которое онъ въ сущности предоставлялъ своимъ фаворитамъ и креатурамъ своихъ метрессъ. Двадцать лѣтъ продолжалось господство г-жи Помпадуръ, которая склонила Людовика XV къ участію въ семилѣтней войнѣ въ союзѣ съ Австріей послѣ того, какъ Марія-Терезія написала всесильной фавориткѣ любезное письмо, назвавъ ее своей „кузиной“. Когда съ лѣтами г-жа Помпадуръ стала утрачивать свою красоту, она продолжала держать Людовика XV въ своихъ сѣтяхъ, между прочимъ, пріискивая ему новыхъ красавицъ, къ коимъ, однако, не позволяла ему привязываться, боясь, какъ бы та или другая не сдѣлалась ея соперницею по вліянію на короля. Расточительность двора при г-жѣ де-Помпадуръ достигла страшныхъ размѣровъ: маркиза распоряжалась государственной казной, какъ собственной шкатулкой, раздавала деньги направо и налѣво, тратила громадныя суммы на придворныя увеселенія, коими она старалась развлекать пресыщеннаго короля и устранять отъ занятія дѣлами, проигрывала въ карты, а не то и просто брала себѣ, такъ что по смерти у нея оказалось весьма значительное состояніе. Если Людовикъ XV чѣмъ особенно интересовался, такъ это разнаго рода интригами: напр., при немъ одновременно съ оффиціальной дипломатіей дѣйствовала еще дипломатія тайная, личный „секретъ короля“ [1]). Безнравственные поступки Людовика XV совершались открыто, а народная молва ихъ еще преувеличивала, такъ что о королѣ во вторую половину его царствованія ходили чудовищные слухи, все болѣе и болѣе дискредитировавшіе королевскую власть въ глазахъ подданныхъ [2]). Въ Людовикѣ XV съ грубымъ развратомъ и съ цинически-легкомысленнымъ отношеніемъ къ государственнымъ дѣламъ соединялись еще страсть къ придворному блеску и большая набожность, поддерживавшія старый союзъ королевской власти съ аристократіей и клиромъ. Общественное настроеніе по отношенію къ нему дѣлалось все враждебнѣе и враждебнѣе, тѣмъ болѣе, что и во внѣшней политикѣ Франція роняла свое достоинство. Особенно болѣзненно отзывалась на національномъ чувствѣ потеря Франціей сѣверо-американскихъ и остъ-индскихъ колоній,

---

[1]) De Broglie. Le secret du roi.

[2]) Между прочимъ, и въ историческую литературу попало извѣстіе объ особомъ „Обществѣ голодовки“ (pacte de famine), т.-е. хлѣбной спекуляціи на счетъ народнаго голода, въ коей участникомъ называли самого Людовика XV. Въ настоящее время это нужно признать за легенду, имѣвшую свою основу въ плохо понятыхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ по хлѣбной торговлѣ. G. Bard. Le pact de famine.—Biollay. Le pacte de famine.—Afanassief. Le pacte de famine.—Г. Е. Аѳанасьевъ изложилъ результаты прежнихъ изслѣдованій и свои собственныя разысканія въ одной главѣ своей книги: „Условія хлѣбной торговли во Франціи въ XVIII в.“ и въ отдѣльной статьѣ (Истор. Обозр., т. II).

перешедшихъ въ руки англичанъ [1]). Польша была старой союзницей Франціи, и послѣдняя ничего не могла сдѣлать, чтобы помѣшать совершиться первому польскому раздѣлу.

Таковъ общій характеръ царствованія Людовика XV. Мы остановимся еще на нѣкоторыхъ его эпизодахъ, наиболѣе характерныхъ для исторіи разложенія старыхъ порядковъ, подготовившаго революцію.

Людовикъ XV вступилъ на престолъ ребенкомъ: въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV перемерли почти всѣ члены его семьи, его сынъ, старшій внукъ (герцогъ Бургундскій) съ женою и двумя своими старшими сыновьями и младшій внукъ (герцогъ Беррійскій), такъ что престолъ долженъ былъ достаться третьему сыну старшаго внука, надъ которымъ должно было быть учреждено регентство. Права на послѣднее принадлежали королевскому племяннику, герцогу Филиппу Орлеанскому, но Людовикъ XIV его очень не любилъ, а въ обществѣ ходилъ даже слухъ, будто этотъ принцъ крови былъ прямой виновникъ всѣхъ смертей въ королевскомъ семействѣ, пролагая себѣ путь къ регентству или даже къ коронѣ. Престарѣлаго Людовика XIV сильно занималъ вопросъ о регентствѣ, занималъ и вопросъ о возможности прекращенія династіи. У него были еще незаконные сыновья отъ одной изъ его метрессъ (г-жи де Монтеспанъ), которыхъ онъ легитимировалъ, и вотъ въ пользу ихъ онъ составилъ духовное завѣщаніе, признавъ за „легитимированными принцами" наслѣдственное право на престолъ, дабы династія не могла прекратиться, и тѣмъ отстраняя отъ трона герцога Орлеанскаго, хотя и ближайшаго родственника королевскаго дома. Мало того: старшій легитимированный принцъ назначался опекуномъ малолѣтняго Людовика XV, а герцогъ Орлеанскій долженъ былъ быть лишь предсѣдателемъ совѣта регентства, въ составъ коего входили легитимированные принцы, маршалы и министры и который долженъ былъ рѣшать всѣ дѣла по большинству голосовъ. За легитимированныхъ принцевъ стояли дворъ, іезуиты, высшіе чины арміи, на сторонѣ герцога Орлеанскаго—парламентъ, янсенисты, люди промышленности и торговли. Парламентъ кассировалъ завѣщаніе Людовика XIV, и герцогъ Орлеанскій, возвратившій парламенту старыя права [2]), былъ объявленъ единоличнымъ регентомъ [3]). *Уничтоженіе завѣщанія Людовика XIV было первымъ шагомъ реакціи противъ его системы*, но герцогъ Орлеанскій былъ далекъ отъ того, чтобы принципіально измѣнить прежніе правительственные порядки и дѣло ограничилось нѣ-

---

[1]) См. выше, стр. 92.

[2]) Т. I, стр. 121 и слѣд. т. II, стр. 403 и слѣд. и выше, стр. 46—47.

[3]) Lemontey. Hist. de la régence et de la minorité de Louis XV.—Ed. Barthelemy. Les filles du régent.—De Seilhac. Vie de l'abbé Dubois.

сколькими мѣрами, лишенными всякой послѣдовательности. Въ одномъ только отношеніи онъ, а съ нимъ и его противники отступили отъ идей покойнаго короля. Людовикъ XIV не признавалъ за французской націей никакихъ правъ [1]), теперь эти права стали въ теоріи признаваться. Принцы крови, враждебно относившіеся къ легитимированнымъ, объявляли, что завѣщаніе Людовика XIV противорѣчитъ самому прекрасному праву націи— праву по собственному усмотрѣнію распорядиться короной въ случаѣ прекращенія династіи. На это легитимированные имъ отвѣчали, что, будучи также королевской крови, они тѣмъ самымъ включены въ договоръ, существующій между націей и царствующимъ домомъ, и что вообще всякое важное государственное дѣло можетъ быть рѣшено въ малолѣтство короля лишь тремя чинами королевства. Права націи и опредѣленно признавались въ эдиктѣ маленькаго короля, коимъ онъ отмѣнялъ распоряженіе своего прадѣда: тутъ прямо говорилось, что въ случаѣ прекращенія династіи нація одна могла бы исправить дѣло мудрымъ выборомъ, королевская же власть не имѣетъ права распоряжаться короной. Въ то же время, тридцать девять членовъ высшаго дворянства заявляли, что такого рода дѣло касается всей націи и потому можетъ быть рѣшено лишь на собраніи трехъ чиновъ королевства. Такимъ образомъ парламенту возвращались его права, что возобновляло его оппозицію противъ неограниченнаго законодательнаго права короля, а заявленія о томъ, что царствующая династія получила свою корону отъ націи,—заявленія, исходившія отъ принцевъ крови, пэровъ Франціи, высшаго дворянства и даже отъ самого короля и соединявшіяся съ ссылками на три чина государства,—указывали, что *въ обществѣ еще не умерла память о генеральныхъ штатахъ*, не собиравшихся уже болѣе ста лѣтъ. Прежде нежели политическая литература второй половины XVIII в. распространила теоріи о народномъ верховенствѣ и національномъ представительствѣ, сама власть какъ бы отрекалась отъ политическихъ принциповъ Людовика XIV, не признававшаго правъ націи и утверждавшаго, что она цѣликомъ заключается въ особѣ короля [2]): указанными заявленіями правительство собственными руками подкапывало подъ собою старыя основы политическаго быта и первое начинало проповѣдовать идеи, несогласныя съ извѣстными теоріями Людовика XIV.

Въ эпоху регентства власть не только теоретически подрывала свои прежнія права, но и *морально роняла себя въ глазахъ общества.* Герцогъ Орлеанскій былъ человѣкъ блестящихъ способностей, но безъ всякаго внутренняго содержанія. Своими скандальными поступками онъ ронялъ достоинство той власти, которую представлялъ, но то, что

---

[1]) Т. II, стр. 547 и слѣд.
[2]) Т. II, стр. 548.

въ этомъ отношеніи было начато регентомъ, продолжалось съ неменьшимъ успѣхомъ и самимъ королемъ, едва онъ пришелъ въ возрастъ. Вмѣстѣ съ монархіей въ лицѣ ея представителей *разлагалось и высшее французское общество, утрачивая въ развращенной жизни, какой стало предаваться съ эпохи регентства, всякое уваженіе со стороны народныхъ массъ.* Привилегированные, на которыхъ во Франціи не лежало мѣстной службы, и которые бѣжали изъ своихъ помѣстій,—вели праздную, полную удовольствій жизнь, центромъ которой былъ королевскій дворъ. Безконечныя траты на роскошь, удовольствія и разгулъ, приводящія къ разоренію, вѣчная праздность, протекающая среди постоянныхъ развлеченій, полное отсутствіе сознанія, что должны же быть у людей обязанности по отношенію къ отечеству, къ народу, легкомысленная веселость и шутливое остроуміе, прикрывающія внутреннюю пустоту,—вотъ обычныя черты, характеризующія жизнь высшаго французскаго общества въ XVIII в.,—общества, равнодушнаго къ общественнымъ дѣламъ, небрежнаго и по отношенію къ частнымъ своимъ дѣламъ, не понимающаго опасности, въ какой находилось собственное его положеніе, благодаря общему разстройству страны [1]).

Уже въ эпоху регентства вполнѣ проявилась вся эта порча старой Франціи. Особенно тутъ характеренъ одинъ эпизодъ,—извѣстная исторія финансовой системы Джона Лоу [2]). Здѣсь не мѣсто излагать подробности этой исторіи, представляющей для насъ двоякій интересъ. Во-первыхъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ крупныхъ финансовыхъ кризисовъ, или, какъ говорятъ еще, „краховъ“, и съ этой точки зрѣнія „система“ Лоу—явленіе весьма любопытное въ исторіи крупныхъ кредитныхъ и промышленно-торговыхъ предпріятій, тѣмъ болѣе, что Франція долго не могла оправиться отъ бѣдственныхъ слѣдовъ краха начала двадцатыхъ годовъ XVIII в. Во-вторыхъ,—и именно эта сторона теперь для насъ особенно любопытна,—исторія „системы“ Лоу—весьма важная страница въ исторіи деморализаціи высшаго французскаго общества. Регента въ 1716 г. расположилъ въ свою пользу шотландскій авантюристъ Джонъ Лоу, сколотившій себѣ милліонное состояніе денежными аферами и уже успѣвшій потерпѣть не одну неудачу въ попыткахъ заинтересовать разныя правительства своими проектами вѣрнаго и быстраго обогащенія. Сначала все шло хорошо: Лоу получилъ разрѣшеніе основать акціонерный банкъ, ссужавшій деньги частнымъ

---

[1]) См. блестящее изображеніе нравовъ высшаго общества у Тэна (въ I т. его „Происхожденія современной Франціи“, переведенномъ и по-русски).

[2]) И. Бабстъ. Джонъ Лоу.—Thiers. Hist. de Law.—Eug. Daire. Économistes financiers du XVIII siècle.—Levasseur. Recherches historiques sur le système de Law.—Horn. Jean Law.—Максъ Виртъ. Исторія торговыхъ кризисовъ.

лицамъ на выгодныхъ условіяхъ и выпускавшій билеты, которыя казна принимала наравнѣ съ деньгами (1717). Но Лоу на этомъ не остановился, а соединилъ еще съ своимъ банкомъ другое предпріятіе—вестъиндскую компанію, тоже акціонерную. Ея акціи стоили при выпускѣ 500 ливровъ, но скоро цѣна ихъ поднялась до 18 и даже 20 тысячъ ливровъ, т. е. увеличилась въ 36—40 разъ, благодаря чему многіе быстро обогатились, купивъ акціи по номинальной цѣнѣ и продавъ ихъ съ громадною прибылью, тогда какъ другіе впослѣдствіи, наоборотъ, разорились, пріобрѣтши эти бумаги по высокой цѣнѣ передъ тѣмъ, какъ онѣ начали затѣмъ падать. Герцогъ Орлеанскій всячески помогалъ Лоу расширять предпріятіе: въ 1718 г. банкъ былъ объявленъ королевскимъ, и его акціи были выкуплены у первоначальныхъ владѣльцевъ; затѣмъ Лоу получилъ монопольныя права остъ-индской компаніи, право чеканки монеты, табачную монополію, откупъ налоговъ. Въ то же время Лоу неумѣренно выпускалъ денежные знаки, на которые былъ большой спросъ въ публикѣ, жадной до легкой наживы, тѣмъ болѣе, что о будущихъ барышахъ разсказывались чудеса. Начался страшный ажіотажъ, и спекулятивныя сдѣлки на акціи приняли ужасающіе размѣры. Первый признакъ пониженія ихъ цѣны былъ, однако, сигналомъ къ началу паники. Прежде всего бросились мѣнять банковые билеты на золото, но золота въ кладовыхъ банка не было. Лоу, назначенный въ 1720 г. генералъ-контролеромъ финансовъ, добился приказа, коимъ запрещалось частнымъ лицамъ имѣть больше 50 ливровъ звонкой монеты подъ строжайшимъ наказаніемъ (конфискаціи и 10 т. л. штрафа), но эта и другія подобныя мѣры не спасли компанію отъ краха, разорившаго массу людей, хотя кто во время успѣлъ реализировать свои бумажныя цѣнности, наоборотъ, обогатился. Въ биржевой игрѣ на повышеніе и пониженіе, смѣшиваясь съ толпою разночинцевъ и простолюдиновъ, принимала участіе вся аристократическая Франція. Знатью овладѣла жажда легкой наживы и сильныхъ ощущеній. Герцогъ Бурбонъ хвастался своимъ портфелемъ, набитымъ акціями, и ему напоминали о томъ, что у его предка были actions (подвиги) получше этихъ. Лица, принадлежавшія къ высшему свѣту, толпились въ передней финансоваго генія, какъ незадолго передъ этимъ толпились развѣ только въ пріемной версальскаго дворца. Многіе изъ нихъ заискивали у лакея Лоу, отъ котораго зависѣло впустить въ кабинетъ своего барина, льстили любовницѣ Лоу. За самимъ директоромъ компаніи ухаживали великосвѣтскія дамы. Весьма важный баринъ, маркизъ д'Уазъ, сдѣлался женихомъ трехлѣтней дочери одного ловкаго спекулянта, нажившаго милліоны, и въ ожиданіи брачнаго возраста невѣсты получалъ отъ будущаго тестя приличную своему званію пенсію. Принцъ Кариньянъ для заключенія сдѣлокъ выстроилъ баракъ

и выхлопоталъ ордонансъ, запрещавшій ихъ совершать гдѣ-либо, кромѣ его помѣщенія. Одинъ молодой аристократъ, родственникъ регента, заманилъ въ кабачекъ биржеваго маклера, который принесъ съ собою акцій на большую сумму и былъ зарѣзанъ съ цѣлью грабежа; потомъ убійцу всенародно казнили на гревской площади. Матеріально аристократія также не мало проиграла вовремя господства „системы", но *главнымъ образомъ она себя обезславила*, вмѣстѣ съ регентомъ, обнаружившимъ страшное легкомысліе во всей этой исторіи. Духовенство тоже проявило жадность къ деньгамъ, столь легко достававшимся, когда „система" еще процвѣтала, и это впослѣдствіи давало въ руки враговъ духовенства лишній противъ него аргументъ. Возбужденное катастрофой общественное мнѣніе нашло самое полное и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма рѣзкое выраженіе въ той сатирической литературѣ, которою во время регентства было начато воспитаніе французскаго общества въ оппозиціонномъ духѣ.

Съ временъ Филиппа Орлеанскаго высшіе представители власти, дворъ, духовная и свѣтская аристократія, все болѣе и болѣе катились по наклонной плоскости къ той пропасти, которая должна была ихъ поглотить. Вообще отрицательное отношеніе къ королевской власти, къ католической церкви, къ феодальному дворянству, характеризующее литературу въ царствованіе Людовика XV, не было результатомъ одного только теоретическаго разсужденія, извлекавшаго свои выводы изъ посылокъ раціоналистической философіи, но отражало на себѣ и все то презрѣніе и негодованіе, какое должны были ощущать въ себѣ лучшіе люди изъ всѣхъ общественныхъ классовъ, непосредственно наблюдая жизнь высшихъ сословій, въ рукахъ коихъ были вся власть, все вліяніе на общественныя дѣла, всѣ почести, привилегіи и права, недоступныя для другихъ. Начиная съ памфлетовъ, явившихся по поводу катастрофы „системы" Лоу или вообще направленныхъ противъ регента, начиная съ знаменитыхъ „Les j'ai vu", приписывавшихся молодому Вольтеру [1]), и съ написанныхъ около того же времени „Персидскихъ писемъ" Монтескье [2])— до самаго кануна революціи жизнь высшаго французскаго общества давала писателямъ XVIII в. не мало аргументовъ противъ „стараго порядка", оказывавшагося несостоятельнымъ и съ другой точки зрѣнія—въ томъ именно общемъ внутреннемъ разстройствѣ, которое мало озабочивало развѣ лишь самого Людовика XV и его дворъ. Въ то время, какъ въ литературѣ проповѣдовались новые принципы, привилегированные, съ своей стороны, не выставили ни одного крупнаго писателя, который вооружился бы въ защиту порядка,

---

[1]) См. выше, стр. 157.

[2]) См. выше, стр. 175 и слѣд.

подкапывавшагося въ самыхъ своихъ основахъ. Мало того: на словахъ аристократы нерѣдко раздѣляли воззрѣнія „плебейской философіи“ [1]), да и среди великосвѣтскихъ аббатовъ были вольнодумцы.

Хотя „старый порядокъ“ основывался на солидарности между королевскою властью и привилегированными, дѣло все-таки не обходилось безъ столкновеній между этими союзниками,—столкновеній, которыя, впрочемъ, не оказывали значительнаго вліянія на общій ходъ дѣлъ. Главнымъ оплотомъ консервативныхъ интересовъ были парламенты, съ коими, какъ мы видѣли въ другомъ мѣстѣ [2]), у королевской власти происходили въ XVIII в. довольно рѣзкія коллизіи. Защищая „старый порядокъ“, парламенты, однако, хранили въ себѣ традиціи прежней сословной монархіи, давно уже уступившей мѣсто королевскому абсолютизму, и въ то же время ссылались на новыя политическія идеи, такъ что ихъ оппозиція получала революціонный характеръ и тѣмъ располагала въ свою пользу общественное мнѣніе, находившееся подъ вліяніемъ новыхъ общественныхъ ученій. *Борьба между королевскою властью и парламентами въ царствованіе Людовика XV представляетъ изъ себя одинъ изъ наиболѣе ясныхъ признаковъ разложенія ancien régime* [3]). Людовикъ XIV не допускалъ никакой самостоятельности парламента, и если послѣдній тѣмъ не менѣе сталъ играть снова политическую роль, начавъ съ уничтоженія его завѣщанія, то это одно уже указываетъ на ослабленіе абсолютизма. Съ другой стороны, не нужно забывать, что члены парламента въ сущности были чиновники, и ихъ оппозиція получала характеръ, такъ сказать, прямого противодѣйствія правительству со стороны собственныхъ его слугъ. Не представляя собою закономѣрнаго ограниченія королевской власти отъ имени націи, парламентское вмѣшательство въ законодательную сферу тѣмъ не менѣе было однимъ изъ препятствій, тормозившихъ во Франціи преобразованія: когда правительство задумало реформы, парламентская оппозиція, стала поперекъ дороги, и нація сдѣлалась свидѣтельницей распри между королевскою властью и стариннымъ учрежденіемъ, насчитывавшимъ чуть не столько же вѣковъ существованія, какъ сама монархія, и еще болѣе, нежели сама она, сдѣлавшагося главнымъ оплотомъ консервативныхъ интересовъ. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ сказать, чтобы парламентъ жилъ въ мирѣ и съ другими силами старой Франціи: между парламентской

---

[1]) См. выше, стр. 152.

[2]) См. выше, стр. 46—47.

[3]) Литературу о парламентахъ см. на стр. 44. Кромѣ того: Aubert. Le parlement de Paris.—См. также общія исторіи XVIII в. во Франціи и исторіи царствованія Люд. XV, а также соч. Guglia (выше, стр. 399), Rocquain'a (выше, стр. 401) и Chérest'a (выше, стр. 399).

аристократіей, т.-е. такъ называемой noblesse de robe, и аристократіей феодальной, или noblesse d'épée существовалъ сословный антагонизмъ; въ дѣлѣ изгнанія изъ Франціи іезуитовъ, пользовавшихся большимъ вліяніемъ въ духовенствѣ, парламенту принадлежала одна изъ самыхъ главныхъ ролей [1]). Наконецъ не менѣе любопытно и то, что члены учрежденія, стоявшаго на стражѣ всякихъ привилегій, защищавшаго все старое и обветшалое, преслѣдовавшаго „философовъ" и сжигавшаго ихъ сочиненія, сами начинали говорить революціоннымъ языкомъ, заимствуя изъ оппозиціонной литературы ея идеи и даже ея фразеологію. И въ этомъ нельзя не видѣть одного изъ признаковъ разложенія „стараго порядка", ибо разъ вещь не соотвѣтствуетъ своему принципу, это уже указываетъ на начало ея паденія. Вообще интересно то, что *первое нападеніе на королевскую власть сдѣлано было во Франціи со стороны представителей стараго порядка.*

Въ другой связи мы упоминали уже о главныхъ случаяхъ столкновеній между королевскою властью и парламентами при Людовикѣ XV. Въ серединѣ XVIII в. составилась такая теорія, будто парламенты суть лишь отдѣленія (classes) общефранцузскаго учрежденія, безъ согласія коего не можетъ быть издано ни одного закона. Въ этомъ смыслѣ писались сочиненія, доказывавшія изначальность (съ меровингской эпохи) правъ парламентовъ. Вскорѣ послѣ этого парижскому парламенту пришлось играть упомянутую уже роль въ дѣлѣ уничтоженія ордена іезуитовъ во Франціи, причемъ на сторонѣ магистратуры было тогда и большинство „философовъ", хотя самъ парламентъ былъ далекъ отъ того, чтобы пользоваться тогдашними философскими аргументами противъ ордена, такъ какъ въ доводахъ противъ іезуитовъ, шедшихъ еще съ середины XVI в., во Франціи никогда не бывало недостатка, да и самая вражда парламента къ іезуитамъ была очень старинной. Около того же времени (1763) парижскій парламентъ объявилъ, протестуя противъ новыхъ эдиктовъ о налогахъ, что обложеніе, вынужденное посредствомъ lit de justice, есть низверженіе основныхъ законовъ королевства. Къ такого рода заявленію примкнули парламенты въ Руанѣ и Бордо, такъ какъ ученіе о томъ, что всѣ парламенты, какъ „классы" единаго учрежденія, должны дѣйствовать солидарно,—все болѣе и болѣе входило въ сознаніе провинціальной магистратуры. На этой почвѣ и подготовился самый рѣзкій конфликтъ между парламентами и королевскою властью въ концѣ царствованія Людовика XV.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ правительство проявило нѣкоторую энергію. Еще при Шуазелѣ, положеніе коего покачнулось послѣ смерти г-жи де-Помпадуръ и подъ вліяніемъ не любившей его г-жи дю-Барри,

---

[1]) См. выше, стр. 372—373.

канцлеромъ Франціи былъ назначенъ (1768) Мопу [1]), а генералъ-контролеромъ финансовъ (1769) его другъ аб. Террэ. Оба они были люди рѣшительные, а старыя преданія надъ ними не имѣли никакой силы. Первымъ выступилъ Террэ съ новыми финансовыми мѣрами. Финансы во Франціи были разстроены [2]). Система налоговъ была крайне несовершенна; расходы не соотвѣтствовали доходамъ и не подлежали никакому контролю; никто не зналъ настоящей цифры ни тѣхъ, ни другихъ, казна не выходила изъ долговъ, и самые долги эти возрастали непомѣрно. Единственная попытка уменьшить цифру долга посредствомъ ежегоднаго погашенія сдѣлана была при Людовикѣ XV, когда Машо (Machault) создалъ, въ 1764 г., для этого особую кассу (caisse d'amortissement), которая въ шесть лѣтъ уменьшила долгъ на 76 милліоновъ. Террэ захватилъ предназначенныя для этой цѣли суммы и прекратилъ дальнѣйшее погашеніе государственнаго долга: министръ менѣе всего отличался церемонностью. Въ 1770 г. ему предстояло прямо выбирать между объявленіемъ полнаго банкротства или сокращеніемъ платежей по долговымъ обязательствамъ кредиторамъ государства: онъ предпочелъ послѣднее, т.-е. произвольно уменьшилъ ренты, выплачивавшіяся казною лицамъ, которымъ она была должна, что вызвало всеобщее негодованіе. Парламентъ, членовъ котораго эта мѣра не задѣвала, не протестовалъ, однако, противъ такого правонарушенія. Нельзя не замѣтить, что у Террэ все-таки еще было нѣкоторое пониманіе истиннаго положенія дѣлъ: онъ стремился къ экономіи и дѣлалъ Людовику XV указанія на необходимость перемѣны въ способахъ веденія государственнаго хозяйства, хотя совершенно тщетно, ибо на однѣ свадебныя торжества, когда будущій Людовикъ XVI, внукъ и наслѣдникъ короля, женился на дочери Маріи-Терезіи, были потрачены громадныя суммы денегъ.

Между тѣмъ произошли нѣкоторыя событія, приведшія въ столкновеніе съ правительствомъ парламенты. Бретанскій губернаторъ, герцогъ д'Эгильонъ запятналъ себя разными злоупотребленіями по своей должности и былъ наконецъ отозванъ. Мѣстный парламентъ (ренскій), жившій съ нимъ въ ссорѣ, и провинціальные штаты Бретани возбу-

---

[1]) Maupeou. О немъ соч. Flammermont (Le chancelier Maupeou et le parlement).

[2]) Clamageran. Hist. de l'impôt en France.—Vuitry. Etudes sur le régime financier en France avant la révolution.—Noël. Etudes sur l'organisation financière de la France.—De Nervo. Les finances françaises sous l'ancienne monarchie etc.—Stourm. Les finances de l'ancien régime et de la révolution.—A. Vührer. Histoire de la dette publique en France.—См. также новѣйшее соч. Gomel'я „Des causes financiéres de la révolution française“.—Н. Бржескій. Податная реформа. Французскія теоріи XVIII в.

дили противъ него процессъ и нашли поддержку со стороны парижскаго парламента, но дворъ взялъ герцога подъ свою защиту, и король хотѣлъ прекратить все дѣло: процессъ тянулся въ парижскомъ парламентѣ уже около двухъ мѣсяцевъ, когда Людовикъ XV предписалъ считать герцога д'Эгильона свободнымъ отъ всякаго обвиненія (1770) Парижскій парламентъ не повиновался. Объявивъ герцога лишеннымъ правъ и привилегій пэра, пока онъ не очистится отъ подозрѣній, позорящихъ его честь, онъ протестовалъ противъ стремленія двора „низвергнуть старое государственное устройство и лишить законы ихъ равной для всѣхъ власти", поставивъ на ихъ мѣсто голый произволъ. Провинціальные парламенты заявили свою солидарность съ парижскимъ. 24 ноября 1770 г. появился составленный канцлеромъ Мопу королевскій эдиктъ противъ парламентовъ. Они обвинялись въ томъ, что проповѣдуютъ новые принципы, будто они представители націи, непремѣнные выразители королевской воли, стражи государственнаго устройства и т. п. „Мы, говорилъ Людовикъ XV въ своемъ эдиктѣ,— мы держимъ власть нашу исключительно отъ Бога: право издавать законы, коими должны управляться наши подданные, принадлежитъ намъ вполнѣ и безраздѣльно". Поэтому парламентамъ запрещалось говорить объ ихъ единствѣ и о „классахъ" единаго учрежденія, сноситься между собою, прерывать отправленіе правосудія и протестовать посредствомъ коллективныхъ отставокъ, какъ это дѣлалось прежде. Парламентъ протестовалъ противъ этого эдикта: судьи въ немъ увидѣли нѣчто противное основнымъ законамъ королевства и, объявивъ, что не считаютъ себя достаточно свободными, чтобы постановлять приговоры о жизни, имуществѣ и чести подданныхъ короля, прекратили отправленіе правосудія. Тогда Мопу рѣшился на самую рѣзкую мѣру. Добившись у Людовика XV отставки Шуазеля, со стороны котораго опасался противодѣйствія, канцлеръ послалъ въ ночь съ 19 на 20 января 1771 г. мушкетеровъ ко всѣмъ членамъ парламента съ требованіемъ немедленно отвѣтить посредствомъ письменнаго „да" или „нѣтъ", желаютъ ли они возвратиться къ исполненію своихъ обязанностей. Сто двадцать членовъ отвѣчало отказомъ, и ихъ сослали, равно какъ и другихъ 38 человѣкъ, которые, давъ сначала согласіе, потомъ заявили, что солидарны съ своими товарищами. Ихъ должности, составлявшія частную ихъ собственность, были конфискованы и объявлены вакантными, а обязанности судей должны были исполнять особыя коммиссіи изъ членовъ государственнаго совѣта. Въ былыя времена ссылка членовъ парламента была лишь средствомъ заставить ихъ быть сговорчивѣе и уступчивѣе, но теперь дѣло получило болѣе серьезный характеръ. 23 февраля Мопу объявилъ судебной коммиссіи, заступившей мѣсто парламента, что король рѣшилъ въ округѣ парижскаго парламента

учредить шесть новыхъ высшихъ судовъ (conseils supérieurs) и начать общую судебную реформу, уничтоживъ продажность должностей, замѣнивъ наслѣдственныхъ судей назначаемыми отъ правительства и оплачиваемыми жалованьемъ, отмѣнивъ взносы тяжущихся въ пользу судей, упростивъ, ускоривъ и удешевивъ судопроизводство. Эти обѣщанія никого не удовлетворили, такъ что совершенно безуспѣшно Вольтеръ, сочувствовавшій возвѣщенной реформѣ, напоминалъ обществу процессы Каласа и Сирвена, лежавшіе несмываемымъ пятномъ на старомъ судопроизводствѣ [1]). Оставаясь вѣрнымъ идеѣ „просвѣщеннаго абсолютизма“, Вольтеръ привѣтствовалъ ударъ, нанесенный парламенту рукою министра, но громадное большинство думало иначе: парламентъ, говорили въ обществѣ, защищалъ свободу отъ деспотизма, а „революція“ [2]), совершенная Мопу, наоборотъ, уничтожала всякія преграды, сдерживавшія произволъ власти. Къ тому же и поводъ, изъ-за котораго произошла распря съ парламентомъ, былъ выбранъ весьма неудачно. Новый судъ не пользовался довѣріемъ, и адвокаты даже отказывались имѣть въ немъ дѣла. Въ тогдашней прессѣ чуть не одинъ Вольтеръ указывалъ на то, что „основными законами“, защищавшимися парламентомъ, были всѣ тѣ злоупотребленія, отъ которыхъ страдалъ народъ. Бо̀льшая часть тогдашнихъ памфлетовъ обрушилась на „майордома“ (le maire du palais) Мопу, какъ на врага націи. Провинціальные парламенты объявляли, что все совершившееся противозаконно и что лица, которыя возьмутъ на себя исполненіе судейскихъ обязанностей въ новыхъ судахъ, суть негодяи. Протестовала и высшая финансовая палата (cour des aides), осмѣлившаяся потребовать созванія генеральныхъ штатовъ и заявившая при этомъ, что она защищаетъ „дѣло народа, отъ котораго и во имя котораго (par qui et pour qui) король царствуетъ“. За парламентъ заступились также принцы крови и пэры Франціи, подавшіе королю особый мемуаръ. Ничего подобнаго не происходило во Франціи со временъ фронды [3]), но Мопу былъ непреклоненъ. Протестовавшіе парламенты были уничтожены, и судьи лишены своихъ должностей; cour des aides была равнымъ образомъ уничтожена; принцы крови и пэры, подписавшіе мемуаръ, удалены отъ двора. Такимъ образомъ *въ началѣ семидесятыхъ годовъ королевская власть была въ открытой борьбѣ съ консервативными силами Франціи*, и монархія наносила ударъ учрежденіямъ, которыя были почти столь же древни, какъ и она сама. У Мопу былъ цѣлый планъ судебной реформы въ духѣ

---

[1]) См. выше, стр. 166.

[2]) Ср. лондонскій памфлетъ 1774 г. Journ. hist. de la rèvolution opérée dans la constitution de la monarchie française par M. de Maupeou, chancelier de France.

[3]) Т. II, стр. 402—405.

новыхъ идей, но пора для опыта примѣненія къ Франціи „просвѣщеннаго абсолютизма“, повидимому, миновала. Вновь учрежденный въ Парижѣ судъ (апрѣль 1771 г.) получилъ насмѣшливое названіе „парламента Мопу“, которое было распространено и на суды, открытые передъ тѣмъ въ шести другихъ городахъ. Въ памфлетахъ эпохи къ „парламенту Мопу“ относились, какъ къ „вертепу разбойниковъ“ (caverne des voleurs). Мѣсто его засѣданій пришлось окружить войскомъ, чтобы народъ не сдѣлалъ на него нападенія, но и это также эксплуатировалось врагами новаго суда: могли ли-де быть свободными приговоры судей, находившихся подъ военной охраной? Къ лицамъ, принявшимъ на себя должности въ новомъ судѣ, относились съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Реформа тѣмъ не менѣе была проведена, и мало-по-малу общественное мнѣніе успокоилось; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народу даже стали нравиться новые суды, и бывали случаи, что толпа прямо стала выражать свое неодобреніе членамъ прежнихъ судовъ. Старая магистратура продолжала оказывать сопротивленіе: ея представители въ большинствѣ не хотѣли возвращаться къ судейской службѣ и не хотѣли брать предлагавшихся имъ денегъ въ видѣ выкупа принадлежавшихъ имъ мѣстъ, не смотря на то, что для этого былъ назначенъ срокъ (1 апр. 1773 г.); и королевская казна поэтому оставалась въ выигрышѣ на цѣлыхъ 80 милліоновъ. Успокоеніе общественнаго мнѣнія было однако лишь временнымъ: едва скончался Людовикъ XV, какъ общество стало высказываться съ такою силою за парламенты, что Людовикъ XVI счелъ нужнымъ ихъ возстановить. Мы еще увидимъ, что *въ новое царствованіе парламенты сдѣлались главными противниками реформъ, и что между ними и королевскою властью произошла новая борьба*, бывшая, такъ сказать, уже прелюдіей къ великой революціи.

Какъ отнеслось общество къ судебной реформѣ Мопу, видно изъ одного любопытнаго эпизода, характеризующаго тогдашнее настроеніе. Въ это время во Франціи начиналъ свою литературную дѣятельность Бомаршэ [1]), публицистъ и драматургъ, впослѣдствіи авторъ „Севильскаго цирюльника“ (1775) и „Свадьбы Фигаро“ (1784) и издатель полнаго собранія сочиненій Вольтера. У Бомаршэ былъ въ новомъ парижскомъ судѣ процессъ по взысканію одного долга; онъ этотъ процессъ проигралъ, возбудивъ противъ себя еще обвиненіе въ попыткѣ подкупить судью. Дѣло въ томъ, что Бомаршэ, нуждаясь переговорить съ докладчикомъ по своему дѣлу и не получивъ къ нему

---

[1]) L. de Loménie. Beaumarchais et son temps (автору этой прекрасной монографіи принадлежитъ еще соч. о семействѣ Мирабо, о чемъ ниже), а кромѣ того, сочиненія Bettelheim'a, Lintilhac'a и ст. Алексѣя Н. Веселовскаго въ „Вѣстн. Евр.“ за 1887 г.

доступа, сдѣлалъ подарокъ женѣ этого судьи, и та ему устроила свиданіе съ своимъ мужемъ,—что и послужило потомъ поводомъ къ осужденію Бомаршэ за подкупъ судьи. Остроумный и не особенно застѣнчивый писатель перенесъ свое дѣло на судъ общественнаго мнѣнія, съумѣлъ смѣшать съ грязью „парламентъ Мопу“ въ блестящихъ памфлетахъ, въ коихъ его личное дѣло было представлено, какъ имѣющее общественный интересъ. Читая „мемуары“ Бомаршэ, смѣялась вся грамотная Франція и съ нею вмѣстѣ самъ Людовикъ XV. Бомаршэ сдѣлался героемъ дня, и представители высшаго общества всячески выражали ему свое сочувствіе, хотя свое личное дѣло онъ связалъ не съ тою консервативною оппозиціей, которая проявилась въ протестахъ парламента и принцевъ крови, а съ новыми либеральными идеями, нашедшими выраженіе и въ его безсмертныхъ комедіяхъ. Вообще тогдашняя памфлетная пресса въ вопросѣ о парламентахъ становилась на точку зрѣнія господствовавшей политической теоріи, а таковою была доктрина Руссо. Правительственныя заявленія въ смыслѣ абсолютизма королевской власти встрѣчали возраженія въ духѣ ученія о народномъ верховенствѣ. Напр., угроза одного изъ министровъ бретанскимъ провинціальнымъ штатамъ, что они въ три дня будутъ кассированы, если станутъ отстаивать парламентъ, вызвала летучій листокъ подъ заглавіемъ „Le propos indiscret“, гдѣ конфликтъ правительства съ сословно-представительнымъ учрежденіемъ названной провинціи разсматривался съ точки зрѣнія „общественнаго договора“, нарушаемаго королемъ, „т.-е. агентомъ націи“, желающимъ превратить въ „рабовъ“ двадцать милліоновъ „свободныхъ гражданъ“. *Прежде чѣмъ сдѣлаться основою новаго политическаго порядка, новыя политическія идеи послужили знаменемъ, подъ которое стала консервативная оппозиція*, въ сущности относящаяся къ той же самой категоріи явленій, къ коей принадлежитъ бельгійская и венгерская клерикально-аристократическая оппозиція противъ „просвѣщеннаго абсолютизма“ Іосифа II. Въ концѣ царствованія Людовика XV французскій абсолютизмъ сдѣлалъ попытку уничтожить все, что̀ въ „старомъ порядкѣ“ было для него стѣснительно, но оппозиція, встрѣченная имъ со стороны защитниковъ всякой старины, искала санкціи въ новыхъ политическихъ ученіяхъ революціоннаго характера и находила поддержку въ обществѣ, уже не довольствовавшемся программою Вольтера.

„Парламентъ Мопу“, коему по старому обычаю были представлены новыя распоряженія Террэ относительно повышенія многихъ налоговъ и вообще увеличенія доходовъ казны, разумѣется, не подымалъ никакихъ споровъ. Террэ не удалось только завести экономію. За свадьбою дофина слѣдовала свадьба его брата, гр. Прованскаго, стоившая страшно дорого, и расходы двора возрасли до $42^1/_2$ милліоновъ

ливровъ, что въ 1774 г. составляло 1/7 всѣхъ доходовъ государства. Всѣ худшія стороны старой финансовой политики въ годы управленія Террэ только получили дальнѣйшее развитіе, но министръ видѣлъ, что такъ идти далѣе нельзя, и думалъ о необходимости реформы. Съ Мопу и Террэ французская монархія какъ бы вступала въ періодъ правительственныхъ преобразованій, а новое царствованіе, начавшееся въ 1774 г., въ этомъ отношеніи обѣщало, повидимому, весьма многое, такъ какъ къ власти прямо призывался настоящій „философъ", уже успѣвшій засвидѣтельствовать свои административныя способности въ качествѣ интенданта одной провинціи, гдѣ имъ были проведены кое-какія реформы: 10 мая Людовикъ XVI вступилъ на престолъ, а 19 іюля въ министерство призванъ Тюрго.

XXXI. Тюрго и неудача его реформы[1].

Людовикъ XVI и придворная обстановка.—Новые министры.—Прошлое Тюрго.—Его правительственная программа.—Преобразовательные планы Тюрго.—Мемуаръ о муниципалитетахъ.—Идея самоуправленія.—Намѣренія Тюрго относительно феодальныхъ правъ.—Реформы Тюрго.—Консервативная оппозиція и судьба этихъ реформъ.—„Мучная война".—Тюрго и парламентъ.—Тюрго и духовенство.—Роль королевы въ паденіи Тюрго.—Отставка министра-реформатора.—Общій взглядъ на его историческое значеніе.

Людовику XVI при вступленіи на престолъ, было только двадцать лѣтъ. Воспитанный клерикальнымъ гувернеромъ въ полномъ незнаніи жизни и въ совершенномъ незнакомствѣ съ государственными дѣлами, благожелательный и съ лучшими намѣреніями, но не обладавшій необходимыми для правителя способностями, онъ былъ къ тому же еще человѣкомъ безхарактернымъ, нерѣшительнымъ, легко подчинявшимся вліянію окружающей среды. Его пассивную натуру

---

[1]) О царствованіи Людовика XVI см. Droz. Hist. du règne de Louis XVI.—Renée. Louis XVI et sa cour.—Jobez. La France sous Louis XVI.—Реформы Людовика XVI: Semichon. Les réformes sous Louis XVI.—Lavergne. Les assemblées provinciales sous Louis XVI.—И. Лучицкій. Провинціальныя собранія при Людовикѣ XVI и ихъ политическая роль.—О Тюрго громадная литература (на рускомъ языкѣ: Муравьевъ. Тюрго, его ученая и административная дѣятельность.—Г. Аѳанасьевъ. Главные моменты министерской дѣятельности Тюрго). Daire. Notice sur la vie de Turgot.—D'Hugues. Essai sur l'administration de Turgot dans la généralité de Limoges.—Batbie. Turgot philosophe, économiste et administrateur.—Mastier. Turgot, sa vie et sa doctrine.—De Larcy. Louis XVI et Turgot.—Tissot. Turgot, sa vie, son administration, ses ouvrages.—Foncin. Essai sur le ministère de Turgot.—Léon Say. Turgot (въ коллекціи „Les grands écrivains français").—Gomel (выше, стр. 416), Chérest (см. стр. 399) и др.

могли расшевелить только охота да полюбившееся ему слесарное дѣло. Рядомъ съ нимъ стояла молодая, легкомысленная, любившая увеселенія и расточительная королева Марія Антуанета [1]), которую во Франціи очень не любили, какъ „австріачку" (l'Autrichienne), нарочно яко бы выданную замужъ за Людовика XVI, чтобы подчинить французскую политику видамъ вѣнскаго двора. Она имѣла на своего мужа пагубное вліяніе, равно какъ его братья—гр. Прованскій и гр. д'Артуа. Молодые люди предавались, очертя голову, веселой придворной жизни, на которую ухлопывались громадныя суммы денегъ, и первые шаги короля на пути реформъ, требовавшихъ экономіи, тотчасъ же непріятнымъ образомъ подѣйствовали на его жену, на его братьевъ, на придворныхъ, начавшихъ упрекать Людовика XVI въ мѣщанскомъ поведеніи. Слабохарактерному молодому человѣку трудно было сопротивляться вліянію придворной жизни. Французскій король, отдаленные предки котораго были когда-то лишь „первыми между равными" и который продолжалъ считаться первымъ дворяниномъ въ королевствѣ, благодаря развитію придворнаго быта, сдѣлался какъ бы первымъ придворнымъ: вся его жизнь протекала при дворѣ; съ утра до ночи, вставая съ постели, принимая пищу, отходя ко сну, онъ былъ окруженъ куртизанами; церемоніи, пріемы, увеселенія, въ коихъ онъ долженъ былъ участвовать, не оставляли ему времени, чтобы уединиться отъ людей, чтобы чѣмъ-либо заняться; вѣчно окруженный придворными, онъ на все смотрѣлъ ихъ глазами, во всемъ раздѣлялъ ихъ идеи; придворные интересы, интриги, сплетни отодвигали на задній планъ внутреннія дѣла государства; отъ этой жизни на-показъ, отъ этой вѣчной выставки королю нуженъ былъ отдыхъ, и вотъ Людовикъ XVI отдыхалъ за своимъ станкомъ. Фридрихъ II, въ государствѣ котораго дворянство служило въ арміи и въ канцеляріяхъ, удивлялся распорядку жизни французскаго короля и говорилъ, что будь онъ на его мѣстѣ, онъ первымъ своимъ указомъ назначилъ бы особаго короля, который былъ его замѣстителемъ при дворѣ. До самой революціи Версаль продолжалъ жить своею веселою, беззаботною, дорого стоившею жизнью, и Людовикъ XVI былъ безсиленъ освободиться отъ тяжкаго рабства, на которое былъ обреченъ установившимися порядками. Если онъ и вырывался на свободу, то только для охоты. Его дневникъ былъ, по мѣткому выраженію одного историка, дневникомъ какого-то доѣзжачаго, да и впослѣдствіи, когда революція переселила его изъ Версаля въ Парижъ и обрекла на сидячую жизнь въ Тюльери, онъ страшно тосковалъ, что больше нельзя было охотиться, и

[1]) Трагическая судьба этой королевы породила цѣлую литературу, о которой см. ниже.

съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ другіе предавались этой благородной страсти. Мы уже упоминали, что въ своемъ дневникѣ онъ отмѣчалъ словомъ „ничего“ числа, въ которыя не было охоты, но въ которыя совершались самыя крупныя событія революціи.

Таковъ былъ новый король и такова была его жизненная обстановка. Съ новымъ царствованіемъ выступили на сцену новые люди. Герцогъ д'Эгильонъ и покровительствовавшая ему графиня дю-Барри были удалены отъ двора, а на постъ перваго министра назначенъ семидесятитрехлѣтній гр. Морепа, занимавшій когда-то (до 1749) постъ морского министра, но лишившійся этого мѣста и высланный въ провинцію за злую эпиграмму на Помпадуръ. Цѣлыя двадцать пять лѣтъ этотъ эксъ-министръ, попавшій въ немилость, жилъ въ удаленіи отъ всякихъ дѣлъ, нисколько не измѣнивъ своего легкомысленнаго нрава и не отказываясь отъ удававшагося ему острословія, за которымъ скрывалась совершенная пустота мысли. Это былъ выборъ короля, а Марія Антуанета желала бы видѣть у власти Шуазеля, всегдашняго сторонника болѣе тѣснаго союза съ Австріей. Выборъ самъ по себѣ былъ не изъ удачныхъ, но Морепа стремился къ популярности и, вовсе не будучи представителемъ какой-либо правительственной идеи, думалъ, отчего же не попробовать было бы съ реформами, коихъ требовало общественное мнѣніе. Назначивъ на постъ министра иностранныхъ дѣлъ Вержена, онъ лишилъ должностей Мопу и Террэ, которые были даже сосланы въ свои имѣнія къ великому удовольствію публики. Въ то же время на постъ сначала морского министра (19 іюля), а потомъ генералъ-контролера финансовъ (24 авг.) былъ призванъ лиможскій интендантъ Тюрго.

Тюрго—одна изъ самыхъ крупныхъ личностей предреволюціонной Франціи. Мыслитель, принадлежавшій къ числу „философовъ“, одинъ изъ наиболѣе крупныхъ представителей физіократической школы экономистовъ, *онъ выступилъ въ роли государственнаго человѣка, у котораго былъ цѣлый планъ преобразованій, долженствовавшихъ пересоздать Францію.* Реформы Тюрго потерпѣли, однако, неудачу, разбившись, какъ и преобразованія Іосифа II, о консервативную оппозицію, но тѣмъ не менѣе на нихъ съ интересомъ останавливались историки, а нѣкоторые историки даже утверждали, что не помѣшай министру-реформатору эта оппозиція и безхарактерность короля, во Франціи была бы предотвращена революція, т.-е. ее въ исторіи возрожденія Франціи замѣнила бы мирная реформа.—Тюрго, происходившій изъ древняго нормандскаго рода, родился въ 1727 г. въ Парижѣ и получилъ богословское образованіе въ Сорбоннѣ, гдѣ обратилъ на себя вниманіе своими выдающимися способностями, съ которыми какъ-то не гармонировала его робость, неловкость и застѣнчивость, не поки-

давшая его всю жизнь. Уже будучи министромъ, онъ извинялся однажды передъ Людовикомъ XVI въ томъ, что чувствуетъ себя смущеннымъ, и король на это ему отвѣтилъ, что знаетъ о его конфузливости. Въ Сорбоннѣ молодой Тюрго, уже тогда интересовавшійся экономическими вопросами [1]), изучалъ главнымъ образомъ богословскіе предметы, выдерживалъ установленные экзамены и получалъ соотвѣтственныя званія. Въ 1749 г. онъ достигъ почетнаго званія пріёра (prieur), въ качествѣ какового въ слѣдующемъ 1750 г. произнесъ двѣ рѣчи, имѣющія важное значеніе въ исторіи идеи прогресса въ XVIII в. [2]). Въ одной рѣчи молодой клирикъ говорилъ о выгодахъ, доставленныхъ человѣческому роду введеніемъ христіанства, во второй—о послѣдовательныхъ успѣхахъ человѣческаго ума. Въ томъ же году Тюрго оставилъ Сорбонну, отказавшись вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ церковной карьеры: въ это время онъ уже посылалъ Вольтеру свои стихи, выходившіе, впрочемъ, совсѣмъ неудачными. Послѣ этого Тюрго поступилъ на государственную службу и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ занималъ уже должность интенданта въ Лиможѣ. До своего отъѣзда изъ Парижа въ Лимузенъ онъ близко сошелся со многими „философами“, съ д'Аламберомъ, съ Гельвеціемъ, съ Кондорсэ и др., равно какъ съ экономистами, съ Кенэ, Мирабо-отцомъ, Дюпонъ-де-Немуромъ и около 1762 г. познакомился съ Адамомъ Смитомъ, а съ аб. Морелле онъ сошелся еще во время ученія въ Сорбоннѣ. Черезъ д'Аламбера онъ свелъ личное знакомство съ Вольтеромъ, который привѣтствовалъ впослѣдствіи его вступленіе въ министерство, какъ зарю новаго будущаго, крайне былъ опечаленъ его отставкой и во время своихъ предсмертныхъ тріумфовъ въ Парижѣ [3]) впослѣствіи цѣловалъ его руку, „подписавшую спасеніе народа“. Д'Аламберъ пригласилъ Тюрго сотрудничать въ Энциклопедіи [4]), гдѣ онъ написалъ нѣсколько статей, между прочимъ, статью о „существованіи“ (existence), появленіе коей сдѣлалось цѣлымъ литературнымъ событіемъ. Главною специальностью Тюрго стала, однако, не философія, а политическая экономія. Въ этой области онъ сочеталъ идеи Кенэ съ идеями Гурнэ, сторонника полной свободы промышленности и торговли, коему принадлежитъ знаменитая формула: „lassez faire, laissez passer“ [5]). Въ 1752 г. Тюрго написалъ статью объ этомъ послѣднемъ экономистѣ, а черезъ нѣсколько лѣтъ (1766) свой „Essai sur la formation et la distribution des richesses“, только на десять лѣтъ пред-

---

[1]) Въ 1749 году онъ написалъ опроверженіе одного сочиненія, написаннаго въ защиту „системы“ Лоу.

[2]) Ср. выше, стр. 146—147.

[3]) См. выше, стр. 165.

[4]) См. выше, стр. 218.

[5]) См. выше, стр. 244.

шествовавшій „Богатству народовъ“ Адама Смита [1]). Это сочиненіе обратило на себя вниманіе Давида Юма, который вступилъ съ Тюрго въ переписку по поводу нѣкоторыхъ пунктовъ физіократической теоріи. Въ 1761 г. Тюрго былъ сдѣланъ лиможскимъ интендантомъ, т.-е. получилъ весьма широкую власть надъ одною изъ 35 généralités, на которыя въ административномъ отношеніи была раздѣлена Франція. Ему досталась бѣдная и обремененная налогами провинція, надъ улучшеніемъ быта которой онъ проработалъ тринадцать лѣтъ, отказываясь отъ другихъ назначеній, дабы довести свое дѣло до конца. Населеніе Лимузена относилось къ нему двояко: порвавъ съ традиціей прежнихъ интендантовъ, которые всячески мирволили дворянству, онъ сдѣлался для него крайне непріятнымъ человѣкомъ, но крестьяне полюбили Тюрго и жалѣли, когда онъ оставлялъ „генеральство“. Подобно другимъ физіократамъ [2]) и онъ былъ сторонникомъ неограниченной королевской власти, полагая, что „равновѣсіе властей“ можетъ сдѣлаться еще бóльшимъ зломъ, чѣмъ то, противъ коего оно направлено. Вооружая короля всѣми „правами государства“, онъ думалъ, однако, что когда послѣднія выходятъ за предѣлы необходимаго, пользованіе ими можетъ привести къ тираніи, и потому требовалъ, чтобы власть прежде всего уважала личную свободу, ибо, говорилъ онъ, „правительства слишкомъ привыкли приносить въ жертву счастье отдѣльныхъ лицъ такъ-называемымъ правамъ общества“, „забывая, что общество существуетъ для отдѣльныхъ лицъ“. Полагая, что для уваженія къ свободѣ будетъ достаточно безпрепятственнаго и гласнаго заявленія обществомъ своихъ желаній, Тюрго всего хорошаго ожидалъ отъ благодѣтельной власти, приводящей въ исполненіе свои предначертанія чрезъ чиновниковъ, и въ этомъ смыслѣ понималъ свою задачу, какъ интенданта, т.-е. правительственнаго чиновника, облеченнаго широкими полномочіями: лиможская дѣятельность довершила выработку изъ него бюрократическаго реформатора. Лиможскій интендантъ былъ человѣкомъ опредѣленныхъ принциповъ, которые онъ развилъ въ цѣломъ рядѣ циркуляровъ своимъ подчиненнымъ и донесеній своему начальству, и эти принципы онъ осуществлялъ на практикѣ, внося измѣненія въ распредѣленіе налоговъ, падавшихъ на провинцію, въ систему торговаго кредита, въ хлѣбную торговлю, бывшую больнымъ мѣстомъ до-революціонной Франціи [3]) и т. п. Тюрго оправдывалъ свои мѣропріятія и теоретически, не отказываясь отъ полемики, какую, наприм., возбудилъ вопросъ о хлѣбной торговлѣ въ тогдашней публицистикѣ. Политическая экономія едва

---

[1]) См. выше, стр. 244.

[2]) См. выше, стр. 284—285.

[3]) См. соч. Г. Е. Аѳанасьева, указанное на стр. 106.

зарождалась, Тюрго могъ ошибаться, какъ во многомъ, ошибались всѣ физіократы [1]), но къ чести лиможскаго интенданта нужно сказать, „что обязанностью всѣхъ и прямымъ дѣломъ всѣхъ“ онъ считалъ „облегченіе всякаго, кто только страдаетъ“, и что, ставъ на эту точку зрѣнія, онъ предпринялъ рядъ благотворительныхъ мѣръ. У Тюрго было нѣсколько пріятелей и поклонниковъ, оказавшихся въ числѣ друзей Морепа, и они рекомендовали ему лиможскаго интенданта. Въ литературномъ мірѣ, гдѣ Тюрго былъ хорошо извѣстенъ, назначеніе Тюрго министромъ произвело впечатлѣніе. Кондорсэ спѣшилъ съ восторгомъ оповѣстить объ этомъ Вольтера, и мы уже знаемъ, какъ отнесся фернейскій патріархъ къ обрадовавшему всю Францію извѣстію [2]).

Разсказываютъ, что когда Тюрго благодарилъ Людовика XVI за назначеніе въ министры (contrôleur général) финансовъ, то сказалъ королю: „не въ руки короля отдаю я себя, а въ руки честнаго человѣка“ [3]), на что Людовикъ XVI ему отвѣчалъ: „и вы не будете обмануты“. При этомъ король взялъ руки министра и, по другому разсказу, на просьбу позволить изложить письменно свои виды, далъ ему честное слово поддерживать его въ его мужественномъ (courageux) предпріятіи. Исполнить свое обѣщаніе, однако, оказалось выше силъ молодого и безхарактернаго короля: назначенный генералъ-контролеромъ финансовъ въ августѣ 1774 г., Тюрго былъ отставленъ въ маѣ 1776 г., черезъ двадцать съ половиной мѣсяцевъ. Первыя соображенія, представленныя министромъ королю, резюмировались въ словахъ: „ни банкротства, ни увеличенія налоговъ, ни новыхъ займовъ“. Для этого онъ требовалъ сокращенія расходовъ во имя народнаго блага, а облегчить народъ считалъ возможнымъ лишь посредствомъ отмѣны злоупотребленій, хотя и находилъ это трудной задачей, ибо многіе заинтересованы были въ ихъ сохраненіи, тѣ именно, которые ими жили. „Мнѣ придется, писалъ Тюрго въ заключеніе, вооружиться противъ естественной доброты, противъ великодушной щедрости (la générosité) вашего величества и особъ, наиболѣе для васъ дорогихъ“; подъ этими особами онъ разумѣлъ королеву, ибо въ черновой послѣ словъ „contre la générosité de Votre Majesté“ стояло „et de la“, но было зачеркнуто и замѣнено посредствомъ „des personnes“: Тюрго предвидѣлъ, съ кѣмъ придется считаться, рекомендуя экономію. При этомъ министръ указывалъ королю на то, съ какимъ трудомъ добываетъ народъ тѣ деньги, которыя по добротѣ своей онъ, король, раздаетъ всѣмъ, кто только у него попроситъ.

---

[1]) См. выше, стр. 244 и 258.

[2]) См. выше, стр. 165.

[3]) Эти слова есть и въ запискѣ Тюрго, представленной на другой день королю.

Краткой программой, изложенной въ этомъ благородномъ письмѣ, не ограничивались преобразовательные планы новаго министра: все, что было, съ его точки зрѣнія, „предразсудкомъ", „привилегіей", „злоупотребленіемъ", нашло въ немъ врага, стремившагося искоренить предразсудки, привилегіи и злоупотребленія „стараго порядка" и встрѣтившаго тайныхъ и явныхъ враговъ во всѣхъ тѣхъ людяхъ, которые, какъ онъ выражался, „жили" этими непорядками.

Въ дѣятельности Тюрго было много общаго съ дѣятельностью представителей „просвѣщеннаго абсолютизма", и въ то же время его преобразовательные планы предвосхищали тѣ реформы, которыя осуществила черезъ полтора десятка лѣтъ французская революція, хотя лишь въ области соціальныхъ отношеній, администраціи, финансовъ, земледѣлія, промышленности и торговли, но не въ области того, что получило впослѣдствіи названіе политическихъ гарантій. При всемъ бюрократическомъ характерѣ внутренней политики Тюрго, министръ-реформаторъ *считалъ нужнымъ пробудить общественную самодѣятельность, которой не хотѣли знать ни Фридрихъ II, ни Іосифъ II, ни другіе правители эпохи* [1]). Тюрго не былъ сторонникомъ ни старыхъ парламентовъ, которые Людовикъ XVI поспѣшилъ возстановить, и которые потомъ дѣлали оппозицію реформамъ, ни новыхъ политическихъ идей о народномъ верховенствѣ, о раздѣленіи властей и т. п., но онъ видѣлъ въ то же время недостатки господствовавшей системы централизаціи и правительственной опеки и желалъ для ихъ устраненія реформировать все управленіе. По этому вопросу мы имѣемъ цѣлый мемуаръ, въ которомъ Тюрго начертывалъ планъ мѣстнаго самоуправленія [2]). Какъ бывшій интендантъ, онъ хорошо зналъ слабыя стороны тогдашней провинціальной администраціи, а какъ министръ, познакомился и съ тѣмъ, что дурно было устроено въ учрежденіяхъ центральныхъ. „Причина зла, государь,—писалъ онъ въ этомъ мемуарѣ,—заключается въ томъ, что ваша нація не имѣетъ устройства (n'a point de constitution). Это—общество, состоящее изъ разныхъ, дурно между собою соединенныхъ сословій (ordres) и изъ народа, члены коего едва находятся въ какихъ-либо общественныхъ связяхъ другъ съ другомъ, въ силу чего почти всякій только и занимается, что своимъ, исключительно частнымъ дѣломъ и никто почти не думаетъ объ исполненіи своихъ обязанностей и знать не хочетъ своихъ отношеній къ другимъ. Въ этой вѣчной борьбѣ притязаній и предпріятій, которыхъ никогда между собою не соглашали разумъ и взаимныя объясненія, ваше величество

---

[1]) См. выше, стр. 285—286.

[2]) Mémoire au roi sur les municipalités, sur l'hiérarchie qu'on pourroit établir entre elles, et sur les services que le gouvernement en pourroit tirer.

обязаны рѣшать все по собственному изволенію или черезъ довѣренныхъ лицъ (mandataires). Всѣ ждутъ вашихъ особыхъ (spéciaux) приказаній, чтобы содѣйствовать общему благу, чтобы оказывать уваженіе чужому праву, нерѣдко даже—чтобы пользоваться собственнымъ своимъ правомъ. Вы вынуждаетесь постановлять обо всемъ и чаще всего по частнымъ желаніямъ (par des volontés particulières), тогда какъ вы могли бы управлять подобно Богу на основаніи общихъ законовъ, еслибы составныя части вашей державы (empire) имѣли правильную организацію и опредѣленныя взаимоотношенія". Проектъ Тюрго не отмѣнялъ во Франціи абсолютной монархіи: „поскольку ваше величество, писалъ онъ между прочимъ, не будете отступать отъ справедливости, вы можете смотрѣть на себя, какъ на неограниченнаго законодателя (législateur absolu) и расчитывать на свою вѣрную (bonne) націю въ исполненіи вашихъ приказаній". Но, прибавлялъ онъ, дѣло не въ одномъ томъ, чтобы нація повиновалась: нужно обезпечить за собою возможность повелѣвать ею, а дабы это безошибочно дѣлать, нужно знать ея положеніе, ея нужды, ея средства и притомъ съ большою обстоятельностью, и это было бы полезнѣе, чѣмъ имѣть историческія справки о прежнихъ отношеніяхъ. Бѣда та, что во Франціи все разрознено. Правда, въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, называемыхъ pays d' états [1], есть мѣстныя собранія, но состоя изъ сословій (ordres), стремленія коихъ весьма неодинаковы, а интересы расходятся между собою и съ интересами націи, собранія эти (провинціальные штаты) далеки отъ того, чтобы осуществлять благо провинцій, въ управленіи коими они участвуютъ. Тюрго самымъ рѣшительнымъ образомъ предлагалъ Людовику XVI дать и другимъ провинціямъ надлежащее устройство (constitution), которое, по его мысли, должно было быть настолько лучше старыхъ штатовъ, чтобы и провинціи, обладающія послѣдними, пожелали измѣнить свое устройство по новому образцу. Планъ состоялъ въ установленіи общиннаго, окружного (des arrondissements, d' élections, des districts) и провинціальнаго самоуправленія, дабы „вещи, которыя должны дѣлаться, достаточно хорошо дѣлались сами собою", безъ постояннаго вмѣшательства правительства и его агентовъ во всѣ мелочи управленія. Общинныя собранія распредѣляли бы налоги, завѣдовали бы общественными работами (дорогами), помогали бы бѣднымъ и ходатайствовали бы о мѣстныхъ нуждахъ передъ высшею властью (autorité supérieure). Они состояли бы изъ мѣстныхъ жителей, но не изъ всѣхъ, а только изъ землевладѣльцевъ, которые притомъ пользовались бы правомъ голоса пропорціонально своему доходу: 600 ливровъ дохода давали бы право на одинъ голосъ, 1200—на два, 300—на полъ-голоса (citoyens

---

[1]) См. выше, стр. 48.

fractionnaires). Другими словами, въ приходскихъ собраніяхъ должна была быть представлена поземельная собственность, что вполнѣ соотвѣтствовало физіократической теоріи [1]). Въ рамки этой организаціи предполагалось ввести и привилегированныя сословія, права коихъ должны были быть соразмѣрены съ ихъ имущественнымъ цензомъ, т.-е. Тюрго хотѣлъ замѣнить старый сословный строй новымъ, въ основѣ коего лежало бы лишь одно различіе между экономическими классами. Вмѣстѣ съ сельскимъ самоуправленіемъ предлагалось ввести и городское, бывшее во Франціи въ полномъ упадкѣ [2]). Надъ ними должна была возвышаться „вторая ступень муниципалитетовъ, или окружное самоуправленіе, промежуточное между общиннымъ и провинціальнымъ и состоящее изъ депутатовъ отъ отдѣльныхъ муниципалитетовъ первой ступени“: здѣсь разсматривались бы общія дѣла цѣлаго округа и выбирались бы депутаты въ „провинціальныя собранія“, какъ „третью ступень муниципалитетовъ“. Все это зданіе сельскаго, городского и земскаго (окружного и провинціальнаго самоуправленія) Тюрго совѣтовалъ увѣнчать „великимъ муниципалитетомъ“, или „королевскимъ“ (municipalité royale), „общимъ муниципалитетомъ королевства“, которое онъ обозначалъ также и именемъ „національнаго собранія“ (assemblée nationale), хотя впослѣдствіи это названіе было дано учрежденію совершенно иного характера. „Великій муниципалитетъ“, состоящій изъ депутатовъ отъ отдѣльныхъ провинцій и королевскихъ министровъ, долженъ бы былъ завѣдовать распредѣленіемъ налоговъ между отдѣльными провинціями, дѣлать постановленія относительно расходовъ на самыя крупныя общественныя работы, оказывать помощь провинціямъ, испытавшимъ какое-либо бѣдствіе или не имѣющимъ собственныхъ средствъ для полезныхъ предпріятій мѣстнаго значенія. Чрезъ это же собраніе королевская власть узнавала бы о нуждахъ народа. Посредствомъ такой организаціи Тюрго думалъ достигнуть лучшаго распредѣленія налоговъ между провинціями, округами, городами, деревнями и частными лицами, болѣе полнаго знанія положенія, потребностей и средствъ отдѣльныхъ частей королевства, болѣе совершеннаго удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ самими заинтересованными, болѣе тѣсной связи между правительствомъ и народомъ и вмѣстѣ съ этимъ бо̀льшаго развитія „общественнаго духа“ (esprit publique), на недостатокъ котораго онъ жалуется въ началѣ мемуара. Въ борьбѣ частныхъ интересовъ, говоритъ Тюрго, никто не чувствуетъ потребности помогать правительству, а на того, кто это дѣлаетъ, смотрятъ косо: „нѣтъ общественнаго духа, потому что нѣтъ видимаго и всѣмъ

---

[1]) См. выше, стр. 245 и 258.

[2]) См. выше, стр. 88.

извѣстнаго общаго интереса“. Поэтому Тюрго предпослалъ своему общему плану разсужденіе о „способѣ подготовить отдѣльныя лица и семьи къ надлежащему вступленію въ хорошее устройство общества“, съ каковою цѣлью онъ совѣтовалъ учредить особый „совѣтъ національнаго образованія“ (conseil de l'instruction nationale), т.-е. министерство народнаго просвѣщенія, и позаботиться о чисто гражданскомъ воспитаніи (éducation civique) юношества, единственномъ средствѣ „создать просвѣщенный и добродѣтельный народъ“, внушивъ дѣтямъ „принципы человѣчности, справедливости, благотворительности, любви къ государству“ и тѣмъ „поднявъ патріотизмъ на высокую степень энтузіазма, нѣкоторые примѣры коего были даны лишь древними націями“. „И вотъ, сказано въ заключеніи, черезъ нѣсколько лѣтъ у вашего величества будетъ новый народъ и народъ первый между другими народами... Ваше королевство... удесятеритъ свои силы... Европа будетъ взирать на васъ съ удивленіемъ и уваженіемъ, а вашъ любящій народъ—съ чувствомъ искренняго обожанія“. Мы остановились на этомъ обширномъ мемуарѣ [1]), вышедшемъ изъ-подъ пера Тюрго, по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ исторіи новаго времени повсемѣстно королевская власть наносила удары старому феодальному и муниципальному самоуправленію, замѣняя его системой бюрократической централизаціи [2]), и „просвѣщенный абсолютизмъ“ не составлялъ въ этомъ отношеніи исключенія. Сохранялось самоуправленіе неприкосновеннымъ лишь въ немногихъ странахъ, въ Англіи, гдѣ оно имѣло исконную основу въ древнѣйшихъ учрежденіяхъ [3]), въ Польшѣ, гдѣ каждое воеводство было какъ бы маленькой республикой [4]), но не въ абсолютныхъ монархіяхъ эпохи. *Недостатки бюрократической централизаціи и устраненія общественныхъ силъ отъ завѣдованія мѣстными дѣлами раньше всего почувствовались во Франціи,* но устранить эти недостатки думали здѣсь не посредствомъ возвращенія къ старымъ сословнымъ чинамъ, а посредствомъ совсѣмъ новой организаціи, которая должна была опираться на представительство недвижимой собственности. Въ лицѣ своего министра французское правительство теперь сознавалось, что и центральная власть, и провинціальные ея представители (интенданты) взяли на себя непосильную задачу, совершенно устранивъ общественныя силы изъ дѣла управленія, и вотъ, не думая нарушать главнаго принципа, лежавшаго въ основѣ тогдашняго государственнаго устрой-

---

[1]) Въ изданіи Oeuvre de M-r. Turgot, ministre d'état, которое у насъ подъ руками (Paris. 1809, t. VII) онъ занимаетъ около ста страницъ (387—482).

[2]) См. выше. стр. 42—43 и др.

[3]) Т. I, гл. VII—IX.

[4]) A. Pawiński. Rządy Sejmikowe w Polsce.—Н. Карѣевъ. Историческій очеркъ польскаго сейма.

ства, это правительство поставило своею задачею привлечь силы общества къ мѣстному самоуправленію. Интенданты, эти „сатрапы“ и „паши“, какъ ихъ называли, были весьма непопулярны, и уже Фенелонъ [1]) въ концѣ царствованія Людовика XIV требовалъ ихъ отмѣны (point d'intendants) въ пользу предоставленія странѣ дѣла управленія посредствомъ провинціальныхъ штатовъ. Мы уже видѣли изъ изложенія французской политической литературы XVIII в., какой широкій планъ децентрализаціи былъ развитъ также д'Аржансономъ, однимъ изъ министровъ Людовика XV [2]), но кромѣ того идея самоуправленія нашла еще защитника въ лицѣ Мирабо-отца [3]), о которомъ намъ придется еще говорить: Тюрго такимъ образомъ не стоялъ особнякомъ. Хотя ему и не удалось осуществить свою административную реформу, тѣмъ не менѣе его мысль не осталась безрезультатной, ибо одному изъ его преемниковъ пришлось даже и приступить къ введенію земскаго самоуправленія во Франціи.

Оставляя неприкосновеннымъ принципъ, лежавшій въ основѣ политическаго устройства Франціи, Тюрго не только стремился къ реформѣ всей системы управленія, но и *желалъ осуществить цѣлый рядъ реформъ, исходнымъ пунктомъ коихъ было новое представленіе объ обществѣ.* Это представленіе было по существу дѣла физіократическое [4]), враждебное сословному строю съ его привилегіями. Финансовыя изъятія духовенства и дворянства нашли въ министрѣ-реформаторѣ принципіальнаго противника, и въ его общемъ планѣ „муниципалитетовъ“ привилегированные должны были вступить въ ряды обыкновенныхъ „гражданъ“ (citoyens). Феодальный режимъ, царствовавшій въ деревняхъ, по плану Тюрго, долженъ былъ исчезнуть съ французской территоріи, какъ того желалъ еще раньше д'Аржансонъ, говорившій, что во Франціи всѣ земли должны сдѣлаться „ротюрными алодами“ [5]), но въ этомъ отношеніи Тюрго былъ исключеніемъ среди другихъ физіократовъ, у которыхъ совсѣмъ не было поставлено вопроса о способѣ отмѣны феодальныхъ правъ. Тюрго думалъ именно о томъ, чтобы однѣ права были у ихъ владѣльцевъ выкуплены, другія же уничтожены безвозмездно: къ первой категоріи онъ относилъ всѣ тѣ права, которыя по тогдашней теоріи возникали изъ земельной уступки, ко второй—тѣ, которыя были узурпаціей у государственной власти или составляли нарушеніе естественнаго права. Одинъ изъ друзей министра-реформатора, Бонсерфъ, изложилъ его идеи на этотъ счетъ въ брошюрѣ „О неудобствѣ феодальныхъ правъ“ (1776), но

[1]) Т. II, стр. 562—563.
[2]) См. выше, стр. 234—235.
[3]) См. ниже, слѣд. гл.
[4]) См. выше, стр. 244 и 258.
[5]) См. выше, стр. 235.

брошюру парламентъ сжегъ рукою палача, какъ мятежную, и только первое національное собраніе революціи осуществило идею Тюрго [1]). Уже въ короткое время завѣдованія морскимъ министерствомъ, коему были подчинены и колоніальныя дѣла, онъ мечталъ о возвращеніи естественной свободы рабамъ въ колоніяхъ, а потомъ хотѣлъ освободить сервовъ и въ самой Франціи. Ему не удалось это совершить, а отмѣнять серважъ въ однихъ королевскихъ доменахъ онъ не хотѣлъ, дабы умолчаніе въ эдиктѣ—о сервахъ духовенства и дворянства не было принято за молчаливое подтвержденіе королемъ безусловнаго права сеньеровъ надъ ихъ крѣпостными, какъ это и случилось, когда Людовикъ XVI при Неккерѣ (1779) освободилъ доманіальныхъ сервовъ [2]). Заботясь объ облегченіи хлѣбной торговли, Тюрго успѣлъ лишь приступить къ реформѣ феодальныхъ порядковъ, предпринявъ выкупъ сеньерьяльныхъ правъ на зерно и муку, обусловленныхъ существованіемъ баналитетовъ [3]).

Таковы были наиболѣе важные планы Тюрго, осуществленіе коихъ должно было, дѣйствительно, дать Франціи совершенно новый видъ. Все это было еще впереди, ибо требовало большаго времени, но тамъ, гдѣ можно было реформировать быстрѣе, и гдѣ нужда въ преобразованіи казалась Тюрго настоятельнѣе, тамъ онъ сразу и прямо приступалъ къ дѣлу посредствомъ эдиктовъ, въ коихъ мотивировалъ свои мѣропріятія. Сторонникъ экономической свободы, стѣснявшейся мелочною регламентаціей стараго режима, онъ объявилъ свободу хлѣбной торговли (1774), чѣмъ думалъ достигнуть лучшаго распредѣленія хлѣбныхъ запасовъ по странѣ и удешевленія продукта; затѣмъ онъ распространилъ ту же мѣру и на вино (1776). Находя для крестьянъ обременительною натуральную дорожную повинность (la corvée) и желая, чтобы къ дорожному дѣлу были привлечены всѣ классы общества, каждый сообразно со своими достатками, онъ замѣнилъ эту повинность денежнымъ сборомъ, падавшимъ и на привилегированныхъ (1775). Цеховая организація во Франціи была въ полномъ разстройствѣ [4]), и Тюрго, исходя изъ принципа laissez passer, laissez faire [5]),

---

[1]) О его планѣ см. мою книгу „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.“, стр. 292. Планъ этотъ изложенъ тамъ по даннымъ біографіи Тюрго (Vie de Turgot. Londres. 1786), написанной Кондорсе, но онъ подтверждается и сдѣлавшейся мнѣ извѣстною лишь впослѣдствіи книгой „Mémoire sur la vie et les ouvrages de M. Turgot, ministre d'état“ (Philadelphie, 1788).

[2]) О связи этой мѣры съ распространенными на этотъ предметъ взглядами см. выше, стр. 255, а также стр. 386.

[3]) См. выше, стр. 101.

[4]) См. выше, стр. 119—123.

[5]) См. выше, стр. 244.

объявилъ (1776) уничтоженіе всѣхъ жюрандъ, метризъ и корпорацій съ предоставленіемъ права каждому заниматься какимъ-угодно ремесломъ (кромѣ профессій цирюльниковъ, аптекарей, золотыхъ дѣлъ мастеровъ и типографщиковъ съ книгопродавцами). Тюрго отмѣнилъ далѣе круговую поруку (contraintes solidaires), коей были подчинены крестьяне въ отбываніи повинностей.

Больше Тюрго не успѣлъ сдѣлать ничего, да и *то немногое, что было имъ сдѣлано, было большею частью отмѣнено послѣ его отставки*: и свобода хлѣбной торговли, и уничтоженіе дорожной повинности, и объявленіе свободы ремесленнаго труда. Противъ министра-реформатора со всѣхъ сторонъ поднялись враги, а ими были всѣ тѣ люди, которые жили, по его выраженію, монополіями, привилегіями, злоупотребленіями, т.-е. финансисты, боявшіеся отмѣны откупной системы налоговъ, хлѣбные барышники, извлекавшіе выгоду изъ существовавшихъ тогда стѣсненій торговли, парламенты, стоявшіе на стражѣ всякихъ консервативныхъ интересовъ, привилегированные вообще, чувствовавшіе въ Тюрго своего врага, наконецъ, дворъ, недовольный экономіей, которую онъ стремился ввести въ государственные расходы. Вопросъ о хлѣбной торговлѣ былъ однимъ изъ наиболѣе спорныхъ для тогдашнихъ публицистовъ и администраторовъ [1]), и въ числѣ литературныхъ оппоннентовъ министра выступилъ женевскій банкиръ Неккеръ [2]), сторонникъ протекціонизма, незадолго передъ тѣмъ увѣнчанный французской академіей за „Похвалу Кольберу". Вопросъ между тѣмъ имѣлъ большое практическое значеніе. Въ XVIII в. Франція, благодаря плохому сельскому хозяйству и частымъ неурожаямъ, постоянно чувствовала недостатокъ въ хлѣбѣ, и обнищалый народъ то и дѣло производилъ безпорядки, вслѣдствіе недостачи хлѣба, грабилъ пекарни, амбары, обозы съ зерномъ или мукой [3]). Урожай 1774 г. былъ плохой, и ожидался не лучшій урожай въ 1775 г. Весною этого послѣдняго года возникли подобные безпорядки въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи и приняли весьма широкіе размѣры, получивъ даже названіе „мучной войны" (guerre des farines). Смута, которую пришлось подавлять силой, поставивъ подъ ружье двадцать пять тысячъ солдатъ, произошла не безъ посторонняго подстрекательства противъ эдикта о свободѣ хлѣбной торговли, будто бы повиннаго въ томъ, что хлѣбъ вздорожалъ: шайки грабителей, нападая на хлѣбные караваны, шедшіе по Сенѣ, топили въ рѣкѣ мѣшки съ хлѣбомъ; другіе жгли сараи съ хлѣбными запасами, про-

---

[1]) См. выше, стр. 425.

[2]) La législation sur la commerce des grains.

[3]) См. выше, стр. 106.

изводили безпорядки на городскихъ рынкахъ, и все это дѣлалось какъ будто бы по чьему-то приказу; даже ходили слухи, что у многихъ вожаковъ видѣли въ рукахъ большія деньги. 2 мая шайки появились въ самомъ Версалѣ и требовали у короля установленія таксы на хлѣбъ, а на другой день проникли въ Парижъ и произвели тамъ безпорядки, сопровождавшіеся грабежомъ. Только 4 числа военная сила остановила новую попытку грабежа. Въ эти трудные дни Тюрго проявилъ большую энергію, но парижскій парламентъ вступалъ съ нимъ въ пререканія, издавая свои распоряженія, шедшія въ разрѣзъ съ тѣмъ, что дѣлалъ самъ Тюрго для успокоенія народа, и члены парламента 5 мая были вызваны въ торжественное засѣданіе (lit de justice") [1]), гдѣ король поддержалъ мѣры своего министра. Между прочимъ парламентъ мстилъ Тюрго и за то, что онъ ранѣе высказывался противъ его возстановленія.

„Мучная война" не свалила Тюрго, какъ расчитывали его враги. Напротивъ того, никогда въ такой степени Людовикъ XVI не довѣрялъ своему министру. Тюрго видѣлъ въ парламентской оппозиціи помѣху реформамъ, и ему приписывали слова: „дайте мнѣ пять лѣтъ деспотизма, и Франція будетъ свободна". Возстановляя въ ноябрѣ 1774 г. парламентъ, Людовикъ XVI думалъ нѣкоторыми распоряженіями своими сдѣлать на будущее время невозможною прежнюю борьбу его членовъ съ королевскою властью; но возстановленный парламентъ поспѣшилъ протестовать противъ всякаго умаленія его правъ, *поставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ своею задачею препятствовать всякой реформѣ, которая грозила бы тому, что онъ называлъ древней конституціей королевства*. Въ январѣ 1776 г. Тюрго представилъ королю шесть эдиктовъ, изъ коихъ одинъ касался отмѣны дорожной повинности, другой— уничтоженія цеховой организаціи. Первая мѣра уже раньше была имъ испробована въ Лимузенѣ, но такъ какъ въ общемъ введеніи къ шести эдиктамъ министръ провозгласилъ принципъ равенства всѣхъ земельныхъ собственниковъ передъ налогомъ, то эдиктъ былъ встрѣченъ парламентомъ крайне недружелюбно. По этому пункту между членами самого правительства также не было согласія, и эдиктъ о дорожной повинности былъ подписанъ королемъ послѣ довольно долгихъ споровъ между его совѣтниками. Противъ парламентской оппозиціи эдикту рѣшено было прибѣгнуть къ lit de justice. Между тѣмъ возгорѣлась брошюрная борьба, и правительство запретило появившіеся противъ Тюрго памфлеты, на что парламентъ отвѣчалъ запрещеніемъ и сожженіемъ упоминавшейся ранѣе [2]) брошюры Бонсерфа „О неудобствѣ феодальныхъ

[1]) См. выше, стр. 45.
[2]) Ср. выше, стр. 431.

правъ“ и даже привлеченіемъ ея автора къ суду. Тюрго взялъ последняго подъ свое покровительство, къ великой радости Вольтера, слѣдившаго за всѣми перипетіями этой борьбы Тюрго съ защитниками старины и объявившаго, что брошюра Бонсерфа — „превосходная книга въ интересѣ народа“. Кромѣ эдикта о дорожной повинности парламентъ представилъ „ремонстранцію“ [1]) и противъ эдикта о цехахъ, установлявшаго свободу труда, какъ одно изъ естественныхъ правъ личности, нарушеніе коего, какъ было сказано во введеніи къ эдикту, не можетъ быть узаконено ни давностью, ни силою власти. 12 марта состоялось въ Версали lit de justice, и январскіе эдикты, коимъ парламентъ отказывалъ въ записи въ свой регистръ, были по приказанію короля, не согласившагося принять ремонстранціи, занесены вмѣстѣ съ четырьмя остальными въ парламентскій регистръ, послѣ чего должны были получить законную силу [2]). Тюрго оказался правъ, когда отсовѣтовалъ Людовику XVI возстановлять парламенты: они сдѣлались главною помѣхою реформъ, и если парижскій парламентъ былъ принужденъ, напр., принять эдиктъ о цехахъ, то въ Бордо, Тулузѣ, Эксѣ, Безансонѣ, Реннѣ и Дижонѣ эдиктъ этотъ такъ-таки и остался не внесеннымъ въ регистры. Протестуя противъ новыхъ законовъ, парижскій парламентъ находилъ ихъ принципы опасными, нарушающими права собственности и влекущими за собою злоупотребленіе свободой: онъ отстаивалъ сословныя и корпоративныя привилегіи и государственную опеку надъ личной свободой. Эдиктъ о цехахъ создалъ новаго врага Тюрго и въ средѣ парижской промышленной аристократіи, для которой свобода ремесленнаго труда была невыгодна. Кромѣ того, во время выработки шести эдиктовъ Тюрго столкнулся съ другими министрами, и мало-по-малу они его оставили, въ томъ числѣ и Морепа.

Къ числу враговъ Тюрго нужно отнести и духовенство. Клиръ видѣлъ въ министрѣ „философа“ и ставилъ ему въ вину его воззрѣнія, касавшіяся религіи и церкви. Министръ-реформаторъ по поводу отмѣны нантскаго эдикта выразился однажды, что, „желая угодить (flatter) Людовику XIV, обезславили религію“. Кромѣ того, онъ, расходясь въ этомъ отношеніи съ старой практикой, подновлявшейся въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“ [3]), находилъ, что король не долженъ быть главою вѣры, равно какъ и глава вѣры не долженъ быть королемъ: „англійская суприматія и свѣтская власть—вотъ двѣ противоположныя крайности одного и того же злоупотребленія“. Ставилось

---

[1]) См. выше, стр. 45.

[2]) Къ вопросу объ отмѣнѣ цеховъ мы вернемся, излагая законодательство учредительнаго собранія.

[3]) См. выше, стр. 379 и слѣд.

въ вину Тюрго и то, что онъ настаивалъ на необходимости устранить изъ коронаціонной присяги Людовика XVI торжественное обѣщаніе всячески истреблять еретиковъ въ своихъ владѣніяхъ. Извѣстно, что Морепа, не желавшій ссориться съ епископами, подалъ королю противное мнѣніе, и Людовикъ XVI, не рѣшившись выпустить изъ присяги слова объ еретикахъ, прочиталъ ихъ тѣмъ не менѣе крайне невнятно. Черезъ нѣсколько дней послѣ коронаціи, происходившей въ Реймсѣ, Тюрго передалъ королю „Мемуаръ о вѣротерпимости“, гдѣ убѣждалъ его „предоставить каждому своему подданному свободу раздѣлять и исповѣдовать ту вѣру, въ истинности которой каждаго убѣждаетъ его совѣсть“. Въ этомъ замѣчательномъ мемуарѣ Тюрго устанавливаетъ права совѣсти на основаніи принциповъ религіи и естественнаго права и по отношенію къ „политическому интересу государства“, хотя мы и не имѣемъ мемуара въ полномъ видѣ. Понятно, что церковная партія вооружилась противъ Тюрго, и графъ Прованскій, братъ короля (будущій Людовикъ XVIII), даже написалъ противъ вѣротерпимаго министра памфлетъ, а Людовику XVI донесли, что Тюрго не посѣщаетъ мессы. Все это дѣйствовало на короля, а тутъ еще Марія-Антуанета была крайне недовольна экономнымъ министромъ. Морепа замѣтилъ, что королева все болѣе и болѣе забираетъ власть надъ мужемъ, и рѣшилъ, что для сохраненія за собою министерскаго мѣста особенно поддерживать Тюрго не стоитъ. Министерство не было однороднымъ и солидарнымъ, а для положенія Тюрго было не безразлично, какъ относились къ нему его товарищи при той ненависти, какая его окружала со всѣхъ сторонъ. Когда Верженъ и Тюрго посовѣтовали Людовику XVI отозвать изъ Лондона бывшаго тамъ посланникомъ гр. де-Гюина (de-Guines), бывшаго въ большомъ фаворѣ у Маріи-Антуанеты, послѣдняя стала требовать у мужа не только всякихъ милостей для бывшаго посланника, но даже отставки и заключенія въ Бастилію ненавистнаго ей министра. Слабый волею Людовикъ XVI, для котораго мартовское lit de justice уже было причиной большого утомленія, все болѣе и болѣе поддавался вліяніямъ, враждебнымъ для Тюрго, хотя и говорилъ, что только онъ самъ да этотъ министръ на самомъ дѣлѣ любятъ народъ. Король сталъ избѣгать свиданій съ Тюрго, и тогда министръ написалъ ему четыре письма, изъ коихъ два сохранилось до нашего времени. „Я, писалъ онъ въ одномъ изъ этихъ писемъ, смѣло шелъ (j'ai bravé) противъ ненависти всѣхъ, кто только имѣетъ выгоду въ злоупотребленіяхъ. Пока я питалъ увѣренность, что, благодаря поддержкѣ вашего величества, я могу дѣлать доброе дѣло, я ни на что не обращалъ вниманія (rien ne m'a coûté). А какова теперь моя награда?.. Государь! я не заслужилъ этого, осмѣливаюсь сказать это!.. Я изобразилъ вамъ всѣ бѣдствія, причиненныя слабостью покойнаго короля, я пред-

ставилъ вамъ ходъ интригъ, постепенно унизившихъ его авторитетъ. Осмѣливаюсь просить васъ перечитать это письмо и спросить себя, желаете ли вы подвергнуться тѣмъ же опасностямъ, скажу даже— опасностямъ еще бо́льшимъ". Тюрго предостерегалъ далѣе короля относительно смѣлаго поведенія парламентовъ, относительно придворныхъ интригъ, слабости министерства, раздѣленнаго внутри, и говорилъ о своемъ тяжеломъ положеніи, одинокаго и изолированнаго. Указывая на необходимость правительству быть солидарнымъ и сильнымъ, Тюрго писалъ еще: „никогда не забывайте, государь, что слабость привела Карла I на эшафотъ (a mis la tête de Charles I sur un billot), что она же дѣлала изъ Людовика XIII и теперь дѣлаетъ изъ португальскаго короля коронованныхъ невольниковъ, и опять-таки она же была причиной всѣхъ бѣдствій предыдущаго царствованія. Васъ считаютъ слабымъ, государь, и бываютъ случаи, когда я боюсь, нѣтъ ли на самомъ дѣлѣ, въ вашемъ характерѣ этого недостатка, хотя я и видѣлъ истинное мужество (courage) съ вашей стороны при другихъ и болѣе щекотливыхъ обстоятельствахъ... Правду говоря, я васъ, государь, не понимаю. Пусть вамъ наговорили, что у меня горячая и химерическая голова, но мнѣ кажется, что все мною вамъ сообщаемое не похоже на предложенія съумасшедшаго". Тюрго ставилъ прямо вопросъ о выборѣ между нимъ и Морепа и просилъ отвѣта, но Людовикъ XVI не отвѣчалъ и на это письмо, какъ и на два предыдущія. Король предпочелъ Морепа, ибо Тюрго, казалось ему, хотѣлъ подчинить себѣ его волю. Онъ даже считалъ себя оскорбленнымъ подобными письмами. Отставка не замедлила придти, а съ нею не только прекратились дальнѣйшія реформы, но и тѣ были отмѣнены, которыя Тюрго успѣлъ уже провести. Планъ о „муниципалитетахъ" тоже не понравился Людовику XVI, который на поляхъ мемуара изложилъ свои мысли о стремленіяхъ новатора, желающаго имѣть „Францію болѣе нежели англійскую" (une France plus qu'anglaise). „Система г. Тюрго, писалъ онъ еще, только прекрасный сонъ,—утопія благонамѣреннаго человѣка, но низвергающая установленные порядки. Идеи г. Тюрго опасны, и ихъ новизна требуетъ отпора".

Послѣ отставки своей Тюрго прожилъ еще пять лѣтъ среди научныхъ и литературныхъ занятій (1781). Современники самого его винили, что онъ рѣзкими чертами своего характера оттолкнулъ отъ себя людей, съ которыми долженъ былъ ладить. Идеи Тюрго восторжествовали черезъ восемь лѣтъ послѣ его смерти: какъ мы видѣли, историки ставили вопросъ, не сдѣлали бы реформы Тюрго излишнею революцію 1789 г., еслибы ему удалось осуществить свои планы. Объ этомъ можно говорить на-двое: да, въ томъ случаѣ, еслибы при поддержкѣ Людовика XVI реформа могла совершиться мирно, и

нѣтъ, еслибы, наоборотъ, дѣятельность Тюрго сама вызвала революцію. Въ самомъ дѣлѣ если уже то немногое, что сдѣлалъ Тюрго, подняло такую бурю, дальнѣйшія его преобразованія вызвали бы еще болѣе страстную оппозицію парламентовъ: пришлось бы съ ними вступить въ борьбу, пришлось бы прибѣгнуть къ произвольнымъ мѣрамъ, какъ это было сдѣлано при Людовикѣ XV и какъ потомъ, уже послѣ смерти Тюрго, вынужденъ былъ поступить самъ Людовикъ XVI; но за парламентъ вступились бы и общественное мнѣніе, и народная масса, какъ это случилось позднѣе, а соединеніе консервативной оппозиціи съ либеральной и было началомъ крушенія стараго порядка. Кромѣ реформъ, которыя желалъ осуществить Тюрго, французы стремились еще къ политической свободѣ, и его „grande municipalité", не понравившаяся Людовику XVI, не удовлетворила бы и французской націи, въ образованныхъ кругахъ которой были популярны идеи Монтескье, Руссо и Мабли. Попытка Тюрго была въ сущности проявленіемъ „просвѣщеннаго абсолютизма" среди особыхъ обстоятельствъ, представляемыхъ тогдашнею французскою жизнью. *Многое изъ того, что задумалъ Тюрго, было осуществлено только революціей*, а именно, введеніе самоуправленія, освобожденіе крѣпостныхъ, уничтоженіе соціальнаго феодализма, провозглашеніе религіозной свободы, свободы труда и т. д., равенство всѣхъ передъ налогомъ и пр., но такова была и программа Вольтера, ждавшаго ея осуществленія отъ королевской власти. Въ 1776 г. французская монархія отказалась отъ выполненія этой программы и бросилась въ объятія клерикально-аристократической реакціи. Между тѣмъ обстоятельства вынуждали правительство идти по иной дорогѣ. Послѣ реакціи, наступившей за паденіемъ Тюрго, оно дважды выступало на путь реформъ: въ первый разъ при Неккерѣ, за отставкой коего наступила новая реакція (1781), во второй разъ при Калоннѣ (1783—1787) и Ломени де Бріеннѣ (1788), когда произошло полное объединеніе консервативной и либеральной оппозицій противъ старой монархіи. Въ сущности и *реформы, предлагавшіяся названными министрами, коренились въ планахъ Тюрго.* Министра-реформатора постигла неудача, и разсматривая его дѣятельность, невольно вспоминаешь неудачу, постигшую преобразователя-монарха, его младшаго современника (Іосифа II): имъ пришлось встрѣтиться съ одной и той же консервативной оппозиціей. Иного рода была причина неуспѣха другого крупнаго государственнаго человѣка Франціи той эпохи, также младшаго современника Тюрго (Мирабо), который въ 1789—1791 гг. столь же ясно понималъ положеніе страны, какъ Тюрго въ 1774—1776 гг.—Остановившись нѣсколько подробнѣе на первыхъ двухъ годахъ (1774—1776) царствованія Людовика XVI, мы имѣли въ виду представить единственный оригинальный и строй-

ный планъ общей реформы, какой только былъ во Франціи наканунѣ революціи. Исторія слѣдовавшихъ затѣмъ преобразовательныхъ попытокъ можетъ быть разсказана короче, и на первое мѣсто выдвинуто, наоборотъ, то, что непосредственно подготовило переворотъ 1789 года [1]).

XXXII. Франція наканунѣ революціи [2]).

Предметъ главы.—Первое министерство Неккера.—Провинціальныя собранія.—Паденіе Неккера и усиленіе реакціи.—Калоннъ и нотабли.—Послѣдняя борьба съ парламентами.—Рѣшеніе созвать генеральные штаты.—Настроеніе французскаго общества.—Бомаршэ.—Общественное мнѣніе и дворъ.—Вліяніе американской революціи на общественное настроеніе.—Лафайетъ и французскіе добровольцы.—Обсужденіе конституціонныхъ вопросовъ.—Мирабо до 1789 года.—Его отецъ.—Его молодость.—Его сочиненія.—Два пути, по коимъ могло идти правительство въ 1789 году.

Мы разсмотримъ теперь вкратцѣ исторію послѣднихъ лѣтъ стараго порядка во Франціи. Намъ нужно показать, какъ сила вещей вынуждала правительство Людовика XVI снова начинать реформы, которыя опять вызывали консервативную оппозицію, и какъ неудача этихъ реформъ и борьба съ этой оппозиціей заставили короля согласиться на созваніе генеральныхъ штатовъ. Намъ нужно познакомиться съ настроеніемъ французскаго общества въ годы, непосредственно предшествовавшіе перевороту 1789 г., подъ вліяніемъ не только внутреннихъ событій, но и подъ впечатлѣніемъ, какое произвело на французовъ основаніе демократической республики въ Сѣверной Америкѣ; наконецъ, намъ предстоитъ познакомиться съ однимъ изъ политическихъ дѣятелей, котораго событія 1789 г. поставили впереди общественнаго движенія, но который уже въ послѣдніе годы стараго режима былъ представителемъ идей, восторжествовавшихъ въ 1789 г.

---

[1]) Одновременно съ Тюрго въ роли министра дѣйствовалъ Malesherbes, предлагавшій Людовику XVI возвратить протестантамъ гражданскія права, уничтожить lettres de cachet и отмѣнить пытку, но и онъ палъ вмѣстѣ съ Тюрго.

[2]) Кромѣ сочиненій Токвиля, Тэна (т. I) и Сореля (т. I) указанныхъ на стр. 8, а также трудовъ Guglia (стр. 399), Gomel'я (стр. 416) и Chérest'а (стр. 339) моей книги о франц. крестьянахъ и тѣхъ, которые названы въ предыдущей главѣ, см. Boiteau. Etat de la France en 1789. — Raudot. La France avant la révolution.—Vic. de Broc. La France sous l'ancien régime. — Pisard. La France en 1789.—Труды Babeau: Le village sous l'ancien régime.—La vie rurale dans l'ancienne France.—La ville sous l'ancien régime.—La vie militaire sous l'ancien régime.—Wallon. Le clergé de 1789.—Chassin. L'église et les derniers serfs.—Sepet. Préliminaires de la Révolution.

Вскорѣ послѣ паденія Тюрго, когда стали усложняться внѣшнія политическія отношенія вслѣдствіе возстанія англійскихъ сѣверо-американскихъ колонистовъ противъ метрополіи [1]), французское правительство должно было поспѣшить съ дѣломъ улучшенія своихъ разстроенныхъ финансовъ. Эту задачу поручили женевскому банкиру Неккеру [2]), который въ іюнѣ 1777 г. и сталъ во главѣ финансоваго управленія. Неккеръ родился въ 1732 г. въ Женевѣ, гдѣ его отецъ, родомъ изъ Бранденбурга, былъ профессоромъ государственнаго права. Сколотивъ себѣ банкирскими операціями состояніе, онъ занялъ во Франціи мѣсто женевскаго резидента при версальскомъ дворѣ и вскорѣ прославился своими экономическими сочиненіями, въ коихъ защищалъ меркантилистическіе принципы и нападалъ на свободу хлѣбной торговли [3]). Послѣднее обстоятельство обратило на него вниманіе двора, какъ на противника Тюрго, и этого одного было уже достаточно, чтобы Неккеръ сначала получилъ должность въ финансовомъ управленіи, а потомъ сдѣлался и министромъ, хотя ему, какъ протестанту, не дали званія генералъ-контролера, а только „директора" (directeur des finances). Неккеръ стоялъ во главѣ министерства финансовъ четыре года (1777—1781), и все время титуломъ генералъ-контролера пользовалось другое, подставное лицо (Taboureau des Réaux). Хотя Неккеръ былъ поставленъ въ министры реакціей противъ Тюрго, хотя, даже не нося министерскаго титула, онъ долженъ былъ завѣдовать одними лишь финансами, сама уже задача улучшенія финансовъ до такой степени требовала реформъ и самое положеніе лица, взявшаго на себя эту задачу, до такой степени выдвигало его впередъ сравнительно съ другими министрами, что *Неккеръ не только долженъ былъ сдѣлаться руководящимъ министромъ, но принять на себя выполненіе наиболѣе настоятельныхъ реформъ*. Кромѣ преобразованій, произведенныхъ имъ въ финансовомъ вѣдомствѣ, которыя сами по себѣ не могли одни улучшить общаго положенія дѣлъ, отмѣтимъ его мѣры общаго характера. Въ 1779 г. онъ уничтожилъ серважъ въ королевскихъ доменахъ. Осудивъ въ гуманномъ вступленіи къ эдикту позорное рабство, Людовикъ XVI продолжалъ такимъ образомъ: „мы хотѣли бы отмѣнить безъ различія слѣды этого тягостнаго феодализма; но такъ какъ состояніе нашихъ финансовъ не дозволяетъ намъ выкупить это право изъ рукъ сеньеровъ и такъ какъ мы будемъ во всѣ времена питать уваженіе къ законамъ собственности, въ коихъ мы видимъ самое твердое основаніе порядка и справедливости, то мы можемъ, не нарушая этого прин-

---

[1]) См. ниже.

[2]) Неккеръ и г-жа Сталь, его дочь, оставили свои сочиненія для сужденія о революціи.

[3]) См. выше, стр. 433.

ципа, осуществить только часть блага, которое имѣемъ въ виду", уничтожая рабское состояніе въ королевскихъ доменахъ. Сеньеры лишь приглашались послѣдовать этому примѣру и лишались только прежнихъ своихъ правъ на бѣглыхъ крѣпостныхъ. Такимъ образомъ, *эдиктъ, освобождавшій королевскихъ сервовъ, былъ составленъ въ реакціонномъ смыслѣ,* и многіе сеньеры видѣли въ немъ прямо новое подтвержденіе своихъ прежнихъ правъ. Внося этотъ эдиктъ въ свои регистры, парламентъ сдѣлалъ еще оговорку, что королевскій указъ отнюдь не долженъ наносить ущерба (nuire) правамъ сеньеровъ. Далѣе Неккеръ отмѣнилъ пытку при допросѣ обвиняемаго (la question préparatoire), оставивъ, однако, попрежнему существовать пытку, какой подвергали уже осужденныхъ передъ казнью (la question préalable). Онъ не смѣлъ также коснуться суроваго законодательства старой Франціи, лишавшаго правъ протестантовъ, его же собственныхъ единовѣрцевъ.

Особаго вниманія заслуживаетъ административная реформа, предпринятая Неккеромъ, но не доведенная имъ до конца вслѣдствіе отставки. О мемуарѣ, въ коемъ онъ предлагалъ Людовику XVI эту реформу, король выразился, какъ о проектѣ, напоминающемъ ему идеи Тюрго. Людовикъ XVI былъ правъ, ибо основа плана была заимствована у бывшаго министра, но и *на планѣ введенія во Франціи самоуправленія сказалось вліяніе общей реакціи.* Неккеру стоило большого труда убѣдить Людовика XVI согласиться на это нововведеніе. Были, по признанію самого Неккера, приняты мѣры, дабы земскія собранія постоянно чувствовали необходимость быть достойными оказываемаго имъ довѣрія и знали, что лишь въ этомъ заключается залогъ ихъ существованія. Уже Тюрго придавалъ этимъ собраніямъ только совѣщательный характеръ, а Неккеръ еще болѣе подчеркивалъ, что они должны состоять изъ простыхъ административныхъ коммиссаровъ. Онъ даже не предлагалъ ввести ихъ сразу во всей Франціи, а совѣтовалъ сначала въ видѣ опыта и на время только реформу въ одной провинціи (Берри въ 1778 г.), самой бѣдной и въ то же время не имѣвшей парламента и считавшейся наиболѣе преданною. Провинціальное собраніе должно было состоять здѣсь изъ 48 членовъ, а именно 12 духовныхъ, 12 дворянъ и 24 лицъ изъ третьяго сословія, такъ что сохранялся сословный принципъ. Члены эти не выбирались, а назначались въ первый разъ королемъ изъ мѣстныхъ собственниковъ, дабы впослѣдствіи собраніе уже само себя пополняло, выбирая новыхъ членовъ взамѣнъ выбывающихъ по очереди. Собираться такая assemblée provinciale должна была на одинъ мѣсяцъ и притомъ разъ въ два года для занятія вопросами, которые и Тюрго отдавалъ на разсмотрѣніе своихъ „муниципалитетовъ". Рѣшенія собранія нуждались въ утвержденіи королевскаго совѣта, но не иначе, какъ съ согла-

сія особаго правительственнаго коммиссара и съ его замѣчаніями. Тюрго думалъ такими собраніями замѣнить интендантовъ, но теперь интендантъ оставался на своемъ мѣстѣ и контролировалъ дѣйствія собранія. Установленъ былъ и порядокъ дѣлопроизводства, сложный, мелочно расчитанный на то, чтобы собраніе не могло превысить своихъ полномочій. Исполнительнымъ органомъ собранія была особая управа (bureau intermédiaire), но ея функціи не были строго разграничены съ функціями интенданта: послѣдній всегда имѣлъ возможность своими распоряженіями парализировать ея дѣйствія. Въ слѣдующемъ (1779) году Неккеръ ввелъ подобныя собранія въ Дофинэ и Верней-Гюйени (Haute-Guyenne), но въ первой изъ этихъ провинцій дѣло не пошло, ибо привилегированныя сословія потребовали возстановленія старыхъ провинціальныхъ штатовъ [1]). Еще черезъ годъ (1780) Неккеръ задумалъ ввести эту реформу и въ четвертомъ округѣ (Bourbonnais, Nivernais и la Marche), но противъ этого протестовали парижскій парламентъ и муленскій (Moulins) интендантъ, а Людовикъ XVI не поддержалъ министра. Когда Неккеръ вышелъ въ отставку (1781), провинціальныя собранія были введены лишь въ двухъ провинціяхъ, гдѣ и удержались до самой революціи. Только Ломени де-Бріеннъ передъ началомъ революціи (1787) ввелъ провинціальныя собранія во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ не было провинціальныхъ штатовъ, внесши въ порядокъ, установленный Неккеромъ, измѣненія, заимствованныя изъ плана Тюрго (приходскія, окружныя и провинціальныя собранія, выборные члены и т. п.). Нѣкоторые историки [2]) приписываютъ этой реформѣ громадное значеніе, какого, однако, она не имѣла и не могла имѣть, ибо беррійское и гюйеньское собранія послѣ отставки Неккера были урѣзаны въ своихъ правахъ, и послѣ возлагавшихся на реформу ожиданій наступило разочарованіе, распространеніе же ея на всю Францію было уже мѣрою запоздалою, хотя нельзя отрицать частной пользы, какую принесли новыя собранія въ двухъ названныхъ провинціяхъ.

Въ 1781 г. Неккера постигла судьба Тюрго. Людовикъ XVI пересталъ его поддерживать. Напр., Неккеръ потребовалъ, чтобы король уволилъ интенданта, прямо отказавшагося открыть провинціальное

---

[1]) Gollety. Tentatives d'organisation provinciale en Dauphiné: l'assemblée provinciale de 1787.

[2]) Особенно Lavergne, соч. коего названо выше, на стр. 421. Lavergne вообще изображаетъ царствованіе Люновика XVI, какъ эпоху, когда очень много было сдѣлано для процвѣтанія Франціи. См. также его Economie rurale de la France depuis 1789. Болѣе вѣрный взглядъ въ брошюрѣ проф. И. В. Лучицкаго (см. выше, стр. 421). Ср. Luçay. Les assemblées provinciales sous Louis XVI et les divisions administratives de 1789.

собраніе въ Муленѣ, но Людовикъ XVI не согласился на отставку непослушнаго чиновника. При дворѣ и Неккера не возлюбили за то, что онъ также мѣшалъ тому расхищенію казны, въ которомъ участвовали придворные, получавшіе денежные подарки и пенсіи или клавшіе въ свой карманъ значительныя суммы изъ того, что шло на расходы по содержанію двора. Для покрытія дефицитовъ Неккеръ сталъ прибѣгать къ займамъ, и желая внушить капиталистамъ довѣріе къ государственнымъ финансамъ, онъ рѣшился обнародовать бюджетъ (le compte rendu), который, хоть и не вполнѣ, проливалъ свѣтъ на траты двора. Этого было достаточно, чтобы министра, выдвинутаго самою же реакціей, отставили, и чтобы *за его отставкой реакція еще болѣе усилилась*. Она прямо приняла строго аристократичекій характеръ: недворянамъ былъ закрытъ доступъ къ офицерскимъ чинамъ въ арміи, къ занятію особенно доходныхъ церковныхъ должностей, соединенныхъ съ землевладѣніемъ, къ вступленію въ парламенты; всѣ процессы между привилегированными и ротюрьерами въ парламентахъ стали рѣшаться въ пользу первыхъ; оживала вся феодальная старина, а между тѣмъ жизнь требовала движенія впередъ и, слѣдовательно, реформъ.

Съ паденіемъ Неккера усилилось вліяніе на короля—Вержена, самаго завзятаго противника реформъ и новыхъ идей. Наприм., въ это время подверглась сожженію знаменитая книга Рэйналя [1]). Съ другой стороны, росло раздраженіе. При Неккерѣ, благодаря займамъ, государственный долгъ сильно увеличился, а тутъ еще увеличились и расходы, благодаря вмѣшательству Франціи въ войну за американскую свободу. Преемникъ Неккера, Жоли де-Флёри, умѣлъ только увеличивать налоги да занимать деньги на самыхъ обременительныхъ условіяхъ. Его смѣнили, но и новый министръ, Ормессонъ, слѣдовалъ той же политикѣ, разстроивъ еще болѣе финансы. Многіе совѣтовали призвать снова Неккера, но дворъ не хотѣлъ подчиниться экономіи, а Людовикъ XVI и слышать не желалъ о реформахъ. Королева и графъ д'Артуа вмѣстѣ съ Верженомъ рекомендовали на постъ министра финансовъ угодливаго и расточительнаго валансьенскаго интенданта Калонна, который уже прямо держался на практикѣ знаменитаго изреченія Людовика XV: „послѣ насъ хоть потопъ". Окончательно запутавъ дѣла, увеличивъ долгъ и дефицитъ, истощивъ казну, раздраживъ общественное мнѣніе, вызвавъ оппозицію парламентовъ противъ новыхъ налоговъ, Калоннъ рѣшился наконецъ описать королю всю безвыходность положенія и рекомендовать „сильныя средства" къ устраненію зла. Выслушавъ предложенія министра, Людовикъ XVI, которому передъ

---

1) См. выше, стр. 228—229.

тѣмъ твердили, что дѣла идутъ превосходно, былъ удивленъ: „но вѣдь вы, сказалъ онъ Калонну, приносите съ собою все того же Неккера".— „Государь, отвѣчалъ онъ, въ данную минуту ничего лучшаго нельзя придумать",—и указалъ на то, что нужно прибѣгнуть къ помощи націи, допустивъ ее къ участію въ администраціи. Планъ Тюрго снова выступилъ на сцену, но обстоятельства измѣнились: *въ 1787 году дѣла были болѣе запутаны, чѣмъ въ 1774—76 г.; общество настроено болѣе оппозиціонно, да и къ власти, особенно къ легкомысленному Калонну, относилось съ недовѣріемъ.* Желая при враждебномъ отношеніи къ нему парламентовъ опереться на сочувствіе націи, онъ убѣдилъ Людовика XVI созвать собраніе нотаблей, т.-е. назначенныхъ самимъ правительствомъ представителей трехъ сословій, въ былыя времена замѣнявшее генеральные штаты. Правленіе Калонна подверглось со стороны этого собранія, состоявшаго, главнымъ образомъ, изъ привилегированныхъ, самой строгой критикѣ, и Калоннъ, всѣми оставленный, долженъ былъ выйти въ отставку. Его замѣнилъ архіепископъ тулузскій Ломени де-Бріеннъ, возобновившій передъ нотаблями одинъ изъ проектовъ своего предшественника—о поземельномъ налогѣ, который падалъ бы одинаково на всѣхъ собственниковъ королевства, а также проектъ о введеніи провинціальныхъ собраній во всемъ королевствѣ и о дарованіи протестантамъ правъ гражданскаго состоянія (безъ правъ, однако, занимать должности и заниматься нѣкоторыми профессіями, отнятыми у нихъ въ эпоху уничтоженія нантскаго эдикта [1]). Нотабли согласились на эти реформы, но не хотѣли допустить, чтобы новый налогъ падалъ на всѣхъ равномѣрно. Когда они были распущены, противъ министерской реформы выступилъ парижскій парламентъ, объявивъ, что лишь генеральные штаты имѣютъ право давать согласіе на новые налоги. Одинъ изъ совѣтниковъ парламента, оказавшійся особенно несговорчивымъ, именно д'Эпремениль (между прочимъ, приравнивавшій дарованіе протестантамъ гражданскихъ правъ къ вторичному распятію Христа) сдѣлался героемъ дня. Пришлось прибѣгнуть къ новому lit de justice, но и послѣ этого парижскій парламентъ протестовалъ. Въ августѣ 1787 г. онъ былъ сосланъ въ Труа [2]), въ сентябрѣ былъ возвращенъ и возобновилъ свою оппозицію. Тогда хранитель печатей (garde des sceaux) Ламуаньонъ рѣшился послѣдовать примѣру Мопу: эдиктомъ 8 мая 1788 г. у парламентовъ было отнято право дѣлать ремонстранціи, и провинціальные парламенты, ставшіе на сторону парижскаго, должны были прекратить свою дѣятельность впредь до выработки новой су-

---

[1]) Т. II, стр. 560.

[2]) Babeau, Le parlement de Paris à Troyes en 1787.

дебной организаціи. Парламенты и теперь, какъ и прежде, служили дѣлу консервативной оппозиціи; но имъ оказывало поддержку общественное мнѣніе, относившееся съ недовѣріемъ къ правительству, и даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произошли народныя волненія, принявшія характеръ сопротивленія властямъ въ защиту парламентовъ. Ломени де-Бріеннъ былъ отставленъ, парламенты были снова возстановлены, и судебная реформа Ламуаньона такъ-таки и не осуществилась. Во время этой послѣдней борьбы съ парламентами *все настойчивѣе и настойчивѣе раздавалось требованіе, чтобы были созваны генеральные штаты.* Уже въ собраніи нотаблей, созванныхъ Калонномъ, о нихъ заговорилъ одинъ изъ представителей дворянства, впрочемъ, проникнутый новыми политическими идеями: это былъ Лафайетъ [1]), герой американской войны за независимость. Выше было упомянуто, что на генеральные штаты сдѣлалъ ссылку и парижскій парламентъ во время борьбы съ Ломени де-Бріенномъ. Въ провинціальныхъ собраніяхъ, только-что введенныхъ этимъ министромъ въ разныхъ частяхъ Франціи, равнымъ образомъ раздавались голоса за необходимость созыва генеральныхъ штатовъ. Ихъ требовали, далѣе, провинціальные штаты Дофинэ, собраніе духовенства въ 1787 г., *требовало и общественное мнѣніе безъ различія партій.* Людовику XVI пришлось уступить: въ декабрѣ 1787 г. онъ обѣщалъ созывъ государственныхъ чиновъ Франціи черезъ пять лѣтъ, но событія приблизили этотъ срокъ. Послѣ неудачи, постигшей Ломени де-Бріенна, въ министерство вторично былъ призванъ Неккеръ, и вторично собранные нотабли (ноябрь 1788 г.) также высказались за необходимость созыва генеральныхъ штатовъ. Мы останавливаемся весьма коротко на этой эпохѣ, но, собственно говоря, событія, которыя непосредственно привели къ паденію стараго порядка, начинаются съ созванія нотаблей; въ этотъ періодъ, однако, сопротивленіе предначертаніямъ власти шло со стороны привилегированныхъ, которые сами начали разрушеніе стараго порядка [2]). Не

---

[1]) См. его мемуары и соч. о немъ Regnault Warin, Büdinger'a и др.

[2]) Объ этомъ періодѣ есть старыя (конца прошлаго вѣка) сочиненія Montjoye и Lameth'a, но въ новое время ими обыкновенно пренебрегали. Лѣтъ десять тому назадъ этими годами (1787—1789) занялся Chérest въ сочиненіи, называвшемся раньше (стр. 399), къ сожалѣнію, неоконченномъ (вышло два тома и половина третьяго). Авторъ, рѣшительный консерваторъ, какъ онъ самъ себя аттестуетъ въ предисловіи, приступалъ къ своему изслѣдованію съ предвзятою мыслью, что Франція могла бы преобразоваться легально и мирно, однимъ прогрессомъ идей, одною силою вещей, но изученіе исторіи 1787 и 1788 гг. произвело на него иное впечатлѣніе: „чѣмъ болѣе, говоритъ онъ, я углублялся въ подробности дѣйствительной исторіи, тѣмъ болѣе моимъ умомъ овладѣвало противоположное убѣжденіе“. Шерестъ показываетъ, какъ революція началась наверху, т.-е. пошла со стороны привилегированныхъ, которые ока-

смотря на сказанное, по недостатку времени мы остановимся больше на выступленіи на сцену новыхъ факторовъ.

Если привилегированные въ царствованіе Людовика XVI каждый разъ вступали на путь оппозиціи, когда правительство вынуждалось на реформы, задѣвавшія ихъ интересы, то, съ другой стороны, общая реакція клерикально-аристократическаго характера послѣ отставокъ, данныхъ Тюрго и Неккеру, дурное веденіе дѣлъ неспособными министрами, только ухудшавшими и безъ того неприглядное положеніе страны, борьба правительства съ парламентами, на которые французы смотрѣли, какъ на защитниковъ свободы, безразсудное поведеніе двора, продолжавшаго тратить (особенно при Калоннѣ) большія суммы денегъ на роскошь, на увеселенія, на разнаго рода подачки,—все это страшно раздражало и тѣ круги общества, которые желали реформъ, понимали настоящее положеніе дѣлъ, одушевлялись новыми политическими идеями и видѣли въ тогдашнемъ дворѣ главную помѣху въ дѣлѣ осуществленія настоятельныхъ требованій времени. Не нужно забывать, что къ началу царствованія Людовика XVI французская литература XVIII в. уже дала все самое существенное, что ее характеризуетъ [1]), и успѣла воспитать общественное мнѣніе въ извѣстномъ направленіи. На Людовика XVI общество возлагало самыя блестящія надежды—и разочаровалось. Сами привилегированные показывали народу примѣръ сопротивленія власти. Нѣкоторыя событія довершили развитіе оппозиціоннаго духа. Появленіе на сценѣ двухъ комедій Бомаршэ было однимъ изъ такихъ событій. Этотъ писатель, бывшій въ то же время авантюристомъ, нравственныя качества котораго совсѣмъ не соотвѣтствовали общественной роли, какую ему пришлось играть,—сдѣлался весьма популярнымъ человѣкомъ послѣ своего столкновенія съ „парламентомъ Мопу“ [2]). Боясь овацій ему со стороны общества, разные круги коего— и консервативные, и либеральные — видѣли въ Бомаршэ какъ бы своего трибуна, правительство запретило представленіе его комедіи „Севильскій цирюльникъ“, хотя потомъ само же пользовалось услугами ея автора по части секретныхъ порученій за-границей, имѣвшихъ подчасъ мало общаго съ политикой (напр., нужно было добиться уничто-

---

зывали сопротивленіе королевской власти и призывали народъ къ мятежу. Замѣтимъ, что автору, когда онъ приступалъ къ своему труду, было болѣе пятидесяти лѣтъ. Научный духъ историка побѣдилъ въ немъ предвзятое мнѣніе человѣка партіи. Съ Тэномъ произошло наоборотъ: онъ хотѣлъ изучать исторію революціи, какъ натуралистъ изучаетъ метаморфозы насѣкомаго, но не удержался на этой позиціи и какъ разъ оказался весьма пристрастнымъ въ своихъ сужденіяхъ.

[1]) См. выше, стр. 212 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 419—420.

женія одного пасквиля противъ графини дю-Барри и предупредить появленіе другого на Марію-Антуанету). Въ 1775 г. послѣ многихъ цензурныхъ пересмотровъ дозволили, однако, поставить на сцену „Севильскаго цирюльника“, но первое же представленіе, имѣвшее блестящій успѣхъ, вызвало въ пьесѣ нѣкоторыя сокращенія: въ ней было много заявленій оппозиціоннаго свойства по отношенію къ высшему свѣту. Послѣ этого Бомаршэ служилъ, главнымъ образомъ, торжеству новыхъ идей, сдѣлался—не безъ помощи правительства—поставщикомъ для арміи американскихъ инсургентовъ, потомъ съ большими затрудненіями издалъ полное собраніе сочиненій Вольтера, выбравъ для этого одинъ городокъ на баденской территоріи и т. п. Однимъ словомъ, дѣятельность его становилась все сознательнѣе, и вотъ онъ пишетъ новую комедію „Свадьба Фигаро“ прямо съ смѣлыми намеками на современность. Четыре года ее разсматривала и пересматривала цензура, а пока Бомаршэ читалъ комедію въ разныхъ кружкахъ и поставилъ на любительской сценѣ. Людовикъ XVI объявилъ прямо, что въ его царствованіе эта комедія играться не будетъ, ибо для того, чтобы оправдать ея содержаніе, нужно было бы немедленно уничтожить Бастилію; но ловкій и настойчивый сатирикъ добился-таки разрѣшенія, и пьеса дана была на публичной сценѣ въ 1784 г. Успѣхъ былъ колоссальный. Людовику XVI сдѣлали на Бомаршэ доносъ въ оскорбленіи величества, и онъ написалъ, играя въ карты, на пиковой семеркѣ приказъ объ арестѣ Бомаршэ, вскорѣ, впрочемъ, выпущеннаго. Комедія была направлена противъ знати, достигающей всѣхъ благъ, „потрудившись лишь родиться“, противъ двора, гдѣ „тайна успѣха заключается въ словахъ: давать, брать и требовать“, противъ законовъ, „снисходительныхъ къ богачамъ, суровыхъ къ бѣднякамъ“. Надменнымъ и бездарнымъ вельможамъ Бомаршэ противопоставилъ способнаго разночинца Фигаро. Финансовыя операціи обогатили автора оппозиціонныхъ комедій, и онъ рядомъ съ Бастиліей построилъ себѣ домъ, садъ котораго былъ украшенъ статуями энциклопедистовъ. Впрочемъ, Бомаршэ не видѣлъ, куда направляется общественное теченіе, и вѣрилъ еще въ возможность реформы сверху. Ему, однако, пришлось увидѣть революцію, во время которой онъ еще разъ вернулся къ испытанному уже прежде средству обогащенія путемъ поставокъ въ армію.

Успѣхъ комедій Бомаршэ былъ однимъ изъ признаковъ крайне неблагопріятнаго старымъ порядкамъ общественнаго настроенія. Дворъ окончательно дискредитировалъ себя въ глазахъ общества, и „австріачка“ Марія-Антуанета, которую стали называть „госпожей Дефицитъ“, сдѣлалась особенно непопулярна въ публикѣ. Знаменитая исторія съ ожерельемъ (l'affaire du collier) доказываетъ, какъ дурно смотрѣло

на королеву французское общество [1]). Кардиналъ де Роганъ, епископъ страсбургскій, попалъ въ немилость при дворѣ и изъ всѣхъ силъ пытался вернуть себѣ расположеніе королевы, особенно бывшей къ нему неблагосклонною. Одна авантюристка, называвшая себя графиней Ламоттъ, и извѣстный шарлатанъ Каліостро, имѣвшій большой успѣхъ среди легковѣрной аристократіи своими познаніями въ тайныхъ наукахъ и вызовами духовъ, стали эксплуатировать Рогана. Узнавъ, что королева отказалась по неимѣнію денегъ отъ покупки страшно дорогого ожерелья, которое ей предлагали купить, графиня Ламоттъ убѣдила кардинала, что ему легко будетъ вернуть милость королевы покупкою для нея этого ожерелья; Каліостро помогъ ей въ этомъ дѣлѣ, причемъ было устроено тайное свиданіе Рогана съ какою-то женщиной, переодѣвшейся королевою. Ожерелье было пріобрѣтено въ долгъ за поручительствомъ Рогана, увезено въ Англію и тамъ продано, такъ что кардиналъ, не подозрѣвавшій обмана, очень удивлялся, видя, что Марія Антуанета не надѣваетъ ожерелья. Когда онъ не получилъ ожидавшейся имъ министерской должности, а ювелиръ, продавшій ожерелье,—должныхъ ему денегъ, обманъ вскрылся (1785). Епископъ страсбургскій былъ арестованъ во время торжественнаго богослуженія, преданъ суду вмѣстѣ съ обманщицей-графиней, и начался скандальный процессъ. Роганъ былъ освобожденъ, графиню клеймили и приговорили къ тюремному заключенію на всю жизнь, но она съумѣла бѣжать и потомъ участвовала въ раздуваніи всей этой исторіи, бросавшей тѣнь на королеву, такъ какъ публика готова была вѣрить всему дурному и сильно подозрѣвала Марію-Антуанету въ томъ, что она была тутъ не безъ грѣха. На дворъ посыпались памфлеты, коими мстила ему и оскорбленная фамилія де-Рогановъ.

Одно событіе въ области внѣшней политики также весьма сильно подѣйствовало на французское общественное мнѣніе [1]). Возстаніе англій-

---

[1]) Compardon. Marie Antoinette et le procès du collier.

[2]) Касаемся здѣсь сѣверо-американскихъ событій лишь по отношенію къ тому вліянію, какое они оказали на Францію. См. общія сочиненія Банкрофта (Hist. of the american revolution и History of the United States), Laboulaye (Hist. des Etats Unis, пер. по рус.), Неймана (Gesch. der Vereinigten Staaten von Amerika, перев. по-русски, какъ и соч. Циммермана) и др. Объ участіи Франціи въ американской войнѣ за независимость см. Doniol. Hist. de la participation de la France à l'établissement des Etats Unis d'Amérique.—Th. Balch. Les Français en Amérique.—Bancroft. Hist. de l'action commune de la France et de l'Amérique (перев. съ англійскаго). См. также указанную книгу Ломени о Бомаршэ (выше, стр. 419) и статью М. М. Ковалевскаго „Англоманія и американофильство во Франціи XVIII вѣка“ (Вѣстн. Евр. 1892).

скихъ сѣверо-американскихъ колоній противъ своей метрополіи (1774) и начавшаяся между ними война, объявленіе колоніями своей независимости отъ Англіи (1776) и образованіе изъ нихъ республики Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, появленіе во Франціи знаменитаго американскаго патріота Веньямина Франклина, искавшаго помощи своей родинѣ, участіе въ этой войнѣ нѣсколькихъ выдающихся французскихъ добровольцевъ и, наконецъ, посылка самимъ правительствомъ на помощь американцамъ войска подъ начальствомъ Рошамбо,—все это страшно взволновало французское общество, весьма близко принявшее къ сердцу дѣло политической свободы въ Америкѣ: оно видѣло въ возстаніи англійскихъ колонистовъ и въ образованіи новаго свободнаго государства примѣненіе тѣхъ политическихъ принциповъ свободы и равенства, которые проповѣдовались французской литературой, а успѣхъ новой республики, подтвержденный версальскимъ миромъ (1783), по которому европейскія государства признавали независимость Соединенныхъ Штатовъ, *окрылялъ надежду на то, что новыя идеи восторжествуютъ и на своей родинѣ*. Громадное большинство французскаго общества не знало, что колоніи давно пользовались самоуправленіемъ, давно пользовались правами личной неприкосновенности своихъ гражданъ и религіозною свободою, давно пользовались и гражданскимъ равенствомъ,—не обращало вниманія на то, что на дѣвственной почвѣ Америки не существовало тѣхъ историческихъ силъ—королевской власти, католическаго клира и феодальной аристократіи, существованіе коихъ во Франціи отражалось не на однихъ внѣшнихъ формахъ общества, но и на всѣхъ привычкахъ и нравахъ націи: оно видѣло только освобожденіе цѣлаго народа отъ угнетенія, которое имѣло, однако, совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ то, на какое могли жаловаться французы,—и видѣло, что въ данномъ случаѣ играли роль новыя политическія идеи, какъ бы выросшія во Франціи и оттуда перенесенныя въ Америку. Поскольку принципы индивидуальной свободы, раздѣленія властей, народнаго верховенства осуществлялись въ учрежденіяхъ новой республики, они были въ сущности наслѣдіемъ долгаго развитія самой англійской жизни: англійскіе колонисты, гонимые на родинѣ въ эпоху деспотическихъ Стюартовъ, принесли ихъ съ собою на новую почву и осуществили въ своемъ быту [1]). Идеи эти продолжали между тѣмъ развиваться и въ самой Англіи, въ ея политической литературѣ [2]), которая, какъ извѣстно, сильно повліяла на литературу французскую [3]). То, что послѣдняя развивала, защищала, доказывала въ области отвлеченнаго

---

[1]) Т. II, стр. 440, 456, 461, 462, 477 и слѣд., 489 и др.
[2]) Т. II, стр. 604 и слѣд.
[3]) См. выше, стр. 147—148.

умозрѣнія, уже осуществлялось ранѣе этого въ жизни сѣверо-американскихъ колонистовъ. Между старыми американскими порядками и новыми французскими идеями было несомнѣнное родство: вотъ почему французскіе политическіе принципы естественныхъ правъ личности, гражданскаго равенства, народнаго верховенства, раздѣленія властей были приняты американцами, для которыхъ они имѣли характеръ философской обосновки отношеній и безъ того осуществлявшихся ихъ жизнью [1]), и вотъ почему *французамъ могло показаться, что американцы у себя создали все это вновь на основаніи новыхъ политическихъ идей.* Сами американцы помогли образованію такого мнѣнія, перешедшаго скоро во всеобщее убѣжденіе, между прочимъ и своей знаменитой деклерацiей 1776 г. Когда въ 1774 г. американскіе патріоты, представители отдѣльныхъ провинціальныхъ собраній, съѣхались на общій конгрессъ въ Филадельфіи, они составили здѣсь декларацію правъ по образцу деклараціи англійской, изданной во время второй революціи [2]): она предназначалась къ тому, чтобы подѣйствовать на общественное мнѣніе въ Англіи, и потому конгрессъ ссылался въ ней на разные статуты и грамоты англійскаго государственнаго права, допустивъ, впрочемъ, ссылки и на право естественное. Это было еще передъ началомъ междоусобія, но когда началась война съ Англіей, и колоніи рѣшились отложиться отъ метрополіи, то конгрессъ составилъ вторую декларацію уже для всего цивилизованнаго міра, и здѣсь уже не было такой надобности ссылаться на государственные законы Англіи, мало извѣстные въ другихъ странахъ, почему выдвинуты были впередъ уже аргументы новой политической философіи, т. е. ссылки на естественныя права людей и народовъ, права ихъ на равенство, свободу, стремленіе къ счастью и самоуправленіе. Цѣлый народъ исповѣдовалъ эти принципы, и впечатлѣніе этого факта на французовъ было весьма сильное. Страстное увлеченіе этой декларацiей выразилось въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ эпохи, напр., въ „Révolution de l'Amérique" (1781) аб. Рейналя [3]), который, между прочимъ, писалъ: „зачѣмъ у меня нѣтъ генія и силы рѣчи знаменитыхъ ораторовъ Аѳинъ и Рима! Съ какимъ величіемъ духа я воспрославилъ бы благородныхъ мужей, которые своимъ терпѣніемъ, своею мудростью, своимъ мужествомъ соорудили это великое зданіе!" и пр. И далѣе: „героическая страна! мой преклонный возрастъ не позволяетъ мнѣ побывать въ тебѣ. Никогда не увижу я себя среди почтенныхъ мужей твоего ареопага, никогда мнѣ не доведется присутствовать при совѣщаніяхъ твоего конгресса! Я умру и не увижу жилища вѣротерпимости, нравственности,

[1]) См. выше, гл. XIII—XVI.
[2]) Т. II, стр. 594—595 и выше стр. 59.
[3]) Ср. выше, стр. 228—229.

законности, добродѣтели и свободы! Свободная, святая земля не скроетъ моего праха, но я, по крайней мѣрѣ, желалъ бы этого, и моими послѣдними словами будутъ молитвы къ небу о твоемъ благоденствіи". Декларацію 1776 г. и американскіе порядки прославляли еще Мабли (Notre gloire ou nos rêves, Observations sur le gouvernement et les lois des Etats-Unis de l'Amérique), Бриссо (Nouveau voyage dans les Etats-Unis de l'Amérique, 1788), Кондорсе и др.

Увлеченіе французовъ Америкой выразилось не на словахъ только: многіе сочли своимъ долгомъ оказать помощь Соединеннымъ Штатамъ въ то время, какъ нѣкоторые представители старыхъ порядковъ, нѣмецкіе князья, помогали наоборотъ Англіи, отдавая ей за деньги своихъ солдатъ [1]). Однимъ изъ первыхъ французовъ на помощь молодой республикѣ пришелъ Бомаршэ въ качествѣ поставщика и политическаго агента французскаго двора, сначала тайно покровительствовавшаго инсургентамъ. Другимъ выдающимся защитникомъ американской свободы былъ маркизъ де-Лафайетъ, тогда лейтенантъ французской службы, которому пришлось впослѣдствіи играть одну изъ наиболѣе видныхъ ролей въ исторіи революціи. Увлеченный декларацией 1776 г., онъ рѣшился служить „сынамъ свободы" своей шпагой. Ему было только 19 лѣтъ, когда онъ на свой счетъ снарядилъ корабль „Побѣду" и съ другими офицерами отправился въ Америку подъ менторствомъ нѣмца барона Кальба, тоже офицера французской службы. Общественное мнѣніе было такъ настроено въ пользу американцевъ, что само правительство подчинилось общему увлеченію, тѣмъ болѣе, что имѣло давно въ виду извлечь выгоду для себя изъ ослабленія Англіи. Въ началѣ 1778 г. между Франціей и новой республикой былъ заключенъ союзъ. Пребываніе въ Парижѣ въ эпоху американской войны знаменитаго Франклина усиливало еще болѣе энтузіазмъ: старикъ въ черномъ квакерскомъ сюртукѣ, безъ галуновъ, лентъ и орденовъ, съ сѣдыми волосами безъ пудры и парика, простой въ обращеніи, привѣтливый, разумный въ рѣчахъ, представлялся, какъ истинный типъ „республиканца" въ духѣ героевъ Плутарха и идеальный человѣкъ, какого создавалъ въ своемъ воображеніи Руссо. Вездѣ, гдѣ ни появлялся Франклинъ, ему устраивались оваціи; его портреты можно было видѣть повсюду. Д'Аламберъ въ академіи привѣтствовалъ его, какъ человѣка, „исторгнувшаго у неба молнію и скипетръ изъ

---

[1]) Fr. Kapp. Der Soldatenhandel deutscher Fürsten nach America. Ему же принадлежатъ біографія Ф. Штейбена (Steuben), генерала американской службы, явившагося туда изъ Европы при посредствѣ Бомаршэ, и біографія ген. Кальба, нѣмца на французской службѣ.

[2]) Bardoux. La jeunesse de Lafayette.

рукъ тиранновъ“ [1]). Вольтеръ, пріѣхавшій въ Парижъ въ годъ своей смерти, пожелалъ видѣть Франклина, и когда тотъ явился къ нему съ своимъ внукомъ, благословилъ послѣдняго словами: „Богъ и свобода“ [2]). Въ 1779 г. Лафайетъ пріѣзжалъ во Францію изъ Америки, гдѣ проникся глубочайшимъ уваженіемъ къ Вашингтону. Его приняли въ Версалѣ благосклонно, хотя по поводу его энтузіазма къ Америкѣ, Морепа говорилъ, что молодой маркизъ охотно разграбилъ бы Версаль, чтобы добыть средствъ на одежду для американскихъ солдатъ. Военнымъ министромъ назначенъ былъ въ это время родственникъ Лафайета маркизъ Сегюръ, который и добился посылки въ Америку вспомогательнаго войска. Когда война окончилась, французы, сражавшіеся за американскую независимость, возвратились исполненные глубокаго уваженія ко всему, что видѣли въ странѣ новой свободы. Мы уже знаемъ, что сочувствіе къ американскимъ порядкамъ отразилось и на тогдашней политической литературѣ. Не только декларація 1776 г., но и пенсильванская конституція, особенно проникнутая демократическимъ духомъ, останавливали на себѣ вниманіе французскихъ публицистовъ, *получавшихъ въ нихъ поводъ поднять въ печати конституціонные вопросы*. Кромѣ Мабли, не дожившаго до революціи, но тѣмъ не менѣе оказавшаго своими идеями вліяніе на составителей первой французской конституціи [3]), въ обсужденіи этихъ вопросовъ участвовали будущіе дѣятели революціи: Бриссо [4]) и Кондорсе. Первый дважды ѣздилъ въ Америку и написалъ сочиненіе объ этой странѣ, гдѣ ему, между прочимъ, пришлось выслушать мнѣніе о томъ, что едва ли Франція подготовлена къ той свободѣ, какою пользуются Америка и (не въ такой степени) Англія. Тѣмъ не менѣе онъ сильно надѣялся на то, что въ Европѣ послѣдуютъ образцамъ, даннымъ конституціями отдѣльныхъ американскихъ штатовъ. Кондорсе въ „Мысляхъ о деспотизмѣ“, появившихся уже послѣ того, какъ рѣшено было созвать генеральные штаты, проводилъ ту идею, что знакомство съ американскими учрежденіями должно помочь возрожденію Франціи, и рекомендовалъ начать дѣло съ деклараціи правъ человѣка, на коихъ покоятся права націи. Нельзя сказать, чтобы эти писатели обнаружили полное пониманіе складывавшихся въ Америкѣ политическихъ порядковъ, какъ не вполнѣ понималъ Монтескье истинный характеръ англійской конституціи [5]), но дѣло въ томъ, что американскія событія

[1]) Eripuit coelo fulmen sceptrumque tyrannis. Франклинъ изобрѣлъ громоотводъ.

[2]) См. выше, стр. 158.

[3]) См. выше, стр. 236 и слѣд.

[4]) См. выше, стр. 246.

[5]) См. выше, стр. 183 и слѣд.

послужили толчкомъ къ новому возбужденію во Франціи политической мысли и какъ-разъ передъ самымъ созваніемъ генеральныхъ штатовъ. Благодаря связямъ, образовавшимся между американскими политическими дѣятелями и нѣкоторыми французами (напр., между Вашингтономъ и Лафайетомъ), въ Америкѣ съ большимъ интересомъ слѣдили за тѣмъ, что происходило во Франціи. Нѣкоторые изъ американцевъ высказывали свои желанія относительно Франціи и давали совѣты французамъ. Въ числѣ ихъ былъ, напр., американскій посланникъ въ Парижѣ Джефферсонъ, одинъ изъ авторовъ деклараціи 1776 г., и онъ же самъ въ одномъ письмѣ весьма ясно указалъ на то, что „американская война пробудила мыслящую часть французскаго общества отъ сна деспотизма, въ который оно такъ долго и такъ глубоко было повергнуто". Его домъ сдѣлался даже сборнымъ пунктомъ для поклонниковъ Америки. Благодаря всему этому, „американофильство" [1]) сдѣлалось однимъ изъ источниковъ, изъ коихъ вытекло политическое движеніе 1789 г.

Въ числѣ лицъ, стремившихся сражаться въ Америкѣ, былъ и самый крупный дѣятель первыхъ двухъ лѣтъ революціи, Мирабо, съ которымъ, какъ съ однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей либеральной Франціи до революціи мы теперь и познакомимся [2]). Біографію великаго трибуна 1789 г. нельзя, впрочемъ, отдѣлять отъ біографіи его отца, который и самъ по себѣ былъ человѣкъ замѣчательный.

Фамилія Мирабо произошла отъ названія замка, пріобрѣтеннаго однимъ изъ ихъ предковъ Жаномъ Рикетомъ, купеческимъ сыномъ и первымъ консуломъ города Марсели въ серединѣ XVI в. Сто лѣтъ спустя, при Людовикѣ XIV, Мирабо получили титулъ маркизовъ. Позднѣе они старались доказать бо́льшую древность своего дворян-

---

[1]) См. статью М. М. Ковалевскаго, названную выше, стр. 448.

[2]) О Мирабо, кромѣ его мемуаровъ, сочиненій и рѣчей (см. изданія Бакура, Дюмона и др.) и устарѣлыхъ біографій Пипитца, Левитца, Вермореля и т. д., существуетъ цѣлая новѣйшая литература. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ о фамиліи Мирабо предпринялъ обширное изслѣдованіе Louis de Loménie, авторъ монографіи о Бомаршэ (см. выше, стр. 419), но не окончилъ, успѣвъ въ двухъ томахъ только довести до конца біографію Мирабо-отца (см. въ „Этюдахъ" В. Ѳ. Корша статью о послѣднемъ на основаніи книги Ломени); продолжалъ эту работу и завершилъ капитальный трудъ (еще три тома) о фамиліи Мирабо, давъ біографію Мирабо-сына, Ломени-сынъ (Charles de Loménie). Одновременно съ нею появилась двухтомная нѣмецкая біографія Мирабо, написанная Альфредомъ Штерномъ (см. нашу рецензію въ „Рус. Мысли" за 1891 г.). По книгѣ Ломени составлены біографіи Мирабо меньшихъ размѣровъ Mézières, Edm. Rousse (въ коллекціи Les grands écrivains français), Arnoult. Наконецъ, о Мирабо существуетъ масса статей изъ коихъ отмѣтимъ Decrue. Études sur les idées politiques de Mirabeau (въ Revue historique за 1883). Полное заглавіе пяти томовъ Л. и Ш. Ломени: „Les Mirabeau. Nouvelles études sur la société française au XVIII siécle"

ства и стали вести свой родъ отъ флорентійскихъ выходцевъ Рикетти. Маркизъ Викторъ Мирабо, отецъ трибуна, былъ человѣкъ странный, но недюжинный: въ немъ уживались важный баринъ, проникнутый феодальными традиціями и гордившійся цѣлымъ рядомъ предковъ на разстояніи будто бы пяти вѣковъ, предковъ, которые лишь одинъ разъ унизили свой родъ брачнымъ союзомъ съ Медичи,—и человѣкъ XVIII вѣка, мечтавшій о счастьѣ всего человѣческаго рода, искавшій сближенія съ философами, самъ писавшій въ новомъ духѣ. На него было даже перенесено названіе одного изъ его сочиненій „Ami des hommes“: онъ прославился именно, какъ „другъ людей“. Въ 1747 г., тридцати двухъ лѣтъ отъ роду, онъ пустилъ въ обращеніе въ рукописи свое „Политическое завѣщаніе“, трактатъ о правахъ и обязанностяхъ сеньеровъ, направленный противъ интендантовъ. Черезъ три года онъ выпустилъ въ свѣтъ безъ имени автора мемуаръ о провинціальныхъ штатахъ, гдѣ рекомендовалъ свою систему мѣстнаго самоуправленія съ двойнымъ представительствомъ третьяго сословія и поголовною (а не посословною) подачею голосовъ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и появляется крайне безпорядочно написанный „Другъ людей“, въ которомъ феодальный сеньеръ проповѣдуетъ демократическое братство и бичуетъ праздныхъ рантьеровъ, главныхъ враговъ общества, нападаетъ на крупныя состоянія, которыя въ государствѣ то же самое, что щуки въ пруду“, на „идіотовъ и висѣльниковъ, утверждающихъ, будто народъ долженъ бѣдствовать“ и пр. Одинъ историкъ хорошо опредѣлилъ общій характеръ „Друга людей“: „вторженіе демократическихъ идей въ феодальную голову“. Изданіе имѣло успѣхъ и доставило маркизу европейскую извѣстность. Имъ заинтересовался Кенэ, и они сблизились: уже подъ обратнымъ вліяніемъ со стороры послѣдователя его же мыслей маркизъ сдѣлался физіократомъ. Въ духѣ идей новой школы онъ написалъ „Теорію налога“, за которую поплатился арестомъ въ венсенскомъ замкѣ и высылкой изъ столицы (1760). Опальный дворянинъ сталъ тогда фрондировать противъ двора, гордый своимъ подвигомъ „друга людей“ и чувствомъ феодальной независимости. Въ это время у него уже былъ сынъ Габріэль-Оноре, родившійся въ 1749 г. Трехъ лѣтъ мальчикъ былъ изуродованъ оспой, по поводу чего отецъ писалъ своему брату, что его племянникъ безобразенъ, какъ чортъ. Отецъ, по натурѣ своей человѣкъ взбалмошный, то восторгался способностями сына, то находилъ, что у „этого индивидуума“ нѣтъ ни малѣйшаго признака знаменитой „расы“ Мирабо. „Другъ людей“ въ семейной жизни былъ самодуръ, сынъ оказался непокорнымъ. Отецъ сильно заботился о его образованіи и особенно хлопоталъ о томъ, чтобы подростокъ изучилъ физіократическую систему Кенэ. Когда настало время отдать первенца въ военную службу, Ми-

рабо-отецъ выбралъ ему полкъ маркиза Ламбера, молодого аристократа, немного прикосновеннаго къ философіи и политической экономіи. Юному Мирабо съ его необузданнымъ нравомъ пришлось плохо отъ военной дисциплины, и скоро, проигравшись въ карты и соблазнивъ одну дѣвушку, онъ бѣжалъ изъ полка. Дезертира посадили въ цитадель острова Рэ, но комендантъ скоро пожелалъ отдѣлаться отъ безпокойнаго узника, и его перевели въ другой полкъ, который былъ посланъ усмирять возстаніе въ Корсикѣ. Здѣсь юноша отличился храбростью, но скоро вернулся во Францію и временно поселился у одного своего дяди, отзывавшагося тогда о немъ такъ: „если онъ не сдѣлается хуже Нерона, то будетъ лучше Марка Аврелія“. Онъ пророчилъ даже, что изъ него выйдетъ „или самый великій зубоскалъ (persifleur) въ мірѣ, или самый крупный человѣкъ (le plus grand sujet) въ Европѣ, чтобы сдѣлаться папой, министромъ, полководцемъ, канцлеромъ и можетъ быть сельскимъ хозяиномъ“ (agriculteur). Дядя былъ отъ племянника въ восторгѣ и съумѣлъ примирить съ нимъ отца, бывшаго тогда въ ссорѣ съ женою. „Другъ людей“ немедленно вмѣшалъ сына въ семейныя дрязги, но вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ пріучать къ сельскому хозяйству и физіократическому управленію „вассалами“ (т. е. крестьянами) въ своихъ имѣніяхъ. 23 лѣтъ молодой графъ (титулъ сына) женился на дочери маркиза де-Мариньянъ, богатой наслѣдницѣ, добившись этого брака не совсѣмъ-таки чистыми средствами. Подобно отцу онъ началъ теперь разыгрывать роль важнаго барина и сталъ сорить деньгами, задолжалъ въ пятнадцать мѣсяцевъ 200 тысячъ ливровъ ростовщикамъ и поставщикамъ, но былъ выручень отцомъ. Вмѣсто того, однако, чтобы расплатиться съ кредиторами, на что у него и денегъ не хватило бы, маркизъ выхлопоталъ повелѣніе, коимъ молодой графъ, какъ тогда говорили, попадалъ „подъ королевскую руку“ (sous la main du roi), т. е. освобождался отъ преслѣдованія кредиторовъ, интернированный въ замкѣ Маноскъ. Отсюда онъ, однако, отлучался и однажды, покинувъ мѣсто ссылки по поводу измѣны своей жены, заѣхалъ къ своей сестрѣ, у которой жестоко исколотилъ одного ея гостя, обвинившаго потомъ молодого графа въ покушеніи на убійство. Отецъ снова спасъ сына отъ судебнаго преслѣдованія, выхлопотавъ lettre de cachet, въ силу чего молодой Мирабо попалъ (1774) въ заключеніе въ замкѣ Ифъ, откуда его перевели въ фортъ Жу. Мѣстный комендантъ позволялъ ему отлучаться въ сосѣдній Понтарлье, гдѣ онъ скоро сдѣлался душою общества и сошелся съ Софьей Монье, молодой женой стараго мужа. Нарушивъ честное слово, данное коменданту, Мирабо бѣжалъ изъ форта, а съ нимъ и Софья Монье, прихвативши денегъ изъ шкатулки обманутаго мужа. Они скрылись въ Амстердамѣ, гдѣ имъ пришлось страшно бѣдство-

вать. Нуждаясь въ средствахъ къ существованію, бѣглецъ сошелся съ издателями и книгопродавцами и сталъ на нихъ работать, скрывая свое авторство подъ чужими именами. Такъ началась литературная дѣятельность Мирабо, прославившая его еще до начала революціи. Бѣглецовъ наконецъ выслѣдили, арестовали, и они были выданы французскому правительству. Мирабо засадили въ венсенскій замокъ, гдѣ онъ провелъ около четырехъ лѣтъ, съ мая 1777 по 1780 г. Софью Монье тоже подвергли заточенію.

Мирабо было тридцать одинъ годъ, когда его выпустили изъ заключенія. Находясь на свободѣ, онъ началъ вести прежнюю бурную жизнь, долженъ былъ участвовать въ бракоразводномъ процессѣ съ женою, въ которомъ проявилъ впервые замѣчательныя способности оратора,—потомъ уѣхалъ съ нѣкоей m-me de Nehra въ Англію, гдѣ присмотрѣлся къ политической свободѣ, — затѣмъ сдѣлался агентомъ министра Калонна по части писанія брошюръ о финансахъ, но разсорился съ нимъ и написавъ ему грубое, но мѣткое письмо,—черезъ нѣсколько времени очутился въ Берлинѣ, гдѣ видѣлся съ Фридрихомъ II, но, узнавъ о созывѣ нотаблей Калонномъ, поспѣшилъ во Францію съ предложеніемъ своихъ услугъ правительству, которое ихъ не приняло, и наконецъ поставилъ свою кандидатуру въ генеральные штаты. Въ то время онъ былъ уже человѣкомъ весьма извѣстнымъ и по тѣмъ „исторіямъ", которыя создали ему очень нелестную репутацію, и по тѣмъ брошюрамъ, памфлетамъ и книгамъ, которыхъ онъ немало успѣлъ написать по разнымъ вопросамъ, интересовавшимъ тогда общество. Еще находясь въ Маноскѣ, онъ написалъ свой „Опытъ о деспотизмѣ", гдѣ страстно напалъ на современный ему политическій бытъ Франціи. Въ Голландіи онъ продалъ потомъ рукопись одному книгопродавцу, напечатавшему ее и извлекшему изъ нея хорошіе барыши, и Мирабо сразу сталъ получать заказы на предисловія, памфлеты, брошюры, статьи и т. п. Когда онъ узналъ, что ландграфъ гессенскій продалъ Англіи солдатъ для войны въ Америкѣ, онъ написалъ не менѣе страстный памфлетъ („Avis aux Hessois"): „вы проданы и для какой цѣли, боги справедливости!.. Чтобы напасть на народъ, подающій столь благородный примѣръ. Да, зачѣмъ вы ему не подражаете? Люди существовали раньше князей... Не забывайте, что всѣ не были созданы для одного, что тому, кто приказываетъ совершить преступленіе, не слѣдуетъ повиноваться, и что ваша совѣсть должна быть главнымъ вашимъ начальствомъ". Становясь на точку зрѣнія принциповъ, Мирабо не отказывался и отъ личной полемики, задѣвая въ ней, между прочимъ, и „друга людей, который не былъ другомъ ни своей жены, ни своихъ дѣтей". Въ венсенскомъ замкѣ Мирабо продолжалъ свои литературныя занятія (между прочимъ, написалъ знаменитыя „Письма

къ Софьѣ", имѣющія большой интересъ для опредѣленія общаго міросозерцанія Мирабо). Здѣсь были составлены „Исторія Филиппа II", „Опытъ о вѣротерпимости", мемуаръ о lettres de cachet, служившій продолженіемъ „Опыта о деспотизмѣ" и др. По выходѣ изъ венсенскаго замка Мирабо продолжалъ, какъ мы видѣли, издавать брошюры по разнымъ вопросамъ текущей политики, какъ внѣшней, такъ и внутренней, смѣло давая совѣты государямъ и республикамъ, министрамъ и народамъ по вопросамъ высшей политики и финансовъ, войны и торговли, промышленности и сельскаго хозяйства, исполняя подчасъ заказы и порученія отъ сильныхъ міра, обратившихъ вниманіе на его публицистическій талантъ, и выдавая иногда ихъ тайны, какъ это было, когда онъ издалъ свои секретныя донесенія изъ Пруссіи. Въ сотрудничествѣ съ онѣмеченнымъ французомъ Мовильономъ Мирабо написалъ большую книгу „О прусской монархіи", изданную въ нѣсколькихъ томахъ въ 1788 г. [1]). Это—цѣлая апологія единодержавія въ рукахъ великаго монарха, хотя, говоря о смерти Фридриха II, авторъ и замѣчаетъ, что его царствованіе утомило всѣхъ до ненависти (on en était fatigué jusqu'à la haine). Прославляя Пруссію, какъ образцовое государство, Мирабо высказываетъ, однако, и весьма рѣзкія о ней мнѣнія. Однимъ изъ величайшихъ золъ, удручающихъ человѣчество, онъ объявляетъ убійственную болѣзнь de vouloir trop gouverner, происходящую изъ забвенія, что частныя лица лучше всего могутъ дѣлать собственныя дѣла: Мирабо потому и предпринялъ изслѣдованіе о „монархіи, которая болѣе, чѣмъ какая-либо другая, была подчинена абсолютнѣйшему (trés absolu) правленію, только тѣмъ и занимавшемуся, что за всѣмъ наблюдало, все регламентировало, предписывало, приказывало". Съ этой точки зрѣнія онъ строго осуждаетъ всю дѣятельность и Іосифа II. Но вотъ что онъ говоритъ о самой Пруссіи, подводя итоги дѣятельности великаго короля. Онъ называетъ зыбкою (la base chancelante) ту основу, на которой Фридрихъ II основалъ свое могущество, но которую можетъ снести одна буря... „Прусская монархія устроена такимъ образомъ, что не выдержитъ ни одного бѣдствія... При всемъ искусствѣ покойнаго короля, эта сложная машина не можетъ быть долговѣчной... Напрасно Фридрихъ II лѣчилъ свое государство палліативами: ему нужно лѣченіе радикальное". Однимъ словомъ, Мирабо строго осудилъ ту систему, представителями которой были и Фридрихъ II, и Іосифъ II, какъ ни прославлялъ онъ одного изъ нихъ и ни унижалъ въ его пользу другого. Онъ считалъ тѣмъ не менѣе Пруссію за страну наиболѣе подготовленную къ тому, чтобы осуществить его общественный идеалъ. О необходимости реформъ онъ докладывалъ преемнику Фридри-

[1]) См. выше, стр. 336 и 391—392.

ха II [1]). Трудъ о прусской монархіи сразу высоко поднялъ репутацію Мирабо, какъ политическаго писателя, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ для него было важно. Объявленіе о созваніи генеральныхъ штатовъ также заставило будущаго трибуна взяться за перо и изложить свои взгляды на потребности минуты. 1789 г. открывалъ передъ нимъ блестящую карьеру, но ему не разъ приходилось впослѣдствіи выражать сожалѣніе о дурно проведенной молодости, о незавидной славѣ, которую онъ себѣ создалъ.—

Царствованіе Людовика XVI кончалось банкротствомъ стараго порядка. Монархія Бурбоновъ въ лицѣ этого короля отрекалась отъ традицій, твердо въ ней державшихся около двухъ вѣковъ. Созывались генеральные штаты, но передъ правительствомъ было теперь еще два пути—или представить на утвержденіе государственныхъ чиновъ готовый планъ необходимыхъ реформъ, возвратить себѣ этимъ довѣріе страны и, опираясь на общественное сочувствіе, провести въ жизнь новыя начала, или же, напротивъ, явиться передъ представителями сословій съ пустыми руками, прямо признаться въ своемъ незнаніи, что же нужно дѣлать, и тѣмъ самымъ передать дѣло реформы въ руки самихъ генеральныхъ штатовъ. Мирабо находилъ, что нужно было идти по первому пути, и говорилъ, что у него есть „опредѣленный и прочный планъ", который представителямъ націи останется только санкціонировать, но Неккеръ, на коего Мирабо и смотрѣлъ, какъ на „шарлатана", какъ разъ не имѣлъ никакой выработанной программы, и правительство пошло по другому пути. *Старая власть созывала представителей націи, не имѣя никакого представленія о томъ, что же изъ этого выйдетъ,* и потому оказалась безсильной принять на себя руководящую роль въ движеніи, которое, наоборотъ, формулировало свои принципы и въ прессѣ, и въ публичныхъ рѣчахъ, и въ тѣхъ наказахъ, коими избиратели снабжали своихъ выборныхъ.

XXXIII. Созывъ генеральныхъ штатовъ и наказы 1789 года [2]).

Революціонное настроеніе Франціи передъ 1789 г. — Намѣренія правительства относительно генеральныхъ штатовъ.—Его поведеніе во время выборовъ.—Агитація въ прессѣ.—Брошюра Сіэса.—Выборы и роль Мирабо.—Наказы 1789 г. и ихъ значеніе.—Общій взглядъ на задачу генеральныхъ штатовъ.—Вопросъ о конституціи.—Сословныя привилегіи въ наказахъ.—Крестьянскій вопросъ.—Заявленія объ индивидуальной и общественной свободѣ.—Требованіе разныхъ реформъ.—Гуманныя пожеланія наказовъ.—Церковные вопросы.

Потребность во внутреннихъ реформахъ болѣе или менѣе чувствовалась во всѣхъ европейскихъ государствахъ XVIII вѣка, но осо-

[1]) Lettre rèmise á Fr. Guil. roi régnant de Prusse le jour de son avénement au trône par le comte de Mirabeau. Мирабо написалъ еще „Секретную исторію прусскаго двора".

[2]) О выборахъ въ генеральные штаты и о наказахъ 1789 г. существуетъ

бенно сильно чувствовалась она во Франціи. Здѣсь указывали на ея необходимость министры, далеко не бывшіе новаторами по принципу; здѣсь литература и значительная часть образованнаго общества прямо были проникнуты духомъ преобразованій; здѣсь тяжелѣе, чѣмъ гдѣ-либо, приходилось отъ старыхъ порядковъ народной массѣ, загнанной и разоренной, но все болѣе и болѣе дѣлавшейся безпокойною и выражавшей свое недовольство хотя бы, наприм., въ столь частыхъ въ XVIII в. хлѣбныхъ бунтахъ, не говоря уже о развитіи нищенства, бродяжничества, разбойничества. Долговременный законодательный застой въ то самое время, когда общественная жизнь шла впередъ, а старыя учрежденія, наоборотъ, приходили въ разстройство, былъ причиной того, что будущая реформа должна была сразу сдѣлаться болѣе глубокой, всесторонней и полной, чѣмъ еслибы она производилась своевременно, исподволь, по частямъ. Консервативная оппозиція противъ преобразовательныхъ плановъ и постоянная реакція противъ уже произведенныхъ реформъ, полное вырожденіе правящей власти и ея внутреннее безсиліе дѣлали невозможною энергическую дѣятельность правительства въ смыслѣ проведенія самыхъ настоятельныхъ преобразованій старыми средствами; и осталось одно — обратиться къ самой націи, обратиться притомъ не за поддержкою какой-либо программѣ, которая могла бы существовать у правительства,—ея не было,—а за совѣтомъ, что дѣлать. Между тѣмъ господствующимъ настроеніемъ націи было недовѣріе къ власти, ненависть къ старому порядку, стремленіе къ перемѣнамъ. Политическая философія эпохи сообщала этому настроенію, порождавшемуся непосредственно самою жизнью общества при данныхъ условіяхъ, весьма опредѣленный характеръ, вносила въ него элементъ сознательности, указывала на ту цѣль, къ которой слѣдовало стремиться, предлагала средства, коими можно было бы устранить всякаго рода злоупотребленія. У націи спрашивали совѣта, но давно отученная отъ завѣдованія собственными дѣлами, нація была лишена

масса сочиненій (и документальныхъ изданій, изъ коихъ главное—Laurent et Mavidal. Archives parlementaires). См. A. Richard. La bibliographie des cahiers de doléances de 1789, а также мою книгу о французскихъ крестьянахъ въ XVIII в., стр. 375 и слѣд. и мою статью о новѣйшихъ трудахъ по исторіи французской революціи (Истор. Обозрѣніе, т. I, стр. 54—55) и примѣч. проф. В. П. Бузескула на стр. 188—189 четвертаго тома „Лекцій по всемірной исторіи“ Петрова. Особенно много издано работъ по cahiers отдѣльныхъ провинцій. Общія сочиненія (кромѣ трудовъ Токвиля, Шереста; Тэнъ не пользовался этимъ матеріаломъ): Chassin. Le génie de la révolution и Les cahiers des curés.—Poncin. Les cahiers de 1789.—Проф. В. И. Герье. Понятія о власти и народѣ въ наказахъ 1789 г. и сокращенное изложеніе этой книги въ статьѣ „Истор. Вѣстн.“ за 1884 г.—О крестьянскихъ cahiers см. въ указанной моей книгѣ; о дворянскихъ—рефератъ Б. В. Каттерфельда въ IV т. „Истор. Обозр.“ (отд. II, стр. 14—22).

той опытности, безъ какой трудно было дѣлать государственное дѣло: она могла только указать на свои нужды, которыя, впрочемъ, правительству стараго порядка были плохо извѣстны, да предъявить свои желанія, коихъ правительство раньше не хотѣло знать, съ коими вступало раньше даже въ борьбу. *Желанія большинства французовъ въ 1789 г. можно резюмировать въ двухъ-трехъ словахъ: полное уничтоженіе старыхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ.* Но общество желало не разрушать только, оно желало и созидать: по какому плану, на это отвѣчали наиболѣе популярныя въ то время общественныя идеи и политическія теоріи, нѣкоторыя же изъ нихъ имѣли прямо революціонный характеръ не въ томъ лишь смыслѣ, что подкапывались подъ старыя учрежденія, порядки и отношенія, но, какъ это можно особенно сказать о политической философіи Руссо [1]), были теоріями не нормальнаго теченія государственной жизни, а прямо теоріями революціи. Собственнаго опыта у французовъ не было, чужой опытъ замѣнить его не могъ уже по одному тому, что французы плохо понимали реальныя условія античнаго міра, увлекавшаго ихъ воображеніе риторически разукрашенными гражданскими доблестями „героевъ" [2]), плохо понимали и настоящія основы политической жизни современныхъ свободныхъ государствъ, Англіи и Соединенныхъ Штатовъ [3]). Безсильное правительство отдавало власть въ руки неопытной націи: реформа, къ которой стремилась послѣдняя, должна была совершиться, но она не могла пройти совершенно гладко, безъ крупныхъ ошибокъ, безъ увлеченій, какъ не могла не встрѣтить консервативной оппозиціи и попытокъ реакціи, которыя, въ свою очередь, только разжигали страсти и выдвигали на самое видное мѣсто наиболѣе крайніе и наименѣе разсудительные элементы общества. Примѣръ страстности въ политической борьбѣ подали сами привилегированные: за ними пошелъ средній классъ, а затѣмъ движеніе проникло и въ народную массу. Въ этой массѣ накопилось множество причинъ къ неудовольствію: ненавистныя феодальныя права, тяжесть государственныхъ налоговъ, дурныя условія, въ какія народъ былъ поставленъ къ землѣ, хроническая нищета, голодовки, безработица [4]),— все это было постоянно дѣйствующей причиной возникновенія безпорядковъ, смутъ, сопротивленій власти. Борьба съ правительствомъ, которую вели привилегированные, въ ослѣпленіи своемъ стремившіеся поднять въ свою защиту и народъ, впервые всколыхнула эту массу: „мучная война" [5]), народные бунты во время послѣдней борьбы съ

---

[1]) См. выше, стр. 211.
[2]) См. выше, стр. 241—242.
[3]) См. выше, стр. 183 и слѣд., 449 и слѣд.
[4]) Обо всемъ этомъ см. выше, гл. VIII.
[5]) См. выше, стр. 433.

парламентами [1]) были прямыми предвѣстниками народныхъ возстаній революціонной эпохи. Благодаря дѣятельности лицъ, взявшихъ на себя просвѣщеніе народа на счетъ его правъ передъ выборами въ генеральные штаты, *новыя политическія идеи проникли въ народную среду* и дали своего рода санкцію недовольству массъ. Народное море всколыхнулось и долго не могло успокоиться: главныя причины его недовольства, т.-е. плохое экономическое состояніе, дороговизна хлѣба, безработица сразу изчезнуть не могли, а кромѣ того и новые правители Франціи по неопытности ,по недостаточному пониманію народныхъ нуждъ, по оторванности отъ народной среды надѣлали не мало ошибокъ, поддерживавшихъ и впослѣдствіи народное недовольство. Какъ бы тамъ ни было, въ новомъ движеніи приняла участіе народная масса и сообщила ему ту силу, съ которою уже было трудно бороться реакціоннымъ стремленіямъ. Однимъ словомъ, въ 1789 г. вся французская нація съ верха до низа была настроена революціонно,—и привилегированные, и средній классъ, и народная масса,—и памятникомъ этого настроенія явились наказы, которыми отдѣльныя сословія снабдили своихъ депутатовъ въ генеральные штаты.

Первоначальнымъ срокомъ созыва государственныхъ чиновъ былъ назначенъ, какъ было уже сказано, 1792 годъ, но затѣмъ рѣшено было приблизить этотъ срокъ, ибо ждать оказывалось невозможнымъ, и Неккеръ, вторично сдѣлавшись министромъ, съ своей стороны, указывалъ на необходимость скорѣйшаго созыва штатовъ. Извѣстіе о такомъ рѣшеніи было принято съ радостью: Мирабо писалъ, что въ сутки нація сдѣлала впередъ шагъ, равный цѣлому столѣтію. Неккеръ, съ возвращеніемъ котораго совпало ускореніе срока, сдѣлался однимъ изъ наиболѣе популярныхъ людей во Франціи, но Мирабо смотрѣлъ на него иными глазами. Въ письмѣ къ Мовильону онъ отзывался объ этомъ министрѣ, какъ о человѣкѣ, у котораго нѣтъ „ни такого таланта, какой нуженъ былъ при данныхъ обстоятельствахъ, ни гражданскаго мужества (ame civique), ни истинно либеральныхъ принциповъ“. Стремясь попасть въ генеральные штаты и предлагая свои услуги правительству, Мирабо въ письмѣ къ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ Монморену (въ сент. 1788 г.) спрашивалъ его, готовится ли министерство къ тому, чтобы дѣйствовать на генеральные штаты, заботится ли оно о средствахъ, при помощи которыхъ оно могло бы не бояться ихъ контроля и могло бы, наоборотъ, расчитывать на ихъ содѣйствіе, есть ли у него „твердый и прочный планъ, который представителямъ націи оставалось бы только санкціонировать“. „Да, графъ,—продолжалъ Мирабо,—такой планъ, а у меня онъ есть. Онъ заключается въ конституціи, которая могла бы насъ спасти отъ заговоровъ аристократіи,

[1]) См. выше, стр. 445.

отъ крайностей (excès) демократіи и отъ глубокой анархіи, въ которую вмѣстѣ съ нами попала власть, желавшая быть абсолютною". Монморенъ не обратилъ вниманія на предложеніе Мирабо помочь правительству своимъ планомъ. Но не одинъ Мирабо думалъ такъ. Около того же времени Малуэ, одинъ изъ дѣятелей начинавшейся революціи, говорилъ самому Неккеру: „не нужно ожидать, чтобы генеральные штаты стали у васъ требовать или вамъ приказывать; нужно поспѣшить съ предложеніемъ имъ всего, что только можетъ быть предметомъ желаній благомыслящихъ людей (bons esprits) въ разумныхъ границахъ какъ власти, такъ и національныхъ правъ". Но *у правительства именно и не было никакой опредѣленной программы*, оно продолжало колебаться изъ стороны въ сторону, какъ человѣкъ, не знающій, что дѣлать, на что рѣшиться, а планъ Мирабо заключался въ союзѣ королевской власти съ народомъ противъ привилегированныхъ. Все зависѣло отъ составава штатовъ и способа подачи голосовъ, и вотъ въ этомъ-то вопросѣ правительство съ Неккеромъ во главѣ оказалось непослѣдовательнымъ и нерѣшительнымъ. Неккеръ добился, чтобы въ будущихъ штатахъ у третьяго сословія было столько же представителей, сколько у привилегированныхъ вмѣстѣ взятыхъ, и созвалъ вторично нотаблей для утвержденія этого распоряженія, а когда они отвергли такое „удвоеніе третьяго сословія", провелъ свою мѣру черезъ королевскій совѣтъ. Мѣра, однако, могла имѣть дѣйствительный смыслъ лишь подъ условіемъ поголовной подачи голосовъ, а не рѣшенія дѣлъ въ каждомъ сословіи отдѣльно, ибо при послѣднемъ способѣ у привилегированныхъ было бы два голоса противъ одного голоса всѣхъ представителей остальныхъ классовъ, хотя бы число ихъ было утроено, даже удесятерено [1]) но Неккеръ и не сдѣлалъ логическаго вывода изъ своего принципа. За поголовную подачу голосовъ высказывалось все, что желало дѣйствительнаго обновленія Франціи, за посословное голосованіе—привилегированные и вмѣстѣ съ ними парламенты, вдругъ утратившіе поэтому свою популярность, какъ сторонники привилегій и архаическихъ формъ генеральныхъ штатовъ. Правительству нужно было рѣшительно высказаться по этому вопросу, но оно колебалось, даже тогда колебалось, когда генеральные штаты были уже въ сборѣ, и вопросъ былъ рѣшенъ помимо правительства. Такъ было и во всемъ остальномъ: Неккеръ не проявилъ ни малѣйшей иниціативы. Его намѣренія были самыя похвальныя, но въ его поведеніи, дѣйствительно, не было такого таланта, какого требовала серьезность минуты: вмѣсто того, чтобы направлять движеніе, Неккеръ предоставилъ его на произволъ всѣхъ случайностей. У него было много доброй воли: избирательныя права были

---

[1]) Т. I, стр. 68 и слѣд.

весьма широко распространены на все населеніе, и во время выборовъ не было ни оффиціальныхъ кандидатуръ, ни административнаго давленія на избирателей,—но у него не было и никакой инициативы.—Правительство не только рѣшило дать третьему сословію двойное представительство, такъ какъ „его дѣло связано съ благородными стремленіями и будетъ имѣть за себя общественное мнѣніе",—но и постановило, чтобы сельскіе священники имѣли самое широкое участіе въ избирательныхъ собраніяхъ духовенства, такъ какъ „эти хорошіе и полезные пастыри лучше всего знаютъ народныя нужды, находясь въ самыхъ тѣсныхъ и постоянныхъ соприкосновеніяхъ съ народомъ". Королевскій регламентъ 24 января 1789 г., созывая на 27 апрѣля генеральные штаты, указывалъ цѣль будущаго собранія въ „установленіи постояннаго и неизмѣннаго порядка во всѣхъ частяхъ управленія, касающихся счастья подданныхъ и благосостоянія королевства,... въ наискорѣйшемъ по возможности уврачеваніи болѣзней государства и уничтоженіи всякихъ злоупотребленій", причемъ король выражалъ еще желаніе, чтобы „и на крайнихъ предѣлахъ его королевства и въ наименѣе извѣстныхъ селеніяхъ за каждымъ была обезпечена возможность довести до его свѣдѣнія свои желанія и свои жалобы". Поэтому избирательное право дано было всѣмъ французамъ, достигшимъ двадцати-пятилѣтняго возраста, имѣвшимъ постоянное мѣсто жительства и занесеннымъ въ списки налоговъ, хотя послѣднее ограниченіе исключало изъ избирательнаго права значительное количество бѣдныхъ гражданъ. Выборы были не прямые, а двухстепенные (и даже иногда трехстепенные), т.-е. выбирались депутаты не самимъ населеніемъ, а выбранными имъ уполномоченными, и тѣ желанія, которыя высказывались въ наказахъ отъ самихъ избирателей, потомъ сводились въ наказы уже отъ цѣлыхъ большихъ округовъ. Только привилегированные непосредственно посылали депутатовъ въ генеральные штаты. Въ составленіи крестьянскихъ наказовъ играли большую роль демократически настроенные сельскіе священники, адвокаты и законовѣды, популяризировавшіе среди деревенскаго населенія идеи тогдашнихъ политическихъ брошюръ, которыя весьма легко принимали, однако, характеръ легендъ о желаніяхъ „лучшаго изъ королей". Неккеру доносили объ этой пропагандѣ, какъ о чемъ-то въ высшей степени опасномъ, но онъ оставался вѣренъ принципу свободы, съ какою правительство предоставляло всѣмъ классамъ общества выразить свои нужды и желанія.

О мнѣніяхъ, которыя тогда циркулировали во Франціи, мы можемъ составить себѣ представленіе, во-первыхъ, по брошюрной прессѣ 1788—89 гг., во-вторыхъ, по наказамъ, составлявшимся избирателями во время выборовъ. До 1789 г. во Франціи періодическая пресса была развита очень мало, и газеты замѣнялись брошюрами, которыя передъ

выборами въ генеральные штаты нерѣдко принимали форму проектовъ, программъ и проспектовъ упомянутыхъ наказовъ. Брошюръ публицистическаго характера появилась масса; издавались онѣ и расходились въ громадномъ количествѣ экземпляровъ и, напр., одна влiятельная брошюра, о коей будетъ сейчасъ сказано, въ нѣсколько дней была распродана въ количествѣ сорока тысячъ экземпляровъ. Брошюры были весьма различнаго направленiя, но консервативныхъ было неизмѣримо меньше, чѣмъ либеральныхъ, написанныхъ въ духѣ идей XVIII в., и благодаря такимъ изданiямъ, идеи политическихъ писателей этой эпохи популяризировались и пропагандировались въ такихъ слояхъ общества, куда ранѣе онѣ не проникали,— воспринимались, по своему понимаемыя, народною массою и дѣлались однимъ изъ факторовъ начинавшагося движенiя. Нѣкоторыя брошюры были спецiально посвящены интересамъ простого народа, которому иногда дается въ нихъ названiе „четвертаго сословiя",—интересамъ крестьянъ и городского пролетарiата. Другiя говорили о правахъ всей нацiи, о предметахъ, которые должны были интересовать одинаково всѣ классы общества. Главнымъ образомъ, однако, онѣ выражали взгляды и стремленiя тогдашняго средняго сословiя, интеллигенцiи, людей либеральныхъ профессiй, буржуазiи, отстаивавшей принципы свободы индивидуальной и политической, гражданскаго равенства, народовластiя, громившей деспотизмъ, привилегiи, феодальныя права, крѣпостничество и т. п. Идеи Вольтера и энциклопедистовъ, политическихъ писателей и экономистовъ примѣнялись къ разсмотрѣнiю вопроса о томъ, что дѣлать, куда идти. Одною изъ наиболѣе популярныхъ брошюръ сдѣлалась та, авторомъ которой былъ аббатъ Сiэсъ (Sieyès [1]), писавшiй и другiя, менѣе извѣстныя брошюры (Essai sur les priviléges). Называлась она—„Что такое третье сословiе?" (Qu'est ce que le tiers état?), — и заключала въ себѣ три вопроса и три отвѣта: „Что такое третье сословiе?" — Все. — „Чѣмъ оно было до сихъ поръ?" —Ничѣмъ. — „Чѣмъ оно желаетъ быть?" —Быть чѣмъ-нибудь (être quelque chose). Эти немногiя слова, дѣйствительно, *резюмируютъ содержанiе знаменитой брошюры, которая, въ свою очередь, выражала мысль большинства образованныхъ французовъ.* Сiэсъ самъ принадлежалъ къ духовному сословiю и даже былъ его представителемъ въ орлеанскомъ собранiи въ 1788 г., но онъ явился выразителемъ демократическихъ стремленiй и былъ выбранъ въ Парижѣ представителемъ отъ третьяго сословiя въ генеральные штаты, послѣ чего вскорѣ издалъ и еще брошюру подъ заглавiемъ „Признанiе и изложенiе правъ человѣка и гражданина". Это было время наибольшей славы Сiэса,

---

[1]) О немъ соч. Mignet, Beauverger и др. Его брошюра недавно была переиздана „Обществомъ исторiи французской революцiи".

позволившей ему играть видную роль въ начальной исторіи революціи, когда старые сословные штаты превращались въ новое „національное собраніе“, гдѣ третье сословіе дѣлалось, пожалуй, и чѣмъ то бóльшимъ, чѣмъ что-нибудь. Извѣстно, что черезъ десять лѣтъ аб. Сіэсъ помогалъ государственному перевороту генерала Бонапарта.

Выборы въ генеральные штаты въ общемъ прошли весьма спокойно, и нація отнеслась къ нимъ очень серьезно. Направленіемъ выборовъ овладѣли люди, желавшіе реформъ и ожидавшіе отъ штатовъ полнаго переустройства Франціи, причемъ въ народной средѣ особенно выдающуюся роль играли сельскіе священники и адвокаты. Образованное и либеральное меньшинство вообще стало во главѣ движенія и внесло въ наказы, въ коихъ населеніе выражало свои нужды, свои жалобы, свои желанія,—массу новыхъ идей, заимствованныхъ изъ политической печати эпохи, такъ-что иногда въ наказѣ какой-либо заброшенной деревушки мы встрѣчаемся съ ссылками на раздѣленіе властей или на отвѣтственность министровъ. Всѣхъ депутатовъ должно было быть выбрано 1200 (300+300+600), но ихъ было нѣсколько меньше. Среди духовенства преобладали приходскіе священники (болѣе 200), среди третьяго сословія довольно значительную группу (тоже болѣе 200) составляли адвокаты. Кромѣ того, третье сословіе выбрало нѣсколько (полтора десятка) духовныхъ и дворянъ, въ числѣ коихъ былъ Мирабо. Въ это время Мирабо былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ публицистовъ, выпуская брошюру за брошюрой (О государственныхъ тюрьмахъ, О свободѣ прессы и т. п.), обращая на себя всеобщее вниманіе своими постоянными заявленіями относительно всѣхъ злобъ дня, своими критическими разборами чужихъ мнѣній и мѣръ, своими повелительными совѣтами, что дѣлать и чего не дѣлать. Стремясь попасть въ генеральные штаты, онъ ищетъ сначала поддержки, хотя бы и тайной, у правительства, обратившись, какъ мы видѣли, къ министру Монморену. Затѣмъ онъ ставитъ свою кандидатуру въ Эльзасѣ и, потерпѣвъ неудачу, переноситъ ее въ родной Провансъ. Здѣсь онъ также попробовалъ сначала счастья у дворянства, но оно его отвергло, такъ какъ между Мирабо и провансальской знатью съ самаго же начала обнаружилась цѣлая пропасть во взглядахъ и стремленіяхъ. За то своими рѣчами и брошюрами онъ достигъ большой популярности среди городского населенія провинцій, и его выбрало третье сословіе сразу въ двухъ городахъ: въ Марсели и въ Эксѣ (Aix). Приходилось выбирать между ними, и Мирабо выбралъ Эксъ. Такимъ образомъ отвергнутый правительствомъ, коему онъ пытался давать совѣты, отвергнутый дворянствомъ, которому онъ также стремился внушить свои идеи, онъ сдѣлался народнымъ трибуномъ, какъ самъ онъ о себѣ выразился [1]). Во время избира-

[1]) Guibal. Mirabeau et la Provence en 1789.

тельной борьбы Мирабо также высказывалъ свои взгляды на общее положеніе дѣлъ въ странѣ. Онъ уже раньше въ своихъ письмахъ и брошюрахъ указывалъ на необходимость реформъ, торжественное обѣщаніе коихъ немедленно успокоило бы народъ, и только боялся, что правительство „сегодня не дастъ добровольно того, что завтра у него исторгнутъ силою“. Реформы, по его мнѣнію, должны были быть обширны и радикальны, но онъ опасался, что это дѣло будетъ проводиться насильственной революціей, которая можетъ попятить общество назадъ. Главное препятствіе къ реформамъ онъ видѣлъ въ томъ, что называлъ страшною болѣзнью старой власти никогда не дѣлать уступокъ, какъ бы въ ожиданіи, чтобы у нея исторгли силою то, что она должна была бы дать, —видѣлъ это препятствіе и въ оппозиціи привилегированныхъ. Оправдывая себя въ томъ, что не написалъ ни единой строки въ защиту парламентовъ, когда ихъ оппозиція была еще популярна, онъ говорилъ, что между королемъ и парламентомъ есть еще маленькая партія, которая носитъ названіе народа и къ которой должны принадлежать всѣ порядочные люди. Когда Мирабо отвергло его собственное сословіе въ Провансѣ, онъ страшно напалъ на аристократію, которая, какъ писалъ онъ тогда, „во всѣхъ странахъ и во всѣ времена неумолимо преслѣдовала враговъ народа. Если,—продолжалъ онъ,—не знаю, по какимъ случайностямъ судьбы, въ средѣ аристократовъ являлся другъ народа, его-то главнымъ образомъ они и старались поразить, съ яростью стараясь навести страхъ на другихъ выборомъ своей жертвы. Такъ погибъ послѣдній Гракхъ отъ руки патриціевъ. Но, уже пораженный смертельнымъ ударомъ, онъ бросилъ къ небу горсть пыли, взывая къ богамъ-мстителямъ, и изъ этой пыли возникъ Марій, тотъ Марій, который былъ великъ не тѣмъ, что истребилъ Кимвровъ, а тѣмъ, что низвергъ въ Римѣ аристократію знати“ (aristocratie de la noblesse). И обращаясь къ плебеямъ Прованса, Мирабо призывалъ ихъ къ единодушію и твердости, обѣщая имъ пойти противъ всей вселенной, если бы ему пришлось поддерживать ихъ своимъ голосомъ и своими трудами въ собраніи націи. „Я былъ, — восклицалъ онъ, — есть и буду человѣкомъ общественной свободы. Привилегіямъ придетъ конецъ, но народъ вѣченъ“! Чѣмъ болѣе приближался переворотъ, тѣмъ все съ большею тревогою ожидалъ Мирабо его исхода, опасаясь за свободу, которой прежде всего добивался, и плохо довѣряя самой націи. Въ декабрѣ 1789 г. онъ писалъ, напр., своему германскому другу Мовильону: „Если вы (т.-е. нѣмцы) и опередили насъ, быть можетъ, въ просвѣщеніи, то вы менѣе созрѣли, чѣмъ мы, хотя и мы вѣдь никогда еще не были зрѣлыми. Вы незрѣлы, говорю я, потому что у васъ волнуются только головы, а онѣ съ незапамятнаго времени привыкли къ рабству. Поэтому взрывъ у васъ произойдетъ позже, чѣмъ

у націи, способной въ теченіе четверти часа проявить и героизмъ свободы и самое глубокое рабство". Судьба политической свободы интересовала Мирабо прежде всего: недаромъ, когда ему однажды стали говорить о „его отечествѣ", онъ возразилъ, что „отечества не бываетъ въ странѣ рабовъ". Въ 1789 г. Мирабо какъ бы предчувствовалъ, что у французовъ старыя привычки могутъ взять верхъ надъ новыми стремленіями.—

„Cahiers de doléances", какъ назывались наказы депутатовъ или выборщиковъ въ депутаты, представляютъ изъ себя въ высшей степени важный и интересный историческій матеріалъ. Наказовъ первичныхъ, составлявшихся даже въ самыхъ захолустныхъ и маленькихъ деревушкахъ, и наказовъ сводныхъ отъ цѣлыхъ бальяжей существуетъ такая масса, что до сихъ поръ еще не приведены въ извѣстность всѣ cahiers, которые сохранились въ архивахъ. Въ этихъ документахъ, изъ коихъ одни состоятъ едва изъ нѣсколькихъ параграфовъ, а другіе достигаютъ размѣровъ чуть не цѣлыхъ книгъ, французская нація *изобразила старые порядки наканунѣ ихъ исчезновенія, высказала свои желанія, изложила свои воззрѣнія по разнымъ вопросамъ общественной жизни и вообще, такъ сказать, дала волю своему настроенію.* Уже въ 1789 г. эти наказы обратили на себя вниманіе: нѣкоторые изъ нихъ тогда же были напечатаны, а кромѣ того, составлялись печатные своды требованій, заключавшихся въ cahiers, причемъ издатели такихъ сводовъ, конечно, находили въ бывшихъ подъ ихъ руками наказахъ лишь то, чего искали сами. Долгое время историки революціи, говоря о желаніяхъ націи въ 1789 г. пользовались преимущественно такими resumés, пока не обратились къ подлиннымъ cahiers [1]), которые стали также издаваться. Къ сожалѣнію, однако, нѣкоторые историки, спеціально занимавшіеся этимъ матеріаломъ, стремясь опредѣлить желанія Франціи въ 1789 г., не производили настоящаго анализа этихъ документовъ, выдвигая на первый планъ лишь извѣстныя мысли—каждый историкъ сообразно съ тѣмъ, что хотѣлъ доказать относительно желаній націи передъ революціей, да еще съ такой точки зрѣнія, будто наказы являются выраженіемъ мыслей всего населенія, а не того болѣе образованнаго или болѣе энергичнаго меньшинства, которое стало во главѣ движенія. Поэтому настоящая разработка этого матеріала еще впереди, тѣмъ болѣе что нѣкоторые историки до сихъ поръ игнорируютъ этотъ важный матеріалъ [2]). Напр., если взять первичные, большею

---

[1]) Chancel, авторъ книги „Angoumois en 1789", еще въ 1847 г., потомъ Токвиль.

[2]) Семь томовъ изданія Лорана и Мавидаля (выше, стр. 459), вышедшіе въ свѣтъ въ 1869 г., совсѣмъ не были эксплуатируемы ни Доніолемъ

частью крестьянскіе cahiers, то въ нихъ мы почти не встрѣчаемъ требованій политическаго характера, играющихъ уже очень большую роль въ сводныхъ наказахъ третьяго сословія, и наоборотъ въ послѣдніе иногда совсѣмъ не попадаютъ крестьянскія жалобы и просьбы или играютъ въ нихъ далеко не первостепенную роль рядомъ съ требованіями горожанъ, или же нѣсколько видоизмѣняются согласно съ видами составителей сводныхъ cahiers. Бывало и такъ, что крестьянскіе наказы являются выраженіемъ главнымъ образомъ мыслей тѣхъ лицъ, которыя писали эти наказы, а не самихъ крестьянъ, впослѣдствіи же нѣкоторые историки весьма наивно изъ такихъ даже cahiers дѣлали выводъ о высокомъ уровнѣ образованія въ деревняхъ до революціи или о томъ, что сельскіе жители сознательно желали, напр., конституціи съ раздѣленіемъ властей. Не нужно забывать [1]) и того, что земледѣльческая масса въ это время распадалась во Франціи на самостоятельныхъ хозяевъ (laboureurs) и батраковъ (manoeuvres): иногда крестьянскіе cahiers выражаютъ желанія всей этой массы, иногда—лишь однихъ хозяевъ безъ батраковъ. Выборными изъ деревень въ избирательныя собранія были большею частью не сами крестьяне, а священники, адвокаты, писаря, мелкіе чиновники и т. п., а если и попадались лица крестьянскаго сословія, они должны были дѣлаться иногда простыми зрителями того, что совершали болѣе ихъ образованные люди, составляя сводные cahiers отъ цѣлаго бальяжа. Бывали случаи, что наказы писались по одному шаблону, иногда по печатнымъ образцамъ [2]). Наконецъ, слѣдуетъ помнить и то, что во Франціи въ это время *происходила страшная сословная и классовая борьба, вслѣдствіе чего единодушныхъ желаній и не могло высказаться*, не говоря уже о томъ, что редакторы, заносившіе эти желанія въ наказы, *проводили въ нихъ собственныя политическихъ воззрѣній, складывавшіяся подъ вліяніемъ весьма различныхъ теорій, какія существовали раньше въ литературѣ и развивались въ тогдашней брошюрной прессѣ*, или же просто личныя соображенія, очень часто расходившіяся съ другими такими же личными соображеніями. Все это необходимо имѣть въ виду, такъ какъ нерѣдко популярные историки слишкомъ обобщаютъ требованія наказовъ, придавая имъ характеръ единодушныхъ желаній всей націи и представляя эти же-

---

(La révolution française et la féodalité, 1874), ни Тэномъ, ни у насъ г. Аѳанасьевымъ въ сочиненіи о хлѣбной торговлѣ во Франціи XVIII в. (выше, стр. 106). Въ русской литературѣ важно между прочимъ изслѣдованіе проф. В. И. Герье (выше, стр. 459).

[1]) См. выше, стр. 102.

[2]) См. объ этомъ въ моей книгѣ о франц. крестьянахъ въ XVIII в.

ланія подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Эти оговорки не измѣняютъ, однако, существа дѣла: въ cahiers 1789 г. цѣлые милліоны французовъ *начертали программу будущей революціи, тогда какъ у правительства своего плана не было*, а генеральные штаты, превратившіеся въ „національное учредительное собраніе", лишь выполняли извѣстныя требованія наказовъ 1789 г. Такимъ образомъ въ этихъ cahiers de doléances заключалось уже въ зародышѣ все почти законодательство революціи.

Мы видѣли, что, созывая генеральные штаты, правительство не отдавало себѣ яснаго отчета о томъ, что же будетъ оно съ ними дѣлать: оно хотѣло выпутаться изъ затруднительнаго положенія главнымъ образомъ относительно финансовъ, но далѣе этого не шло, не имѣло общей программы реформъ. Конечно, и крестьянской массѣ былъ чуждъ политическій вопросъ, который вытекалъ изъ созыва генеральныхъ штатовъ: чѣмъ будетъ это собраніе въ политическомъ отношеніи? Наоборотъ, духовенство, дворянство и буржуазія понимали, что вопросъ этотъ имѣетъ важное значеніе, и вездѣ подчинялись мнѣнію тѣхъ лицъ, которыя казались имъ наиболѣе компетентными въ рѣшеніи вопроса. Самый вліятельный въ то время классъ французскаго общества весьма рѣзко высказался всюду въ смыслѣ полнаго осужденія абсолютизма, который притомъ подвергся этому осужденію съ обѣихъ сторонъ — *и со стороны привилегированныхъ, и со стороны буржуазіи, одинаково выражавшихъ желаніе, чтобы королевская власть была ограничена*. Цѣль созванія генеральныхъ штатовъ въ cahiers опредѣлялась словами: возродить націю, возстановить Францію, обрѣсти снова полноту естественныхъ правъ, утвердить „священный и національный договоръ короля и націи" (le pacte français), но чаще всего указывалось на то, что Франція должна была „возстановить", „упрочить", „получить", свою конституцію, послѣднее же слово употреблялось или въ старомъ смыслѣ [1]), или въ новомъ, какое оно утвердило за собою главнымъ образомъ въ XIX вѣкѣ. У привилегированныхъ и особенно у дворянъ часто заходитъ рѣчь о „возстановленіи конституціи", т.-е. они думали, что цѣлью генеральныхъ штатовъ должно быть возвращеніе старымъ сословіямъ ихъ прежнихъ политическихъ правъ, возвращеніе къ старой сословной монархіи, нашедшей свое мѣсто и въ политической теоріи Монтескье [2]), но у третьяго сословія преобладало стремленіе къ созданію новыхъ отношеній, дабы „уравновѣсить власть государя и права націи", чего

---

[1]) Какъ, напр., у Тюрго, стр. 429.
[2]) См. выше, стр. 180—181.

можно было бы достигнуть путемъ раздѣленія властей, которое тотъ же Монтескье усматривалъ въ англійской конституціи [1]).

Cahiers высшихъ сословій и сводные наказы третьяго сословія большею частью совсѣмъ не возбуждали вопроса, кому будетъ принадлежать учредительная власть и въ какомъ отношеніи будутъ находиться штаты къ королю. Одни cahiers представляли изъ себя просьбы къ королю и генеральнымъ штатамъ, другіе—къ королю, „засѣдающему" въ генеральныхъ штатахъ, а относительно реформъ въ наказахъ говорилось, что ихъ „испросятъ", „вотируютъ" или что „будетъ постановлено", или же говорилось о „содѣйствіи" штатовъ въ дѣлѣ реформы, о „согласіи" короля на то-то и то-то и т. д. въ подобномъ, не вполнѣ опредѣленномъ родѣ. Весьма немногіе изъ тѣхъ наказовъ, которые высказывались точно и ясно, предоставляли учредительную власть, т.-е. право дать Франціи конституцію — одному королю, большинство же разсматривало это право, какъ принадлежащее самой націи, хотя послѣднюю одни cahiers понимали такъ, другіе—иначе: или это была совокупность всѣхъ избирателей, или это были одни депутаты, или же тѣ и другіе вмѣстѣ, причемъ, однако, и одни депутаты должны были дѣйствовать не иначе, какъ по указанію избирателей, дающихъ имъ безусловныя инструкціи (mandats impératifs) и лишающихъ ихъ власти, разъ эти инструкціи не исполняются, — требованіе, особенно часто встрѣчающееся въ дворянскихъ наказахъ [2]). Наконецъ, третья категорія cahiers признаетъ учредительное право за самими генеральными штатами, которые разсматриваются въ нихъ, какъ олицетвореніе всей націи, какъ цѣлая нація, собранная въ одномъ мѣстѣ (la nation assemblée), какъ, наконецъ, „національное собраніе", — названіе, довольно часто замѣняющее старое имя генеральныхъ штатовъ, примѣръ чему былъ еще прежде поданъ брошюрной прессой, которая къ старому сословному строю Франціи примѣняла понятіе націи въ новомъ смыслѣ, какой оно получило въ политической литературѣ XVIII вѣка. Насколько, однако, рѣшенія націи будутъ обязательны для короля, вопросъ этотъ не ставился и не рѣшался съ достаточною ясностью и опредѣленностью, ибо, напримѣръ, говорилось, что „будетъ санкціонировано" или „утверждено" то-то и то-то, возможность же отказа санкціонировать или утвердить при этомъ не предусматривалась: во многихъ cahiers высказывается мысль, что *нѣтъ ничего выше генеральныхъ штатовъ*, *ибо они — вся нація въ сборѣ*, а націи принадлежитъ верховная власть, т.-е. идея народовластія уже играетъ видную роль въ политическихъ соображеніяхъ

[1]) См. выше, стр. 184 и слѣд.

[2]) Такой порядокъ существовалъ въ Польшѣ.

cahiers. Кромѣ того, даже тѣ наказы, которые были составлены въ самыхъ смиренныхъ и почтительныхъ выраженіяхъ, рекомендуютъ депутатамъ производить на правительство давленіе, не соглашаться на налоги, пока не будетъ рѣшенъ политическій вопросъ: генеральные штаты созывались для вывода правительства изъ затруднительнаго финансоваго положенія, а штаты-то и не должны были помогать, пока не будутъ исполнены ихъ требованія. При этомъ генеральные штаты и впредь должны были собираться періодически (le retour periodique), по нѣкоторымъ cahiers—въ опредѣленные сроки безъ участія правительства, а иные наказы требовали непрерывныхъ (permanents) штатовъ, иногда еще такъ, чтобы они не могли быть вообще распускаемы indessolubles) королемъ (въ случаѣ, напр., конфликта) или могли быть распускаемы лишь не иначе, какъ по собственному на то изволенію. Сами штаты, предполагалось, опредѣлятъ свою организацію, и по вопросу о послѣдней cahiers расходились: все зависѣло отъ того, какъ кто понималъ націю. Въ духовенствѣ, гдѣ существовалъ антагонизмъ между высшимъ и низшимъ его слоями, образовался расколъ: въ однихъ духовныхъ наказахъ воля націи понимается въ смыслѣ единодушія трехъ отдѣльныхъ сословій (ordres); въ другихъ требуется поголовная подача голосовъ, хотя и съ предосторожностями; въ третьихъ рекомендуется вотировать по сословіямъ, пока нація не прикажетъ иначе. Дворяне тверже стояли за сохраненіе сословнаго начала: многіе cahiers требовали, чтобы депутаты въ противномъ случаѣ протестовали и удалились изъ собранія. Третье сословіе, напротивъ, желало поголовнаго голосованія, но и тутъ высказывались разныя мнѣнія: одни cahiers (и такихъ было большинство) не требовали сліянія сословій, желая лишь, чтобы tiers-état имѣло двойное представительство и чтобы его депутаты были изъ его же среды, а другіе указывали еще на необходимость выдѣленія особаго крестьянскаго чина (ordre des paysans), но были и такіе, хотя и въ маломъ числѣ, которые утверждали, что третье сословіе есть по существу дѣла сама нація, и что голосованіе должно быть не только поголовное, но и совмѣстное. Каждый такимъ образомъ представлялъ себѣ посвоему конституцію, какую должна была имѣть Франція,—посвоему понималъ, что такое нація и чѣмъ будутъ генеральные штаты, но *всѣ одинаково переносили аттрибуты верховной власти съ короля на націю* и, считая себя монархистами, высказывали нерѣдко республиканскія идеи. Будущая конституція рисовалась и привилегированнымъ, и буржуазіи, какъ государственное устройство, въ которомъ главную роль станетъ играть „національное собраніе“, сословное съ преобладаніемъ аристократіи—по однимъ cahiers, безсословное, демократическое—по другимъ, и въ обоихъ случаяхъ королевская власть представлялась, какъ нѣчто не только ограниченное въ

своихъ правахъ, но и ослабленное. Мы видѣли [1]), что политическая литература XVIII вѣка пріучала французское общество смотрѣть на абсолютную монархію Бурбоновъ, какъ на узурпацію; для однихъ только—узурпированы были ею старыя историческія права сословій, для другихъ—нарушены естественныя права націи, о коихъ учила новая философія. Монархія въ лицѣ Людовика XVI отрекалась отъ самой себя, *и вотъ за власть должна была произойти борьба между аристократіей и демократіей, между правомъ историческимъ и правомъ естественнымъ*. Въ борьбѣ этой аристократія нашла поддержку въ королѣ, демократія—въ народѣ, который увидѣлъ въ ней обезпеченіе того, что вопросы, близко его касавшіеся, будутъ рѣшены въ желательномъ для него смыслѣ. Его, сказали мы, совсѣмъ не интересовали вопросы политическіе, притомъ сами по себѣ, ему мало понятные, но онъ хотѣлъ добиться облегченія своей участи отъ гнета государственныхъ налоговъ, отъ феодальныхъ поборовъ, отъ церковной десятины и поддержалъ буржуазію, въ которой особенно была популярна идея демократической и, какъ у Руссо [2]) и Мабли [3]), республиканской монархіи.

По вопросу о сословныхъ привилегіяхъ и о соціальномъ феодализмѣ наказы 1789 г. можно рѣзко раздѣлить на двѣ категоріи: *духовенство и дворянство стремились сохранить и поддержать старый общественный строй, третье сословіе, напротивъ, требовало отмѣны аристократическихъ привилегій и феодальныхъ правъ*. Читая cahiers привилегированныхъ, можно подумать, что представители стараго соціальнаго строя понимали дѣятельность, предстоявшую генеральнымъ штатамъ, не только въ смыслѣ утвержденія всѣхъ привилегій, но даже иногда ихъ пріумноженія. Въ духовномъ сословіи еще замѣчается расколъ, потому что широкое участіе въ выборахъ и въ составленіи наказовъ, какое было дано низшему клиру, т.-е. приходскимъ священникамъ (curés), имѣло результатомъ появленіе въ cahiers духовенства требованій, направленныхъ противъ привилегій, но дворянство упорно отстаивало старину. Въ одномъ лишь отношеніи новыя идеи весьма сильно повліяли на привилегированныхъ: они отказываются отъ налоговыхъ изъятій, соглашаясь въ принципѣ съ той идеей, что всѣ равномѣрно должны нести на себѣ бремя государственныхъ повинностей. Стремясь пріобрѣсти политическія права, духовенство и дворянство дѣлали, по крайней мѣрѣ, эту уступку духу времени и очевидной необходимости измѣнить старую финансовую систему. Иногда между

---

[1]) См. выше, стр. 234.
[2]) См. выше, стр. 210—211.
[3]) См. выше, стр. 237—238.

обоими привилегированными сословіями возникалъ антагонизмъ и, напр., дворянство требовало отмѣны десятины, составлявшей доходъ церкви [1]), духовенство—уничтоженія права охоты, которое было одной изъ привилегій дворянства [2]). Въ вопросѣ о соціальномъ феодализмѣ привилегированные были солидарны: въ своихъ cahiers они высказываютъ опасенія относительно феодальныхъ правъ *и заранѣе иногда протестуютъ противъ ихъ отмѣны* „во имя священныхъ правъ собственности". Сеньеры протестовали даже противъ выкупа крестьянами лежавшихъ на нихъ феодальныхъ повинностей. Многіе ихъ наказы заключаютъ въ себѣ еще просьбы о сохраненіи права суда, права охоты, баналитетовъ [3]) и т. п., какъ духовенство, съ своей стороны, отстаиваетъ десятину. *Требованіе отмѣнить феодальный режимъ почти исключительно исходило изъ третьяго сословія.* Нужно только отмѣтить, что по вопросу объ остаткахъ крѣпостничества [4]) и привилегированные высказывались въ либеральномъ смыслѣ, какъ о наслѣдіи варварскихъ временъ, и любопытно еще то, что серважъ сохранился во Франціи передъ революціей преимущественно на церковныхъ земляхъ [5]). Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ владѣльцы феодальныхъ правъ соглашались на выкупъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, да и то на самыхъ тяжкихъ для населенія условіяхъ. Впрочемъ, и наказы третьяго сословія не были однородны: въ тѣхъ, гдѣ преобладали взгляды горожанъ и сельской буржуазіи, нерѣдко бывшей заинтересованною въ сохраненіи феодальнаго режима, даже прямо защищались интересы сеньеровъ, а также указывалось на то, что это вопросъ очень трудный, и что лучше его отложить до болѣе благопріятнаго времени, но такіе случаи были исключительные, ибо въ большинствѣ наказовъ горожанъ, равно какъ сводныхъ cahiers отъ всего третьяго сословія вмѣстѣ съ деревнями выражалось желаніе, чтобы феодальный режимъ былъ отмѣненъ. Важно и то, что по вопросу о способѣ уничтоженія феодальныхъ правъ очень многіе cahiers заключаютъ въ себѣ однородныя предложенія, которыя оказываются не чѣмъ инымъ, какъ возобновленіемъ плана, бывшаго на этотъ счетъ у Тюрго [6]), а именно—отмѣнить безвозмездно все то, что вытекало изъ крѣпостничества, и выкупить всѣ права, происхожденіе коихъ объяснялось уступкою сеньерами земельныхъ участковъ крестьянамъ на извѣстныхъ условіяхъ. Очень немногіе наказы третьяго сословія не дѣлаютъ никакого различія между разными

---

[1]) См. выше, стр. 85.
[2]) См. выше, стр. 100.
[3]) Обо всѣхъ этихъ правахъ см. выше, стр. 99 и слѣд.
[4]) См. выше, стр. 98.
[5]) См. выше, стр. 98, а особенно Chassin. L'église et les derniers serfs.
[6]) См. выше, стр. 431.

категоріями феодальныхъ правъ, требуя безусловной отмѣны всѣхъ каково бы ни было ихъ происхожденіе. За то въ крестьянскихъ наказахъ такое требованіе встрѣчается, напротивъ, довольно часто, причемъ высказанъ былъ и такого рода доводъ въ пользу этой мысли: сеньеры вознаграждены уже тѣмъ, что долго не платили податей, а народъ, на коемъ лежала вся тяжесть налоговъ, уже тѣмъ самымъ выкупилъ свою свободу отъ феодальныхъ повинностей.

Наказы 1789 г. вообще имѣютъ большую важность въ исторіи крестьянскаго вопроса во Франціи. Въ этихъ документахъ выразились не только жалобы и желанія самого крестьянскаго сословія, но и тѣ взгляды, какіе существовали на крестьянъ, на ихъ нужды, на ихъ права, на ихъ положеніе среди другихъ классовъ общества. Изъ-за вліянія на крестьянскую массу во время выборовъ въ генеральные штаты даже происходила довольно ожесточенная борьба между аристократіей и буржуазіей: оба общественные класса стремились представить себя естественными союзниками и защитниками крестьянъ отъ администраціи и другихъ сословій, но разумѣется, болѣе искренними и болѣе близкими къ истинѣ въ этомъ дѣлѣ были горожане, а не сеньеры. Масса частныхъ вопросовъ крестьянскаго быта подымалась и въ наказахъ самого сельскаго населенія, и въ другихъ cahiers, начиная съ политическаго вопроса объ учрежденіи въ генеральныхъ штатахъ особаго „ordre des paysans" и кончая экономическимъ вопросомъ о томъ, какъ улучшить бытъ, напр., безземельныхъ батраковъ. Впрочемъ, въ этомъ вопросѣ доминировала не политическая и не экономическая сторона (земельное обезпеченіе крестьянъ), а сторона юридическая—отмѣна феодальныхъ правъ—вмѣстѣ съ стороной финансовой, т.-е. съ вопросомъ объ облегченіи налоговъ, тяжело падавшихъ на скудный достатокъ сельскаго населенія.

Наказы 1789 г. осуждали старый порядокъ въ его самой характерной чертѣ—въ соединеніи политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями, а вмѣстѣ съ тѣмъ заключали въ себѣ требованія, касавшіяся личной и общественной свободы. Религіозная нетерпимость, созданная отмѣною нантскаго эдикта, порицалась наказами, даже наказами духовенства, и выдвигался принципъ равноправности подданныхъ разныхъ исповѣданій. Гарантіи личной свободы занимаютъ также видное мѣсто въ желаніяхъ образованныхъ классовъ: неприкосновенность личности и имущества, отмѣна lettres de cachet, исключительныхъ судовъ, Бастиліи и другихъ подобныхъ тюремъ, ненарушимость тайны писемъ, свобода слова и свобода печати,—вотъ требованія, которыя очень часто встрѣчаются въ наказахъ высшихъ сословій, а cahier города Парижа предлагалъ, разрушивъ Бастилію, сдѣлать на ея мѣстѣ площадь и поставить колонну „Людовику XVI, возстанови-

телю общественной свободы". Подобнаго рода требованія вполнѣ гармонируютъ съ желаніями, выражавшимися относительно конституціи, и въ дѣлѣ индивидуальной свободы образованные люди безъ различія сословій высказывали одни и тѣ же принципы. Въ числѣ требованій этой категоріи мы встрѣчаемся и съ заявленіями, имѣвшими въ виду свободу труда, свободу промышленныхъ предпріятій, свободу торговли, хотя и тутъ заинтересованные часто отстаивали старые регламенты, создававшіе разнаго рода привилегіи. Во всякомъ случаѣ, идеи естественнаго права и физіократіи отразились на cahiers 1789 г. съ такою же силою, какъ и идеи народовластія или раздѣленія властей. Многіе cahiers требуютъ еще провозглашенія правъ.

Кромѣ того, наказы 1789 г. заключаютъ въ себѣ массу указаній на бывшія желательными реформы въ области администраціи, права и суда, налоговъ и т. п. Идея мѣстнаго самоуправленія была очень популярна въ наказахъ разныхъ сословій, хотя въ данномъ случаѣ, какъ и въ вопросѣ о конституціи, она представлялась или въ старой сословной формѣ провинціальныхъ штатовъ (états provinciaux), за которую держалась аристократія [1]), или въ новой формѣ только-что введенныхъ [2]) провинціальныхъ собраній (assemblées provinciales), болѣе благопріятной для народа. Этимъ одинаково осуждался старый интендантскій порядокъ провинціальнаго управленія. Если еще у консервативныхъ классовъ общества мы встрѣчаемся съ защитою провинціальныхъ привилегій, то въ cahiers третьяго сословія нерѣдко слышится желаніе, чтобы Франція была болѣе объединена. Между прочимъ, жалуясь на отсутствіе частнаго и публичнаго права, выражаютъ желаніе, чтобы въ странѣ существовало общее для всѣхъ право, вмѣсто устарѣлыхъ провинціальныхъ кутюмъ [3]). Податныя привилегіи провинцій также должны были исчезнуть передъ новымъ, для всѣхъ гражданъ равномѣрнымъ обложеніемъ. Единство вѣса и мѣры равнымъ образомъ имѣлось въ виду составителями наказовъ и не по однимъ практическимъ соображеніямъ. Въ cahiers 1789 г. вообще *чувствуется сильное сознаніе національнаго единства*, ибо передовыя фракціи общества представляли себѣ генеральные штаты не только съ поголовнымъ голосованіемъ, уничтожавшимъ сословныя перегородки, но и съ устраненіемъ изъ нихъ всего, что напоминало бы перегородки провинціальныя.

Демократическое равенство—одна изъ видныхъ особенностей содержанія cahiers третьяго сословія: всѣ должны быть равны передъ

---

[1]) См. выше, стр. 48.
[2]) См. выше, стр. 441—442, 445.
[3]) См. выше, стр. 48—49.

закономъ, имѣть одинаковый доступъ къ должностямъ и отличіямъ, подчиняться общей и равной для всѣхъ системѣ обложенія и пр., и пр. Наконецъ, въ области суда предлагается введеніе гласности, присяжныхъ засѣдателей, защитниковъ для подсудимыхъ.

Гуманный духъ философіи XVIII в. точно также отразился на наказахъ 1789 г.: высказываются пожеланія относительно уничтоженія рабства въ колоніяхъ, смягченія уголовныхъ законовъ, ограниченія случаевъ смертной казни, отмѣны конфискаціи имущества и наказаній, налагающихъ позоръ и на семью преступника; высказываются желанія и относительно лучшей организаціи благотворительности и т. п. И народное образованіе входитъ въ число предметовъ, коими занимаются наказы.

Наконецъ, cahiers 1789 г. касаются и церковныхъ вопросовъ. Духовенство, желая сохранить за католическою церковью значеніе государственной религіи и удержать за собою руководительство народнымъ образованіемъ, равно какъ и духовную цензуру, въ то же время выставило изъ своей среды не мало лицъ, желавшихъ измѣненій въ самой церкви: сельскіе священники именно высказывались за ограниченіе власти епископовъ, за возстановленіе независимости церковныхъ выборовъ и даже за отмѣну конкордата. Весьма нерѣдки въ cahiers 1789 г. указанія на необходимость національныхъ соборовъ и провинціальныхъ синодовъ. Приходское духовенство передъ началомъ революціи проявило не только демократическія стремленія, но и либеральный духъ въ смыслѣ идей галликанизма [1]), т.-е. національной независимости.

Вотъ какія идеи принесли съ собою въ генеральные штаты представители разныхъ слоевъ французской націи.

XXXIV. Первые мѣсяцы революціи [2]).

Раздѣленіе исторіи французской революціи на періоды и планъ послѣдующаго изложенія.—Открытіе генеральныхъ штатовъ.—Повѣрка полномочій.—Провозглашеніе національнаго собранія.—Королевское засѣданіе.—Планы двора и парижское возстаніе.—Король и національное собраніе послѣ 14 іюля.—Эмиграція и ея значеніе.—Впечатлѣніе, произведенное на Европу революціей.—«Жакерія» 1789 г. и ночное засѣданіе 4 августа.—Намѣренія двора и событія 5—6 октября.—Положеніе національнаго собранія и его задача.

Исторія французской революціи распадается на нѣсколько періодовъ, болѣе или менѣе согласно принимаемыхъ всѣми историками.

---

[1]) См. т. I, стр. 311, 495 и слѣд., т. II, стр. 557.

[2]) См. указанныя выше (на стр. 8—9) соч. Тьера, Минье, Мишле, Луи Блана, Зибеля, Гейсера, Карлейля, Тэна, Сореля, Онкена, Рамбо, изъ коихъ

Эпоха французской революціи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова охватываетъ собою десятилѣтіе, протекшее отъ открытія генеральныхъ штатовъ (5 мая 1789 г.) до переворота „18 брюмера" (9 ноября 1799 г.), съ котораго начинается исторія консульства и имперіи Наполеона I. Десятилѣтній періодъ 1789—1799 гг. дѣлится довольно рѣзко на два одинаково продолжительныхъ, именно пятилѣтнихъ, но имѣющихъ различный характеръ періода—до „9 термидора" (27 іюля 1794 г.) и послѣ „9 термидора": первое пятилѣтіе характеризуется развитіемъ революціоннаго движенія, достигающаго кульминаціоннаго пункта въ эпоху такъ называемаго „террора", второй—началомъ реакціи, мало-по-малу приводящей къ бонапартовскому военному деспотизму. Главный интересъ исторіи революціи сосредоточивается на первомъ ея періодѣ (1789—1794), что отражается какъ на числѣ сочиненій, посвященныхъ ему, такъ и на количествѣ страницъ, отводимыхъ обыкновенно на его изложеніе въ общихъ исторіяхъ революціи, сравнительно съ тѣмъ, что дается на второй періодъ. Въ свою очередь въ первомъ пятилѣтіи французской революціи нужно различать два еще меньшихъ періода. Въ 1789 г. генеральные штаты, превратившіеся въ національное учредительное собраніе, предприняли великую работу полной реорганизаціи внутренняго быта Франціи по началамъ, получившимъ названіе „принциповъ 1789 года". Работа эта была окончена національнымъ собраніемъ къ осени 1791 г., когда была утверждена новая конституція, въ силу коей учредительное собраніе разошлось и уступило мѣсто новому, законодательному собранію, избранному на полтора года. Это было въ сентябрѣ 1791 г., но менѣе, чѣмъ черезъ годъ, 10 августа 1792 г. произошелъ въ Парижѣ переворотъ, имѣвшій своимъ результатомъ низверженіе монархической конституціи 1791 г. и образованіе чрезвычайнаго собранія, которое получило названіе національнаго конвента и установило во Франціи республику. Первая эпоха характеризуется господствомъ „принциповъ 1789 г.", вторая—„принципами 1793 г.". Между этими эпохами различіе заключалось не въ одной правительственной формѣ, но и въ другихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, въ соціальномъ отношеніи два разные

многіе переведены по-русски, равно какъ и недавно (1893 г.) изданная на русскомъ языкѣ популярная „Исторія французской революціи" И. Карно, сына „организатора побѣды" и отца теперешняго президента республики. Она, вмѣстѣ съ книжкою Рамбо, Paul Janet (Centenaire de 1789. Hist. de la révolution française), m-me E. Duvergier de Hauranne (Hist. populaire de la rév. franç.), Bloss'а (на нѣм. яз.), относится къ популярной литературѣ. Популярныя попытки обсужденія событій революціи сдѣланы въ книжкахъ E. Champion'а (Esprit de la révolution française), Feugère'а (La révolution française et la critique contemporaine) и др. Только-что вышелъ русскій переводъ „Франц. рев. въ показаніяхъ современниковъ и мемуаровъ" де-Брока.

общественные класса господствуютъ на политической аренѣ: въ 1789 г. буржуазія, поддерживаемая народомъ, разрушаетъ старый порядокъ и на его мѣстѣ созидаетъ новый, расчитанный на то, чтобы ввести въ жизнь французской націи начала личной и общественной свободы, но въ 1793 г. дѣлается попытка замѣнить буржуазію, достигшую господства въ 1789 г., пролетаріатомъ, и на первый планъ выступаетъ идея равенства, а фактически правительство получаетъ характеръ диктатуры, такъ какъ хотя и составляется новая конституція (республиканская „конституція 1793 г.“), но она никогда не была приведена въ исполненіе. Такимъ образомъ мы можемъ и періодъ отъ 5 мая 1789 г. по 27 іюля 1794 г. (9 термидора) подраздѣлить на эпоху конституціонной монархіи, буржуазіи и „принциповъ 1789 г.“ и на эпоху республики, пролетаріата и „принциповъ 1793 г.“, а насколько можно подводить событія и явленія реальной жизни подъ теоріи, это будутъ эпохи сначала наибольшаго вліянія Вольтера и Монтескье, впослѣдствіи энциклопедистовъ и Руссо, хотя, конечно, очень рѣзко не слѣдуетъ понимать этого противоположенія между указанными эпохами. Наконецъ, разсматривая первую эпоху, мы должны положить грань между первыми двумя годами революціи, или временемъ учредительнаго собранія, и третьимъ годомъ, т.-е. временемъ законодательнаго собранія: первые два года были временемъ выработки глубокихъ внутреннихъ реформъ, которыя должны были дать Франціи новый видъ, третій годъ—временемъ ихъ примѣненія къ жизни, окончившимся катастрофой 10 августа 1792 г. Сдѣлавъ въ двухъ главахъ очеркъ внѣшней исторіи учредительнаго собранія, мы разсмотримъ потомъ преобразованіе Франціи учредительнымъ собраніемъ, и, переходя къ исторіи законодательнаго собранія, поставимъ вопросъ: почему реорганизація Франціи учредительнымъ собраніемъ не окончила революціи, почему послѣдняя продолжалась еще нѣсколько лѣтъ и почему конвентъ повелъ Францію по новой дорогѣ, пока въ 1794 г. не началась реакція? Затѣмъ, когда мы познакомимся съ исторіей крушенія дѣла учредительнаго собранія и съ исторіей попытки основанія во Франціи республики, мы должны будемъ отвѣтить на вопросъ о томъ, почему и эта послѣдняя попытка не удалась, какія причины вызвали реакцію противъ „принциповъ 1793 г.“ и какъ эта реакція привела къ наполеоновскому режиму, который, обезпечивъ за французами сдѣланныя ими въ 1789 г. соціальныя пріобрѣтенія (побѣду демократическаго равенства надъ католико-феодальнымъ строемъ), не давалъ имъ, однако, политической свободы, будучи такимъ образомъ какъ-бы возобновленіемъ — на новыхъ началахъ, при новыхъ условіяхъ и въ новой формѣ—„просвѣщеннаго абсолютизма“, явившагося по отношенію къ

старой Европѣ абсолютизмомъ революціоннымъ: можно сказать, что Наполеонъ I во многихъ отношеніяхъ осуществлялъ мечту „революціонера на тронѣ", Іосифа II, подобно тому, какъ и французская революція сдѣлала многое изъ того, что Іосифъ II хотѣлъ видѣть въ Австріи. Переворотомъ „18 брюмера" мы и закончимъ настоящій томъ, такъ какъ въ 1799 г. начинается новый періодъ исторіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ Европа вступаетъ въ XIX столѣтіе [1]).—

Генеральные штаты собрались въ Версалѣ въ началѣ мая 1789 г. 4-го числа было торжественное богослуженіе, 5-го произошло торжественное открытіе засѣданій этихъ послѣднихъ штатовъ старой Франціи. Если и правительство не имѣло опредѣленной программы дѣйствій, за то церемоніймейстеры обдумали все, относившееся ко внѣшней сторонѣ собранія, и при дворѣ было рѣшено, что генеральные штаты 1789 г. будутъ держаться формъ штатовъ 1614 г. Депутаты привилегированныхъ сословій должны были присутствовать на обѣихъ церемоніяхъ въ великолѣпныхъ костюмахъ, а депутаты третьяго сословія въ простыхъ черныхъ плащахъ, и когда хранителя печати Барантена спросили, должны ли депутаты третьяго сословія говорить на колѣняхъ, онъ отвѣчалъ: „да, если такъ угодно будетъ королю". Нансійскій епископъ въ церковной рѣчи просилъ Людовика XVI принять увѣренія въ преданности (les hommages) духовенства и въ уваженіи (les respects) дворянства, а отъ третьяго сословія всенижайшія просьбы (les humbles supplications). Когда на торжественномъ собраніи 5 мая король, занявъ тронъ, надѣлъ шляпу, духовные и дворяне тоже надѣли свои головные уборы, но когда поступили такимъ же образомъ и члены третьяго сословія, привилегированные шумомъ выразили свое неудовольствіе, и Людовикъ XVI тотчасъ же снялъ шляпу, дабы заставить всѣхъ обнажить головы. Въ этомъ засѣданіи произнесены были три рѣчи: говорили король, хранитель печати и Неккеръ. Рѣчь послѣдняго была не чѣмъ инымъ, какъ длиннымъ и скучнымъ финансовымъ

---

[1]) Считаемъ удобнымъ дать здѣсь краткую хронологію событій 1789—91 гг.

1789 годъ.—5 мая, открытіе генеральныхъ штатовъ.—17 іюня, провозглашеніе національнаго собранія.— 20 іюня, присяга въ Jeu de paume. — 23 іюня, королевское засѣданіе.—14 іюля, разрушеніе Бастиліи.—4 августа, ночное засѣданіе (паденіе феодализма).—5—6 октября, походъ Парижа на Версаль и переселеніе короля и національнаго собранія (12 окт.) изъ Версаля въ Парижъ.

1790 годъ. 14 іюля, праздникъ федераціи.

1791 годъ.—2 апрѣля, смерть Мирабо.—21 іюня, бѣгство Людовика XVI.—17 іюля, дѣло на Марсовомъ полѣ.—14 сентября, принятіе Людовикомъ XVI конституціи.—30 сентября, закрытіе учредительнаго собранія.

отчетомъ, состоявшимъ изъ массы цифръ, такъ какъ правительство смотрѣло на собравшіеся штаты, лишь какъ на способъ добыть денегъ посредствомъ новыхъ налоговъ. Вообще, однако, рѣчи эти не содержали прямого указанія относительно самаго важнаго вопроса, отъ коего зависѣло рѣшеніе и всѣхъ иныхъ, какъ именно должны были подавать голоса—поголовно или посословно [1]), а касательно нововведеній дѣлалось даже предостереженіе въ обозначеніи ихъ опасными (des innovations dangereuses). Правительство само не рѣшало главнаго вопроса, и онъ былъ рѣшенъ помимо правительства. 6 мая три сословія собрались въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ для провѣрки полномочій (verification des pouvoirs), т.-е. документовъ объ избраніи того или другого депутата, коихъ явилось болѣе 1100 человѣкъ, но третье сословіе стало требовать, чтобы этимъ дѣломъ занялись всѣ сообща и въ одномъ помѣщеніи, на что привилегированные отвѣчали отказомъ. Начались пререканія, длившіяся довольно продолжительное время, взаимныя обвиненія въ нежеланіи приступить къ работѣ, ради коей были собраны генеральные штаты, и въ этомъ прошли первыя недѣли собранія. *Послѣдніе генеральные штаты, бывшіе за 175 лѣтъ передъ тѣмъ, окончились ссорою между сословіями* [2]), *столь характерною вообще для исторіи этого стариннаго учрежденія* [3]), *и вотъ въ генеральныхъ штатахъ 1789 г. въ самомъ началѣ происходитъ то же самое.* Въ былыя времена изъ этого извлекала]для себя выгоду одна королевская власть, но теперь обстоятельства были иныя, и побѣда осталась на сторонѣ третьяго сословія, отождествившаго себя съ націей: послѣдняя, дѣйствительно, оказывала поддержку своимъ депутатамъ въ то время, какъ привилегированные сносились съ дворомъ, продолжавшимъ стоять на своей старой точкѣ зрѣнія. Наконецъ 10 іюня авторъ знаменитой брошюры [4]) Сіэсъ, нашедши, что „пора же обрѣзать канатъ", предложилъ въ послѣдній разъ въ торжественной формѣ старой судебной процедуры отъ имени „общинъ" вызвать (sommer) духовенство и дворянство, назначивъ имъ срокъ, послѣ коего неявившіеся (non-comparants) лишатся своихъ правъ. 12 числа въ 7 ч. вечера началась повѣрка полномочій, а на другой день началось присоединеніе къ третьему сословію представителей другихъ сословій, на первый разъ въ лицѣ трехъ приходскихъ священниковъ, появленіе коихъ было встрѣчено громкими рукоплесканіями. Когда (15 іюня) была окончена провѣрка полномочій, Сіэсъ указалъ на то, что въ собраніи присутствуютъ представители, по край-

---

[1]) См. выше, стр. 471.
[2]) Т. II, стр. 397—398.
[3]) Т. I, стр. 68 и слѣд., т. II, стр. 419.
[4]) См. выше, стр. 464.

ней мѣрѣ, 96% націи, которые могутъ дѣйствовать и безъ неявившихся депутатовъ отъ кое-какихъ бальяжей или разрядовъ гражданъ, а потому и предложилъ депутатамъ объявить себя „собраніемъ извѣстныхъ и удостовѣренныхъ представителей французской націи“. Къ этому присоединился и Мирабо, находившій, однако, лучшимъ назваться „представителями французскаго народа“. Три дня происходили пренія по поводу этихъ предложеній, пока не принято было наименованіе — „національное собраніе“ (assemblée nationale), не бывшее совсѣмъ новымъ, такъ какъ мы находимъ его уже въ наказахъ 1789 г., но подсказанное на этотъ разъ представителямъ третьяго сословія и присоединившимся къ нимъ депутатамъ высшихъ сословій—однимъ совсѣмъ почти никому неизвѣстнымъ депутатомъ. Торжественное провозглашеніе національнаго собранія произошло 17 іюня: въ этотъ день *старое сословное дѣленіе французскихъ подданныхъ на три чина (ordres) исчезло, и всѣ французы образовали въ политическомъ отношеніи однородную по своему составу націю.* Это рѣшеніе съ восторгомъ былопринято парижскимъ населеніемъ и подѣйствовало на большинство депутатовъ духовенства, рѣшившихся примкнуть къ третьему сословію, но дворъ, наоборотъ, былъ страшно раздраженъ. Людовикъ XVI колебался еще между совѣтами Неккера и совѣтами жены, младшаго брата, принцевъ крови и привилегированныхъ, но наконецъ принялъ рѣшеніе устроить торжественное засѣданіе съ цѣлью своею властью отмѣнить случившееся. Между тѣмъ національное собраніе декретировало: 1) прекращеніе взиманія налоговъ, буде его распустятъ, 2) принятіе государственнаго долга подъ гарантію націи и 3) образованіе особаго продовольственнаго комитета. 20 іюня Байльи, предсѣдатель національнаго собранія, получилъ извѣщеніе отъ Барантена, что засѣданія отсрочиваются, послѣ чего депутаты, и многочисленная публика, собравшаяся посмотрѣть на то, какъ бо́льшая часть духовенства направится въ залу національнаго собранія, нашли эту залу запертою и охраняемою часовыми: въ залѣ шли приготовленія къ королевскому засѣданію. Депутаты направились тогда въ манежъ Jeu de paume, гдѣ произошла въ присутствіи большой публики знаменитая присяга членовъ національнаго собранія—не расходиться и собираться всюду, гдѣ только представится возможность, пока Франція не получитъ прочной конституціи. Протоколъ о присягѣ былъ подписанъ всѣми депутатами: въ него былъ занесенъ протестъ только одного члена, не присоединившагося къ этому рѣшенію. На другой день было воскресенье. Когда въ понедѣльникъ (22 іюня) представители народа хотѣли опять собраться въ Jeu de paume, имъ уже не дали этого помѣщенія, такъ какъ гр. д'Артуа долженъ былъ тамъ играть въ мячъ, но въ это время уже значительная часть низшаго духовенства при-

соединилась къ національному собранію, которое и приглашено было духовенствомъ засѣдать въ церкви св. Людовика, „храмѣ религіи, сдѣлавшемся храмомъ отечества“, по выраженію одного говорившаго тамъ оратора. Около 150 человѣкъ изъ низшаго духовенства здѣсь присоединилось торжественно къ національному собранію [1]).

Королевское засѣданіе состоялось 23 іюня. Со стороны двора и привилегированныхъ *оно должно было быть началомъ реакціи противъ всего, что совершилось во имя новой идеи націи,* и съ такою цѣлью къ собранію представителей народа была примѣнена форма прежнихъ парламентскихъ lits de justice. Королю сочинили повелительную рѣчь, которую онъ и произнесъ въ торжественномъ собраніи, въ присутствіи всѣхъ депутатовъ, но произнесъ неувѣреннымъ голосомъ человѣка, поступающаго не по собственной иниціативѣ. Рѣшенія третьяго сословія, какъ противныя законамъ и государственному устройству, были объявлены уничтоженными; предписывалось сохранять въ полной неприкосновенности старое раздѣленіе на сословія, запрещалось затрогивать какія бы то ни было права, принадлежащія привилегированнымъ и королевской власти; возвѣщались кое-какія незначительныя реформы и прибавлялось, что если генеральные штаты не окажутъ поддержки благимъ намѣреніямъ власти, то онъ, король, одинъ станетъ трудиться для блага своихъ подданныхъ и будетъ считать себя единственнымъ ихъ представителемъ. „Я приказываю вамъ, господа,—сказалъ въ заключеніе Людовикъ XVI,—немедленно разойтись, а завтра утромъ собраться каждому сословію въ отведенной для него палатѣ“. Духовенство и дворянство повиновались, но третье сословіе осталось на своихъ мѣстахъ. Оберъ-церемоніймейстеръ Дрё-Брезе возвратился въ залу и сказалъ президенту: „господа!—вы вѣдь слышали приказаніе короля“,—на что получилъ такой отвѣтъ отъ Байльи: „мнѣ кажется, что собравшейся націи нельзя давать приказаній“. Мирабо, который ранѣе прихода Дрё-Брезе сказалъ рѣчь противъ оскорбительной диктатуры короля, являющагося лишь уполномоченнымъ (mandataire) націи, и напомнилъ о присягѣ не расходиться, пока Франціи не будетъ дана конституція, теперь поднялся съ своего мѣста и произнесъ

---

[1]) См. выше (стр. 472 и др.) о демократическомъ настроеніи низшаго духовенства во Франціи наканунѣ революціи. См. еще Élie Mège. Le clergé sous l'ancien régime.—Chassin. Les cahiers des curés.—B. Robidou. Histoire du clergé pendant la révolution française, а также указанную ниже работу по исторіи гражданскаго уложенія о духовенствѣ. Однимъ изъ первыхъ духовныхъ, примкнувшихъ къ третьему сословію, былъ приходскій священникъ Грегуаръ, впослѣдствіи конституціонный епископъ, о коемъ см. Gazier. Études sur l'histoire éligieuse de la révolution française.

знаменитыя слова [1]): „да, мы слышали намѣренія, внушенныя королю, а вы, который не можете быть его органомъ передъ генеральными штатами, не имѣя здѣсь ни мѣста, ни голоса, ни права говорить, вы— не созданы для того, чтобы намъ напоминать о его рѣчи. Однако во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія и всякой проволочки, я объявляю вамъ (легенда сократила все предыдущее въ одну фразу: „идите сказать своему господину"), что если васъ уполномочили заставить насъ уйти отсюда, вы должны потребовать приказаній, чтобы употребить силу, ибо мы оставимъ наши мѣста, лишь подъ напоромъ штыковъ". Дрё-Брезе удалился изъ залы, пятясь назадъ, какъ бы будучи въ присутствіи короля, а одинъ бретонскій депутатъ воскликнулъ: „что это? король говоритъ съ нами, какъ господинъ, когда долженъ былъ бы просить у насъ совѣта". „Господа!—обратился къ собранію Сіэсъ,— вы остаетесь сегодня тѣмъ же, чѣмъ были вчера: приступимъ же къ преніямъ". И національное собраніе объявило, что принятыя имъ рѣшенія сохраняютъ всю свою силу, и декретировало неприкосновенность личности депутата подъ угрозою обвиненія въ государственномъ преступленіи всякаго, кто посягнулъ бы на эту неприкосновенность. При дворѣ не ожидали такого исхода королевскаго засѣданія. Марія-Антуанета радовалась сначала, что все вышло хорошо, и, представляя дофина депутатамъ дворянства, заявила, что ввѣряетъ его ихъ охранѣ, но пришло извѣстіе о сопротивленіи третьяго сословія, и настроеніе измѣнилось. *Задуманный дворомъ государственный переворотъ противъ совершившейся революціи пришлось признать неудавшимся*, а растерявшійся Людовикъ XVI сказалъ, что „если они (т.-е. депутаты третьяго сословія) не хотятъ расходиться, то пусть остаются". Неккера думали было уволить, но теперь король упросилъ его не покидать своего поста, и популярность этого министра, отсутствовавшаго въ королевскомъ засѣданіи, сильно послѣ этого возрасла. На другой день въ засѣданіе національнаго собранія явилось большинство духовенства, а потомъ вскорѣ примѣру этому послѣдовало незначительное меньшинство дворянства съ герцогомъ Орлеанскимъ во главѣ. Наконецъ по совѣту Неккера самъ король приказалъ и другимъ представителямъ привилегированныхъ придти на засѣданіе въ общую залу. 27-го іюня произошло уже окончательное сліяніе депутатовъ духовенства и дворянства съ третьимъ сословіемъ.

Придворная партія съ Маріей-Антуанетой во главѣ не хотѣла

[1]) Полная достовѣрность ихъ подвергается сильному сомнѣнію въ настоящее время, равно какъ (и притомъ особенно) предыдущая рѣчь Мирабо. Loménie, IV, 321 sq. Самое обращеніе къ Дрё-Брезе передается въ разныхъ редакціяхъ.

примириться съ побѣдою третьяго сословія. *За первою попыткою контръ-революціи, сдѣланною 23 іюня, должна была послѣдовать другая* и на этотъ разъ при помощи тѣхъ самыхъ штыковъ, на которые указывалъ Мирабо. Та консервативная оппозиція, которая препятствовала прежде необходимымъ реформамъ, теперь самымъ рѣшительнымъ образомъ подготовляла новую реакцію, но если прежде этой оппозиціи до извѣстной степени сообщала силу поддержка народа, переставшаго довѣрять власти [1]), то при новыхъ обстоятельствахъ, какія наступили послѣ 17 іюня, уже никоимъ образомъ не могло быть ни малѣйшей солидарности между привилегированными и народной массой: теперь, наоборотъ, *реакціонныя попытки, направленныя противъ національнаго собранія, должны были лишь разжигать народныя страсти, направляя ихъ въ то же время въ защиту именно этого самаго національнаго собранія.* Если 23 іюня депутаты третьяго сословія, признавая себя представителями суверенной націи, ослушались королевской воли, не поддержанной физическою силою, то въ серединѣ іюля попытка произвести насильственную, при помощи войска, реставрацію стараго политическаго строя вызвала насильственный же отпоръ со стороны народа, спасшій національное собраніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ выдвинувшій на политическую сцену народонаселеніе Парижа, которому потомъ и суждено было играть такую видную роль въ событіяхъ революціи: въ этомъ и заключается смыслъ іюльскихъ событій, за которыми послѣдовали событія октябрскія, какъ увидимъ, уже менѣе благопріятныя не только для королевской власти, но и для самого національнаго собранія [2]).

Въ исторіи лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ 1789 г. реакціонныя попытки двора и революціонное движеніе въ народѣ идутъ рука объ руку. Одни историки склонны объяснять тогдашнія народныя возстанія исключительно чувствомъ самосохраненія народной массы передъ угрожающимъ положеніемъ двора и готовы поэтому взваливать на одинъ дворъ вину той анархіи, какая началась тогда во Франціи, между тѣмъ, какъ другіе именно исключительно этой анархіей пытаются иногда объяснять репрессивныя мѣры, къ которымъ считала нужнымъ прибѣгнуть придворная партія. Ни то, ни другое нельзя признать вѣрнымъ само по себѣ: вѣрно и то, и другое вмѣстѣ, но и тутъ опять-таки не вполнѣ, ибо и народные бунты, и придворная реакція имѣли болѣе глубокое происхожденіе. Конечно, реакція сильно подливала масла въ огонь и вызывала грандіозныя іюльское и октябрское возстанія, да и такія событія въ свою очередь заставляли реакціонную партію думать о болѣе энергичной репрессіи, но народныя волненія задолго еще пред-

[1]) См. выше, стр. 445.

[2]) См. въ хронологическихъ данныхъ (на стр. 479) 5—6 окт. и ниже.

шествовали революціи, имѣя свои причины въ общемъ состояніи Франціи, въ плохомъ экономическомъ положеніи народной массы, въ общей соціальной дезорганизаціи, въ тревожномъ и возбужденномъ настроеніи умовъ [1]), равно какъ и придворная оппозиція противъ всякихъ нововведеній политическаго и соціальнаго свойства не была явленіемъ новымъ, коренясь опять-таки въ общемъ состояніи Франціи, въ томъ значеніи, какое получилъ дворъ въ жизни страны, въ его союзѣ съ консервативными элементами общества, въ его вліяніи на королевскую власть. Обѣ силы вступили теперь въ открытую борьбу: подозрительное поведеніе двора вызывало народныя возстанія, а народныя возстанія служили для двора поводомъ къ тому, чтобы думать о репрессіи. Въ этой борьбѣ двора и народа, обострявшейся главнымъ образомъ реакціоннымъ направленіемъ перваго, *положеніе національнаго собранія было, какъ увидимъ, весьма затруднительное*, и придворная партія, не хотѣвшая признавать совершившихся событій, своимъ поведеніемъ сама подготовляла новый переворотъ, еще болѣе для нея грозный и въ то же время оказавшійся неблагопріятнымъ для національнаго собранія. Если 23 іюня власть изъ рукъ короля переходила въ руки представителей націи, то впереди былъ еще захватъ власти непосредственно парижскимъ населеніемъ, думавшимъ спасать свободу отъ козней придворной партіи.

Послѣ неудачи королевскаго засѣданія 23 іюня, въ началѣ слѣдующаго мѣсяца къ Парижу и Версалю стали стягиваться войска, состоявшія главнымъ образомъ изъ иностранныхъ наемниковъ разныхъ національностей, и во главѣ ихъ были поставлены Бретейль и маршалъ Броль (Broglie), рѣшившіеся на самыя крайнія мѣры противъ національнаго собранія и парижскаго населенія. 9 іюля національное собраніе, принявшее въ этотъ день названіе конституанты (constituante), т.-е. учредительнаго собранія, просило короля объ удаленіи войскъ; въ этомъ дѣлѣ опять одну изъ самыхъ первыхъ ролей пришлось играть Мирабо, но король отвѣчалъ, что войска необходимы для защиты самого національнаго собранія и что если оно тревожится, то его можно будетъ перевести въ Нойонъ или Суассонъ. Между тѣмъ при дворѣ рѣшились дѣйствовать. 11 іюля сдѣлалось извѣстнымъ, что Неккеръ получилъ отставку и вмѣстѣ съ тѣмъ приказаніе немедленно и безъ огласки покинуть Францію, и что было образовано новое министерство изъ Броля, Бретейля, клерикала Вогюйона и Фулона, коему молва приписывала такія слова по поводу голода: „если народъ хочетъ ѣсть,

---

[1]) См. I томъ „Революціи“ Тэна, гдѣ говорится объ anarchie spontanée. Ср. выше, стр. 445. Уже 27 апрѣля 1789 г. въ Парижѣ былъ бунтъ, чуть было не отсрочившій открытіе генеральныхъ штатовъ.

пусть питается сѣномъ". Національное собраніе послало къ королю депутацію съ просьбою вернуть Неккера и отослать войска на прежнія мѣста стоянки, но эта депутація не была принята. Тогда собраніе декретировало, что нація напутствуетъ Неккера и его товарищей выраженіемъ довѣрія и сожалѣнія, что новые министры и совѣтники короля, каково бы ни было ихъ званіе и положеніе, будутъ отвѣтственными за свои поступки, и что вѣчный позоръ покроетъ того, кто предложитъ государственное банкротство. Тревожные слухи, приходившіе изъ Версаля, производили сильное впечатлѣніе на парижанъ, среди коихъ уже начиналось революціонное броженіе, поддерживавшееся бѣдственнымъ положеніемъ народа, безработицей, дороговизной хлѣба, стеченіемъ массы людей изъ окрестностей и т. п., но въ этомъ броженіи участвовала и французская гвардія. Пресса и рѣчи народныхъ ораторовъ усиливали возбужденное состояніе столичнаго населенія. 12 іюля пришло въ Парижъ извѣстіе объ отставкѣ Неккера. Въ саду Пале-Рояля одинъ молодой человѣкъ, Камилль Демуленъ, проникнутый античными идеями о республиканской свободѣ, вынесенными изъ только-что покинутой школы [1]), въ страстной рѣчи сталъ призывать народъ къ возстанію по поводу отставки Неккера, предложивъ всѣмъ присутствовавшимъ на сходкѣ украсить себя листьями каштановаго дерева, подъ которымъ онъ говорилъ,—прототипъ позднѣйшей національной кокарды. Въ тотъ же день начались уличные безпорядки, и избиратели, собравшись въ ратушѣ (hôtel de ville), установили новое городское управленіе и декретировали образованіе милиціи въ 48 т. гражданъ, изъ коей возникла затѣмъ національная гвардія. 13 іюля возстаніе приняло еще болѣе грозные размѣры подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе тревожныхъ слуховъ. Наконецъ 14 іюля громадная толпа разграбила арсеналъ дома инвалидовъ, гдѣ было захвачено около 30 т. ружей и двадцати пушекъ, а затѣмъ произошло знаменитое взятіе Бастиліи. Народъ хотѣлъ овладѣть оружейнымъ складомъ крѣпости, но когда толпу встрѣтили изъ нея залпомъ, она разсвирѣпѣла и бросилась на приступъ, продолжавшійся пять часовъ и стоившій немало жертвъ. Затѣмъ началась жестокая народная расправа съ комендантомъ де-Лоне, голову котораго носили по улицамъ вздѣтою на пику, и такая же судьба постигла Флесселя, бывшаго парижскимъ городскимъ головой. Послѣ этой побѣды народа надъ древнимъ замкомъ, бывшимъ какъ бы символомъ стараго порядка, началось его разрушеніе, какъ того требовали нѣкоторые наказы 1789 г. Лафайетъ послалъ Вашингтону въ подарокъ ключъ отъ главныхъ воротъ Бастиліи [2]). Съ парижскимъ воз-

---

[1]) Ср. выше, стр. 241—242.

[2]) О Бастиліи и ея взятіи 14 іюля 1789 г. см. соч. Ravaisson'a (Les

станіемъ 12—14 іюля начинается дѣятельная роль населенія столицы въ исторіи революціи [1]).

Взятіе Бастиліи разстроило всѣ планы двора, которые предполагалось привести въ исполненіе въ ночь съ 14 на 15 іюля, для чего уже было заготовлено 40 тысячъ экземпляровъ королевской прокламаціи къ народу. Когда Людовику XVI сообщили о парижскихъ событіяхъ, онъ воскликнулъ: „но вѣдь это бунтъ!“—„нѣтъ, государь, отвѣчалъ герцогъ Ліанкуръ, это—революція!“ („Mais c'est une révolte“?—„Non, sire, c'est une révolution“!) Въ войскахъ, которыя должны были быть употреблены въ дѣло для совершенія государственнаго переворота, обнаруживались признаки неповиновенія, нежеланія стрѣлять въ народъ: военная сила старой монархіи также разлагалась. Національное собраніе между тѣмъ должно было стать въ опредѣленныя отношенія къ совершившимся событіямъ. 9 іюля оно слушало мемуаръ (Мунье) объ основахъ будущей конституціи, 11 числа Лафайетъ внесъ свой проектъ деклараціи правъ, 13-го оно опять просило короля удалить войска, но получило отказъ. Намѣренія двора были извѣстны депутатамъ, и они рѣшились тогда не расходиться, дабы снова не очутиться потомъ передъ запертыми дверями: потому засѣданіе длилось безпрерывно въ теченіи всей ночи (съ 14 на 15 іюля). Утромъ 15

---

archives de la Bastille), Funck.—Brentano (въ Revue historique за 1890 г.), G. Bord'a (La prise de la Bastille et les conséquences de cet événement dans les provinces), Fournel (Les hommes du 14 juillet, gardes françaises et vainqueurs de la Bastille), Lecocq'a (La prise de la Bastille et ses anniversaires), Flammermont'a (Relations inédites sur la prise de la Bastille) и др. См. также новую русскую книгу (1893 г.) г. Ахшарумова, а также ср. Н. А. Любимовъ. Первые дни французской революціи 1789 г. по неизданнымъ запискамъ очевидца. Для характеристики второстепенныхъ дѣятелей въ событіяхъ 12—14 іюля см. Mémoires secrets de Fournier l'Americain (изд. подъ ред. Aulard).

[1]) Исторія Парижа во время французской революціи имѣетъ цѣлую литературу, чему за послѣднее время много способствовалъ особый комитетъ историческихъ работъ при парижскомъ муниципальномъ совѣтѣ (ср. мою статью о новѣйшихъ трудахъ по исторіи французской революціи въ первомъ томѣ „Историческаго Обозрѣнія“, 1890). См. его изданія: Monin. Etat de Paris en 1789.—Chassin. Les élections et les cahiers de Paris en 1789.—Charavay. Assemblée électorale de Paris (1790—1791).—Robiquet. Le personnel municipal de Paris pendant la révolution и т. д. См. также Tourneux. Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la révolution française.—Интересна также юбилейная (1889) книжка знатока „стараго порядка“ во Франціи A. Babeau (см. выше, стр. 82 и 95) Paris en 1789. Соч. H. Monin. Journal d'un bourgeois de Paris pendant la révolution française (année 1789) имѣетъ также интересъ (книга популярная). Изъ болѣе старыхъ соч. отмѣтимъ нѣмецкую книгу, переведенную и по-французски: A. Schmidt. Pariser Zustände während der Revolutions—zeit.

числа рѣшено было послать къ королю еще одну депутацію,—передъ чѣмъ Мирабо сказалъ одну изъ наиболѣе пламенныхъ своихъ рѣчей— и собраніе готово было уже разойтись, когда ему дали знать, что самъ король желаетъ явиться въ собраніе. Мирабо совѣтовалъ, чтобы „первымъ пріемомъ монарху со стороны представителей несчастнаго народа была мрачная почтительность“, ибо, прибавилъ онъ, „молчаніе народовъ—урокъ королямъ“. Но когда Людовикъ XVI явился безъ стражи, когда онъ сказалъ, что велѣлъ удалить войска, когда употребилъ выраженіе „національное собраніе“, когда наконецъ ввѣрилъ ему свою безопасность, депутаты привѣтствовали его съ восторгомъ и проводили назадъ до самаго дворца. Сто членовъ національнаго собранія немедленно поѣхали въ Парижъ извѣстить населеніе столицы о радостномъ событіи. Вопреки желанію Маріи Антуанетты, не покидавшей мысли о контръ-революціи, Людовикъ XVI рѣшился также ѣхать въ Парижъ; здѣсь его встрѣтили и устроили ему торжественный пріемъ новыя муниципальныя власти, въ то же время члены національнаго собранія—Байльи, сдѣлавшійся меромъ Парижа, и Лафаетъ, ставшій во главѣ національной гвардіи. Неккеръ былъ возвращенъ, король принялъ трехцвѣтную кокарду [1]), утвердилъ Байли и Лафайета въ ихъ должностяхъ и уѣхалъ обратно въ Версаль, откуда немедленно началась эмиграція дворянъ, примѣръ коей подали гр. д'Артуа, принцы Конде, Конти, Полиньякъ, вмѣстѣ съ ними Броль, Калоннъ и др. лица, совѣтовавшія произвести контръ-революцію.

Была ли причиною этой эмиграціи опасность, которой не хотѣли подвергать себя лица, чувствовавшія, что въ народѣ они не могутъ быть популярны, какъ утверждаютъ одни историки, или въ эмиграціи дѣйствовала, какъ говорятъ другіе, ненависть къ новымъ порядкамъ, во всякомъ случаѣ гр. д'Артуа и другія знатныя лица оставили территорію Франціи не въ качествѣ бѣглецовъ, жертвъ народной ярости, а въ качествѣ недовольной политической партіи, которая тотчасъ же стала искать союзниковъ при мелкихъ германскихъ дворахъ для возстановленія стараго порядка на родинѣ. Если замыслы двора произвели уже парижское іюльское возстаніе, то *вызывающій тонъ эмигрантовъ, ихъ угрозы «мятежникамъ», ихъ союзъ съ иностранцами, поддерживаютъ и усиливаютъ тревогу въ народѣ*, который начинаетъ подозрѣвать въ сообщничествѣ съ ними и дворъ, и всѣхъ оставшихся во Франціи дворянъ; вслѣдствіе этого отвѣтственность за многое изъ того, что впослѣдствіи происходило во Франціи, падала на эмигрантовъ, а они вышли изъ тѣхъ самыхъ круговъ, гдѣ сначала противились реформамъ Тюрго и другихъ министровъ Людовика XVI, а потомъ только и думали что о про-

[1]) Красный и синій—цвѣта парижскаго герба, бѣлый—цвѣтъ королевскаго знамени.

тиводѣйствіи національному собранію. Эти эмигранты первые вмѣшали иностранные дворы во внутреннія отношенія Франціи, и любопытно, что и на чужбинѣ они продолжали вести себя столь же легкомысленно въ погонѣ за удовольствіями и въ интригахъ разнаго рода, какъ вели себя, когда играли на родинѣ первенствующую роль при дворѣ [1]).

Въ то самое время, какъ эмигранты обращаются къ иностраннымъ дворамъ съ просьбою о поддержкѣ, *общественное мнѣніе въ самой Европѣ становится на сторону совершившагося во Франціи переворота*. Извѣстіе о взятіи Бастиліи было повсюду встрѣчено съ большою радостью—въ Германіи, въ Англіи, въ Италіи, въ Россіи, какъ о томъ доносилъ французскій посланникъ при дворѣ Екатерины II. Въ Англіи устраивались общественныя празднованія этого событія; кэмбриджскій университетъ объявилъ паденіе Бастиліи конкурсною темою для студентовъ. Въ Италіи Альфіери, въ Германіи Эбелингъ, писали оды на взятіе Бастиліи. Да и вообще французскія событія лѣта 1789 г. произвели сильное впечатлѣніе на иностранныхъ мыслителей, поэтовъ и просто образованныхъ людей, что весьма понятно въ виду того вліянія, какое оказывали французскія идеи на англичанъ, нѣмцевъ, итальянцевъ и другія націи, и при общемъ космополитическомъ настроеніи XVIII вѣка [2]). Въ числѣ лицъ, привѣтствовавшихъ новую Францію и даже,—какъ дѣлали, конечно, не всѣ,—нарочно пріѣзжавшихъ въ нее „подышать воздухомъ свободы“, были многія историческія знаменитости, Кантъ, Вильгельмъ фонъ Гумбольдтъ, Клопштокъ, Гердеръ, Вортсвортъ и т. п. Для общественнаго мнѣнія Европы французская революція получила такое же значенія, какое американская имѣла для общественнаго мнѣнія самой Франціи, и только позднѣйшія крайности революціи стали измѣнять благопріятное къ ней отношеніе, хотя въ то же время тѣ, которые, какъ Гёте, не придавали французскимъ событіямъ сначала никакого серьезнаго значенія, поняли всю ихъ важность и не для одной Франціи [3]). Что касается до европейскихъ правительствъ, то

---

[1]) По исторіи эмиграціи тоже есть значительная литература. Forneron. Hist. des émigrés. — E. Daudet. Les Bourbons et la Russie.—Les émigrés et la seconde coalition. — Coblentz.—Pingaud. Corresp. du c-te de Vaudreuil avec le c-te d'Artois и др.

[2]) См. выше, стр. 265.

[3]) Объ этомъ можно найти подробности во многихъ общихъ сочиненіяхъ, (напр., у Сореля, т. II, у Геттнера, Бидермана, см. выше, стр. 4, а также стр. 261, гдѣ названы сочиненія по исторіи франц. вліянія въ Германіи). Кромѣ того, см. Wohlwill. Weltbürgerthum und Vaterlandsliebe der Schwaben, 1789—1815.—Venedey. Die deutschen Republikaner unter der französischen Republik.—Rambaud. Les Français sur le Rhin.—Rieger. Schillers Verhältniss zur französischen Revolutiön. — Franchetti. Storia d'Italia (глава primi effetti della revoluzione francese) и др. Cf. Pingaud. Les Français en Russie.

они не сразу поняли характеръ начинавшихся во Франціи событій и первоначально смотрѣли на нихъ не съ принципіальной, а съ утилитарной точки зрѣнія: каждое отдѣльное правительство имѣло въ виду исключительно собственные политическіе интересы, и только тогда, когда революція стала грозить монархическому принципу, эмигранты стали расчитывать на большій успѣхъ при иностранныхъ дворахъ.

14 іюля отозвалось весьма быстро и на провинціяхъ: въ отдѣльныхъ городахъ въ деревняхъ по всей Франціи начались возстанія, причемъ, напр., въ Канѣ (Caen), въ Бордо, народомъ были взяты королевскія цитадели, но главнымъ образомъ борьба шла въ деревняхъ, гдѣ крестьяне,—это было время жатвы,—отказывались платить шампаръ [1]), десятину и др. сборы, равно какъ и налоги, нападали на замки, разграбляли феодальные архивы, жгли и тѣ, и другіе, совершали насилія надъ сеньерами. Это было повтореніе „жакеріи“ середины XIV вѣка [2]), повтореніе на почвѣ Франціи великой крестьянской войны, бывшей въ Германіи въ реформаціонную эпоху [3]). Къ движенію, источникъ коего была ненависть къ фискальному гнету и феодальному режиму, примыкали голодныя толпы, грабившія хлѣбные запасы и обозы, какъ это часто бывало и раньше [4]), бродяги, нищіе, контрабандисты, настоящіе наконецъ разбойники, а разные слухи, иногда совершенно нелѣпые, только поддерживали въ народѣ это волненіе. Собственно говоря, то, что происходило во Франціи во второй половинѣ іюля 1789 г., началось гораздо раньше, еще до созванія генеральныхъ штатовъ, но прежде все это были лишь вспышки, хотя и пророчившія будущій общій взрывъ (какъ это было и передъ нѣмецкой крестьянской войной 1524—1525 гг.): время жатвы, когда собирали съ крестьянъ разныя повинности, примѣръ Парижа и другихъ городовъ, а также разные слухи, ходившіе въ народной массѣ, подметныя письма, подложные манифесты и агитація, шедшая со стороны людей, впослѣдствіи сдѣлавшихся главными опорами якобинскаго режима,—вотъ что усиливало теперь движеніе, превращало его уже въ цѣлую крестьянскую войну [5]).

Въ національное собраніе стали приходить грозныя извѣстія изъ провинцій, и оно наконецъ должно было обратить вниманіе на то, что совершалось въ деревняхъ. Представители націи спохватились, что не предупредили ужасныхъ сценъ своевременнымъ обращеніемъ къ

---

[1]) См. выше, стр. 100.

[2]) Т. I, стр. 182.

[3]) Т. II, гл. IX—X.

[4]) См. выше, стр. 106, 433—434.

[5]) Въ Парижѣ то же продолжалось волненіе, во время котораго были убиты Фулонъ и Бертье.

народу. „Деревни,—говорилъ въ засѣданіи 4 августа виконтъ де Ноайль,—высказали свои желанія: не конституціи просили онѣ, ибо эта просьба высказывалась только въ бальяжахъ [1]), — онѣ требовали облегченія или измѣненія феодальныхъ повинностей. Уже болѣе трехъ мѣсяцевъ онѣ видятъ одно — какъ ихъ представители занимаются тѣмъ, что мы называемъ и что въ дѣйствительности есть общественное дѣло, но для нихъ общественнымъ дѣломъ кажется то, чего онѣ сами желаютъ и чего страстно хотятъ добиться... Онѣ уже распознали людей, имъ преданныхъ, стремящихся къ ихъ счастью, и могущественныхъ лицъ, наоборотъ, противящихся этому: онѣ нашли нужнымъ вооружиться противъ силы и теперь онѣ уже не знаютъ болѣе никакой сдержки". Такимъ образомъ „жакерія" была понята, какъ напоминаніе со стороны народа національному собранію о главномъ содержаніи сельскихъ cahiers: для успокоенія провинцій не оставалось болѣе ничего сдѣлать, какъ узаконить оффиціальною волею націи то, что фактически было уже отмѣнено дѣйствительною волею народа, начавшаго войну противъ феодальныхъ правъ. Виконтъ де Ноайль, либеральный дворянинъ, одинъ изъ первыхъ перешедшій на сторону третьяго сословія, и еще нѣсколько такихъ же дворянъ (герц. д'Эгильонъ, герц. де ла Рошфуко, Александръ де Ламетъ и др.) вошли въ тайное соглашеніе первыми предложить уничтоженіе феодальныхъ правъ, что и было ими исполнено въ засѣданіи 4 августа. Де Ноайль заключилъ свою рѣчь, отрывокъ изъ коей приведенъ выше, предложеніемъ возвести въ законъ—равенство въ налогахъ, уничтоженіе тяжелыхъ для народа привилегій, выкупъ феодальныхъ повинностей, отмѣну безъ выкупа крѣпостничества, барщинъ и т. п. Его поддержалъ герц. д'Эгильонъ. Цѣлый рядъ предложеній слѣдовалъ за ихъ рѣчами,—предложеній, въ коихъ отдѣльные депутаты отказывались отъ разныхъ сословныхъ, корпоративныхъ и провинціальныхъ привилегій: появленіе на трибунѣ новыхъ и новыхъ ораторовъ встрѣчалось рукоплесканіями, коими награждались и всѣ предложенія, дѣлавшіяся съ трибуны;многіе плакали отъ умиленія и восторга, и секретари среди шума и аплодисментовъ едва успѣвали записывать то, что предлагалось и говорилось. Засѣданіе затянулось далеко за полночь (откуда его названіе „ночного"), и въ нѣсколько часовъ національное собраніе отмѣнило серважъ, сеньерьяльную юстицію, исключительныя права охоты, голубятенъ и гареннъ, всѣ финансовыя привилегія и податныя льготы и объявило выкупаемость феодальныхъ правъ и десятины, равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ и въ налогахъ, равный для всѣхъ доступъ къ гражданскимъ и военнымъ должностямъ и т. п.

[1]) См. выше, стр. 468.

Потребовалось еще нѣсколько дней, чтобы общіе принципы, принятые въ ночномъ засѣданіи 4 августа, формулировать въ декретахъ (декреты 4—11 августа), а затѣмъ нужно было назначить особый феодальный комитетъ (12 авг.) для разработки подробностей и частностей всего законодательства о феодальныхъ правахъ. Этому комитету предстояла очень трудная задача, потребовавшая у него болѣе полугода работы, прежде нежели могли появиться декреты, одинъ классифицировавшій феодальныя права (15 марта 1790 г.), другой устанавливавшій способъ и таксу выкупа (3 мая 1790 г.), хотя этимъ еще не кончилась работа феодальнаго комитета конституанты, ибо послѣдній подготовленный имъ декретъ былъ помѣченъ 29 сент. 1791 г. [1]). Если 23 іюня палъ политическій абсолютизмъ, то *4 августа совершилось паденіе соціальнаго феодализма*, болѣе древняго, чѣмъ сама старая монархія, выросшая уже на развалинахъ феодальной системы, соціальная сторона коего, коренясь еще въ быту римской провинціи Галліи [2]), дожила такимъ образомъ до конца XVIII в. Поскольку французская революція оказала непосредственное вліяніе на другія западно-европейскія страны, 4 августа получило важное значеніе въ исторіи вообще крестьянской реформы, ибо до этого времени еще ни разу не наносилось такого рѣшительнаго и смертельнаго удара соціальному феодализму, какъ въ это засѣданіе.

Уже „просвѣщенный абсолютизмъ“ началъ подкапываться подъ соціальный феодализмъ, встрѣчая несочувствіе и противодѣйствіе привилегированныхъ [3]): во Франціи декреты 4 августа не нашли одобренія со стороны самого короля, писавшаго арх. арльскому, что онъ не раздѣляетъ восторга, овладѣвшаго всѣми классами общества, и никогда не согласится, давъ санкцію декретамъ, обобрать свое духовенство, свое дворянство. Національное собраніе ожидало иного, когда постановляло по поводу состоявшихся рѣшеній объявить Людовика XVI „возстановителемъ свободы Франціи“. Правда, впослѣдствіи король вынужденъ былъ согласиться на декреты, но эта временная его оппозиція показывала, какъ сильно онъ подчинялся вліянію придворной партіи.

При дворѣ послѣ неудачъ 23 іюня и 14 іюля все еще мечтали о новомъ coup d'état, расчитывая на генерала Буйлье, стоявшаго въ Мецѣ съ 30-тысячной арміей; предполагали снова стянуть войска къ Версалю и Парижу и, съ помощью этого генерала возстановить прежній порядокъ вещей. Въ Версаль 1 октября пришелъ „фландрскій полкъ“, которому королевская гвардія устроила пиръ, превратившійся

---

[1]) О возстаніи деревень, засѣданіи 4 авг., декретахъ касательно феодализма и о дѣятельности феодальнаго комитета см. въ моей книгѣ „Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ посл. четв. XVIII в.“.

[2]) Т. I, гл. IV.

[3]) См. выше, гл. XXVIII.

въ манифестацію противъ національнаго собранія: офицеры срывали съ себя трехцвѣтныя кокарды и топтали ихъ ногами, и придворныя дамы замѣняли эти кокарды бѣлыми. Людовикъ XVI съ женою и маленькимъ сыномъ присутствовали на этомъ банкетѣ, а на другой день Марія-Антуанета прямо говорила, что вчерашній день привелъ ее въ восхищеніе. А Парижъ въ это время голодалъ; въ немъ по прежнему было неспокойно, такъ какъ народныя скопища происходили то тамъ, то здѣсь. Уже раньше рождалась въ народѣ мысль идти на Версаль, а теперь, когда въ Парижъ пришло извѣстіе о версальской „оргіи", волненіе достигло крайнихъ размѣровъ. Народонаселеніе столицы, пріученное старымъ порядкомъ къ тому, чтобы смотрѣть на правительство, какъ на нѣчто всемогущее, думало, что переселеніе короля и національнаго собранія въ Парижъ сразу повлечетъ за собою обильное снабженіе города хлѣбомъ и удешевленіе жизненныхъ припасовъ, а политики (и въ числѣ ихъ Лафайетъ) полагали, что вырвать короля изъ рукъ реакціонной партіи будетъ лучше всего, если переселить его въ Парижъ. 5 октября стотысячная толпа, въ коей было множество женщинъ, двинулась изъ Парижа на Версаль за „хлѣбопекомъ" (boulanger), какъ въ шутку называли короля, а Лафайетъ съ національной гвардіей, чтобы не дать народному походу выродиться въ бунтъ, поспѣшилъ также въ королевскую резиденцію, дабы въ случаѣ нужды защитить королевскую семью отъ опасности. Толпа вступила въ Версаль при пѣніи роялистическаго „Vive Henri IV" и послала къ Людовику XVI депутацію изъ женщинъ, которой онъ и обѣщалъ принять мѣры для снабженія столицы хлѣбомъ. Подъ утро нѣсколько человѣкъ изъ пришедшей толпы проникло во дворецъ, убивъ часовыхъ, и только Лафайетъ, явившійся на шумъ, спасъ короля и его семью отъ смерти. Но теперь Людовикъ XVI, а за нимъ и національное собраніе должны были переселиться въ Парижъ, населеніе котораго 6 октября привѣтствовало въѣздъ короля и его семьи (le boulanger, la boulangère et le petit mitron) радостными криками. Многіе раздѣляли восторгъ народа, напримѣръ, Камиллъ Демуленъ, въ своей газетѣ „Révolutions de France et de Brabant", радовавшійся возвращенію Парижу его значенія, какъ столицы королевства, и побѣдѣ революціи надъ реакціей. Другіе иначе оцѣнивали значеніе событій 5—6 октября, и между прочимъ Мирабо, хотя его и обвиняли, какъ и герцога Орлеанскаго [1]), въ возбужденіи этого новаго возстанія. Болѣе, чѣмъ когда-либо раньше, стремился теперь Мирабо сдѣлаться руководителемъ погибавшей

---

[1]) Герцогъ Орлеанскій на другой же день уѣхалъ въ Англію съ дипломатическимъ порученіемъ, котораго вовсе не просилъ. Мирабо пришлось оправдываться.

монархіи и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣрителемъ побѣдоносной революціи. „О чемъ думаютъ эти господа?—спрашивалъ онъ около этого времени своего друга гр. ла-Марка.—Развѣ они не видятъ пропасти, разверзающейся подъ ихъ ногами?.. Все потеряно! Король и королева погибнутъ, и—вы увидите это—чернь будетъ глумиться надъ ихъ трупами. Вы не вполнѣ понимаете опасность ихъ положенія, а между тѣмъ имъ нужно раскрыть глаза на настоящее положеніе дѣлъ". *6 октября дѣйствительно было роковымъ днемъ для монархіи, но оно же было и роковымъ днемъ для самой революціи:* 23 іюня власть перешла изъ рукъ короля въ руки національнаго собранія, и если 14-е іюля спасло собраніе отъ контръ-революціи, то послѣ 6 октября парижское населеніе овладѣло самимъ собраніемъ, которое уже не могло считать себя свободнымъ среди жителей столицы, терпѣвшихъ отъ нужды, безработицы, дороговизны хлѣба, вѣрившихъ всѣмъ слухамъ, какіе только возникали, всегда возбужденныхъ, охотно слушавшихъ страстныя рѣчи народныхъ ораторовъ, читавшихъ, наконецъ, зажигательныя статьи и брошюры,—и все это въ то время, когда за границей интриговали принцы, когда дворъ оказывалъ противодѣйствіе, когда духовенство и дворянство все болѣе и болѣе враждебно относились къ перемѣнамъ, которыя стали одна за другою совершаться въ государственной жизни Франціи.

Къ осени 1789 г. прежній порядокъ во Франціи рухнулъ окончательно: старое правительство обнаружило свое безсиліе; армія находилась въ разложеніи; народъ не повиновался законнымъ властямъ. Единственная власть, пользовавшаяся авторитетомъ, была власть національнаго собранія, и оно санкціонировало своими декретами крушеніе политическихъ и общественныхъ порядковъ, господствовавшихъ во Франціи до 1789 г. Трудная задача предстояла этому собранію—при явно враждебномъ отношеніи двора и привилегированныхъ и при полной анархіи въ народныхъ массахъ созидать на развалинахъ стараго новое, перестраивать весь государственный и общественный бытъ страны, заступая въ то же время мѣсто утратившаго всякую власть правительства, причемъ не нужно забывать и еще одного обстоятельства: члены учредительнаго собранія были люди безъ практическаго опыта въ дѣлахъ подобнаго рода, да и теоретическая разработка тѣхъ частныхъ вопросовъ политики, права и народнаго хозяйства, коими имъ пришлось заниматься, была въ XVIII крайне несовершенна. Немудрено поэтому, что учредительное собраніе не могло рѣшить всѣ подлежавшіе его разсмотрѣнію вопросы вполнѣ удовлетворительно, что не мѣшало его работѣ въ общемъ быть весьма благодѣтельною для Франціи.

XXXV. Монархія и нація въ 1789—1791 гг.

Основной взглядъ Мирабо на революцію. — Его роль въ первые ея мѣсяцы. — Сношенія Мирабо съ дворомъ. — Партіи въ національномъ собраніи. — Клубы вообще и въ частности якобинскій клубъ. — Революціонная пресса.—Праздникъ федераціи. — Разработка конституціоннаго вопроса и роль Мирабо въ этомъ дѣлѣ. — Мирабо, Лафайетъ и якобинцы. — Смерть Мирабо. — Людовикъ XVI и учредительное собраніе. — Дворъ и эмиграція.—Бѣгство короля.—Дѣло на Марсовомъ полѣ.—Принятіе королемъ конституціи.— Конецъ учредительнаго собранія.—Внѣшнія отношенія Франціи въ 1789—1791 годахъ.

Въ учредительномъ собраніи 1789 г. соединился цвѣтъ тогдашней французской интеллигенціи. Собраніе провозгласило извѣстные принципы, но ихъ нужно было еще примѣнить къ дѣлу. Королевская власть, которая оказалась неспособною реформировать Францію по собственному почину и тѣмъ предупредить революцію, теперь должна была занять совсѣмъ новое положеніе въ государствѣ, если не хотѣла окончательно погибнуть въ переворотѣ, такъ глубоко совершавшемся въ старомъ государственномъ и общественномъ строѣ Франціи. Въ то время республиканская идея еще не имѣла за себя въ странѣ партіи, а монархія могла существовать лишь демократическая, такая, о какой мечтали уже ранѣе нѣкоторые передовые люди, начиная съ д'Аржансона [1]). Людовикъ XVI, какъ по своимъ взглядамъ и привычкамъ, по своей безхарактерности и нерѣшительности, по своимъ связямъ съ духовенствомъ и дворянствомъ, такъ и вслѣдствіе постояннаго вліянія на него придворной партіи, былъ мало способенъ выступить на новую политическую дорогу, которую открывали передъ нимъ событія первыхъ пяти мѣсяцевъ революціи (съ 5 мая по 5—6 октября 1789 г.) и на которую рѣшительно совѣтовалъ ему вступить Мирабо. Изъ всѣхъ людей 1789 г. *Мирабо оказался единственнымъ человѣкомъ, правильно понимавшимъ политическое положеніе*, предчувствовавшимъ и даже предвидѣвшимъ, куда приведутъ тѣ или другія событія, наконецъ, имѣвшимъ настоящую правительственную программу. Мы знаемъ уже, какъ онъ смотрѣлъ на то, что совершалось во Франціи, еще передъ началомъ генеральныхъ штатовъ [2]), мы знаемъ, что у него былъ планъ, котораго не было у правительства, и знаемъ, что онъ стремился сдѣлаться совѣтникомъ правительства въ проведеніи реформъ. Горячій поклонникъ гражданской свободы, которую должна была обезпечить свобода политическая, онъ

---

¹) См. выше, стр. 234—235.

²) См. выше, стр. 458, 461—462.

стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что ради свободы нужно сохранить монархію, давъ ей новый характеръ. Онъ разошелся съ своимъ сословіемъ и сблизился съ народомъ, въ національномъ собраніи онъ съ самаго начала сдѣлался однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ и популярныхъ защитниковъ новыхъ политическихъ принциповъ [1]), и вотъ когда палъ старый государственный и общественный строй, онъ понялъ свою задачу въ смыслѣ упроченія пріобрѣтеній революціи, а для этого нужно было, по его мнѣнію, создать крѣпкое правительство, которое заимствовало бы свою силу прежде всего изъ рѣшительнаго и твердаго перехода на сторону новаго порядка вещей, изъ торжественнаго признанія совершившихся перемѣнъ, изъ безповоротнаго разрыва съ прошлымъ, переставшимъ существовать. Въ 1789 г. Мирабо не видѣлъ возможности создать такое правительство, не положивъ въ его основу традиціонную королевскую власть, которая должна была, однако, сбросить съ себя все то, что̀ противорѣчило идеямъ и стремленіямъ націи, добившейся наконецъ равенства и свободы. По мысли Мирабо, въ случаяхъ надобности король долженъ былъ бы даже отвоевать у національнаго собранія его популярность, но главное — король долженъ былъ бы образовать министерство изъ наиболѣе популярныхъ членовъ національнаго собранія, изъ людей, сдѣлавшихъ революцію и ей обязанныхъ своимъ возвышеніемъ. Быть министромъ демократической монархіи, консолидировать пріобрѣтенія революціи, не дать послѣдней выйти изъ предѣловъ въ данную минуту единственно возможнаго и нужнаго для Франціи — такова была идея Мирабо, особенно послѣ событій 5—6 октября, когда опасность „аристократическихъ заговоровъ“, о коихъ онъ писалъ еще въ концѣ 1788 г. Монморену, миновала, и его стали пугать уже „эксцессы демократіи“, о которыхъ онъ тогда же равнымъ образомъ писалъ тому же Монморену [2]).

Уже въ первые мѣсяцы революціи Мирабо страшно выдѣлялся среди другихъ членовъ учредительнаго собранія. Его энергія и смѣлость, его замѣчательное краснорѣчіе въ собраніи, выставившемъ не мало крупныхъ ораторовъ [3]), дѣлали его популярнымъ и въ самомъ собраніи, и въ странѣ, да и самъ онъ старался вліять на общество не однѣми рѣчами съ трибуны, но и своими статьями въ періодическомъ изданіи, къ которому онъ приступилъ послѣ открытія генеральныхъ штатовъ, въ „États généraux“, переименованныхъ имъ впослѣдствіи въ „Письма своимъ довѣрителямъ“ (Lettres à mes commettants). Въ то же время онъ

---

¹) См. выше, стр. 466, 481, 482—483, 488.

²) См. выше, стр. 462—463.

³) Aulard. L'éloquence parlementaire pendant la révolution française. Les orateurs de l'assemblée constituante.

искалъ сближенія съ Неккеромъ, думая его расположить въ пользу своего плана, но министръ отнесся къ нему съ недовѣріемъ и оттолкнулъ его отъ себя, но Мирабо въ то же время долженъ былъ понять, какъ сильно вредила ему его дурная репутація. Поведеніе Мирабо 23 іюня дворъ никакъ не могъ ему простить, и это тоже мѣшало осуществленію его плана, въ которомъ личное честолюбіе и глубокая политическая мысль такъ гармонически сливались между собою. Въ собраніи, далѣе, онъ многихъ раздражалъ своими безцеремонными манерами и повелительнымъ нравомъ, но онъ все-таки умѣлъ имъ управлять, хотя, по видимому, часто желалъ совсѣмъ различныхъ вещей, то составляя адресъ королю съ просьбою объ отозваніи иностранныхъ полковъ, то предлагая воззваніе къ народу съ призывомъ къ повиновенію законамъ, или то защищая право общинъ посылать депутаціи въ національное собраніе, то противясь предложенію, чтобы присягу войскъ принимали муниципальныя власти, а не „власть исполнительная", защищая, однако, при каждомъ удобномъ случаѣ свою вѣрность основнымъ принципамъ. Мирабо упрекали въ честолюбіи, но онъ не былъ рабомъ этого честолюбія: ради того, чтобы во всемъ и всегда оставаться популярнымъ, онъ не отступалъ передъ проповѣдью того, что считалъ истиннымъ и полезнымъ для страны. Мирабо принималъ самое горячее, самое дѣятельное участіе во всѣхъ преніяхъ по наиболѣе важнымъ вопросамъ, занимавшимъ національное собраніе, и всегда съ мѣткой критикой дѣлавшихся предложеній, съ мудрыми совѣтами по самымъ разнообразнымъ предметамъ, съ ясными принципами для будущей конституціи, къ выработкѣ которой приступило учредительное собраніе. Его, однако, не всегда понимали и не вездѣ ему довѣряли: его демократическіе принципы были ненавистны двору, который продолжалъ отождествлять интересы королевской власти съ интересами привелегированныхъ, его монархизмъ казался, наоборотъ, подозрительнымъ въ собраніи, гдѣ все болѣе и болѣе считали нужнымъ быть на сторожѣ противъ королевской власти; его прошлое, его дурная репутація, его малая разборчивость въ практическихъ средствахъ, создавали при дворѣ такое о немъ представленіе, что слушаться его не слѣдуетъ, но что можно посредствомъ подкупа сдѣлать его безвреднымъ, да и въ собраніи заподозривали его искренность и считали его способнымъ сдѣлаться измѣнникомъ, продать за деньги и за почести интересы свободы и пра́ва націи. Весь правительственный планъ Мирабо покоился на образованіи парламентарнаго министерства по англійскому образцу [1]) и на томъ, чтобы самому сдѣлаться первымъ министромъ, но этотъ планъ требовалъ двухъ условій: нужно было, во-первыхъ, чтобы

[1]) См. выше, стр. 63—64, 65 и слѣд., 184.

къ нему отнеслись съ сочувствіемъ обѣ стороны, т.-е. и король, и національное собраніе, но ни одна сторона не могла проникнуться идеей Мирабо. поскольку Людовикъ XVI, лишь скрѣпя сердце, терпѣлъ національное собраніе, а это послѣднее, въ свою очередь, готото было считать мало заслуживающимъ довѣрія всякаго, кто сдѣлался бы совѣтникомъ короля; во-вторыхъ, самъ Мирабо не казался ни двору, ни конституантѣ такимъ человѣкомъ, на котораго можно было бы положиться, хотя талантамъ его удивлялись, боялись его энергіи. Вѣчно нуждаясь въ деньгахъ, Мирабо бралъ ихъ отовсюду, гдѣ только ихъ давали, и, напр., новѣйшій его историкъ [1]) для того, чтобы доказать несостоятельность мнѣнія, дѣлавшаго изъ него одного изъ агентовъ политики герц. Орлеанскаго, пользуется между прочимъ такимъ доводомъ: Мирабо никогда не просилъ денегъ у этого принца.

Не прошло десяти дней послѣ переселенія короля въ Парижъ, какъ Мирабо черезъ своего друга гр. де ла Марка вошелъ въ сношенія съ дворомъ, написавъ мемуаръ, который прежде всего былъ переданъ брату короля, гр. Прованскому (15 окт.). Ла Маркъ былъ пріятелемъ Мирабо, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ человѣкомъ, преданнымъ королевской семьѣ и особенно Маріи Антуанетѣ: ему-то и пришлось играть роль посредника при дальнѣйшихъ переговорахъ, хотя королева, на которую Мирабо страстно нападалъ въ одной изъ своихъ рѣчей (5 окт.), долго колебалась входить въ сношенія съ такимъ человѣкомъ. Дворъ сталъ платить Мирабо деньги, Мирабо сталъ давать ему свои совѣты, принимая плату за свои труды, хотя его совѣтамъ не слѣдовали. Въ его сообщеніяхъ двору было не мало противорѣчиваго въ зависимости отъ мѣнявшихся обстоятельствъ, но основная мысль ихъ была одна и та же: цѣль оставалась прежняя, но средства для ея осуществленія могли представляться разныя, смотря по условіямъ того или другого момента времени. Создавались разныя комбинаціи, но дальше переговоровъ дѣло не шло: ужъ очень договаривающіяся стороны смотрѣли на дѣло разными глазами, тѣмъ болѣе, что при дворѣ, напр., были недовольны, когда узнавали, что Мирабо попрежнему говорилъ рѣчи въ духѣ демократическихъ интересовъ. Его сношенія съ дворомъ стали извѣстными, его начали обвинять въ государственной измѣнѣ, и ему нужно было показывать, что на дѣлѣ онъ не перемѣнился, т. е. что онъ по старому остается другомъ народа и защитникомъ его свободы. Въ концѣ концовъ онъ самъ запутался въ тѣхъ противорѣчіяхъ, которыя неминуемо должны были возникнуть въ его дѣятельности, разъ ея цѣлью было соединить на немъ, Мирабо, довѣріе двора и довѣріе націи, двухъ силъ, подозрительно относившихся одна къ другой. Мирабо совѣтовалъ королю уѣхать, напр., въ Нормандію, объявивъ, что не

---

[1]) Charles de Loménie.

считаетъ себя свободнымъ въ Парижѣ, и пригласить національное собраніе, не менѣе его несвободное, послѣдовать его примѣру, а въ случаѣ несогласія собранія предлагалъ аппеллировать къ народу и созвать чрезвычайный „національный конвентъ", хотя бы это было поводомъ къ гражданской войнѣ, которой нечего бояться, разъ партія короля будетъ партіей національной, народной: слѣдуетъ лишь опасаться внѣшней войны, а кромѣ того, Боже упаси уѣзжать куда-либо на границу, напр., въ Мецъ, такъ это могло бы возбудить въ народѣ подозрѣнія; еще же менѣе позволительно просить иностранной помощи чтобы съ оружіемъ въ рукахъ вторгнуться въ родную землю. Къ сожалѣнію, Мирабо указывалъ еще на средства, далеко не соотвѣтствовавшія его цѣли основать королевскую демократію, возродить династію посредствомъ революціи и положить въ основу возстановленной власти гражданскую свободу и равенство, обезпеченныя политической конституціей: этими средствами были иногда просто-на-просто интрига и подкупъ, или, какъ выражался самъ Мирабо, „комбинаціи государственнаго человѣка и средства интриги, мужество великихъ гражданъ и дерзость злодѣевъ", своего рода „политическая аптека", въ которой были бы и цѣлебныя лѣкарства и убійственные яды, т.-е. предлагались, какъ вѣрно замѣчаетъ Сорель, способы, коими черезъ десять лѣтъ пользовались консульство Бонапарта и министерство Фуше [1]). Такъ-таки Мирабо не удалось добиться содѣйствія двора своимъ планамъ и, наоборотъ, дворъ, платя ему деньги за совѣты, коимъ не слѣдовалъ, также не добился того, чтобы купить Мирабо, не продававшаго, конечно, своихъ убѣжденій.

Столь же мало успѣха имѣлъ политическій планъ Мирабо и въ національномъ собраніи. Когда онъ своимъ бурнымъ и пламеннымъ краснорѣчіемъ дѣйствовалъ на страсти, собраніе шло за нимъ, но едва онъ обращался къ голосу разсудка, ему не удавалось быть достаточно убѣдительнымъ: его идеи оставались непонятными, его совѣтамъ не довѣряли. Въ самомъ собраніи уже въ эпоху переселенія въ Парижъ *стали формироваться партіи*, среди которыхъ Мирабо трудно было проводить свою политику. Партій въ собраніи было нѣсколько: одни (высшее духовенство и дворянство) все еще мечтали о сохраненіи стараго порядка; другіе (Неккеръ, Мунье, Лалли-Толлендаль, Клермонъ-Тоннеръ), думали о необходимости предоставить королю исполнительную власть и, сохранивъ за духовенствомъ и дворянствомъ первенствующее положеніе, раздѣлить національное собраніе на верхнюю и нижнюю палаты; третьи представляли себѣ будущую конституцію не

---

[1]) Извѣстный революціонеръ, а потомъ одно изъ орудій (въ качествѣ министра полиціи) наполеоновскаго деспотизма.

иначе, какъ съ одной палатой, и такого мнѣнія, кромѣ Мирабо, держались Сіэсъ, Байльи, Лафайетъ; далѣе были дѣятели, которые желали придать болѣе значенія дѣйствію на собраніе парижскаго населенія и клубовъ (Дюпоръ, Барнавъ, братья Ламеты), и уже намѣчались будущіе дѣятели республики (Робеспьеръ, Грегуаръ, Петіонъ и др.). Но, кромѣ національнаго собранія, весьма скоро *сдѣлались значительною политическою силою клубы*, засѣданія коихъ стали впослѣдствіи публичными, привлекая массу народа, и которые мало-по-малу открыли филіальныя отдѣленія въ провинціяхъ, благодаря чему послѣ крушенія стараго центральнаго правительства, не замѣнившагося новой организацией, одинъ изъ этихъ клубовъ сталъ господствовать не только надъ парижскимъ пролетаріатомъ, но и надъ провинціями, привыкшими при старомъ порядкѣ повиноваться всему, что ни исходило изъ столицы. Этотъ клубъ получилъ названіе якобинскаго, и въ немъ организовалась партія, точно также извѣстная подъ именемъ якобинцевъ и выработалось цѣлое политическое направленіе—якобинизмъ [1]).

Первоначальная исторія якобинскаго клуба мало извѣстна. Еще въ самое первое время революціи, до королевскаго засѣданія 23 іюня 1789 г. уже существовалъ въ Версалѣ бретонскій клубъ (club breton), въ коемъ заранѣе обсуждались дѣла, стоявшія на очереди въ національномъ собраніи. Въ засѣданіяхъ клуба участвовали одни депутаты, сначала только бретонцы, сходившіеся въ одинъ кафе для того, чтобы поговорить объ общихъ дѣлахъ, но мало-по-малу притянувшіе къ себѣ единомышленниковъ изъ депутатовъ другихъ провинцій, каковы герц. д'Эгильонъ, Мирабо, Сіэсъ, Барнавъ, Петіонъ, Вольней, аб. Грегуаръ, Робеспьеръ, братья де-Ламеты и др. Роялисты смотрѣли на нихъ, какъ на заговорщиковъ. Въ клубѣ или комитетѣ, какъ его иначе называли, принимались важныя рѣшенія, которыя проводились потомъ въ собраніи. Кажется, постановленіе 17 іюня 1789 г. прошло первоначально въ этомъ частномъ собраніи, а затѣмъ было еще большое засѣданіе въ началѣ двадцатыхъ чиселъ іюня, на коемъ присутствовало полтораста членовъ національнаго собранія подъ предсѣдательствомъ герц. д'Эгильона. Послѣ 5—6 октября бретонскій клубъ про-

---

[1]) О якобинцахъ обширная литература. Главные труды: Zinkeisen. Der Jakobiner-Klub. Ein Beitrag zur Geschichte der Parteien und der politischen Sitten im Revolutionszeitalter.—II т. „Революціи“ Тэна, носящій названіе: „La conquête jacobine“.—F. A. Aulard. La société des Jacobins (обширный сборникъ документовъ съ введеніемъ и примѣчаніями Олара, который далъ и подробную библіографію). „L'histoire des Jacobins, говоритъ Aulard, est un sujet qui, faute de textes authentiques et suivis, a été abandonné à la légende, légende de haine ou d'amour, légende d'erreur ou de mensonge.—Другіе извѣстные клубы были въ Парижѣ кордельерскій, фельянскій и т. д.

должалъ свои засѣданія и въ Парижѣ, гдѣ возникали и другія подобныя сходки депутатовъ. Версальскій комитетъ патріотовъ реорганизовался осенью 1789 г. въ общество, сначала называвшееся „Обществомъ революціи", потомъ „Обществомъ друзей конституціи, засѣдающимъ у якобинцевъ въ Парижѣ", послѣ того, какъ клубъ нанялъ себѣ помѣщеніе въ старомъ якобинскомъ монастырѣ, откуда враги революціи и дали ему кличку—якобинцы. Сначала члены общества отказывались отъ этой клички, но позднѣе (съ установленіемъ республики) стали сами себя называть „Обществомъ якобинцевъ, друзей свободы и равенства". Составъ клуба расширился весьма быстро пріемомъ въ него писателей, чѣмъ-либо оказавшихъ услугу дѣлу свободы, и всякихъ другихъ лицъ по рекомендаціи шести членовъ, причемъ уже въ декабрѣ 1789 г. пріѣзжіе провинціалы представлялись въ засѣданіяхъ клуба и просили объ учрежденіи подобныхъ собраній въ главныхъ городахъ Франціи. 8 февраля 1790 г. общество приняло для своей дѣятельности особый регламентъ, составленный Барнавомъ. Цѣлями клуба обозначались: 1) предварительное обсужденіе вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ національномъ собраніи; 2) работа надъ установленіемъ и утвержденіемъ конституціи въ смыслѣ демократическихъ идей и 3) сношенія съ другими обществами того же рода, которыя могутъ образоваться въ провинціяхъ. Засѣданія тогда не были еще публичными: постороннихъ посѣтителей стали допускать въ собраніе общества лишь въ серединѣ октября 1791 г. Бюро клуба состояло изъ предсѣдателя, выбиравшагося на два мѣсяца, четырехъ секретарей и казначея, но кромѣ того въ клубѣ образовалось три комитета, изъ коихъ одинъ велъ всю корреспонденцію. Что касается до филіальныхъ отдѣленій общества, то къ серединѣ августа 1790 г. ихъ было уже болѣе полутораста, но число ихъ увеличилось весною 1791 г. подъ вліяніемъ слуховъ о новыхъ замыслахъ противъ революціи; по мартовскому списку 1791 г. всѣхъ провинціальныхъ клубовъ числилось 227, по майскому прибавилось къ нимъ еще 118 обществъ, по іюньскому всего было 406 обществъ, не считая нѣсколькихъ клубовъ, находившихся съ центральнымъ обществомъ лишь въ простыхъ сношеніяхъ. Число это возрастало, и въ эпоху республики оно превышало тысячу. Учредительное собраніе сначала благосклонно относилось къ учрежденію подобныхъ народныхъ обществъ (sociétés populaires), такъ какъ они поддерживали дѣло революціи; но потомъ, когда клубы стали все болѣе и болѣе вмѣшиваться въ дѣла, подлежавшія вѣдѣнію національнаго собранія и муниципальныхъ учрежденій, законодательство начало принимать разныя ограничительныя мѣры. Въ февралѣ 1791 г. въ національномъ собраніи стали даже раздаваться голоса о томъ, что нужно было бы уничтожить „народныя общества", ибо пока они суще-

ствуютъ, на спокойствіе въ государствѣ надѣяться будетъ трудно. До уничтоженія клубовъ дѣло, однако, не дошло, но у нихъ отняли, напримѣръ, право петицій національному собранію, право расклейки на стѣнахъ улицъ своихъ объявленій и т. п. Расходясь въ концѣ сентября 1791 г., учредительное собраніе даже издало декретъ, запрещавшій вообще всякимъ обществамъ, клубамъ и ассоціаціямъ превышать права чисто частныхъ соединеній гражданъ. Законодательное собраніе (1791—1792) относилось къ клубамъ благосклоннѣе, а при конвентѣ, особенно во II году республики (1793—1794) „народныя общества" сдѣлались настоящими государственными учрежденіями и стали играть оффиціальную роль, къ чему ихъ приглашали сами конвентскіе коммиссары въ провинціяхъ. Въ концѣ 1790 г. якобинскій клубъ завелъ и свой періодическій (еженедѣльный) органъ подъ названіемъ „Journal des Clubs ou sociétés patriotiques, dédié aux amis de la constitution, membres des différents Clubs français", постановившій своей задачею слѣдить за засѣданіями и другихъ клубовъ и въ сентябрѣ 1791 г. слившійся съ ежедневнымъ „Journal général d'Europe". Около того же времени возникъ „Journal des amis de la constitution", бывшій могущественнымъ орудіемъ пропаганды, но не помѣщавшій еще отчетовъ о засѣданіяхъ, а 1 іюня 1791 г. сталъ появляться „Journal des débats (а съ 1 января 1792 г.: et de la correspondance) de la société des amis de la constitution séante aux Jacobins à Paris". Таково было происхожденіе самаго знаменитаго изъ революціонныхъ клубовъ, съ которымъ ни одинъ другой не могъ сравняться по своей организаціи, мало-по-малу покрывшей всю Францію сотнями „sociétés populaires",—по энергіи своихъ членовъ, сдѣлавшихся впослѣдствіи агентами революціоннаго правительства въ странѣ,—по своему вліянію, которое поддерживалось обширной корреспонденціей и публицистическими изданіями. Въ нѣдрахъ этой организаціи сформировалась партія, которая, опираясь на народъ, захватила впослѣдствіи въ свои руки власть надъ страною.

Кромѣ клубовъ большое развитіе въ первые же годы революціи получила и политическая пресса [1]): брошюру въ это время смѣнила газета, а газетъ стала возникать громадная масса, причемъ нѣкоторыя имѣли большой успѣхъ, какъ, напр., „Les Révolutions de Paris" Лустало (200 тысячъ экземпляровъ), „L'Orateur du peuple" Фрерона, „Les Révolutions de France et de Brabant" Камилла Демулена,

[1]) Hatin. Hist. de la presse en France.—Chalamel. Hist. de la liberté de presse en France depuis 1789. — Gallois. Histoire des journaux de la Révolution. — Champfleury. Histoire de la carricature en France pendant la Révolution.

„Point du jour“ Баррера и др., къ которымъ потомъ прибавились „Ami du peuple“ Марата, „Père Duchêne“ Эбера (Hébert) и иные крайне-революціонныя изданія. Дворъ также имѣлъ свои органы, въ которыхъ подвергались нападенію дѣятели революціи (Journal de la Cour et de la Ville, Journal des Halles, Ami du roi, Actes des apôtres). Мы еще увидимъ, какъ относилось національное собраніе къ свободѣ прессы, но въ обществѣ, воспитанномъ въ строгостяхъ стараго режима, еще не было ни умѣнія пользоваться свободою, ни уваженія къ свободѣ чужого мнѣнія: своими крайностями періодическая пресса весьма много способствовала продолженію той анархіи, которая вызвана была разложеніемъ стараго порядка, народными бѣдствіями, тревожными слухами, попытками контръ-революціи, причемъ самые ярые листки только подливали масла въ огонь, отражая на себѣ всеобщее броженіе, ловя слухи, ходившіе въ обществѣ, бросая тѣнь подозрѣнія въ неблагонадежности на своихъ политическихъ противниковъ, выступая съ прямыми обвиненіями противъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ категорій гражданъ, грубымъ и рѣзкимъ тономъ проповѣдуя насиліе, какъ все это, впрочемъ, дѣлали нерѣдко и газеты, получавшія субсидію отъ двора. Съ другой стороны, иногда совершались попытки съ разныхъ сторонъ заставить замолчать противника, хотя бы путемъ насилія, и очень часто издатели и редакторы противной партіи подвергались оскорбленіямъ, а ихъ газеты предавались торжественному auto-da-fe передъ дверьми кофейни, въ которой собирались тѣ или другіе политическіе единомышленники. Подобно тому, какъ по отношенію къ клубамъ національное собраніе приняло нѣкоторыя ограничительныя мѣры, оно подконецъ задумало положить предѣлъ и злоупотребленіямъ свободой въ прессѣ. Во всякомъ случаѣ, революціонныя „народныя общества“ и революціонная пресса, говорившія прежде всего языкомъ страсти, *отражали на себѣ то бурное и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожное настроеніе, которое переживалось французской націей*, стремившейся къ свободѣ, но не знавшей ея дѣйствительныхъ правъ и предѣловъ, воспитанной въ традиціяхъ деспотизма и потому не умѣвшей уважать чужую свободу, наконецъ, думавшей, что единственнымъ средствомъ утвержденія свободы было употребленіе одной силы противъ всѣхъ несогласно мыслящихъ.

Въ эту бурную эпоху французской исторіи было совершено не мало несправедливостей, насилій, жестокостей; но въ сознаніи людей, которые занимались реорганизаціей внутренняго быта или съ сочувствіемъ слѣдили за тѣмъ, какъ велась эта работа, все, что могло наводить на пессимистическія размышленія, отступало на задній планъ передъ свѣтлыми упованіями на будущее, передъ фактами, свидѣтельствовавшими, что французская нація пробуждается къ новой жизни. Однимъ изъ такихъ моментовъ, когда будущее представлялось въ

самомъ радужномъ видѣ, когда всѣ великодушныя стремленія, героическія усилія, безкорыстная работа патріотовъ получали высшую свою награду, былъ праздникъ федераціи, устроенный въ первую годовщину взятія Бастиліи, т.-е. 14 іюля 1790 г. Уже съ осени 1789 г. чувствовалась народомъ какая-то потребность къ манифестаціямъ, въ которыхъ проявлялись бы новыя стремленія, чувствовалось влеченіе къ „федераціямъ", т.-е. къ громаднымъ сходкамъ съ цѣлью принесенія присяги „націи, закону и королю" и устроенія по этому поводу народныхъ празднествъ. Подобныя торжества свободы устраивались въ разныхъ провинціальныхъ городахъ для цѣлыхъ значительныхъ районовъ, но самая грандіозная манифестація подобнаго рода была устроена въ Парижѣ въ первую годовщину взятія Бастиліи. На Марсовомъ полѣ былъ воздвигнутъ громадный алтарь, при которомъ служило триста священниковъ въ присутствіи полумилліонной толпы и почти десятитысячной національной гвардіи, собравшейся изъ разныхъ мѣстностей, и во время этого торжества приносили присягу новому государственному устройству Лафайетъ отъ имени національной гвардіи, президентъ національнаго собранія и самъ Людовикъ XVI [1]). Подобныхъ театральныхъ сценъ исторія французской революціи представляетъ не мало: въ нихъ было много искренности, много энтузіазма, великодушныхъ порывовъ и того оптимизма, который характеризуетъ французскую литературу XVIII в.

Вотъ среди какихъ вообще обстоятельствъ приходилось учредительному собранію совершать свою преобразовательную работу, результаты которой мы разсмотримъ отдѣльно и въ общей между собою связи. Однимъ изъ главныхъ трудовъ національнаго собранія была выработка новой конституціи, происходившая подъ весьма сложными вліяніями не только господствовавшихъ въ то время теоретическихъ взглядовъ въ области политики, но и отношеній и настроеній, создававшихся поведеніемъ короля и двора, духовенства и дворянства, клубовъ и народной массы. *Громадное большинство въ національномъ собраніи желало конституціонной монархіи*, но въ то же время раздѣляло политическія теоріи Руссо и Мабли, бывшія въ сущности республиканскими [2]), не довѣряло королевской власти, опасаясь возможности злоупотребленія ея правами со стороны Людовика XVI, и подозрительно относилось ко всякому предложенію, клонившемуся къ тому, чтобы поставить монарха въ независимое положеніе и дать ему дѣйствительную возможность управлять Франціей при помощи парламентар-

---

[1]) Lambert. Les fédérations en Franche-Comté et la fête de la révolution du 14 juillet 1790.

[2]) См. выше, стр. 211 и 237. Мабли прямо училъ о принципіальной враждѣ законодательной и исполнительной власти, 238.

наго министерства. Мы еще увидимъ, что выработанная учредительнымъ собраніемъ конституція лишь по формѣ была монархической, по существу же республиканскою, и для того, чтобы объяснить, какъ монархически настроенное собраніе могло основать конституцію на республиканскихъ принципахъ, нужно принять въ расчетъ не однѣ бывшія популярными среди его членовъ идеи Руссо, Мабли и др. о республиканской монархіи, но и тѣ условія, среди коихъ совершалась выработка конституціи 1791 г. Поведеніе Людовика XVI, планы двора, заграничная агитація эмигрантовъ въ связи съ боязнью передъ возможностью возстановленія абсолютизма *заставляли учредительное собраніе всячески урѣзывать королевскія права въ конституціи, которую оно выработывало*; главнымъ же противникомъ такого урѣзыванія былъ Мирабо, на котораго и въ самомъ собраніи, и въ клубахъ, и въ прессѣ, и въ обществѣ смотрѣли, какъ на человѣка, продавшагося двору. Мирабо и въ національномъ собраніи потерпѣлъ такую же неудачу съ своимъ планомъ конституціонной монархіи, какъ и при дворѣ. Работы по составленію конституціи начались еще въ Версалѣ, незадолго до іюльскихъ событій 1789 г., именно 9 іюля, когда національное собраніе объявило себя учредительнымъ [1]), и съ самаго же начала Мирабо принялъ наиболѣе дѣятельное участіе въ трудахъ собранія по этому вопросу.

Переименованіе генеральныхъ штатовъ въ національное собраніе совершилось противъ желанія Мирабо, предлагавшаго дать имъ другое названіе [2]). Онъ боялся довѣрить всю власть безраздѣльно одному всемогущему собранію и требовалъ, чтобы рѣшенія представителей народа нуждались еще въ королевской санкціи. „Я, говорилъ онъ, не знаю ничего ужаснѣе, какъ суверенная аристократія изъ шестисотъ лицъ, которыя могли бы завтра объявить себя несмѣняемыми, послѣ завтра наслѣдственными и кончили бы, какъ всѣ аристократіи всѣхъ странъ, захватомъ всего въ свои руки“ (par tout envahir). Мирабо принималъ также участіе въ обсужденіи деклараціи правъ человѣка и гражданина, которой требовали еще наказы, но онъ былъ противъ „метафизическаго“ и „абстрактнаго“ направленія, какое приняли пренія по этому вопросу, находя, что собраніе слишкомъ долго оставалось въ области идей (la vaste region des abstractions du monde intellectuel), откуда нужно было, по его мнѣнію, поскорѣе вернуться въ реальный міръ, въ область положительнаго законодательства. При разработкѣ конституціи онъ защищалъ самымъ рѣшительнымъ образомъ раздѣлъ законодательной власти между собраніемъ и королемъ, которому

---

[1]) См. выше, стр. 485.
[2]) См. выше, стр. 481.

предоставлялъ абсолютное *veto* [1]). Еще въ серединѣ іюня 1789 г. онъ говорилъ, что безъ королевской санкціи онъ скорѣе согласился бы жить въ Константинополѣ, чѣмъ въ Парижѣ, указывая на возможность захвата національнымъ собраніемъ деспотической власти, и потомъ, когда конституція уже разрабатывалась, онъ поддерживалъ абсолютное *veto,* но не имѣлъ успѣха: собраніе, какъ мы увидимъ, въ концѣ-концовъ приняло *veto* отсрочивающее, въ силу котораго король лишь на время могъ останавливать рѣшенія законодательнаго корпуса. Между тѣмъ не только въ самомъ собраніи, но и въ клубахъ, и въ прессѣ королевское *veto* принималось за нѣчто грозящее деспотизмомъ, и потому самая идея эта была весьма непопулярна. Другой вопросъ, сильно занимавшій Мирабо, былъ вопросъ о министерствѣ. Когда два депутата (Blin и Lanjuinais) сдѣлали предложеніе, чтобы король не могъ назначать министровъ изъ членовъ національнаго представительства, Мирабо, видѣвшій необходимость связующаго звена между послѣднимъ и королевскою властью, т.-е. необходимость того, что уже существовало въ конституціонной Англіи подъ названіемъ кабинета [2]), сталъ съ энергіей и страстью защищать принципъ парламентарнаго министерства. „Я не могу допустить, говорилъ онъ, чтобы довѣріе, оказанное націей гражданину, служило основаніемъ для лишенія его довѣрія со стороны монарха... Я не хочу думать, чтобы хотѣли сдѣлать такую несправедливость по отношенію къ министерству, какъ бы объявляя, что разъ кто-либо входитъ въ его составъ, уже тѣмъ самымъ долженъ быть подозрительнымъ собранію... Неужели лучше будетъ, если король станетъ выбирать министровъ среди своихъ придворныхъ, а не среди избранниковъ народа?“ Когда въ собраніи поднялся шумъ, и стали указывать на то, что Мирабо говоритъ все это pro domo sua, желая самъ сдѣлаться министромъ, оставаясь депутатомъ, тогда Мирабо ради спасенія принципа предложилъ требуемое исключеніе примѣнить лишь къ себѣ, депутату общинъ экскаго сенешельства. Весьма язвительно онъ замѣтилъ еще, что, быть можетъ, депутатъ, внесшій предложеніе, противъ коего онъ говорилъ, по скромности своей испугался возможности получить отъ короля приглашеніе на министерскій постъ и, желая заранѣе сдѣлать это невозможнымъ, задумалъ закрыть доступъ къ министерству всѣмъ своимъ товарищамъ, а если предложеніе имѣетъ въ виду лишь его, Мирабо, то пусть же къ нему одному оно и будетъ примѣнено. Законъ состоялся въ смыслѣ нежелательномъ для Мирабо, и конституція 1791 г. такимъ образомъ не заключала въ себѣ пункта, на которомъ онъ особенно настаивалъ. Къ числу

---

[1]) Ср. взглядъ на значеніе veto у Монтескье (выше, стр. 187).
[2]) См. выше, стр. 497.

конституціонныхъ вопросовъ, вызвавшихъ наиболѣе страстныя пренія, относился еще вопросъ о правѣ войны и мира: и тутъ Мирабо отстаивалъ прерогативу монарха; но уже громко говорили, что онъ только исполняетъ взятыя имъ передъ дворомъ обязательства, какъ человѣкъ, за деньги защищающій чужіе интересы. Это не останавливало Мирабо, и онъ страстно продолжалъ защищать свою политическую идею. „И меня также,—говорилъ онъ,—нѣсколько дней тому назадъ, хотѣли съ тріумфомъ нести на рукахъ, а теперь кричатъ [1]) на улицахъ: „великая измѣна графа Мирабо“. Мнѣ не было надобности въ этомъ урокѣ, чтобы знать, какъ мало разстояніе отъ Капитолія до Тарпейской скалы;.. но эти удары снизу не остановятъ меня на моей дорогѣ“. Въ это время, дѣйствительно, объ измѣнѣ Мирабо всюду уже говорили, и Маратъ въ своей газетѣ „Другъ народа“ требовалъ, чтобы граждане просто-на-просто повѣсили „негодяя Рикетти“ съ другими измѣнниками на восьми-стахъ висѣлицахъ, которыя онъ совѣтовалъ поставить въ Тюйльерійскомъ саду. Въ самомъ собраніи Мирабо угрожала крайняя партія, но онъ объявилъ, что будетъ говорить, какъ человѣкъ, для котораго все равно — рукоплещутъ ли ему, или шикаютъ. Не довѣряя Людовику XVI особенно въ виду того, что внѣшнія отношенія Франціи усложнялись, учредительное собраніе опасалось предоставить королю дѣла войны и мира. Въ то же время возникалъ еще вопросъ о законѣ противъ эмигрантовъ, но Мирабо предлагалъ отвергнуть его безъ преній, какъ противный разуму и личной свободѣ, заявивъ, что если такой законъ состоится, онъ „поклянется никогда ему не повиноваться“.

Мирабо не добился своей цѣли ни при дворѣ, ни въ національномъ собраніи. Въ числѣ комбинацій, роившихся въ его головѣ и бывшихъ не непріятными двору, былъ проектъ союза съ Лафайетомъ для образованія прочнаго большинства въ собраніи. Мирабо обратился къ популярному генералу съ предложеніемъ дѣйствовать сообща (1 іюня 1790), хотя и писалъ королю, что надежда на Лафайета плоха, ибо онъ не въ состояніи былъ бы сопротивляться народнымъ страстямъ, а если его принципы не тѣ, что у національной гвардіи, то послѣдняя за своимъ генераломъ и не пойдетъ; притомъ Мирабо желалъ, чтобы безъ него Лафайетъ ничего не дѣлалъ. Весь планъ разбился о недовѣрчивость Лафайета, подозрѣвавшаго подкупъ, интригу или ловушку въ дѣлѣ, съ коимъ было связано имя Мирабо. Это были два человѣка слишкомъ противоположные, чтобы могли между собою сойтись. Мирабо былъ менѣе всего энтузіастъ и доктринеръ, прежде всего былъ проницательный и трезвый государственный человѣкъ.

---

[1]) Продавцы газетъ и брошюръ.

прекрасно притомъ умѣвшій угадывать людей и не обольщавшійся популярностью, которою были, напр., окружены тогда имена Неккера и Лафайета, а потому относившійся къ нимъ критически, да, наконецъ, и самъ не искавшій популярности во что бы то ни стало. Другое дѣло Лафайетъ: лично честный и искренній, онъ былъ большимъ энтузіастомъ и человѣкомъ принциповъ, но недальновиднымъ и непредусмотрительнымъ политическимъ дѣятелемъ, мало способнымъ къ критическому анализу людей, событій и обстоятельствъ, вдобавокъ человѣкомъ, слишкомъ дорожившимъ своею популярностью, а потому и неособенно склоннымъ—въ то время, по крайней мѣрѣ—идти противъ того, что считалъ за выраженіе общественнаго мнѣнія: потому-то Мирабо и видѣлъ въ немъ одного изъ наиболѣе опасныхъ для монархіи людей среди дѣятелей того времени, что и высказалъ въ своихъ тайныхъ мемуарахъ двору, потому-то и соглашался лишь на то, чтобы въ предполагавшемся министерствѣ Лафайету принадлежалъ одинъ почетъ первенства, но не дѣйствительная руководящая роль. Подконецъ Мирабо прямо рекомендовалъ двору назначить якобинское министерство: „якобинцы, какъ министры, не будутъ якобинскими министрами... Поставленный у дѣлъ, самый завзятый демагогъ, видя вблизи бѣдствія королевства, пойметъ недостаточность королевской власти... Назначайте всѣхъ, ибо если они удержатся, тѣмъ лучше, они вынуждены будутъ вступить въ соглашеніе, а если не удержатся, они потеряны, они (т.-е. вожди) и ихъ партія“.

Настроеніе общества по отношенію къ Мирабо было весьма измѣнчиво. Стоило ему дать волю своему негодованію на дворъ, не слушавшій его совѣтовъ, стоило ему произнести (ноябрь 1790 г.) двѣ страстныя рѣчи, которыя своимъ рѣзкимъ тономъ понравились народу, и къ нему снова вернулась прежняя популярность: ему стали дѣлать при встрѣчѣ съ нимъ оваціи, онъ былъ выбранъ предсѣдателемъ якобинскаго клуба, въ чемъ готовъ былъ даже видѣть какъ бы только первую ступень къ предсѣдательству въ самомъ національномъ собраніи. Въ клубѣ Мирабо пользовался большимъ вѣсомъ, хотя здѣсь (28 февраля 1791 г.) за нѣсколько недѣль до его смерти и сдѣлано было на него нападеніе за то, что онъ возражалъ въ національномъ собраніи на проектъ закона противъ эмигрантовъ. При дворѣ (и между прочимъ ла Маркъ, другъ Мирабо) ставили ему въ вину его сношенія съ якобинцами, его у нихъ популярность, хотя попрежнему читали его проекты, не особенно имъ, впрочемъ, довѣряя, и даже одинъ разъ его удостоила свиданіемъ сама Марія Антуанета, все больше и больше начинавшая играть болѣе значительную роль, чѣмъ ея мужъ. Наконецъ, въ началѣ 1791 г. (29 января) Мирабо былъ избранъ въ предсѣда-

тели національнаго собранія [1]), когда ему же оставалось жить всего только два мѣсяца: застарѣлая болѣзнь, излишества, которыя онъ себѣ позволялъ, непомѣрная работа въ національномъ собраніи, подкосили его силы, хотя онъ и пользовался при подготовкѣ своихъ рѣчей и докладовъ помощью друзей и секретарей. Въ мартѣ Мирабо уже совсѣмъ больной принималъ участіе въ занятіяхъ собранія. Еще 27 марта онъ говорилъ съ трибуны по одному специальному вопросу, а 2 апрѣля его уже не было въ живыхъ. Вѣсть о его кончинѣ произвела угнетающее впечатлѣніе на короля, на народъ, на національное собраніе, на сторонниковъ монархіи и на защитниковъ народнаго верховенства, на политическихъ друзей и на политическихъ противниковъ: всѣ чувствовали, что съ Мирабо уходила въ могилу крупная сила, на которую всѣ возлагали свои надежды, каждый съ своей точки зрѣнія, и которою дорожили даже противники, не перестававшіе думать, что эта сила могла бы быть и въ ихъ лагерѣ. Одними изъ послѣднихъ словъ Мирабо было такое пророчество: „я уношу съ собою трауръ по монархіи,... теперь партіи могутъ оспаривать другъ у друга ея лохмотья“. Въ народѣ стали говорить объ отравленіи, и пришлось сдѣлать оффиціальное вскрытіе трупа. Похороны Мирабо были блестящія: участвовали дворъ, духовенство, національное собраніе, Лафайетъ съ штабомъ національной гвардіи, „народныя общества“, и гробъ былъ поставленъ въ церкви св. Женевьевы, превращенной въ усыпальницу великихъ людей. На страницахъ исторіи первыхъ двухъ лѣтъ революціи имя Мирабо сдѣлалось самымъ крупнымъ именемъ и для послѣдующихъ поколѣній, какъ бы ни судили его, какъ человѣка, и какъ бы ни оцѣнивали его идеи и планы, какъ политическаго дѣятеля. Мирабо среди дѣятелей 1789—1791 г. *былъ единственнымъ, ясно видѣвшимъ будущія опасности, единственнымъ, хорошо понимавшимъ, при какихъ условіяхъ возможно было во Франціи осуществленіе конституціонной монархіи, единственнымъ, наконецъ, человѣкомъ, который былъ бы способенъ консолидировать революцію*. Въ послѣднемъ отношеніи, однако, необходимы такія же оговорки, съ какими пришлось раньше оцѣнивать историческую роль Тюрго: оба они видѣли, въ чемъ заключалось зло и въ чемъ были средства спасенія, но оба оказались не въ состояніи вывести Францію на правильную дорогу по обстоятельствамъ, которыя были сильнѣе ихъ обоихъ [2]). Между прочимъ самъ Людовикъ XVI (или дворъ, подъ постояннымъ вліяніемъ коего онъ находился) дѣлалъ и теперь, какъ дѣлалъ и тогда, невозможнымъ осуществленіе новой политической программы, не желая оказать под-

[1]) На одинъ мѣсяцъ.

[2]) См. выше, стр. 437—438.

держку тому, что требовалось ходомъ событій, идеями времени и настроеніемъ общества. Съ другой стороны, если реформы Тюрго, вовсе не думавшаго о политическихъ гарантіяхъ, не могли уже вполнѣ удовлетворить ту часть общества, которая находилась подъ вліяніемъ идей Монтескье, Руссо и Мабли, то и конституціонная монархія, какъ ее понималъ Мирабо, казалась очень и очень многимъ слишкомъ мало гарантирующей политическую свободу, особенно въ виду подозрительнаго поведенія самого Людовика XVI.

Въ отношеніяхъ между королемъ и учредительнымъ собраніемъ, дѣйствительно, не было искренности. Людовикъ XVI, только скрѣпя сердце, подъ давленіемъ обстоятельствъ, давалъ свое согласіе на тѣ или другія мѣры національнаго собранія, но ни самъ онъ, ни его приближенные, ни министры, ни дворъ въ глубинѣ души не могли примириться съ новыми порядками. На короля особенно дѣйствовало духовенство, которое протестовало противъ новаго устройства, даннаго учредительнымъ собраніемъ французской церкви подъ названіемъ „constitution civile du clergé“. Самъ папа Пій VI обратился къ Людовику XVI съ бреве (10 іюля 1790 г.), въ коемъ писалъ, что, утвердивъ декреты національнаго собранія, онъ погубитъ всю націю, все королевство. Когда тѣмъ не менѣе Людовикъ XVI далъ свою санкцію декретамъ, папа опять писалъ ему, что онъ огорченъ до-нельзя такимъ шагомъ съ его стороны. Между тѣмъ новые церковные законы встрѣтили оппозицію среди значительной части духовенства, и тогда національное собраніе особымъ декретомъ (27 ноября 1790 г.) потребовало отъ духовныхъ лицъ спеціальной присяги новому уложенію. Людовикъ XVI былъ вынужденъ и этому декрету дать свою санкцію, но онъ только и думалъ о томъ, чтобы при первой же возможности взять свое согласіе назадъ, такъ какъ въ новомъ церковномъ законодательствѣ онъ видѣлъ нападеніе на религію: его совѣсть сильно возмущалась противъ того, на что онъ смотрѣлъ, какъ на нарушеніе правъ церкви. Даже Мирабо поддерживалъ Людовика XVI въ его нерасположеніи къ декретамъ національнаго собранія, касавшимся церковныхъ дѣлъ. Поэтому король все болѣе и болѣе считалъ свое положеніе невыносимымъ, и при дворѣ давно уже замышлялось бѣгство короля изъ Парижа: Марія Антуанета особенно мечтала объ этомъ, расчитывая, кромѣ того, на матеріальную помощь иностранныхъ дворовъ. Людовикъ XVI равнымъ образомъ не считалъ себя не въ правѣ употребить всѣ, какія представляются, средства для того, чтобы наказать людей, бывшихъ съ его точки зрѣнія государственными преступниками. Ему казалось, что всѣ сдѣланныя имъ уступки, какъ вынужденныя, не имѣютъ обязательной для него силы, такъ какъ благо государства выше всего, а надъ королями судья одинъ Богъ. Сначала онъ уступалъ по слабости характера и изъ

осторожности, но потомъ дѣлать притворныя уступки вошло въ его систему. Пришлось, конечно, уступать и въ церковномъ вопросѣ, но тутъ Людовику XVI было особенно тяжело, и онъ съ осени 1790 г. все болѣе и болѣе сталъ входить въ виды своей жены на счетъ бѣгства изъ Парижа и обращенія за помощью къ монархической Европѣ: предполагалось ѣхать въ Мецъ, гдѣ начальствовалъ надъ войскомъ вѣрный королю Буйлье (мечтавшій, впрочемъ, о конституціи по англійскому образцу) и откуда легко было въ случаѣ надобности уѣхать въ Германію. Этотъ планъ *ставилъ, однако, виды двора въ слишкомъ близкое сосѣдство съ происками эмигрантовъ*, а съ точки зрѣнія приверженцевъ революціи такой уже прямо имѣлъ характеръ государственной измѣны. Такъ или иначе дворъ связывалъ интересы короля съ интересами добровольныхъ эмигрантовъ, которые съ своей стороны, однако, нисколько не думали о томъ, какъ ихъ заграничное поведеніе будетъ отзываться на судьбѣ оставленнаго ими во Франціи короля, а были заняты исключительно мыслью, какъ бы вернуть себѣ старое положеніе въ государствѣ. Еще Мирабо говорилъ, что грозя возвращеніемъ во Францію деспотизма, эмигранты доведутъ ее до того, что она станетъ искать спасенія въ республикѣ. Эмигранты, особенно гр. д'Артуа и Калоннъ, даже прямо интриговали противъ двора. Въ свою очередь лично Людовикъ XVI и Марія Антуанета не хотѣли содѣйствія эмигрантовъ, расчитывая главнымъ образомъ на вооруженное вмѣшательство Европы, но въ этомъ послѣднемъ отношеніи виды двора и виды эмиграціи между собою сходились. Приближенные короля даже говорили о территоріальныхъ уступкахъ иностраннымъ державамъ за помощь противъ революціи. Замыслы двора сдѣлались извѣстными національному собранію и повергли его въ большую тревогу.

Весною 1791 г. Людовикъ XVI получилъ отъ папы письмо, въ коемъ говорилось, что присяга новымъ церковнымъ законамъ прямо влечетъ за собою обвиненіе въ ереси. При такихъ обстоятельствахъ Людовикъ XVI считалъ себя не въ правѣ говѣть, въ чемъ поддержалъ его одинъ епископъ, но сторонники новаго церковнаго устройства требовали у короля, чтобы онъ показалъ примѣръ повиновенія законамъ и причащался у приходского священника, давшаго присягу „гражданскому уложенію о духовенствѣ". Въ Парижѣ по этому поводу начинались волненія и Людовикъ XVI, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, задумалъ уѣхать въ С. Клу (18 апрѣля). Его, однако, задержала толпа, предводимая Дантономъ, и несмотря на вмѣшательство Лафайета, король такъ-таки и не могъ выѣхать изъ Тюйльери. Тайные агенты двора за границей ссылались на этотъ фактъ, какъ на лучшее доказательство несвободы короля, и говорили, что европейскіе монархи не должны будутъ удивляться тому, на что будутъ вынуждаемы соглашаться Людовикъ XVI и

Марія Антуанета: оба они рѣшились притворяться до конца и усыплять подозрительность народа, который въ намѣреніи ихъ уѣхать въ С. Клу видѣлъ начало приведенія въ исполненіе измѣнническаго плана. Той сдержки, какую все-таки для короля составляли совѣты Мирабо, съ его смертью не стало, и при дворѣ теперь болѣе всего боялись, съ одной стороны, что Людовика XVI задержатъ революціонеры, съ другой, что гр. д'Артуа, какъ говорили, вступитъ во Францію съ австрійскимъ войскомъ, боялись по той простой причинѣ, что это представляло для короля пока большую опасность. 20 іюня Людовикъ XVI съ семьей тайно покинулъ Парижъ, но на другой день вечеромъ бѣглецы были задержаны въ Вареннѣ, и только одному гр. Прованскому удалось пробраться въ Бельгію. Извѣстіе объ исчезновеніи короля произвело страшный переполохъ въ Парижѣ, но національное собраніе осталось спокойно: оно взяло въ свои руки и исполнительную власть, отправило миролюбивыя завѣренія къ иностраннымъ дворамъ, разослало своихъ коммиссаровъ по войскамъ для принятія присяги на имя націи, декретировало сборъ 300 т. національной гвардіи и велѣло арестовать каждаго, кто хотѣлъ перейти границу. Уѣзжая, Людовикъ XVI оставилъ письмо, наполненное упреками національному собранію и заключавшее въ себѣ отреченіе отъ даннаго имъ уже согласія на декреты собранія. Этимъ письмомъ монархическое большинство конституанты было весьма смущено, и она постановила, вопреки очевидности, считать это происшествіе не бѣгствомъ самого короля, а похищеніемъ его злонамѣренными людьми. Но *попытка бѣгства наносила сильный ударъ монархіи.* Многіе говорили, что „le grand embarras“ хорошо сдѣлало, что уѣхало, а другіе прибавляли, что настоящій король вотъ тамъ, въ національномъ собраніи, другой же можетъ ѣхать, куда ему угодно. Возвращеніе арестованнаго Людовика XVI въ Парижъ было встрѣчено народомъ съ чувствомъ непріязни къ бѣглецу. Само національное собраніе временно отрѣшило короля отъ исполнительной власти до принятія имъ конституціи и взяло его подъ стражу, вмѣстѣ съ тѣмъ внесши въ конституцію статьи, въ силу коихъ король въ извѣстныхъ случаяхъ [1]) долженъ былъ считаться отказавшимся отъ престола. Въ клубахъ, въ прессѣ, въ парижскомъ населеніи начинали уже высказываться республиканскія мысли, но въ этотъ моментъ еще не существовало республиканской партіи, хотя уже идея республики приходила въ голову отдѣльныхъ лицъ. Составлена была даже петиція о низложеніи Людовика XVI, и народъ былъ приглашенъ подписывать ее на „алтарѣ отечества“, сооруженномъ на Марсовомъ полѣ для праздника федераціи (17 іюля 1791 г.). Это шло далѣе того, чего же-

[1]) См. ниже, въ слѣд. главѣ.

лало національное собраніе и муниципальныя власти. На Марсово поле явились Байльи и Лафайетъ съ вооруженной силой, но въ войско изъ толпы, собравшейся подписывать петицію, полетѣли камни. Національная гвардія отвѣчала ружейнымъ залпомъ въ воздухъ, отрядъ регулярнаго войска—прямо въ народъ, скучившійся на ступеняхъ алтаря, и эти ступени обагрились кровью убитыхъ и раненыхъ. Этимъ сильно была подорвана прежняя популярность учредительнаго собранія, Лафайета и Байльи. Группа роялистовъ въ національномъ собраніи задумала воспользоваться республиканской манифестаціей для того, чтобы при общемъ пересмотрѣ составлявшейся собраніемъ конституціи внести въ нее поправки въ монархическомъ смыслѣ, но другая группа оказала дружный отпоръ въ виду того, что послѣ бѣгства Людовика XVI еще менѣе, чѣмъ прежде, было довѣрія къ „исполнительной власти" (pouvoir exécutif), какъ называли короля. Въ якобинскомъ клубѣ произошелъ расколъ: отъ него отдѣлились и основали свое особое общество (клубъ фельяновъ, feuillants) конституціонные монархисты Дюпоръ, Барнавъ, братья Ламеты, и послѣ этого главное вліяніе въ клубѣ якобинцевъ стало принадлежать людямъ, которые считали нужнымъ вести революцію дальше.

Между тѣмъ учредительное собраніе окончило свою работу надъ конституціей. Съ короля сняли теперь запретъ, и конституціонный актъ былъ предложенъ ему на свободное принятіе (3 сентября). Черезъ нѣсколько дней (13 сентября) Людовикъ XVI далъ знать собранію, что онъ принимаетъ конституцію, но этому предшествовала долгая нерѣшительность, колебанія, совѣщанія. Послѣ этого 14 сентября король лично явился въ національное собраніе и принесъ присягу въ вѣрности націи и закону. Считая свое дѣло оконченнымъ, учредительное собраніе 30 сентября объявило прекращеніе своихъ засѣданій, чтобы уступить мѣсто законодательному собранію, которое было избрано и должно было начать свою дѣятельность уже по конституціи 1791 г. Но, расходясь, конституанта *сдѣлала большую политическую ошибку, объявивъ, что никто изъ ея членовъ не подлежитъ переизбранію въ законодательное собраніе*. Рѣшеніе было великодушно, но не практично: въ новое собраніе должны были явиться люди безъ того опыта, какой пріобрѣли члены учредительнаго собранія въ два слишкомъ года,—люди, которые въ 1789 г. не имѣли за себя достаточнаго количества голосовъ и во многомъ уступали дѣятелямъ 1789—91 гг.,—наконецъ, люди, которымъ нечего было дорожить дѣломъ учредительнаго собранія, хотя, съ другой стороны, они, быть можетъ лучше отражали на себѣ господствующее настроеніе націи. Вмѣстѣ съ этимъ Байльи счелъ нужнымъ сложить съ себя званіе парижскаго мера, Лафайетъ—должность начальника національной гвардіи.

Ко времени послѣднихъ мѣсяцевъ учредительнаго собранія французская революція стала сильно озабочивать монархическія правительства Европы. Отъ того взгляда, который образовался сначала у иностранныхъ государственныхъ людей, видѣвшихъ во французскихъ смутахъ обстоятельство благопріятное или неблагопріятное для политическихъ интересовъ той или другой державы, правительства перешли постепенно къ другому взгляду: примѣръ, подаваемый французами, сталъ считаться вообще опаснымъ. Кромѣ того, начались столкновенія и на почвѣ интересовъ, особенно когда провозглашеніе народнаго суверенитета и отмѣна феодальнаго режима задѣли права нѣмецкихъ князей, владѣвшихъ землями въ Эльзасѣ. Затѣмъ возникъ вопросъ о папскихъ Авиньонѣ и Венессенѣ, составлявшихъ чужую территорію (enclave) въ королевствѣ: подъ вліяніемъ революціи обнаружилось въ мѣстномъ населеніи сильное стремленіе къ слiянію съ Франціей. Далѣе, въ національномъ собраніи и въ народѣ, проявлялось сочувствіе къ бельгійской революціи, вспыхнувшей въ послѣдніе годы Іосифа II [1]), въ то самое время, какъ среди французовъ все популярнѣе и популярнѣе дѣлалась мысль, что ихъ революція не должна ограничиваться одной Франціей, а должна распространиться на весь „человѣческій родъ": самымъ яркимъ представителемъ идеи космополитической революціи сдѣлался переселившійся въ Парижъ нѣмецъ Анахарсисъ Клотцъ [2]). Когда эмигранты стали подбивать европейскія правительства,—слишкомъ въ то время занятыя другими дѣлами [3]),—къ возстановленію во Франціи стараго порядка, то находясь подъ угрозою насильственнаго подавленія революціи, французы впервые начали думать о перенесеніи ея принциповъ въ сосѣднія страны. Уже подъ вліяніемъ ареста королевской семьи въ Вареннѣ императоръ Леопольдъ II обращается къ государямъ Европы и къ нѣмецкимъ князьямъ съ предложеніемъ согласиться на счетъ общихъ дѣйствій въ пользу французскаго короля. Переговоры между державами и хлопоты эмигрантовъ при дворахъ послѣ этого усилились. Въ концѣ августа 1791 г. между Леопольдомъ II и прусскимъ королемъ состоялось свиданіе въ Пильницѣ, недалеко отъ Дрездена, куда пріѣхали и принцы-эмигранты съ самыми дикими предложеніями (напр., совершеннаго истребленія Парижа). Монархи вели себя, однако, осторожно и ограничились манифестомъ, въ коемъ выражали надежду на то, что другіе государи вмѣшаются въ дѣло

---

[1]) См. выше, стр. 354—355.

[2]) G. Avenel. Anacharsis Clootz.

[3]) Австрія была занята Бельгіей, Венгріей, Турціей; Россія вела войну съ Швеціей, съ Турціей; подготовлялись событія, приведшія ко второму раздѣлу Польши, и т. п.

Франціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявили, что лишь въ случаѣ общаго согласія и они, императоръ и король, будутъ дѣйствовать за одно съ другими, а пока приказываютъ своимъ войскамъ быть наготовѣ. Во Франціи этотъ манифестъ былъ принятъ какъ-бы за прямое объявленіе войны революціи, что лишь ухудшило положеніе короля. Въ сущности Леопольдъ II вовсе не думалъ о войнѣ и употреблялъ все свое вліяніе во Франціи на то, чтобы привести короля и національное собраніе къ соглашенію. Но во Франціи пильницкій манифестъ былъ понятъ не только въ смыслѣ угрозы войною, но и какъ общее дѣло самого двора съ эмигрантами и всѣхъ иностранныхъ державъ, такъ какъ никто не зналъ, какъ слѣдуетъ, что между дворомъ и эмигрантами солидарности не было, и что эмигранты даже интриговали противъ Людовика XVI; что принцы въ Пильницѣ были отвергнуты, и что имъ вообще не везло въ ихъ планахъ при иностранныхъ дворахъ; наконецъ, что Леопольдъ II давалъ самые благоразумные совѣты своей сестрѣ, Маріи Антуанетѣ, и ея мужу. Впечатлѣніе отъ манифеста было еще усилено прокламаціей принцевъ (10 сентября), въ коей они хвастались поддержкою всей Европы и, заранѣе протестуя противъ принятія Людовикомъ XVI конституціи, заявляли, что развѣ подъ постороннимъ давленіемъ король можетъ заявлять о своей свободѣ въ этомъ дѣлѣ. Гр. Прованскій даже заговорилъ о необходимости регентства въ виду несвободы Людовика XVI, что страшно оскорбило послѣдняго, такъ что онъ подъ вліяніемъ фейльяновъ даже послалъ братьямъ вызовъ вернуться во Францію. Впрочемъ, съ другой стороны, хотя Людовикъ XVI торжественно извѣстилъ иностранныхъ государей о принятіи имъ конституціи, но тайные агенты двора должны были сообщать повсюду, что не нужно вѣрить оффиціальнымъ заявленіямъ, что все это формальности, вынужденныя необходимостью, что это лишь средство усыпить подозрительность бунтовщиковъ, пока Европа не придетъ ихъ усмирить силою. Иностранныя правительства, однако, были довольны, что теперь не было оффиціальной надобности въ замышлявшемся конгрессѣ и въ оказаніи вооруженной помощи, тогда какъ принцы, наоборотъ, хлопотали о вмѣшательствѣ и громко говорили объ этомъ самомъ конгрессѣ. Что дѣлалось за кулисами политики, французская нація не знала, но все, что̀ бросалось въ глаза, *заставляло ее вѣрить въ участіе Людовика XVI въ громадномъ заговорѣ противъ своего отечества.* Конституціонная монархія установлялась во Франціи при неблагопріятныхъ условіяхъ, и Барнавъ, задумавшій идти по стопамъ Мирабо, оказался не болѣе счастливымъ въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ его предшественникъ: между монархіей и націей образовался разрывъ, и нужно было очень большое искусство, чтобы соединить въ одно цѣлое монархію и націю, не довѣрявшія одна другой.

XXXVI. Принципы индивидуальной свободы и народовластія въ законодательствѣ конституанты [1]).

Общій взглядъ на законодательство учредительнаго собранія, на его отношеніе къ требованіямъ времени, на причины его недостатковъ и на его историческое значеніе.—«Декларація правъ человѣка и гражданина».—Принципъ индивидуальной свободы въ законахъ учредительнаго собранія.—Конституція 1791 года, ея характеръ и недостатки.—Организація административная и судебная по конституціи 1791 года.—Судьба конституціи 1791 г.—Значеніе «принциповъ 1789 г.» въ исторіи.

Работа, совершенная Учредительнымъ Собраніемъ, поражаетъ своею громадностью. Мы не разъ уже говорили, до какой степени Франція нуждалась въ коренной внутренней реформѣ, и эту реформу довелось выполнить учредительному собранію. Старый строй рушился самъ собою, и въ виду общаго крушенія тѣхъ порядковъ, которые вѣками складывались во Франціи, притомъ безъ всякаго содѣйствія со стороны королевской власти (если не говорить о противодѣйствіи) и среди общественной анархіи, собранію предстояло созидать новую Францію, не имѣя за собою ни опытности, которой въ дѣлахъ подобнаго рода и не могло существовать при старомъ порядкѣ, ни той теоретической подготовки по многимъ практическимъ вопросамъ, какой тоже не могло быть при состояніи общественныхъ наукъ въ ту эпоху. Понятно, что въ такомъ сложномъ и трудномъ дѣлѣ, при тогдашнихъ ненормаль-

---

[1]) Литература по вопросамъ, разсматриваемымъ въ этой и слѣдующей главахъ, весьма обширна: кромѣ соч. Лаферьера, Рихтера и Рамбо (Hist. de la civil. contemp.), указанныхъ на стр. 9 (прим. 3), см.: А. Градовскій. Государственное право иностранныхъ державъ (т. I).—Faustin Hélie. Les constitutions de la France (и др. изданія конституцій).—Duvergier de Hauranne. Histoire du gouvernement parlementaire.—Troplong. Du principe d'autorité depuis 1789.—Chalamel. Histoire de la liberté en France depuis 1789.—A. Bardoux. La bourgeoisie française.—Levasseur. Histoire des classes ouvrières en France depuis 1789. — Doniol. La féodalité et la révolution française.—L. de Lavergne. Economie rurale de France depuis 1789. — Н. Карѣевъ. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи.—L. Sciout. Histoire de la constitution civile du clergé et de la persécution révolutionnaire (есть, кромѣ большого изданія въ 4 томахъ, сокращенное въ одномъ томѣ).—E. de Pressensé. L'église et la révolution française. — Gazier. Études sur l'histoire religieuse de la révolution française.—Boris Minzes. Die Nationalgüterveräusserung während der französischen Rèvolution.—О „деклараціи правъ человѣка и гражданина" см. статью М. М. Ковалевскаго въ „Юрид. Вѣстн." за 1889 г. Кромѣ того, вообще сочиненія по исторіи права, администраціи, финансовъ, народнаго образованія и т. п. Декреты Нац. Собр., рѣчи, пренія и т. п. можно найти въ Hist. parlem. de la révol. franç. par Buchez et Roux и въ Arch. parlementaires.

ныхъ обстоятельствахъ, слишкомъ сильно также влiявшихъ на разработку законодательныхъ вопросовъ, чтобы она могла совершаться спокойно, при недостаточной опытности и съ не особенно большими соцiологическими знанiями, какiя въ 1789 г. имѣли депутаты, возможны были въ законодательной дѣятельности учредительнаго собранiя и частныя ошибки, и даже ошибки общаго характера, которыя впослѣдствiи—и притомъ съ весьма различныхъ точекъ зрѣнiя—подвергались критикѣ, часто основательной, но часто и незаслуженной. Разсматривая эту дѣятельность, нужно помнить, что учредительное собранiе, включавшее въ себѣ массу умныхъ, талантливыхъ и образованныхъ людей, серьезно смотрѣвшихъ на свою задачу, было неизмѣримо выше представителей стараго правительства, и что весь raison d'être этого собранiя заключался въ необходимости преобразованiя всѣхъ внутреннихъ отношенiй государства. Въ какомъ направленiи должны были совершаться реформы, это *зависѣло не столько отъ доброй воли членовъ собранiя, сколько отъ общаго положенiя страны, созданнаго предыдущимъ ходомъ исторiи, и отъ идей, выработанныхъ передъ тѣмъ теоретическою мыслью и принятыхъ обществомъ.* Во-первыхъ, само правительство приходило къ мысли о необходимости „установленiя постояннаго и неизмѣннаго порядка во всѣхъ частяхъ управленiя... и уничтоженiя злоупотребленiй всякаго рода“, какъ было сказано въ королевскомъ регламентѣ, созывавшемъ генеральные штаты [1]). Во Францiи, дѣйствительно крайне были нужны и уже предпринимались реформы административныя, судебныя и финансовыя: въ сущности здѣсь *учредительному собранiю пришлось дѣлать то же, что дѣлали, хотя и не въ такомъ объемѣ, правительства «просвѣщеннаго абсолютизма», предпринимая административныя, финансовыя, судебныя и т. п. преобразованiя* [2]). Во-вторыхъ, во Францiи продолжали надъ новымъ обществомъ тяготѣть старыя католико-феодальныя формы, и если въ другихъ государствахъ XVIII в. уже предпринимались мѣры, касавшiяся католической церкви [3]) и сословнаго строя [4]), то и Францiя не могла не пойти по той же дорогѣ, *тѣмъ болѣе, что нигдѣ до такой степени, какъ здѣсь, церковныя и сословныя отношенiя, требовавшiя реформы и въ странахъ «просвѣщеннаго абсолютизма», не противорѣчили стремленiямъ самого общества*, а кромѣ того, во Францiи *борьба съ провинцiализмомъ, какую велъ «просвѣщенный абсолютизмъ» въ другихъ странахъ во имя государственнаго единства* [5]), *должна была еще вестись на почвѣ един-*

---

[1]) См. выше, стр. 463.
[2]) См. выше, гл. XXVI.
[3]) См. выше, гл. XXVII.
[4]) См. выше, гл. XXVIII.
[5]) См. выше, стр. 352 и слѣд.

ства національнаго, которому противорѣчили старыя областныя перегородки. Втретьихъ, если въ дѣлѣ преобразованія администраціи, суда, финансовъ и т. п., съ одной стороны, а съ другой въ борьбѣ съ старыми силами католицизма и феодализма (сословностью и провинціализмомъ) учредительное собраніе брало на себя то, что должна была бы сдѣлать еще старая власть (и что правительства другихъ странъ совершали на самомъ дѣлѣ), главная причина этого заключалась не только въ безсиліи этой власти и въ оппозиціи привилегированныхъ, но и *въ полномъ разложеніи прежней системы законодательства, устанавливавшей въ странѣ двоевластіе правительства и наслѣдственной магистратуры* [1]), благодаря чему проведеніе реформъ королевскою властью дѣлалось невозможнымъ, какъ это и показалъ опытъ Людовика XVI, а потому здѣсь требовалась еще организація законодательной власти на новыхъ началахъ. Между тѣмъ старыя учрежденія или такъ были плохи, что нужна была замѣна ихъ новыми, или возбуждали въ народѣ такую ненависть, что о сохраненіи ихъ трудно было и думать, или же наконецъ до такой степени сами противились преобразованіямъ, что только для проведенія послѣднихъ необходимо было прежде всего полное уничтоженіе этихъ учрежденій. Чѣмъ болѣе противились всякой реформѣ парламенты, старыя сословно-представительныя собранія въ провинціяхъ, церковь, дворянство и, наконецъ, сама королевская власть, тѣмъ все менѣе и менѣе дѣлалась возможною ихъ реформа, тѣмъ все болѣе и болѣе они обрекали себя на уничтоженіе и своей оппозиціей заставляли сторонниковъ преобразованія идти далѣе того, что послѣдніе имѣли въ виду первоначально. Но съ другой стороны, чѣмъ болѣе старая Франція упорствовала и тѣмъ самымъ приводила новую Францію къ убѣжденію, что изъ стараго нужно какъ можно менѣе переносить въ будущія учрежденія, тѣмъ *все болѣе и болѣе старыя традиціи должны были уступать мѣсто въ дѣлѣ реформы новымъ идеямъ*. Мы уже знакомы съ этими идеями: идея естественнаго права была враждебна всякому историческому праву, и чѣмъ сильнѣе отстаивала послѣднее сама королевская власть, парламенты, церковь, провинціи, сословія, корпораціи, чѣмъ менѣе они шли на сдѣлку съ новыми требованіями, тѣмъ все болѣе и болѣе они *подготовляли переходъ реформы въ революцію*, т.-е. замѣну исправленія старыхъ порядковъ полнымъ ихъ уничтоженіемъ. Не учредительное собраніе по своему произволу занялось разрушеніемъ стараго: старое само приходило въ упадокъ, само обрекало себя на гибель, а извнѣ прежде всего разрушалось народнымъ движеніемъ, такъ что учредительному собранію пришлось лишь принять участіе въ общей работѣ всего народа. Но учредительное собраніе и созидало. Спрашивается, чѣмъ же собраніе должно было при этомъ руководиться, какъ

[1]) См. выше, стр. 47 и особенно 57.

не новой политической философіей, принятой обществомъ? Конституантѣ ставится въ вину, что въ области политическихъ учрежденій и соціальной организаціи она поступала не какъ „легислатура практическихъ дѣятелей“, а какъ „академія утопистовъ“, хотя даже самые строгіе критики находятъ, что во всѣхъ вопросахъ частнаго быта учредительное собраніе сдѣлало много хорошаго [1]). Дѣйствительно, *слабыя стороны политическаго мышленія философіи XVIII в.* [2]) *отразились и на законодательной дѣятельности учредительнаго собранія, но у этой философіи были вѣдь не однѣ же слабыя стороны:* ея общественные принципы не были случайнымъ порожденіемъ разложенія стараго порядка, а вырабатывались въ длинномъ историческомъ процессѣ, въ коемъ участвовали и гуманизмъ XIV—XV вв., и религіозная реформація XVI в., и политическое развитіе Англіи въ XVII в., и новая философія и т. п. *Законодательство учредительнаго собранія впервые признало за этими принципами силу въ жизни, перестроивъ на ихъ основаніи многія ея стороны,* хотя и допустило отступленія отъ нихъ, когда этого не требовалось, и, наоборотъ, прилагало ихъ къ такимъ случаямъ, гдѣ жизнь не была еще подготовлена достаточно къ тому, чтобы ихъ воспринять надлежащимъ образомъ. Главными изъ этихъ принциповъ были свобода и равенство [3]), и, руководясь ими, учредительное собраніе создавало новое общество, въ коемъ должны были исчезнуть *безправность личности передъ государствомъ и зависимость ея правъ отъ условій рожденія въ томъ или другомъ состояніи.* И съ этой стороны дѣло учредительнаго собранія подвергалось порицанію: программа дѣятелей 1789 г. объявлялась слишкомъ узкой и своекорыстной [4]),—слишкомъ узкой потому, что ею не ставился во всемъ объемѣ вопросъ соціальный, какъ вопросъ прежде всего экономическій,—и слишкомъ своекорыстной потому, что учредительное собраніе будто бы было проникнуто исключительно одними буржуазными интересами. Тутъ нужно замѣтить двѣ вещи. Во-первыхъ, при тогдашнемъ состояніи теоретической разработки экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ, наиболѣе искренніе публицисты и дѣятели были убѣждены, что и матеріальное благосостояніе придетъ съ одной политической свободой и гражданскимъ равенствомъ, и смотрѣли на соціальныя отношенія глазами физіократовъ: только позднѣйшій историческій опытъ научилъ отдѣлять одно отъ другого и рѣзко различать отношенія политическія и соціальныя. Во-вторыхъ, учредительное собраніе такъ общо ставило

---

[1]) См. напр., Taine. La révolution, t. I.

[2]) См. выше, стр. 148 и слѣд.

[3]) См. выше, стр. 140—142 и др.

[4]) Напр., см. Луи Блана.

вопросъ о правахъ человѣка и гражданина, что провозглашаемыя имъ права не были правами лицъ только извѣстнаго общественнаго класса. Нельзя, однако, не замѣтить, что, конечно, *во многихъ отношеніяхъ главныя выгоды перемѣнъ выпали на долю буржуазіи, и что народъ могъ быть дѣйствительно недовольнымъ многими законами учредительнаго собранія,* хотя этого никакъ не слѣдуетъ обобщать. Каковы бы, впрочемъ, ни были ошибки и промахи законодательства 1789—91 годовъ и вообще слабыя стороны самой конституанты, отнюдь не нужно упускать изъ виду ни трудности и сложности дѣла, ни нелегкихъ условій, въ какихъ его приходилось дѣлать, да и того, наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что учредительное собраніе приступило къ реализаціи лучшихъ, наиболѣе справедливыхъ и наиболѣе гуманныхъ идей философіи XVIII в. и что *его законодательство не только обновило внутренній бытъ самой Франціи, но и повліяло впослѣдствіи на культурно-соціальное развитіе другихъ странъ Европы.* Вотъ почему намъ нужно на немъ остановиться подробнѣе.—

Во главѣ законодательства 1789—91 гг. нужно поставить „декларацію правъ человѣка и гражданина". Уже нѣкоторые наказы 1789 г. требовали провозглашенія такой деклараціи [1]), а въ собраніи особенно настаивалъ на ней Лафайетъ, въ данномъ случаѣ увлекавшійся американскимъ примѣромъ [2]). Мирабо былъ противъ „метафизическихъ тонкостей", съ которыми рискуешь „быть понятымъ лишь немногими и заслужить восторгъ всѣхъ, кто не понялъ бы" этихъ тонкостей, но громадное большинство собранія было настроено въ пользу деклараціи. Многіе историки впослѣдствіи также находили, что учредительное собраніе занималось въ данномъ случаѣ рѣшеніемъ вопросовъ, подлежащихъ скорѣе вѣдѣнію ученой академіи; но тѣмъ не менѣе догматы политической вѣры, провозглашенные первымъ національнымъ собраніемъ Франціи, получили въ жизни новѣйшихъ обществъ не одно теоретическое значеніе, и прежде всего въ самой Франціи они легли въ основу новаго порядка вещей. Приводимъ поэтому цѣликомъ знаменитую „декларацію правъ человѣка и гражданина".

„Представители французскаго народа,—говорится во вступленіи къ документу,—составляющіе національное собраніе, принимая во вниманіе, что незнаніе, забвеніе или презрѣніе правъ человѣка суть единственныя причины общественныхъ бѣдствій и порчи правительствъ, рѣшились изложить въ торжественномъ объявленіи естественныя, неотчуждаемыя и священныя права человѣка, дабы объявленіе это, будучи постоянно въ виду всѣхъ членовъ общественнаго тѣла, непрерывно напоминало имъ объ ихъ правахъ и обязанностяхъ; дабы

[1]) См. выше, стр. 475.
[2]) См. выше, стр. 450 и 451.

дѣйствія властей законодательной и исполнительной, будучи ежеминутно сравниваемы съ цѣлью всякаго политическаго установленія, были чрезъ это болѣе уважаемы; дабы требованія гражданъ, основанныя отнынѣ на началахъ простыхъ и безспорныхъ, обращались всегда къ поддержанію конституціи и къ общему счастью".

„Въ силу этого національное собраніе признаетъ и объявляетъ, предъ лицемъ и подъ покровительствомъ Верховнаго Существа, слѣдующія права человѣка и гражданина:

1. „Люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ. Общественныя различія могутъ быть основаны только на общей пользѣ".

2. „Цѣль всякаго политическаго союза есть сохраненіе естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Права эти суть: свобода, собственность, безопасность (sûreté) и сопротивленіе угнетенію."

3. „Принципъ всей верховной власти находится существеннымъ образомъ въ націи. Никакое учрежденіе, никакое лицо не можетъ осуществлять власти, не происходящей прямо отъ націи".

4. „Свобода состоитъ въ правѣ (à pouvoir) дѣлать все, что не вредитъ другому: такимъ образомъ, пользованіе каждаго человѣка его естественными правами не имѣетъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя обезпечиваютъ за другими членами общества пользованіе тѣми же правами. Эти границы могутъ быть опредѣлены только закономъ".

5. „Законъ можетъ запрещать лишь дѣйствія, вредныя для общества. Все, что не воспрещено закономъ, дозволено (ne peut être empêché), и никто не можетъ быть принужденъ къ тому, чего законъ не предписываетъ".

6. „Законъ есть выраженіе общей воли. Всѣ граждане имѣютъ право лично или черезъ представителей участвовать въ изданіи законовъ. Законъ долженъ быть равный для всѣхъ, имѣетъ ли онъ цѣлью защиту или наказаніе. Такъ какъ всѣ граждане передъ нимъ равны, то они должны быть одинаково допускаемы ко всѣмъ званіямъ, мѣстамъ и общественнымъ должностямъ по своимъ способностямъ и безъ иныхъ различій, кромѣ существующихъ въ ихъ добродѣтели и талантахъ".

7. „Никто не можетъ быть обвиненъ, задержанъ или заключенъ иначе, какъ въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ, и по предписаннымъ имъ формамъ. Тѣ, которые испрашиваютъ, отдаютъ, исполняютъ или заставляютъ исполнять произвольныя повелѣнія, подлежатъ наказанію, но каждый гражданинъ, вызванный или схваченный въ силу закона, долженъ немедленно повиноваться: онъ дѣлается виновнымъ, оказывая сопротивленіе".

8. „Законъ долженъ устанавливать наказанія только строго и очевидно необходимыя, и никто не можетъ быть наказанъ иначе,

какъ въ силу закона, установленнаго и обнародованнаго раньше преступленія и законно примѣненнаго".

9. „Такъ какъ каждый человѣкъ предполагается (étant présumé) невиннымъ, пока его не объявятъ (на судѣ) виновнымъ, то въ случаѣ необходимости его ареста всякая строгость, которая не нужна для обезпеченія (за судомъ) его личности, должна быть строго подавляема закономъ".

10. „Никто не долженъ быть тревожимъ за свои мнѣнія, даже религіозныя, лишь бы ихъ проявленіе (manifestation) не нарушало общественнаго порядка, установленнаго закономъ".

11. „Свободное сообщеніе мыслей и мнѣній есть одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ правъ человѣка: каждый гражданинъ можетъ, слѣдовательно, свободно говорить, писать, печатать, подъ условіемъ отвѣтственности за злоупотребленія этою свободою въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ".

12. „Для гарантіи правъ человѣка и гражданина нужна публичная сила; такимъ образомъ, эта сила установлена для счастья всѣхъ, а не для частной выгоды тѣхъ, кому она ввѣрена".

13. „Для содержанія общественной силы и для расходовъ администраціи необходимо общее обложеніе (contribution): налоги должны быть распредѣлены равномѣрно между гражданами сообразно съ ихъ средствами (facultés)".

14. „Всѣ граждане имѣютъ право лично или чрезъ своихъ представителей опредѣлять необходимость общественныхъ налоговъ, свободно на нихъ соглашаться, слѣдить за ихъ употребленіемъ, устанавливать ихъ размѣръ, основанія раскладки, способъ взиманія и срокъ".

15. „Общество имѣетъ право требовать отчета у каждаго публичнаго агента своей администраціи".

16. „Каждое общество, въ которомъ не обезпечена гарантія правъ и не установлено раздѣленіе властей, не имѣетъ конституціи (n'a point de constitution)".

17. „Такъ какъ собственность есть ненарушимое (inviolable) и священное право, то никто не можетъ быть ея лишаемъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда того очевидно требуетъ общественная надобность, законно засвидѣтельствованная, и подъ условіемъ справедливаго и предварительнаго вознагражденія".

Вотъ и все содержаніе деклараціи. Въ ней, какъ мы видимъ, положенія политической философіи XVIII в. въ качествѣ требованій „естественнаго закона" ставятся выше самой конституціи: этимъ ея составители думали ограничить суверенитетъ государства по отношенію къ свободѣ личности, содержаніе коей опредѣляется статьями 7—11 и 17. *Индивидуалистическій характеръ деклараціи явствуетъ изъ заявленія, что люди рождаются и остаются*

свободными (и равными) въ правахъ,—заявленія, поставленнаго во главѣ деклараціи (ст. 1). *Другая основная черта деклараціи, это— признаніе ею принципа народовластія* (ст. 3), хотя декларація и не дѣлаетъ отсюда никакого вывода относительно формы правленія. Въ первомъ отношеніи декларація примыкаетъ къ индивидуалистической традиціи Монтескье, во второмъ—къ идеямъ Руссо, отъ коего, впрочемъ, отступаетъ въ вопросахъ о представительствѣ (ст. 6) и о раздѣленіи властей (ст. 7), равно какъ о гарантіи личныхъ правъ [1]). Идея личности, какъ обладающей прирожденною и неотчуждаемою свободою, и идея націи, какъ обладательницы верховной власти въ государствѣ,—вотъ двѣ основныя идеи приведенной деклараціи: мы и посмотримъ теперь, какъ обѣ эти идеи осуществлялись въ законодательствѣ учредительнаго собранія, послѣ чего намъ можно будетъ перейти и къ реформамъ, не имѣющимъ непосредственнаго отношенія къ указаннымъ идеямъ.

Принципъ индивидуальной свободы въ общественной жизни, въ политической философіи и въ законодательствѣ имѣетъ весьма длинную исторію [2]), въ которой принципамъ 1789 г. принадлежитъ весьма видное мѣсто. Мы только-что видѣли, какъ „декларація правъ человѣка и гражданина“ провозгласила прирожденность людямъ извѣстныхъ естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ (ст. 1—2), пользованіе коими не должно было имѣть иныхъ границъ, кромѣ обезпечивающихъ и за другими пользованіе тѣми же правами (ст. 4), причемъ законъ какъ можно менѣе долженъ стѣснять индивидуальную свободу, а внѣ закона она ничѣмъ не должна стѣсняться. Мы видѣли также, что декларація обезпечивала личную неприкосновенность отъ произвольнаго ареста (ст. 7) или отъ обратнаго дѣйствія законовъ (ст. 8), равно какъ отъ излишнихъ строгостей въ случаѣ уголовнаго обвиненія (ст. 9), что деклараціей обезпечивались, далѣе, свобода совѣсти, свобода мысли, свобода слова (ст. 10—11), что собственность гражданина признавалась ненарушимымъ и священнымъ правомъ личности (ст. 17). Всѣмъ этимъ не ограничивалось еще то, что учредительное собраніе сдѣлало для расширенія личныхъ правъ, хотя это еще другой вопросъ, насколько все это было гарантировано не на словахъ только, но и на дѣлѣ, именно постановкою этихъ правъ подъ защиту суда отъ возможнаго ихъ нарушенія со стороны законодательной и исполнительной власти, по примѣру охраны, существовавшей въ Англіи [3]): послѣдняго, къ сожалѣнію, сдѣлано не было, ибо въ угоду теоріи раздѣленія властей собраніе считало

---

[1]) Взгляды Монтескье и Руссо по этимъ пунктамъ см. выше стр. 186—187 и 209—210.

[2]) Т. I, гл. XXI и XXV. Т. II, гл. XX, XXXVI, XLI, и др., а также выше, гл. VI.

[3]) Англійскій Habeas corpus act, о коемъ см. 583.

невозможнымъ ставить дѣйствія администраціи подъ контроль судебныхъ мѣстъ. Кромѣ того, само національное собраніе, стоявшее сначала за безусловную почти свободу слова, сходокъ и эмиграціи, мало-по-малу сошло съ этой точки зрѣнія, когда эти виды свободы, по его мнѣнію, стали приходить въ столкновеніе съ интересами государства (raison d'état). Уже формулируя принципъ свободы совѣсти, конституанта ограничивала ее условіемъ, чтобы проявленіе религіозныхъ мнѣній не нарушало общественнаго порядка, т.-е. оговоркою, не дававшею права, напр., протестантамъ на свободное отправленіе своего культа, и напрасно Мирабо горячо поддерживалъ тутъ одного депутата, предлагавшаго внести въ статью еще слова: „и никто не долженъ встрѣчать препятствій въ отправленіи своего культа", дабы свобода совѣсти, дѣйствительно, установилась во Франціи, гарантируемая закономъ. Гораздо либеральнѣе отнеслось собраніе къ свободѣ слова устнаго, письменнаго (неприкосновенность частной переписки) и печатнаго (освобожденіе печати отъ предварительной цензуры), но и здѣсь, когда собраніе нашло, что періодическая пресса стала грозить опасностью общественному порядку, проступки по дѣламъ печати не столько стали вызывать судебное преслѣдованіе, сколько административныя мѣропріятія, какъ это было послѣ знаменитаго дѣла на Марсовомъ полѣ 17 іюля 1791 г. [1]). То же самое было и съ правомъ сходокъ и петицій: сначала собраніе было къ нимъ благосклонно, но подконецъ оно стало ограничивать, напр., дѣятельность клубовъ [2]) и право петицій, установивъ въ послѣднемъ отношеніи правило, по коему содержаніе подаваемой петиціи должно было быть заранѣе извѣстно властямъ, и самыя петиціи должны были быть подписаны опредѣленными именами, а не подаваться, напр., просто отъ имени народа. Кромѣ того, національное собраніе издало такъ называемый военный законъ противъ мятежныхъ скопищъ (loi martiale). Мирабо былъ противъ такого закона, когда онъ только-что былъ предложенъ, — но самъ вошелъ въ коммиссію, вырабатывавшую его подробности, дабы смягчить его примѣненіе предоставленіемъ права его примѣнять выборнымъ муниципальнымъ властямъ, допущеніемъ переговоровъ съ скопищемъ и, наконецъ, разрѣшеніемъ дѣйствовать силою лишь послѣ троекратнаго увѣщанія и выкидки краснаго знамени [3]). Мирабо, какъ мы видѣли [4]), отстаивалъ и право эмиграціи отъ стѣсненій, которому конституанта задумала подвергнуть выѣздъ ихъ за-границу въ виду политической опасности, какую представляли выходцы, интриговавшіе при иностранныхъ дворахъ. Такимъ

---

[1]) См. выше, стр. 512—513.

[2]) См. выше, стр. 501—502.

[3]) См. выше, стр. 512—513.

[4]) См. выше, стр. 507.

образомъ, учредительное собранiе въ нѣкоторыхъ случаяхъ само нашло *нужнымъ ограничивать индивидуальную свободу во имя государственной необходимости*, и мы еще увидимъ, что впослѣдствiи борьба революцiи съ враждебными ей силами, что опасности, коимъ новый порядокъ подвергался со стороны дѣйствительныхъ или мнимыхъ враговъ, что старая привычка къ административному произволу въ связи съ необходимостью диктатуры, вызывавшеюся внѣшнимъ положенiемъ Францiи, и съ политической теорiей, не дорожившей принципомъ индивидуальной свободы и, наоборотъ, ничѣмъ не ограничивавшей суверенную власть народа [1],—что все это должно было взять перевѣсъ надъ этимъ порывомъ французскаго общества къ обезпеченiю правъ личности. Впрочемъ, *въ нѣкоторыхъ сферахъ законодательство учредительнаго собранiя установило принципъ личнаго права весьма прочно*, уничтоживъ разныя стѣсненiя, коимъ подлежала индивидуальная свобода въ силу прежнихъ отношенiй. Личность освобождалась не только отъ полнаго произвола, господствовавшаго въ отношенiяхъ къ ней со стороны государства прежнихъ временъ, но и отъ всего того, въ чемъ *феодализмъ и католицизмъ ограничивали ея права*: пало крѣпостничество и всякiя стѣсненiя правъ личной свободы и собственности, вытекавшiя изъ сеньерьяльныхъ правъ; отмѣнена были утрата монашествующими ихъ гражданскихъ правъ [2], равно какъ исключенiе изъ пользованiя правами французскаго гражданства—протестантовъ и евреевъ, получившихъ теперь полную равноправность съ католиками. Только свободную человѣческую личность учредительное собранiе хотѣло видѣть и въ лицахъ низшихъ расъ, и въ иностранцахъ: негръ-невольникъ, попавъ на французскую территорiю, становился свободнымъ [3], а по отношенiю къ иностранцамъ отмѣненъ былъ обэнажъ, лишавшiй ихъ права оставлять въ наслѣдство своимъ дѣтямъ собственность, находившуюся во Францiи [4]. Разъ „естественныя и неотчуждаемыя права“ личности признавались за всѣми людьми, каковы бы ни были ихъ общественное положенiе, ихъ религiя, ихъ происхожденiе, тотъ же принципъ долженъ былъ опредѣлить собою и многiя отношенiя права семейнаго и имущественнаго. По законодательству учредительнаго собранiя, дѣти обоихъ половъ, достигшiя совершеннолѣтiя (21 года), эманципировались отъ родительской власти равно какъ уравнивались въ правахъ на наслѣдство всѣ дѣти, однихъ и тѣхъ же родителей безъ различiя старшинства и мужского или женскаго пола. За преступленiе, совершенное однимъ

---

[1]) Имѣемъ въ виду теорiю Руссо. См. выше, стр. 208—209.

[2]) Имъ нельзя было только наслѣдовать имущество.

[3]) Рабство въ колонiяхъ было отмѣнено лишь декретомъ 4 февр. 1794.

[4]) См. выше, стр. 73.

членомъ семьи, другіе не должны были страдать въ своемъ добромъ имени и въ имущественныхъ правахъ, въ силу чего, напр., конфискація имущества вычеркивалась изъ уголовнаго кодекса [1]). Наконецъ, признавалась за собственникомъ полная свобода посмертнаго распоряженія своимъ имуществомъ (посредствомъ завѣщанія) и уничтожалось право наслѣдниковъ на родовой выкупъ (retrait lignager) проданнаго имѣнія: собственность получила чисто индивидуальный характеръ, такъ какъ законы, ограничивавшіе право распоряженія ею въ интересахъ наслѣдниковъ (принципъ фамильной собственности), отмѣнялись во имя безусловнаго личнаго права. Наконецъ, учредительное собраніе отмѣнило всѣ старыя,—цеховыя и отчасти протекціонистическія—стѣсненія, лежавшія на выборѣ занятій, уничтоживъ корпораціи, жюранды и метризы и объявивъ свободу труда и промышленности. Мы видѣли, что уже Тюрго думалъ о томъ же самомъ, [2]), и что старая цеховая организація, дѣйствительно, не соотвѣтствовала болѣе ни духу, ни потребностямъ времени. Но въ своей погонѣ за безусловною свободою индивидуума въ сферѣ этихъ отношеній, боясь возстановленія подъ новымъ именемъ старыхъ цеховъ со всѣмъ, что въ нихъ было противнаго индивидуальной свободѣ, учредительное собраніе зашло слишкомъ далеко, запретивъ и на будущее время всякія промышленныя рабочія ассоціаціи. Впослѣдствіи это запрещеніе дало себя знать въ экономической жизни не одной Франціи [3]), когда надежды на свободную конкурренцію индивидуальныхъ силъ оказались неоправдавшими тѣхъ надеждъ, какія на нихъ возлагались. Такимъ образомъ мы видимъ, что *во имя принципа личной свободы и тѣсно связаннаго съ нимъ гражданскаго равенства учредительное собраніе разрушало цѣлый рядъ прежнихъ правовыхъ нормъ, коренившихся въ старыхъ феодальныхъ, католическихъ, цеховыхъ и даже родовыхъ учрежденіяхъ*, поскольку именно этими нормами нарушались равно всѣмъ людямъ прирожденныя естественныя права. Философія „естественнаго права“ давала новую основу для личнаго начала въ общественной жизни, и учредительное собраніе полнѣе, чѣмъ кто-либо раньше, вводило принципы этой философіи въ самую жизнь общества, давая имъ законодательную санкцію [4]). По этой же философіи изъ такихъ равныхъ другъ другу въ правахъ и рожденныхъ свободными людей образуется совокупность гражданъ, составляющая изъ себя націю, которой все по тому же естественному

---

[1]) Но на дѣлѣ позднѣе она практиковалась въ страшныхъ размѣрахъ за преступленія политическія.

[2]) См. выше, стр. 432—433, 435.

[3]) См. въ IV томѣ.

[4]) Ср. выше, что сказано о философскомъ элементѣ въ законодательствѣ „просвѣщеннаго абсолютизма“ (стр. 280, 283—285, 360, 365 и др.).

праву и должна была принадлежать верховная власть въ государствѣ. Разсмотримъ теперь, какъ былъ проведенъ этотъ другой принципъ философіи „естественнаго права“ въ учрежденіяхъ, созданныхъ первымъ національнымъ собраніемъ Франціи.

„Верховная власть, гласитъ конституція 1791 г., едина, нераздѣльна, неотчуждаема и неотъемлема; она принадлежитъ націи; никакая часть народа и никакое отдѣльное лицо не можетъ приписывать себѣ пользованіе ею (раздѣлъ I, статья 1). Нація, отъ которой единственно происходятъ всѣ власти, можетъ пользоваться ими лишь посредствомъ делегаціи. Французская конституція есть представительная: представители суть законодательный корпусъ (le corps législatif) и король“ (ст. 2). Такимъ образомъ по конституціи 1791 г. державная нація проявляла свою верховную власть черезъ двухъ своихъ уполномоченныхъ, изъ коихъ однимъ былъ наслѣдственный король, но такъ какъ историческая монархическая власть не была власть делегированною и потому самое понятіе делегаціи несовмѣстимо съ представленіемъ о монархіи, то *по существу дѣла конституція 1791 г. была республиканская, имѣя лишь монархическую форму*, такъ какъ превращала королевское достоинство въ наслѣдственную республиканскую магистратуру совершенно въ духѣ политической теоріи Мабли и отчасти Руссо [1]). Между этими двумя уполномоченными націи, т.-е. законодательнымъ корпусомъ и королемъ, конституція 1791 г. согласно ученіямъ Монтескье и Мабли [2]), раздѣляетъ власть законодательную и исполнительную. Первая „поручается (est délégué) національному собранію, составленному изъ временныхъ представителей, свободно избранныхъ народомъ, дабы собраніе это пользовалось ею съ королевскою санкціей“ (ст. 3), такъ что и въ данномъ случаѣ конституція 1791 г. воспроизводитъ идеи Монтескье и Мабли, считавшихъ наилучшею формою представительство, а не идеи Руссо, который не допускалъ ни раздѣленія властей, ни представительства [3]), тогда какъ по взгляду на королевскую власть эта конституція заимствуетъ свои тезисы скорѣе только у Руссо и Мабли. „Правительство [4]) есть монархическое: исполнительная власть делегируется королю, чтобы отправляться отъ его имени (sous son autorité) министрами и другими отвѣтственными агентами“ (ст. 4). Наконецъ судебная власть совсѣмъ какъ у Монтескье [5]), делегируется судьямъ, на время выбраннымъ народомъ (ст. 5). По конституціи 1791 г. для

---

[1]) См. выше, стр. 237—238 и 210—211. Теорія Руссо не допускала наслѣдственности.

[2]) См. выше, стр. 187 и слѣд., 237. Мабли былъ противъ veto.

[3]) См. выше, стр. 209—210.

[4]) См. употребленіе слова у Руссо, стр. 210.

[5]) См. выше, стр. 185.

замѣщенія должностныхъ лицъ широкое значеніе давалось принципу народнаго избранія, совершавшагося въ первичныхъ собраніяхъ (assemblées primaires) самихъ гражданъ или въ департаментскихъ собраніяхъ лицъ, выбранныхъ въ первичныхъ. *Вопреки „деклараціи правъ человѣка и гражданина“, признавшей общее равенство въ правахъ, конституція 1791г. раздѣлила гражданъ на активныхъ и пассивныхъ*, признавъ значеніе первыхъ лишь за тѣми природными или натурализованными французами, которые достигли двадцатипятилѣтняго возраста, имѣли осѣдлость въ городѣ или кантонѣ въ теченіе извѣстнаго времени, платили прямой налогъ, по крайней мѣрѣ, не менѣе, чѣмъ трехдневная заработная плата, не состояли ни у кого въ услуженіи за жалованіе, числились на мѣстѣ жительства въ спискахъ національной гвардіи и принесли гражданскую присягу (разд. II, ст. 2). Этою статьею конституціи устранялась изъ пользованія политическими правами бѣднѣйшая часть націи,—напр., въ деревняхъ всѣ батраки [1]), нанимавшіеся въ услуженіе къ сельскимъ хозяевамъ,—хотя цензъ, установленный для активныхъ гражданъ (не безъ вліянія теорій Монтескье и Мабли [2]), не былъ настолько великъ, чтобы конституцію 1791 г. въ этомъ пунктѣ нужно было считать прямо буржуазной. Активные граждане составляли первичныя собранія, въ коихъ должны были выбираться, кромѣ муниципальныхъ властей, выборщики (électeurs)—съ болѣе, уже значительнымъ имущественнымъ цензомъ—для образованія въ каждомъ департаментѣ, на какіе была раздѣлена Франція, особаго избирательнаго собранія (assemblée électorale), выбиравшаго кромѣ департаментской администраціи, и представителей въ національное собраніе, каковыми могли быть вообще активные граждане. Представители выбирались на два года (на одну легислатуру) съ правомъ переизбранія безъ перерыва лишь еще на два года и считались представителями не отдѣльныхъ департаментовъ, а всей націи, коихъ притомъ не могъ связывать никакой mandat impératif [3]). Законодательный корпусъ, состоявшій лишь изъ одной палаты, долженъ былъ непрерывно засѣдать два года,—что и называлось одной легислатурой,—обновляясь лишь на основаніи закона (de plein droit), т.-е. безъ созыва королемъ (разд. III, гл. I, ст. 4), который не могъ также и распускать законодательнаго корпуса (ст. 5). Конституція одному законодательному корпусу предоставляла право предлагать и декретировать законы; въ его распоряженіе отдавались финансы, національныя имущества, сухопутныя

---

[1]) См. выше, стр. 102.

[2]) Ср. выше. стр. 186 и 239.

[3]) Но по разд. III, гл. I, ст. 3, первое законодательное собраніе должно было разойтись въ концѣ апрѣля 1793 г.

и морскія силы; объявленіе войны могло произойти не иначе, какъ въ силу декрета національнаго собранія, изданнаго по формальному предложенію короля. Послѣднему предоставлялось право отказывать въ согласіи своемъ на декреты законодательнаго корпуса (разд. III, гл. 3, секц, 3, ст. 1), но этотъ отказъ могъ быть только отсрочивающимъ: „разъ двѣ легислатуры, слѣдующія за тою, которая представила декретъ (на королевскую санкцію), одна за другою снова представятъ тотъ же самый декретъ и въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ такомъ случаѣ будетъ считаться, что король далъ свою санкцію" (le roi sera censé avoir donné la sanction, ст. 2). Это и было то отсрочивающее „veto" (veto suspensif), которое было предметомъ долгихъ споровъ и въ концѣ концовъ восторжествовало надъ безусловнымъ „veto" (veto absolu), игравшимъ большую роль въ политической теоріи Монтескье и защищавшимся Мирабо [1]). Мы увидимъ, что когда была примѣнена конституція 1791 г., французы не снесли и этого отсрочивающаго „veto".

Авторы конституціи 1791 г. находились подъ сильнымъ вліяніемъ политической теоріи Мабли, представлявшей изъ себя нѣчто среднее между теоріями Монтескье и Руссо [2]). Стоя вмѣстѣ съ первымъ изъ послѣднихъ двухъ писателей на точкѣ зрѣнія необходимости раздѣленія властей съ предоставленіемъ королю власти исполнительной, учредительное собраніе вмѣстѣ со вторымъ понимало, однако, значеніе монархическаго правительства въ смыслѣ простого исполненія народной воли. Облекая „короля французовъ" такимъ „pouvoir exécutif", конституція 1791 г., такъ сказать, требовала, чтобы онъ немедленно передалъ ее министрамъ и другимъ отвѣтственнымъ агентамъ; но конституція не устанавливала парламентарнаго министерства, т.-е. такого органа исполнительной власти изъ членовъ самого законодательнаго корпуса, какимъ былъ англійскій кабинетъ [3]) и какого добивался Мирабо [4]). Въ этомъ было большое неудобство, ибо не создавалось связующаго звена между королевскою властью и народнымъ представительствомъ, и въ законодательномъ корпусѣ отвѣтственные министры короля могли встрѣчать только критику и оппозицію, но не могли имѣть ни откуда поддержки. Впослѣдствіи сама жизнь указала на необходимость парламентарнаго министерства и дѣйствительно вызвала нѣчто подобное къ жизни [5]). Такимъ образомъ, ко-

---

[1]) См. выше, стр. 187 и 505—506.
[2]) См. выше, стр. 236 и слѣд.
[3]) См. выше, стр. 66.
[4]) См. выше, стр. 506.
[5]) См. ниже о жирондистскомъ министерствѣ.

роль не созывалъ и не распускалъ національнаго собранія, не имѣлъ самостоятельной законодательной инициативы и имѣлъ право лишь отсрочивающаго „veto", а кромѣ того, долженъ былъ пользоваться властью не иначе, какъ чрезъ посредство отвѣтственныхъ министровъ, которые, однако, не были членами законодательнаго собранія: всѣ эти ограниченія королевской прерогативы (мы сравниваемъ конституцію 1791 г. съ англійской) были введены въ монархическую конституцію, какую хотѣло создать учредительное собраніе, изъ личнаго недовѣрія къ Людовику XVI [1]) и изъ боязни, какъ бы малѣйшая самостоятельность монарха не послужила впослѣдствіи способомъ возстановленія абсолютизма, что и дѣлало наиболѣе популярною идею республиканской монархіи Руссо и Мабли. Тѣмъ не менѣе конституція 1791 г. объявляла—въ духѣ теоріи Монтескье [2])—личность короля священной и неприкосновенной (разд. III, гл. 2, секц. 1, ст. 2), и король долженъ былъ только считаться отказавшимся отъ престола (sera censé avoir abdiqué la royauté) въ слѣдующихъ случаяхъ: если не присягнетъ конституціи или возьметъ назадъ данную присягу; если станетъ во главѣ арміи противъ націи или формальнымъ актомъ не воспротивится такому предпріятію, задуманному во имя короля; если, удалившись изъ королевства, не вернется въ назначенный срокъ по приглашенію законодательнаго корпуса (ст. 5—7). Эти статьи явились въ конституціи подъ вліяніемъ всего поведенія Людовика XVI и особенно подъ вліяніемъ его попытки бѣгства. Послѣ отреченія король долженъ былъ сдѣлаться простымъ гражданиномъ, и тогда его можно было судить и обвинить за дѣйствія, совершенныя послѣ отреченія.

Принципъ народовластія, какъ мы только-что видѣли, былъ вполнѣ осуществленъ въ организаціи законодательной власти, которая была почти безраздѣльно ввѣрена національному собранію, да и самымъ отсрочивающимъ „veto" король пользовался въ силу делегированнаго ему народомъ права. На томъ же принципѣ была основана организація исполнительной и судебной властей. Конституція 1791 г., передавая первую изъ нихъ наслѣдственному королю, въ сущности не давала ему органовъ для отправленія этой функціи: ни король, ни министры не участвовали въ замѣщеніи административныхъ должностей и не могли смѣщать чиновниковъ, ибо и *вся администрація была построена на началѣ народнаго избранія.* Мы еще увидимъ, что учредительное собраніе дало Франціи новое административное дѣленіе на департаменты, дистрикты и муниципалитеты, причемъ не

---

[1]) См. выше, стр. 187—188.
[2]) См. выше, стр. 510 и слѣд.

только не было сдѣлано различія между органами центральнаго управленія и самоуправленія, но введенъ былъ принципъ замѣщенія административныхъ должностей путемъ народнаго избранія въ первичныхъ и департаментскихъ собраніяхъ. Отдѣливъ строжайшимъ образомъ въ силу теоріи Монтескье администрацію отъ суда [1]) и сдѣлавъ первую совершенно независимою отъ контроля со стороны второго (къ ущербу гарантій личной свободы [2]), учредительное собраніе построило всѣ органы администраціи по одному типу: вездѣ были совѣщательныя коллегіи и исполнительные комитеты. Мѣстныя и притомъ именно выборныя власти вѣдали и общегосударственныя дѣла, оставаясь, однако, совершенно независимыми отъ центральнаго правительства, мало того — считая даже себя въ правѣ ему не повиноваться по примѣру старыхъ парламентовъ. Организовавъ законодательную власть, учредительное собраніе, совершенно такимъ образомъ дезорганизовало власть исполнительную: то, что давалось королю или вообще центральному правительству подъ этимъ именемъ, было въ сущности фикціей, ибо у короля не было даже органовъ для контроля надъ дѣйствіями административныхъ лицъ и учрежденій. Учредительное собраніе понимало всѣ недостатки старой централизаціи и хотя, какъ мы еще увидимъ, само способствовало усиленію этого принципа въ будущемъ, но вмѣсто того, чтобы сочетать принципы центральнаго правительства и самоуправленія, построило всю администрацію на началахъ самой крайней децентрализаціи, какъ бы осуществляя старую мысль д'Аржансона о королевской демократіи [3]). Франція, дѣйствительно, раздѣлена была какъ бы на отдѣльныя республики, совершенно независимыя отъ центральнаго правительства, что вносило уже прямо анархію въ дѣло управленія. Недовѣріе къ королевской власти, къ ея прежнимъ органамъ въ провинціяхъ (къ интендантамъ), къ административной централизаціи вообще склонило учредительное собраніе къ тому, чтобы не только ввести въ жизнь Франціи мѣстное самоуправленіе, но и передать въ вѣдѣніе его органовъ то, что должно было бы остаться въ рукахъ центральнаго правительства и его органовъ въ отдѣльныхъ селахъ, городахъ и цѣлыхъ провинціяхъ.

Въ судебной организаціи произошло то же самое: не довѣряя старому судейскому сословію, учредительное собраніе не только не установило особыхъ аппелляціонныхъ палатъ, подъ видомъ коихъ могли бы возродиться старые парламенты, но даже и не требовало того, чтобы судьи обладали необходимыми юридическими знаніями, опасаясь, какъ бы не возродилось старое судейское сословіе. Введши институтъ

[1]) См. то же въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма", стр. 363 и слѣд.
[2]) См. выше, стр. 523.
[3]) См. выше, стр. 234—235.

присяжныхъ засѣдателей для уголовныхъ дѣлъ (большое jury для преданія суду, и малое для произнесенія приговора), учредительное собраніе и судейскія должности, какъ мировыхъ судей, такъ и членовъ департаментскихъ трибуналовъ (окружныхъ судовъ) сдѣлала выборными, такъ что и здѣсь былъ примѣненъ принципъ народовластія. Судебное вѣдомство съ кассаціоннымъ судомъ во главѣ, впрочемъ, наименѣе подвергалось впослѣдствіи перемѣнамъ, если не считать, напр., позднѣйшаго введенія аппелляціонныхъ палатъ и т. п. Судопроизводство было также реформировано и во многихъ отношеніяхъ въ духѣ гарантій личной неприкосновенности.

Конституція 1791 г. просуществовала не долго. Хотя ея составители сами отказались отъ возможности сдѣлаться и проводниками ея въ жизнь, тѣмъ не менѣе они проявили большую заботливость объ упроченіи ея существованія особымъ конституціональнымъ же закономъ. Признавъ за націей неотъемлемое право измѣнять конституцію [1]), но въ то же время считая, что было бы прямо въ національномъ интересѣ пользоваться правомъ реформировать ея статьи, неудобства коихъ укажетъ опытъ, не иначе, какъ способомъ, указаннымъ въ самой же конституціи, учредительное собраніе обставило „пересмотръ (la revision) конституціонныхъ декретовъ“ такими формальностями, что первымъ двумъ легислатурамъ не давалось вообще права подымать этотъ вопросъ, а затѣмъ требовалось, чтобы то или другое измѣненіе предлагалось одинаковымъ образомъ тремя послѣдовательными легислатурами, послѣ чего лишь четвертая, да и то усиленная 249 новыми членами (всѣхъ было 743), могла приступить къ самому пересмотру (разд. VII). При соблюденіи этихъ условій конституція 1791 г. должна была бы просуществоватъ неизмѣнною, по крайней мѣрѣ, 10 лѣтъ, но она просуществовала лишь съ небольшимъ десять мѣсяцевъ. Кромѣ внѣшнихъ причинъ, на которыя своевременно будетъ указано, тутъ дѣйствовали причины, лежавшія и въ самой конституціи 1791 г. Декларація правъ поставила естественныя права человѣка и гражданина выше всякаго положительнаго закона, а между тѣмъ конституціонный актъ 1791 г. въ одномъ отношеніи (по вопросу о пересмотрѣ) долженъ былъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ связывать національную волю, а въ другомъ (въ раздѣленіи гражданъ на активные и пассивные) противорѣчилъ деклараціи правъ, объявлявшей равенство всѣхъ гражданъ. Нѣсколько параграфовъ конституціоннаго акта оказались плохой гарантіей противъ новаго проявленія національной воли, какъ бы ни было случайно послѣднее, а установленіе имущественнаго ценза, притомъ такого низкаго, при которомъ гражданинъ очень легко могъ лишаться политическихъ

[1]) Ср. мнѣніе Руссо объ этомъ (выше стр. 210—211). Въ Англіи нѣтъ различія между обыкновенными и конституціонными законами, см. выше, стр. 64.

правъ въ силу какихъ-либо случайностей, вооружало противъ конституціи массу гражданъ. Въ этомъ заключалось одно внутреннее противорѣчіе конституціи. Другое было въ томъ, что въ ней монархическая форма совсѣмъ не соотвѣтствовала республиканскому содержанію: первая показалась впослѣдствіи помѣхою людямъ, настроеннымъ на республиканскій ладъ, тогда какъ второе было причиной оппозиціи, въ какую стали къ ней не только дворъ, но и многіе конституціонные монархисты. Наконецъ, конституція 1791 г. совершенно разрушала всякую возможность управленія Франціей законною центральною властью, хотя и подготовила почву для еще большей, чѣмъ прежде, централизаціи полнымъ уничтоженіемъ всѣхъ областныхъ особенностей, но, такъ какъ Франція привыкла къ повиновенію приказамъ, которые исходили изъ центра, то мѣсто правительства, оставленное въ конституціи 1791 г. незанятымъ, занято было впослѣдствіи якобинскимъ клубомъ, стоявшимъ во главѣ цѣлыхъ сотенъ филіальныхъ отдѣленій въ провинціяхъ.

Хотя конституція 1791 г. не продержалась и года, хотя послѣ нея во Франціи смѣнилось еще нѣсколько конституцій до нынѣ дѣйствующей конституціи 1875 г., но въ основѣ ихъ всѣхъ и великаго множества другихъ, издававшихся въ иныхъ странахъ подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ французской революціи, мы *находимъ однѣ и тѣ же политическія идеи, сдѣлавшіяся основными принципами государственнаго права западно-европейскихъ народовъ въ XIX вѣкѣ*, такъ что о конституціи 1791 г. нужно судить не только по ея отношенію къ ея недостаткамъ и къ современному ей положенію дѣлъ во Франціи, но и по отношенію ко многимъ изъ ея принциповъ, утвердившихся въ новѣйшемъ государственномъ правѣ, притомъ не одной Франціи, но и другихъ странъ западной Европы. Этими принципами являются индивидуальная свобода въ смыслѣ личной неприкосновенности и разныхъ видовъ независимаго проявленія личности въ области вѣры, мысли, слова и свобода политическая въ смыслѣ народнаго участія чрезъ представителей въ законодательствѣ и управленіи, т.-е. тѣ начала, которыя уже осуществлялись раньше въ англійской государственной жизни, поэтому 1789 г. для другихъ странъ западной Европы былъ началомъ и рецепціи" конституціонныхъ учрежденій, выработанныхъ въ Англіи. Какъ ни смотрѣли во Франціи свысока на англійскія учрежденія и нѣкоторые публицисты XVIII в. [1]), и весьма многіе дѣятели 1789 г., думавшіе создать нѣчто болѣе совершенное, чѣмъ во многихъ сторонахъ своихъ чисто „готическая" англійская конституція, въ сущности „принципы 1789 г." были перенесеніемъ во Францію основныхъ началъ англійской же конституціи лишь въ демократиче-

---

[1]) См. выше, стр. 209 и 237.

ской оболочкѣ. Принципы эти, однако, не нашли для себя во Франціи сразу вполнѣ подходящей почвы: торжество индивидуальной свободы было кратковременнымъ, ибо всѣмъ предыдущимъ политическимъ воспитаніемъ своимъ Франція была мало подготовлена къ тому, чтобы ее осуществить [1]), ибо учредительное собраніе не создало для нея реальныхъ гарантій [2]), ибо чрезвычайныя событія, переживавшіяся государствомъ, создавали потомъ надобность въ диктатурѣ, ибо, наконецъ, многіе дѣятели революціи стали „смѣшивать свободу народа съ властью народа" [3]) и даже прямо не дорожили принципомъ индивидуальной свободы. И народовластіе, столь прочно привившееся къ американской почвѣ, не осуществило дѣйствительнаго политическаго самоуправленія, и старая королевская власть Божіею милостью смѣнилась—послѣ неудачи съ конституціонной монархіей—такимъ же, какъ и прежде, абсолютизмомъ диктатуры во имя народа—сначала якобинскою, потомъ военною. Все это доказываетъ только, что новые принципы осуществляются въ жизни не сразу [4]).

XXXVII. Преобразованіе общественнаго строя Франціи во время революціи [5]).

Разрушеніе католико-феодальнаго строя въ новое время. — Старыя провинціи и административная реформа конституанты.—Права корпорацій и личное начало.— Паденіе сословнаго устройства французскаго общества.—Буржуазія и народъ.— Французская демократія.—Отмѣна феодальныхъ правъ.—Отношеніе революціи къ крестьянамъ.—Французская революція и духовенство. — Гражданское уложеніе о духовенствѣ. — Продажа національныхъ имуществъ.

Революція 1789 г. имѣла значеніе не только политическаго переворота, съ которымъ соединены были реформы административныя, судебныя, финансовыя и т. п., но и *значеніе весьма крупнаго событія въ соціальной исторіи Франціи и другихъ странъ,* на которыхъ сказалось вліяніе этой революціи. Уже не разъ нами указывалось на то, что старые государственные и общественные порядки, противъ коихъ была направлена революція, заключались въ соединеніи политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями [6]). Конституція 1791 г.,

---

[1]) См. выше, стр. 37 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 523—524.

[3]) См. выше, стр. 182 и 208.

[4]) То же самое см. по отношенію къ реформаціи въ гл. XX второго тома.

[5]) Указанія на литературу см. въ предыдущей главѣ.

[6]) См. выше, стр. 18 и слѣд.

основные принципы коей были изложены въ „декларацiи правъ человѣка и гражданина“, имѣла своею цѣлью замѣнить прежнюю абсолютную монархiю представительнымъ образомъ правленiя, но въ той же декларацiи заключались принципы, въ силу коихъ долженъ былъ быть реформированъ и соцiальный строй Францiи, а именно, общество, раздѣлявшееся на отдѣльныя сословiя съ разными правами, привилегiями и обязанностями, должно было превратиться въ нацiю, состоящую лишь изъ равноправныхъ гражданъ, причемъ и духовенство должно было утратить значенiе особаго привилегированнаго сословiя, превратившись въ простой, такъ сказать профессiональный классъ служителей религiи. Вся новая исторiя имѣетъ своимъ содержанiемъ въ соцiальной своей сторонѣ постепенное разрушенiе католико-феодальнаго строя, ведущаго свое начало изъ среднихъ вѣковъ. Процессъ этотъ въ различныхъ странахъ совершался различнымъ образомъ, т.-е. гдѣ раньше, гдѣ позже, когда путемъ дѣйствiя государственной власти, когда путемъ народныхъ движенiй и т. п.,—и ранѣе всего безсословная нацiя стала вырабатываться въ Англiи [1]), гдѣ поэтому уже осуществлялось [2]) въ XVIII в. то, къ чему Францiя въ прошломъ столѣтiи только стремилась и чего достигла лишь благодаря революцiи 1789 г. Если въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“ королевская власть во имя интересовъ государства и новой государственной идеи начинала рѣшительнѣе, чѣмъ прежде, дѣйствовать въ области соцiальныхъ отношенiй [3]), завѣщанныхъ новой Европѣ средневѣковымъ католико-феодальнымъ строемъ, то уже не одна государственная идея революцiи, сводившаяся къ принципамъ естественнаго права, верховенства нацiи, осуществленiя государствомъ общаго блага и т. п., требовала уничтоженiя всего, что существовало лишь въ силу права историческаго, раздробляло нацiю на сословiя, создавало привилегiи и имѣло въ виду не интересы государства, а отдѣльныхъ общественныхъ группъ: требовала уничтоженiя всего указаннаго и идея естественнаго права личности, права, принадлежащаго ей, какъ таковой, а не въ силу ея случайнаго рожденiя въ томъ или другомъ общественномъ состоянiи,—права на свободу и равенство, которыя нарушались существованiемъ сословныхъ перегородокъ, сословныхъ привилегiй, сословнаго неравенства. Религiозная реформацiя въ XVI в. уничтожила въ протестантскихъ странахъ духовенство, какъ особое привилегированное сословiе [4]), и къ тому же до извѣстной степени стремился и „просвѣщенный абсолютизмъ“ [5]); ту же цѣль поставила себѣ и французская революцiя: ду-

---

[1]) Т. I, гл. XVI.

[2]) См. выше, стр. 90 и слѣд.

[3]) См. выше, гл. XXVIII.

[4]) См. выше, стр. 82.

[5]) Имѣемъ въ виду Iосифа II.

ховныя лица должны были сравняться въ правахъ со всѣми остальными гражданами государства. Въ такомъ же направленіи совершалась и та борьба, какую „просвѣщенный абсолютизмъ" начиналъ противъ привилегій феодальнаго дворянства и всего соціальнаго феодализма. Въ обоихъ случаяхъ имѣлись въ виду и интересы государства, и интересы большинства, какъ совокупности отдѣльныхъ личностей, права коихъ страдаютъ отъ общественнаго неравенства, но до французской революціи въ борьбѣ правительствъ съ разными сторонами католико-феодальнаго строя ставились главнымъ образомъ цѣлью права̀ и интересы государства [1]), тогда какъ права и интересы личности и народа, какъ совокупности отдѣльныхъ индивидуумовъ, въ расчетъ принимались плохо. Въ другомъ мѣстѣ [2]) мы указывали уже, что католико-феодальный строй былъ одинаково стѣснителенъ и для государства, и для личности и что борьба съ этимъ строемъ велась во имя началъ государственности и индивидуализма, но что первое изъ этихъ началъ развивалось быстрѣе и успѣшнѣе, чѣмъ второе, и даже стало само во враждебное отношеніе къ этому второму началу, потребовавъ для государства безусловныхъ правъ, а на долю личности оставивъ однѣ обязанности. Въ эпоху французской революціи мы впервые *имѣемъ дѣло съ разрушеніемъ католико-феодальнаго строя не только во имя идеи государства, но и во имя естественныхъ, прирожденныхъ и неотъемлемыхъ правъ личности*. Съ этой точки зрѣнія французская революція открываетъ собою совершенно новую эпоху въ исторіи цивилизованнаго міра [3]). Въ борьбѣ своей съ старыми порядками учредительное собраніе исходило, между прочимъ, изъ того представленія, что главная причина народныхъ бѣдствій заключается въ законахъ и учрежденіяхъ, лишающихъ личность ея естественной свободы и нарушающихъ гражданское равенство, но утверждая права личности, учредительное собраніе, какъ мы еще увидимъ, не сознавало необходимости заботиться о матеріальномъ обезпеченіи личности, полагая, что каждый лучше, чѣмъ кто-либо посторонній, можетъ пещись о собственномъ интересѣ, и что равномѣрное распредѣленіе налоговъ, уничтоженіе феодальнаго режима, провозглашеніе свободы труда и т. п., сами по себѣ способны создать народное благосостояніе. Въ этомъ была, конечно, большая ошибка, но изъ того, что учредительное собраніе ее сдѣлало, вовсе не слѣдуетъ, будто сами по себѣ индивидуальная свобода и гражданское равенство ничего не значили и будто „принципы 1789 г." были нужны только для буржуазіи.

---

[1]) См. выше, стр. 379 и 389.

[2]) Т. I, стр. 266.

[3]) Для всего предыдущаго см. т. I, гл. XXI.

Въ своихъ реформахъ соціальнаго строя учредительное собраніе исходило изъ отвлеченныхъ принциповъ государства, или націи и личности, или гражданина, какъ принципы эти были поставлены въ философіи естественнаго права. Въ послѣдней государство мыслилось внѣ историческихъ его формъ, каковыми являются слѣды происхожденія государства изъ бывшихъ прежде самостоятельными княжествами провинцій, существованіе въ немъ рѣзко одно отъ другого отграниченныхъ сословій, извѣстныя отношенія, установившіяся между нимъ и космополитическимъ учрежденіемъ католической церкви. По конституціи 1791 г. (разд. II, ст. 1) королевство признавалось единымъ и нераздѣльнымъ (un et indivisible) въ согласіи съ единствомъ французской націи и съ отвлеченнымъ представленіемъ о государствѣ. Для удобства управленія оно было распредѣлено (distribué) на 83 департамента, вмѣсто стараго историческаго дѣленія на провинціи, причемъ въ основу новаго дѣленія были положены отвлеченные же, математическіе принципы — возможной равновеликости территоріи отдѣльныхъ департаментовъ (принципъ геометрическій) и возможной равнонаселенности этихъ территорій, полагая на каждый департаментъ приблизительно 400 т. жителей (принципъ ариѳметическій): если-бы мыслимо было осуществить вполнѣ эти принципы, то пришлось бы раздѣлить территорію королевства на подобіе шахматной доски и постараться, чтобы число жителей на одномъ квадратѣ не превышало числа жителей на другомъ. Это искусственное дѣленіе не принимало въ расчетъ ни историческихъ границъ между прежними провинціями, генеральствами, бальяжами и т. п., ни мѣстныхъ условій, такъ что каждый департаментъ представлялъ изъ себя чисто искусственную административную единицу, и это только способствовало еще бо̀льшему развитію принципа централизаціи, когда позднѣе во главѣ каждаго департамента былъ поставленъ правительственный чиновникъ. Франція нуждалась въ бо̀льшемъ объединеніи относительно порядка администраціи, права, финансовой системы и т. п., нуждалась въ уничтоженіи устарѣлыхъ областныхъ привилегій [1]), т. е. *жизнь требовала уничтоженія остатковъ феодализма, поскольку онъ лежалъ въ основаніи неравенства между отдѣльными частями государства*, но самое дѣло свободы требовало болѣе осмотрительнаго отношенія къ реальнымъ условіямъ и потребностямъ мѣстной жизни. Искусственно выкроенные департаменты съ ихъ столь-же искусственными подраздѣленіями на дистрикты, а дистриктовъ на кантоны и съ іерархическимъ подчиненіемъ однихъ другимъ были весьма мало принаровлены къ тому, чтобы сдѣлаться живыми общественными организмами,

---

[1]) См. выше, стр. 48 и слѣд.

не смотря на широкую свободу, имъ предоставленную конституцiей 1791 г. [1]). Во имя абсолютнаго равенства между отдѣльными частями государства, при всемъ желанiи установить мѣстную свободу, учредительное собранiе отнимало у нея всѣ необходимыя условiя, какiя могли заключаться лишь въ томъ, чтобы приняты были въ расчетъ при дѣленiи государства на департаменты реальныя отношенiя отдѣльныхъ мѣстностей, а не отвлеченныя начала равновеликости и равнонаселенности территорiй. Въ своемъ рвенiи къ нивеллированiю, прямо унаслѣдованномъ отъ старой монархiи, учредительное собранiе не хотѣло даже дѣлать различiя въ способѣ управленiя между небольшими деревушками и самыми громадными городами, подводя ихъ одинаково подъ одно понятiе муниципалитетовъ. Мы еще увидимъ, какъ при конвентѣ департаменты и муниципалитеты подчинились фактически одному изъ наиболѣе деспотическихъ центральныхъ правительствъ, какiя только существовали когда-либо во Францiи: къ этому привели, конечно, обстоятельства времени при содѣйствiи привычекъ, привитыхъ нацiи старой системой административной централизацiи, но кромѣ того, дѣйствительная мѣстная автономiя, какъ слишкомъ напоминавшая консервативныя притязанiя старыхъ провинцiй, была противна самому духу той концепцiи государства „единаго и нераздѣльнаго“, главными представителями коего явились якобинцы, прямо отождествлявшiе „федерализмъ“ съ наиболѣе опасными государственными преступленiями: передъ отвлеченной идеей государства должна была пасть всякая мѣстная обособленность, и въ этомъ отношенiи французская революцiя представляетъ немало аналогiй съ централистическими стремленiями старыхъ правительствъ, не исключая „просвѣщеннаго абсолютизма“ (особенно Iосифа II [2]).—Съ тѣмъ же недовѣрiемъ, какъ къ старымъ провинцiямъ, отнеслось учредительное собранiе и къ прежнимъ корпорацiямъ, имѣвшимъ характеръ юридическихъ лицъ. Мѣстная самобытность съ одной и той же точки зрѣнiя должна была казаться столь же опасною для государственнаго единства, хотя въ то же время и вводилась самая широкая децентрализацiя [3]), какъ должны были казаться опасными для индивидуальной свободы какiя бы то ни было корпорацiи, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ допускалось, однако, весьма широкое развитiе клубовъ [4]). Мы уже упомянули, что, уничтожая цехи, учредительное собранiе запрещало и впредь устраивать какiя бы то ни было ассоцiацiи подобнаго рода. Читая декретъ нацiональнаго собранiя (14 iюня 1791 г.),

---

[1]) См. выше, стр. 531.
[2]) См. выше, стр. 352.
[3]) См. выше, стр. 531.
[4]) См. выше, стр. 500 и слѣд. и 526.

уничтожающій „всякаго рода корпораціи гражданъ одного и того же состоянія и профессіи“ и запрещающій „возстановлять ихъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и подъ какимъ бы то ни было видомъ“, мы видимъ, что національное собраніе усматривало въ возможныхъ попыткахъ основанія новыхъ ремесленныхъ ассоціацій нѣчто „неконституціонное и заключащее въ себѣ покушеніе (attentoire) на свободу и декларацію правъ человѣка“, ибо, какъ пояснялъ докладчикъ декрета, въ государствѣ не должно быть иныхъ интересовъ, кромѣ частнаго интереса каждаго отдѣльнаго лица и интереса общаго: „никому не дозволяется внушать гражданамъ какой-то промежуточный интересъ (intérêt intermédiaire), отдѣлять ихъ отъ общаго дѣла (de la chose publique) корпоративнымъ духомъ“ (ésprit de corporation), а съ другой стороны корпораціи противорѣчатъ принципу свободныхъ соглашеній лица съ лицомъ (conventions libres d'individu à individu). Такимъ образомъ учредительное собраніе не хотѣло знать ничего промежуточнаго между государствомъ и отдѣльнымъ лицомъ и во имя индивидуальной свободы лишало отдѣльныя лица права соединяться между собою ради достиженія нѣкоторыхъ общихъ цѣлей въ смыслѣ извѣстной профессіи. Мы откладываемъ до другого мѣста разсмотрѣніе того, какое значеніе получилъ позднѣе этотъ законъ въ исторіи борьбы капитала съ трудомъ [1]), законъ, поставившій отдѣльнаго наймита лицомъ къ лицу съ предпринимателемъ, но здѣсь мы отмѣчаемъ лишь политическую сторону дѣла, тѣмъ болѣе, что декретъ запрещалъ ассоціаціи не однихъ рабочихъ, но и предпринимателей (entrepreneurs), какъ это прямо заявлено въ декретѣ: все, что становилось между личностью и государствомъ въ видѣ старыхъ провинцій и прежнихъ корпорацій съ ихъ особыми интересами, должно было исчезнуть во имя правъ государства и свободы личности, хотя право ассоціаціи является какъ-разъ однимъ изъ средствъ обезпеченія личности въ ея жизненной борьбѣ. Позднѣйшіе историки объясняли иногда такое распоряженіе конституанты не одностороннимъ примѣненіемъ принципа—да еще подъ вліяніемъ боязни, какъ бы не возродились старыя привилегированныя корпораціи, нарушавшія свободу труда и бывшія орудіемъ эксплоатаціи,—а тонкимъ буржуазнымъ расчетомъ, хотя именно часть буржуазіи (мастера) и теряла отъ уничтоженія цеховъ. Конвентъ въ этомъ отношеніи не отступилъ отъ конституанты, и для него—при господствѣ якобинскаго принципа государственности—корпорація являлась чѣмъ-то враждебнымъ государству, отвлекающимъ гражданина отъ того, чтобы посвящать всѣ свои силы только одному отечеству.

На вопросѣ о провинціяхъ и корпораціяхъ мы старались выяснить

---

[1]) См. въ IV томѣ.

тотъ общій принципъ, который былъ положенъ въ основу общественнаго переустройства Франціи. Передъ тою высшею государственною идеею, которую выработала общественная философія XVIII в., не было мѣста для неравенства правъ гражданъ одного и того же отечества, какъ бы они ни различались между собою по своему соціальному положенію, и въ этомъ отношеніи требованія, вытекавшія изъ идеи государства, которое существуетъ единственно для общаго блага, только подкрѣпляли силу индивидуалистическаго принципа „деклараціи правъ человѣка и гражданина". Мы уже знаемъ, что 4 августа 1789 г. рухнулъ весь соціальный феодализмъ [1]): *результатомъ этого было то, что учредительное собраніе создало во Франціи безсословное гражданство,* сдѣлавшееся однимъ изъ наиболѣе прочныхъ пріобрѣтеній революціи. Уже превращеніе генеральныхъ штатовъ съ ихъ сословнымъ раздѣленіемъ въ національное собраніе, какъ собраніе представителей всего народа (17 іюня 1789 г.), было первымъ шагомъ на пути демократизаціи французской націи, а черезъ годъ послѣ этого (19 іюня 1791 г.) были отмѣнены и всѣ дворянскіе титулы (titres nobiliaires) вмѣстѣ съ наслѣдственнымъ дворянствомъ. Конституція 1791 г. съ первыхъ же строкъ своихъ объявляла „безповоротно уничтоженными всѣ учрежденія, оскорблявшія свободу и равенство правъ": „нѣтъ больше, сказано въ ней, ни дворянства, ни перства, ни наслѣдственныхъ отличій, ни сословнаго раздѣленія (distinction d'ordre), ни феодальнаго режима, ни патримоніальной юстиціи, ни какихъ-либо титуловъ, званій (dénominations) и прерогативъ, изъ всего этого возникающихъ, ни какихъ-либо рыцарскихъ орденовъ, корпорацій и украшеній, для коихъ требовались бы доказательства дворянства, или которыя предполагали бы неравенство рожденія, ниже какихъ бы то ни было другихъ случаевъ превосходства, кромѣ того, которое принадлежитъ представителямъ власти (fonctionnaires publics) при исполненіи ими ихъ обязанностей". Содержаніе декретовъ 4 августа 1789 г. было резюмировано въ самой конституціи, которая „гарантировала (разд. I) въ качествѣ естественныхъ и гражданскихъ правъ: 1) что всѣ граждане могутъ быть допускаемы ко всѣмъ мѣстамъ и должностямъ безъ какихъ бы то ни было другихъ отличій, кромѣ добродѣтели и таланта; 2) что всѣ налоги будутъ распредѣляться между всѣми гражданами равномѣрно въ соотвѣтствіи съ ихъ средствами; 3) что одни и тѣ же преступленія будутъ наказываться одинаковымъ образомъ безъ всякаго различія лицъ". Наконецъ, конституція прямо признавала (разд. II, ст. 2) только одно состояніе гражданъ (état des citoyens), причемъ для всѣхъ безъ разли-

---

[1]) См. выше, стр. 491.

чія жителей устанавливался одинъ и тотъ же способъ удостовѣренія своей личности.

Паденіе сословнаго строя старой Франціи обнажило отъ историческихъ наслоеній раздѣленіе общества на два большіе класса, коимъ позднѣе окончательно были присвоены названія буржуазіи и народа [1]), какъ то уже давно было въ Англіи, гдѣ, несмотря на сохраненіе многихъ аристократическихъ формъ, гораздо раньше въ сущности всѣ соціальныя различія стали сводиться къ раздѣленію общества на имущихъ (землевладѣльцы, фермеры-капиталисты, купцы, фабриканты и т. п.) и неимущихъ (сельскій и городской пролетаріатъ) [2]). До 1789 г. во Франціи буржуазія и народъ составляли одно и то же третье сословіе, у котораго было много общихъ интересовъ, противоположныхъ интересамъ привилегированныхъ: *революція 1789 г. вообще имѣла прежде всего демократическій характеръ въ противоположность старому аристократическому строю*, т.-е. имѣла характеръ ни исключительно буржуазный, ни исключительно простонародный, хотя внутри этой демократіи въ разные періоды [3]) и выдвигался на первый планъ сначала одинъ, потомъ другой соціальный элементъ. Дѣятели 1789 г. шли въ этомъ отношеніи подъ знаменемъ демократовъ Руссо и Мабли, а не подъ знаменемъ аристократа Монтескье. Вотъ почему, между прочимъ, во Франціи не было учреждено верхней палаты національнаго собранія, подобной палатѣ лордовъ англійскаго парламента. Дѣятели 1789 г., относившіеся съ недовѣріемъ къ королевской власти, къ административной централизаціи, къ парламентамъ, къ провинціальной самобытности, къ корпораціямъ [4]), не могли отнестись съ довѣріемъ и къ аристократическому началу, разъ вся старая знать была главною противницею новыхъ общественныхъ идей, стремленій и преобразованій. Въ началѣ учредительное собраніе колебалось между однопалатнымъ и двухпалатнымъ устройствомъ законодательнаго корпуса: за двѣ палаты говорили примѣры англійскаго парламента и конгресса Сѣверо-американскихъ Штатовъ, конституція коихъ была утверждена въ 1789 г., равно какъ разныя политическія соображенія, въ родѣ того, что необходимы противовѣсъ увлеченіямъ единственной палаты и извѣстная гарантія противъ возможности превышенія его власти, или что нужно имѣть въ виду и возможность конфликтовъ между законодательною и исполнительною властями, а на сей конецъ и понадобилась бы другая палата въ качествѣ учрежденія, которое могло

---

[1]) См. выше, стр. 89.
[2]) См. выше, стр. 90 и слѣд.
[3]) См. выше, стр. 478.
[4]) Обо всемъ этомъ см. въ разныхъ мѣстахъ послѣднихъ главъ.

бы мирно улаживать подобныя столкновенія. Защитниками двухпалатной системы были Лалли-Толендаль, Клермонъ-Тоннеръ, Мунье, Малуэ, Дюпонъ де-Немуръ, Сіэсъ [1]), но на противоположной сторонѣ были Мирабо и многіе другіе вліятельные дѣятели, доказывавшіе, что это было бы нарушеніемъ народнаго верховенства, разъ собраніе, представляющее народъ, ограничивалось бы еще какимъ-то другимъ собраніемъ, что народъ единъ, а потому не должно было быть двойственности въ его представительствѣ, что единая общая воля и не могла бы проявляться посредствомъ разныхъ органовъ, что, наконецъ, и Англія, и Сѣверо-американскіе Штаты въ данномъ случаѣ не указъ, такъ какъ мало ли какіе бываютъ гдѣ аристократическіе предразсудки. Въ сущности одержали побѣду не столько теоретическія соображенія, сколько боязнь, какую внушала новой Франціи старая аристократія: сила демократическаго настроенія учредительнаго собранія выразилась въ томъ, что однопалатная система была принята большинствомъ почти пятисотъ человѣкъ противъ меньшинства, не доходившаго и до сотни. Не въ этомъ только отношеніи французская конституція оказалась демократичнѣе англійской, но и въ томъ, что, хоть и не допустивъ всеобщей подачи голосовъ, учредительное собраніе для пользованія политическими правами въ качествѣ избирателей не установило того высокаго ценза, благодаря коему въ Англіи лишь незначительное меньшинство населенія пользовалось правомъ посылать депутатовъ въ палату общинъ [2]). Вотъ почему демократическій духъ французской революціи сильно встревожилъ правящій классъ въ Англіи, и вотъ почему этотъ классъ, боявшійся за прочность своего положенія въ государствѣ, въ теченіи многихъ годовъ (до 1832 г.) сопротивлялся сдѣлавшейся до очевидности необходимою парламентской реформѣ [3]). Мы уже знаемъ, что цензъ, введенный учредительнымъ собраніемъ для такъ называемыхъ активныхъ гражданъ, былъ вовсе не такъ великъ [4]), чтобы конституцію 1791 г. нельзя было назвать демократической. Въ собраніи была небольшая группа депутатовъ, которая желала установить цензъ, равный 60 франкамъ прямыхъ налоговъ, но противъ этого было громадное большинство, въ составъ коего входили Мирабо и Робеспьеръ, и дѣло ограничилось принятіемъ ценза въ 3—6 франковъ, т.-е. ценза, столь незначительнаго, что въ число активныхъ гражданъ въ 1791 г. попало болѣе

---

[1]) См. выше, стр. 464.

[2]) Т. I, стр. 97 и 214, а также выше 90. См. также многія мѣста II-го тома, гдѣ говорится объ Англіи въ эпоху революцій XVII в.

[3]) См. объ этомъ въ IV томѣ.

[4]) См. выше, стр. 528.

четырехъ милліоновъ лицъ: примемъ въ расчетъ, что въ эпоху конституціоннаго режима реставраціи (1814—1830) и іюльской монархіи (1830—1848) число избирателей, благодаря высокому цензу, было менѣе ста тысячъ (въ эпоху реставраціи) и не доходило до четверти милліона (въ эпоху іюльской монархіи), хотя населеніе Франціи къ этому времени возросло почти въ полтора раза. Правда въ 1791 г. число пассивныхъ гражданъ, т.-е. такихъ, которые не пользовались правомъ избранія, было тоже весьма большое (около двухъ милліоновъ), но исключеніе наиболѣе бѣдныхъ гражданъ изъ пользованія политическими правами объясняется тогдашними политическими теоріями (необезпеченные не могутъ быть надежными гражданами въ смыслѣ независимости голосовъ [1]) или физіократической концепціей общества (только одни поземельные собственники суть истинные граждане [2]). Дѣленіе гражданъ на активныхъ и пассивныхъ сдѣлалось сразу непопулярнымъ, и противъ него стали раздаваться протесты, въ коихъ неимущіе вооружались противъ мѣры, лишающей ихъ главнаго политическаго права, тѣмъ болѣе, что, какъ говорилось въ нѣкоторыхъ брошюрахъ, именно бѣдные особенно нуждаются въ представительствѣ для защиты своихъ интересовъ. Нельзя, впрочемъ, отрицать и того, чтобы въ разсмотрѣніи всего этого вопроса не выражалось опасеніе, какъ бы неимущіе—будь на ихъ сторонѣ большинство — не экспропріировали имущихъ. Во всякомъ случаѣ въ установленіи ценза до такой степени чувствовалось противорѣчіе съ основнымъ демократическимъ принципомъ революціи, что 11-го августа 1792 г. законодательное собраніе, какъ мы увидимъ, уничтожило всякое различіе между активными и пассивными гражданами, а якобинская контитуція 1793 г.,—которая, впрочемъ, никогда не была приводима въ дѣйствіе,—и такъ называемая конституція III (1795) года удержали принципъ всеобщей подачи голосовъ. Если въ чемъ и видѣть буржуазный принципъ въ конституціи 1791 г., такъ развѣ только вотъ въ чемъ: она установляла уже болѣе высокій цензъ для того, чтобы имѣть право сдѣлаться избирателемъ, т.-е. членомъ департаментскаго собранія, выбиравшаго департаментскія власти и депутатовъ [3]): законъ 22 декабря 1789 г. опредѣлялъ этотъ цензъ только въ три съ небольшимъ раза бóльшій (уплата прямого налога въ размѣрѣ десятидневной рабочей платы, т.-е. отъ 10 до 20 франковъ), но въ конституціи 1791 г. уже требуется поземельный доходъ, въ размѣрѣ отъ 150 до 200 дней рабочей платы, т.-е. отъ 150 до 400 франковъ

---

[1]) См. выше, стр. 186 (теорія Монтескье) и стр. 224. (теорія Дидро).
[2]) См. выше, стр. 244 и 428—429.
[3]) См. выше, стр. 528.

дохода. Впрочемъ, и тутъ по сравненію съ конституціями 1814 и 1830 гг., по коимъ избирательное право давалось лишь прямымъ налогомъ (а не доходомъ) въ 300 и 200 франковъ, былъ болѣе проведенъ демократическій принципъ, причемъ по конституціи 1791 г. въ депутаты могъ выбираться каждый активный гражданинъ, тогда какъ по хартіямъ 1814 и 1830 гг. отъ депутата требовалась уплата прямого налога въ тысячу и въ 500 франковъ, благодаря чему во Франціи, напр., при реставраціи было лишь 15 т. человѣкъ, подходившихъ подъ условіе избираемости въ депутаты. Все это указываетъ на то, что *конституція 1791 г. отличалась въ сущности демократическимъ характеромъ и что тѣ отступленія отъ строгого демократическаго принципа, которыя мы въ ней находимъ, далеко не вытекали изъ сколько-нибудь рѣзкой противоположности между буржуазіей и народомъ*, хотя бы введеніе ценза и подавало уже тогда поводъ подымать вопросъ о противоположности интересовъ между отдѣльными экономическими классами.

Сословный строй старой Франціи былъ замѣненъ демократическимъ равенствомъ въ политическомъ (и юридическомъ) смыслѣ, но это не касалось непосредственно отношеній экономическихъ, коими опредѣляется существованіе разныхъ соціальныхъ классовъ и въ безсословномъ обществѣ. „Старые порядки“, какъ соединеніе политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями, пали, и вотъ, если мы поставимъ вопросъ, какой же общественный классъ наиболѣе выигралъ отъ этого переворота, то должны будемъ отвѣтить, что *далеко не одна буржуазія, на долю коей пришлись самыя крупныя выгоды, но и та часть крестьянства, которая имѣла земельное обезпеченіе*, не касаясь, конечно, тѣхъ выгодъ, какія давались новыми порядками безразлично всѣмъ гражданамъ, и не упоминая о томъ, что отмѣна крѣпостничества являлась величайшимъ благодѣяніемъ въ особенности для тѣхъ крестьянъ (около $1^1/_2$ милліоновъ), которые были ему подчинены, и что вообще уничтоженіе феодальнаго режима было однимъ изъ главныхъ пріобрѣтеній всего сельскаго населенія Франціи. Указанный режимъ, рухнувшій во время ночного засѣданія 4 августа 1789 г., тяжелымъ бременемъ лежалъ не только на личности крестьянина, но и на *непривилегированной (крестьянской и буржуазной) собственности* [1]), *которая теперь и освобождалась отъ своего рода крѣпостной зависимости, въ какой она находилась у духовенства и дворянства* [2]). Декретъ 4 августа уничтожалъ безвозмездно лишь тѣ сеньерьяльныя права, которыя имѣли происхожденіе въ крѣпостничествѣ, объявилъ,

---

[1]) См. выше, стр. 99.

[2]) Для дальнѣйшаго см. главу VIII („Рѣшеніе крестьянскаго вопроса“) моей книги о крестьянахъ во Франціи въ XVIII в.

что всѣ остальныя будутъ подлежать выкупу. Этотъ общій принципъ предстояло примѣнить къ отдѣльнымъ категоріямъ и видамъ феодальныхъ правъ, и это-то вызвало образованіе особаго феодальнаго комитета, который долженъ былъ заняться подробной разработкой соотвѣтственнаго законодательства. Привилегированные члены собранія и землевладѣльцы старались рѣшить всѣ возникавшіе въ этой области вопросы въ наиболѣе благопріятномъ для себя смыслѣ. Интересы собственности нашли защитниковъ среди членовъ собранія. 4 августа рѣшено было покончить и съ церковною десятиною [1]), но весь вопросъ заключается въ томъ, должны ли будутъ земельные собственники освободиться отъ нея посредствомъ выкупа, или же она будетъ уничтожена безвозмездно, а тѣ средства, какія она давала на содержаніе клира, будутъ приняты на счетъ государственнаго казначейства. Первый способъ былъ, несомнѣнно, наиболѣе выгоднымъ для землевладѣльцевъ, освобождая ихъ отъ тяжелаго налога, но онъ былъ менѣе выгоденъ для всей націи, со включеніемъ въ нее и такихъ плательщиковъ налоговъ, у которыхъ не было никакой собственности, ибо то, чтó духовенство имѣло отъ десятины, приходилось теперь возмѣщать изъ средствъ всей націи. Такъ дѣло и было рѣшено, причемъ отъ безвозмезднаго уничтоженія десятины выиграли одинаково всѣ землевладѣльцы свѣтскаго званія безъ различія сословій — дворяне, буржуа, крестьяне, а средства на содержаніе духовенства должны были давать всѣ. Это былъ одинъ изъ вопросовъ, передъ рѣшеніемъ коихъ остановились англичане въ эпоху первой своей революціи, когда и въ Англіи ставился подобный же вопросъ объ освобожденіи собственниковъ отъ налога, который, однако, не былъ отмѣненъ въ виду признанной за государствомъ обязанности содержать клиръ [2]). Уничтожая безвозмездно десятину, учредительное собраніе дарило землевладѣльцамъ около 125 милліоновъ франковъ въ годъ, которые на содержаніе духовенства должны были быть взяты изъ другихъ источниковъ, т.-е. со всего уже населенія. Послѣ этого рента собственника увеличилась, и землевладѣльцы подняли арендную плату, такъ какъ десятину платилъ обыкновенно фермеръ.—Наиболѣе выдающимися членами феодальнаго комитета были Мерленъ, знающій и способный человѣкъ, но неустойчивый въ своихъ мнѣніяхъ, и Тронше, слишкомъ гнувшій въ сторону владѣльцевъ феодальныхъ правъ. Брошюрная пресса, въ коей участвовалъ и Бонсерфъ [3]), весьма подробно разсматривала общіе и частные вопросы, возникавшіе въ этой области, и между прочимъ вы-

---

[1]) См. о ней, стр. 85 и слѣд.
[2]) Т. II, стр. 529.
[3]) См. выше, стр. 431.

сказывалась такая мысль: пусть король безвозмездно освободитъ своихъ непосредственныхъ вассаловъ съ условіемъ, чтобы они безвозмездно же освободили своихъ вассаловъ и т. д. до послѣдняго цензитарія, ибо нѣтъ другого способа уничтожить эту старую несправедливость. Феодальный комитетъ не раздѣлялъ такой точки зрѣнія, но если Мерленъ стремился дать первенство соображеніямъ формальнаго права, т. е. дѣлалъ логическіе выводы изъ принятыхъ принциповъ, не взирая на то, кому будутъ полезны или вредны эти выводы, то Тронше открыто заявлялъ, что ему были болѣе дороги интересы сеньеровъ. Формальная точка зрѣнія превращала всѣ феоды и цензивы въ алоды, какъ того требовалъ еще д'Аржансонъ, а сеньеровъ и цензитаріевъ—въ простыхъ кредиторовъ и должниковъ [1]), но Тронше находилъ нужнымъ отступать отъ нея, напр., не требуя у „кредитора" документа на его право или установляя, что не каждый „должникъ" въ отдѣльности долженъ выкупаться, а всѣ цензитаріи одного и того же сеньера коллективно. Кромѣ того, многія права сомнительнаго характера изъ подлежавшихъ отмѣнѣ безвозмездно были переведены въ категорію выкупаемыхъ. *Декреты 15 марта и 3 мая 1790 установляли очень тяжелыя условія для выкупа сеньерьяльныхъ правъ:* во-первыхъ, очень много было такихъ правъ отчислено къ подлежащимъ только выкупу; во-вторыхъ, отъ сеньера не требовалось документа на пользованіе извѣстнымъ правомъ, но цензитарій какъ-разъ лишь документально приглашался доказывать, что онъ не долженъ былъ платить; въ-третьихъ, до окончательнаго выкупа всѣ повинности должны были продолжать существовать на прежнихъ основаніяхъ; въ-четвертыхъ, во многихъ случаяхъ одинъ цензитарій безъ своихъ товарищей не могъ выкупать своего участка, да и самый выкупъ объявлялся лишь факультативный; въ пятыхъ, всѣ повинности должны были выкупаться разомъ и т. п. При такихъ условіяхъ выкупъ дѣлался совершенно невозможнымъ, а тутъ еще конституанта декретомъ 30 мая, 1, 6 и 7 іюня 1791 г. признала одну форму феодальнаго держанія (le domaine congéable) не за цензивную собственность, подлежавшую выкупу, а за простую аренду, на которую у держателя нѣтъ никакихъ правъ. Не этого ожидали крестьяне, да и сеньеры часто не хотѣли подчиняться новымъ декретамъ. *Вообще феодальное законодательство конституанты было очень неудачно*, причина чего лежала, между прочимъ, въ недостаточности теоретической разработки этого вопроса, которая могла бы служить подготовкой для практическаго разрѣшенія такой важной задачи, какъ освобожденіе земли отъ

---

[1]) О соотвѣтствующихъ отношеніяхъ см. выше, стр. 99 и слѣд., а также т. I, гл. XIII. Мысль д'Аржансона приведена выше, стр. 234—245.

феодальнаго режима. Рѣшенія 4 августа встрѣтили оппозицію со стороны короля и привилегированныхъ, хотя послѣдніе и выигрывали отъ уничтоженія десятины. Отношенія между дворянами и крестьянами были самыя обостренныя въ теченіе всего этого времени, съ лѣта 1789 г., что немало способствовало продолженію народныхъ волненій, хотя въ очень многихъ мѣстахъ крестьяне и не выходили изъ прежней покорности. Въ большинствѣ случаевъ крестьяне, ожидавшіе отъ учредительнаго собранія гораздо болѣе, чѣмъ получили въ силу декретовъ 15 мая и 3 марта 1790 года,—отказывались платить всякія феодальныя повинности, захватывали сеньерьяльную собственность, рубили лѣса, истребляли дичь, а потомъ по-своему толковали декреты, передѣлывая въ то же время свои cahiers въ болѣе радикальномъ смыслѣ, отправляя въ національное собраніе петиціи, жалобы, протесты и т. п. Въ общемъ указанные декреты произвели такимъ образомъ дурное впечатлѣніе на сельскую массу, движеніе въ которой не улеглось, а, напротивъ, усилилось послѣ появленія декретовъ. Муниципальныя власти нетолько не въ состояніи были поддерживать порядокъ, но нерѣдко сами (поневолѣ иногда) становились во главѣ возмутившихся приходовъ, терроризировавшихъ всякого, кто не подчинялся ихъ требованію. Когда учредительное собраніе уступило свое мѣсто (по конституціи 1791 г.) собранію законодательному, въ послѣднее посыпались крестьянскія петиціи, заключавшія въ себѣ уже прямыя угрозы. Составители этихъ просьбъ указывали на то, что дворяне, коимъ хотѣли „угодить“ декретами 15 марта и 3 мая, находятся въ эмиграціи и угрожаютъ отечеству войной, и что представителями третьяго сословія были большею частью горожане, потому и позабывшіе крестьянъ, что сами не страдаютъ отъ феодальныхъ правъ. Народное недовольство обратило на себя вниманіе общества, и въ 1790—1792 гг. вышло нѣсколько брошюръ въ защиту правъ и интересовъ крестьянской массы. Такимъ образомъ, *учредительное собраніе оставляло слѣдующимъ собраніямъ задачу пересмотра феодальнаго законодательства.* Чтобы не возвращаться болѣе къ этому вопросу, укажемъ теперь же на судьбу его въ законодательномъ собраніи и конвентѣ. Первое назначило свой новый феодальный комитетъ, признавъ, что конституанта не исполнила даннаго ею обѣщанія помочь освобожденію почвы отъ феодальнаго гнета, и комитетъ этотъ въ апрѣлѣ 1792 г. внесъ въ собраніе проектъ декрета, коимъ безвозмездно уничтожались феодальныя пошлины [1]), разрѣшался индивидуальный выкупъ, а сеньеры обязывались доказывать существованіе своихъ правъ на отдѣльныя повинности; вслѣдъ затѣмъ сдѣлано было и еще нѣсколько облегчительныхъ предложеній, хотя старый прин-

[1]) Lods et ventes, см. выше, стр. 99.

ципъ различенія между двумя категоріями правъ и былъ оставленъ въ силѣ съ перенесеніемъ, впрочемъ, наиболѣе сомнительныхъ случаевъ въ категорію правъ, отмѣняемыхъ безвозмездно. Своими декретами 18 іюня и 25 августа 1792 г. законодательное собраніе объявило всякую собственность вольною и свободною отъ какихъ бы то ни было феодальныхъ и цензуальныхъ правъ, если лица, имѣющія на нихъ какія-либо притязанія, не докажутъ противнаго, чѣмъ безповоротно уничтожалось одно изъ главныхъ и основныхъ правилъ французскаго соціальнаго феодализма: „nulle terre sans seigneur“ [1]). Конвентъ пошелъ еще далѣе: изданный имъ 17 іюля 1793 г. декретъ уничтожалъ безъ вознагражденія даже то, что должно было выкупаться по закону 25 августа 1792 г., и повелѣвалъ подъ страхомъ пятилѣтняго тюремнаго заключенія всѣмъ владѣльцамъ феодальныхъ документовъ передать ихъ муниципальнымъ властямъ для сожженія. Такъ *кончилъ свое существованіе во Франціи соціальный феодализмъ*, и французская революція, благодаря тому радикализму, какой она проявила въ рѣшеніи этого вопроса въ эпоху легислативы и конвента, открываетъ новую эпоху въ исторіи крестьянскаго вопроса, которому суждено было на западѣ Европы стать опять на очередь въ первой половинѣ XIX в.—и на этотъ разъ для окончательной ликвидаціи крѣпостничества и феодализма. На рѣшенія легислативы и конвента, кромѣ народнаго недовольства и теоретической разработки вопроса въ болѣе радикальномъ духѣ, сильное вліяніе оказало и то обстоятельство, что выкупную сумму должны были бы получить съ населенія дворяне, находившіеся въ громадномъ количествѣ въ эмиграціи, заявлявшіе свою ненависть къ революціи и ожидавшіе отъ побѣды образовавшейся противъ Франціи коализаціи возстановленія на родинѣ прежнихъ порядковъ.

Крестьянскій вопросъ не рѣшался, конечно, однимъ *освобожденіемъ почвы отъ феодальныхъ повинностей, приносившимъ выгоду, кромѣ землевладѣльцевъ изъ буржуазіи, и мелкимъ собственникамъ изъ крестьянъ*. Правда, декреты 25 августа 1792 г. и 17 іюля 1793 г. весьма много содѣйствовали успокоенію сельскаго населенія и превратили ту часть крестьянства, которая была обезпечена землею, въ самыхъ надежныхъ защитниковъ новыхъ порядковъ, поскольку послѣдніе заключались въ полной отмѣнѣ феодальныхъ повинностей, но въ сельскомъ населеніи Франціи были еще неимущіе, нуждавшіеся главнымъ образомъ какъ-разъ въ земельномъ обезпеченіи. Вопросъ о послѣднемъ вообще не игралъ большой роли въ публицистикѣ XVIII в. [2]), а физіократы (и агрономы) были даже сторонниками крупной, фермер-

---

[1]) Т. I, стр. гл. XIII и выше, стр. 99.

[2]) См. выше, стр. 257.

ской обработки земли при помощи наемныхъ рабочихъ [1]). И въ учредительномъ собраніи не заходило рѣчи о земельномъ обезпеченіи неимущихъ, хотя та распродажа національныхъ имуществъ, о которой еще будетъ идти у насъ рѣчь, представляла хорошій случай помощи безземельной массѣ, если бы было организовано пріобрѣтеніе его поступавшихъ въ продажу участковъ. Вообще этотъ вопросъ выдвинулся лишь въ XIX в., когда и вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (безъ земли или съ землею) сталъ рѣшаться въ болѣе благопріятномъ для земледѣльческаго сословія смыслѣ.

Какъ бы тамъ ни было, сравнивая законодательство революціи въ области феодальныхъ отношеній и крестьянскаго быта съ аналогичными мѣрами нѣкоторыхъ правительствъ въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма“ [2]), мы видимъ, что соціальная реформа 1789 и слѣдующихъ годовъ была полнѣе и шла гораздо глубже. Съ другой стороны, революція (подобно религіозной реформаціи XVI в. въ протестантскихъ странахъ) *наносила ударъ соціальному могуществу католическаго духовенства*, превращая его изъ особаго сословія (ordre или état) въ простой классъ служителей религіи, отнимая у него земли и десятину, чтобы замѣнить такую форму его матеріальнаго обезпеченія жалованіемъ отъ государства, дѣлая его, наконецъ, болѣе зависимымъ отъ правительства [3]), причемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ учредительное собраніе въ церковномъ вопросѣ шло и по стопамъ такихъ монархическихъ дѣятелей XVIII в., какъ Іосифъ II или Помбаль.

Мы уже знаемъ, что низшее духовенство оказало большія услуги національному дѣлу въ началѣ революціи [4]), но высшее духовенство, которое состояло большею частью изъ дворянъ и пользовалось разнаго рода привилегіями, упорно держалось за старый порядокъ. Приходскіе священники между 13 и 20 іюня 1789 г. первыми присоединились къ третьему сословію, превратившему генеральные штаты въ національное собраніе, а въ засѣданіи 4 августа отказались отъ платы за требы. Низшее духовенство поддержало и дальнѣйшіе шаги учредительнаго собранія, пока послѣднее *не оттолкнуло его отъ себя, вмѣшавшись во внутренніе распорядки самой церкви*. Уже 6-го августа 1789 г. было сдѣлано въ національномъ собраніи заявленіе (Бюзо), что церковныя имущества принадлежатъ націи, а 8-го предложено было однимъ членомъ объявить ихъ гарантіей государственныхъ займовъ; взамѣнъ же того Мирабо предложилъ націи самой

---

[1]) См. выше, стр. 257 и слѣд.
[2]) См. выше, гл. XXVIII.
[3]) Ср. т. II, стр. 243.
[4]) См. выше, стр. 480—482.

оплачивать жалованіемъ (salarier) „своихъ наставниковъ морали“ (ses officiers de morale et d'instruction). Черезъ четыре дня послѣ этого (12 авг.) была отмѣнена десятина. Зимою 1789 г. реформа внѣшняго положенія церкви была окончательно завершена: декретъ 2 ноября отдавалъ церковныя имущества въ распоряженіе націи, дабы они служили гарантіей для „ассигнатовъ“, т. е. новыхъ бумажныхъ денегъ (assignats), опредѣливъ вмѣстѣ съ тѣмъ духовенству жалованіе, а декретъ 19 декабря назначилъ въ продажу церковныхъ имуществъ на 400 милліоновъ. Всѣ эти мѣры не задѣвали интересовъ низшаго духовенства, и значительная часть приходскихъ священниковъ все еще поддерживала національное собраніе. Разрушая корпоративное устройство клира, секуляризируя церковную собственность, уничтожая десятину, принимая на счетъ государства содержаніе служителей алтаря, учредительное собраніе, дѣйствительно, вводило во Франціи тѣ порядки, которые создавались въ протестантскихъ странахъ реформаціей XVI в.: во всѣхъ этихъ отношеніяхъ уже въ первый годъ революціи установлялось то внѣшнее положеніе католической церкви во Франціи, которое сохранилось и доселѣ, какъ сохранилось и демократическое равенство гражданъ передъ закономъ.

Учредительное собраніе задумало, кромѣ того, реформировать и внутреннее устройство церкви и въ еще большей степени, чѣмъ стремился къ тому Іосифъ II. Передъ національнымъ собраніемъ было три пути—войти въ соглашеніе съ папою о внутреннихъ реформахъ, которыя были необходимы въ церкви, или поручить совершеніе преобразованій—національной церковной власти, т.-е. собору епископовъ, или, опираясь на идею, по которой государство могло „приказывать“ религіи [1]), произвести реформу собственною властью, какъ это дѣлалъ и Іосифъ II. Первый путь былъ закрытъ, ибо папа враждебно относился къ революціи; о благопріятномъ рѣшеніи національнаго собора и думать было нечего, поскольку епископы были сами привилегированные, *идея же суверенной націи заключала въ себѣ и право націи или государства на вмѣшательство во внутреннія дѣла церкви.* Мысль не была новой: такъ производились церковныя реформы XVI в. народомъ и республиканскими властями швейцарскихъ кантоновъ и нѣмецкихъ имперскихъ городовъ, государственными чинами и парламентами (шотландскимъ и англійскимъ), наконецъ самими королями, и во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствовалъ одинъ и тотъ же принципъ, который въ Германіи былъ формулированъ какъ „cujus regio, ejus religio“ [2]). Національное собраніе пошло по стопамъ республиканскихъ

---

[1]) См. выше, стр. 379 и слѣд.

[2]) См. вообще въ разныхъ мѣстахъ второго тома.

и монархическихъ правительствъ XVI в., которыя въ свое время находили поддержку въ народномъ стремленіи къ религіозной реформѣ, чего въ данномъ случаѣ во Франціи не было. *Національное собраніе властью государства реформировало французскую церковь и потребовало отъ клира и отъ народа повиновенія реформѣ*, исходившей не отъ церковной власти,—притомъ отъ клира и народа, которые оставались вѣрными старой церковной власти, хотя это требованіе противорѣчило самимъ же національнымъ собраніемъ превозглашенному принципу религіозной свободы, которой, впрочемъ, весьма послѣдовательно съ своей точки зрѣнія не хотѣли знать и протестантскія правительства XVI в. Но въ такое же противорѣчіе сталъ въ XVIII в. и Іосифъ II [1]): оно вообще не было случайностью. Отъ вмѣшательства во внутреннія дѣлацеркви былъ одинъ шагъ до уничтоженія свободы совѣсти: на этотъ довольно скользкій путь выступило національное собраніе своимъ „гражданскимъ уложеніемъ о духовенствѣ“ (constitution civile du clergé), послѣ чего оставалось только, чтобы конвентъ установилъ свою гражданскую религію, которую многіе были не прочь силою навязать католическому большинству населенія. *„Гражданское уложеніе о духовенствѣ“ было и большою политическою ошибкою*: оно оттолкнуло отъ революціи большинство низшаго духовенства, внесло религіозную смуту въ народъ, заставило національное собраніе вооружиться респрессивными мѣрами противъ людей, отстаивавшихъ права своей совѣсти, и создало одно изъ самыхъ сильныхъ, какъ мы видѣли [2]), препятствій къ тому, чтобы Людовикъ XVI, строгій католикъ, могъ примириться съ переворотомъ. Вотъ въ чемъ заключался этотъ новый законъ, отмѣнявшій (12 іюля 1790 г.) болонскій конкордатъ Франциска I и Льва X послѣ двухсотъ семидесяти четырехъ лѣтъ его существованія. Церковныя границы Франціи должны были совпадать съ государственными, въ силу чего отмѣнялась власть нѣкоторыхъ иноземныхъ епископовъ надъ пограничными французскими приходами; далѣе епархіи должны были совпадать съ департаментами, и тѣмъ самымъ число епископствъ уменьшалось до 83, вмѣсто прежнихъ 134 (116 епископствъ и 18 архіепископствъ), историческія названія каѳедръ замѣнялись новыми, и кромѣ того, уничтожалось право архіепископствъ именоваться этимъ титуломъ въ отличіе отъ епископствъ. Перераспредѣлялись равнымъ образомъ и приходы. Уничтожались всѣ церковные титулы, кромѣ епископа и настоятеля (curé), а прежніе капитулы и каноники превращались въ епископскій совѣтъ и въ епископскихъ викаріевъ. Должности епископовъ и приходскихъ священниковъ были

---

[1]) См. выше, стр. 383 и слѣд.
[2]) См. выше, стр. 510 и слѣд.

выборныя, а выбирали—однихъ департаментскія собранія, коимъ принадлежало право выбирать депутатовъ, судей и департаментскую администрацію, другихъ же—избиратели, назначавшіе членовъ административныхъ собраній дистриктовъ. Такимъ образомъ духовныя лица избирались совершенно такъ же, какъ и чиновники, причемъ законъ ничего не говорилъ относительно вѣроисповѣданія избирателей, т. е. въ числѣ послѣднихъ могли участвовать и некатолики, т.-е. протестанты, евреи, деисты и даже атеисты: собраніе даже отвергло предложеніе аб. Грегуара [1]), чтобы избирателями духовныхъ лицъ могли быть только католики. Утвержденіе епископовъ папою отмѣнялось, и новый епископъ долженъ былъ лишь извѣстить папу, „какъ видимаго главу вселенской церкви, во свидѣтельство единства вѣры и общенія, которое епископъ долженъ поддерживать съ папою". Въ случаѣ отказа епископомъ въ каноническомъ водвореніи (installation) священнику, послѣдній могъ жаловаться свѣтской власти, самихъ же епископовъ утверждали старшіе изъ нихъ. По вступленіи въ должность каждое духовное лицо обязано было присягой въ присутствіи муниципальныхъ властей съ обѣщаніемъ хорошо исполнять пастырскія обязанности, быть вѣрными націи, закону и королю и поддерживать по мѣрѣ силъ своихъ конституцію. Присяга въ повиновеніи папѣ уничтожалась. Мы знаемъ [2]), что Людовикъ XVI счелъ себя вынужденнымъ дать санкцію этому закону, но папа и курія воспротивились новому уложенію, хотя и склонялись къ тому, чтобы оно ради религіознаго мира было только согласовано съ каноническими правилами. Не такъ думали французскіе епископы, протестовавшіе противъ уложенія безъ оговорокъ, увлекшіе за собою множество низшаго духовенства и не ставшіе обращать никакого вниманія на новые церковные порядки. Національное собраніе еще болѣе обострило положеніе, потребовавъ отъ „служителей религіи" или „общественныхъ чиновниковъ" (fonctionnaires publiques) духовнаго званія—спеціальной присяги „гражданскому уложенію о духовенствѣ" (декретъ 27 ноября 1790 г.) подъ угрозою отставки, въ случаѣ же нарушенія присяги или сопротивленія декрету угрожали и другими карами до потери правъ активнаго гражданства. Новый декретъ внесъ расколъ въ духовенство, раздѣливъ его на присяжное (assermenté), или конституціонное и неприсяжное или отщепенческое (refractaires). Первымъ присягнулъ по утвержденіи декрета королемъ Грегуаръ, за нимъ два епископа (Талейранъ и Гобель), но вообще изъ 300 духовныхъ членовъ національнаго собранія присягнуло лишь около ста, въ Парижѣ изъ 666 духовныхъ только 236, въ остальной Франціи вообще около одной трети.

---

[1]) См. выше, стр. 482, примѣч.

[2]) См. выше, стр. 510.

Сорбонна объявила уложеніе еретическимъ и схизматическимъ. Тѣмъ не менѣе началось назначеніе посредствомъ выборовъ новыхъ епископовъ, —причемъ парижскимъ епископомъ былъ выбранъ Гобель,—но папа объявилъ выборы противозаконными и не призналъ новыхъ епископовъ. Это такъ подѣйствовало на духовенство, что многіе изъ самыхъ лучшихъ священниковъ, бывшихъ патріотами и демократами, сторонниками новыхъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ стали отказываться отъ присяги или нарушать уже данную присягу. Этотъ расколъ въ духовенствѣ повелъ къ смутамъ, во время коихъ присяжные и неприсяжные священники оспаривали одни у другихъ церкви, во что вмѣшивались и народныя толпы, и муниципальныя власти. *Учредительное собраніе само спохватилось, что сдѣлало ошибку, вызвавъ религіозныя междоусобія*, которыя притомъ ничѣмъ не оправдывались внѣ созданнаго имъ самимъ раскола, и декретомъ 7 мая 1791 г. разрѣшило неприсяжнымъ священникамъ служить мессы во всѣхъ церквахъ, посвященныхъ національному культу, и даже открывать частныя церкви, лишивъ только такихъ духовныхъ лицъ права занимать должности епископа и кюре́ и поставивъ условіемъ не проповѣдовать противъ новыхъ порядковъ. Религіозныя страсти, однако, уже настолько разгорѣлись, что національное собраніе было безсильно положить конецъ насиліямъ, которыя одинаково позволяли себѣ одна надъ другою обѣ церковныя партіи, и такимъ образомъ революція совершенно ненужнымъ образомъ превратила многихъ изъ своихъ прежнихъ союзниковъ въ ожесточенныхъ враговъ. Произошло это по той причинѣ, что *въ церковномъ вопросѣ учредительное собраніе стало на точку зрѣнія государственной церкви, а не религіозной свободы*, которую оно само же нарушало, навязывая странѣ новое церковное устройство совершенно въ духѣ пресвитеріанизма. Церковное законодательство конституанты дополнялось уничтоженіемъ (13 февр. 1790) монашескихъ орденовъ съ безповоротными обѣтами [1]) и превращеніемъ ихъ имуществъ въ національную собственность.

Благодаря секуляризаціи церковной и монастырской собственности, образовавшей такъ-называемыя національныя имущества (biens nationaux), въ составъ коихъ вошли помимо ея еще домены и позднѣе конфискованныя имѣнія эмигрантовъ, въ распоряженіи государства была во Франціи масса земель, коими обезпечивались теперь государственные долги и новыя бумажныя деньги, выпущенныя учредительнымъ собраніемъ на 1800 милліоновъ. Мы видѣли [2]), что національное собраніе предприняло для уничтоженія дефицита и уплаты долговъ распро-

---

[1]) См. выше, стр. 525.
[2]) См. выше, стр. 550.

дажу части національныхъ имуществъ. Многіе совѣтовали при этомъ продавать землю по возможности мелкими участками для того, чтобы увеличить число собственниковъ и уменьшить число нищихъ, но никому въ голову не приходило организовать для этого какой-либо кредитъ: покупщиками являлись потому большею частью люди, у которыхъ уже и безъ того была земельная собственность, или спекулянты, покупавшіе (иногда цѣлыми компаніями) очень большія помѣстья. Поэтому *нельзя принять сдѣлавшееся традиціоннымъ у нѣкоторой части французскихъ историковъ утвержденіе, будто мелкая собственность во Франціи ведетъ свое происхожденіе отъ революціи и обязана имъ распродажѣ національныхъ имуществъ.* Уже Токвиль опровергъ такой взглядъ, указавши на развитіе мелкой крестьянской собственности (несвободной, т.-е. цензивной или крѣпостнаго владѣнія) въ дореволюціонной Франціи (хотя изъ этого и не слѣдуетъ дѣлать преувеличеннаго вывода о хорошей обезпеченности землею крестьянскаго населенія во Франціи XVIII в. [1]). Основа современной мелкой собственности французскихъ крестьянъ существовала еще до революціи, и если площадь крестьянскихъ участковъ послѣ нея расширилась, то потому что французскій земледѣлецъ постепенно прикупалъ землицы къ тому, что у него было раньше. Если что и досталось ему въ руки изъ biens nationaux, то не непосредственно и не сразу: въ эпоху революціи главными покупщиками являлись капиталисты, спекулянты, люди „черной банды" или просто буржуа, пріобрѣтавшіе земли по дешевымъ цѣнамъ дабы вести на нихъ хозяйство или отдавать въ аренду. Подобно тому, какъ въ эпоху реформаціи отъ секуляризаціи церковной и монастырской собственности выиграло наиболѣе дворянство, такъ въ эпоху революціи *большая часть секуляризованныхъ имѣній духовенства и конфискованныхъ земель дворянства досталась посредствомъ покупки буржуазіи,* и въ этомъ заключался одинъ изъ главныхъ соціальныхъ результатовъ революціи, на который давно уже указывали историки [2]).

[1]) См. объ этомъ подробно въ моей книгѣ о французскихъ крестьянахъ, а также ср. новую статью М. М. Ковалевскаго о „Крестьянскомъ хозяйствѣ во Франціи до революціи" (Рус. Бог. 1893).

[2]) Въ прошломъ (1892) году софійскій проф. Борисъ Минцесъ издалъ небольшое, но весьма солидное, написанное на основаніи хорошаго знакомства съ литературой и печатными источниками, равно какъ и на основаніи архивныхъ данныхъ, изслѣдованіе „Die Nationalgüterveräusserung während der französischen Revolution" (ein Beitrag zur sozialökonomischen Geschichte der grossen Revolution), въ коемъ главнымъ образомъ спеціальныя данныя относятся къ департаменту Севы и Уазы. Это—вопросъ весьма мало изслѣдованный, въ чемъ можно убѣдиться изъ разсмотрѣнія авторомъ литературы предмета. Во всякомъ случаѣ выводы г. Минцеса подтверждаютъ то, что говорится нами въ текстѣ книги и что было сказано по тому же предмету въ соч. о французскихъ крестьянахъ.

Объявленіе равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ, установленіе равномѣрнаго обложенія [1]), отмѣна феодальныхъ правъ, переходъ части поземельной церковной и дворянской поземельной собственности въ руки буржуазіи, все это *создало изъ громаднаго большинства бывшаго третьяго сословія ревностныхъ защитниковъ новаго общественнаго строя,* замѣнившаго собою старую католико-феодальную организацію. То обстоятельство, что монархія и церковь стали на сторону прежняго строя, дало впослѣдствіи перевѣсъ республиканскому и антикатолическому движенію, а еще позднѣе для обезпеченія гражданскихъ пріобрѣтеній революціи крестьянская масса, никогда не стремившаяся къ политической свободѣ, какъ таковой, и буржуазія, сильно разочаровавшаяся въ этой свободѣ, готовы были опять подчиниться политическому абсолютизму въ формѣ военнаго деспотизма Наполеона I, подобно тому какъ передъ тѣмъ и якобинская диктатура для многихъ была гарантіей того, что старый общественный строй болѣе не возстанетъ изъ гроба.

XXXVIII. Переходъ Франціи къ республикѣ.

Почему французская революція не окончилась въ 1791 г.?—Народное движеніе и политическая агитація.—Революціонная роль якобинцевъ.—Выборы въ законодательное собраніе и его составъ. — Политическія партіи легислативы.—Жирондисты и ихъ политика.—Законодательное собраніе и Людовикъ XVI.—Вопросъ объ эмигрантахъ и неприсяжныхъ священникахъ.—Внѣшняя война.—Жирондистское министерство.—Объявленіе войны Австріи.—Ссора короля съ жирондистскимъ министерствомъ.—Возстаніе 20 іюня.—«Отечество въ опасности».—Манифестъ герцога Брауншвейгскаго.—Возстаніе 10 августа.—Сентябрьскія убійства.—Конецъ законодательнаго собранія.—Республика во Франціи.

Окончивши свою преобразовательную работу, учредительное собраніе разошлось, но революція не кончилась въ 1791 г. Общія экономическія причины, на которыя намъ уже неразъ приходилось указывать [2]), какъ на главнѣйшія въ исторіи народныхъ возстаній, продолжали дѣйствовать и послѣ того, какъ рухнулъ старый порядокъ, создавшій такія неблагопріятныя условія, въ какихъ въ матеріальномъ отношеніи находилась почти вся масса французскаго населенія. Общая нищета, какъ наслѣдіе прежнихъ отношеній, и безработица, какъ

[1]) Учредительное собраніе ввело въ качествѣ прямыхъ налоговъ: поземельный налогъ (contribution foncière), личный (въ размѣрѣ трехдневной заработной платы) и соединенный съ нимъ квартирный (cote mobilière et d'habitation) и торгово-промышленные патенты.—Только-что М. М. Ковалевскимъ окончена новая работа „Соціальное законодательство конституанты“ (Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ наукъ).

[2]) Ср. Biollay. Les prix en 1790.

слѣдствіе переживавшагося кризиса, конечно, должны были поддерживать народное броженіе. Были и новыя причины недовольства. Особенно вооружали противъ себя крестьянъ декреты учредительнаго собранія о выкупѣ феодальныхъ правъ, дѣлавшіе этотъ выкупъ, дѣйствительно, почти невозможнымъ [1]). Раздѣленіе конституціей 1791 г. гражданъ на активныхъ и пассивныхъ тоже не нравилось нѣкоторой части населенія, хотя главнымъ образомъ подъ вліяніемъ политической агитаціи со стороны болѣе радикальныхъ партій. „Гражданское уложеніе о духовенствѣ“ внесло еще новую причину смутъ, ибо раздѣленіе произошло не въ одномъ духовенствѣ [2]), но и въ народѣ, и дѣло дошло до религіозныхъ междоусобій. Тревожные слухи о замыслахъ двора, о козняхъ эмигрантовъ, о планахъ иностранныхъ державъ равнымъ образомъ давали пищу революціонному настроенію массъ, бывшему, конечно, весьма благопріятною почвою для успѣха демагогической агитаціи, какую вели политическіе клубы, газетная и брошюрная пресса, народные ораторы и вѣстовщики. Старое правительство пало, новое не успѣло еще да и не могло организоваться, ибо административная система конституанты вводила во Франціи самое широкое самоуправленіе, которое, конечно, сразу не въ состояніи было дать тѣхъ результатовъ, какіе отъ него ожидались, сдѣлавшись въ сущности орудіемъ въ рукахъ самаго безпокойнаго элемента мѣстнаго населенія и филіальныхъ отдѣленій якобинскаго клуба. Конституція 1791 г., приводить которую въ исполненіе пришлось людямъ, не принимавшимъ участія въ ея созданіи [3]), не нашла поддержки ни въ королѣ, принявшемъ ее лишь поневолѣ, ни въ новомъ законодательномъ собраніи, гдѣ начинало складываться уже еще болѣе республиканское направленіе: для Людовика XVI конституція была слишкомъ мало монархической, для наиболѣе выдающихся дѣятелей 1792 г. она казалась, наоборотъ, слишкомъ много дающею значенія монарху. Столкновенія между королемъ и законодательнымъ собраніемъ, начавшіяся весьма скоро по введеніи конституціи 1791 г., въ свою очередь не обѣщали ничего хорошаго для упроченія того, что было уже сдѣлано. Чѣмъ болѣе Людовикъ XVI противился мѣрамъ собранія, направленнымъ противъ духовенства, отвергавшаго гражданскую конституцію клира, и противъ дворянства, находившагося въ эмиграціи, тѣмъ все больше и больше вырывалась пропасть между монархіей и націей, пропасть уже и раньше бывшая весьма значительной. Старая солидарность королевской власти съ бывшими привилегированными, находившимися теперь въ самой рѣзкой оппозиціи съ представительствомъ

[1]) См. выше, стр. 546.
[2]) См. выше, стр. 552.
[3]) См. выше, стр. 513.

націи, влекла монархію къ гибели, ибо народъ ничего такъ не боялся, какъ возврата старыхъ порядковъ съ церковными десятинами и феодальными правами. Иностранныя отношенія, угрозы, дѣлавшіяся Франціи изъ-за границы, сборы другихъ королей помочь французскому и возстановить привилегированныхъ въ ихъ правахъ, еще болѣе должны были вооружить извѣстную часть населенія противъ монархіи, какъ это предсказывалъ еще Мирабо [1]). Всѣмъ этимъ пользовались якобинцы, прекрасно организованные и дисциплинированные, научившіеся двигать народными массами въ Парижѣ и руководить революціей въ провинціяхъ, а они сознательно хотѣли вести революцію дальше, еще болѣе демократизировать конституцію въ смыслѣ непосредственнаго народовластія, идея котораго населеніемъ воспринималась въ томъ смыслѣ, что разъ верховная власть принадлежитъ народу, то и каждая отдѣльная часть народа должна пользоваться тѣмъ же правомъ. На сцену выступала политическая теорія Руссо, но это, какъ мы видѣли, была теорія не нормальнаго государственнаго бытія, а революціоннаго состоянія [2]). Сама декларація правъ, помѣщая въ число естественныхъ правъ, стоящихъ выше конституціи, сопротивленіе угнетенію [3]), тѣмъ самымъ давала и свою санкцію дальнѣйшему развитію революціоннаго движенія. Но въ этомъ движеніи все болѣе и болѣе рядомъ съ насиліемъ снизу развивалось и насиліе сверху, т.-е. анархія шла рука объ руку съ деспотизмомъ, какъ это было не только въ теоріи Руссо [4]), но и въ теоріи Мабли, который, разрѣшая въ извѣстныхъ случаяхъ народу сопротивляться, вмѣстѣ съ тѣмъ позволялъ и власти прибѣгать къ „священному насилію“ (la sainte violence), дабы при его посредствѣ и хотя бы противъ собственной воли народа приводить послѣдній къ добродѣтели и счастью [5]). *При такомъ состояніи общества и такомъ настроеніи умовъ нѣтъ ничего удивительнаго, что революція не окончилась въ 1791 г.*, когда, повидимому, реорганизація внутренняго быта Франціи была приведена къ благополучному окончанію.

Продолженіе революціи было *результатомъ совокупнаго дѣйствія народнаго движенія и агитаціи политическихъ партій*. Въ данномъ случаѣ въ исторіи Франціи въ концѣ XVIII в. повторилось то же самое, что было, напр., въ Чехіи въ эпоху гуситскихъ войнъ [6]), или въ Германіи во время

---

[1]) См. выше, стр. 499.

[2]) См. выше, стр. 211.

[3]) См. выше, стр. 521 (статья 2 деклараціи).

[4]) См. выше, стр. 211.

[5]) См. выше, стр. 235—236. Ср. стр. 234—235, гдѣ самъ же Мабли говоритъ объ экцессахъ чистой демократіи.

[6]) Т. I, стр. 540.

крестьянской войны 1524—1525 гг. [1]), съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ XV и XVI вѣкахъ агитація заимствовала свои идеи изъ происходившаго тогда движенія религіознаго, изъ совершавшейся тогда реформы церкви, тогда какъ въ эпоху французской революціи народное броженіе имѣло характеръ прежде всего политическій, а его идеи выводились изъ „философіи" XVIII в. Самъ народъ не былъ, однако, однородной массой, и различные его элементы принимали далеко не одинаковое участіе въ движеніи. Говоря объ участіи народа во французской революціи, мы должны, конечно, имѣть дѣло не съ отвлеченнымъ собирательнымъ понятіемъ народа, а съ реальными единицами, изъ коихъ онъ складывался. Дѣло въ томъ, что словомъ „le peuple" нерѣдко злоупотребляла и французская литература XVIII в., въ которой часто абстрактная идея заслоняла дѣйствительный предметъ, обозначаемый даннымъ словомъ; злоупотребляли имъ и дѣятели революціи, считавшіе возможнымъ отождествлять весь народъ съ извѣстными лишь его частями, и злоупотребляли, наконецъ, историки революціи, которые соединяли идеологическое представленіе о народѣ съ отождествленіемъ частей и цѣлаго. Напр., въ „Исторіи французской революціи" Мишле [2]) мы даже имѣемъ дѣло съ какою-то персонификаціей народа, который является главнымъ и даже почти единственнымъ „героемъ" революціи, совершающимъ все великое, все главное и все благодѣтельное, что только было сдѣлано революціей, тогда какъ все, чѣмъ запятнала себя революція въ памяти потомства, все ненавистное, все насильственное, все кровавое было яко-бы лишь дѣломъ отдѣльныхъ лицъ и партій, вообразившихъ себя выше народа, но бывшихъ въ сущности „честолюбивыми маріонетками". Мишле не хочетъ даже допустить существованія какого-либо различія въ отношеніи къ „братскому знамени" между отдѣльными классами общества, между буржуазіей и народомъ, не хочетъ признавать существованія въ эпоху революціи рабочаго вопроса, такъ какъ въ то время, по его мнѣнію, и рабочій классъ совсѣмъ еще не народился. Таковъ народъ въ представленіи Мишле: отсюда его патетическое отношеніе къ этому народу, какъ главному герою революціи, съ котораго снимаются всѣ обвиненія въ насиліяхъ и злодѣяніяхъ, принадлежащихъ „честолюбивымъ маріонеткамъ". Съ другой стороны, такъ какъ главныя сцены революціонной драмы разыгрывались въ Парижѣ, при участіи парижскаго пролетаріата (санкюлотовъ), то очень часто, когда въ исторіяхъ революціи рѣчь идетъ о народѣ, подъ нимъ разумѣются главнымъ образомъ низшіе классы населенія одного Парижа или вообще городского населенія, сельское же населеніе, менѣе

---

[1]) Т. II, гл. IX—X.

[2]) См. выше, стр. 8.

волновавшееся по политическимъ мотивамъ, отступаетъ какъ-то на задній планъ. Напр., Луи Бланъ [1]), видѣвшій въ дѣлѣ учредительнаго собранія только одно стремленіе замѣнить духовную и дворянскую аристократію, аристократіей буржуазной, привилегіи рожденія привилегіями богатства, подъ народомъ, противополагаемымъ буржуазіи, разумѣлъ преимущественно одинъ городской пролетаріатъ и особенно низшіе классы парижскаго населенія, какъ бы заступающаго у него мѣсто всего народа. Какъ Мишле все печальное въ исторіи революціи относитъ на счетъ отдѣльныхъ личностей и политическихъ партій изъ интеллигенціи (les partis qui reçurent leur impulsion des lettrés), такъ Луи Бланъ приписываетъ все нехорошее буржуазіи съ ея индивидуалистическимъ и потому противообщественнымъ стремленіемъ къ личной свободѣ, въ ущербъ принципу братства, къ которому стремился народъ и во имя котораго будто-то дѣйствовали якобинцы. Насколько невѣрно понималъ историкъ истинный характеръ якобинизма, это мы еще увидимъ, но нельзя и у Луи Блана не отмѣтить огульной идеализаціи народа въ событіяхъ революціи. Народныя возстанія, имѣющія обыкновенно въ своей основѣ причины экономическаго свойства, всегда заключаютъ въ себѣ и элементъ сильнаго нервнаго возбужденія подъ вліяніемъ той или другой идеи (религіозной, политической и т. п.), или какого-либо чувства, благодаря чему на первый планъ выступаютъ тогда самыя сильныя человѣческія страсти, начиная съ наиболѣе возвышенныхъ и благородныхъ, заставляющихъ человѣка жертвовать имуществомъ, здоровьемъ, самою жизнью во имя свободы, во имя любви къ ближнему и любви къ отечеству, во имя идеи долга, и кончая низменными инстинктами злобы, мщенія, разрушенія, грабежа и мелкаго честолюбія или властолюбія. Народное движеніе французской революціи не было исключительно ни героическимъ порывомъ воодушевленнаго великою идеею народа, ни однимъ рядомъ звѣрствъ, которыя будто-бы совершались цѣлой націей, уподобляемой въ извѣстномъ сочиненіи Тэна [2]) человѣку, опившемуся до бѣлой горячки „скверною водкою общественнаго договора и другихъ поддѣльныхъ или горячительныхъ напитковъ“. Французская нація въ эпоху революціи не состояла, конечно, ни изъ однихъ героевъ, воодушевлявшихся только однѣми великими идеями, ни изъ однихъ разнузданныхъ насильниковъ, въ которыхъ дѣйствовалъ лишь инстинктъ разрушенія: въ ней были, конечно, люди весьма различныхъ категорій, и, какъ это всегда бываетъ, отклоненія отъ человѣческой нормы не-героя, но и не-злодѣя были въ ней все-таки исключеніями, хотя бы по обстоятельствамъ времени исключеніями и болѣе многочисленными, чѣмъ при спокойномъ теченіи

---

[1]) См. выше, стр. 8.

[2] См. выше, стр. 8.

жизни, да и исключенія эти могли встрѣчаться въ разныхъ классахъ націи, а не въ томъ или другомъ классѣ и болѣе нигдѣ. Плохое экономическое состояніе и тревожные слухи поддерживали вызванное революціей нервное напряженіе націи: послѣднее было источникомъ и подвиговъ, прославившихъ революціонныя арміи въ борьбѣ съ европейскими коалиціями, и злодѣяній, которыя близорукими людьми стали ставиться въ вину самимъ политическимъ принципамъ, но, собственно говоря, на сценѣ въ наиболѣе мрачную эпоху революціи *дѣйствуетъ только меньшинство, энергично навязывающее свою волю пассивному большинству*, уже ранѣе пріученному больше къ повиновенію силѣ, чѣмъ къ самостоятельности, хотя, впрочемъ, и это большинство иногда выводилось изъ терпѣнія и оказывало сопротивленіе,—новая причина продолженія революціонныхъ смутъ. По мѣрѣ того, какъ перевѣсъ въ общемъ ходѣ событій брали наиболѣе крайнія политическія партіи,—все болѣе и болѣе насильственно устранялись или сами добровольно себя устраняли отъ участія въ активной политической жизни цѣлыя общественныя группы, а къ нимъ присоединялись и тѣ соціальные элементы, которые, наконецъ, добивались своего, какъ это можно сказать о крестьянской массѣ, послѣ окончательнаго уничтоженія феодальныхъ правъ въ 1792—93 гг. [1]). Всколыхнувшееся народное море стало мало-по-малу успокоиваться, а между тѣмъ ходомъ событій у власти поставлена была партія, рѣшившаяся во что бы то ни стало осуществить свой собственный государственный идеалъ,—партія, хорошо дисциплинированная и организованная, умѣвшая дѣйствовать на народныя страсти и устранять противниковъ изъ нужныхъ ей самой позицій, партія, своей энергіей гарантировавшая и болѣе умѣреннымъ элементамъ общества невозможность возвращенія къ старому порядку и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ увидимъ, обезпечивавшая побѣду надъ внѣшними врагами. Это были якобинцы, уже тревожившіе своимъ задоромъ многихъ членовъ учредительнаго собранія, которые, какъ мы уже знаемъ, говорили, что спокойствія въ странѣ не будетъ, пока будутъ во все вмѣшиваться якобинцы.

Революціонная агитація якобинцевъ имѣла мало успѣха въ крестьянской массѣ: будущіе правители Франціи вербовали своихъ сторонниковъ преимущественно среди людей, получившихъ нѣкоторое образованіе,—безъ котораго трудно было бы понимать отвлеченную политическую догматику партіи,—въ мелкой буржуазіи, между представителями полуинтеллигентныхъ профессій, среди ремесленниковъ, а также и простыхъ рабочихъ. Еще въ эпоху учредительнаго собранія

---

[1]) См. выше, стр. 547—548.

якобинскій клубъ, съ своими отдѣленіями въ провинціяхъ [1]) представлялъ большую силу, тѣмъ болѣе, что хорошо организованныя „народныя общества" провинцій принимали дѣятельное участіе въ разнаго рода выборахъ на всевозможныя должности, какъ того требовала новая административная машина, между тѣмъ какъ вообще громадное большинство населенія, непривыкшаго къ публичной жизни и даже тяготившагося слишкомъ частыми выборами то на ту, то на другую должность, наоборотъ, не являлось въ собранія для исполненія обязанностей активныхъ гражданъ (не являлось, напримѣръ, три четверти, семь восьмыхъ, девять десятыхъ того числа, которое должно было бы присутствовать на собраніяхъ). Лѣтомъ 1791 г. вышли изъ клуба болѣе умѣренные его элементы [2]), и это произошло какъ разъ въ то время, когда подходило время общихъ выборовъ въ законодательное собраніе, коему предстояло смѣнить конституанту. Въ эпоху общей дезорганизаціи якобинцы были хорошо организованы, и для ихъ стремленія къ вмѣшательству во всѣ проявленія общественной жизни, къ преобладанію надъ всѣми другими партіями, къ господству надъ массой открылось теперь широкое поле дѣятельности. Правда, они составляли меньшинство въ общемъ числѣ избирателей, какихъ-нибудь 300 (много 400) тысячъ на слишкомъ шесть милліоновъ активныхъ гражданъ [3]), но на ихъ сторонѣ,—какъ за полтора вѣка передъ тѣмъ на сторонѣ индепендентовъ въ Англіи [4]),—были фанатическая вѣра, громадное честолюбіе, страшная энергія и сильная организація. Децентрализація, созданная конституціей 1791 г., совсѣмъ лишала правительство возможности руководить выборами въ законодательное собраніе, а между тѣмъ, при непривычкѣ населенія къ свободному пользованію своими правами, выборами на мѣстахъ и притомъ не всегда при помощи однихъ законныхъ средствъ овладѣло меньшинство, не останавливавшееся передъ запугиваніемъ и насиліями, оно же, меньшинство это, играло болѣе или менѣе вездѣ роль орудія парижскаго „Общества друзей конституціи", а въ немъ самомъ все болѣе и болѣе брало перевѣсъ то мнѣніе, что можно пускать въ ходъ и насиліе, когда цѣлью его дѣлается превращеніе французской націи въ добродѣтельный, свободный и счастливый народъ [5]).

Не нужно забывать, что выборы въ законодательное собраніе лѣтомъ 1791 г. происходили подъ вліяніемъ еще такихъ событій, какъ бѣгство короля, республиканская манифестація на Марсовомъ полѣ, пиль-

[1]) См. выше, стр. 501.
[2]) См. выше, стр. 513.
[3]) См. выше, стр. 543.
[4]) Т. II, гл. XXXVI.
[5]) Ср. взгляды Мабли на этотъ счетъ, стр. 235—236.

ницкій манифестъ, прокламація эмигрантовъ объ иностранной помощи [1]): все это представляло почву особенно благопріятную для якобинской агитаціи, и партія получила въ законодательномъ собраніи цѣлую треть мѣстъ (около 250 изъ 745), и въ первыя же недѣли въ клубъ записалось около 140 новыхъ депутатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ важныя муниципальныя должности Парижа были заняты людьми, также не считавшими революцію оконченной, Петіономъ (меръ), Манюэлемъ (procureur-syndic), Дантономъ (его товарищъ), Робеспьеромъ (accusateur public) и др. Составъ новаго собранія былъ вообще своеобразный: въ немъ преобладали адвокаты (400 членовъ), было нѣсколько (около 20) конституціонныхъ духовныхъ, небольшое количество поэтовъ и литераторовъ, большею частью люди молодые, имѣвшіе менѣе 30 лѣтъ отъ роду,—человѣкъ 60 было въ собраніи двадцати пяти лѣтъ,—получившіе политическое воспитаніе въ клубахъ или на всевозможныхъ выборныхъ должностяхъ, учрежденныхъ менѣе чѣмъ за два года передъ тѣмъ, какъ сами они сдѣлались „законодателями“ (législateurs, оффиціальный терминъ). Дѣловой характеръ, какой приняли подъ конецъ засѣданія конституанты послѣ того, какъ она отдала свою дань академическому обсужденію отвлеченныхъ вопросовъ [2]), снова смѣнился философскими разсужденіями, риторической фразеологіей, полутеатральными представленіями,—доказательство малой опытности въ дѣлахъ новыхъ представителей народа.

Въ легислативѣ образовалось три политическія партіи. „Правую“ составляли конституціонные монархисты, называвшіеся фейльянами по одноименному клубу [3]) или файетистами, т.-е. сторонниками Лафайета, вскорѣ получившаго команду надъ сѣверной арміей: они раздѣляли политическія идеи членовъ конституанты Барнава, Дюпора и Ламета [4]), болѣе всего хлопотавшихъ лѣтомъ и осенью объ утвержденіи во Франціи конституціонной монархіи. „Лѣвая“ дѣлилась на жирондистовъ (girondins) и монтаньяровъ (или горцевъ). Между этими двумя партіями было сильное соперничество между прочимъ изъ-за преобладанія въ якобинскомъ клубѣ и въ парижской коммунѣ. Партія жирондистовъ [5]) получила названіе отъ депар-

---

[1]) См. выше, стр. 515.

[2]) См. выше, стр. 520.

[3]) См. выше, стр. 513.

[4]) См. выше, стр. 500.

[5]) Lamartine. Histoire des Girondins (устарѣло). — Ch. Vatel. Charlotte de Corday et les Girondins.—Mémoires inédits de Petion, de Buzot et de Barbaroux (съ введеніемъ Dauban'a).—Girardot. Roland et M-me Roland.—Dauban. Étude sur M-me Roland et son temps.—Мировичъ. Госпожа Роланъ.—М. М.

тамента Жиронды, изъ котораго происходили ея главари — Верньо, Гюаде, Жансонне, бордосскіе адвокаты, къ коимъ нужно присоединить еще Инара (Isnard), а также уже извѣстныхъ намъ Бриссо и Кондорсе [1]). Монтаньяры, получившіе свое названіе отъ верхнихъ скамей, на которыхъ они сидѣли (гора, la montagne), считали наиболѣе выдающимися своими дѣятелями Мерлена (de Thionville), Базира, Шабо (капуцина), Кутона, но самые выдающіеся члены этой партіи были внѣ собранія, а именно Робеспьеръ, бывшій членъ учредительнаго собранія, мало-по-малу ставшій главою якобинскаго клуба, Дантонъ и Камиллъ Демуленъ [2]), игравшіе первую роль въ клубѣ кордельеровъ, Сантерръ, имѣвшій большое вліяніе на рабочее населеніе сентъ-антуанскаго предмѣстья, наконецъ Маратъ, неистовавшій въ своемъ „Другѣ народа“ [3]) противъ всѣхъ, кого только могъ такъ или иначе подвести подъ кличку „аристократа“. Правая сторона состояла изъ сотни членовъ, но къ нимъ примыкало еще около полутораста членовъ центра, бывшихъ членами клуба фейльяновъ (всего около 260 депутатовъ), изъ членовъ лѣвой лишь около 140 было записано въ якобинскомъ клубѣ, но съ ними всегда вотировало около сотни другихъ депутатовъ. Наконецъ было еще около 250 членовъ „независимыхъ“, считавшихъ себя не принадлежащими ни къ какой партіи, но въ сущности совершенно несамостоятельныхъ, легко подчинявшихся вліянію лѣвой стороны. Самую вліятельную группу послѣдней составляли жирондисты, большею частью молодые адвокаты и литераторы, прежде всего убѣжденные теоретики, пламенные ораторы, самоувѣренные политики, свысока относившіеся къ учредительному собранію, считавшіе себя единственными способными во Франціи государственными людьми и единственными настоящими патріотами въ духѣ героевъ Плутарха, но въ дѣйствительности недостаточно дальновидные, оказавшіеся притомъ мало способными къ партійной дисциплинѣ и не обнаружившіе организаторскаго таланта, наконецъ не всегда послѣдовательные и рѣшительные. Сначала они думали пользоваться демагогами крайней лѣвой (т.-е. Мерленомъ, Базиромъ, Шабо, Кутономъ и др.) и дѣятелями какъ клубовъ (Робеспьеромъ и Дантомъ), такъ и революціонной прессы, какъ орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей, не подозрѣвая, что въ этихъ орудіяхъ они готовили опасныхъ для себя соперниковъ, которые проявятъ больше дисциплины и организаторскихъ способностей,

---

Ковалевскій. Зарожденіе республиканской партіи во Франціи (Историческое обозрѣніе, т. V).

[1]) См. выше, стр. 246 и др.

[2]) См. выше, стр. 486.

[3]) См. выше, стр. 503 и 507.

больше послѣдовательности и рѣшительности и возьмутъ перевѣсъ надъ ними самими. Составляя меньшинство собранія, лѣвая искала поддержки въ клубахъ и въ народной толпѣ, которая, напр., разгоняетъ клубъ фейльяновъ, шумно поддерживаетъ якобинцевъ въ собраніи изъ галлерей, отведенныхъ для публики, совершаетъ нападенія на ихъ противниковъ и на улицахъ: парижскому народу постоянно сообщается къ свѣдѣнію, какихъ членовъ собранія онъ долженъ считать своими врагами, какихъ — друзьями. „Независимые" все болѣе и болѣе подчинялись якобинскому вліянію или переставали показываться въ собраніи [1].

Между законодательнымъ собраніемъ и Людовикомъ XVI отношенія сдѣлались натянутыми съ самаго начала. Иначе и быть не могло, ибо изъ того, что одно національное собраніе смѣнилось другимъ, не вытекало никакихъ перемѣнъ въ общемъ положеніи дѣлъ. При дворѣ отнеслись даже съ насмѣшкой и презрѣніемъ къ церемоніямъ, которыми сопровождалось открытіе легислативы, и король какъ бы нарочно заставилъ долго ждать своего прихода—депутацію, которая была къ нему прислана, чтобы извѣстить его объ открытіи собранія. Послѣ этого по требованію между прочимъ Кутона легислатива въ отместку за такую невѣжливость декретировало лишить короля титуловъ: „государь" (sire) и „величество" (majesté) и замѣнить королевскій тронъ такимъ же кресломъ, какое было у предсѣдателя собранія, поставивъ еще это кресло по лѣвую руку отъ предсѣдательскаго, но на другой день депутаты одумались, и когда Людовикъ XVI лично явился въ собраніе, пріемъ ему былъ оказанъ хорошій, его привѣтствовали криками: „vive le roi!" Хотя среди представителей націи и господствовало еще монархическое настроеніе, однако, эпизодъ этотъ не обѣщалъ ничего хорошаго для взаимныхъ отношеній между законодательною и исполнительною властями. Королю по конституціи принадлежало отсрочивающее „veto" [2]. Людовикъ XVI сталъ имъ пользоваться, но такъ какъ онъ не давалъ согласія своего на декреты законодательнаго собранія, коими оно особенно дорожило, то пользованіе со стороны короля его законнымъ правомъ было прямо поставлено ему въ вину, а двусмысленная политика двора по отношенію къ иностраннымъ держа-

---

[1]) Хронологія событій во время законодательнаго собранія (ср. стр. 479):

1791 годъ: 1 октября, открытіе законодательнаго собранія.—29 ноября, декреты противъ эмигрантовъ и неприсяжныхъ священниковъ.

1792 годъ: 14 февраля, появленіе краснаго колпака, какъ революціоннаго знака.—24 марта, жирондистское министерство.— 20 апрѣля, объявленіе войны Австріи.—20 іюня, возстаніе парижскихъ предмѣстій и нападеніе на Тюйльери.—10 августа, паденіе монархіи.—2 и слѣд. сентября, такъ называемыя сентябрьскія убійства.—21 сентября, закрытіе легислативы.

[2]) См. выше, стр. 529.

вамъ только еще болѣе дѣлала отношенія обѣихъ сторонъ весьма натянутыми. *Главными и притомъ открытыми противниками новыхъ порядковъ были оба привилегированныя сословія старой Франціи — духовенство и дворянство*: первое проявляло свою оппозицію, не желая (хотя далеко не все) подчиняться „гражданскому уложенію о духовенствѣ“, другое продолжало эмигрировать и хлопотать о вторженіи во Францію съ иностранными войсками. Уже учредительное собраніе, обративъ вниманіе на неприсяжныхъ священниковъ и на эмигрантовъ [1]), ставило вопросъ о тѣхъ и другихъ, какъ о врагахъ общественнаго порядка, законодательное же собраніе издало строгіе декреты, въ коихъ грозило наказаніями и духовнымъ, не желавшимъ принести установленной присяги, и дворянамъ, уѣзжавшимъ за границу. Это были боевыя средства, которыми собраніе считало нужнымъ вооружиться противъ враговъ новаго порядка вещей, но отъ нихъ страдали и тѣ священники, которые находили лишь противнымъ своей совѣсти присягать новой церковной организаціи, не вмѣшиваясь, однако, въ политику, и тѣ эмигранты, которые спасались отъ усилившихся смутъ (между прочимъ религіозныхъ), а не для того, чтобы готовиться къ вооруженному вторженію во Францію: конечно, собраніе думало поразить своими декретами именно политическихъ своихъ враговъ, и отказъ Людовика XVI, вѣрнаго сына католической церкви и все еще въ собственномъ представленіи перваго дворянина въ королевствѣ, санкціонировать эти декреты былъ, разумѣется, принятъ не за защиту индивидуальной свободы, ими попиравшейся, а за защиту интересовъ тѣхъ общественныхъ классовъ, которые были самыми ожесточенными врагами демократіи. Отсюда та страстность, съ какою ведется борьба за декреты объ эмигрантахъ и неприсяжныхъ духовныхъ. Въ ноябрѣ 1791 г. былъ изданъ декретъ, объявлявшій смертную казнь и конфискацію имуществъ эмигрантамъ, которые не вернутся на родину къ 1 января 1792 г., а другимъ декретомъ назначались очень строгія кары (отъ лишенія правъ съ отдачею подъ надзоръ до двухлѣтняго тюремнаго заключенія) не присягнувшимъ священникамъ, которые будутъ оказывать неповиновеніе и возмущать народъ. Оба декрета не получили королевской санкціи. Собраніе между тѣмъ совершенно напрасно смѣшивало воедино эмигрантовъ, большею частью дѣйствительныхъ враговъ новаго государства, съ неприсяжными священниками, преимущественно отстаивавшими лишь права своей совѣсти, и тѣмъ самымъ толкало и клиръ на путь сопротивленія. Эмигранты и якобинцы были вообще двумя крайними политическими противоположностями тогдашней Франціи, и боязнь націи передъ

---

[1]) См. выше, стр. 507 и 552.

возвращеніемъ эмигрантовъ (конечно, съ оружіемъ въ рукахъ для возстановленія стараго порядка) придавала особую силу якобинцамъ. Сопротивленіе клира въ свою очередь развивало въ послѣднихъ ненависть къ самой церкви, которая дошла въ эпоху конвента до попытки уничтожить самый католицизмъ во Франціи. Своимъ несогласіемъ на декреты легислативы король при такихъ условіяхъ подписывалъ смертный приговоръ монархіи.

Отношенія Франціи къ иностранцамъ также обострялись. На угрозы, шедшія изъ-за границы, отвѣчали угрозами. Уже въ концѣ 1791 г. вожди жирондистовъ говорили о необходимости войны. „Скажемъ Европѣ, восклицалъ Инаръ въ одной изъ своихъ рѣчей, что если кабинеты подбиваютъ королей къ войнѣ противъ народовъ, мы призовемъ народы къ войнѣ противъ королей“.—„Вамъ нужно самимъ напасть на державы, которыя дерзнутъ вамъ угрожать“, говорилъ Бриссо. Между тѣмъ Людовикъ XVI тайно сносился съ иностранными дворами, предлагая устроить „конгрессъ главныхъ державъ Европы, опирающійся на вооруженную силу, какъ лучшее средство остановить успѣхи бунтовщиковъ“, „обнаруживающихъ намѣреніе на счетъ совершеннаго уничтоженія остатковъ монархіи“ во Франціи, „и воспрепятствовать тому, чтобы зло распространилось по другимъ государствамъ Европы“. Дворъ замышлялъ коалицію королей [1]), а въ якобинскомъ клубѣ говорились рѣчи о всесвѣтной революціи“: „Франція, говорилъ Инаръ, испуститъ страшный крикъ, и ей отвѣтятъ всѣ народы. Земля покроется бойцами, и враги свободы будутъ вычеркнуты изъ списковъ людей“. По вопросу о войнѣ *впервые начался разладъ между жирондистами и монтаньярами.* Первая изъ этихъ партій надѣялась посредствомъ войны консолидировать революцію, въ то же время ослабивъ престижъ королевской власти, въ защиту коей ополчались за-границей: иностранцы и эмигранты были враги отечества и революціи; война съ ними будетъ популярна; они, жирондисты, начнутъ эту войну, сдѣлаются господами положенія, вождями побѣдоносной революціи, освободителями Европы, благодѣтелями человѣчества. Нѣмецъ Анахарсисъ Клотцъ въ качествѣ „оратора отъ человѣческаго рода“ оффиціально приглашалъ легислативу вести такую войну. Иначе смотрѣли на дѣло монтаньяры, сильные особенно въ якобинскомъ клубѣ: счастливая война усилитъ престижъ королевской власти и создастъ послушную ей армію, несчастная же низвергла бы правительство, но лишь для того, чтобы отдать Францію въ руки жирондистовъ. Якобинцы сами были не менѣе рьяными сторонниками революціонной пропаганды, но они желали начать ее не ранѣе того,

---

[1]) 2 янв. 1792 г. Австрія и Пруссія заключили наступательный и оборонительный союзъ.

какъ сдѣлаются сами господами положенія во Франціи. Великодушные идеалисты, жирондисты мечтаютъ о братствѣ народовъ и отталкиваютъ отъ себя мысль о диктатурѣ, какъ о вещи, несовмѣстимой съ свободою, а настоящіе якобинцы уже въ концѣ 1791 г. совѣтуютъ на случай войны предпринять мѣры, которыя показались бы слишкомъ суровыми во время мира, ибо все то, что имѣетъ цѣлью спасеніе государства, справедливо, и бываютъ случаи, когда нужно накинуть покрывало на статую свободы, какъ выразился якобинецъ Геро де Сешель.

Жирондисты проповѣдовали всеобщее вооруженіе, необходимость готовить оружіе, и подъ ихъ вліяніемъ Франціей овладѣлъ воинственный пылъ, символомъ коего явился красный фригійскій колпакъ, такъ сказать, смѣнившій символъ конституанты—трехцвѣтную кокарду. Съ начала 1792 г. иностранная политика все болѣе и болѣе начала останавливать на себѣ вниманіе собранія и націи. Гюаде въ страстной рѣчи нападалъ на проектъ европейскаго конгресса, предлагая указать измѣнникамъ на ихъ настоящее мѣсто—и чтобы этимъ мѣстомъ былъ эшафотъ, а въ измѣнѣ все болѣе и болѣе подозрѣвался и прямо обвинялся дворъ, обвинялись министры короля. „Съ этой трибуны, восклицалъ Верньо, я вижу дворецъ, гдѣ создаются ковы контръ-революціи, гдѣ подготовляется интрига, которая предастъ насъ Австріи... Пришелъ день, когда вы можете положить конецъ такой дерзости и смутить заговорщиковъ. Страхъ и ужасъ исходили часто изъ этого дворца въ старыя времена во имя деспотизма: пусть же они теперь туда войдутъ во имя закона; пусть они проникнутъ въ сердца его обитателей, и пусть обитатели эти знаютъ, что конституція дѣлаетъ неприкосновеннымъ только короля. Законъ поразитъ виновныхъ безъ всякаго различія. Нѣтъ такой преступной головы, къ которой не могъ бы прикоснуться мечъ правосудія“. Натискъ жирондистовъ на королевскихъ министровъ былъ такъ силенъ, что Людовикъ XVI былъ вынужденъ дать имъ отставку и призвать на ихъ мѣста жирондистовъ (24 марта 1792 г.). Такимъ образомъ во Франціи *возникло нѣчто въ родѣ парламентарнаго министерства*, котораго тщетно добивался въ свое время Мирабо и котораго не полагалось по конституціи 1791 года [1]). Вмѣсто того, однако, чтобы обратиться къ вождямъ партіи и составить вполнѣ однородное министерство, Людовикъ XVI призвалъ въ него людей менѣе извѣстныхъ, среди коихъ главная роль принадлежала министру юстиціи Ролану, тогда какъ министерство иностранныхъ дѣлъ, изъ-за коего главнымъ образомъ и велась вся борьба, досталась Дюмурье, талантливому авантюристу, въ очень еще молодыхъ годахъ искавшему дѣятельности и отличій на поляхъ битвъ, потомъ игравшему роль въ тайной дипло-

---

[1]) См. выше, стр. 506 и 529.

матіи [1]) Людовика XV, теперь явившемуся во фригійскомъ колпакѣ въ якобинскій клубъ и цѣловавшемуся тамъ съ Робеспьеромъ. Министръ Роланъ былъ человѣкъ знающій и опытный, такъ какъ занималъ прежде должность инспектора торговли и мануфактуръ, обладалъ холоднымъ и строгимъ умомъ, отличался большими нравственными качествами и неподкупною честностью. Его жена — одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ женщинъ французской революціи [2]), такъ что недаромъ жирондистское министерство окрестили именемъ министерства г-жи Роланъ: молодая, красивая, умная жена министра отличалась страстнымъ темпераментомъ, энтузіазмомъ политической свободы, горячею привязанностью къ республиканскому идеалу античнаго міра и умѣла группировать около себя недюжинныхъ людей своей партіи. Жирондистское министерство было за войну, которая дѣлалась тѣмъ болѣе неизбѣжною, что Францъ II, преемникъ Леопольда II, скончавшагося 1 марта 1792 года, ограниченный и фанатически настроенный государь, съ своей стороны рѣшилъ ускорить событія. 20 апрѣля Людовикъ XVI явился въ законодательное собраніе и взволнованнымъ голосомъ предложилъ ему, на основаніи конституціи, объявить войну королю венгерскому и богемскому (т.-е. Францу II, тогда еще не коронованному императорской короной). Только семь голосовъ было противъ предложенія, и война была такимъ образомъ рѣшена. *Такъ началась международная борьба, которой суждено было продолжаться съ небольшими перерывами почти цѣлую четверть вѣка (1792—1815) и оказать громадное вліяніе не только на международныя отношенія Европы, но и на внутреннюю исторію ея государствъ и народовъ.* Уже въ засѣданіи 20 апрѣля войнѣ приписывался характеръ революціонной пропаганды: „вы, говорилъ одинъ депутатъ, декретируете свободу всего мира“; „объявимъ войну королямъ и миръ націямъ“, говорилъ другой. Вопреки тому, что случилось впослѣдствіи, манифестъ о войнѣ заключалъ въ себѣ „обѣщаніе не предпринимать войнъ съ завоевательными цѣлями и не дѣлать посягательствъ на свободу другихъ націй“. Людовикъ XVI между тѣмъ составилъ протестъ противъ собственнаго своего предложенія и послалъ разнаго рода тайные совѣты и указанія иностраннымъ дворамъ, а также и эмигрантамъ, которыхъ просилъ, впрочемъ, воздержаться отъ участія въ войнѣ [2]). Объявленіе

---

[1]) См. выше, стр. 408.

[2]) Шлоссеръ. Женщины французской революціи.—Michelet. Les femmes de la révolution.

[3]) Исторію революціонныхъ войнъ см. главнымъ образомъ въ сочиненіи Сореля. Кромѣ того, см. „Исторію XIX вѣка“ Файфа (перев. подъ ред. проф. И. В. Лучицкаго), которая начинается съ 1792 года. См. еще Ranke. Ursprung und Beginn der Revolutionskriege.—Hüffer. Oesterreich und Preussen gegenü-

войны подняло на ноги всю Францію, рѣшившуюся защищать до послѣдней крайности родную землю и революцію. Знаменитые волонтеры 1792 г. положили начало революціоннымъ арміямъ, игравшимъ такую видную роль въ событіяхъ эпохи [1]). Скоро возникла и сдѣлавшаяся славною „марсельеза" (la Marseillaise), революціонный гимнъ, составленный Руже де Лилемъ (Rouget de Lisle) и впервые распѣвавшійся марсельскими волонтерами. Толпы преимущественно молодежи, часто потомъ оказывавшейся, правда, недостаточно годною для военной службы, спѣшили къ границамъ. Первыя дѣйствія французовъ, направившихся на Монсъ и Турнэ, были неудачны: офицеры эмигрировали или относились къ революціи враждебно, интендантская часть организована была плохо, солдатъ кормили дурно, волонтеры были неопытны, недисциплинированы, и первыя стычки съ непріятелемъ кончились паникой, пораженіемъ, причемъ одинъ отрядъ даже изрубилъ своего генерала. Въ то же время дворъ продолжалъ свои тайныя сношенія съ заграницей, и въ обществѣ стали говорить о существованіи въ Парижѣ, въ самомъ дворцѣ особаго „австрійскаго комитета", душою коего была королева. Между тѣмъ и Пруссія, связанная съ Австріей договоромъ, объявила Франціи войну.

Военныя неудачи сдѣлались предметомъ взаимныхъ обвиненій и попрековъ. Лафайетъ ссорился съ Дюмурье, Робеспьеръ въ якобинскомъ клубѣ нападалъ на Бриссо и на жирондистовъ. 23 мая жирондисты указали собранію на существованіе австрійскаго комитета, а черезъ 6 дней собраніе уничтожило „конституціонную гвардію" короля, какъ заподозрѣнную въ антиреволюціонномъ настроеніи. Въ началѣ іюня военный министръ изъ жирондистовъ предложилъ отъ себя собранію организовать подъ Парижемъ вооруженный лагерь изъ 20 тысячъ „федератовъ" (fedérés), и собраніе приняло это предложеніе. Людовикъ XVI согласился на распущеніе гвардіи, но продолжалъ платить жалованіе составлявшимъ ее лицамъ, бывшимъ большею частью роялистами, прежними членами королевской стражи, но на созывъ федератовъ онъ не далъ своего согласія, равно какъ на декретированное собраніемъ (27 мая) усиленіе наказаній противъ неприсяжныхъ священниковъ, продолжавшихъ свою агитацію, именно на высылку неприсяжныхъ изъ кантоновъ, департаментовъ и даже изъ самой страны по донесенію 20 активныхъ гражданъ, подтвержденному мѣстными властями. *Между жирон-*

---

ber der franz. Revolution. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ касаться революціонныхъ войнъ преимущественно по ихъ отношенію ко внутренней исторіи самой Франціи, ибо вліяніе ихъ (какъ и самой революціи) на другія страны Европы будетъ разсмотрѣно въ IV томѣ.

[1]) Bonnal. Les armées de la républiqne.—Boissonade. Hist. des volontaires de la Charente pendant la révolution.—Chuquet. Les guerres de la Révolution.

дистскимъ министерствомъ и королемъ отношенія сдѣлались невозможными. Роланъ, находившій поведеніе Людовика XVI неискреннимъ, говорилъ, что король или самый честный человѣкъ въ мірѣ, или, наоборотъ, величайшій обманщикъ, ибо такъ, какъ онъ, притворяться невозможно. Самъ Людовикъ XVI совѣтовался больше съ посторонними лицами, чѣмъ съ оффиціальными своими совѣтниками. Когда онъ отказалъ дать свою санкцію декретамъ, Роланъ обратился къ нему съ письмомъ, авторомъ коего была жена этого министра: г-жа Роланъ гораздо ранѣе своего мужа и его товарищей поняла, что для довѣрія, съ какимъ жирондистское министерство относилось сначала къ Людовику XVI, не было въ сущности никакихъ реальныхъ основаній, да и въ данную минуту эта замѣчательная женщина явилась вдохновительницей мужа. Письмо было составлено именно въ минуту горячности, было страстно по содержанію, рѣзко по формѣ. Настоящее положеніе Франціи невыносимо и должно привести къ взрыву. Въ этомъ виноватъ король, вступающій въ союзъ съ врагами конституціи и дѣйствующій противъ законодательной власти. Но время поправить дѣло еще не ушло. „Престолу вашему,—говорилось въ письмѣ далѣе,—угрожаютъ страшныя бѣдствія, если онъ не будетъ утвержденъ на основахъ конституціи и упроченъ миромъ... Общественное мнѣніе уже подвергаетъ осужденію намѣренія вашего величества: еще отсрочка — и опечаленный народъ будетъ видѣть въ своемъ королѣ друга и сообщника заговорщиковъ“. Людовикъ XVI отвѣтилъ на письмо отставкой жирондистскаго министерства, за которою послѣдовалъ и выходъ въ отставку Дюмурье послѣ того, какъ новые министры (изъ фейльяновъ) объявили собранію королевское *veto* на декреты (первая половина іюня). Собраніе съ своей стороны заявило, что отставные министры унесли съ собою его прежнее къ нимъ довѣріе, и вотировало отправку письма Ролана во всѣ 83 департамента. Между тѣмъ Лафайетъ, стоявшій лагеремъ у Мобежа, прислалъ собранію письмо, въ которомъ выражалъ удовольствіе свое по поводу отставки жирондистовъ, обвинялъ во всѣхъ безпорядкахъ якобинскую „шайку“ и совѣтовалъ собранію замѣнить господство клубовъ господствомъ закона. Письмо произвело въ собраніи сенсацію между прочимъ своимъ повелительнымъ тономъ, и, напр., Гюаде выражалъ недоумѣніе, могъ ли сподвижникъ Вашингтона говорить языкомъ Кромвеля, когда тотъ наносилъ ударъ свободѣ Англіи. Тогда же Лафайетъ написалъ письмо и королю, совѣтуя ему крѣпко держаться за власть, делегированную ему національной волей, и обѣщая ему поддержку всѣхъ настоящихъ (bons) французовъ.

Непринятіемъ декретовъ, отставкой министровъ-„патріотовъ“, письмомъ Ролана къ королю, вызовомъ Лафайета воспользовалась партія демагоговъ, чтобы поднять населеніе парижскихъ предмѣстій,

страдавшее отъ нищеты, безработицы, дороговизны съѣстныхъ припасовъ, жившее уже около трехъ лѣтъ въ крайнемъ возбужденіи, все это время все болѣе и болѣе подпадавшее вліянію революціонныхъ клубовъ, демагогической прессы и уличныхъ ораторовъ. *Жирондисты сами были не прочь пользоваться содѣйствіемъ демагоговъ*, но не въ смыслѣ насилія и кровопролитій, а въ смыслѣ внушительныхъ народныхъ манифестацій. „Истинные патріоты, говоритъ г-жа Роланъ въ своихъ мемуарахъ,—оставляли дѣйствовать демагогію, какъ шумную свору собакъ, и не прочь были воспользоваться ею, чтобы произвести давленіе на исполнительную власть". Но демонстраціи пошли гораздо далѣе, и то орудіе, которымъ жирондисты хотѣли пользоваться, обратилось впослѣдствіи противъ самихъ же жирондистовъ.

Два народныя возстанія, бывшія въ Парижѣ 20 іюня и 10 августа, низвергли монархію. Якобинцы успѣли внушить парижскому населенію, что оно представляетъ собою всю Францію, что оно-то и есть прежде всего „народъ", populus, и парижане повѣрили, что народная толпа на улицахъ столь же суверенна, какъ и вся нація на своихъ собраніяхъ. У инсургентовъ 20 іюня явились и вожди уже изъ ихъ собственной среды, каковы пивоваръ Сантерръ, мясникъ Лежандръ, Фурнье Американецъ [1]), бывшій человѣкомъ безъ опредѣленныхъ занятій. Толпа въ нѣсколько тысячъ совершила вторженіе во дворецъ, ея вожди добрались до Людовика XVI, заставили его пить прямо изъ бутылки за здоровье націи и надѣть красный колпакъ, но не могли заставить утвердить декреты. Петіонъ, меръ Парижа, явившійся на мѣсто происшествія, успокоилъ народъ, но многіе, расходясь, говорили, что разъ ничего не было получено, нужно было бы вернуться еще разъ. Легислатива выразила сожалѣніе по поводу всего случившагося; кромѣ того, ей подана была петиція съ 20 тысячами подписей, протестовавшая противъ безпорядка 20 іюня. Пріѣхалъ въ Парижъ и Лафайетъ, чтобы потребовать у собранія наказанія якобинцевъ и предложить свои услуги королю, но уѣхалъ, ничего не достигши, въ главную квартиру своей арміи. Въ собраніи Гюаде поставилъ на видъ, что не дѣло арміи мѣшаться въ политику, а Марія Антуанета говорила, что она скорѣе готова погибнуть, чѣмъ пользоваться услугами такого человѣка, какъ Лафайетъ. Между тѣмъ возбужденіе въ городѣ росло: говорили о внутренней измѣнѣ, о заговорахъ, о внѣшнихъ опасностяхъ; въ Парижъ съѣхались изъ провинцій „федераты," большею частью находившіеся подъ вліяніемъ якобинцевъ, и еще болѣе усиливали броженіе. Законодательное собраніе не избѣжало общей судьбы, кого только касалось это возбужденіе: оно само находилось въ весьма тревожномъ состояніи. Въ

---

[1]) См. выше, стр. 487, прим.

собранiи даже заговорили о томъ, что нужно было бы принять мѣры на тотъ случай, если бы опасность стала грозить со стороны исполнительной власти. По этому случаю Верньо сказалъ одну изъ наиболѣе краснорѣчивыхъ своихъ рѣчей на ту тему, что все это во имя короля—и французскiе принцы сдѣлали попытку поднять всю Европу, и заключенъ былъ пильницкiй договоръ [1]), и началъ войну съ Францiей король венгерскiй и богемскiй, и Пруссiя направляется къ ея границамъ, и въ этой рѣчи онъ указывалъ на то, какъ король, пользуясь всѣми средствами, какiя ему давала конституцiя, стремится низвергнуть эту самую конституцiю,—напоминалъ, далѣе, что по конституцiи король считается лишеннымъ престола, разъ онъ формальнымъ актомъ не противится предпрiятiю, совершаемому противъ нацiи [2]),—и спрашивалъ, былъ ли Людовикъ XVI на высотѣ своей задачи въ виду нападенiя Австрiи и Пруссiи; если бы, однако, король сталъ указывать на то, что онъ не нарушалъ конституцiи, дающей ему такiя-то и такiя-то права, французы имѣли бы право ему сказать,—и тутъ Верньо какъ бы отъ имени Францiи обратился къ самому королю съ такими, напр., словами: „о король, вѣрящiй по примѣру тиранна Лизандра, что истина не дороже лжи, и что можно взрослыхъ людей забавлять клятвами, какъ забавляютъ дѣтей игрушками,... не думаешь ли ты, что и теперь можешь обмануть насъ лицемѣрными увѣренiями?.. Человѣкъ, котораго не могло тронуть великодушiе французовъ, которому доступна только жажда власти, не долженъ пожать плодовъ своего клятвопреступленiя. Ты уже ничто въ глазахъ конституцiи, такъ недостойно попранной тобою, ничто для народа, такъ низко тобою преданнаго.“ Въ заключенiе Верньо предложилъ объявить „отечество въ опасности“, что влекло за собою непрерывность засѣданiя всѣхъ выборныхъ властей и призывъ подъ оружiе всѣхъ, способныхъ его носить. Рѣчь эта была произнесена 3 iюля, а 11 числа состоялось въ собранiи провозглашенiе „отечества въ опасности“. Подъ впечатлѣнiемъ этого событiя была отпразднована третья годовщина взятiя Бастилiи (14 iюля), а 22 iюля состоялось объявленiе объ опасности отечества Парижу съ пушечными выстрѣлами, военными парадами, церемонiальными шествiями муниципальныхъ властей, читавшихъ декретъ, который былъ составленъ въ звучныхъ и красивыхъ фразахъ, и на парижскихъ площадяхъ были поставлены столы для записи волонтеровъ. На защиту революцiи и въ концѣ iюля приходили еще въ Парижъ федераты, въ честь коихъ устраивались публичныя празднества. Происходили, кромѣ того, частыя народныя сходки, на коихъ обсуждалось трудное по-

---

[1]) См. выше, стр. 514—515.

[2]) См. выше, стр. 530.

ложеніе государства. Вожди жирондистовъ и якобинцевъ между тѣмъ держались выжидательнаго образа дѣйствій, во главѣ готовившагося движенія стояли большею частью совсѣмъ неизвѣстные люди. Въ горючій матеріалъ упала еще искра: такою искрою былъ манифестъ герцога Брауншвейскаго, главнокомандующаго союзной австро-прусской арміей, написанный кѣмъ-либо изъ эмигрантовъ и, какъ думали, на сновании свѣдѣній, сообщенныхъ изъ Тюйльери, манифестъ, заключавшій угрозы наказаній мятежнымъ подданнымъ Людовика XVI, угрозы казней, военныхъ экзекуцій, сожженія и срытія домовъ, разрушенія Парижа и т. п. Въ концѣ іюля этотъ манифестъ, тонъ котораго привелъ придворныхъ въ восхищеніе, былъ напечатанъ въ газетахъ, и немедленно волненіе усилилось, принявъ прямо республиканскій характеръ, и изъ столицы распространилось въ провинціи. Въ началѣ августа Петіонъ уже подалъ собранію петицію отъ 47 изъ 48 секцій, на которыя былъ раздѣленъ Парижъ, о низложеніи Людовика XVI. Увѣреніямъ короля въ преданности конституціи, когда онъ самъ сообщилъ собранію о манифестѣ герц. Брауншвейгскаго, не придали ни малѣйшаго значенія. 10 августа послѣдовалъ взрывъ. Его предвидѣли, и съ обѣихъ сторонъ шли приготовленія. Возстаніе началось еще ночью, когда главные вожаки іюньскаго движенія овладѣли ратушей и организовали изъ себя новую парижскую общину (коммуну); при этомъ былъ убитъ начальникъ національной гвардіи (Мандатъ). Защита Тюйльерійскаго дворца была ненадежная: національная гвардія кричала или „да здравствуетъ нація“ или „долой тиранна,“ и лишь наемные швейцарцы, тайно введенные во дворъ, оказались хорошей стражей, но ихъ было сравнительно мало. Съ восьми часовъ утра началась осада дворца, который наконецъ и былъ взятъ приступомъ. Король съ семьей долженъ былъ искать убѣжища въ національномъ собраніи, гдѣ Верньо обѣщалъ ему безопасность. Въ ложѣ, помѣщавшейся за предсѣдательскимъ кресломъ, Людовикъ XVI былъ свидѣтелемъ того, какъ рѣшался вопросъ о монархіи: по предложенію Верньо собраніе декретировало пріостановку (suspension) исполнительной власти, какъ это разъ уже было послѣ бѣгства короля въ іюнѣ 1791 г. [1]), рѣшеніе же о самомъ королевскомъ санѣ должно было принадлежать чрезвычайному собранію—національному конвенту (convention nationale), выборы въ который должны были совершиться всѣми гражданами, достигшими совершеннолѣтія (21 года) безъ раздѣленія на активныхъ и пассивныхъ. Послѣ этого Людовикъ XVI съ семьей сталъ жить плѣнникомъ въ цитадели Тампль, когда-то принадлежавшей храмовникамъ. Организовано было новое министерство изъ жирондистовъ, въ коемъ мѣсто министра юстиціи досталось гла-

---

[1]) См. выше, стр. 512.

варю кордельерскаго клуба Дантону. Лафайетъ, уже раньше помышлявшій о военномъ переворотѣ въ пользу конституціонной монархіи и даже чуть было не попавшій подъ судъ [1]), протестовалъ противъ событія 10 августа, но ничего не могъ сдѣлать и перебрался за границу, чтобы уѣхать въ Голландію или Америку, но попалъ въ руки австрійцевъ, засадившихъ его въ тюрьму.

Выборы въ конвентъ должны были произойти 26 августа (первичные) и 2 сентября (департаментскіе). До окончанія своихъ засѣданій законодательному собранію пришлось бороться съ парижской „коммуной“, занявшей ратушу въ ночь на 10 августа и стремившейся захватить въ свои руки власть надъ Парижемъ, надъ всей Франціей, и къ неизвѣстнымъ лицамъ, считавшимъ себя въ правѣ извлечь для себя всѣ выгоды изъ побѣды надъ монархіей, присоединились Робеспьеръ и Маратъ. По предложенію своего министра юстиціи Дантона собраніе учредило чрезвычайный судъ для наказанія сообщниковъ двора. Противъ эмигрантовъ и неприсяжныхъ священниковъ изданы были новые декреты. Возбужденіе столицы росло все болѣе и болѣе: въ самомъ Парижѣ подозрѣвали существованіе роялистическихъ заговоровъ; изъ провинцій приходили извѣстія о роялистическихъ возстаніяхъ; прусаки завладѣли одною крѣпостью (Longwy) вслѣдствіе измѣны комменданта. Дантонъ счелъ нужнымъ напугать роялистовъ (il faut faire peur aux royalistes), предписавъ повальные домовые обыски въ Парижѣ, съ цѣлью захвата спрятаннаго оружія и ареста „подозрительныхъ“. Между тѣмъ непріятель обложилъ Верденъ. Роланъ, снова сдѣлавшійся министромъ, предлагалъ перенести собраніе и правительство за Луару, въ Туръ или Блуа, но Дантонъ былъ противъ этого. По его предложенію собраніе между прочимъ декретировало смертную казнь всякому, кто отказался бы служить лично или выдать свое оружіе, или же сталъ бы противиться и мѣшать мѣропріятіямъ исполнительной власти. Для спасенія отечества Дантонъ прежде всего требовалъ смѣлости (il nous faut de l'audace, toujours de l'audace, et la France est sauvée). Онъ не только не остановилъ избіенія арестованныхъ, ожидавшихъ въ тюрьмахъ суда надъ собою за защиту монархіи и за измѣну отечеству (часто мнимую), но даже взялъ на себя часть отвѣтственности, падавшей на тѣхъ, которые задумали и привели въ исполненіе это ужасное дѣло. Еще 26 августа національное собраніе во имя общечеловѣческаго братства дало права французскаго гражданства знаменитымъ иностранцамъ, оказавшимъ услуги дѣлу свободы (въ числѣ ихъ были Вашингтонъ, филантропы Вильберфорсъ и Кларксонъ, проповѣдывавшіе уничто-

---

[1]) 8 августа законодательное собраніе 406 голосами противъ 224 рѣшило вопросъ о преданіи Лафайета суду отрицательно.

женіе рабства негровъ, Шиллеръ, педагогъ Песталоцци, англійскій ученый Пристлей, юристъ Бентамъ, Анахарсисъ Клотцъ), а черезъ нѣсколько дней Маратъ, давно уже проповѣдовавшій убійство въ своей газетѣ, теперь попавшій въ парижскій общинный совѣтъ и потомъ даже въ члены конвента, и его единомышленники организовали избіеніе всѣхъ арестованныхъ въ тюрьмахъ Парижа, Версаля и другихъ городовъ, продолжавшееся нѣсколько дней въ началѣ сентября: въ провинціальные города объ этомъ послано даже было циркулярное повелѣніе, напечатанное въ типографіи Марата. Убійства эти получили названіе сентябрьскихъ, а ихъ участники — сентябристовъ (septembriseurs). Бриссо просилъ Дантона спасти хотя бы невинныхъ, но министръ юстиціи заявилъ, что между избиваемыми нѣтъ ни одного, который былъ бы невиненъ. Тѣмъ не менѣе Дантонъ спасъ жизнь своихъ политическихъ противниковъ Дюпора и Ламета, а Манюэль (procureur syndic)—своего смертельнаго врага Бомаршэ. Впослѣдствіи всѣ отрекались отъ этого злого дѣла или выражали по его поводу негодованіе или сожалѣніе, не исключая и самого Марата.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ возникала во Франціи первая республика, а между тѣмъ и дѣла на границѣ шли дурно для французовъ: Верденъ былъ принужденъ сдаться прусакамъ. Для защиты отечества, однако, политическіе дѣятели революціи оставляли свои ссоры, и Дюмурье, котораго считали наиболѣе способнымъ генераломъ и жирондисты, и якобинцы, и Дантонъ, всѣ одинаково его не любившіе, былъ отправленъ командовать войскомъ на границѣ въ виду наступавшаго врага. 20 сентября онъ при Вальми отбилъ аттаку прусаковъ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ и самимъ прусскимъ королемъ во главѣ. Вечеромъ на бивуакѣ Гете, сопровождавшій армію, сказалъ окружающимъ: „на этомъ мѣстѣ и въ этотъ день началась новая эра во всемірной исторіи, и вы всѣ можете потомъ говорить, что присутствовали при ея рожденіи“. На другой день послѣ этой битвы въ Парижѣ собирался національный конвентъ, первымъ дѣломъ котораго было провозгласить республику.

XXXIX. Жирондисты и якобинцы [1]).

Періоды въ исторіи первой республики.—Вопросъ о революціонной диктатурѣ и о свободной республикѣ.—Республика безъ республиканцевъ.—Республика и война.—Жирондисты и якобинцы передъ судомъ историковъ.—Главныя черты якобинизма.—Якобинское «народничество».—Союзники якобинцевъ «санкюлоты».—Чѣмъ жирондисты отличались отъ якобинцевъ?—Ихъ достоинства и недостатки.—Жирондистскій проектъ конституціи.

Первая французская республика, смѣнившая собою конституціонную монархію, которую думало создать учредительное собраніе, про-

---

[1]) По исторіи жирондистовъ и якобинцевъ, равно какъ конвента и тер-

существовала двѣнадцать лѣтъ (1792—1804), но въ сущности если вычесть изъ нихъ такъ-называемое консульство генерала Бонапарта, впослѣдствіи императора французовъ Наполеона I, бывшее лишь замаскированной монархіей (1799—1804), то на республику придется только семь лѣтъ. Далѣе, изъ этихъ семи лѣтъ приходится только четыре года, составляющіе вторую половину этого періода (1795—1799), когда Франція управлялась въ силу настоящей конституціи: первые три года были временемъ диктатуры, вызывавшейся внѣшними и внутренними осложненіями политической жизни страны. Хотя уже въ октябрѣ 1792 г. былъ назначенъ комитетъ, долженствовавшій выработать для Франціи республиканскую конституцію, а въ іюнѣ 1793 г. была принята и самая конституція, проектированная якобинцами, тѣмъ не менѣе введеніе ея было отсрочено до возстановленія мира, и особымъ декретомъ на все это время установлялась власть временнаго правительства, которое само дало себѣ названіе „революціоннаго“ [1]) и установило свою организацію въ декабрѣ того же 1793 г. Такимъ образомъ первые три года французской республики могутъ быть названы *временемъ революціонной диктатуры, дѣйствовавшей во имя общественнаго спасенія (salut public), которое было въ сущности другимъ выраженіемъ принципа государственной необходимости (raison d'état)*, т.-е. одного изъ самыхъ основныхъ принциповъ прежняго абсолютизма. Индивидуальная свобода должна была склониться передъ режимомъ, исходившимъ изъ правила: salus populi—suprema lex. Сначала шла еще борьба за власть между двумя крупными фракціями той партіи, которая послѣ 10 августа очутилась у власти, между жирондистами и якобинцами; но уже весною 1793 г. якобинцы одолѣли своихъ противниковъ и сдѣлались господами положенія, выдвинувъ на первое

рора см. указанныя на стр. 562—563 и 500 и сочиненія Ламартина, Ватели Жирардо Добана, Мировичъ, М. М. Ковалевскаго (по исторіи жирондистовъ), и Цинкейзена, Тэна, Олара и др. (по исторіи якобинцевъ). Кромѣ того, см. Barante. Hist. de la convention nationale (устарѣло).—Mortimer-Ternaux. Histoire de la terreur.—Adolf Schmidt. Tableaux de la révolution française.—Recueil des actes du comité du salut public etc. (подъ ред. Олара).—Vallon. 1) Histoire du tribunal révolutionnaire de Paris. 2) La révolution du 31 mai et le fédéralisme de 1793 ou la France veincue par la commune de Paris. 3) La terreur. 4) Représentants du peuple en mission et la justice révolutionnaire dans les départements en l'an II. — Eugène Despois. Le vandalisme révolutionnaire (снятіе съ конвента упрека въ вандализмѣ).—Julius Eckart. Figuren und Ansichten der Pariser Schreckenszeit (1792 bis 1794). Кромѣ того, болѣе частныя монографіи Fayard, Rabaud, Guillois, E. Carette et A. Sanson, Fr. Mège, указанныя между прочимъ въ статьѣ о новѣйшихъ трудахъ по исторіи фр. рев. (Истор. Обозр. I).

[1]) Le gouvernement provisoire de la France est révolutionnaire jusqu'à la paix.

мѣсто своего главу Робеспьера. По своимъ политическимъ принципамъ, заимствованнымъ изъ „Общественнаго договора“ Руссо; по своему чисто сектантскому фанатизму, заставлявшему ихъ видѣть свою миссію въ насильственномъ проведеніи въ жизнь этихъ принциповъ; по своей организаціи, дѣлавшей изъ парижскаго клуба центральное правительство для цѣлыхъ сотенъ подобныхъ учрежденій въ провинціяхъ; по своимъ пріемамъ, заключавшимся въ отдачѣ безпрекословныхъ приказаній, въ угрозахъ, застращиваніяхъ, принужденіи силой; по своему неограниченному, наконецъ, вліянію на часть народа, въ которой поддерживалась анархія, какъ одно изъ политическихъ средствъ,—якобинцы были людьми наиболѣе пригодными къ той роли революціонныхъ диктаторовъ, какую приходилось принять на себя правителямъ Франціи при тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Жирондисты оказались къ такой роли неспособными: у нихъ не было ни той послѣдовательности и прямолинейности во взглядахъ, ни той неразборчивости въ выборѣ средствъ, ни той практичности, ни той партійной дисциплины, ни того, наконецъ, организаторскаго таланта, которые помогли якобинцамъ вырвать изъ ихъ рукъ революціонную диктатуру. Мы увидимъ, что жирондисты сами задумали судъ надъ Людовикомъ XVI; и первые же потомъ хлопотали о томъ, чтобы его спасти; мы увидимъ, что извѣстная нравственная щепетильность, извѣстная брезгливость мѣшала имъ идти заодно съ Дантономъ, сдѣлавшимся ихъ союзникомъ послѣ 10 августа и бывшимъ единственнымъ человѣкомъ, который могъ организовать жирондистское правленіе; мы увидимъ, какой непрактичный проектъ республиканской конституціи выработали жирондисты; да и отсутствіе партійной дисциплины весьма часто вредило партіи, которой и не удалось организовать ничего прочнаго. Впрочемъ, жирондисты и сами не гнались такъ за диктатурой, какъ якобинцы. Если послѣдніе, крайніе государственники по своимъ принципамъ и въ сущности деспоты по своимъ пріемамъ, менѣе всего способны были основать свободную республику, то республика, которую стремились организовать жирондисты, болѣе дорожившіе индивидуальной свободой и менѣе склонные къ дѣйствію однимъ путемъ власти, должна была бы быть государствомъ свободнымъ, чего, однако, достигнуть и не съумѣли, и не смогли.

Во Франціи формально установилась республика, но *этимъ не было еще рѣшено, чѣмъ будетъ эта республика, революціонной ли диктатурой именно, или же организаціей политической свободы.* Все сложилось въ пользу диктатуры—и внѣшняя опасность, и внутреннія смуты съ анти-революціоннымъ характеромъ, и политическая неспособность жирондистовъ, и средства, коими располагала партія, стремившаяся къ диктатурѣ. Но и помимо всего этого Франція, еще за какіе-нибудь

три-четыре года передъ тѣмъ жившая подъ однимъ изъ наиболѣе абсолютныхъ правительствъ, *скорѣе была способна принять извнѣ диктатуру одной партіи, съумѣвшей сдѣлать свое правленіе необходимымъ, чѣмъ создать изъ самоё себя свободное правленіе.* Республика была безъ республиканцевъ, т. е. громадное большинство націи совсѣмъ не было республиканскимъ. Монархію низвергъ въ сущности парижскій пролетаріатъ и немногіе федераты изъ провинцій, и самый способъ, какимъ это было сдѣлано, напугалъ однихъ, деморализировалъ другихъ: Франція, привыкшая повиноваться всему, что исходило изъ центра, пассивно подчинилась и этому перевороту. Громадное большинство націи еще въ 1790 г. устранялось отъ политической жизни, что можно видѣть изъ того, какое значительное число гражданъ—три четверти, пять шестыхъ, девять десятыхъ—не являлось на выборы, и это такъ продолжалось до конца революціи [1]). Въ націи не было ни одного общественнаго класса, который могъ бы принять на себя бремя республиканскаго правленія. Духовенство находилось въ открытой ссорѣ съ республикой, которая рѣшилась подъ вліяніемъ этой ссоры декретировать даже отмѣну самого христіанства. Та часть дворянства, которая не эмигрировала, была настроена роялистически и ненавидѣла революцію вообще, а въ частности республику, окончательно отмѣнившую безъ выкупа феодальныя права [2]). Да и вообще республика, конечно, могла бы расчитывать на поддержку лишь тѣхъ общественныхъ классовъ, которые выиграли отъ революціи. Этими классами были преимущественно буржуазія и крестьянство, хотя послѣднее далеко не все [3]), но сельское населеніе вообще мало интересовалось политическими вопросами и еще менѣе ихъ понимало, а потому безъ малѣйшаго воспитанія въ привычкахъ политической свободы готово было поддерживать всякое сильное правительство, и вполнѣ ему подчиняться, лишь бы оно обезпечило невозможность возврата стараго порядка, если же въ буржуазіи было больше политическаго развитія, то и она въ массѣ ставила интересы выше принциповъ: не привыкшая къ самоуправленію, безъ традицій политической свободы, она такъ же, какъ и крестьянская масса, дорожила соціальными пріобрѣтеніями революціи и боялась при этомъ не только роялистовъ, стремившихся къ реставраціи стараго порядка,—но и городского пролетаріата, при помощи котораго якобинцы овладѣли властью. Буржуазія подчинялась якобинской диктатурѣ, гарантировавшей для нея невозможность реставраціи старыхъ отношеній, такъ же, какъ охотно приняла потомъ и диктатуру военную, охранявшую этотъ классъ и отъ возвращенія

---

[1]) Ср. выше, стр. 561.
[2]) См. выше, стр. 548.
[3]) См. выше, стр. 561.

эмигрантовъ, и отъ пролетаріата, ставшаго къ буржуазіи въ непріязненныя отношенія. Первая французская республика, какъ и англійская за полтораста лѣтъ передъ тѣмъ [1]), такимъ образомъ *была создана чисто временными обстоятельствами, а не вытекала изъ общихъ условій соціальной жизни,—была навязана странѣ энергичнымъ меньшинствомъ, а не являлась исполненіемъ сознательнаго требованія всей націи или даже сколько-нибудь значительнаго ея большинства или вліятельнаго класса.* Когда во время суда надъ Людовикомъ XVI возникъ вопросъ объ отдачѣ рѣшенія конвента на утвержденіе первичныхъ собраній, то и жирондисты, и якобинцы были вполнѣ убѣждены, что эта мѣра спасла бы короля, а потому, имѣя на этотъ счетъ разные виды, одни хлопотали о такой аппеляціи къ народу, другіе, наоборотъ, ей противились. Оставался, наконецъ, одинъ пролетаріатъ, стоявшій еще за республику; но онъ и по матеріальному своему положенію, и по культурному уровню, и по совершенному отсутствію какихъ-либо политическихъ традицій и привычекъ, годился только для роли болѣе или менѣе послушнаго орудія въ чужихъ рукахъ, а никакъ не для роли вліятельнаго и дѣйствительно правящаго соціальнаго класса. Притомъ пролетаріатъ мало-по-малу разочаровался въ республикѣ и, когда пронеслась революціонная буря, скоро впалъ въ прежнюю политическую апатію.

Война не въ одномъ томъ лишь отношеніи благопріятствовала болѣе диктатурѣ, чѣмъ политической свободѣ, что требовала сосредоточенія власти въ однѣхъ сильныхъ рукахъ, въ силу чего, напр., якобинская диктатура Робеспьера подготовила только военную диктатуру Бонапарта. Въ 1789 г. общественное движеніе было общенаціональнымъ, но по мѣрѣ того, какъ большинство получало удовлетвореніе тѣмъ своимъ требованіямъ, которыя съ наибольшею настоятельностью предъявлены были въ наказахъ, оно все болѣе и болѣе отставало отъ движенія, и послѣднее все сильнѣе и сильнѣе стало принимать окраску воззрѣній и стремленій якобинизма, притянувшаго къ себѣ вообще одно болѣе энергичное и менѣе спокойное меньшинство. Для тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые были наиболѣе проникнуты революціоннымъ духомъ, рвались въ активную борьбу и искали подвиговъ, война съ врагами Франціи, съ врагами революціи, съ врагами республики была поприщемъ, открывавшимъ дорогу къ широкой дѣятельности такого же революціоннаго характера, такъ какъ войны республики получали значеніе пропаганды новыхъ идей и введенія новыхъ порядковъ у сосѣдей, низверженія, какъ тогда выражались, „тиранновъ“, „аристократовъ“ и „ханжей“. Такую цѣль революціоннымъ войнамъ поставили впервые жирондисты, и якобинцы ничего не имѣли противъ того, чтобы и въ

[1]) Т. II, стр. 486 и слѣд.

свою политическую програму включить тотъ же принципъ. Революція перестала быть внутреннимъ дѣломъ Франціи, а получила значеніе и въ международной исторіи, такъчто внѣшняя политика, въ свою очередь, тѣсно связалась съ внутренними дѣлами Франціи. Передъ грандіозными событіями, происходившими за границей, передъ успѣхами французской арміи, начавшей дѣлать завоеванія, передъ основаніемъ новыхъ республикъ, которыя сдѣлались какъ бы дочерьми французской, внутреннія отношенія впослѣдствіи стали отходить на задній планъ, а революціонныя арміи, отправившіяся вести войну съ королями и освобождать народы, начали все болѣе и болѣе забывать эту послѣднюю цѣль ради стяжанія славы, добычи, господства: пока на родинѣ республика, не имѣвшая прочныхъ корней въ странѣ, не умѣла организоваться, внѣ Франціи создавалась военная организація, въ которой и подготовилось правительство, смѣнившее собою республику, подобно тому, какъ правительство, ее основавшее, само выработалось въ нѣдрахъ якобинской организаціи. Между паденіемъ якобинизма и воцареніемъ милитаризма прошло около пяти лѣтъ,—цѣлый періодъ въ исторіи революціи, когда сдѣлана была попытка организаціи политической свободы въ республиканской формѣ, чтобы избавить страну отъ диктатуры демагогической, имѣвшей еще приверженцевъ и послѣ, и избѣжать диктатуры солдатской, грозившей уже опасностью свободѣ. Неудача, постигшая и эту попытку, какъ постигла неудача и попытку организаціи конституціонной монархіи въ 1789—92 гг., *показываетъ, какъ мало было основъ для того, чтобы республиканскій режимъ могъ упрочиться во Франціи конца XVIII вѣка.* Республиканцы прошлаго столѣтія могли имѣть успѣхъ, какъ имѣли его за полтора столѣтія передъ тѣмъ индепенденты въ Англіи, когда имъ тоже удалось достигнуть своего—основать республику, но въ обоихъ случаяхъ успѣхъ былъ только временный.

Въ борьбѣ французскихъ политическихъ партій, ведущихъ свое начало съ 1789 г., на крушеніе монархіи и установленіе республики въ XIX вѣкѣ высказывались историками весьма различные взгляды, въ которыхъ очень часто сквозитъ желаніе осудить или оправдать—тамъ, гдѣ прежде всего дѣло должно было бы идти о простомъ объясненіи. И въ той распрѣ, которая возникла между обѣими республиканскими партіями, историки становятся нерѣдко исключительно на ту или на другую сторону. Тутъ существуетъ великое разнообразіе мнѣній. У Тьера, у котораго правыми всегда оказываются побѣдители, жирондисты, напр., оправдываются, какъ партія, одержавшая перевѣсъ надъ конституціонными монархистами, но когда ихъ самихъ побѣждаютъ якобинцы, и сочувствіе историка переходитъ на сторону послѣднихъ: въ данномъ случаѣ, однако, какъ и вездѣ, Тьеръ судитъ не съ принципіальной точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія смягчающихъ

обстоятельствъ и оказанныхъ услугъ. Въ эпоху іюльской монархіи т.-е. въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ исторіографіи французской революціи возобновилась якобинская традиція, т.-е. исторія революціи стала освѣщаться съ той точки зрѣнія, что только одинъ якобинизмъ (да и то лишь робеспьеровскій) воплощаетъ въ себѣ истинный духъ революціи. Католическій демократъ Бюшезъ, который вмѣстѣ съ Ру издалъ сорокатомную „Парламентарную исторію французской революціи“ [1]), напалъ на учредительное собраніе, яко бы пожертвовавшее идеей долга идеѣ права, такъ какъ, по его мнѣнію, у революціи и у христіанства одна формула: равенство посредствомъ братства [2]). Оба эти писателя отождествили съ католицизмомъ и догматъ народовластія, поскольку послѣдній предписываетъ повиновеніе каждаго всѣмъ и устанавливаетъ законъ равенства,—и объявили, что верховенство народа есть въ сущности только верховенство цѣли (souveraineté du but) общей дѣятельности, образующее націю, а потому и верховенство тѣхъ, которые сознаютъ эту цѣль. Братству, какъ принципу якобинизма, Бюшезъ и Ру противоположили, какъ нѣчто вредное—индивидуализмъ, подъ коимъ они разумѣютъ свободу: французская революція внѣ якобинскаго періода была произведеніемъ этого индивидуализма въ интересахъ опять-таки индивидуализма, дѣломъ буржуазіи въ буржуазныхъ же интересахъ, противныхъ принципу братства и народа. Ту же самую точку зрѣнія проводитъ и Луи-Бланъ въ своей большой „Исторіи французской революціи“ [3]): и онъ якобинцамъ, представителямъ народной идеи братства, противополагаетъ жирондистовъ съ ихъ буржуазнымъ принципомъ индивидуализма, только христіанскій оттѣнокъ, какой идеѣ равенства придаютъ Бюшезъ и Ру, у Луи-Блана получаетъ характеръ соціалистическій. Историкъ, бывшій, какъ извѣстно, самъ однимъ изъ видныхъ соціалистовъ сороковыхъ годовъ, приписалъ якобинцамъ, партіи прежде всего политической, проникнутой, главнымъ образомъ, идеей всепоглощающаго и всеуравнивающаго государства, значеніе соціальныхъ реформаторовъ, для которыхъ на первомъ планѣ стоялъ будто бы вопросъ экономическій, дѣйствительно доминирующій въ соціальномъ движеніи XIX вѣка, но едва нарождавшійся въ прошломъ столѣтіи. Идеализація якобинизма у Луи-Блана основана не только на одностороннемъ отождествленіи съ этимъ направленіемъ всего, что для него было симпатично въ революціи, но и на сообщеніи якобинизму,—такой основной черты, которой у него

---

[1]) Сборникъ документовъ съ введеніями, примѣчаніями и т.-п. см. выше, стр. 516.

[2]) Наоборотъ, Мишле противополагаетъ христіанство и революцію.

[3]) См. выше, стр. 8.

вовсе не было. Отъ Луи-Блана такой взглядъ на якобинизмъ безъ достаточной критической провѣрки его основаній приняли историки другихъ направленій, начавшіе, напр., колоть глаза политическимъ поклонникамъ якобинизма его мнимымъ соціализмомъ или заимствовать аргументы противъ соціализма изъ исторіи якобинизма, будто-бы бывшаго примѣненіемъ на практикѣ соціалистическихъ теорій. Конечно, въ такомъ сложномъ явленіи, какъ французская революція съ ея партіями и съ ея публицистикой мы найдемъ зародыши соціалистическихъ ученій XIX в. [1]), какъ найдемъ ихъ въ сектахъ реформаціонной эпохи, у чешскихъ гуситовъ, у нѣмецкихъ анабаптистовъ, у англійскихъ индепендентовъ въ XV, XVI и XVII вѣкахъ [2]). Было бы, однако, столь же ошибочно приписывать всѣмъ якобинцамъ вообще и наиболѣе яркимъ его представителямъ въ частности соціалистическія стремленія, какъ ошибочно, напр., отождествлять съ политическими уравнителями (левеллерами) первой англійской революціи тогдашнихъ коммунистовъ или анархистовъ [3]). Якобинизмъ, казавшійся Луи-Блану какимъ-то историческимъ просвѣтомъ въ царство грядущаго братства,— что, конечно, плохо мирится съ якобинскимъ терроромъ,—для другихъ историковъ получилъ скорѣе характеръ возведенія въ революціонную систему старой государственной тиранніи съ ея презрѣніемъ къ индивидууму, презрѣніемъ къ свободѣ. Такъ взглянулъ на дѣло Кинэ, но, особенное вниманіе обратилъ на эту черту революціи, какъ разъ и усилившуюся въ якобинскій періодъ, т.-е. на недостатокъ уваженія къ индивидуальной свободѣ, на преклононіе передъ силой, на своего рода культъ всемогущества центральной власти—Токвиль, который вообще указалъ на то, какъ много унаслѣдовала революція отъ абсолютной монархіи по части воззрѣній и правительственныхъ пріемовъ. Абсолютистическій характеръ якобинизма признается и новѣйшими историками французской революціи, Тэномъ и Сорелемъ. Первый противополагаетъ показной конституціи 1793 г., сочиненной якобинцами, ихъ дѣйствительную политику, въ которой они были лишь учениками и послѣдователями старой монархіи, сравниваетъ ихъ деспотизмъ съ деспо-

---

[1]) Villegardelle. Histoire des idées sociales avant la révolution française.— Sudre. Hist. du Communisme.—Thonissen. Le socialisme depuis l'antiquité.— Dühring. Kritische Geschichte der National-Oeconomie und des Socialismus.— Paul Janet. Les origines du socialisme contemporain.—Щегловъ. Исторія соціальныхъ системъ.—Особенно см. Lorenz Stein. Geschichte der socialen Bewegung in Frankreich.—Le Faure. Le socialisme pendant la révolution française.— Eugen Jäger. Die französische Revolution und die sociale Bewegung. — Limanowski. Historya ruchu społecznego w. XVIII stuleciu. (ср. выше, стр. 4).—М. Ковалевскій. Общественныя доктрины прошлаго вѣка („Сѣверн. Вѣстн." 1893).

[2]) Т. I, стр. 545, т. II, стр. 109 и слѣд. и стр. 526 и слѣд.

[3]) Т. II. стр. 516 и слѣд.

тизмомъ Филиппа II, Людовика XIV, Петра Великаго, Фридриха II. Подобныя же сравненія мы находимъ и у Сореля. Дѣйствительно, въ исторіи государственной идеи новаго времени рядомъ съ такими государственниками, какъ Ришелье 1) и Гоббзъ 2) или какъ представители „просвѣщеннаго абсолютизма“, мы должны поставить якобинцевъ и вдохновлявшаго ихъ Руссо съ его неограниченнымъ суверенитетомъ государства, конечно, безотносительно къ тому, была ли видимымъ выраженіемъ этой государственной идеи абсолютная монархія или республиканская диктатура.

Якобинцы были не партіей только, они были сектой, отдѣльные члены которой являются какъ бы вылитыми въ одну форму—съ однѣми и тѣми же идеями въ головѣ, одними и тѣми же словами на устахъ, съ однѣми и тѣми же манерами, съ общимъ всѣмъ имъ фанатизмомъ, съ какимъ именно они относятся къ своему политическому догмату, стоящему выше разума и не допускающему никакихъ сдѣлокъ съ противоположными или отличными отъ него началами мысли и жизни. Въ „единой и нераздѣльной республикѣ“ якобинцевъ *воплощалась для нихъ высшая ихъ идея—идея государства, родственная античному пониманію гражданской общины, пониманію его у Ришелье и у всѣхъ практическихъ государственниковъ эпохи абсолютизма, пониманію его, наконецъ, у Гоббза и у Руссо,* изъ коихъ послѣдній былъ, какъ извѣстно, главнымъ якобинскимъ авторитетомъ. Себя однихъ они считали прежде всего „патріотами“: всѣхъ остальныхъ признавали или врагами „патріотизма“, напр., „аристократовъ“ и „философовъ“, т.-е. всѣхъ, сколько-нибудь выдающихся надъ общимъ уровнемъ и сторонниковъ индивидуальной свободы (жирондистовъ), или не доросшими до настоящаго „патріотизма“, каковы были для нихъ „санкюлоты“ 3), т.-е. ихъ союзники, пролетаріатъ. Кто не былъ съ ними, тотъ попадалъ въ разрядъ „подозрительныхъ“ (suspects) и прямо въ смыслѣ измѣны отечеству, а видовъ этой измѣны въ ходячемъ уголовномъ кодексѣ якобинцевъ было много: „федерализмъ“, составлявшій покушеніе на единство и нераздѣльность республики, „инцивизмъ“ (incivisme), одинъ изъ признаковъ дурного гражданина, или „модерантизмъ“, т.-е. недостаточно ревностное отношеніе къ революціи и т. п. Якобинцы видѣли въ государствѣ великую силу, которая должна подчинить себѣ всѣ проявленія человѣческаго бытія, воспитывать гражданина для своихъ цѣлей, требо-

---

1) Т. II, стр. 401 и слѣд., гдѣ приведены мѣста изъ Testament Politique.

2) Т. II, стр. 609 и слѣд.

3) Высшіе классы французскаго общества носили штаны (culotes) до колѣнъ, тогда какъ простой народъ—длинные штаны (pantolons). Поэтому переводить sanculottes) словами „безштанные“ или „голоштанники“ неосновательно.

вать отъ него полнаго повиновенія, опекать во всемъ отдѣльную личность и цѣлое общество, установлять въ частной и соціальной жизни все, начиная съ мелочей поведенія и кончая религіей, которая тоже должна была быть гражданской. Якобинцы не только сами стремились воплотить въ себѣ извѣстный типъ „гражданина и патріота", но считали себя призванными по этому образцу передѣлать всѣхъ французовъ. Нежеланіе подчиниться общему режиму во имя государства и было признакомъ „инцивизма", отказа отъ исполненія перваго условія общественнаго договора, заключающагося въ полномъ отчужденіи своихъ правъ въ пользу всѣхъ [1]): такого человѣка нужно было принудить къ „цивизму". Считая необходимою диктатуру для спасенія отечества отъ внѣшнихъ враговъ, якобинцы видѣли въ той же диктатурѣ средство всѣхъ французовъ сдѣлать настоящими „гражданами" и „патріотами". Конституція, составленная ими, не была приведена въ исполненіе: предлогомъ была война, настоящимъ мотивомъ—намѣреніе сначала создать гражданъ, достойныхъ конституціи и способныхъ ею пользоваться. „Святое насиліе", которымъ, по мнѣнію Мабли [2]), можно было содѣйствовать водворенію добродѣтели и счастья народа, было главнымъ средствомъ, употреблявшимся якобинцами: они возвели терроръ въ систему. Молодой другъ Робеспьера, энтузіастъ якобинизма Сенъ-Жюстъ [3]) оставилъ послѣ себя отрывки сочиненія [4]), въ которомъ идеаломъ выставляется нѣчто въ родѣ спартанскаго устройства общества съ полнымъ отсутствіемъ личной жизни или же въ родѣ государства Платона, какъ извѣстно, возведшаго на степень идеи древнюю гражданскую общину съ полнымъ исчезновеніемъ въ ней личности гражданина. Луи-Бланъ сводящій всѣ принципы общественной жизни къ общимъ категоріямъ власти (autorité), индивидуализма и братства и отождествляющій якобинизмъ съ принципомъ братства, скорѣе долженъ былъ бы признать въ этомъ направленіи одно изъ наиболѣе рѣзкихъ проявленій принципа власти. Во имя государственной идеи, передъ которою всѣ одинаково ничтожны, и требовалось ими равенство: всепоглащающее государство должно было быть и государствомъ всеуравнивающимъ. Другими словами, равенство было въ ихъ системѣ не столько постулатомъ личности, сознающей свое право на равенство съ другими, сколько постулатомъ государства, передъ которымъ всѣ должны быть одинаково безправны. Все, что не хотѣло опуститься до этого общаго уровня, вызывало со стороны якобинцевъ косые по отношенію къ себѣ взгляды, и въ число

---

[1]) Теорія Руссо, см. выше, стр. 207.
[2]) См. выше, стр. 235.
[3]) Fleury. Saint-Just.
[4]) Fragments sur les institutions républicaines.

„аристократовъ", какъ враговъ равенства, попадали люди, никогда не бывшіе аристократами, напр., буржуазія и интеллигенція. Когда революціонный судъ приговорилъ къ казни знаменитаго химика Лавуазье и тотъ просилъ отсрочки для окончанія одного научнаго изслѣдованія, предсѣдатель суда Коффингаль объявилъ что „республика не нуждается въ ученыхъ". Другое дѣло—„санкюлоты": они повторяли якобинскую фразеологію, приходили въ движеніе по первому знаку вождей партіи, составляли ея опору и никакъ ужъ не могли навлечь на себя подозрѣнія въ тѣхъ антигосударственныхъ грѣхахъ, которыми были заражены болѣе зажиточные и образованные люди. *На этомъ главнымъ образомъ и былъ основанъ политическій союзъ якобинцевъ и санкюлотовъ:* источникомъ якобинскаго „народничества" было не столько живое чувство состраданія къ народу съ сознаніемъ долга придти къ нему на помощь, сколько отвлеченная идея демократическаго государства, соединенная съ стремленіемъ сдѣлать изъ народа орудіе для достиженія этого политическаго идеала. Якобинцы были учениками Руссо, у него же демократія опиралась на отвлеченной идеѣ сувереннаго народа, а не на принципѣ общей пользы, т.-е. „пользы наибольшаго числа людей", который проповѣдовался въ XVIII в. Гельвеціемъ [1]), потомъ далъ плодотворные результаты въ политической философіи Бентама и вообще всегда лежалъ въ основѣ всѣхъ требованій дѣйствительнаго соціальнаго улучшенія. Какъ бы тамъ ни было, *между якобинизмомъ и пролетаріатомъ установилась весьма тѣсная связь*, и какъ это обстоятельство, такъ и нѣкоторыя частныя мѣропріятія въ пользу нуждающихся и бѣдныхъ (или—для противниковъ соціализма—случаи произвольнаго распоряженія съ частною собственностью, бывшіе лишь однимъ изъ видовъ общей произвольности якобинскихъ дѣйствій), а наконецъ, и то, что у отдѣльныхъ личностей возникали коммунистическіе планы, все это и служило своего рода основаніями для того, чтобы говорить о якобинцахъ, какъ о предшественникахъ соціализма. Нельзя только отрицать, что революціонный духъ эпохи, крайне демократическая доктрина якобинцевъ, страшная нужда городского пролетаріата, дѣйствительно, способствовали зарожденію во время революціи соціалистическихъ и коммунистическихъ тенденцій, въ которыхъ, однако, вовсе не заключалась сущность якобинизма, хотя бы даже отъ той идеи, что нужно истребить всѣ отношенія, мѣшающія индивидууму отдать себя цѣликомъ на служеніе государству, и былъ лишь одинъ шагъ до вывода, что къ числу этихъ отношеній принадлежитъ между прочимъ частная собственность, какъ питающая антигосударственный эгоизмъ [2]). Разли-

---

[1]) См. выше, стр. 226.

[2]) Ср. точку зрѣнія Мабли (см. выше, стр. 247).

чая въ XIX в. политическихъ и соціальныхъ демократовъ, мы не должны ихъ смѣшивать и въ предыдущія эпохи, а якобинцы, какъ, впрочемъ, и жирондисты, были демократами именно политическими, тѣ же, кого можно было бы считать предшественниками соціализма XIX в., играли лишь второстепенную роль между революціонными дѣятелями девятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка.

Пролетаріатъ возлагалъ на самомъ дѣлѣ очень большія надежды на якобинцевъ, и многіе изъ нихъ, конечно, считали нужнымъ помочь народу мѣропріятіями, которыми были недовольны имущіе классы; но только при крайнемъ смѣшеніи понятій возможно подводить всѣ такія мѣропріятія подъ понятіе соціализма и коммунизма [1]). Франція съ 1792 г. переживала такія необычайныя времена, находилась въ такихъ исключительныхъ условіяхъ, при какихъ всякое правительство стало бы требовать для спасенія страны чрезвычайныхъ матеріальныхъ жертвъ, а онѣ, конечно, прежде всего должны были пасть на имущіе классы общества; политическая теорія якобинцевъ, по которой гражданинъ долженъ былъ отдавать все, что требовалось у него государствомъ, и практическіе пріемы ихъ диктатуры, не церемонившейся съ правами частныхъ лицъ, равнымъ образомъ менѣе всего могли встрѣтить сочувствія къ буржуазіи; необходимость прокармливать населеніе столицы, заставлявшая еще старое правительство принимать на этотъ счетъ экстренныя мѣры, точно также вынуждало якобинцевъ издавать направленныя къ той же цѣли распоряженія, опять-таки встрѣчавшіяся непріязненно людьми, интересы которыхъ при этомъ такъ или иначе задѣвались. Вотъ почему буржуазія съ неудовольствіемъ переносила якобинскій режимъ, и когда послѣдній палъ, начавшаяся въ ней реакція могла бы, пожалуй, привести къ реставраціи монархіи, если бы только возможнымъ было примирить стремленіе буржуазіи сохранить пріобрѣтенія революціи [2]) со стремленіемъ роялистовъ вернуть привилегированнымъ ихъ прежнее положеніе въ государствѣ. Въ 1789 г. буржуазія побѣдила, благодаря народнымъ возстаніямъ, въ

[1]) Напр., въ „Лекціяхъ по всемірной исторіи“ М. Н. Петрова (IV, 221) говорится: „рядъ коммунистическихъ законовъ, изданныхъ съ тѣмъ, чтобы задобрить чернь и съ помощью ея утвердить свое владычество въ Парижѣ и въ цѣлой Франціи: конфискація имущества эмигрантовъ, аукціонъ имущества сентябрьскихъ жертвъ, выпускъ новыхъ ассигнатовъ съ обязательнымъ курсомъ (ассигнаты пали тогда на 60%), насильственная замѣна найденной при домовыхъ обыскахъ звонкой монеты ассигнатами, правительственная такса на хлѣбъ и понудительный вывозъ его на рынокъ и т. п.“. Это мѣсто можетъ служить образцомъ того, что нерѣдко разумѣется подъ якобинскимъ „коммунизмомъ“. Въ главѣ о законодательствѣ конвента мы вернемся къ вопросу, чтобы остановиться на немъ подробнѣе.

[2]) См. выше, стр. 544.

коихъ видную роль играло населеніе парижскихъ предмѣстій, поднимавшееся 14 іюля и 5 октября 1789 г., какъ оно же низвергло монархію 20 іюня и 10 августа 1792 г.: между обоими классами общества, связанными другъ съ другомъ цѣлымъ рядомъ незамѣтныхъ переходовъ, въ первые годы революціи существовалъ союзъ, хотя въ народной массѣ и сильно ненавидѣли такихъ людей, какъ откупщики налоговъ, хлѣбные барышники, ростовщики, крупные промышленники, привилегированные цеховые мастера и т. п., составлявшіе весьма вліятельную часть буржуазіи. Вообще на конецъ XVIII в. не слѣдуетъ переносить соціологическихъ понятій, выработанныхъ соціальной исторіей XIX в. Передъ революціей еще не существовало вполнѣ сложившагося пролетаріата, какъ общественнаго класса, рѣзко и вполнѣ сознательно противоположившаго себя буржуазіи; тѣ общественные элементы, которые стали обозначаться въ эпоху революціи именемъ „санкюлотовъ", мало въ сущности походили на рабочихъ современной крупной промышленности, представляя скорѣе массу, жившую, такъ сказать, идеями и интересами мелкаго мѣщанства, или ничѣмъ несплоченную толпу бѣдняковъ, перебивавшихся наемной работой, поденнымъ трудомъ, нищенствомъ, а при случаѣ увеличивавшихъ и контингентъ преступниковъ. Бросаясь въ революцію, населеніе парижскихъ предмѣстій мало чѣмъ рисковало и, наоборотъ, многое расчитывало выиграть, не говоря уже о томъ, что къ движенію примыкалъ значительный процентъ людей, бывшихъ не прочь и непосредственно поживиться чужой собственностью и въ то же время шедшихъ за тѣмъ, кто обѣщалъ больше дать, каковы бы ни были его идеи. Безъ содѣйствія этихъ соціальныхъ элементовъ буржуазія одна не могла бы справиться съ старымъ порядкомъ, и ихъ же содѣйствіе нужно было политическимъ партіямъ въ ихъ взаимной борьбѣ. Изъ союзниковъ, однако, санкюлоты сдѣлались господами положенія: это случилось потому, что они почувствовали свою силу, организовались, стали смотрѣть на себя, какъ на суверенный народъ, соединились съ якобинскимъ клубомъ, сдѣлавшимся какъ бы центральнымъ правительствомъ для всей Франціи, овладѣли городскимъ представительствомъ Парижа (коммуной), и сочли себя въ правѣ диктовать свою волю представителямъ всей націи. Объявленіе „отечества въ опасности" сдѣлало изъ парижскаго населенія своего рода политическую силу, которая поставила себѣ задачу—всѣми средствами и способами спасти отечество, вывести измѣну, предупредить даже возможность какого бы то ни было сопротивленія. Но санкюлоты хотѣли спасать не просто Францію, а Францію новую, такую, о какой говорилось въ рѣчахъ клубныхъ ораторовъ, въ демагогическихъ листкахъ, въ патріотическихъ пѣсняхъ,—однимъ словомъ, Францію якобинскую, въ которой, однако, доминировала извѣстная политическая идея, а не принципъ экономическаго переустрой-

ства общества, лежащій въ основѣ соціализма [1]). Обстоятельства передали фактически власть надъ всей Франціей парижскому пролетаріату, который сталъ ею пользоваться, конечно, и для облегченія собственнаго своего положенія, только ухудшившагося съ начала войны: главнымъ способомъ къ этому явилось насильственное вмѣшательство въ экономическую жизнь посредствомъ реквизицій, установленія максимума для цѣнъ на жизненные припасы, казней надъ хлѣбными барышниками, биржевиками, поставщиками въ армію и т. п., что останавливало, въ свою очередь, промышленность и торговлю, вредило интересамъ другихъ классовъ и отражалось на самихъ же санкюлотахъ, такъ что имъ, разъ уже вступившимъ на эту дорогу, оставалось лишь или совершенно отказаться отъ такой системы улучшенія своего матеріальнаго быта, или идти далѣе по тому же пути, т.-е. дѣлать революцію безконечной и усиливать террористическія мѣры. Такимъ образомъ *не только политическія стремленія якобинцевъ, но и экономическая ихъ политика, подсказывавшаяся преимущественно нуждами парижскаго пролетаріата, превращали революцію во что-то такое, чему и конца впереди не предвидѣлось*, и требовали возведенія террора въ систему. Пока страшная энергія, какую проявляли якобинцы и ихъ союзники въ дѣлѣ спасенія отечества, не разбирая при этомъ средствъ, находила еще оправданіе въ критическомъ положеніи государства, террористическая диктатура парижскихъ якобинцевъ и санкюлотовъ еще переносилась страною, т. е. другими политическими партіями, другими классами націи; но побѣды революціонной арміи надъ внѣшними и внутренними врагами отняли у якобинской организаціи ея raison d'être. Не создавъ ничего новаго, союзъ якобинцевъ и санкюлотовъ содѣйствовалъ лишь спасенію того соціальнаго строя, который былъ уже созданъ учредительнымъ собраніемъ и окончательно консолидированъ имперіей Наполеона. Якобинскій деспотизмъ, однако, сильно дискредитировалъ республику въ глазахъ значительной массы населенія и между прочимъ въ глазахъ крестьянства, по отношенію къ которому принимались крайне стѣснительныя для него и совершенно произвольныя мѣры.

Якобинцы достигли безраздѣльнаго господства лишь послѣ того, какъ отдѣлались отъ соперничества жирондистовъ, которые составили самую вліятельную группу въ конвентѣ, относившуюся притомъ съ крайнимъ отвращеніемъ къ Марату и сентябрьскимъ убійствамъ [2]). Искренніе и убѣжденные республиканцы, идеалисты и теоретики, вѣрившіе въ „Contrat Social“ Руссо, какъ пуритане вѣрили въ Библію,

---

[1]) Trotz dieses Hasses... waren diese revolutionären Elemente doch keine Socialisten, говоритъ Kautksy въ своихъ „Die Klassengegensätze von 1789“.

[2]) См. выше, стр. 575.

проникнутые великодушными и благородными чувствами, они считали себя призванными дать Франціи идеальную конституцію, которая была бы лучше и англійской, и американской, въ которой воплотилась бы цѣликомъ демократическая идея Руссо, и которая составила бы счастье народа. Эта конституція должна была установить правильный государственный порядокъ, положить конецъ анархіи, убійствамъ, грабежамъ, создать настоящую политическую свободу. Жирондисты сами не отказывались раньше отъ содѣйствія толпы, когда нужно было достигнуть извѣстныхъ политическихъ цѣлей, но они были противъ того, чтобы это было возведено въ систему и продолжалось безконечно. Люди просвѣщенные, съ артистическими и литературными вкусами, они не могли переносить грубостей и циническаго тона, бывшихъ въ ходу у демагоговъ въ родѣ Марата, Эбера (Hébert) и др. авторовъ революціонныхъ статей, полагавшихъ, что истинный демократизмъ заключается въ ругательствахъ и неприличныхъ выраженіяхъ. Простота революціоннаго правительства якобинцевъ равнымъ образомъ не соотвѣтствовала ихъ принципамъ: они стояли вообще за легальныя формы и потому были противъ произвола, на коемъ основывалась вся якобинская система, хотѣли правильныхъ налоговъ, вмѣсто произвольныхъ конфискацій, требовали судебной процедуры съ гарантіями для обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ, вмѣсто чрезвычайныхъ трибуналовъ, желали наказаній, а не проскрипцій, указывали на необходимость свободы выборовъ, которой не допускали якобинцы. Жирондистамъ казалось также ненормальнымъ, далѣе, что Парижъ, составляющій лишь одну восемьдесятъ третью часть націи, присвоиваетъ себѣ какія-то исключительныя права надъ страною. Жирондисты не прочь были заключить въ легальныя формы даже самое право сопротивленія угнетенію [1]), на которое указывала декларація правъ, предпосланная ими ихъ проекту конституціи: „въ каждомъ свободномъ правленіи, сказано въ 32 ея статьѣ, способъ сопротивленія этимъ различнымъ актамъ угнетенія долженъ быть упорядоченъ (réglé) закономъ.“ При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, съ хорошо организованной администраціей, располагая вооруженной силой, опираясь на спокойное большинство націи, не имѣя противъ себя союза якобинцевъ съ санкюлотами, жирондисты могли бы своими принципами осуществлять свою идею, добиваться путемъ убѣжденія, чтобы на ихъ сторонѣ было большинство конвента и чтобы оно издавало законы въ ихъ духѣ, хотя нельзя не замѣтить, что и они готовы были ставить различіе между республиканцами и нереспубликанцами въ такихъ отношеніяхъ, гдѣ должна была

---

[1]) См. статью 2 „деклараціи правъ человѣка и гражданина“ въ конституціи 1791 г. (выше, стр. 521).

господствовать одна легальность. Въ принципѣ они все-таки исходили изъ идеи народовластія, которая требовала равнаго права каждому гражданину, и не раздѣляли взгляда якобинцевъ, говорившихъ, что голосъ одного патріота-монтаньяра долженъ перевѣшивать сто тысячъ голосовъ „бриссотинцевъ", какъ также называли жирондистовъ.

Жирондисты, какъ и якобинцы, не представляли собою одного какого-либо общественнаго класса. И тѣ, и другіе были республиканцы, но во Франціи не было такого класса, который давно стремился бы къ республикѣ: и тѣ, и другіе представляли собою извѣстные принципы, а не интересы, первые — демократическую республику съ гарантіями индивидуальной свободы, другіе—ту же демократическую республику съ безусловнымъ преобладаніемъ государственнаго начала. И тѣ, и другіе имѣли въ виду счастье народа, какъ бы ни заблуждались относительно того, въ чемъ оно заключается и какимъ путемъ его достигнуть; но якобинцы съумѣли создать себѣ прочное положеніе, вступивъ въ союзъ съ парижскимъ пролетаріатомъ, тогда какъ жирондисты въ сущности оставались почти совсѣмъ изолированными. Мы упоминали еще выше [1]), что, будучи философами, теоретиками, ораторами, они обнаруживали необыкновенную способность къ стройнымъ идейнымъ комбинаціямъ, къ логическимъ рѣшеніямъ теоретическихъ задачъ, къ блестящимъ ораторскимъ импровизаціямъ, но не были людьми жизни, людьми практики, людьми дѣла: они страдали отъ отсутствія предусмотрительности, организаціи и дисциплины, предоставивъ, напр. всѣ мѣста въ національной гвардіи и муниципалитетѣ якобинцамъ, въ расчетѣ на силу своихъ знаній и талантовъ, на силу своего ума и краснорѣчія. Нравственными качествами они также превосходили якобинцевъ. Въ нихъ, кромѣ того, было больше задушевности и ихъ трагическая судьба окружила въ памяти потомства особымъ ореоломъ имена главныхъ жирондистовъ и всю ихъ партію [2]).

Всѣ недостатки жирондистовъ, какъ политическихъ дѣятелей, и многія достоинства ихъ ума воплотились, между прочимъ, въ Кондорсе [3]), авторѣ проекта жирондистской конституціи. Ему въ это время было уже около пятидесяти лѣтъ (род. въ 1743 г.), и онъ былъ давно уже ученой знаменитостью, какъ математикъ, сотрудникъ энциклопедіи и публицистъ, защищавшій, напр., американскую свободу. Маркизъ по происхожденію, онъ искренне увлекся демократическимъ движеніемъ и одинъ изъ первыхъ сдѣлался республиканцемъ. Въ законодательномъ собраніи онъ былъ одно время (февр. 1792) прези-

---

[1]) См. выше, стр. 563.

[2]) Biré. La légende des girondins.

[3]) См. выше, стр. 147, 284, 285, 432, 451 и др. Ср. Sainte-Beuve въ Causeries de lundi.

дентомъ, въ конвентѣ ему поручили составить манифестъ для Франціи и Европы объ отмѣнѣ королевской власти, а потомъ и проектъ конституціи вмѣстѣ съ другими жирондистами (между прочимъ Бриссо, Верньо, Жансонне и т. п.). Вскорѣ послѣ того, какъ началось обсужденіе этого проекта, жирондисты пали. Извѣстно, что послѣ того Кондорсе въ теченіе восьми мѣсяцевъ долженъ былъ скрываться отъ якобинцевъ и написалъ въ это время свой знаменитый „Эскизъ историческаго изображенія успѣховъ человѣческаго ума" (1794), проникнутый горячею вѣрою въ безконечный прогрессъ человѣчества [1]). Наконецъ, когда его арестовали, онъ, не желая подвергнуться казни, отравился.—Хотя жирондистская конституція и осталась простымъ проектомъ, она въ высшей степени характерна для всей партіи [2]). У Кондорсе не было, повидимому, ни малѣйшаго чувства дѣйствительности: напр., за два дня до 20 іюня 1792 г. онъ говорилъ, что народъ вполнѣ спокоенъ и что „по тому, какъ народъ относится къ событіямъ, можно, пожалуй, подумать, что онъ каждый день посвящаетъ нѣсколько часовъ изученію анализа". Это качество философа-математика отразилось и на его конституціонномъ проектѣ. Мы знаемъ, что Руссо стоялъ не за представительную, а за непосредственную демократію [3]), и вотъ за разрѣшеніе задачи ввести этотъ принципъ въ республиканскую конституцію Франціи взялся Кондорсе (какъ потомъ взялись за него и якобинцы). Исполнительная власть вручалась семи министрамъ, выбираемымъ на два года непосредственно всѣмъ народомъ въ первичныхъ собраніяхъ, которыя на одинъ годъ должны были выбирать непосредственно же и законодательный корпусъ. Первичнымъ собраніямъ, кромѣ этихъ и другихъ выборовъ, было предоставлено принимать и отвергать проекты конституціи или конституціонныя измѣненія, отвѣчать на вопросы законодательнаго корпуса относительно желанія всѣхъ гражданъ, предлагать разные вопросы на обсужденіе законодательному корпусу. Законы дѣлились на законы въ собственномъ смыслѣ и на декреты. Каждому гражданину предоставлялось предлагать новые законы или измѣненія въ старыхъ, разъ онъ находилъ пятьдесятъ человѣкъ въ своемъ первичномъ собраніи, которые подписывали его предложеніе: принятый большинствомъ голосовъ проектъ поступалъ бы на разсмотрѣніе всѣхъ первичныхъ собраній того же округа, по-

---

[1]) См. выше, стр. 147.

[2]) Въ сборникахъ конституцій, дѣйствовавшихъ во Франціи, она обыкновенно не помѣщается. Ее можно найти у Bouchez et Roux (см. выше, стр. 516 и 581), XXIV, 106 и слѣд. Декларація правъ состоитъ изъ 33 статей и заключаетъ массу гарантій личности.

[3]) См. выше, стр. 209.

томъ всѣхъ первичныхъ собраній всего департамента, наконецъ, въ законодательный корпусъ (каждый разъ въ случаѣ принятія большинствомъ). Еслибы законодательный корпусъ отвергъ такой проектъ, то долженъ былъ бы отправить его на разсмотрѣніе первичныхъ собраній всей Франціи и т. д. Той же процедурѣ стали бы подвергаться и конституціонныя измѣненія, для которыхъ законодательный корпусъ обязанъ былъ бы собирать, не расходясь самъ, особый національный конвентъ. Еслибы предложеніе, отвергнутое законодательнымъ корпусомъ, было принято затѣмъ большинствомъ голосовъ во всѣхъ первичныхъ собраніяхъ Франціи, должно было бы совершиться обновленіе законодательнаго корпуса безъ права переизбранія тѣхъ его членовъ, которые вотировали противъ предложенія. Только декреты не подлежали такой „цензурѣ народа надъ актами національнаго представительства". Конституція выходила похожею на математическое построеніе; но еслибы она была приведена въ исполненіе, французскому народу почти ничего не оставалось бы дѣлать какъ законодательствовать, ибо стоило бы кому-нибудь задумать какую-либо перемѣну въ законахъ, конституція дала бы ему право потребовать созыва первичнаго собранія, и стоило бы въ немъ согласиться на проектъ пятидесяти гражданамъ, оно должно было бы собраться вторично, и дѣло могло бы затѣмъ при благополучномъ шествіи поступить на разсмотрѣніе всѣхъ гражданъ Франціи и даже кончиться не только замѣною членовъ законодательнаго корпуса новыми, но и созывомъ національнаго конвента для измѣненія самой конституціи. Между тѣмъ во Франціи громадное большинство гражданъ уклонялось отъ присутствія на собраніяхъ. Мы увидимъ, что якобинцы въ конституціи 1793 г. гораздо практичнѣе разрѣшили вопросъ о сочетаніи представительнаго начала и непосредственнаго народовластія.

XL. Борьба партій въ конвентѣ и терроръ [1]).

Общій взглядъ на эпоху террора. — Маратъ, Дантонъ и Робеспьеръ. — Партіи конвента.—Провозглашеніе республики 21 сентября 1792 г.—Начало борьбы партій и вопросъ о судѣ надъ королемъ.—Внѣшнія отношенія и Вандея.—Революціонный судъ и комитетъ общественнаго спасенія. — Дантонъ и жирондисты.—Паденіе жирондистовъ и возстанія въ провинціяхъ.—Конституція 1793 г.—Усиленіе террора.—Отмѣна христіанства.—Единовластіе и паденіе Робеспьера.

Абсолютная монархія во Франціи въ 1789 г. уступила мѣсто монархіи конституціонной, которая въ свою очередь смѣнилась въ 1792 г. рес-

---

[1]) Хронологія событій изъ эпохи конвента:

1792 г.: сентября 21, провозглашеніе республики.—Октября 21, присоединеніе Савойи.—Ноября 6, побѣда при Жемаппѣ.

1793 г.: января 21, казнь Людовика XVI.—Мартъ, коалиція и Вандея.—

публикой, точно также неудержавшейся. Одновременно съ абсолютизмомъ пала и старая католико-феодальная организація общества, уступившая мѣсто безсословному гражданству: конституціонная монархія должна была быть въ то же время демократическою. Но въ новомъ безсословномъ гражданствѣ, выработанномъ всею предыдущею исторіей Франціи и сбросившемъ съ себя въ 1789 г. обветшалую клерикально-аристократическую оболочку, существовали разные общественные классы, различавшіеся между собою по своему экономическому значенію, по степени образованія, по политическимъ стремленіямъ. Снесши прежній привилегированный классъ, состоявшій изъ духовенства и дворянства, представителей стараго католико-феодальнаго строя, революція поставила на первое мѣсто буржуазію, которая не только освободилась отъ первенства привилегированныхъ, но и обогатилась на ихъ счетъ покупкою конфискованныхъ у духовенства и дворянства земель. Если бы во Франціи могла утвердиться конституціонная монархія, она силою вещей должна была бы сдѣлаться организаціей соціальнаго господства буржуазіи. Событія привели Францію къ республикѣ, которой вовсе не желало громадное большинство французскаго народа, въ томъ числѣ и буржуазія, но которая сдѣлалась необходимостью. Побѣда досталась въ руки республиканской партіи, раздѣлившейся на двѣ части: одна стояла за свободную республику, а послѣдняя при тогдашнемъ соціальномъ состояніи Франціи не могла бы быть чѣмъ-либо инымъ, какъ организаціей господства буржуазіи (что не только имѣло мѣсто послѣ паденія террористовъ, но имѣетъ мѣсто и въ современной намъ Франціи, несмотря на ея политическій демократизмъ), другая же партія стояла за диктатуру и, нашедши опору въ революціонномъ пролетаріатѣ Парижа, захватила власть и сдѣлала такимъ образомъ попытку замѣнить господство буржуазіи господствомъ пролетаріата. Попытка эта имѣла временный успѣхъ, но только при помощи террора: направивъ его сначала противъ представителей стараго порядка и конституціоналистовъ, какъ враговъ республики, якобинцы прибѣгли къ нему же и противъ жирондистовъ, хотя послѣдніе были также республиканцы, а затѣмъ среди самихъ террористовъ произошло то же самое, т.-е. одна фракція террористовъ стала истреблять другія, пока, наконецъ, сама не сдѣлалась жертвою коалиціи истребляемыхъ; съ другой стороны, главныя выгоды отъ террористической си-

---

Марта 10, учрежденіе революціоннаго суда.—Апрѣля 6, комитетъ общественнаго спасенія.—Мая 31, народное возстаніе.—Іюня 2, паденіе жирондистовъ.—Іюня 24, принятіе конституціи 1793 года.—Октября 31, казнь жирондистовъ.

1794 г.: марта 25, казнь эбертистовъ.—Апрѣля 5, казнь Дантона.—Іюня 8, праздникъ Верховнаго Существа.—Іюля 27, паденіе Робеспьера.

стемы, поскольку она направлялась не на политическія партіи, а на извѣстный общественный классъ, должны были достаться тому именно классу, который всегда шелъ рука объ руку съ якобинцами и былъ въ ихъ глазахъ народомъ par excellence, но эта правительственная система только разоряла населеніе страны, въ томъ числѣ и крестьянскую массу, и вооружала его противъ республики, ничуть въ то же время не упрочивая благосостояніе пролетаріата, такъ какъ главныя причины его бѣдствій зависѣли отъ общихъ экономическихъ условій. Вотъ та основная точка зрѣнія, съ которой мы разсмотримъ теперь внутреннюю исторію за двадцать два мѣсяца, протекшіе отъ объявленія республики (21 сентября 1792 г.) до паденія террористовъ (27 іюля 1794 г.). Но прежде мы познакомимся съ личностями главныхъ террористовъ, выступившихъ на сцену ранѣе 1792 г. и уже бывшихъ вполнѣ сложившимися революціонными дѣятелями. Это— **Маратъ, Дантонъ и Робеспьеръ** [1]).

Жанъ-Поль Маратъ, родомъ изъ Невшательскаго княжества (род. 1744 г.), одно время преподаватель французскаго языка въ Эдинбургѣ, гдѣ онъ въ 1774 издалъ по-англійски революціонную брошюру подъ названіемъ „цѣпи рабства“ (The chains of slavery) [2]), позднѣе переѣхавшій въ Парижъ, жившій здѣсь медицинской практикой и даже состоявшій на службѣ у гр. д'Артуа, былъ, внѣ всякаго сомнѣнія, человѣкомъ ненормальнымъ, психопатомъ. Нося на себѣ довольно ясные признаки физическаго вырожденія, онъ еще до начала революціи проявлялъ и нѣкоторыя душевныя свойства, характеризующія вообще маніаковъ: это была сначала манія величія, мало-по-малу осложнившаяся бредомъ преслѣдованія и, наконецъ, дошедшая до маніи убійствъ. Отецъ Марата былъ врачъ и хотѣлъ сдѣлать изъ сына ученаго, мать его, большая идеалистка, мечтала о томъ, что ихъ сынъ будетъ „филантропомъ“. Честолюбивымъ стремленіямъ Марата

---

[1]) Маратъ, Дантонъ и Робеспьеръ были предметомъ не только обстоятельныхъ изображеній въ разныхъ исторіяхъ французской революціи, но даже отдѣльныхъ, посвященныхъ каждому изъ нихъ монографій, нерѣдко, написанныхъ большею частью въ тонѣ панегириковъ. Chevremont. Jean-Paul Marat. —Piazzoli. Marat, l'amico del popolo e la rivoluzione.—A. Bougeard. Marat.—Robinet. Danton homme d'état.—Hamel. Histoire de Robespierre. — Блестящія характеристики всѣхъ трехъ см. въ третьемъ томѣ „Революціи“ Тэна (стр. 159—220) подъ заглавіемъ „Психологія якобинскихъ вождей“, а также и у Сореля. Замѣтимъ кстати, что Тэнъ собралъ массу матеріаловъ для характеристики якобинизма вообще, которая съ психологической стороны вышла у него мастерскою, но и онъ впадаетъ въ ошибку, отождествляя якобинизмъ, соціализмъ, коммунизмъ и т. п. (ср. выше., стр. 586). См. и переведенную по-русски брошюру „Соціализмъ, какъ правительство“ Тэна.

[2]) Франц. переводъ изданъ въ 1792 г.

далеко не соотвѣтствовали его таланты: онъ началъ свою карьеру неудачникомъ, преисполненнымъ, однако, величайшаго самомнѣнія и увѣреннымъ въ томъ, что лишь изъ зависти къ нему враги портятъ его репутацію. Первоначально онъ думалъ прославиться въ области философіи и науки, считая себя великимъ мыслителемъ, призваннымъ совершить переворотъ въ физикѣ своими сочиненіями, въ коихъ онъ, напр., опровергалъ Ньютона. Въ 1789 г. Маратъ вообразилъ себя не менѣе великимъ политикомъ и началъ рѣзко нападать въ своей газетѣ „Ami du peuple“ (называвшейся сначала „Publiciste parisien“) на національное собраніе, говоря, что дай ему лишь на время власть, онъ все устроилъ бы наилучшимъ образомъ и Франція при немъ процвѣтала бы. Когда противъ конвента вспыхнуло вандейское возстаніе, Маратъ писалъ, что вотъ онъ нашелъ бы средство однимъ ударомъ нанести пораженіе вандейцамъ, еслибы ему только взглянуть какъ они дерутся. Сначала въ заговорѣ противъ себя онъ обвинялъ завистливыхъ академиковъ, не признающихъ его ученыхъ заслугъ, и потому постоянно ихъ ругалъ, но потомъ перенесъ свою ненависть на Неккера, этотъ „позоръ человѣчества“, на „мошенниковъ“ Байльи и Лафайета, на все національное собраніе, какъ на „скопище людей низкихъ, пресмыкающихся, подлыхъ и неспособныхъ“. Кромѣ журнала, онъ издавалъ и революціонныя брошюры (Moniteur patriote, Junius français, C'en est fait de nous), проповѣдовавшихъ убійства: уже лѣтомъ 1790 г., онъ требовалъ восемьсотъ висѣлицъ, изъ коихъ на одной долженъ былъ бы болтаться „проклятый Рикетти“ [1]). Свои статьи онъ лично прочитывалъ на сходбищахъ народа. На него обратилъ вниманіе Дантонъ и взялъ его подъ свое покровительство, оказавшееся нужнымъ, такъ какъ Марату пришлось долгое время скрываться отъ ареста, какимъ ему грозили за его статьи. Попытка бѣгства Людовика XVI вызвала Марата изъ его убѣжища въ какихъ-то подвалахъ, гдѣ онъ все время продолжалъ писать свои статьи, но когда—уже въ законодательномъ собраніи—Гюаде поднялъ вопросъ о его преслѣдованіи, онъ опять нашелъ тайный пріютъ у кордельеровъ. 10-ое августа снова вызвало его на сцену: попавъ въ городской совѣтъ, а потомъ въ конвентъ, онъ возбуждалъ народъ къ сентябрьскимъ убійствамъ и принималъ участіе во всѣхъ террористическихъ мѣрахъ, давно уже сдѣлавшись отчаяннымъ врагомъ жирондистовъ: въ сентябрѣ 1792 онъ требовалъ сорокъ тысячъ головъ, а въ концѣ того же года эта цифра возрасла у него почти до трехсотъ тысячъ. Его безуміе какъ бы все шло, пока рука Шарлотты Корде (13 іюля 1793) не прекратила его жизни, какъ тиранна, погубившаго жирондистовъ.

Совсѣмъ другого покроя, чѣмъ Маратъ, былъ Жоржъ-Жакъ

---

[1]) Т.-е. Мирабо (см. выше, стр. 507).

Дантонъ, которому едва исполнилось тридцать лѣтъ въ томъ году, когда вспыхнула революція (род. 1759). Занимая въ это время должность адвоката, онъ съ самаго начала примкнулъ къ движенію и сдѣлался героемъ народной толпы, съ которымъ находилъ нужнымъ считаться, какъ съ важною силою, самъ Мирабо. Человѣкъ громаднаго роста, съ большою головою, обладая внушительною наружностью и страшными голосовыми средствами, необыкновенно живой и энергичный въ своихъ движеніяхъ, онъ уже однимъ своимъ видомъ производилъ весьма сильное впечатлѣніе, а его краснорѣчіе, страстное и безпорядочное, образное и мѣткое, то разнузданно-грозное, то грубо-шутливое, вполнѣ овладѣвало слушателями, тѣмъ болѣе, что и содержаніе его рѣчей не сводилось на общія мѣста и шаблонную фразеологію, а было выраженіемъ самобытной натуры, ума недюжиннаго, свободнаго отъ предвзятыхъ взглядовъ, характера смѣлаго до дерзости и необыкновенно стойкаго. Дантонъ обладалъ вообще замѣчательнымъ чувствомъ дѣйствительности, громаднымъ даромъ предвидѣнія, искусствомъ въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ цѣлей и обнаружилъ во время революціи такія громадныя политическія способности, что его, какъ государственнаго человѣка революціи, можно поставить только рядомъ съ Мирабо. Въ юности ему, человѣку низменнаго происхожденія, приходилось немало бѣдствовать и кое-какъ перебиваться въ неизвѣстности, но это была натура требовательная и властная, жаждавшая наслажденій и господства, стремившаяся къ шуму и широкой дѣятельности. Это былъ и не Маратъ, не вполнѣ обладавшій своимъ разсудкомъ, и не Робеспьеръ, жившій чужими идеями,—это былъ человѣкъ, психически здоровый и оригинальный: ему недоставало только идеи, которой онъ считалъ бы себя призваннымъ служить, не хватало нравственной основы дѣятельности, не хватало способности къ постоянному и усидчивому труду. Въ началѣ революціи онъ основалъ свой особый клубъ, получившій названіе кордельерскаго и сдѣлавшійся главною его опорою на первыхъ порахъ его шумной революціонной дѣятельности: это была своего рода маленькая республика, въ которой онъ былъ диктаторомъ. Уже въ 1790 г. Дантонъ объявлялъ, что граждане Парижа суть естественные представители всѣхъ 83 департаментовъ,—мысль, выросшая въ идею диктатуры парижскаго населенія [1]). 10-ое августа, несомнѣнно имъ подготовленное, сдѣлало его министромъ юстиціи [2]) и дало ему возможность проявить весь свой организаторскій талантъ на самой широкой сценѣ. Сентябрьскія убійства онъ считалъ недурнымъ сред-

---

[1]) См. выше, стр. 571.

[2]) См. выше, стр. 573 и слѣд.

ствомъ „напугать роялистовъ“, но у него не было ни маніи убійства, коею былъ одержимъ кровожадный Маратъ, ни того безстрастно-холоднаго требованія новыхъ и новыхъ казней, къ какому былъ способенъ Робеспьеръ: ему были доступны чувства жалости, сострадания, и онъ спасалъ отдѣльныя личности. Отвергнутый жирондистами, въ союзѣ съ которыми онъ хотѣлъ организовать диктатуру конвента противъ своеволія якобинскаго клуба, опиравшагося на санкюлотовъ, Дантонъ сблизился потомъ самъ съ якобинцами, хотя и предвидѣлъ, что санкюлотизмъ, „пожравшій жирондистовъ, пожретъ и якобинцевъ и кончитъ тѣмъ, что пожретъ самого себя“. Въ концѣ своей жизни онъ ничего уже не ожидалъ отъ революціи и смотрѣлъ на будущее весьма пессимистически, предсказавъ, однако, что тѣхъ людей, которые послали его на эшафотъ (5 апрѣля 1794) за то, что онъ сталъ поперекъ дороги Робеспьеру, постигнетъ та же самая судьба. Дантонъ оттолкнулъ отъ себя жирондистовъ своими связями съ террористами, своимъ братаньемъ съ Маратомъ, своимъ одобреніемъ, даннымъ сентябрьскимъ убійствамъ и т.-п., но и перешедши на сторону якобинцевъ, онъ видѣлъ, что дай только полную волю Робеспьеру и С. Жюсту, и они немедленно превратятъ Францію въ „Ѳиваиду съ двумя десятками политическихъ траппистовъ“.

Въ концѣ концовъ господиномъ положенія—на короткое время—остался Максимиліанъ Робеспьеръ, „сентиментальный тигръ“, какъ отозвался о немъ Пушкинъ. Онъ былъ лишь однимъ годомъ старше Дантона (род. въ 1758 г.). До 1789 г. Робеспьеръ былъ провинціальнымъ адвокатомъ и авторомъ нѣсколькихъ филантропическихъ брошюръ, имѣвшихъ характеръ литературныхъ упражненій, которыя открывали доступъ къ почетнымъ мѣстамъ въ научно-литературныхъ „академіяхъ“ провинціальныхъ городовъ. Человѣкъ неособенно представительной наружности, франтоватый и прилизанный, чопорный и даже нѣсколько елейный, завистливый ко всякому превосходству надъ собою и дѣлавшій изъ своей недоступности для всякаго рода соблазновъ, изъ своей нравственной безупречности и „неподкупности“ какъ-бы нѣкоторую рекламу, не безъ извѣстнаго кокетства въ манерахъ, ради литературнаго тщеславія вылащивавшій и украшавшій свои писанія и рѣчи, умѣвшій говорить только догматическимъ тономъ и въ самомъ безукоризненномъ тонѣ, Робеспьеръ былъ совершенною противоположностью Дантону. У него не было дерзкой смѣлости послѣдняго: онъ даже боялся имѣть дѣло непосредственно съ народною толпою. Чувство жалости было ему недоступно, но его холодная жестокость, нисколько не напоминавшая и кровожадную манію Марата, мирилась съ какою-то сентиментальностью, заставлявшею самого же его вѣчно говорить о „человѣколюбіи“, „справедливости“, „свободѣ“, „добродѣтели“ и бояться

самаго вида крови. Дантонъ не скрывалъ своихъ диктаторскихъ стремленій, но „неподкупный“ Робеспьеръ готовъ былъ видѣть личное для себя оскорбленіе въ подозрѣніи, будто онъ стремится къ диктатурѣ. Впрочемъ, онъ не столько хотѣлъ, чтобы его боялись и ему повиновались, сколько, чтобы его любили, ему поклонялись, его прославляли, вѣрили ему и шли за нимъ, какъ овцы за пастыремъ, какъ сектанты за своимъ проповѣдникомъ, какъ вѣрующіе за папою, ибо и якобинизмъ имѣлъ своего папу и своихъ вѣрующихъ—поклонниковъ и поклонницъ Робеспьера (tricoteuses de Robespierre). Попавъ въ учредительное собраніе, Робеспьеръ мало обращалъ на себя вниманія, но за то мало-по-малу сдѣлался однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ якобинскаго клуба и весьма популярнымъ дѣятелемъ среди парижскихъ санкюлотовъ, что доставило ему послѣ 10 августа мѣсто въ революціонномъ общинномъ совѣтѣ и въ конвентѣ. Республиканцемъ онъ сталъ сравнительно поздно, скорѣе идя за другими, чѣмъ впереди другихъ, и вообще ему понадобилось три года, чтобы занять положеніе, какое Маратъ занималъ съ самаго начала революціи; но зато въ его списокъ заговорщиковъ и измѣнниковъ попадали не одни „аристократы“, какъ у Марата, но и атеисты, и развратники, и всѣ противники ортодоксальнаго якобинизма. Для Робеспьера въ 1792—1794 гг. революція отождествлялась съ якобинизмомъ, якобинизмъ—прямо съ нимъ самимъ: внѣ своей догмы онъ не признавалъ возможности патріотизма и разыскивалъ измѣнниковъ среди собственной партіи, въ конвентѣ, въ его комитетахъ, среди членовъ революціоннаго правительства. Посредствомъ террора вся Франція должна была обратиться къ якобинскому патріотизму: до того времени конституція должна была быть простымъ клочкомъ бумаги, и должно было дѣйствовать революціонное правительство. Робеспьеръ собственно пожалъ тамъ, гдѣ посѣялъ Дантонъ, взявъ въ однѣ свои руки управленіе созданной имъ организаціей, но у него самого, особенно по сравненію съ Дантономъ, не было выдающихся способностей государственнаго человѣка: „онъ и яйца-то не съумѣетъ сварить“, отзывался о немъ Дантонъ. Робеспьеръ былъ, далѣе, лишенъ чувства дѣйствительности и смотрѣлъ на современность черезъ призму своей политической теоріи, созданной не имъ самимъ и не на основаніи фактовъ и тѣмъ не менѣе не претерпѣвшей ни малѣйшаго измѣненія въ головѣ его отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью. Эта теорія—„Contrat Social“ Руссо—была для него догматомъ, въ который нужно было только вѣрить и въ который онъ вѣрилъ, а его вѣра была источникомъ его вліянія, ибо люди, находившіеся подъ властью тѣхъ же идей, должны были подчиняться Робеспьеру, такъ какъ онъ и не выводилъ ихъ изъ этого круга идей, не вносилъ въ него ничего посторонняго, личнаго, былъ

въ немъ, однако, хозяиномъ, умѣя извлекать принципы изъ принциповъ, овладѣвъ притомъ всей аргументаціей, фразеологіей и терминологіей Руссо, хотя, глядя со стороны, можно сказать, что все это оставалось у него мертвымъ, какъ бы несвоимъ, чѣмъ-то чужимъ, усвоеннымъ только внѣшнимъ образомъ. Его концепція государства была до нельзя проста, ограничена до послѣдней крайности и въ этомъ отношеніи отличалась необыкновенной цѣльностью. Для Робеспьера Франція была именно населена двумя съ половиною десятками милліоновъ вполнѣ однородныхъ индивидуумовъ, имѣющихъ отъ природы самые добрые задатки, но нуждающихся въ извѣстной очисткѣ и въ надлежащей дрессировкѣ: воля всей совокупности этихъ гражданъ есть самъ непогрѣшимый разумъ, но ея настоящему проявленію препятствуютъ измѣнники, злодѣи и развратники, къ какимъ причислялись, кромѣ роялистовъ и фейльяновъ, и жирондисты (бриссотинцы), и эбертисты, и дантонисты.

Въ національномъ конвентѣ, собравшемся 21 сентября 1792 г. громадное большинство (около 500) составляло такъ называемую равнину (la plaine), попеременно подпадавшую вліянію двухъ вліятельныхъ группъ—жиронды и „горы" (монтаньяровъ). Кромѣ бывшихъ членовъ конституанты (Петіонъ, Бюзо, Ланжюине) и легислативы (Бриссо, Верньо, Гюаде, Кондорсе, Жансонне, Инаръ), среди жирондистовъ стали играть видную роль и нѣкоторые новые депутаты (Барбару и др.). То же было и среди монтаньяровъ: здѣсь были и прежніе члены конституанты (Робеспьеръ, Грегуаръ и др.) и легислативы (Карно, Кутонъ и др.), и новички, хотя иногда уже успѣвшіе прославиться внѣ собраній (Дантонъ, Маратъ, Камиллъ Демуленъ), а рядомъ съ ними С. Жюстъ, Колло-д'Эрбуа, младшій Робеспьеръ, Каррье, Фуше, Баррасъ и др., прославившіеся, главнымъ образомъ, впослѣдствіи. Равнина не играла самостоятельной роли въ политикѣ, хотя и выставила немало опытныхъ, дѣльныхъ и работящихъ людей, дѣйствовавшихъ въ комитетахъ конвента. Она помогла сначала жирондистамъ сдѣлаться въ конвентѣ господами, потомъ содѣйствовала монтаньярамъ въ низверженіи жирондистовъ и наконецъ дозволила Робеспьеру отдѣлаться отъ эбертистовъ и дантонистовъ, пока не приняла участія въ низверженіи робеспьеристовъ и т. д. *Съ такимъ измѣнчивымъ большинствомъ трудно было организовать правительство*, да еще въ государствѣ, гдѣ только-что отмѣненная конституція дезорганизовала управленіе страною [1]). Новой конституціи еще не было, и конвентъ соединялъ въ своихъ рукахъ неопредѣленныя никакимъ закономъ законодательную, исполнительную и даже судебную власти. Настоящаго, т.-е.

---

[1]) См. выше, стр. 531.

прочнаго и постояннаго большинства въ немъ не было, а два враждебныя одно другому меньшинства—жирондистское и якобинское (монтаньяры) объявили другъ другу войну не на животъ, а на смерть. Партія, побитая въ конвентѣ, переносила борьбу внѣ его стѣнъ: жирондисты подымали департаменты, монтаньяры — парижскій пролетаріатъ. Съ конвентомъ въ самомъ Парижѣ соперничали, далѣе, общинный совѣтъ, секціи (т.-е кварталы) Парижа, батальоны національной гвардіи, якобинскій и кордельерскій клубы, случайныя собранія, принимавшія на себя функціи „державнаго народа", и всѣ эти силы были въ рукахъ озлобленныхъ одна на другую партій. Мы не будемъ, однако, слѣдить за всѣми перипетіями этой борьбы, чтобы остановиться лишь на ея главныхъ моментахъ.

Въ первомъ же засѣданіи конвента по предложенію Колло-д'Эрбуа и Грегуара была декретирована отмѣна королевской власти и провозглашена республика, и съ 22 сентября 1792 г. всѣ государственные акты стали датироваться такъ: „въ первомъ году французской республики". Немало при отмѣнѣ монархіи наговорено было рѣзкостей по ея адресу Грегуаромъ, объявлявшимъ, что „всѣ династіи всегда были породами лютыхъ звѣрей", что „короли въ нравственномъ мірѣ имѣютъ значеніе чудовищъ или уродовъ въ природѣ", что „исторія королей есть повѣсть о страданіяхъ народа". Въ этомъ актѣ всѣ партіи конвента дѣйствовали еще солидарно; но когда въ собраніи обнаружилось стремленіе наказать виновниковъ сентябрьскихъ ужасовъ и возстановить правильный порядокъ общественной жизни, монтаньяры стали обвинять жирондистовъ въ стремленіи къ диктатурѣ, и тѣ имъ отвѣтили такимъ же обвиненіемъ. Марату, Дантону и Робеспьеру пришлось оправдываться: первый защищалъ необходимость своей диктатуры и грозилъ застрѣлиться на мѣстѣ, если его обвинятъ; второй отрекался отъ солидарности съ Маратомъ; третій особенно много говорилъ о своихъ „подвигахъ", „спасшихъ" отечество. Жирондисты ограничились тѣмъ, что одержали нѣсколько словесныхъ побѣдъ. Скоро другой вопросъ еще сильнѣе раздѣлилъ партіи. 16 октября конвенту была представлена петиція оксерскихъ (Auxerre) якобинцевъ о преданіи короля суду. И жирондисты, и якобинцы, не желая одни другимъ показаться „умѣренными" и чего добраго, пожалуй, роялистами, высказались за это предложеніе. Въ дѣлѣ этомъ было двѣ стороны—юридическая и политическая. Съ юридической точки зрѣнія судъ былъ немыслимъ, ибо принятіе конституціи 1791 г. сопровождалось забвеніемъ всего прошлаго, а по конституціи король пользовался безотвѣтственностью и лишь въ извѣстныхъ случаяхъ долженъ былъ считаться отказавшимся отъ престола [1]). Но въ конвентѣ становились на политическую точку

[1]) См. выше, стр. 530.

зрѣнія: какъ индепенденты, казня Карла I, расчитывали этимъ упрочить республику, въ чемъ, однако, ошиблись [1]), такъ думали и члены конвента судомъ надъ Людовикомъ XVI и даже казнью его нанести послѣдній ударъ королевской власти. Вотъ эту-то точку зрѣнія и выдвинули на первый планъ якобинцы. По словамъ С. Жюста (13 ноября) дѣло было не въ томъ, покрываетъ ли короля или нѣтъ его неприкосновенность, не въ томъ было дѣло, чтобы устроить судъ, а въ томъ, чтобы нанести ударъ, имѣя передъ собою не гражданина, но непріятеля, поступить съ нимъ такъ, какъ поступили съ Цезаремъ въ Римѣ. С. Жюстъ прибавлялъ, что потомство будетъ удивляться, какъ это судили короля: „судить значитъ примѣнять законъ, а законъ есть отношеніе справедливости, но какое можетъ быть отношеніе между человѣчествомъ и королями? Королевская власть есть вѣчное преступленіе“ и т. д. въ томъ же родѣ. Такъ говорилъ другъ Робеспьера, самъ же онъ (3 дек.) развивалъ ту же мысль дальше: „тутъ нѣтъ никакого процесса. Людовикъ не подсудимый, вы не судьи: вы не можете быть чѣмъ-либо, какъ государственными людьми, представителями націи. Вамъ не приговоръ нужно постановить за или противъ человѣка, но принять мѣру во имя общественнаго спасенія, исполнить актъ національнаго провидѣнія“, — и Робеспьеръ прямо потребовалъ „смерти Людовика XVI, чтобы жила республика“. Такая страшная постановка вопроса испугала жирондистовъ. Верньо (31-го декабря) выступилъ съ пророческою рѣчью. „Развѣ вы не слыхали, какъ тамъ и сямъ разъяренный народъ кричитъ: дорогъ ли хлѣбъ, виноватъ Тампль [2]); мало ли денегъ, терпятъ ли наши войска нужду, виноватъ Тампль; видимъ ли мы каждый день печальное зрѣлище нищеты, виноватъ Тампль? Кто намъ поручится, что по смерти Людовика тѣ же люди не станутъ кричать: дорогъ ли хлѣбъ, виноватъ конвентъ; мало ли денегъ, виноватъ конвентъ; терпятъ ли наши войска нужду, виноватъ конвентъ;... возрастаютъ ли бѣдствія вслѣдствіе заявленій Англіи и Испаніи, виноватъ конвентъ, вызвавшій эти заявленія поспѣшною казнью Людовика?“ Верньо предвидѣлъ внутри государства терроръ, а внѣ—новую войну: между Франціей и Англіей готовился тогда союзъ, но изъ Англіи дали знать, что союзъ не состоится въ случаѣ умерщвленія Людовика XVI. Среди жирондистовъ возникла тогда мысль о спасеніи короля: пусть конвентъ его судитъ, но приговоръ конвента долженъ будетъ идти на утвержденіе всѣмъ народомъ (appel au peuple) на первичныхъ собраніяхъ. Якобинцы, опасаясь, что это можетъ спасти Людовика XVI, наоборотъ, были противъ аппелляціи къ

---

[1]) Т. II, стр. 496.

[2]) Король былъ заключенъ въ Тамплѣ (выше, стр. 573).

народу. 11 декабря состоялся допросъ „Людовика Капета". Ему позволили выбрать себѣ защитниковъ и онъ указалъ на Тронше, къ которому присоединился добровольно Мальзербъ, бывшій министромъ при Тюрго [1]), а они выбрали въ помощники молодого адвоката Десеза, взывавшаго въ своей блестящей рѣчи къ состраданію и разбиравшаго юридическую сторону дѣла, но совсѣмъ не обратившаго вниманія на сторону политическую. Съ 15 по 19 января 1793 г. члены конвента поименно подавали свои голоса на три вопроса: Виновенъ ли Людовикъ? Будетъ ли аппелляція къ народу? Какое наказаніе ему назначить? Громаднымъ большинствомъ голосовъ онъ былъ признанъ виновнымъ въ заговорѣ противъ свободы націи и общей безопасности государства, причемъ многіе мотивировали свое мнѣніе въ длинныхъ рѣчахъ. Appel au peuple былъ отвергнутъ 423 голосами противъ 281. Изъ 721 голоса, поданнаго по третьему вопросу, 387 голосовъ были за смертную казнь, 334 за другія наказанія (за изгнаніе, за каторгу, за тюремное заключеніе). По двумъ послѣднимъ вопросамъ голоса жирондистовъ раздѣлились: одни были противъ аппелляціи къ народу, другіе—за нее, а въ вопросѣ о наказаніи одни были за заточеніе (Кондорсе), другіе—за казнь съ отсрочкой (Верньо, Гюаде, Бюзо, Петіонъ, Бриссо), третьи за безусловную смерть (Инаръ, Барбару). 20 января была большинствомъ 380 голосовъ противъ 310 отвергнута отсрочка. Въ засѣданіи 19 января предсѣдательствовалъ Верньо, которому пришлось объявить результатъ голосованія. Жирондисты не спасли короля: они не обнаружили мужества и партійной дисциплины передъ народными толпами, наполнявшими трибуны и своими криками оказывавшими давленіе на конвентъ, оправдываясь потомъ разными соображеніями политическаго свойства. Монтаньяры подавали голоса за казнь и съ ними герцогъ Орлеанскій [2]), теперь „гражданинъ Филиппъ Эгалитэ" (т.-е. Равенство), спасавшій тѣмъ, какъ думаютъ, свои громадныя богатства. 21 января приговоръ надъ Людовикомъ XVI былъ приведенъ въ исполненіе. Въ день казни въ Парижѣ было совершенно тихо.

Опасенія, возникшія среди жирондистовъ относительно какъ внѣшнихъ усложненій, гражданской войны, террора, такъ и ихъ собственной судьбы, стали сбываться. Послѣ битвы при Вальми, остановившей пруссаковъ [3]), дѣла Франціи на войнѣ стали поправляться. Въ то время, какъ французское дворянство эмигрировало за границу, къ французскимъ генераламъ изъ-за границы являлись люди разныхъ національностей и

---

[1]) См. выше, стр. 439.
[2]) См. выше, стр. 439.
[3]) См. выше, стр. 575.

просили ихъ содѣйствія для низверженія старыхъ политическихъ порядковъ и въ пограничныхъ странахъ: революція коснулась и сосѣдей, и когда французскія войска перешли въ наступленіе, *населеніе ближайшихъ къ границѣ областей встрѣчало ихъ съ восторгомъ, какъ избавителей отъ стараго утѣсненія*. Осенью 1792 г. почти безъ сопротивленія со стороны сардинскихъ войскъ была занята французами Савойя, и „національное суверенное собраніе аллоброговъ", въ коемъ было представлено 658 общинъ, громаднымъ большинствомъ голосовъ (583 общины) постановило присоединиться къ Франціи (21 октября 1792 г.). Занята была и Ницца. Кюстинъ почти безъ сопротивленія захватилъ Шпейеръ, Вормсъ и 19 октября появился подъ Майнцемъ, который капитулировалъ, послѣ чего въ этомъ городѣ образовался клубъ нѣмецкихъ патріотовъ и собрался конвентъ отъ прирейнскихъ нѣмцевъ, декретировавшій присоединеніе всего лѣваго берега Рейна къ Франціи. Свидѣтельство о томъ, съ какимъ восторгомъ принимали здѣсь французовъ, можно найти въ „Германѣ и Доротеѣ" Гёте. Между тѣмъ Дюмурье одерживаетъ 6 ноября надъ австрійцами побѣду при Жемаппѣ, и затѣмъ вся Бельгія, въ которой уже раньше происходила своя революція [1]), была въ рукахъ французовъ. Весьма скоро изъ-за этой страны между Дюмурье, ее завоевавшимъ, и монтаньярами, желавшими установить въ ней свой режимъ, начались несогласія, тѣмъ болѣе, что у Дюмурье были еще тайные замыслы на счетъ возстановленія монархіи въ пользу герцога Шартрскаго, сына герцога Орлеанскаго (гражданина Филиппа Эгалитэ). Дантонъ поѣхалъ въ Бельгію, чтобы предотвратить разрывъ между генераломъ и конвентомъ. Между тѣмъ послѣдній 19 ноября 1792 г. издалъ декретъ о томъ, что Франція будетъ поддерживать каждую націю, стремящуюся къ свободѣ, а 15 декабря декретировалъ, что повсюду, куда ни явятся французскія арміи, аристократическія правленія будутъ отмѣнены, церковныя имущества конфискованы, сеньерьяльныя права и десятины уничтожены и народъ будетъ призванъ къ свободѣ. Дюмурье былъ крайне раздосадованъ этимъ декретомъ; но Дантонъ ему объявилъ, что настоящій авторъ декрета, это—онъ, Дантонъ, —и приступилъ къ реализаціи въ Бельгіи конвентскаго распоряженія. *Завоеваніе французами Савойи съ Ниццею, лѣваго берега Рейна и Бельгіи сильно встревожило монархическую Европу, а казнь Людовика XVI послужила послѣднимъ звеномъ въ цѣпи причинъ, вызвавшихъ противъ Франціи большую коалицію.* Французскихъ посланниковъ стали выгонять, а въ Римѣ представитель республики былъ даже умерщвленъ. 1 февраля 1793 г. конвентъ объявилъ войну Англіи и голландскому штатгальтеру, 7 марта—испанскому королю, а 22 марта имперскій

---

[1]) См. выше, стр. 354—355 и 514.

сеймъ рѣшилъ начать войну съ Франціей отъ имени всей Священной Римской имперіи. Конвентъ обратился къ арміи съ манифестомъ, составленнымъ Инаромъ, гдѣ вопросъ ставился просто: или пораженіе и гибель свободы, торжество тиранніи, или побѣда и пораженіе тиранновъ, братство народовъ, прекращеніе войны между ними: „васъ провозгласятъ спасителями отечества, основателями республики, возродителями вселенной!“ Въ то самое время, какъ почти полумилліонная армія Англіи, Голландіи, нѣмецкихъ государствъ, т.-е. Австріи, Пруссіи и разныхъ княжествъ имперіи, Сардиніи и Испаніи начала угрожать границамъ Франціи, *загоралась и междоусобная война въ самой республикѣ:* въ департаментахъ Пуату и Бретани произошло антиреволюціонное движеніе крестьянъ подъ предводительствомъ неприсяжныхъ священниковъ и дворянъ, давно уже подготовлявшееся и вспыхнувшее, когда конвентъ потребовалъ подъ знамена для защиты отечества рекрутъ. Въ мартѣ вся Вандея (нижній Пуату, Анжу, Нижній Мэнъ и Бретань), была охвачена возстаніемъ, и начались знаменитыя вандейскія войны, въ которыхъ конвентъ имѣлъ противъ себя десятки тысячъ шуановъ (chouans), какъ стали обозначать инсургентовъ по прозвищу одного изъ первыхъ вождей движенія [1]), имѣвшаго сначала скорѣе болѣе религіозный, нежели роялистическій характеръ, но скоро получившаго именно и значеніе антиреспубликанскаго взрыва. Въ то же время Дюмурье былъ разбитъ при Неервинденѣ (12 марта) и, поссорившись съ конвентомъ, но не нашедши поддержки въ своей арміи, бѣжалъ съ своимъ кандидатомъ на тронъ, герцогомъ Шартрскимъ [2]), къ австрійцамъ. Замѣчательно, что Дюмурье не былъ первымъ генераломъ, думавшимъ, опираясь на военную силу, произвести государственный переворотъ: въ эпоху конституанты таковъ былъ Буйлье, въ эпоху легислативы—Лафайетъ, но армія тогда, какъ и теперь, не была расположена идти противъ представителей народа.

Пораженіе и измѣна Дюмурье оказали весьма большое вліяніе на борьбу партій, происходившую въ конвентѣ. Въ это время самой вліятельной группой собранія были жирондисты, но у нихъ не было единодушія и энергіи, они обнаруживали нерѣшительность и колебанія, и ихъ поведеніе объяснялось монтаньярами въ клубахъ въ смыслѣ измѣны. По старой связи жирондистовъ съ Дюмурье якобинцы сдѣлали послѣдняго прямо „жирондистскимъ генераломъ“ и кричали объ его измѣнѣ, какъ о преступленіи цѣлой партіи. „Равнина“ поддерживала

---

[1]) Bournisseaux. Hist. des guerres de la Vendée et des chouans.—Lambert. Henri de la Rochejacquelin et la guerre de la Vendée.—Port. La Vendée angevine и др. Другое объясненіе: chouanschat huans.

[2]) Впослѣдствіи (1830—1848) Людовикъ-Филиппъ, король французовъ.

монтаньяровъ каждый разъ, какъ послѣдніе дѣлали какое-либо предложеніе; но приводить рѣшеніе конвента въ исполненіе должны были жирондисты, постоянно выбиравшіеся въ предсѣдатели конвентскихъ засѣданій, занимавшіе министерскіе посты и административныя должности въ департаментахъ, такъ что главныя мѣропріятія исходили не отъ нихъ, а отвѣтственность падала на нихъ. Среди парижскаго населенія, возбужденнаго новымъ объявленіемъ „отечества въ опасности", уже начиналось въ мартѣ 1793 г. глухое броженіе противъ жирондистовъ; необычайныя обстоятельства требовали, по мнѣнію парижской коммуны и якобинцевъ, и чрезвычайныхъ мѣръ: 10 марта конвентъ декретировалъ учрежденіе революціоннаго суда [1]) для наказанія измѣнниковъ, бунтовщиковъ, недобросовѣстныхъ поставщиковъ въ армію, поддѣлывателей бумажныхъ денегъ и т. п. Когда Дантонъ, какъ министръ юстиціи, предлагалъ его учрежденіе, онъ имѣлъ въ виду установленіе чрезвычайнаго суда по осадному положенію; но судъ этотъ и превратился потомъ въ главное орудіе террористической тиранніи, обрушившееся и на самого Дантона. На извѣстіе о возстаніи Вандеи конвентъ отвѣтилъ объявленіемъ смертнаго приговора всѣмъ эмигрантамъ и неприсяжнымъ священникамъ, которые черезъ недѣлю будутъ найдены въ предѣлахъ Франціи. Далѣе, послѣ пораженія Дюмурье конвентъ декретировалъ учрежденіе во всѣхъ общинахъ революціонныхъ комитетовъ для наблюденія за „подозрительными" и обезоруженіемъ всѣхъ бывшихъ дворянъ и духовныхъ. Когда, наконецъ, сдѣлалась извѣстною самая измѣна Дюмурье, были приняты новыя экстренныя мѣры, и между прочимъ послали на границы подкрѣпленія и конвентскихъ коммиссаровъ въ армію (что декретировано было раньше еще по предложенію Карно). Тогда же по предложенію Баррера конвентъ организовалъ знаменитый „комитетъ общественнаго спасенія" (comité du salut publique) по декрету, текстъ коего былъ составленъ жирондистомъ Инаромъ (6 апрѣля). Комитетъ долженъ былъ состоять изъ 9 (впослѣдствіи бо̀льшаго числа) членовъ, выбиравшихся на мѣсяцъ, и сосредоточить въ себѣ всѣ власти. При его образованіи изъ него систематически были исключены жирондисты и монтаньяры, кромѣ одного Дантона, который явился настоящимъ организаторомъ этого революціоннаго правительства. Органами комитета въ департаментахъ сдѣлались конвентскіе коммиссары съ самыми широкими полномочіями, но поставленные въ зависимое положеніе по отношенію къ комитету общественнаго спасенія. *Революція, такимъ образомъ, отказывалась отъ идей 1789 г., отъ раздѣленія властей и отъ уничтоженія централизаціи, чрезвычайныхъ судовъ, административнаго произвола, сосредоточивъ неограниченную власть въ рукахъ комитета общественнаго спасе-*

[1]) Compardon. Le tribunal révolutionnaire. См. также выше, стр. 576.

нія, сдѣлавъ изъ конвентскихъ коммиссаровъ послушныя орудія этой власти въ провинціяхъ, учредивъ страшный политическій надзоръ надъ всѣми гражданами и установивъ чрезвычайные суды [1]). Дантонъ сдѣлался настоящимъ правителемъ Франціи, принявъ на себя между прочимъ въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ и завѣдованіе внѣшней политикой Франціи. Теперь его идеей было положить конецъ анархіи, возстановить государственный порядокъ, превратить республику въ настоящее правительство, осуществить права человѣка, доставить странѣ миръ и обезпечить правильное теченіе хозяйственной жизни. „Поспѣшимъ, говорилъ онъ своимъ друзьямъ,—поспѣшимъ окончить революцію: кто дѣлаетъ революцію слишкомъ долгою, не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые извлекаютъ изъ нея выгоду.“ При пассивности „равнины“ изъ двухъ боровшихся между собою партій Дантону приходилось выбирать между жирондой и „горой.“ Тѣ политическіе выводы, къ которымъ онъ сталъ приходить, должны были располагать его къ союзу съ жирондистами. Быть можетъ, если бы союзъ этотъ состоялся, и онъ привлекъ бы къ себѣ наиболѣе благоразумныхъ и дѣльныхъ монтаньяровъ въ родѣ Карно, то Франція избѣжала бы якобинскаго террора. Дантонъ, дѣйствительно, искалъ сближенія съ жирондой, дѣлалъ все, чтобы избѣжать разрыва съ нею, и между жирондистами были люди, склонявшіеся къ сближенію съ нимъ,— Верньо, Кондорсе, Жансонне,—но большинство, увлекаемое Роланомъ и его женою, Бюзо, Гюаде, Барбару и др., не хотѣло идти за одно съ сентябрскимъ убійцей и „грабителемъ Бельгіи“. Дантонъ употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы не дать разъединиться наиболѣе значительнымъ политическимъ силамъ, старался предотвратить разрывъ съ Дюмурье, а на одномъ тайномъ свиданіи съ вождями жирондистовъ (30 ноября 1792 г.) особенно настойчиво убѣждалъ ихъ соединиться съ нимъ, но былъ отвергнутъ. „Гюаде, сказалъ тогда Дантонъ, ты неправъ: ты не умѣешь прощать, не умѣешь подчинить своего чувства отечеству. Ты упрямъ, и ты погибнешь“. Весною 1793 г. борьба жирондистовъ и монтаньяровъ обострилась еще больше, и монтаньяры обнаружили въ ней много сплоченности и энергіи. Между тѣмъ 1 апрѣля былъ принятъ декретъ, лишавшій права личной неприкосновенности каждаго депу-

---

[1]) Въ конвентѣ было еще много (15) другихъ комитетовъ, между прочимъ „комитетъ общей безопасности“ (comitet de sûretè genérale), сдѣлавшійся грозою „подозрительныхъ“. Недавно Aulard издалъ акты комитета общественнаго спасенія и офиціальную переписку конвентскихъ коммиссаровъ (représentants en mission) указывающіе на дѣловую и полезную сторону этихъ учрежденій, тогда какъ Wallon въ своемъ сочиненіи о томъ же предметѣ (см. выше, стр. 576) выдвинулъ на первый планъ факты, свидѣтельствующіе о произволѣ и насиліяхъ.

тата, противъ котораго явилось бы болѣе или менѣе основательное подозрѣніе въ сообщничествѣ съ врагами свободы, равенства и республики: декретъ этотъ давалъ въ руки наиболѣе смѣлымъ депутатамъ орудіе для истребленія своихъ противниковъ и устрашенія большинства. Дантонъ снова думалъ теперь съ помощью жирондистовъ образовать прочное большинство и предлагалъ вождямъ жиронды забыть прошлое, прекратить распри, соединиться, обѣщаясь дать клятву, что ради отечества будетъ защищать самаго смертельнаго своего врага, но жирондисты изъ стараго отвращенія къ нему, изъ завистливаго чувства, которое онъ внушалъ нѣкоторымъ изъ нихъ, снова его отвергли. Гюаде прямо ему объявилъ „войну—и пусть погибаетъ одна изъ партій". „Ты хочешь войны, вскричалъ Дантонъ, потрясая его руку, и ты получишь смерть!" Скоро жирондисты первые сдѣлали нападеніе, обвинивъ Дантона въ сообщничествѣ съ Дюмурье, на что Дантонъ отвѣчалъ обвиненеміемъ жирондистовъ въ стремленіи къ возстановленію монархіи и къ нарушенію единства отечества. 10 апрѣля Робеспьеръ произнесъ длинную рѣчь, въ которой уже жирондисты обвинялись въ сообщничествѣ съ Дюмурье, и около того же времени Камиллъ Демуленъ издалъ убійственный для партіи памфлетъ „Исторія бриссотинцевъ." 14 апрѣля коммуна потребовала у конвента исключенія изъ него двадцати двухъ жирондистовъ. Гюаде настоялъ на преданіи Марата революціонному суду, но судъ его оправдалъ и толпа съ тріумфомъ внесла его въ конвентъ (24 апрѣля). Дѣло дошло до того, что обѣ партіи считали нужнымъ исключить одна другую, хотя бы вопросъ долженъ былъ рѣшаться первичными собраніями. Верньо былъ, однако, противъ послѣдней мѣры, находя ее опасною для самой республики, а Дантонъ предложилъ „бриссотинцамъ" самимъ убраться и не мѣшать другимъ работать, но „бриссотинцы" этого не хотѣли, тѣмъ болѣе, что „равнина" продолжала попрежнему ихъ поддерживать и еще 16 мая выбрала Инара въ предсѣдатели собранія. Когда жирондисты воспротивились введенію maximum'а на съѣстные припасы и организовали свой комитетъ изъ 12 членовъ для возстановленія порядка, и этотъ комитетъ арестовалъ Эбера (Hébert), издателя циническаго революціоннаго листка (Pére Duchêne), коммуна, якобинскій клубъ и революціонные комитеты Парижа вошли между собою въ соглашеніе, потребовали исключенія 34 жирондистовъ (прежнихъ 22 и 12 членовъ новаго комитета) и отдачи двѣнадцати изъ нихъ подъ судъ и начали посылать въ конвентъ депутаціи (25 и слѣд. мая). Первой изъ нихъ Инаръ отвѣтилъ, что Франція не потерпитъ нарушенія правъ своихъ представителей и „отъ имени всей Франціи" объявилъ, что скорѣе будетъ уничтоженъ весь Парижъ. Монтаньяры вотировали отмѣну „комитета двѣнадцати," жирондисты добились его возстановленія, что

вызвало страшное народное возстаніе 31 мая, заставившее конвентъ уничтожить комитетъ двѣнадцати. Маратъ, коммуна, якобинскій клубъ хотѣли бо́льшаго и отдѣлились отъ Дантона, сдерживавшаго страсти. Въ ночь съ 1 на 2 іюня клубъ декретировалъ принудительный заемъ съ богатыхъ для содержанія новой революціонной арміи, а утромъ 2 іюня пришло извѣстіе о жирондистскомъ возстаніи въ Ліонѣ и избіеніи ліонскихъ якобинцевъ. Это было сигналомъ къ новому взрыву [1]), въ которомъ игралъ большую роль Маратъ. Толпа бросилась на Тюйльери, гдѣ засѣдалъ конвентъ. Анріо (Hanriot), сдѣлавшійся 31 мая начальникомъ національной гвардіи, заявилъ президенту собранія, что народъ поднялся не для того, чтобы слушать фразы, а чтобы дать приказъ о предоставленіи ему 34 виновныхъ. Во время этой сцены депутаты вели себя мужественно и отстаивали своихъ товарищей, но на конвентъ стали наводиться пушки, и когда депутаты хотѣли удалиться черезъ двери, выходившіе въ садъ, тамъ не пустилъ ихъ Маратъ. Дѣло кончилось тѣмъ, чего требовала толпа: жирондисты были исключены (между прочимъ Верньо, Гюаде, Жансонне, Бриссо, Петіонъ, Барбару, Бюзо, Ланжюине и др., всего 27 человѣкъ, а Инаръ и Фоше удалились сами). Исключенныхъ, однако, не отвели въ тюрьму, но подвергли домашнему аресту. Дантонъ и почти вся „гора" не хотѣли ихъ гибели и даже ради ихъ собственнаго блага считали нужнымъ, чтобы они устранились отъ дѣлъ. Якобинцамъ самимъ было совѣстно, что національное представительство подверглось такому оскорбленію, особенно было совѣстно такимъ людямъ, какъ Карно: торжествовали только маратисты и робеспьеристы.

Исключеніе жирондистовъ вызвало большое возстаніе въ провинціяхъ, и былъ моментъ, когда оно происходило сразу чуть не въ шестидесяти департаментахъ. Противъ конвента поднялись многіе большіе города, Бордо, Ліонъ, Марсель и др., и во многихъ мѣстахъ руководителями явились жирондисты, въ Нормандіи—Гюаде, Бюзо, Барбару и др., въ Аллье—Бриссо, въ Провансѣ Ребекки, тогда какъ Верньо, Жансонне, Фоше и др. остались въ Парижѣ. Это провинціальное движеніе якобинцы, сторонники „единой и нераздѣльной республики", обвиняли въ „федерализмѣ", въ стремленіи къ перенесенію на почву Франціи порядковъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ, въ раздробленіи отечества передъ грознымъ врагомъ. Послѣ того, какъ наиболѣе энергичные и дѣльные члены конвента уѣхали коммиссарами въ армію и въ провинціи, а жирондисты были исключены, въ конвентѣ засѣдало только 220—250 депутатовъ, но онъ продолжалъ быть для Франціи такимъ же невидимымъ для нея воплощеніемъ верхов-

[1]) См. выше (стр. 576) названное соч. Wallon'a.

ной власти, какъ и прежній абсолютный король: была война,—нація рѣшилась защищаться до послѣдней крайности, и ей нужно было сильное правительство; ей не было дѣла до лицъ, стоявшихъ у власти,—ей нужна была власть, какъ оружіе національнаго самосохраненія, и вотъ это то и придавало силу централистическимъ стремленіямъ якобинцевъ, хотя бы лично имъ самимъ Франція и не симпатизировала. По той же причинѣ „федерализмъ" не имѣлъ успѣха, и конвентъ справился съ движеніемъ. Жирондисты, къ крайнему удивленію своему, увидѣли, что вездѣ, гдѣ они являлись защищать свои принципы, они, собственно говоря, вызывали только дремавшія силы роялизма, бывшія даже готовыми на измѣну. 27 августа англичанамъ прямо предался Тулонъ. Положеніе было опасное, тѣмъ болѣе, что и коалиція переходила въ наступленіе: испанцы вторгались въ Руссильонъ, австрійцы овладѣвали Конде и Валансьеномъ, Майнцъ долженъ былъ сдаться прусакамъ. Конвентъ съ страшною энергіей организовалъ защиту страны и подавлялъ возстанія въ департаментахъ. Борьба была ожесточенная, кровавая. Тогда именно страшный Каррье разстрѣливалъ и топилъ въ рѣкѣ тысячи людей. Тогда же напр., конвентъ декретировалъ, къ счастью, не приведенное въ исполненіе разрушеніе Ліона, переименованіе его въ Commune-Affranchie и постройку на его мѣстѣ памятника съ надписью: „Ліонъ возмутился, и Ліона не стало". Тогда же Тулонъ, возвращенный отъ англичанъ искусствомъ молодого Бонапарта, былъ наказанъ и переименованъ въ Port-de-la Montagne. Въ это же время свирѣпствовали въ Вандеѣ подъ именемъ адскихъ колоннъ бывшіе солдаты майнцскаго гарнизона. Наконецъ, въ ту же эпоху границы государства стойко защищались, но многіе генералы, не хотѣвшіе вполнѣ подчиняться комитету общественнаго спасенія или имѣвшіе несчастье потерпѣть неудачу, сложили головы на плахѣ (напр., Кюстинъ въ августѣ 1793 г. или Богарне въ іюлѣ 1794 г.).

Конвентъ, былъ избранъ, однако, не для того, чтобы сдѣлаться правительствомъ Франціи и организаторомъ національной защиты: онъ долженъ былъ дать Франціи конституцію. Мы видѣли [1]), что проектъ конституціи былъ уже выработанъ жирондистами не задолго до ихъ паденія. Послѣ 31 мая въ составъ комитета общественнаго спасенія вошло пять новыхъ членовъ изъ монтаньяровъ (между ними Геро-де-Сешелль, Кутонъ и С.-Жюстъ) для передѣлки жирондистскаго проекта. Въ іюнѣ 1793 г. новый проектъ былъ представленъ въ конвентъ, принятъ имъ (24 числа) и представленъ на утвержденіе первичныхъ собраній въ департаментахъ, оставшихся вѣрными конвенту. 9 августа въ послѣднемъ былъ провозглашенъ результатъ голосованія: за новую консти-

[1]) См. выше, стр. 590 и слѣд.

туцію подано было 1.801,918 голосовъ, противъ — лишь 11,610. Это былъ первый плебисцитъ во Франціи, въ которомъ, какъ мы видимъ, участвовали далеко не всѣ граждане, да и подавляющее большинство согласныхъ еще ничего не доказываетъ, кромѣ того, что, какъ это показали послѣдующіе плебесциты, народъ утверждалъ, особенно когда были въ ходу террористическія средства, все, что ни предлагалось ему со стороны фактическихъ правителей Франціи. Въ одной изъ статей „деклараціи правъ", предшествовавшей конституціи, было сказано, что „свободные люди" должны немедленно умерщвлять всякаго, кто узурпировалъ бы верховную власть,—что санкціонировало впослѣдствіи всѣ казни, совершавшіяся надъ политическими дѣятелями,—а другая статья объявляла самымъ священнымъ правомъ и самою неуклонною обязанностью каждой фракціи народа возмущеніе (insurrection) противъ нарушенія правительствомъ правъ народа,—что въ свою очередь санкціонировало продолженіе революціоннаго движенія. Хотя въ виду обстоятельствъ времени якобинская конституція и не была примѣнена [1]), тѣмъ не менѣе заключавшіеся въ ней принципы были принципами самого революціоннаго правительства, съ его деспотизмомъ и его анархіей.

Послѣ подавленія возстаній и отраженія вражескаго нашествія (побѣды надъ англичанами при Гондшоотѣ 8 сент., надъ голландцами при Мененѣ 18 сент., надъ австрійцами при Ваттиньи 16 окт. 1793 г.(Дантонъ повелъ кампанію противъ прекращенія террора, безъ котораго, по его мнѣнію, Франція вполнѣ могла спасти свою территорію, свое единство, свою республику, и къ тому же, повидимому, склонялся и Робеспьеръ (Маратъ еще 13 іюля былъ зарѣзанъ Шарлоттою Корде). Когда (3 окт.) комитетъ общей безопасности предложилъ конвенту обвинить передъ революціоннымъ судомъ 73 жирондиста, протестовавшихъ противъ изгнанія ихъ товарищей, то Робеспьеръ за нихъ заступился, и все пока ограничилось однимъ ихъ арестомъ. Тогда другіе якобинцы стали указывать, что безъ террора нельзя будетъ ни побѣдить роялистовъ, ни обезпечить реквизиціи, ни поддержать законъ о maximum'ѣ цѣнъ на съѣстные припасы, ни дать принудительный курсъ ассигнатамъ. Можно даже сказать, что терроръ былъ усиленъ и въ послѣдніе три мѣсяца погибли подъ топоромъ гильотины Марія-Антуанета [2]), 21 жирондистъ, арестованный послѣ 31 мая (31 окт.), между ними, Верньо, Бриссо, Фоше, Жансонне и др., мужественно и благородно

---

[1]) См. выше, стр. 584.

[2]) 16 октября. Маленькій сынъ Людовика XVI („Людовикъ XVII") былъ отданъ въ обученіе мастерству, но скоро умеръ. О Маріи-Антуанетѣ большая литература. См. изъ новѣйшихъ трудовъ M. de la Rocheterie, de Nolhac, Gaulot (Un complot sous la terreur), Chaix-d'Est-Ange и др.

встрѣтившіе смерть, послѣ чего послѣдовали еще новыя казни жирондистовъ (г-жа Роланъ, которой друзья предлагали ядъ, но которая предпочла смерть на эшафотѣ, 8 ноября). Роланъ кончилъ жизнь самоубійствомъ на большой дорогѣ, не будучи болѣе въ силахъ скрываться отъ враговъ, а весною слѣдующаго года отравился и Кондорсе, будучи арестованъ врагами. Кромѣ того погибли около этого времени и послѣ того на гильотинѣ, Байльи, Барнавъ, химикъ Лавуазье („республикѣ не надо ученыхъ", сказалъ одинъ якобинецъ), поэтъ Шенье, Мальзербъ, Филиппъ Эгалитэ и др., извѣстные и выдающіеся люди.

Въ эпоху террора среди господствовавшей партіи образовалось теченіе, враждебное христіанству [1]). Въ октябрѣ 1793 г. христіанскій календарь былъ замѣненъ республиканскимъ: годы стали считаться съ 22 сентября 1792 г.; мѣсяцы получили новыя названія (вандемьеръ, брюмеръ, фримеръ—осень; нивозъ, плювіозъ, вантозъ—зима; жерминаль, флореаль, преріаль—весна; мессидоръ, термидоръ и фрюктидоръ —лѣто); недѣля была замѣнена декадой (10 дней), воскресенье—десятымъ днемъ (декади). Иниціаторомъ перемѣны былъ Роммъ. Соединившись съ Анахарсисомъ Клотцемъ [2]) и филантропомъ Пометтомъ, онъ предложилъ замѣнить католицизмъ культомъ разума, и къ этому движенію присоединился самъ епископъ парижскій Гобель, подавшій въ отставку, но еп. Грегуаръ протестовалъ противъ этого. 10 ноября въ соборѣ парижской Богоматери отпразднованъ былъ день Разума, богиню котораго изображала г-жа Майльяръ въ бѣломъ платьѣ, синемъ плащѣ и красномъ колпакѣ. Конвентскіе коммиссары распространяли новый культъ въ провинціяхъ, а парижскій общинный совѣтъ 23 ноября велѣлъ закрыть церкви города. Напрасно Робеспьеръ говорилъ и въ конвентѣ, и въ клубѣ рѣчи противъ „крайнихъ" и атеистовъ, напрасно Дантонъ возсталъ противъ „религіозныхъ маскарадовъ", устраивавшихся послѣдователями Эбера (эбертистами),—эти явленія продолжались. Дантонъ, отнявшій у общинъ право созывать революціонные комитеты и утвердившій въ департаментахъ власть конвентскихъ коммиссаровъ, или „національныхъ агентовъ", сблизился-было тогда съ Робеспьеромъ, и тотъ его даже защищалъ въ якобинскомъ клубѣ, гдѣ противъ Дантона было большое негодованіе. Робеспьеръ добился даже того, что католи-

---

[1]) См., кромѣ сочиненій, указанныхъ выше (стр. 516) по исторіи церкви въ эпоху революціи, особенно тѣ томы „Études sur l'histoire de l'humanité" Лорана (см. выше, стр. 9), которые посвящены революціи. О религіозныхъ преслѣдованіяхъ въ эпоху революціи см. новыя сочиненія Bauzon'a, Rabaud и др. Недавно (1892) неутомимый изслѣдователь французской революціи Aulard издалъ изслѣдованіе подъ заглавіемъ: „Le culte de la Raison et le culte de l'Être Suprême".

[2]) См. выше, стр. 514.

ческій культъ все-таки не прекращался, и за главу якобинцевъ даже молились въ соборѣ парижской Богоматери. Въ декабрѣ снова поднялся вопросъ о прекращеніи террора, за которое начинали высказываться весьма многіе якобинцы, особенно послѣ новыхъ военныхъ успѣховъ на границѣ. Робеспьеръ, однако, боялся прекратить терроръ, боялся именно перехода вліянія въ клубѣ къ болѣе крайнимъ или торжества надъ собою болѣе умѣренныхъ. Политику милосердія вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ проповѣдовать Камиллъ Демуленъ въ своемъ журналѣ „Vieux Cordelier", напавъ между прочимъ и на Эбера, который съ своей стороны обвинялъ Демулена, и на Робеспьера, полагалъ что тутъ за Демуленомъ скрывается самъ Дантонъ. Въ это время произошло раздѣленіе между эбертистами, стоявшими за терроръ, и дантонистами, проповѣдовавшими милосердіе: Робеспьеръ, не желавшій побѣды надъ собою ни крайнихъ, ни „снисходительныхъ", свою точку зрѣнія обозначалъ словомъ „правосудіе", но на дѣлѣ онъ могъ удерживаться у власти только терроризируя своихъ противниковъ. Якобинизмъ при этомъ все болѣе и болѣе превращался въ какое-то сектанство, въ которомъ Робеспьеръ игралъ роль непогрѣшимаго пророка: для узкихъ, недалекихъ, нетерпимыхъ сектантовъ сами монтаньяры, не раздѣлявшіе ихъ доктрины, казались подозрительными, въ то же время раздражая ихъ тщеславное самолюбіе своимъ умственнымъ превосходствомъ, превосходствомъ такихъ талантовъ, какими обладали Дантонъ и Карно или даже Демуленъ. Но Робеспьеръ, „неподкупный" и добродѣтельный, какъ его называли поклонники, всегда желавшій дѣйствовать легальнымъ путемъ, т. е. посредствомъ конвента, членовъ коего онъ только убѣждалъ, не прибѣгая къ насилію,—рѣшился отдѣлаться отъ соперниковъ посредствомъ конвента же: 5 февраля 1794 онъ прочиталъ въ собраніи докладъ, гдѣ говорилось объ опасностяхъ для республики отъ двухъ партій, изъ коихъ одна проповѣдуетъ ослабленіе энергіи, другая—разныя крайности, и въ сущности предлагалось продолженіе террора. Главными сотрудниками Робеспьера въ новой борьбѣ, которую онъ затѣялъ, были Кутонъ и С. Жюстъ. Они говорили, что общество должно быть очищено, что кто этому мѣшаетъ, тотъ развращаетъ общество, а кто развращаетъ, тотъ хочетъ его разрушить. Эбертисты въ мартѣ были арестованы, обвинены въ сношеніяхъ съ роялистами и иностранцами (между прочимъ съ „ораторомъ человѣческаго рода" Анахарсисомъ Клотцемъ, который желалъ присоединенія къ Франціи лѣваго берега Рейна и проповѣдовалъ всемірную республику), преданы революціонному суду и казнены (24 марта). За „крайними" насталъ чередъ „умѣренныхъ", или снисходительныхъ. Когда Дантона извѣстили о томъ, что его арестуютъ, онъ сказалъ что, ужъ лучше быть гильотинированнымъ, чѣмъ гильотинеромъ, и не подумалъ спасаться бѣгствомъ, такъ какъ „нельзя же, сказалъ

онъ, унести отечество на подошвахъ своихъ башмаковъ". 31 марта были арестованы, кромѣ него Камиллъ Демуленъ и др. его сторонники и преданы суду съ нѣсколькими ворами и иностранцами. На судѣ Дантонъ сказалъ, что онъ зовется Дантономъ, что ему 35 лѣтъ отъ роду, что жительство его завтра будетъ въ „ничто", а имя останется въ пантеонѣ исторіи. Судьи были смущены такимъ важнымъ подсудимымъ, и между двумя произошелъ въ сторонкѣ такой разговоръ: „это,—сказалъ одинъ,—не процессъ, а необходимая мѣра. Вдвоемъ они невозможны, и нужно, чтобы одинъ погибъ. Хочешь убить Робеспьера?"—Нѣтъ, отвѣчалъ другой.—„Ну, такъ уже тѣмъ самымъ ты хочешь приговорить Дантона". Дантонъ мужественно держалъ себя на эшафотѣ и просилъ палача показать народу свою голову; „она этого стоитъ", прибавилъ онъ къ своей просьбѣ. Съ нимъ погибъ (5 апр.) Демуленъ, сказавшій на эшафотѣ: „вотъ награда первому апостолу свободы". Въ слѣдующіе дни были казнены Шометъ, апостолъ культа разума, Гобель, бывшій епископъ Парижскій и др.

Робеспьеръ съ преданными ему Кутономъ и С. Жюстомъ былъ теперь господиномъ положенія: наступало время его личной диктатуры. Одной изъ первыхъ его мѣръ было введеніе „культа Верховнаго Существа" по мысли „гражданской религіи" Руссо [1]). 7 мая Робеспьеръ произнесъ въ конвентѣ длинную рѣчь противъ атеизма и фанатизма и предложилъ декретировать, что „французскій народъ признаетъ бытіе Верховнаго Существа и безсмертіе души". 8-го іюня былъ устроенъ и праздникъ въ честь Верховнаго Существа, на которомъ Робеспьеръ разыгрывалъ роль первосвященника. Между тѣмъ у Робеспьера было много враговъ; даже въ комитетѣ общественнаго спасенія за него были лишь Кутонъ и С. Жюстъ, и его единовластіе становилось возможнымъ, лишь благодаря новымъ и новымъ казнямъ и арестамъ. Враги не дремали и распространяли о Робеспьерѣ всякіе слухи, какіе только ему вредили, поводы къ чему всегда были подъ рукой (напр., одна сумасшедшая старуха Екатерина Тео называла себя богородицей, Робеспьера—своимъ сыномъ и пророчила близкое пришествіе Спасителя и т. п.). Между монтаньярами было распространено убѣжденіе, что у него были совсѣмъ готовые списки новыхъ проскрипцій. 8 термидора (26 іюля) онъ произнесъ въ конвентѣ (и повторилъ вечеромъ въ якобинскомъ клубѣ) рѣчь съ неопредѣленными обвиненіями, которыя каждый могъ принять на свой счетъ. Члены конвента у него потребовали назвать имена, но онъ промолчалъ; въ клубѣ же было сильное раздраженіе противъ конвента, и наиболѣе горячія головы непрочь были повторить 31-ое мая. На другой день Робеспьеру не давали

[1]) См. выше, стр. 208—209.

уже говорить въ конвентѣ, кричали: „долой тиранна", требовали его ареста вмѣстѣ съ братомъ, съ Кутономъ, С. Жюстомъ и еще однимъ его сторонникомъ (Леба). За Робеспьера заступился-было общинный совѣтъ,—на конвентъ Анріо наводилъ уже пушки,—но собраніе не тронулось съ мѣста, да и парижскія секціи не поддержали движенія противъ конвента. Вечеромъ, однако, нѣсколько якобинцевъ освободило Робеспьера, привели его въ ратушу, и тутъ его сторонники организовали новый исполнительный комитетъ, объявившій повелѣніе „всѣмъ гражданамъ во имя спасенія народа не признавать иныхъ властей, кромѣ него". Конвентъ, засѣдавшій всю ночь, съ своей стороны объявилъ внѣ закона пятерыхъ депутатовъ и всѣхъ ихъ сторонниковъ и послалъ ихъ арестовать вновь. Кутонъ и С. Жюстъ не сопротивлялись, братъ Робеспьера выбросился въ окно, Леба застрѣлился, у самого Робеспьера выстрѣломъ изъ пистолета была раздроблена челюсть: говорили, будто онъ самъ выстрѣлилъ въ себя, но по другому извѣстію, онъ былъ раненъ однимъ жандармомъ. 10 термидора арестованные и еще нѣсколько человѣкъ были гильотинированы, на другой день—еще семьдесятъ, на третій—тринадцать.

Такъ сходили съ революціонной сцены одни за другими жирондисты, эбертисты, дантонисты, наконецъ робеспьеристы. Съ паденіемъ Робеспьера терроръ, поддерживавшійся послѣднее время взаимнымъ недовѣріемъ и соперничествомъ вождей, окончился, начиналась уже реакція, но смуты все еще продолжались.

XLI. Законодательство конвента [1]).

Законодательство конвента.—Жирондистская и якобинская деклараціи правъ.—Конституція 1793 г.—Правленіе конвента.—Термидоріанскій режимъ.—Смуты 1795 года.—Послѣдніе мѣсяцы конвента.—Конституція III года.—Церковь и государство при конвентѣ.—Общественная свобода при конвентѣ.—Дѣловые люди въ конвентѣ и результаты ихъ трудовъ.—Противоположеніе между политическимъ и соціальнымъ періодами революціи.—Предполагаемый соціализмъ конвента.—Вопросъ о правѣ частной собственности.—Право на трудъ.—Національныя имущества и общинныя земли при конвентѣ.

Съ начала революціи до перелома въ ея исторіи, обозначаемаго именемъ 9-го термидора, прошло пять лѣтъ. Старый порядокъ палъ, но не такъ легко было установиться новому. Основаніе ему было положено учредительнымъ собраніемъ, и дѣло, имъ сдѣланное, однако, не удержалось: конвентъ сталъ передѣлывать то, что было выработано учре-

---

[1]) См. сочиненія, указанныя въ главѣ XXXVI, а кромѣ того, на стр. 576 и 582.

дительнымъ собраніемъ, и расходясь (26 октября 1795 г.), объявилъ что исполнилъ свою задачу, и задача же эта, какъ мы знаемъ, состояла въ томъ, чтобыдать Франціи республиканскую организацію. Разсмотримъ теперь, что оставилъ конвентъ своимъ преемникамъ.

Мы видѣли раньше, что въ 1793 г. сначала жирондисты, потомъ якобинцы составили для Франціи республиканскія конституціи, и что якобинская была принята народомъ, но не приводилась никогда въ исполненіе [1]). Якобинцы исходили въ своей конституціи изъ тѣхъ же общихъ основаній, что и жирондисты, какъ это можно видѣть уже изъ сравненія жирондистской „деклараціи естественныхъ, гражданскихъ и политическихъ правъ человѣка“ съ деклараціей якобинской. Въ *общемъ впрочемъ, послѣднія мало чѣмъ отличаются и отъ деклараціи 1791 г.*, съ болѣе сильнымъ только заявленіемъ о верховенствѣ націи (напр., на неограниченный пересмотръ конституціи) и о правѣ сопротивленія, даже о правѣ возмущенія, о коемъ говоритъ декларація 1793 г., и съ нѣкоторыми прибавленіями, изъ коихъ отмѣтимъ два: статья 23 жирондистскаго проекта провозглашаетъ, „что образованіе есть общая потребность и что общество должно давать его всѣмъ своимъ членамъ,“ а статья 24 гласитъ, что „общественная помощь есть священный долгъ общества“, въ силу чего „законъ долженъ опредѣлить ея размѣръ и способъ примѣненія“ и обѣ эти статьи приняты были въ якобинскую декларацію въ такой формѣ: „Общественная помощь есть священный долгъ. Общество обязано давать средства къ существованію несчастнымъ гражданамъ чрезъ доставленіе имъ работы, или обезпечивая ихъ пропитаніе, если они не въ состояніи работать (ст. 21). Образованіе есть общая потребность. Общество всею своею властью должно содѣйствовать успѣхамъ общественнаго разума (favoriser de tout son pouvoir les progrés de la raison publique) и сдѣлать образованіе доступнымъ всѣмъ гражданамъ“ (ст. 22). Такимъ образомъ обѣ деклараціи 1793 г. возлагаютъ на государство такія задачи, какихъ не знала декларація 1791 г., но одну изъ которыхъ мы находимъ, напр., въ философскомъ Allgemeines Landrecht Фридриха II [2]). Не нужно, однако, думать, что впервые только конвентъ поставилъ во Франціи вопросъ о правѣ на трудъ [3]). Между прочимъ, статья 21 якобинской деклараціи давала иногда поводъ говорить также о соціализмѣ и чуть не коммунизмѣ якобинцевъ, въ противоположность къ индивидуалистамъ-жирондистамъ, но дѣло въ томъ, что совершенно такая же статья была и въ жирондистскомъ проектѣ. Мало

---

[1]) См. выше, стр. 609—610.

[2]) См. выше, стр. 332.

[3]) См. ниже объ этомъ подробнѣе.

того: и одни, и другіе, подобно авторамъ деклараціи 1791 г., включаютъ въ число естественныхъ правъ и собственность (ст. 1 у жир., ст. 2 у як.), и якобинская декларація не менѣе жирондистской, равно какъ и деклараціи 1791 г. обезпечиваетъ полное право собственности. „Право собственности, сказано въ деклараціи 1793 г., есть право каждаго гражданина пользоваться и располагать по собственному усмотрѣнію (a son gré) своими доходами, плодами своихъ трудовъ и своихъ занятій (ст. 16). Никто не можетъ быть лишаемъ ни малѣйшей части своего имущества безъ собственнаго на то согласія, кромѣ случаевъ, когда того требуетъ общественная надобность, легально установленная, и подъ условіемъ справедливаго предварительнаго вознагражденія (ст. 17)“ [1]). Такимъ образомъ *конституція 1793 г. не измѣняла ни въ чемъ того соціальнаго строя, который очерченъ статьями первой деклараціи правъ*. Статья 18 якобинской деклараціи прямо признаетъ существованіе законнаго отношенія между наемщикомъ и наймитомъ. Бо̀льшій демократизмъ конституціи 1793 г. былъ чисто политическій, ибо выборы были сдѣланы прямыми, т.-е. первичныя собранія непосредственно должны были выбирать представителей (одного на 40 т. жителей), причемъ цензъ былъ отмѣненъ и предѣльный возрастъ избирателей былъ пониженъ съ 25 лѣтъ на 21 годъ, а кромѣ того, въ конституцію вводился и принципъ непосредственнаго народовластія. Мы знаемъ уже какъ думали жирондисты сочетать послѣднее съ представительствомъ, но ихъ система была крайне непрактична, даже неосуществима [2]). Якобинцы, стремясь къ той же цѣли, показали бо́льшую способность принимать въ расчетъ реальныя условія осуществленія идеи. Конституція 1793 г. въ принципѣ также объявляла непосредственный суверенитетъ народа: „верховный народъ есть совокупность (universalité) французскихъ гражданъ“ (ст. 7), и ему принадлежитъ право законодательныхъ рѣшеній (ст. 10). Но рядомъ съ суверннымъ народомъ признается существованіе представительнаго учрежденія—законодательнаго корпуса, единаго, нераздѣльнаго и непрерывнаго (ст. 39), выбираемаго на годъ (ст. 40) съ правомъ издавать декреты и предлагать (proposer) законы (ст. 53). Проекты законовъ, принятые законодательнымъ корпусомъ, должны были печататься и разсылаться во всѣ общины республики (ст. 58): если въ теченіе сорока дней одна десятая часть первичныхъ собраній въ половинѣ общаго числа департаментовъ *плюсъ* одинъ департаментъ не опротестуетъ, проектъ дѣлается закономъ (ст. 59), и лишь въ противномъ

---

[1]) Мы еще вернемся къ предметамъ, разсматриваемымъ въ этихъ статьяхъ.

[2]) См. выше, стр. 591—592.

случаѣ созываются первичныя собранія (ст. 60), причемъ народъ могъ вотировать только *да* или *нѣтъ* (ст. 19). Такая система, по которой иниціатива законовъ принадлежала исключительно представительству, а народу давалось нѣчто въ родѣ *veto*, была осуществимѣе проекта жирондистовъ. Что касается до исполнительной власти, то конституція 1793 г. вручала ее исполнительному комитету изъ двадцати четырехъ членовъ ,назначаемыхъ законодательнымъ корпусомъ изъ лицъ, представленныхъ департаментскими собраніями. Наконецъ десятая часть первичныхъ собраній, въ половинѣ общаго числа департаментовъ *плюсъ* одинъ, въ каждый моментъ могла бы потребовать пересмотра конституціи (ст. 115). Въ общемъ эта наиболѣе демократическая изъ всѣхъ французскихъ конституцій ослабляла и законодательную, и исполнительную власти, выбиравшіяся лишь на одинъ годъ. Понятно, что сами творцы конституціи издавали ее при тѣхъ обстоятельствахъ, какія тогда переживала Франція, преимущественно лишь въ угоду общественному мнѣнію, но не могли ее приложить къ дѣлу. Административная система конституціей 1793 г. сохранялась та же, что была установлена конституантой [1]), т.-е. оставлялась полнѣйшая децентрализація, какая, дѣйствительно, могла бы повести къ федерализму, въ которомъ обвинялись жирондисты [2]). Замѣтимъ еще, что въ конституціи 1793 г. были статьи (118—121), касавшіяся и международныхъ отношеній: „французскій народъ—другъ и естественный союзникъ свободныхъ народовъ; онъ не вмѣшивается въ дѣла правленія другихъ націй [3]) и не терпитъ, чтобы другія націи вмѣшивались въ его собственныя дѣла; онъ даетъ убѣжище иностранцамъ, изгнаннымъ изъ отечества за дѣло свободы, но отказываетъ въ убѣжищѣ тираннамъ; онъ не заключаетъ мира съ непріятелемъ, занимающимъ его территорію".

Вмѣсто какой-либо конституціи за все время конвента (1792—1795) во Франціи существовала диктатура, какъ на дѣлѣ существовала и диктатура конституанты (1789—1791), пока вырабатывалась конституція 1791 г. Дѣйствительно, *власть конвента была столь же неограниченна, какъ и власть абсолютныхъ монарховъ* [4]). Собственно правительственная власть была въ рукахъ разныхъ комитетовъ, изъ коихъ наиболѣе важную роль играли комитетъ общественнаго спасенія и комитетъ общей безопасности (c. du salut public., c. de la sûreté générale): первый, въ составъ коего въ разное время входили между прочимъ С. Жюстъ, Кутонъ, Робеспьеръ,—причемъ въ концѣ

---

[1]) См. выше, стр. 530 и слѣд. и 537 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 608.

[3]) Какъ часто и много эта статья нарушалась впослѣдствіи!

[4]) См. объ этомъ и о послѣдующемъ въ предыдущей главѣ.

составъ его не обновлялся, пользовался исполнительною властью, а второй имѣлъ право предавать революцiонному суду. Подъ начальствомъ комитета общественнаго спасенія находились коммиссіи (числомъ 12), замѣнившія собою по декрету 12 жерминаля II года (1 апрѣля 1794 г.) министровъ, какъ „учрежденіе монархическое“. На практикѣ, далѣе, и муниципальныя, и департаментскія власти, выходившія изъ народнаго выбора, должны были подчиниться установленнымъ въ каждой общинѣ комитетамъ надзора (21 марта 1793 г.) и національнымъ агентамъ или конвентскимъ коммиссарамъ (représentants en mission), распоряжавшимся революціонной арміей и революціоннымъ судомъ, послѣдній же дѣйствовалъ безъ какихъ бы то ни было гарантій для подсудимыхъ, хотя бы даже они были и депутаты. Между тѣмъ на словахъ якобинцы продолжали исповѣдовать либеральные принципы 1789 г., оправдываясь лишь тѣмъ, что революціонное правленіе было нужно только на время войны. Въ спеціальныхъ декретахъ о временномъ правительствѣ мы читаемъ: „временное правительство Франціи есть революціонное до заключенія мира“, и всѣ власти „поставлены подъ надзоръ комитета общественнаго спасенія, который будетъ каждую недѣлю давать отчетъ конвенту“, и „революціонные законы должны исполняться быстро“ (декр. 10 окт. 1793 г.). „Національный конвентъ есть единственный центръ, приводящій въ движеніе правительство“, сказано также въ декретѣ 4 декабря 1793 г., установившемъ всю организацію диктатуры и предписавшемъ „очистить“ всѣ установленныя власти. Какъ бы тамъ ни было, однако, *якобинское правленіе и якобинская конституція находились въ самомъ рѣзкомъ между собою противорѣчіи.*

Паденіе Робеспьера, С. Жюста и Кутона, въ коемъ главную роль игралъ другой тріумвиратъ въ комитетѣ общественнаго спасенія (Колло, Билло и Барерь) сдѣлалось поворотнымъ пунктомъ въ исторіи террора [1]). Въ оба комитета и въ революціонный судъ были назначены новые члены, и были возстановлены личныя гарантіи на судѣ самомъ. Въ конвентѣ произошла реорганизація прежнихъ партій: рядомъ съ монтаньярами, какъ ихъ противники, стали теперь „термидоріанцы“, сблизившіеся съ умѣренными, но между новыми партійными комбинаціями продолжалась прежняя борьба съ прежними поползновеніями къ захвату власти. Термидоріанцы, хотя и говорившіе о продолженіи революціоннаго режима и даже устроившіе перенесеніе въ Пантеонъ праха Марата и Руссо, вели подкопъ подъ клубы и подъ предлогомъ безпорядковъ даже закрыли въ ночь съ 11 на 12 ноября 1794 г. якобинскій клубъ. Вскорѣ (8 дек.) въ конвентъ были возвращены 73 жи-

---

[1]) Литературу см. ниже.

рондиста, исключенные за свой протестъ противъ „31 мая“, что еще болѣе усилило умѣренную партію, въ которой начиналъ вскорѣ играть роль Сіэсъ. Ужасный Каррье, обвиненный въ страшныхъ злодѣяніяхъ во время террора и оправдывавшійся тѣмъ, что вѣдь „всѣ же были одинаково виноваты“, былъ преданъ (498 голосовъ изъ 500) суду и казненъ. Начались преслѣдованіи и противъ другихъ лицъ, хотя общій характеръ новаго режима долженъ былъ заключаться въ амнистіи: даже декреты объ изгнаніи дворянъ и неприсяжныхъ священниковъ были взяты назадъ. Въ 1795 г. реакція усилилась еще болѣе. Въ февралѣ бюстъ Марата былъ вынесенъ изъ залы засѣданій, а въ мартѣ возвращены были въ конвентъ изъ объявленныхъ „внѣ закона“ жирондистовъ двадцать два депутата (между ними Инаръ и Ланжюине).

Парижъ, однако, все еще продолжалъ волноваться. 12 жерминаля (1 апр.1795 г.) на конвентъ сдѣлано было нападеніе парижскаго пролетаріата, просившаго „хлѣба и конституціи 1793 г.“, что дало только поводъ большинству конвента арестовать и даже казнить нѣкоторыхъ монтаньяровъ, реорганизовать національную гвардію и потомъ обезоружить предмѣстья. 1 преріаля (20 мая) произошло еще одно нападеніе на конвентъ народной толпы, убившей же одного изъ депутатовъ: это было снова „возстаніе народа для полученія хлѣба и возвращенія своихъ правъ“. Въ собраніи произошелъ переполохъ, и ворвавшіеся въ залу инсургенты заняли мѣста депутатовъ и вмѣстѣ съ монтаньярами декретировали возстановленіе революціонныхъ мѣръ, но когда большая часть народа къ ночи удалилась, а остальныхъ разогнала національная гвардія, только что декретированное народомъ было снова отмѣнено, и монтаньяры, виновные въ сообщничествѣ съ инсургентами, были преданы суду. Въ слѣдующіе дни въ Парижъ были введены войска, совершено было до 10 тысячъ арестовъ, многіе затѣмъ судились военнымъ судомъ и были разстрѣлены, да кромѣ того снова погибло еще нѣсколько человѣкъ изъ конвента, такъ называемые „послѣдніе монтаньяры“ [1]). *„Преріалъ“ III года нанесъ послѣдній ударъ революціонному движенію въ лицѣ санкюлотовъ и „послѣднихъ монтаньяровъ“, потерпѣвшихъ пораженіе отъ термидоріанцевъ.* Въ то же самое время начались кое-гдѣ роялистическія возстанія, нерѣдко прикрывавшіяся, впрочемъ, знаменемъ жирондистовъ и дѣйствовавшія террористическими средствами противъ „патріотовъ“: на югѣ Франціи [2]) это движеніе приняло даже довольно значительные размѣры, да и вандейцы не были еще усмирены. Опять конвенту приходилось поэтому принимать чрезвычайныя мѣры.

Но время революціоннаго правительства приближалось къ концу.

---

[1]) Claretie. Les derniers montagnards.

[2]) Здѣсь движеніе это было сильно.

22 августа 1795 г. конвентъ принялъ новую конституцію, которая получила названіе конституціи (5 фрюктидора) III года, и постановилъ, чтобы въ новыя законодательныя собранія („совѣтъ пятисотъ" и „совѣтъ старѣйшинъ") двѣ трети членовъ были избраны изъ членовъ конвента, т.-е. въ данномъ случаѣ была принята мѣра, діаметрально противоположная самоисключенію членовъ конституанты [1]). И конституція, и декретъ о двухъ третяхъ были приняты въ первичныхъ собраніяхъ—первый милліономъ голосовъ противъ 50 т., второй 168 т. противъ 95 т. [2]). Роялисты, поднимавшіе въ это время голову повсюду, рѣшились въ самомъ Парижѣ поднять возстаніе послѣ того, какъ въ силу упомянутаго закона потеряли надежду получить перевѣсъ на выборахъ и легальнымъ путемъ возстановить монархію [3]). 13 вандемьера (5 окт. 1795 г.) роялисты возмутили противъ конвента нѣсколько секцій Парижа и сдѣлали на него нападеніе, имѣя въ распоряженіи около 30 тысячъ человѣкъ, которыхъ и двинули на Тюйльери. Конвентъ былъ спасенъ, благодаря только военной силѣ, и особенно вслѣдствіе распорядительности артиллерійскаго офицера Бонапарта, встрѣтившаго нападавшихъ картечью. Одержавъ побѣду надъ этимъ возстаніемъ конвентъ, въ качествѣ „національнаго избирательнаго собранія", назначилъ (по закону о двухъ третяхъ) членовъ въ новыя законодательныя учрежденія, а когда оба совѣта („пятисотъ" и „старѣйшинъ"), полагавшіеся по конституціи III года, окончательно сформировались (17 окт.), то выбрали уже сами пять директоровъ, коимъ вручалась исполнительная власть: это были Ларевельеръ-Лепо, Ревбель, Летурнеръ, Баррасъ и Карно, всѣ республиканцы, вотировавшіе казнь короля. Уступая 26 октября свое мѣсто новымъ властямъ, конвентъ декретировалъ уничтоженіе смертной казни послѣ общаго умиротворенія и общую амнистію, изъ которой были исключены лишь эмигранты, неприсяжные священники, поддѣлыватели ассигнатовъ и вандемьерскіе инсургенты. На другой день (27 октября) Тюйльерійскій дворецъ былъ занятъ комитетами „пятисотъ" и „старѣйшинъ", а Люксембургскій—директорами, послѣ чего конституція III года вступила въ дѣйствіе. Ею Франція управлялась четыре года: революціонная диктатура уступила теперь мѣсто конституціонной республикѣ.

Со времени принятія конвентомъ конституціи 1793 г. до введенія имъ конституціи III года прошло болѣе двухъ лѣтъ, въ теченіе коихъ

---

[1]) См. выше, стр. 513.

[2]) Нужно обратить вниманіе на малое число голосовъ. Ср. стр. 561.

[3]) Замѣтимъ, что когда умеръ (8 іюня 1795) дофинъ, сынъ Людовика XVI, европейская коалиція признала королемъ Франціи гр. Прованскаго, подъ именемъ Людовика XVIII.

терроръ успѣлъ достигнуть своего апогея и затѣмъ успѣла уже обнаружиться и реакція. Все это сказалось на томъ глубокомъ различіи, которое существуетъ между двумя республиканскими конституціями, бывшими дѣломъ одного и того же конвента: крайніе демократы, какими были жирондисты и якобинцы, сошедшіе къ 1795 году со сцены, *уступили теперь мѣсто болѣе умѣреннымъ элементамъ или такимъ, которые подъ вліяніемъ событій послѣдняго времени отказались отъ многаго изъ того, что защищали сами же прежде.* Дѣйствительно новое настроеніе отразилось на декдараціи, предпосланной конституціи: во-первыхъ, изъ правъ было исключено право сопротивленія, а во-вторыхъ въ декларацію, кромѣ правъ (22 статьи), включены были и обязанности (9 статей). Естественными правами объявлялись по прежнему свобода, равенство, безопасность и собственность (ст. 1—5), причемъ личная неприкосновенность обезпечивалась цѣлымъ рядомъ спеціальныхъ статей. Законъ по прежнему опредѣлялся, какъ выраженіе общей воли (ст. 6), а верховная власть, какъ заключающаяся въ совокупности гражданъ (ст. 17), но съ прибавкою, что частныя соединенія гражданъ не имѣютъ права присвоивать себѣ верховной власти и что „никто безъ законной делегаціи не можетъ пользоваться какою-либо властью или исполнятъ какую-либо общественную должность“ (ст. 18—19). Наконецъ, раздѣленіе властей и отвѣтственность агентовъ власти называются необходимыми условіями общественной гарантіи (ст. 22). Изложеніе обязанностей гражданина имѣетъ характеръ преимущественно моральный: особенно, впрочемъ, выдвигается впередъ требованіе подчиненія законамъ и законнымъ властямъ (ст. 3, 5, 6 и 9) и требованіе поддержанія (maintien) собственности, какъ основы всего общественнаго порядка (ст. 8).

Изъ декларацін правъ III года выпущено было право сопротивленія, ибо составители не хотѣли дѣлать изъ новой декларацін „арсеналъ для бунтовщиковъ“. Вообще опытъ прошлаго сильно дѣйствовалъ на составителей конституціи. Буасси д'Англа, докладывавшій проектъ новаго государственнаго строя, ссылался прямо не только на чужой историческій опытъ, но и на свой французскій, и между прочимъ особенно онъ *настаивалъ на опасности одного собранія* безъ плотины, которая его сдерживала бы, т.-е. безъ раздѣленія собранія на двѣ палаты, дабы одна, подлежа контролю другой, была осмотрительнѣе въ своихъ рѣшеніяхъ, а другая могла предупреждать ошибки первой: „всѣ власти, прибавлялъ къ этому докладчикъ, происходятъ отъ народа, но такъ какъ онъ не можетъ самъ ими пользоваться, ему нужно делегировать ихъ такимъ образомъ, чтобы ни одна власть не могла его угнетать“. Это было прямо возвращеніемъ къ теоріи Монтескье [1]). Мы уже говорили [2]), что

[1]) См. выше, стр. 184 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 541—542.

вопросъ о двухпалатной системѣ представительства ставился въ конституантѣ, но верхняя палата была отвергнута даже Мирабо, думавшимъ, что достаточно будетъ королевскаго „veto" противъ злоупотребленій властью со стороны собранія. То, чего, однако, опасался Мирабо, случилось: единое собраніе (конвентъ) сдѣлалось, дѣйствительно, деспотическимъ [1]), и вотъ составители конституціи III года во избѣжаніе повторенія тиранніи со стороны національнаго представительства нашли нужнымъ раздѣлить его на двѣ палаты или „совѣта"—совѣтъ пятисотъ (Conseil des Cinq-Cents) и совѣтъ старѣйшинъ (Conseil des anciens) изъ 250 членовъ: первый „предлагалъ" законы, второй ихъ „одобрялъ". Этой конституціей, далѣе, исполнительная власть поручалась пяти директорамъ, составлявшимъ директорію (directoire), и ея составъ обновлялся ежегодно выходомъ (по жребію) одного изъ ея членовъ и замѣщеніемъ вакансіи совѣтомъ старѣйшинъ по списку десяти кандитатовъ, представлявшемуся совѣтомъ пятисотъ. Директорія назначала министровъ, посланниковъ, генераловъ и всѣхъ чиновниковъ, которые не были выборными. Раздѣленіе властей было полное: депутаты не могли быть министрами; директорія не имѣла ни малѣйшаго участія въ законодательствѣ; какъ директорія не имѣла права распустить или отсрочить совѣты, такъ и послѣдніе не были въ правѣ низложить директоровъ. Въ этомъ былъ большой недостатокъ: двѣ власти ставились рядомъ, но безъ всякой связи между собою, а въ случаѣ ихъ столкновенія не существовало средства разрѣшить кризисъ (напр., роспускомъ совѣтовъ и обращеніемъ къ націи или выходомъ въ отставку министровъ), что впослѣдствіи повело къ ряду государственныхъ переворотовъ [2]). Мало того, раздѣленіе исполнительной власти между пятью директорами вело къ конфликтамъ и между ними, выходомъ изъ коихъ опять являлось простое правонарушеніе. *Все это дѣлало конституцію III года весьма неустойчивою*, и низверженіе ея Наполеономъ Бонапартомъ было лишь завершеніемъ тѣхъ ея нарушеній, которыя начаты были самими конституціонными властями (да и въ заговорѣ Бонапарта участвовали два директора). Въ принципѣ конституція III удерживала, наконецъ, всеобщую подачу голосовъ на выборахъ, но возвращалась къ двухстепенной системѣ выборовъ 1791 г. [3]). Что касается до администраціи, то въ конституціи III замѣтно уже нѣкоторое стремленіе подчинить мѣстныя власти центральному правительству, что выразилось въ правѣ послѣдняго временно отрѣшать отъ должности или

---

[1]) См. слова Мирабо на стр. 506.

[2]) 18 фрюктидора и 22 флореаля противъ совѣтовъ и 30 преріаля противъ директоріи, о чемъ въ слѣдующей главѣ.

[3]) См. выше, стр. 528.

смѣщать эти власти (выборныя департаментскія и муниципальныя директоріи) и въ назначеніи при нихъ правительственныхъ коммиссаровъ въ роли контролеровъ, наблюдающихъ за исполненіемъ законовъ.

Мы знаемъ, что конвентъ весьма строго преслѣдовалъ неконституціонныхъ духовныхъ (декретъ 12 жерминаля казнилъ смертью всякаго, кто принялъ бы неприсяжнаго священника); что одно время отмѣнялось декретомъ конвента само христіанство, а другимъ вводился культъ Верховнаго Существа; что церкви запирались по приказанію муниципалитетовъ и запрещался всякій культъ, кромѣ гражданскаго (т.-е. кромѣ католическаго, протестантскій и еврейскій). Робеспьеръ старался отмѣнить антирелигіозный терроръ, исходившій не столько отъ конвента, сколько отъ муниципальныхъ властей, хотя конвентъ и провозгласилъ свободу культовъ. Въ сентябрѣ 1794 г. конвентъ объявилъ, что республика не оплачиваетъ никакихъ служителей религіи. Декретъ 21 февраля 1795 г. запрещалъ нарушать свободу культовъ, но запрещалъ и всякія внѣшнія ихъ оказательства (процессіи на улицахъ, колокольный звонъ, внѣшніе знаки на зданіяхъ, особый духовный костюмъ). Декретъ 30 мая возвратилъ церкви ея зданія, которыя не были еще отчуждены, но декретъ 29 сентября 1795 подтвердилъ еще разъ запрещеніе внѣшнихъ знаковъ. Такъ какъ декретъ 21 февраля 1795 г. не дѣлалъ никакого различія между присяжными и неприсяжными священниками, то въ разныхъ мѣстахъ онъ толковался разнымъ образомъ, да и самъ конвентъ въ 1795 г. то возобновлялъ, то ослаблялъ прежнія мѣры (напр., согласившись въ маѣ на то, чтобы священники давали только простое обѣщаніе подчиняться законамъ). Въ это время образовалось во Франціи два культа—присяжный и неприсяжный, но правительство, относясь довольно терпимо ко второму, не оплачивало и перваго и вмѣстѣ съ тѣмъ и ему не позволяло внѣшняго проявленія. Въ самомъ присяжномъ духовенствѣ возникъ также расколъ: нѣкоторые епископы женились и дозволили бракъ своимъ подчиненнымъ, тогда какъ другіе были противъ этого. Во всякомъ случаѣ *съ паденіемъ террора свобода совѣсти снова стала вступать въ свои нарушенныя права.*

Въ эпоху террора не могло быть также ни свободы собраній и сходокъ, ни свободы печати, если только дѣло не касалось клубовъ, сборищъ и изданій самихъ якобинцевъ. Роялистическіе или даже умѣренно-республиканскіе клубы и сходки разгонялись, подобно тому, какъ послѣ 9 термидора началась репрессія противъ якобинцевъ, и дѣло дошло до закрытія ихъ клуба. Законъ 25 вандемьера III года (16 окт. 1795 г.) даже прямо запрещалъ какія бы то ни было сношенія между отдѣльными обществами, какъ нѣчто антиправительственное (subversives du gouvernement) и противное единству республики. Свободы прессы вообще не существовало съ 10 августа 1792 г. для роялистовъ, какъ

„отравителей общественнаго мнѣнія“, по выраженію парижскаго общиннаго совѣта: де Розу, редакторъ „Cazette de Paris“, даже былъ приговоренъ къ смертной казни, а типографія „Ami du Roi“ была отдана жирондистскому публицисту Горсà (Corsas), издававшему „Courrier des départements“, но въ мартѣ 1793 г. его типографія была разрушена сторонниками якобинцевъ. Та же печальная судьба запрещеній и преслѣдованій постигла послѣ 31 мая 1793 г. вообще всѣ газеты жирондистовъ, а затѣмъ и „Vieux Cordelier“ Демулена (дантониста) или „Journal de Paris“ поэта Андрея Шенье. Наконецъ послѣ 9 термидора и якобинскія газеты подверглись подобной же участи. Сначала все это дѣлалось безъ всякаго закона, но 29 марта 1793 г. былъ изданъ декретъ, объявлявшій смертную казнь за призывъ къ убійству, нарушенію правъ собственности и возстановленію монархіи. Конституціи 1793 г. и III провозгласили свободу печати, но истиннымъ выразителемъ мнѣній тогдашняго общества по этому вопросу были не составители декларацій правъ, а Шабо, бывшій капуцинъ, который говорилъ, что свобода печати была нужна лишь для установленія свободы, но что затѣмъ роль ея кончилась, ибо свобода прессы могла бы, пожалуй, повредить самой свободѣ. Не было также при террорѣ и свободы мѣстной жизни, несмотря на полную децентрализацію, введенную конституантой и въ принципѣ поддержанную конвентомъ. Противъ деспотизма парижскаго муниципалитета (коммуны) совершались возстанія въ другихъ городахъ и департаментахъ [1]), но самое простое стремленіе къ пользованію мѣстной свободой разсматривалось, какъ „федерализмъ“, за который, какъ извѣстно, немало пострадали жирондисты.

Разсматривая вообще дѣятельность конвента, было бы одностороннимъ (въ томъ или другомъ направленіи) сводить всю его исторію къ борьбѣ его партій, къ организаціи имъ національной защиты, къ его деспотизму, къ террористическимъ мѣрамъ и т. п. Не всѣ якобинцы или ихъ союзники выдвигали на первый планъ клубную агитацію и политическія интриги въ конвентѣ: между членами послѣдняго были и дѣловые люди, хорошіе работники, энергично трудившіеся въ комитетахъ, хотя и бывшіе мало замѣтными (кромѣ Карно, „организатора побѣды“) на поприщѣ публичной жизни. Особенно напряженную дѣятельность развивали лица, завѣдовавшія арміей (Карно), снабженіемъ какъ арміи, такъ и флота всѣмъ необходимымъ (Пріёръ, Жанъ Бонъ С. Андре), народнымъ продовольствіемъ (Ленде), финансами (Камбонъ), народнымъ просвѣщеніемъ (Лаканаль), и т. п.: ихъ преданности дѣлу, ихъ предусмотрительности, ихъ энергіи Франція была многимъ обязана въ трудную пору своей жизни. Дѣловые люди, хорошіе работники были и между кон-

---

[1]) См. выше, стр. 608—609.

вентскими коммиссарами въ департаментахъ, и противъ данныхъ несомнѣнно свидѣтельствующихъ о томъ, что очень многіе изъ нихъ запятнали себя насиліями, жестокостями и грабежами [1]), можно выставить рядъ данныхъ, указывающихъ и на чисто дѣловую и полезную работу этихъ „коммандированныхъ представителей народа" [2]). Кромѣ того, въ конвентѣ шла работа законодательнаго характера съ весьма важными результатами. Въ то самое время, какъ всѣ суды въ эпоху террора превратились въ произвольныя орудія тиранніи, да и самъ конвентъ деспотически кассировалъ непонравившіяся ему судебныя рѣшенія, издавались новые законы, касавшіеся семейнаго, имущественнаго и наслѣдственнаго права; многіе изъ нихъ, правда, не удержались при послѣдующихъ режимахъ, но нѣкоторые вообще вмѣстѣ съ законами конституанты и легислативы вошли потомъ въ составъ гражданскаго кодекса. Послѣдняго просили еще наказы 1789 г., но первый проектъ кодекса былъ представленъ только конвенту Камбасересомъ 9 августа 1793 г., хотя честь завершенія этой работы принадлежитъ эпохѣ консульства. Подобнаго рода предпріятія мы уже встрѣчали въ эпоху „просвѣщеннаго абсолютизма" [3]), но тогдашнія кодификаціи уступаютъ французской [4]). Камбонъ, завѣдовавшій финансами, также улучшилъ эту важную сторону государственной жизни. Въ конвентѣ, далѣе, существовалъ особый комитетъ народнаго просвѣщенія, въ числѣ членовъ коего весьма видную роль игралъ послѣ Кондорсе, дѣйствовавшаго еще въ легислативѣ, знаменитый Лаканаль. Уже наказы 1789 г. выражали извѣстныя желанія относительно народнаго образованія [5]). Первыя два собранія, хотя и занимались этимъ вопросомъ, но ничего почти не сдѣлали, тогда какъ конвентъ, члены коего ставили заботу народнаго образованія въ число обязанностей государства въ жирондистской и якобинской декларація хъ [6]), весьма много занимался народнымъ просвѣщеніемъ, по

---

[1]) См. III томъ „Революціи" Тэна и особое соч. Валлона (стр. 576) объ этомъ предметѣ.

[2]) См. изданіе Aulard'а, указанное на стр. 576.

[3]) См. выше, стр. 363 и слѣд.

[4]) Sevin. Etudes sur les origines révolutionnaires des codes Napoléon. См. также въ IV томѣ.

[5]) Allain. Cahier des états généraux relatifs à l'instruction publique. Отмѣчаемъ и вообще литературу предмета: A. Babeau. L'école de village pendant la révolution.—Hippeau. L'instruction primaire pendant la révolution.—A. Duruy. L'instruction publique et la révolution.—Despois (ср. стр. 576). Le vandalisme révolutionnaire, fondations littéraires, scientifiqnes et artistiques de la convention.—Guillaume. Procés verbaux du comité d'instruction publique de l'Assemblée legislative.

[6]) См. выше, стр. 615. Не даромъ авторомъ первой былъ Кондорсе, еще легислативѣ представившій общій планъ организаціи народнаго образованія.

которому ему представлено было нѣсколько проектовъ. Къ сожалѣнію, и здѣсь дѣло не обошлось безъ колебаній, тѣмъ болѣе, что сразу было трудно выполнить великую задачу. Сначала въ силу декретовъ 30 вандемьера и 29 фримера II года (21 окт. и 19 дек. 1793 г.) принятъ былъ принципъ для всѣхъ обязательнаго и дарового образованія, но декретомъ 3брюмера IV года (25 октября 1795 г.) онъ отмѣнилъ прежнее распоряженіе. По общему плану въ каждомъ департаментѣ должна была существовать средняя школа, въ которой отводилось широкое мѣсто математикѣ, естествознанію, исторіи и философіи. Для высшаго образованія, для науки и искусства конвентъ создалъ нормальную школу (9 брюмера III года, т.-е. 30 окт. 1794 г.) для приготовленія преподавателей, въ которой заняли каѳедры крупные ученые (Лангранжъ, Лапласъ, Монжъ, Гаюй, Бертолле) и литераторы (Вольней, Бернарденъ де С. Пьеръ, Лагарпъ), создалъ далѣе центральную школу публичныхъ работъ (позднѣе политехническая школа), спеціальную школу восточныхъ языковъ, бюро долготъ, консерваторію искусствъ и ремеслъ, луврскій музей, національную библіотеку, національные архивы, музей французскихъ древностей, національную консерваторію музыки, артиллерійскій музей, художественныя выставки, не говоря о томъ, что были реформированы и старыя учрежденія. Во главѣ всѣхъ этихъ установленій былъ поставленъ Національный институтъ, въ которомъ были слиты воедино реорганизованныя академіи, бывшія раньше, по выраженію Мирабо, школами сервилизма и лжи. (1795). Конвентъ напрасно обвиняли въ революціонномъ вандализмѣ: создавая музей національныхъ древностей, онъ прямо даже запретилъ портить памятники старины подъ предлогомъ уничтоженія знаковъ феодализма и королевской власти. Если среди якобинцевъ и были люди, думавшіе, что республикѣ не нужно ученыхъ, то въ общемъ конвентъ держался мнѣнія Лаканаля, одного изъ своихъ членовъ, сдѣлавшагося предсѣдателемъ комитета народнаго просвѣщенія: „невѣжественный народъ не можетъ быть свободнымъ“. Конвентъ впервые узаконилъ и право литературной собственности („право генія“, по выраженію Лаканаля, 19 іюля 1793 г.), прежде бывшее королевской привилегіей.

Конвенту не мало было хлопотъ съ благотворительностью и продовольствіемъ голодающихъ, что особенно вызывалось тяжелыми обстоятельствами эпохи. Особыя заботы конвента о неимущихъ дали нѣкоторымъ поводъ *противопоставить эпоху 1793 г., какъ время реформъ соціальныхъ, эпохѣ 1789 г., какъ времени реформъ исключительно политическихъ*. Нѣтъ ничего неосновательнѣе такого раздѣленія: и конституанта, и конвентъ одинаково были заняты разрѣшеніемъ обѣихъ категорій вопросовъ. Можно даже сказать, что главная соціальная реформа была произведена учредительнымъ со-

браніемъ, и что конвентъ ни въ чемъ не передѣлалъ, да и не пытался передѣлать соціальный строй, возникшій въ 1789—1791 гг. на развалинахъ стараго порядка, только довершивъ своимъ декретомъ 17 іюля 1793 г. [1]) начатое конституантой уничтоженіе феодальныхъ правъ. Односторонніе критики революціи ставили ей въ вину и то, будто она ограничилась однѣми лишь политическими реформами, не тронувъ соціальнаго строя, и то, будто она слишкомъ далеко ушла впередъ въ реформахъ соціальнаго характера, не сдѣлавъ ничего существеннаго въ политической области, но самое это противорѣчіе возможно лишь благодаря тому, что вообще исторія 1789—1799 гг. не была ни исключительно политическою, ни исключительно же соціальною. Одно только вѣрно, что въ 1793 г.—да и то болѣе теоретически только—обострился вопросъ соціальный, откуда еще далеко до утвержденія, будто мыслью конвента было произвести какую-то соціальную революцію въ томъ смыслѣ въ какомъ это слово употребляется въ XIX вѣкѣ [2]). Хотя мы уже коснулись [3]) этого вопроса раньше, но теперь считаемъ нужнымъ къ нему вернуться еще разъ.

Приписываніе законодальству конвента (какъ и вообще якобинизму) соціалистическаго характера основывается на рядѣ недоразумѣній. Во-первыхъ, исходнымъ пунктомъ якобинизма была мысль чисто политическая, тогда какъ у соціалистовъ такою отправною точкою является мысль экономическая. Весь якобинизмъ заключенъ въ „Общественномъ договорѣ“ Руссо, который было бы правильнѣе называть договоромъ государственнымъ, политическимъ, а не соціальнымъ [4]): Руссо создалъ форму „братской ассоціаціи“, какъ выражается Морлей, для политической жизни, но если эта формула нашла потомъ (у Луи Блана) примѣненіе къ жизни экономической, то самъ Руссо не дѣлалъ такого примѣненія. Во-вторыхъ, многіе историки слишкомъ склонны видѣть прямой соціализмъ во всѣхъ заявленіяхъ, гдѣ сопоставляются богатство и бѣдность, неравенство имуществъ и т.-п., или въ чисто теоретическомъ отрицаніи правъ собственности, хотя-бы отсюда не дѣлалось другихъ выводовъ, кромѣ улучшенія законовъ для облегченія участи бѣдняковъ или кромѣ необходимости организаціи общественной помощи. Втретьихъ, основу соціализма составляетъ, какъ извѣстно, ученіе о непримиримости интересовъ имущихъ и неимущихъ классовъ, на точку зрѣнія каковой якобинцы вовсе не становились, и, напр.,

---

[1]) См. выше, стр. 548.

[2]) Изъ авторовъ популярныхъ исторій революціи такой взглядъ опровергаетъ, напр., Карно (см. стр. 215 и слѣд. русскаго перевода).

[3]) См. выше, стр. 580 и слѣд.

[4]) См. выше, стр. 246.

Робеспьеръ прямо говорилъ, что весь вопросъ лишь въ томъ, чтобы сдѣлать бѣдность уважаемою, вовсе не уничтожая рядомъ съ нею и богатства. Вчетвертыхъ, ни якобинцы, ни конвентъ вообще никогда не говорили о томъ, чтобы орудія производства и средства обмѣна должны были находиться въ общемъ обладаніи, или чтобы уничтожены были состоянія наемника и нанимателя, т.-е. продажа и покупка труда; среди членовъ клуба и собранія были даже такіе, которые скорѣе могли опасаться, какъ-бы безъ стимула нужды рабочій человѣкъ не облѣнился; что-же касается до коммунизма, имѣвшаго больше чисто отвлеченный характеръ, то его идея распространялась лишь на одну поземельную собственность. Вшестыхъ, въ основу соціализма легло ученіе о необходимости обобществленія труда (travail sociétaire С. Симона), тогда какъ якобинцы и конвентъ были не менѣе, чѣмъ конституанта, враждебно настроены ко всякаго рода ассоціаціямъ причемъ имѣлось въ виду не только несоотвѣтствіе корпоративнаго интереса съ общимъ благомъ [1]), но и то, что государство будетъ доставлять работу нуждающимся или оказывать помощь престарѣлымъ и больнымъ и тѣмъ самымъ дѣлать ненужными кассы взаимопомощи, которыя могли-бы возникнуть при ассоціаціяхъ [2]). Наконецъ, уже въ силу простого смѣшенія понятій [3]), дѣятельность революціоннаго правительства представляется соціалистическою и въ тѣхъ случаяхъ, когда, напр., это правительство регулировало рыночныя цѣны на припасы, запрещало оптовую ихъ закупку хранѣніе ихъ въ большихъ складахъ, установляло maximum цѣны на хлѣбъ или принимало репрессивныя или террористическія мѣры противъ собственниковъ, враждебныхъ революціи.

Въ частности конвенту приписывается вражда къ принципу частной собственности, якобы заимствованная имъ у Руссо и другихъ демократическихъ писателей. Но вѣрно-ли это? Въ извѣстномъ мѣстѣ своего разсужденія о неравенствѣ [4]) Руссо какъ-будто и въ самомъ дѣлѣ вооружается противъ права собственности, но въ дѣйствительности онъ нигдѣ не говоритъ о томъ, чтобы въ гражданскомъ состояніи возможна была отмѣна этого права. Мало того: въ этомъ-же разсужденіи, объяснивъ возникновеніе собственности захватомъ, онъ самъ покидаетъ эту мысль и становится на точку зрѣнія Локка [5]), выводившаго право собствен-

---

[1]) См. выше, стр. 539.

[2]) Такое соображеніе высказывалось между прочимъ при обсужденіи закона 14 іюня 1791 г.

[3]) См. выше, стр. 586, прим.

[4]) Мѣсто приведено нами выше, на стр. 202—203. Для послѣдующаго см. также стр. 278 и слѣд. нашей книги о фр. крест. въ XVIII в.

[5]) Т. II, стр. 614. Впрочемъ, Руссо колебался, становясь и на точку зрѣнія Гоббза.

ности изъ труда, а въ одномъ изъ примѣчаній прибавляетъ, что „строгое равенство естественнаго состоянія неосуществимо (praticable) въ гражданскомъ обществѣ". Въ статьѣ своей о политической экономіи Руссо даже называетъ собственность однимъ изъ самыхъ священныхъ правъ гражданина, такъ какъ она обезпечиваетъ сохраненіе жизни [1]. Самою цѣлью общественнаго довора ставится у него обезпеченіе не только личности, но и имущества [2]. У Руссо на первомъ планѣ политика, а не экономія, какъ и у Мабли, поскольку послѣдній былъ представителемъ коммунистическихъ идей, опять-таки главное дѣло не въ экономіи, а въ морали: Мабли порицаетъ частную собственность, какъ источникъ себялюбія, вреднаго въ моральномъ отношеніи [3]. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мабли самымъ рѣшительнымъ образомъ заявляетъ, что нужно ужъ терпѣть послѣдствія сдѣланной „глупости", ибо никакая людская сила не могла бы вернуть насъ къ естественному состоянію. Точно также и Бриссо, въ сущности только повторявшій идеи Руссо и Мабли, въ своихъ „Изслѣдованіяхъ о правѣ собственности и кражи" [4] исходилъ изъ юридическихъ, а не экономическихъ соображеній и прямо говорилъ, что его разсужденіе не относится къ гражданскому обществу. Бриссо самъ участвовалъ въ революціи, но стоялъ въ рядахъ партіи, которую никто не обвинялъ въ нападеніи на собственность. Переходя къ якобинцамъ, можно положительно сказать, что Робеспьеръ никогда не призвалъ къ упраздненію частной собственности: онъ стоялъ на точкѣ зрѣнія Руссо и самое большее, что допускалось имъ, это—содержаніе бѣдныхъ на счетъ богатыхъ; но это, какъ мы видѣли [5], было не только принципомъ якобинизма, выраженнымъ въ одной изъ статей деклараціи 1793 г., но и принципомъ жирондистовъ, и въ концѣ-концовъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло только со стремленіемъ установленія во Франціи той практики общественнаго презрѣнія бѣдныхъ, какая утвердилась въ Англіи въ силу законовъ о бѣдныхъ еще при королевѣ Елизаветѣ, т.-е. болѣе, чѣмъ за двѣсти лѣтъ до французской революціи [6]. На той-же точкѣ зрѣнія стоялъ даже Маратъ, написавшій на основаніи идей Руссо памфлетъ, озаглавленный „Проектъ уголовнаго законодательства", гдѣ онъ говоритъ, во-первыхъ, что въ обществѣ не должно быть людей, лишенныхъ необходимаго, а потому нужно помогать бѣднымъ, впрочемъ, не даромъ кормя бездѣльниковъ, а устраивая національныя мастерскія (англійскіе рабочіе дома въ сущности)

---

[1]) См. выше, стр. 246.
[2]) См. выше, стр. 207.
[3]) См. выше, стр. 247.
[4]) См. выше, стр. 151 и 246.
[5]) См. выше, стр. 615.
[6]) Т. II, стр. 425—426.

для неимущихъ, и вовторыхъ, что нужно смягчить уголовные законы противъ кражи, ибо между цѣною золота и цѣною жизни нѣтъ ничего общаго, т.-е. Маратъ становится здѣсь на точку зрѣнія Бриссо. Въ эпоху французской революціи образовалась еще „секта равныхъ“ (la secte des égaux), къ которой принадлежали Бабёфъ и Антонелль и которые позднѣе устроили заговоръ, извѣстный подъ названіемъ conjuration des égaux [1]): они оба были послѣдователями Руссо и Мабли и дѣлали изъ ихъ взглядовъ коммунистическіе выводы, но болѣе теоретическаго свойства, практически же они желали, чтобы у каждаго было необходимое и ни у кого не было излишняго. Особенно чисто теоретическимъ характеромъ отличается коммунизмъ Антонелля: въ своихъ „Orateur plébéien“ и „Journal des hommes libres“ онъ, воздавая хвалу общенію имуществъ въ теоріи, замѣчаетъ, напр., что никогда нельзя исторгнуть изъ жизни старыхъ народовъ слишкомъ глубоко пустившее въ нее свои корни „роковое учрежденіе“ собственности, и что вовсе не слѣдуетъ сейчасъ же вотировать ея отмѣну. Впрочемъ, и Бабефъ въ своемъ „Tribun du peuple“ неразъ заявлялъ, что цѣлью его вовсе не является проведеніе, какъ онъ выражался, аграрнаго закона. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ изъ коммунистическихъ разсужденій, какія можно найти и у другихъ публицистовъ эпохи, дѣлался тотъ практическій выводъ, что право частной собственности должно быть ограничено. На этой именно точкѣ зрѣнія стоялъ и самъ Робеспьеръ, составившій (въ 1792 г.) свою декларацію правъ, гдѣ признавалось гарантированное закономъ право собственности и вмѣстѣ съ тѣмъ это право ограничивалось (le droit de propriété est borné), какъ и всѣ другія права, обязанностью уважать чужое право. Или напр., аб. Фоше заявлялъ прямо, что передѣлъ земель сразу невозможенъ, но что законодательство постепенно (doucement) могло бы привести къ болѣе равномѣрному распредѣленію собственности. „Всякій человѣкъ, говоритъ онъ, имѣетъ право на все для него необходимое“, и „право каждаго частнаго лица на его поземельную собственность всегда подчинено праву общества (communauté) надъ всѣми“. Въ концѣ-концовъ принципъ частной собственности при всемъ теоретическомъ коммунизмѣ, къ какому склонны были и далеко не всѣ, и не одни якобинцы, стоялъ твердо и въ законодательствѣ конвента и въ общественномъ сознаніи, но онъ требовалъ разныхъ ограниченій во имя общественнаго интереса. Даже самые ревностные защитники права собственности, какими были физіократы, и тѣ не останавливались передъ нарушеніемъ этого права во имя общественнаго интереса, когда ради

---

[1]) Литература указана ниже, на стр. 633.

успѣховъ сельскаго хозяйства и промышленности они возставали противъ феодальныхъ правъ и цеховыхъ привилегій, составлявшихъ извѣстные виды собственности сеньеровъ и мастеровъ. Тѣмъ не менѣе остается вѣрнымъ, что въ идеяхъ всей революціи вообще (но не одного конвента) мы видимъ зародышъ той постановки соціальнаго вопроса, какую онъ получилъ въ XIX вѣкѣ.

Конвенту приписывается далѣе изобрѣтеніе „права на трудъ"; но и это невѣрно, ибо еще Монтескье,—въ данномъ случаѣ, вѣроятно, находившійся подъ вліяніемъ англійской системы общественнаго призрѣнія бѣдныхъ (которой желалъ въ сущности и Маратъ),—высказалъ мысль, по которой государство не должно ограничиваться раздачей милостыни, а обязано приходить на помощь къ нуждающимся, не имѣющимъ въ данное время работы, для предупрежденія народнаго бѣдствія или даже народнаго возстанія. Затѣмъ и Тюрго говорилъ объ этомъ въ томъ же самомъ смыслѣ. Ему даже удалось въ бытность свою лиможскимъ интендантомъ [1]) организовать принудительную помощь пострадавшимъ отъ неурожая, бывшаго въ Лимузенѣ, для организаціи общественныхъ работъ (ateliers de charité), а потомъ въ роли министра онъ добился ассигнованія особой суммы для устройства благотворительныхъ мастерскихъ во всей Франціи, чтобы оказывать помощь бѣднымъ посредствомъ доставки имъ возможности трудиться. Мало того: въ эдиктѣ, отмѣнявшемъ цехи [2]), Тюрго прямо употребляетъ выраженіе „право трудиться" (droit de travailler), объявляя это право „собственностью каждаго человѣка", а „эту собственность—первою, самою священною и самою неотъемлемою изъ всѣхъ", и тутъ же онъ выставляетъ тотъ принципъ, что „государь (souverain) долженъ особенно заботиться объ этомъ классѣ общества, у котораго нѣтъ иной собственности, кромѣ труда и промысловъ" (industrie), т.-е. Тюрго не только освобождалъ личный трудъ отъ цеховыхъ стѣсненій но находилъ еще нужнымъ, чтобы государство и общество приходили на помощь людямъ, нуждающимся именно въ трудѣ. Вопросъ, который такимъ способомъ рѣшался Тюрго, давно уже имѣлъ во Франціи практическое значеніе въ виду страшнаго развитія нищенства, озабочивавшаго и правительство, и общество, и публицистику и до 1789 г., озабочивавшаго въ 1789 г. составителей cahiers и авторовъ политическихъ брошюръ, озабочивавшаго, наконецъ, и первыя два національныя собранія,—и между прочимъ рѣшался теоретически въ смыслѣ устройства „благотворительныхъ мастерскихъ" (ateliers de charité) на общественный счетъ, дабы лица, бѣдствующія отъ безработицы, могли найти занятіе и

[1]) См. выше. стр. 425.
[2]) См. выше, стр. 435.

средства къ пропитанію, для образованія же необходимыхъ при этомъ средствъ предлагался налогъ въ пользу бѣдныхъ (taxe des pauvres), и рекомендовалось учрежденіе особыхъ бюро благотворительности (bureau de charité). Можно даже сказать, что и въ данномъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, наказы и брошюры повторяли только идеи Тюрго, который, по словамъ Кондорсе, написавшаго его біографію, главнымъ образомъ и вызвалъ общее стремленіе къ реформѣ благотворительности. Между тѣмъ и Тюрго, и Кондорсе были физіократы, а это значитъ, что, во-первыхъ, они защищали права собственности и интересы собственниковъ [1]), а во-вторыхъ, стояли на точкѣ зрѣнія теоріи, которая не только не признавала непримиримости интересовъ имущихъ и неимущихъ классовъ, лежащей въ основѣ соціалистическаго ученія, но даже, наоборотъ, доказывала тождественность интересовъ и даже во имя именно общественнаго блага, создаваемаго лучшей системою сельскаго хозяйства, требовала превращенія мелкихъ хозяевъ въ безземельныхъ рабочихъ на крупныхъ фермахъ [2]). Бонсерфъ, авторъ брошюры о „Неудобствѣ феодальныхъ правъ", написанной по внушенію Тюрго [3]), тоже высказывалъ въ особой брошюрѣ (De la nécessité et des moyens d'occuper avantageusement tous les gros ouvriers) мысль такого рода: каждый имѣетъ право на существованіе, соединенное съ обязанностью трудиться, общество же должно помогать своимъ членамъ пользоваться этимъ правомъ и исполнять эту обязанность, разъ тѣ или другіе члены общества сами этого не могутъ сдѣлать. Что Бонсерфъ въ данномъ случаѣ не былъ исключительнымъ защитникомъ рабочаго класса, какъ имѣющаго интересы, противоположные съ классомъ собственниковъ, можно видѣть изъ его заботы (такой же какъ у Монтескье) о томъ, чтобы бѣдные, не имѣющіе работы, не сдѣлались опасными, особенно соединившись въ какое-либо сообщество. Во всякомъ случаѣ, и здѣсь жизнь начинала ставить новые вопросы и опять-таки участвовалъ въ ихъ разрѣшеніи не одинъ конвентъ.

Въ эпоху конвента вопросъ о распродажѣ національныхъ имуществъ продолжалъ также стоять на очереди. Мы уже видѣли [4]), что учредительное собраніе въ данномъ случаѣ не обнаружило особенной заботливости о томъ, чтобы облегчить покупку земли крестьянамъ мелкими участками. Для комитета, которому поручено было это дѣло, на первомъ планѣ стояли при этой операціи интересы казны, тѣмъ болѣе, что здѣсь

---

[1]) См. выше, стр. 244 и 428.
[2]) См. выше, стр. 257—258.
[3]) См. выше, стр. 431.
[4]) См. выше, стр. 549 и 554.

господствовалъ физіократическій взглядъ, неблагопріятный мелкому землевладѣнію и крестьянскому хозяйству [1]). Комитетъ, занимавшійся вопросомъ (comité de mendicité, организованный въ 1790 г.), тоже колебался между такимъ взглядомъ и тою мыслью, что надѣлъ бѣдныхъ землею былъ бы хорошимъ средствомъ прекратить нищенство. Между прочимъ въ обществѣ существовало опасеніе, какъ бы при развитіи мелкой собственности не пострадали интересы крупной, и этотъ взглядъ высказывался въ самомъ конвентѣ. Когда здѣсь одинъ депутатъ (Fayau) заявилъ, что народъ не извлекъ выгоды изъ отчужденія національныхъ имуществъ, прибавивъ къ этому, что „безъ благосостоянія и свобода непрочна" (là où le bonheur n'est pas, la liberté chancelle), то другой депутатъ (Lozeau) возразилъ ему, что еслибы каждый обрабатывалъ собственное поле или собственный виноградникъ, торговля, ремесла и промышленность скоро погибли бы. Того же мнѣнія держались нѣкоторые конвентскіе коммиссары въ провинціяхъ. Вообще вопросъ этотъ вызвалъ весьма обширную брошюрную литературу, часто рекомендовавшую образованіе мелкой собственности, но въ ней почти совсѣмъ не замѣтно соціалистическихъ и коммунистическихъ тенденцій [3]). Возражали авторамъ такихъ брошюръ другіе публицисты, доказывавшіе необходимость крупной собственности и свободныхъ рукъ для ея обработки. Къ эпохѣ конвента вопросъ этотъ получалъ все большее и большее значеніе чисто практическаго свойства. Долговременное революціонное броженіе усиливало бѣдность въ деревняхъ, и крестьяне или уходили въ армію, или отправлялись въ города, гдѣ положеніе низшихъ классовъ населенія было не лучше. Въ народной массѣ, все больше и больше развивалось стремленіе къ пріобрѣтенію земли, что не могло не подѣйствовать на демократическихъ дѣятелей революціи, тѣмъ болѣе, что въ этомъ смыслѣ составлялись и крестьянскія петиціи. Якобинцы видѣли въ распродажѣ національныхъ имуществъ политическое средство—привязать народъ къ конституціи [4]), а также средство улучшить финансы, къ чему прибавлялось еще соображеніе и о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи имуществъ, но оно не было главнымъ соображеніемъ и вообще отличалось нѣкоторою неопредѣленностью. Одинъ весьма популярный среди якобинцевъ пам-

---

[1]) См. выше, стр. 257—258.

[2]) Von socialistisch-kommunistischen Tendenzen ist in fast keiner die Rede, und wo irgend eine Schrift derartiges zu äussern scheint, da begnügt sie sich mit einer so allgemeinen Fassung, das man sie als einen ernsthaften Reformvorschlag nicht anerkennen kann, говоритъ (на стр. 45—46) проф. Минцесъ, о книгѣ котораго см. выше, стр. 554.

[3]) С.-Жюстъ говорилъ, что онъ не вѣритъ въ упроченіе свободы, пока будетъ существовать возможность подымать несчастныхъ (les malheureux) противъ новаго порядка вещей.

флетъ, появившійся еще въ 1790 г. [1]) прямо ставилъ вопросъ такимъ образомъ: нація лишь тогда можетъ облегчить бѣднымъ пріобрѣтеніе ея имуществъ, когда успѣетъ расплатиться со своими долгами. Но особенно для насъ важно то, что среди якобинцевъ было не мало лицъ, купившихъ себѣ зѐмли, и что они не обнаруживали ни малѣйшей склонности съ кѣмъ-либо ими дѣлиться. Въ одномъ современномъ памфлетѣ противъ якобинцевъ (Le club des jacobins) отъ имени народа высказывалась даже жалоба, что революція принесла выгоду (a été heureuse) только якобинцамъ, и что народъ всегда будетъ ни во что не ставиться. Подобно тому, какъ въ XVI в. особенно рьяными протестантами дѣлались покупщики бывшей монастырской и церковной собственности, такъ въ эпоху революціи нерѣдко записывались въ „народныя общества“ якобинцевъ именно такія лица, которыя пріобрѣли покупкою землю изъ національныхъ имуществъ [2]). Нерѣдко между покупщиками имѣній и крестьянами, державшими въ арендѣ отдѣльные участки, происходили даже столкновенія, вслѣдствіе чего значительно усилились въ это время аграрныя преступленія. Народная масса принимала подчасъ такое даже грозное положеніе, что окончательно пріобрѣтатели національныхъ имуществъ успокоились лишь подъ сильною властью Наполеона. Въ общемъ конвентъ нисколько не измѣнилъ способа отчужденія національныхъ имуществъ, сохраненіе коихъ за собою сдѣлалось однимъ изъ стремленій буржуазіи за все послѣдующее время. Въ этомъ отношеніи революція конца XVIII в., удивительно напоминаетъ, напр., секуляризацію монастырской собственности въ Англіи въ серединѣ XVI в., когда члены парламента, попользовавшіеся изъ бывшихъ монастырскихъ земель, готовы были согласиться на возстановленіе католицизма, но ни подъ какимъ видомъ не давали согласія на реставрацію монастырской собственности [3]): тогда это было дворянство (лорды и джентри), теперь—буржуазія. Немудрено, что конституція III года (статьей 374) взяла подъ свою охрану („comme garantie de la foi publique“) законныхъ покупщиковъ (acquéreurs) національныхъ имуществъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе. Всѣ послѣдующія конституціи (консульская VIII года, императорская XII года и хартія 1814 г.) гарантировали то же право. Такимъ образомъ когда якобинцы защищали распродажу національ-

---

[1]) Opinion de M. de Polverel sur l'aliénation et l'emploi des biens nationaux.

[2]) На это указывали еще Мишле и Анри Мартенъ (Histoire de France depuis 1789).

[3]) Т. II, стр. 219. При этомъ лорды заявили, что у нихъ есть мечи, коими они будутъ защищать свое право. Скорѣе міръ будетъ опрокинутъ чѣмъ мы отдадимъ назадъ наши имѣнія, говорили якобинцы.

ныхъ имуществъ, нерѣдко они далеко не были при этомъ сторонниками идеи о надѣлѣ собственностью народной массы. Когда, однако, политическіе радикалы стали слишкомъ задѣвать и новыхъ собственниковъ, послѣдніе даже стали отворачиваться отъ якобинизма, что было однимъ изъ источниковъ реакціи, наступившей послѣ 9 термидора. Нужно еще замѣтить, что сами бывшіе привилегированные нерѣдко возбуждали въ это время крестьянскую массу противъ буржуазіи.

Другимъ важнымъ актомъ конвента, касающимся аграрныхъ отношеній, было изданіе закона о раздѣлѣ общинныхъ земель, т.-е. такихъ угодій, которыя находились въ совмѣстномъ владѣніи всѣхъ жителей одной или нѣсколькихъ общинъ или же одной какой-либо части общины [1]). Еще легислатива декретировала 14 авг. 1792 г. эту мѣру по отношенію ко всѣмъ общиннымъ угодьямъ, кромѣ лѣсовъ, причемъ дѣлала этотъ раздѣлъ обязательнымъ. Конвентъ своимъ декретомъ 10 іюня 1793 г. объявлялъ раздѣлъ лишь факультативнымъ: вопросъ о раздѣлѣ (притомъ поголовномъ) долженъ былъ рѣшаться лицами обоего пола, имѣющими право на участіе въ немъ и достигшими 21 года,—и „если одна треть голосовъ будетъ за раздѣлъ, то раздѣлъ и будетъ рѣшенъ“ (притомъ уже безповоротно). Декретъ разрѣшалъ и отчужденіе или отдачу въ аренду общинныхъ земель, какъ позволялъ продолжать ими пользоваться и сообща, деньги же отъ продажи или арендная плата должны были дѣлиться поровну, а не употребляться какимъ-либо инымъ способомъ. Дѣлежъ производился медленно, да и продажа шла туго, и мѣра особаго значенія не имѣла. Любопытно, наконецъ, что въ конвентѣ были еще голоса, требовавшіе присоединенія общинныхъ земель прямо къ національнымъ имуществамъ: это, конечно, значило бы уже просто экспропріировать крестьянъ.

Послѣ всего этого нельзя сказать, чтобы конвентъ сдѣлалъ какую-либо попытку измѣнить тотъ общественный строй, который былъ результатомъ первыхъ двухъ лѣтъ революціи и дѣятельности учредительнаго собранія. Еще менѣе что-либо подобное можно сказать о законодательствѣ временъ директоріи. Все различіе между первымъ и вторымъ періодомъ революціи [2]) было такимъ образомъ преимущественно политическимъ.

Въ заключеніе мы сдѣлаемъ лишь краткій очеркъ эпохи директоріи.

---

[1]) Т. I, гл. XIII—XVI и выше, стр. 104.
[2]) См. выше, стр. 478.

LXII. Внѣшнія побѣды и внутреннее безсиліе Франціи въ эпоху директоріи [1]).

Общій взглядъ на эпоху директоріи.—Общія причины побѣды Франціи въ международной борьбѣ.—Французскія побѣды послѣ 1793 года. — Революціонная пропаганда въ сосѣднихъ странахъ. — Нарушенія конституціи III года. — Отсутствіе внутренней свободы.—Гракхъ Бабефъ.—Jeunesse dorée.—Общественное настроеніе.—Генералъ Бонапартъ и 18 брюмера.—Заключеніе.

Общій характеръ исторіи Франціи при директоріи можетъ быть опредѣленъ словами: эпоха внѣшнихъ побѣдъ и внутренняго безсилія. Сама конституція III года не дала Франціи прочной организаціи [2]) и скоро стала нарушаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ, съ одной стороны, дѣлались попытки воскресить только-что пережитую эпоху, завершившуюся переворотомъ 9 термидора, съ другой же, начавшаяся реакція стала принимать роялистическій характеръ. Всѣ тѣ, которые не желали ни возвращенія якобинской диктатуры, ни возстановленія старыхъ политическихъ и соціальныхъ порядковъ, рухнувшихъ въ 1789 г.,—а таковъ былъ наиболѣе вліятельный общественный классъ, буржуазія,—прежде всего нуждались въ прочномъ порядкѣ и въ сильномъ правительствѣ,—въ порядкѣ, который дѣлалъ бы невозможнымъ возобновленіе якобинскаго деспотизма, въ правительствѣ, которое исключало бы возможность повторенія анархіи. Между тѣмъ порядокъ или не устанавливался, или для его установленія приходилось прибѣгать къ нелегальнымъ средствамъ государственныхъ переворотовъ; терроръ снова возвращался; правительство оказывалось внутри раздѣленнымъ, а якобинскіе и роялистическіе происки не прекращались. Это было

---

[1]) D'Hericault. La révolution de thermidor. — Thibaudeau. Histoire de la Convention et du Directoire.—Barante. Histoire du Directoire.—De Goncourt. La société française pendant le Directoire. — Thureau-Dangin. Royalistes et républicains (здѣсь важна первая часть: La question de monarchie ou de republique du 9 thermidor au 18 brumaire).—Victor Pierre. La terreur sous le Directoire.—Для внѣшней политики, кромѣ того, что указано на стр. 568, см. F. Masson. Le département des affaires étrangères pendant la révolution.— Marc Dufraisse. Histoire du droit de paix et de guerre de 1789 à 1815.—О волонтерахъ и революціонныхъ арміяхъ см., кромѣ указанныхъ выше (стр. 569 соч. Rousset, Fr. Mège, Michelet, Chassin, Jung, Ch. Comte (исторія національной гвардіи), Rambaud (Les Français sur le Rhin), Galli (L'armée française en Egypte) и др. Біографію Наполеона, его характеристику и разсказъ о 18 брюмера, равно какъ указанія на литературу о Наполеонѣ, оставляемъ до IV тома Тамъ же литература по исторіи вліянія французской революціи на Европу.

[2]) См. выше, стр. 622.

какое-то внутреннее разложеніе, при которомъ общество вдобавокъ страдало своего рода апатіей, утомленіемъ, разочарованіемъ, въ то же время тяготясь всѣмъ этимъ и ища выхода изъ подобнаго состоянія. Все наиболѣе способное, наиболѣе талантливое, наиболѣе живое или погибло въ эпоху террора, уступивъ свое мѣсто посредственностямъ, или же на границахъ Франціи, а потомъ за ея предѣлами защищало отечество и вело революціонную пропаганду. Можно сказать, что послѣ 9 термидора главный интересъ французской исторіи сосредоточивается на внѣшней политикѣ: революція сказала послѣднее слово, остановилась, не пошла дальше, даже начала уступать мѣсто реакціи, но это было только внутри Франціи, потому что въ Европѣ, наоборотъ, революціонная Франція только входитъ въ свою роль, одерживая побѣды надъ государствами стараго порядка. На войну въ это время устремляется все, что отличалось революціоннымъ энтузіазмомъ, болѣе энергичнымъ характеромъ, жаждою дѣятельности, подвиговъ, славы, уходитъ все, что не хочетъ переносить дома нужды, ищетъ легкой наживы, шума лагерей и битвъ. На войнѣ создается дисциплинированная и организованная сила, и эта сила мало-по малу начинаетъ чувствовать и сознавать себя, какъ нѣчто отдѣльное и самостоятельное. Скоро „слава" и „добыча" дѣлаются лозунгомъ этой арміи, вмѣсто „отечества" и „свободы". Если еще раньше строились планы, опираясь на армію, совершать государственные перевороты, то ни старому двору, ни Буйлье, ни Лафайету, ни Дюмурье не удавалось даже начать осуществленіе своихъ замысловъ [1]): войско, чувствовавшее живую связь съ народомъ, за ними не шло, да и сопротивленіе такимъ попыткамъ было бы оказано сильное. Теперь все стало измѣняться: армія проникласъ инымъ духомъ, а страна обезсилѣла. Мало того: правители Франціи сами стали вмѣшивать высшихъ офицеровъ и солдатъ во внутреннюю политику, опираясь на ихъ помощь въ своихъ интригахъ и переворотахъ. За неудачей опыта съ конституціонной монархіей послѣдовала неудача опыта съ республикой, впереди оставалась только военная диктатура. Когда явился человѣкъ, съумѣвшій направить силу арміи противъ конституціонныхъ учрежденій страны, когда въ этомъ человѣкѣ извѣстные общественные элементы увидѣли спасителя внутренняго порядка отъ дальнѣйшей революціи и спасителя пріобрѣтеній революціи отъ реставраціи стараго режима, диктатура эта и была основана, и если Францію она лишила политической свободы, то по отношенію къ Европѣ она получила, наоборотъ, значеніе дальнѣйшей организаціи революціоннаго правительства для борьбы съ старыми политическими и соціальными формами. Въ сущности уста-

---

[1]) См. выше, стр. 574 и 604.

новленіе этой диктатуры *было какъ бы завоеваніемъ дезорганизованной Франціи гражданской организованною Франціею военною.*

Франція, объявившая въ 1792 г. войну Австріи, къ коей присоединилась Пруссія, и вызвавшая противъ себя въ 1793 г. большую коалицію, спаслась отъ нашествія, благодаря, какъ извѣстно, не одному патріотическому своему порыву и энергіи революціоннаго правительства, не однимъ своимъ арміямъ и способнымъ генераламъ, но и вслѣдствіе того, что старая Европа, вступившая въ борьбу съ Франціей, была дезорганизована. Когда французы вступали въ Савойю, въ западную Германію, въ Бельгію, они находили поддержку въ мѣстномъ населеніи, видѣвшемъ въ нихъ избавителей отъ старыхъ политическихъ и соціальныхъ порядковъ [1]): революціонная пропаганда составляла силу Франціи. Съ другой стороны, коалиція, выступившая на защиту монархическаго принципа, состояла изъ элементовъ, имѣвшихъ свои особые виды, не довѣрявшихъ другъ другу или находившихся между собою въ соперничествѣ, готовыхъ при удобномъ случаѣ принести въ жертву принципъ, ради коего составилась коалиція, тѣмъ или другимъ своимъ интересамъ. Далѣе, отъ французскихъ дѣлъ Европа, а въ частности Австрія и Пруссія, начавшія войну, отвлекались дѣлами польскими, т.-е. обѣ державы опасались всѣ свои силы двинуть на западъ, чтобы не потерять на востокѣ своей доли въ добычѣ: припомнимъ, что въ 1788 г. и въ Польшѣ началась новая эпоха (четырехлѣтній сеймъ), что въ 1791 г. произошла революція 3 мая, направленная противъ Россіи, что въ 1792 г. Россія вела войну съ Рѣчью Посполитой, что въ 1793 г. совершился второй раздѣлъ Польши, что въ 1794 г. вспыхнуло возстаніе Костюшки, что въ 1795 г. остатокъ Рѣчи Посполитой и совсѣмъ подѣлили между собою Россія, Австрія и Пруссія.

Уже было указано на то [2]), что осенью 1793 г. Франція освободилась отъ опасности внѣшняго нашествія. Австрія и Пруссія, боявшіяся, что Россія одна захватитъ остатокъ Польши, готовы были даже вступить въ переговоры съ Робеспьеромъ, еслибы ему удалось организовать прочное правительство, тѣмъ болѣе, что Франція снова перешла въ наступленіе и вторично завоевала Бельгію, отнятую у нея послѣ перваго завоеванія [3]), овладѣла всѣмъ лѣвымъ берегомъ Рейна отъ Голландіи до Эльзаса, за чѣмъ послѣдовало занятіе и самой Голландіи (1795), которая, принявъ декларацію правъ человѣка и гражданина, организовалась въ Батавскую республику и заключила съ Франціей союзъ, а альпійская армія французовъ готовилась уже къ вступленію въ Италію. Въ томъ же самомъ году Пруссія заключила съ Фран-

[1]) См. выше, стр. 602 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 610.

[3]) См. выше, стр. 603.

ціей миръ въ Базелѣ, уступивъ республикѣ свои владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна. Такъ какъ отъ коалиціи отстали еще Тоскана и Испанія, то она теперь начала разстроиваться, и Франція вышла изъ этой борьбы съ значительнымъ увеличеніемъ своей территоріи и пріобрѣтеніемъ союзницы въ лицѣ Батавской республики. Въ 1796 и 1797 гг. французскія арміи переходили за Рейнъ, достигали до Дуная, собирались даже идти на Вѣну. Въ то-же время генералъ Бонапартъ перешелъ черезъ Альпы (апрѣль 1796) и заставилъ сардинскаго короля (май) уступить Франціи Ниццу и Совойю и позволить ей занять нѣкоторыя изъ своихъ крѣпостей, потомъ занялъ Ломбардію (май), откинувъ австрійскую армію въ Тироль, и заставилъ герцоговъ Пармы и Модены, самого папу, а также венеціанскій и генуезскій сенаты жить въ мирѣ съ Франціей и заплатить ей денегъ. Папа, кромѣ того, долженъ былъ уступить французской республикѣ Авиньонъ и отказаться отъ Болоньи, Феррары, Анконы и всей Романьи, которыя были присоедины къ Ломбардіи, превратившейся въ республику Цизальпинскую (1797). Такъ какъ путь въ Вѣну для генерала Бонапарта былъ открытъ, то и Австрія запросила мира, который былъ ей данъ по Леобенскому договору: Австрія отказалась въ пользу Франціи отъ Бельгіи и владѣній на лѣвомъ берегу Рейна и потеряла Ломбардію. Въ аристократическихъ Венеціи и Генуѣ произошли вмѣстѣ съ тѣмъ демократическія революціи. Первая изъ этихъ республикъ перестала существовать, раздѣленная между Австріей и Цизальпинской республикой (по Кампо-Формійскому миру), причемъ Франціи достались Іоническіе острова, а Генуя превратилась въ демократическую республику Лигурійскую (1797). Эти успѣхи Франціи создавали ей вообще союзниковъ среди народовъ, недовольныхъ своимъ положеніемъ: ирландцы просили присылки флота, чтобы освободиться отъ Англіи; поляки шли во французскую службу; нѣмцы въ Майнцѣ, Кельнѣ, Трирѣ и Кобленцѣ дѣлали попытку организоваться въ республику; въ Швейцаріи подготовлялось возстаніе демократическихъ кантоновъ противъ аристократическихъ правленій; въ Пьемонтѣ, въ Римѣ, въ Неаполѣ среднее сословіе тоже собиралось низвергнуть свои правительства. Франція вмѣшалась скоро во внутреннія смуты папской столицы, и ея населеніемъ при помощи генерала Бертье была провозглашена республика Римская (15 февр. 1797), причемъ папа Пій VI былъ увезенъ сначала въ Пизу, потомъ въ Валансъ (въ Дофинэ). Затѣмъ послѣдовало подобное же вмѣшательство въ Швейцаріи, которая обратилась въ демократическую и единую и нераздѣльную республику Гельветическую (12 апрѣля 1798). Пока Бонапартъ отправился въ египетскую экспедицію (для борьбы съ Англіей на пути въ Индію), противъ Франціи составилась новая коалиція, къ коей примкнули Россія, Турція,

Неаполь и Сардинія. Временные успѣхи неаполитанскихъ войскъ смѣнились полнымъ пораженіемъ, и Неаполь превратился въ республику Партенопейскую (23 января 1799). Такимъ образомъ *Францiя въ короткое время создала или преобразовала нѣсколько республикъ*: Батавскую, Гельветическую, Цизальпинскую, Лигурійскую, Римскую, Партенопейскую. Только побѣды Суворова вырвали изъ рукъ французовъ Италію, что отразилось на общественномъ мнѣніи Франціи крайне неблагопріятно по отношенію къ директоріи. Итальянскимъ пораженіямъ противопоставляли побѣды Бонапарта въ Египтѣ и Сиріи, хотя побѣды были еще одержаны и въ Швейцаріи, и въ Голландіи, коихъ коалиціи не удалось отторгнуть отъ Франціи.

Идея революціонной пропаганды, какъ извѣстно [1]), принадлежала жирондистамъ. Въ 1791 г. учредительное собраніе торжественно отказалось отъ завоевательныхъ войнъ и отъ покушеній на свободу другихъ народовъ, а конвентъ декретомъ 19 ноября 1792 г. объявилъ что Францiя будетъ оказывать братскую помощь всѣмъ народамъ, которые захотятъ добиться свободы. Война, которую начала въ въ этомъ году Францiя, и получила характеръ революціонной пропаганды правъ человѣка и гражданина. Когда, однако, Франціи пришлось защищать собственныя границы, она временно отказалась отъ пропаганды, и конституція 1793 г., объявивъ, что Францiя есть другъ и естественный союзникъ свободныхъ народовъ, прибавляла, что ни она не будетъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, ни сама не допуститъ вмѣшательства въ свои [2]). Директорія возвратилась къ политикѣ пропаганды, окруживъ Францію цѣлымъ рядомъ новыхъ республикъ. Кромѣ того, въ это время Францiя расширила свою собственную территорію до „естественныхъ границъ“ старой Галліи (Рейнъ и Альпы), причемъ, однако, считала въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужнымъ сдѣлать это лишь съ согласія жителей присоединяемыхъ странъ по примѣру народнаго голосованія авиньонцевъ въ 1791 г. Высокіе принципы національной независимости, невмѣшательства въ чужія дѣла, братства народовъ, собственнаго согласія занятыхъ странъ на присоединеніе—уступили съ теченіемъ времени старой политикѣ, и въ эпоху директоріи начались тѣ страшныя реквизиціи и военныя контрибуціи, которыя такъ широко были развиты уже генераломъ Бонапартомъ, превратившимъ революціонную пропаганду для націи въ войну ради завоеваній и европейской гегемоніи, а для арміи въ войну ради славы и добычи.

Внутреннее состояніе Франціи далеко не соотвѣтствовало внѣшнему блеску ея завоеваній въ періодъ отъ 1795 по 1799 годы. Въ

---

[1]) См. выше, стр. 566 и слѣд.
[2]) См. выше, стр. 617.

конституціи III года были немаловажные недостатки, заключавшіеся въ томъ, что она не давала никакого легальнаго исхода на случай конфликта конституціонныхъ властей [1]). Результатомъ этого были нарушенія конституціи, дважды совершенныя директоріей противъ совѣтовъ и одинъ разъ совѣтомъ противъ директоріи, причемъ при первомъ и третьемъ случаяхъ и внутри директоріи происходили раздоры, а кромѣ того и самое паденіе конституціи (18 брюмера) сдѣлалось возможнымъ, лишь благодаря заговору двухъ директоровъ противъ своихъ товарищей и противъ обоихъ совѣтовъ.

Въ законодательныхъ палатахъ въ силу закона, о которомъ было сказано въ своемъ мѣстѣ [2]), двѣ трети членовъ были изъ членовъ конвента, именно изъ бывшихъ жирондистовъ и болѣе умѣренныхъ монтаньяровъ, одинаково не желавшихъ ни реставраціи монархіи, ни возвращенія террора, большею частью подававшихъ голоса за казнь Людовика XVI и, кромѣ того, сдѣлавшихъ пріобрѣтенія при распродажѣ національныхъ имуществъ. Зато между остальной третью членовъ было нѣкоторое количество роялистовъ или конституціонныхъ монархистовъ, которые, однако, все-таки были слишкомъ немногочислены для того, чтобы оказывать какое-либо вліяніе на дѣла. Между тѣмъ начиналось повсемѣстное успокоеніе страстей и между прочимъ страстей религіозныхъ, благодаря свободѣ культовъ, а также началось оживленіе сельскаго хозяйства, промышленности и торговли. Вмѣстѣ съ ослабленіемъ прежней энергіи въ представителяхъ новой Франціи какъ бы воскресала Франція „стараго порядка", возвращались эмигранты и неприсяжные священники, распространявшіе манифесты „Людовика XVIII", пропагандировавшіе съ мѣстными роялистами, агитировавшіе на выборахъ. Въ 1797 г. на выборахъ прошло даже около 250 роялистовъ, которые тотчасъ же открыли свой клубъ (Clichy) и получали вѣсъ въ совѣтахъ, а одинъ изъ нихъ (Бартелеми) занялъ мѣсто вышедшаго изъ директоріи по жребію Летурнера, такъ что встревоженные конституціонные монархисты сблизились съ республиканцами и основали общій клубъ (Salm). Въ 1797 г. въ совѣтахъ было уже роялистическое большинство, которое предприняло рядъ мѣръ, явно клонившихся къ подготовленію реставраціи, и между прочимъ стояло въ самой рѣзкой оппозиціи къ директоріи, имѣя даже въ ней за себя сторонника роялистовъ Бартелеми и шедшаго съ нимъ вмѣстѣ Карно, еще не считая двухъ министровъ (министра военнаго и внутреннихъ дѣлъ и министра полиціи). Директоръ Баррасъ далъ знать объ опасности положенія генераламъ Гошу (въ зап. армію) и Бонапарту, находившемуся въ Италіи. Завоеватель Италіи написалъ энергичное

[1]) См. выше, стр. 622.
[2]) См. выше, стр. 620.

письмо директорамъ, а помимо того, и итальянская армія послала директоріи адресъ съ угрозами роялистамъ. Съ обѣихъ сторонъ готовились къ борьбѣ. Нѣкоторые роялисты предлагали отложить дѣло до выборовъ 1798 г., но наиболѣе нетерпѣливые хотѣли дѣйствовать безъ промедленія. Директорія рѣшилась тогда на весьма крутую мѣру. Присланный Бонапартомъ генералъ Ожеро (Augereau) арестовалъ главныхъ роялистическихъ депутатовъ; директорія созвала республиканское меньшинство обоихъ совѣтовъ, которое по предложенію правительства санкціонировало уничтоженіе выборовъ въ 53 департаментахъ, введеніе чрезвычайныхъ судовъ для подавленія роялистическихъ возстаній („бѣлаго террора“), ссылку 42 членовъ совѣта пятисотъ и 12 старѣйшихъ, а съ ними и двухъ директоровъ, равно какъ редакторовъ монархическихъ газетъ, съ чѣмъ вмѣстѣ отмѣнялась на годъ свобода печати, возобновлялись прежніе суровые законы противъ эмигрантовъ и неприсяжныхъ священниковъ и т. п. Этотъ переворотъ, извѣстный подъ названіемъ 18 фрюктидора, нанесъ ударъ возрожденію роялизма, находившагося въ сношеніяхъ съ эмиграціей и коалиціей, но вмѣстѣ съ этимъ усилилъ противоположную партію крайнихъ „патріотовъ“, что вызвало со стороны директоріи предложеніе совѣтамъ кассировать и часть выборовъ 1798 г. и замѣнить ихъ другими: этотъ новый переворотъ получилъ названіе 22 флореаля (11 мая). Умѣренные республиканцы снова получили тогда перевѣсъ. Но оба совѣта были не особенно довольны директоріей и помогли двумъ директорамъ (Баррасу и Сіэсу) устранить трехъ другихъ, замѣнивъ ихъ новыми (Роже-Дюко, Гойе и Муленомъ). Этотъ новый переворотъ извѣстенъ подъ названіемъ 30 преріаля (18 іюля 1799). Все это указывало на крайнюю ненормальность тогдашней политической жизни. Правительство само же нарушало конституцію и, кромѣ того, принимало экстренныя мѣры, грозившія возвращеніемъ террора. Между прочимъ конституція III года сильно ограничивала право публичныхъ собраній, а термидорскій законъ V года стремился и совсѣмъ ихъ запретить. Свобода печати, провозглашенная конституціей, также стѣснялась. Уже законъ 27 жерминаля (16 апр. 1796 г.), направленный противъ роялистовъ и якобинцевъ, прямо грозилъ смертною казнью или ссылкою за предложеніе возстановить королевскую власть или конституцію 1793 г. Такъ какъ присяжные оправдывали журналистовъ, обвинявшихся по этому закону, то правительство вступило прямо на путь административныхъ мѣръ. 18 фрюктидора изъ 70 парижскихъ газетъ было запрещено 54, а ихъ издатели и редакторы были сосланы, и на цѣлый годъ періодическая пресса была отдана подъ полицейскій надзоръ. Дѣло на томъ, однако, не остановилось, и за уничтоженіемъ сразу болѣе, чѣмъ пятидесяти газетъ, послѣдовали новыя распоряженія такого же рода. Совѣты пятисотъ и старѣйшинъ давали согласіе на подобныя

мѣры и между прочимъ вотировали законъ, устанавливавшій штемпельный налогъ съ каждаго нумера газетъ (19 фрюктидора), но не хотѣли издать общаго закона о печати. Съ своей стороны полиція разгоняла палочными ударами разнощиковъ газетъ, сколько-нибудь неправившихся директоріи. Бо̀льшею свободою пользовался при директоріи неприсяжный культъ. Любопытно, что даже при роялистическомъ составѣ обоихъ совѣтовъ въ нихъ господствовало еще вольтеріанское настроеніе относительно религіи: въ 1797 г. совѣтъ пятисотъ отвергъ, напр., предложеніе одного депутата разрѣшить снова колокольный звонъ. Интересна также и еще разъ сдѣланная попытка установленія гражданской религіи въ духѣ деизма Руссо: въ 1792 г. возникла секта „теофилантроповъ" (или теоандрофиловъ), къ которой относился благосклонно одинъ изъ директоровъ (Ларевейльеръ-Лепо), допустившій ихъ совершать свой культъ Верховнаго Существа въ соборѣ парижской Богоматери вмѣстѣ съ католическимъ богослуженіемъ. Послѣ 18 фрюктидора, впрочемъ, гоненія на духовныхъ усилились, и всякій священникъ могъ быть по усмотрѣнію правительства отправленъ въ ссылку. Населеніе, однако, все болѣе и болѣе оставляло присяжныхъ священниковъ и возвращалось къ прежнему культу. Вообще господствовавшему тогда оффиціальному направленію болѣе *приходилось бороться съ реакціей, чѣмъ съ продолженіемъ революціи*. Если, однако, боязнь правительства передъ повтореніемъ 13 вандемьера заставила его рѣшиться на 18 фрюктидора и также при помощи военной силы, то директоріи грозило повтореніе—въ новой только формѣ—и жерминаля, когда парижскій пролетаріатъ требовалъ „хлѣба и конституціи 1793 года", равнымъ образомъ вызвавшее съ стороны директоріи экстренныя мѣры: это былъ такъ называемый „заговоръ равныхъ" (conjuration des égaux), во главѣ коего стоялъ Гракхъ Бабёфъ [1]).

Въ исторіи коммунизма имя „Гракха" (собственно Франсуа-Ноэля) Бабёфа и „бабувизма" получило весьма громкую извѣстность. Бабёфъ принадлежалъ къ числу теоретиковъ коммунизма, проповѣдовавшихъ свои воззрѣнія въ прессѣ: у него былъ свой органъ „Le tribun du peuple", а кромѣ того онъ со своими сторонниками устроилъ особый клубъ (Club de Panthéon или des égaux). Движеніе бабувистовъ имѣло связь съ якобинизмомъ, ибо „равные" хотѣли прежде всего (какъ и жерминальскіе инсургенты) возстановленія конституціи 1793 г. и объявили себя послѣдователями Робеспьера. Директорія закрыла ихъ

[1]) Ср. выше, стр. 620 и 582. Кромѣ общихъ трудовъ по исторіи революціи и по исторіи эпохи, а также по исторіи коммунизма, см. Ed. Fleury. Biographie de Baboeuf. — Ph. Buonarotti. Gracchus Baboeuf et la conjuration des égaux.—Victor Advielles. Histoire de Gracchus Baboeuf et du Babouvisme.

клубъ, и тогда „равные“ начали тайную агитацію, чтобы подготовить возстаніе, навербовавъ въ короткое время до 17 тысячъ сторонниковъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ террористовъ организовали тогда же „инсуррекціонный комитетъ общественнаго спасенія“, который началъ-было пропаганду и въ арміи. Заговоръ былъ, однако, открытъ, и извѣстіе о немъ произвело сильный переполохъ среди буржуазіи, такъ какъ Бабефу приписано было намѣреніе произвести раздѣлъ земель. Въ сущности планъ не былъ коммунистическимъ въ строгомъ смыслѣ, и „аграрный законъ“ Бабефа стоялъ даже въ противорѣчіи съ его теоріей объ общеніи имуществъ: такъ сказать, практической подкладкой заговора было недовольство народа тѣмъ, что на его долю осталось слишкомъ мало изъ распроданныхъ національныхъ имуществъ. Бабефъ поплатился головою (1796) за свой заговоръ, который заставилъ буржуазію начать еще подозрительнѣе относиться къ якобинизму: между прочимъ страхъ передъ его возвращеніемъ былъ однимъ изъ условій, облегчившихъ Наполеону Бонапарту захватъ власти въ свои руки.

Вообще послѣ 9 термидора *началась во Франціи буржуазная реакція противъ революціи*, подготовившая наступленіе режима консульства и имперіи, но съ наибольшею силою проявившаяся именно въ первые годы XIX вѣка, когда крѣпкая власть перваго консула обезпечила за буржуазіей ея пріобрѣтенія отъ всякой опасности и со стороны народа, и со стороны привилегированныхъ. Поколѣніе, совершившее революцію 1789 года, сходило со сцены, а выступало на сцену новое поколѣніе въ лицѣ такъ называемой „jeunesse dorée“, которая тотчасъ же заявила себя въ общественной жизни послѣ паденія Робеспьера между прочимъ своимъ антиякобинскимъ настроеніемъ. Въ то время какъ сверстники этой молодежи сражались на разныхъ театрахъ тогдашней грандіозной борьбы, въ Парижѣ устраивались „балы жертвъ“, на которыхъ танцовали въ траурѣ и могли присутствовать только лица, потерявшія кого-либо изъ родственниковъ во время террора: на этихъ же балахъ принято было кланяться быстрымъ движеніемъ головы, какъ бы падающей подъ ударомъ гильотины.

Можно было бы собрать массу фактовъ, свидѣтельствующихъ объ этой реакціи противъ якобинизма, подъ которою таилось начало реакціи противъ самой революціи среди общественныхъ классовъ, принимавшихъ участіе въ движеніи и даже наиболѣе отъ него выигравшихъ, таились зародыши реакціи противъ всего XVIII в., проявившейся съ наибольшею силою послѣ паденія Наполеона [1]). Въ нижеслѣдующемъ будетъ собрано нѣсколько данныхъ для характеристики общественнаго

---

[1]) См. подробнѣе въ IV томѣ. Относящаяся къ предмету литература будетъ приведена тамъ же.

настроенія во Франціи во второй половинѣ девятидесятыхъ годовъ, т.-е. послѣ паденія Робеспьера.

Вскорѣ послѣ 9 термидора была составлена и сдѣлалась весьма популярной въ нѣкоторыхъ кругахъ общества новая пѣсня, которою многіе не прочь были замѣнить марсельезу. Называлась она „Пробужденіе народа“ (Reveil du peuple) и заключала въ себѣ, напр., такія слова, направленныя противъ якобинцевъ: „Народъ французскій! народъ братьевъ! неужели ты можешь смотрѣть, не содрагаясь отъ ужаса, какъ преступленіе поднимаетъ знамя рѣзни и террора? Потерпишь-ли ты, чтобы лютая орда убійцъ и разбойниковъ оскверняла своимъ свирѣпымъ дыханіемъ землю живыхъ людей?... Да, мы клянемся на вашей могилѣ именемъ нашей несчастной страны, что устроимъ одну гекатомбу изъ этихъ ужасныхъ людоѣдовъ!“ Особыя надежды возлагала умѣренная партія на молодое поколѣніе. Одинъ изъ дѣятелей буржуазной реакціи Фреронъ написалъ, напр., такое воззваніе къ французской молодежи: Доколѣ тѣ, которые обладаютъ знаніями и богатствами, будутъ довольствоваться тѣмъ, чтобы оглашать воздухъ однѣми безполезными жалобами? Доколѣ будутъ они свободѣ и общественной безопасности платить дань напрасными вздохами, да жалостливыми слезами только? Или вы годны лишь на то, чтобы наслаждаться удовольствіями жизни, предаваться изнѣженности, говорить только о достоинствахъ актеровъ и поваровъ, о преимуществахъ такого-то пѣвца, такого-то портного? Или для васъ тяжело оружіе?... Неужели вы дозволите перебить себя, какъ барановъ? Неужели вы допустите, чтобы удавили вашихъ отцовъ, вашихъ женъ, вашихъ дѣтей? Нѣтъ, вы не стерпите, чтобы восторжествовала ненавистная партія! Вы закрыли клубъ якобинцевъ. Вы сдѣлаете больше: вы должны ихъ уничтожить“! На почвѣ этой реакціи умѣренная партія, поддерживаемая буржуазіей, готова была даже соединиться съ роялистами, которые казались посговорчивѣе. Причину этого явленія хорошо вообще объясняетъ намъ Бенжаменъ Констанъ въ сочиненіи своемъ „Des réactions politiques“ (1797): „французская революція, говоритъ онъ, разрушивъ сначала привилегіи, направилась затѣмъ противъ собственности и этимъ самымъ вышла за предѣлы господствовавшихъ понятій. Противъ нея ополчились заинтересованные общественные классы и въ своемъ испугѣ уже не довольствовались противодѣйствіемъ увлеченіямъ и крайностямъ; они попятились еще дальше и стали во враждебное отношеніе ко всему кругу воззрѣній, связанныхъ съ революціей. Такія реакціи порождаются естественною склонностью человѣка распространять свое сожалѣніе на всю обстановку тѣхъ предметовъ, о которыхъ собственно онъ сожалѣетъ... Напуганные событіями люди предполагаютъ, что для того, чтобы успокоиться и стать на ноги, они должны поднять все то, что

въ прежнее время ихъ окружало, и даже то, что надъ ними тяготѣло: давленіе сверху считается залогомъ безопасности. И вотъ куда ни взглянешь, повсюду воскресаютъ старые предразсудки, которые, казалось, давно были уничтожены. Ихъ поддерживаютъ, приплетая къ нимъ мотивы: обсуждая вопросы законодательства, напоминаютъ увлеченія анархіи; нападаютъ на извѣстный законъ изъ-за его автора или изъ-за его даты; обвиняютъ отвлеченныя теоріи, ссылаясь на злодѣянія, которыя не имѣютъ съ ними ничего бщаго, кромѣ единовременности; откапываютъ давно забытые софизмы въ защиту старинныхъ заблужденій. Скептики и атеисты, въ былое время щеголявшіе вольнодумствомъ и снискавшіе себѣ нѣкогда популярность своимъ дерзкимъ отрицаніемъ, ударились теперь въ католическую мистику и съ азартомъ проповѣдуютъ религіозную нетерпимость". Таковъ былъ переворотъ въ общественномъ настроеніи. Любопытно познакомить и съ тѣмъ, что особенно читалось въ это время. Самою популярною газетою сдѣлался "Journal des Débats", а въ немъ печатали, напр., такія вещи: „Революціонные разбойники были особенно пропитаны моралью и правилами Вольтера; это былъ ихъ глава, ихъ апостолъ; они были его министры; они исполняли самое дорогое и самое пламенное его желаніе, en écrasant l'infâme. Извѣстно, что всѣ чудовища, которыя безчестили и раздирали Францію, ставили себѣ въ заслугу быть философами и учениками Вольтера... Подъ философіей XVIII вѣка, говорится въ другомъ мѣстѣ, я разумѣю все, что ложно въ морали, въ политикѣ, въ законодательствѣ". Или вотъ что было сказано въ этой же газетѣ объ одномъ тогдашнемъ писателѣ: „во всѣхъ пунктахъ онъ выбралъ точку зрѣнія противоположную взглядамъ новѣйшей философіи и, по нашему мнѣнію, это—довольно вѣрное средство не ошибиться въ заключеніяхъ". Въ другой газетѣ, въ „Меркуріи", которая также была распространена, мы встрѣчаемъ даже идеализацію стараго режима. „Въ смутныя времена въ Англіи прекращается дѣйствіе *habeas corpus* и личная свобода преклоняется предъ общимъ интересомъ [1]). А во Франціи, кромѣ только нашихъ безпокойныхъ временъ, развѣ личная свобода подвергалась какой-либо опасности?" Авторъ статьи какъ бы совсѣмъ забылъ о lettres de cachet. По поводу выхода въ свѣтъ одного сочиненія тотъ же „Меркурій" писалъ: „Появись эта книжка лѣтъ 20 или 30 тому назадъ, ея авторъ пріобрѣлъ бы себѣ извѣстность: она была бы сожжена по приказанію парламента, о ней говорило бы все общество и къ довершенію ея успѣха автора, пожалуй, засадили бы въ Бастилію; теперь подобныя воззрѣнія потеряли интересъ, общество остается равно-

---

[1]) Не совсѣмъ вѣрное представленіе о habeas corpus'ѣ. См. Дайси. Государственное право Англіи.

душнымъ къ автору и его сочиненію". Классическій республиканизмъ сталъ тоже терять кредитъ. „Чѣмъ болѣе, писалъ Вольней, я изучалъ древность и ея хваленыя государственныя формы, тѣмъ болѣе я убѣждался, что правительство египетскихъ мамелюковъ и алжирскаго бея не отличались существенно отъ спартанскаго и римскаго, и что для столь прославленныхъ грековъ и римлянъ недостаетъ только имени гунновъ и вандаловъ, чтобы во всемъ остальномъ намъ ихъ напоминать". Замѣчательна еще одна сторона въ литературѣ второй половины девятидесятыхъ годовъ XVIII в., это — поворотъ къ религіозности, за которую хватались теперь, какъ за политическое средство, полагая, что религія необходима для обузданія народа. Когда нѣкто Дидье издалъ книгу подъ заглавіемъ „Du retour â la religion", о ней писали въ газетахъ: „гражданинъ Дидье разсматриваетъ религію лишь съ точки зрѣнія полезности ея для общества". О книгѣ Жоффре „Du culte public" тоже писали въ газетахъ такимъ образомъ: „авторъ увидѣлъ, что не въ качествѣ теолога нужно было говорить съ націей мало религіозной, что людямъ, сильно потрясеннымъ политическими переворотами, нужно было показать, что спокойствіе государствъ и здоровая политика покоятся на религіозныхъ идеяхъ, какъ на самой твердой опорѣ".

Буржуазія тѣмъ не менѣе въ концѣ-концовъ не могла соединиться съ роялистами въ прочномъ союзѣ, ибо главную силу послѣднихъ составляли эмигранты. „Общественное мнѣніе, писалъ Бенжаменъ Констанъ, представляетъ себѣ принцевъ и эмигрантовъ, какъ завзятыхъ и непримиримыхъ враговъ, отъ которыхъ, какъ отъ Робеспьера, нечего ждать ни свободы, ни безопасности, ни пощады. Ежедневныя писанія, издающіяся за границей, какъ нельзя болѣе утвердили этотъ взглядъ въ обществѣ. Нужно было самое громкое опроверженіе всѣхъ этихъ зажигательныхъ брошюрщиковъ, всѣхъ этихъ неистовыхъ разрушителей, которые въ арміи Конде, въ кабакахъ, въ клубахъ говорятъ, какъ не говорилъ Чингисханъ во главѣ двухсотъ тысячъ своихъ татаръ". Такимъ образомъ если буржуазія не соединилась съ роялистами, то потому, что за ними стояли люди, проповѣдовавшіе крестовый походъ противъ революціи, отъ которой столько выигралъ средній классъ. Монлозье, очень видный эмигрантъ, самъ писалъ, напр., по этому поводу. „Насъ убѣждаютъ, что всѣ проклинаютъ революцію, и я этому вѣрю. Но проклинать революцію и желать возстановленія стараго порядка вещей — двѣ вещи разныя. Все, чего желаетъ Франція — это сохранить теперешнія соціальныя отношенія и пріобрѣсти покой. Никто не желаетъ потерять плодовъ своихъ способностей и протекшихъ событій. Генералы не хотятъ снова сдѣлаться солдатами, судьи — приставами, мэры и президенты — простыми земледѣльцами.

и ремесленниками, покупщики нашихъ имѣній не хотятъ ихъ возвращенія".

Замѣчательно, кромѣ того, наступленіе какой-то апатіи къ государственнымъ дѣламъ въ тѣхъ общественныхъ слояхъ, которые, казалось, наиболѣе участвовали въ революціи. „Наши неудачи, говорится въ одномъ современномъ свидѣтельствѣ, и наши успѣхи не производятъ ни радости, ни безпокойства. Словно, читая исторію нашихъ битвъ, читаютъ исторію другого народа. Внутреннія перемѣны также не производятъ никакого возбужденія. Изъ любопытства спрашиваютъ другъ друга, отвѣчаютъ безъ интереса, выслушиваютъ безучастно". Директоріи изъ провинцій присылались такія донесенія: „Наши богатые земледѣльцы, которые болѣе всего выиграли отъ революціи, оказываются самыми заклятыми врагами ея формъ; если какой-либо гражданинъ, который отъ нихъ зависитъ, хотя бы въ какой-либо малости, станетъ называть ихъ citoyen, его тотчасъ же выгоняютъ изъ дома... Это позоръ цѣлаго класса, который одинъ обогатился вслѣдствіе революціи и ничего не потерялъ; республика не должна была бы ожидать, что ея избалованныя дѣти не захотятъ ее знать". „Деревенскому жителю живется хорошо. Онъ сдѣлался себялюбивъ и не хочетъ принимать участія въ общественныхъ дѣлахъ. Напротивъ, онъ смотритъ на правительство, какъ на своего врага. Всеобщее недовольство, принявшее видъ отчаянія, возбуждаетъ и всеобщее раскаяніе, что тронъ низвергнутъ". Городскому пролетаріату приписывались такія слова: „Французы созданы не для республики. Стоило ли отправить одного короля, чтобы вмѣсто него посадить пятерыхъ? Намъ нуженъ король! Лучше ужъ король, чѣмъ помирать съ голода". Всеобщее утомленіе и разочарованіе вообще болѣе всего характеризуютъ это общественное настроеніе второй половины девятидесятыхъ годовъ. Особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи письмо Порталиса къ Малле дю Пану [1]), написанное за нѣсколько недѣль до переворота 18 брюмера. „Нація слишкомъ утомлена, чтобы дать себѣ самой государя; освободитель Франціи долженъ придти съ готовымъ планомъ, который въ первое же мгновеніе былъ бы подходящимъ къ усталости, въ коей находится масса, потому что во второе мгновеніе тотчасъ выдвигаются на первый планъ честолюбцы". Такой человѣкъ „съ готовымъ планомъ" и нашелся. Вотъ что писала позднѣе г-жа Сталь, дочь Неккера, въ своихъ „Considérations sur la révolution française": „Какъ разъ 18 брюмера я возвращалась изъ Швейцаріи въ Парижъ, и когда я въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города мѣняла лошадей, мнѣ сказали, что только-что проѣхалъ директоръ Баррасъ въ свое имѣніе Гробуа, сопровождаемый

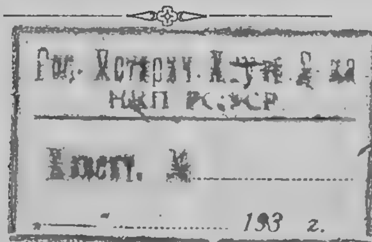
[1]) Порталисъ—политическій дѣятель эпохи (1743—1807), Малле дю Панъ—консервативный публицистъ.

жандармами. Почтари разсказывали новости дня, которымъ много жизни придавалъ народный способъ изложенія. Въ первый разъ со времени революціи на устахъ всѣхъ было собственное имя. До того времени говорили: учредительное собраніе сдѣлало то-то, народъ— то-то, конвентъ—то-то, теперь только говорили о томъ человѣкѣ, который долженъ былъ занять мѣсто всѣхъ, лишивъ родъ человѣческій его имени, захвативъ всю славу для себя одного и мѣшая пріобрѣтать ее всякому живому существу“. Здѣсь рѣчь идетъ, конечно, о Наполеонѣ, но самый фактъ, на который указываетъ г-жа Сталь, сдѣлался возможнымъ, лишь благодаря общей реакціи, апатіи, утомленію и разочарованію.

Итакъ, человѣкъ съ готовымъ планомъ нашелся и привелъ свой планъ въ исполненіе. Въ началѣ октября 1799 г., оставивъ свою армію въ Египтѣ, генералъ Бонапартъ по зову одного изъ своихъ братьевъ вернулся во Францію. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ переворотъ 30 преріаля доставилъ мѣсто въ директоріи Сіэсу, у котораго былъ тоже свой планъ новой конституціи, и Роже-Дюко, большому пріятелю семьи Бонапартовъ. Заговоръ между ними быстро созрѣлъ и былъ приведенъ въ исполненіе. 18 брюмера (9 ноября) подъ предлогомъ будто-бы открытаго якобинскаго заговора совѣтъ старѣйшинъ вотировалъ перенесеніе засѣданій съ Сенъ-Клу и назначеніе Бонапарта коммендантомъ Парижа. Сіэсъ и Роже-Дюко подали въ отставку, у Барраса отставку вынудили, Гойе и Мулена взяли подъ стражу. На другой день 19 брюмера надъ совѣтомъ пятисотъ въ Сенъ-Клу было совершено прямое насиліе—изгнаніе солдатами народныхъ представителей изъ залы засѣданія, послѣ чего для управленія Франціей было образовано временное консульство изъ Бонапарта, Сіэса и Роже-Дюко и рѣшено было выработать для страны новую конституцію (VIII года, какъ она потомъ называлась).

18 брюмера начался новый періодъ не только въ исторіи Франціи, но и въ исторіи всей Европы, которымъ и открывается XIX вѣкъ, подходящій теперь уже къ концу. Гражданинъ Бонапартъ, первый консулъ, и Наполеонъ I, императоръ французовъ, въ одно и тоже время и для современниковъ, и для потомства представлялся то какъ первый изъ контръ-революціонеровъ, то, наоборотъ, какъ продолжатель революціи, причемъ и тотъ, и другой взглядъ на него возникалъ и у враговъ, и у сторонниковъ революціи. Каждая изъ такихъ, повидимому, противорѣчивыхъ точекъ зрѣнія имѣетъ свое основаніе: если видѣть въ революціи главнымъ образомъ установленіе политической свободы, правленіе Наполеона было контръ-революціей, но если въ ней ставить на главное мѣсто разрушеніе стараго котолико-феодальнаго строя, то Наполеонъ, дѣйствительно, продолжалъ революцію, распростра-

нялъ ее на другія страны западной Европы и до извѣстной степени возобновлялъ въ нихъ политику абсолютныхъ правительствъ, дѣйствовавшихъ въ духѣ идей XVIII в. Въ имперіи Наполеона I воплотилась таже идея всемогущаго, всепоглощающаго и всеуравнивающаго государства, которая была представлена одинаково и абсолютными монархіями второй половины XVIII в., и якобинскою диктатурою 1793 года,—идея, передъ которой должны были склониться и историческое право стараго католико-феодальнаго общества, сметеннаго во Франціи бурей 1789 г., и естественное право личности, провозглашенное знаменитой декларацiей правъ человѣка и гражданина. Если, однако, французская революція и оказала непосредственное вліяніе на другія страны западной Европы, то главнымъ образомъ, именно благодаря тѣмъ переворотамъ, которые въ ней произвелъ самъ Наполеонъ. Его эпоха охватываетъ 15 лѣтъ (1799—1814) и послѣ его паденія немедленно открывается борьба, въ которой противъ имперіи Наполеона, противъ французской революціи, противъ просвѣщеннаго абсолютизма, противъ философіи XVIII вѣка приняли участіе представители католико-феодальнаго строя.—На этомъ мы и можемъ теперь остановиться въ исторіи XVIII вѣка, какъ эпохи, имѣющей опредѣленное историческое содержаніе, а потому и составляющей нѣчто цѣльное въ исторіи культурно-соціальнаго развитія народовъ западной Европы.

Имѣются въ продажѣ сочиненія того же автора:

Исторія западной Европы въ новое время. Спб. 1892—1893. Цѣна перваго тома 3 р., второго—3 р. 50 к.

Основные вопросы философіи исторіи. Спб. 1887. (Изд. 2). Часть I. Сущность и задача философіи исторіи. Часть II. Научныя основы теоріи прогресса. Цѣна за 2 части 4 р. 25 к.

Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи (часть III „Основныхъ вопросовъ"). Спб. 1890. Цѣна 4 р.

Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в. Москва. 1879. Цѣна 3 р. 50 к.

„Паденіе Польши" въ исторической литературѣ. Спб. 1889 г. Цѣна 2 р. 50 к.

То-же по польски: Upadek Polski w literaturze historycznej. Kraków. 1892.

Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 г. Варшава. 1881. Цѣна 1 р.

Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. Москва. 1886. Цѣна 1 р. 50 к.

Историческій очеркъ польскаго сейма. Москва. 1888. Цѣна 1 р.

То-же по польски: Zarys historyczny sejmu polskiego. Warszawa. 1893.

Польскія реформы XVIII в. Спб. 1890. Цѣна 1 р. 25 к.

Литературная эволюція на Западѣ (изъ теоріи и исторіи литературы). Воронежъ. 1886. Цѣна 2 р.

Историческая философія гр. Л. Н. Толстого въ „Войнѣ и Мирѣ". Спб. 1888. Цѣна 50 к.

Моимъ критикамъ. Защита книги „Основные вопросы философіи исторіи". Варшава. 1884 г. Цѣна 50 к.

Лекція о духѣ русской науки. Варшава. 1885. Цѣна 20 к.

Личное начало и роковыя силы исторіи. Спб. 1889. Цѣна 20 к.

Najnowszy zwrot w historyografji polskiej. S.-Pb. 1888. Цѣна 30 к.

Введенія въ курсы исторіи Востока (цѣна 35 коп.), **древняго міра** (изд. 2, ц. 80 коп.) **и среднихъ вѣковъ** (изд. 2, ц. 60 к.).

Вышли въ свѣтъ:

Пять томовъ „Историческаго Обозрѣнія", издаваемаго Историческимъ Обществомъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ подъ редакціей Н. И. Карѣева. Цѣна за I т. 2 р. 50 к., за остальные по 2 р. Шестой томъ печатается.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича,
Спб. Вас. Остр., 5 лин. 28.